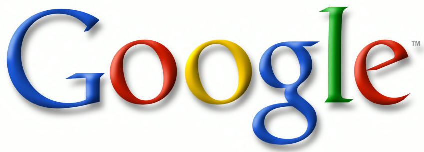
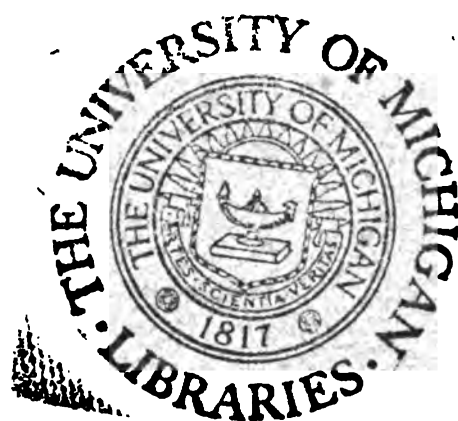




Smirnov, V. D.

В. Д. СМИРНОВЪ.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО

ПОДЪ ВЕРХОВЕНСТВОМЪ

ОТОМАНСКОЙ ПОРТЫ

ДО

НАЧАЛА XVIII ВѢКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1887.

Печатано по опредѣленію Факультета Восточныхъ Языковъ отъ 18 апрѣля 1884 года.

Деканъ *В. Васильевъ.*

Въ Университетской типографіи въ Казани.

[illegible] 1162–1227

Правители Чингиз[illegible] 172–178, 180, 201, 202, 205–207

[illegible] 147, 148, 157, 166, [illegible]

5

GR [illegible] Kubilai

Тимур

Тимур,
и от Менгу-Тимура
стр 47

13
Тимур 1535
[illegible]
1370 – 1402

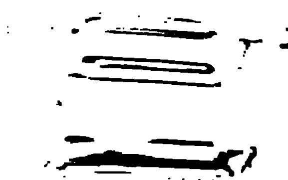
[illegible]

[illegible]

Хиджра [illegible]

Улугъ Мухаммедъ Ханъ

договоръ съ Кучюкъ...



ОГЛАВЛЕНIЕ.

Страницы.

Стр.

II. Возникновеніе Крымскаго ханства подъ властью династіи Гераевъ и утвержденіе верховенства надъ нимъ Отоманской Порты.

III. Историческія судьбы Крымскаго ханства при преемникахъ Менглы-Герай-хана I до смерти Эль-хаджъ Селимъ-Герай-хана I.

Стр.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крымскій полуостровъ, несмотря на свой малый территоріальный объемъ, столько соединяетъ въ себѣ разнообразныхъ свойствъ и условій, что судьба его съ давнихъ временъ сосредоточивала на себѣ вниманіе пытливыхъ наблюдателей съ различныхъ точекъ зрѣнія—и естественно-исторической, и политической, и этнографической. Особливо въ послѣднемъ отношеніи Крымъ составляетъ такой пунктъ, около котораго кружится цѣлый рой учоныхъ догадокъ, соображеній, гипотезъ. Въ числѣ ихъ есть такія, которымъ едва ли суждено быть когда-нибудь доведенными до степени ясныхъ и окончательныхъ положеній.

Соприкасаясь одною своею стороною съ той частью европейскаго материка, которая служила проходнымъ пунктомъ для народныхъ массъ, постепенно двигавшихся изъ Азіи въ Европу, Крымъ искони былъ какою-то впадиною, въ которой застревали отрывки этихъ массъ, разнствовавшихъ между собою и по племенному происхожденію, и по языку, и по религіи. Они, эти отрывки, иногда осѣдали въ немъ на вѣчныя времена, продолжая совмѣстно жить втеченіе вѣковъ бокъ-о-бокъ, не сливаясь другъ съ другомъ, или же образуя чрезъ взаимное соприкосновеніе этнографическую амальгаму. Нагляднымъ признакомъ такого наслоенія народностей, нѣкогда обитавшихъ въ Крыму, служитъ многоименность разныхъ географическихъ пунктовъ и нѣкоторые археологическіе памятники, уцѣлѣвшіе еще до нашихъ временъ [1]).

[1]) Изъ этихъ послѣднихъ, напримѣръ, любопытно небольшое строеніе въ деревнѣ Бакчэ-Эли, лежащей по дорогѣ изъ Карасу-Базара въ Салы, имѣнія

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крымскій полуостровъ, несмотря на свой малый территоріальный объемъ, столько соединяетъ въ себѣ разнообразныхъ свойствъ и условій, что судьба его съ давнихъ временъ сосредоточивала на себѣ вниманіе пытливыхъ наблюдателей съ различныхъ точекъ зрѣнія—и естественно-исторической, и политической, и этнографической. Особливо въ послѣднемъ отношеніи Крымъ составляетъ такой пунктъ, около котораго кружится цѣлый рой учоныхъ догадокъ, соображеній, гипотезъ. Въ числѣ ихъ есть такія, которымъ едва ли суждено быть когда-нибудь доведенными до степени ясныхъ и окончательныхъ положеній.

Соприкасаясь одною своею стороною съ той частью европейскаго материка, которая служила проходнымъ пунктомъ для народныхъ массъ, постепенно двигавшихся изъ Азіи въ Европу, Крымъ искони былъ какою-то впадиною, въ которой застревали отрывки этихъ массъ, разнствовавшихъ между собою и по племенному происхожденію, и по языку, и по религіи. Они, эти отрывки, иногда осѣдали въ немъ на вѣчныя времена, продолжая совмѣстно жить втеченіе вѣковъ бокъ-о-бокъ, несливаясь другъ съ другомъ, или же образуя чрезъ взаимное соприкосновеніе этнографическую амальгаму. Нагляднымъ признакомъ такого наслоенія народностей, нѣкогда обитавшихъ въ Крыму, служитъ многоименность разныхъ географическихъ пунктовъ и нѣкоторые археологическіе памятники, уцѣлѣвшіе еще до нашихъ временъ [1]).

[1]) Изъ этихъ послѣднихъ, напримѣръ, любопытно небольшое строеніе въ деревнѣ Бакчэ-Или, лежащей по дорогѣ изъ Карасу-Базара въ Салы, имѣніи

Открытый съ другой стороны той свободной стихіи, которая ранѣе другихъ физическихъ средствъ облегчала сношенія народовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого непроходимыми сухопутными преградами, Крымскій полуостровъ также довольно давно сталъ доступенъ пришельцамъ отдаленныхъ странъ, которыхъ заносило туда исканіе матеріальныхъ выгодъ посредствомъ торговли и завоеваній.

Въ этомъ-то любопытномъ по своему историческому прошлому и благодатномъ по своимъ физическимъ свойствамъ уголкѣ суждено было, въ числѣ прочихъ населявшихъ его народностей, играть одно время выдающуюся роль народности тюркской, имѣвшей тутъ своими представителями разныя племена свои и образовавшей особый политическій центръ, извѣстный подъ именемъ Крымскаго ханства.

8-го апрѣля 1883 года праздновалось столѣтіе утраты этимъ ханствомъ своего самостоятельнаго политическаго существованія чрезъ окончательное присоединеніе его къ Россіи. Въ эти сто лѣтъ въ Крыму не мало совершилось такого, что весьма видоизмѣнило не въ одномъ только политическомъ отношеніи характеръ полуострова: одно выселеніе татаръ и приливъ множества колонистовъ другихъ національныхъ типовъ придали новую физіономію Крыму въ отношеніяхъ населенческомъ и экономическомъ. Трудно сказать, что станется въ будущемъ съ тою горстью тюркскаго населенія, которая еще осталась теперь въ Крыму, прошлое же этого населенія не настолько было ничтожно, чтобы не заслуживало сохраненія памяти о немъ въ исторіи. Заурядъ съ остальными татарами, нѣкогда образовавшими огромное государство, извѣстное подъ име-

---

мурзы Ахмедъ-Шаха ширинскаго. Строеніе это, прежде служившее жилымъ домомъ, а теперь брошенное и обращенное въ складочный сарай для хлѣбныхъ продуктовъ, представляетъ соединеніе трехъ архитектурныхъ слоевъ. Домъ этотъ носитъ у мѣстныхъ жителей названіе Гökъ-Сарая (Синяго дворца), и про него ходятъ въ народѣ преданія и слухи легендарнаго и даже фантастическаго свойства.

немъ Золотой Орды, крымцы памятны намъ тѣмъ, что въ пору своего могущества досаждали намъ своими варварскими опустошительными набѣгами на наши окраины, сопровождавшимися уводомъ и продажею въ рабство жителей этихъ окраинъ. Но справедливость требуетъ, впрочемъ, не забывать взаимности обидъ, которыя были причиняемы татарами русскимъ и обратно: *плюндрованія* крымскихъ владѣній, которыми въ свое время хвастались наши козаки, мало въ чемъ уступали *чапуламъ* крымскихъ ордынцевъ, вторгавшихся въ русскіе предѣлы. Помимо этого, исторія показываетъ, что каждый народъ чаще бываетъ мученикъ, чѣмъ баловень судьбы своей; что одинъ народъ, творя дѣла, которыя вызывали удивленіе или досаду и завистъ въ другихъ современныхъ ему народахъ, тѣмъ самымъ тогда лишь полагалъ основаніе своей послѣдующей гибели. Вотъ почему войны, набѣги, насилія, жестокости, навлекавшія въ свое время проклятія на тѣхъ, кто ихъ совершалъ, впослѣдствіи, когда виновники страданій рода человѣческаго сойдутъ со сцены бытія, такъ же охотно созерцаются издали позднѣйшими поколѣніями въ преданіяхъ исторіи, какъ созерцаются никогда не существовавшія въ дѣйствительности, вымышленныя происшествія въ творческихъ произведеніяхъ поэзіи, какъ одинаково любопытныя для насъ явленія въ области человѣческаго духа. И въ исторіи, какъ и въ поэзіи, люди прежде всего только любуются собою, мало помышляя о практическихъ урокахъ, которые, говорятъ, составляютъ одну изъ существенныхъ полезныхъ сторонъ исторіи. Съ этой точки зрѣнія Крымское ханство представляетъ любопытный предметъ историческаго изслѣдованія не однимъ тѣмъ, что оно было въ свое время страшно для насъ своимъ воинственнымъ варварствомъ; не тѣмъ также, что оно послужило узломъ, около котораго впервые началъ очевидно запутываться нескончаемый восточный вопросъ; а и тѣмъ еще, что оно пред-

ставляетъ нѣкоторый своеобразный центръ народной жизни, имѣвшей свои интересы, свои стремленія со всею ихъ страстностью и суетою.

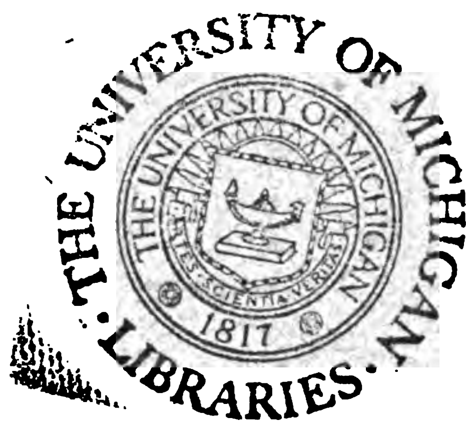
Тѣсныя соприкосновенія Крымскаго ханства съ окрестными народами—турками, русскими и поляками—оставили слѣды въ документальныхъ памятникахъ, накопившихся въ большомъ обиліи на языкахъ всѣхъ этихъ народовъ. Такое обиліе и разнообразіе этихъ памятниковъ дѣлаетъ вначалѣ невозможнымъ совокупное изученіе ихъ до предварительной разработки ихъ по частямъ. Нельзя сказать, чтобы турецкіе источники имѣли абсолютное преимущество предъ прочими богатствомъ своего содержанія, но тѣмъ не менѣе они не могутъ быть обойдены; а необщепринятость и нераспространенность турецкаго языка въ ученомъ мірѣ возлагаетъ на спеціалистовъ, посвящающихъ себя изученію этого языка, справедливую обязанность изслѣдованія и приведенія въ общую извѣстность того, что имѣется на этомъ языкѣ любопытнаго и важнаго для исторіи Крымскаго ханства, чтобы такимъ образомъ для другихъ изслѣдователей, могущихъ обнять предметъ шире, было подъ руками средство наводить, когда встрѣтится надобность, справки въ данныхъ, которыя заключаются въ памятникахъ турецкой письменности. Эта задача и должна составить сущность настоящаго труда. Настоящее изслѣдованіе не претендуетъ представить полную историческую картину Крымскаго ханства, а только сводъ тѣхъ извѣстій, которыя находятся въ турецкихъ письменныхъ источникахъ, литературныхъ и документальныхъ, и которыя могутъ или окончательно, категорически подтвердить факты, уже ранѣе констатированные наукою, но только предположительно, и безъ достаточныхъ данныхъ; или же пролить свѣтъ на явленія, доселѣ пока мало выясненныя; или же, наконецъ, обратить вниманіе на такія стороны изслѣдуемаго предмета, которыя оставались вовсе незамѣченными.

Нельзя сказать, чтобы предметъ настоящаго сочиненія раньше не подвергался обработкѣ учоныхъ изслѣдователей: на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ существуютъ опыты исторіи Крымскаго ханства, то въ видѣ спеціальныхъ сочиненій, какова, напр., Гаммера *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*. Wien. 1856; то, чаще, въ видѣ отдѣловъ въ трудахъ болѣе обширнаго содержанія, какова, напр., Говордза *History of the Mongols*. London. 1880, седьмая глава которой, стр. 448—626, содержитъ въ себѣ исторію Крымскихъ хановъ; то, наконецъ, въ видѣ добавочныхъ статей къ сочиненіямъ, сюжеты которыхъ ничего не имѣютъ общаго съ Крымскимъ ханствомъ, какъ, напр., *Notice chronologique des Khans de Crimée, par L. Langlès*, въ приложеніи къ *Voyage du Bengale à Pétersbourg*, Paris. An X (1802), t. III, pp. 325—492. Написанная сперва на французскомъ языкѣ и потомъ переведенная порусски „Исторія о Тавріи" Сестренцевича-Богуша, Спб. 1806 г., книга шестнадцатая которой (т. II, стр. 218—409) тоже посвящена изложенію исторіи „Тавріи подъ властію Монголовъ или Татаръ съ 1223 года по 1783", сколько намъ извѣстно, есть единственное систематическое сочиненіе по исторіи Крымскаго ханства на русскомъ языкѣ. Для оцѣнки относительныхъ достоинствъ вышеназванныхъ сочиненій не лишне прежде всего сослаться на отзывы, данные о нихъ другими учоными, съ которыми нельзя въ этомъ случаѣ не согласиться. Гаммеръ-Пургшталль въ своемъ рефератѣ, читанномъ имъ въ засѣданіи Вѣнской Академіи Наукъ 7 ноября 1852 г. „О напечатанныхъ въ Константинополѣ османскихъ исторіяхъ", передаетъ содержаніе только что вышедшихъ тогда въ свѣтъ двухъ первыхъ томовъ исторіи Джевдета. Говоря про статью перваго тома, трактующую объ отношеніяхъ между Высокою Портою и Крымскими ханами, онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Хотя этотъ отрывокъ и не содержитъ въ себѣ „исторіи Крыма подъ османскимъ господствомъ", которая *еще долж-*

ставляетъ нѣкоторый своеобразный центръ народной жизни, имѣвшей свои интересы, свои стремленія со всею ихъ страстностью и суетою.

Тѣсныя соприкосновенія Крымскаго ханства съ окрестными народами—турками, русскими и поляками—оставили слѣды въ документальныхъ памятникахъ, накопившихся въ большомъ обиліи на языкахъ всѣхъ этихъ народовъ. Такое обиліе и разнообразіе этихъ памятниковъ дѣлаетъ вначалѣ невозможнымъ совокупное изученіе ихъ до предварительной разработки ихъ по частямъ. Нельзя сказать, чтобы турецкіе источники имѣли абсолютное преимущество предъ прочими богатствомъ своего содержанія, но тѣмъ не менѣе они не могутъ быть обойдены; а необщепринятость и нераспространенность турецкаго языка въ учономъ мірѣ возлагаетъ на спеціалистовъ, посвящающихъ себя изученію этого языка, справедливую обязанность изслѣдованія и приведенія въ общую извѣстность того, что имѣется на этомъ языкѣ любопытнаго и важнаго для исторіи Крымскаго ханства, чтобы такимъ образомъ для другихъ изслѣдователей, могущихъ обнять предметъ шире, было подъ руками средство наводить, когда встрѣтится надобность, справки въ данныхъ, которыя заключаются въ памятникахъ турецкой письменности. Эта задача и должна составить сущность настоящаго труда. Настоящее изслѣдованіе не претендуетъ представить полную историческую картину Крымскаго ханства, а только сводъ тѣхъ извѣстій, которыя находятся въ турецкихъ письменныхъ источникахъ, литературныхъ и документальныхъ, и которыя могутъ или окончательно, категорически подтвердить факты, уже ранѣе констатированные наукою, но только предположительно, и безъ достаточныхъ данныхъ; или же пролить свѣтъ на явленія, доселѣ пока мало выясненныя; или же, наконецъ, обратить вниманіе на такія стороны изслѣдуемаго предмета, которыя оставались вовсе незамѣченными.

Нельзя сказать, чтобы предметъ настоящаго сочиненія раньше не подвергался обработкѣ учоныхъ изслѣдователей: на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ существуютъ опыты исторіи Крымскаго ханства, то въ видѣ спеціальныхъ сочиненій, какова, напр., Гаммера *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft.* Wien. 1856; то, чаще, въ видѣ отдѣловъ въ трудахъ болѣе обширнаго содержанія, какова, напр., Говордза *History of the Mongols.* London. 1880, седьмая глава которой, стр. 448—626, содержитъ въ себѣ исторію Крымскихъ хановъ; то, наконецъ, въ видѣ добавочныхъ статей къ сочиненіямъ, сюжеты которыхъ ничего не имѣютъ общаго съ Крымскимъ ханствомъ, какъ, напр., *Notice chronologique des Khans de Crimée, par L. Langlès,* въ приложеніи къ *Voyage du Bengale à Pétersbourg,* Paris. An X (1802), t. III, pp. 325—492. Написанная сперва на французскомъ языкѣ и потомъ переведенная порусски „Исторія о Тавріи" Сестренцевича-Богуша, Спб. 1806 г., книга шестнадцатая которой (т. II, стр. 218—409) тоже посвящена изложенію исторіи „Тавріи подъ властію Монголовъ или Татаръ съ 1223 года по 1783", сколько намъ извѣстно, есть единственное систематическое сочиненіе по исторіи Крымскаго ханства на русскомъ языкѣ. Для оцѣнки относительныхъ достоинствъ вышеназванныхъ сочиненій не лишне прежде всего сослаться на отзывы, данные о нихъ другими учоными, съ которыми нельзя въ этомъ случаѣ не согласиться. Гаммеръ-Пургшталль въ своемъ рефератѣ, читанномъ имъ въ засѣданіи Вѣнской Академіи Наукъ 7 ноября 1852 г. „О напечатанныхъ въ Константинополѣ османскихъ исторіяхъ", передаетъ содержаніе только что вышедшихъ тогда въ свѣтъ двухъ первыхъ томовъ исторіи Джевдета. Говоря про статью перваго тома, трактующую объ отношеніяхъ между Высокою Портою и Крымскими ханами, онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Хотя этотъ отрывокъ и не содержитъ въ себѣ „исторіи Крыма подъ османскимъ господствомъ", которая *еще долж-*



Smirnov, V. D.

В. Д. СМИРНОВЪ.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО

ПОДЪ ВЕРХОВЕНСТВОМЪ

ОТОМАНСКОЙ ПОРТЫ

ДО

НАЧАЛА XVIII ВѢКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1887.

Печатано по опредѣленію Факультета Восточныхъ Языковъ отъ 18 апрѣля 1884 года.

Деканъ *В. Васильевъ*.

Въ Университетской типографіи въ Казани.

GR [illegible]

[illegible]

[illegible] 47

[illegible]

15

[illegible]

[illegible]

1516

[illegible]

[illegible] 1.3[illegible], 47, [illegible] 15, 16 [illegible]

Т. [illegible] Крыма

Улу Мухаммед Хан

Договор с Кучюк[illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крымскій полуостровъ, несмотря на свой малый территоріальный объемъ, столько соединяетъ въ себѣ разнообразныхъ свойствъ и условій, что судьба его съ давнихъ временъ сосредоточивала на себѣ вниманіе пытливыхъ наблюдателей съ различныхъ точекъ зрѣнія—и естественно-исторической, и политической, и этнографической. Особливо въ послѣднемъ отношеніи Крымъ составляетъ такой пунктъ, около котораго кружится цѣлый рой учоныхъ догадокъ, соображеній, гипотезъ. Въ числѣ ихъ есть такія, которымъ едва ли суждено быть когда-нибудь доведенными до степени ясныхъ и окончательныхъ положеній.

Соприкасаясь одною своею стороною съ той частью европейскаго материка, которая служила проходнымъ пунктомъ для народныхъ массъ, постепенно двигавшихся изъ Азіи въ Европу, Крымъ искони былъ какою-то впадиною, въ которой застревали отрывки этихъ массъ, разнствовавшихъ между собою и по племенному происхожденію, и по языку, и по религіи. Они, эти отрывки, иногда осѣдали въ немъ на вѣчныя времена, продолжая совмѣстно жить втеченіе вѣковъ бокъ-о-бокъ, не сливаясь другъ съ другомъ, или же образуя чрезъ взаимное соприкосновеніе этнографическую амальгаму. Нагляднымъ признакомъ такого наслоенія народностей, нѣкогда обитавшихъ въ Крыму, служитъ многоименность разныхъ географическихъ пунктовъ и нѣкоторые археологическіе памятники, уцѣлѣвшіе еще до нашихъ временъ [1]).

[1]) Изъ этихъ послѣднихъ, напримѣръ, любопытно небольшое строеніе въ деревнѣ Бакчэ-Или, лежащей по дорогѣ изъ Карасу-Базара въ Салы, имѣніи

Открытый съ другой стороны той свободной стихіи, которая ранѣе другихъ физическихъ средствъ облегчала сношенія народовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого непроходимыми сухопутными преградами, Крымскій полуостровъ также довольно давно сталъ доступенъ пришельцамъ отдаленныхъ странъ, которыхъ заносило туда исканіе матеріальныхъ выгодъ посредствомъ торговли и завоеваній.

Въ этомъ-то любопытномъ по своему историческому прошлому и благодатномъ по своимъ физическимъ свойствамъ уголкѣ суждено было, въ числѣ прочихъ населявшихъ его народностей, играть одно время выдающуюся роль народности тюркской, имѣвшей тутъ своими представителями разныя племена свои и образовавшей особый политическій центръ, извѣстный подъ именемъ Крымскаго ханства.

8-го апрѣля 1883 года праздновалось столѣтіе утраты этимъ ханствомъ своего самостоятельнаго политическаго существованія чрезъ окончательное присоединеніе его къ Россіи. Въ эти сто лѣтъ въ Крыму не мало совершилось такого, что весьма видоизмѣнило не въ одномъ только политическомъ отношеніи характеръ полуострова: одно выселеніе татаръ и приливъ множества колонистовъ другихъ національныхъ типовъ придали новую физіономію Крыму въ отношеніяхъ населенческомъ и экономическомъ. Трудно сказать, что станется въ будущемъ съ тою горстью тюркскаго населенія, которая еще осталась теперь въ Крыму, прошлое же этого населенія не настолько было ничтожно, чтобы не заслуживало сохраненія памяти о немъ въ исторіи. Заурядъ съ остальными татарами, нѣкогда образовавшими огромное государство, извѣстное подъ име-

---

мурзы Ахмедъ-Шаха ширинскаго. Строеніе это, прежде служившее жилымъ домомъ, а теперь брошенное и обращенное въ складочный сарай для хлѣбныхъ продуктовъ, представляетъ соединеніе трехъ архитектурныхъ слоевъ. Домъ этотъ носитъ у мѣстныхъ жителей названіе Гöкъ-Сарая (Синяго дворца), и про него ходятъ въ народѣ преданія и слухи легендарнаго и даже фантастическаго свойства.

немъ Золотой Орды, крымцы памятны намъ тѣмъ, что въ пору своего могущества досаждали намъ своими варварскими опустошительными набѣгами на наши окраины, сопровождавшимися уводомъ и продажею въ рабство жителей этихъ окраинъ. Но справедливость требуетъ, впрочемъ, не забывать взаимности обидъ, которыя были причиняемы татарами русскимъ и обратно: *плюндрованія* крымскихъ владѣній, которыми въ свое время хвастались наши козаки, мало въ чемъ уступали *чапуламъ* крымскихъ ордынцевъ, вторгавшихся въ русскіе предѣлы. Помимо этого, исторія показываетъ, что каждый народъ чаще бываетъ мученикъ, чѣмъ баловень судьбы своей; что одинъ народъ, творя дѣла, которыя вызывали удивленіе или досаду и зависть въ другихъ современныхъ ему народахъ, тѣмъ самымъ тогда лишь полагалъ основаніе своей послѣдующей гибели. Вотъ почему войны, набѣги, насилія, жестокости, навлекавшія въ свое время проклятія на тѣхъ, кто ихъ совершалъ, впослѣдствіи, когда виновники страданій рода человѣческаго сойдутъ со сцены бытія, такъ же охотно созерцаются издали позднѣйшими поколѣніями въ преданіяхъ исторіи, какъ созерцаются никогда не существовавшія въ дѣйствительности, вымышленныя происшествія въ творческихъ произведеніяхъ поэзіи, какъ одинаково любопытныя для насъ явленія въ области человѣческаго духа. И въ исторіи, какъ и въ поэзіи, люди прежде всего только любуются собою, мало помышляя о практическихъ урокахъ, которые, говорятъ, составляютъ одну изъ существенныхъ полезныхъ сторонъ исторіи. Съ этой точки зрѣнія Крымское ханство представляетъ любопытный предметъ историческаго изслѣдованія не однимъ тѣмъ, что оно было въ свое время страшно для насъ своимъ воинственнымъ варварствомъ; не тѣмъ также, что оно послужило узломъ, около котораго впервые началъ очевидно запутываться нескончаемый восточный вопросъ; а и тѣмъ еще, что оно пред-

ставляетъ нѣкоторый своеобразный центръ народной жизни, имѣвшей свои интересы, свои стремленія со всею ихъ страстностью и суетою.

Тѣсныя соприкосновенія Крымскаго ханства съ окрестными народами—турками, русскими и поляками—оставили слѣды въ документальныхъ памятникахъ, накопившихся въ большомъ обиліи на языкахъ всѣхъ этихъ народовъ. Такое обиліе и разнообразіе этихъ памятниковъ дѣлаетъ вначалѣ невозможнымъ совокупное изученіе ихъ до предварительной разработки ихъ по частямъ. Нельзя сказать, чтобы турецкіе источники имѣли абсолютное преимущество предъ прочими богатствомъ своего содержанія, но тѣмъ не менѣе они не могутъ быть обойдены; а необщепринятость и нераспространенность турецкаго языка въ учономъ мірѣ возлагаетъ на спеціалистовъ, посвящающихъ себя изученію этого языка, справедливую обязанность изслѣдованія и приведенія въ общую извѣстность того, что имѣется на этомъ языкѣ любопытнаго и важнаго для исторіи Крымскаго ханства, чтобы такимъ образомъ для другихъ изслѣдователей, могущихъ обнять предметъ шире, было подъ руками средство наводить, когда встрѣтится надобность, справки въ данныхъ, которыя заключаются въ памятникахъ турецкой письменности. Эта задача и должна составить сущность настоящаго труда. Настоящее изслѣдованіе не претендуетъ представить полную историческую картину Крымскаго ханства, а только сводъ тѣхъ извѣстій, которыя находятся въ турецкихъ письменныхъ источникахъ, литературныхъ и документальныхъ, и которыя могутъ или окончательно, категорически подтвердить факты, уже ранѣе констатированные наукою, но только предположительно, и безъ достаточныхъ данныхъ; или же пролить свѣтъ на явленія, доселѣ пока мало выясненныя; или же, наконецъ, обратить вниманіе на такія стороны изслѣдуемаго предмета, которыя оставались вовсе незамѣченными.

Нельзя сказать, чтобы предметъ настоящаго сочиненія раньше не подвергался обработкѣ учоныхъ изслѣдователей: на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ существуютъ опыты исторіи Крымскаго ханства, то въ видѣ спеціальныхъ сочиненій, какова, напр., Гаммера *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*. Wien. 1856; то, чаще, въ видѣ отдѣловъ въ трудахъ болѣе обширнаго содержанія, какова, напр., Говордза *History of the Mongols*. London. 1880, седьмая глава которой, стр. 448—626, содержитъ въ себѣ исторію Крымскихъ хановъ; то, наконецъ, въ видѣ добавочныхъ статей къ сочиненіямъ, сюжеты которыхъ ничего не имѣютъ общаго съ Крымскимъ ханствомъ, какъ, напр., *Notice chronologique des Khans de Crimée, par L. Langlès*, въ приложеніи къ *Voyage du Bengale à Pétersbourg*, Paris. An X (1802), t. III, pp. 325—492. Написанная сперва на французскомъ языкѣ и потомъ переведенная порусски „Исторія о Тавріи" Сестренцевича-Богуша, Спб. 1806 г., книга шестнадцатая которой (т. II, стр. 218—409) тоже посвящена изложенію исторіи „Тавріи подъ властію Монголовъ или Татаръ съ 1223 года по 1783", сколько намъ извѣстно, есть единственное систематическое сочиненіе по исторіи Крымскаго ханства на русскомъ языкѣ. Для оцѣнки относительныхъ достоинствъ вышеназванныхъ сочиненій не лишне прежде всего сослаться на отзывы, данные о нихъ другими учоными, съ которыми нельзя въ этомъ случаѣ не согласиться. Гаммеръ-Пургшталль въ своемъ рефератѣ, читанномъ имъ въ засѣданіи Вѣнской Академіи Наукъ 7 ноября 1852 г. „О напечатанныхъ въ Константинополѣ османскихъ исторіяхъ", передаетъ содержаніе только что вышедшихъ тогда въ свѣтъ двухъ первыхъ томовъ исторіи Джевдета. Говоря про статью перваго тома, трактующую объ отношеніяхъ между Высокою Портою и Крымскими ханами, онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Хотя этотъ отрывокъ и не содержитъ въ себѣ „исторіи Крыма подъ османскимъ господствомъ", которая *еще долж-*

на быть написана, несмотря на Histoire de la Tauride Сестренцевича и Histoire de la Nouvelle Russie маркиза Кастеляна, но все же заключаетъ въ себѣ нѣкоторые важнѣйшіе и блестящіе пункты ея" (Sitzungsberichte der Philosoph.-histor. Classe der Kaiserl. Akademie. Wien. 1856. Band XVIII: 5). Это замѣчаніе такимъ образомъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и приговоръ надъ „Исторіею о Тавріи" Сестренцевича-Богуша, и приговоръ вполнѣ справедливый. Несмотря на то, что сочиненіе Богуша безпрестанно цитуется всѣми послѣдующими авторами, писавшими о Крымѣ, оно болѣе чѣмъ какое другое требуетъ осторожнаго къ нему отношенія: столько въ немъ неточностей, анахронизмовъ и даже, мѣстами, путаницы, какъ это будетъ видно изъ тѣхъ разъясненій и замѣтокъ, которыя мы должны будемъ сдѣлать въ соотвѣтствующихъ случаяхъ.

Когда Гаммеръ читалъ свой отзывъ о предыдущихъ историкахъ Крымскаго ханства въ родѣ Сестренцевича-Богуша, самъ онъ, вѣроятно, уже готовилъ свой собственный трудъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ восполнить пробѣлъ, столь рѣшительно указанный имъ въ 1855 году предъ сонмомъ вѣнскихъ академиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующемъ 1856 году этотъ трудъ и вышелъ подъ заглавіемъ: Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft. Aus türkischen Quellen zusammengetragen, mit der Zugabe eines Gasels Schahingerai's. Als Anhang zur Geschichte des Osmanischen Reichs. Wien. 1852. Это сочиненіе, написанное, какъ гласитъ эпиграфъ его, „Mit Wahrheit und Liebe", нашло своего цѣнителя въ нѣмецкомъ ученомъ Цинкейзенѣ, который, еще не читавши книги, уже скептически отнесся къ ея достоинствамъ. „Новѣйшее и послѣднее", говоритъ онъ, „сочиненіе Гаммера Gesch. d. Ch. d. Krim unter Osman. Herrschaft. Wien. 1856., котораго сейчасъ еще нѣтъ у меня подъ руками, кажется, какъ я усматриваю изъ нѣкоторыхъ полученныхъ мною свѣдѣній, не содержитъ въ себѣ ника-

кихъ существенныхъ обогащеній этой интересной отрасли исторіи татаръ" [1]). Строгій критикъ не перемѣнилъ своего мнѣнія и послѣ того, какъ познакомился съ книгою Гаммера. Цитуя ее довольно поздно, въ шестомъ томѣ своей *Geschichte des Osman. Reiches,* хотя уже и раньше неоднократно представлялись случаи къ упоминанію о ней, г. Цинкейзенъ выражаетъ свое недовольство ею въ ѣдкомъ замѣчаніи, что Гаммеръ „стяжалъ бы себѣ большую заслугу, если бы онъ въ заключеніе вмѣсто скучной газели татарскаго принца Шагинъ-Герая (изъ начала 18 столѣтія), передалъ по крайней мѣрѣ главнѣйшія рѣчи, которыя велись по этому предмету (т. е. по вопросу объ уступкѣ Крыма) въ Диванѣ и относящіеся сюда документы" [2]). Мы, съ своей стороны, можемъ прибавить къ этому отзыву еще слѣдующее. Трудъ Гаммера вовсе не есть приложеніе (Anhang) къ его же „Исторіи Отоманскаго Государства", а простое извлеченіе изъ нея съ незначительными добавками изъ „Гюльбуни-хананъ" Халимъ-Герая и изъ двухъ первыхъ томовъ „Тарихи-Джевдетъ", которыхъ не было на свѣтѣ, когда писалась „Исторія Отоманскаго Государства". Далѣе, изъ двадцати пяти турецкихъ источниковъ, поименованныхъ въ началѣ книги, большая часть остались нетронутыми, не будучи ни разу цитованы; другіе цитуются одними своими названіями, безъ точнаго указанія листовъ или страницъ, на которыхъ находятся излагаемые факты. Наконецъ, въ довершеніе всего, нѣкоторые факты, правильно изложенные въ „Исторіи Отоманскаго Государства", являются искаженными въ спеціальной „Исторіи Хановъ Крымскихъ".

Гаммеръ, ставя на видъ, что его исторія составлена *на основаніи турецкихъ источниковъ* (aus türkischen Quellen zusammengetragen), игнорировалъ Notice chronologique des Khans de Crimée Ланглеса, а между тѣмъ этотъ очеркъ

[1]) Zinkeisen, Gesch. d. Osman. Reiches. Gotha. 1857, V: 336, пр. 3.
[2]) Op. cit., VI: 454, пр. 1.

сочиненъ также по писателямъ турецкимъ и персидскимъ (composée principalement d'après les auteurs Turks et Persans). Правда, число этихъ авторовъ, которыми онъ пользовался, очень не велико—всего только три, и то не первостепенныхъ; но способъ пользованія ими производитъ менѣе безотрадное впечатлѣніе, нежели пріемъ Гаммера, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи гораздо большее количество источниковъ, но, не подвергая ихъ тщательной разработкѣ, зачастую довольствуется однимъ лишь упоминаніемъ тѣхъ или другихъ изъ нихъ.

Сравнительно болѣе полный очеркъ исторіи Крымскаго ханства принадлежитъ Говордзу, который съ полною добросовѣстностью исчерпалъ все, что только было ему доступнаго въ европейскихъ и восточныхъ источникахъ. Но почтенный трудъ его есть наглядное доказательство того, какъ опасно пускаться въ изслѣдованіе такой исторической области, для надлежащаго уразумѣнія которой требуются спеціальныя познанія, напримѣръ въ данномъ случаѣ знаніе восточныхъ языковъ. Не будучи оріенталистомъ, г. Говордзъ нерѣдко искажаетъ и перемѣшиваетъ собственныя имена и впадаетъ въ другія странности. Такъ, напр., извѣстный персидскій историкъ *Гаффари* у него сталъ Gassari; турецкаго историка *Мюнеджжимъ-баши* онъ называетъ „the author of the Munejimbashi“ (Op. cit., 448); вмѣсто *Масъудъ*-Герая у него является „Maksud Girai“ (Op. cit., 588); верховный везирь Али-паша *Молдаванджи* превращенъ имъ въ „Moldowanji, the residence (sic!) of the grand vizier“ (Op. cit., 594). Наконецъ, увлекшись, должно быть, заглавіемъ исторіи Крымскихъ хановъ *Гюльбуни-хананъ*, что значитъ „Розовый кустъ хановъ“, онъ называетъ сочинителя этой исторіи Халимъ-Герая „the author of the poetical (sic!) history of the Krim Khans“ (Ibidem), хотя тамъ поэтическаго не больше, чѣмъ въ сочиненіи самого г. Говордза.

Такимъ образомъ нѣкоторые турецкіе источники для

исторіи Крымскаго ханства оказываются не настолько исчерпанными, чтобы новый пересмотръ ихъ былъ безплоднымъ повтореніемъ; другіе же остались нетронутыми или обнаружились позднѣе, не бывши прежде вовсе извѣстны учоному міру.

Въ числѣ источниковъ первой категоріи должно быть названо сочиненіе крымскаго историка Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы, извѣстное подъ заглавіемъ *Ас-себъу-с-сейяръ фи ахбари мулюки татаръ*— السبع السيار فى اخبار ملوك تاتار = „Семь планетъ въ извѣстіяхъ о царяхъ татарскихъ", напечатанное еще въ 1832 году покойнымъ профессоромъ Каземъ-Бекомъ въ Казани.

О личности автора этого сочиненія извѣстно, что онъ былъ накыбу-ль-эшрафъ—نقيب الاشراف—, т. е. глава потомковъ Пророка, слѣдовательно принадлежалъ къ важнымъ персонамъ турецкаго общества столицы Отоманской имперіи. Историкъ Васыфъ-эфенди почтилъ его память некрологомъ, отмѣтивъ, что этотъ знатный по происхожденію и добродѣтельныхъ качествъ мужъ скончался въ мѣсяцѣ зи-ль-хыджэ 1069 = въ сент. 1756 года, и что онъ, изъ приверженности къ дому Чингизскому, перевелъ تاريخ غازان, въ которой онъ изящнымъ слогомъ изобразилъ судьбы Крымскихъ хановъ [1]). Есть упоминаніе о Ризѣ у позднѣйшаго турецкаго библіографа Ахмеда Ханифъ-задэ (умершаго послѣ 1180 = 1766 года), сочиненіе котораго называется *Асари-нэу*—اثار نو— [2]) и цѣликомъ напечатано Флюгелемъ въ видѣ прибавленія къ библіо-

---

[1]) Тарихи-Васыфъ. Констант. изд. 1219—1804 г., I: 83; Hammer, Gesch. d. Osm. R., VIII: 196. Подъ تاريخ غازان—«Тарихи-Газанъ» обыкновенно разумѣютъ первую часть «Джаміъу-т-тъварихъ» Рашидъ-эд-Дина (Flügel, Handschriften, II: 179), содержащую въ себѣ исторію монголовъ. Странно только, что турецкій историкъ приложилъ титулъ «Исторія Газана» ко всему сочиненію Мухаммедъ-Ризы, которое есть самостоятельный его трудъ, а не переводъ, и не далъ настоящаго заглавія его труду. [2]) Hammer, G. d. O. R., VIII: 232; Flügel, Handschriften, I: 50, № 36.

графическому словарю Хаджи-Кальфы. У Ахмеда Ханифъ-задэ значится два нравоучительныхъ трактата Ризы: одинъ подъ заглавіемъ رياض المؤمن = „Горніе вертограды вѣрующаго“ [1]), а другой — فيض انور = „Лучеизліяніе благодати“ [2]). Затѣмъ сообщается, что мевляна Ассейидъ-Мухаммедъ-Риза-эфенди Эль-Кырыми сочинилъ „Исторію дома Чингизовъ“ — تاريخ آل جنكيز — въ 1150 = 1737 г. [3]); а въ другой библіографической замѣткѣ сказано уже, что молла Шерифъ Мухаммедъ-Риза, предстоятель потомковъ Пророка въ Отоманской Державѣ, умершій въ 1166 = 1756 году, составилъ турецкій сборникъ *Ассебъу-с-сейяръ*, содержащій повѣствованія о татарахъ Крымскаго ханства [4]). Самъ Риза въ предисловіи къ своей исторіи говоритъ, что онъ довелъ ее до временъ Менглы-Герайхана II, который вторично возведенъ былъ на ханство въ 1150 = 1737 году. Такъ значится и въ печатномъ изданіи „Семи планетъ“ [5]), и въ рукописномъ кодексѣ Учебнаго Отд. М-ва И. Д., № 369, написаннаго въ 1206 = 1791 году [6]). Въ кодексѣ же Азіатскаго Музея Ак. Наукъ, № 590 іс, имѣющемъ датою конецъ шаъбана 1193 = октябрь 1779 года и близкомъ по тексту къ предыдущему, даже съ одинаковыми пропусками, есть любопытное прибавленіе въ предисловіи. Въ немъ Мухаммедъ-Риза заявляетъ, что, предпринявъ сочиненіе исторіи, онъ сперва замедлилъ-было его окончаніемъ; но случай вторичнаго назначенія Эльхаджъ Мустафы-эфенди на должность реису-ль-кюттаба заставилъ его довершить свой трудъ, чтобы посвятить и приподнести его этому просвѣщеннѣйшему государственному человѣку въ такую радостную и знаменательную въ его жизни эпоху [7]). Это обстоятельство довольно немаловажно и при опредѣленіи времени появленія сочиненія и для характеристики самого ав-

[1]) H. Khalfae, Lexicon, VI: 585, № 14755. [2]) Ibidem, VI: 621, № 14908. [3]) Ibidem, VI: 537, № 14535. [4]) Ibidem, III: 576, № 7013. [5]) Стр. 3. [6]) Л. 2 verso. [7]) Рукопись, л. 3 r., строка 5 сверху до л. 3 v., стр. 14 сверху.

тора. Упомянутый реису-ль-кюттабъ Эльхаджъ Мустафа-эфенди по прозванію Тавукчу вторично получилъ должность въ 1150 = 1737 году [1]).

Профессоръ Каземъ-Бекъ говоритъ: „Судя по чистотѣ, правильности и краснорѣчію въ слогѣ, Риза былъ Туркъ, или по крайней мѣрѣ воспитывался въ Турціи. Въ этомъ убѣждаетъ и образъ его мыслей, и безпристрастіе, съ которымъ описывалъ онъ происшествія“ [2]). Но близкое знакомство Ризы съ фактами татарско-крымской исторіи и оцѣнка этихъ фактовъ скорѣе заставляютъ думать, что онъ и по рожденію и по воспитанію былъ коренной крымецъ; а его происхожденіе, учоность и связи могли открыть ему путь къ высокому положенію въ Отоманской имперіи, подобно тому какъ бывали и другіе примѣры приглашенія учоныхъ изъ Крыма въ Турцію для занятія тамъ важныхъ служебныхъ постовъ. Пребываніе же его въ Стамбулѣ среди тамошняго учонаго общества окончательно развило въ немъ литературный вкусъ современныхъ ему турковъ. Оттого-то его исторія и отличается всѣми стилистическими прелестями турецкаго слога, но зато необыкновенная длиннота и вычурная хитросплетенность огромныхъ періодовъ, сплошь переполненныхъ метафорами, требуютъ большого вниканія и иногда неимовѣрныхъ усилій для того, чтобы добираться до заключающагося въ нихъ смысла. Примѣры на каждой страницѣ отъ начала до конца сочиненія. Литературныя указанія и замѣтки, во множествѣ разсѣянныя въ сочиненіи Мухаммедъ-Ризы [3]), свидѣтельствуютъ о широкомъ его знакомствѣ съ восточными, преимущественно турецкими, писателями, а часто встрѣчающіеся отзывы о достовѣрности или сомнительности тѣхъ или другихъ извѣстій и о достоин-

---

[1]) Тарихи-Субхи, 212; Hammer, G. d. O. R., VIII: 52 [2]) Семь планетъ, III. [3]) Напр. на страницахъ 86, 92, 110, 111—113, 134, 150, 152, 154, 156, 168, 204, 205, 208, 217, 221, 230, 260, 288, 289, 331, 334, 335, 339 и 344.

ствѣ самыхъ сочиненій доказываютъ его критическую разборчивость.

Изъ прежнихъ историковъ, сочиненіями которыхъ пользовался Риза, у него упоминаются турецкіе бытописатели Нишанджи-паша [1]) и Наъима-Челеби [2]), персидскіе—Мирхондъ [3]), Вассафъ [4]) и Севендеръ [5]); изъ арабскихъ писателей есть ссылка на автора географическаго сочиненія تقويم بلدان = „Табели странъ“ [6]), т. е. Абульфеду. Изъ произведеній отечественной литературы у него есть упоминаніе объ исторіи Крыма нѣкоего Хэйри-задэ, подъ заглавіемъ تقويم = „Табель“ [7]) о «Сборникѣ“—مجموعه—Абду-ль-Вели-эфенди, съ критическимъ отзывомъ о немъ [8]), и о „Сборникѣ происшесвій“—واقعات مجموعه سى— Масъуда-эфенди, совѣтника царевича Шегбазъ-Герая [9]), убитаго черкесами въ 1111 = 1699—1700 году [10]). Сообщаетъ Риза также нѣкоторыя интересныя біографическія свѣдѣнія объ ученомъ астрологѣ, другѣ и собесѣдникѣ хана Сахыбъ-Герая I, Кайсуни-задэ Недаи-эфенди, который за свое астрологическое искусство сталъ извѣстенъ среди татаръ подъ прозваніемъ „Реммалъ-ходжа“ [11]), но написанная имъ исторія черкесскихъ походовъ и трагической кончины его патрона Сахыбъ-Герай-хана, повидимому, была неизвѣстна автору „Семи планетъ“, потому что онъ ничего не говоритъ о ней, упоминая лишь вообще, что „мевляна, сидя въ заключеніи, написалъ разныя сочиненія“ [12]).

Воздавая похвалу литературнымъ качествамъ исторіи Сеидъ-Мухаммедъ-Ризы, проф. Каземъ-Бекъ не особенно высоко цѣнитъ ея внутреннія достоинства по содержанію. Вско-

---

[1]) Семь планетъ, 82 и 85. [2]) Ibid., 161. [3]) Ibid., 28. [4]) Ibid., 38. [5]) Ibid., 132. [6]) Ibid., 76. [7]) Ibid., 148 и 159. [8]) Ibid., 198 и 203. [9]) Ibid., 225. [10]) Ibid., 264. [11]) Ibid., 92, 93 и 97. [12]) Ibid., 93. — Въ Библіотекѣ Спб. Университета имѣется рукописный экземпляръ исторіи Реммалъ-ходжи (№ 488 по каталогу восточныхъ рукописей), безъ даты; но внѣшность рукописи позволяетъ думать, что она, пожалуй, древнѣе XVII в.

рѣ послѣ изданія текста онъ напечаталъ „Извлеченіе изъ исторіи Семи планетъ“, а именно разсказъ о вторичномъ царствованіи Мухаммедъ-Герая II въ 1654—1660 годахъ. Вотъ что г. Каземъ-Бекъ говоритъ тутъ въ своей замѣткѣ: „Сейдъ-Мухаммедъ Риза не входитъ въ подробное описаніе (сихъ) походовъ Мухаммедъ-Гирей-хана. Онъ совершенно умалчиваетъ какъ о военныхъ подвигахъ его противъ сосѣдственныхъ Державъ Христіанскихъ, такъ и о храбрыхъ его предпріятіяхъ, содѣлавшихъ часть Европы, на долгое время, театромъ кровопролитія и ужасовъ. Онъ довольствуется здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, однимъ только намекомъ, и тѣмъ подробнѣе описываетъ нѣкоторыя маловажныя происшествія, случившіяся въ Крыму. Я, съ своей стороны, считаю приличнѣе, упомянувши вкратцѣ о сихъ послѣднихъ, изложить здѣсь подробнѣе, въ хронологическомъ порядкѣ, тѣ любопытные факты, которые изображаютъ военныя дѣйствія сего Хана противъ Россіи и Польши, отысканные мною въ другихъ Авторахъ: они послужатъ объясненіемъ краткаго намѣка, сдѣланнаго нашимъ Авторомъ“ [1]). Изъ этого видно, какъ въ разное время видоизмѣняются воззрѣнія ученыхъ на предметы научныхъ изслѣдованій. Въ глазахъ г. Каземъ-Бека имѣютъ цѣну въ изданномъ имъ историческомъ памятникѣ лишь свѣдѣнія, касающіяся *военныхъ подвиговъ* и *храбрыхъ предпріятій* Крымскихъ хановъ, и онъ ставитъ Мухаммедъ-Ризѣ почти въ упрекъ, что онъ „подробнѣе описываетъ нѣкоторыя *маловажныя происшествія*, случившіяся въ самомъ Крыму“. По теперешнимъ же понятіямъ эти-то *маловажныя происшествія* и представляютъ наибольшій интересъ „Семи планетъ“, потому что, какъ *случившіяся въ самомъ Крыму*, они даютъ матеріалъ для изображенія внутренней жизни Крымскаго ханства. Вообще можно сказать, что это сочиненіе, по богатству и разнообразію своего содержанія, превосходитъ все, что только у насъ было подъ руками по

[1]) Журн. М. Н. П. за 1835 годъ, ч. VI, стр. 349.

части турецкихъ источниковъ для исторіи Крымскаго ханства; это, можно сказать, есть энциклопедическій сборникъ по части крымско-татарской старины, и потому авторъ совершенно вѣрно называетъ свое произведеніе *сборникомъ*—مجموعه [1]).

Отзывъ о сочиненіи Мухаммедъ-Ризы, данный г. Хартахаемъ въ статьѣ „Историческая судьба крымскихъ татаръ“ [2]), въ значительной степени обнаруживаетъ вліяніе на него мнѣнія г. Каземъ-Бека; а встрѣчающіяся въ немъ неточности заставляютъ предполагать, что этотъ отзывъ составленъ не на основаніи близкаго ознакомленія съ самымъ сочиненіемъ. Достаточно того, что словамъ г. Хартахая, будто бы повѣтствованіе Ризы основано „не на преданіяхъ и разсказахъ, а на письменныхъ источникахъ“, противорѣчитъ заявленіе самого Ризы, что онъ пользовался и устными преданіями [3]). Г. Хартахай задаетъ вопросъ, почему Мухаммедъ-Риза „началъ съ Менгли-Гирея, не включивъ въ свое повѣтствованіе и отца его Хаджи-Девлетъ-Гирея“, а между тѣмъ такого пропуска на дѣлѣ и не существуетъ: цѣлая статья посвящена Ризою родоначальнику династіи Гераевъ [4]). Впрочемъ статья г. Хартахая заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ фактовъ; жаль только, что въ ней иногда недостаетъ точныхъ указаній источниковъ, изъ которыхъ эти факты почерпнуты.

Важное подспорье къ „Семи планетамъ“ составляетъ рукописная исторія Крымскаго ханства на турецкомъ языкѣ, которая предоставлена была въ мое пользованіе многообязательнымъ Исмаиль-мурзою Гаспринскимъ, редакторомъ газеты „Переводчикъ“, издаваемой имъ въ Бакчэ-Сараѣ. Рукопись эта написана на толстой сѣрой бумагѣ разными почерками—несхи, таълигъ и сюлюси вперемежку, по 23 строки на страницѣ. Ни имени автора, ни переписчика, ни ясной даты нѣтъ; но, судя по внѣшнему виду, она можетъ быть отнесена къ концу прошлаго столѣтія, тѣмъ болѣе что на послѣднемъ, со-

[1]) Семь планетъ, 69. [2]) Вѣстникъ Европы за 1867 г., т. II, стр. 159. [3]) Семь планетъ, 187. [4]) Ibid., 69—73.

всѣмъ чистомъ листѣ, изъ 126 листовъ in—4°, находится посторонняя приписка, заключающая въ себѣ начальныя слова заемнаго письма какого-то Османъ-аги съ обозначеніемъ времени займа—15 шаъбана 1209 = 7 марта 1795 года. Сличеніе текста этой рукописи съ русскимъ переводомъ нѣсколькихъ статей изъ другой турецкой рукописи, сдѣланнымъ г. Негри и помѣщеннымъ въ первомъ томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, стр. 379—399, приводитъ къ заключенію о совершенномъ тожествѣ содержанія нашего кодекса съ текстомъ, бывшимъ въ рукахъ г. Негри. Переводъ сдѣланъ замѣчательно хорошо: г. Негри умѣлъ сохранить близость перевода къ тексту при чистотѣ и правильности русской рѣчи, съ придаткомъ оттѣнковъ стиля турецкаго. Жаль только, что г. Негри ограничился нѣсколькими отрывками, а не перевелъ всего текста сполна. Говоримъ это потому, что въ основаніи своемъ кодексъ есть сокращенное изложеніе „Семи планетъ“ Мухаммедъ-Ризы, на сочиненіе котораго неизвѣстный авторъ дѣлаетъ неоднократныя ссылки (напр. на листѣ 25 verso, 69 recto, 72 v., 98 r. и 101 r.); но предпочтительность этого кодекса заключается въ томъ, что пространные, переполненные нескончаемыми метафорами періоды „Семи планетъ“, сплошь и рядомъ непереводимые на русскій языкъ, въ этомъ кодексѣ замѣнены краткими и ясными по смыслу фразами, весьма легко передаваемыми порусски. Отношеніе размѣра фразъ въ этой краткой исторіи къ объему текста „Семи планетъ“ всего виднѣе на отрывкахъ параллельныхъ по содержанію мѣстъ изъ обоихъ сочиненій. Простому предложенію въ шесть словъ: پادشاهك بندهسی آخره قول اولمق محالدر, находящемуся въ краткой исторіи [1]), соотвѣтствуетъ въ „Семи планетахъ“ такой пространный періодъ: پادشاه هفت کشور و شهریار داد کستر حضرتلرینك ظل بال همت ملوکانه و سایهٔ شهر عنایت پادشاهانه‌لری شامل مفارق بندهکان اولیجق زیر شقهٔ انقیاد عصیان التوای دروغ کویانه داخل اولمق خارج حیطهٔ احتمالدر [2]).

[1]) Листъ 29 verso, строка 23. [2]) Стр. 80, строки 8—10.

Независимо отъ этого, въ кодексѣ краткой исторіи встрѣчаются факты или подробности, которыхъ не находимъ въ „Семи планетахъ“, и это придаетъ ему значеніе самостоятельнаго источника: замѣтно, что авторъ, дѣлая извлеченіе изъ „Семи планетъ“, пользовался въ нѣкоторыхъ случаяхъ и другими памятниками, которыми дополнялъ свое повѣствованіе. Въ цитатахъ мы будемъ называть эту рукопись *Краткою Исторіею*, или сокращено: *Кр. Ист.*

Для одной изъ наиболѣе выдающихся эпохъ исторіи Крымскаго ханства—конца XVII и начала XVIII в. имѣются два замѣчательныхъ турецкихъ источника, также пока въ рукописяхъ. 1) Сочиненіе Мухаммедъ-Герая, который въ своей книгѣ называетъ себя полнымъ именемъ — *Дервишъ Мухаммедъ-Герай-бенъ - Мубарекъ-Герай Чингизи* [1]) и былъ племянникъ Сеъадетъ-Герай-хана [2]). Рукопись эта, принадлежащая Вѣнской библіотекѣ (Н. О. № 86), не имѣетъ особаго заглавія, ибо находящіяся въ началѣ ея слова: تاريخ محمد كراى قره مصطفى پاشا جنكلرين سويلر برمقبول تاريخدر, очевидно, приписаны кѣмъ-нибудь другимъ, содержа въ себѣ похвальный отзывъ о ней. Внѣшній видъ кодекса и особенность правописанія заставляютъ предполагать, что если это не автографъ сочинителя, то во всякомъ случаѣ современный ему экземпляръ. Кромѣ фактовъ чисто внѣшняго свойства, случившихся за 1683—1703 годы, въ немъ заключается много частностей характерныхъ для внутренняго быта Крымскаго ханства и взаимныхъ отношеній членовъ рода Гераевъ. Другого экземпляра, кромѣ вѣнскаго, намъ не приходилось встрѣчать ни въ одномъ каталогѣ европейскихъ и константинопольскихъ книгохранилищъ.

Въ небольшой исторіи крымскихъ хановъ, носящей заглавіе كلبن خانان = „Розовый кустъ хановъ“, авторъ ея Халимъ-Герай не упоминаетъ сочиненія своего родственника-предка въ числѣ источниковъ, которыми онъ пользовался. Можно было бы предполагать указаніе на него въ выраженіи: شيخ محمد افندى مجموعه سندن [3]), ибо и самъ Мухаммедъ-Герай

[1]) Листъ 44 r. [2]) Л. 33 v. [3]) Гюльбуни-ханань. Константиноп. изд. 1287—1870 г. Стр. 5.

въ одномъ мѣстѣ титулуетъ себя дервишемъ [1]); но дѣло въ томъ, что Халимъ-Герай, повѣствуя о нѣкоторыхъ фактахъ времени царствованія Мухаммедъ-Герай-хана IV (1654—1666), опять ссылается на того же шейха Мухаммеда-эфенди [2]), между тѣмъ какъ исторія Мухаммедъ-Герая начинается лишь 1094=1683 годомъ. Любопытенъ взглядъ этого послѣдняго на значеніе исторіи. „Да будетъ вѣдомо", говоритъ онъ, „что въ глазахъ умныхъ и справедливыхъ людей считается заслуживающимъ порицанія, если при изложеніи извѣстныхъ изъ писаній и замѣтокъ прежнихъ историковъ—да довлѣетъ всѣми ими Богъ! —фактовъ ступаютъ на путь лести. А особливо, какъ можно утаивать и скрывать событія, случившіяся въ нашъ вѣкъ, и обстоятельства лицъ, считающихся важными?!" [3]).

2) Еще обширнѣе по объему и богаче по содержанію исторія нѣкоего турка, извѣстнаго подъ однимъ прозваніемъ Фундуклулу — فندقلیلی تاریخی. О личности автора этой превосходной, величиною въ четыре фоліанта, исторіи мы знаемъ только то немногое, что онъ сообщаетъ самъ о себѣ въ своемъ сочиненіи: никакихъ другихъ свѣдѣній о немъ нигдѣ доселѣ не встрѣчается. Поэтому не лишне будетъ привести здѣсь автобіографическія данныя Фундуклулу, чтобы оцѣнить значеніе его исторіи. Мы видимъ изъ этихъ данныхъ, что онъ довольно долго состоялъ на службѣ при султанскомъ дворѣ, былъ въ близкихъ отношеніяхъ со многими высокопоставленными въ государствѣ лицами до султана включительно, имѣлъ шансы занять одну изъ высшихъ должностей государственныхъ, въ концѣ своей карьеры, но предпочелъ провести остатокъ дней своихъ въ качествѣ частнаго человѣка. Благодаря такому своему служебному положенію, Фундуклулу имѣлъ возможность быть очевидцемъ и даже участникомъ многихъ важныхъ событій, знать и слышать многое, что было недоступно людямъ, стоявшимъ внѣ круга людей, заправлявшихъ судьбами Отоманской имперіи. Такъ подъ

[1]) Op. cit., 44 r. [2]) Op. cit., 60. [3]) Op. cit., 100 v.

1102=1690—1691 годомъ [1]) онъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, скандальное происшествіе, знакомящее съ интимными сторонами жизни султанскаго харема, который, оказывается, вовсе не былъ такимъ недоступнымъ святилищемъ, какъ это обыкновенно думаютъ [2]). Во время описываемаго скандала онъ пилъ кофе во внутреннихъ дворцовыхъ покояхъ и бесѣдовалъ съ Черкесъ-Османъ-пашою. Подъ 1103=1691-1692 годомъ онъ довольно подробно передаетъ приключенія Зу-ль-Факара, возвратившагося тогда изъ посольства въ Австрію [3]), и въ заключеніе говоритъ: „Я, презрѣнный описатель событій, тоже привелъ было новые разговоры, слышанные отъ Зу-ль-Факара-эфенди, и уже написалъ вчернѣ годъ за годъ, чтобы всѣ ихъ внести въ исторію, но вышло очень растянуто, на цѣлую книгу въ десять тетрадей, а потому я выбралъ только самую суть его рѣчей да нѣсколько бѣдъ и несчастій, которымъ онъ подвергся, и написалъ ихъ въ этомъ мѣстѣ“ [4]). Описаніе военныхъ походовъ у Фундуклулу имѣетъ видъ дневниковъ, веденныхъ имъ на мѣстѣ, такъ какъ онъ въ нихъ упоминаетъ о себѣ, находившись въ султанской свитѣ. Такъ въ австрійскую войну въ 1107=1695—1696 году онъ сопровождалъ султана во время осмотра имъ взятой турками крѣпости Шебеша [5]). Подъ 1108=1696—1697 годомъ онъ, при описаніи одного сраженія, прямо уже говоритъ, что онъ въ это время находился въ числѣ трехъ тысячъ конвоя, окружавшаго особу султана вмѣстѣ „съ братьями своими, служителями внутренняго дворца, и съ товарищами своими ичъ-огланами“ [6]). Въ рамазанѣ 1110=въ мартѣ 1699 г. онъ „удостоился степени дюльбендъ-гуляма“, т. е. помощника главнаго хранителя султанскаго головного

[1]) Переложеніе чиселъ мусульманскаго лѣтосчисленія на христіанское сдѣлано у насъ вездѣ по извѣстнымъ «Vergleichungs-Tabellen» Вюстенфельда. [2]) Фундуклулу тарихи, т III, л. 41 r. & v. [3]) Ibid., лл. 80 v.—88 v. [4]) Ibidem, л. 88 v. [5]) Ibid., л. 218 r. [6]) Ibid., л. 262 r.

убора[1]), а въ мѣсяцѣ зу-ль-каъде того же года=въ маѣ 1699, при переѣздѣ султана на дачу въ Ак-Бунарскій садъ, онъ по обычаю поселился въ лагерѣ въ открытомъ полѣ съ прочею внутреннею свитою, при султанской палаткѣ[2]). Сообщая цифру стоимости постройки моста черезъ р. Тунджу у Адріанополя въ 1113=1701 году, говоритъ, что онъ слышалъ ее отъ самого дефтердаря-эфенди[3]). Въ 1115=1703—1704 году Фундуклулу былъ уже въ санѣ дюльбендъ-агасы: описывая бурную сцену между сыномъ шейху-ль-ислама и Хасанъ-пашою, происшедшую въ общемъ засѣданіи дивана въ присутствіи султана, Фундуклулу говоритъ: „Я самъ это видѣлъ своими глазами: я былъ дюльбендъ-агасы; стоялъ насупротивъ его величества и держалъ на своихъ рукахъ почетныя шубы, которыя должны были быть надѣты“[4]). Когда начались смятенія янычаръ, Фундуклулу успокоивалъ растерявшагося и утратившаго надежду усидѣть на тронѣ султана, говоря: „Зачѣмъ вы такъ отчаяваетесь? Мятежи — дѣло обыкновенное: ваши предки также сколько претерпѣли непріятностей отъ мерзавцевъ-бунтовщиковъ!“[5]). Во время волненія бустанджіевъ, послужившаго только прелюдіею послѣдовавшаго затѣмъ общаго мятежа янычаръ, Фундуклулу первый увѣдомилъ султана о случившемся безпорядкѣ[6]), и султанъ четыре раза посылалъ его парламентеромъ къ бушевавшей толпѣ[7]). При восшествіи на престолъ султана Ахмеда III (1703—1730) вмѣсто своего сверженнаго брата, Фундуклулу въ числѣ первыхъ придворныхъ лицъ принесъ присягу новому султану и подробно описываетъ всю церемонію восшествія на престолъ, справляемую при дворѣ Османскомъ[8]). Насколько Фундуклулу былъ близокъ къ султану, это видно изъ того, что честолюбивый янычарскій ага Чалыкъ Ахмедъ-паша, добивавшійся должности верховнаго ве-

---

[1]) Фундуклулу тарихи Т. IV, л. 75 r. [2]) Ibid., л. 76 v. [3]) Ibid., л. 127 r. [4]) Ibid., л. 166 r.—166 v. [5]) Ibid., л. 200 v. [6]) Ibid., л. 210 r. [7]) Ibid., л. 210 v. и 219. [8]) Ibid., л. 201 v.

красный источникъ, когда сочинялъ исторію Крымскихъ хановъ.— это удивительно. Изъ предыдущихъ историческихъ писателей Фундуклулу пользовался только небольшимъ историческимъ трудомъ Веджиги-эфенди—تاریخ وجیهی—, приведя изъ него цѣлый отрывокъ объ одной битвѣ крымцевъ съ русскими [1]) и сдѣлавъ еще нѣсколько небольшихъ выдержекъ изъ него. Фундуклулу-Тарихи имѣется въ Вѣнской библіотекѣ въ позднѣйшемъ спискѣ, сдѣланномъ въ Константинополѣ по заказу Гаммера, и значится тамъ подъ № Mxt. 343 a—d; а сочиненіе Веджиги, родомъ крымца, въ старомъ спискѣ, тамъ же подъ № 83 H. O. Оба эти источника, равно какъ и рукописные кодексы неизданныхъ сочиненій Васыфа-эфенди и Энвери-эфенди, по ходатайству директора Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова были высылаемы въ Петербургъ для моего пользованія, за что я считаю здѣсь умѣстнымъ засвидѣтельствовать свою глубокую признательность почтеннѣйшему Аѳанасію Ѳедоровичу, благодаря участію и содѣйствію котораго я получилъ въ свое распоряженіе и нѣкоторые другіе рукописные матеріалы, также доселѣ еще не бывшіе ни у кого въ пользованіи.

Изъ этихъ послѣднихъ заслуживаютъ упоминанія: 1) небольшое собраніе ханскихъ ярлыковъ и иныхъ документовъ на турецкомъ языкѣ, доставшихся Императорской Публичной Библіотекѣ вмѣстѣ съ еврейскою коллекціею Фирковича. 2) Нѣсколько подобныхъ же документовъ, принадлежавшихъ покойному академику и автору „Крымскаго сборника" Кеппену, которые нынѣ также составляютъ собственность Императорской Публичной Библіотеки и описаны мною въ отчетѣ библіотеки за 1881 годъ. 3) Коллекція копій-факсимиле съ ханскихъ ярлыковъ и другихъ документовъ на турецкомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ, принадлежавшихъ покойному В. В. Григорьеву, купленная у вдовы его Факультетомъ Восточныхъ Языковъ для университетской библіотеки. 4) Ру-

[1]) Фундуклулу, I, лл. 79 v.—96 r.

кописныя копіи съ нѣкоторыхъ переводовъ ханскихъ ярлыковъ и султанскихъ ферманов, хранящихся въ архивѣ Таврическаго дворянства, любезно предоставленныя въ наше распоряженіе учителемъ Симферопольской гимназіи Ѳ. Ѳ. Лашковымъ, а также отдѣльные документы на татарскомъ языкѣ, принадлежащіе музею Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. Особенно заслуживаетъ вниманія одинъ кодексъ библіотеки Учебнаго Отдѣленія при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, № 357, содержащій въ себѣ сочиненіе турецкаго историка Хусейна Гезаръ-Фенна († 1103 = 1691 г.) подъ заглавіемъ تلخيص البيان فى قوانين آل عثمان — „Изъяснительный докладъ объ уставахъ династіи Османской". Рукопись, 32×11 сантиметровъ размѣромъ, написана прекраснѣйшимъ почеркомъ нэсхи по 36 строчекъ на страницѣ на гладкой желтоватаго цвѣта бумагѣ, безъ означенія имени переписчика и времени написанія, но подходитъ къ типу рукописей современныхъ автору. Въ предисловіи Гезаръ-Феннъ говоритъ, что когда онъ въ 1083 = 1672—1673 году приподнесъ тогдашнему реису Иззету-эфенди свою всеобщую исторію, извѣстную подъ именемъ تنقيح تواريخ ملوك — „Изслѣдованіе исторій царей", то государственный человѣкъ рекомендовалъ ему написать такое же добросовѣстное сочиненіе, въ которомъ бы изложены были законы и уставы правительства Османскаго по разнымъ отраслямъ государственнаго устройства: „это былъ бы", онъ прибавилъ, „у всѣхъ и каждаго почтенный и драгоцѣнный трудъ". Послѣдовавъ его предложенію, Гезаръ-Феннъ выбралъ все, что только нашелъ въ прежнихъ канунъ намэ, въ исторіяхъ, въ старыхъ и новыхъ дефтеряхъ и въ канцеляріяхъ султанскаго дивана, касательно разныхъ отраслей государственнаго управленія — финансоваго, военнаго и т. д., и все это собралъ вмѣстѣ въ сокращенномъ видѣ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Трудъ Гезаръ-Фенна начинается краткимъ изображеніемъ царствованія Османскихъ владыкъ до современнаго автору султана Мухамме-

нія значенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ; между тѣмъ въ переводныхъ документахъ, изданныхъ Историческимъ Обществомъ, часто попадаются дотого темныя по смыслу мѣста, что разъясненіе ихъ безъ сличенія съ подлиннымъ турецкимъ текстомъ представляется рѣшительно невозможнымъ. Эта темнота происходитъ оттого, что переводчики обыкновенно придерживались буквальнаго значенія словъ и выраженій турецко-татарскихъ Отсюда въ переводахъ удержалось много словъ татарскаго происхожденія, превращенныхъ въ русскія, какъ, напр., *толмачити* (Op. cit., стр. 131), *прикошевати* (Ib., 110), *корешоватися* (Ib., 222), *валчити* (Ib., 433) и т. п. Сплошь и рядомъ переводчики щеголяютъ татарскими словами, вводя ихъ въ русскую рѣчь безъ всякой очевидной надобности и затемняя ея смыслъ этими варваризмами. Таковы, напримѣръ: „*майтамалъ* идетъ" (Ibid., 51) = محتمل در „возможно"; *миньятъ* (Ib., 174), *миньядъ* (219), *миньятные слова* (269) = منت „милость, одолженіе", и т. п. Мы уже оставляемъ въ сторонѣ наименованія предметовъ татарскаго быта, каковы, напр., сѣдло *ометюкъ тимовъ* (129), *калья* краски (118), однорятка *ногоньская* и однорятки *трекуньскіе* (129), пять *аргичей* (250), сукно *лунское* (537), изъ коихъ нѣкоторыя трудно растолковать, не имѣя подъ руками текста. Но всего больше русскіе переводы пестрятъ буквальною передачею турецко-татарскихъ словъ и выраженій. Приведемъ нѣкоторыя. Выраженіе „Ударивъ челомъ и поклонъ" (83), давно, впрочемъ, бывшее въ ходу въ русскихъ памятникахъ еще со времени татарскаго нашествія, есть переводъ татарской фразы باش اوروب سلام. Выраженіе „не на дружбу *лицемъ ударилъ*" (264) также передѣлано изъ тур.-татарскаго دوستلغه يوز طوتمدى. Фразы „что *отъ моихъ рукъ сколко придетъ*" (178) „*сколко отъ нашихъ рукъ пришло*" (275)—есть тюркизмъ—هرنه المزدن كلسه, المزدن كلدكچه, المدن كلدكچه—, означающій порусски: „сколько мнѣ, или намъ, возможно", „сколько я, или мы, въ состояніи". Выраженія въ родѣ: „домы на-

ши *потоптали*" (108), или: „на недруга въ *загонъ* ходили" (106), „*на конь* есмя были" (154), „самъ *на конь всѣлъ*" (157), или „*душа моя*" (109) тоже скорѣе характерны для турецкой, нежели для русской рѣчи: первое есть весьма употребительный глаголъ باصمق „давить, топтать, разбивать, разорять, ограблять"; второе есть тоже ходячее татарское выраженіе چاپوله وارمق, третье = اتلانمق. Послѣднее — جانم есть до сихъ поръ любимое у турковъ деликатное обращеніе лицъ, питающихъ пріязнь другъ къ другу. Встрѣчаются фразы такого состава, что едва ли сами переводчики отдавали себѣ отчетъ въ точномъ значеніи ихъ, какъ напримѣръ: „Преднiе наши *о кости о лодыжномъ мозгу* юрта дѣля своего разбранилися" (69); „въ чюжомъ юртѣ стоишь, а *конь твой потенъ*" (100); „слово доброе межъ васъ о томъ было и *конь повели*" (91); „дѣла твоего беречи и *до живота*" (136).

Но тутъ вездѣ еще есть смыслъ, котораго можно добиться по ходу рѣчи, и во всякомъ случаѣ соблюдены формальныя требованія русскаго языка. А то есть такіе обороты, которые представляютъ собою грубые татаризмы, не только несообразные съ духомъ русской рѣчи, но даже и совсѣмъ лишніе, не заключая въ себѣ ничего оригинальнаго или важнаго. Напримѣръ, есть такія фразы: „у насъ *просятъ стоитъ*", или „запросъ мой *то стоитъ*" (168); „недружбу *до мѣста довести* мыслитъ", „поѣзду нашему *толкъ то*", „Сѣ дѣла тебя дѣля брата своего *дѣлая хожу*" (172). Въ первыхъ двухъ фразахъ излишнее слово *стоитъ* есть буквальный переводъ татарскаго глагола طورر, который въ татарскомъ языкѣ присоединяется къ другимъ глаголамъ въ качествѣ вспомогательнаго; поэтому вмѣсто „просятъ стоитъ" надо было сказать *просятъ*, вмѣсто то стоитъ—*то* и т. п. Слово „толкъ" есть также буквальный переводъ араб.-татарск. معنا „смыслъ, значеніе, резонъ". Безсмысленное сочетаніе *дѣлая хожу*, вѣроятно, произошло отъ буквальной передачи татарскаго глагола قیله بوررم, гдѣ второй глаголъ „ходить"

не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а только, въ качествѣ вспомогательнаго, придаетъ лишь оттѣнокъ длительности глаголу „дѣлать". Фраза „до мѣста довести" есть тюркизмъ یرینه کتورمك, означающій по русски: „исполнить, осуществить, довершить".

Но въ погонѣ за точностью передачи текста, переводчики иногда доводили русскую рѣчь до явной безсмыслицы, никакими средствами нераспутываемой. Образецъ такой безтолковой рѣчи представляетъ переводъ ярлыка Менгли-Герая, отъ 1493 года, гдѣ встрѣчаются, напримѣръ, такія мѣста: „А Мамитекова царевича одна сухая голова избыла, столко у него поимали нынѣча, какъ въ сѣмъ писано, что ни было, безъ остатка" (Op. cit., стр. 176). Или въ переводѣ Ямгурчеевой грамоты читаемъ: „Иные, которые далече стоя, на недруга пристоятъ; а мы пакъ жену въ городъ вшедши слава Богу у недруга какъ на шеѣ вшедъ стоимъ, твоему тому дѣлу много пристоимъ" (Ibid., стр. 178).

Особливо много странностей встрѣчается въ переводахъ грамотъ турецкихъ. Такъ въ самомъ началѣ текста этихъ грамотъ видимъ такія несвязанныя между собою слова: „Богъ. Великоименитой Хумаюнъ птица, Баезидъ султанъ Махаммедевичъ" (Op. cit., стр. 244). Словомъ „Богъ" тутъ переданъ всегда ставящійся у мусульманъ значокъ هو = „Онъ". Слѣдующія же слова, надо полагать, соотвѣтствуютъ содержанію султанской тугры, при чемъ выраженіе „Хумаюнъ птица" попало сюда по недоразумѣнію: слово „птица" вездѣ является въ видѣ приписки сверху надъ словомъ „Хумаюнъ", для объясненія смысла этого послѣдняго, которое въ качествѣ эпитета значитъ просто: „августѣйшій". Кромѣ того, „птица" тутъ могла быть примѣшана вслѣдствіе птицеподобной фигуры султанскаго шифра, который могъ казаться нашимъ приказнымъ грамотѣямъ чѣмъ-нибудь въ родѣ нашего государственнаго орла.

Начало другой грамоты со всѣмъ уже не понятно, какъ и слѣдующія за вступленіемъ слова грамоты. Выраженія:

„Тотъ собиратель. Силы добывальные. Оба“ (Op. cit., стр. 283) рѣшительно необъяснимы безъ подлиннаго текста.

Выраженіе въ концѣ той же грамоты „Холопъ мой по пошлинѣ какъ пригожъ доведетъ.... и пріѣхавъ здоровье и счастіе твое и державу съ вѣстію *мнѣ любимому доведетъ*“ (Ibidem) также содержитъ въ себѣ искаженіе, потому что слова „*мнѣ любимому доведетъ*“ должны имѣть такой смыслъ: „вѣстью о твоемъ благополучіи посолъ доставитъ мнѣ пріятность, удовольствіе“.

Изъ „хранимаго“, то есть „богохранимаго“—محروسه—подлинной султанской грамоты въ переводѣ сдѣлано: „*бережливаго* Константина града“ (Ibid., стр. 289). Заключительная фраза той же грамоты: „Поклонъ тебѣ и *тому, который провожаетъ*“, представляетъ полнѣйшее искаженіе того надменнаго обращенія, которымъ правовѣрные любили оканчивать свои письма къ невѣрнымъ, и которое состоитъ изъ кораническаго изреченія: والسلام على من اتبع الهدى (Сура XX, ст. 50), что порусски значитъ: „Миръ надъ тѣмъ, кто слѣдуетъ по прямому пути (къ спасенію)!“

При всѣхъ исчисленныхъ несовершенствахъ своихъ, эти переводы представляютъ порядочный запасъ матеріала, полезнаго при разработкѣ вопросовъ внѣшней политики Крымскаго ханства и его отношеній къ Портѣ. Жаль только, что изданіе обнимаетъ всего лишь 30 лѣтъ, съ 1474 по 1501 годъ, хотя и за это большое спасибо издателямъ.

Наконецъ слѣдуетъ еще указать на одинъ недавно вышедшій весьма почтенный трудъ, который, имѣя свою спеціальную задачу, представляетъ весьма важное пособіе и для разработки исторіи Крымскаго ханства. Мы разумѣемъ „Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды В. Тизенгаузена. Т. I. Спб. 1884“.—Крымское ханство есть также политическій отпрыскъ Золотоордынской державы, развившійся по истлѣніи своего родоначальнаго древа. Періодъ

возникновенія этого отпрыска и достиженія имъ полной зрѣлости въ видѣ самостоятельнаго отдѣльнаго государства самый темный въ цѣлой исторіи ханства, вслѣдствіе недостатка точныхъ данныхъ для его надлежащаго освѣщенія. Первый томъ вышеупомянутаго Сборника, содержащій пока „извлеченія изъ сочиненій арабскихъ“, кромѣ извѣстій касательно собственно Золотой Орды, заключаетъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія и о Крымскомъ ея удѣлѣ. Если эти свѣдѣнія и не совсѣмъ восполняютъ указанный нами пробѣлъ въ исторіи возникновенія отдѣльнаго ханства въ Крыму, то все же даютъ возможность составить болѣе или менѣе ясное представленіе объ общемъ положеніи дѣлъ въ Крыму въ эпоху, предшествовавшую образованію тамъ особаго ханства, и уразумѣть, хоть приблизительно, свойство тѣхъ прежнихъ элементовъ, изъ которыхъ сложился новый татарскій политическій центръ, на много столѣтій переживщій главный улусъ, частію сохранивъ нѣкоторыя его преданія въ своемъ собственномъ строѣ, частію видоизмѣнившись подъ вліяніемъ иныхъ географическихъ и историческихъ условій. Воспользовавшись, сколько можно было въ предѣлахъ задачи настоящаго изслѣдованія, Сборникомъ барона В. Г. Тизенгаузена, я считаю обязательнымъ для себя не столько выразить свою личную признательность къ почтенному составителю, сколько воздать подобающую честь его прекрасному труду съ точки зрѣнія его общенаучной важности, потребовавшему исключительной и безкорыстной любви къ предмету со стороны того, кто столь терпѣливо взялся за этотъ трудъ и такъ добросовѣстно выполнилъ его.

Что касается плана настоящаго изслѣдованія, то онъ опредѣляется свойствами самаго предмета изслѣдованія. Крымское ханство никогда за все время своего существованія не жило вполнѣ самостоятельною жизнью, которая была бы выраженіемъ однихъ коренныхъ бытовыхъ чертъ національнаго

характера господствующаго народонаселенія. Даже входившія въ составъ его тюркскія племена и тѣ не представляли одной сплоченной массы, не говоря уже о черкесахъ, калмыкахъ и прочихъ народныхъ группахъ, мѣстившихся на территоріи ханства: политическая связь этихъ народностей съ нимъ всегда была очень сомнительнаго свойства. Главное же раздвоеніе въ бытѣ ханства происходило въ немъ вслѣдствіе его отношеній къ Отоманской Портѣ, длившихся отъ самаго его основанія до подпаденія подъ власть Россіи. Это же раздвоеніе сказалось и въ исторіи ханства. Одна ея часть обнимаетъ факты чисто внѣшняго политическаго свойства, которые почти исключительно были отраженіемъ отоманской политики: перемѣны въ ханскомъ персоналѣ, безпрерывные походы крымскихъ полчищъ, даже самыя переселенческія движенія кочевыхъ элементовъ ханства сплошь и рядомъ совершались подъ вліяніемъ намѣреній и плановъ Отоманской Порты и временныхъ заправилъ ея, производившихъ давленіе на Крымъ черезъ посредство членовъ властвовавшей тамъ династіи Гераевъ и черезъ собственныхъ приставниковъ, сидѣвшихъ въ Кафѣ и другихъ укрѣпленныхъ пунктахъ, желѣзнымъ кольцомъ оцѣплявшихъ центральную территорію ханства. При этихъ условіяхъ народный характеръ мѣстнаго населенія не могъ вполнѣ развернуться и выработать особый, своеобразный складъ государственнаго быта соотвѣтственно основнымъ началамъ, которыя присущи каждой націи. Тѣмъ не менѣе эти начала продолжали существовать во внутреннемъ, такъ сказать домашнемъ, быту населенія, хотя и они не могли не подвергнуться въ своемъ проявленіи нѣкоторымъ измѣненіямъ. Эти послѣднія были неизбѣжнымъ результатомъ тѣхъ же близкихъ отношеній, въ которыя судьба поставила крымскую отрасль золотоордынцевъ съ османскими турками. Религіозно-нравственныя понятія крымцевъ, строй ихъ внутреннихъ учрежденій, быто-

вые вкусы, даже самый языкъ и литература, отчасти сохранили свои первобытныя черты, не представляя слишкомъ значительныхъ измѣненій, частію же видоизмѣнились, обнаруживая несомнѣнные признаки вліянія соотвѣтственныхъ сторонъ быта и жизни турецкой. Но фазисы этого измѣненія не настолько послѣдовательно обозначились въ историческихъ памятникахъ, чтобы ихъ можно было съ точностію пріурочить къ тѣмъ или другимъ эпохамъ политической исторіи ханства. Отсюда возникаетъ необходимость выдѣленія бытовой исторіи Крымскаго ханства, факты которой могутъ быть представлены только въ особомъ обозрѣніи, будучи сгруппированы по извѣстнымъ категоріямъ.

По высказаннымъ соображеніямъ и подлежащее сочиненіе, понастоящему должно состоять изъ двухъ частей, изъ коихъ одна должна быть посвящена изложенію политической исторіи Крымскаго ханства подъ верховенствомъ Отоманской Порты, другая—заключать обзоръ внутренняго быта и жизни народа, составлявшаго господствующее населеніе этого ханства. Само собою разумѣется, что, при тѣсной связи всѣхъ сторонъ общественной и частной жизни людей вездѣ и во всѣ времена, вышеозначенное распредѣленіе историческаго матеріала не должно быть принимаемо въ слишкомъ строгомъ смыслѣ: и факты политической исторіи нерѣдко нуждаются для ихъ истолкованія въ сопоставленіи ихъ съ нѣкоторыми бытовыми явленіями; равно какъ и эти послѣднія, въ свою очередь, часто получаютъ надлежащее осмысленіе, только будучи поставлены въ связь съ обстоятельствами случайными, кроющимися въ массѣ событій внѣшнихъ, политическихъ. Предлагаемая на судъ читателей книга главнѣйшимъ образомъ имѣетъ своею задачею изслѣдованіе первой половины предмета, при чемъ факты второй категоріи будутъ затронуты въ ней лишь отчасти, тамъ гдѣ было кстати коснуться ихъ. Полное же и всестороннее изложеніе

ихъ требуетъ другого, самостоятельнаго труда. Главнѣйшая причина этого заключается въ томъ, что матеріалы, потребные для такого изслѣдованія, пока нельзя считать вполнѣ объявившимися: они все еще продолжаютъ время отъ времени выплывать наружу.

Не далѣе какъ лѣтомъ прошлаго 1886 года мнѣ довелось быть въ Крыму и познакомиться съ тамошними архивами. Оказалось, что въ симферопольскомъ губернскомъ архивѣ находится цѣлая залежь рукописей на татарскомъ языкѣ, которыя содержатъ въ себѣ чрезвычайно богатый матеріалъ для иллюстраціи бытовой исторіи Крымскаго ханства, ожидающей учоной разработки. Я говорю о такъ называемыхъ казы-эксерскихъ дефтеряхъ, составляющихъ остатокъ ханскаго архива, на которыя слабое и неопредѣленное указаніе сдѣлано г. Хартахаемъ въ его статьѣ „Историческая судьба крымскихъ татаръ" („Вѣстникъ Европы" за 1867 г. т. II, стр. 149, примѣч. 2). Этихъ дефтерей около сотни, хотя кѣмъ-то и когда-то выставленные на нихъ нумера показываютъ, что ихъ было гораздо больше. Въ нихъ содержатся копіи всевозможныхъ офиціальныхъ документовъ, вписанныхъ цѣликомъ или въ сокращенныхъ извлеченіяхъ. Больше всего въ нихъ имѣется резюме различныхъ судебныхъ процессовъ по гражданскимъ и уголовнымъ искамъ и наслѣдственно-раздѣльныхъ актовъ. Но, кромѣ того, тамъ есть и духовныя завѣщанія, и нотаріальныя записи, и правительственныя распоряженія касательно внутренняго благоустройства и по части финансовой, строительныя смѣты, подворныя переписи населенія съ обозначеніемъ доходныхъ имуществъ, и т. д. Не мало также данныхъ для изученія положенія рабовъ въ Крымскомъ ханствѣ.

Само собою разумѣется, что въ изслѣдованіи бытовой исторіи Крымскаго ханства едва ли позволительно игнорировать такой непосредственный источникъ, какъ вышеозначен-

ные архивные документы, которые составляютъ цѣлую сплошную серію, начиная съ половины XVI в. вплоть до самаго конца существованія ханства, и которые до сего времени лежали подъ спудомъ. Это обстоятельство, надѣюсь, достаточно оправдываетъ тѣ скромные предѣлы, которыми я ограничился пока въ настоящей своей работѣ, посвященной политической исторіи Крымскаго ханства. Но и эту послѣднюю пришлось пока довести лишь до начала XVIII вѣка. Къ этому времени уже достаточно выясняются существенныя, характерныя свойства политическаго строя и судебъ Крымскаго ханства, типическія особенности личностей властвовавшихъ въ немъ правителей, главныя основанія и историческія послѣдствія вассальныхъ отношеній этого татарскаго гнѣзда къ Отоманской имперіи. Съ начала же XVIII вѣка событія въ политической жизни Крымскаго ханства идутъ въ самой тѣсной связи съ исторіею Россіи, господству которой въ Крыму суждено было въ концѣ концовъ смѣнить верховенство Турціи. Самый историческій матеріалъ за послѣдній періодъ существованія Крымскаго ханства до присоединенія его къ Россіи сильно увеличивается въ своихъ размѣрахъ, такъ что данныя, имѣющіяся въ турецко-татарскихъ источникахъ, требуютъ болѣе прежняго свѣрки и сопоставленія ихъ съ русскими источниками. Наконецъ и обширность предмета настоящаго изслѣдованія позволяетъ выдѣлить часть этого изслѣдованія въ особую книгу, не мѣшая продолженію его въ будущемъ времени.

Два слова о внѣшней сторонѣ этой книги. Чтобы сдѣлать ее удобною и для неоріенталистовъ, я по возможности избѣгалъ включенія въ текстъ турецкихъ отрывковъ, передавая ихъ содержаніе порусски, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, представляющихъ особую важность въ турецко-татарскомъ оригиналѣ.

Хронологическія даты мусульманскія переложены на числа христіанской эры по новому стилю, какъ уже было

замѣчено выше (стр. XVIII, 1), на основаніи „Vergleichungs-Tabellen der Muhammedanischen und Christlichen Zeitrechnung" Фердинанда Вюстенфельда (Leipzig. 1854).

Заглазное печатаніе книги въ Казани требовало компетентнаго надзора на мѣстѣ за исправностію корректурныхъ работъ и печатанія. Этотъ надзоръ любезно принятъ былъ на себя обязательнѣйшими Іосифомъ Федоровичемъ Готвальдомъ и Николаемъ Ивановичемъ Ильминскимъ. Послѣднему, кромѣ того, я обязанъ сообщеніемъ мнѣ данныхъ для разъясненія нѣкоторыхъ сомнительныхъ вопросовъ, встрѣчавшихся въ моемъ изслѣдованіи. За все это я считаю пріятнымъ для себѣ долгомъ засвидѣтельствовать обоимъ почтеннѣйшимъ оріенталистамъ свою глубокую благодарность.

В. Смирновъ.

I.

Приступая къ изложенію фактовъ прошлой исторіи Крымскаго ханства, естественно коснуться вопроса о томъ, что надо разумѣть подъ этимъ ханствомъ въ смыслѣ опредѣленной территоріальными границами государственной единицы въ то время, когда это ханство получило обособленное существованіе, сформировалось въ отдѣльное государство. Подобный вопросъ весьма простъ и ясенъ относительно современныхъ намъ государствъ, границы которыхъ строго опредѣляются существующими и дѣйствующими международными актами и трактатами. Но онъ становится крайне затруднителенъ, когда дѣло касается государствъ давнишнихъ, далекихъ отъ насъ временъ, вчастности государствъ, создававшихся азіатскими народами. Насколько у послѣднихъ слабо были развиты топографическія свѣдѣнія по части границъ обитаемыхъ ими мѣстностей, до нѣкоторой степени можно видѣть изъ одного разсказа, сообщаемаго Герберштейномъ. „Однажды Московиты," пишетъ онъ, „взяли въ плѣнъ одного жирнаго Татарина. На слова Московита: „Откуда у тебя, собака, такой жиръ, когда тебѣ нечего есть?" Татаринъ отвѣчалъ: „Почему это мнѣ нечего ѣсть, когда я обладаю такою обширною землею отъ востока до самаго запада; развѣ отъ нея я не могу получить всего въ изобиліи? Скорѣе тебѣ нечего ѣсть, потому что ты владѣешь такою маленькою частицей земного шара и ежедневно за нее сражаешься"[1]). Хотя тонъ этого разсказа сейчасъ же изобличаетъ въ немъ анекдотъ мос-

(1) Герберштейнъ и его истор. геогр. извѣстія о Россіи. Соч. Е. Замысловскаго. Спб. 1884. стр. 507.

сковской фабрикаціи, какихъ у г. Герберштейна немало приведено насчетъ татаръ, тѣмъ не менѣе онъ очень хорошо характеризуетъ ту индиферентную безразборчивость, съ которою татаре смотрѣли на земельную собственность свою и своихъ сосѣдей.

Но если у самихъ татаръ были такія смутныя представленія о границахъ своего государства, то не большею ясностью отличаются и постороннія свѣдѣнія по этой части, имѣющіяся у другихъ народовъ, и по весьма понятной и естественной причинѣ: разнородность національныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ государства, а главное—подвижность и расплывчатость элемента кочевого, бродячаго, запутанность отношеній и частые династическіе перевороты—все это ставитъ еще большія затрудненія къ точному обозначенію территоріальнаго объема государствъ, подобныхъ Крымскому ханству. Вчастности вопросъ о территоріальномъ объемѣ этого послѣдняго усложняется еще тѣмъ, что самое возникновеніе ханства, какъ отдѣльнаго государственнаго центра, много представляетъ неяснаго въ историческомъ смыслѣ. Его исторія становится вполнѣ достовѣрною лишь съ того момента, когда оно вошло въ близкое соприкосновеніе съ Отоманскою имперіею, будучи зачислено въ составъ вассальныхъ ея владѣній при султанѣ Мухаммедѣ II Завоевателѣ, въ концѣ XV вѣка. Все, что относится къ предшествующему времени, представляетъ большую неясность, вызываетъ много предположеній и сомнѣній, вслѣдствіе недостаточности несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы сказать что-нибудь рѣшительное объ этнографической принадлежности и политическомъ бытѣ народонаселенія, тѣснившагося внутри Крымскаго полуострова. Одна только береговая полоса, давно бывшая въ рукахъ европейскихъ колонистовъ, составляетъ нѣкоторое исключеніе; да и то насчетъ нея встрѣчаются иногда сомнѣнія, а именно по вопросу объ отношеніяхъ европейскихъ поселенцевъ къ татарамъ, съ которыми они одно время должны были дѣлить господство надъ полуостровомъ.

Если можно еще говорить о чемъ на основаніи имѣющихся скудныхъ источниковъ, то развѣ о проникновеніи и приливѣ тюркскаго элемента въ Крымъ вообще, да объ основаніи и географическомъ приуроченіи нѣкоторыхъ поселеній, носящихъ какіе-нибудь слѣды болѣе или менѣе давняго и прочнаго водворенія въ нихъ тюрковъ. Насколько позволяютъ намъ наши источники, мы можемъ одно только утвердительно сказать, что усиленный приливъ тюркскаго элемента на полуостровъ извнѣ начался не позже первой половины XIII столѣтія, т. е. со времени вторженія татаръ, если не принимать въ расчетъ тюркской національности хазаръ, которые раньше другихъ тюрковъ имѣли тамъ свою осѣдлость, а также если не придавать значенія сомнительному свидѣтельству Рубруквиса, что уже Половцы брали дань съ Херсона, Солдаи и находившихся между ними Сорока замковъ [1]). Приливъ этотъ, въ памятное исторіи время, совершался съ двухъ противоположныхъ сторонъ: сухимъ путемъ черезъ перешеекъ, соединяющій Крымскій полуостровъ съ южно-русскими степями, куда постоянно придвигались разныя кочевыя тюркскія орды изъ-за Волги и Дона; тѣмъ же сухимъ путемъ и черезъ Черное море изъ Малой Азіи, откуда также иногда прибывали партіи сельджуковъ, которые дѣлали временные набѣги на Крымъ или же искали тамъ постояннаго себѣ пріюта, гонимые какими-нибудь неурядицами и смутами, мѣшавшими имъ спокойно жить въ своемъ отечествѣ. Мы сперва остановимъ свое вниманіе на этихъ именно экскурсіяхъ сельджукскихъ турковъ изъ Малой Азіи.

Малая Азія задолго до возникновенія Отоманскаго государства была уже наводнена турками, образовавшими тамъ нѣсколько отдѣльныхъ княжествъ подъ владычествомъ разныхъ династій, которыя извѣстны въ исторіи подъ общимъ родовымъ именемъ сельджукскихъ. Возникновеніе и исчезновеніе этихъ княжествъ было не болѣе какъ обмѣномъ власти

[1]) Recueil de Voyages et. de Mém. P. 1835. IV. p. 217.

династическихъ родовъ, этнографическій же составъ господствующаго народонаселенія этихъ княжествъ оставался одинъ и тотъ же, тюркскій. Такая перемѣна декорацій въ политическомъ строѣ Малой Азіи продолжалась вплоть до того времени, когда наконецъ взяла силу и возобладала династія Отоманская, которая и наложила, по исконному средне-азіатскому обычаю, свое имя на все турецкое населеніе, вошедшее въ черту ея владѣній. Этимъ только и объясняется то явленіе, что какая-нибудь незначительная тюркская орда, во главѣ которой стоялъ родъ Османовъ, въ короткое время выросла въ большое и сильное государство. Да и то не менѣе крѣпкая властительная отрасль Караманъ-Оглу довольно долго и упорно отстаивала свою независимость отъ дома Османова и при всякомъ удобномъ случаѣ ставила всякія помѣхи спокойному владычеству его, поднимая мятежи и входя въ союзъ съ противниками и недругами Отоманской имперіи, пока сила вещей не сломила роговъ этому крупному сопернику дома Османлы.

Когда Османской державѣ суждено было потомъ, въ XV вѣкѣ, распространить свое владычество и на Крымскій полуостровъ, то оно, это владычество, нашло тамъ уже подготовленную для себя почву въ предыдущія времена; османлы встрѣтились въ Крыму не съ одними только чуждыми имъ по крови и враждебными по духу, но и съ родственными имъ по происхожденію обитателями, у которыхъ они нашли естественную поддержку въ дѣлѣ совершеннаго вытѣсненія съ полуострова европейскихъ поселенцевъ и водворенія тамъ собственной власти. Замѣчательно, что самое тюркское населеніе въ Крыму представляетъ немалое разнообразіе, сказывающееся какъ во внѣшнемъ сложеніи тѣла, особенно въ чертахъ лица, такъ и въ фонетическомъ строеніи рѣчи. Такое разнообразіе на сравнительно маленькомъ территоріальномъ пространствѣ, не могло быть, конечно, дѣломъ простой случайности, или результатомъ вліянія однихъ географическихъ условій. Типъ татаръ южнаго берега

и ближайшихъ къ нему гористыхъ мѣстностей внутренняго Крыма значительно разнится отъ татарскаго типа отлогихъ мѣстностей и степныхъ равнинъ, не говоря уже о чистыхъ ногайцахъ, плоское и скуластое устройство физіономіи которыхъ рѣзко отличается отъ типа южнобережскаго, весьма близкаго къ чисто европейскимъ формамъ. Послѣднее явленіе всегда обращало на себя вниманіе историковъ, которые пришли къ тому убѣжденію, что южнобережскіе татаре суть не что иное какъ отатарившіеся поселенцы греческой и генуэзской національности [1]) Этого взгляда, правда, нельзя пока отрицать категорически; но нѣтъ также непоколебимыхъ основаній и къ тому, чтобы безусловно довѣряться ему; если и можно принимать его, то съ нѣкоторыми ограниченіями. Если, въ самомъ дѣлѣ, южнобережское населеніе, говорящее на турецкомъ языкѣ, имѣло своими предками грековъ, то, спрашивается, почему же эти предки не всѣ отуречились, а нѣкоторые сохранили свою національную особность до позднѣйшихъ времепъ, пока не были выселены изъ Крыма въ концѣ прошлаго столѣтія по распоряженію русскихъ властей въ количествѣ болѣе тридцати тысячъ душъ? Что же касается до генуэзскихъ поселенцевъ, то они были большею частью народъ торговый, жившій по принципу ubi bene ibi patria. Обыкновенно такіе колонисты, какъ только имъ приходилось плохо въ ихъ колоніяхъ отъ какихъ-нибудь враговъ, собравъ свои животы, покидали свое временное отечество и отправлялись отыскивать другого, болѣе безопаснаго пристанища. Такъ поступили венеціанцы въ Салоникахъ, когда не въ силахъ были отстоять этого города отъ натиска турецкихъ полчищъ султана Мюрада II въ 1430 году [2]); такъ было съ генуэзскими колонистами въ Галатѣ во время взятія Константинополя турками [3]); на подобныхъ условіяхъ капитулировалъ Родосъ съ султаномъ Сулейманомъ въ 1522 году [4]), и т. д.

[1]) Н. Мурзакевичъ, Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Одесса. 1837. Стр. 91. [2]) Zinkeisen, Gesch. d. Osm. Reiches. I: 561. [3]) Ibidem, 851. [4]) Zinkeisen, II: 630.

Такъ оно, безъ сомнѣнія, бывало и съ генуэзцами, занимавшими нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ въ Крыму [1]). И при нашествіи турковъ, не могши сопротивляться, они также спасались бѣгствомъ; захваченные въ плѣнъ были вывезены изъ Крыма самими завоевателями; успѣвшихъ же сохранить свою жизнь, но не имѣвшихъ средствъ удалиться, едва ли могло остаться въ Крыму столько, чтобы они, смѣшавшись съ татарскимъ населеніемъ и утративши свои прочіе національные признаки, какъ языкъ и религія, сообщили ему однако же свои племенныя черты въ типѣ лица и вообще тѣлесной конструкціи, а не были цѣликомъ поглощены этимъ населеніемъ, превосходившимъ ихъ и своею численностью и животною натурою.

А куда же дѣвались въ Крыму тѣ пришлые турки, которые являлись туда изъ Малой Азіи? Нельзя же допустить, чтобы набѣги ихъ всегда были простыми прогулками, послѣ которыхъ они опять сполна возвращались туда, откуда приходили. Мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія объ эмиграціи крупной толпы сельджуковъ, которые послѣ долгихъ скитаній окончательно засѣли на Крымскомъ полуостровѣ. Надобно полагать, что именно эти малоазійскіе выходцы тюркскаго племени и оставили слѣды своего водворенія въ Крыму именно въ той части его населенія, говорящаго на турецкомъ языкѣ, въ которой историки гадательно хотятъ видѣть потомковъ генуэзскихъ поселенцевъ.

Исконность тѣсныхъ отношеній между тюркскимъ народонаселеніемъ Крыма и Малой Азіи до сихъ поръ свидѣтельствуется нѣкоторыми бытовыми явленіями, которыя надобно наблюдать на мѣстѣ, чтобы понять ихъ истинное значеніе. Когда вы, напримѣръ, спросите какого-либо анатолійца, заѣхавшаго въ Крымъ: „откуда ты?“, онъ вамъ непремѣнно отвѣтитъ: قارشولو , т. е. что онъ „съ противоположной сто-

[1]) Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ Исторіи Золотой Орды. Спб. 1884. Т. I, стр. 120

роны", съ противоположнаго берега Чернаго моря. И это выраженіе звучитъ повсемѣстно въ Крыму въ такомъ тонѣ, какъ будто бы рѣчь шла о противоположномъ берегѣ какой-нибудь рѣки—Волги, Невы и т. п. Далѣе, нѣкоторыя отрасли промышленности до сихъ поръ составляютъ точно какую-то привиллегію заморскихъ турковъ, каково, напримѣръ, хлѣбопекарное дѣло, которое во всемъ Крыму есть спеціальность анатольскихъ турковъ. Наконецъ въ числѣ народныхъ вѣрованій и обычаевъ, живущихъ среди южнобережскихъ татаръ, есть такіе, которые также косвеннымъ образомъ указываютъ на сохранившіяся у нихъ воспоминанія о Малой Азіи, какъ объ очень близкой ихъ сердцу странѣ, съ которой у нихъ осталась духовная связь. Такъ на VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ почтенный протоіерей Чепуринъ, занимающійся церковно-археологическими изслѣдованіями христіанскихъ древностей Крымскаго полуострова, сообщилъ слѣдующій любопытный фактъ, наблюденный имъ у татаръ южнаго побережья. Когда случается какая-нибудь невзгода съ ихъ полями и садами, угрожающая неурожаемъ, они отправляютъ депутацію въ Каппадокію за святою водою, которая должна быть освящена непремѣнно тамошними монахами, и этою водою кропятъ свои поля и сады, страждущіе отъ засухи, или насѣкомыхъ и т. п. Почтенный референтъ, толкуя вышеприведенный обычай съ своей точки зрѣнія, видитъ въ немъ указаніе на прежнюю принадлежность къ христіанству крымскихъ жителей, нынѣ считающихся мусульманами. Но основаніе для такого толкованія намъ кажется недостаточно вѣско. Почитаніе христіанской *аязмы*, какъ турки и татары называютъ святую воду, вещь обыкновенная даже и у константинопольскихъ турковъ: мы сами видѣли, какъ турчанки съ благоговѣніемъ пили святую воду въ одной маленькой пещерѣ, находящейся на той части Босфора, которая носитъ названіе Календеръ, и посвященной чести и памяти св. Іоанна Крестителя. Когда мы ихъ спросили: „отчего вы пьете эту воду"? Турчанки отвѣчали: الله صوبى در — „Это Божья вода".

Но при этомъ онѣ бы съ ужасомъ воскликнули: استغفر الله — „Помилуй Богъ!", если бы ихъ заподозрить въ принадлежности къ христіанству. Это явленіе въ религіозномъ быту турковъ и татаръ можно объяснить скудостью мусульманскаго культа вообще, вслѣдствіе которой они принуждены искать удовлетворенія своей природной суевѣрности или въ своихъ же добавочныхъ обрядахъ и обычаяхъ, не имѣющихъ однако же ничего общаго съ исламомъ, или даже въ какихъ-нибудь обрядностяхъ чужого культа, напримѣръ культа христіанскаго. Крымцы же, разобщенные съ остальнымъ мусульманскимъ міромъ, не довольствуясь своими мѣстными святынями, съ радостью встрѣчаютъ всякихъ чудодѣевъ-святошъ, въ родѣ Тадж-эд-Динъ-задэ Мухаммедъ-Садыка, который пріѣзжалъ и въ Константинополь и въ Крымъ изъ Кесаріи въ 1881 году и творилъ чудеса исцѣленія больныхъ, о чемъ и публиковалъ въ турецкихъ газетахъ [1]). Съ такимъ же, помнится, восторгомъ около того же времени принимали крымцы какого-то другого шарлатана, привозившаго ковчежецъ съ клочкомъ бороды пророка Мухаммеда. Почитаніе гробницъ мнимыхъ угодниковъ Божіихъ и вѣра въ цѣлебное свойство родниковъ и ключей, бьющихъ и текущихъ въ нѣкоторыхъ завѣтныхъ мѣстахъ, также весьма распространено у крымскихъ татаръ повсюду.

Въ обычаѣ же ихъ посылать за святою водою въ Малую Азію, кромѣ общей свойственной имъ суевѣрности, можно видѣть выраженіе почитанія святыни, находящейся въ той мѣстности, которая нѣкогда была отечествомъ ихъ предковъ.

Но оставляя въ сторонѣ догадки, обратимся къ фактамъ. Арабскій историкъ Ибнъ-эль-Асиръ, повѣствуя о нашествіи татаръ и дѣяніяхъ ихъ въ „Аланѣ и Кипчавѣ" въ 617 = 1222 году, говоритъ слѣдующее: „Придя къ Судаку, татаре овладѣли имъ, а жители его разбрелись; нѣкоторые изъ нихъ съ своими семействами и своимъ имуществомъ взобрались на

---

[1]) Газета «Вакытъ», № 2183, стр. 4.

горы, а нѣкоторые отправились въ море и уѣхали въ страну Румскую, которая находится въ рукахъ мусульманъ изъ рода Кылыджъ-Арслана" [1]).

Это нѣсколько темное мѣсто вызвало не мало соображеній, находящихся въ примѣчаніяхъ къ переводу сказанія Ибнъ-эль-Асира, помѣщенному въ Ученыхъ Запискахъ Ак. Наукъ, II, стр. 660 и д. „Есть сказаніе", читаемъ мы въ примѣчаніяхъ, „что предъ нашествіемъ татаръ Корсунь, Судакъ и другіе города южной части Крыма платили Половцамъ дань, вѣроятно, для того, чтобы они не тревожили ихъ своими набѣгами" [2]). Далѣе высказывается предположеніе, что „можетъ быть, и послѣ битвы при Калкѣ Корсунь съ подвластными трапезундскому императору южными берегами не былъ посѣщенъ татарами, потому что иначе Гетумъ, правитель Синопа, едва ли осмѣлился бы предпринять походъ на Крымъ лѣтомъ 1223 года" [3]). Наконецъ разнорѣчіе источниковъ о времени бѣгства судакскихъ жителей, и притомъ отплытіе ихъ въ *мусульманскія* земли, приводитъ нѣкоторыхъ историковъ къ заключенію, что Судакъ былъ опустошенъ татарами уже послѣ битвы при Калкѣ [4]).

Въ означенную пору иконійскимъ султаномъ сельджуковъ былъ Ала-эд-Динъ-Кэй-Кобадъ-бенъ-Гыяс-эд-Динъ. Византійскіе источники разсказываютъ о постыдной для сельджуковъ войнѣ, веденной въ 1223 году этимъ султаномъ съ Андроникомъ I, возгорѣвшейся изъ-за того, что синопскіе

---

[1]) В. Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды. Томъ I. Спб. 1884. Стр. 26.—Выраженіе «изъ рода Кылыджъ-Арслана» должно понимать въ такомъ смыслѣ, что Кылыджъ-Арсланъ упоминается тутъ не какъ родоначальникъ извѣстнаго сельджукидскаго племени, а только какъ предокъ властвовавшей тогда въ Малой Азіи династіи, подобно тому какъ Османлы такъ называются по имени основателя властвующей у нихъ династіи, а не потому, чтобы Османъ былъ родоначальникомъ цѣлой націи. Таковъ былъ общій обычай тюркскихъ народовъ.

[2]) Уч. Зап., II: 732. [3]) Ibid., 733. [4]) Ibid., 745

сельджуки ограбили греческій корабль, везшій государственныя подати Корсуня и замошнихъ странъ Готѳіи, и что синопскій правитель-капитанъ, или, какъ его называли, реисъ послалъ на Корсунь вооруженныя суда, и они совершенно опустошили эту страну [1]).

Въ турецкихъ источникахъ султанъ Ала-эд-Динъ превозносится какъ замѣчательнѣйшій человѣкъ своего времени. Про него говорится, что „онъ былъ краса династіи; имѣлъ ревность къ священной брани и овладѣлъ областями (Рума) вплоть до Скадара, произведя въ нихъ погромъ и опустошеніе; что онъ перевезъ свое войско изъ Синопа черезъ Черное море и *завоевалъ въ странахъ Дэшти-Кыпчакъ крѣпость Судакъ* — صغداق قلعهسين. — Въ 618 = 1221 году онъ возвелъ стѣны въ Коніи и Сивасѣ и овладѣлъ лежавшею на берегу Бѣлаго моря крѣпостью. Алайей. Въ 625 = 1228 г. онъ сразился съ султаномъ Джелал-эд-Диномъ Харезмъ-Шахомъ въ армянскомъ мѣстечкѣ, называемомъ Чеменъ. И изъ городовъ грузинскихъ многіе взялъ“ [2]). Другіе турецкіе историки тоже восхваляютъ этого султана; но о пораженіи его греками ничего не говорятъ. Комментаторъ извѣстій Ибнъ-эль-Асира полагаетъ, что это „молчаніе, можетъ быть, намѣренное, потому что война окончилась такъ постыдно для тюрковъ“ [3]).

Но подробное описаніе этой войны принадлежитъ трапезундскому митрополиту Іоанну, весь интересъ котораго состоялъ въ прославленіи чудесъ св. Евгенія, который „въ видѣ огненной стрѣлы перелетѣлъ въ храмъ свой съ высоты непріятельскаго лагеря. Варвары же, о чудо! разсѣялись во всѣ стороны, какъ бы разметанные громомъ“, и т. д. и т. д. [4]). Про сельджукскаго же султана говорится, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ, но что императоръ, вслѣдствіе совѣщанія съ своими сановниками, вскорѣ отпустилъ его; что онъ, по при-

---

[1]) Ibid., 739. [2]) Кюнгу-ль-Ахбаръ, Ркп. Имп. Публ. библ. въ Отчетѣ за 1879 г., стр. 24, № 5, л. 301 v. [3]) Учен. Зап. II: 736. [4]) Loc. cit., 742.

бытіи домой, не только исполнялъ условія клятвеннаго договора, но еще сверхъ того часто посылалъ императору Андронику Гиду арабскихъ коней и другіе почетные подарки, повсюду распространялъ славу чудесныхъ дѣяній святого и ежегодно приносилъ богатые дары монастырю мученика [1]).

Этотъ разсказъ сильно отзывается легендарнымъ характеромъ, и такъ отъ него вѣетъ византійской риторикой, что становится затруднительно, чему отдать предпочтеніе—разукрашенному ли повѣствованію митрополита Іоанна или полному умолчанію мусульманскихъ историковъ. Это, надо полагать, была одна изъ тѣхъ стычекъ, которыя безпрестанно происходили между сельджуками и византійцами, и потому, ничѣмъ особенно не отличаясь, не обратила на себя вниманія мусульманскихъ историковъ. Въ византійскомъ сказаніи одно положительно не вѣрно, какъ, напр., имя султана иконійскаго; другое же, какъ, напримѣръ, безпричинное немедленное освобожденіе императоромъ взятаго въ плѣнъ султана, что-то ужь очень сомнительно. Что же касается склонности къ почитанію христіанскихъ святынь, которую будто бы питалъ султанъ Ала-эд-Динъ, или какъ онъ названъ въ сказаніи, Меликъ, то у византійцевъ есть слабость приписывать эту склонность разнымъ иновѣрнымъ властительнымъ лицамъ: подобное подозрѣніе въ склонности къ христіанству брошено ими и на другого сельджукскаго князя, Изз-эд-Дина [2]).

Для насъ во всей этой исторіи важно только то, что турки-сельджуки объ эту пору производили вторженія въ Крымъ морскимъ путемъ и нѣкоторое время держали въ своихъ рукахъ Судакъ. Очень можетъ быть, что бѣжавшіе отъ татаръ на корабляхъ въ мусульманскія земли судакцы и были именно турки, сидѣвшіе въ завоеванномъ ими городѣ въ качествѣ гарнизона, пока ихъ не спугнули оттуда нахлынувшіе татаре.

[1]) Loc. cit., 742. [2]) Pachymeres, vol. I: 265; Niceph. Greg., 90, 10.

Принятіе ислама золотоордынскимъ ханомъ Беркэ сдѣлало его настоящимъ героемъ въ глазахъ правовѣрныхъ арабскихъ лѣтописцевъ, и они всѣ очень подробно распространяются о его дѣяніяхъ, а особливо о его сношеніяхъ съ египетскимъ султанатомъ и о вмѣшательствѣ въ дѣла малоазіатскихъ мусульманъ. При немъ-то и имѣло мѣсто одно событіе, не лишенное своего значенія для исторіи водворенія тюркской народности въ Крыму, а именно эмиграція довольно крупной толпы турковъ-сельджуковъ изъ Малой Азіи въ Европу и первоначальное поселеніе ихъ въ Добруджѣ, откуда они вынуждены были потомъ передвинуться въ Крымъ. Эта эмиграція происходила подъ предводительствомъ нѣкоего Сары-Салтыка, память о которомъ увѣковѣчена въ преданіяхъ, гдѣ личность Сары - Салтыка окружена ореоломъ святости и даже прославлена чудесами. Дѣло было такъ.

Сыновья иконійскаго султана Гыяс-эд-Дина Кэй-Хосрова, Изз-эд-Динъ и Рукн-эд-Динъ сперва оба пришли на поклонъ къ Гулагу-хану вскорѣ по завоеваніи имъ Багдада съ изъявленіемъ покорности. Но затѣмъ Рукн-эд-Динъ безъ явнаго повода, а вѣроятно только съ цѣлью захватить владѣнія брата, двинулся противъ него, вспомогаемый монгольскимъ отрядомъ. Послѣ неудавшихся попытокъ уладить дѣло путемъ мирныхъ переговоровъ, Изз-эд-Динъ бѣжалъ въ Анталію. Когда же войско его подъ начальствомъ Али-Бегадыра было разбито, и онъ увидѣлъ, что дѣло его проиграно, то онъ сталъ просить убѣжища у византійскаго императора, Михаила Палеолога, который ласково пріютилъ бѣглаго экс-султана. Туда же явились съ цѣлою свитою разбитый его полководецъ Али-Бегадыръ да шталмейстеръ Огурлу. Полководецъ оказался полезенъ императору въ его войнѣ въ Румеліи, чѣмъ еще болѣе усилилъ расположеніе императора къ себѣ и къ своимъ собратьямъ-пришлецамъ. Чрезъ нѣсколько времени они обратились къ императору съ такою просьбою. „Мы", сказали они, „турецкаго племени. Вѣчно жить въ городѣ мы не можемъ. Вотъ какъ бы намъ внѣ его от-

ведено было мѣсто для жительства, то мы бы привели изъ Анадолу родственныя намъ тюркскія семьи и стали бы тамъ проводить лѣто и зиму". Василевсъ (императоръ) далъ имъ въ поселеніе Добруджскую область, мѣстности которой прекрасны, спокойны, здоровы, съ благорастворенныиъ климатомъ. Они тогда подъ рукою дали вѣсть родственнымъ съ ними анатольскимъ тюркамъ. Много тюркскихъ кибитокъ подъ видомъ кочевки на зимовье спустились тогда съ Сары-Салтыкомъ къ Изнику (Никеѣ), черезъ Изнемидъ (Никомедію) подошли къ Эскадару (Скутари) и переправились. Въ Добруджѣ довольно долгое время было два три мусульманскихъ города да тридцать или сорокъ группъ турецкихъ кибитокъ; они давали отпоръ врагамъ василевса и побѣждали ихъ.

Послѣ того на почной пирушкѣ у Изз-эд-Дина одинъ изъ собесѣдниковъ повелъ такого рода рѣчь, что, молъ, не худо бы ему было, лишившись своихъ прежнихъ владѣній, при удобномъ случаѣ свергнуть василевса и захватить царство надъ Стамбуломъ и надъ всею страною, а тамъ бы, можетъ быть, представился случай и насчетъ Анатоліи, потому что подданные и свита султана по благоволенію Божію умножились до 10—12 тысячь мужей. Объ этомъ разговорѣ донесъ императору випочерпій, одинъ лукавый грекъ. Императоръ сперва заключилъ въ оковы Огурлу-бека съ Али-Бегадыромъ; потомъ перваго ослѣпилъ, а второго умертвилъ; султана же съ двумя старшими сыновьями заключилъ въ крѣпость; а мать его, которая была сестра василевса, съ двумя маленькими сыновьями оставилъ въ Стамбулѣ въ своемъ домѣ; тѣхъ изъ свиты и нукеровъ ихъ, которые приняли христіанство, пощадилъ, не отрекшіеся же отъ ислама навсегда остались сидѣть въ тюрьмѣ. Тогда братъ султана (Рукн-эд-Динъ), по внушенію Божію, обратился съ просьбою къ хану Дешти Беркэхану, говоря: „Спаси моего брата". Ханъ послалъ большое войско, а вслѣдъ за нимъ явился и самъ Беркэ съ сильнымъ полчищемъ и осадилъ Константинополь; но потомъ, постращавъ императора, заключилъ миръ, освободивъ Изз-эд-Дина

изъ заточенія. Султана татаре представили Беркэ-хану, который принялъ его ласково и съ подобающими почестями, угостивъ кумысомъ и бузою. Добруджскихъ турковъ онъ съ Сары-Салтыкомъ перевелъ въ Дешти-Кыпчакъ; далъ султану въ вотчинное владѣніе Солхатъ и Судакъ, и туркамъ тоже далъ мѣсто для жительства.

Такъ объ этомъ водворепіи малоазіатскихъ тюрковъ сперва въ Добруджѣ, а потомъ и въ Крыму повѣствуетъ Сейидъ-Лукманъ, придворный поэтъ султана Мюрада III, въ своемъ извлеченіи изъ стариннаго историческаго сочиненія اوغوز نامه, изданномъ съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями профессоромъ Гельсинфорскаго университета Лягусомъ подъ заглавіемъ *Seïd Locmani ex libro Turcico qui Oghuzname inscribitur. Helsingforsiae. 1854* [1]).

[1]) Съ редакціонной точки зрѣнія къ изданному тексту можно сдѣлать такія замѣчанія. Имя главы тюркскихъ переселенцевъ проф. Лягусъ читаетъ صادو صالتق, въ латинской транскрипціи *Ssadu Ssaltucus* (Op. cit., 10 и 11). Гаммеръ-Пургшталль произноситъ *Ssari Ssaltuk* (Geschichte der Goldenen Horde. Pesth. 1840., 177 и 178). Чтеніе Гаммера, кажется, вѣрнѣе, ибо имя Сары-Салтыка въ этой формѣ встрѣчается и въ другихъ источникахъ, напр. у Эвлія-Челеби, какъ увидимъ дальше, и у Эльмакризи (Тизенгаузенъ, 425 и 437). Затѣмъ слово صارو имѣетъ значеніе «желтый», а для слова صادو никакого значенія не существуетъ; въ начертаніи же буквы د и ر легко могутъ смѣшиваться. Равнымъ образомъ имя оберштальмейстера султанскаго проф. Лягусъ пишетъ اوغورلو = *Oghurlu* (Op. cit., 9 и 10). Гаммеръ вездѣ пишетъ *Oghuslu* (Loc. cit., 176 и 177). Которая изъ двухъ формъ вѣрнѣе, трудно сказать, ибо обѣ объясняются этимологически. Совершенно ясному и удобопонятному въ турецкомъ текстѣ у Лягуса قرداشنه (Op. cit., 11) у Гаммера соотвѣтствуетъ явно ошибочная транскрипція *karindaschimi* (Loc. cit., 178, 1). Такая разность чтенія указываетъ на неясность самаго почерка оригинальной рукописи; слѣдовательно безъ непосредственнаго ея разсмотрѣнія едва ли можно сказать что-либо рѣшительное въ разъясненіе того мѣста въ текстѣ, которое проф. Лягусъ называетъ *locus obscurissimus* (Op. cit., 50), и еще другого, въ

По существу текста Лукмана возможны такія соображе-

чтенія и пониманія котораго они расходятся съ Гаммеромъ (Op. cit., 51). Сходство буквъ د съ ر повело къ тому, что проф. Лягусъ сперва напечаталъ въ текстѣ (стр. ١٠) سلطانك اتباع وحشمی شمدی چوغلدی اون اون ایکی بیك ار واردر, а потомъ, вѣроятно, замѣтилъ, что Гаммеръ вмѣсто اون ایکی ار واردر читаетъ *Oniki edwar dür* (Op. cit., 177, 5), и захотѣлъ перевести уже согласно съ гаммеровскимъ чтеніемъ: *decem aut undecim familiarum milia* (Op. cit., 11), въ примѣчаніяхъ же сдѣлалъ оговорку, что «ار grave vitium typographicum est pro ادوار» (Loc. cit., 51). Намъ кажется, что онъ напрасно это сдѣлалъ. Прежде всего переводъ этого мѣста вышелъ не согласенъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ чтеніемъ текста: *Oniki* не значитъ *undecim*, а *duodecim*; затѣмъ для *milia* у Гаммера нѣтъ соотвѣтствующаго турецкаго слова بیك «тысяча», которое у него совсѣмъ пропущено, равно какъ пропущено передъ его *Oniki* слово اون «десять». Пропускъ Гаммеромъ цѣлыхъ двухъ словъ въ одной короткой фразѣ какъ-то невольно останавливаетъ отъ излишней довѣрчивости и къ его чтенію этого мѣста. По нашему мнѣнію, проф. Лягусъ правильно разобралъ его вначалѣ. Рѣчь идетъ о замыслѣ посредствомъ военной силы овладѣть престоломъ, поэтому естественно, что тутъ должны были имѣться въ виду лишь люди, составлявшіе эту силу, которыхъ льстивый приближенный Изз-эд-Дина и насчитывалъ اون اون ایکی بیك ار «десять, двѣнадцать тысячъ мужей». Слово ار у прежнихъ турецкихъ писателей весьма употребительно въ значеніи человѣка способнаго носить оружіе, молодца; иногда еще въ соединеніи съ словомъ جنك «война», образуя соединеніе جنك اری «мужъ брани»; между тѣмъ какъ слово ادوار множ. ч. отъ арабскаго существительнаго دار «домъ, жилище», вообще мало употребляется въ турецкомъ языкѣ въ смыслѣ «семьи»; вчастности у Сеййда Лукмана для выраженія этого понятія мы находимъ раньше два чисто турецкихъ слова — او и اوبه, да и по правиламъ турецкой грамматики имена числительныя не требуютъ множественнаго числа отъ опредѣляемыхъ ими предметовъ. Слово ار тѣмъ умѣстнѣе здѣсь, что говорится собственно о ближайшихъ слугахъ Изз-эд-Дина, о его свитѣ — اتباع وحشمی, а не о всемъ племени, имѣвшемъ свое кочевье въ Добруджѣ, слѣдовательно въ одной окраинѣ государства, къ завладѣнію

нія касательно водворенія тюркскихъ переселенцевъ съ Сары-Салтыкомъ во главѣ въ Добруджѣ. Лукманъ о нихъ говоритъ: چوق ترك اوی کچدی وخیله زمان دوبرجه الندە ایکی اوچ پاره مسلمان شهری و اوتوز قرق بولك ترك اوبالری واردی. Проф. Лягусъ усматриваетъ тутъ два совершенно различныхъ факта и переводитъ это мѣсто такъ: „*multae familiae.... transjecerunt. Diu in Dobrudscha duo vel tria oppida musulmanica et triginta quadragintave turmae Turcarum vagorum fuerunt*“ (Стр. 1•&11). На этомъ основаніи покойный профессоръ Ф. К. Брунъ, предполагая, что потомками малоазійскихъ переселенцевъ Иззэд-Дина можно считать такъ называемыхъ Гагаузовъ, которые еще нынѣ встрѣчаются въ Варнѣ и въ окрестностяхъ этого города, присовокупляетъ: „по такъ какъ, по Сейиду Локману, Туркмены или Огузы застали уже въ Добруджѣ тюркскихъ обитателей, которые легко могли смѣшаться съ малоазіатскими ихъ родичами, то въ числѣ нынѣшнихъ Гагаузовъ могутъ также находиться потомки вышеприведенныхъ переселившихся тюркскихъ племенъ, въ особенности Половцевъ, такъ какъ они именно, послѣ нашествія Монголовъ на южную Россію, въ большемъ числѣ перебрались въ Болгарію“ [1]). Смыслъ же вышеприведеннаго мѣста въ турецкомъ текстѣ таковъ, что тамъ скорѣе говорится объ однихъ толь-

---

которымъ во всей его цѣлости и двѣнадцатитысячная орда едва ли могла служить надежною завоевательною силою. А Мюнеджимъ-баши, разсказывая объ этомъ же самомъ обстоятельствѣ, точнѣе описываетъ и способъ, какимъ предполагалось привести въ исполненіе этотъ химерный замыселъ. Онъ говоритъ, что «бывшіе при немъ (Изз-эд-Динѣ) дураки повели такіе разговоры: «если, молъ, ты дашь намъ свое согласіе, то мы когда-нибудь на охотѣ нападемъ на короля (т. е. императора) убьемъ его и покоримъ эту область». Эта болтовня происходила на одной пиршественной попойкѣ. Исполнявшій должность виночерпія греческій парень сейчасъ же пошелъ да и далъ знать объ этомъ случаѣ королю» (Мюнеджимъ-баши, II: 371—372).

[1]) Черноморье, II: 333.

ко малоазійскихъ выселенцахъ. Это мѣсто можно перевести такъ: „Много турецкихъ семей перекочевало, и довольно продолжительное время въ добруджской области было два-три мусульманскихъ города, да тридцать-сорокъ группъ турецкихъ кибитокъ“. Это значитъ, что переселенцы, перебравшись въ Добруджу и проживъ тамъ порядочно времени, заселили 2—3 города и отчасти, въ количествѣ 30—40 группъ кибитокъ, попрежнему продолжали вести жизнь кочевую. Это какъ нельзя болѣе вяжется съ послѣдующимъ. А дальше говорится, что они „давали отпоръ врагамъ василевса и побѣждали ихъ“. Значитъ, они были на самомъ лучшемъ счету у императора, пока не произошелъ разладъ по случаю разсказанной вслѣдъ за этимъ нелѣпой затѣи пьяныхъ приближенныхъ Изз-эд-Дина. Тутъ нѣтъ Лукману повода упоминать о другихъ тюркахъ, ранѣе поселившихся въ Добруджѣ. Допустивъ тотъ фактъ, что орда, приведенная Сары-Салтыкомъ, раздвоилась потомъ на осѣдлую, водворившуюся въ 2—3 городахъ, и сохранившую прежній, кочевой образъ жизни, мы тогда можемъ себѣ объяснить, почему нѣкоторые изъ подданныхъ и слугъ Изз-эд-Дина, вслѣдствіе гоненій на нихъ разгнѣваннаго императора, приняли христіанство, другіе же остались мусульманами и, по освобожденіи Изз-эд-Дина изъ византійскаго плѣна Беркэ-ханомъ, перекочевали въ Крымъ. Надо думать, что вѣроотступниками сдѣлались уже осѣдлые переселенцы, которымъ не захотѣлось разстаться съ своими облюбованными обиталищами, тогда какъ истые кочевники поупрямились и, выждавъ удобный случай, перебрались на новыя мѣста, именно въ Крымъ.

Это, кажется, будетъ болѣе согласно и съ извѣстіями византійскихъ историковъ. Напримѣръ, Никифоръ, подробнѣе другихъ повѣствующій о пребываніи и дѣяніяхъ сельджукскихъ эмигрантовъ на византійской территоріи въ Европѣ въ данный періодъ времени, неоднократно оговаривается, что онъ имѣетъ въ виду именно тѣхъ, которые вышли изъ Малой Азіи

нія касательно водворенія тюркскихъ переселенцевъ съ Сары-Салтыкомъ во главѣ въ Добруджѣ. Лукманъ о нихъ говоритъ: چوق ترك اوی کچدی وخیله زمان دوبرجه الندە ایکی اوج پارە مسلمان شهری واوتوز قرق بولك ترك اوبالری واردی. Проф. Лягусъ усматриваетъ тутъ два совершенно различныхъ факта и переводитъ это мѣсто такъ: *„multae familiae.... transjecerunt. Diu in Dobrudscha duo vel tria oppida musulmanica et triginta quadragintave turmae Turcarum vagorum fuerunt“* (Стр. 10 & 11). На этомъ основаніи покойный профессоръ Ф. К. Брунъ, предполагая, что потомками малоазійскихъ переселенцевъ Изз-эд-Дина можно считать такъ называемыхъ Гагаузовъ, которые еще нынѣ встрѣчаются въ Варнѣ и въ окрестностяхъ этого города, присовокупляетъ: „но такъ какъ, по Сейиду Локману, Туркмены или Огузы застали уже въ Добруджѣ тюркскихъ обитателей, которые легко могли смѣшаться съ малоазіатскими ихъ родичами, то въ числѣ нынѣшнихъ Гагаузовъ могутъ также находиться потомки вышеприведенныхъ переселившихся тюркскихъ племенъ, въ особенности Половцевъ, такъ какъ они именно, послѣ нашествія Монголовъ на южную Россію, въ большемъ числѣ перебрались въ Болгарію“ [1]). Смыслъ же вышеприведеннаго мѣста въ турецкомъ текстѣ таковъ, что тамъ скорѣе говорится объ однихъ толь-

---

которымъ во всей его цѣлости и двѣнадцатитысячная орда едва ли могла служить надежною завоевательною силою. А Мюнеджимъ-баши, разсказывая объ этомъ же самомъ обстоятельствѣ, точнѣе описываетъ и способъ, какимъ предполагалось привести въ исполненіе этотъ химерный замыселъ. Онъ говоритъ, что «бывшіе при немъ (Изз-эд-Динѣ) дураки повели такіе разговоры: «если, молъ, ты дашь намъ свое согласіе, то мы когда-нибудь на охотѣ нападемъ на короля (т. е. императора) убьемъ его и покоримъ эту область». Эта болтовня происходила на одной пиршественной попойкѣ. Исполнявшій должность виночерпія греческій парень сейчасъ же пошелъ да и далъ знать объ этомъ случаѣ королю» (Мюнеджимъ-баши, II: 571—572).

[1]) Черноморье, II: 333.

ко малоазійскихъ выселенцахъ. Это мѣсто можно перевести такъ: „Много турецкихъ семей перекочевало, и довольно продолжительное время въ добруджской области было два-три мусульманскихъ города, да тридцать-сорокъ группъ турецкихъ кибитокъ“. Это значитъ, что переселенцы, перебравшись въ Добруджу и проживъ тамъ порядочно времени, заселили 2—3 города и отчасти, въ количествѣ 30—40 группъ кибитокъ, попрежнему продолжали вести жизнь кочевую. Это какъ нельзя болѣе вяжется съ послѣдующимъ. А дальше говорится, что они „давали отпоръ врагамъ василевса и побѣждали ихъ“. Значитъ, они были на самомъ лучшемъ счету у императора, пока не произошелъ разладъ по случаю разсказанной вслѣдъ за этимъ нелѣпой затѣи пьяныхъ приближенныхъ Изз-эд-Дина. Тутъ нѣтъ Лукману повода упоминать о другихъ тюркахъ, ранѣе поселившихся въ Добруджѣ. Допустивъ тотъ фактъ, что орда, приведенная Сары-Салтыкомъ, раздвоилась потомъ на осѣдлую, водворившуюся въ 2—3 городахъ, и сохранившую прежній, кочевой образъ жизни, мы тогда можемъ себѣ объяснить, почему нѣкоторые изъ подданныхъ и слугъ Изз-эд-Дина, вслѣдствіе гоненій на нихъ разгнѣваннаго императора, приняли христіанство, другіе же остались мусульманами и, по освобожденіи Изз-эд-Дина изъ византійскаго плѣна Беркэ-ханомъ, перекочевали въ Крымъ. Надо думать, что вѣроотступниками сдѣлались уже осѣдлые переселенцы, которымъ не захотѣлось разстаться съ своими облюбованными обиталищами, тогда какъ истые кочевники поупрямились и, выждавъ удобный случай, перебрались на новыя мѣста, именно въ Крымъ.

Это, кажется, будетъ болѣе согласно и съ извѣстіями византійскихъ историковъ. Напримѣръ, Никифоръ, подробнѣе другихъ повѣствующій о пребываніи и дѣяніяхъ сельджукскихъ эмигрантовъ на византійской территоріи въ Европѣ въ данный періодъ времени, неоднократно оговаривается, что онъ имѣетъ въ виду именно тѣхъ, которые вышли изъ Малой Азіи

съ султаномъ Изз-эд-Диномъ [1]). Равнымъ образомъ, хотя они и называются у византійцевъ именемъ *Τουρκόπουλοι*, какимъ звались вообще служившіе подъ византійскими знаменами турки [2]); но, когда нужно, постоянно различаются отъ другихъ народовъ [3]), въ томъ числѣ и отъ комановъ, или половцевъ [4]), на сліяніе съ которыми этихъ эмигрантовъ разсчитываетъ г. Брунъ. У тѣхъ же историковъ не разъ и настоятельно указывается на тѣсное сближеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ сельджукскихъ выходцевъ съ мѣстнымъ христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова въ отношеніи общежитія и религіи [5]). Поэтому выраженіе Лукмана, что „въ Добруджѣ долгое время было два-три города мусульманскихъ“, можно толковать не въ смыслѣ основанія какихъ-то новыхъ городовъ мусульманами, а только въ смыслѣ утвержденія осѣдлости нѣкоторой части мусульманскихъ переселенцевъ въ двухъ-трехъ городахъ добруджскихъ, которые дотолѣ были обитаемы одними христіанами, подобно тому какъ селились же турки, и въ большомъ количествѣ, даже въ самомъ Константинополѣ, прежде чѣмъ онъ сталъ столицею ихъ собственнаго государства.

Несомнѣннымъ все же остается фактъ поселенія цѣлой партіи сельджукскихъ эмигрантовъ въ Крыму во второй половинѣ XIII вѣка, которое состоялось, согласно свидѣтельству всѣхъ историковъ, при участіи Беркэ-хана. Какъ и въ чемъ проявилось его участіе—это другой вопросъ: въ этомъ историки расходятся.

По словамъ Сейида Лукмана, какъ мы видѣли выше, Рукн-эд-Динъ, прежній врагъ Изз-эд-Дина, тронулся будто бы потомъ злополучною судьбою своего брата и сталъ просить Беркэ-хана вступиться за него. Хотя состраданіе Рукн-эд-Дина приписывается Лукманомъ особому внушенію Божію,

---

[1]) Niceph. Greg. Bonnae. Pp. 229, 248 и др. [2]) Ibid., а также Pachymer. II: 524. [3]) Pachymer. II: 524, 550, 553, 591, 601 и др. [4]) Niceph. Greg.; 111. [5]) Nicephor., 229.

но все же обращеніе его къ заступничеству Беркэ-хана намъ кажется невѣроятнымъ, если онъ самъ былъ подъ протекціею Гулагу-хана, заклятого врага Беркэ-хана. Эта вражда поддерживалась и усиливалась подстрекательствами, шедшими изъ Египта отъ султана Бейбарса, который ходатайствовалъ и за султана Изз-эд-Дина, прося оказать содѣйствіе ему [1]). А такъ какъ византійскій императоръ былъ въ дружественныхъ и даже родственныхъ отношеніяхъ съ Гулагу, то Беркэ, чтобы досадить союзнику врага своего, не преминулъ между прочимъ воспользоваться случаемъ и потребовалъ освобожденія Изз-эд-Дина. Но ближайшимъ поводомъ къ посылкѣ Беркэханомъ войска противъ Константинополя послужило задержаніе тамъ пословъ къ нему египетскаго султана [2]).

Другіе историки, какъ напримѣръ Мюнеджжимъ-баши, мотивируютъ заступничество Беркэ-хана за Изз-эд-Дина родственными ихъ связями. Когда произошло вышеописанное недоразумѣніе между сельджукскимъ царевичемъ и византійскимъ императоромъ, говоритъ Мюнеджжимъ-баши, „Крымскій ханъ Беркэ-ханъ, который имѣлъ (женою) тетку Изз-эд-Дина, услышавъ объ этихъ обстоятельствахъ, послалъ вѣсть къ королю (т. е. къ императору) и велѣлъ привести Изз-эд-Дина съ дѣтьми (къ себѣ)" [3]). Эти родственныя отношенія констатируются и весьма точно изображаются еще въ одномъ довольно старомъ турецкомъ историческомъ памятникѣ, принадлежащемъ библіотекѣ Учебн. Отдѣл. Восточн. язык., № 323 [4]). Тамъ въ статьѣ о смерти румскаго султана Ала-эд-Динъ-бенъ-Кейкобада, который приходится дѣдомъ Изз-эд-Дину, сказано, что у него осталось три сына и четыре дочери. Старшій сынъ, отъ греческой рабыни, Гыяс-эд-Динъ занялъ престолъ румскій и велѣлъ задавить тетивою лука младшихъ братьевъ своихъ. А изъ дочерей его „одна по смер-

[1]) Тизенгаузенъ, 55 и 59. [2]) Ibid., 62 и 190—191. [3]) Мюнеджжимъ-баши, II: 572. [4]) Библіографическую замѣтку объ этой рукописи см. въ соч. Барона Б. Р. Розена *Василій Болгаробойца*, стр. 76.

ти отца (который умеръ въ 634 = 1236—1237 году), съ позволенія брата своего, султана Гыяс-эд-Динъ-Кейхосровъ-бенъ-Кейкобада, вышла замужъ за Сылях-эд-Динъ-Абу-ль-Музаффаръ-Юсуфъ-бенъ-Эюба, владѣтеля шамскаго; другая вышла замужъ за Беркэ-ханъ-бенъ-Тули-ханъ-бенъ-Чингизхане (въ текстѣ имя Беркэ ошибочно написано نركه), ибо онъ сдѣлался мусульманиномъ и былъ благочестивый и благовѣрный единобожникъ; третья вышла замужъ за Гулагу-ханъ-бенъ-Тули-ханъ-бенъ-Чингизхана; а четвертая умерла еще при жизни отца" [1]). Слѣдовательно жена Беркэ приходилась теткою сыновьямъ Гыяс-эд-Дина. Поэтому выходитъ также, что такою же теткою была имъ и жена Гулагу-хана. Если присовокупить еще, что, по свидѣтельству византійскихъ историковъ, мать Изз-эд-Дина была христіанка [2]), то получится весьма любопытная картина запутанной фамильной распри, для которой не было препятствій ни въ родственныхъ связяхъ, ни въ религіозныхъ отношеніяхъ.

Расходясь насчетъ мотивовъ вмѣшательства Беркэ-хана въ отношенія византійскаго императора къ Изз-эд-Дину, историки не одинаково изображаютъ и самый фактъ вмѣшательства. Сейидъ Лукманъ говоритъ, что Беркэ сперва послалъ войско противъ византійцевъ, а потомъ отправился и самъ съ большимъ полчищемъ; осадилъ Константинополь, но оставилъ его, удовольствовавшись освобожденіемъ Изз-эд-Дина, котораго онъ обласкалъ и далъ ему въ вотчинное владѣніе Солхатъ и Судавъ, да отвелъ также мѣста для поселенія и туркамъ, перекочевавшимъ въ предѣлы его имперіи подъ предводительствомъ Сары-Салтыка [3]). Другіе же, а именно арабскіе, историки повѣствуютъ о томъ же событіи иначе. Рукн-эд-Динъ Бейбарсъ пишетъ, что Беркэ уже *передъ смертію своею* снарядилъ войско для завоеванія Стамбула; оно,

[1]) Рукопись, листъ 348 recto & verso. [2]) Pachymeres, I: 131. [3]) Op. cit., ij и 13.

вернувшись оттуда, увело съ собою султана Изз-эд-Дина изъ крѣпости, въ которой были заключены онъ и сыновья его съ своими дѣтьми [1]). Въ томъ же духѣ разсказываетъ и Эльмуфаддаль—что войско, посланное Беркэ-ханомъ на Константинополь, произвело опустошенія въ окрестностяхъ его; но потомъ, вслѣдствіе замиренія, ушло оттуда, взявъ съ собою султана Изз-эд-Дина, который содержался въ плѣну въ одной изъ крѣпостей константинопольскихъ [2]). Турецкій историкъ Мюнеджимъ-баши, слѣдуя вышеприведенному порядку событій, глухо замѣчаетъ, что когда освобожденный Изз-эд Динъ приближался къ Бакчэ-Сараю, Беркэ-ханъ уже умеръ, а сыновья его отнеслись къ Изз-эд-Дину неласково, говоря, что его прибытіе не къ добру [3]). Прочіе же извѣстные намъ историки мусульманскіе приписываютъ фактъ освобожденія Изз-эд-Дина и водвореніе его въ Крыму не Беркэ - хану, а преемнику его Менгу-Тимуру. У Эннувейри читаемъ: „Въ 668 = 1269 — 1270 г. Менгу - Темиръ отправилъ войско къ Стамбулу.... Побывавъ у Стамбула и возвращаясь, оно прошло мимо крѣпости, въ которой находился въ заточеніи султанъ Изз-эд-Динъ Кейкаусъ, владѣтель Рума. Оно освободило его оттуда и привело къ царю Менгу-Темиру, который принялъ его съ почетомъ и обласкалъ его“ [4]). Буквально то же самое говорятъ Эльмакризи [5]) и Элайни [6]). Особенно подробно разсказывается у послѣдняго, не исключая и той частности, что войско Менгу-Темира подошло къ Стамбулу въ зимнее время, и что Менгу-Темиръ, встрѣтивъ съ почетомъ и устроивъ Изз-эд-Дина въ Крыму, женилъ его на знатнѣйшей изъ женщинъ своихъ, по имени Урбай-хатунь, на одной изъ дочерей Беркэ [7]). Въ томъ же видѣ этотъ разсказъ является и у историка XVII в. Мустафы Аль-Дженнаби [8]).

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 103. [2]) Ibid., 191. [3]) Мюнеджимъ-баши, II: 572. [4]) Тизенгаузенъ, I: 133 и 153—154. [5]) Ibid., 434. [6]) Ibid., 511. [7]) Ibidem. [8]) Рукоп. Учебн. Отд. при М—вѣ Иностр. Д. № 92, л. 195 г.

Въ виду такого согласія стольких источниковъ относительно одного и того же факта, едва ли былъ правъ проф. Лягусъ, признавъ, вмѣстѣ съ Гаммеромъ, ошибочнымъ извѣстіе Абульфеды о томъ, что уводъ Изз-эд-Дина изъ плѣна совершился не при Беркэ-ханѣ, а при Менгу-Темирѣ [1]).

Что же сталось потомъ въ Крыму съ семьею Изз-эд-Дина, и надолго ли она водворилась тамъ?

По свидѣтельству Сейида Лукмана Изз-эд-Динъ получилъ въ удѣлъ Солхатъ и Судакъ; а прочимъ его спутникамъ тюркамъ также было отведено мѣсто для жительства, но гдѣ именно, неизвѣстно [2]). Затѣмъ онъ вкратцѣ присовокупляетъ, что по смерти Изз-эд-Дина Беркэ-ханъ отослалъ сына его Масъуда на кораблѣ въ Синопъ, откуда онъ отправился дальше, въ Тебризъ на службу къ великому ильхану, т. е. къ Абака-хану Гулагидскому [3]). Что сынъ Изз-эд-Дина Масъудъ вернулся въ Малую Азію, это вѣрно; но что его вернулъ туда Беркэ-ханъ, это—анахронизмъ, который былъ еще замѣченъ проф. Лягусомъ [4]). Эльмакризи и Элайни совсѣмъ уже коротко замѣчаютъ только, что въ 677 = 1278—1279 г. умеръ у царя татарскаго Менгу-Темира въ городѣ Сараѣ султанъ Изз-эд-Динъ Кейкаусъ, сынъ Кейхосроу [5]); а сынъ его Масъудъ отправился и завладѣлъ землями румскими [6]).

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія по этому предмету находимъ у другихъ историковъ. Такъ Мюнеджжимъ-баши разсказываетъ, что Изз-эд-Динъ, прибывши, по освобожденіи изъ византійскаго заточенія, въ Крымъ, не засталъ въ живыхъ Беркэ-хана, а сыновья его отнеслись къ Изз-эд-Дину неласково, говоря, что его прибытіе не благополучно, и не помѣстили его въ Бакчэ-Сараѣ, а остановили въ одномъ городѣ на берегу моря. Изз-эд-Динъ провелъ тамъ восемь лѣтъ

[1]) Op. cit., 34; Gesch. d. Gold. Horde, 180, 4. [2]) Op. cit, ١١ & 13. [3]) Ibid., ١٢ & 16. [4]) Op. cit., 35. [5]) Тизенгаузенъ, 512. [6]) Ibid., 434.

при полномъ стѣсненіи и неудобствѣ; терпѣлъ горе и страдалъ болѣзнью. Наконецъ въ 678 = 1279 году тяжко захворалъ и далъ своимъ сыновьямъ такое, достойное царей, наставленіе: „Я впалъ въ это бѣдствіе и злополучіе", сказалъ онъ, „оттого, что сближался и собесѣдовалъ съ глупцами, а пренебрегалъ людьми умными и дальновидными. Теперь послѣ меня подите и живите въ странѣ отцовъ и дѣдовъ вашихъ и слушайте словъ доброжелателей". Какъ только онъ умеръ, сыновья его Гыяс-эд-Динъ Масъудъ и Рукн-эд-Динъ Кеюмерсъ перебрались въ страны румскія; а затѣмъ пошли ко двору Абака-хана и тамъ были приняты съ почетомъ [1]).

Въ этомъ правдоподобномъ по духу и согласномъ съ хронологіею разсказѣ турецкаго историка мы все еще однако не видимъ другихъ мотивовъ, заставившихъ дѣтей Изз-эд-Дина покинуть свое новое отечество и вернуться на родину своихъ предковъ, кромѣ простого завѣщанія отца ихъ Изз-эд-Дина. Этотъ мотивъ раскрывается намъ другими историками, и ближе всего мы его находимъ у Дженнаби, по словамъ котораго Менгу-Темиръ ласково обошелся съ Изз-эд-Диномъ, женилъ его у себя; Изз-эд-Динъ оставался при немъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 677 = 1278—1279 году въ городѣ Сараѣ.. . Въ 677 же году, по смерти Изз-эд-Дина Менгу-Темиръ вознамѣрился женить султана Масъуда на женѣ отца его Изз-эд-Дина. Тогда Масъудъ бѣжалъ, достигъ малоазійскихъ предѣловъ и былъ приведенъ къ Абака-бенъ-Гулагу, который благосклонно отнесся къ нему и далъ ему Сивасъ, Эрзерумъ и Эрзенджанъ во владѣніе [2]).

Изъ этого прежде всего видно, что удаленіе сыновей Изз-эд-Дина изъ Крыма совершилось не только безъ содѣйствія татарскаго хана, кто бы онъ ни былъ—Беркэ ли, какъ ошибочно говоритъ Сейидъ Лукманъ, или Менгу-Тимуръ, при которомъ дѣйствительно все это происходило,—а было слѣд-

[1]) Мюнедджимъ-баши, II: 572. [2]) Рукоп. Учеб. Отд. № 92, л. 195 r. & v.

ствіемъ непріятныхъ для нихъ обстоятельствъ, а именно принужденія Менгу-Темиромъ Масъуда къ кровосмѣсному браку съ своею мачихою.

Можно бы было усумниться въ справедливости этого послѣдняго мотива, если бы онъ не подтверждался другими историческими свидѣтельствами. Вотъ что читаемъ у Рукнэд-Дина Бейбарса. „Онъ (Изз-эд-Динъ Кейкаусъ) оставался у нихъ (татаръ) до тѣхъ поръ, пока не приключилась смерть его въ этомъ году (677 = 25 мая 1278—13 мая 1279 года). Когда онъ умеръ, то Менгу-Темиръ старался женить сына его, султана Масъуда, на женѣ отца его, Урбай-хатуни, но Масъудъ отвергъ это неслыханное предложеніе, возмутясь его безобразіемъ, безнравственностью и уклоненіемъ отъ пути законности, и ему не было другого спасенія отъ нея, какъ бѣгство отъ нея. Онъ (дѣйствительно) и бѣжалъ оттуда въ сопровожденіи двухъ сыновей своихъ, изъ которыхъ одного звали Меликомъ, а другого Кара-Мюрадомъ“ [1]).

Такой противонравственный поступокъ Менгу-Темира, возмутившій даже прюдность мусульманскаго историка, оказывается, вовсе не былъ исключительнымъ явленіемъ у татарскихъ хановъ. Про Узбекъ-хана узнаемъ, что онъ женился на Баялунь-хатуни, женѣ отца своего [2]). По этому поводу арабскіе историки прибавляютъ, что будто бы находившійся при Узбекѣ одинъ ученый далъ ему фетву въ томъ смыслѣ, что такъ какъ отецъ Узбека былъ невѣрный (по Ибнъ-Хальдуну—огнепоклонникъ), то бракъ его съ этой женщиной былъ преступный [3]).

Такое кровосмѣшеніе практиковалось въ Золотой Ордѣ не изъ простой безнравственной прихоти, а изъ политическихъ разсчетовъ: Баялунь-хатунь въ ссорѣ съ своимъ пасынкомъ-мужемъ бранила его и упрекала за то, что она добыла ему царство, давала ему деньги, коней, одежды для тѣхъ, кто требовалъ всего этого, и такимъ образомъ улажи-

[1]) Тизенгаузенъ, 81 & 103. [2]) Тизенгаузенъ, I: 385. [3]) Ibid., 516.

вала дѣла его, а онъ, неблагодарный, отставилъ ея брата Бай-Демира отъ управленія городомъ Ургенджемъ и Хорезмскою областью [1]). Причина раздора между супругами могла быть и другая, ибо Баялунь-хатунь, по свидѣтельству Ибнъ-Батуты, была дочь византійскаго императора [2]); но самый фактъ раздора и характеръ упрековъ Баялунь-хатуни указываетъ на важное значеніе брачныхъ союзовъ, какое придавалось вообще тогдашними владѣтельными домами въ международной политикѣ, не исключая и хановъ золотоордынскихъ; особенно если принять во вниманіе то нешуточное вліяніе, какое оказывали въ дѣлахъ управленія Орды высокопоставленныя дамы, судя по многочисленнымъ фактамъ этого вліянія, которые приводятся у историковъ [3]). Посредствомъ родственныхъ связей поддерживались у золотоордынскихъ хановъ дружелюбныя отношенія даже съ такими отдаленными странами, какъ Египетъ [4]). Эльмеликъ Эззахыръ, египетскій султанъ, возстановляя омусульманившагося Беркэхана противъ Гулагу, въ числѣ главныхъ мотивовъ необходимости воевать противъ него выставляетъ тотъ, что Гулагу ради своей жены христіанки будто бы установилъ у себя религію креста и предпочелъ религіи, исповѣдуемой Беркэханомъ, вѣру жены своей [5]). Другой египетскій султанъ, Эльмеликъ Эннасыръ, сватая одну изъ княженъ Чингизханова рода, по имени Тулун-бія, прямо выразился послу Узбекъхана, Баянъ-Джару насчетъ цѣли своего сватовства: „мы не желаемъ красоты, а хотимъ только знатности происхожденія и близкаго родства съ братомъ моимъ (т. е. Узбекомъ), да будемъ мы и онъ единымъ существомъ“ [6]).

Ханы Золотой Орды подобными же политическими браками хотѣли, кажется, упрочить свое вліяніе и въ Малой

---

[1]) Ibidem. [2]) Ibid., 301—302. [3]) Ibid., 107—109, 117, 150, 156, 157, 168, 229, 263, 269. Григорьевъ, *Россія и Азія*. Спб. 1876. 214—220. [4]) Тизенгаузенъ, I: 251, 277, 327, 345, 385. [5]) Ibid., 55. [6]) Ibid., 439.

Азіи, вособенности въ виду того соперничества и раздоровъ, какіе происходили въ ихъ собственномъ родѣ. Беркэ-ханъ, мы видѣли, тоже былъ женатъ на дочери Ала-эд-Дина, султана иконійскаго [1]). На этомъ основаніи можно полагать, что намѣреніе Менгу-Темира женить Гыяс-эд-Дина-Масъуда, сына Изз-эд-Дина, на вдовѣ послѣдняго, также проистекало изъ стремленія его прочнѣе связать интересы малоазійскихъ владѣтельныхъ выходцевъ съ своими собственными и обусловливалось наслѣдственною враждою съ домомъ Гулагу, которая продолжалась и по смерти Беркэ-хана. По тѣмъ же побужденіямъ, вѣроятно, и Абака-ханъ принялъ такое участіе въ искавшемъ его покровительства Масъудѣ, когда онъ бѣжалъ отъ Менгу-Темира. Послѣ того однако же не прекратились дальнѣйшія отношенія между Крымомъ и Малой Азіей. Мы далѣе читаемъ у Дженнаби, что „въ 681 = 1282 году татарскій царь Аргунъ-бенъ-Абака умертвилъ румскаго султана Гыяс-эд-Дина-Кейхосровъ-бенъ-Кылыджъ-Арсланъ-бенъ-Кейхосровъ-бенъ-Кейкобада (т. е. сына Рукн-эд-Дина, двоюроднаго брата Масъудова) за то, что онъ питалъ склонность къ сторонѣ владѣтеля Крыма, ибо между Аргуномъ и владѣтелемъ Крыма была сильнѣйшая вражда, и званіе султана румскаго перешло къ Гыяс-эд-Динъ-Масъудъ-бенъ-Изз-эд-Динъ-Кейкаусъ-бенъ-Кейхосровъ-бенъ-Кейкобаду [2]). Тутъ не ясно только одно—почему прежній приверженецъ гулагидскаго дома Гыяс-эд-Динъ, сынъ Рукн-эд-Дина, вдругъ сталъ склоняться на сторону Крымскаго владѣтеля: развѣ, можетъ быть, за безвинное умерщвленіе отца своего, оклеветаннаго въ мятежническихъ замыслахъ [3]).

Поэтому извѣстіе въ безъимянной біографіи Гулагу, что въ числѣ подарковъ, посланныхъ изъ Египта къ Менгу-Темиру, была также часть и для султана Гыяс-эд-Дина, сына султана Изз-эд-Дина, при чемъ посольство не застало въ жи-

[1]) Выше стр. 20. [2]) Дженнаби, л. 195 v. [3]) Мюнеджжимъ-баши, II 572.

выхъ Менгу-Темира [1]), надобно считать анахронизмомъ со стороны автора біографіи, или же допустить, что въ Египтѣ не знали еще о побѣгѣ Масъуда изъ Крыма, когда отправляли на его долю подарки съ посольствомъ къ Менгу-Темиру [2]).

Но если такова была судьба Изз-эд-Дина и его сыновей, то куда же дѣвалась та большая толпа его малоазіатскихъ соотечественниковъ, которая эмигрировала за нимъ изъ Добруджи?

Ближе всего, конечно, предполагать, что эти пришельцы осѣли въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя пожалованы были въ удѣлъ Изз-эд-Дину. А такимъ удѣломъ былъ, по общему голосу историковъ, Судакъ. Значитъ, возможно, что и сельджукская орда потянулась туда же, къ морскому прибрежью, какъ думаетъ и г. Брунъ [3]). Но все, что мы имѣемъ изъ слѣдовъ тогдашняго водворенія сельджуковъ въ Крыму—это нѣкоторыя преданія о Сары-Салтыкѣ и упоминаніе о городѣ его имени. Арабскій путешественникъ говоритъ про г. Судакъ, что „его населяютъ тюрки и, подъ ихъ покровительствомъ, нѣсколько византійцевъ" [4]). Сопутствуя Баялунь-хатуни, ѣхавшей въ Константинополь на свиданіе съ отцомъ, Ибнъ-Батута изъ Судака прибылъ къ городу извѣстному подъ именемъ Баба Салтукъ. „*Баба*", пишетъ онъ, „имѣетъ у нихъ такое же значеніе, какъ у Берберовъ (т. е. отецъ); они только рѣзче произносятъ (букву) *б. Салтукъ*—(пишется) черезъ *сал, ту* и *к*—былъ, говорятъ, прорицатель, но про него разсказываютъ (такія) вещи, которыя законъ запрещаетъ" [5]).

Вѣроятно, Ибнъ-Батута разумѣетъ легенды объ умерщвленіи Сары-Салтыкомъ какого-то дракона въ Добруджѣ и спасеніи отъ смерти царскихъ дочерей; о состязаніи его съ христіанскимъ монахомъ посредствомъ ордаліи въ видѣ кипящаго котла и о почитаніи мощей его въ семи различныхъ

---

[1]) Тизенгаузенъ, 67—68. [2]) Ibid., 104, 155, 361. [3]) Черноморье, II: 142. [4]) Тизенгаузенъ, I: 303. [5]) Ibidem.

мѣстностяхъ, и между прочимъ въ Московіи подъ именемъ св. Николы,—легенды, которыя подробно разсказаны въ запискахъ турецкаго путешественника XVII в. Эвлія-челеби и сокращенно повторены у г. Бруна [1]). Но бѣда въ томъ, что эти легенды слышаны путешественникомъ отъ дервишей ордена бекташи въ монастырѣ, находящемся на мысѣ Кильгрѣ близъ Варны и относятся къ развалинамъ замка Кильгры. Изъ семи могилъ, въ которыхъ оказались мощи Сары-Салтыка, три находятся, по словамъ того же Эвлія-челеби, во владѣніяхъ Отоманскихъ; одна изъ нихъ въ Бабадагѣ подъ именемъ „Баба-Султанъ", другая въ Баба-Эскиси подъ именемъ „Сары-Салтыкъ Султанъ", а третья подъ именемъ „Кильгра Султанъ" [2]). На этомъ основаніи городъ Баба Салтукъ, упоминаемый Ибнъ-Батутою, г. Гаммеръ предполагаетъ также въ Добруджѣ, въ одномъ изъ вышеозначенныхъ мѣстъ нахожденія мнимыхъ могилъ сельджукскаго святого [3]), съ чѣмъ однако же г. Брунъ не согласенъ [4]). Уже многочисленность географическихъ пунктовъ, къ которымъ легенда пріурочиваетъ могилу Сары-Салтыка, дѣлаетъ подозрительною достовѣрность взаимной исторической связи ихъ, тѣмъ болѣе, что слово *Баба* „отецъ" не есть собственное имя, а эпитетъ, который обыкновенно прилагается къ именамъ очень многихъ мусульманскихъ святыхъ, или *азизовъ*: Коюнъ-баба, Кемаль-баба, Гюль-баба, и др. Но и г. Брунъ, оспаривающій конъектуру Гаммера, даже приблизительно не указываетъ мѣстности, гдѣ бы могъ находиться загадочный городъ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что тюркская эмиграція изъ Малой Азіи подъ предводительствомъ Сары-Салтыка могла надѣлать много шума въ Добруджѣ и оставить память о себѣ въ легендахъ, связанныхъ съ именемъ предводителя и пріуроченныхъ въ позднѣйшее время къ вышеозначеннымъ пунктамъ.

[1]) Narrative of travels, by Evliya efendi, translat. by Hammer. London, 1850. II: 70—72; Брунъ, Черноморье, II: 342—343. [2]) Narrative, II: 72. [3]) Gesch. d. Gold. Horde, 177. [4]) Черноморье, II: 142.

Что болѣе всего связываетъ личность Сары-Салтыка съ Крымомъ — это одно обстоятельство, которое, вѣроятно, и шокировало благочестивое чувство арабскаго путешественника Ибнъ-Батуты, замѣтившаго, что про Салтыка разсказываютъ такія вещи, *которыя возбраняются закономъ*. Эвлія-эфенди, перечисляя разныя профессіональныя корпораціи, говоритъ подъ № 729 о дѣлателяхъ и продавцахъ бузы, которые считаютъ своимъ патрономъ также Сары-Салтыка. Находя изобрѣтеніе такого напитка, какъ буза, несовмѣстнымъ со святостью личности Сары-Салтыка, Эвлія разсказываетъ извѣстную и повторенную имъ послѣ еще разъ легенду о немъ; настоящимъ же изобрѣтателемъ бузы онъ называетъ какого-то татарина Салсала, который былъ убитъ стрѣлою въ Аккерманѣ Малекъ-Уштуромъ; этотъ послѣдній, огорченный смертью Салсала, умеръ въ Крыму въ Эски-Юртѣ и погребенъ въ Ени-Салачикѣ [1]. Въ другомъ мѣстѣ Эвлія-челеби называетъ Мелекъ-Уштура патрономъ чаушей и сообщаетъ весьма любопытную замѣтку насчетъ его могилы. „Когда я, бѣдный Эвлія“, читаемъ мы, „въ 1076 = 1665 году былъ въ службѣ Мухаммедъ-Герая, хана Крымскаго, то онъ задумалъ выстроить монументъ въ Эски-Юртѣ, гдѣ могилы всѣхъ Крымскихъ хановъ. Во время копанія земли для фундамента была найдена мраморная квадратная доска съ надписью на джагатайскомъ языкѣ [2]), указывавшею, что это была могила Малекъ-Уштура, сподвижника пророка, убитаго стрѣлою Салсала въ 300 году [3]). Согласно вычисленію ученыхъ улемовъ прошло 770 лѣтъ со смерти его. Му-

---

[1]) Narrative of travels, vol. I, part. II: 245. [2]) У Гаммера въ переводѣ записокъ Эвлія-эфенди, вѣроятно, ошибочно сказано: «In the Chagataian language» [3]) Выше, мы видѣли, сказано было у Эвлія-челеби, что Малекъ-Уштуръ убилъ Салсала. Такое противорѣчіе могло явиться по винѣ переводчика, г. Гаммера. Текстъ же доселѣ составляетъ библіографическую рѣдкость и нигдѣ въ европейскихъ каталогахъ не объявляется, не исключая кодекса, которымъ пользовался г. Гаммеръ.

хаммедъ-Герай, найдя эту могилу, оставилъ мысль устроить усыпальницу для себя, а воздвигъ куполъ надъ нею съ надписью длинными буквами и основалъ монастырь съ тюрбэдаремъ, или блюстителемъ монумента при немъ“ [1]).

Кромѣ того, Эвлія-челеби еще разъ вспоминаетъ о Сары-Салтыкѣ по поводу сна, видѣннаго имъ въ бытность его въ Ангорѣ, когда ему явился этотъ святой и сказалъ, что онъ покоится въ этомъ же городѣ подъ именемъ Эръ-Султана [2]).

Сколь ни смутны всѣ вышеприведенныя преданія о личности Сары-Салтыка, смѣшиваемой съ другими, въ родѣ Малекъ-Уштура, но изъ сопоставленія ихъ съ историческими данными все же можно вывести то заключеніе, что личность эта, представляя смѣсь историческихъ чертъ съ миѳическими, по мѣсту происхожденія и, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, подвиговъ своихъ является какъ бы олицетвореніемъ той исконной связи тюрковъ Малой Азіи съ крымскими, которая всего болѣе оставила памяти въ большой эмиграціи малоазійскихъ сельджуковъ въ Крымъ въ концѣ XIII вѣка. Другого объясненія пока нельзя дать этимъ преданіямъ.

Но кромѣ такихъ легендарныхъ преданій есть и другія, болѣе положительныя, указанія на то, что Крымское южное побережье давно было занято поселенцами тюркскаго племени, но только не собственно такъ называемыми татарами, которые предпочитали гнѣздиться въ глубинѣ полуострова, оставляя прибрежье въ пользу родственныхъ пришельцевъ и христіанскихъ поселенцевъ. Такъ оно было, по крайней мѣрѣ, съ главными прибрежными пунктами, съ Судакомъ и Кафой.

Простерши однажды свою завоевательную руку къ приморскимъ окраинамъ, татаре и по удаленіи своемъ не упускали ихъ изъ вида, а время отъ времени напоминали о своей власти въ этихъ окраинахъ, безъ церемоніи распоряжаясь въ нихъ и не обращая вниманія на непрекращавшія-

---

[1]) Narrative, loc. cit. 105. [2]) Op. cit., vol. II: 232—233.

ся владѣтельныя притязанія византійскихъ императоровъ па Крымское „Заморье“ [1]).

Произведя первый погромъ Судака въ 1223 году, татаре не замедлили повторить его въ 1239 году. На этотъ разъ южнобережцы только десять лѣтъ спустя праздновали свое освобожденіе отъ иновѣрнаго ига [2]). Это освобожденіе надо понимать, кажется, въ смыслѣ лишь удаленія массы нахлынувшихъ татаръ, а не окончательнаго прекращенія всякихъ властныхъ отношеній завоевателей къ приморской окраинѣ Крыма, о чемъ они и не помышляли вовсе. Послѣ этого нашествія татаре еще не одинъ разъ производили свои опустошительныя вторженія, и притомъ, какъ кажется, не то чтобы каждый разъ для водворенія вновь своего господства, а съ цѣлію поддержанія своего прежняго престижа, который пытались было игнорировать мѣстные правители.

Въ концѣ XIII в. въ царствованіе хана Тула-Буги выдвинулся эмиръ Ногай, благодаря женѣ Менгу-Темира Джидджекъ-хатуни, которую онъ потомъ, въ разгарѣ самоуправства, велѣлъ задушить самоё въ угоду своимъ сторонникамъ эмирамъ [3]). Этотъ полководецъ настолько былъ вліятеленъ, что даже византійскій императоръ заискивалъ его расположенія посредствомъ женитьбы его на своей побочной дочери Эвфросиніи [4]). Уходивъ хана Тула-Бугу и разбивъ въ сраженіи его преемника хана Токту, Ногай овладѣлъ его областями въ 698 = 1298—1299 году и послалъ внука своего Актаджи въ земли крымскія собрать подати, наложенныя на жителей его. Тотъ пришелъ въ Кафу, въ городъ, принадлежавшій генуэзскимъ франкамъ и потребовалъ отъ ея жителей денегъ. Они угостили его, поднесли ему кое-что для

---

[1]) Брунъ, Черноморье, II: 134. [2]) Зап. Одес. Общ., V: 611, № 104. [3]) Тизенгаузенъ, I: 109, 156, 381 и др. [4]) Pachymer. Bonnae 1835. I: 344 и 180; II: 263—265. У Гаммера (Gesch. d. Gold. H., 277) она однажды названа почему-то Ириною, хотя Эвфросинія есть сама по себѣ (Ibid., 253 и 258).

ѣды и вино для питья. Когда же онъ охмѣлѣлъ отъ напитка, они напали на него и убили. По полученіи извѣстія объ умерщвленіи его Ногай отправилъ въ Крымъ большое войско. Оно ограбило Кафу и сожгло ее; перебило множество крымцевъ и взяло въ плѣнъ находившихся тамъ купцовъ мусульманскихъ, алланскихъ и франкскихъ [1]). Та же участь постигла и Судакъ. Ногай, прежде чѣмъ подвергъ городъ разгромленію, приказалъ выдти изъ него приверженцамъ своимъ, которые составляли цѣлую треть всего населенія; а затѣмъ остальныхъ ограбилъ и предалъ истребленію. Причиною этого погрома было то, что пошлины и другіе доходы съ Судака дѣлились между четырьмя, такъ названными у арабскаго историка, татарскими царями, одинъ изъ коихъ былъ Токтай, и тѣ, которые были соправителями его, обижали намѣстниковъ его при дѣлежѣ приходившихся на его долю доходовъ [2]). Арабскій историкъ, описывающій этотъ погромъ Судака со словъ купцовъ, очевидцевъ происшествія, смѣшиваетъ тутъ Ногая съ Тохтой [3]). Это смѣшеніе легко могло произойти вслѣдствіе того, что хотя разгромъ былъ произведенъ Ногаемъ, но не отъ своего лица, а во имя Тохтай-хана, до столкновенія между ними самими, о которомъ тотъ же историкъ разсказываетъ дальше; тѣмъ болѣе что въ приписке къ приведенному разсказу объ одновременномъ разгромленіи Кафы сказано, что Тохтай подарилъ Крымъ Ногаю [4]), а онъ и отправился туда осуществлять свои владѣтельныя права посредствомъ сбора дани съ такихъ богатыхъ мѣстностей, какъ Кафа и Судакъ.

Въ скоромъ времени, а именно въ 707 = 1307—1308 г. Кафа потерпѣла новое бѣдствіе отъ войскъ Тохты-хана, присланныхъ туда для наказанія генуэзскихъ франковъ за про-

[1]) Тизенгаузенъ, I: 111—112. [2]) Ibid., 195. [3]) Какъ на бѣду, и въ извѣстной приписке къ Синаксарю (Зап. Од. Общ., V: 596, № 5), также стоитъ неясное начертаніе ro. ςαΐ, которое все-таки больше походитъ на *Ногай*, нежели на *Тохтай*. [4]) Ibid., 111—112.

дажу ими татарскихъ дѣтей въ неволю и за разныя другія вещи [1]). На этотъ разъ расправа съ франками была повсемѣстная во владѣніяхъ ханскихъ — въ Крыму, Кафѣ и въ Сѣверныхъ областяхъ, какъ говорятъ историки. Изъ Кафы франки спасались бѣгствомъ на корабляхъ. Относительно Судака арабскій историкъ Эльмуфаддаль замѣчаетъ только, что онъ въ эту пору входилъ въ черту владѣній Тохты-хана [2]).

Если Ногай, или Тохта, подступивъ съ своимъ полчищемъ въ 1299 году къ Судаку, нашелъ въ немъ приверженцевъ, то естественнѣе всего таковыми должны были оказаться ихъ соплеменники, и притомъ мусульмане по вѣрѣ, а не христіане другихъ расъ: послѣднимъ мудрено было торжествовать освобожденіе отъ иновѣрнаго ига и въ то же время являться сторонниками тѣхъ, кто налагалъ это самое иго. Если же такихъ сторонниковъ оказалась цѣлая треть населенія города, то едва ли это количество могло составиться изъ татаръ, случайно въ разное время отставшихъ отъ приходившихъ туда прежде татарскихъ полчищъ. Это скорѣе и были тѣ именно тюрки, которые водворены были въ той мѣстности Менгу-Темиромъ, когда они явились къ нему искать себѣ новаго отечества вслѣдъ за Изз-эд-Диномъ и Баба-Салтыкомъ, и хотя еще не успѣли слиться съ тамошними христіанскими жителями, но не были вполнѣ солидарны и съ татарами, приходившими туда въ качествѣ враговъ и поработителей. Конечно, въ числѣ сочувственниковъ татарамъ могли быть также отчасти и кипчаки, или половцы, которые еще ранѣе добровольно водворились въ Судакѣ, или загнаны были туда первымъ татарскимъ нашествіемъ. Арабскій историкъ Эломари обращаетъ вниманіе на ассимилирующую силу кипчацкой породы и говоритъ, что татаре, смѣшавшись съ кипчаками, сами стали точно кипчаки, какъ будто они одного съ ними племени, а затѣмъ присовокупляетъ слѣдующее соображеніе: „таким образомъ долгое пребываніе въ ка-

[1]) Тизенгаузенъ, I: 120 и 162. [2]) Ibid., 197.

ѣды и вино для питья. Когда же онъ охмѣлѣлъ отъ напитка, они напали на него и убили. По полученіи извѣстія объ умерщвленіи его Ногай отправилъ въ Крымъ большое войско. Оно ограбило Кафу и сожгло ее; перебило множество крымцевъ и взяло въ плѣнъ находившихся тамъ купцовъ мусульманскихъ, алланскихъ и франкскихъ [1]). Та же участь постигла и Судакъ. Ногай, прежде чѣмъ подвергъ городъ разгромленію, приказалъ выдти изъ него приверженцамъ своимъ, которые составляли цѣлую треть всего населенія; а затѣмъ остальныхъ ограбилъ и предалъ истребленію. Причиною этого погрома было то, что пошлины и другіе доходы съ Судака дѣлились между четырьмя, такъ названными у арабскаго историка, татарскими царями, одинъ изъ коихъ былъ Токтай, и тѣ, которые были соправителями его, обижали намѣстниковъ его при дѣлежѣ приходившихся на его долю доходовъ [2]). Арабскій историкъ, описывающій этотъ погромъ Судака со словъ купцовъ, очевидцевъ происшествія, смѣшиваетъ тутъ Ногая съ Тохтой [3]). Это смѣшеніе легко могло произойти вслѣдствіе того, что хотя разгромъ былъ произведенъ Ногаемъ, но не отъ своего лица, а во имя Тохтай-хана, до столкновенія между ними самими, о которомъ тотъ же историкъ разсказываетъ дальше; тѣмъ болѣе что въ припискѣ къ приведенному разсказу объ одновременномъ разгромленіи Кафы сказано, что Тохтай подарилъ Крымъ Ногаю [4]), а онъ и отправился туда осуществлять свои владѣтельныя права посредствомъ сбора дани съ такихъ богатыхъ мѣстностей, какъ Кафа и Судакъ.

Въ скоромъ времени, а именно въ 707 = 1307—1308 г. Кафа потерпѣла новое бѣдствіе отъ войскъ Тохты-хана, присланныхъ туда для наказанія генуэзскихъ франковъ за про-

[1]) Тизенгаузенъ, I: 111—112. [2]) Ibid., 195. [3]) Какъ на бѣду, и въ извѣстной припискѣ къ Синаксарю (Зап. Од. Общ., V: 596, № 5) также стоитъ неясное начертаніе *vo. ςαĩ*, которое все-таки больше походитъ на *Ногай*, нежели на *Тохтай*. [4]) Ibid., 111—112.

дажу ими татарскихъ дѣтей въ неволю и за разныя другія вещи [1]). На этотъ разъ расправа съ франками была повсемѣстная во владѣніяхъ ханскихъ — въ Крыму, Кафѣ и въ Сѣверныхъ областяхъ, какъ говорятъ историки. Изъ Кафы франки спасались бѣгствомъ на корабляхъ. Относительно Судака арабскій историкъ Эльмуфаддаль замѣчаетъ только, что онъ въ эту пору входилъ въ черту владѣній Тохты-хана [2]).

Если Ногай, или Тохта, подступивъ съ своимъ полчищемъ въ 1299 году къ Судаку, нашелъ въ немъ приверженцевъ, то естественнѣе всего таковыми должны были оказаться ихъ соплеменники, и притомъ мусульмане по вѣрѣ, а не христіане другихъ расъ: послѣднимъ мудрено было торжествовать освобожденіе отъ иновѣрнаго ига и въ то же время являться сторонниками тѣхъ, кто налагалъ это самое иго. Если же такихъ сторонниковъ оказалась цѣлая треть населенія города, то едва ли это количество могло составиться изъ татаръ, случайно въ разное время отставшихъ отъ приходившихъ туда прежде татарскихъ полчищъ. Это скорѣе и были тѣ именно тюрки, которые водворены были въ той мѣстности Менгу-Темиромъ, когда они явились къ нему искать себѣ новаго отечества вслѣдъ за Изз-эд-Диномъ и Баба-Салтыкомъ, и хотя еще не успѣли слиться съ тамошними христіанскими жителями, но не были вполнѣ солидарны и съ татарами, приходившими туда въ качествѣ враговъ и поработителей. Конечно, въ числѣ сочувственниковъ татарамъ могли быть также отчасти и кипчаки, или половцы, которые еще ранѣе добровольно водворились въ Судакѣ, или загнаны были туда первымъ татарскимъ нашествіемъ. Арабскій историкъ Эломари обращаетъ вниманіе на ассимилирующую силу кипчацкой породы и говоритъ, что татаре, смѣшавшись съ кипчаками, сами стали точно кипчаки, какъ будто они одного съ ними племени, а затѣмъ присовокупляетъ слѣдующее соображеніе: „такимъ образомъ долгое пребываніе въ ка-

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 120 и 162. [2]) Ibid., 197.

кой-либо странѣ и землѣ заставляетъ натуру человѣческую уподобляться ей и измѣняетъ прирожденныя черты согласно ея природѣ"[1]). Но что арабскій историкъ-философъ констатируетъ касательно кипчаковъ по отношенію ихъ къ татарамъ, то не совсѣмъ примѣнимо къ тѣмъ изъ нихъ, которые поселились въ Судакѣ: совмѣстное жительство съ христіанскимъ европейскимъ населеніемъ этого города въ непродолжительный срокъ самихъ ихъ преобразило, подчинивъ культурному вліянію этого населенія. Нагляднымъ доказательствомъ такого подчиненія служитъ тотъ фактъ, что въ извѣстныхъ синодиковыхъ припискахъ къ греческому Синаксарю[2]) мы находимъ въ числѣ упомянутыхъ тамъ разныхъ покойниковъ очень много именъ тюркскихъ и притомъ съ такими эпитетами, которые указываютъ на то, что они были не простые міряне, а принадлежали даже къ церковному клиру, каковы, напр., іеромонахъ Султанъ[3]), монахъ Алачи[4]), попадья Сююнчукъ (τζουντζκ), жена попа Антипы иконома[5]); или же къ мѣстной знати, какъ, напримѣръ, Алачукъ, дочь севаста[6]), Баракъ, дочь севаста Пула и жена Аба[7]), Токтемиръ, сынъ севаста Стефана[8]). Что это не были исключительныя личности, обратившіяся въ христіанство, это явствуетъ изъ родословій, означаемыхъ при весьма многихъ покойникахъ, какъ напримѣръ: „Сатирикъ, сынъ Чипаки и внукъ Секке по отцу, по матери же внукъ Топчи"[9]), или: „Чименъ, сынъ Ямгурчи, родственникъ Оракчи"[10]). Не мало встрѣчается и предковъ съ тюркскими именами, тогда какъ ихъ дѣти являются съ именами христіанскими, какъ напр. Антоній, сынъ Кылыджа[11]), Петръ, сынъ Кутлубея[12]), Фотій, сынъ Гази[13]), Анастасій, сынъ Сункура[14]),

---

[1]) Тизенгаузенъ, Сборникъ, I: 235. [2]) Зап. Од. О И. и Др., V: 595—628. [3]) Ibid., стр. 596, № 6. [4]) Ibid., 615, № 136. [5]) Ibid., 602, № 38. [6]) Ibid., 603, № 48. [7]) Ibid. 607, № 78. [8]) Ibid., 623, № 193. [9]) Ibid. 614, № 122. [10]) Ibid., 619, 165. [11]) Ibid. 602, № 39. [12]) Ibid. 610, № 96. [13]) Ibid. 612, № 109. [14]) Ibid., 622, № 186.

Пантелеймонъ, внукъ Яхьи [1]) и др. Замѣчательнѣе то, что тюркскія имена носятъ еще лица второго поколѣнія, хотя предки ихъ называются уже именами христіанскими, какъ напримѣръ: Токтемиръ, сынъ Стефана [2]), Меликэ, дочь попа Антонія [3]), Сонкуръ, сынъ Макарія [4]), Ивугачъ, дочь Димитрія Чогака [5]) и т. п. Такія же обозначенія, находимыя въ Синаксарѣ, какъ „Іоаннъ *татаринъ*, христіанинъ“ [6]), или „Параскева, *татарка,* христіанка [7]), прямо показываютъ, что эти субъекты принадлежали къ національности проявившихся тогда собственно татаръ, тогда какъ прочія лица съ тюркскими именами настолько стали своими прочему христіанскому населенію Судака, что многіе изъ нихъ сами были глубокими христіанами: носили духовный санъ и пользовались почетомъ у обывателей, такъ что авторъ приписокъ къ Синаксарю не скандализовался ихъ бусурманскими именами, всѣхъ одинаково чествуя эпитетомъ „рабъ Божій“ [8]). Мало того: въ одной замѣткѣ читаемъ: „. . . . ай, Салихъ и Сункуръ... и прочіе всѣ убиты татарами“ [9]). Издатель этихъ замѣтокъ, почтенный о. архимандритъ Антоній напрасно оговаривается, что будто тутъ „Чтеніе собственныхъ именъ подлежитъ сомнѣнію“: напротивъ, въ этихъ именахъ менѣе чѣмъ въ какихъ другихъ сомнительнаго. Имена этихъ жертвъ татарскаго насилія, какъ Сункуръ и то стертое, которое оканчивалось на *ай* (въ родѣ Тудай, Турунтай), чисто тюркскія; имя же „Салихъ“ мусульманское, и люди, носившіе эти имена, отличаются тутъ отъ татаръ, которымъ они не были своими, ибо убиты ими заурядъ съ прочими ихъ противниками въ 1278 году.

---

[1]) Ibid., 622, № 189. [2]) Ibid., 596, № 2. [3]) Ibid., 604, № 58. [4]) Ibid., 606, № 67. [5]) Ibid., 614, № 129. [6]) Ibid., 606, № 68. [7]) Ibid. 608, № 82. [8]) Опытъ этимологическаго объясненія нѣкоторыхъ именъ тюркскаго происхожденія сдѣланъ почтеннѣйшимъ В. Н. Юрчевичемъ въ Зап. Од. Обществѣ, т. VIII, стр. 5—6. [9]) Loc. cit., 614, № 126.

Нашествіе Ногая не было послѣднимъ бѣдствіемъ для Судака: татаре и потомъ не преставали самымъ чувствительнымъ образомъ напоминать южно-крымскому побережью о своемъ могуществѣ и правахъ власти надъ этими мѣстностями. Въ царствованіе Узбекъ-хана (1313—1341) Судакъ опять пострадалъ отъ нашествія татарскихъ полчищъ подъ начальствомъ двухъ предводителей, Толакъ-Темира и Кара-Булата въ августѣ 1322 года [1]). Послѣдній носитъ въ приписвѣ Синаксаря, сообщающей извѣстіе объ этомъ погромѣ, греческій титулъ *ἀποκρησιάρης*, который г. Брунъ передаетъ словомъ „легатъ“ [2]). Толакъ-Темиръ же и послѣ продолжалъ быть бичемъ обитателей Судака. Въ 1327 году имя этого миріарха, т. е. десятитысячника, упоминается въ Синаксарѣ вмѣстѣ съ нѣкіимъ Агаджъ-башли-бекомъ, который раззорилъ судакскую крѣпость и тамошнія церкви [3]). Смыслъ не вполнѣ сохранившейся приписки № 103 таковъ, что „древоголовый (переводъ татарскаго имени اغاج باشلى) скверпавецъ“ былъ только исполнителемъ воли Толакъ-Темира, на главноначальствованіе котораго намекаютъ слово *κεφαλι* въ приписвѣ [4]). Еще разъ чѣмъ-то недобрымъ поминается Толакъ-Темиръ подъ 1338 годомъ [5]). Фактъ этихъ бѣдствій Судака подтверждается и арабскимъ путешественникомъ Ибнъ-Батутою, посѣтившимъ въ эту самую пору Крымъ [6]), и миріархъ Толакъ-Темиръ, безъ сомнѣнія, тотъ же самый эмиръ, который названъ у Ибнъ-Батуты Тулукъ-Тимуромъ, и о которомъ онъ не однократно вспоминаетъ по поводу вниманія и любезностей, оказанныхъ ему этимъ областнымъ начальникомъ и намѣстникомъ Узбекъ-хана [7]).

Мы уже сказали, что нашествія татаръ на Кафу и Судакъ не имѣли вида случайныхъ набѣговъ, а дѣлались ими съ цѣлью поддержанія своего престижа, который они считали,

---

[1]) Зап. Од. Об. V: 621, № 181. [2]) Черноморье, II: 143. [3]) Loc. cit. 611, № 103. [4]) Ibidem. [5]) Ibid., 597, № 11. [6]) Тизенгаузенъ, I: 303. [7]) Ibid., 280—285.

надо полагать, неоспоримымъ, и всякій разъ являлись туда напоминать объ этомъ престижѣ по какимъ-нибудь специальнымъ поводамъ, въ родѣ того, который вызвалъ на опустошительную расправу съ Судакомъ Ногая [1]). Правда, что ловкіе европейскіе негоціанты не упускали благопріятныхъ моментовъ для собственнаго усиленія насчетъ татарскаго господства въ Крыму и, пользуясь внутренними несогласіями въ Золотой Ордѣ, посредствомъ договоровъ съ татарскими временщиками, гарантировали себѣ свободу дѣйствій на правахъ хозяевъ до перваго случая, когда какой-нибудь новый временщикъ, игнорируя и не считая для себя обязательными договоры невѣрныхъ съ его предшественниками, безъ церемоніи чинилъ опустошенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя они изъявляли претензіи какъ на свои владѣнія. Такія шаткія съ юридическо-международной точки зрѣнія отношенія южнобережскихъ европейскихъ поселенцевъ къ материковымъ татарскимъ властямъ до извѣстной степени выяснены изслѣдованіями В. Н. Юргевича и Ф. К. Бруна, на основаніи имѣвшихся въ ихъ распоряженіи европейскихъ источниковъ [2]). Эти отношенія продолжались въ разъ установившемся видѣ съ незначительными измѣненіями вплоть до вторженія въ Крымъ турковъ-османлы, которые завели тамъ свои уже порядки. Намъ остается, не входя въ подробности, лишь резюмировать главные признаки этихъ отношеній, которые сводятся къ слѣдующему. Какъ торговый народъ, генуэзцы больше всего отдѣлывались, конечно, отъ татарской назойливости деньгами, платя татарамъ разныя ввозныя и вывозныя пошлины, для сбора которыхъ въ ихъ главныхъ колоніяхъ, какъ Кафа и Судакъ, сидѣли татарскіе чиновники. Не будучи истинными рыцарями, коммерческіе колонисты не особенно дорожили своею политическою честью, а потому безпрепятственно допускали пребываніе въ ихъ городахъ та-

[1]) См. выше стр. 32. [2]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др., V: 816 и д.; VIII: 149—153; Черноморье, I: 223—235; II: 144—155.

тарскихъ приставовъ, которые на правахъ экстерриторіальныхъ вѣдали дѣла проживавшихъ въ этихъ городахъ и ихъ окрестностяхъ ханскихъ подданныхъ. Такого права тщетно, напримѣръ, добивался въ свое время султанъ Баязидъ I отъ византійскаго императора Іоанна Палеолога I [1]). Мало того: генуэзцы покорно приняли ханскую тамгу въ качествѣ герба своего главнаго города Кафы, изображая ее какъ въ надписяхъ городскихъ сооруженій, такъ и на монетахъ своихъ [2]).

Но, спрашивается, кто же былъ въ Крыму носителемъ татарской власти; съ кѣмъ южнобережскіе европейскіе колонисты входили въ непосредственное соприкосновеніе; въ комъ сосредоточивалась верховная власть, во имя которой уполномоченные ею люди предъявляли тѣ или другія требованія или, напротивъ, дѣлали такія или сякія уступки поселенцамъ, и гдѣ эта власть имѣла свое пребываніе?

Въ наиболѣе отдаленную эпоху южнобережцы имѣли дѣло съ татарскими приставниками, имѣвшими извѣстныя полномочія прямо отъ хановъ Золотой Орды, считавшихся владыками Крымскаго полуострова. Подобный приставникъ въ царствованіе Беркэ-хана находился въ Судакѣ. Арабскіе историки даютъ ему титулъ правителя, губернатора—الوالى [3]), а по имени называютъ его *Табукъ*, или *Таюкъ* [4]). Онъ встрѣтилъ тамъ и проводилъ до Крыма пословъ египетскаго султана Бейбарса, ѣхавшихъ къ Беркэ съ политическо-миссіонерскими порученіями въ 1263 году. Имѣлъ ли этотъ правитель постоянное свое пребываніе въ Судакѣ, нельзя сказать навѣрное на основаніи вышеприведенныхъ свидѣтельствъ арабскихъ историковъ, которые какъ-то двусмысленно говорятъ, что въ Судакѣ пословъ „встрѣтилъ правитель этого края въ мѣстечкѣ Крымъ"—فالتقاهم الوالى بتلك الجهة فى قرية اسمها القرم [5]).—Но фактъ встрѣчи пословъ на самомъ берегу ука-

[1]) Zinkeisen, I: 280. [2]) Зап. Од. Общ. VIII: 150—153. [3]) Тизенгаузенъ, Сборникъ, I: 54 и 63; 180 и 192. [4]) Ibid., 192 и Quatremère, Hist. des sultans Mamlouks de l'Egypte. Paris. 1837. I: 214. [5]) Тизенгаузенъ, I: 54.

зываетъ на то, что татарскій воевода считалъ себя хозяиномъ территоріи, на которую вступало египетское посольство, высадившееся въ Судакѣ, хотя резиденціею его могъ быть г. Крымъ, отстоявшій всего на одинъ день пути отъ морского берега [1]).

Роль этого ханскаго чиновника была, можно полагать, та самая, какую позднѣе, во время вторженія османовъ въ Крымъ, игралъ Эминекъ-бей, сидѣвшій въ Кафѣ и принимавшій дѣятельное участіе въ утвержденіи ханской власти въ Крыму за родомъ Гераевъ. Европейскіе письменные памятники позднѣйшаго времени, впрочемъ, титулуютъ этого ханскаго уполномоченнаго lo Titano и Titanus seu Vicarius Canlucorum: такъ, по крайней мѣрѣ онъ названъ въ договорѣ 1380 года кафинскаго консула съ татарами [2]) и въ уставѣ Генуэзскихъ колоній въ Газаріи 1449 года [3]). Г. Брунъ пробовалъ производить это слово отъ готскаго thiudans=rex, dominator, но потомъ отказался отъ этого толкованія въ пользу другого, которое и считается теперь общепринятымъ [4]). Это послѣднее основывается на производствѣ слова Titanus отъ одного корня съ турецкимъ глаголомъ طوتمق—„держать“, въ смыслѣ „намѣстникъ“ [5]). Въ объясненіе значенія слова *Titanus*, его считаютъ видоизмѣненіемъ другого подобнаго, встрѣчающагося у латинскихъ анналистовъ и византійскихъ писателей. Первые упоминаютъ объ аварскихъ намѣстникахъ въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка подъ именемъ *Tudun* или *Thodanus*, или даже *Tuttundo* [6]). Византійцы говорятъ о важномъ сановникѣ у хазаръ, котораго они именуютъ то *Τουδουνος*, то *Τουνδουνος*, переводя его греческимъ словомъ *τοποτηρητης*, согласно съ тѣмъ, какъ латинскіе анналисты толкуютъ значеніе аварскаго *Tudun* = regulus qui-

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 54. [2]) Notices et Extraits des mss. XI: 55. [3]) Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., V: 763. [4]) Черноморье, II: 212—213. [5]) Зап. Акад. Наукъ, XXIV: 134; Зап. Од. Общ., V: 830—831. [6]) См. напр. Pertz, I: 180, 182, 199 и 302.

dam. Почтенный академикъ А. А. Куникъ, обратившій вниманіе на хазарскаго „тудуна“ и собравшій вышеприведенныя справки объ этомъ загадочномъ лицѣ [1]), изъ двухъ этимологическихъ производствъ слова *тудунъ*—непосредственно отъ тюркскаго языка или отъ чувашскаго, повидимому склоненъ отдать преимущество послѣднему. Въ чувашскомъ есть глаголъ *тыт* = tenere, прошедшее причастіе котораго *тыдаган* имѣетъ сокращенный видъ *тыдан* = „держащій, державецъ, le teneur, то же что occupator, l'occupant“. Г. Золотницкій самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаетъ, что „это же *тыдан* встрѣчается въ древнихъ хазарскихъ грамотахъ (?) въ отношеніи кагановъ въ смыслѣ: владѣтель, самодержецъ“ [2]). Вотъ эта-то форма и принимается за первообразъ вышеприведеннаго имени аварскаго вельможи *Tudun* и хазарскаго *Τουδοῦνος* [3]), и въ ея-то пользу г. Брунъ отступился отъ своего прежняго толкованія.

Но если трудно возразить что-либо противъ отожествленія имени *Titanus* съ аварско-хазарскимъ тудуномъ, то нельзя того же самаго сказать относительно этимологическихъ объясненій этого термина, которыя принимаются учеными повидимому за совершенно удовлетворительныя. Невольно при этомъ возникаютъ слѣдующія сомнѣнія.

Если слово *тудунъ* ближе стоитъ къ чувашскому *тыдан*, то чтобы получить искомый историческій выводъ относительно тожества съ ними генуэзскаго *lo Titano* или *Titanus*, необходимо доказать, что чувашское племя когда-то играло какую-то политическую роль и дало между прочимъ бытіе спорному термину; или по крайней мѣрѣ доказать, что языкъ хазаръ, имѣвшихъ тудуновъ, всего сроднѣе былъ съ нынѣшнимъ чувашскимъ. Еще слабѣе доводы въ пользу этимологическаго сродства слова *lo Titano* или *Titanus* съ словомъ *тудунъ* чрезъ посредство тюркскаго глагола طوتمق

[1]) Зап. Акад. Н., Loc. cit. [2]) Корневой чувашско-русскій словарь. Казань, 1875. Стр. 179, пр. 18. [3]) Зап. Ак. Н., Loc. cit.

„держать". Въ числѣ основаній этого сродства приводится указаніе г. Блау на форму *tutum* какъ на османское причастіе отъ глагола طوتمق [1]). Пользуясь этимъ случаемъ, почтеннѣйшій А. А. Куникъ ставитъ въ параллель съ этою формою языческія хагано-болгарскія имена *Акумъ, Аскумъ, Крумъ*" [2]). Позволимъ себѣ мимоходомъ замѣтить, что причастной формы, указанной покойнымъ Блау, въ османскомъ нарѣчіи не существуетъ, какъ не существуетъ въ немъ вообще причастій оканчивающихся на *м*; существующее же слово подходящаго строя طوتوم сюда вовсе уже не идетъ, по своему значенію—„пригоршня, рукоятка". Но не въ этомъ суть. Странно вотъ что: если записанное генуэзцами слово *Titanus*, или *lo Titano*, подслушано ими у самихъ татаръ, съ которыми они имѣли тогда дѣло, и у которыхъ оно служило для обозначенія важнаго сановнаго лица, то почему же это слово не встрѣчается, хоть бы въ видѣ архаизма, ни въ одномъ письменномъ памятникѣ татарскаго происхожденія, хотя сохранились другіе термины того же корня, отъ котораго производятъ и слово *тудунъ*, какъ, напримѣръ, تونتاول [3]), или تونتاق [4]), или تونقاو [5]). Нѣтъ его и въ извѣстномъ Команскомъ словарѣ. А между тѣмъ положеніе лица, называемаго у европейцевъ *Titanus*, настолько было видное въ татарской табели о рангахъ, что трудно допустить такое скорое и безслѣдное забвеніе его настоящаго титула, если бы онъ дѣйствительно существовалъ у татаръ. Сильвестръ де-Саси, весьма основательный оріенталистъ, прямо заявилъ въ примѣчаніи, что онъ не въ состояніи понять, есть ли слово *lo Titano* имя собственное, или названіе какой-либо должности [6]). Послѣдующіе комментаторы исходятъ изъ того, что принимаютъ это слово за искаженіе и потомъ уже подыскиваютъ настоящую его форму, сколько-нибудь подходящую по

---

[1]) Зап. Акад. Наукъ, XXIV: 135. [2]) Ibid. [3]) Березинъ, Ярлыки Тохт. и Т.-Кутлука, стр. 30, пр. 12. [4]) В.-Зерновъ, Матеріалы для ист. Крымск. ханства, ٧٠. [5]) Ibidem, ٣٧. [6]) Loc. cit., 58, пр. 2.

своему звуковому составу и значенію. Не оспаривая этого искаженія въ занимающемъ насъ терминѣ, замѣтимъ только вотъ что. Къ искаженіямъ не страшно бываетъ подходить въ томъ случаѣ, когда болѣе или менѣе извѣстны ихъ настоящіе прототипы, а то рискуешь увлечься самыми фантастическими конъектурами. Что касается вчастности до итальянцевъ, то у нихъ неразборчивость въ передачѣ иноязычныхъ терминовъ иногда доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Для примѣра можно указать на сочиненіе очень часто похваляемаго Беккатини *Storia della Crimea* (Venezia, 1785), въ которомъ нѣтъ почти ни одного азіатскаго собственнаго имени, ни одного термина, похожихъ на себя: можно ли было бы угадать въ именахъ *Ghereim-Mirsia* и *Zidgire-Mirsia* [1]) ни болѣе ни менѣе какъ *Ширинъ-мурзу* и *Седжеутъ-мурзу*, если бы не знать напередъ, о комъ рѣчь идетъ? Въ вышеупомянутомъ международномъ трактатѣ даже имя одного и того же, конечно въ тѣ поры хорошо всѣмъ извѣстнаго, города, изображено трояко — *Solcati*, *Sorcati* и *Sorchati* [2]), что же послѣ этого думать насчетъ точности другихъ менѣе общеупотребительныхъ или малоизвѣстныхъ терминовъ? Подлинникъ былъ писанъ *lingua Ugaresca*, въ итальянскомъ же переводѣ офиціальные термины татарскіе могли быть переданы какими-нибудь другими, ходячими у мѣстныхъ крымскихъ жителей и, можетъ быть, унаслѣдованными еще отъ временъ владычества хазаръ въ Крыму. А что вульгарная форма *Titanus seu Vicarius Canlucorum* является въ такомъ еще болѣе позднемъ документѣ, какъ уставъ генуэзскихъ колоній, такъ это можно объяснить самымъ происхожденіемъ офиціальнаго акта, сочиненнаго коммиссіею чиновниковъ въ Генуѣ на основаніи данныхъ, доставленныхъ временно командированнымъ въ Крымъ Барнабо де-Вивальди. Недостаточное вниканіе со стороны составителей устава въ истинное положеніе дѣлъ на мѣстѣ отчасти косвенно явствуетъ изъ

[1]) Op. cit., 29. [2]) Op. cit.

той статьи устава, которою опредѣляются прерогативы татарскаго уполномоченнаго. Въ ней говорится, чтобы „Titanus seu Vicarius Canlucorum *не дерзалъ и не помышлялъ* вмѣшиваться въ дѣла обитателей Кафы“ [1]). Высокомѣрный тонъ вышеприведенной статьи устава какъ-то не совсѣмъ вяжется съ далеко не приниженнымъ положеніемъ татаръ въ Крыму, тѣмъ болѣе что подобныя заносчивыя фразы устава писались генуэзцами почти наканунѣ совершеннаго ихъ изгнанія оттуда турками по милости татаръ и въ союзѣ съ послѣдними. Другое, косвенное подтвержденіе нашего мнѣнія относительно появленія слова *Titanus* въ уставѣ генуэзскихъ колоній можно указать въ томъ же самомъ уставѣ. При генуэзскомъ консулѣ полагался по уставу конный военный эскортъ въ 20 человѣкъ, которые называются *horgusii* [2]). В. Н. Юргевичъ, въ примѣчаніи 41, признавая въ принципѣ, что слово *horgusii* или *orgusii* есть тюркское, ищетъ ему объясненія въ мадъярскомъ и печенѣжскомъ и т. п. [3]). По изслѣдованіямъ Ф. К. Бруна назначеніе *аргузіевъ* было полицейское; по національности они были, по его мнѣнію, мѣстные инородцы, какъ напримѣръ черкесы; но въ этимологическомъ отношеніи онъ сближаетъ это имя съ испанскими *алгвазилами*, „такъ названными“, говоритъ онъ, „по арабскому слову „arguzil“, (испорченное الوزير) означавшему надзирателей надъ галерными невольниками“ [4]). Между тѣмъ явно, что *horgusii* или *orgusii* есть не что иное какъ монголо-тюркское يارغوچى = „разбиратель споровъ, судья“, производное отъ يارغو, монгольск. ᠵᠠᠷᠭᠤ *дзаргу* = „распря, тяжба“ [5]). Можно думать, что слово يارغوچى, равносильное крымско-генуэзскому *orgusii*, оставило свой слѣдъ и въ древне-русской офиціальной номенклатурѣ въ видѣ слова *ярыга*, *ярыжка*, какъ назывались

---

[1]) Зап. Од. Общ. V: 763. [2]) Ibid., 699, 709. [3]) Ibid., 824.

[4]) Черноморье, I: 234; II: 146—147. [5]) Березинъ, Шейбаніада, прим. 13; Quatremère, Hist. des Mong. I: 122.

у насъ встарину нисшіе чиновники въ родѣ полицейскихъ служителей. Слѣдовательно, *orgusii* завелись въ генуэзскихъ колоніяхъ въ Крыму послѣ нашествія татаръ, принесшихъ съ собой туда и самую должность и ея названіе, подобно тому какъ усиленныя торговыя сношенія колоній съ мусульманскимъ Востокомъ повели къ возникновенію въ Кафѣ такихъ чисто восточныхъ учрежденій, какъ *каравансэрай* — перс. كروانسراى, или такихъ корпорацій, какъ артель носильщиковъ, или *хаммаловъ* — араб. حمّال, также нашедшихъ себѣ мѣсто въ уставѣ колоній [1]). Судя потому, что аргузіи были въ полномъ распоряженіи кафскаго консула, хотя комплектовались изъ какихъ-то азіатскихъ инородцевъ, надо полагать, что названіе ихъ въ уставѣ колоній не соотвѣтствовало первоначальному значенію его у того народа, отъ котораго оно заимствовано, и является лишь какъ вульгарный терминъ, усвоенный генуэзцами отъ мѣстнаго населенія, среди котораго когда-нибудь судьи — يارغوجى, поставленные нахлынувшими татарами, были тѣмъ же, чѣмъ они были еще въ XIV в. при Кутлукъ-Темирѣ, по свидѣтельству Ибнъ-Батуты, видѣвшаго ихъ въ Харезмѣ [2]).

То же самое слѣдуетъ сказать и насчетъ слова *Titanus*. Несомнѣнно, что оно есть не болѣе какъ видоизмѣненное *тудунъ* (Tudun, *Τυδυνος*) и удержалось въ Крыму какъ мѣстный архаизмъ, унаслѣдованный по всей вѣроятности отъ хазаръ, подобно тому какъ и самая крымская мѣстность долго еще слыла подъ именемъ царства Хазарскаго — imperium Gazariae — когда о хазарахъ уже больше нигдѣ и помину не было; точно такъ же она названа и въ самомъ уставѣ, составители котораго, очевидно, не особенно гнались за точностью терминовъ, коли считали возможнымъ татарскихъ бековъ называть *баронами* — baroni [3]), а простыхъ татаръ, хан-

---

[1]) Loc. cit., 698 и 707. Производство слова *Camalus* отъ греческаго *κάμνω*, сдѣланное въ 54 примѣчаніи къ уставу (стр. 825), ошибочно. [2]) Тизенгаузенъ, I: 311. [3]) Loc. cit., 725, 826, пр. 84.

скихъ подданныхъ, *канлыками*—canluchi [1]), въ отличіе отъ прочихъ мусульманъ, называемыхъ въ уставѣ *сарацинами*—sarraceni, а также въ отличіе и отъ *турковъ*, именуемыхъ Teucri [2]).

Что же касается до происхожденія званія тудуна у самихъ хазаръ, то оно у нихъ явилось, надо полагать, еще въ тѣ отдаленныя времена, когда хазаре, подобно другимъ кочевымъ племенамъ Средней Азіи, были въ сношеніяхъ съ Небесной Имперіей. Это званіе встрѣчается съ тѣми же точно признаками, какіе присвоиваются тудунамъ хазарскимъ и псевдо-аварскимъ, въ китайскихъ лѣтописяхъ, описывающихъ судьбы тюрко-монгольскихъ народцевъ въ VII и VIII столѣтіяхъ [3]). Въ китайскихъ лѣтописяхъ есть ясные намеки на пребываніе въ Средней Азіи и хазарскаго племени, которое также, въ числѣ прочихъ кочевниковъ, могло позаимствоваться плодами китайской гражданственности, такъ что и самые *тудуны* едва ли могутъ быть разсматриваемы какъ продуктъ самостоятельной жизни и рѣчи хазарской, не находя себѣ достаточнаго оправданія въ памятникахъ тюркскаго языка и письменности, тогда какъ въ китайскомъ языкѣ слово *тудунъ* и до сихъ поръ существуетъ въ значеніи областного военачальника.

Нѣкоторые ученые выражаютъ впрочемъ еще сомнѣніе насчетъ исконной принадлежности слова *тудунъ* китайскому языку, хотя достаточныхъ основаній для такого сомнѣнія ими не указывается. Думаютъ, что оно первоначально туда перешло отъ тюрко-монголовъ и потомъ уже присвоено китайцами какъ собственное [4]). Насколько намъ извѣстны отношенія тюркскихъ и другихъ кочевыхъ племенъ къ Китаю, всегда происходило какъ разъ обратное явленіе: китайское

---

[1]) Loc. cit., 803 и др. [2]) Ibid., 815. [3]) Іоакинѳъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи. Спб. 1851. I: 346, 351, 352; III: 217 и др. [4]) Neumann, Die Völker d. südl. Russlands. 2 изд. Стр. 91, прим.

правительство всегда награждало кочевыхъ князей и ихъ вельможъ разными титулами, въ изобрѣтенiи которыхъ китайцы были большiе искусники; а послѣ съ теченiемъ времени эти титулы настолько прививались въ бѣдной чиновно-iерархической номенклатурѣ номадовъ, что вовсе забывалось ихъ китайское происхожденiе, такъ что, пожалуй, и сами китайцы потомъ могли принимать ихъ за принадлежность языка котораго-нибудь изъ кочевыхъ народовъ, а не за произведенiе своей собственной рѣчи. То же самое могло случиться и съ словомъ *тудунъ*. Не сомнѣваясь въ его китайскомъ происхожденiи, тѣмъ не менѣе не можемъ пройдти молчанiемъ одинъ фактъ, могущiй имѣть нѣкоторое, хотя бы отрицательное, отношенiе къ разсматриваемому нами вопросу. Въ Шейбанiадѣ мы встрѣчаемъ терминъ очень близкiй къ *тудуну*, а именно *дутумъ*; но только тамъ ему дается такое толкованiе, которое не совсѣмъ приложимо къ тудуну. Тамъ сказано: دوتوم منين خان‌غه يتينچى آتا بولور جنكيز خان‌غه ومغول‌لار يتينچى آتانى دوتاقون ايتورلار = „Дутумъ-Мениnъ-ханъ есть седьмой предокъ Чингизъ-хана, а могулы седьмого предка называютъ Дутагкунъ“ [1]). Такое же примѣчанiе находится и у Абуль-Гази [2]). Этимологическое объясненiе словъ دوتاقون и دوتوم منين давно поставило ученыхъ въ затрудненiе. Г. Банзаровъ сближалъ *дутагкунъ* съ монгольскимъ *дологанъ* „семь“ [3]); а г. Эрдманнъ видѣлъ въ немъ собственнос имя; самъ же почтеннѣйшiй издатель Шейбанiады не рѣшился ни на какое толкованiе [4]). У арабскаго историка Элайни есть также собственное имя, близко подходящее по звуковому составу къ *дутагкуну*, а именно „Джубанъ, сынъ *Тудавуна*, намѣстникъ царя Абу-Саъида“ — جوبان بن تداون الذى كان نائب الملك ابى سعيد [5]). Сколь ни рискованно строить конъектуры не со-

---

[1]) Шейбанiада. Изд. Березина. Стр. ٣٢ и XXX. [2]) Hist. des Mogols etc. Trad. par le baron Desmaisons. I: ٩٩ и II: 74. [3]) Шейбанiада, прим. 32. [4]) Ibid., прим. 33. [5]) Тизенгаузенъ, I: 487 и 517.

звучіи словъ, но въ данномъ случаѣ приходитъ въ голову такое соображеніе: не обратился ли китайскій сановный титулъ *тудунъ* у старинныхъ тюркскихъ и монгольскихъ кочевниковъ—у кого въ родословный терминъ самаго старѣйшаго предка, измѣнившись въ *дутагкунъ*, вставкою гортаннаго звука съ гласнымъ [1]),—у кого въ собственное имя *Тудавунъ*; у кого, наконецъ, удержался въ своемъ первоначальномъ значеніи областного военачальника или намѣстника, какъ у хазаръ, пока не исчезъ вовсе съ государственною самобытностью этихъ народцевъ, оставивъ историкамъ въ наслѣдіе крымско-генуэзскую форму *Titanus* или lo Titano, причиняющую имъ столько недоумѣній.

Но помимо, дѣйствительно ли существовавшихъ или мнимыхъ, *тудуновъ*, иначе—титановъ въ Крыму, были и несомнѣнные представители татарскаго владычества въ томъ краѣ, только извѣстные въ исторіи уже подъ другими наименованіями, которые своею тамъ правительственною дѣятельностью постепенно подготовили почву для возникновенія тамъ самостоятельнаго, независимаго отъ Золотой Орды, государственнаго центра и создали на полуостровѣ порядокъ вещей, какой царилъ тамъ въ пору образованія ханства подъ властью династіи Гераевъ. Дальше мы постараемся установить послѣдовательную преемственность представителей татарской власти въ Крыму, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ сохранились какія-либо свѣдѣнія въ историческихъ памятникахъ.

Самымъ раннимъ формально признаннымъ властителемъ въ Крыму обыкновенно считается Оранъ-Тимуръ, сынъ Токай-Тимура, младшаго брата Бату, получившій эту область въ удѣлъ отъ Менгу-Темира [2]). Абуль-Гази, отъ котораго идетъ

[1]) Наблюденіе такого способа развитія китайскихъ корней въ монгольскомъ языкѣ констатировано проф. В. П. Васильевымъ (См. Журн. М—ва Нар. Пр. Часть CLXIII, отд. 2, стр. 103). [2]) Aboul-Ghâzi, I: IVI° & II: 184.

это извѣстіе, ничего больше не сообщаетъ относительно судьбы этого подручника Менгу-Темирова, ибо въ родословной крымскихъ владѣльцевъ онъ ставитъ потомъ Узъ-Тимура— اوز تيمور, котораго такъ же, какъ Оранъ-Тимура, называетъ сыномъ Токай-Тимура [1]). Насколько достовѣрными можно считать эти свѣдѣнія Абуль-Гази, объ этомъ можно всего лучше судить по слѣдующему его собственному признанію, которое онъ дѣлаетъ въ заключеніе вышеприведенной родословной: „нынѣ за дальностью мѣстности не знаемъ навѣрное, потомки котораго изъ сыновей Хаджи-Герая царствуютъ въ Крыму“ [2]). Если Абуль-Гази не зналъ общеизвѣстнаго въ его время факта владычества въ Крыму потомковъ Менглы-Герая, вслѣдствіе дальности разстоянія ихъ владѣній отъ мѣста жительства историка, то отдаленность времени едва ли могла быть меньшею ему помѣхою для точнаго знанія преемственной послѣдовательности прежнихъ властителей Крыма.

Но сколь широки были полномочія Оранъ-Тимура, и въ чемъ проявлялъ онъ ихъ, ничего мы объ этомъ не знаемъ. Держалось одно время мнѣніе, что при немъ и съ его согласія впервые основано было поселеніе генуэзцевъ въ Кафѣ въ 1266 году [3]), да и то теперь оно отвергнуто изысканіями Гейда, доказавшаго, что означенныя поселенія возникли раньше того времени [4]). Другихъ же слѣдовъ властвованія Оранъ-Тимура въ Крыму не имѣется. По прибытіи въ Крымъ малоазійскихъ турковъ-эмигрантовъ въ 1269 году въ Крымъ, главѣ ихъ, бывшему султану иконійскому Изз-эд-Дину, мы видѣли, былъ пожалованъ во владѣніе, между прочимъ, и Солхатъ [5]), главное средоточіе татарской власти въ Крыму, но ни о какомъ другомъ тамъ правителѣ, съ которымъ бы Изз-эд-Дину пришлось совмѣстничать во власти, въ нашихъ ис-

---

[1]) Aboul-Ghâzi, I: ١٧٨ & II: 187. [2]) Ibidem. [3]) Мурзакевичъ, Op. cit., 6—8; Брунъ, Черноморье, I: 200, II: 141. [4]) Heyd, Le col. comm., II: 14—16. Цитов. у Бруна. [5]) См. выше, стр. 20).

точникахъ ничего не говорится. Развѣ только косвенно можно предполагать о такомъ совмѣстничествѣ, именно на основаніи того, что Изз-эд-Динъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ въ новомъ отечествѣ, такъ что даже своимъ дѣтямъ завѣщалъ возвратиться въ старую отчизну [1]). По свидѣтельству арабскихъ историковъ, Изз-эд-Динъ, какъ мы видѣли, оставался у татаръ до самой своей смерти [2]). Другіе писатели частнѣе говорятъ, что онъ провелъ остальную жизнь у Менгу-Темира [3]), и умеръ въ городѣ Сараѣ [4]). Послѣднее едва ли можно понимать въ смыслѣ извѣстной столицы Золотоордынскихъ хановъ: къ чему было Изз-эд-Дину забираться въ такую неизвѣстную ему даль, если ему дано было удѣльное владѣніе въ Крыму, который всего болѣе могъ напоминать ему его родину, Малую Азію, а особливо если онъ уже и безъ того былъ разочарованъ своимъ положеніемъ на чужбинѣ? Сомнительно также и то, чтобы арабскіе историки, говоря о Сараѣ, разумѣли тутъ подъ нимъ Бакчэ-Сарай, ибо они всегда понимаютъ его какъ резиденцію хановъ Золотой Орды, внѣ Крыма находящуюся [5]); о Бакчэ-Сараѣ же, столицѣ Крымскаго ханства позднѣйшаго времени, у нихъ въ такую раннюю пору еще и помину нѣтъ. Но вопросъ о географической номенклатурѣ въ отношеніи къ Таврическому полуострову есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ. Самый полуостровъ не всегда назывался Крымомъ. Мало того: это же самое имя не искони принадлежало и тому городу, который именовался еще и Солхатомъ.

По этому вопросу, неизбѣжному для всѣхъ занимающихся исторіею Крымскаго ханства, мы также не можемъ дать съ своей стороны категорическихъ разъясненій, ибо и въ источникахъ мусульманскихъ нѣтъ такихъ данныхъ, которыя бы слишкомъ превосходили своею ясностью всѣ другіе, сюда относящіеся памятники. По историческимъ обстоятельствамъ тур-

[1]) См. выше, стр. 22—23. [2]) Тизенгаузенъ, I: 103. [3]) Ibid., 154, 434. [4]) Ibid. 512. [5]) Тизенгаузенъ, I: 306, 343, 391 и др.

ки османскіе ближе всѣхъ имѣли соприкосновеніе съ Крымомъ, именно въ ту пору, когда, вѣроятно, были еще свѣжи въ народной памяти мѣстныя преданія, которыя могли бы служить къ разъясненію занимающихъ насъ вопросовъ; но ихъ историческо-географическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ не уступаютъ другимъ въ недостаткѣ полноты и точности. Тѣмъ не менѣе считаемъ нелишнимъ дать отчетъ о нихъ. Если уже позднѣйшіе турецкіе историки-географы имѣли не вполнѣ опредѣленное представленіе о территоріальномъ объемѣ Крымскаго ханства, составлявшаго въ ихъ время вассальную область Отоманской имперіи, то не удивительно, что ихъ соотечественники прежняго времени и подавно еще меньше знали объ этомъ, не смотря на то что близкая родня ихъ, сельджуки входили въ непосредственныя сношенія съ этою страною и владычествовавшими въ ней татарами. Такое же невѣдѣніе турецкіе историки не усумнились приписать даже и султану Мухаммеду II Фатиху, который впервые формально простеръ отоманское господство на Крымскій полуостровъ. А между тѣмъ Мухаммедъ извѣстенъ какъ человѣкъ ученый, примѣнявшій научныя знанія, какія въ его время могли быть ему доступны, къ военному дѣлу: про него разсказываютъ, что до завоеванія Константинополя онъ проводилъ дни и ночи за картами и чертежами, составляя планъ осады города. Но и про него у турецкихъ историковъ находимъ слѣдующій анекдотъ. Въ числѣ ученыхъ мужей, стекавшихся со всего мусульманскаго міра подъ покровительство могущественныхъ владыкъ Османской династіи, въ царствованіе султана Мюрада II (1421—1451) прибылъ въ Румъ, а при султанѣ Мухаммедѣ Фатихѣ въ новую его столицу Стамбулъ, и крымскій ученый Сеидъ-Ахмедъ-ибнъ-Абду-л-Ла Алькырыми, иногда просто называемый Монла Кырыми. Султанъ очень любилъ бесѣдовать съ этимъ монлою, и вотъ однажды, отправляясь изъ Стамбула въ Адріанополь, онъ взялъ его съ собою. Дорогою султанъ спрашиваетъ монлу: „Что это за страна Крымъ?“ Мавляна отвѣчалъ, что нѣкогда это была весь-

ма населенная мѣстность, такъ что въ самомъ Крыму (نفس قريمده) находилось до 600 ученыхъ, способныхъ рѣшать судебныя дѣла, и до 300 знаменитостей, прославившихся своими сочиненіями и достопамятными дѣлами, а теперь, молъ, эта область пришла въ разстройство и упадокъ. Когда любопытный султанъ, пріютившій крымскихъ муллъ, эмигрировавшихъ изъ своего отечества отъ тяжкаго житья въ немъ, спросилъ своего собесѣдника о причинѣ такого разстройства его родины, то монла Ахмедъ Кырыми отвѣчалъ, что въ послѣднее время дѣлами тамъ заправлялъ одинъ негодяй-везирь, не уважавшій и презиравшій ученыхъ и притѣснявшій ихъ. Ученые же суть сердце государства, а страданія сердца непремѣнно тяжко отзываются и на всѣхъ членахъ цѣлаго организма. Тогда султанъ Мухаммедъ передалъ рѣчь мевляны одному изъ лучшихъ своихъ везирей, Махмудъ-пашѣ, съ заключеніемъ, что разстройство и упадокъ государствъ происходитъ отъ неправильныхъ дѣйствій везирей. — На это сообразительный паша возразилъ, что во всякомъ случаѣ виноватъ падишахъ — зачѣмъ онъ дѣлаетъ недостойныхъ людей везирями и назначаетъ на такой высокій постъ негодяевъ. Султанъ Мухаммедъ согласился съ Махмудъ-пашою и одобрилъ его мнѣніе [1]).

---

[1]) Кюнгу-ль-ахбаръ, констант. изд. кн. V: 225—226; *Тэрджумэи Шакаикъ*, Ташъ-Кбпрю-задэ, Конст. изд. I: 101; Невадери Сухэйли-челеби, казанск. изд. 1883,. Стр. 65. Въ константинопольскомъ же изданіи послѣдняго сочиненія 1254=1840 г. (Стр. 59) вмѣсто монлы Кырыми выведенъ на сцену монла Алькюрани, учитель Мухаммеда II во время его юности, прославившійся безцеремонностью обращенія съ своимъ царственнымъ воспитанникомъ, который впрочемъ всегда сохранялъ піететъ къ своему строгому учителю и впослѣдствіи, когда сдѣлался султаномъ. Кромѣ этой разницы въ обоихъ изданіяхъ есть еще одинъ варіантъ: въ константинопольскомъ изданіи Мухаммедъ ссылается на исторію мевляны Ташкенди, а въ казанской редакціи — на «Исторію» мевляны Ташъ-Кбпрю. Но если подъ «Исторіей» тутъ разумѣется существующій его біографическій словарь знаменитыхъ шейховъ и ученыхъ, то ссылка Мухаммеда на него была невозможна, ибо

Вышеприведенная бесѣда Мухаммеда II съ крымскимъ выходцемъ могла происходить до предпринятія жаднымъ до завоеваній султаномъ морской экспедиціи въ Крымъ. Въ отвѣтѣ монлы на разспросы султана есть намекъ и на тѣ смутныя обстоятельства на полуостровѣ, которыя предшествовали вторженію туда турковъ и даже были причиною, вызвавшею это вторженіе, какъ это мы увидимъ далѣе.

Но потомъ, когда пришлось отъ праздныхъ разговоровъ перейти къ дѣйствію, умный султанъ, вѣроятно, собралъ всѣ потребныя ему свѣдѣнія о дотолѣ невѣдомой ему области, хотя исторія объ этомъ умалчиваетъ. Но сами послѣ него жившіе и писавшіе турецкіе историки не особенно далеко ушли въ географическомъ и этнографическомъ знакомствѣ къ Крымскимъ полуостровомъ и разсказываютъ вышеприведенный анекдотъ о знаменитомъ султанѣ только какъ бы въ оправданіе скудости своихъ собственныхъ по этой части познаній, довольствуясь повтореніемъ того, что они находили у прежнихъ арабскихъ историковъ и путешественниковъ, у которыхъ тоже немало темнаго и неудобоизъяснимаго въ описаніяхъ чуждыхъ имъ странъ и народовъ.

Несомнѣнно только то, что мѣстность, на которую въ свое время простиралась власть Крымскихъ хановъ, носитъ въ турецкихъ письменныхъ памятникахъ двоякое наименованіе: одно болѣе раннее دشت قبچاق Дешти-Кыпчакъ, другое позднѣйшее—قريم—Крымъ. При отсутствіи критической раз-

Ташъ-Кöпрю-задэ жилъ (1495—1560) и писалъ почти цѣлымъ столѣтіемъ позже завоевателя Константинополя. Такимъ же анахронизмомъ является указаніе и на исторію мевляны Ташкенди какъ на источникъ свѣдѣній султана Мухаммеда о Крымѣ, потому что авторъ этой ненаходимой доселѣ исторіи дома Чингизова считается внукомъ Али-Кушчи, извѣстнаго математика временъ Мухаммеда II. Слѣдовательно литературная цитата есть промахъ всѣхъ авторовъ; но самый анекдотъ о султанѣ, повторенный столькими лицами, могъ имѣть въ основѣ своей какое-нибудь не лишенное правдоподобности преданіе.

борчивости у турецкихъ писателей въ этомъ отношеніи произошло то, что, напримѣръ, еще первые Чингизиды у нихъ величаются не только *Татарскими ханами*, но и *ханами Крымскими*: такъ, по крайней мѣрѣ Сейидъ Лукманъ и Дженнаби титулуютъ Берке-хана قریم خانی, خان قرم и صاحب قرم „Крымскій ханъ“, „владѣтель Крыма“, хотя такой ограничительный титулъ, конечно, не къ лицу былъ владыкамъ громадныхъ территорій, да едва ли въ ихъ времена еще и распространялось названіе *Крыма* на весь Крымскій полуостровъ.

Съ другой стороны, когда исчезло съ лица земли и изгладилось изъ памяти народовъ нѣкогда страшное имя могущественныхъ наслѣдниковъ Чингизъ-хана, господствовавшихъ въ Дешти-Кыпчакѣ, такъ что единственными видными потомками ихъ остались ханы Крымскіе, на владѣнія этихъ послѣднихъ перенесено было черезчуръ широкое старинное наименованіе دشت قبجاق — Дешти-Кыпчакъ. Поэтому у всѣхъ историковъ, повѣствующихъ о судьбахъ Крымскаго ханства мы находимъ стереотипное географическое очертаніе территоріи этого ханства въ такихъ предѣлахъ, какихъ оно никогда въ дѣйствительности не имѣло, и которые приличествовали владѣніямъ ихъ прадѣдовъ, ближайшихъ наслѣдниковъ имперіи Чингизъ-хана. И Дженнаби, и Аали-эфенди, и Мюнедджимъ-баши, и Гезаръ-Феннъ, и др.—всѣ почти сходятся въ этомъ очертаніи, съ весьма незначительными разногласіями, ибо всѣ, очевидно, черпали свои свѣдѣнія изъ однихъ и тѣхъ же прежнихъ мусульманскихъ писателей, арабскихъ и персидскихъ. Для образца приведемъ описаніе, которое находится у Аали-эфенди, во многихъ иныхъ отношеніяхъ авторитетнаго и цѣннаго писателя, одного изъ первыхъ османскихъ полигисторовъ, огромная начитанность котораго свидѣтельствуется имъ самимъ въ длинномъ спискѣ 130-ти сочиненій, которыми онъ пользовался при составленіи своего историческаго труда کنه الاخبار [1]) Прежде всего у него есть особая гео-

---

[1]) См. печатное изд., кн. I, стр. 17—20.

графическая статья подъ заглавіемъ „Глава о седьмомъ климатѣ“, въ которой много упоминается именъ, относящихся къ Крыму. Въ этой статьѣ мы читаемъ слѣдующее: „Протяженіе этого пояса, по словамъ прежнихъ (писателей), 2651 фарсахъ; разстояніе между полюсными предѣлами 399 фарсаховъ; ширина же 73 фарсаха. Изъ замѣчательныхъ городовъ его суть слѣдующіе: *Азакъ*, городокъ съ купеческою пристанью; *Акчэ-Керманъ*, въ наше время извѣстный подъ именемъ *Акъ-Кермана*; населенный городокъ между булгарами и турками—بلغار ايله اتراك مابيننده. *Укэкъ*, городъ между *Сараемъ* и *Каларомъ* (?), на берегу рѣки Итиля. *Британія* — островъ въ Океанскомъ морѣ. Западную область его составляетъ *Булгаръ*, населенный городъ на берегу р. Итиля. Тамъ-то бываютъ самые длинные и самые короткіе дни и ночи. *Русъ*, многолюдная страна распутныхъ гяуровъ къ сѣверу отъ Булгара. *Сантъ-Яго*—городокъ на границѣ *Андалусіи*. *Сары-Керманъ* есть городъ между Булгаромъ и *Терекомъ*. *Сарай*, столица владѣній татарскихъ—تتر ممالكنك كرسيسى—есть большой городъ, лежащій на западѣ *Хазарскаго моря*, на берегу р. Итиля. *Сакчи*—городокъ между областью *Афлакскою* и *Константинополемъ*, при устьѣ р. Дуная. *Солгатъ*—городъ изъ числа городовъ Крымскихъ—صلغات بلاد قريم قواعدندن برمدينه‌در - *Судакъ* тоже изъ городовъ Крымскихъ на окраинѣ горы—صوداق بو دخى بلاد قريمدن ذيل جبالده برشهردر. *Трнва*—городъ въ области *Афлакской*, къ западу отъ *Сакчи*. *Кыркъ-Эръ* крѣпость на сѣверѣ отъ *Сары-Кермана*, изъ городовъ Асскихъ, находящаяся на чрезвычайно высокой горѣ—قرق ار صارى كرمان شماليسنده بلاد اصدن بر قلعه‌دركه غايتله يوكسك طاغده واقعدر. *Керчь*—городокъ между *Кэфою* и *Азакомъ*. *Кэфа*—прекрасный городъ и гавань на берегу *Крымскаго моря*, насупротивъ города Тарабузана. *Кэймакъ*—كيماك—тюркское племя, мѣстопребываніе котораго въ области *Терека* находится—

بلاد نركلەدر.—*Маштка* (Москва?) городъ изъ *славянскихъ* — مشتقه صقالبەدن بر مدينەدر. Хотя страны *Афлакъ*, *Богданъ* и *Эрдель* и еще нѣкоторыя мѣста, можетъ быть, и принадлежитъ къ седьмому поясу; но такъ какъ всѣ онѣ въ рукахъ гяуровъ, то писавшіе таблицы странъ—تقويم بلدان يازانلر—не знали о нихъ и не записали. Что же касается до насъ, то мы удовольствовались тѣми городами и городками, которые намъ нужны были изъ записанныхъ ими“ [1]).

Географическое смѣшеніе разныхъ мѣстностей у Аали-эфенди заходитъ тутъ настолько далеко, что зауурядъ чередуются такіе отдаленные другъ отъ друга пункты, какъ Булгаръ и Сантъ-Яго если только тутъ вина переписчиковъ.

Затѣмъ Аали-эфенди даетъ такое описаніе *Дешти-Кыпчакъ*, буквально повторенное Гезаръ-Фенномъ и составителемъ изданнаго мною сборника. Оно находится въ особомъ сочиненіи Аали-эфенди, носящемъ заглавіе فصول حل وعقد واصول خرج نقد [2]). „Владѣнія *Дешти-Кыпчакъ*“, читаемъ мы, „составляютъ искони принадлежащее татарскому племени обширное государство. Къ восточной отъ него сторонѣ находятся области *Харезмъ* и *Анзаръ* (=Отраръ); а къ западной сторонѣ —области *Русъ* и *Булгаръ*. Столицы этихъ упомянутыхъ владѣній суть города: *Крымъ*, *Ортакъ* (?), *Сарачукъ*, *Хаджи-Тарханъ*, *Азакъ*, *Кэфа*, *Аздарганъ*, *Керчь* и *Таманъ*“. Но Тимуръ Гуреканъ и Тохтамышъ - ханъ не разъ сражались въ тѣхъ странахъ, вслѣдствіе чего большинство ихъ пришли въ раззореніе. Теперь же столица татарскаго хана есть Бакчэ-Сарай“ [3]).

---

[1]) Кюньгу-ль-ахбаръ, печат. изд., кн. I, стр. 217—218. Въ текстѣ приведеннаго отрывка имѣются варіанты по рукописи того же самаго сочиненія, принадлежащей Императорской Публ. Библіотекѣ и значащейся въ отчетѣ Публ. Библ. за 1879 годъ на стр. 23., подъ № 4. На двухъ послѣднихъ ея страницахъ находится статья, соотвѣтствующая вышеприведенному отрывку. [2]) См. мой Сборникъ, стр. XVIII. [3]) Сборникъ, стр. ٨.

Въ приведенной выдержкѣ географическое распространеніе татарскаго племени смѣшано съ территоріальными границами отдѣльныхъ государствъ татарскихъ, съ присвоеніемъ имени *Дешти-Кыпчакъ* владѣніямъ татарскаго, т. е. Крымскаго хана. Съ другой стороны, самое понятіе *столицы*—پاى تخت—какъ-то тутъ ужъ очень расширено, если къ столицамъ причисляются такіе пункты, какъ Керчь и Тамань, которые никогда не были въ приписываемой имъ роли, по крайней мѣрѣ въ эпоху татарскаго владычества.

Но у того же Аали-эфенди есть еще такая небольшая замѣтка спеціально о крымскихъ границахъ. *„Въ изъясненіе границъ Крыма.* Крымская область заключаетъ въ себѣ сорокъ городовъ—قرق مقدارى قصباتى مشتملدر. Извѣстные изъ нихъ суть *Солгатъ*, *Судакъ* и *Кэфа*—صلغات وصوداق والكفا در. Иногда бываетъ, что только городъ Солгатъ называютъ Крымомъ. Разстояніе между этими городами другъ отъ друга по одному дню пути *Сары-Керманъ* лежитъ на западѣ отъ упомянутыхъ нами трехъ городовъ. Но Крымская область—قريم ولايتى—со времени Чингизъ-хана стала во власти рода Чингизова. Столица ихъ государства находится въ Бакчэ-Сараѣ. Во время сочиненія книги „Сокровищница свѣдѣній"—كنه الاخبار—(1006—7=1597—1598—9 гг.) тамъ властвующимъ ханомъ былъ Гази-Герай-ханъ-ибнъ... ханъ, благородный человѣкъ, искусный въ музыкѣ, прекраснаго нрава, поэтъ, способный проявлять чудеса въ метаніи стрѣлъ и въ искусствѣ владѣть оружіемъ" [1]).

Еще подробнѣе распространяется о Дэшти-Кыпчакъ османскій историкъ XVII в. Ибрагимъ-паша Печеви († 1650). Разказавъ объ извѣстномъ химерномъ предпріятіи султана Селима II открыть прямое водное сообщеніе Чернаго моря съ Каспійскимъ посредствомъ искусственнаго канала, Печеви

---

[1]) Кюнгу-ль-ахбаръ, печат. изд., кн. I: 228.

затѣмъ счелъ нужнымъ описать и ту мѣстность съ прилежащимъ къ ней обширнымъ пространствомъ, гдѣ приводилась въ исполненіе эта довольно смѣлая, но безрезультатная затѣя. При этомъ Ибрагимъ-паша указываетъ источники, откуда онъ заимствовалъ матеріалъ для своего описанія Дэшти-Кыпчакъ: это суть сочиненія болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, какъ Дженнаби-эфенди, какъ авторъ „Тимуръ-намэ", т. е. Абду-л-Ла Гатифи (+927=1520—1521) какъ Алты-Пармакъ, у которыхъ онъ взялъ относящіяся къ данному предмету историческія сказанія; у Ибнъ-Аббаса и Хазрети-Казы онъ заимствовалъ миѳическія преданія насчетъ стѣны Александра Македонскаго. Эта статья въ исторіи Ибрагимъ-паши Печеви начинается такъ: „Если бы въ благородную голову друзей, пробѣгающихъ этотъ мой любопытный сборникъ, пришла мысль хоть вкратцѣ узнать, что за страны такія Дэшти-Кыпчакъ и Аждарганъ, и въ обладаніи какого народа состоятъ онѣ, то, дабы по мѣрѣ возможности проскакать (мысленно) по той обширной равнинѣ, припустимъ коня пера быстраго изъясненія. Да будетъ вѣдомо, что люди знающіе, каковы Алты-Пармакъ-эфенди (+1033=1623), Дженнаби-эфенди и авторъ „Тимуръ-намэ" объ обстоятельствахъ Дэшти-Кыпчакъ написали слѣдующее"... Затѣмъ идетъ почти дословное повтореніе того, что находимъ у Дженнаби. [1]) Иныя вещи находятся въ сборникѣ г. Тизенгаузена [2]) и у г. Шармуа въ его Expédition de Timoûr-i-lènk [3]). Самая же интересная-то часть повѣствованія Печеви касается татаръ, переселившихся, во время нашествія Тимура, въ Польшу и другія страны невѣрныхъ [4]); но объ этомъ здѣсь пока еще не мѣсто распространяться. Оставляя въ сторонѣ другихъ вто-

---

[1]) Ркп. Учебн. Огд. при М-вѣ Ин. Д. №. 92, л. 904 г. &. v. [2]) I: 457, 459 и 460. [3]) Mémoires de l'Acad. des Sciences VI-e série. T. III. Наприм. стр. 414, объ обелискѣ Тамерлана. [4]) Тарихи-Печеви, констант. изд. 1283=1866 г. Т. I: 471—473.

ростепенныхъ османскихъ историковъ, обратимъ вниманіе на то, что говоритъ о Дешти-Кыпчакѣ и Крымѣ одинъ изъ позднѣйшихъ историческихъ компиляторовъ, который однако же пользовался очень многими источниками съ разборомъ и, насколько могъ, умѣючи и добросовѣстно, а именно Мюнеджжимъ-баши. Касаясь территоріальнаго и вмѣстѣ династическаго сформированія Крымскаго ханства, онъ, не какъ другіе историки, отличаетъ его, и въ географическомъ и въ государственномъ отношеніяхъ, отъ Дэшти-Кыпчакъ, которой у него посвящена слѣдующая статейка.

„*Цари Дешти*. Да будетъ вѣдомо, что граница области такъ называемой Дештъ съ южной стороны есть Астраханское море и Черное море, такъ что если бы не было черкесскихъ горъ, то эти два моря слились бы воедино. Съ восточной стороны граница ея Анзаръ (=Отраръ). Харезмъ, Саганакъ и нѣкоторыя другія области, такъ что она простирается отъ Туркестана и Хатая до предѣловъ Чина. Это суть владѣнія Могольскія и Хатайскія. На сѣверной сторонѣ большія степи и песчаныя пустыни, да высокія горы; а что̀ за ними, неизвѣстно. На западѣ границы ея составляютъ владѣнія русскія и булгарскія. Татарскія области, состоящія подъ властію Высокой Османской Державы, пограничны съ этой стороною. Этотъ вилайетъ издавна былъ полонъ селеній и жителей и благоустроенъ былъ; но потомъ, вслѣдствіе смутъ Уруса и Тохтамыша, да завоеваній Тимура, пришолъ въ раззореніе и опустошеніе. Мѣстности этой Дешти со стороны Хатайской называются Калмыцкою степью—دشت قلماق,—Моголистаномъ, а по направленію къ русской сторонѣ именуются Берке—برکه—, прямо же по направленію по сѣверу зовутся Дешти Кыпчакъ. Иногда впрочемъ все это (пространство) называется Дешти-Кыпчакъ. Когда кого-нибудь называютъ падишахомъ Дештскимъ, то этимъ хотятъ обозначить правящаго всѣми кочующими въ тѣхъ степяхъ племенами. Одна линія (بلوك) изъ царей Дэштскихъ идетъ отъ рода Бату и Орда,

дѣтей Чучи, вплоть до Мухаммедъ-султанъ-бенъ-Тимуръ-султана. Они раньше упоминались. *Дѣти же Мухаммедъ-султана не титуловались царями Дэшти*—ملوك دشت—; *они царями Крыма*—ملوك قريم—*называются по той причинѣ, что Мухаммедъ-султанъ вышеописаннымъ образомъ избралъ Крымъ столицею государства*" [1]).

При всей смутности географическихъ свѣдѣній турецкихъ историковъ относительно Крыма, все же и у нихъ, по крайней мѣрѣ у позднѣйшихъ, сложилось вѣрное представленіе о томъ, что первою, какъ они говорятъ, столицею самостоятельнаго татарскаго ханства на Таврическомъ полуостровѣ былъ г. Крымъ, а впослѣдствіи сдѣлался столичнымъ городомъ Бакчэ-Сарай; что, далѣе, г. Крымъ, который назывался прежде Солхатомъ, потомъ далъ свое имя и всему полуострову. Такимъ образомъ г.г. Крымъ и Бакчэ-Сарай имѣли такое же важное историческое значеніе внутри полуострова, какое Судакъ и Кафа на приморской окраинѣ его. Но сколь важно значеніе обоихъ городовъ, столь же темны преданія о возникновеніи ихъ, разнорѣчивы и сбивчивы толкованія самого имени перваго и старѣйшаго изъ нихъ—Крыма.

Толкованій этимологическаго значенія имени „Крымъ" много, и они собраны г. Хартахаемъ въ любопытной статьѣ его „Историческая судьба крымскихъ татаръ". Подвергнувъ отрицательной критикѣ всѣ прежнія догадки насчетъ имени „Крымъ", онъ присоединилъ къ этимъ догадкамъ еще двѣ свои. „Можно думать", говоритъ онъ, „что названіе полуострова есть произвольное (?), принесенное самими татарами, а не передѣланное изъ прежняго. Слово „крымъ" означаетъ понятіе отвлеченное и не есть чисто татарское, но арабское, потому что татарскій языкъ для выраженія понятій отвлеченныхъ прибѣгаетъ къ посредству арабскаго — и значитъ *благодать*. Вникая въ значеніе именъ многихъ городовъ и

[1]) Мюнеджжимъ-баши, II: 696.

мѣстъ Таврическаго полуострова, находимъ, что татары любили переименовывать ихъ посвоему, что слѣдовательно и имя столицы первыхъ хановъ дано ей татарами и имѣетъ значеніе произвольное (?). Мы видимъ, что многія мѣста на полуостровѣ носятъ такія имена, которыя явно указываютъ на свойство почвы, климата и мѣстоположенія... Отчего нельзя допустить, что полудикій татаринъ Орамъ-Тимуръ (т. е. Орантъ-Тимуръ), вышедшій изъ голыхъ песчаныхъ степей Азіи, получивъ въ подарокъ царство, не могъ назвать своей столицы (рѣчь идетъ собственно объ Эски - Крымѣ), построенной въ живописной мѣстности, *благодатью*? Другая догадка еще болѣе (?) можетъ подходить къ дѣлу или по крайней мѣрѣ имѣетъ больше убѣдительности, нежели всѣ приведенныя. Извѣстно, что монголы и теперь называютъ Китайскую стѣну Саганъ-Керемъ. Если къ этому прибавить, что хребетъ Яйла какъ бы стѣною отдѣлялъ татаръ отъ южнаго берега, куда они хотѣли, но не могли проникнуть, то не трудно допустить, что столица, построенная у этого хребта, могла называться *стѣною*. Другія толкованія имени первой столицы хановъ намъ кажутся совершенно произвольными" [1]).

Нельзя не замѣтить, что конъектуры г. Хартахая нисколько не правдоподобнѣе другихъ, имъ отрицаемыхъ. Какъ-то ужь очень сантиментально для полудикаго татарина, какъ г. Хартахай выражается объ Оранъ-Тимурѣ, приписывать ему особенный эстетическій вкусъ, благодаря которому онъ, залюбовавшись живописностью мѣстности, съ изысканностью современнаго европейскаго туриста, будто бы воскликнулъ: „Ахъ, какая благодать!" да и увѣковѣчилъ это восклицаніе за самою мѣстностью въ качествѣ ея имени. Но если бы даже было и такъ, то почему же непремѣнно понадобилось тутъ арабское слово, когда приведенные въ примѣръ самимъ же г. Хартахаемъ другія наименованія мѣстностей—

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1866 г. Т. II. стр. 190.

Бахчэ-Сарай, Чатыръ-тагъ, Аювъ-дагъ, Сары-Керманъ, Соукъ-су, Чурукъ-су, Чардахлы—всѣ чисто татарскія или общепринятыя у татаръ персидскія слова? А самое главное то, что благодать поарабски не *крымъ*, а *керемъ*—كرم—, тогда какъ слово *крымъ* произносится татарами съ нарочитою твердостью выговора, по наблюденію самого же г. Хартахая [1]). Съ другой стороны, перенесеніе названія Китайской стѣны на хребетъ Яйлу заставляетъ предполагать въ Оранѣ-Тимурѣ твердыя географическія познанія и свѣжесть воспоминаній о мѣстности, которую когда-то давно знавали предки татаръ до выселенія ихъ изъ отдаленныхъ странъ, сопредѣльныхъ съ этою стѣною.

Г. Кондараки дважды принимается въ своимъ сочиненіи за этимологію имени *Крымъ*. Разъ онъ говоритъ вотъ что: „*Хырымъ* потатарски значитъ: пораженіе. Слово это легко примѣнить къ событію, вынудившему татаръ вторгнуться въ Тавриду. Караимы, древніе обитатели Солхата, объясняютъ слово Крымъ подаркомъ и приписываютъ названіе это себѣ, но такъ какъ раньше татаръ страна эта не была извѣстна подъ именемъ Хырыма, то вѣроятнѣе всего, что оно принадлежитъ татарамъ, у которыхъ впослѣдствіи многіе ханы именовались этимъ именемъ [2])". Въ другомъ мѣстѣ толкованіе г. Кондараки носитъ уже полемическій оттѣнокъ. „Такъ грѣшатъ", говоритъ онъ „наши археологи, производя послѣднее названіе этой стороны (рѣчь о Тавридѣ) *Крымъ* отъ нѣкогда существовавшаго въ Тавридѣ города Кеммеріана, Кремни и т. п. сходственныхъ именъ, тогда какъ въ сущности названіе это, присвоенное татарами, на ихъ языкѣ имѣетъ двоякое значеніе: *хырымъ*: гибель, опустошеніе, или *хырымларъ*: возвышенныя мѣста. Вѣрнѣе же думать, что оно происходитъ отъ слова Крымъ, означающаго на джагатай-

---

[1]) Ibidem. [2]) Универс. описаніе Крыма, ч. XIV, стр. 101.

скомъ (sic!) нарѣчіи подарокъ, какимъ дѣйствительно досталось эта страна Орану отъ Кипчакскаго хана Мангу [1])".

Не смотря на довольно самоувѣренное заявленіе г. Кондараки, что „сказаннаго нами (т. е. имъ) весьма достаточно для опроверженія всѣхъ существующихъ до настоящаго времени предположеній о происхожденіи названій этого полуострова [2])", мы позволяемъ себѣ считать его этимологію не болѣе другихъ удовлетворительною и нисколько ихъ не опровергающею, и вотъ на какомъ основаніи. Въ числѣ производныхъ существительныхъ какъ глагола قرمق—*кырмакъ* = „рѣзать, рубить, сокрушить, уничтожить" и т. п. есть всякія, только за исключеніемъ *крымъ*, или, по произношенію г. Кондараки, *хырымъ* съ значеніемъ „гибель, опустошеніе [3])". Да слишкомъ мудрено, чтобы отвлеченное имя дѣйствія могло стать именемъ мѣста. Точно также ни въ одномъ словарѣ нѣтъ значенія „возвышеннаго мѣста" для слова *крымъ*; если же существуетъ непремѣнно только одна форма множественнаго числа „*хырымларъ*: возвышенныя мѣста", то это какая-нибудь особенность крымско-татарской рѣчи, никѣмъ, кромѣ г. Кондараки, пока не замѣченная. Равнымъ образомъ и на джагатайскомъ нарѣчіи существуетъ слово „крымъ"—قيريم—, но только оно не значитъ „подарокъ", а значитъ *ровъ*, въ каковомъ смыслѣ оно и встрѣчается въ извѣстномъ джагатайскомъ сочиненіи *Кысаси Рубугузи*, гдѣ въ статьѣ объ Асхабахъ-Ухдудъ читаемъ: ملك بويوردى بر تيرينيك قيريم قازدوردى ايچيكا اوت ياقتوردى اوتون لارين نفط ياغى بيرلا سالدى اول ايمانغه كيلكان لارنى اول اوتقه سالدى كويدوردى = „Царь приказалъ, велѣлъ вырыть глубокій *кырымъ*, зажечь въ немъ огонь, наложивъ дровъ съ нефтянымъ масломъ; въ этотъ огонь онъ бросилъ тѣхъ принявшихъ (истинную) вѣру и сжегъ ихъ [4])". Здѣсь по ходу дѣла, очевидно, слово *кырымъ* озна-

---

[1]) Op. cit., ч. XV, стр. 3. [2]) Ibidem, стр. 4. [3]) См. напр. Ахмедъ Вефыка, Легджеи-Османи, стр. 976—977. [4]) Кысаси Рубугузи. Казань, 1868. Стр. 422—423.

чаетъ ровъ, что подтверждается дальше самимъ авторомъ. Въ концѣ сказанія онъ присовокупляетъ объясненіе слова *Ухдудъ* и говоритъ: اخدود قريم تيماك بولور يعنى خندق عرب تيلينچا = „*Ухдудъ* значитъ *кырымъ*, т. е. *хандакъ*, на арабскомъ языкѣ". Смыслъ этой, нѣсколько нескладной филологической замѣтки таковъ. Авторъ объясняетъ малоупотребительное арабское слово *ухдудъ*—اخدود—своимъ тюркскимъ словомъ *кырымъ*—قريم. Но и слово قريم ему ли самому, или комунибудь изъ позднѣйшихъ переписчиковъ его сочиненія [1]) показалось тоже удобопонятнымъ архаизмомъ, и тогда явилось добавочное сопоставленіе съ болѣе извѣстнымъ и употребительнымъ словомъ *хандакъ*—خندق-, которое есть арабизованное персидское слово *кэндэ*—كنده =„ровъ", хотя въ томъ же мѣстѣ сказанія Рубугузи встрѣчается другой чисто тюркскій синонимъ—*чокуръ*—چوقور—. Этотъ послѣдній исключительно и употребленъ въ томъ же преданіи, находящемся въ сочиненіи *Гефтійекъ Тефсири* [2]). Приведенное толкованіе слова *кырымъ* въ смыслѣ рва, окопа, имѣетъ болѣе всего вѣроятности въ примѣненіи къ изъясненію извѣстнаго имени города и полуострова, и оно посправедливости находитъ себѣ сторонниковъ среди ученыхъ изслѣдователей [3]). Весьма обыкновенное явленіе, что многія мѣстности носятъ двоякое наименованіе: одно, такъ ска-

---

[1]) По справкѣ, сообщенной намъ почтеннѣйшимъ и обязательнѣйшимъ Н. И. Ильминскимъ, въ одной имѣющейся у него старой рукописи того же сочиненія сказано только: اخدود عرب تيلنچه قريم بولور =«*Ухдудъ* поарабски значитъ *крымъ*.» [2]) Казанск. изд. 1302=1885 г. Стр 325. [3]) См. напр. статью г. Гаркави «О происхожденіи нѣкоторыхъ географическихъ названій мѣстностей на Таврическомъ полуостровѣ въ «Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общества», 1876 г. Т. XII, отд. II, стр. 54, и его же рефератъ читанный въ засѣданіи VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ 27 августа 1884 г. «О происхожденіи названія Крымъ».

зать, офиціальное, другое—ходячее, употребительное въ обыденномъ говорѣ населенія. Послѣднее чаще всего содержитъ въ себѣ указаніе на какой-нибудь выдающійся, характерный внѣшній признакъ данной мѣстности, иногда подразумѣвавшійся и въ прежнемъ имени, но съ теченіемъ времени утратившій свою рельефность и забывшійся. Такъ, напримѣръ, турки еще до завоеванія Константинополя, имѣя доступъ въ него, подслушавъ, вѣроятно, ходячее у окрестнаго греческаго населенія выраженіе *εἰς τὴν πόλιν*=„въ городъ", и не очень заботясь о точномъ смыслѣ его, превратили его въ собственное имя города, подобно тому какъ, напримѣръ, въ новѣйшее время проживающіе въ Константинополѣ европейцы, постоянно слыша на улицахъ и базарахъ турецкую фразу بكا باق—*бана бакъ*, что значитъ: „посмотри на меня", т. е., понашему, „послушай-ка"!, превратили ее въ родъ особой, съ браннымъ оттѣнкомъ, клички для всѣхъ турковъ и измѣняютъ ее по всѣмъ падежамъ, каждый сообразно правиламъ грамматики своего языка: *банабакъ*, *банабака*, *банабаку* и т. д. Особенно легко прививаются въ народѣ новыя наименованія, которыя имѣютъ какое-либо созвучіе съ прежними, не имѣя однако же никакого съ ними сходства по значенію. Отъ этого, напримѣръ, городъ Астрахань у восточныхъ писателей является подъ разными по смыслу, но близкими по выговору формами—и اژدرهان, и حاجی تارخان, и حاجی ترکمان. Византійскій городъ Халкидонъ переименованъ турками въ Кады-кёй. Любимою чертою народовъ, мѣняющихъ свое мѣсто жительства, служитъ склонность давать новымъ занятымъ ими мѣстностямъ имена прежнихъ своихъ обиталищъ: отсюда одноименность рѣкъ, городовъ и т. п., особенно бросающаяся въ глаза въ географической номенклатурѣ нашихъ восточныхъ окраинъ, а въ Турціи въ близлежащихъ мѣстностяхъ по обѣ стороны Дарданелльскаго пролива и Мраморнаго моря. Это явленіе въ народномъ быту служитъ однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ слѣдить за историческимъ передвиженіемъ народныхъ массъ, какъ это

уже замѣчено учеными [1]). Нѣчто подобное надо предполагать и въ образованіи названія „Крымъ“ для Таврическаго полуострова.

Академикъ Кеппенъ, также занимавшійся этимъ вопросомъ, собралъ данныя, свидѣтельствующія о томъ, что первоначально Крымомъ татаре называли древній Солхатъ [2]). Въ концѣ статьи, посвященной Старому Крыму, у него есть любопытное археологическое свѣдѣніе, а именно, „что съ Сѣверной стороны города, на возвышенности, называемой нынѣ Ногайлы Оглу Оба, замѣтны слѣды укрѣпленія, за коимъ пролегаетъ древній ровъ, который, какъ видно, былъ очень глубокъ, и продолжался до города [3])“. Съ своей стороны мы можемъ присовокупить, что, при посѣщеніи этой мѣстности лѣтомъ 1884 года, мы нашли замѣтные признаки этого рва, шедшаго позади развалинъ старинныхъ укрѣпленій, близъ которыхъ круто возвышается холмъ, называемый у мѣстныхъ жителей „Кемаль-баба“, по имени одного знаменитаго шейха дервишей, остатки развалинъ монастыря которыхъ видны еще теперь въ довольно рельефныхъ очертаніяхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что татаре названіе этого замѣчательнаго въ данной мѣстности рва—قرم—придали въ качествѣ имени и самому городу, около котораго онъ находился. Для татарина, какъ для наѣздника, всякая рытвина, которой не можетъ перескочить его лошадь, есть такая же важная, непреодолимая преграда, какъ и крѣпостная стѣна, и потому глубокій ровъ въ его глазахъ есть столь же выдающійся признакъ какой-либо мѣстности, какъ и неприступная возвышенность. Городъ, къ которому было вначалѣ примѣнено названіе Крыма, съ теченіемъ времени утрачивалъ свое значеніе, падалъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезъ, а имя его, какъ древнѣйшій памятникъ татарскаго водворенія въ краѣ, оста-

---

[1]) Надеждинъ, «Опыты исторической географіи» въ Библ. для Чт., т. XXII, стр. 27—79. [2]) Крымскій Сборникъ, стр. 338—346. [3]) Ibidem, 346.

лось за цѣлою мѣстностью, которая, кстати сказать, не настолько обширна, чтобы названіе наиболѣе выдающагося города не могло распространиться на нее. Въ свое время городъ Москва далъ же имя цѣлому Московскому царству, отчего и г. Крымъ не могъ стать именемъ всей окружающей его мѣстности, гдѣ, кромѣ побережныхъ осѣдлыхъ пунктовъ, принадлежавшихъ генуэзцамъ, татарское населеніе вело бродячую жизнь и не имѣло другого болѣе важнаго, неподвижнаго пункта, который бы служилъ внѣшнимъ выраженіемъ ихъ племенной и вмѣстѣ политической совокупности и особности отъ другихъ татаръ, принадлежавшихъ къ другимъ юртамъ, хоть бы, напримѣръ въ отличіе отъ самыхъ ближайшихъ къ нимъ соплеменниковъ—ногаевъ?

Насколько важно значеніе рвовъ въ системѣ укрѣпленій у степныхъ народовъ, настолько же значительно могло быть для нихъ и самое названіе этого оборонительнаго сооруженія. Правдоподобность вышеприведеннаго объясненія имени „Крымъ“ косвенно подтверждается также тѣмъ значеніемъ, которое очень давно получилъ Перекопъ. Это собственное имя есть только переводъ татарскаго قرم. Правда, что это названіе относилось къ другому, также весьма важному въ стратегическомъ отношеніи, рву, существовавшему на перешейкѣ, но очень ранняя и широкая популярность Перекопа у русскихъ и поляковъ, а чрезъ нихъ и у другихъ европейцевъ, такъ что крымскихъ татаръ называли *перекопскими* и даже самого хана величали *перекопскимъ* [1]), можетъ быть приписана тожественности лексическаго значенія его съ Крымомъ.

Мало помогаютъ удовлетворительному рѣшенію занимающаго насъ вопроса свѣдѣнія болѣе раннихъ арабскихъ писателей, у которыхъ имя „Крымъ“ является одновременно и

---

[1]) См. «Историч. акты, относящіеся по Россіи» въ указателѣ.

въ значенiи города, и цѣлой страны, какъ это мы видимъ у историковъ Рукн-эд-Дина Бейбарса († 1335) и Эннувейри († 1333) въ ихъ повѣствованiи о разгромѣ Кафы полчищами Ногая [1]); или у Эльмуфаддаля въ его разсказѣ о посольствѣ египетскаго султана Эльмеликъ-Эззахыра къ Беркэ-хану [2]). Нѣсколько опредѣленнѣе высказывается по этому предмету арабскiй путешественникъ Ибнъ-Батута († 1377), прямо называя Крымъ городомъ [3]). Немного странно только у него произношенiе этого собственнаго имени: вмѣсто общеизвѣстнаго и общепринятаго выговора, оно должно, по наблюденiю Ибнъ-Батуты, звучать *Кырамъ*. Но этотъ любитель филологическихъ упражненiй и лингвистическихъ каламбуровъ, легко могъ ослышаться, особенно при извѣстной быстротѣ чуждой ему живой татарской рѣчи. Случилось же съ нимъ, что онъ, давая этимологическое объясненiе имени Сарайскаго дворца, смѣшалъ два совершенно различныхъ по значенiю, но похожихъ по звукамъ, татарскихъ слова — باش — „голова" и طاش — „камень", говоря, что дворецъ этотъ назывался „Алтунъ-ташъ" и что „*алтунъ*" значитъ „золото", а *ташъ* значитъ „голова" [4]). Вѣроятнѣе, что дворецъ назывался не „Алтунъ-ташъ", а „Алтунъ-башъ" — „златоверхiй", „съ золотою маковкою", какъ оно и есть въ переводѣ Ибнъ-Батуты, который однако же, ослышавшись, подмѣнилъ въ то же время слово *башъ* словомъ *ташъ*, не подозрѣвая нелѣпости, происходящей отъ этого подмѣна.

Имя „Крымъ" въ значенiи города встрѣчается и еще у одного, близкаго по времени жизни къ Ибнъ-Батутѣ, арабскаго писателя, Эль-Омари († 1348), у котораго очень много географическихъ свѣдѣнiй на счетъ Золотой Орды, полученныхъ имъ изъ разспросовъ людей, бывавшихъ въ земляхъ Золотоордынскаго царства по торговымъ и дипломатическимъ

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 111—112; 95 & 120; 140 & 162. [2]) Ibid., 180—181 & 192. [3]) Ibid., 280. [4]) Voyages d'Ibn Batoutah, par Defrémery et Sanguinetti. Paris. 1854. II: 448; Тизенгаузенъ, I: 306.

дѣламъ, каковы упоминаемые имъ Зейнъ-эд-Динъ Омаръ, Джемаль-эд-Динъ Абду-л-Ла Эльхисни, Низам-эд-Динъ-Абу-ль-Фадаиль Яхья, сынъ Эльхакима Аттаяри, Хасанъ Эль-Ирбили, Хасанъ Эрруми, Шерифъ Шемс-эд-Динъ-Мухаммедъ Эльхусейни Эльвербеляи [1]). Эль-Омари, говоря о Дэшти-Кыпчакѣ, заурядъ перечисляетъ Сарай, Харезмъ и *Крымъ*, какъ наиболѣе значительные города одного и того же государства, которое у него вообще-то называется „Домомъ Берке“: وهى المملكة المعروفة ببيت بركة [2]).

Другой арабскій писатель, хотя изъ сравнительно позднихъ, уже по самому своему офиціальному званію секретаря при дворѣ мамлюкскихъ султановъ, также долженъ былъ имѣть точныя свѣдѣнія относительно странъ, находившихся въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ египетскимъ султанатомъ— это Абу-ль-Аббасъ-Ахмедъ-Шихаб-эд-Динъ Элькалькашанди († 1418—1419). Вотъ какая замѣтка сдѣлана этимъ государственнымъ человѣкомъ Египта касательно Крыма. „*Правитель въ Крымѣ*. Это - мѣстность къ сѣверу отъ Чернаго моря; столица ея Солгатъ, городъ на полдня (пути) отъ моря; теперь ему большею частью дается имя Крыма“ [3]). Эта справка Элькалькашанди буквально повторяется еще въ одномъ арабскомъ сочиненіи конца XVI в. [4]). Соображаясь съ другими, приведенными выше, данными, можно сдѣлать такое заключеніе, что во время составленія этой замѣтки имя „Крымъ“ стало настолько уже извѣстно и популярно, что египетскій дипломатъ прямо приписываетъ его цѣлой странѣ, но, на случай могущихъ открыться международныхъ сношеній, оговаривается насчетъ употребленія этого же имени и въ значеніи города, взамѣнъ устарѣлаго и совершенно имъ вытѣсненнаго прежняго имени „Солхатъ“. Не слѣдуетъ ли дать точно такое же толкованіе и извѣстію арабскаго географа Абуль-

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 208—251. [2]) Ibid. 250. [3]) Ibidem, 401 & 413. [4]) Quatremère, Hist. des Sultans Mamlouks, T. II, 4-ième partie, p. 316.

феды († 1331), который, еще раньше Элькалькашанди, въ противность другимъ свидѣтельствамъ, говоритъ, что „Крымъ есть имя страны, заключающей въ себѣ сорокъ городовъ", и что „это же имя прилагается вчастности къ городу Солхату, какъ столицѣ" [1])?

Обращаясь къ нашимъ русскимъ стариннымъ письменнымъ памятникамъ, мы и въ нихъ очень долго не встрѣчаемъ имени „Крымъ" ни въ одномъ изъ его значеній. Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" упоминаются только Тмуторокань да Готскыя дѣвы изъ всего, что имѣло хоть какое-нибудь отношеніе къ мѣстности, нынѣ именуемой Крымомъ. Но и болѣе поздніе письменные памятники знаютъ Сурожъ, знаютъ Кафу, а Крыма не знаютъ. Дмитрій Донской, отправляясь на войну съ татарами, беретъ себѣ въ проводники десять *Сурожанъ*, какъ говорится въ извѣстной повѣсти, прославляющей знаменитую Куликовскую битву [2]); а разбитый имъ Мамай „добеже, идѣже есть градъ Кафа" [3]). Если же въ заключительномъ присловіи въ той же повѣсти и сказано, то „пойдѣ вѣсть по всѣмъ градомъ ко Орначу, *Криму* х Кафѣ, къ Желѣзнымъ Вратомъ, ко Царю граду на похвалу" [4]), то не надо забывать, что самое присловіе находится не во всѣхъ редакціяхъ повѣсти, и, слѣдовательно, оно могло быть присочинено и прибавлено позднѣе, а потому имя Крыма, или Крима, надо полагать, здѣсь есть такая же новѣйшая вставка, какою несомнѣнно оно является въ Густинской лѣтописи, въ которой читаемъ о Св. Князѣ Владимірѣ: „Пріемъ же Володымеръ славный и крѣпкій градъ Греческій Корсунь (нынѣ же тамо *Кримъ*), и весь той островъ, глаголемый Тавриду" [5]). Равнымъ образомъ лѣтописный разсказъ о путешествіи князя Юрія Дмитріевича „въ Крымъ зимовати" въ 1432 также

---

[1]) Géographie d'Aboulféda, trad. par Reinaud. Paris. 1848. T. II: 282.
[2]) Русск. Ист. Сборникъ Погодина, т. II, кн. 1, стр. 25. [3]) Ibidem, 66.
[4]) Ibid., 68. [5]) Пол. Собр. Рус. Лѣт., т. II: 255.

носитъ всѣ признаки несовременнаго описываемому факту происхожденія, ибо находится въ спискахъ позднѣйшей, компилятивной редакціи, Воскресенскомъ [1]) и Никоновскомъ [2]). Упоминаніе имени „Крымъ" въ нашихъ лѣтописяхъ становится обычнымъ, заурядным лишь къ концу XV в., да и то сперва въ какихъ-то смутныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, въ родѣ того, что, напримѣръ, „Приходи царь *Киреимъ* Гиріевъ сынъ съ Татаръ подъ Коломно" [3]); или: „Приде царь Мингирей *Крымской* Перекопьскіе орды" [4]). Въ первомъ случаѣ географическое названіе „Крымъ", искаженное въ „Киреимъ", обращено въ личное имя хана; вторая же фраза звучитъ аналогично со стариннымъ наименованіемъ извѣстнаго Тамерлана „Темиръ Желѣзный", гдѣ татарское слово сопровождается русскимъ переводомъ. То же самое замѣчаемъ и относительно Крыма: Менгли-Герай названъ царемъ *Крымскимъ*, а добавочныя слова „*Перекопьскыя* орды" можно разсматривать какъ пояснительный русскій переводъ незнакомаго еще тогда слова *Крымъ*, изъ котораго сдѣлано прилагательное *Крымскій*. Въ такомъ же, вѣроятно, смыслѣ ханъ Менглы-Герай иногда называется у нашихъ лѣтописцевъ просто „Перекопьскый царь" [5]). Сбивчивость нашихъ лѣтописей по части географическихъ свѣдѣній замѣтна въ нихъ даже и въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о такомъ громкомъ событіи, какъ утвержденіе Османскаго владычества на Крымскомъ побережьѣ. Въ одной лѣтописи сказано коротко: „Того же лѣта царь Турьскій взялъ Кафу и *Крымъ*" [6]); въ другой находимъ не болѣе пространную замѣтку: „О взятіи Каѳы и *Крыму*. Того же лѣта Турковѣ взяша Кафу... Азигирѣеву орду *Крымъ* и *Перекопь* осадиша дань давати" [7]).

Лѣтописцы заносили свѣдѣнія о томъ, что творилось на бѣломъ свѣтѣ въ отдаленныхъ странахъ, понаслышкѣ, и по-

[1]) П. С. Р. Л., VIII: 96. [2]) Никон. Лѣт., V: 109. [3]) П. С. Р. Л., III: 198. [4]) Ib., IV: 134; VIII: 215. [5]) Ibid., V: 41; VI: 35; VIII: 213. [6]) П. С. Р. Л., VI: 200. [7]) Ibid., VIII: 181.

тому не удивительно, что географическая номенклатура чуждыхъ земель представляла для нихъ большія затрудненія. Но насколько имя „Крымъ“ долго было непривычно вообще для русскаго уха, это всего очевиднѣе явствуетъ изъ „Хоженія за три мори“ Аѳанасія Никитина, который самолично былъ на Таврическомъ полуостровѣ, возвращаясь черезъ него изъ своего далекаго и долгаго странствованія. Этотъ любознательный и наблюдательный человѣкъ, трижды подрядъ упомянувъ въ своимъ „Хоженіи“ о Кафѣ, даже назвавъ, хотя въ нѣсколько искаженномъ видѣ, Балаклаву и Гурзуфъ, ни однимъ словомъ не обмолвился о Крымѣ [1]).

Въ памятникахъ офиціальныхъ сношеній Москвы съ татарами вообще и съ ханствомъ Таврическаго полуострова вчастности названіе послѣдняго Крымомъ, или Крымскимъ встрѣчается также не раньше конца XV в., и не вдругъ становится зауряднымъ, общеупотребительнымъ. Вначалѣ замѣчается какъ будто нѣкоторая сомнительность или нерѣшимость касательно офиціальнаго употребленія этого географическаго термина; не говорятъ: „въ Крыму“, а говорятъ: „въ Ордѣ у царя у Менгли Гирея“ [2]). Такая осторожность въ выраженіяхъ московскихъ дипломатовъ, вѣроятно, проистекала изъ неясности политическаго положенія основателя Крымскаго ханства, вслѣдствіе чего они сосредоточивали все свое вниманіе на личности самого Менглы Герая, а не на его государствѣ, существованіе котораго было до поры до времени проблематическимъ, на что имѣются довольно прозрачные намеки въ наказѣ Алексѣю Старкову. Устами этого посла московское правительство обратилось къ хану съ укорительнымъ запросомъ насчетъ его дѣйствительныхъ отношеній къ Кафѣ, гдѣ русскіе купцы подверглись грабежу и избіенію. Старковъ дол-

[1]) Ibid., VI: 344 и 351. [2]) Памятники диплом. снош. Москов государства съ Крымскою и Ногайскою Ордами и съ Турціей. Спб. 1884. Т. I: 23.

женъ былъ держать такую рѣчь къ хану отъ имени великаго князя Московскаго: „Говорилъ еси моему бояриму Микитѣ о Кафѣ, а зовешь Кафу своими людми. Ино вѣдаешь самъ, волный человѣкъ, что въ Кафѣ моего посла Прокофья пограбили, да колко гостей моихъ перебили въ Кафѣ"... [1]). Позднѣе же, когда окончательно выяснилась прочность власти Менглы-Герая, московская дипломатія стала точнѣе обозначать въ своихъ посольскихъ грамотахъ его владѣнія. Тогда появляется имя „Крымъ" и притомъ одновременно въ двухъ значеніяхъ—области и города. Такъ въ наказѣ боярину Шеину, отправленному въ 1487 году посломъ къ Менглы-Гераю, впервые опредѣленно упоминается о Крымѣ въ смыслѣ извѣстной области, какъ это видно изъ выраженій наказа: „Ино на веснѣ оттолѣ изъ *Крыма* не ѣздити... А учнутъ Муртоза и Седихматъ цари кочевати *межи Дону* и *Крыма*, и Дмитрею (Шеину) не ѣхати жъ къ великому князю оттолѣ изъ *Крыма*... Да только Орда учнетъ кочевати межи Дону и Крыма, и Дмитрею однолично оттолѣ изъ Крыма не ѣхати" [2]). Ясно, что здѣсь составители наказа понимали Крымъ въ смыслѣ цѣлой области, ибо съ значеніемъ города какъ-то несовмѣстимо опредѣленіе кочеванія татаръ между этимъ городомъ, лежащимъ на полуостровѣ, и рѣкою Дономъ, протекающею по материковой землѣ. Но рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ употребленіе имени „Крымъ" и въ значеніи города, какъ это явствуетъ изъ сопоставленія этого имени съ именами другихъ городовъ же—Кафы, Тамани, Очакова. Такъ въ грамотѣ в. к. Ив. Васильевича отъ 1496 года читаемъ: „Да гость великого князя Иванъ Весяковъ дорогой *въ Кафѣ* стоялъ на подворьѣ у селянина, да розболѣлся; и селянинъ его выслалъ *въ Крымъ*.... и Иванъ дорогой въ Крыму умерлъ" [3]). Въ другой грамотѣ, названной „Памятью князю Семену", отъ 1498 года также говорится между прочимъ: „Коли ты меня не велишь проводити *до Крыма*,

---

[1]) Ibid., 12. [2]) Ibid., 67. [3]) Ibid., 236.

или *до Тавани*, или до Менли-Гиреева городка *до Ячакова*, что на усть Днѣпрѣ, а людей со мною мало, и язъ ѣду назадъ къ своему государю" [1]).

Впослѣдствіи, при болѣе частыхъ и усиленныхъ сношеніяхъ съ новообразовавшимся въ нашемъ сосѣдствѣ ханствомъ, географическая номенклатура нашихъ письменныхъ памятниковъ пополнилась наименованіями разныхъ мѣстностей Таврическаго полуострова; въ томъ числѣ находимъ даже и „Старый Крымъ"—названіе, явившееся на смѣну прежняго простого „Крыма". Но замѣчательно, что въ памятникахъ русской письменности не встрѣчается имени „Солхатъ" для обозначенія какого-либо географическаго пункта, ни въ правильной, ни въ искаженной формѣ, — имени, которое было извѣстно всѣмъ другимъ народамъ — византійцамъ, генуэзцамъ, арабамъ, касавшимся географіи Крымскаго полуострова въ эпоху татарскаго владычества, по дѣламъ практической необходимости или только изъ простого ученаго любопытства. Невѣдѣніе русскихъ о Солхатѣ есть фактъ столь же замѣчательный, сколь и трудный для объясненія. Но не останавливаясь на безплодныхъ догадкахъ, посмотримъ, что имѣется у самихъ татаръ пригоднаго для разрѣшенія сомнѣній относительно древнѣйшаго центра ихъ власти на Таврическомъ полуостровѣ, перемѣнившаго на своемъ вѣку цѣлыхъ три имени—Солхатъ, Крымъ и Эски-Крымъ. Все, что есть относящагося къ этому вопросу, заключается въ скудныхъ данныхъ нумизматическихъ, въ немногихъ офиціальныхъ документахъ, да въ отрывочныхъ народныхъ преданіяхъ, попавшихъ и въ историческія сочиненія татарско-турецкаго происхожденія.

Изъ данныхъ первой категоріи въ нумизматическихъ кабинетахъ имѣется множество монетъ, битыхъ въ г. Крымѣ. Старѣйшая изъ нихъ принадлежитъ хану Менгу-Темиру,

---

[1]) Ibidem., стр. 261.

чекана 665 = 1266—1267 года [1]). Г. Блау тоже дастъ описаніе одной монеты, битой въ Крымѣ [2]), которую онъ считаетъ куманскою, а слѣдовательно еще болѣе древнею, нежели вышеупомянутая, описанная г. Савельевымъ. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ монетъ позднѣйшаго чекана съ именемъ Крыма, которое имѣетъ такія варіаціи قريم, بلد قريم, القريم и даже بلد قريم الجديد [3]). Есть монеты, битыя въ разныхъ мѣстностяхъ Крымскаго полуострова—въ Кафѣ, Бакчэ-Сараѣ, Карасу-Базарѣ, Балаклавѣ, однако между ними нѣтъ ни одной съ именемъ Солхата и Эски-Крыма.

Послѣднее обстоятельство тѣмъ особенно обращаетъ на себя вниманіе, что находится въ полномъ согласіи съ другими историческими памятниками татарской категоріи. Старѣйшій въ этомъ родѣ подлинный документъ есть ярлыкъ Тимуръ-Кутлука и относится къ 1397 году. Въ немъ дважды упомянутъ Крымъ—قيريم—заурядъ сперва съ Кыркъ-еромъ, а потомъ съ Кафой [4]). Другой подобный же документъ—ярлыкъ Сеъадетъ-Герая, отъ 930 = 1524 года, носитъ помѣтку: „Въ городѣ Крымѣ"—بمقام شهر قرم [5]). Ярлыкъ Мухаммедъ-Герая I, отъ 923 = 1517 г., помѣченъ: „Въ благословенномъ Крыму"—مبارك قريمدا [6]). Между ярлыками коллекціи В. В. Григорьева одинъ ярлыкъ Селяметъ-Герая, отъ 996 = 1588 г., также помѣченъ: „Въ городѣ Крымѣ"—درشهر قريم. На ярлыкѣ Менглы-Герая, отъ 1498 года, имѣющемся въ русскомъ переводѣ, значится: „Писано въ Крымѣ городѣ" [7]). Но ни въ числѣ старыхъ, ни позднѣйшихъ татарскихъ грамотъ не находится такихъ, въ которыхъ бы значилось, что онѣ писаны въ Солхатѣ или въ Эски-Крымѣ. Такой замѣчательный фактъ, какъ

---

[1]) Записки Имп. Археолог. Общ. Т. XII, вып. первый, стр. 270, № 491. [2]) Восточныя монеты Музея въ Одессѣ, № 400. [3]) Блау, стр. 93, указатель. [4]) Березинъ, Тарханные ярлыки. Казань. 1851. Стр. 4—5. [5]) Ibid., стр. 20. [6]) Зап. Од. Общ., VIII, Тарх. ярл., стр. 18. [7]) Пам. дипломат. снош., стр. 278.

отсутствіе обоихъ географическихъ именъ на монетахъ и въ офиціальныхъ документахъ, не могъ быть дѣломъ простой случайности.

Что касается до Солхата, то этимологическое объясненіе этого имени проще всего находятъ въ татарскомъ языкѣ, считая это имя составленнымъ изъ двухъ словъ тюркскаго корня — *солъ* — صول — „лѣвый" и *катъ* قات — „сторона". Такимъ образомъ имя Солхатъ должно было принадлежать одной только части города, по отношеніи къ другой, которой обязательно было называться *Онкатъ* = „правая сторона" [1]). Сколь ни правдоподобно это объясненіе, все же полной его несомнѣнности мѣшаютъ слѣдующія обстоятельства. Вопервыхъ, выраженіе „правая и лѣвая сторона", или „правое и лѣвое крыло" — صول قول, اونك قول — имѣло уже мѣсто въ офиціальной монголо-татарской терминологіи для обозначенія ранговъ высшихъ сановниковъ государства [2]) и потому если оно могло опять употребляться для обозначенія частей того или другого города, то развѣ въ обыкновенномъ, вульгарномъ говорѣ у мѣстныхъ жителей. Между тѣмъ имя „Солхатъ" извѣстно было, и даже предпочтительно, иностранцамъ: мы его находимъ въ договорѣ, заключенномъ кафскимъ консуломъ съ татарами въ 1380 году [3]), да еще у арабскихъ географовъ, сами же татаре, будто бы создавшіе это имя, игнорируютъ его. Вовторыхъ, если бы имя „Солхатъ" впервые стало употребляться татарами, и въ томъ смыслѣ, въ какомъ предполагаютъ ученые комментаторы, то едва ли бы первоначальное значеніе его дотого изгладилось изъ памяти народной, что татарскіе историки, также интересовавшіеся вопросомъ о происхожденіи этого имени, нашли совсѣмъ иное ему объясненіе, облеченное въ форму цѣлой легенды. Разсказавъ о вѣроломномъ поступкѣ Сейидъ-Ахмедъ-хана, который послѣ тщетной

---

[1]) Изв. Геогр. Общ. Т. XII, отд. 2, стр. 55. [2]) Березинъ, Ханскіе ярлыки, II, 23, примѣч. 2. [3]) Notices et Extraits, XI: 52—58.

сорокадневной осады Солхата обманомъ заставилъ жителей сдаться и потомъ перерѣзалъ ихъ, а городскія укрѣпленія разрушилъ, Сейидъ Мухаммедъ Риза сообщаетъ такія преданія касательно исторіи этого „безподобнаго города". Въ прежнее время, говоритъ Риза, мѣстность, на которой расположенъ этотъ городъ, принадлежала къ Кафской пристани, служа сборищемъ купцовъ персидскихъ и франкскихъ, привозившихъ сюда разные европейскіе и азіатскіе товары, которыми наполнялись и пестрѣли шалаши, палатки, деревянные дома и саманныя мазанки. Благодаря превосходному климату и чудесному воздуху, населеніе и строенія все умножались, и мало-по-малу возникъ цѣлый городъ, обнесенный ради безопасности сильною крѣпостью, къ югу отъ Кафы при подошвѣ высокой горы Агармышъ, названный Солгатомъ. Въ ту пору одинъ изъ богатыхъ купцовъ предпринялъ сооруженіе большой мечети и, изъ усердія угодить Богу, присоединилъ къ матеріальнымъ пожертвованіямъ еще и личныя старанія: одѣтый въ старое платье, онъ таскалъ вмѣстѣ съ другими работниками глину. Только проѣзжаетъ мимо купецъ и везетъ двадцать вьюковъ татарскаго мускуса. Строитель мечети полюбопытствовалъ узнать, что за товаръ везутъ. Торговецъ, поглядѣвъ на грязную, рабочую одежу его, презрительно отвѣтилъ: „Подходящаго тебѣ товара тутъ нѣтъ". Сконфуженный такимъ отвѣтомъ торговца, строитель тотчасъ же сполна заплатилъ стоимость мускуса и велѣлъ свалить его въ размѣшанную для постройки стѣнъ мечети глину, сказавъ мастеровымъ: „Вали!" (потатарски: *салъ*—صال) и „Мѣси!" (потатарски: *катъ*—قت). Оттого-то и самый городъ получилъ названіе *Салкатъ*—صلقات [1]). Авторъ Краткой Исторіи, повторяетъ вышеприведенный Ризою разсказъ, даже обозначаетъ время основанія города Солхата, полагая, что оно имѣло мѣсто приблизительно въ 300—912—913 году [2]), но толь-

[1]) Семь планетъ, 77—78. [2]) Кр. Ист., л. 28 v. & 29 r.

ко совершенно опускаетъ подробность о словахъ, будто бы сказанныхъ благочестивымъ строителемъ и сдѣлавшихся именемъ города, гдѣ произошла описанная забавная сцена. Отвергнувъ этимологію имени „Солхатъ“ отъ *салъ* и *катъ*, показавшуюся невѣроятною, авторъ Краткой Исторіи не далъ однако же взамѣнъ ея никакой другой, которая бы сколько-нибудь подкрѣпляла конъектуру объ образованіи этого имени изъ татарскихъ словъ *салъ* и *катъ*; а поводъ былъ къ такому производству, и вѣроятно историкъ воспользовался бы имъ, если бы представлялись только данныя.

Не бо́льшимъ правдоподобіемъ отзывается татарское народное объясненіе другого имени того же города—„Крымъ“. Въ этомъ объясненіи оно связывается съ личностью одного героя, которому оно первоначально принадлежало. У ногайскихъ татаръ существуютъ преданія, имѣющія характеръ національныхъ родословій. Въ одномъ такомъ преданіи говорится, что предокъ Ногайцевъ былъ Улусъ. Сынъ его Байрасъ имѣлъ трехъ женъ: старшая жена называлась Токъ-Саба, вторая—Тута-Ары, третья—Акъ-Манклай. Отъ первой и второй женъ у него было по семи сыновей, отъ третьей два сына. Первымъ семи сыновьямъ мать ихъ дала (общее) имя Етишкэ-Оглу, другимъ семи ихъ матерью дано имя Еди-Санъ, двумъ послѣднимъ дано имя Гэльче. Оттого-то ногайцевъ и называютъ „дѣтьми трехъ матерей“. Общее же для всѣхъ ихъ всовокупности имя „Татаръ-Тобъ“ и просто „Татаръ“. Изъ этихъ-то татаръ одинъ молодецъ, по имени Кырымъ, пришолъ на Зеленый Островъ, который въ то время былъ юртомъ франковъ. Кырымъ пришолъ для торговли, для каковой онъ потомъ отправился въ Исламбумъ и являлся тамъ къ вельможамъ падишаха Исламбульскаго. Они спрашивали у Кырыма, что за мѣстность, въ которой онъ жилъ и откуда теперь прибылъ. Кырымъ расхваливалъ все, что было на томъ Зеленомъ Островѣ—соль, сады, бакчи, горы, города, села, деревни. Тогдашній Исламбульскій падишахъ предпринялъ походъ, взялъ генуэзско-франкскія владѣнія на Зеленомъ Островѣ и завоевалъ

тотъ островъ. Изъ генуэзцевъ никого не осталось: они бѣжали, а жившіе внутри страны приняли мусульманство и остались. Вотъ по имени того молодца Кырыма названъ былъ Кырымомъ и Зеленый Островъ по завоеваніи его. А молодецъ-то Кырымъ пошелъ къ своему народу Татаръ-Тобъ на прежнихъ мѣстахъ и сталъ приглашать его на Зеленый Островъ. Большинство, послушавъ его словъ, пожелало перебраться на Зеленый Островъ; иные же отказались и не пошли. Тогда уходившіе сказали имъ съ укоризною: „Ну что вамъ добраго въ томъ, что вы отстанете отъ насъ"? Потатарски это такъ: بزدن قالوب سيزلر نه اونكغاى‌سيز (... „*нэ онгайсызъ*"; отсюда и взялось будто бы прозвище *Ногай* [1]).

Всѣ составные элементы вышеприведеннаго преданія, въ отдѣльности взятые, совершенно правдоподобны. Имя *Крымъ* носили у татаръ и люди, даже историческія личности, каковъ былъ ханъ Крымъ-Герай. Не рѣдкость были и переселенческія движенія ногайскихъ племенъ изъ ихъ кочевій на Кубани и Терекѣ въ Крымъ, хотя они случались уже спустя много времени послѣ утвержденія тамъ татарскаго владычества: очевидно, легендою и увѣковѣчена память о подобныхъ переселеніяхъ, и притомъ, вопреки исторической истинѣ, въ связи съ исторіею цѣлаго края. На это указываетъ между прочимъ присвоенное легендою ногайскимъ племенамъ имя и Татаръ-Тобъ—طتار توب—, въ которомъ легко можно усматривать географическое названіе одной мѣстности на р. Терекѣ—Татаръ-Топа [2]). Вымышленность мнимаго факта изобличается тѣмъ, что онъ представляется одновременнымъ со вторженіемъ въ Крымъ турковъ-османлы и изгнаніемъ ими генуэзцевъ—съ такимъ событіемъ, которое одно только исторически и вѣрно въ цѣломъ преданіи, но зато совершилось въ ту пору, когда имя „Крымъ" уже было извѣстно и попу-

[1]) Рукописный сборникъ Алемъ-Гази-Джирау-бенъ-Абду-л-Ла моллы изъ деревни Эввельки-Кагачъ. 1847 г. Стр. 11. [2]) Путешествіе Іосафата Барбаро. Спб. 1836. Стр. 138.

лярно. Что особенно любопытно въ легендѣ—это названіе Крыма „Зеленымъ островомъ"—یشیل ادا—, которое является древнѣйшимъ, по народному воззрѣнію. Не находя пока никакихъ, ни этимологическихъ, ни историческихъ, данныхъ, которыми бы оправдывалось это воззрѣніе, мы не можемъ однако же совершенно игнорировать его и считать произведеніемъ чистаго вымысла народной фантазіи: къ возникновенію его въ народныхъ преданіяхъ могло дать поводъ какое-нибудь дѣйствительное историческое явленіе или событіе, которое можетъ современемъ разъясниться. Съ этой точки зрѣнія не лишонъ нѣкотораго значенія также еще одинъ фактъ въ татарскихъ народныхъ сказаніяхъ, который будетъ приведенъ ниже по вопросу о третьемъ названіи одного и того же историческаго города, объ „Эски-Крымѣ".

Относительно имени „Эски-Крымъ" было замѣчено, что оно не встрѣчается на татарскихъ монетахъ. То же слѣдуетъ сказать и о письменныхъ памятникахъ. Самое раннее извѣстное намъ упоминаніе его принадлежитъ русскимъ памятникамъ, гдѣ татарскій эпитетъ „*Эски*"—اسکی—является въ русскомъ переводѣ „*Старый*". Въ Крымскихъ Дѣлахъ подъ 1585 годомъ читаемъ: „Калга да Саламетъ-Кирей пошли къ *Старому Крыму* и пришли въ Кафу" [1]). Карамзинъ, говоря объ умерщвленіи ширинскаго бека Бахтіяра, „господствовавшаго въ *Старомъ Крыму*" въ 1531 году, тоже ссылается на Крымскія Дѣла [2]), но не дѣлаетъ выписки изъ нихъ. Изъ татарскихъ памятниковъ письменности имя „Эски-Крымъ"—اسکی قریم—однажды попадается въ Краткой Исторіи [3]), да еще встрѣтилось въ казы-эскерскомъ дефтерѣ № 36 за 1113—1115=1701—1703 годъ; въ другихъ же дефтеряхъ, и то не раньше 1085=1674 года, знаменитый городъ называется или قریم عتیق, съ замѣною тюркскаго эпитета „*Эски*" арабскимъ „*Атыкъ*" [4]), или же просто قریم безъ всякаго эпитета [5]).

[1]) Ист. Гос. Рос., X: пр. 100. [2]) Op. cit., VII: пр. 301. [3]) Кр. Ист., 39 г. [4]) Напр. въ №№ 18, 28, 29, 37, 55, 62. [5]) Напр. въ № 26.

Толкуютъ, что слово „Эски“, означая „старый, древній“, будто бы можетъ служить эпитетомъ, „напоминающимъ минувшую славу г. Крыма послѣ перенесенія столицы (ханской) въ Бахчи-Сарай“ [1]. Но, сколько намъ извѣстно, такое безосновательное употребленіе турецкаго слова „эски“—اسكى—не находитъ себѣ оправданія ни въ коренномъ значеніи его, ни въ какихъ-либо аналогическихъ примѣрахъ. Обыкновенно въ смыслѣ „старинный, матерой, кондовый“ въ турецкомъ языкѣ употребительно другое слово—„коджа“—قوجه = „старикъ, старецъ“: турки, напримѣръ, говорятъ قوجه بالقان = „Старые-Балканы“, قوجه طونه = „Старый-Дунай“, и т. п. Эпитетъ же „эски“ по общему правилу является при географическихъ собственныхъ именахъ всегда для отличія одной мѣстности отъ какой-либо другой, дѣйствительной или предполагаемой, такъ что для большей части именъ городовъ и мѣстечекъ съ эпитетомъ эски подыскиваются дублеты съ противоположнымъ эпитетомъ „ени“—يكى = „новый“, какъ, напримѣръ, Эски-Загра и Ени-Загра, Эски-Джумъа и Ени-Джумъа, Эски-Шегеръ и Ени-Шегеръ, и т. п. [2]). Существуетъ даже Эски-Истамбулъ—اسكى استانبول—, да еще не одинъ, а цѣлыхъ два—одинъ на малоазіатскомъ берегу Архипелага, противъ о-ва Тенедоса, а другой на Балканскомъ полуостровѣ, неподалеку отъ Шумлы и Правади [3]). Есть полное основаніе полагать, что это имя дано турками обѣимъ мѣстностямъ въ какомъ-нибудь соотношеніи съ Константинополемъ, который самъ по себѣ, конечно, городъ не новый, но какъ „Стамбулъ“, столица Отоманской имперіи, въ глазахъ турковъ все же не очень древній. Къ этому соотношенію могли дать поводъ туркамъ какія-нибудь историческія соображенія, на-

---

[1]) Памятная книжка Таврич. губ. Симферополь. 1867. Стр. 294.

[2]) См. въ «Легджеи-Османи» Ахмедъ-Вефыка подъ словомъ اسكى и يكى.

[3]) Mostras, Dictionnaire géographique de l'empire Ottoman. Sptburg. 1873. Стр. 15.

примѣръ археологическіе памятники, существующіе въ мѣстахъ нахожденія обоихъ Эски-Истамбуловъ: первый изъ нихъ лежитъ на развалинахъ древняго города Антигоніи; въ сосѣдствѣ второго, а именно тамъ гдѣ г. Правади, видны какія-то громадныя желѣзныя кольца на утесахъ, которые, по мѣстному народному преданію, во времена оныя служили ложемъ для морского пролива, въ родѣ Босфора, и пристанищемъ для кораблей, причаливавшихся къ означеннымъ кольцамъ [1]).

Въ силу такого вышеизъясненнаго общаго правила естественно предполагать, что и „*Старый* Крымъ" явился въ соотвѣтствіе съ какимъ-нибудь „*Новымъ* Крымомъ". Это предположеніе, къ сожалѣнію, находитъ себѣ опору въ нумизматическомъ фактѣ: нашлись татарскія монеты, на которыхъ мѣстомъ чекана значится بلد قريم الجديد = „Городъ Крымъ *Новый*", какъ обыкновенно переводится эта легенда нашими учеными нумизматами [2]). Я сказалъ: къ сожалѣнію, потому что фактъ этотъ не только не помогаетъ разрѣшенію вопроса о Старомъ Крымѣ, а еще болѣе запутываетъ его: приходится отыскивать Новый Крымъ, гдѣ таковой находился. Позволяемъ себѣ прямо и рѣшительно утверждать, что всѣ поиски за Новымъ Крымомъ будутъ тщетны, такъ какъ существованіе города или мѣстечка съ этимъ именемъ болѣе чѣмъ сомнительно. Такое убѣжденіе сложилось у насъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Кромѣ „Крыма *Новаго*" нумизматамъ извѣстны еще, какъ мѣста чеканки монеты татарской, „Сарай *Новый*", „Булгаръ *Новый*", „Гюлистанъ *Новый*", „Хаджи-Тарханъ *Новый*", „Маджаръ *Новый*", „Саганакъ *Новый*", „Улусъ *Новый*", „Орда *Новая*". Изъ этого какъ будто выходитъ, что коли былъ Сарай *Новый*, то долженъ былъ существовать и Сарай *Старый*, что если былъ Булгаръ *Новый*, то долженъ былъ существовать и Булгаръ *Старый*, и т. д. Замѣчательно однако же,

---

[1]) Hammer. Rumeli und Bosna. Стр. 32. [2]) Записки Имп. Археолог. Общ., т. XII, вып. 1, стр. 111, № 259 и стр. 294, № 153; Блау, Восточныя монеты, № 558.

Толкуютъ, что слово „*Эски*", означая „старый, древній", будто бы можетъ служить эпитетомъ, „напоминающимъ минувшую славу г. Крыма послѣ перенесенія столицы (ханской) въ Бакчэ-Сарай" [1]). Но, сколько намъ извѣстно, такое безотносительное употребленіе тюркскаго слова „*эски*"—اسكى—не находитъ себѣ оправданія ни въ коренномъ значеніи его, ни въ какихъ-либо аналогическихъ примѣрахъ. Обыкновенно въ смыслѣ „старинный, матерой, кондовый" въ турецкомъ языкѣ употребительно другое слово—„*коджа*"—قوجه = „старикъ, старецъ": турки, напримѣръ, говорятъ قوجه بالقان = „Старые-Балканы", قوجه طونه = „Старый-Дунай", и т. п. Эпитетъ же „*эски*" по общему правилу является при географическихъ собственныхъ именахъ всегда для отличія одной мѣстности отъ какой-либо другой, дѣйствительной или предполагаемой, такъ что для большей части именъ городовъ и мѣстечекъ съ эпитетомъ *эски* подыскиваются дублеты съ противоположнымъ эпитетомъ „*ени*"—یکى = „новый", какъ, напримѣръ, Эски-Загра и Ени-Загра, Эски-Джумъа и Ени-Джумъа, Эски-Шегеръ и Ени-Шегеръ, и т. п. [2]). Существуетъ даже Эски-Истамбулъ—اسكى استانبول—, да еще не одинъ, а цѣлыхъ два—одинъ на малоазіатскомъ берегу Архипелага, противъ о-ва Тенедоса, а другой на Балканскомъ полуостровѣ, неподалеку отъ Шумлы и Правади [3]). Есть полное основаніе полагать, что это имя дано турками обѣимъ мѣстностямъ въ какомъ-нибудь соотношеніи съ Константинополемъ, который самъ по себѣ, конечно, городъ не новый, но какъ „Стамбулъ", столица Отоманской имперіи, въ глазахъ турковъ все же не очень древній. Къ этому соотношенію могли дать поводъ туркамъ какія-нибудь историческія соображенія, на-

---

[1]) Памятная книжка Тавріч. губ. Симферополь. 1867. Стр. 294.
[2]) См. въ «Легджеи-Османи» Ахмедъ-Вефыка подъ словомъ اسكى и یکى.
[3]) Mostras, Dictionnaire géographique de l'empire Ottoman. Spburg. 1873. Стр. 15.

примѣръ археологическіе памятники, существующіе въ мѣстахъ нахожденія обоихъ Эски-Истамбуловъ: первый изъ нихъ лежитъ на развалинахъ древняго города Антигоніи; въ сосѣдствѣ второго, а именно тамъ гдѣ г. Правади, видны какія-то громадныя желѣзныя кольца на утесахъ, которые, по мѣстному народному преданію, во времена оныя служили ложемъ для морского пролива, въ родѣ Босфора, и пристанищемъ для кораблей, причаливавшихся къ означеннымъ кольцамъ [1]).

Въ силу такого вышеизъясненнаго общаго правила естественно предполагать, что и „*Старый* Крымъ" явился въ соотвѣтствіе съ какимъ-нибудь „*Новымъ* Крымомъ". Это предположеніе, къ сожалѣнію, находитъ себѣ опору въ нумизматическомъ фактѣ: нашлись татарскія монеты, на которыхъ мѣстомъ чекана значится بلد قريم الجديد = „Городъ Крымъ *Новый*", какъ обыкновенно переводится эта легенда нашими учеными нумизматами [2]). Я сказалъ: къ сожалѣнію, потому что фактъ этотъ не только не помогаетъ разрѣшенію вопроса о Старомъ Крымѣ, а еще болѣе запутываетъ его: приходится отыскивать Новый Крымъ, гдѣ таковой находился. Позволяемъ себѣ прямо и рѣшительно утверждать, что всѣ поиски за Новымъ Крымомъ будутъ тщетны, такъ какъ существованіе города или мѣстечка съ этимъ именемъ болѣе чѣмъ сомнительно. Такое убѣжденіе сложилось у насъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Кромѣ „Крыма *Новаго*" нумизматамъ извѣстны еще, какъ мѣста чеканки монеты татарской, „Сарай *Новый*", „Булгаръ *Новый*", „Гюлистанъ *Новый*", „Хаджи-Тарханъ *Новый*", „Маджаръ *Новый*", „Саганакъ *Новый*", „Улусъ *Новый*", „Орда *Новая*". Изъ этого какъ будто выходитъ, что коли былъ Сарай *Новый*, то долженъ былъ существовать и Сарай *Старый*, что если былъ Булгаръ *Новый*, то долженъ былъ существовать и Булгаръ *Старый*, и т. д. Замѣчательно однако же,

[1]) Hammer, Rumeli und Bosna. Стр. 32. [2]) Записки Имп. Археолог. Общ., т. XII, вып. 1, стр. 111, № 259 и стр. 294, № 153; Блау, Восточныя монеты, № 558.

что всѣ эти *Новые* Сараи, Булгары и пр. доселѣ пока значатся лишь на монетахъ, никакихъ же другихъ археологическихъ признаковъ дѣйствительнаго существованія дублетныхъ географическихъ пунктовъ ученымъ изслѣдователямъ не удалось вточности констатировать. Оказывается, судьба такъ была безжалостна, что не пощадила ни одного изъ вышеисчисленныхъ географическихъ дублетовъ для избавленія ученыхъ отъ напрасныхъ трудовъ по отысканію этихъ дублетовъ. Намъ кажется, что это отыскиваніе есть погоня за призракомъ, созданнымъ себѣ самими же учеными. Дѣло въ томъ, что эпитетъ, который нумизматы переводятъ русскимъ словомъ *Новый*, или нѣмецкимъ *Neu*, на всѣхъ татарскихъ монетахъ этого интереснаго типа выраженъ арабскимъ словомъ *эль-джедидъ*—الجديد, или: *эль-джедидэ*—الجديدة, такъ что вездѣ на этихъ мотахъ мы видимъ: ماجر الجديد ,گلستان الجديد ,بلغار الجديدة ,سراى الجديد ,سغناق الجديد ,اوردو الجديد ,اولوس الجديد ,حاجى ترخان الجديده и, наконецъ, قريم الجديد. Ни разу не встрѣчается на монетахъ весьма, казалось бы, приличествующаго въ данномъ случаѣ чисто тюркскаго слова *янги*, *ени*—يانكى ,يكى—„новый“, исключая одного „Янги-Шегра“, „аральскаго Новгорода“, какъ называетъ его покойный Савельевъ [1]). Что же это могло значить? Кромѣ эпитета *джедидъ* при именахъ мѣстъ чеканки татарскихъ монетъ мы встрѣчаемъ еще нѣкоторые другіе, и всѣ взятые изъ арабскаго языка, какъ-то: المحروسه „богохранимый“, المعظم „высочайшій“, معموره „благоустроенный“, شريف „превознесенный“, عزيزه „досточтимый“. Городъ Крымъ большею частью является на монетахъ безъ всякаго эпитета; а изъ эпитетовъ чаще другихъ стоитъ при немъ المحروسه „богохранимый“ [2]); иногда встрѣчается эпитетъ عزيزه „досточтимый“ [3]) и затѣмъ الجديد.

[1]) Зап. Археол. Общ., т. XII, вып. 1-й, стр. 37, 289 и 307.
[2]) Напр. въ Зап. Арх. Общ., цитов. томъ, стр. 134; Fraehn, Numophylacium, стр. 61. [3]) Numophylacium, стр. 58.

Во всѣхъ случаяхъ замѣчается одна и та же тенденція татарскихъ минцмейстеровъ щеголять замысловатыми, и притомъ непремѣнно арабскими, словами, употребляя ихъ въ качествѣ добавочныхъ изысканныхъ, высокопарныхъ приложеній къ имени мѣста чеканки. Вычурность въ этомъ случаѣ иногда заходила такъ далеко, что эпитетъ выражался цѣлою фразою: ضرب فى بلدة قريم حميت عن الافات = „Бито въ городѣ Крымѣ, да сохранится онъ отъ бѣдствій" [1]). Что арабскія прозвища были своего рода щегольствомъ въ Золотоордынскомъ царствѣ, это явствуетъ изъ примѣра хана Туданъ-Менгу, который отправлялъ нарочитое посольство въ Египетъ съ просьбою къ тамошнему султану о дарованіи ему какого-нибудь „мусульманскаго прозвища" [2]). Ничто не мѣшало распространить это щегольство и на монетныя легенды. Изобрѣтать же и сочинять замысловатые эпитеты и выраженія для торжественныхъ актовъ проявленія татарско-ханскаго величія было кому, ибо Ибнъ-Батута засталъ уже въ Крымѣ и шейховъ, и имамовъ, и кадіевъ, и хатыбовъ [3])—однимъ словомъ всевозможныхъ представителей мусульманско-арабской учености, которые, конечно, не упускали случая блеснуть своею ученостью и знаніями въ арабскомъ языкѣ. У историка Эль-Айни разсказывается, что въ 1427 году къ султану египетскому „прибыло письмо отъ завладѣвшаго Крымомъ лица, по имени Даулетъ-Бирди, состоявшее изъ прекрасныхъ фразъ, которыя заключали въ себѣ двустишія, стихотворенія и поговорки, переполненныя разными риторическими затѣями, оборотами и украшеніями. Оно было прочтено султану, и слуга нижайшій (т. е. авторъ) присутствовалъ при этомъ въ собраніи. *Но ни читавшій, ни другой кто не понималъ содержавшихся въ немъ (письмѣ) тонкостей*" [4]).

Соображая вышеприведенныя данныя, можно сдѣлать такое заключеніе, что эпитетъ г. Крыма, арабское прилагатель-

---

[1]) Зап. Арх. Общ., цитов. т., стр. 295—296. [2]) Тизенгаузенъ, Сборникъ, I: 68, 105 и др. [3]) Ibid., 280. [4]) Ibid., 533—534.

ное *эль джедидъ* есть такъ не болѣе какъ одна изъ тонкостей изобрѣтенія мѣстной татарско-арабской учености, заодно съ прочими вычурными эпитетами, фигурирующими на татарскихъ монетахъ; видѣть же въ немъ наособицу какое-либо географическое обозначеніе нѣтъ достаточнаго основанія. А потому нѣтъ крайности принимать это прилагательное тутъ въ слишкомъ простомъ и банальномъ его значеніи „новый“, когда въ словарахъ ему приписывается также значеніе „счастливый, благополучный“ [1]), какъ разъ подходящее къ категоріи другихъ, равносильныхъ съ нимъ по употребленію — المحروسه, المعظم, عزيزه, شريف. Да и въ самомъ дѣлѣ: еще для приложенія къ именамъ постоянныхъ городовъ эпитета *эль-джедидъ* въ значеніи „новый“ могло быть какое-нибудь основаніе; но что за смыслъ могъ быть въ приложеніи его къ улусу или къ ордѣ, т. е. къ ханской ставкѣ, которая, при кочевомъ образѣ жизни прежнихъ татарскихъ хановъ, безпрестанно передвигалась съ одного мѣста на другое? Что такое словомъ „новый“ обозначалось въ примѣненіи къ подобному подвижному мѣсту чеканки монеты ханской? Наконецъ въ тѣхъ случаяхъ, когда прилагательное *эль-джедидъ* было употребляемо въ смыслѣ „новый“, какъ составной элементъ цѣлаго имени города, напримѣръ въ названіи „Шегръ эль-Джедидъ“, иначе „Янги-Шегръ“, рядомъ съ нимъ ставился уже другой эпитетъ — المحروسه „богохранимый“: ضرب المحروسه یانکی شهر = „Чеканъ богохранимаго Янги-Шегра“ [2]); ضرب المحروسه شهر الجديد = „Чеканъ богохранимаго Шегръ эль-Джедида“ [3]). Ни одного случая подобной встрѣчи другихъ арабскихъ эпитетовъ съ эпитетомъ *эль-джедидъ* на монетахъ татарскихъ пока намъ не приходилось наблюдать.

Не говоря уже о „Крымѣ *Новомъ*“, изрѣдка появляющемся единственно на монетныхъ легендахъ, даже и „Сарая *Новаго*“

---

[1]) См. Dictionnaire arabe-français, par Kazimirski; Lane, An arabic-english lexicon, и др. [2]) Зап. Археол. Общ., цитов. т., стр. 38. [3]) Ibid., 210.

не знаютъ арабскіе историки, писавшіе о Золотой Ордѣ. Только авторъ біографіи Эльмеликъ-Эннасыра да Эль-Асади († 1448) мимоходомъ замѣчаетъ, что Узбекъ умеръ въ Новомъ Сараѣ— بلاد صراى الجديد [1]); но случайная замѣтка перваго и единственный примѣръ второго, довольно поздняго арабскаго писателя, въ данномъ случаѣ столь же мало колеблютъ наше убѣжденіе, какъ и ратованіе покойнаго Ф. К. Бруна за несомнѣнность бытія „Новаго Сарая", основанную у него между прочимъ на отожествленіи мнимаго туземнаго названія „Новый Сарай" и русскаго его прозвища „Большой" или „Великій", или Saray Grando, какъ оно значится на картѣ венеціанца Фра-Мавро [2]).

Не признавая существованія Новаго Крыма, мы должны также отказаться отъ признанія исторической необходимости и Стараго Крыма, или Эски Крыма. Не оправдываемое старинными документальными памятниками, это собственное географическое имя, безъ сомнѣнія, получило свое бытіе въ очень недавнее время и обязано своимъ возникновеніемъ, по всей видимости, творческимъ свойствамъ мѣстной народной рѣчи. Въ числѣ такихъ свойствъ, какъ извѣстно, весьма важную роль играетъ случайное созвучіе словъ, нерѣдко пораждающее и новыя понятія. Городъ Крымъ, бывшій Солхатъ, нѣкогда славился обширностью своего строенія и многолюдствомъ населенія. Этотъ выдающійся его признакъ не только наблюдался заѣзжими иностранными путешественниками, но не ускользнулъ и отъ вниманія болѣе близкаго къ нему, татарскаго люда, который и отмѣтилъ этотъ признакъ особымъ эпитетомъ въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ.

Въ числѣ народныхъ преданій о богатыряхъ прежняго времени у ногайскихъ татаръ не мало есть пѣсень, въ которыхъ воспѣваются какія-то дѣянія и великіе замыслы знаменитаго мурзы Мамая, памятнаго исторіи своимъ пораженіемъ въ Куликовской битвѣ, а также прославляется герой-

[1]) Тизенгаузенъ, I: 254 & 445. [2]) Брунъ, Черноморье, II: 271—285.

ство Адиль-Герая, извѣстнаго своими романтическими приключеніями во время своего пребыванія въ плѣну у персовъ. Иногда подвиги этихъ обоихъ героевъ переносятся народными пѣснями на почву Крыма. Въ этихъ-то самыхъ пѣсняхъ имя „Крымъ" неоднократно является съ эпитетомъ *яссы* — ياصى =„широкій, пространный": выраженіе *Яссы Кырымъ* — ياصى قريم — „Широкій Крымъ" имѣетъ въ этихъ пѣсняхъ точно такой же смыслъ, какъ *Яссы Идиль* — ياصى ايديل — „Широкая Волга" [1]). Хотя обычная въ народныхъ произведеніяхъ неопредѣленность позволяетъ подъ Крымомъ въ этихъ пѣсняхъ разумѣть и весь полуостровъ; но ничто не мѣшаетъ подразумѣвать и собственно городъ Крымъ, ибо въ этихъ пѣсняхъ безпрестанно упоминаются и другіе татарскіе города и крѣпости, какъ Бакчэ-Сарай, Акъ-Мечеть, Астрахань, Оръ, Кыркоръ, Азовъ; да притомъ собственно Крымскій полуостровъ едва ли могъ ногайцамъ показаться обширнымъ, раздольнымъ послѣ необозримыхъ степей материка, гдѣ находились ихъ главныя кочевья.

Если наше предположеніе, что Яссы-Кырымъ въ ногайскихъ пѣсняхъ означаетъ городъ Крымъ, вѣрно, то само собой далѣе слѣдуетъ, что когда славный городъ Крымъ пришолъ въ упадокъ и запустѣніе, непремѣнно долженъ былъ утратить свой смыслъ и прилагавшійся къ нему эпитетъ *яссы* = „обширный": онъ долженъ былъ или совершенно отпасть и исчезнуть изъ употребленія въ живой рѣчи мѣстнаго народонаселенія, или уступить свое мѣсто другому, который бы болѣе соотвѣтствовалъ дѣйствительному состоянію нѣкогда цвѣтущаго, а потомъ совсѣмъ развалившагося и заброшеннаго города. Ничего не могло быть проще и легче, какъ измѣниться слову *яссы* въ очень близкое къ нему по своему звуковому составу тюркское же слово *эскй* = „старый, древній": оно

---

[1]) Сборникъ Мухаммедъ-эфенди Османова, стр. 53, 56, 78.

какъ нельзя болѣе подходило къ имени города, за которымъ только и осталось достопамятнаго, что онъ старъ, древенъ, давно занимаетъ извѣстную мѣстность; а цвѣтущее великолѣпіе его, многолюдство и разноплеменность жителей, торговая оживленность, сосредоточенность мусульманской учености и религіознаго представительства—все это современемъ изгладилось изъ народной памяти и едва ли сколько-нибудь воскрешается въ ней присоединеніемъ къ имени города Крыма эпитета *эски*=„старый".

Такъ какъ главнымъ основаніемъ для нашего объясненія имени „Эски-Крымъ" намъ служатъ здѣсь народныя пѣсни, то невольно приходитъ въ голову вопросъ о томъ, могъ ли поэтическій эпитетъ *яссы*=„широкій", который въ ногайскихъ пѣсняхъ прилагается не только къ Крыму, а и къ Волгѣ, обратиться въ ходячій, вульгарный придатокъ къ имени города Крыма, а потомъ видоизмѣниться въ простой географическій терминъ. Правда, что въ настоящій моментъ не представляется другого подходящаго примѣра, равносильнаго разсматриваемому нами въ тюркской географической номенклатурѣ, но мы позволимъ себѣ обратиться къ аналогическимъ фактамъ въ языкѣ русскомъ, ибо нѣкоторыя явленія и условія духовной жизни и творчества рѣчи одинаковы у всѣхъ народовъ. Положимъ, что, напримѣръ, въ русскихъ пѣсняхъ р. Волга обыкновенно называется *широкою*, *матушкою*, а между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ эпитетовъ не сдѣлался съ именемъ рѣки простымъ географическимъ терминомъ. Но то, что не заурядно, не общепринято, еще не совсѣмъ непозволительно, не безусловно невозможно. Извѣстно, что къ инымъ мѣстностямъ въ народѣ живетъ какое то особенное чувство, то благоговѣйное и симпатичное, то враждебное и антипатичное, и оно постоянно проглядываетъ не только въ поэтическихъ его произведеніяхъ, а даже и въ обыкновенной житейской его рѣчи: русскій человѣкъ, напримѣръ, вособенности простолюдинъ, охотно скажетъ и запросто, что онъ ѣдетъ, положимъ, въ *Бѣлокаменную*, подразумѣвая Москву; на-

ша столица у простого народа называется не Петербургомъ, а *Питеромъ*, т. е. тѣмъ именемъ, подъ которымъ она только и является въ народныхъ пѣсняхъ и поговоркахъ. Мало ли у насъ географическихъ названій въ родѣ *Чистое Поле*, *Синее Море* и т. п., которыя въ сильной степени отзываются поэтическимъ колоритомъ. Подобная склонность къ поэтической живописности въ названіяхъ мѣстностей не чужда также и тюркамъ, какъ это показываютъ многія географическія наименованія, въ родѣ *Кызылъ-Эльма* = „Красное Яблоко" (Римъ), у турковъ османскихъ, *Чатыръ-Дагъ* = „Шатеръгора", *Аю-Дагъ* = „Медвѣдь-гора", у крымскихъ татаръ.

И такъ Солхатъ, переименованный въ Крымъ и, позднѣе, въ Эски-Крымъ, былъ главнымъ центромъ татарскаго господства на Таврическомъ полуостровѣ до утвержденія династіи Гераевъ. Такое значеніе этого города надо понимать однако же не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ былъ столицею какого-либо отдѣльнаго татарскаго государства, а въ томъ, что въ немъ сосредоточивалось все то, что служило высшимъ выраженіемъ татарско-мусульманскаго престижа въ странѣ—религіозныя учрежденія съ соотвѣтственнымъ персоналомъ, т. е. мечети, дервишскія текье, медресе, съ ихъ муллами, шейхами, кадіями и т. п.; обнесенная каменною оградою и рвомъ крѣпость, способная выдерживать сильную осаду; каравансараи для склада товаровъ и проживанія заѣзжихъ торговцевъ. Первыя удовлетворяли высшимъ духовнымъ потребностямъ окрестнаго кочевого народонаселенія и поддерживали внутренній гражданскій порядокъ, вѣдая судъ и правду; вторая служила убѣжищемъ и оплотомъ богатаго населенія и мѣстныхъ правителей на случай вторженія внѣшняго врага; третьи составляли источникъ доходовъ, поступавшихъ въ казну владѣтелей края и ихъ правительственныхъ органовъ. Не смотря на многія свои преимущества, городъ Крымъ однако же не былъ постоянною резиденціею золотоордынскихъ хановъ: они иногда бывали въ немъ временно, мимоходомъ, въ

качествѣ гостей или бѣглецовъ, спасавшихся туда отъ преслѣдованія своихъ противниковъ. Черезъ г. Крымъ, лежавшій на перепутьѣ, они вели свои сношенія съ знатнымъ въ то время египетско-мамлюкскимъ султанатомъ. Памятникомъ этихъ сношеній было построеніе великолѣпной мечети въ Крымѣ на иждивеніе мамлюкскаго султана Бейбарса, приславшаго и деньги, и своего мастера для производства на этой мечети эпиграфическихъ и другихъ орнаментовъ [1]). Но особенно благоволилъ къ г. Крыму, повидимому, Узбекъ-ханъ (1313—1342). Арабскіе историки не нарадуются благочестію Узбека и ревности, съ какою онъ утверждалъ въ своихъ владѣніяхъ правовѣріе, выстроивши себѣ особую мечеть для аккуратнаго совершенія пятикратной молитвы и преслѣдуя тѣхъ своихъ изъ подданныхъ, кто неодобрительно относился къ его мусульманскому ревнительству [2]). Поэтому покойный Брунъ не безъ основанія утверждалъ, что фанатическое убіеніе князя Михаила Ярославича Тверского Узбекомъ произошло именно въ г. Крымѣ во время пребыванія тамъ послѣдняго [3]). Кромѣ удобствъ быстроты сношеній съ Египтомъ, которыя особенно участились при Узбекѣ, Крымъ могъ привлекать его и обиліемъ предметовъ, долженствующихъ удовлетворять религіознымъ чувствамъ истаго мусульманскаго адепта: въ Крымѣ, какъ мы сказали, были и мечети, и дервишскіе монастыри, и много духовно-ученой мусульманской братіи. Другимъ, археологическимъ подтвержденіемъ пребыванія Узбека въ эту пору въ Крыму служитъ сохранившійся до нашего времени порталъ мечети, построеніе которой относится къ тому же времени. Смыслъ надвходной надписи таковъ, что, можно думать, это и есть та самая мечеть, которая, по словамъ арабскихъ историковъ, была построена самимъ Узбекомъ. Эта надпись обыкновенно переводится такъ: „Да будетъ благодареніе Всевышнему за руководство на путь истин-

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 435. [2]) Ibid., 384, 515 и др. [3]) Черноморье, II: 132.

ный, и милость Божія на Мухаммедѣ и его преемникахъ. Строитель сей мечети, въ благополучное владычествованіе великаго хана Мухаммеда (да будетъ владычество его вѣчно!) смиренный рабъ, нуждающійся въ милосердіи Божіемъ, Абду-ль-Гази-Юсуфъ, сынъ Ибрагима Эзбали. 714 гиджры (отъ Р. Хр. 1314)" [1]). Переводъ этотъ, сдѣланный г. Негри, не совсѣмъ полонъ. Въ текстѣ послѣ ханскаго имени Мухаммедъ— محمد, стоитъ одно слово, которое опять повторено въ концѣ, послѣ имени архитектора. Г. Негри въ первомъ случаѣ совсѣмъ пропустилъ его, а во второмъ передалъ его по-русски, согласно съ копіею арабскаго текста, словомъ „Эзбали". Но что же это такое за „Эзбали"? По формѣ это слово похоже на прилагательное относительное, которое можетъ быть производимо отъ имени мѣста; слѣдовательно здѣсь оно должно означать прозвище архитектора, или его отца, Ибрагима—„Эзбайскій" или „Эзбальскій". Но никакого болѣе или менѣе извѣстнаго географическаго имени, сколько-нибудь похожаго на *Эзба*, или *Эзбаль* и т. п., не существуетъ. При осмотрѣ же подлинной надписи портала, можно замѣтить, что слово, прочитанное ازبالى — *эзбали*,—въ первомъ случаѣ слѣдуетъ читать ازبك — *Узбекъ*, ибо конечная буква ك сдѣлана такая длинная и размашистая, что ее нетрудно принять за لى, или, пожалуй, за كى. Тогда, слѣдовательно, фразу: فى ايام دولت خان اعظم محمد ازبك надо перевести такъ: „во дни царствованія великаго хана Мухаммеда Узбека". И на монетахъ ханъ Узбекъ обыкновенно носитъ двойное имя—національное „Узбекъ" и мусульманское „Мухаммедъ", или же одно первое; второе же водиночку не встрѣчается. Явно, что и здѣсь Узбекъ является съ двойнымъ именемъ. Труднѣе рѣшить, въ какомъ значеніи то же слово могло быть придано къ имени архитектора Абду-ль-Гази-Юсуфъ-ибнъ-Ибра-

---

[1]) Зап. Од. Общ., II: 529.

гима. Остается прибѣгнуть къ конъектурѣ. Узбекъ-ханъ такъ былъ знаменитъ въ свое время, что въ честь его нѣкогда названа была обширная площадь въ Каирѣ, которая и до сихъ поръ сохраняетъ названіе Узбековой [1]). Мусульманскіе историки, превознося этого хана, самое Золотоордынское царство иногда называютъ просто „Страной Узбековой“ — بلاد ازبك [2]). Нѣтъ ничего удивительнаго, что архитекторъ, увѣковѣчившій въ надписи свое имя, тоже счелъ лестнымъ для себя присовокупить къ своему имени и прозвище „Узбекскій“, или „Узбековъ“, намекая этимъ, можетъ быть, на то, что онъ не былъ мѣстный, доморощенный мастеръ, а спеціально былъ выписанъ изъ Египта благочестивымъ строителемъ мечети, ханомъ Узбекомъ, подобно тому какъ прежде него былъ тоже нарочито присланъ оттуда въ Крымъ рѣзчикъ для изсѣченія султанскихъ титуловъ на мечети, построенной султаномъ Эльмеликъ-Эннасыромъ [3]).

Но это едва ли не единственный, исторически засвидѣтельствованный случай пребыванія золотоордынскаго хана, правовѣрнаго и общепризнаннаго обладателя всего Джучидскаго улуса, въ главномъ городѣ одного изъ важныхъ удѣловъ своего царства, Крымѣ. А то обыкновенно этотъ удѣлъ вѣдался ханскими *намѣстниками*, да иногда появлялись тамъ случайные авантюристы и узурпаторы, изъ которыхъ иные стяжали себѣ громкую извѣстность въ исторіи своими дѣяніями и печальною судьбою, другіе же исчезли безслѣдно, едва оставивъ по себѣ память лишь по имени.

Выше мы видѣли, что эти намѣстники у туземнаго народонаселенія крымскаго, по крайней мѣрѣ у генуэзскихъ колонистовъ, извѣстны были подъ названіемъ тудуновъ, но что сами татаре вовсе не пользовались этимъ архаизмомъ хазарской эпохи въ своихъ офиціальныхъ актахъ.

---

[1]) Зап. Арх. Общ., цитов. т., стр. 14. [2]) Тизенгаузенъ, I: 334 и 344. [3]) Тизенгаузенъ, I: 363.

Арабскіе историки также знаютъ о существованіи званія *намѣстниковъ* — نائب, نوّاب — во всѣхъ государствахъ, гдѣ правили потомки Чингизъ-хана. По словамъ ихъ, эти намѣстники назначались изъ татарскихъ вельможъ перваго разряда, которыхъ они называютъ *старшими эмирами*, въ отличіе отъ второго разряда — обыкновенныхъ, или *младшихъ эмировъ*, поарабски الامراء الكبار والصغار [1]). Слово *эмиръ* — امير — по коренному своему составу принадлежитъ арабскому языку. Если же оно и могло быть усвоено монголо-татарами, то уже, вѣроятно, не ранѣе какъ съ утвержденіемъ и распространеніемъ среди нихъ мусульманства и моды на все мусульманское, благодаря благочестивой ревности или политическому разсчету нѣкоторыхъ хановъ, изъ коихъ Джаныбекъ, напримѣръ, заставилъ своихъ подданныхъ надѣть чалмы и ферязи, впротивность ихъ народному обычаю [2]). Отсюда естественно, что титулъ *эмиръ* былъ въ ходу главнымъ образомъ у монголо-татаръ, владычествовавшихъ въ Персіи и Египтѣ [3]), тогда какъ въ ярлыкахъ золотоордынскихъ хановъ онъ не встрѣчается. Нѣтъ его и въ итальянскомъ переводѣ договорнаго акта генуэзскаго, гдѣ свидѣтели съ татарской стороны подписались съ титуломъ *bey* = بيك, вслѣдствіе чего ученый комментаторъ этого акта и въ итальянскомъ словѣ *segno* видитъ передачу того же самаго татарскаго титула *бекъ*, или *бей* [4]). Да и сами арабскіе писатели не совсѣмъ тверды въ употребленіи эпитета *эмиръ*: Ибнъ-Батута, кромѣ общаго дѣленія эмировъ на старшихъ и младшихъ, особливо говоритъ объ *эмирѣ-темникѣ* — امير طومان [5]). Ибнъ-Хальдунъ, напримѣръ, говоря объ эмирахъ, называетъ ихъ еще *царями монгольски-*

---

[1]) См., напримѣръ, Voyages d'Ibn Batoutah, II: 405. [2]) Тизенгаузенъ, I: 263 и 264. [3]) Notices et Extraits, XIV: 479; Quatremère, Hist. des Sultans Mamlouks, I: 3, 37; II: 13, Тизенгаузенъ, I: 232. [4]) Notices et Extr., XI: 55. [5]) Voyages, II: 404.

ми — ملوك المغل [1]); а между тѣмъ другой, не менѣе авторитетный и основательный писатель, Эль-Омари свидѣтельствуетъ о неуваженіи и пренебреженіи кыпчаковъ къ этому послѣднему титулу, такъ что рекомендуетъ султанско-египетской канцеляріи избѣгать его употребленія въ официальной перепискѣ съ ними [2]). Точно также потомъ Эльмухыбби и Элькалькашанди относятъ къ разряду эмировъ темниковъ, ноіоновъ, везирей и инаковъ [3]). Такимъ образомъ титулъ *эмиръ* въ приложеніи къ татарскимъ вельможамъ у мусульманскихъ историковъ былъ скорѣе книжнымъ терминомъ; на практикѣ же у татаръ въ равносильномъ смыслѣ употреблялся титулъ *бей*—بيك, какъ это явствуетъ изъ татарскихъ официальныхъ документовъ и косвеннымъ образомъ вытекаетъ изъ свидѣтельства тѣхъ же историковъ: описывая внутренніе порядки въ странѣ кыпчаковъ, они говорятъ, что управленіе ихъ государствомъ было въ рукахъ *улусныхъ эмировъ*; что улусныхъ эмировъ было четыре и „старшій изъ нихъ назывался *беклярибекъ*, т. е. бекъ надъ беками, а поарабски эмиръ надъ эмирами—بكلارى بك بمعنى امير الامراء [4]). Но что эпитетъ „эмиръ" также имѣлъ въ свое время какое-то жизненное значеніе въ улусѣ Джучидскомъ, доказательствомъ этого служитъ оставленный имъ глубокій слѣдъ въ титулѣ *мурза*, который есть не что иное какъ сокращенное и нѣсколько видоизмѣненное арабско-персидское *эмиръзадэ*—اميرزاده—„эмировичъ". Титулъ этотъ хоть и болѣе поздній, но зато самый популярный и пережилъ всѣ другія почетныя приставки къ именамъ татаръ, считающихъ свое происхожденіе знатнымъ.

Называя татарскихъ бековъ, впослѣдствіи мурзъ, эмирами, мусульманскіе историки довольно ясно опредѣляютъ ихъ общее положеніе въ Золотой Ордѣ, сравнивая его иногда съ

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 370. [2]) Ibid., 226 и 248. [3]) Ibid. 347—348, 412. [4]) Ibid., 227, 401; Notices et Extr., XIV: 479.

положеніемъ подобныхъ имъ вельможъ въ другихъ государствахъ, бывшихъ подъ властью монголо-тюркскихъ династій.

Эль-Омари, со словъ одного очевидца, говоритъ, что дворецъ золотоордынскаго хана въ г. Сараѣ „окружаютъ стѣны, башни да дома, въ которыхъ живутъ эмиры его; въ этомъ дворцѣ ихъ зимнія помѣщенія" [1]). Нѣкоторые изъ нихъ несли придворныя должности; напр., эмиръ Байдара былъ начальникомъ охоты при ханѣ Узбекѣ [2]), подобно тому какъ эмиръ Сейф-эд-Динъ Уруджъ состоялъ начальникомъ дворцовыхъ музыкантовъ при дворѣ мамлюкскаго султана въ Египтѣ [3]). Про другого эмира, Байтару говорятъ историки, что онъ находился въ услуженіи у вліятельной въ свое время Джиджекъ-хатуни, жены хана Менгу-Темира, и погибъ вмѣстѣ съ нею отъ руки временщика Ногая [4]). Арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута, описывая празднованіе рамазана при дворѣ Узбекъ-хана, точно обозначаетъ различіе между старшими и младшими эмирами, наблюдавшееся въ этикетѣ ханскаго двора [5]). Близость эмировъ къ хану и его двору неизбѣжно создала имъ вліятельное положеніе въ Ордѣ, но оно усиливалось или ослаблялось, смотря по личнымъ свойствамъ и характеру правившихъ въ Ордѣ хановъ. Ханъ Тохта, напримѣръ, по интригамъ временщика Ногая, дѣйствовавшаго чрезъ жену свою Байлакъ-хатунь, вытребовалъ къ себѣ поодиночкѣ и предалъ смерти тѣхъ эмировъ, на которыхъ ему было указано интриганомъ какъ на „остальное вредное терніе", достойное искорененія [6]). Подобную же кровавую расправу учинилъ Узбекъ-ханъ надъ эмирами, выказавшими свое неудовольствіе на принятіе имъ ислама и сговорившимися свергнуть его [7]). Тѣмъ не менѣе однако жь такое деспотическое обращеніе хановъ съ эмирами не уничтожало вліятельности послѣднихъ, благодаря ничтожеству лицъ, возсѣдавшихъ на ханскомъ тро-

[1]) Тизенгаузенъ, I: 241. [2]) Ibid., 268. [3]) Ibid., 265. [4]) Ibid., 382. [5]) Voyages, II: 404—409. [6]) Тизенгаузенъ, I: 109, 158. [7]) Ibid., 323, 384—385.

нѣ, и лѣности ихъ вѣдать самимъ дѣла правленія. Эль-Омари, касаясь государственныхъ порядковъ у туранцевъ, т. е. въ Мавераннагрѣ, Харезмѣ и Кыпчакѣ, не безъ удивленія замѣчаетъ, что у царей ихъ нѣтъ большой заботливости объ учрежденіяхъ; что въ правительственныхъ дѣлахъ тамъ принимаютъ дѣятельное участіе не только эмиры, но и знатныя дамы. „Мнѣ привелось" пишетъ онъ, „видѣть много грамотъ, исходившихъ отъ царей этихъ странъ, временъ Беркэ и позднѣйшихъ, а въ нихъ (читать): *мнѣнія хатуней и эмировъ сошлись на этомъ*" [1]). Ханъ Туда-Менгу (1281—1288), по свидѣтельству историковъ, питалъ отвращеніе къ занятію государственными дѣлами и проводилъ все время въ религіозныхъ упражненіяхъ и собесѣдничествѣ съ разными святошами — факирами, шейхами и другими ханжами [2]). Самымъ образцовымъ и знаменитымъ ханомъ, какъ по личнымъ качествамъ, такъ и по необыкновенному порядку, бывшему въ Ордѣ въ его правленіе, выставляется у мусульманскихъ историковъ Узбекъ-ханъ, а и про него тотъ же Эль-Омари говоритъ, что онъ обращалъ вниманіе только на сущность дѣлъ, не входя въ подробности обстоятельствъ [3]). Слѣдовательно, ханъ давалъ, такъ сказать, общее направленіе ходу дѣлъ въ государствѣ, сообразно своимъ взглядамъ и наклонностямъ, фактическое же осуществленіе властныхъ правъ—то, что составляло, по выраженіи Эль-Омари, подробности обстоятельствъ, было въ рукахъ его ближайшихъ подручниковъ, и прежде всего, конечно, эмировъ. На аудіенціи, данной послу египетскаго султана Эльмеликъ-Эннасыра, пріѣхавшему сватать за своего государя Чингизидскую царевну, Узбекъ сказалъ ему, чрезъ переводчика, что если въ его докладѣ содержится что-нибудь кромѣ простого привѣтствія, то пусть онъ переговоритъ объ этомъ съ эмирами, которые потомъ и собрались на совѣщаніе

---

[1]) Ibid., 229. [2]) Ibid., 105, 155 [3]) Ibid., 230.

въ числѣ 70 человѣкъ [1]). Поэтому Эльмухыбби не безъ основанія говоритъ про инака Кутлу-Бугу, что „это одинъ изъ четырехъ (улусныхъ эмировъ), которые, по принятому обычаю, бываютъ правителями въ земляхъ Узбека [2]). Элькалькашанди, повторяя свѣдѣнія Эльмухыбби, который, въ свою очередь слѣдовалъ Эль-Омари, насчетъ эмировъ Золотой Орды пишетъ: „Управленіе этимъ (т. е. Золотоордынскимъ) государствомъ въ рукахъ улусныхъ эмировъ и везиря, какъ въ царствѣ Иранскомъ; но у улусныхъ эмировъ и везиря этого царства нѣтъ такой исполнительной власти, какъ тамъ, т. е. что они ниже саномъ, чѣмъ улусные эмиры и везирь въ Иранѣ... Переписка съ улусными эмирами и съ везиремъ въ этомъ (Кыпчацкомъ) царствѣ была проще, чѣмъ переписка съ улусными эмирами и съ везиремъ царства Иранскаго [3]). Тутъ замѣтно нѣкоторое самопротиворѣчіе мусульманскихъ историковъ, которые представляютъ эмировъ то главными заправилами въ государствѣ, то безпрекословными послѣдователями распоряженій какого-то везиря. Въ послѣднемъ случаѣ, кажется, можно подразумѣвать такое положеніе вещей. когда случайно выдвигался изъ среды эмировъ одинъ какой-нибудь, который ловко и быстро пріобрѣталъ силу и вліяніе въ Ордѣ и забиралъ фактическую власть въ свои руки, не только посвоему распоряжаясь дѣйствіями другихъ эмировъ, но управляя и волею самого хана, хотя могъ и не носить какого-либо особаго титула, въ родѣ везиря; который, говоря короче, становился временщикомъ. Таковы были въ свое время временщики изъ эмировъ Ногай, Джубанъ, Мамай, Идики. Это предположеніе наше отчасти оправдывается разномысліемъ арабскихъ историковъ относительно сана и роли извѣстнаго Мамая. Эльмухыбби, по поводу переписки египетскаго султана съ Мамаемъ, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Говорятъ, что онъ правилъ землями Узбековыми; что при ханѣ Мухам-

---

[1]) Ibid., 168. [2]) Ibid., 348. [3]) Ibid. 411—412.

медѣ, о которомъ было упомянуто выше, онъ занималъ положеніе, подобное тому, какое занимаетъ при высочайшемъ дворѣ (египетскомъ) его покойное степенство, Сейфи Телбога Эль-Омари" [1]). Элькалькашанди же подвергъ сомнѣнію это извѣстіе Эльмухыбби на томъ основаніи, что если бы, говоритъ онъ, Мамай занималъ то же положеніе въ Золотой Ордѣ, какое занималъ Телбога въ землѣ Египетской, то, значитъ, онъ былъ бы старшимъ эмиромъ, а между тѣмъ ему писали съ меньшимъ почетомъ, чѣмъ улуснымъ эмирамъ [2]).

Такого могущественнаго значенія достигали татарскіе вельможи въ родѣ Ногая, благодаря какъ своимъ личнымъ способностямъ, такъ и нѣкоторымъ выгоднымъ условіямъ, въ которыхъ находилась корпорація эмировъ, или бековъ татарскихъ. Въ принципѣ территорія цѣлой Орды составляла неограниченное достояніе носителя верховной власти, хана. Это абсолютное владычество хановъ надъ землею формулировано у тюрковъ въ поговоркѣ: „Куда ступитъ копыто ханскаго коня, то и принадлежитъ хану" [3]). Но это не исключало возможности для другихъ лицъ высшаго ранга въ Ордѣ имѣть свои, иногда весьма крупныя, земельныя владѣнія. Эль-Омари говоритъ, что у эмировъ были свои земли, которыя инымъ приносили по сту, по двѣсти тысячъ динаровъ годового дохода [4]). Получая такіе большіе доходы, они могли содержать значительное число ратниковъ, которые всовокупности составляли внушительную военную силу [5]). Весь успѣхъ временщиковъ поэтому зависѣлъ отъ умѣнья ихъ пользоваться въ своихъ интересахъ и благоволѣніемъ хана, и сторонничествомъ эмировъ, соразмѣряя одно съ другимъ, смотря потому, что было въ данный моментъ нужнѣе имъ—произвесть ли давленіе на перваго, или устранить опасность соперничества вторыхъ.

---

[1]) Ibid., 350. [2]) Ibid., 412, прим. 2. [3]) Ibid., 360. [4]) Ibid., 241. [5]) Ibid., 113, 159.

Такъ какъ Крымъ считался удѣломъ Золотоордынской имперіи до самаго ея распаденія, то и вся его политическая исторія до воцаренія династіи Гераевъ всущности есть исторія Золотой Орды: существовавшіе въ ней внутренніе порядки переносились первоначально цѣликомъ въ Крымскій удѣлъ, видоизмѣняясь потомъ соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ; происходившія въ ней политическія событія отражались извѣстными послѣдствіями и на судьбѣ Крыма.

Первый исторически извѣстный изъ эмировъ, игравшихъ первенствующую роль въ Золотой Ордѣ, былъ Ногай, племянникъ Беркэ-хана. Выдвинувшись при немъ своею военною храбростью и ставши главнымъ предводителемъ войскъ ханскихъ, этотъ одноглазый старикъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ ловкій и искусный интриганъ. Дѣйствуя черезъ посредство вліятельныхъ при дворѣ дамъ, онъ особенно упрочилъ свое положеніе въ царствованіе полупомѣшаннаго и безхарактернаго хана Туда-Менгу, который проводилъ все время въ религіозныхъ упражненіяхъ и собесѣдничествѣ съ разными святошами, а государственными дѣлами вовсе не занимался, какъ уже было выше замѣчено. Когда же преемникъ этого хана Тула-Буга вознамѣрился-было ограничить самоуправство могущественнаго временщика, то Ногай, при содѣйствіи матери хана, коварнымъ образомъ заманилъ его въ засаду и безпощадно умертвилъ его вмѣстѣ съ нѣкоторыми братьями, престолъ же ханскій предложилъ Toктѣ, разсчитывая упрочить свое могущество на благорасположеніи своей креатуры Для большей же безопасности со стороны тѣхъ эмировъ, которые были на сторонѣ убитаго хана Тула-Буги, Ногай чрезъ посредство жены своей Байлакъ-хатуни уговорилъ новаго хана искоренить „остальное вредное терніе", какъ онъ называлъ враждебныхъ ему и обреченныхъ имъ на погибель эмировъ. Токта вызвалъ къ себѣ указанныхъ эмировъ поодиночкѣ и предалъ ихъ смерти. Получивъ извѣстіе объ исполненіи этого своего жестокаго желанія, Ногай успокоился, считая свое положеніе окончательно упроченнымъ. Само собою разумѣется, что мо-

гущество главы рода повело къ возвышенію и цѣлаго рода: „стали властвовать дѣти Ногая и дѣти дѣтей его; усилилось могущество ихъ; окрѣпли власть и значеніе ихъ", замѣчають по этому случаю мусульманскіе историки [1]). Ногай такъ успѣшно достигалъ своихъ цѣлей, безъ сомнѣнія, благодаря своему умѣнью расположить къ себѣ хана и сдѣлать своими приверженцами многихъ эмировъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые прежде не были его сторонниками. Для этого Ногай пользовался всякими обстоятельствами: самъ онъ подстрекнулъ Токту-хана къ истребленію непріятныхъ ему эмировъ, а когда уцѣлѣвшіе изъ нихъ, испугавшись безпричинной жестокости новаго хана, бросились искать себѣ спасенія, онъ же первый обласкалъ ихъ и отвелъ имъ на своей землѣ мѣста для жительства. Когда же Токта-ханъ спохватился въ ошибочности своихъ отношеній къ Ногаю и послалъ ему грозный вызовъ въ видѣ эмблематическаго сюрприза, состоявшаго изъ сохи, пука стрѣлъ и горсти земли, то Ногай считалъ свою позицію настолько уже надежною, что смѣло принялъ этотъ вызовъ: онъ открыто выступилъ противъ Токты-хана въ 1297 году съ 200.000 всадниковъ, и ханъ потерпѣлъ пораженіе [2]).

Въ эту же достопамятную эпоху въ жизни Ногая мы видимъ его дѣйствующимъ и въ Крыму. Поразивъ Токту, Ногай, по свидѣтельству Рукн-эд-Дина Бейбарса, захватилъ его области, къ числу которыхъ принадлежали и земли Крымскія, куда Ногай послалъ сына дочери своей собирать дани, наложенныя на тамошнихъ жителей. Въ припискѣ къ разсказу арабскаго историка находится замѣтка, что Токта подарилъ Крымъ Ногаю [3]). Дѣйствительно, могло быть такъ, что Токта въ пору своего благорасположенія къ Ногаю сдѣлалъ ему такой подарокъ; но вскорѣ за этимъ произошолъ между ними раздоръ, и Ногай, побѣдивъ своего патрона,

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 109, 158. [2]) Ibid., 110, 159, 382. [3]) Ibid., 111.

простеръ свою властную руку на Крымскій удѣлъ на двоякомъ основаніи—и въ силу дарственныхъ правъ на этотъ удѣлъ, полученныхъ имъ отъ настоящаго, законнаго хозяина земли, хана, и въ качествѣ побѣдителя, восторжествовавшаго надъ своимъ непріятелемъ, опять-таки надъ ханомъ. Выше мы видѣли, что случилось съ Актаджи, внукомъ Ногая, въ Крыму—какъ его пьянаго умертвили тамъ, и какъ Ногай двинулъ туда огромное войско, которое произвело погромъ и опустошеніе по всему полуострову [1]). Въ названной припискѣ къ исторіи Бейбарса сказано, что въ Крымъ отправились сперва Тазъ, зять Ногая, и эмиръ Алтыбарсъ съ войскомъ приблизительно въ 4000 всадниковъ, а полчища, посланныя туда Ногаемъ, были предводительствуемы эмиромъ Маджи [2]). Естественно, что войска могли быть ввѣряемы Ногаемъ только людямъ, преданнымъ ему. Очень можетъ быть, что эта экспедиція состоялась именно съ участіемъ тѣхъ эмировъ, которые бѣжали отъ Токты-хана и нашли покровительство у Ногая, такъ что самое водвореніе ихъ на новыхъ мѣстахъ можно понимать въ смыслѣ вторженія ихъ въ Крымъ въ сопровожденіи полчищъ Ногая. Другой историкъ арабскій, Эльмуфаддаль, говоритъ, что Ногай самъ лично приходилъ въ Крымъ чинить опустошеніе. При этомъ онъ сообщаетъ причину описаннаго имъ погрома Судака. Историкъ тутъ нѣсколько путается, но тѣмъ не менѣе въ этой путаницѣ проглядываетъ кое-что весьма правдоподобное, проливающее свѣтъ на тогдашнее состояніе Крыма, подвластнаго татарамъ. Причиною нашествія татаръ, говоритъ Эльмуфаддаль, было то, что пошлины и другіе доходы съ Судака дѣлились между четырьмя татарскими царями; что одинъ изъ нихъ былъ Токтай [3]), тотъ самый, который находился въ

[1]) См. выше, стр. 31—32. [2]) Loco cit. Ибнъ-Хальдунъ говоритъ, что главными помощниками Ногая изъ князей монгольскихъ были Аяджи, сынъ Курмыша, и братъ его, Караджи (Тизенгаузенъ, I: 383). [3]) Въ арабскомъ текстѣ имя написано неясно — انغاى (Тизенгаузенъ, I: 184).

дружбѣ съ властителемъ Египта, посылалъ къ нему пословъ и подарки; и что цари, которые были соправителями его, обижали намѣстниковъ его въ томъ, что касалось причитавшихся ему доходовъ [1]). Неясность извѣстій Эльмуфаддаля заключаеттся въ томъ, что онъ золотоордынскихъ хановъ вездѣ титулуетъ эпитетомъ „царь“ الملك, въ томъ числѣ и Ногая тоже называемъ царемъ, *сидѣвшимъ на престолѣ Беркэ.* Такъ какъ при этомъ стоитъ дата 1298—1299 гг., то не удивительно, что Ногай, разбивши Токту-хана и фактически захвативши въ свои руки власть надъ цѣлою Ордою, прослылъ въ чужихъ краяхъ самостоятельнымъ властителемъ наравнѣ съ прочими ханами Золотой Орды, по крайней мѣрѣ на то время, пока самъ не погибъ во вторичномъ сраженіи съ оправившимся Токтою въ 1300 году. Но въ такомъ случаѣ кто же тѣ четверо татарскихъ царей, между которыми дѣлились дани, собиравшіяся съ Судака и другихъ доходныхъ мѣстностей крымскихъ, и къ числу которыхъ принадлежалъ царь, неясно обозначенный въ арабскомъ текстѣ и принимаемый за Токту-хана? Число четыре, встрѣчающееся здѣсь у арабскаго историка, указываетъ на то, что подъ царями здѣсь надо разумѣть именно четырехъ улусныхъ эмировъ, которые по общему свидѣтельству историковъ, управляли всѣми государственными дѣлами въ Ордѣ. Въ Крыму сидѣли ханскіе намѣстники, сбиравшіе дани, изъ которыхъ извѣстная доля отчислялась хану, а остальныя доставались ближайшимъ его подручникамъ, четыремъ улуснымъ эмирамъ. Что касается до обидъ, причинявшихся этимъ намѣстникамъ тетрархами, то Эльмуфаддаль тутъ, надо полагать, хотѣлъ изобразить административную и затѣмъ военную экзекуцію, произведенную Ногаемъ, когда послѣдній, разбивъ Токту-хана, послалъ внука своего Актаджи въ Крымъ собирать дани въ свою собственную пользу, а прежній хан-

---

[1]) Ibid., 195.

скій намѣстникъ, естественно, долженъ былъ оставить свой постъ, или же, не желая этого, долженъ былъ оказать вооруженное сопротивленіе агентамъ новаго властителя, Ногая. Очень возможно, что этотъ строптивый намѣстникъ былъ тотъ самый Табукъ, или Таюкъ, о которомъ у насъ была рѣчь раньше [1]).

Въ числѣ мѣстностей, пострадавшихъ отъ нападенія полчищъ Ногая въ Крыму, упоминается, между прочимъ, Кыркъ-Іери, весьма замѣчательный географическій пунктъ во времена утвержденія тамъ татарскаго владычества. Это была трудно-доступная цитадель на той крутой скалѣ, гдѣ нынѣ находятся лишь развалины жилищъ обитателей позднѣйшаго времени, мирныхъ торговцевъ—караимовъ, да древнее кладбище, прославившееся въ учено-археологическомъ мірѣ, благодаря надгробнымъ надписямъ, вызвавшимъ столько ученыхъ соображеній и пререканій. Теперь это мѣстечко называется Чуфутъ-Калэ—„Жидовская крѣпость", „Жидовскій городокъ"; прежнее же его названіе возбуждаетъ нескончаемыя сомнѣнія и разныя толкованія. Произношеніе его имени въ историческихъ памятникахъ, гдѣ встрѣчаемъ о немъ упоминаніе, до крайности разнообразно: оно звучитъ, слѣдуя хронологическому порядку этихъ памятниковъ, такъ: *Керкри* (у Абульфеды, XIV в.), *Каркери* (у Шильтбергера, XV в.), *Киркель*, *Kirkiel* (у польскихъ писателей), *Керкіардъ*, *Cherkiarde* (у Барбаро, XV в.), *Керкеръ*, *Chercher* (у Контарини, XV в.), *Киркеры* и *Киркеръ* (въ Литовскихъ грамотахъ, XV в.), *Крикъеръ* (у караимскаго раввина, XV в.), *Херхіардъ* (въ сочиненіи о татарахъ неизвѣстнаго автора, XVII в.), *Кыркоръ*, *Кирькоръ*, *Киркоръ*, *Киркиръ* (въ русскихъ грамотахъ). Всѣ эти варіанты можно видѣть въ „Крымскомъ Сборникѣ" Кеппена [2]). Въ томъ же Сборникѣ сдѣлано замѣчаніе, что послѣдняя, русская форма—*Кыркоръ* или *Киркоръ*, находится

---

[1]) См. стр. 38. [2]) Стр. 309—315.

у Карамзина, который дважды упоминаетъ о Кыркорѣ на основаніи Дѣлъ Крымскихъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ М. И. Д. впервые подъ 1521 годомъ и потомъ десятью годами позже [1]). Но въ Дѣлахъ Крымскихъ о Кыркорѣ упоминается, и даже довольно часто, гораздо ранѣе. Въ грамотѣ Колычева отъ іюня 27-го 1492 года говорится: „Да самъ, государь, царь (Менгли-Герай) поѣхалъ на третей день *въ Кыркоръ*, а мнѣ велѣлъ за собою быти и съ казною. Да пріѣхавъ, государь, *въ Кыркоръ*, велѣлъ ми у себя быти назавтрее въ вечерѣ" [2]). Въ январѣ 1493 года Костя Заболотцкій доносилъ въ Москву: „Пріѣхали есми, государь, въ Орду на Козмодемьяновъ день, а царь былъ *въ Кирькоръ*, а посолъ былъ королевъ въ Ордѣ князь Иванъ Глиньской; а хотѣлъ царь посла королева отпустити часа тово, и царь намъ велѣлъ съ Лобаномъ *въ Кыркоръ* у себя быти.... А мнѣ, государь, царь съ собою итти не велѣлъ, а велѣлъ ми жити безъ себя *въ Кыркоръ*" [3]). Онъ же опять передаетъ рѣчи Менгли-Герая, который между прочимъ сказалъ: „И язъ посла изъ *Кыркора* отпустилъ, а быти ему у меня поиману въ новомъ городкѣ" [4]). Насчетъ того же литовскаго посла уже самъ Менгли-Герай пишетъ в. к. Ив. Васильевичу въ своемъ ярлыкѣ отъ 1-го сентября 1493 года: „Которой посолъ пришелъ, и язъ его поимавъ, крѣпить велѣлъ, и до сихъ мѣстъ въ городѣ въ нашемъ въ *Кыркоръ* въ крѣпи" [5]). Константинъ Заболотскій подтверждаетъ вышеприведенный фактъ въ своей грамотѣ того же года, говоря: „И царь, государь, съ моихъ рѣчей того Леза поималъ и посадилъ его въ *Кыркоръ* и людей его перепродалъ" [6]). Въ наказѣ Звенцу отъ 11 октября 1496 года, въ числѣ обидъ и покражъ, причиненныхъ крымцами русскимъ, значится между прочимъ: „Да *киркирского* намѣстни-

---

[1]) Ibidem, стр. 314. [2]) Памятн. диплом. снош. съ Крымскою и Ногайскою Ордами. I, стр. 148—149. [3]) Ibid, стр. 170. [4]) Ibidem, стр. 181. [5]) Ibidem, стр. 193. [6]) Ibidem, стр. 195.

ка сынъ Мамышевъ взялъ у великаго князя людей силою за пошлиною двѣ однорятки, да два сагадака, да полотно, да двадцать стрѣлъ“ [1]). Въ августѣ 1500 года Иванъ Кубенскій доносилъ великому князю: „Да Ебага уланъ привелъ, государь, къ Менгли-Гирею царю царевича Менглишика Ягубова..... и попѣча, государь, тотъ царевичь скованъ сидитъ въ *Кыркорп*“ [2]).

Замѣчательное мѣстоположеніе Кыркора и нѣсколько загадочное значеніе этой природной крѣпости въ эпоху образованія самостоятельности Крымскаго ханства сдѣлали его предметомъ легендарныхъ преданій и серьозныхъ недоумѣній позднѣйшихъ ученыхъ. Турецкій историкъ Аали-эфенди въ географическомъ описаніи седьмого климата говоритъ о немъ такъ: „Кыркъ-Эръ есть крѣпость, изъ городовъ асскихъ на сѣверѣ отъ Сары-Кермана. На весьма высокой горѣ находится“ — قرق ارصاری کرمان شمالیسنده بلاد آصدن برقلعه درکه غایتله یوکسك طاغده واقعدر [3]). У Сейидъ Мухаммедъ-Ризы и автора сокращенной исторіи Крыма находимъ слѣдующее о немъ повѣствованіе. „Упомянутый замокъ“, читаемъ у нихъ, „есть находящаяся близь Бакчэ-Сарая, на вершинѣ крутой горы, построенная изъ мелкихъ, твердыхъ камней, крѣпкая, не имѣющая себѣ подобныхъ, твердыня. Авторъ *Таблицы странъ* (т. е. Абульфеда) описываетъ его подъ именемъ К-р-к-р — قرقر, подъ 50° долготы и 50° широты [4]), и объясняетъ значеніе имени его съ турецкаго — قرق ار = *сорокъ человѣкъ*. Въ прежнія времена непохвальный народъ изъ *племенъ Могульскихъ* [5]), называемый *Асъ*, вслѣдствіе полной своей увѣренности въ неприступности замка, проявлялъ непокорность и

[1]) Ibidem, стр. 230. [2]) Ibidem, стр. 323. [3]) Кюнгу-ль-ахбаръ, кн. I, стр. 218. [4]) У самого Абдульфеды нѣсколько иначе: подъ 55°—30′ долготы и 50° широты. [5]) Такъ говоритъ Мухаммедъ Риза; въ сокращенной же исторіи Крыма варіантъ: «Изъ *родовъ татарскихъ*» — اجناس تاتاردن — (Рукоп., листъ 28 recto).

сопротивленіе Крымскимъ ханамъ. Одинъ изъ потомковъ Чингизъ-хановыхъ, Шейбекъ-ханъ, напрягалъ всѣ усилія, чтобы осадить и стѣснить его, но не въ состояніи былъ завоевать и покорить его. Тогда одинъ изъ эмировъ племени Яшлау, смѣтливый человѣкъ, подалъ блестящую мысль вооружиться новымъ и крѣпкимъ оружіемъ изреченія „Война—хитрость". Онъ велѣлъ собрать всѣ, сколько было въ ханскомъ лагерѣ, барабаны, дудки и вообще всѣ музыкальные инструменты, а также тазы, горшки и прочую мѣдную посуду, и колотить въ нихъ втеченіе трехъ дней и ночей. По поговоркѣ: „Тазъ упалъ съ крыши"[1], произведенный шумъ, точно свѣта преставленіе, ошеломилъ и привелъ въ остолбенѣніе жителей крѣпости. Они думали, что уже происходитъ атака, и съ оружіемъ въ рукахъ трое сутокъ не спали: все караулили въ указанныхъ имъ мѣстахъ, стоя на ногахъ, точно кладбищенскіе надгробные памятники. Когда не стало у нихъ мочи, на четвертый день они всѣ поневолѣ мертвецки заснули. Хитрый мирза, воспользовавшись этимъ случаемъ, развернулъ свое побѣдоносное знамя и съ своими приверженцами, именитыми татарами, произвелъ атаку. Скверные гяуры спали и не чуяли нападенія татаръ, которые безъ боя и сраженія овладѣли ключами означенной крѣпости"[2]). Затѣмъ присовокупляется еще одно важное обстоятельство, которое полнѣе изложено въ сокращенной же исторіи, а именно: „Современемъ, когда мусульманамъ не стало надобности въ означенной крѣпости, въ ней заставили водвориться корпорацію караиновъ изъ жившаго въ Бакчэ-Сараѣ племени іудейскаго. До сего времени изъ поголовной подати съ нихъ часть приходится на долю Яшлаускихъ бековъ"—بعد زمان قلعهء مسفوره اهل اسلامه اقتضاسی اولمغله باغچه

---

[1]) Персидская пословица طشت زبام افتاد выражаетъ ту мысль, что все стало очевидно; дѣло было рѣшенное. [2]) «Семь планетъ», стр. 76—77, и Кр. Ист., л. 28 r. & v.

سرايده ساكن يهود طائفه‌سندن قراون صنفنى اسكان ايتدرديلر الى آلان آنلرك جزيه‌لرندن باشلو بكلرينك حصه‌لرى واردر [1]).

Преданіе о взятіи Кыркора сильно напоминаетъ собою библейское сказаніе о взятіи Ерихона евреями и тѣмъ обнаруживаетъ смѣшеніе правдоподобнаго съ вымысломъ. Но любопытно, что первоначальными обитателями Кыркора признается какой-то народъ *Асъ*, этнографическое опредѣленіе котораго у крымскихъ историковъ довольно смутное: одинъ называетъ асовъ племенемъ монгольскимъ, другой — татарскимъ. Важно то, что караимы во всякомъ случаѣ не считаются коренными жителями Кыркора, а водворенными въ немъ въ позднѣйшее время по волѣ татаръ, вслѣдствіе чего крѣпость и получила другое имя—Чуфутъ-Калэ = „Жидовскій городъ“, которое постепенно совсѣмъ замѣнило прежнее его наименованіе. Объясненіе причины выселенія татарами караимовъ изъ прежняго ихъ мѣста жительства въ Бакчэ-Сарайской долинѣ на крутизну Кыркора тоже не кажется невѣроятнымъ, ибо оно согласуется съ образомъ жизни и нравами татаръ: степнякамъ, проводившимъ полжизни на конѣ, дѣйствительно, ни къ чему была не нужна крутая и безводная скала Кыркора; плоская низменность около него, обильная водными ключами, имѣла для нихъ большую привлекательность, и потому имъ легко могла придти въ голову мысль вытѣснить изъ этой послѣдней проживавшее тамъ чуждое имъ по племени населеніе и основать свой собственный юртъ, положившій основаніе будущей новой столицѣ ханства—Бакчэ-Сараю. Послѣдній соединялъ въ себѣ важныя достоинства, чтобы служить мѣстомъ главной ханской стоянки: будучи удобенъ для жительства низменностью своего мѣстоположенія, онъ находился въ то же время возлѣ такой неприступной возвышенности, каковъ былъ Кыркоръ, куда въ случаѣ внезапнаго нападенія всегда можно было укрыться, какъ это и случалось съ Менглы-Гераемъ.

---

[1]) Loco citato.

Говоря о водвореніи караимовъ въ Кыркорѣ, крымскіе историки однако же не даютъ извѣстій о томъ, что сталось съ сидѣвшими въ немъ дотолѣ асами. О поголовномъ избіеніи ихъ, или вообще о какой либо рѣзнѣ, ничего не говорится. Долина и ущелье, занимаемыя Бакчэ-Сараемъ, и теперь кишатъ людьми разнородныхъ національностей: тамъ есть и татаре, и армяне, и караимы, и греки, и бухарцы, и цыгане, со множествомъ подраздѣленій послѣднихъ на какіе-то цеховые роды—кэмэнчи, аюджу, гурбэтъ и т. д. Въ жалованныхъ грамотахъ роду бековъ Яшлаускихъ на доходы съ жителей Чуфутъ-Калэ обыкновенно рядомъ съ караимами упоминаются армяне. Можно думать, что татаре, овладѣвъ Кыркоромъ, загнали туда всѣхъ безъ различія иноплеменниковъ, которые казались имъ одинаково враждебными и которые, сидя въ Кыркорѣ, очутились какъ бы въ постоянной осадѣ безъ надежды на свободное сообщеніе съ окрестностями, и чрезъ то были лишены всякой возможности къ дальнѣйшему неповиновенію и сопротивленію татарской власти. Но какія установились взаимныя отношенія между самими разноплеменными обитателями Кыркора, на это отвѣтить пока трудно. Видно только, что караимы возобладали надъ прочими народностями, судя по позднѣйшему переименованію прежняго Кыркора въ Чуфутъ-Калэ. Но и они загадочное племя: по типу лица и по религіи они сродни евреямъ; нарѣчіе же, которымъ говорятъ, принадлежитъ къ тюркскимъ и содержитъ въ себѣ архаизмы, показывающіе близость его къ одному изъ старѣйшихъ тюркскихъ нарѣчій—джагатайскому. Далѣе замѣчательно, что съ одной стороны большинство надгробій прилежащаго къ Чуфутъ-Калэ кладбища носитъ еврейскія надписи, относительная древность которыхъ составляетъ предметъ ученыхъ споровъ; съ другой стороны среди самаго Чуфутъ-Калэ находится татарско-мусульманская гробница Ненекэ-Джанъ-хаными, дочери Тохтамыша, и относительно этой гробницы можно думать, что въ склепѣ ея лежитъ нѣсколько покойниковъ какого-то татарско-

мусульманскаго знатнаго рода. Всѣ эти комбинаціи обращаютъ на себя вниманіе своею странностью и загадочностью, окончательно сбивающею съ толку въ вопросѣ объ этнографической принадлежности первоначальныхъ строителей и жителей Кыркора. Одни усиленныя и тщательныя археологическія изысканія на мѣстахъ древнѣйшихъ поселеній караимскихъ въ Крыму, можетъ быть, сколько-нибудь подвинутъ этотъ вопросъ къ рѣшенію. Безъ этихъ же изысканій и разныя конъектуры относительно настоящей формы имени Кыркора никогда не достигнутъ желаемой несомнѣнности. Сводъ этихъ конъектуръ сдѣланъ у А. Я. Гаркави въ упомянутой нами его статьѣ „О происхожденіи нѣкоторыхъ географическихъ названій мѣстностей на Таврическомъ полуостровѣ“ съ его собственными соображеніями касательно этимологіи имени „Кыркоръ“, или „Кыркеръ“ изъ индо-европейскаго корня *kap*, усматриваемаго въ латинскомъ *carcer*, нѣмецк. *kerker* и т. п. [1]). Не вдаваясь въ новый пересмотръ и критику этихъ

[1]) Въ «Извѣстіяхъ Имп. Рус. Геогр. Общества» за 1876 г. Т. XII, отд. 2, стр. 55—58. Не лишне, кажется, будетъ къ этимологическому матеріалу, собранному г. Гаркави для объясненія имени «Кыркоръ», присовокупить существующее въ османскомъ слово کارکیر — *Кар-гиръ*, или, по вульгарному произношенію, *кягиръ*, что значитъ: «каменное строеніе, фундаментъ», а затѣмъ вообще «прочное, твердое сооруженіе». Въ османское нарѣчіе это слово, безъ сомнѣнія, перешло изъ персидскаго языка, въ которомъ оно имѣетъ тѣ же значенія: «A solide structure of stone, supporting or strengthening a house», какъ переводитъ его Ричардсонъ; или: «Aedificii fundamentum (عمارت وبنالك متانت و استحكامى), solidus ex lapidibus q. domum sustinens et durabilem reddens murus», какъ передаетъ Вуллерсъ. Но и въ персидскомъ языкѣ کارکیر повидимому не свое слово, а чуждое, заимствованное, какъ это доказываютъ ученые турки. Въ № 41 турецкаго періодическаго изданія مجموعه ابو الضيا — «Сборникъ Абу-Зыя», помѣщено этимологическое объясненіе нѣкоторыхъ употребительныхъ въ османскомъ нарѣчіи словъ; въ томъ числѣ есть и объ-

конъектуръ и соображеній, мы можемъ замѣтить лишь слѣдующее. А. Я. Гаркави особенно настоятельно отрицаетъ присутствіе тюркскаго элемента въ изслѣдуемомъ имени, говоря: „Изъ всего... явствуетъ, что имя *Киркеръ* не татарскаго происхожденія, которому насильно хотятъ навязать тюркскую этимологію. Если обратимся къ исторіи, то намъ также станетъ яснымъ, что означенное названіе вовсе не должно быть татарскимъ" [1]). Тѣмъ не менѣе для насъ не совсѣмъ ясно, въ чемъ тутъ насиліе: напротивъ, всего болѣе вѣроятности предполагать, что названіе Чуфутъ-Калэ, имѣющее арабское начертаніе قرقر = *Кркр* со всѣми варіантами въ его выговорѣ—*Кыркъ эръ*, *Кыркъ-йеръ*, *Кыркъ оръ*, и т. д.—тюркской формаціи: чѣмъ же иначе объяснить то, что во всѣхъ почти памятникахъ, гдѣ дается этимологическое толкованіе этому названію, основнымъ элементомъ признается въ немъ тюркское числительное *кыркъ* — قرق = „сорокъ"? Разница встрѣчается только въ объясненіи второй половины составного имени: одни видятъ въ ней тюркское же слово *эръ* — ار = „мужъ"; другіе *йеръ* — یر = „мѣсто"; третьи *оръ*—اور = „ровъ, крутизна", четвертые даже *юртъ*—یورت = „жильё, становище". Наконецъ, такъ какъ въ европейскихъ памятникахъ встрѣчается форма *Kirkiel* [2]), то можно, пожалуй, предполагать, что и въ

ясненіе слова کارکیر. По мнѣнію автора статьи, это слово армянскаго происхожденія: оно состоитъ изъ двухъ армянскихъ словъ—*кар*=«камень» и *кир*=«известь», такъ что вс/ложности эти два слова должны означать «зданіе, сдѣланное изъ камня и извести». (Тэрджумани-хакыкатъ, № 2121, стр. 3). Можно прибавить, что въ армянскомъ же языкѣ есть еще слово *к'ракар*=«известнякъ». Не дѣлая изъ приведеннаго лингвистическаго факта никакихъ заключеній по занимающему насъ вопросу объ этимологіи имени Кыркора, все же казалось обязательнымъ указать на него въ виду того, что армяне не совсѣмъ чужды Крыму вообще и Чуфутъ-Калэ вособенности, и притомъ съ довольно давняго времени.

[1]) Loco cit., 56. [2]) Крымскій Сборникъ, 311.

татарскомъ выговорѣ, прежде чѣмъ явился звукъ *р*, на концѣ стоялъ звукъ *л*. Въ такомъ случаѣ тутъ могло быть слово *иль*—ايل = „народъ, племя, жители“, какъ намекъ на разноплеменность жителей укрѣпленнаго города; или же тамъ могло стоять слово *йель*—يل = „вѣтеръ“, и цѣлое имя могло звучать *кыркъ йель* — قرق ييل = „сорокъ вѣтровъ“. Это послѣднее названіе могло взяться съ того, что на возвышенности Чуфутъ-Калэ, особливо въ углубленіяхъ и пещерахъ ея утесовъ, безпрерывно и въ разныхъ направленіяхъ ощущается движеніе вѣтра, даже въ то время, когда въ окрестныхъ низменностяхъ царитъ полнѣйшее затишье. Косвеннымъ доказательствомъ возможности подобной этимологической комбинаціи можетъ служить донынѣ существующее наименованіе одного изъ утесовъ скалы Манкупской—*Йеллы бурунъ*—ييللو بورن = „Вѣтряной мысъ“.

Какую бы мы ни приняли этимологію имени قرقر, явно, что оно получило свое бытіе отъ татаръ, у которыхъ такъ же, какъ и другихъ тюрковъ, была манера образовать собственныя имена изъ числительныхъ, взятыхъ водиночку или, чаще, съ придачею какихъ-нибудь нарицательныхъ. Мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ Крыму слѣдующія географическія названія: *Отузъ*—اوتوز = (Тридцать), *Кыркъ*—قرق (Сорокъ), *Ондёртъ лиманъ*—اون دورت ليمان (14 пристаней), *Кыркъ куладжъ*—قرق قولاج (Сорокъ погонныхъ саженей), *Кыркъ азизъ*—قرق عزيز (Сорокъ святыхъ). Изъ числа ногайскихъ племенъ одно называлось *Докузларъ оглу*—طقوزلار اوغلى (Девятовичи). У татаръ литовскихъ встрѣчается географическое имя *Кыркъ татаръ*—قرق تاتار (Сорокъ татаръ). У турковъ есть: *Кыркъ килиса*—قرق كليسا (Сорокъ церквей), *Кыркъ агаджъ*—قرق آغاج (Сорокъ деревьевъ), и т. п. Кромѣ того, числительное *кыркъ* = „сорокъ“ употребляется для обозначенія множества, обилія вообще: напримѣръ про извилистыя рѣки турки говорятъ, что онѣ *кыркъ гечитъ*—قرق كچيد (сорокъ бродовъ), про крутыя воз-

вышенности—*кыркъ мердыванъ*— قرق مردیوان (сорокъ лѣстницъ), и т. п. Мало того, какъ на курьозъ, можно указать на существованіе у турковъ личныхъ прозвищъ, образованныхъ также изъ именъ числительныхъ: напримѣръ, одинъ ученый турецкій извѣстенъ подъ прозваніемъ *Йигирми секизъ*—یکرمی سکیز (Двадцать восемь).

Если не татаре впервые создали твердыню Чуфутъ-Калэ, то, само собою разумѣется, не они же впервые и нарекли ее такъ или иначе; но отсюда никакъ еще не слѣдуетъ, что они не переименовали ее посвоему, какъ это они дѣлали обыкновенно съ завоеванными ими чужими мѣстностями, не исключая и крымскихъ. Можно только принять съ полною достовѣрностью, что, переименовывая эту твердыню посвоему, они, по закону вліянія омониміи, подобрали ей названіе новое по значенію, но близкое къ прежнему имени по звукосочетанію. Въ такомъ случаѣ остается догадываться о томъ, какого корня и состава могло быть прежнее имя, на смѣну котораго съ нашествіемъ татаръ явилось тюркское *К-р-к-р*, а еще позднѣе—*Чуфутъ-Калэ*. Отдавая полную справедливость соображенію г. Гаркави, мы все-таки не видимъ достаточныхъ основаній для того, чтобы совершенно игнорировать и мнѣніе Кеппена, усматривающаго искомый корень въ греческомъ языкѣ, и слѣдовательно допускающаго возможность основанія твердыни Чуфутъ-Калэ греками, а не аланами, или асами. Онъ полагаетъ, что корнемъ имени *Кркр* можно считать греческое слово *Κίρκος* или *Κρίκος*= „Кругъ, кольцо, а въ переносномъ смыслѣ окруженное стѣною мѣсто“ [1]). Но неприступность твердыни заключалась въ естественныхъ свойствахъ занимаемой ею мѣстности, представляющей съ трехъ сторонъ громадную отвѣсную скалу, тогда какъ стѣна, защищавшая крѣпость съ четвертой стороны, все же оказалась не такою надежною обороною, что-

---

[1]) Крымскій Сборникъ, стр. 312, пр. 454.

бы въ концѣ концовъ не уступить натиску осаждавшихъ ее татаръ. Чтобы кончить теперь съ вопросомъ о загадочной крѣпости, который, повторяемъ, не можетъ быть окончательно рѣшонъ безъ помощи археологическихъ изысканій, позволимъ себѣ высказать еще одну конъектуру насчетъ древнѣйшаго ея названія и первыхъ ея соорудителей. Въ числѣ крымскихъ городовъ, основаніе которыхъ съ наибольшею вѣроятностью должно быть приписано грекамъ, былъ также прибрежный городъ *Каламита*. Его греческое, а не иное какое-либо, происхожденіе выводится учеными между прочимъ и изъ этимологическаго состава самаго имени, въ которомъ возможно видѣть греческія слова *καλὸς λιμήν* = „Хорошая пристань" [1]). Этотъ и подобные примѣры показываютъ, что греки имѣли обыкновеніе въ названіяхъ мѣстностей обозначать ихъ свойство „хорошій" или „худой". Но если они назвали пристань „хорошею", то ничто не мѣшало имъ назвать „хорошею" крѣпость, или цитадель. И дѣйствительно, на крутомъ мысѣ, выдающемся въ Черное море близъ Варны и представляющемъ прекрасную защиту для кораблей во время бури, нѣкогда существовалъ крѣпкій греческій замокъ, носившій названіе *Калліакра* = *Καλή* + *ἄκρα*, отчего и самый мысъ до сихъ поръ значится на географическихъ картахъ подъ тѣмъ же именемъ Калліакра, или же видоизмѣненно—Джелегра. Это та самая Килгра, о которой говоритъ турецкій путешественникъ Эвлія-челеби какъ о мѣстѣ нахожденія одной изъ семи гробницъ мусульманскаго святого и чудотворца Сары-Салтыка. Эвлія-челеби даетъ этимологическое толкованіе имени „Килгра", неизвѣстно откуда имъ заимствованное. „Гробъ", говоритъ онъ, „былъ зарытъ въ Килгрѣ въ одной пещерѣ Дракона (умерщвленнаго упомянутымъ святымъ), и отсюда онъ называется Килгра-Султанъ: *Килгра* значитъ полатыни „семиглавый драконъ", это чисто полатыни" [2]). Имя Калліакры также

---

[1]) Брунъ, Черноморье, I: 69, 85 и 94; Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, стр. 324, пр. 480. [2]) Travels of Evlia efendi, II: 72.

подверглось неизбѣжнымъ видоизмѣненіямъ въ разныхъ транскрипціяхъ: оно пишется то *Caliatra* [1])—то *Kallacercka*, то *Kalliakra*, то *Caliacra*, то *Γαλιάγρα* и *Γαλιάκρα* [2]); турки его пишутъ كلغره [3]), что Гаммеръ читаетъ *Kilgra* въ своемъ англійскомъ переводѣ путешествія Эвлія-челеби. При доказанномъ примѣненіи у грековъ имени *Калліакра* къ одному изъ укрѣпленныхъ замковъ, который превосходилъ прочія крѣпости по берегу Чернаго моря своимъ положеніемъ на крутой возвышенности, возможно, что и Чуфутъ Калэ, неоспоримо обладающее подобными же отличительными качествами превосходнѣйшей цитадели, также носило у грековъ названіе *Καλλιάκρα*, которое весьма удобно могло у татаръ превратиться въ *Кркр*. Въ этомъ предположеніи насъ утверждаетъ главнымъ образомъ то, что во всѣхъ варіантахъ древняго названія Чуфутъ-Калэ мы видимъ одни и тѣ же основные согласные звуки *к-р-к-р*, которые какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ греческимъ *κ-λ-κ-ρ*, звуки же гласные разнообразились потомъ и въ говорѣ мѣстныхъ жителей, и въ транскрипціи иностранныхъ путешественниковъ и ученыхъ наблюдателей, примѣнительно къ понятію, которое хотѣли выразить въ той или иной варіаціи, считая его въ свое время наиболѣе правдоподобнымъ [4]). Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ нашей конъектуры является упоминаніе Рубруквиса о Сорока *замкахъ*—Quadraginta *castella*, въ которыхъ, по правдоподобной догадкѣ покойнаго Бруна, „скрывается тогдаш-

---

[1]) Брунъ, Черноморье, II: 336. [2]) Ibid., 341—342. [3]) Джиганъ-нюма, Конст. изд. 1145=1732 г., карта стр. 75—76. [4]) Не этой ли же легкости взаимнаго перехода плавныхъ звуковъ *л* и *р* обязано своимъ возникновеніемъ и самое имя «Крымъ»? У византійскихъ писателей горная часть Крыма называется *τὰ κλήματα*, вмѣсто чего нѣкоторые европейскіе ученые предлагаютъ читать *τὰ κλίματα* (Брунъ, Черноморье, II: 215 & 239). Легко могло быть, что это греческое имя напомнило проникшимъ на полуостровъ тюркамъ ихъ собственное архаическое слово *крымъ*, которое, пройдя извѣстныя стадіи своего примѣненія, наконецъ обратилось въ наименованіе цѣлой мѣстности.

ное названіе города Кыркъ-ера" [1]). Г. Гейдъ, считающій эту догадку г. Бруна неосновательною [2]), самъ однако же не былъ въ состояніи указать какіе-либо „сорокъ замковъ", которые бы существовали когда-нибудь въ маленькомъ пространствѣ между Херсономъ и Судакомъ. Да и никогда не будетъ онъ въ состояніи этого сдѣлать. Когда сынъ султана Баязида II († 1512), Ахмедъ, просилъ хана Менглы-Герая о содѣйствіи ему къ занятію отцовскаго трона, противъ происковъ брата своего, впослѣдствіи все-таки сдѣлавшагося султаномъ, Селима, то въ награду за это содѣйствіе авансомъ выслалъ хану жалованную грамоту, въ которой было написано: „Всѣ вообще находящіяся въ Кэфской области владѣнія, и *въ особенности съ девятью извѣстными и знаменитыми замками*, да будутъ ваши, только не пускайте пожалуйста въ ту сторону брата моего" [3]). Стало быть, еще въ тѣ поры Крымъ славился своими крѣпкими замками, и если бы у царевича Ахмеда было хоть какое-нибудь основаніе насчитывать ихъ не девять, а *сорокъ*, то онъ бы непремѣнно воспользовался случаемъ упомянуть объ этомъ въ своей грамотѣ, для приданія большей цѣнности своему подарку, который онъ сулилъ Менглы-Гераю. Соображенія покойнаго Бруна кажутся намъ болѣе убѣдительными и заставляютъ допустить, вмѣстѣ съ нимъ, что „Рубруквисъ, по какому-нибудь недоумѣнію, въ имени Кыркъ-эръ видѣлъ только намекъ на большое число замковъ Южнаго берега" [4]). Недоумѣніе это не трудно объяснить: оно могло быть вызвано тѣмъ, что татарское *кыркъ* — „сорокъ", слышное въ имени *Кыркъ-эръ*, смѣнившемъ греческое *Καλλιάκρα*, взяло силу и сдѣлалось популярнымъ у мѣстнаго населенія во времена Рубруквиса, тогда какъ со второю татарскою половиною названія продолжало еще бороться греческое *ἄκρα* „=стремнина, замокъ", вслѣдствіе чего сами татаре, должно быть, путались, подставляя вмѣсто греческаго слова то одно, то другое свое,

---

[1]) Брунъ, Черноморье, II: 135. [2]) Gesch. d. Levanthandels, II: 210.
[3]) Семь планетъ, стр. 83; Кр. Ист., л. 31 г. [4]) Черноморье, II: 136.

близкое къ нему по звукамъ. Они во всякомъ случаѣ разумѣли подъ спорнымъ именемъ *Кыркъ-эръ* только одинъ извѣстный имъ географическій пунктъ, согласно съ духомъ своей тюркской логики и рѣчи. Рубруквиса же его европейская логика заставила усумниться въ возможности примѣненія такого конкретнаго собирательнаго имени, какъ „сорокъ замковъ", къ одному пункту, не могущему на практикѣ вмѣстить въ себѣ такого количества замковыхъ сооруженій, и вотъ онъ безотчетно, повинуясь одному только теоретическому разсужденію, выдумалъ „quadraginta castella", которыхъ никогда не видѣлъ въ дѣйствительности. Поэтому же мы полагаемъ, что покойный Брунъ, въ свою очередь, не совсѣмъ правъ, утверждая дальше, что „эти замки не имѣли ничего общаго съ 40 городами, о которыхъ говоритъ Абульфеда" [1]). Напротивъ, извѣстіе арабскаго географа только подкрѣпляетъ предположеніе насчетъ недоумѣнія европейскаго путешественника. Очевидно, что подъ вліяніемъ того же самаго недоумѣнія Абульфеда, говоря о Кыркъ-эрѣ, производитъ его имя отъ татарскихъ словъ *Кыркъ эръ* — „Сорокъ мужей" [2]), а въ другомъ мѣстѣ своей географіи пишетъ о Крымѣ, что „это страна *сорока городовъ*" [3]). Въ такомъ случаѣ изъ всѣхъ возможныхъ варіантовъ второй половины имени, впервые явившейся со стороны татаръ на смѣну греческаго *ἄκρα*, всего болѣе вѣроятности приходится на долю тюркскаго слова *оръ* = اور, которое кромѣ „рва" значитъ, между прочимъ, еще „возвышенность, крѣпостная насыпь". Произнесенное вначалѣ подъ вліяніемъ извѣстнаго впечатлѣнія и сознаннаго явленія, это слово потомъ безсознательно варіировалось въ живой рѣчи пестраго крымскаго народонаселенія, будучи искажаемо каждымъ сообразно съ фонетическими свойствами природной его рѣчи.

---

[1]) Ibidem. [2]) Georg. d'Aboulféda, trad. par. Reinaud, II: 319. [3]) Ibid., II: 282.

Такимъ образомъ долина, примыкающая къ Чуфутъ-Калэ, въ которой расположенъ нынѣшній Бакчэ-Сарай съ его предмѣстьями, съ давнихъ временъ сдѣлалась вторымъ центромъ татарской колонизаціи, совершавшейся постепенно, по мѣрѣ прилива татарскихъ толпъ съ материка подъ предводительствомъ знатныхъ эмировъ, или беевъ, которые встрѣчали какія-либо неудобства оставаться долѣе въ коренныхъ становищахъ Золотой Орды. Главнымъ пунктомъ татарской осѣдлости тамъ надобно считать именно ту часть долины, которая и до сихъ поръ сохранила названіе Эски-Юрта — „Древняго сельбища". Доказательствомъ этого служитъ археологическій фактъ, сообщаемый у Эвлія-эфенди о дощечкѣ съ джагатайскою надписью, найденной во время раскопки, произведенной въ его присутствіи въ Эски-Юртѣ [1]). Турецкій путешественникъ замѣчаетъ при этомъ, что въ Эски-Юртѣ находились *могилы всѣхъ Крымскихъ хановъ* [2]). Въ сказаніи священника Іакова, написанномъ въ 1634—1635 гг., читаемъ также: „Искіюртъ отъ Бакчисараевъ съ версту, церкви зѣло велика и украшена велми была, нынѣже сдѣлана мечетью; а *кладутся въ ней Крымстіи Цари и Царевичи*, а простые мурзы и татарове отнюдь не кладутся" [3]). И въ самомъ дѣлѣ: всѣ почти гробницы членовъ фамиліи Гераевъ, находящіяся на ханскомъ кладбищѣ близъ главной мечети Бакчэ-Сарайскаго дворца, не восходятъ своею древностью далѣе начала XVII вѣка, какъ показываютъ даты надгробныхъ надписей. Исключеніе составляетъ могильный сундукъ въ отдѣльной часовнѣ, приписываемый Адиль-Сахыбъ-Герай-хану, который умеръ будто бы въ 939=1532 году [4]). Но ложность этой даты, написанной, нужно замѣтить, на особомъ ярлычкѣ, который привѣшенъ къ могильному сундуку, явствуетъ изъ того уже, что Сахыбъ-Герай-ханъ умеръ позже, въ 958=1551 году, и схороненъ въ Салачикѣ [5]). Подобный же вздоръ оказывается

[1]) См. выше, стр. 29. [2]) Ibidem. [3]) Зап. Од. Общ., II: 691. [4]) Ibid., стр. 524, № 110. [5]) Семь планетъ, стр. 97.

и на этикетѣ гробницы нѣкоего Махмудъ-Герая, умершаго въ 1100—1688 году [1]). Вопреки и исторіи, и даже надписи на самомъ мраморномъ столбѣ гробницы, этотъ Махмудъ названъ въ ярлычкѣ ханомъ, который будто бы царствовалъ 9 лѣтъ; а между тѣмъ никакого хана по имени Махмуда не только въ означенную на памятникѣ эпоху, но и за все время существованія Крымскаго ханства не было. Откуда взяли такой фактъ составители надгробныхъ этикетовъ, не извѣстно. Вслѣдствіе этого о достовѣрности датъ, означенныхъ не на самыхъ каменныхъ гробницахъ, а на бумажныхъ ярлычкахъ, не можетъ быть и рѣчи, потому что Богъ вѣсть, кѣмъ, когда и на основаніи какихъ данныхъ эти ярлычки писались и привѣшивались къ могильнымъ сундукамъ. Мало того: есть поводъ сомнѣваться въ принадлежности самихъ могильныхъ сундуковъ тѣмъ покойникамъ, имена которыхъ показаны въ ярлычкахъ. Въ обѣихъ часовняхъ нами усмотрѣно по надгробному сундуку, которые оба приписываются ихъ ярлычками одному и тому же покойнику, да еще не какому-нибудь неважному, а замѣчательнѣйшему изъ хановъ Крымскихъ Эльхаджъ-Селимъ-560Гераю († 1704). Сколько намъ извѣстно, всѣ болѣе или менѣе древнія гробницы татарскихъ царственныхъ лицъ находятся внѣ Бакчэ-Сарая, какъ напр. склепъ Ненэкэ-Джанъ-ханымы въ Чуфутъ-Калэ, усыпальница Хаджи-Герая въ Салачикѣ [2]). Надпись, най-

[1]) Ibid., стр. 521—522, № 89. [2]) Дата на гробницѣ Мухаммедъ-Герай-хана 178—794 (Зап. Од. Общ., II, стр. 524, № 111) не мыслима уже совершенно и ни къ которому изъ хановъ этого имени не приложима. Что же касается даты на гробницѣ Ферахъ-султанъ. ханымы 1001—1592 (Ibid., стр. 507, № 23), то тутъ явная ошибка того, кто снималъ копію съ надгробной надписи: на камнѣ стоитъ 17 число джемазі'уль-эввеля 1166—22 марта 1753 года, совершенно то же самое, что и на находящейся рядомъ гробницѣ Зіадэ-султанъ-ханы. Это обстоятельство тѣмъ особенно бросается въ глаза, что самые надгробные памятники оба совершенно одинаковаго вида и качества. Есть ли это дѣло случая, на-

денная на гробницѣ въ Эски-Юртѣ, не имѣетъ даты, но характернымъ признакомъ ея древности служитъ то, что упоминаемыя въ ней собственныя имена лицъ сопровождаются титуломъ *бей*—بك [1]), которымъ величалась старо-татарская знать. На ханскомъ же кладбищѣ съ этимъ титуломъ являются лишь позднѣйшіе покойники османскаго происхожденія, все сыновья разныхъ турецкихъ пашей.

Такъ какъ собственно Бакчэ-Сарай лежитъ въ серединѣ между Эски-Юртомъ и Салачикскимъ ущельемъ, ведущимъ въ Чуфутъ-Калэ, то не можетъ быть и поднимаемо вопроса о времени основанія его, какъ города. Какъ показываетъ самое его имя—Бакчэ—باغچه = „садъ", тутъ во время оно была одна изъ пригородныхъ ханскихъ ставокъ, какихъ было много разбросано близъ Эски-Юрта: кромѣ Бакчэ-Сарая, какъ извѣстно, существовали Эльма-Сарай, Ашлама-Сарай, и др. [2]). Подобнымъ образомъ кварталъ Долма-Бакчэ на Босфорѣ, гдѣ теперь красуется дворецъ турецкаго султана, еще не такъ давно былъ тоже пригороднымъ увеселительнымъ мѣстомъ, прежнее имя котораго удержалось и за самымъ дворцовымъ зданіемъ. Русскіе посланники Тяпкинъ и Зотовъ, ѣздившіе въ Крымъ въ концѣ XVII в., упоминая о Бакчэ-Сараѣ, въ то же время называютъ еще просто *бакчами* и другія мѣстопребыванія ханскія. „Пріѣхали мы съ приставомъ своимъ беемъ на рѣку Качю гдѣ стоялъ *въ бакчахъ* Ханово Величество", читаемъ мы статейномъ спискѣ названныхъ посланниковъ [3]). Или еще: „Всѣ помянутые чины къ Хану съѣхались и засѣли въ думѣ съ его Хановымъ В-вомъ *въ бакчахъ* его Хановыхъ, на Качѣ" [4]), и др. Тщательно описывая посѣщенныя ими мѣста, они однако же не называютъ имени Эски-Юрта, какъ не называетъ его и Броневскій, хотя онъ цѣлымъ столѣтіемъ раньше Тяпкина и

примѣръ ошибки рѣзчика, или въ этомъ кроется какая-нибудь таинственная исторія, не извѣстно, но замѣчательно.

[1]) Ibid., стр. 527. [2]) Крымскій Сборникъ, 320—324. [3]) Зап. Од. Общ., II: 612. [4]) Ibid., 629.

Зотова посѣтилъ Крымъ и остаавливаетъ въ своихъ описаніяхъ вниманіе на разныхъ строеніяхъ и развалинахъ, окружавшихъ „небольшой городокъ и первый каменный домъ, въ которомъ жилъ ханъ, и который называется Бакчэ Сарай" [1]). Рѣчь можетъ быть развѣ о томъ, когда ханскій сарай, именовавшійся „Бакчэ", сдѣлался предпочтительною резиденціею хановъ, а Эски-Юртъ былъ заброшенъ и потому мало-по-малу пришолъ въ запустѣніе. Археологическія изслѣдованія на пространствѣ Эски-Юрта и Азиза, усѣянномъ древними развалинами, безъ сомнѣнія, могутъ открыть много данныхъ, которыя должны будутъ уяснить истинное значеніе этой мѣстности въ исторіи утвержденія татарскаго элемента въ Крыму въ до-Герайскую эпоху, когда нáбольшими были въ краѣ не ханы, а беки, въ родѣ, напримѣръ, бековъ Яшлау. Объ этихъ послѣднихъ сохранилось преданіе, что они играли весьма важную роль при завоеваніи татарами Кыркора во времена, предшествовавшія возникновенію и утвержденію въ Крыму династіи Гераевъ. По этому преданію, крѣпость не сразу сдалась осаждавшимъ. Тщетная въ началѣ попытка овладѣть ею приписывается тѣмъ же преданіемъ нѣкоему Шейбекъ-хану. Подъ этимъ именемъ исторіи извѣстенъ Мухаммедъ-бекъ, одинъ изъ хановъ династіи Шейбанидской, погибшій въ сраженіи съ Исмаиль-шахомъ Сефеви въ 916 = 1510 году [2]). Между тѣмъ въ это время надъ Крымомъ уже господствовалъ знаменитый Менглы-Герай, а потому не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо завоеваніяхъ тамъ Шейбека, сидѣвшаго въ отдаленныхъ странахъ Средней Азіи. Тутъ въ преданіи или обмолвка или анахронизмъ. Далѣе, мотивомъ къ осадѣ и взятію Кыркора преданіе выставляетъ непокорность сидѣвшихъ въ немъ асовъ „Крымскимъ ханамъ". Правда, Іосафатъ Барбаро сообщаетъ темное свѣдѣніе о Менглы-Гераѣ, что онъ тоже бралъ приступомъ Кыркоръ, воюя съ засѣвшимъ тамъ Эминекъ-беемъ [3]). Но тутъ есть одно

[1]) Зап. Од. Общ., VI: 341. [2]) Мюнеджжимъ-баши, II: 709. [3]) Библ. иностр. писат. о Россіи. Т. I. Барбаро, стр. 53.

довольно важное недоразумѣніе, состоящее въ томъ, что по другимъ извѣстіямъ Эминекъ-бей былъ не врагомъ, а сторонникомъ Менглы-Герая. Далѣе, въ эту пору Кыркоръ повременамъ служилъ резиденціею для самого хана Менглы-Герая и убѣжищемъ для его потомковъ во время ихъ междоусобныхъ распрей [1]), такъ что завоеваніе его Менглы-Гераемъ можетъ быть отнесено къ числу частныхъ фактовъ нападенія на крѣпость, случавшихся въ эпоху принадлежности ея татарамъ. Затѣмъ, по Барбаро, Менглы-Герай отнялъ крѣпость у своего же брата татарина, тогда какъ преданіе ясно называетъ прежними обладателями ея невѣрныхъ асовъ. Подъ Крымскими же ханами въ преданіи могутъ разумѣться и ханы золотоордынскіе, къ владѣніямъ которыхъ долго причислялся Крымъ. Наконецъ, въ преданіи взятіе Кыркора татарами тѣсно связывается съ водвореніемъ тамъ караимовъ, а у Барбаро нѣтъ даже намека на какія-либо распоряженія Менглы-Герая насчетъ этого водворенія.

Что же касается дѣятельнаго участія въ завоеваніи Кыркора одного изъ эмировъ Яшлау, такъ это обстоятельство находитъ себѣ подтвержденіе въ сохранившихся до насъ документальныхъ данныхъ, содержащихся въ ханскихъ ярлыкахъ и султанскихъ ферманахъ, которыми подтверждались давнишнія владѣтельныя права Яшлаускихъ беевъ на Чуфутъ-Калэ. Старѣйшій изъ этихъ документовъ есть ярлыкъ Бегадыръ-Герай-хана (1637—1642), помѣченный 1047=1637 годомъ. Въ немъ Яшлаускіе беи названы *„древними владѣтелями города Кыркы*, нынѣ именуемаго Жидовскимъ городомъ“, а жители того городка *подданными* тѣхъ беевъ [2]). Такихъ вещей спроста не вписали бы самые за-

---

[1]) Кеппенъ, Кр. Сб. 313—315. [2]) Рукописное извлеченіе изъ Дѣлъ Таврич. Двор. Собранія о родѣ беевъ Кудалакъ-Яшлаускихъ, сообщ. мнѣ Ѳ. О. Лашковымъ. Оно также напечатано въ «Вѣстн. Европы» за 1866 г., стр. 220—223. Прочіе документы той же категоріи напечатаны г. Завадовскимъ

взятые восточные риторы, писцы ханской канцелярiи, въ жалованно-подтвердительныя грамоты беевъ Яшлаусскихъ. Родъ Яшлау и потомъ, во времена Гераевъ, выдавался своимъ значенiемъ и особенною извѣстностью: въ упоминавшемся выше сказанiи священника Iакова повѣствуется о томъ, какъ Яшлоговской Алирша-Мурза-Сулешовъ воспрещалъ русскимъ посланникамъ Дворенинову и Непейцыну выпускать лошадей на пастбище, говоря: „Лошади де у васъ поемлю, и васъ де съ стану собью, то де *земля наша*, царя де тепере въ Крыму нѣтъ", и какъ потомъ онъ „грозя, *поѣхалъ въ Яшловъ*" [1]), подъ которымъ надо разумѣть *Яшловскiй станъ*, упоминаемый въ другомъ сказанiи того же автора [2]) и находившiйся по близости Бакчэ-Сарая. По имени рода Яшлау называются даже люди, принадлежавшiе, очевидно, къ подданнымъ этихъ беевъ, какъ показываютъ такiя выраженiя, встрѣчающiяся въ томъ же сказанiи Iакова: „Ималъ товары у *Жидовина* у Изрыну *Яшловскова*" [3]), или: „И въ тѣ поры были у стану приставъ Резванъ да *Яшловскiе татарове* Алѣйко Юрга, да Мула Шабановъ, да Темирко" [4]). Пейсонель, хотя относитъ Яшлаускiй родъ ко второразряднымъ, замѣчаетъ однако же, что старѣйшiй изъ этого рода, называвшiйся обыкновенно Яшлау-бей [5]), въ числѣ другихъ почетныхъ прерогативъ имѣлъ также привиллегiю отправлять должность оберъ-церемонiймейстера на всѣхъ свадьбахъ дочерей и другихъ родственниковъ

въ Таврич. Губ. Вѣдомостяхъ за 1884 г. въ № 115, въ статьѣ его подъ заглавiемъ: «Матерiалы о гражданскомъ благоустройствѣ въ Тавридѣ». Всѣ переводы, къ случаю замѣтить, кажутся нѣсколько грубоватыми и нуждаются въ сличенiи ихъ съ татарскими подлинниками, принадлежащими Архиву Таврич. Двор. Собранiя.

[1]) Зап. Од. Общ., II: 685—686. [2]) Ibid., 689 и 691. [3]) Ibid., 686. [4]) Ibid., 687. [5]) Во французской транскрипцiи Пейсонеля, заимствованной потомъ Сестренцевичемъ-Богушемъ,—*Jachelow-Beï*, изъ чего русскiй переводчикъ сочиненiя Сестренцевича-Богуша сдѣлалъ едва узнаваемое *Бей Яхеловъ* (Исторiя о Таврiи, II: 397).

ханскихъ, причемъ онъ распоряжался вполнѣ самовластно, съ правомъ даже жизни и смерти надъ всѣми безъ различія [1]). Позднѣе, со времени воцаренія Гераевъ, родъ Яшлау былъ заслоненъ другими, каковы въ особенности Ширинъ, Барынъ, Аргынъ и Седжеутъ, составлявшіе ближайшихъ сподвижниковъ и опору новоявленной династія, но въ свое время фактическое господство татарской власти въ Крыму олицетворялось владѣтельными правами бековъ Яшлау и другихъ, которые прикочевали туда съ своими племенными толпами по указанію Ногая. Роду Яшлау только посчастливилось сразу прочнѣе другихъ утвердиться въ новомъ юртѣ, между тѣмъ какъ остальнымъ выходцамъ приходилось иногда покидать занятыя ими мѣста и возвращаться на прежнія, какъ это случилось, напримѣръ, при самомъ еще Ногаѣ.

Ногай, по свидѣтельству историковъ, былъ очень расположенъ къ своимъ приверженцамъ, но только до поры до времени: добившись чего ему было надобно, т. е. независимости и полновластія, онъ зазнался и сталъ ставить своихъ сыновей выше тѣхъ эмировъ, которые были при немъ, а сыновья стали несправедливо поступать съ эмирами, т. е. беками, покинувшими Токта-хана и принявшими сторону Ногая [2]). Не чувствуя охоты подчиняться произволу дѣтей временщика, узурпатора, беки сочли за благо вернуться въ прежнее подданство настоящаго, законнаго повелителя: они покинули Ногая и опять ушли къ Токта-хану съ своимъ народомъ, въ количествѣ до 30.000 всадниковъ. Ободренный и подкрѣпленный возвратомъ своихъ бековъ, Токта-ханъ рѣшился побороться съ своимъ противникомъ, мятежнымъ Ногаемъ. На этотъ разъ полчища Ногая были разбиты, а ему самому отрубилъ голову какой-то русскій, служившій въ войскахъ Токты [3]).

---

[1]) Peyssonel, Traité sur le commerce de la Mer Noire, II: 274—276. [2]) Тизенгаузенъ, I: 383. [3]) Ibid., 112—114.

Послѣ неудавшейся попытки Ногая усилить свое могущество до степени основателя собственной независимой династіи, имѣя главнымъ своимъ базисомъ Крымъ, этотъ послѣдній остался на прежнемъ положеніи удѣла Золотой Орды съ новымъ правителемъ въ качествѣ намѣстника ханскаго. На этотъ разъ постъ намѣстника занялъ Толокъ-Темиръ, или Толукъ-Тимуръ, упоминаемый историками въ числѣ темниковъ, собравшихся вокругъ хана Токты и помогшихъ ему одолѣть мятежнаго Ногая [1]). Должно быть, Толукъ-Тимуръ велъ дѣла правленія умѣючи и согласно съ требованіями центральнаго правительства, потому что мы видимъ его довольно долго занимавшимъ свой намѣстническій постъ и при слѣдующемъ ханѣ Узбекѣ. Имъ былъ ласково принятъ въ Крыму арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута, по словамъ котораго Толукъ-Тимуръ настолько былъ важенъ, что эмиръ Азовскій являлся предъ нимъ какъ бы лицомъ низшаго ранга и даже его подчиненнымъ [2]). Можно думать, что, кромѣ хорошаго управленія, Толукъ-Тимуръ еще тѣмъ былъ угоденъ суровому и взыскательному Узбекъ-хану, что, подобно ему, преданъ былъ мусульманскому правовѣрію и благочестію. Объ этомъ можно заключать по разсказу Ибнъ-Батуты, что когда они съ Толукъ-Тимуромъ выѣхали изъ города Крыма, то остановились въ скитѣ эмира, находившемся въ мѣстечкѣ Седжанъ—بزاوية تلكمتور فى موضع يعرف بسججان [3]), гдѣ сдѣлано было туристу угощеніе. Эмиры, или беки татарскіе, въ прежнія времена были усердными святошами, не только приносившими матеріальныя жертвы на дѣло благочестія, но и лично предававшимися подвижничеству, предписываемому тѣмъ или другимъ уставомъ (гарикатомъ), какъ это явствуетъ изъ частаго присоединенія монастырско-настоятельскаго титула „шейхъ" къ именамъ эмировъ; постоянно встрѣчаются имена:

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 113. [2]) Ibid., 280—285. [3]) Voyages d'Ibn-Batoutah, II: 366.

эмиръ *шейхъ* Нур-эд-Динъ, эмиръ *мевляна* Кутб-эд-Динъ Коруми и т. п. [1]). Періодическія военныя экзекуціи, нѣсколько разъ учинявшіяся надъ Судакомъ лично самимъ Толукъ-Тимуромъ или другими татарскими военачальниками по его распоряженію [2]), могли быть столько же примѣненіемъ административной системы намѣстника, сколько и дѣломъ фанатической нетерпимости къ христіанскимъ жителямъ подчиненнаго его власти города. Послѣднее упоминаніе источниковъ о Толукъ-Тимурѣ относится къ 1338 году [3]), а подъ 1340 годомъ мы читаемъ у Могултая извѣстіе, что въ этомъ году ѣздилъ въ Мекку изъ Крыма нѣкій Сейф-эд-Динъ Солгати, *зять Меликъ-Темира, намѣстника Крымскаго* [4]). Слѣдовательно Толукъ-Тимуръ продержался на своемъ мѣстѣ впродолженіе цѣлаго царствованія Узбекъ хана [5]), который былъ весьма требователенъ и капризенъ, если, напримѣръ, другого своего намѣстника въ Харезмѣ, Кутлукъ-Темира, на нѣкоторое время отставлялъ отъ должности [6]), хотя въ началѣ своего правленія пользовался совѣтами этого эмира [7]).

Со смертью Узбекъ-хана въ 1342 не стало въ Золотой Ордѣ руки, твердо державшей бразды единовластія. Узбекъ настолько ревностно служилъ принципу единодержавія и не давалъ ни малѣйшаго хода и простора притязаніямъ и поползновеніямъ эмировъ, что даже пошолъ войною противъ Гулагида Абу-Саъида изъ-за того только, что въ государствѣ послѣдняго вся власть была въ рукахъ его намѣстника Джубана, который самоуправствовалъ съ потомками Чингизъ-хана [8]), не смотря на то что этотъ же самый Джубанъ, поль-

---

[1]) Notices et Extraits, XIV: 147, 157 и др. [2]) См. выше, стр. 36. [3]) Зап. Од. Общ., V: 597, № 11. [4]) Тизенгаузенъ, I: 269. [5]) Поэтому извѣстіе польскихъ историковъ, повторяемое Гаммеромъ (Gesch. d. G H., 303) и Говордзомъ (Hist. of the Mongols, II: 177), о томъ, что намѣстникомъ Узбека въ Крыму былъ какой-то *Кутлукъ*, или Кутлугъ-бекъ, не вѣрно. [6]) Ibid., 328 и 388. [7]) Ibid, 324—325. [8]) Ibid., 387.

зуясь малолѣтствомъ Абу-Саида, предательски входилъ въ сношеніе съ Узбекъ-ханомъ, приглашая его овладѣть землями своего законнаго государя [1]).

Понятно, что когда умеръ Узбекъ-ханъ, эмиры тотчасъ же подняли головы и поспѣшили возстановить свое прежнее значеніе, тѣмъ болѣе что этому благопріятствовали обстоятельства. Послѣ Узбека осталось три сына: Тини-бекъ, Джаны-бекъ и Хызръ-бекъ. Два первыхъ были отъ одной и той же матери, знаменитой Тайтуглы, которую Узбекъ страстно любилъ за какія-то особенныя исключительныя физическія свойства ея организма, дѣлавшія ее подобною райскимъ хуріямъ, если вѣрить росказнямъ, передаваемымъ Ибнъ-Батутою [2]). Не смотря на старшинство Тини-бека и предпочтеніе, которое отдавалъ ему отецъ, царство досталось младшему брату, Джаны-беку, ибо старшій Тини-бекъ вскорѣ послѣ смерти отца былъ убитъ. Ибнъ-Батута, восхваляющій Джаны-бека, не говоритъ о томъ, кѣмъ и почему Тини-бекъ былъ убитъ; глухо только замѣчаетъ, что онъ былъ убитъ „за постыдныя дѣла, которыя съ нимъ приключились" [3]). Но въ безъимянной біографіи Эльмеликъ-Эннасыра довольно правдоподобно передается фактъ убійства Тини-бека и воцаренія Джаны-бека. Тамъ разсказывается, что во время смерти Узбека старшій сынъ его Тини-бекъ находился въ походѣ. Мать ихъ Тайтуглы болѣе любила Джаны-бека и потому сговорилась съ эмирами умертвить возвращавшагося Тини-бека [4]). Если эмиры такъ легко пошли на стачку со вдовой Узбека, то, разумѣется, не безъ разсчета: Тини-бекъ, любимецъ отца, должно быть, обѣщалъ продолжать его суровую политику, не нравившуюся эмирамъ, тогда какъ Джаны-бекъ, достигшій престола съ ихъ поддержкою, тѣмъ самымъ обязывался благоволить къ своимъ пособникамъ, которые постарались

---

[1]) Тизенгаузенъ I: 387, прим. 1. [2]) Ibid. I: 293. [3]) Ibid., 296. [4]) Ibid.. 263—264.

поскорѣе воспользоваться выгодами новаго порядка вещей, коснувшагося, безъ сомнѣнія, и Крыма.

Втеченіе непродолжительнаго царствованія Джаны-бека въ Крыму совершилось нѣсколько фактовъ, измѣнившихъ прежнее положеніе и предѣлы татарской власти въ этомъ удѣлѣ, а именно: въ 1344 и 1345 годахъ татаре тщетно пытались овладѣть Кафою, и Джаны-бекъ, продливъ войну съ генуэзскими поселенцами до 1347 года, заключилъ съ ними миръ, уступивъ имъ нѣкоторыя льготы по территоріальному распространенію ихъ колоній [1]). Надо полагать, что генуэзскіе поселенцы Кафы зорко слѣдили за ходомъ дѣлъ въ Золотой Ордѣ и воспользовались случившимся тамъ послѣ смерти Узбекъ-хана замѣшательствомъ въ наслѣдованіи его трона для того, чтобы или вовсе избавиться отъ всякой татарской зависимости, или же, по крайней мѣрѣ, ослабить сколько возможно эту зависимость. Татаре же, въ свою очередь, неохотно поступились своими властными правами и стали-было поддерживать ихъ силою оружія; но успѣхъ на этотъ разъ былъ на сторонѣ невѣрныхъ, и ханъ помирился съ ними на условіи нѣкоторыхъ съ своей стороны уступокъ. Такая неустойка татаръ въ распрѣ со строптивыми европейскими колонистами должна быть приписана шаткости положенія представителей ханской власти въ Крыму, намѣстниковъ, которые повидимому соперничали между собою, какъ это явствуетъ изъ частой смѣны ихъ. Послѣ Меликъ-Темира намѣстникомъ-правителемъ Крыма былъ Зейн-эд-Динъ Рамазанъ, сидѣвшій тамъ въ 750=1350 году [2]). Долго ли Рамазанъ занималъ свой постъ, съ точностью трудно сказать. Въ мартѣ 1356 года онъ заключилъ съ венеціанцами договоръ, по которому имъ открытъ доступъ въ портъ Провантъ, къ западу отъ Кафы [3]). По арабскимъ источникамъ послѣ Рамазана въ Крыму утвердился въ качествѣ намѣст-

[1]) Брунъ, Черноморье, I: 209. [2]) Тизенгаузенъ I: 350, 413 & 452.
[3]) Heyd., Op. cit., II: 203.

ника Али-бекъ, сынъ Исы, сына Толукъ-Тимура, также бывшаго Крымскаго намѣстника [1]). Между тѣмъ въ числѣ венеціанскихъ архивныхъ документовъ есть небольшая грамотка, въ которой солхатскій правитель уступаетъ венеціанцамъ, кромѣ Прованта, другія гавани въ Крыму. Имя этого правителя тамъ изображено такъ: *Cotuletamur*, *Signor de Sorgati*, что въ татарскомъ смыслѣ надо читать по Гаммеру *Kutlugh Timur* [2]), а по Бруну *Котлогъ-Темиръ*, котораго онъ и считаетъ преемникомъ Рамазана [3]). Грамота эта безъ означенія года и составляетъ придатокъ къ договорному ярлыку хана Бирды-бека, помѣченному 759 = 1358 годомъ. Взаимное соотношеніе обоихъ документовъ обнаруживается лишь косвеннымъ образомъ, изъ тожества именъ венеціанскихъ уполномоченныхъ, упоминаемыхъ въ *заглавіи* ярлыка Бирды-бека и въ *текстѣ* грамотки Cotuletamur'а; совмѣстность же нахожденія ихъ еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ ихъ однопредметности, ибо въ архивахъ иногда находятся соединенными вмѣстѣ акты, не имѣющіе ничего общаго между собою [4]). Въ числѣ сложныхъ татарскихъ именъ прежняго времени такъ часто встрѣчаются имена, въ которыхъ одною изъ составныхъ частей является слово „кутлукъ", или „кутлу", напр. Кутлу-бекъ, Кутлу-Буга, Кутлу-Тимуръ и т. п., и такъ часто упоминаются историческія лица, носившія которое-нибудь изъ этихъ именъ, что не трудно было смѣшивать ихъ даже и современникамъ ихъ, а тѣмъ паче послѣдующимъ писателямъ. Затѣмъ итальянскіе писцы-переводчики были мастера на искаженія татарскихъ именъ и терминовъ: напр. въ упомянутомъ ярлыкѣ Бирды-бека они помѣстили какихъ-то „Signori de Chumani" [5]), на что г. Говордзъ обращаетъ особенное вниманіе, какъ на серьозный фактъ [6]),

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 350 & 413. [2]) Gesch. d. G H., 521. [3]) Loco cit. [4]) Примѣръ см. въ Notices et Extraits, XI: 58. [5]) Gesch. d. G.H., 519. [6]) Op. cit., II: 180.

не подозрѣвая тутъ очевиднаго искаженія татарскаго титула „туманъ-бекъ". При всемъ томъ однако же мы думаемъ, что арабы напутали, говоря, что преемникомъ Рамазана былъ „Али-бекъ сынъ Исы, сына Толукъ-Тимура". Родство искомаго лица съ Толукъ-Тимуромъ и то, что тутъ замѣшанъ какой-то Иса, заставляетъ съ увѣренностью полагать, что называемый арабами Али-бекъ былъ не кто иной какъ Кутлу-Тимуръ, сынъ Толукъ-Тимура, упоминаемый Ибнъ-Батутою, который пишетъ, что они поѣхали въ сообществѣ эмира Толукъ-Тимура, брата его, *Исы*, и двухъ сыновей его, *Кутлу-Думура* и Сары-бека [1]). Что нѣкотораго рода наслѣдственная преемственность въ занятіи правительственныхъ постовъ въ Крыму была въ ходу, это отчасти видно изъ того, что еще позднѣе сынъ намѣстника Зейн-эд-Дина Рамазана, Хасанъ является въ Египетъ посломъ отъ Toктамыша, владѣвшаго Крымомъ [2]). Тѣмъ не менѣе однако жь внукъ Толукъ-Темира, какимъ считаютъ арабскіе историки преемника Рамазана, былъ бы черезчуръ молодъ для занятія высшаго поста намѣстническаго.

И такъ Кутлукъ-Тимуръ, кто бы онъ ни былъ по происхожденію, ставши намѣстникомъ въ Крымѣ, превзошолъ своихъ предшественниковъ въ уступчивости въ пользу венеціанцевъ до того, что отдалъ имъ гавань Солдайскую и Caliera, или нынѣшній Отузъ. Подобная предупредительность татарскаго правителя относительно невѣрныхъ франковъ просто необычайна, послѣ того крутого режима, какимъ незадолго передъ этимъ ознаменовалъ себя Толукъ-Тимуръ. Она только и можетъ быть истолкована, какъ признакъ наступленія такихъ смутъ въ Золотой Ордѣ, которыя сопровождались ослабленіемъ центральной ханской власти и начали питать автономно-сепаративныя вожделѣнія въ бекахъ, чувствовавшихъ за собою извѣстную силу. Уступки Крымскаго намѣстника венеціанцамъ могли быть имъ сдѣланы именно въ какомъ-нибудь разсчетѣ на

[1]) Voyages d' Ibn Batoutah, II: 362. [2]) Тизенгаузенъ, I: 452.

ихъ помощь въ случаѣ его столкновенія съ центральнымъ правительствомъ, отъ котораго онъ, можетъ быть, уже и помышлялъ въ благопріятный моментъ совсѣмъ отдѣлаться на правахъ самостоятельнаго владѣтеля. А близость этого момента не могла не чувствоваться всѣми, кто вникалъ въ ходъ тогдашнихъ событій.

Въ самомъ дѣлѣ: братоубійца Джаны-бекъ, прославленный однако же арабскими историками за свое благочестіе и добродѣтельность, самъ былъ умерщвленъ во время похода своимъ собственнымъ сыномъ Бирды-бекомъ въ сообществѣ съ военачальникомъ Тоглу-баемъ - طغلو بای [1]). Но и Бирды-бекъ вскорѣ погибъ отъ руки сына же своего Кулны. Мусульманскіе историки отмѣчаютъ смерть Бирды-бека какъ настоящій финалъ Золотоордынской монархіи. Мюнеджжимъ-баши, напримѣръ, говоритъ по этому поводу: „Онъ (Бирды-бекъ) погибъ, и эта династія (династія Джучидовъ отрасли Золотой Орды) прекратилась", и затѣмъ переходитъ къ изложенію судьбы Джучидовъ другой линіи [2]). Абу-ль-Гази приводитъ даже историческую пословицу, сложившуюся въ народѣ для характеристики этой эпохи: „Съ Бирды-бекомъ отрѣзана шея верблюда" [3]). И точно, за Бирды-бекомъ слѣдовалъ цѣлый рядъ царствованій, которыхъ доселѣ не удалось исторіи привести въ полную извѣстность, ибо они перемежались узурпаціями болѣе или меньше видныхъ авантюристовъ. И для Крыма настала пора такого же смутнаго положенія дѣлъ, при которомъ невозможно становится услѣдить даже за простымъ чередованіемъ лицъ, стоявшихъ во главѣ татарскаго управленія этимъ краемъ до окончательнаго утвержденія династіи Гераевъ, возникновеніе

[1]) Мюнеджжимъ-баши, II: 690. У Гаммера онъ переименованъ въ Toghlubaba (Gesch. d. Gold. H., 312), а у Говорзза въ Toghlukbeg (Op. cit., II: 179). [2]) Мюнеджжимъ-баши, II: 691. [3]) Abulghazi, ed. Desmaisons, I: 172; II. 186.

которой также недостаточно ясно въ общемъ туманѣ событій, волновавшихъ Крымъ въ ту эпоху. Арабскіе писатели тоже съ этого времени потеряли нить послѣдовательнаго хода историческихъ фактовъ въ исторіи Золотой Орды и Крыма и сообщаютъ лишь отрывочныя свѣдѣнія о болѣе или менѣе крупныхъ происшествіяхъ, слухи о которыхъ доносились до ихъ отдаленныхъ предѣловъ.

Одинъ изъ этихъ писателей, славный своимъ философско-критическимъ взглядомъ на исторію, Ибнъ-Хальдунъ, такъ опредѣляетъ тогдашнее состояніе монголо-татарской имперіи. „По смерти Бирды-бека", говоритъ онъ, „ему наслѣдовалъ сынъ его Токтамышъ, малолѣтній ребенокъ. Сестра его, Ханымь, дочь Бирды-бека, была замужемъ за однимъ изъ старшихъ монгольскихъ эмировъ, по имени Мамаемъ, который въ его царствованіе управлялъ всѣми дѣлами. Къ владѣніямъ его принадлежалъ и городъ Крымъ. Въ то время его тамъ не было. Было также еще нѣсколько эмировъ монгольскихъ, подѣлившихся управленіями въ округахъ Сарая; они были несогласны между собою и правили своими владѣніями порознь... Всѣ они назывались ушлыми эмирами [1]). Когда Бирды-бекъ умеръ, пресѣклась династія, и стали самостоятельно править эти эмиры въ провинціяхъ, то выступилъ Мамай въ Крымъ, объявилъ ханомъ отрока изъ дѣтей Узбека по имени Абду-л-Лу и двинулся съ нимъ въ Сарай" [2]). Далѣе у Ибнъ-Хальдуна вкратцѣ описывается междоусобіе, въ которомъ принимали участіе разные царевичи Чингизидскіе, пытавшіеся возстановить распадавшуюся имперію какъ

---

[1]) Въ арабскомъ подлинникѣ стоитъ: امراء المسيرة. В. Г. Тизенгаузенъ передаетъ это: «походными эмирами», но въ то же время допускаетъ возможность чтенія даннаго мѣста въ арабскомъ текстѣ—امراء الميسرة, что должно значить порусски: «эмирами лѣваго крыла». [2]) Тизенгаузенъ, I: 389—390.

лично на свой страхъ, такъ и поддерживаемые разными покровителями изъ царствовавшихъ лицъ и пособниками изъ сильныхъ эмировъ. Въ числѣ послѣднихъ самымъ выдающимся дѣятелемъ былъ, безъ сомнѣнія, Мамай, который утвердился и сталъ править главнымъ образомъ въ Крымѣ. Долго не получалось свѣдѣній о Мамаѣ, заключаетъ Ибнъ-Хальдунъ свое повѣствованіе о судьбѣ этого татарскаго богатыря, воспѣтаго въ татарскихъ пѣсняхъ, а потомъ подтвердилось извѣстіе о гибели его [1]). Ибнъ-Хальдунъ относитъ утвержденіе Мамая въ Крымѣ къ 776 = 1374—1375 году. Но апогеемъ его могущества надобно считать то время, когда, по свидѣтельству Эльмухыбби, канцелярія султаната египетскаго открыла съ нимъ переписку, т. е. 773 = 1371 годъ. „Говорятъ", читаемъ у Эльмухыбби, „что онъ (Мамай) правилъ землями Узбековыми и что при канѣ Мухаммедѣ онъ занималъ положеніе подобное тому, какое занималъ при высочайшемъ дворѣ (египетскомъ) его покойное степенство, Сейфи Телбога Эль-Омари" [2]). Мухаммедъ тутъ, конечно, тотъ самый Мухаммедъ - Булякъ, креатура Мамая, который былъ имъ посаженъ, по русскимъ лѣтописямъ, въ 1370 году и втеченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ числился ханомъ, судя по датамъ на монетахъ его имени [3]). Элькалькашанди, оспаривая сановность Мамая и ставя его ниже Эль-Омари, подтверждаетъ однако же тотъ фактъ, что втеченіе 776 = 1374—1375 года Мамай былъ правителемъ въ Крымѣ [4]). А что Мамай все-таки не былъ ханомъ, это явствуетъ изъ того, что во всѣхъ татарскихъ сказаніяхъ онъ является съ эпитетомъ „*мурза*", а не „*ханъ*".

До появленія же Мамая Крымъ оставался совершенно безъ призора, потому что генуэзцы въ 1365 году безпрепятственно овладѣваютъ Судакомъ со множествомъ деревень въ

[1]) Ibid., 390—391. [2]) Ibid., 350. [3]) Савельевъ, Монеты джучидскія и пр. стр. 48. [4]) Ibid., 412—413.

его окрестностяхъ, лежавшихъ вдоль морского берега. Мамай снова отобралъ захваченное генуэзцами. Но лишь только онъ сперва былъ разбитъ русскими на Куликовомъ полѣ, а потомъ потерпѣлъ пораженіе и отъ Токтамыша, какъ генуэзцы смекнули, что насталъ конецъ могуществу Мамая, который съ ними не церемонился. Преданіе говоритъ, что Мамай, спасаясь отъ преслѣдовавшаго его непріятеля, нашолъ убѣжище въ Кафѣ и однако же вскорѣ былъ убитъ вѣроломными кафинцами [1]. Памятниками такого печальнаго финала политическаго поприща временщика и героя татарскихъ былинъ, подтверждающими правдоподобность вышеозначеннаго преданія, служатъ: вопервыхъ большой могильный курганъ между Ѳеодосіею и Старымъ Крымомъ, который извѣстенъ у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ „Шахъ-Мамай" [2]; вовторыхъ договоръ, заключенный на свѣжей могилѣ Мамая между генуэзцами и новыми представителями татарской власти въ Крыму. Что заключеніе этого договора было въ тѣсной связи съ конечною судьбою Мамая, это съ несомнѣнностью явствуетъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Договоръ состоялся въ 1380 году; къ этому же приблизительно времени относится преданіемъ и смерть Мамая [3]. Сходка договаривавшихся сторонъ происходила на нейтральномъ пунктѣ, на какой-то горѣ Jachim, между Кафою и Тремя-Колодцами [4]. Договоръ веденъ съ татарской стороны солхатскимъ правителемъ отъ лица „императора", т. е. хана татарскаго. Ханъ этотъ, правда, не названъ по имени, но

[1]) Ист. Госуд. Рос., т. V, примѣч. 88. [2]) Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, 84, пр. 119. [3]) Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., V, пр. 88; Брунъ, Черноморье, I: 226. [4]) Въ Крыму есть нѣсколько мѣстечекъ подъ названіемъ *Учь-Кую*=«Три колодца» (См. указатель къ картѣ Южнаго Крыма Кеппена), и хотя изъ нанесенныхъ на карты ни одно не отличается особенною близостью къ Кафѣ, но употребительность названія даетъ право предполагать, что во времена оныя могло быть и по близости Кафы мѣсто того же имени—Учь-Кую.

явно, что тутъ надо разумѣть послѣдняго врага и противника Мамая, Токтамышъ-хана, для котораго окончательное истребленіе Мамая было необходимою гарантіею своего дальнѣйшаго неоспоримаго властвованія во всемъ Золотоордынскомъ царствѣ. Самый тонъ выраженій договорнаго акта отличается какимъ-то заискиваніемъ татаръ передъ франками: напримѣръ, тамъ прямо говорится, что правитель Солхата и уполномоченный хана имѣютъ цѣлью „снискать дружбу и любовь“ франковъ, которые обзываются тутъ *кунаками* (cunachi)—тѣмъ ласковымъ эпитетомъ, который и до сихъ поръ служитъ у всѣхъ тюрковъ для почетнаго названія дорогихъ гостей и пріятелей. Наконецъ въ числѣ первыхъ условій договора выставлено со стороны татаръ обязательство генуэзцевъ „не принимать въ свои города и крѣпостцы ни непріятелей императора (т. е. хана), ни тѣхъ, кто отвратилъ бы отъ него лицо свое“ (т. е. бунтовщиковъ, мятежниковъ, отложившихся измѣнниковъ). Взамѣнъ же этого татаре возвращаютъ генуэзцамъ тѣ 18 селеній, которыя, принадлежа къ Солдайѣ, были захвачены генуэзцами и потомъ „отняты у нихъ Мамаемъ“ [1]). Все въ этомъ договорѣ какъ нельзя болѣе совпадаетъ съ исторіею отношеній между Мамаемъ и Токтамышемъ. Даже самая высокая курганная насыпь надъ прахомъ Мамая свидѣтельствуетъ, что онъ не палъ презрѣнною жертвою мести однихъ невѣрныхъ франковъ, а умерщвленъ при участіи своихъ же единоплеменниковъ, окружившихъ кончину его почетомъ, достойнымъ, по ихъ обычаямъ, родственника дома Чинизидовъ и знатнаго воеводы [2]).

---

[1]) Not. et Extr., XI: 54—57. [2]) Аналогическихъ примѣровъ подобнаго сочетанія враждебныхъ чувствъ съ внѣшними знаками почтенія и уваженія къ ненавистнымъ лицамъ мы встрѣчаемъ множество въ исторіи тюркскихъ народовъ. Токта-ханъ не могъ питать нѣжныхъ чувствъ къ временщику Ногаю, который едва не свергъ его окончательно съ престола, однако же вознегодовалъ на русскаго, услужливо принесшаго ему голову

Одно, что представляетъ затрудненіе въ этомъ договорѣ, это—имя татарскаго уполномоченнаго, который, заключая договоръ отъ лица непоименованнаго въ актѣ хана, титулуется правителемъ Солхата, поставившимъ на видъ свое офиціальное положеніе для приданія договору большаго значенія. Въ одной редакціи итальянскаго перевода договорнаго акта онъ называется то *Jhancasius*, то *Jharcasso segno*, то *lo segno Zicho*, а въ другой редакціи вмѣсто всѣхъ приведенныхъ варіантовъ стоитъ одна форма: *Ellias fiio de Jnach Cottoloboga*. Соображенія ученыхъ по поводу такой разницы пока не привели ни къ какимъ окончательнымъ выводамъ. Сильвестръ де-Саси, впервые издавшій въ свѣтъ договоръ, полагаетъ, что солхатскій намѣстникъ является въ договорѣ то подъ собственнымъ своимъ именемъ „Jharcasso“ — چركس, то съ однимъ титуломъ „lo Zicho“, т. е. „шейхъ“ — شيخ [1]). Что намѣстникъ ханскій могъ носить благочестивый титулъ шейха, это весьма возможно, какъ показываютъ другіе примѣры, и потому мнѣніе на этотъ счетъ Сильвестра де-Саси весьма правдоподобно. Поэтому сомнительно, чтобы слова „lo Zicho segno“ представляли своеобразный переводъ имени „Jharcasso segno“, какъ думаетъ г. Брунъ [2]), имѣя, конечно, въ виду то, что *черкесы* у средневѣковыхъ писателей назывались *зихами*, или *джихами* [3]); сомнительно потому еще, что формы „Jhrcasso“ и „Ellias“ обнаруживаютъ нѣкоторое, хоть и не очень близкое, сходство какъ въ звукосочетаніи такъ и въ начертаніи, и нельзя категорически

Ногая, и велѣлъ казнить его самого (Тизенгаузенъ, I: 114). Бирды-бекъ справляетъ трауръ по отцѣ, котораго онъ самъ же убилъ. Турецкіе султаны съ почестями и торжественно хоронили своихъ родственниковъ, которые обыкновенно были умерщвляемы по ихъ же повелѣнію. На нашихъ глазахъ подобная продѣлка совершена надъ султаномъ Абдуль-Азизомъ.

[1]) Not. et Extr., XI: 55—56. [2]) Черноморье, I: 224. [3]) Ibid., II: 234 и 260.

утверждать, что первая изъ нихъ предпочтительнѣе, и что она есть только транскрипція имени „черкасъ", или „черкесъ". Г. Гейдъ также отвергаетъ мнѣніе г. Бруна и предпочитаетъ взглядъ Сильвестра де-Саси въ пониманіи спорныхъ терминовъ, въ виду сомнѣнія касательно тожества обѣихъ редакцій договора. Сомнѣніе это возникаетъ вслѣдствіе того, что въ одной редакціи договора нѣтъ подписи солхатскаго намѣстника, и въ ней помѣченъ мѣсяцъ шаъбанъ, соотвѣтствующій 28 ноября 1380 года; другая же редакція имѣетъ подпись Эліасъ-бея и помѣчена мѣсяцемъ зи-льказдэ, который падаетъ на 23 февраля слѣдующаго 1381 года. Отсюда г. Гейдъ полагаетъ, что договоръ съ Черкесъ-шейхомъ не успѣлъ состояться въ 1380 году, а заключенъ уже въ слѣдующемъ 1381 году и притомъ уже съ другимъ ханскимъ намѣстникомъ, по имени Эліасомъ, сыномъ Кутлу-Буги [1]). Г. Десимони думаетъ, что одна редакція, та именно, которая безъ подписи, есть только проектъ договора; другая же, подписанная, есть самый актъ договора [2]). Г. Брунъ видитъ тутъ просто ошибку, хотя и не объясняетъ, въ чемъ именно состоитъ она [3]). На нашъ взглядъ г. Гейдъ ближе всѣхъ къ истинѣ, за исключеніемъ только предположенія его о двухъ солхатскихъ правителяхъ: намъ кажется, что тутъ одно и то же лицо въ обоихъ документахъ, Эліасъ-бей, имя котораго упоминаются позднѣе въ договорѣ 1387 года, и опять въ искаженной формѣ—*Allias* [4]); какъ-то странно, чтобы форма договоровъ буквально была одинаковая, а договаривающіяся лица были разныя. Дѣйствительно, переговоры татаръ съ генуэзцами могли возобновляться нѣсколько разъ при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Эта множественность слѣдовавшихъ другъ за другомъ договоровъ указываетъ на поспѣшность, съ какою и клевреты Тохтамы-

---

[1]) Heyd, Op. cit., II: 207. [2]) Цитов. у Гейда. [3]) Черноморье, I: 225, пр. 87. [4]) Not. et. Extr., XI: 64.

ша, гнавшіеся за бѣжавшимъ Мамаемъ, и генуэзцы добивались каждый своихъ ближайшихъ цѣлей, и въ то же время свидѣтельствуетъ о взаимной неувѣренности обѣихъ сторонъ въ точномъ исполненіи поставленныхъ ими другъ другу обязательствъ. Можетъ быть, именно замедленіе выдачи генуэзцами Мамая и было причиною того, что окончательная ратификація договора намѣстникомъ Токтамыша послѣдовала спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія самаго договора, когда уже стало извѣстно, что главнѣйшее условіе этого договора—умерщвленіе ханскаго противника, нашедшаго себѣ убѣжище за стѣнами крѣпости франковъ, Мамая, приведено въ исполненіе.

Въ довершеніе всѣхъ соображеній насчетъ личности солхатскаго правителя, не ясно названнаго въ договорѣ 1380 года, г. Брунъ строитъ еще одну конъектуру на случай, если бы подтвердилось существованіе не одного, а двухъ разныхъ договоровъ. Онъ предлагаетъ въ главномъ участникѣ договора 1380 г. съ татарской стороны видѣть сына хана Джаныбека, Черкесъ-бека, который былъ нѣкоторое время номинальнымъ ханомъ въ Ордѣ, а потомъ, „по низверженіи его съ престола, спасся въ Крымъ и тамъ удержался до паденія Мамая“ [1]). На это можно замѣтить, что Черкесъ-шейхъ, или, по г. Бруну, Черкесъ-бекъ, очень ясно и опредѣленно титулуется въ договорѣ только „солхатскимъ синьоромъ“, командированнымъ со стороны какого-то императора, который не названъ по имени; а такой случай, чтобы верховный владѣтель цѣлой имперіи, ханъ, хотя бы даже и номинальный, потомъ фигурировалъ въ роли простого чиновника при другомъ ханѣ, не находитъ себѣ подтвержденія въ аналогическихъ примѣрахъ татарской исторіи.

Нѣкоторыя затрудненія представляетъ и личность инака Кутлу-Буги, сыномъ котораго названъ загадочный на-

---

[1]) Черноморье, I: 225—226.

мѣстникъ Крыма Эліасъ. Явно, что этотъ Кутлу-Буга одно и то же лицо съ однимъ изъ четырехъ улусныхъ эмировъ, котораго Эльмухыбби называетъ „намѣстникомъ хана Джаныбека“ — قطلو بغا ايناق نائب القان جانى بك [1]). Того же мнѣнія держится и г. Брунъ; но почему онъ считаетъ инака Кутлу-Бугу „намѣстникомъ крымскимъ въ царствованіе Джаныбека“ [2]), это для насъ не совсѣмъ ясно. Ссылка на Макризи, или, правильнѣе сказать, на прибавленіе издателя къ сочиненію Макризи, ровно ни къ чему не служитъ: тамъ Кутлу-Буга инакъ просто названъ „наибомъ хана Джаныбека“ [3]), т. е. въ смыслѣ высшаго сановника, перваго министра — نايب السلطنة [4]), а о томъ, чтобы этотъ „наибъ попреимуществу“ былъ вчастности „наибомъ *крымскимъ*“, въ указанномъ мѣстѣ ни слова не сказано. Отсюда само собой слѣдуетъ, что Кутлу-Буга, отецъ Эліаса, крымскаго намѣстника, не могъ быть тожественъ съ тѣмъ Кутлу-Бугою, который въ 1380 году былъ посланъ Токтамышемъ въ Литву, чтобы извѣстить Ягайло о восшествіи своего патрона на престолъ, и потомъ самъ, въ качествѣ крымскаго намѣстника, заключилъ договоръ съ генуэзцами въ 1387 году. Между тѣмъ созвучіе имени, столь употребительнаго у прежнихъ татаръ, увлекло г. Бруна сдѣлать вышеприведенное отожествленіе, при чемъ онъ допускаетъ мысль, что спорный Эліасъ, прописанный въ договорѣ 1380 года, могъ временно исправлять должность крымскаго намѣстника въ отсутствіе отца, ставшаго снова, по возвращеніи изъ посольства къ Ягайлу, эмиромъ солхатскимъ [5]).

Кутлу-Буга, преемникъ Эліаса, впервые является въ званіи намѣстника крымскаго приблизительно около 1382

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 338 и 348. [2]) Черноморье, I: 224. [3]) Makrizi, trad. p. Quatremère, II, 2: 316. [4]) Makrizi. I, 2: 93—94, примѣч. 113. [5]) Черноморье, I: 224—225.

года. Объ этомъ мы узнаемъ косвеннымъ путемъ, а именно: въ 1387 году тотъ же самый Кутлу-Буга, прямо уже объявляя себя солхатскимъ правителемъ (dominus Solcatensis), заключаетъ съ генуэзцами договоръ и подтверждаетъ условія прежняго своего договора, заключеннаго съ кафскимъ консуломъ Бартоломео де Якопо [1]), который въ послѣдній разъ занималъ консульское мѣсто въ Кафѣ въ 1382 году [2]). Кромѣ того, мы имѣли бы и прямое, документальное свидѣтельство въ ярлыкѣ Токтамыша, начинающемся обращеніемъ къ Кутлу-Бугѣ, какъ главному начальнику Крымскаго удѣла, если бы не существовало разногласія насчетъ даты этого ярлыка: одни читаютъ въ весьма неразборчивомъ начертаніи ея 1382 годъ [3]), другіе 1392 годъ [4]). Профессоръ И. Н. Березинъ, которому принадлежитъ второе чтеніе ярлыковой даты, видитъ въ ней важное историческое указаніе на вторичное утвержденіе на ханствѣ Токтамыша, оправившагося и вновь собравшагося съ силами послѣ пораженія его Тимуромъ при Кундурчѣ [5]). Для насъ это указаніе получаетъ особенное значеніе въ сопоставленіи съ другими фактами, возбуждающими недоумѣніе насчетъ властныхъ отношеній Токтамыша въ означенное время собственно къ Крыму. Вышеупомянутый ярлыкъ содержитъ въ себѣ подтвержденіе тарханныхъ льготъ нѣкоему Бекъ-Хаджи, представителю племени Сӱткӱль, дарованныхъ этому племени Тимуръ-Пуладомъ. Между прочимъ тамъ сказано: „областныя власти да не трогаютъ никакого подчиненнаго Сӱткӱлю человѣка *внутри Крыма*, внѣ, на мѣстахъ остановки“ [6]). Блюсти эти привиллегіи поручается, какъ уже сказано, разнымъ власть имущимъ чиновникамъ Крымской области съ Кутлу-Бугою во главѣ. Теперь спрашивается: кто такой былъ Тимуръ-

---

[1]) Not. et Extr., XI: 62—64. [2]) Зап. Од. Общ., V: 821. [3]) Зап. Од. Общ., I: 339. [4]) Березинъ, Ханскіе ярлыки, II: 49, пр. 67. [5]) Ibidem. [6]) Березинъ, Op. cit., 14—15.

Пуладъ, который даровалъ Суткульцамъ льготныя права въ Крымѣ, вновь санкціонированныя Токтамышемъ? Какъ, затѣмъ, согласить властное обращеніе Токтамыша въ крымскимъ чиновникамъ отъ своего лица, когда въ 1390—1394 гг. Крымомъ и Азовомъ владѣлъ Бекъ-Булатъ, по соображенію г. Савельева, основывающагося на нумизматическихъ данныхъ [1]? Этихъ вопросовъ не касались комментаторы ярлыка Токтамыша; а между тѣмъ съ разрѣшеніемъ ихъ связывается, на нашъ взглядъ, не только разъясненіе извѣстнаго момента въ политической исторіи Крыма, но и опредѣленіе степени надежности монетныхъ легендъ, какъ путеводителей въ изслѣдованіи темныхъ эпохъ этой исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, если Токтамышъ подтверждаетъ права, дарованныя Тимуръ-Пуладомъ, то, слѣдовательно, долженъ былъ когда-нибудь существовать на свѣтѣ подобный человѣкъ, который считалъ свою власть компетентною и для Крыма, коли предоставлялъ цѣлому племени льготу разгуливать тамъ безданно, безпошлинно. Онъ затѣмъ долженъ былъ быть предшественникомъ Токтамыша во власти и по крайней мѣрѣ современникомъ его по жизни. Между тѣмъ съ точно такимъ именемъ не отыскивается никого ни среди легальныхъ властителей татарскихъ, ни въ числѣ узурпаторовъ смутнаго времени. Остается подозрѣвать только того Пуладъ-Тимура, имя котораго встрѣчается на нѣкоторыхъ монетахъ совмѣстно съ именемъ „*покойнаго* Джаны-бека" [2], для отысканія котораго построено столько ученыхъ догадокъ нашими оріенталистами [3]. В. В. Григорьевъ предполагаетъ, что Пуладъ-Тимуръ былъ только сильнымъ вельможею въ ханствѣ, который, не имѣя права на престолъ, или находя для себя удобнѣйшимъ властвовать подъ чужимъ именемъ, по примѣру Мамая, провозгласилъ отъ себя ханомъ нѣкоего Джаны-бека,

---

[1]) Савельевъ, Op. cit., стр. 301 и 136. [2]) Ibid., стр. 199—206. [3]) Ibid., стр. 223—227.

а когда этотъ умеръ, то продолжалъ властвовать подъ именемъ покойнаго, какъ бы въ качествѣ его намѣстника, почему и монету билъ съ именемъ „покойнаго Джаны-бека" [1]. Г. Савельевъ, не соглашаясь съ г. Григорьевымъ только насчетъ того, котораго изъ Джаны-бековъ нужно разумѣть на монетахъ Пуладъ-Тимура, не оспариваетъ однако же вышеприведеннаго мнѣнія г. Григорьева относительно самого Пуладъ-Тимура [2]). Въ ярлыкѣ Токтамыша имя Тимуръ-Пулада стоитъ безъ титула „ханъ", но написано золотыми чернилами—обстоятельство немаловажное въ канцелярской формѣ тогдашнихъ татарскихъ властителей, которые, по свидѣтельству арабскаго писателя Элькалькашанди, „въ своихъ письмахъ, въ ихъ формахъ и правилахъ, подражали величайшимъ монархамъ на Востокѣ и Западѣ" [3]), а слѣдовательно усвоили пріемы и обычаи мусульманскаго востока въ дѣловой письменности вообще. Начертаніе золотыми буквами составляло почетный аттрибутъ признанныхъ царственныхъ особъ: нарушеніе этого общепринятаго обычая въ дипломатическихъ сношеніяхъ не мало подлило масла въ пламя взаимнаго раздраженія между Тимуромъ и турецкимъ султаномъ Баязидомъ I (1389—1402) и было непослѣднимъ мотивомъ къ Ангорской катастрофѣ, кончившейся позорнымъ плѣномъ Баязида, по убѣжденію самихъ турецкихъ историковъ [4]). Значитъ, если имя Тимуръ-Пулада изображено въ ярлыкѣ Токтамыша золотомъ, то Тимуръ-Пуладъ въ глазахъ Токтамыша былъ настоящимъ, полноправнымъ властителемъ Золотой Орды во всемъ обширномъ объемѣ этого царства до Крыма включительно. Если, далѣе, Тимуръ-Пуладъ ярлыка есть одно и то же лицо съ Пуладъ-Тимуромъ вышеупомянутыхъ двуименныхъ монетъ, то догадка гг. Григорьева и Савельева о второстепенныхъ, узурпаторскихъ властныхъ качествахъ автора этихъ монетъ оказывается несостоятельною, и вопросъ о происхожденіи

---

[1]) Ibid., 224. [2]) Ibid., 225. [3]) Тизенгаузенъ, I: 415—416. [4]) Кюнгу-ль-ахбаръ, кн. V: 92.

тѣхъ двуименныхъ монетъ остается опять нерѣшоннымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ думали его рѣшить почтенные нумизматы. Если же, наконецъ, ихъ соображенія основательны, то изображеніе имени Тимуръ-Пулада, или, что то же, Пуладъ-Тимура, въ ярлыкѣ Токтамыша со всѣми признаками настоящаго золотоордынскаго властителя, какъ бы по праву распоряжавшагося даже отдаленными улусами, каковъ былъ Крымъ, и жаловавшаго важныя тарханныя привиллегіи, признанныя въ силѣ и со стороны Токтамыша, является новою загадкою. Въ послѣднемъ случаѣ остается только заключить, что Токтамышъ, отчасти и самъ авантюристъ, обязанный своимъ возвышеніемъ капризу Тимуръ-Ленка, признавая и уважая права захвата власти другимъ узурпаторомъ, поступалъ сознательно, по принципу „власть принадлежитъ сильнѣйшему" и въ подрывъ порядка законной, кровной наслѣдственности, который въ это смутное время впалъ въ полнѣйшее пренебреженіе.

Удача одного всегда заразительно вліяетъ на другихъ. Признаніе принципа захвата власти имѣло невыгодныя послѣдствія и для самого Токтамыша, могущество котораго было окончательно сокрушено Тимуръ-Ленкомъ. Прежде другихъ воспользовался шаткостью положенія Токтамыша его же собственный полководецъ Бекъ-Пуладъ, вмѣстѣ съ другими угланами, т. е. беками династической крови, которые поименованы въ ярлыкѣ Токтамыша къ Ягайлу, какъ измѣнники. Объ этомъ обстоятельствѣ довольно подробно говоритъ арабскій историкъ Ибнъ-Хальдунъ, называя главнаго героя неурядицы, Бекъ-Пулада, Огланъ-Булатомъ и родичемъ Токтамыша. По свидѣтельству Ибнъ-Хальдуна, Огланъ-Булатъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ эмировъ вошолъ въ предательскія сношенія съ Тимуръ-Ленкомъ. Послѣ стычки, происшедшей между послѣднимъ и Токтамышемъ, Огланъ-Булатъ пошолъ въ Сарай, овладѣлъ имъ и напалъ на домочадцевъ и имущество Токтамыша. Когда же Токтамышъ опять явился въ Сарай и овладѣлъ имъ, то Огланъ-Булатъ бѣжалъ въ Крымъ и засѣлъ въ

немъ. Токтамышъ преслѣдовалъ его и осадилъ Крымъ; но долженъ былъ вернуться въ Сарай, отвлеченный нападеніемъ на Сарай сына Урусъ-Хана; а войско его продолжало осаду Крыма, пока не овладѣло имъ. Огланъ-Булатъ былъ убитъ [1]). Въ эту пору разбрелись, говоритъ Ибнъ-Хальдунъ, въ разныя стороны эмиры, съ которыми Тимуръ входилъ въ сношенія; они отправились въ пограничныя области и утвердились тамъ [2]).

Въ числѣ такихъ окраинъ, открывавшихъ наибольшій просторъ самовольству бековъ, былъ, конено, Крымъ. Слѣдуя обычаямъ настоящихъ государей, узурпаторы били монету и отправляли посольства къ другимъ дворамъ. Все это имѣло мѣсто и въ Крымѣ. Мы видѣли, что въ 1387 году Кутлу-Буга, въ званіи ханскаго намѣстника и областного правителя въ Крымѣ, заключилъ дружескій договоръ съ генуэзцами. Въ ряду условій договора любопытно одно, касающееся монеты: Кутлу-Буга „обѣщается за все время своего управленія велѣть чеканить монету въ Солхатѣ и въ прочихъ подчиненныхъ ему земляхъ, хорошую и достаточествующую, такого же хорошаго качества, какъ велѣлъ чеканить Эліасъ во время своего управленія" [3]). Чеканка монеты и самими татарами сознавалась уже какъ извѣстная государственная прерогатива [4]); въ договорѣ же ханскому представителю вмѣняется въ обязанность чеканить монету, да еще въ достаточномъ количествѣ. Какую въ этомъ находили для себя генуэзцы выгоду, остается до сихъ поръ не вполнѣ яснымъ, даже и послѣ статьи почтеннѣйшаго В. Н. Юргевича „О монетахъ генуэзскихъ, находимыхъ въ Россіи" [5]), гдѣ былъ поводъ коснуться этого вопроса [6]). Если же вся суть означеннаго условія со-

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 392—393. [2]) Ibid. [3]) Not. et Extr., XI: 64. [4]) Савельевъ, Op. cit., стр. 143—144. [5]) Зап. Од. Общ., VIII: 147—160. [6]) Въ этой же статьѣ упоминаніе о чеканкѣ монеты отнесено къ договору 1380 года вмѣсто 1387-го (стр. 153), что, вѣроятно, надо считать типографскою опечаткою, ибо въ первомъ договорѣ про монету ничего не говорится.

стояла въ обязательствѣ бить монету *доброкачественную* (bonam pecuniam), то оно указываетъ на какія-то злоупотребленія правомъ чеканенья монеты; но опять остается тайною, какого рода были эти злоупотребленія—касались ли они только цѣннаго свойства металла и вѣса монеты, или же правильности, легальности самаго штемпеля. Повидимому, тутъ имѣлось въ виду послѣднее. Изъ договора мы узнаемъ, что монета билась самими ханскими намѣстниками, сидѣвшими въ Крымѣ, во имя своего верховнаго государя, хана Золотой Орды. Нѣтъ сомнѣнія, что въ то смутное время стала уже появляться монета, битая другими беками, претендовавшими на независимое господство, что ставило генуэзцевъ въ затрудненіе, какія деньги считать хорошими, т. е. настоящими, и какія плохими, т. е. фальшивыми съ точки зрѣнія золотоордынскаго правительства, заявлявшаго себя единственно законнымъ. По крайней мѣрѣ въ числѣ настоящихъ монетъ съ именемъ Токтамыша очень много попадается экземпляровъ, представляющихъ весьма грубую поддѣлку [1]). Даты его собственныхъ монетъ крымскаго чекана доходятъ до 796=1393—1394 г. [2]), а между тѣмъ и монеты Бекъ-Пулада, или Огланъ-Булата, который отложился отъ Токтамыша и утвердился-было въ качествѣ самостоятельнаго властителя въ Крымѣ, тамъ же были биты еще въ 794=1391—1392 гг. [3]).

Относительно посольствъ къ иностраннымъ дворамъ въ это время мы имѣемъ свѣдѣнія отъ арабскихъ историковъ. Такъ, напримѣръ, они упоминаютъ, что приходило въ Египетъ посольство Токтамышъ-хана и было принято тамъ съ большимъ почетомъ въ 1385 году [4]). Но Элькалькашанди,

---

[1]) Савельевъ, Op. cit., стр. 110—111, №№ 257—259 и особенно стр. 136—137; Блау, Восточныя монеты, стр. 42, № 574. [2]) Блау, № 569. [3]) Савельевъ, Op. cit, стр. 133—135, №№ 321—324, и стр. 301. [4]) Тизенгаузенъ, I: 442, 452, 531.

трактуя о разныхъ формахъ международной переписки, которыя, говоритъ онъ, различны по различію способа выраженія жителей той или другой страны и *по степени могущества лица, отъ котораго пишется*, указываетъ на высокое значеніе секретаря, который, будучи знакомъ съ терминологіей каждаго государства по части переписки, сейчасъ можетъ опредѣлить, что̀ дѣйствительно исходитъ отъ царя, и что̀ поддѣлано, и обнаружить подлогъ при помощи оселка знанія. Въ доказательство своего мнѣнія Элькалькашанди приводитъ случай, который онъ называетъ замѣчательнымъ, т. е., попашему просто курьозный. Прибылъ, говоритъ онъ, въ Египетъ посланникъ и былъ самымъ торжественнымъ образомъ встрѣченъ: думали, что онъ отъ Токтамышъ-хана. Когда же онъ предъявилъ грамоту свою, то начальникъ султанской канцеляріи, Эльберди Ибнъ-Фадла-л-Ла, разсмотрѣвъ ее, нашолъ, что она не соотвѣтствуетъ условнымъ правиламъ ханскихъ писемъ въ отношеніи бумаги и написанія. Стали вздорить и допрашивать посла, и тогда онъ признался, что „онъ *отъ правителя Крымскаго изъ подданныхъ Токтамышъ-хана*“ [1]). Явно, что подлогъ этотъ былъ сдѣланъ кѣмъ-либо изъ самовластныхъ бековъ, и, вѣрнѣе всего, Бекъ-Пуладомъ, искавшимъ въ международныхъ сношеніяхъ признанія своихъ властительныхъ правъ въ Крымѣ: не было надобности и повода дѣлать такой подлогъ Кутлу-Бугѣ, вѣрному слугѣ Токтамыша и намѣстнику его въ Крымѣ. Да Кутлу-Буга, по всѣмъ признакамъ, долженъ былъ удалиться изъ своей областной резиденціи, когда поднялись смуты эмировъ, предводимыхъ Бекъ-Пуладомъ, ибо въ 1393 году мы видимъ его во главѣ посольства къ Ягайлу съ заявленіемъ о томъ, что Бекъ-Пуладъ и его сообщники преданы Богомъ въ руки Токтамыша, и что впредь всѣ дани и знаки дружественныхъ международныхъ отношеній должны быть адресуемы къ это-

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 414.

му послѣднему, какъ полновластному государю Великаго Улуса, т. е. всей Золотой Орды [1]). Хотя Кутлу-Буга никакъ не титулованъ въ ярлыкѣ, и даже одинъ разъ искаженно названъ „Туулу-Оджа", но о тожествѣ его съ бывшимъ крымскимъ намѣстникомъ свидѣтельствуетъ то, что товарищемъ его по посольству былъ Асанъ, въ которомъ не трудно угадать того самаго Хасана, сына прежняго крымскаго намѣстника Рамазана, который уже раньше, въ 1385 году, предводительствовалъ послами Токтамышъ-хана въ Египетъ. „Съ ними", говоритъ Эль-Аскалани, „владѣтель Крыма отправилъ подарки, которые были приняты" [2]). Кто бы ни разумѣлся тутъ подъ „владѣтелемъ Крыма"—صاحب القرم—самъ ли Токтамышъ, или его намѣстникъ Кутлу-Буга, въ обоихъ случаяхъ Хасанъ является солидарнымъ съ Кутлу-Бугою политическимъ дѣятелемъ, одинаково преданнымъ Токтамышу [3]). Токтамышъ, повидимому не напрасно хвастался побѣдою надъ своими противниками. Бекъ-Пуладъ, по крайней мѣрѣ, вскорѣ

---

[1]) Ярлыкъ Токтамышъ-хана къ Ягайлу, стр. 51. [2]) Тизенгаузенъ, I: 452. [3]) Странно до чрезвычайности, что въ ярлыкѣ Токтамыша къ Ягайлу одинъ изъ главныхъ пословъ, Асанъ, т. е. Хасанъ (Ср. Зап. Арх. Общ., цитов. т., стр. 212—213) вторично упоминается тамъ съ своимъ настоящимъ именемъ, а вмѣсто Кутлу-Буги стоитъ какое-то другое имя, которое прочитано учеными оріенталистами, дешифрировавшими ярлыкъ, «Туулу Оджа» и «Тулу Ходжа» (Ярлыкъ, стр. 30, 51, 65, пр. 36). Такая разница въ именахъ главныхъ пословъ представляла бы явную несообразность по существу и потому должна быть признана графической неточностью: при сличеніи обоихъ мѣстъ ярлыка, написаннаго довольно небрежнымъ уйгурскимъ почеркомъ, очень замѣтна близость въ начертаніи обоихъ именъ, которая и могла быть причиною ошибки самого переписчика ярлыка въ Токтамышевой канцеляріи. Если же не принять предлагаемаго нами толкованія, то надо будетъ еще рѣшать вопросъ о томъ, кто же былъ второй главный посолъ, кромѣ Асана, обойти же молчаніемъ этотъ вопросъ едва ли возможно, если брать ярлыкъ основаніемъ для извѣстныхъ историческихъ соображеній.

сошолъ со сцены, по словамъ арабскихъ историковъ; да и на монетахъ больше уже не появляется его имени. Едва ли онъ продержался даже и до 1394 года, какъ думаетъ г. Савельевъ, потому что всѣ монеты, кромѣ имѣющей дату 794 = 1391—2 гг. [1]), не надежны: въ остальныхъ годы крайне неясны, и самое имя бившаго ихъ властителя является уже въ формѣ „Буладъ-ханъ" [2]), какъ назывался еще одинъ скоропреходящій ханъ Золотой Орды, бившій монету въ 1407—1410 гг. [3]).

Но прежде чѣмъ власть Токтамыша была опять возстановлена въ Крымѣ, тамъ успѣлъ на короткое время засѣсть и выбить свою монету нѣкто Ташъ-Тимуръ. Они оба съ Бекъ-Пуладомъ, говоритъ г. Савельевъ, воспользовались пораженіями Токтамыша для провозглашенія себя ханами и отдѣлились отъ него: Бекъ-Пуладъ владѣлъ, кромѣ Крыма, и Азовомъ; Ташъ-Тимуръ извѣстенъ доселѣ только какъ ханъ Крыма въ 797 = 1394—1395 году [4]). Любопытно, что одна изъ его монетъ носитъ на другой своей сторонѣ имя Токтамыша. „Если это не случайное употребленіе штемпеля Токтамышевой монеты", замѣчаетъ г. Савельевъ, „то оно свидѣтельствовало бы о признаніи со стороны Ташъ-Тимура верховной власти хана Золотой Орды" [5]). Могло быть и то и другое, и послѣдній мотивъ долженствовалъ быть чисто платоническаго свойства, ибо трудно ожидать установленія правильныхъ суверенныхъ отношеній между Ташъ-Тимуромъ и Токтамышемъ въ ту смутную пору, когда самъ Токтамышъ не могъ быть увѣренъ въ прочности своего положенія, безпрерывно преслѣдуемый и тревожимый прежнимъ своимъ патрономъ, а потомъ неусыпнымъ врагомъ, Тимуръ-Ленкомъ. Около этого же самаго времени, а именно въ 796 = 1394 году послы Токтамыша были у египетскаго султана съ просьбою

---

[1]) Loc. cit., № 321. [2]) Loc. cit., №№ 323—327. [3]) Loc. cit., стр. 310—314. [4]) Loc. cit., 301. [5]) Ibidem.

дѣйствовать заодно противъ Тимуръ-Ленка, котораго Токтамышъ называетъ общимъ врагомъ ихъ [1]), а въ слѣдующемъ 1395 году египетскій посолъ Тулуменъ Али-шахъ, ѣздившій къ Токтамышъ-хану, привезъ извѣстіе о пораженіи Токтамыша Тимуръ-Ленкомъ [2]). Нѣкоторые изъ арабскихъ историковъ сообщаютъ при этомъ, что разбитый Токтамышъ бѣжалъ въ земли русскія, а Тимуръ-Ленкъ овладѣлъ Крымомъ, 18 дней осаждалъ Кафу, взялъ ее и разорилъ [3]). Но они ошибаются въ этомъ случаѣ: преданіе о томъ, что Тимуръ-Ленкъ, сражаясь съ Токтамышемъ, лично проникалъ въ Крымъ, признано теперь невѣрнымъ [4]). Возможность ошибки со стороны арабовъ по части свѣдѣній о судьбѣ Токтамыша явствуетъ изъ самаго разнорѣчія ихъ между собою. Ибнъ-Хальдунъ, напримѣръ, прямо сознается, что „затихли извѣстія о немъ (о Тимуръ-Ленкѣ) на нѣкоторое время, но потомъ, въ 797=1394—1395 г. пришло извѣстіе, что султанъ Тимуръ одержалъ побѣду надъ Токтамышемъ, *убилъ его* и завладѣлъ всѣми землями его“ [4]); тогда какъ положительно извѣстно, что Токтамышъ окончательно былъ пораженъ въ 1399 году, бѣжалъ въ Киргизскую степь, гдѣ и былъ убитъ въ 1406 году [5]); а по свѣдѣніямъ Мюнеджимъ-баши просто умеръ въ Тулинѣ (т. е. въ Тюмени) въ 807=1401—1405 г. [6]). У другого араба, Эль-Аскалани, вышелъ такой курьозъ: въ 798=1395—1396 году, говоритъ онъ, „былъ убитъ тюркъ Токтамышъ-ханъ, владѣтель земли Дештской, послѣ пораженія его Ленкомъ; убилъ его одинъ изъ татарскихъ эмировъ, по имени Темиръ-Кутлу“, а въ слѣдующемъ, 799=1396—1397 г., будто бы „произошло великое сраженіе между (убитымъ-то) Токтамышъ-ханомъ, владѣтелемъ

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 329, 363, 448, 453 и 531. [2]) Ibid., 329, 363, 442, 448 и 454. [3]) Ibid., 330, 363—364, 442, 448 и 454. [4]) Брунъ, Черноморье, I: 232. [4]) Тизенгаузенъ, I: 394. [5]) Ист. Госуд. Рос., V: пр. 203, Зап. Арх. Общ., цитов. т., стр. 61. [6]) Мюнеджимъ-баши, II: 694.

земли Дештской и между генуэзскими франками" [1]). Въ этой хронологической путаницѣ, бывшей послѣдствіемъ недостаточности свѣдѣній о происходившемъ въ Дешти Кыпчакѣ и въ Крымѣ, всущности кроются дѣйствительные факты: въ пораженіи Токтамыша, нашедшаго поддержку у великаго князя литовскаго Витовта, со стороны Тимуръ-Ленка принималъ дѣятельное участіе Тимуръ-Кутлукъ, который вскорѣ самъ былъ провозглашонъ ханомъ въ Золотой Ордѣ въ 1397 году, и потомъ воевода Идики, или Идику. Этотъ послѣдній упоминается въ ярлыкѣ Токтамышъ-хана къ Ягайлу, какъ одинъ изъ главныхъ участниковъ въ измѣнѣ эмировъ съ Бекъ-Пуладомъ во главѣ [2]). Обласканный Тимуръ-Ленкомъ, Идики вскорѣ входитъ въ силу въ Ордѣ и играетъ ту же роль, какую въ свое время играли тамъ Ногай и Мамай. Вотъ этотъ самый Идики, послѣ пораженія Токтамыша, вторгся въ Крымъ и осадилъ Кафу въ 799 = 1396—1397 году. О причинѣ этого вторженія Эль-Айни просто говоритъ, что „произошла вражда между Идики, отнявшимъ землю отъ Токтамышъ-хана, государя страны Дештской, сидѣвшаго на престолѣ Беркэ, въ земляхъ Кипчацкихъ, и между владѣтелемъ Кафы, города на берегу Крыма, въ рукахъ генуэзскихъ франковъ" [3]). По другимъ же источникамъ, эта вражда возгорѣлась изъ-за того, что одинъ изъ сыновей Токтамышъ-хана, послѣ его разбитія, бѣжалъ въ Крымъ и нашолъ себѣ радушный пріемъ въ Кафѣ [4]). Имя Идики настолько сдѣлалось громко, что тотъ же Эль-Айни про него не разъ говоритъ такъ: „государемъ Дешти, Сарая и *Крыма* былъ *царь* Идики" [5]), хотя въ дѣйствительности онъ только былъ всесильный и самовластный временщикъ. „Утвердилось", говоритъ Ибнъ-Арабшахъ, „дѣло Дештское за правителемъ

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 454. [2]) Ярлыкъ Токтамышъ-хана къ Ягайлу, стр. 51 и прим. 23. [3]) Тизенгаузенъ I: 531. [4]) Брунъ. Черноморье, I: 232. [5]) Тизенгаузенъ, 532.

Идику, и отправились дальній и ближній, большой и малый, подчиняясь его предписаніямъ.... Устраивалось дѣло людское по указамъ Идику: онъ водворялъ въ султанство кого хотѣлъ и смѣщалъ его съ него, когда хотѣлъ; прикажетъ, и никто не противится ему; проведетъ грань, и (никто) не переступитъ этой черты" [1]). Не мудрено послѣ этого, что такой всемогущій временщикъ совершенно заслонилъ собою эфемерныхъ хановъ Золотой Орды, изъ коихъ многіе были только его креатурами.

Прежде всего не извѣстно, куда дѣлся вышеупомянутый Ташъ-Тимуръ, память о которомъ сохранилась въ двуименныхъ монетахъ. Личность его тѣмъ замѣчательна въ исторіи Крыма, что въ нѣкоторыхъ источникахъ онъ признается однимъ изъ ближайшихъ предковъ Хаджи-Герая, родоначальника династіи Гераевъ: по однимъ онъ приходится Хаджи-Гераю дѣдомъ [2]), по другимъ же отцомъ [3]). По свѣдѣніямъ Шереф-эд-Дина, послѣ окончательнаго разгрома преданной Токтамышу орды, расположенной на берегахъ Днѣпра, военачальники ея разбѣжались: въ числѣ ихъ былъ и Ташъ-Тимуръ-огланъ, который, въ компаніи съ другимъ предводителемъ, Актау, ушли-было сперва съ своимъ народомъ за Днѣпръ къ Дунаю; но были враждебно встрѣчены мѣстнымъ населеніемъ. Тогда туманъ-бекъ Актау оставилъ эту страну и удалился въ Анатолію, гдѣ и водворился до поры до времени [4]). Но приверженецъ Токтамыша и предводитель орды титулованъ у Шереф-эд-Дина огланомъ, т. е. только кровнымъ княжичемъ, и потому трудно категорически сказать, что это былъ тотъ же самый Ташъ-Тимуръ, который на монетахъ величается „Султанъ правосудный Ташъ-Тимуръ-ханъ", особенно при множествѣ одноименныхъ лицъ,

[1]) Ibid., 471—472. [2]) Abulghazi, ed. Desmaisons, I: ١٧٨ & II: 187. [3]) Langlès, Op. cit., 391. У Лангдеса *Ташъ*-Тимуръ названъ *Башъ*-Тимуромъ; искаженіе легко вкралось вслѣдствіе очень сходнаго начертанія буквъ *т* и *б* въ арабско-мусульманскомъ алфавитѣ. [4]) Histoire de Timur-Bec, trad. par Petit de la Croix, II: 361.

встрѣчающихся въ татарской исторіи. Не менѣе трудно утверждать, какъ это дѣлаетъ Гаммеръ и за нимъ другіе ученые [1]), что Ташъ-Тимуръ перекочевалъ съ своимъ народомъ въ Малую Азію: Шереф-эд-Динъ говоритъ только объ эмиграціи одного Актау [2]); развѣ предположить, что тотъ не отставалъ отъ своего товарища, вышеупомянутаго Актау. Точно также намъ кажется слишкомъ смѣлымъ видѣть въ татарской эмиграціи, послѣдовавшей около того времени изъ Малой Азіи въ Румилію, не болѣе какъ возвращеніе тѣхъ же самыхъ татарскихъ ордъ, которыя ушли въ Малую Азію подъ предводительствомъ Актау и, будто бы тоже, Ташъ-Тимура. Изъ сказаній восточныхъ историковъ мы знаемъ, что султанъ Мухаммедъ I дѣйствительно выселилъ оттуда и водворилъ близъ Филиппополя партію татаръ, но такъ называемыхъ *Кара-татаръ*— قره تاتار, или „Черныхъ татаръ", которые, составляя остатокъ отъ полчищъ, приведенныхъ нѣкогда въ Переднюю Азію Гулагу-ханомъ, были поселены на отоманской территоріи султаномъ Баязидомъ I и зачислены въ его милицію [3]). Они же, неблагодарные, первые измѣнили Баязиду во время Ангорской битвы и перешли на сторону Тимуръ-Ленка [4]). Это предательское поведеніе татаръ, индиферентное отношеніе ихъ къ интересамъ давшаго имъ пріютъ государства и манкированіе обязательно для нихъ службою въ султанскихъ войскахъ, ихъ богатѣніе насчетъ коренного населенія вслѣдствіе свободы отъ всякихъ даней и налоговъ, а также вообще ихъ непохвальный образъ дѣйствій во время междоусобныхъ войнъ Мухаммеда съ своими братьями [5]), главнымъ образомъ и побудили его изгнать этихъ пришельцевъ,

---

[1]) Hammer, Gesch. d. G. H, 361; Савельевъ, Монеты джучидскія, и пр., стр. 300; Howorth, Op. cit., 251. [2]) Loco citato. [3]) Мюнеджимъ-баши, III. 314 & 333; Hist. de Timur-Bec, IV: 76. [4]) Кюнгу-ль-ахбаръ, кн. V: 89—90; Мюнеджимъ-баши, III: 311—312. [5]) Кюнгу-ль-ахбаръ, V: 157—158.

взысканныхъ милостями его отца, но отплатившихъ ему черною неблагодарностью, и перевести ихъ на безпокойныя окраины своихъ владѣній въ Европѣ. Они впрочемъ и тутъ еще нѣсколько времени бродили, приставая къ разнымъ мятежническимъ бандамъ, пока не осѣли тамъ, гдѣ ихъ застало окончательное подавленіе всѣхъ бунтовъ, образовавъ особую колонію въ Румиліи, получившую отъ нихъ названіе Татаръ-Базарчика, т. е. „Татарской толкучки".

Это передвиженіе татарскихъ толпъ изъ Европы въ Азію и обратно совершилось при обстоятельствахъ во многомъ сходныхъ между собою, въ которыхъ находились Турція и Крымъ въ то время: тѣ же смуты, междоусобія и безурядица, которыя обуревали Отоманскую имперію предъ окончательнымъ утвержденіемъ ея могущества въ Европѣ, царили и въ Крымѣ предъ образованіемъ тамъ татарскаго ханства, вскорѣ ставшаго въ самыя тѣсныя отношенія съ державою османовъ. Кромѣ простой аналогіи фактовъ, въ эту эпоху, повидимому, имѣло мѣсто и непосредственное соприкосновеніе крымскихъ татаръ съ турками, все на той же почвѣ смутъ, которыя происходили тогда во всей Турціи. Путешествовавшій въ 1421 году съ посольскими порученіями де-Ланнуа говоритъ, что никто изъ людей воеводы молдо-валахскаго не только не отважился проводить его, но даже не взялся перевезти за Дунай, такъ что онъ долженъ былъ оставить свое намѣреніе ѣхать черезъ Турцію, а отправился въ Кафу, чтобы уже оттуда моремъ поплыть въ Константинополь: такая была тогда сумятица и рѣзня въ предѣлахъ отоманскихъ владѣній, вслѣдствіе междоусобицы сыновей султана Баязида, оспаривавшихъ другъ у друга отцовское наслѣдіе [1]). Политическія смуты подъ конецъ усложнились еще движеніемъ религіозно-соціалистическаго характера. Извѣстно, что главный зачинщикъ и душа этого движенія, шейхъ

---

[1]) Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy 1399—1450. Mons. 1840. 38—39.

Бедр-эд-Динъ Махмудъ Симавна-оглу передъ разгаромъ бунта въ Румиліи былъ въ гостяхъ у влахскаго воеводы Мирче, съ его поддержкою пошолъ черезъ Силистру въ Добруджу и въ Дели-Урманѣ развернулъ знамя своей мятежной пропаганды [1]). По нѣкоторымъ же источникамъ, этотъ агитаторъ прямо изъ Малой Азіи моремъ отправился *въ Кафу* и пробрался въ *татарскія владѣнія въ Дешти-Кыпчакъ* [2]). Слѣдовательно Бедр-эд-Динъ Симавна-оглу, побывавъ въ Крыму, нѣсколько времени шатался въ татарскихъ кочевьяхъ между Днѣпромъ и Дунаемъ. Само собою разумѣется, что бродячія толпы тѣхъ татаръ, которые были распуганы и угнаны къ Дунаю военачальниками Тимуръ-Ленка, едва ли оставались безучастными зрителями происходившихъ на ихъ глазахъ смутъ, будучи увлекаемы не столько, конечно, религіознымъ прозелитизмомъ, сколько перспективою грабежа, къ чему поощряла ихъ соціалистическая проповѣдь Бедр-эд-Дина. Тамъ татаре непремѣнно должны были повстрѣчаться съ тюрками, оставшимися въ Добруджѣ и вообще на Балканскомъ полуостровѣ отъ прежней сельджукской эмиграціи, и со вновь переселившимися изъ Малой Азіи Кара-татарами, которые, кромѣ собственной Румиліи, разбрелись и далѣе по Молдавіи и Валахіи [3]). Тогда-то, безъ сомнѣнія, образовалось и татарское гнѣздо въ окрестностяхъ Адріанополя, гдѣ позднѣе имѣли пріютъ заштатные Гераи, ожидавшіе своей очереди на ханскій тронъ въ Крыму или же, потерявъ его, проживавшіе въ отставкѣ безъ всякой надежды когда-нибудь опять играть политическую роль на своей родинѣ.

Такимъ образомъ, если не открывается подлинныхъ слѣдовъ дѣйствительнаго, или только предполагаемаго, прародоначальника династіи Гераевъ, Ташъ-Тимура, въ вышеозна-

---

[1]) Таджу-т-таварихъ, конст. изд. 1279=1862—1863 г., I: 297—298; Мюнеджжимъ-баши, III: 333—334. [2]) Кюнгу-ль-ахбаръ, V: 143 и 179. [3]) Брунъ, Черноморье, II: 361.

ченныхъ переселенческихъ движеніяхъ татаръ, то всего вѣроятнѣе допустить, что конечная его судьба была связана съ другою крупною татарскою эмиграціею, имѣвшею мѣсто около того же времени, а именно съ уходомъ татарскихъ ордъ во владѣнія знаменитаго литовскаго князя Витовта.

То немногое, что мы знаемъ о поселеніи татаръ въ предѣлахъ Польши и Литвы, заключается въ преданіяхъ самихъ татаръ и въ краткихъ извѣстіяхъ турецкихъ и польскихъ историковъ. Первыя находятся въ одномъ старинномъ татарскомъ памятникѣ конца XVI в.—небольшомъ сочиненіи какого-то литовскаго татарина, совершавшаго благочестивое пилигримство въ Мекку въ 965=1557—1558 г. Оно, по словамъ автора, написано имъ для удовлетворенія любопытства стамбульскихъ вельможъ, начиная съ знаменитаго верховнаго везиря Рустемъ-паши, интересовавшихся судьбою и положеніемъ своихъ польско-литовскихъ единовѣрцевъ, и было приподнесено для прочтенія тогдашнему турецкому султану Сулейману Кануни (1520—1566). Авторъ этого сочиненія, которое озаглавлено „Рисалэ-и-Татари-Лэхъ"— رساله تاتار له [1]), истый мусульманинъ и татарскій патріотъ, душевно скорбящій объ утратѣ его соплеменниками чистоты своей вѣры и національности, первымъ дѣломъ касается вопроса о водвореніи татаръ въ тогдашней Литвѣ и Польшѣ и говоритъ: „Прибытіе нашего народа въ эти страны и по-

[1]) Литографированное изданіе этого сочиненія въ видѣ брошюрки въ 23 страницы in—8° сдѣлано, если не ошибаемся, бывшимъ проф. С.-Петербургскаго университета Мухлинскимъ, который пользовался этимъ трактатцемъ для своего «Изслѣдованія о происхожденіи и состояніи литовскихъ татаръ» (См. годичный торжественный актъ въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ университетѣ, бывшій 8 февр. 1857 г., стр. 115—182). Рисалэ написано на османскомъ нарѣчіи, но слогъ рѣчи обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка, отвыкшаго думать и выражаться чисто по-турецки: все сочиненіе сильно отзывается европейскимъ образомъ мыслей и краткостью фразъ, также болѣе свойственной языкамъ европейскимъ.

селеніе въ нихъ произошло не очень давно. Еще мой отецъ зналъ одного сѣдобородаго старика, который пришолъ съ своими товарищами въ это государство. Онъ разсказывалъ моему отцу, что нашъ народъ перекочевалъ въ эти владѣнія, наскучившись восточнымъ безпечнымъ существованіемъ. Мое же мнѣніе таково, что наши мирзы изъ поколѣнія предшественниковъ хановъ, бывшихъ на службѣ хакановъ тюркскихъ, состоя вмѣстѣ съ вельможами государства при ханахъ, помогали имъ оружіемъ къ утвержденію на тронѣ и служили имъ. Когда же ханы гибли, они тоже принуждены были искать пристанища и поселенія въ чужихъ странахъ. Все-таки же было бы далеко отъ истины сказать, что до тѣхъ поръ въ нашихъ странахъ не было мусульманъ". Далѣе авторъ говоритъ, что еще во времена благочестиваго Джаны-бека бывали нашествія татаръ на Польшу, во время которыхъ нѣсколько отрядовъ изъ татарскихъ племенъ поселились въ этомъ государствѣ, понемногу начали говорить языкомъ туземцевъ, жениться на христіанкахъ и черезъ то постепенно утрачивать свою религіозную и племенную особность. „Но большая часть", продолжаетъ авторъ, „пришли во времена эмира Тимура. Причина была та, что ляхскій король просилъ у того эмира помощи противъ враговъ своихъ. Эмиръ отобралъ нѣсколько тысячъ изъ своего богатырскаго войска и послалъ къ нему на помощь. Послѣ того какъ они побѣдили враговъ ляхскихъ, они по просьбѣ короля остались въ тѣхъ предѣлахъ, получивъ разныя милости и благодѣянія королевскія, а также вотчины, кафтаны и деньги, каждый смотря по своему сану и услугамъ, и достигли благосостоянія. Имя короля, который былъ прибѣжищемъ и опорою мусульманъ, *Ваттадъ* — وطاد (т. е. Витовтъ). Память о немъ до сихъ дней осталась: ежегодно, въ воспоминаніе о немъ, въ особый день совершаютъ празднество. Тамошніе мусульмане въ тотъ день собираются въ мечеть и, поминая его имя, творятъ молитву. Жители тѣхъ странъ называютъ насъ вообще *татарами*, хотя большинство насъ не изъ тѣхъ гру-

быхъ татаръ — قبا تاتارلردن اوليوب, что во всѣ времена считаются презрѣнными въ глазахъ мусульманъ, а изъ остатковъ чистокровной отрасли сельджукской, составляющей благородныхъ предковъ османлы" [1]). Оспаривая далѣе распространенное мнѣніе, что живущіе въ польско-литовскихъ городахъ татаре суть остатокъ плѣнниковъ, взятыхъ во время войны, авторъ говоритъ: „По моему же мнѣнію они есть остатокъ татаръ, вышедшихъ изъ Орды, но не изъ поколѣнія плѣнниковъ [2]), ибо если бы они въ самомъ дѣлѣ были изъ плѣнныхъ, то давно бы стали гяурами, а между тѣмъ вдѣйствительности среди нихъ доселѣ остались мусульмане. Во времена оныя съ мусульманскими плѣнниками, которыхъ брали во время войнъ съ мусульманами, не поступали такъ, какъ съ прочими бывшими тамъ плѣнными, въ родѣ того, напримѣръ, чтобы ихъ продавать за ничтожную цѣну, или держать въ цѣпяхъ и подвергать тяжкимъ работамъ: мусульманскіе плѣнники немедленно были отсылаемы въ занимаемыя нами мѣста и тамъ съ нашей помощью проживаютъ, зарабатывая хлѣбъ какимъ имъ угодно промысломъ" [3]). Тяготѣніе литовскихъ татаръ къ Крыму, по словамъ автора, поддерживалось постоянными сношеніями ихъ прежде всего по дѣламъ религіознымъ: изъ Крыма приходили мусульманскіе ученые для занятія имамскихъ мѣстъ при мечетяхъ. Авторъ при этомъ со скорбію припоминаетъ бѣдствіе земляковъ своихъ во времена Менглы-Герая, хана Крымскаго, когда они, благодаря дружбѣ этого хана съ московскимъ царемъ, какъ онъ называетъ великаго князя, и враждѣ къ королю польскому, должны были прервать сношенія съ Крымомъ и остались вовсе безъ имамовъ [4]). Кромѣ религіи, литовско-польскихъ татаръ свя-

---

[1]) *Рисалэ-и-Татари-Лэхъ*, стр. 7—9. [2]) Въ текстѣ стоитъ: آما بكلر نسلندن دكللردر; но по ходу рѣчи очевидно, что тутъ слово بكلر ошибка вмѣсто اسيرلر. [3]) Ibid., 18. [4]) Ibid., 14.

вывали съ прежнимъ ихъ отечествомъ не сразу исчезнувшіе у нихъ бытовые вкусы и привычки. Касательно занятій и промысловъ своихъ земляковъ авторъ пишетъ слѣдующее: „Большинство ихъ занимаются выдѣлкою сафьяна, разведеніемъ огородовъ, лошадинымъ торгомъ и извозничаньемъ. Живущихъ же одною торговлею нѣтъ: вотъ развѣ нѣкоторые извозчики изъ находящихся на крымскихъ границахъ привозятъ изъ Крыма разные турецкіе товары, какъ, напримѣръ, кумачъ, бязь, полотенца, салфетки и пояса, и продаютъ ихъ своимъ единовѣрцамъ и другимъ" [1]). Авторъ насчитываетъ всѣхъ татаръ Литвы и Польши 200,000 и говоритъ, что они большею частью живутъ по городамъ въ особыхъ мѣстахъ, именуемыхъ „татарскими кварталами" [2]). Любопытно, что онъ нигдѣ даже не намекаетъ на какое-нибудь иное названіе своихъ земляковъ, кромѣ названія „татаръ". Гаммеръ-же приписываетъ имъ двѣ спеціальныхъ клички—*Karaboghdan* и *Likaner* [3]), и у г. Говордза тоже они названы *Likani* [4]). Относительно перваго названія можно сослаться на авторитетъ Ибнъ-Арабшаха [5]), но *Likaner* и *Likani* есть, очевидно, искаженіе правильной формы *Липка*, подъ которою издавна извѣстны въ турецкихъ памятникахъ польскіе татаре, преимущественно жившіе въ мѣстахъ нынѣшней Подольской губерніи — ليبقه и لبقه [6]). Въ статейномъ спискѣ Тяпкина и Зотова, отъ 1681 года, также попадается такое замѣчаніе: „Янъ Муранскій, родомъ Литовской татаринъ, *которые татаровя у Полшѣ зовутца Липками*, припялъ насъ" [7]). На крымскомъ нарѣчіи этотъ терминъ теперь звучитъ „Лупка" и до сихъ поръ тамъ служитъ для обозначенія татаръ нашихъ западныхъ губерній. По объясненію крымцевъ, это слово значитъ „соблазнившійся", „прельщенный", но съ какого языка оно взялось и

---

[1]) Ibid., 17. [2]) Ibidem. [3]) Gesch. d. G. H., 364. [4]) Op. cit, 258. [5]) Тизенгаузенъ, I: 470. [6]) Сборникъ нѣкоторыхъ важн. изв, XXXVI—XLI. [7]) Зап. Од. Общ., II: 646.

отъ какого происходитъ корня, не извѣстно [1]).

Вышеприведенныя свѣдѣнія о времени и обстоятельствахъ поселенія татаръ на литовско-польскихъ земляхъ собраны авторомъ изъ устныхъ разсказовъ старожиловъ-переселенцевъ, но не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что бы противорѣчило другимъ источникамъ. Одна только тамъ есть историческая справка, которая представляетъ собою нѣкоторую трудность, а именно: какого *эмира Тимура* разумѣетъ авторъ рисалэ, когда говоритъ о дружественныхъ его отношеніяхъ къ князю Витовту, результатомъ которыхъ будто бы и было пришествіе татарскихъ отрядовъ, посланныхъ этимъ Тимуромъ на помощь Витовту и образовавшихъ потомъ главное зерно татарской колоніи во владѣніяхъ Витовта? Обыкновенно восточные писатели, говоря объ *эмирѣ Тимурѣ*, всегда имѣютъ въ виду знаменитаго Тимуръ-Ленка, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Тамерлана. Но въ этомъ случаѣ къ нему вовсе не приложимо то, что свидѣтельствуется авторомъ рисалэ о нѣкоемъ Тимурѣ и его дружбѣ съ Витовтомъ. Турецкій историкъ Печеви, ссылающійся на болѣе ранняго писателя, Алты-Пармака-эфенди, не такъ трактуетъ о татарскихъ переселеніяхъ въ эту эпоху, и, согласно съ другими данными, иначе опредѣляетъ значеніе Тимуръ-Ленка въ этомъ историческомъ событіи. „Когда“, говоритъ онъ, „могущественный Тимуръ пришолъ (въ Дэшти-Кыпчакъ), то иные изъ нихъ (татаре) были полонены, иные сдѣлались добычею меча; а нѣсколько ихъ племенъ бѣжало во владѣнія ляхскихъ и московскихъ гяуровъ да въ тѣхъ странахъ невѣрія и утвердились. Донынѣ ихъ въ Лэхѣ существуетъ шестьдесятъ селеній, и въ каждомъ селеніи по мечети..... Нѣсколько изъ упомянутыхъ татарскихъ племенъ поселилось въ предѣлахъ Богдана (Молдавіи) и Афлака (Валахіи) и, дол-

[1]) Нѣтъ ли чего-нибудь общаго у слова «Липка» съ польскимъ *Lipsko*, географическимъ именемъ нѣсколькихъ мѣстъ въ старой Польшѣ, гдѣ впервые могли показаться пришлые татаре?

гое время обращаясь и ведя дружбу съ невѣрными, сами охристіанились. Большая часть молдавскихъ гяуровъ изъ этого народа. Нѣсколько же племенъ, повѣривъ лукавымъ обѣщаніямъ Тимура, когда онъ, три дня и три ночи сражавшись на р. Итилѣ съ Токтамышемъ, тайно послалъ къ нимъ вѣсть, призывая ихъ въ свое подданство, присоединились къ его войску, и Токтамышъ-ханъ былъ обращенъ въ бѣгство. Тѣ племена называютъ отпадшими — افتاد دیرلر. Они, пойдя съ Тимуромъ въ Румъ, поселились кто въ окрестностяхъ Эдирнэ, кто въ округѣ Баба" [1]). Затѣмъ, вторично коснувшись вторженія Тимура во владѣнія татарскія, Печеви повѣствуетъ такъ: „Урусъ-ханъ сталъ-было ханомъ; но противъ него выступилъ Токтамышъ-ханъ. Тотъ былъ прогнанъ и, нашедъ прибѣжище у Тимуръ-Ленка, былъ причиною нашествія Тимура на Дэшти-Кыпчакъ. Два или три раза онъ приходилъ съ несмѣтными войсками въ Дэштъ и Крымъ, и эти населенныя владѣнія, попранныя копытами скотовъ грабительскаго войска татарскаго, сравнялись съ землею. Еще и теперь на Очаковскихъ равнинахъ видно и замѣтно нѣсколько кладбищъ. На нѣкоторыхъ кладбищенскихъ камняхъ написаны куръанические стихи и слова исповѣданія; на иныхъ видны надписи въ родѣ такихъ: „Здѣсь покоится такой-то шейхуль-исламъ", или шейхъ, или муфти, или везирь, или мирза. Сему многоничтожному бѣдняку (т. е. автору) въ 1027 (=1618) году случилось отправиться въ сторону Аккермана и Бендера. Какъ разъ супротивъ Бендера находилась развалина одного высокосводнаго зданія, именно входная часть его. На ней были четкимъ почеркомъ написаны слова: *Сія могила Ширинъ...*; остальное же уничтожилось. Мы сами смотрѣли. Отъ столькихъ городовъ и селъ тѣхъ владѣній и такіе-то остались слѣды, благодаря злодѣйству гордаго Тимура! А теперь тѣ поля и степи наполнились почти сотнею

[1]) Тарихи-Печеви, конст. изд. 1283=1866 г., I: 472—473.

крѣпостей и верковъ злополучныхъ русскихъ и мятежныхъ казаковъ" [1]). Авторъ рисалэ, не разъ обнаруживающій явную симпатію къ туркамъ, надо полагать, раздѣлялъ и ихъ воззрѣніе на Тимуръ-Ленка, какъ на ужаснѣйшаго злодѣя, и по одному этому, даже въ случаѣ исторической забывчивости, не могъ выдумать небывалыхъ дружественныхъ отношеній Тимура къ Витовту, котораго онъ выставляетъ отцомъ и благодѣтелемъ предковъ своихъ соотечественниковъ. Мы, кажется, не ошибемся, если допустимъ, что тутъ подъ эмиромъ Тимуромъ надобно разумѣть того Ташъ-Тимура, который, по другимъ свѣдѣніямъ, играетъ не послѣднюю роль въ тогдашнее бурное время и потомъ вдругъ безслѣдно куда-то пропадаетъ. Если даже авторъ сознательно имѣлъ въ виду Тимуръ-Ленка, то, внося въ свое повѣствованіе такую явную историческую неточность, онъ, можетъ быть, безсознательно только переиначилъ народное преданіе, относившееся къ Ташъ-Тимуру, а не къ Тимуръ-Ленку. Таковы данныя, заключающіяся въ народныхъ преданіяхъ самихъ татаръ и въ историческихъ памятникахъ турковъ, касательно факта татарской эмиграціи въ Литву и въ страны, сопредѣльныя съ границами Отоманской имперіи въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка.

Извѣстія польскихъ историковъ о томъ же предметѣ не отличаются ни большею полнотою, ни отчетливостью и опредѣленностью: нѣкоторыя частности возбуждаютъ недоумѣнія и сомнѣніе въ ихъ достовѣрности. Такъ, между прочимъ, у нихъ разсказывается про столкновенія татаръ съ литовцами, относимыя ими къ 1331 году. Совершившееся тогда разбитіе и угонъ татаръ подъ начальствомъ трехъ татарскихъ предводителей — Кутлубаха, Качибея и Демейтера приписывается у нихъ литовскому князю Ольгерду. Одни ученые, какъ, напримѣръ, проф. Мухлинскій, принимаютъ это извѣстіе за

[1]) Ibid., 475.

истинное [1]); другіе же изслѣдователи находятъ, что польскіе историки въ данномъ случаѣ напутали—что описанное ими событіе имѣло мѣсто гораздо позже, а именно около 1396 года, и что главный герой его былъ не великій князь литовскій Ольгердъ, а только соименный ему полководецъ великаго князя литовскаго Витовта. Покойный Брунъ, сводя разногласія источниковъ по этому вопросу и высказавъ только-что приведенное соображеніе, подкрѣпляетъ его довольно удачною ссылкою на Шлёцера. Послѣдній въ своей исторіи Литвы также говоритъ, что полководецъ великаго князя Витовта, по имени Ольгердъ, разбилъ около Дона трехъ выступившихъ противъ него хановъ Крымскаго, Киркельскаго и Манлопскаго, въ которыхъ, по мнѣнію г. Бруна, нельзя не узнать поименованныхъ польскими историками трехъ предводителей татарскихъ ордъ—Кутлубаха, Качибея и Демейтера [2]). При этомъ случаѣ г. Брунъ положительно увѣренъ, что изъ разбитыхъ Витовтомъ или его полководцемъ трехъ хановъ „ханъ (sic) Крымскій непремѣнно долженствовалъ быть Кутлабуха, т. е Кутлубуга", разумѣя выше упоминавшагося у насъ Кутлу-Бугу, намѣстника крымскаго и посла Токтамышева къ Ягайлу; что, далѣе, „султанъ Манлопскій, т. е. Мангупскій, могъ называться Дмитріемъ, будучи христіаниномъ"; и что „ханомъ (sic) Киркельскимъ не могъ не быть основатель Гаджибея (нынѣшней Одессы), что не помѣшало бы намъ видѣть въ немъ нѣкоего Бекъ-Гаджи, начальника племени Суткулъ, или Шюракюль, которому утвердилъ Токтамышъ льготы, дарованныя Тимуръ-Пуладомъ его племени" [3]). Но прежде чѣмъ безусловно согласиться съ мнѣніемъ г. Бруна, надобно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Вѣдь Кутлу-Буга, мы видѣли, былъ довѣренное лицо Токтамыша и посредникъ въ его сношеніяхъ съ Ягайломъ. Бекъ-Хаджи, глава племени

[1]) Op. cit., 120. [2]) Черноморье, I: 171—172 [3]) Ibid., 173.

Суткуль, какъ мы тоже доподлинно знаемъ, пользовался владѣльческими правами, основанными на тарханномъ ярлыкѣ Токтамыша. Слѣдовательно, оба эти человѣка должны были быть приверженцами и сторонниками Токтамыша, по крайней мѣрѣ до окончательнаго уничтоженія его власти и престижа любимцами и клевретами Тимуръ-Ленка, каковы были Идики и Тимуръ-Кутлукъ, которые одни только и могли хозяйничать въ Крыму по удаленіи оттуда Бекъ-Пулада и Ташъ-Тимура. Самъ же Токтамышъ, какъ извѣстно, до послѣдней крайности поддерживалъ дружественныя связи съ княземъ литовскимъ, у котораго нашолъ покровительство и даже военную поддержку, не поправившую, впрочемъ, его плачевнаго положенія и имѣвшую въ результатѣ полнѣйшее пораженіе при Ворсклѣ въ 1399 году. Теперь невольно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ Кутлу-Буга и Бекъ-Хаджи вдругъ оказались супостатами друзей Токтамыша, литовцевъ? Это какъ будто не совсѣмъ въ порядкѣ вещей. Чтобы выйдти изъ такого противорѣчія, слѣдовало бы допустить, что оба эти татарскіе бека въ короткое время, но не ранѣе 1392 года, когда Бекъ-Хаджи получилъ жалованный ярлыкъ отъ Токтамыша, успѣли прозрѣть недалекую гибель своего патрона, заблаговременно передались на сторону его противниковъ, вошли къ нимъ въ такое довѣріе, что получили въ управленіе — одинъ г. Крымъ, а другой—Кыркоръ съ ихъ округами и, въ качествѣ измѣнниковъ Токтамыша и приверженцевъ и представителей новаго тимуровско-идикіевскаго режима, подверглись нападенію литовскихъ войскъ и понесли пораженіе на Дону въ 1396 году. Въ ту эпоху политической сумятицы могло быть и это, тѣмъ болѣе что азіатамъ вообще недостаетъ политической стойкости и всегда присуща готовность въ критическихъ обстоятельствахъ съ легкимъ сердцемъ становиться подъ знамя того, на чьей сторонѣ очевидный перевѣсъ въ могуществѣ и силѣ. Но едва ли не болѣе вѣроятности можетъ имѣть слѣдующее предположеніе, направленное не столько на оправданіе догадки г.

11

Бруна, опирающейся на шаткое основаніе созвучія именъ дѣйствующихъ въ историческомъ событіи лицъ, сколько на уясненіе смысла и значенія самаго событія въ общемъ ходѣ исторіи татарскаго владычества въ Крыму.

Московскіе политики, какъ извѣстно, очень недовѣрчиво относились къ дѣйствіямъ великаго князя литовскаго Витовта, подозрѣвая въ немъ тайный замыселъ овладѣть землями московскими, такъ что когда онъ объявилъ походъ противъ татаръ, то Москва смотрѣла на это какъ на замаскированное посягательство на ея собственную независимость. Это предубѣжденіе противъ Витовта настолько было обще и популярно, что русскіе лѣтописцы сближеніе его съ Токтамышемъ и вмѣшательство его въ дѣла татарскія только и приписываютъ вышеозначеннымъ его замысламъ противъ Москвы. „Преже бо того съвѣщашася Витофтъ съ Тактамышемъ, глаголя: „азъ тя посажю въ ордѣ на царствѣ, а ты мене посади на Москвѣ на великомъ княженіи, на всей Русской земли“; и на томъ поидоша на царя Темирь Кутлуя“, читаемъ мы въ Воскресенской лѣтописи [1]). Этотъ взглядъ лѣтописцевъ вполнѣ раздѣляется и нашими историками: „Витовтъ хотѣлъ посадить своего хана въ Кипчакѣ“, говоритъ Соловьевъ, „и съ его помощью подчинить себѣ Москву“ [2]); „Витовтъ выговариваетъ себѣ Москву у Токтамыша“, еще рѣшительнѣе высказывается онъ въ другомъ мѣстѣ [3]). Въ этомъ воззрѣніи есть крайность. Не слѣдуетъ забывать, что приписываемая Витовту стачка съ Токтамышемъ имѣла мѣсто послѣ того какъ на голову послѣдняго обрушилось столько всякихъ заключеній какъ отъ измѣны его собственныхъ подданныхъ, такъ и отъ вражды къ нему Тимуръ-Ленка; когда Токтамышъ, въ качествѣ бѣглеца, искавшаго пріюта и покровительства у невѣрныхъ,

[1]) Пол. Собр. Рус. Лѣт., VIII: 72—73. [2]) Ист. Россіи, 4 изд., IV: 40. [3]) Ibid., 47.

едва ли уже пользовался прежнимъ обаяніемъ. Хитрый Витовтъ не могъ не понимать, что Токтамышъ не такой уже могущественный и надежный для него союзникъ, чтобы можно было слишкомъ разсчитывать на него въ серьозномъ дѣлѣ овладѣнія московскимъ трономъ. Если онъ и оказывалъ Токтамышу свое расположеніе и покровительство, то скорѣе, кажется, съ цѣлію воспользоваться происходившими въ Ордѣ замѣшательствами для покоренія себѣ той части ея территоріи, которая была поближе къ его собственнымъ владѣніямъ. Г. Савельевъ утверждаетъ, на основаніи лѣтописныхъ извѣстій, что Витовтъ относительно указанныхъ своихъ плановъ входилъ даже въ сношеніе съ в. кн. московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ, но этотъ осторожно уклонился отъ всякаго участія въ ихъ осуществленіи [1]. По свидѣтельству нѣмецкихъ писателей Витовтъ пытался-таки привести свой планъ въ исполненіе и проникъ съ оружіемъ въ рукахъ въ самый Крымъ вплоть до Кафы [2]. Если дѣло было именно такъ, то можно думать, что Кутлу-Буга и Хаджи-бей, даже будучи прежде приверженцами Токтамыша, заранѣе угадали истинныя намѣренія хитраго Витовта и, въ виду опасности, грозившей Крыму со стороны новаго врага, выступили ему навстрѣчу, располагая болѣе или менѣе значительными военными силами, въ союзѣ съ правителемъ манкупскимъ, личность котораго остается пока невыясненною. При этомъ они могли дѣйствовать на свой собственный страхъ, отстаивая независимость занимаемой ими и ихъ соплеменниками территоріи отъ чуждаго завоевателя, а не въ качествѣ непремѣнно подручниковъ того или другого повелителя Орды, которому былъ подвластенъ и Крымскій удѣлъ; не по уполномочію кого-либо изъ номинальныхъ хановъ Золотой Орды, восходившихъ на престолъ по благосклонности и съ поддержкою временщика Идики. Не даромъ же три вож-

[1]) Монеты Джучидскія, 301—302. [2]) Цитов. у Бруна: Черноморье, I: 172—173.

дя татарскихъ ордъ, разбитыхъ литовцами въ 1396 году, названы у Шлёцера *ханами* - крымскимъ, кыркорскимъ и манкупскимъ. Если тутъ есть несомнѣнное преувеличеніе въ титулѣ этихъ трехъ вождей, то нѣтъ его въ самомъ фактѣ. Изъ этого факта въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, о которыхъ рѣчь впереди, можно заключить, что послѣ окончательнаго пораженія Токтамыша и бѣгства его къ Витовту средоточіемъ всей административной власти и военной силы сталъ Идики, абсолютно правившій подъ фирмою номинальныхъ владыкъ, имъ же самимъ возводившихся на ханскій тронъ и низвергавшихся съ него. Мѣстные же областные правители пользовались властью только урывками, съ большимъ или меньшимъ авторитетомъ, смотря по обстоятельствамъ усиленія или ослабленія надзора и контроля центральнаго правительства, а также по степени увеличенія или уменьшенія смутъ въ Ордѣ. Однимъ изъ благопріятныхъ для областной автономіи моментовъ было, безъ сомнѣнія, и роковое столкновеніе полчищъ Тимуръ-Ленка съ Токтамышемъ: прежній режимъ въ Крыму былъ пошатнутъ, а новый еще не установился. Могло быть, что упомянутые Кутлу-Буга и Хаджи-бей именно и пытались воспользоваться случаемъ въ своихъ видахъ, да встрѣтили себѣ помѣху въ союзникѣ своего прежняго патрона, Витовтѣ, который тоже усматривалъ возможность захвата татарской территоріи, оказавшейся безъ опредѣленнаго и признаннаго хозяина, и простеръ свои завоевательныя стремленія на Крымскій полуостровъ.

Какой практическій результатъ имѣла экспедиція Витовта въ Крымъ, о которой повѣствуется нѣмецкими писателями, вточности не извѣстно; но, должно быть, никакихъ существенныхъ послѣдствій для политическаго состоянія Крыма изъ нея не вышло, ибо въ скоромъ времени мы видимъ тамъ опять возстановленною власть татарскую въ лицѣ Тимуръ-Кутлука, внука Урусъ-хана и протеже всемогущаго темника Идики, что рѣшительно было бы немыс-

лимо, если бы только въ Крыму прочно установился престижъ Витовта. Несмотря на то, и попытки Витовта не остались совершенно безслѣдны: если въ однихъ татарскихъ бекахъ онъ встрѣтилъ себѣ ярыхъ противниковъ, то другіе, наоборотъ, выказали готовность стать его друзьями и подчиниться его господству. Не даромъ же, по свидѣтельству де-Ланнуа, въ свитѣ Витовта, во время его пребыванія въ Каменцѣ, находился также одинъ *татарскій князь* — un duc de Tartarie, который присутствовалъ за княжескимъ столомъ всякій разъ, какъ де-Ланнуа былъ приглашаемъ къ обѣду, и занималъ тамъ почетное мѣсто подлѣ супруги Витовта [1]). Не даромъ также Витовтъ счелъ нужнымъ тогда построить на одномъ изъ береговъ Днѣстра совершенно новый замокъ. Мѣсто, выбранное для означеннаго сооруженія, было пустынное, гдѣ не было ни лѣса, ни камней; но губернаторъ Подоліи Гедигольдъ привелъ 12,000 человѣкъ народа да 4,000 подводъ съ камнемъ и деревомъ, и замокъ былъ выстроенъ скорѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ [2]). Явно отсюда, что Витовту нужны были укрѣпленные пункты въ степи, въ которой кочевали татарскія орды, для упроченія собственной власти въ тѣхъ мѣстностяхъ и для поддержки тѣхъ ордынцевъ, которые считались его друзьями и слугами. Де-Ланнуа, проѣздомъ черезъ татарскую степь изъ Монкастро (теперешняго Аккермана) въ Кафу, нашолъ на нижнемъ Днѣпрѣ татарскаго князя по имени Джамбо - Jambo, друга и слугу Витовта, а также цѣлое большое татарское селеніе, принадлежавшее Витовту. Мало того: въ это время Витовтъ имѣлъ уже дружественныя связи въ самомъ Крыму и послалъ съ де-Ланнуа подарки одному владѣтельному лицу, котораго де - Ланнуа именуетъ „императоромъ солхатскимъ“ — l'empereur de Salhat. Дорогою путешественникъ былъ полоненъ шайкою татаръ человѣкъ въ 60 или 80, принадлежавшихъ означенному „солхатскому императору“.

---

[1]) Op. cit. 36. [2]) Ibid., 39.

вторыхъ, данный этимъ ханомъ тарханный ярлыкъ. Въ описаніи монеты г. Блау сдѣлалъ замѣтку: „Notabilis“. И, въ самомъ дѣлѣ, монета весьма замѣчательна, если мы вспомнимъ отзывъ г. Савельева о монетахъ Тимуръ-Кутлука. Онъ говоритъ: „всѣ эти монеты биты на походѣ, *въ ордѣ*, т. е. въ лагерѣ, и не извѣстно ни одной, битой въ Сараѣ, Булгарѣ или другихъ городахъ“ [1]). Г. Савельевъ, кажется, хотѣлъ этою оговоркою обратить особенное вниманіе на то, что Тимуръ-Кутлукъ втеченіе своего кратковременнаго царствованія находился въ постоянной перекочевкѣ съ мѣста на мѣсто. Это, кромѣ монетъ, подтверждается также и единственнымъ ярлыкомъ Тимуръ-Кутлука, даннымъ также на походѣ, гдѣ-то на берегахъ Днѣпра [2]). Тѣмъ любопытнѣе фактъ, что единственная монета Тимуръ-Кутлука, выбитая въ извѣстномъ городѣ, получила свое бытіе именно въ городѣ Крымѣ, и что единственный дошедшій до насъ ярлыкъ этого хана также касается только территоріи крымской, заключая въ себѣ предоставленіе нѣкоему Мухаммеду съ сыновьями права безданнаго, безпошлиннаго пользованія разными привиллегіями и угодьями въ мѣстностяхъ, лежащихъ въ округѣ Крыма и Кыркора, въ окрестностяхъ Судака, въ Узунджу и Мысхорѣ [3]).

---

[1]) Op. cit., стр. 303. [2]) По вычисленію Гаммера время написанія этого ярлыка относится къ 1397 (И. Н. Березинъ, Ханскіе ярлыки, II: 43, прим. 39), какъ оно показано и у насъ выше (стр. 74); Савельевъ же считаетъ его датою 24 апрѣля 1398 года (Loco citato), и его опредѣленіе правильнѣе, ибо оно совершенно согласно съ сравнительно-хронологическою таблицею Вюстенфельда. [3]) Въ уйгурскомъ подлинникѣ ярлыка въ этомъ мѣстѣ стоятъ слова, которыя читаются и толкуются учеными различно: одни принимаютъ ихъ за техническіе термины какой-то привиллегіи (Березинъ, Op. cit., 36, пр. 25); другіе за имена собственныя (Hammer, Fundgruben des Orients, V: 559—562; Vámbéry, Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik, 172—173). Намъ кажется, что послѣднему толкованію должно быть отдано предпочтеніе. Споръ можетъ

Изъ этого ярлыка Тимуръ-Кутлука мы видимъ, что онъ

быть только развѣ относительно надлежащаго чтенія того слова, которое пр. Березинъ предлагаетъ читать: ايندينجى, или اوندنجى, Гаммеръ переписалъ: ايندرجى, а Вамбери читаетъ: ايندنجى. Что оно есть собственное имя мѣста, это явствуетъ изъ добавочнаго при немъ эпитета قلعهسى, хотя ни въ одной изъ приведенныхъ формъ это имя не находитъ себѣ пріуроченія къ какому-либо изъ географическихъ пунктовъ обозначенной въ ярлыкѣ мѣстности. Въ виду того, что подлинникъ ярлыка написанъ весьма неразборчивымъ почеркомъ, такъ что у одного пр. Березина находимъ 61 конъектуру поправокъ (Op. cit., 9—10), а слѣдовательно въ виду возможности коррупціи въ разсматриваемомъ мѣстѣ ярлыка, я бы предложилъ читать спорное слово: *Узунджу*—اوزنجى, какъ называлась одна упоминаемая въ ханскихъ ярлыкахъ деревня (Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, 76) и даже цѣлая часть южнобережскаго горнаго кряжа, извѣстная подъ названіемъ «Узунджуской Яйлы» (Ibidem, 274), гдѣ въ свое время могъ существовать и укрѣпленный замокъ того же имени. Что же касается до того слова, которое комментаторы ярлыка переписываютъ арабскимъ словомъ مشهور = «извѣстный», то въ немъ надо скорѣе видѣть собственное имя «Мысхоръ», какъ называется понынѣ существующее близъ Ялты селеніе. Это позволяетъ и географическое соотношеніе этой мѣстности съ Узунджу (Ibid., 194), и подходящее начертаніе слова, и отчасти самый оборотъ рѣчи въ ярлыкѣ, совершенно аналогичный съ другимъ, гдѣ говорится также о двухъ мѣстахъ—о Крымѣ и Кыркорѣ, соединенныхъ послѣлогомъ *биля*—بيلا. Тамъ гдѣ надо выразить значеніе, приписываемое въ данномъ мѣстѣ ярлыка словамъ بيلا مشهور, мы находимъ въ ярлыкѣ или турецкое слово *атлыкъ*—آتليق = «по имени», или арабское *мусамма*—مسمّا = «именуемый». Постановка же арабскаго مشهور = «извѣстный, знаменитый» была бы признакомъ стремленія редактора ханской грамоты къ стилистическому разнообразію, да притомъ же это слово является всегда съ предшествующимъ ему ديمكله или قاميله, и т. п., одного же послѣлога بيلا ему недостаточно для образованія фразы, равносильной нашему выраженію «извѣстный подъ именемъ».

основывалъ свои властныя права еще на наслѣдственной преемственности, называя своего предшественника, даровавшаго тарханство, „старшій братъ нашъ ханъ“ — بیزینك خان اغالاری میز, и возводя свою санкцію къ авторитету Саинъ-хана. Тимуръ-Кутлукъ былъ провозглашонъ ханомъ цѣлой Золотой Орды, но фактически его власть, повидимому, пользовалась признаніемъ и авторитетомъ только въ Крымѣ, гдѣ она могла имѣть опору въ полчищахъ Идики, хлынувшихъ въ Крымъ для преслѣдованія одного изъ сыновей Токтамыша, вздумавшаго тамъ искать себѣ убѣжища. Изъ ярлыка не видно, чтобы Мухаммедъ, сынъ Хаджи-Байрамъ-ходжи, получившій этотъ ярлыкъ, былъ представителемъ ханской власти въ Крыму, какъ это показалось г. Бруну, который считаетъ Мухаммеда преемникомъ Хаджи-бея въ званіи правителя Кыркорскаго округа [1]). Мухаммеду дарованы были только права пользованія тарханскими привиллегіями въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крымско-Кыркорской области, каковыми можно считать Узунджу и Мысхоръ, но не давалось никакихъ полномочій областного правителя: исчисляемыя въ ярлыкѣ права и привиллегіи ничего похожаго на это не представляютъ.

Мало того: изъ ярлыка не видно, чтобы вообще во время дачи его кто-либо считался признаннымъ ханскимъ намѣстникомъ въ Крымѣ: начальное обращеніе въ немъ дѣлается вообще къ власть имущимъ въ государствѣ лицамъ, во главѣ которыхъ названъ Идики, но нѣтъ спеціальнаго указанія на Крымскую или иную какую-либо область, какъ это мы видѣли въ ярлыкѣ Токтамыша. Тѣмъ не менѣе однако жь эта грамота есть живое свидѣтельство того, что, несмотря на разныя смуты и безпорядочность въ центральномъ правленіи Золотой Орды, несмотря на безпрерывную смѣну хановъ и явную зависимость ихъ отъ такихъ всесильныхъ временщиковъ, каковъ былъ Идики, все же татарскій элементъ

[1]) Черноморье, I: 173—174.

на ханствѣ сперва братъ Тимуръ-Кутлука, Шади-бекъ до 1407 г., а потомъ Пуладъ-ханъ, который въ однихъ памятникахъ считается племянникомъ изгнаннаго имъ Шади-бека и сыномъ Тимуръ-Кутлука, а въ другихъ—сыномъ самого Шади-бека. Пуладъ, въ свою очередь, былъ изгнанъ роднымъ братомъ своимъ Тимуръ-ханомъ, въ 1411 году. Между тѣмъ монета имени Тимуръ-хана, выбитая въ Крыму, имѣетъ дату 809=1406—1407 года [1]). Такой интересный и важный нумизматическій фактъ приводитъ къ тому заключенію, что въ 1411 году Тимуръ-ханъ завладѣлъ собственно Сараемъ, изгнавъ оттуда Пулада, а дотолѣ уже болѣе пяти лѣтъ ханствовалъ въ Крыму. Идики въ письмѣ своемъ къ в. кн. московскому отъ 1409 года, перечисляя царствовавшихъ другъ за другомъ въ Золотой Ордѣ _хановъ_, говоритъ: „И нынѣ Булатъ Салтанъ селъ на царство и уже трѣтей годъ царствуетъ" [2]). Г. Говордзъ почему-то полагаетъ, что вышеозначенная монета Тимуръ-хана выбита имъ еще до воцаренія Пулада [3]); приведенное же мѣсто письма Идики, кажется, достаточно устраняетъ его заключеніе. Равно ошибочно г. Говордзъ помѣщаетъ въ разрядъ истинныхъ фактовъ то, что будто бы Тимуръ-ханъ продолжалъ чеканить свою монету до 818=1415—1416 года [4]), ибо онъ, по лѣтописнымъ и другимъ извѣстіямъ, былъ еще въ 1412 году свергнутъ и убитъ сыномъ Токтамыша Джелал-эд-Диномъ. Недоразумѣніе же нумизматовъ произошло оттого, что они цифру ٢ приняли за ٨ на монетной легендѣ [5]), что, вѣроятно, не было извѣстно г. Говордзу.

Въ этихъ немногихъ данныхъ о царствованіи Тимуръ-хана любопытно то, что онъ, сидя въ Крыму и будучи до поры до времени игнорируемъ центральнымъ правительствомъ

---

[1]) Савельевъ, Op. cit., № 556. [2]) Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, II: 16, № 15. [3]) Op. cit., 269. [4]) Ibidem. [5]) Савельевъ, Op. cit., 315—316.

Золотой Орды, въ состояніи былъ собрать такую силу, что вскорѣ свергнулъ Пуладъ-хана и успѣлъ сокрушить могущество временщика Идики, изгнавъ его изъ Орды [1]). По другимъ источникамъ, Тимуръ сдѣлался ханомъ Золотой Орды по желанію самого Идики и вопреки настояніямъ своего собственнаго сына Нур-эд-Дина, который хотѣлъ, чтобы Идики или царствовалъ самъ, или предоставилъ бы царствованіе ему. Не желая доводить распри до кровопролитія, Идики будто бы добровольно удалился въ Харезмъ; но буйный сынъ погнался преслѣдовать отца въ его удаленіи [2]). Арабскій историкъ Ибнъ-Арабшахъ тоже описываетъ одинъ походъ Идики въ Харезмъ въ 1405—1406 гг. и произведенныя имъ завоеванія, однако же ни на какой прежній или послѣдующій раздоръ его съ сыномъ своимъ не намекаетъ [3]). Весьма правдоподобно, что опытный временщикъ предпочиталъ вѣрное средство властвовать за спиною номинальнаго, всущности однако же во всемъ отъ него зависѣвшаго, хана, нежели самому сѣсть на тронѣ, рискуя потерять все отъ возмущенія и протеста народныхъ инстинктовъ, которые могли быть встревожены столь явною и наглою узурпаціею. Онъ могъ изъ-за своего предусмотрительнаго упрямства серьозно поссориться съ своимъ честолюбивымъ сыномъ, мечтавшимъ уже о безпрепятственномъ наслѣдованіи ханскаго достоинства, освященнаго авторитетностью своего отца. Но все же остается для насъ неяснымъ, что именно побудило Идики свергнуть Пуладъ-хана, на смѣну котораго явился изъ Крыма Тимуръ-ханъ. Какъ бы то ни было, въ этомъ фактѣ обнаружилось въ сильной степени обособленіе Крымскаго удѣла отъ главнаго татарскаго центра, Золотой Орды, и замѣтное усиленіе этого удѣла. Если даже Тимуръ получилъ власть въ Сараѣ по предложенію Идики, то въ самомъ этомъ предложеніи можно видѣть политическій разсчетъ ловкаго Идики, который сво-

1) Ibidem. 2) Langlès, Op. cit., 386 3) Тизенгаузенъ, I: 472.

имъ выборомъ Тимуръ-хана, утвердившагося въ Крыму, въ ханы цѣлой Орды имѣлъ, должно быть, въ виду парализовать возраставшій сепаратизмъ и усиленіе Крымскаго удѣла.

Историческая правдоподобность вліянія распри, происшедшей у Идики съ сыномъ своимъ, на судьбу Золотоордынскаго трона, косвеннымъ образомъ подтверждается также и ногайскими народными преданіями о Токтамышъ-ханѣ и Идики. Только въ этихъ преданіяхъ сынъ Идики называется не Нур-эд-Динъ, а Нуръ-Адиль, или Шахъ Нуръ-Адиль, все же содержаніе ихъ вращается исключительно около честолюбивыхъ притязаній этого отважнаго молодого мирзы, основанныхъ не на родовомъ происхожденіи, а на личныхъ доблестяхъ. Въ нихъ разсказывается, что Идики сдѣлалъ своего сына ханомъ, и уже прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ, какъ народъ Токтамышъ-хана возроппталъ, говоря, что Нуръ-Адиль не годится, ибо Токтамышъ-ханъ былъ изъ Чингизова поколѣнія, а происхожденіе Нуръ-Адиля Богъ его знаетъ каковское. Когда такія рѣчи дошли до слуха Нуръ-Адиля, то онъ будто бы отвѣчалъ такъ:

„Нуръ-Адиль сказалъ: О, почтеннѣйшіе!
Я явился на свѣтъ въ пятницу!
Я, открывъ глаза, увидалъ ночь-кадръ,
Я, раскрывъ ротъ, изрекъ: „Ля Илягъ илля-л-Ла“!
Я и книги читалъ все арабскія;
Я все то говорилъ, что ученые.
Я родился важнѣе отца своего.
Я служилъ сорокъ дней двумъ святымъ—Хызру, Ильѣ.
Токтамышъ хоть и сынъ Туйгучжи
Изъ Чингизова рода—что жь изъ этого?
Я жь потомокъ Коджа-Ахмеда Туркестанскаго,
Всѣмъ извѣстнаго святого отца“.

Затѣмъ слѣдуетъ другой въ томъ же родѣ панегирикъ Нуръ-Адиля собственнымъ доблестямъ:

„Я мирза, домъ котораго базаръ, и который беретъ
дань со множества народа;

Я мирза который княжитъ, сидя на конѣ, подобномъ Бораку", и т. д. [1]).

Въ этихъ преданіяхъ сохранилась народная память о нескончаемой враждѣ между потомками Токтамыша и Идики, при чемъ выставляются на видъ родовыя права однихъ и прославляются доблести другихъ, хотя въ исторической дѣйствительности перевѣсъ остался за первыми.

Распрею Идики съ сыномъ своимъ воспользовался старшій сынъ Токтамыша, Джелал-эд-Динъ, успѣвъ вытѣснить Тимура, обратившагося въ бѣгство предъ превосходящею силою противника. Про этого Джелал-эд-Дина Ибнъ Арабшахъ говоритъ, что онъ по смерти отца ушолъ съ братомъ своимъ Керимъ-бирды въ Россію [2]). Затѣмъ, перечисляя хановъ, креатуръ Идики до Тимуръ-хана, который первый возвысилъ голосъ противъ самоуправства временщика, тотъ же арабскій историкъ смутно намекаетъ на какое-то величіе власти Джелал-эд-Динъ-хана. „Въ его (Тимуръ-хана) время", повѣствуетъ Ибнъ-Арабшахъ въ свойственномъ ему высокопарномъ тонѣ, „разстроились дѣла; онъ не вручилъ своихъ браздъ эмиру Идику, сказавъ: „нѣтъ за нимъ ни славы, ни почета; я передовой баранъ (т. е. глава), которому повинуются, какъ же я стану подчиняться (другому)? я быкъ (т. е. вождь), за которымъ слѣдуютъ, такъ какъ же я самъ пойду за другимъ?". Возникъ между ними обоими разладъ, появилось со стороны ненавистниковъ скрытое лицемѣріе, пошли бѣдствія и несчастія, войны и враждебныя дѣйствія. Въ то самое время, когда сгущались мраки междоусобицъ и перепутывались звѣзды бѣдствій между обѣими партіями въ сумракахъ Дештскихъ, вдругъ, въ полномъ величіи (собств. въ полнолуніи) власти *Джелаліевой*, появился (одинъ) изъ блестящихъ потомковъ Токтамышевыхъ и поднялся, *выступая изъ странъ Русскихъ*. Произошло это событіе втеченіе 814 = 1411—1412 года. Об-

[1]) Сборникъ Мухаммеда-эфенди Османова, стр. 42—43. [2]) Тизенгаузенъ, I: 472.

острились дѣла, усложнились бѣдствія и ослабѣло значеніе Идику. Тимуръ-ханъ былъ убитъ, и продолжались смуты да раздоры между царями владѣній Кыпчацкихъ, пока (наконецъ) Идику, раненный, потонувъ, не умеръ" [1]).

Надо полагать, что храбрый сынъ Токтамыша покинулъ Орду съ большою толпою татаръ, да кромѣ того умѣлъ въ случаѣ надобности привлечь и другихъ татаръ на свою сторону, если въ отсутствіе Идики, осаждавшаго Москву въ 1408 году, „*пріобрѣлъ поборники* себѣ, и пріиде изгономъ на Орду и едва не полонилъ оставшагося дома хана" [2]). А когда въ 1410 году возгорѣлась война короля Ягайла съ тевтонцами, то въ многочисленномъ войскѣ Витовта находилось 30,000 союзныхъ татаръ, опять подъ начальствомъ Джелал-эд-Дина, котораго русскіе лѣтописцы называютъ *Зеледи*, *Зеди* и *Зелени*-салтаномъ, а польскіе историки преобразили въ Саладина и даже въ Тохта мирза-Антона [3]). Послѣднее обстоятельство особенно замѣчательно: Джелал эд-Динъ, предводительствуя преданными ему татарами и сражаясь въ рядахъ Витовта на правахъ *союзника*, въ свою очередь имѣлъ право разсчитывать на подобную же взаимную услугу со стороны Витовта, который не переставалъ все время вмѣшиваться въ дѣла татаръ, поддерживая и подкрѣпляя дѣтей Токтамыша, и, несомнѣнно, оказалъ сильное содѣйствіе Джелал-эд-Дину въ достиженіи имъ ханской власти въ Ордѣ [4]), что случилось въ 1412 году. Энергичный Джелал-эд-Динъ тотчасъ же по вступленіи на ханство поспѣшилъ дать знать чрезъ нарочитыхъ пословъ вездѣ о своемъ воцареніи: въ нашихъ лѣтописяхъ о немъ замѣчено: „Тое жь зимы" (въ 1412 г.) „сяде Зелени-Салтанъ на Царствѣ, а Едигея прогна... Того же лѣта отъ Зелени-Салтана пріиде во Тферь *посолъ лютъ*, зовя съ собою Вел. Кн. Ивана Михайловича въ Орду" [5])...

---

[1]) Ibidem., 472—473. [2]) Пол. Собр. Р. Л., VIII: 83. [3]) Мухлинскій, Op. cit., 127—128. [4]) Мухлинскій, Op. cit., 128. [5]) Ист. Госуд. Росс., V: прим. 211.

Общепризнанность же его господства подтверждается дальнѣйшими лѣтописными извѣстіями о томъ, что русскіе князья Василій Дмитріевичъ и Иванъ Тверской ходили въ Орду на поклонъ „къ царю Зеди Салтану, Токтамышеву сыну" [1]). Но и Джелал-эд-Динъ не долго пользовался властью: дѣти Токтамыша, питая злобную жажду мести заклятымъ врагамъ своего дома, потомкамъ и клевретамъ Идики, въ то же время не ладили и между собою. Такъ и Джелал-эд-Динъ, процарствовавъ около одного года, былъ свергнутъ и убитъ братомъ своимъ Керимъ-бирды, составившимъ себѣ партію изъ недовольныхъ гордостью и жадностью Джелал-эд-Дина. Керимъ-бирды числился ханомъ Золотой Орды всего какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ: онъ погибъ въ одной схваткѣ съ братомъ своимъ Джеббаръ-бирды, который тоже тутъ лишился жизни, оспаривая тронъ у Керимъ-бирды. Настоящимъ преемникомъ послѣдняго поэтому былъ Кепэкъ-ханъ, также сынъ Токтамыша; но вскорѣ вернувшійся Идики посадилъ на его мѣсто Чекре-хана.

При такой быстрой смѣнѣ хановъ Орды едва ли можно говорить о какомъ-либо значеніи ихъ краткосрочныхъ царствованій для политическаго состоянія тогдашняго Крыма, который, видимо, былъ тогда совершенно предоставленъ самому себѣ. Изъ монетъ упомянутыхъ выше хановъ одна только монета Керимъ-бирды-хана относится къ числу битыхъ въ Крыму, да и то предположительно, по формѣ чекана; притомъ же на ней нѣтъ никакой даты [2]). Нельзя поэтому категорически сказать, какими путями Керимъ-бирды достигъ ханскаго трона, бывши дотолѣ эмигрантомъ въ Россіи, и былъ ли онъ сколько-нибудь времени въ Крыму, подобно Тимуръ-хану, который тамъ-то и заручился силою и средствами сдѣлаться ханомъ всеордынскимъ.

[1]) П. С. Р. Л., VIII: 86. [2]) Савельевъ, Op. cit., № 562.

Не удивительно послѣ этого, что эти скоросмѣнные ханы не были извѣстны мусульманскимъ историкамъ, которые продолжали считать настоящимъ владыкою всего Золотоордынскаго царства Идики, громкое имя котораго долго еще пользовалось репутаціею на мусульманскомъ востокѣ. „Въ 804 = 1411—1412 году *государемъ Крыма*, Сарая и прочихъ земель Дештскихъ былъ Идики", пишетъ арабскій историкъ Эль-Айни [1]). „Въ 819 = 1416—1417 году", читаемъ мы у Эльмакризи и Эль-Аскалани, „прибыла въ Дамаскъ хатунь, жена Идику, *владѣтеля Дештскаго*, съ просьбою совершить хаддж ъ (т. е. паломничество въ Мекку). Вмѣстѣ съ нею прибыли 300 всадниковъ, и они совершили хаддж ъ въ сообществѣ сирійскаго каравана" [2]).

Смерть Идики, послѣдовавшая въ 822 = 1419—1420 году, завершаетъ, можно сказать, собою золотоордынскій періодъ исторической жизни татарскаго Крыма. Въ эту пору, по изображенію арабскаго историка Эль-Айни, „въ земляхъ Дештскихъ, столица которыхъ Сарай, была великая неурядица, *вслѣдствіе отсутствія старшаго*, который бы взялся за дѣла; *одержало тамъ верхъ нѣсколько лицъ изъ рода ханскаго* и др. *Каждый изъ нихъ правилъ своимъ краемъ*, и ни у одного дѣло не шло на ладъ, какъ бы слѣдовало" [3]) То, что имѣло мѣсто во всей Золотоордынской имперіи, не составляло исключенія и для Крымскаго удѣла. Проѣзжавшій въ тѣ поры черезъ Крымъ де-Ланнуа свидѣтельствуетъ, что и тамъ также царила безурядица. „Солхатскій императоръ", говоритъ онъ, „недавно умеръ, и у татаръ этой Татаріи и великаго кана, императора Орды, шолъ величайшій въ мірѣ вопросъ о томъ, чтобы сдѣлать тамъ новаго императора, ибо *всякій хотѣлъ имѣть своего*, и всѣ въ означенной странѣ были въ рѣзнѣ и всеоружіи, вслѣдствіе чего я находился въ великой опасности". [4]) Де-Ланнуа не называетъ имени правителя

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 532. [2]) Ibidem., 442 & 452. [3]) Ibidem, 533. [4]) Op. cit., 41—42.

солхатскаго, а только величаетъ его одинаковымъ съ ханомъ Орды титуломъ—„l'empereur de Salhat" и выставляетъ другомъ Витовта — „amy dudit Witholt". Де-Ланнуа имѣлъ порученіе явиться къ нему въ качествѣ посланника и вручить подарки, присланные съ нимъ отъ Витовта [1]). Приведенное мѣсто изъ мемуаровъ де-Ланнуа находится въ нихъ подъ 1421 годомъ, когда въ Крыму, должно быть, происходили величайшіе безпорядки, и нѣтъ возможности добраться, кто былъ этотъ другъ-пріятель Витовта, правитель солхатскій, смерть котораго послужила поводомъ къ этимъ безпорядкамъ.

Эль-Айни, описавши послѣднюю, роковую стычку Идики съ сыномъ Токтамыша Кадиръ-бирды, стоившую жизни имъ обоимъ, упоминаетъ одного только Дервишъ-хана изъ рода Чингизъ-ханова, который былъ еще возведенъ на царство самимъ Идики, и затѣмъ, разсказавъ объ умерщвленіи послѣдняго, присовокупляетъ: „Когда случилось все это, то царствомъ Дештскимъ сталъ править нѣкто изъ рода Чингизъ-ханова, по имени Мухаммедъ-ханъ, но при немъ смуты сдѣлались постоянными, и дѣла разстроились (окончательно)". Арабскій историкъ вслѣдъ за этимъ еще неоднократно повторяетъ меланхолическую фразу о непрерывныхъ смутахъ и безпорядкахъ въ земляхъ Дештскихъ и всякій разъ упоминаетъ о Мухаммедъ-ханѣ, какъ первенствующемъ и какъ бы признанномъ государѣ Дешти-Кыпчакъ. „Въ 824=1421 году", говоритъ Эль-Айни, „государемъ земель Дештскихъ былъ Мухаммедъ-ханъ, но между нимъ, Боракъ-ханомъ и Берке-ханомъ (вѣроятно Чекре-ханомъ) происходили смуты и войны, и дѣла не улаживались"... [2]). Подъ 826=1422—1423 годомъ буквально говорится то же самое. Подъ 828=1424—1425 годомъ замѣчено, что Мухаммедъ-ханъ одерживалъ перевѣсъ надъ прочими лицами ханскаго рода, стремившимися стать независимыми владѣтелями. Подъ 830=1426—1427 годомъ

---

[1]) Ibid., 41. [2]) Тизенгаузенъ, 533.

Эль-Айни называетъ Мухаммедъ-хана уже *„государемъ Крыма* и пр.“—صاحب قرم وغيرها, и опять прибавляетъ при этомъ, что „Земли Дештскія были разстроены; въ нихъ (царствовала) большая неурядица между старшими эмирами“ [1]). А между тѣмъ вскорѣ послѣ того, именно „въ джемазіу-ль-эвелѣ того же 830 = въ мартѣ 1427 г. прибыло письмо отъ *завладѣвшаго Крымомъ* лица, по имени Даулетъ-бирды, состоявшее изъ прекрасныхъ фразъ“... [2]) Рѣчь идетъ о томъ высокопарномъ письмѣ къ султану египетскому, о которомъ у насъ упоминалось выше [3]). Привезшій это письмо сообщилъ, что въ земляхъ Дештскихъ большая неурядица, и что три царя оспариваютъ царство другъ у друга; одинъ изъ нихъ, по имени Даулетъ-бирды, *овладѣлъ Крымомъ и прилегающимъ къ нему краемъ*; другой, Мухаммедъ-ханъ, завладѣлъ Сараемъ и принадлежащими къ нему землями, а третій, по имени Боракъ, занялъ земли, граничащія съ землями Тимуръ-Ленка. Но вскорѣ земли, захваченныя Даулетъ-бирды, сдѣлались также достояніемъ Мухаммедъ-хана, ибо Эль-Айни говоритъ подъ 832 = 1428—1429 годомъ, что *„государемъ Крыма* и прилегающихъ къ нему земель—صاحب قرم وما والاها—былъ Мухаммедъ-ханъ; и что 16 реджеба 832 = 21 апрѣля 1429 года прибыли въ Египетъ послы отъ Мухаммедъ-хана, *государя* Дешти и *Крыма*, съ двумя письмами, изъ коихъ одно было на арабскомъ языкѣ, а другое на уйгурскомъ, котораго никто разобрать не могъ [4]). Наконецъ у того же Эль-Айни читаемъ, что „въ 847 = 1443—1444 г. *государемъ Крыма* и Дешти былъ (какой-то) Мухаммедъ-ханъ“ [5]), но прежній ли Мухаммедъ, или другой какой, этого не видно изъ словъ Эль-Айни: это выясняется уже изъ другихъ источниковъ, свидѣтельствующихъ, что тутъ надо имѣть въ виду двухъ разныхъ Мухаммедовъ.

---

[1]) Тизенгаузенъ, 533. [2]) Ibidem. [3]) Стр. 83. [4]) Тизенгаузенъ, I: 533 — 534. [5]) Ibidem.

Несмотря на всю краткость и неопредѣленность вышеприведенныхъ извѣстій объ этой смутной эпохѣ, они все же даютъ нѣкоторое понятіе о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Крымѣ. Очевидно, что тогда уже взяли силу татарскіе беки, кочевавшіе съ своими ордами въ самомъ Крымѣ, или по сосѣдству съ нимъ на материкѣ, и, не обращая вниманія на то, что творилось въ главномъ татарскимъ гнѣздѣ, Сараѣ, дѣятельно стремились создать свой особый центръ, что вскорѣ и осуществилось, хотя и не сразу, не безъ борьбы съ послѣдними представителями золотоордынскаго единства, выбивавшимися изъ силъ въ стараніяхъ поддержать это единство и воспрепятсвовать успѣху удѣльнаго сепаратизма.

Выступленіе Мухаммедъ-хана на политическое поприще имѣло мѣсто какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Идики окончательно сошолъ со сцены, будучи тяжко раненъ въ битвѣ съ Кадыръ-бирды и потомъ умерщвленъ однимъ изъ эмировъ Токтамыша. Старѣйшая изъ монетъ Мухаммеда выбита въ 822 = 1418 – 1420 году въ Астрахани. Изъ многихъ его противниковъ, оспаривавшихъ у него власть, особенно выдавался какой-то Даулетъ-бирды. По вышеприведеннымъ свѣдѣніямъ арабскихъ писателей онъ владѣлъ въ 830 = 1427 году Крымомъ и прилегающимъ къ нему краемъ, Мухаммедъ же властвовалъ тогда въ Сараѣ. Эти свѣдѣнія идутъ отъ одного современника и очевидца тогдашнихъ событій, посла Даулетъ-бирды ко двору египетскому, которому, конечно, не было надобности умалять размѣръ владѣній своего господина.

Шильтбергеръ свидѣтельствуетъ, что Даулетъ-бирды царствовалъ всего только три дня: онъ будто бы былъ убитъ врагомъ своимъ Мухаммедомъ, котораго онъ незадолго передъ тѣмъ низвергъ съ престола и выгналъ [1]). Но еще нашъ знаменитый историкъ замѣтилъ, что вообще извѣстія Шильтбергера „неясны, безтолковы“; въ данномъ случаѣ тоже, ка-

---

[1]) Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., V, пр. 215.

жется, не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на нихъ: что-то не совсѣмъ вѣроятенъ такой краткій срокъ, отводимый властвованію Даулетъ-бирды. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ послѣдній могъ успѣть втеченіе трехъ дней и отчеканить монету своего имени, и повести дипломатическія сношенія съ Египтомъ, снарядивъ и отправивъ туда гонца съ письмами? На посольство Даулетъ-бирды отвѣчали изъ Египта установленнымъ порядкомъ, потому что въ замѣткѣ, сдѣланной неизвѣстнымъ авторомъ въ одной арабской рукописи, касательно формъ офиціальной корреспонденціи говорится между прочимъ: „Такъ писано было при Эльмеликъ-Эль-ашрефѣ Барсбаѣ—да ороситъ Аллахъ вѣкъ его!—*кану Даулетъ-бирды*“ [1]). Въ той же замѣткѣ поименованы еще другіе главнѣйшіе претенденты на господство въ Дешти-Кыпчакѣ, и въ числѣ ихъ видимъ Даулетъ-бирды, „который“, какъ сказано тамъ, „принялъ (власть) отъ Мухаммеда; Мухаммедъ принялъ отъ Идики; а Идики отъ Токтамыша, сына ханскаго, Токтамышъ же отъ Мамая, который былъ (сперва) зауряднымъ эмиромъ, но усилился и, благодаря своему могуществу, сдѣлался каномъ“ [2]).

Для достопримѣчательности Даулетъ-бирды и то много значитъ, что арабскіе писатели ставятъ его наравнѣ съ такими крупными историческими личностями, какъ Мамай, Токтамышъ и Идики, и тѣмъ страннѣе, что русскія лѣтописи вовсе не упоминаютъ о немъ. Но историческій интересъ Даулетъ-бирды заключается еще въ томъ, что съ его именемъ,

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 409, прим. [2]) Ibidem. Означенная замѣтка переведена тамъ нѣсколько иначе, а именно: «...Даулетъ-бирди, который *предшествовалъ* Мухаммеду; Мухаммедъ же *предшествовалъ* Идики (Едигею), Идики—Токтамышу, сыну ханскому, а Токтамышъ — Мамаю»... Но арабскую фразу подлинника الذى اخذ عن, кажется, лучше переводить не «предшествовалъ», а «принялъ (власть) отъ», т. е. «наслѣдовалъ», тѣмъ болѣе что такой переводъ болѣе отвѣчаетъ и фактической дѣйствительности: Токтамышъ никакъ не можетъ считаться предшественникомъ Мамая, или Идики—предшественникомъ Токтамыша.

между прочимъ, связывается очень трудный и вмѣстѣ весьма любопытный вопросъ о происхожденіи, достоинствѣ и значеніи крымскихъ такъ называемыхъ *двуязычныхъ* (bilingvi) монетъ. Эти монеты давно занимали ученыхъ характерностью своего типа и трудноoбъяснимостью своего происхожденія. Признано однако же за несомнѣнное, что эти монеты биты въ Крыму и не кѣмъ инымъ, какъ генуэзцами. В. В. Григорьевъ, обстоятельно разсмотрѣвъ всѣ соображенія относительно легендъ на этихъ монетахъ и причинъ появленія самыхъ монетъ, мимоходомъ дѣлаетъ сопоставленіе ихъ съ подобными же двуязычными русско-татарскими монетами, высказывая при этомъ одно „очень непріятное", по его словамъ, „предположеніе", которое побудило его поставить такой вопросъ: точно ли эти двуязычныя монеты принадлежатъ ко времени тѣхъ хановъ, имена которыхъ носятъ на себѣ? [1]). Съ именемъ Даулетъ-бирды еще извѣстны монеты, битыя въ Астрахани въ 831 = 1427—28 году, а также въ Новомъ—Сараѣ и въ Ордѣ, около того же, вѣроятно, времени [2]). Между тѣмъ еще г. Соре полагалъ, что означенныя двуязычныя монеты, по нѣкоторымъ признакамъ, не могли получить существованія до поступленія генуэзскихъ владѣній въ Крыму подъ управленіе банка св. Георгія, т. е. ранѣе 1453 года. Г. Григорьевъ отвергъ справку г. Соре, выставивъ на видъ невозможность объяснить въ такомъ случаѣ существованіе монетъ съ именемъ Даулетъ-бирды; но при этомъ оговорился: „Прибѣгнуть развѣ къ предположенію, высказанному выше" т. е., что не кроется ли въ легендахъ этихъ монетъ анахронизма [3]).

Другой изслѣдователь исторіи и древностей Крыма, почтенный В. Н. Юргевичъ, уже съ большею рѣшительностью повторяетъ робкое подозрѣніе г. Григорьева касательно подлинности разсматриваемыхъ монетъ. Г. Григорьевъ имѣлъ въ

---

[1]) Зап. Од. Общ., I: 306. [2]) Ibid., 304. [3]) Ibid., 307.

виду лишь монеты съ именемъ *Даулетъ-бирды* и *Хаджи-хана,* а В. Н. Юргевичъ присовокупляетъ къ одной съ ними категоріи еще монеты, на лицевой сторонѣ которыхъ находится изображеніе всадника, а на оборотной арабская легенда съ именемъ *хана Пулада* [1]), а также и монеты вовсе *безъимянныя* съ изображеніемъ всадника на лицевой сторонѣ и съ татарскою тамгою на оборотной [2]). Соображенія почтеннѣйшаго ученаго слѣдующія: нахожденіе на этихъ монетахъ деталей герба города Кафы съ несомнѣнностью убѣждаетъ въ томъ, что эти монеты *принадлежатъ Кафѣ,* а всадникъ, представляющій св. Георгія и тамга Гераевъ, говоритъ онъ, доказываютъ, что онѣ *чеканены послѣ уступки колоній, сдѣланной республикою банку св. Георгія,* [3]), которая состоялась въ 1453 году. Въ виду этихъ соображеній нельзя было не удивиться, встрѣтивъ монеты съ именами хановъ Пулада и Даулетъ-бирды, которые, сколько извѣстно изъ другихъ источниковъ, ханствовали раньше означеннаго года, особенно послѣдній изъ нихъ. Удивленіе это усугубляется еще тѣмъ, что съ точностью не извѣстно, когда кафскіе генуэзцы получили привиллегію чеканить монету во время своей зависимости отъ генуэзской республики [4]), такъ какъ о монетномъ дворѣ въ Кафѣ говорится въ первый разъ въ письмѣ консула Дамокульта, писанномъ въ августѣ 1454 года къ протекторамъ банка св. Георгія [5]). Вчастности монеты съ именемъ Даулетъ-бирды возбуждаютъ сомнѣніе В. Н. Юргевича въ ихъ подлинности тѣмъ, что этотъ ханъ „царствовалъ только три дня между 1427 и 1428 г., во время величайшей неурядицы въ Кипчакской ордѣ", а также и „по поводу двухъ начальныхъ буквъ M. D. латинской легенды, которыхъ нельзя приложить къ именамъ консуловъ 1426 и 1428 года". „Какъ могло случиться", спрашиваетъ В. Н. Юргевичъ, „чтобы въ

---

[1]) Зап. Од. Общ., VIII: 156 и 157: I. [2]) Ibid., 149, и 157: II, III, IV. [3]) Ibid., 156. [4]) Ibid., 153. [5]) Ibid., 154.

столь краткій промежутокъ времени, между извѣстіемъ о вступленіи на престолъ хана Девлетъ-Бирди и его низложеніемъ, былъ въ Кафѣ, кромѣ Франческо Вивальди и Габріеле Джюстиніани еще одинъ консулъ?" „Чтобы выпутаться изъ этихъ противурѣчій", заключаетъ уважаемый изслѣдователь, „намъ остается прибѣгнуть къ предположенію, что упомянутыя монеты не принадлежатъ ни 1427 ни 1428 годамъ, но, подобно прочимъ, времени Хаджи-Гирея, и что на нихъ находится имя Девлетъ-Бирди потому, что онѣ были *выбиты по образцу случайно попавшихся монетъ этого хана*" [1].

Эго послѣднее заключеніе всущности есть примѣненіе того, что раньше было высказано г. Савельевымъ насчетъ двуязычныхъ русско-татарскихъ монетъ, контрафакція которыхъ, говоритъ онъ, практиковалась въ очень широкихъ размѣрахъ, не одними только русскими, но и поволжскими инородцами. Чтобы вышеприведенное предположеніе получило однако же силу безспорной истины относительно разсматриваемыхъ монетъ крымскаго чекана, необходимо устранить слѣдующія сомнѣнія, невольно возникающія по поводу аргументовъ противъ подлинности этихъ монетъ.

Городъ Кафа, говорятъ, не пользовался привиллегіей чеканить монету во время своей зависимости отъ генуэзской республики; мало того: прежними уставами 1290 и 1316 годовъ это строго запрещалось подъ угрозою большого денежнаго штрафа. Но иное дѣло писанные законы, и иное дѣло практическія, жизненныя условія: часто между ними происходитъ упорный антагонизмъ. Кафинцы, считаясь подвластными далеко отъ нихъ находившейся генуэзской республики, въ то же время испытывали еще большее тяготѣніе надъ собою власти татарской, которая постоянно была возлѣ нихъ сперва въ лицѣ намѣстниковъ хановъ Золотой Орды, а потомъ и независимыхъ владѣтелей Крыма, стремившихся обра-

---

[1]) Ibid., 155. [2]) Монеты джучидскія и проч., 149—150.

зовать особое татарское ханство. Едва ли генуэзской республикѣ очень могло нравиться изображеніе ханской тамги на публичныхъ надписяхъ Кафы въ качествѣ герба этого города, и однако же обстоятельства вынуждали кафинцевъ выставлять это изоображеніе [1]). Могло быть, что они производили чеканку монеты извѣстнаго смѣшаннаго типа какъ повинность, налагавшуюся на нихъ тѣми татарскими ханами, имена которыхъ встрѣчаемъ на монетахъ, и съ которыми кафинцы, должно быть, состояли въ какихъ-нибудь особыхъ обязательныхъ отношеніяхъ. Самое повтореніе запрещенія Кафѣ чеканить монету въ вышеупомянутыхъ уставахъ скорѣе указываетъ на стремленіе республики уничтожить существовавшее уже зло, если это было зло, нежели предупредить зло предполагаемое. Когда же оно признано было неизбѣжнымъ, то въ уставѣ 1449 года, изданномъ республикой для города Кафы и обращающемъ вниманіе на самыя малѣйшія подробности колоніальнаго управленія, уже ни однимъ словомъ не намекается на какую-либо регламентацію касательно чеканки монеты: она этимъ уставомъ вовсе игнорирована [2]). Упоминаніе въ уставѣ объ Asprі argenti de Caffa является въ нѣкоторомъ родѣ легализаціею колоніальной монеты со стороны республиканскаго правительства, и намъ недостаточно очевидно, почему тутъ слѣдуетъ непремѣнно разумѣть греческіе серебряные аспры, имѣвшіе обращеніе въ Кафѣ, какъ на этомъ настаиваетъ почтеннѣйшій В. Н. Юргевичъ [3]), а никакъ не аспры изъ кафскаго серебра. Извѣстно, что татарскіе ханы династіи Герайской сами не занимались выдѣлкою монеты, а всегда сдавали ее на аренду караимамъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что и въ прежнія времена монетныя операціи татарскихъ властей въ Крыму составляли доходную арендную статью кафскихъ коммерсантовъ, и не въ этомъ ли слѣдуетъ искать разгадки того до-

---

[1]) Зап. Од. Общ. VIII: 151. [2]) Ibid., 153. [3]) Ibidem.

вольно страннаго условія въ договорѣ 1380 года, по которому ханскій намѣстникъ въ Солхатѣ *обязывался* чеканить хорошую монету, да еще въ достаточномъ, т. е. въ большомъ, количествѣ [1]). Беря въ свои руки выдѣлку татарской монеты, кафинцы имѣли двоякую выгоду: получая барышъ отъ самаго производства, они въ то же время могли быть увѣрены въ доброкачественности и настоящей стоимости монеты, съ которою имъ приходилось имѣть дѣло по торговымъ операціямъ. Какъ давно они взялись за это дѣло, съ достовѣрностью нельзя указать. Самъ же г. Юргевичъ сознается, что „опредѣленіе начала крымско-генуэзской монеты представляетъ нѣкоторыя затрудненія". Несмотря на умолчаніе устава 1449 года о чеканкѣ монеты, которому онъ придаетъ большое значеніе, онъ все же допускаетъ, что монетный дворъ былъ учрежденъ до уступки колоній банку республикою, и притомъ вскорѣ послѣ изданія означеннаго устава. Основаніемъ для такого предположенія ему послужило нахожденіе на монетахъ буквъ J. J., въ которыхъ онъ видитъ иниціалы имени Джіованни Джюстиніани, консула въ 1449 — 1450 гг. [2]). И тѣмъ не менѣе однако жь для монетъ Пулада и Даулетъ - бирды дѣлается исключеніе: онѣ безусловно признаются позднѣйшею фальсификаціею.

Сколько можно судить по ходу аргументаціи противниковъ подлинности крымскихъ монетъ Даулетъ-бирды, главная сила ихъ доводовъ заключается въ подозрительныхъ свойствахъ монетъ Пуладъ-хана. Имя Пулада какое - то злополучное въ исторіи Золотой Орды и Крыма: выше мы видѣли [3]), что съ именемъ другого Пулада соединяется рядъ ученыхъ соображеній касательно не только происхожденія монетъ, но и самой личности этого хана.

---

[1]) См. выше, стр. 142. [2]) Зап. Од. Общ., VIII: 155 [3]) См. стр. 139—140.

Оспариваемыя монеты позднѣйшаго Пуладъ-хана носятъ на лицевой сторонѣ изображеніе всадника, а на оборотной арабскую легенду. Сравненіе экземпляровъ этихъ монетъ, описанныхъ академикомъ Френомъ, съ одесскими экземплярами, на которыхъ съ лицевой стороны находится тотъ же самый всадникъ, а наоборотѣ тамга Гераевъ или же генуэзскій порталь, привело В. Н. Юргевича къ убѣжденію, что „онѣ принадлежатъ Кафѣ, и что чеканены, какъ доказываетъ всадникъ, представляющій св. Георгія, и тамга Гераевъ, послѣ уступки колоній, сдѣланной республикою банку св. Георгія" [1]). На нашъ же взглядъ, только нахожденіе на этихъ монетахъ генуэзскаго портала можетъ служить неоспоримымъ признакомъ принадлежности ихъ Кафѣ, что же касается до изображенія всадника, то значеніе его въ этомъ вопросѣ намъ кажется преувеличеннымъ и можетъ быть еще оспариваемо. Мы ни мало не удивляемся тому, что „знаменитый оріенталистъ (т. е. академикъ Френъ)", по замѣчанію почтеннѣйшаго В. Н. Юргевича, „*не догадывался*, что это генуэзскія монеты, хотя и выразилъ сомнѣніе, были ли онѣ чеканены монголами" [2]): какъ было ему догадаться, имѣя въ рукахъ только свои два экземпляра монетъ и не видѣвши тѣхъ, которые были въ распоряженіи В. Н. Юргевича? Одного же изображенія всадника ему недостаточно было для того, чтобы придти къ этой догадкѣ, потому что подобное изображеніе не безусловно надежный признакъ генуэзскаго чекана монеты, ибо оно встрѣчается и на монетахъ иного происхожденія. Мы его, напримѣръ, видимъ на монетахъ русско-татарскихъ съ именемъ Токтамыша [3]), а также на подражаніяхъ византійскимъ монетамъ, обращавшихся въ Золотой Ордѣ [4]). Самъ почтеннѣйшій В. Н. Юргевичъ, по поводу подобнаго типа монетъ, описанныхъ Щербатовымъ въ его „Опытѣ объясненія древ-

---

[1]) Зап. Од. Общ., VIII; 156. [2]) Ibidem. [3]) Савельевъ, Op. cit., стр. 9, табл. IV, № 59. [4]) Ibid., стр. 151.

нихъ русскихъ монетъ", очень нерѣшительно замѣчаетъ, что „можетъ быть онѣ *скорѣе* генуэзскія, чѣмъ русскія" [1]). Но особенно вѣскій аргументъ противъ воззрѣнія почтеннаго изслѣдователя представляетъ, на нашъ взглядъ, любопытный экземпляръ мѣдной монеты, описанный г. Савельевымъ. На одной сторонѣ этой монеты также изображонъ всадникъ, а на другой тамга съ арабской надписью по сторонамъ ея: ضرب قريم = „Чеканъ Крыма" [2]). Г. Савельевъ отнесъ эту монету къ разряду такъ названныхъ у него „безъименныхъ монетъ Золотой Орды". Чрезвычайное сходство съ нею обнаруживаетъ еще одна монета, описанная г. Блау въ отдѣлѣ сельджукскихъ монетъ, относительно которой онъ говоритъ, что „Dies sonst nirgend beschriebene Stück ist vielleicht *Saldukidisch*" (sic) [3]), тогда какъ въ ея арабской легендѣ можно безъ особеннаго труда разобрать слово قريم — „Крымъ".

Грубость чекана обѣихъ монетъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онѣ татарская самодѣльщина крымскаго происхожденія. Отсутствіе на нихъ тамги Гераевъ указываетъ на то, что хотя онѣ биты и въ Крыму, но еще до утвержденія тамъ этой династіи. Всадникъ на этихъ монетахъ представленъ стрѣляющимъ изъ лука, слѣдовательно это не есть позднѣйшее грубое воспроизведеніе всадника, изображающаго св. Георгія монетъ генуэзской работы, а совершенно самостоятельный типъ, не подходящій къ категоріи тѣхъ безъимянныхъ монетъ съ тамгою Гераевъ [4]), которыя по этому послѣднему признаку могутъ быть приписаны Хаджи-Гераю, не говоря уже о позднѣйшихъ монетахъ его преемниковъ, на которыхъ не встрѣчается никакой всадническокой фигуры. Всего чаще, по наблюденію г. Савельева, монеты съ изображеніемъ на нихъ всадника попадаются вмѣстѣ

---

[1]) Зап. Од. Общ., VIII: 157. [2]) Op. cit., 325, № 671. [3]) Блау, Восточныя монеты, № 207, снимокъ на табл. I, № 4. [4]) Зап. Од. Общ., VIII: 157: IV.

съ монетами эпохи Токтамыша [1]): значитъ, эта форма чекана была модною въ то время, была въ ходу въ Золотой Ордѣ. Къ этой же приблизительно эпохѣ относится и царствованіе хана Пулада (1407—1410).

Соображая теперь всѣ вышеизложенныя данныя, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Подвергаемыя спору монеты Пуладъ-хана не представляютъ собою никакого нумизматическаго анахронизма: онѣ выбиты въ царствованіе этого хана и по его, вѣроятно, волѣ. Чистота работы этихъ монетъ и изображеніе на нихъ всадника въ видѣ св. Георгія, дѣйствительно, заставляетъ думать, что эти монеты чеканились въ Кафѣ генуэзскими мастерами, которымъ, безъ сомнѣнія, было извѣстно изображеніе св. Георгія, и какъ вообще христіанскаго святого, и какъ покровителя общины города Генуи, а не одного только банка его имени, на что указываетъ и почтеннѣйшій В. Н. Юргевичъ [2]). Прототипомъ же имъ, можно съ увѣренностью сказать, служили вышеупомянутыя татарскія монеты съ всадническою фигурою. Употребительность этой фигуры на прежнихъ татарскихъ монетахъ была имъ ручательствомъ въ томъ, что появленіе св. Георгія на монетахъ татарскихъ хановъ не должно было показаться какою-то новизною чуждаго изобрѣтенія невѣрныхъ гяуровъ, которая бы шокировала непривычный къ этому глазъ правовѣрныхъ татаръ-мусульманъ, а было лишь новымъ *варіантомъ* давно знакомаго имъ образца, подвергшагося лишь болѣе чистой и изящной обработкѣ подъ штемпелемъ генуэзскихъ монетчиковъ. Чеканилась же монета Пулада въ Кафѣ, надо полагать, по его заказу: такъ какъ этотъ ханъ былъ изъ числа авантюристовъ тогдашняго смутнаго времени, то у него могли быть какіе-нибудь особые разсчеты поручить чеканку своей монеты кафинцамъ; или же его могло принудить къ этому простое неимѣніе подъ руками средствъ и приспособленій для денежной фабрикаціи. Съ другой сто-

[1]) Op. cit., 151. [2]) Зап. Од. Общ., VIII: 157.

роны и генуэзцы города Кафы, вѣроятно, имѣли свои виды преобразить стрѣльца-всадника прежнихъ татарскихъ монетъ въ своего св. Георгія: можетъ быть, они этимъ смѣшаннымъ типомъ пытались положить начало собственной монетѣ, какъ первому акту готовившагося перехода ихъ колоній отъ республики въ вѣдѣніе банка св. Георгія, о чемъ у нихъ могла быть даже какая-нибудь особая сдѣлка съ Пуладъ-ханомъ.

Отвергнувъ такимъ образомъ сомнѣнія противъ подлинности монетъ Пуладъ-хана, мы считаемъ себя обязанными настаивать на неподдѣльности и монетъ съ именемъ Даулетъ-бирды: онѣ также могли явиться, не дожидаясь уступки генуэзскою республикою своихъ колоній въ Крыму банку св. Георгія. Прежде всего нельзя не обратить вниманія на то, что монеты Даулетъ-бирды представляютъ необыкновенное сходство чекана съ монетами имени Хаджи-хана: это показываетъ, что тѣ и другія были продуктомъ одной и той же фабрикаціи. А если такъ, то спрашивается: для чего же чеканившимъ настоящую монету одного изъ этихъ хановъ понадобилось *въ то же время* чеканить еще и фальшивую, съ именемъ другого, „по образцу случайно попавшихся монетъ этого хана“? Отчего могла произойти такая случайная небрежность въ столь важномъ дѣлѣ, или кому могла быть нужна и выгодна завѣдомая поддѣлка монеты? Простою неразборчивостью кафскихъ монетчиковъ, не знавшихъ арабскаго языка и письма, въ выборѣ штемпеля трудно объяснить анахронизмъ легенды на монетахъ: мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннѣйшаго В. Н. Юргевича, что будто бы „подобный анахронизмъ нисколько не мѣшалъ выпуску ихъ (монетъ) въ обращеніе“ [1]), если принять въ соображеніе, что обращеніе фальшивой монеты должно было происходить почти что на глазахъ самого властвовавшаго въ Крыму Хаджи-

---

[1]) Ibid., 155.

хана, политическіе интересы котораго въ ту смутную пору едва ли могли позволить ему равнодушно относиться къ предмету такой государственной важности. Равнымъ образомъ и фактъ существованія самыхъ грубыхъ анахронизмовъ въ легендахъ русскихъ двуименныхъ монетъ не представляетъ такой очевидной аналогіи съ анахронизмами монетъ крымскихъ, какую усматриваетъ В. Н. Юргевичъ: небрежность русскихъ денежниковъ происходила оттого, что они смотрѣли на арабскую легенду какъ на простой орнаментъ, ничѣмъ не важнѣе всякихъ другихъ украшеній, а не какъ на выраженіе подданическихъ отношеній русскихъ князей къ Ордѣ, уже давно утратившей престижъ свой. Цѣль при этомъ была, по правдоподобному предположенію г. Савельева, коммерческая—доставить монетѣ болѣе свободное обращеніе въ Ордѣ [1]). Съ такимъ же разсчетомъ одно время тульскіе оружейники, говорятъ, выбивали легенды монетъ послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ-Герая, и притомъ въ крайне искаженномъ видѣ, на своихъ издѣліяхъ, когда у насъ въ Россіи еще славились турецкіе ружейные стволы и стальные клинки азіятской работы.

Ссылка на кратковременность властвованія Даулетъ-бирды тоже не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для признанія крымской монеты съ его именемъ фальшивою. Имѣлъ же онъ время выбить свою монету въ Хаджи-Тарханѣ и въ Новомъ-Сараѣ, которая, однако же не заподозривается въ своей подлинности и, судя по формѣ чекана, никакъ не могла послужить случайнымъ образцомъ для такъ называемой фальшивой монеты, битой въ Крыму. Вопросъ о томъ, „какъ пришло въ голову генуэзцамъ бить монету съ его именемъ" намъ представляется вовсе излишнимъ, какъ возникающій изъ чрезмѣрной довѣрчивости къ свидѣтельству Шильтбергера. Напротивъ того: существованіе

[1]) Op. cit., 149.

монетъ Даулетъ-бирды, битыхъ въ столь отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, каковы Астрахань и Крымъ, приводитъ къ тому заключенію, что трехдневный срокъ, отчисляемый властвованію Даулетъ-бирды Шильтбергеромъ, не долженъ быть принимаемъ въ черезчуръ буквальномъ смыслѣ. Шильтбергеръ или риторически преувеличиваетъ краткосрочность царствованія этого хана, или просто ошибается.

Устранивъ одно затрудненіе, мы избавляемся и отъ другого, которое почтеннѣйшій В. Н. Юргевичъ видитъ въ буквахъ M. D. латинской легенды на монетахъ Даулетъ-бирды: въ спискѣ консуловъ города Кафы не отыскивается подъ 1427—1428 годами такихъ именъ, для которыхъ бы вышеозначенныя буквы могли служить иниціалами. Мы недоумѣваемъ, почему уважаемый ученый затрудняется допустить существованіе еще одного консула съ подходящимъ именемъ, который пока намъ не извѣстенъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ: справляясь съ консульскимъ спискомъ, мы видимъ въ немъ вообще не мало пробѣловъ по части консульскихъ именъ. Кратковременность же царствованія Даулетъ-бирды, даже если бы она и была доказана, никакой не составляетъ помѣхи въ данномъ случаѣ, ибо и между кафскими консулами встрѣчаются такіе, которые занимали консульскую должность впродолженіе всего лишь нѣсколькихъ дней [1].

Послѣднее затрудненіе въ вопросѣ о достовѣрности монетъ Даулетъ-бирды заключается въ изображеніи на нихъ точно такой же тамги, какая находится на монетахъ Хаджи-Герая и его преемниковъ, послѣдующихъ хановъ Крымскихъ: въ этой тамгѣ видятъ анахронистическій признакъ, обличающій поддѣльность монетъ Даулетъ-бирды. Выходъ изъ этого затрудненія однако же не столь безнадеженъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. „У народовъ Тюркскаго и Монгольскаго племени“, говоритъ В. В. Григорьевъ,

---

[1]) Зап. Одесс. Общ., V: 821—822.

„каждое поколѣніе имѣетъ, и *имѣло искони*, свою собственную тамгу, которая употребляется всѣми его родами“ [1]). Но исконность—понятіе условное, а въ приложеніи къ династическому гербу Гераевъ и тѣмъ болѣе. Татарскія преданія, положимъ, возводятъ происхожденіе фамильныхъ тамгъ къ Чингизъ-хану. „Затѣмъ Чингизъ-ханъ“, читаемъ мы въ сборникѣ сказаній объ этомъ грозномъ завоевателѣ, „каждому изъ бековъ далъ тамгу, птицу, дерево и сигнальный кличъ“. Напримѣръ, „обратился онъ къ Кункратъ-бій-оглу Сенкелэ и говоритъ: „Эй Сенкелэ, пусть твое дерево будетъ яблоня, пусть твоя птица будетъ соколъ; твой кличъ—„Кункратъ“, а тамга твоя пусть будетъ мѣсяцъ“. Она изображается въ видѣ круга, на деньгахъ же въ видѣ трехзубчатаго новолунія“ (т. е. близко къ русской буквѣ Э) [2]). Послѣднее изображеніе сильно напоминаетъ тамгу Герайскую. Но еще больше на него похожа тамга Уйшинъ-Майкы-бія, которому Чингизъ-ханъ сказалъ: „Пусть твое дерево будетъ вязъ, твоя птица—орелъ; твой кличъ—„Салаватъ“, а тамга твоя пусть будетъ سرکا“, изображеніе которой напоминаетъ славянское Щ или Ш [3]).

Если старинная фамильная тамга была внѣшнимъ знакомъ какого-либо привиллегированнаго состоянія того или

[1]) Зап. Од. Общ., I: 343.

[2]) Жизнь Джингизъ-хана и Аксакъ-Тимура, составленная Хальфиномъ. Казань. 1822. Стр. ٥١—٥٢. [3]) Ibidem. Мы нарочно оставили татарское слово سرکا, употребленное въ качествѣ названія тамги, безъ перевода, ибо ни одно изъ имѣющихся въ словаряхъ значеній его въ этомъ начертаніи не представляется удовлетворительнымъ для указаннаго примѣненія: оно значитъ «уксусъ», «гнида», «передовой баранъ» «кладеный козелъ»; да и самая фигура тамги не напоминаетъ ни одного изъ вышеприведенныхъ предметовъ. Въ рукописномъ экземплярѣ сборника сказаній, имѣющемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, по каталогу Дорна № DXXVI, это слово находится въ томъ же видѣ, хотя изображеніе самой тамги нѣсколько иное. Развѣ предположить, что начертаніе سرکا есть видоизмѣненіе, или даже искаженіе другого — سورکو, سورکی =«борона», каковое значеніе болѣе согласно и съ изображеніемъ тамги.

другого рода, то естественно, что въ интересахъ каждаго изъ нихъ было возводить свою знатность къ наиболѣе отдаленному времени, даже, пожалуй, ко временамъ Чингизъ-хана. Но ученому міру извѣстна восточная беззастѣнчивость въ вопросахъ генеалогіи, по которой всѣ почти родоначальники властвовавшихъ въ Азіи мусульманскихъ династій обязательно приходятся прямыми потомками какого-нибудь изъ сыновей Ноя. Захудалость прежнихъ знатныхъ родовъ, какъ и усиленіе новыхъ, есть обычное и повсемѣстное явленіе, которое неминуемо должно путать старинныя генеалогическія преданія, особливо тѣ изъ нихъ, которыя не опирались на письменные документы. Примѣръ у насъ на глазахъ. По присоединеніи Крыма къ Россіи поднятъ былъ административный вопросъ о родовитости разныхъ татарскихъ фамилій, заявлявшихъ претензіи на свое привиллегированное, по-нашему—дворянское, достоинство. Образована была цѣлая специальная коммиссія для разсмотрѣнія этихъ претензій, и она, кажется, до сихъ поръ еще не окончила своихъ работъ по оцѣнкѣ документальныхъ данныхъ, на которыхъ основываются вышеозначенныя претензіи. Любопытно, что эти данныя даже у самыхъ выдающихся мурзинскихъ родовъ, каковъ, напримѣръ, родъ мурзъ Седжеутскихъ и даже Ширинскихъ, заключаются въ грамотахъ, данныхъ Крымскими ханами или, еще чаще, турецкими султанами, въ обмѣнъ на прежніе подобные же документы, которыми подтверждались землевладѣтельныя права предъявителей этихъ документовъ. Всѣ эти грамоты однако же сравнительно очень поздняго времени: самая старѣйшая, кромѣ упомянутой прежде грамоты беевъ Яшлаускихъ, есть грамота, представленная родомъ Ширинскихъ, ферманъ султана Сулейиана II (1687—1691), данный въ 1099 = 1688 году Кадыръ-шахъ-мурзѣ [1]).

---

[1]) Выписка изъ дѣлъ Архива Таврич. Дворянскаго Депутатскаго Собранія, сообщенная Ѳ. О. Лашковымъ.

Въ виду такой скудости неоспоримыхъ документальныхъ доказательствъ своего ископнаго дворянскаго, въ татарскомъ смыслѣ, званія и достоинства, иные мурзы вынуждены были прибѣгнуть къ круговой порукѣ другихъ мурзъ, удостовѣряющихъ своими показаніями справедливость ихъ претензій на древность и знатность своего рода [1]). Тутъ даже пригодилась извѣстная сказка о происхожденіи предковъ Чингизъ-хана, со включеніемъ чудеснаго очреватѣнія Аланку-хатуни, прародительницы рода Чингизскаго, цѣликомъ выписанная изъ исторіи Абу-ль-Гази-Багадуръ-хана, въ старинномъ русскомъ переводѣ [2]).

При этихъ обстоятельствахъ не забыта и геральдика. Къ вышеупомянутой выпискѣ изъ сочиненія Абу-ль-Гази, имѣющейся при дѣлѣ мурзъ, считающихъ себя прямыми потомками Чингизъ-хана и отраслью династіи Гераевъ, приложено толкованіе символическаго значенія тамги, замѣняющей фамильный гербъ этому мурзинскому роду, той самой тамги, которая находится на монетахъ Даулетъ-бирды-хана и Хаджи-Герая съ его потомствомъ. Вотъ что говорится въ засвидѣтельствованномъ рукоприкладствомъ показаніи гг. Чингизидовъ, основанномъ у нихъ, очевидно, на какомъ-то преданіи, въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ старомъ русскомъ переводѣ съ татарскаго.

„Тамга, или гербъ царствовавшихъ Кипчацкія степи въ Крымскомъ государствѣ Али-Джингизъ-хановыхъ потомковъ Гирей-хановъ и султановъ и ихъ поколѣнія: трезубой таракъ, т. е. гребень померанцеваго цвѣта въ четыреугольной рамѣ, имѣющей сверху внутрь оной сіяніе. Четыреугольная рама, внутри сверху сіяніе имѣющая, знаменуетъ комнату, въ которой имѣла пребываніе въ глубокой древности царствовавшая надъ могулами Юлдузъ-хана Могульскаго внука Аланку; а сіяніе—снисшедшій съ высоты въ оную

[1]) Выписка изъ дѣла о родѣ мурзъ Седжеутскихъ въ томъ же Собраніи. [2]) Родословная Історія о Татарахъ. Спб. 1768. I: 191—198.

свѣтъ, подобный солнцу, и изъ онаго приближившагося къ ней божественнаго посѣтителя въ образѣ прекраснаго человѣка, имѣющаго померанцевый цвѣтъ, отъ котораго она духовнымъ образомъ тогда сдѣлалась беременной. Въ срединѣ сей рамы въ сіяніи изображеннаго тарака три зубца знаменуютъ, что въ 9-ть мѣсяцевъ послѣ сего посѣщенія Аланку разрѣшилась отъ беремени, родила вдругъ трехъ сыновей: Бокумъ-Катагуна, Бочкинъ-Чалчи и Будендширъ-Монага. Отъ сихъ трехъ принцевъ произошли три народа: отъ перваго Катагуны, отъ второго Чалчуты, а третій царствовалъ надъ могулами, и отъ него произошла фамилія Джингизъ-ханова и многія другія фамиліи въ Могульскомъ государствѣ. А связующая сіи три зубца поверхность знаменуетъ чудесное ихъ отъ духовнаго сѣмени единаго свѣтоноснаго солнечнаго обитателя зачатіе и рожденіе. Померанцевый же цвѣтъ сего тарака изображаетъ цвѣтъ того безплотнаго божественнаго посѣтителя“.

„Сей гіероглифъ Али-Джингизъ-ханъ“ [1]) и его потомки для того себѣ единственно въ символическій гербъ избрали и присвоили, что какъ головнымъ гребнемъ расчесываются ежедневно путающіеся на головѣ человѣческой волосы, поставляются имъ въ порядокъ, и изъемлются изъ нихъ въ безпорядкѣ отдѣлившіеся волосы и всякая инородность, такъ Али-Джингизъ-хановы предки, происходя отъ Турка, перваго сына Яфисова, въ началѣ вѣковъ въ глубокой древности царствуя надъ татарскими, калмыками и мунга-

---

[1]) Очевидно, у переводчика здѣсь слово *Али* употреблено какъ собственное имя, а между тѣмъ оно въ этой комбинаціи непремѣнно должно имѣть начертаніе آل и значить «родъ, племя, династія», слѣдовательно въ соединеніи съ именемъ «Чингизъ-ханъ»—آل جنكيز خان—должно быть переведено: «Родъ Чингизъ-хана», а не «Али-Джингизъ-ханъ». Не думаемъ, чтобы эта ошибка принадлежала татарскому подлиннику. Шейхъ Сулейманъ Бухари даетъ слову آل такое толкованіе: ترك پادشاهلرينك تمغالرى «Тамга тюркскихъ падишаховъ» (См. لغت چغتاى وتركى عثمانى. Конст. изд. 1298—1880 г. Стр. 17).

лами и многими изъ нихъ происшедшими поколѣніями, надъ которыми Али Джингизъ-ханъ а по немъ его потомки царствовали многіе вѣки, управляли ими троякимъ средствомъ: по закону Божію, по праву естественному, искусствомъ человѣческаго разума и нравственностью, содержа ихъ въ порядкѣ троякимъ способомъ: породныхъ несчастныхъ, пришедшихъ въ упадокъ, возстановляли; добродѣтели, таланты и заслуги отличали и щедро награждали; невинныхъ, обиженныхъ и угнетенныхъ защищали правосудіемъ, а преступниковъ исправляли наказаніемъ, дабы не усилились пороки".

„Али-Джингизъ-хановы потомки, Крымскіе Гирей-ханы и султаны, царствуя въ Крыму надъ тремя татарскими народами — надъ татарами крымскими, надъ татарами буджацкими и надъ татарами кубанскими, раздѣлили власть на три начальства: на начальство хана, калги и нурадинъ-султановъ въ память своего происхожденія"... [1]).

Вышеприведенное толкованіе символическаго смысла тамги всецѣло приспособлено къ той легендѣ о чудесномъ зачатіи Аланку, о которомъ упомянуто было выше. Въ немъ особенное вниманіе обращается на тройственное число, соотвѣтствующее тремъ зубцамъ тамги Гераевъ. Натянутость, искусственная сочиненность толкованія едва ли требуетъ какихъ-либо доказательствъ: помимо всего прочаго, она явствуетъ изъ совершенно произвольнаго отожествленія тамги Гераевъ, имѣющей видъ трезубца, съ обще-кыпчакскою тамгою хановъ золотоордынскихъ, похожею своей формою на стремя, какъ это мы видимъ вездѣ на татарскихъ монетахъ. Толкованіе это, очевидно, разсчитано на отожествленіе корня и

[1]) Далѣе въ документѣ идетъ объясненіе именъ «Чингизъ» и «Герай», не идущее къ вопросу о тамгѣ. Въ заключеніе всего показанія присовокупляется: «Подлинное подписали: Аметъ-Гирей Султанъ, Сагадетъ-Гирей Султанъ, Салегъ-Гирей Султанъ, Сагадетъ-Гирей Султанъ, Кутлу-Гирей Султанъ, а вмѣсто ихъ за неумѣніемъ грамотѣ по ихъ искреннему прошенію и за себя руку приложилъ Селимъ-Гирей Султанъ». Документъ этотъ находится въ архивѣ Таврич. Двор. Собранія при дѣлѣ Титулярнаго Совѣтника Игнатія Татаринова, урожденнаго Джингизъ-Гирей-Султана, 1803 г. № 54, и сообщенъ мнѣ въ копіи обязательнымъ Θ. Θ. Лашковымъ.

источника властительныхъ правъ рода Гераевъ съ таковыми же правами прежнихъ общетатарскихъ владыкъ. Ссылка на свое чингизидское происхожденіе особенно была необходима наслѣдникамъ Хажди-Гeрая въ послѣдующее время, когда къ нимъ стала слишкомъ уже безцеремонно относиться Порта и ея агенты, имѣвшіе дѣло съ Крымскими ханами.

Но то, что стало современемъ лестно для позднѣйшихъ потомковъ Хаджи-Герая, вовсе еще не представляло такого интереса для него самого, стремившагося основать свое господство въ Крыму независимо отъ главнаго центра татарскаго и положить начало своей собственной династіи. Стремленіе къ локализаціи своей автономіи непремѣнно должно было соединяться у него съ выработкою и изобрѣтеніемъ внѣшнихъ отличій и аттрибутовъ этой автономіи, къ числу которыхъ относятся династическое прозвище, титулъ, гербъ, чеканъ монеты, и т. п. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія, мы полагаемъ, и слѣдуетъ разсматривать вопросъ о загадочныхъ признакахъ монетъ Даулетъ-бирды и Хаджи-Герая. Не надобно забывать, что время, въ которому онѣ относятся, было переходное время для Крыма: какъ не вдругъ возникло и образовалось тамъ самостоятельное татарское ханство, такъ не сразу могли быть и установлены внѣшніе знаки его политической самостоятельности. Въ доказательство нашего соображенія можно указать на титулъ „султанъ“. Имя Хаджи-Герая, подобно его предшественникамъ по власти, является на монетахъ еще съ титуломъ „султанъ“, заурядъ съ главнымъ титуломъ „ханъ“: السلطان الاعظم حاجى خان = „Верховный *султанъ* Хаджи-ханъ“; а между тѣмъ уже въ скоромъ времени, при его ближайшихъ преемникахъ, этотъ титулъ получилъ второстепенное значеніе и сталъ принадлежать только ханскимъ княжичамъ, не бывшимъ въ ханскомъ достоинствѣ. То же самое колебаніе мы видимъ и въ употребленіи тамги, сдѣлавшейся фамильнымъ гербомъ Гераевъ. Впервые она встрѣчается на монетахъ Дуалетъ - бирды - хана и затѣмъ признаннаго родоначальника династіи, Хаджи-Герая; но

одновременно на нѣкоторыхъ монетахъ того и другого видимъ еще тамгу кыпчакскую, которая выбивалась на монетахъ золотоордынскихъ хановъ [1]). При равенствѣ условій, породившихъ извѣстные факты, не представляется достаточныхъ основаній дѣлать различіе между этими фактами только относительно личностей, соприкосновенныхъ съ ними; если употребленіе новой тамги на монетахъ Хаджи-Герая признается оригинальнымъ нумизматическимъ явленіемъ, то почему же на монетахъ Даулетъ-бирды слѣдуетъ считать его имитаціей, поддѣлкой?

Происхожденіе новой тамги, встрѣчающейся на монетахъ Даулетъ-бирды и Хаджи-Герая представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Выше было замѣчено, что форма этой тамги не имѣетъ сходства съ кыпчакскою тамгою; но если хорошенько всмотрѣться во всѣ варіанты ея, приведенные у г. Блау [2]), то они обнаруживають безспорное сходство съ изображеніемъ кафскаго портала, которое находится на двуименныхъ монетахъ, битыхъ для татарскихъ хановъ генуэзскими чеканщиками. Было бы смѣло категорически утверждать, что тамга Крымскихъ хановъ была простымъ повтореніемъ кафскаго портала, въ виду того, что она иногда является рядомъ съ этимъ порталемъ на однихъ и тѣхъ же монетахъ [3]); но что гербъ весьма важнаго въ свое время города Кафы имѣлъ вліяніе на образованіе формы тамги Крымскихъ хановъ, это также едва ли можно отвергать съ рѣшительностью. Кафскіе монетчики, по извѣстнымъ своимъ соображеніямъ превратившіе всадника прежнихъ татарскихъ монетъ въ своего св. Георгія, по тѣмъ же самымъ соображеніямъ могли превратить прежнюю татарскую стремевидную тамгу въ трезубецъ, не совсѣмъ отклонившійся и отъ старой формы, но еще болѣе напоминавшій гербъ ихъ собственнаго города. Эта выдумка кафскихъ монетчиковъ, если даже она была и произвольная, отвѣчала автономнымъ стремленіямъ хановъ, для которыхъ

[1]) Зап. Од Общ. VIII: 160, №№ XIV—XVII. [2]) Восточныя монеты. Таблица. [3]) Зап. Од. Общ., VIII: табл. I, №№ 5, 12, 13, 18—20.

источника властительныхъ правъ рода Гераевъ съ таковыми же правами прежнихъ общетатарскихъ владыкъ. Ссылка на свое чингизидское происхожденіе особенно была необходима наслѣдникамъ Хаджи-Герая въ послѣдующее время, когда къ нимъ стала слишкомъ уже безцеремонно относиться Порта и ея агенты, имѣвшіе дѣло съ Крымскими ханами.

Но то, что стало современемъ лестно для позднѣйшихъ потомковъ Хаджи-Герая, вовсе еще не представляло такого интереса для него самого, стремившагося основать свое господство въ Крыму независимо отъ главнаго центра татарскаго и положить начало своей собственной династіи. Стремленіе къ локализаціи своей автономіи непремѣнно должно было соединяться у него съ выработкою и изобрѣтеніемъ внѣшнихъ отличій и аттрибутовъ этой автономіи, къ числу которыхъ относятся династическое прозвище, титулъ, гербъ, чеканъ монеты, и т. п. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія, мы полагаемъ, и слѣдуетъ разсматривать вопросъ о загадочныхъ признакахъ монетъ Даулетъ-бирды и Хаджи-Герая. Не надобно забывать, что время, къ которому онѣ относятся, было переходное время для Крыма: какъ не вдругъ возникло и образовалось тамъ самостоятельное татарское ханство, такъ не сразу могли быть и установлены внѣшніе знаки его политической самостоятельности. Въ доказательство нашего соображенія можно указать на титулъ „султанъ". Имя Хаджи-Герая, подобно его предшественникамъ по власти, является на монетахъ еще съ титуломъ „султанъ", заурядъ съ главнымъ титуломъ „ханъ": السلطان الاعظم حاجى خان = „Верховный *султанъ* Хаджи-ханъ"; а между тѣмъ уже въ скоромъ времени, при его ближайшихъ преемникахъ, этотъ титулъ получилъ второстепенное значеніе и сталъ принадлежать только ханскимъ княжичамъ, не бывшимъ въ ханскомъ достоинствѣ. То же самое колебаніе мы видимъ и въ употребленіи тамги, сдѣлавшейся фамильнымъ гербомъ Гераевъ. Впервые она встрѣчается на монетахъ Дуалетъ-бирды-хана и затѣмъ признаннаго родоначальника династіи, Хаджи-Герая; но

одновременно на нѣкоторыхъ монетахъ того и другого видимъ еще тамгу кыпчакскую, которая выбивалась на монетахъ золотоордынскихъ хановъ [1]). При равенствѣ условій, породившихъ извѣстные факты, не представляется достаточныхъ основаній дѣлать различіе между этими фактами только относительно личностей, соприкосновенныхъ съ ними; если употребленіе новой тамги на монетахъ Хаджи-Герая признается оригинальнымъ нумизматическимъ явленіемъ, то почему же на монетахъ Даулетъ-бирды слѣдуетъ считать его имитаціей, поддѣлкой?

Происхожденіе новой тамги, встрѣчающейся на монетахъ Даулетъ-бирды и Хаджи-Герая представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Выше было замѣчено, что форма этой тамги не имѣетъ сходства съ кыпчакскою тамгою; но если хорошенько всмотрѣться во всѣ варіанты ея, приведенные у г. Блау [2]), то они обнаруживаютъ безспорное сходство съ изображеніемъ кафскаго портала, которое находится на двуименныхъ монетахъ, битыхъ для татарскихъ хановъ генуэзскими чеканщиками. Было бы смѣло категорически утверждать, что тамга Крымскихъ хановъ была простымъ повтореніемъ кафскаго портала, въ виду того, что она иногда является рядомъ съ этимъ порталемъ на однихъ и тѣхъ же монетахъ [3]); но что гербъ весьма важнаго въ свое время города Кафы имѣлъ вліяніе на образованіе формы тамги Крымскихъ хановъ, это также едва ли можно отвергать съ рѣшительностью. Кафскіе монетчики, по извѣстнымъ своимъ соображеніямъ превратившіе всадника прежнихъ татарскихъ монетъ въ своего св. Георгія, по тѣмъ же самымъ соображеніямъ могли превратить прежнюю татарскую стремевидную тамгу въ трезубецъ, не совсѣмъ отклонившійся и отъ старой формы, но еще болѣе напоминавшій гербъ ихъ собственнаго города. Эта выдумка кафскихъ монетчиковъ, если даже она была и произвольная, отвѣчала автономнымъ стремленіямъ хановъ, для которыхъ

[1]) Зап. Од Общ. VIII: 160, №№ XIV—XVII. [2]) Восточныя монеты. Таблица. [3]) Зап. Од. Общ., VIII: табл. I, №№ 5, 12, 13, 18—20.

чеканилась монета указаннаго типа, хотя она и не вдругъ получила всеобщее и исключительное употребленіе, пока окончательно не опредѣлилась и не упрочилась самая политическая автономія Крымскихъ хановъ, какъ самостоятельныхъ правителей отдѣльнаго татарскаго ханства. Новопридуманная форма ханской тамги тѣмъ пригодна была для татарскихъ хановъ, стремившихся всецѣло овладѣть и генуэзскими колоніями въ Крыму, что служила внѣшнимъ знакомъ присвоенія ханами себѣ тѣхъ владѣтельныхъ правъ на полуостровѣ, которыя принадлежали генуэзскимъ колонистамъ, пока они не были оттуда окончательно изгнаны отоманскими турками.

Но допустимъ, что высказанное нами предположеніе о происхожденіи тамги Крымскихъ хановъ не состоятельно; что тамга этого типа хоть и не встрѣчается ни на монетахъ, ни въ другихъ археологическихъ и историческихъ памятникахъ эпохи, предшествовавшей образованію Крымскаго ханства, тѣмъ не менѣе однако жь искони, по преданію, составляла геральдическую принадлежность того племени, или отрасли чингизидской, которая дала начало династіи Гераевъ. Въ такомъ случаѣ, чтобы появленіе этой тамги на монетахъ Даулетъ-бирды-хана признать анахронизмомъ, надо прежде доказать, что между нимъ и ханомъ Хаджи-Гераемъ не было ничего общаго, никакихъ отношеній, кромѣ простой хронологической преемственности во власти надъ однимъ и тѣмъ же территоріальнымъ пространствомъ въ Крыму. Между тѣмъ нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія выступленіе на политическое поприще Хаджи-Герая, какъ будто показываютъ противное.

По свидѣтельству арабскаго историка Эль-Айни, какъ мы видѣли выше [1]), въ 830=1426—1427 году Крымомъ завладѣлъ Даулетъ-бирды, но одновременно съ нимъ соперни-

---

[1]) Стр. 179.

чествовали въ притязаніи на власть и еще нѣкоторыя лица ханскаго рода, захватившія другіе участки обширной золотоордынской территоріи. Вслѣдъ за симъ тотъ же писатель говоритъ, что въ 832=1428—1429 г. „государемъ *Крыма* и прилегающихъ къ нему земель былъ Мухаммедъ", отъ котораго тогда же приходили послы въ Египетъ [1]). Про Даулетъ-бирды онъ уже вовсе не упоминаетъ. Это молчаніе арабскаго историка, современника повѣствуемыхъ имъ событій, занимавшаго разныя должности и потому имѣвшаго много офиціальныхъ связей, весьма существенно: оно сильно подрываетъ довѣріе къ одиночному свидѣтельству Шильтбергера о томъ, что Даулетъ-бирды послѣ трехдневнаго царствованія былъ убитъ своимъ соперникомъ и преемникомъ Мухаммедомъ. Даулетъ-бирды, хоть и короткое время, все же былъ въ сношеніи съ египетскимъ султанатомъ, и внезапная, необыкновенная его кончина едва ли бы прошла тамъ незамѣченною и осталась бы неизвѣстною Эль-Айни, который подъ 847=1443—1444 годомъ еще разъ повторяетъ, что „государемъ *Крыма* и Дешти былъ Мухаммедъ" [2]), и еще разъ умалчиваетъ о Даулетъ-бирды.

Въ русскихъ лѣтописяхъ за эту пору находимъ извѣстія, касающіяся лишь Мухаммедъ-хана. Такъ подъ 1430 годомъ въ нихъ повѣствуется о набѣгѣ ордынскаго бея Айдара и о рыцарскомъ поведеніи *царя Махметя*, который неодобрительно взглянулъ на клятвопреступное поведеніе Айдара, обманнымъ образомъ полонившаго мценскаго воеводу Григорія Протасьева [3]). А предъ этимъ разсказывалось о набѣгѣ „царя Куйдадата" въ 1422 году [4]); но о Даулетъбирды еще не упоминается.

Въ томъ же 1430 году русскіе князья Василій Васильевичъ и Юрій Дмитріевичъ, заспоривъ между собою о ве-

[1]) Тизенгаузенъ, I: 534. [2]) Ibidem. [3]) П. С. Р. Л., VIII: 95. [4]) Ibid., 92.

ликокняжескихъ правахъ отправились судиться въ Орду тоже къ царю „Махметю". На сторонѣ Юрія былъ крымскій вельможа, по имени Ширинъ-Тэгенэ (въ лѣтописи Ширинтягиня), съ которымъ Юрій и отправился зимовать въ Крымъ. Когда же они весною 1432 года прибыли въ Орду, то рѣшеніе хана Мухаммеда явно было въ пользу князя Василія Васильевича. Но и крымскій бей не уронилъ своего достоинства: онъ заступился за своего пріятеля и протеже, князя Юрія, грозя, въ случаѣ неуваженія его ходатайства ханомъ, „отступити отъ него, понеже бо въ то время пошелъ бяше на Махметя *Кичихъ Ахметъ* царь". Улу-Мухаммедъ все-таки поставилъ на своемъ, хотя и вознаградилъ Юрія, давъ ему городъ Дмитровъ [1]). Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ упоминаній объ Улу-Мухаммедѣ: какъ онъ въ 1437 сулилъ русскимъ всякія милости, если они помогутъ ему возвратить потерянное царство; какъ онъ въ слѣдующемъ году пожегъ московскіе посады [2]); какъ онъ въ 1445 году овладѣлъ Нижнимъ-Новгородомъ и пошолъ далѣе къ Мурому, потомъ разбилъ и полонилъ русскихъ князей и бояръ въ удачной битвѣ у Евѳимьева монастыря близъ Суздаля [3]).

Послѣ 1445 года объ Улу-Мухаммедѣ не упоминается въ лѣтописяхъ. Во всякомъ случаѣ онъ вскорѣ, въ томъ же году, покончилъ свое земное поприще, убитый сыномъ своимъ Махмудскомъ, съ именемъ котораго связывается основаніе царства Казанскаго [4]). Незадолго передъ этимъ, въ 1437 году, Улу-Мухаммедъ былъ изгнанъ и бѣжалъ изъ Золотой Орды и пріютился въ Белевѣ. Кѣмъ же онъ былъ изгнанъ? По однимъ извѣстіямъ, Улу-Мухаммедъ былъ выгнанъ еще въ 1432 году „пришедшимъ изъ-за Яика княземъ Эдигеемъ" [5]), который будто бы по изгнаніи его изъ Орды „тамошнее царство принялъ" [6]). Но это не вѣрно, ибо Идики

[1]) Ibid., 95—96. [2]) Ibidem, 107. [3]) Ibid., 112—113. [4]) Вельяминовъ-Зерновъ, О Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, I: 4 и 10. [5]) Рычковъ, Опытъ Казанской Исторіи. СПБ. 1767. Стр. 54. [6]) Ibid., 56.

въ это время уже не было въ живыхъ [1]). Въ Воскресенской лѣтописи сказано просто: „царь Махметъ сѣде въ градѣ Белевѣ, бѣжавъ *отъ иного царя*" [2]). Въ Царственномъ же лѣтописцѣ точнѣе указывается: „прежде бо сего и съ поля согнанъ (Улу-Махметъ) съ Большія Орды *отъ брата своего Кичи Ахмета*" [3]). Кичи Ахметъ или, по другимъ варіантамъ, *Кичихъ-Ахметъ* и даже *Амахметъ*, безъ сомнѣнія, есть тотъ самый Кючукъ-Мухаммедъ, т. е. „Мухаммедъ-Меньшой", мусульманскихъ историковъ, который такъ называется ими въ отличіе отъ другого Мухаммеда, названнаго у нихъ Улу-Мухаммедомъ = „Мухаммедомъ Большимъ". Но гдѣ же этотъ Кючукъ-Мухаммедъ обрѣтался до времени изгнанія имъ Улу-Мухаммеда, и откуда взялась у него сила для произведенія политическаго переворота въ Ордѣ?

Такъ какъ этотъ фактъ совершился вскорѣ послѣ столкновенія Улу-Мухаммеда съ Ширинскимъ беемъ Тэгенэ, то можно съ увѣренностью полагать, что послѣдній не даромъ грозилъ Улу-Мухаммеду „отступити отъ него" въ виду приближавшагося Кючукъ-Мухаммеда [4]). Ширинскій бей въ Ордѣ былъ гостемъ, главное же свое мѣстопребываніе, надо полагать, онъ имѣлъ въ Крыму, куда онъ возилъ съ собою на зимовку русскаго князя Юрія. Русскія лѣтописи въ разсматриваемую нами эпоху слѣдятъ только за тѣмъ, что дѣлалось у татаръ материковыхъ, и не обращаютъ, до поры до времени, никакого почти вниманія на татаръ Крымскаго полуострова. А между тѣмъ Крымъ тогда пріобрѣталъ все большее и большее значеніе въ ходѣ общетатарскихъ дѣлъ: въ немъ завелись уже крупные татарскіе беи, въ родѣ вышеупомянутаго Тэгенэ, располагавшіе могущественными средствами и силами, которыя дѣлали ихъ при случаѣ весьма полезными пособниками или же опасными противниками для

[1]) См. выше, стр. 177. [2]) П. С. Р. Л., VIII: 107. [3]) Цитов. у В.-Зернова, Op. cit.: 9. [4]) П. С. Р. Л., VIII: 96.

тѣхъ, кто нуждался въ чьей-либо военной опорѣ.

Крымъ и теперь не переставалъ быть предварительною школою, переходною ступенью для татарскихъ царевичей, которые стремились къ достиженію ханскаго трона въ самой Золотой Ордѣ, доколѣ казалось имъ лестнымъ сидѣть на немъ. Это значеніе Крыма усугублялось близостью къ нему владѣній знаменитаго Витовта Литовскаго, который втеченіе всей своей жизни, по хвастливому свидѣтельству польскихъ историковъ, не переставалъ вмѣшиваться въ политическія дѣла татарскихъ странъ, принимая дѣятельное участіе въ утвержденіи власти тѣхъ или другихъ претендентовъ на нее въ Ордѣ. Въ Трокахъ и Вильнѣ у него не разъ происходило торжественное нареченіе этихъ избранниковъ, состоявшее въ пожалованіи имъ сабли и шитаго золотомъ съ жемчугомъ колпака, что польскіе историки называютъ „коронованіемъ". Такимъ-то образомъ по смерти Джелал-эд-Дина Витовтъ короновалъ, по выраженію Стрыйковскаго, нѣкоего Бетсбула, или Бетсубулана, котораго татаре называли Токтамышемъ [1]). Этотъ новонареченный ханъ предназначался прямо для Золотой Орды на смѣну Керимъ бирды, не нравившагося Витовту. Крымъ тоже не исключался изъ сферы политическаго вліянія Витовта чрезъ посредство татарскихъ царевичей, пользовавшихся его содѣйствіемъ и поддержкою для достиженія господства въ этомъ краю, становившемся все болѣе и болѣе автономною провинціею. По свидѣтельству Стрыйковскаго, въ числѣ достопамятныхъ дѣлъ Витовта было и то, что онъ „Перекопскимъ татарамъ далъ двухъ султановъ, посадивъ *на царство Киркъельское* Мухаммеда, а затѣмъ и Девлетъ-Керея" [2]). Въ этомъ панегирикѣ Витовту замѣтно нѣкоторое преувеличеніе. Судьба татарскихъ хановъ, какъ видно по другимъ источникамъ, тогда главнѣйше зависѣла отъ сочувствія или несочувствія имъ вліятельныхъ

---

[1]) Kronika Macieja Stryjkowskiego. Warszawa. 1846. II: 156, 158 и 175. [2]) Ibid., 175.

въ Ордѣ и въ Крыму беевъ. При всемъ томъ, конечно, и Витовтъ, имѣвшій большія связи среди татарской знати и дававшій у себя пріютъ многимъ бездомнымъ и обездоленнымъ татарскимъ царевичамъ, не упускалъ случая ставить на ноги своихъ протеже и помогать имъ достигать властнаго положенія, которое могло имѣть и для него нѣкоторыя выгодныя послѣдствія. Мухаммедъ, сидѣвшій въ Кыркорѣ, долженъ былъ быть одинъ изъ двухъ Мухаммедовъ, Большой или Малый, выдвинутый въ началѣ своей карьеры Витовтомъ, и всего вѣроятнѣе—первый, такъ какъ Ширинскій бей Тэгенэ на чемъ же нибудь да основывалъ предпочтительность своего ходатайства за русскаго князя предъ ханомъ, съ которымъ у него должны были существовать извѣстныя отношенія, какъ у ближайшаго когда-то сосѣда и притомъ главы племени, обитавшаго въ сопредѣльныхъ съ крымскими владѣніями хана мѣстностяхъ. Тѣмъ чувствительнѣе должна была быть и обида Тэгенэ, причиненная ему отказомъ хана, которую гордый мурза, конечно, не замедлилъ выместить, приставъ къ противнику Улу-Мухаммеда, къ Кючукъ-Мухаммеду, явившемуся въ этотъ разъ съ Волги, по сказанію Іосафата Барбаро [1]).

Такъ оно почти выходитъ и по извѣстіямъ восточныхъ историковъ, которыми пользовался Ланглесъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что послѣ погибели Кадыръ-бирды-хана татарская знать посадила на ханство Улу-Мухаммеда, сына нѣкоего Хасана Джефаи, близкаго родственника Токтамыша, а по другимъ свидѣтельствамъ—сына Тимуръ-хана. Онъ-то велѣлъ отыскать убѣжище смертельно раненнаго Идики и прикончить его. Главными дѣятелями въ этомъ избраніи Улу-Мухаммеда указываются эмиры Ширинъ и Барынъ, вслѣдствіе чего сыновья убитаго Идики, сперва бѣжавшіе вмѣстѣ съ Гіяс-эд-Диномъ, сыномъ Шади-бека, въ Московію, потомъ

[1]) Путешествіе въ Тану. Спб. 1836. Стр. 14.

вернулись съ тремя тысячами татаръ опять въ Дешти-Кыпчакъ и напали на Ширинскаго бея, какъ главнаго виновника возвышенія Улу-Мухаммедъ-хана. Разбивши ширинцевъ, Гыяс-эд-Динъ съ своими партизанами обратился противъ самого Улу-Мухаммеда и его приверженца Хайдэръ-бея, главы татарскаго племени Кункратъ (Koukerat). Ханъ и бей, потерпѣвши пораженіе, оба *удалились въ Крымъ*. Побѣдитель Гыяс-эд-Динъ воспользовался ханскою властью, но не надолго: спустя годъ онъ умеръ въ 811—1436—7 году. Тогда-то былъ возведенъ въ ханы юноша Кючукъ-Мухаммедъ, сынъ Тимуръ-хана, благодаря стараніямъ одного изъ сыновей Идики, сильнаго эмира Мансура. Въ то время въ Азовѣ засѣлъ сынъ Урусъ-хана, Боракъ-ханъ, который, какъ мы видѣли, и у арабскихъ историковъ значится въ числѣ соперничествовавшихъ изъ-за власти Чингизидовъ. Мансуръ вздумалъ-было потомъ свергнуть Кючукъ-Мухаммеда и предложилъ ханское достоинство Бораку. Но Боракъ, вѣроятно уже озлобленный на Мансура за предпочтеніе, оказанное имъ Кючукъ-Мухаммеду, умертвилъ его и подвергъ преслѣдованіямъ всѣхъ тѣхъ, кого только подозрѣвалъ въ приверженствѣ къ убитому Мансуру. Тогда всѣ недовольные ушли къ Кючукъ-Мухаммеду, образовавъ около него такую внушительную силу, что когда Боракъ вздумалъ-было предупредить нападеніе противниковъ собственнымъ наступленіемъ, то войско его было разбито и разсѣяно, а самъ онъ въ жестокой сѣчѣ лишился жизни [1]). Вслѣдъ за этимъ произошло столкновеніе между счастливымъ Кючукъ-Мухаммедомъ и Улу-Мухаммедомъ. Только по источникамъ Ланглеса выходитъ, что первый сдѣлалъ нападеніе Улу-Мухаммедъ, удалившійся послѣ пораженія его Гыяс-эд-Диномъ въ Крымъ, хотя и не видно, чтобы онъ въ то время тамъ находился. Сказано только, что послѣ нѣсколькихъ сраженій противни-

[1]) Op. cit., 390—396.

ки заключили договоръ, по которому всѣ приволжскія земли стали принадлежать Кючукъ-Мухаммеду, а Крымъ достался Улу-Мухаммеду [1]). Затѣмъ, повѣствуется [redacted] же источникахъ, Улу-Мухаммедъ повздорилъ съ эмиромъ Хайдэромъ, который пошолъ тогда къ Сейидъ-Ахмедъ-хану, потомку Токтамыша, съ предложеніемъ своихъ услугъ для отнятія трона у обидѣвшаго его Улу-Мухаммеда. Они съ войскомъ пошли въ Крымъ, а Улу-Мухаммедъ, не надѣясь устоять противъ нихъ, убѣжалъ въ Казань. Сейидъ-Ахмедъ же, безъ боя завладѣвшій достояніемъ Улу-Мухаммеда, встрѣтилъ себѣ другого, болѣе опаснаго соперника, также претендовавшаго на господство въ Крыму, въ лицѣ Хаджи-Герая, былъ имъ разбитъ и преслѣдуемъ въ 1452 году и наконецъ попался въ плѣнъ къ полякамъ [2]). Здѣсь, очевидно, разсказана исторія того Сейидъ-Ахмеда, который извѣстенъ и нашимъ лѣтописямъ подъ именемъ „Сиди Ахметя", а у историковъ польскихъ зовется Sadahmeth или Sadahmetes. Онъ, дѣйствительно, въ 1449 году грабилъ наши предѣлы, а потомъ, разбитый Хаджи-Гераемъ, бѣжалъ въ Литву и умеръ плѣнникомъ въ Ковно [3]).

Такимъ образомъ, пока на территоріи главнаго татарскаго гнѣздилища тягались изъ-за господства надъ нею два Мухаммеда, Большой съ Меньшимъ, да, впридачу имъ, еще нѣсколько претендентовъ, менѣе видныхъ, какъ, напримѣръ, Боракъ, Гыяс-эд-Динъ и Сейидъ-Ахмедъ, въ Крымскомъ улусѣ выдвинулся и успѣлъ взять силу Хаджи-Герай. Онъ уже дотого надоѣлъ своими притязаніями и назойливыми требованіями генуэзцамъ, что тѣ вынуждены были обратиться къ своей метрополіи съ просьбою о помощи. Порученіе защиты кафинцевъ отъ безпокойнаго сосѣда было возложено на Карла Ломеллино, только что завоевавшаго тогда опять Чемба-

---

[1]) Ibid., 396—397. [2]) Ibid., 398—399. [3]) В. Зерновъ, Op. cit., I: 21, 120—121.

ю (т. е. Балаклаву). Но сей венеціанецъ, высадившись въ Кафѣ и оттуда двинувшись въ глубь полуострова съ отрядомъ въ 6000 человѣкъ, былъ разбитъ Хаджи-Гераемъ во внезапной атакѣ около Солхата. Это произошло въ 1437 году [1]. Пораженіе Ломеллино имѣло послѣдствіемъ еще большую несносность поведенія Хаджи-Герая въ отношеніи къ генуэзцамъ, которыхъ онъ обложилъ данью [2]. Спрашивается: откуда же взялся Хаджи-Герай и въ столь короткое время пріобрѣлъ такое могущество, что держалъ въ своихъ рукахъ весь Крымъ, грозно обращаясь съ генуэзскими колонистами, если какихъ-нибудь пять лѣтъ передъ тѣмъ тамъ власть числилась за Даулетъ-бирды и Улу-Мухаммедомъ? Мы такимъ образомъ подходимъ къ вопросу о родоначаліи Гераевъ, съ утвержденіемъ господства которыхъ надъ Крымомъ начинается новый періодъ въ исторической судьбѣ послѣдняго, когда окончательно порывается политическая связь этого удѣла Золотой Орды съ главнымъ центромъ татарскаго владычества, вслѣдствіе утраты имъ всякаго могущества и государственной силы, и, взамѣнъ этого, открываются болѣе оживленныя и дѣятельныя сношенія съ другою отраслью тюркскаго племени, только что воздвигшаго зданіе могущественнаго государства, съ турками османскими.

---

[1]) Heyd, Op. cit., II: 381. [2]) Ibidem.

II.

События крымско-татарской исторіи, достигнувъ наибольшаго интереса въ половинѣ XV вѣка, въ эпоху образованія самостоятельнаго татарскаго ханства, независимаго отъ Золотой Орды, не пріобрѣтаютъ однако же соотвѣтственной этому интересу большей ясности, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ. Здѣсь намъ извѣстны, пожалуй, имена историческихъ лицъ, но нѣкоторые пункты ихъ дѣятельности и отношенія остаются и надолго еще, вѣроятно, останутся непонятными и не могутъ быть опредѣлены удовлетворительно при тѣхъ историческихъ данныхъ, какія пока доселѣ имѣются. Эта неопредѣленность, эта неясность, помимо разныхъ другихъ вопросовъ, прежде всего имѣетъ мѣсто въ вопросѣ о личности Хаджи-Герая, считающагося родоначальникомъ цѣлой династіи, властвовавшей въ Крыму по окончательномъ выдѣленіи этого юрта въ особое ханство. Чѣмъ болѣе строится ученыхъ догадокъ въ этомъ пунктѣ генеалогическихъ изысканій, тѣмъ становится очевиднѣе безнадежность достиженія вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Эту безнадежность сознавали еще турецкіе историки, на которыхъ особенно много ссылаются европейскіе ученые. Напримѣръ, Мюнеджжимъ баши, не менѣе добросовѣстно, чѣмъ г. Говордзъ, собиравшій изъ всѣхъ доступныхъ и недоступныхъ ему источниковъ свѣдѣнія о предкахъ Крымскихъ хановъ, въ концѣ концовъ отступился отъ попытки возстановить ихъ истинную генеалогію. Кромѣ довольно пространнаго повѣствованія о ханахъ той Джучидской властительной отрасли, въ непосредственной связи съ которою должна стоять династія Гераевъ, мы находимъ у Мюнеджжимъ-баши еще, такъ сказать, краткое резюме, въ которомъ онъ снова возвращается къ родословію Крымскихъ хановъ. Вотъ это резюме дословно.

„*Крымскіе ханы.* Столица ихъ Бахчэ-Сарай, а начало появленія ихъ около 830 = 1426—1427 года. Происхожденіе

ихъ изъ рода Чингизова, изъ дома Джучіева признается всѣми единогласно; но по однимъ они составляютъ поколѣніе Урусъ-хана, а по другимъ они суть потомки Тохтамышъ-хана. Первое болѣе вѣроятно и ближе къ истинѣ. Историкъ Дженнаби, со словъ Хафизъ-Мухаммеда Ташкенди, разсказываетъ вотъ что. Во время битвы съ Идигу-бенъ-Аланджакомъ, покорившимъ джучидскія племена, попала стрѣла въ Тохтамышева сына Кадыръ-бирды, и онъ погибъ. Тогда съ согласія эмировъ на его мѣсто былъ посаженъ братъ его Мухаммедъ-бенъ-Токтамышъ. А этотъ послѣдній былъ извѣстенъ подъ именемъ *Кючукъ-Мухаммедъ-хана.* Изъ его-то поколѣнія и происходятъ Крымскіе ханы. Но дештьцы не соглашаются съ этимъ: они говорятъ, что послѣ Токтамыша Большого былъ Токтамышъ Малый; послѣ него Улу-Мухаммедъ-ханъ, а за нимъ Кючукъ-Мухаммедъ. Дженнаби говоритъ, что Кючукъ-Мухаммедъ и есть тотъ самый, который, по словамъ Ташкенди, сталъ ханомъ во время идикеевской исторіи. Онъ былъ храбрый человѣкъ и богатырь: велъ нѣсколько войнъ противъ русскихъ (sic) и московъ и покорилъ нѣсколько изъ нихъ. На его мѣсто вступилъ *Хаджи-Герай.* Этотъ былъ также знатный ханъ. Есть нѣсколько памятныхъ дѣлъ его. Тутъ конецъ словъ Дженнаби [1]). Изъ сказаній Гаффари въ „Джиганъ-Ара" явствуетъ слѣдующее. Впервые избравшій столицею (دار الملك) Крымъ былъ Мухаммедъ-султанъ-ханъ, бенъ-Тимуръ-султанъ, бенъ-Тимуръ-Кутлукъ, бенъ-Тимуръ-Мелекъ, бенъ-Урусъ. Въ 730 = 1426—1427 г., послѣ того какъ Боракъ-ханъ, бенъ-Куйруджакъ-огланъ, ибнъ-Урусъ-ханъ, былъ убитъ, онъ (Мухаммедъ) съ согласія эмировъ возсѣлъ на ханскій тронъ, обстроилъ и поправилъ городъ Бахчэ-Сарай, сдѣлавъ тамъ свое мѣстопребываніе (اقامت) и неоднократно велъ войны противъ невѣрныхъ. Онъ возвеличилъ свои владѣнія,

[1]) Ср. Тизенгаузенъ. I: 538.

стяжалъ себѣ честь и славу и до самой смерти пребывалъ твердъ на своемъ мѣстѣ. Затѣмъ очевидно еще то, что упомянутый (Мухаммедъ-ханъ) и есть предокъ Крымскихъ хановъ, а Хаджи-Герай—сынъ его, ибо въ нѣкоторыхъ исторіяхъ написано, что Хаджи-Герай былъ сынъ Токтамышъ-оглу-Кючукъ-Мухаммеда. Но, кажется, ошибочно возводить его происхожденіе къ Токтамышъ-хану. Согласно господствующему мнѣнію и мы скажемъ, что когда умеръ Мухаммедъ - султанъ, то на его мѣсто сѣлъ сынъ его *Хаджи-Герай*-бенъ-Мухаммедъ-султанъ, бенъ-Тимуръ-султанъ, бенъ-Тимуръ-Кутлукъ, бенъ-Тимуръ-Мелекъ, бенъ-Урусъ-ханъ, бенъ-Чимтай-ибнъ-Эберзенъ, бенъ-Сасы-Бука,. бенъ - Тули, бенъ Ордэ, бенъ-Джучи, бенъ-Чингизъ. Всѣ согласны въ томъ, что этотъ былъ предокъ хановъ Крымскихъ. Онъ же присовокупилъ къ концѣ своего имени и слово „Герай"; по зачѣмъ онъ присоединилъ это слово, и отчего это стало послѣ него необходимо и дѣтямъ его, причина этого намъ не извѣстна" [1]).

Такимъ образомъ общепризнанный родоначальникъ крымской династіи Гераевъ есть Хаджи-Герай. Расходящіяся же мнѣнія восточныхъ писателей о его происхожденіи задали немалую работу европейскимъ изслѣдователямъ. Гаммеръ, истощивъ всѣ свои усилія разрѣшить противорѣчивыя данныя относительно настоящаго отца Хаджи-Герая, въ заключеніе говоритъ, что „Aus diesen Widersprüchen die Wahrheit zu ermitteln, wird dem künftigen Geschichtsschreiber der Krimo bliegen" [2]). Вѣрные этому завѣщанію Гаммера, послѣдующіе историки не однократно принимались за разрѣшеніе той же задачи, но въ результатѣ и они все-таки не пошли далѣе догадокъ. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ заявляетъ: „Чей былъ сынъ Хаджи-Гирей, достовѣрно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, правы тѣ,

---

[1]) Мюнеджимъ-баши, II: 697—698.

[2]) Gesb. d. G. H., 400.

которые производятъ Хаджи-Гирея изъ одного рода съ Тохтамышемъ" [1]). Г. Говордзъ, перебравъ соображенія своихъ предшественниковъ по тому же вопросу, дѣлаетъ такое заключеніе: „При отсутствіи положительныхъ доказательствъ, я рѣшительно склоненъ заключать, что Хаджи-Герай былъ, въ самомъ дѣлѣ, сынъ Ташъ-Тимура и племянникъ Улугъ-Мухаммеда" [2]).

Не соглашаясь съ Гаммеромъ, отрицающимъ родство Хаджи-Герая съ Токтамышемъ, г. Говордзъ дѣлаетъ поправку въ доводѣ Гаммера, который гласитъ слѣдующее: „Dass Hadschi Girai ein Bruder Dschelaleddin's, d. i. ein Sohn Tochtamisch-Chans, gewesen, widerlegt sich dadurch, dass unter den acht Söhnen Tochtamischchan's kein anderer Muhammed erscheint [3]). Этотъ темный и непонятный доводъ буквально повторенъ Гаммеромъ и въ его Geshcichte der Chane der Krim [4]). Говордзъ же передаетъ вышеприведенныя слова Гаммера въ нѣсколько иномъ видѣ, а именно: „The short history of Kazan makes Haji Girai a brother of Jelal ud din, and therefore a son of Toktamish, but no such name as Haji Girai occurs among the recorded sons of Toktamish" [5]).

Но этимъ еще не исчерпываются всѣ варіанты старинныхъ извѣстій и новѣйшихъ домысловъ касательно родословія Хаджи-Герая. Такъ авторъ исторіи Крымскихъ хановъ подъ заглавіемъ „Гюльбуни-ханапъ", самъ изъ членовъ Герайской фамиліи, называетъ Хаджи-Герая ابن غياث الدين سلطان بن تاش تيمور — „Сыномъ Гыяс-эд-Дина-бенъ-Ташъ-Тимура" [6]), слѣдуя въ данномъ случаѣ Абу-ль-Гази, который также считаетъ Хаджи-Герая сыномъ Гыяс-эд-Дина [7]).

Кромѣ того, существуетъ цѣлое преданіе, которое повторяется всѣми турецко-татарскими историками, о происхож-

[1]) О Касим. царяхъ и царевичахъ, I: 95, пр. 44. [2]) Op. cit., 449. [3]) G. d. G. H., 400. [4]) Стр. 28. [5]) Op. cit., 448. [6]) Гюльбуни-хананъ, стр. 5. [7]) Op. cit, I: ١٧٨ & II: 187.

деніи и личности главы династіи Гераевъ. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь это преданіе въ простой, но болѣе полной редакціи, какую оно имѣетъ въ Краткой Исторіи неизвѣстнаго автора, ибо и г. Негри, переведшій извлеченія изъ этой исторіи, и проф. Казембекъ, въ предисловіи къ изданному имъ тексту „Семи планетъ", ограничились лишь однимъ упоминаніемъ объ этомъ преданіи [1]), или краткимъ пересказомъ его содержанія съ пропускомъ нѣкоторыхъ подробностей, не лишенныхъ, на нашъ взглядъ, историческаго значенія [2]). Вотъ что говорится въ этомъ преданіи.

„Когда Улугъ-Мухаммедъ ханъ умеръ, Крымское ханство досталось Сейидъ-Ахмедъ-хану. Новый ханъ, умертвивъ дядиныхъ съ отцовской стороны сыновей, Гыяс-эд-Дина съ братомъ его Али-беемъ, вознамѣрился также извести Хаджи-Герая съ племянникомъ Джанай-огланомъ. Двое послѣднихъ, узнавши объ этомъ, съ однимъ своимъ вѣрнымъ слугою бѣжали. Извѣстившійся о побѣгѣ ихъ жестокій ханъ снарядилъ погоню за ними. Преслѣдовавшіе настигли ихъ на рѣкѣ Днѣпрѣ. Тѣ со всѣмъ, съ лошадьми бросились въ рѣку и поплыли. Преслѣдователи осыпали ихъ съ берегу дождемъ стрѣлъ, но не попали въ нихъ. Конь Джанай-оглана въ состояніи былъ добраться до безопаснаго берега. А когда Хаджи-Герай съ слугою своимъ при этой перепалкѣ были уже на срединѣ рѣки, одна стрѣла угодила въ коня его. Хаджи-Герай очутился кругомъ въ водѣ. Въ то время вѣрный слуга отдаетъ свою лошадь своему господину, пожертвовавъ ради него своей жизнью. Онъ утонулъ, едва успѣвъ ему завѣщать, сказавши: „Если достигнете счастія, то окажите милость моимъ дѣтямъ и родственникамъ". Царство ему небесное!"

[1]) Зап. Од. Общ., I: 381. [2]) Семь планетъ, стр. XI—XII.

тѣхъ, кто нуждался въ чьей-либо военной опорѣ.

Крымъ и теперь не переставалъ быть предварительною школою, переходною ступенью для татарскихъ царевичей, которые стремились къ достиженію ханскаго трона въ самой Золотой Ордѣ, доколѣ казалось имъ лестнымъ сидѣть на немъ. Это значеніе Крыма усугублялось близостью къ нему владѣній знаменитаго Витовта Литовскаго, который втеченіе всей своей жизни, по хвастливому свидѣтельству польскихъ историковъ, не переставалъ вмѣшиваться въ политическія дѣла татарскихъ странъ, принимая дѣятельное участіе въ утвержденіи власти тѣхъ или другихъ претендентовъ на нее въ Ордѣ. Въ Трокахъ и Вильнѣ у него не разъ происходило торжественное нареченіе этихъ избранниковъ, состоявшее въ пожалованіи имъ сабли и шитаго золотомъ съ жемчугомъ колпака, что польскіе историки называютъ „коронованіемъ". Такимъ-то образомъ по смерти Джелал-эд-Дина Витовтъ короновалъ, по выраженію Стрыйковскаго, нѣкоего Бетсбула, или Бетсубулана, котораго татаре называли Токтамышемъ [1]). Этотъ новонареченный ханъ предназначался прямо для Золотой Орды на смѣну Керимъ бирды, не нравившагося Витовту. Крымъ тоже не исключался изъ сферы политическаго вліянія Витовта чрезъ посредство татарскихъ царевичей, пользовавшихся его содѣйствіемъ и поддержкою для достиженія господства въ этомъ краю, становившемся все болѣе и болѣе автономною провинціею. По свидѣтельству Стрыйковскаго, въ числѣ достопамятныхъ дѣлъ Витовта было и то, что онъ „Перекопскимъ татарамъ далъ двухъ султановъ, посадивъ *на царство Киркъельское* Мухаммеда, а затѣмъ и Девлетъ-Керея" [2]). Въ этомъ панегирикѣ Витовту замѣтно нѣкоторое преувеличеніе. Судьба татарскихъ хановъ, какъ видно по другимъ источникамъ, тогда главнѣйше зависѣла отъ сочувствія или несочувствія имъ вліятельныхъ

---

[1]) Kronika Macieja Stryjkowskiego. Warszawa. 1846. II: 156, 158 и 175. [2]) Ibid., 175.

въ Ордѣ и въ Крыму беевъ. При всемъ томъ, конечно, и Витовтъ, имѣвшій большія связи среди татарской знати и дававшій у себя пріютъ многимъ бездомнымъ и обездоленнымъ татарскимъ царевичамъ, не упускалъ случая ставить на ноги своихъ протеже и помогать имъ достигать властнаго положенія, которое могло имѣть и для него нѣкоторыя выгодныя послѣдствія. Мухаммедъ, сидѣвшій въ Кыркорѣ, долженъ былъ быть одинъ изъ двухъ Мухаммедовъ, Большой или Малый, выдвинутый въ началѣ своей карьеры Витовтомъ, и всего вѣроятнѣе—первый, такъ какъ Ширинскій бей Тэгенэ на чемъ же нибудь да основывалъ предпочтительность своего ходатайства за русскаго князя предъ ханомъ, съ которымъ у него должны были существовать извѣстныя отношенія, какъ у ближайшаго когда-то сосѣда и притомъ главы племени, обитавшаго въ сопредѣльныхъ съ крымскими владѣніями хана мѣстностяхъ. Тѣмъ чувствительнѣе должна была быть и обида Тэгенэ, причиненная ему отказомъ хана, которую гордый мурза, конечно, не замедлилъ выместить, приставъ къ противнику Улу-Мухаммеда, къ Кючукъ-Мухаммеду, явившемуся въ этотъ разъ съ Волги, по сказанію Іосафата Барбаро [1].

Такъ оно почти выходитъ и по извѣстіямъ восточныхъ историковъ, которыми пользовался Ланглесъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что послѣ погибели Кадыръ-бирды-хана татарская знать посадила на ханство Улу-Мухаммеда, сына нѣкоего Хасана Джефаи, близкаго родственника Тохтамыша, а по другимъ свидѣтельствамъ—сына Тимуръ-хана. Онъ-то велѣлъ отыскать убѣжище смертельно раненнаго Идики и прикончить его. Главными дѣятелями въ этомъ избраніи Улу-Мухаммеда указываются эмиры Ширинъ и Барынъ, вслѣдствіе чего сыновья убитаго Идики, сперва бѣжавшіе вмѣстѣ съ Гыяс-эд-Диномъ, сыномъ Шади-бека, въ Московію, потомъ

---

[1]) Путешествіе въ Тану. Спб. 1836. Стр. 14.

вернулись съ тремя тысячами татаръ опять въ Дешти-Кыпчакъ и напали на Ширинскаго бея, какъ главнаго виновника возвышенія Улу-Мухаммедъ-хана. Разбивши ширинцевъ, Гыяс-эд-Динъ съ своими партизанами обратился противъ самого Улу-Мухаммеда и его приверженца Хайдэръ-бея, главы татарскаго племени Кункратъ (Koukerat). Ханъ и бей, потерпѣвши пораженіе, оба *удалились въ Крымъ*. Побѣдитель Гыяс-эд-Динъ воспользовался ханскою властью, но не надолго: спустя годъ онъ умеръ въ 841 = 1436—7 году. Тогда-то былъ возведенъ въ ханы юноша Кючукъ-Мухаммедъ, сынъ Тимуръ-хана, благодаря стараніямъ одного изъ сыновей Идики, сильнаго эмира Мансура. Въ то время въ Азовѣ засѣлъ сынъ Урусъ-хана, Боракъ-ханъ, который, какъ мы видѣли, и у арабскихъ историковъ значится въ числѣ соперничествовавшихъ изъ-за власти Чингизидовъ. Мансуръ вздумалъ-было потомъ свергнуть Кючукъ-Мухаммеда и предложилъ ханское достоинство Бораку. Но Боракъ, вѣроятно уже озлобленный на Мансура за предпочтеніе, оказанное имъ Кючукъ-Мухаммеду, умертвилъ его и подвергъ преслѣдованіямъ всѣхъ тѣхъ, кого только подозрѣвалъ въ приверженствѣ къ убитому Мансуру. Тогда всѣ недовольные ушли къ Кючукъ-Мухаммеду, образовавъ около него такую внушительную силу, что когда Боракъ вздумалъ-было предупредить нападеніе противниковъ собственнымъ наступленіемъ, то войско его было разбито и разсѣяно, а самъ онъ въ жестокой сѣчѣ лишился жизни [1]). Вслѣдъ за этимъ произошло столкновеніе между счастливымъ Кючукъ-Мухаммедомъ и Улу-Мухаммедомъ. Только по источникамъ Ланглеса выходитъ, что первый сдѣлалъ нападеніе Улу-Мухаммедъ, удалившійся послѣ пораженія его Гыяс-эд-Диномъ въ Крымъ, хотя и не видно, чтобы онъ въ то время тамъ находился. Сказано только, что послѣ нѣсколькихъ сраженій противни-

---

[1]) Op. cit., 390—396.

ки заключили договоръ, по которому всѣ приволжскія земли стали принадлежать Кючукъ-Мухаммеду, а Крымъ достался Улу-Мухаммеду [1]). Затѣмъ, повѣствуется [redacted] же источникахъ, Улу-Мухаммедъ повздорилъ съ эмиромъ Хайдэромъ, который пошолъ тогда къ Сейидъ-Ахмедъ-хану, потомку Токтамыша, съ предложеніемъ своихъ услугъ для отнятія трона у обидѣвшаго его Улу-Мухаммеда. Они съ войскомъ пошли въ Крымъ, а Улу-Мухаммедъ, не надѣясь устоять противъ нихъ, убѣжалъ въ Казань. Сейидъ-Ахмедъ же, безъ боя завладѣвшій достояніемъ Улу-Мухаммеда, встрѣтилъ себѣ другого, болѣе опаснаго соперника, также претендовавшаго на господство въ Крыму, въ лицѣ Хаджи-Герая, былъ имъ разбитъ и преслѣдуемъ въ 1452 году и наконецъ попался въ плѣнъ къ полякамъ [2]). Здѣсь, очевидно, разсказана исторія того Сейидъ-Ахмеда, который извѣстенъ и нашимъ лѣтописямъ подъ именемъ „Сиди Ахметя", а у историковъ польскихъ зовется Sadahmeth или Sadahmetes. Онъ, дѣйствительно, въ 1449 году грабилъ наши предѣлы, а потомъ, разбитый Хаджи-Гераемъ, бѣжалъ въ Литву и умеръ плѣнникомъ въ Ковно [3]).

Такимъ образомъ, пока на территоріи главнаго татарскаго гнѣздилища тягались изъ-за господства надъ нею два Мухаммеда, Большой съ Меньшимъ, да, впридачу имъ, еще нѣсколько претендентовъ, менѣе видныхъ, какъ, напримѣръ, Боракъ, Гыяс-эд-Динъ и Сейидъ-Ахмедъ, въ Крымскомъ улусѣ выдвинулся и успѣлъ взять силу Хаджи-Герай. Онъ уже дотого надоѣлъ своими притязаніями и назойливыми требованіями генуэзцамъ, что тѣ вынуждены были обратиться къ своей метрополіи съ просьбою о помощи. Порученіе защиты кафинцевъ отъ безпокойнаго сосѣда было возложено на Карла Ломеллино, только что завоевавшаго тогда опять Чемба-

[1]) Ibid., 396—397. [2]) Ibid., 398—399. [3]) В. Зерновъ, Op. cit., I: 21, 120—121.

ло (т. е. Балаклаву). Но сей военачальникъ, высадившись въ Кафѣ и оттуда двинувшись въ глубь полуострова съ отрядомъ въ 6000 человѣкъ, былъ разбитъ Хаджи-Гераемъ во внезапной атакѣ около Солхата. Это произошло въ 1437 году [1]). Пораженіе Ломеллино имѣло послѣдствіемъ еще большую несносность поведенія Хаджи-Герая въ отношеніи къ генуэзцамъ, которыхъ онъ обложилъ данью [2]). Спрашивается: откуда же взялся Хаджи-Герай и въ столь короткое время пріобрѣлъ такое могущество, что держалъ въ своихъ рукахъ весь Крымъ, грозно обращаясь съ генуэзскими колонистами, если какихъ-нибудь пять лѣтъ передъ тѣмъ тамъ власть числилась за Даулетъ-бирды и Улу-Мухаммедомъ? Мы такимъ образомъ подходимъ къ вопросу о родоначаліи Гераевъ, съ утвержденіемъ господства которыхъ надъ Крымомъ начинается новый періодъ въ исторической судьбѣ послѣдняго, когда окончательно порывается политическая связь этого удѣла Золотой Орды съ главнымъ центромъ татарскаго владычества, вслѣдствіе утраты имъ всякаго могущества и государственной силы, и, взамѣнъ этого, открываются болѣе оживленныя и дѣятельныя сношенія съ другою отраслью тюркскаго племени, только что воздвигшаго зданіе могущественнаго государства, съ турками османскими.

---

[1]) Heyd, Op. cit., II: 381. [2]) Ibidem.

II.

События крымско-татарской исторіи, достигнувъ наибольшаго интереса въ половинѣ XV вѣка, въ эпоху образованія самостоятельнаго татарскаго ханства, независимаго отъ Золотой Орды, не пріобрѣтаютъ однако же соотвѣтственной этому интересу большей ясности, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ. Здѣсь намъ извѣстны, пожалуй, имена историческихъ лицъ, но нѣкоторые пункты ихъ дѣятельности и отношенія остаются и надолго еще, вѣроятно, останутся непонятными и не могутъ быть опредѣлены удовлетворительно при тѣхъ историческихъ данныхъ, какія пока доселѣ имѣются. Эта неопредѣленность, эта неясность, помимо разныхъ другихъ вопросовъ, прежде всего имѣетъ мѣсто въ вопросѣ о личности Хаджи-Герая, считающагося родоначальникомъ цѣлой династіи, властвовавшей въ Крыму по окончательномъ выдѣленіи этого юрта въ особое ханство. Чѣмъ болѣе строится ученыхъ догадокъ въ этомъ пунктѣ генеалогическихъ изысканій, тѣмъ становится очевиднѣе безнадежность достиженія вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Эту безнадежность сознавали еще турецкіе историки, на которыхъ особенно много ссылаются европейскіе ученые. Напримѣръ, Мюнеджжимъ-баши, не менѣе добросовѣстно, чѣмъ г. Говордзъ, собиравшій изъ всѣхъ доступныхъ и недоступныхъ ему источниковъ свѣдѣнія о предкахъ Крымскихъ хановъ, въ концѣ концовъ отступился отъ попытки возстановить ихъ истинную генеалогію. Кромѣ довольно пространнаго повѣствованія о ханахъ той Джучидской властительной отрасли, въ непосредственной связи съ которою должна стоять династія Гераевъ, мы находимъ у Мюнеджжимъ-баши еще, такъ сказать, краткое резюме, въ которомъ онъ снова возвращается къ родословію Крымскихъ хановъ. Вотъ это резюме дословно.

„*Крымскіе ханы.* Столица ихъ Бахчэ-Сарай, а начало появленія ихъ около 830 = 1426—1427 года. Происхожденіе

ихъ изъ рода Чингизова, изъ дома Джучіева признается всѣми единогласно; но по однимъ они составляютъ поколѣніе Урусъ-хана, а по другимъ они суть потомки Тохтамышъ-хана. Первое болѣе вѣроятно и ближе къ истинѣ. Историкъ Дженнаби, со словъ Хафизъ-Мухаммеда Ташкенди, разсказываетъ вотъ что. Во время битвы съ Идигу-бенъ-Аланджакомъ, покорившимъ джучидскія племена, попала стрѣла въ Тохтамышева сына Кадыръ-бирды, и онъ погибъ. Тогда съ согласія эмировъ на его мѣсто былъ посаженъ братъ его Мухаммедъ-бенъ-Токтамышъ. А этотъ послѣдній былъ извѣстенъ подъ именемъ *Кючукъ-Мухаммедъ-хана.* Изъ его-то поколѣнія и происходятъ Крымскіе ханы. Но дештьцы не соглашаются съ этимъ: они говорятъ, что послѣ Токтамыша Большого былъ Токтамышъ Малый; послѣ него Улу-Мухаммедъ-ханъ, а за нимъ Кючукъ-Мухаммедъ. Дженнаби говоритъ, что Кючукъ-Мухаммедъ и есть тотъ самый, который, по словамъ Ташкенди, сталъ ханомъ во время идикеевской исторіи. Онъ былъ храбрый человѣкъ и богатырь: велъ нѣсколько войнъ противъ русскихъ (sic) и москововъ и покорилъ нѣсколько изъ нихъ. На его мѣсто вступилъ *Хаджи-Герай.* Этотъ былъ также знатный ханъ. Есть нѣсколько памятныхъ дѣлъ его. Тутъ конецъ словъ Дженнаби [1]. Изъ сказаній Гаффари въ „Джиганъ-Ара“ явствуетъ слѣдующее. Впервые избравшій столицею (دار الملك) Крымъ былъ Мухаммедъ-султанъ-ханъ, бенъ-Тимуръ-султанъ, бенъ-Тимуръ-Кутлукъ, бенъ-Тимуръ-Мелекъ, бенъ-Урусъ. Въ 730 = 1426—1427 г., послѣ того какъ Боракъ-ханъ, бенъ-Куйруджакъ-огланъ, ибнъ-Урусъ-ханъ, былъ убитъ, онъ (Мухаммедъ) съ согласія эмировъ возсѣлъ на ханскій тронъ, обстроилъ и поправилъ городъ Бахчэ-Сарай, сдѣлавъ тамъ свое мѣстопребываніе (اقامت) и неоднократно велъ войны противъ невѣрныхъ. Онъ возвеличилъ свои владѣнія,

---

[1]) Ср. Тизенгаузенъ. I: 538.

стяжалъ себѣ честь и славу и до самой смерти пребывалъ твердъ на своемъ мѣстѣ. Затѣмъ очевидно еще то, что упомянутый (Мухаммедъ-ханъ) и есть предокъ Крымскихъ хановъ, а Хаджи-Герай—сынъ его, ибо въ нѣкоторыхъ исторіяхъ написано, что Хаджи-Герай былъ сынъ Токтамышъ-оглу-Кючукъ-Мухаммеда. Но, кажется, ошибочно возводить его происхожденіе къ Токтамышъ-хану. Согласно господствующему мнѣнію и мы скажемъ, что когда умеръ Мухаммедъ - султанъ, то на его мѣсто сѣлъ сынъ его *Хаджи-Герай*-бенъ-Мухаммедъ-султанъ, бенъ-Тимуръ-султанъ, бенъ-Тимуръ-Куглукъ, бенъ-Тимуръ-Мелекъ, бенъ-Урусъ-ханъ, бенъ-Чимтай-ибнъ-Эберзенъ, бенъ-Сасы-Бука,. бенъ - Тули, бенъ Ордэ, бенъ-Джучи, бенъ-Чингизъ. Всѣ согласны въ томъ, что этотъ былъ предокъ хановъ Крымскихъ. Онъ же присовокупилъ къ концѣ своего имени и слово „Герай"; по зачѣмъ онъ присоединилъ это слово, и отчего это стало послѣ него необходимо и дѣтямъ его, причина этого намъ не извѣстна" [1]).

Такимъ образомъ общепризнанный родоначальникъ крымской династіи Гераевъ есть Хаджи-Герай. Расходящіяся же мнѣнія восточныхъ писателей о его происхожденіи задали немалую работу европейскимъ изслѣдователямъ. Гаммеръ, истощивъ всѣ свои усилія разрѣшить противорѣчивыя данныя относительно настоящаго отца Хаджи-Герая, въ заключеніе говоритъ, что „Aus diesen Widersprüchen die Wahrheit zu ermitteln, wird dem künftigen Geschichtsschreiber der Krimo bliegen" [2]). Вѣрные этому завѣщанію Гаммера, послѣдующіе историки не однократно принимались за разрѣшеніе той же задачи, но въ результатѣ и они все-таки не пошли далѣе догадокъ. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ заявляетъ: „Чей былъ сынъ Хаджи-Гирей, достовѣрно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, правы тѣ,

---

[1]) Мюнеджжимъ-баши, II: 697—698.

[2]) Gesh. d. G. H., 400.

которые производятъ Хаджи-Гирея изъ одного рода съ Тохтамышемъ“ [1]). Г. Говордзъ, перебравъ соображенія своихъ предшественниковъ по тому же вопросу, дѣлаетъ такое заключеніе: „При отсутствіи положительныхъ доказательствъ, я рѣшительно склоненъ заключать, что Хаджи-Герай былъ, въ самомъ дѣлѣ, сынъ Ташъ-Тимура и племянникъ Улугъ-Мухаммеда“ [2]).

Не соглашаясь съ Гаммеромъ, отрицающимъ родство Хаджи-Герая съ Toктамышемъ, г. Говордзъ дѣлаетъ поправку въ доводѣ Гаммера, который гласитъ слѣдующее: „Dass Hadschi Girai ein Bruder Dschelaleddin's, d. i. ein Sohn Tochtamisch-Chans, gewesen, widerlegt sich dadurch, dass unter den acht Söhnen Tochtamischchan's kein anderer Muhammed erscheint [3]). Этотъ темный и непонятный доводъ буквально повторенъ Гаммеромъ и въ его Geshcichte der Chane der Krim [4]). Говордзъ же передаетъ вышеприведенныя слова Гаммера въ нѣсколько иномъ видѣ, а именно: „The short history of Kazan makes Haji Girai a brother of Jelal ud din, and therefore a son of Toktamish, but no such name as Haji Girai occurs among the recorded sons of Toktamish“ [5]).

Но этимъ еще не исчерпываются всѣ варіанты старинныхъ извѣстій и новѣйшихъ домысловъ касательно родословія Хаджи-Герая. Такъ авторъ исторіи Крымскихъ хановъ подъ заглавіемъ „Гюльбуни-хананъ“, самъ изъ членовъ Герайской фамиліи, называетъ Хаджи-Герая ابن غياث الدين سلطان بن تاش تيمور — „Сыномъ Гыяс-эд-Динъ-бенъ-Ташъ-Тимура“ [6]), слѣдуя въ данномъ случаѣ Абу-ль-Гази, который также считаетъ Хаджи-Герая сыномъ Гыяс-эд-Дина [7]).

Кромѣ того, существуетъ цѣлое преданіе, которое повторяется всѣми турецко-татарскими историками, о происхож-

---

[1]) О Касим. царяхъ и царевичахъ, I: 95, пр. 44. [2]) Op. cit., 449. [3]) G. d. G. H., 400. [4]) Стр. 28. [5]) Op. cit., 448. [6]) Гюльбуни-хананъ, стр. 5. [7]) Op. cit, I: ١٧٨ & II: 187.

деніи и личности главы династіи Гераевъ. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь это преданіе въ простой, но болѣе полной редакціи, какую оно имѣетъ въ Краткой Исторіи неизвѣстнаго автора, ибо и г. Негри, переведшій извлеченія изъ этой исторіи, и проф. Казембекъ, въ предисловіи къ изданному имъ тексту „Семи планетъ", ограничились лишь однимъ упоминаніемъ объ этомъ преданіи [1]), или краткимъ пересказомъ его содержанія съ пропускомъ нѣкоторыхъ подробностей, не лишенныхъ, на нашъ взглядъ, историческаго значенія [2]). Вотъ что говорится въ этомъ преданіи.

„Когда Улугъ-Мухаммедъ ханъ умеръ, Крымское ханство досталось Сеййдъ-Ахмедъ-хану. Новый ханъ, умертвивъ дядиныхъ съ отцовской стороны сыновей, Гыяс-эд-Дина съ братомъ его Али-беемъ, вознамѣрился также извести Хаджи-Герая съ племянникомъ Джанай-огланомъ. Двое послѣднихъ, узнавши объ этомъ, съ однимъ своимъ вѣрнымъ слугою бѣжали. Извѣстившійся о побѣгѣ ихъ жестокій ханъ снарядилъ погоню за ними. Преслѣдовавшіе настигли ихъ на рѣкѣ Днѣпрѣ. Тѣ со всѣмъ, съ лошадьми бросились въ рѣку и поплыли. Преслѣдователи осыпали ихъ съ берегу дождемъ стрѣлъ, но не попали въ нихъ. Конь Джанай-оглана въ состояніи былъ добраться до безопаснаго берега. А когда Хаджи-Герай съ слугою своимъ при этой перепалкѣ были уже на срединѣ рѣки, одна стрѣла угодила въ коня его. Хаджи-Герай очутился кругомъ въ водѣ. Въ то время вѣрный слуга отдаетъ свою лошадь своему господину, пожертвовавъ ради него своей жизнью. Онъ утонулъ, едва успѣвъ ему завѣщать, сказавши: „Если достигнете счастія, то окажите милость моимъ дѣтямъ и родственникамъ". Царство ему небесное!"

[1]) Зап. Од. Общ., I: 381. [2]) Семь планетъ, стр. XI—XII.

„Эти два подростка попали въ широкую степь, не имѣя ни друзей, ни пріятелей. Опасаясь шпіоновъ врага душъ своихъ, хана, они никому не показывались, ни въ чьемъ жилищѣ не останавливались; трое сутокъ не ѣвши и не спавши скитались они, отпустивъ поводья. Только повстрѣчались они съ однимъ степнякомъ. На вопросъ ихъ: „Кто ты такой?“, онъ отвѣчалъ: „Я былъ рабъ одного хозяина, но, не вытерпѣвъ тиранства его, бѣжалъ“. Когда онъ тоже спросилъ объ ихъ обстоятельствахъ, то они, по смыслу поговорки „И сообщать другому свое положеніе трудно, и отказать въ этомъ трудно; помочь одержимому такою тяжкою скорбью тоже трудно“, соблюдая осторожность, однако же сказали ему слѣдующее: „Мы дѣти одного хорошаго человѣка въ Крыму. Такъ какъ по смерти нашего отца нѣкоторые интриганы затѣяли козни противъ Крымскаго хана, то мы бѣжали и вотъ попали въ эту чужую степь. Мы не знаемъ дороги. Если бы ты взялся проводить насъ въ Хаджи-Тарханъ, то трудъ твой не пропалъ бы даромъ“.—Означенный человѣкъ, сказавъ: „На головѣ и глазахъ“ (т. е. „съ полною готовностью“), покормилъ царевичей хлѣбными ошурками, собранными имъ въ грязномъ мѣшкѣ его. „Вы отдохните“, сказалъ онъ имъ, „а я постерегу вашихъ коней“.—Они положились на слова этого надувалы. Какъ только они заснули, этотъ плутъ забралъ коней, сбрую и вообще все что было при царевичахъ, и исчезъ. Когда они, проснувшись, узнали о случившемся, то говоря: „Вотъ бѣда-то, вотъ горе-то!“, еще два дня пробродили, голодные, жаждующіе, разстроенные, недоумѣвая, въ какую имъ идти сторону. Джанай-огланъ, выбившись изъ силъ, остался на вершинѣ одного холма; а Хаджи-Герай напрягъ всю свою энергію; проходивъ еще одинъ день, увидѣлъ кибитки степныхъ татаръ и направился въ ту сторону. Когда одинъ встрѣтившійся ему мусульманинъ спросилъ Хаджи Герая о его обстоятельствахъ, то онъ сказалъ: „Мы бѣдные, несчастные, подвергшіеся бѣдствіямъ на семъ свѣтѣ

нищіе. Отецъ мой изъ купцовъ. Когда мы прибыли въ эти мѣста, на насъ напали разбойники; отца моего убили, а я кос-какъ убѣжалъ". Упомянутый человѣкъ сжалился и проводилъ его къ главѣ племени Девлетъ-гэльди-суфи".

„Суфи тоже разспросилъ его и принялъ его съ удовольствіемъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней онъ отпросился у суфи пойдти и привести Джанай-оглана, если найдетъ его. Постранствовалъ онъ по степи; но партія купцовъ взяла съ собой Джанай-оглана въ Хаджи-Тарханъ [1]). Не нашедъ Джанай-оглана, Хаджи-Герай въ отчаяніи вернулся въ домъ Девлетъ-гэльди-суфи. По смыслу изреченія „Вѣнецъ почести и на головѣ раба краситъ его; а кандалы безчестія и на человѣкѣ свободномъ позорятъ его", онъ проводилъ день, исполняя службу суфи. Хаджи-Герай самъ будто бы разсказывалъ слѣдующее. „Когда, надѣлавши досыта разныхъ тяжолыхъ работъ, мнѣ хотѣлось-бывало соснуть, то я ложился, постлавши вмѣсто тюфяка немного соломы и подложивъ вмѣсто подушки камень. А если бывало въ это время меня застанетъ хозяйка дома, досужая женщина, то скажетъ-бывало: „Ну ты, парень! ты, какой-то холуй, рабочій, стыдишься что ли ложиться на голой-то землѣ? Если будешь спать на мягкой соломѣ, такъ вѣдь испортишь наше добро!" Повременамъ суфи услышитъ бывало брань ея и, слѣдуя изреченію „Не думай о всякомъ лѣсѣ, что онъ пустъ: въ немъ, можетъ быть, лежитъ спящій тигръ", бывало-скажетъ: „На лицѣ этого молодца есть знакъ счастья. Можетъ быть, этотъ молодецъ когда-нибудь достигнетъ благополучія, и тогда ты будешь раскаяваться!" Сколько онъ ни вразумлялъ эту старую вѣдьму, сколько ни унималъ ее, никакого не было толку: она не отставала отъ всегдашней своей ядовитой ругани и язвительныхъ укоровъ".

„Какъ бы то ни было, но въ такомъ положеніи онъ про-

---

[1]) У Мухаммедъ-Ризы сказано: «въ Казань» (Семь планетъ, стр. 70).

жилъ около шести лѣтъ. Затѣмъ могущественнѣйшій изъ эмировъ того времени и сторонникъ Сейидъ-Ахмедъ-хана Кункратъ-Хайдэръ-мурза умеръ; тогда престижъ перешолъ къ Ширинъ-Тэгенэ-мурзѣ. А такъ какъ у этого Тэгенэ-мурзы была вражда къ Сейидъ-Ахмедъ-хану, то онъ, чтобы, найдя одного изъ двухъ пропавшихъ ханычей, поставить его ханомъ, сталъ дѣлать розыски и разспросы. Одинъ разумный человѣкъ изъ подданныхъ Гыяс-эд-Дина, отца Хаджи-Герая, знавшій о Хаджи-Гераѣ, извѣстилъ Тэгенэ-мурзу. Тэгэнэмурза тотчасъ же отправилъ упомянутаго человѣка съ подводою къ Хаджи-Гераю. Хаджи-Герай немедленно по прибытіи вошолъ въ общество Тэгенэ-мурзы. Всѣ мурзы, присягнувъ ему, сдѣлали его ханомъ. Затѣмъ, когда оба хана вступили другъ съ другомъ въ бой, Хаджи-Герай-ханъ одолѣлъ, а Сейидъ-Ахмедъ-ханъ, будучи побѣжденъ, бѣжалъ на Волгу. Когда вѣсть объ этомъ дошла до слуха Джанай-оглана, то онъ немедленно прибылъ къ державному трону Хаджи-Герая и удостоился разныхъ милостей. Доселѣ повелѣвающіе въ Крымской сторонѣ Чингизиды суть изъ потомковъ того Хаджи-Герая".

„Во время царствованія дѣда Хаджи-Герая, Ташъ-Тимуръ, онъ по ихъ обычаю поручилъ воспитаніе сына своего Гыяс-эд-Дина одному изъ своихъ ветерановъ, главѣ племени Герай, по имени Девлетъ-гэльди, и упомянутаго суфи сдѣлалъ дядькой въ смыслѣ атабека. Добродѣтельный суфи отправился въ хаддж (на богомолье въ Мекку). Такъ какъ возвращеніе его совпало съ рожденіемъ Хаджи-Герая, то отецъ послѣдняго Гыяс-эд-Динъ, въ память паломничества своего аталыка и въ честь его племени, нарекъ сына Хаджи-Гераемъ. Когда современемъ Хаджи-Герай сдѣлался ханомъ Крымскимъ, добродѣтельный старецъ суфи былъ еще въ живыхъ. Хаджи-Герай-ханъ, желая почтить его воспитательскія достоинства, сказалъ ему: „На какую бы ты милость разсчитывалъ отъ насъ?" Но такъ какъ добродѣтельный суфи былъ чело-

вѣкъ неискательный, то онъ ради доброй памяти попросилъ хана присовокупить имя его племени „Герай" къ именамъ происходящихъ изъ ханскаго рода султановъ. Ханъ согласился на его просьбу, и до сего времени слѣдовали этому обычаю" [1]).

Сличая вышеприведенное преданіе о началѣ политическаго поприща Хаджи-Герая съ историческими свидѣтельствами о томъ же предметѣ, мы находимъ, что они въ главныхъ чертахъ согласны между собою и слѣдовательно происходятъ изъ одного и того же источника, имѣя въ своемъ основаніи дѣйствительные факты. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ и другихъ обращается вниманіе на какую-то особенность происхожденія имени Хаджи-Герая, хотя дается различное толкованіе этой особенности; не случайно же въ нихъ первоначальное возвышеніе Хаджи-Герая ставится въ связь съ недовольствомъ татарскихъ вельможъ на своихъ прежнихъ хановъ, при чемъ главная роль, и въ преданіи, и въ историческихъ памятникахъ, приписывается одному исторически извѣстному лицу, а именно Ширинскому бею Тэгенэ, выступившему противникомъ партіи Хайдэръ-мурзы Кункратскаго. Разногласіе преданія съ показаніями историковъ, и этихъ послѣднихъ между собою, касается только нѣкоторыхъ частностей, но въ этомъ отношеніи историческая требовательность можетъ не настаивать на окончательномъ примиреніи всѣхъ существующихъ разнорѣчій: достаточно только сгладить ихъ, выровнять, взаимно контролируя и пополняя одни данныя другими.

Преданіе, напримѣръ, умалчиваетъ о родинѣ Хаджи-Герая, а по свидѣтельству Михалона Литвина онъ родился въ Трокахъ [2]). Сестренцевичъ-Богушъ къ этому присовокупляетъ, что „Хаджи былъ воспитанъ въ ссылкѣ, въ нищетѣ;

---

[1]) Кр. Ист., л. 25 v. —27 г.; Семь планетъ, 69—73. [2]) Въ Архивѣ историко-юридич. свѣд., относящихся до Россіи, Калачова. Кн. II, половина 2-ая. Москва. 1854 г. Стр. 7.

находился въ опасности и безъ подпоры; однако снискалъ себѣ пособія, и его добродѣтели и бодрость духа доставили ему почтеніе князя Витольда“ [1]).

Относительно того, чей былъ сынъ Хаджи-Герай, существуетъ столько же различныхъ мнѣній, сколько отдѣльныхъ памятниковъ: ему въ отцы даютъ и Токтамыша, и Мухаммеда, и Даулетъ-бирды, и Ташъ-Тимура, и Гыяс-эд-Дина. Изъ всѣхъ этихъ указаній наибольшую вѣроятность имѣютъ два послѣднихъ, по которымъ Хаджи-Герай или сынъ Ташъ-Тимура, или внукъ его, по отцу Гыяс-эд-Дину. Но, кажется, основательнѣе будетъ допустить первую версію—что Хаджи-Герай былъ сынъ Ташъ-Тимура, ибо она поддерживается свидѣтельствами восточныхъ историковъ, которыя передаются Ланглесомъ и отличаются въ этомъ случаѣ большею сравнительно съ другими источниками послѣдовательностью и устойчивостью. По сказаніямъ этихъ историковъ, у Токтамыша былъ близкій родственникъ, богатый стадами татаринъ, Хасанъ Джефаи, имѣвшій двухъ сыновей, Улу-Мухаммеда и Ташъ-Тимура [2]); а у этого послѣдняго, въ свою очередь, тоже было два сына—Хаджи, впослѣдствіи прозывавшійся Герай, родоначальникъ династіи Гераевъ, и Джанъ, которыхъ, когда они были еще дѣтьми, намѣревался истребить Кадыръ-бирды-ханъ, опасаясь быть свергнутымъ ими съ трона [3]). Въ Джанѣ весьма нетрудно усмотрѣть Джаная, который въ преданіи дѣлитъ плачевную участь съ Хаджи-Гераемъ во время ихъ бѣгства; но только тамъ онъ названъ не братомъ Хаджи-Герая, а какъ будто его племянникомъ—حاجی کرای و برادرزادهسی جانای—, если родственный терминъ برادرزادهسی грамматически относить къ возлѣ него стоящему имени „Хаджи-Герай“, а не къ упоминаемому немного выше въ томъ же предложеніи Сейидъ-Ахмедъ-хану.

---

[1]) Ист. о Тавріи, II: 250. [2]) У Ланглеса ошибочно: *Башъ*-Тимура (Op. cit., 391). [3]) Op. cit., 391 & 401.

Что касается до нѣкоего Гыяс-эд-Дина, составляющаго посредствующее родословное звено между Ташъ-Тимуромъ и Хаджи-Гераемъ, то указанія на него какъ на отца Хаджи-Герая мы находимъ въ такихъ памятникахъ, которые, по всей видимости, основываются на авторитетѣ Абу-ль-Гази, откровенно признавшагося въ плохомъ своемъ знакомствѣ съ исторіею Крыма, вслѣдствіе отдаленности этого края.

Затѣмъ, въ числѣ многихъ авантюристовъ, игравшихъ трономъ Золотой Орды во время происходившей тамъ общей сумятицы, мы не встрѣчаемъ Гыяс-эд-Дина въ другихъ источникахъ, кромѣ тѣхъ, которыми пользовался Ланглесъ. Но герой его источниковъ, Гыяс-эд-Динъ не могъ быть отцомъ Хаджи-Герая, потому что онъ велъ борьбу за власть съ Улу-Мухаммедомъ и, одержавъ надъ нимъ верхъ, былъ признанъ ханомъ Орды въ 840 = 1436—7 году, а потомъ уже черезъ полтора года умеръ [1]). Между тѣмъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ источниковъ, Хаджи-Герай остался десятилѣтнимъ сиротою послѣ отца, убитаго его ненавистникомъ Сейидъ-Ахмедъ-ханомъ, что должно было случиться гораздо раньше 1436—7 года, ибо еще въ 1434 году самъ Хаджи-Герай храбро сражался съ генуэзцами, разбивъ генуэзскаго полководца Карла Ломеллино при Солхатѣ.

Далѣе, въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ Гыяс-эд-Динъ признается отцомъ Хаджи-Герая, самъ онъ считается сыномъ Ташъ-Тимура, а между тѣмъ историки, сказанія которыхъ воспроизведены Ланглесомъ, говорятъ про него, что онъ былъ сынъ Шади-бекъ-хана [2]).

Въ пользу того мнѣнія, что Хаджи-Герай былъ сынъ Ташъ-Тимура, говорятъ еще всегдашнія тѣсныя отношенія Хаджи-Герая къ Литвѣ и къ ея великимъ князьямъ. Это какъ нельзя болѣе согласуется съ прежде высказаннымъ у

---

[1]) См. выше, стр. 205 [2]) Op. cit., 392.

насъ мнѣніемъ, что и отецъ его, Ташъ-Тимуръ, потерявъ власть въ Крыму и удалившись въ чужіе края искать себѣ пристанища, обрѣлъ его себѣ именно въ Литвѣ у Витовта, который, по свидѣтельству польскихъ историковъ, помогалъ и Хаджи-Гераю въ первыхъ его попыткахъ къ достиженію ханской власти въ татарскихъ земляхъ.

При такой неясности родословія основателя цѣлой династіи, мы позволяемъ себѣ высказать слѣдующее предположеніе: ужь не было ли нареченіе отца Хаджи-Герая Гыяс-эд-Диномъ въ послѣдующихъ сказаніяхъ, историческихъ и народныхъ, плодомъ какого-либо недоразумѣнія, порожденнаго тою случайностью, что это имя издавна было въ большомъ употребленіи, какъ нарицательное имя существительное, въ качествѣ дополнительнаго, высокопарнаго эпитета при собственныхъ именахъ татарскихъ хановъ, какъ это мы видимъ на многочисленныхъ монетахъ этихъ хановъ, начиная съ Токтогу-хана до Токтамыша и Ташъ-Тимура включительно[1]). На нѣкоторыхъ монетахъ встрѣчаются разомъ три имени—Ташъ-Тимура, Гыяс-эд-Дина и Токтамыша, и опять второе изъ нихъ является лишь въ служебномъ значеніи эпитета къ имени Токтамыша [2]). Мы не думаемъ утверждать, что мусульманскіе составители родословной Крымскихъ хановъ руководствовались соображеніями науки нумизматики [3]), но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что на позднѣйшихъ досужихъ пересказчиковъ родословія Хаджи-Герая могло повлі-

---

[1]) См., напр.. въ соч. Френа Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's, монеты Тохтогу (стр. 5), Узбека (стр. 6 и 7), Мухаммедъ-Буляка (стр. 21), одного хана, имени котораго не разобрано (стр. 22), и особенно Токтамыша (23, 24, 27 и 28); у Савельева, Op. cit., №№ 82, 86, 94, 182, 254, 259, 260, 309, 310, 416, 420, 421, 444 и 447. [2]) Савельевъ, Op. cit, № 536. [3]) Впрочемъ восточныхъ историковъ иногда занимаютъ и чисто нумизматическіе вопросы. Любопытный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ замѣтка у извѣстнаго историка Дженнаби относительно происхожденія изображенія льва и солнца на монетахъ сельджукскаго султана Кэй-Хосроу-бенъ-Кэй-Кобада (Рукоп. Учебн. Отд. М-ва Иностр Дѣлъ, по каталогу Барона Розена № 50, л. 194 v.).

ять нахожденіе имени Гыяс-эд-Дина на монетахъ рядомъ съ именемъ Токтамыша и даже Ташъ-Тимура. Оно могло дать имъ поводъ превратить этотъ нарицательный титулъ въ собственное имя какого-то неизвѣстнаго человѣка, родственника знаменитаго Токтамыша, и назвать его отцомъ Хаджи-Герая, который также ознаменовалъ себя основаніемъ цѣлой династіи, но происхожденіе котораго осталось для послѣдующихъ поколѣній покрыто мракомъ неизвѣстности.

Трудно также сказать что-либо рѣшительное и насчетъ того, кто былъ преслѣдователемъ малолѣтняго Хаджи-Герая, принужденнаго спасаться, живя долгое время въ неизвѣстности и скрываясь отъ враговъ своихъ. Въ источникахъ Ланглеса роль преслѣдователя приписывается Кадыръ-бирды-хану, властвовавшему нѣкоторое время и въ Крыму [1]) и погибшему потомъ одновременно съ врагомъ дома Токтамышева, Идики; въ преданіи же преслѣдователемъ выставляется нѣкій Сейидъ-Ахмедъ ханъ. Но свидѣтельство преданія компрометтируется тутъ явнымъ анахронизмомъ — что будто бы преслѣдованіе Хаджи-Герая имѣло мѣсто уже по смерти Улу-Мухаммеда, что положительно не вѣрно. Если же согласиться съ преданіемъ, то всего болѣе подозрѣніе въ роли преслѣдователи падаетъ на того Сейидъ-Ахмеда, который впослѣдствіи былъ разбитъ Хаджи-Гераемъ, бѣжалъ въ Литву, былъ тамъ схваченъ, заключонъ подъ стражу, повидимому въ угоду врагу своему Хаджи Герaю, и умеръ плѣнникомъ въ Ковно [2]). Но что-то сомнительно, чтобы Хаджи-Герай удовольствовался такою сравнительно еще благополучною участью своего смертельнаго врага—убійцы его отца и злоумышленника противъ его собственной жизни. Имѣя близкія связи съ литовскими князьями, онъ бы, вѣроятно, добился болѣе чувствительнаго возмездія Сейидъ-Ахмеду, если бы онъ былъ для него тѣмъ,

[1]) Op cit., 401. [2]) В. Зерновъ, Op. cit., I: 120—121; Kronika Polska, Litewska etc. Stryjkowskiego, II: 234—235.

чѣмъ онъ представляется въ преданіи. Поэтому нельзя отказать въ извѣстномъ правдоподобіи свидѣтельству источниковъ Лангдеса, что Хаджи-Герая хотѣлъ погубить Кадыръ-бирды-ханъ, сынъ Токтамыша: родственныя узы не были тогда помѣхою для кровопролитія, которое являлось единственнымъ средствомъ обезпеченія успѣха искателямъ ханской власти, часто не по праву домогавшимся ея.

Теперь обращаемся къ самому имени Хаджи-Герая. Сестренцевичъ-Богушъ, на основаніи имѣвшихся у него подъ руками источниковъ, утвердительно говоритъ, что обѣ составныя части сложнаго имени родоначальника Герайской династіи суть только добавочныя прозвища, изъ коихъ первое „Хаджи“, дается обыкновенно у мусульманъ лицамъ, совершившимъ благочестивое путешествіе въ Мекку или оказавшимъ иные какіе-либо богоугодные подвиги: второе же—„Герай“ принято Хаджи-Гераемъ изъ чувства благодарности къ человѣку, оказавшему ему покровительство въ то время, какъ онъ подвергался гоненіямъ со стороны враговъ своего рода. Сестренцевичъ-Богушъ не говоритъ, какое же было настоящее имя Хаджи-Герая, но самъ нерѣдко въ другихъ мѣстахъ своей исторіи называетъ его „Хаджи-*Девлетъ*-Герай“ и даже просто „*Девлетъ*“ [1]. И Стрыйковскій также упоминаетъ какого-то *Dewletkiereja*, котораго Витольдъ даровалъ Перекопскимъ татарамъ, въ ханы разумѣется [2]. За какой подвигъ благочестія Хаджи-Герай получилъ первое изъ своихъ званій, Богушъ ничего не говоритъ; а Герай, спасшій жизнь Хаджи-Гераю, былъ, говоритъ онъ, одинъ крестьянинъ въ Литвѣ [3]. Г. Хартахай въ упоминавшейся выше статьѣ, повторяя сказанія Сестренцевича-Богуша о первоначальной судьбѣ Хаджи-Герая, присовокупляетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: „Самъ Девлетъ, какъ набожный

[1]) Исторія о Тавріи, II: 237—239. [2]) Op. cit,. II: 175. [3]) Loco citato.

человѣкъ, *по преданію*, ѣздилъ въ Мекку къ гробу Магомета, *за что и названъ хаджы*, т. е. паломникъ. Это прозвище многіе, или почти всѣ писатели, принимаютъ за имя" [1]).

Не отвергая дѣйствительнаго существованія самаго преданія, мы однако же не можемъ не выразить крайняго сожалѣнія о томъ, что г. Хартахай не указалъ источника, откуда онъ почерпнулъ это въ высшей степени интересное преданіе. Во всякомъ случаѣ ничего подобнаго нѣтъ въ томъ преданіи, которое приведено нами выше. Тамъ также имя Хаджи-Герая объясняется случайностью, или, правильнѣе сказать, двумя случайностями, притомъ еще раздѣленными большимъ промежуткомъ времени. Имя „Хаджи", по этому преданію, дано отцомъ Хаджи-Герая при его рожденіи въ честь своего воспитателя, аталыка, вернувшагося въ ту пору изъ путешествія въ Мекку, а прозвище „Герай" добровольно принято самимъ Хаджи-Гераемъ въ память одного татарскаго племени того же имени, изъ котораго происходилъ воспитатель его отца и нечаянный благодѣтель его самого во время его приключеній. Замѣчательно однако же, что и въ преданіи мы встрѣчаемся съ именемъ *Девлетъ*: благочестивый аталыкъ назывался „Девлетъ-гэльди" что значитъ: „Счастье пришло" — „Добро пожаловать!"

Г. Гаммеръ, отрицая всякую правдоподобность преданія о происхожденіи имени Хаджи-Герая, ссылается на то, что во всѣхъ извѣстныхъ перечняхъ тюркскихъ племенъ не оказывается ни одного племени подъ такимъ именемъ (т. е. „Герай)" [2]). Не извѣстно, что̀ г. Гаммеръ разумѣлъ подъ „всѣми извѣстными перечнями" — allen bekannten Verzeichnissen—:одно только можно сказать, что если не совсѣмъ тожественное съ именемъ „Герай", то все же нѣсколько близкое къ нему встрѣчается еще у Рашидъ-эд-Дина названіе одного тюркскаго

---

[1]) Op. cit., 199. [2]) Gesch. der Chane der Krim Wien. 1856. Стр. 30.

племени „Кераитъ“ [1]). Но чтобы признать генетическую связь между обоими именами, пришлось бы допустить сокращеніе вышеприведенной формы стариннаго собственнаго имени, которое однако же, кажется, продолжаетъ существовать и донынѣ гдѣ-то въ степяхъ Средней Азіи. Мы не знаемъ также, имѣлъ ли въ виду г. Гаммеръ сочиненіе Бекаттини „Storia della Crimea Piccola Tartaria. Venezia. 1685“, и извѣстный атласъ Польши и Южной Россіи Риччи Цаннони, напечатанный въ 1772 году; но только и на картѣ, приложенной къ книжкѣ Бекаттини, и на картѣ № 24 атласа Цаннони, въ низовьяхъ рѣки Днѣпра, ближе къ Перекопу, нанесено прямо-напрямо кочевье *племени Хаджи Герай*: Kabil. Hadgi Kerai — قبيله حاجى كراى. Не сами же эти ученые придумали такое племя, когда бы его не существовало въ дѣйствительности. Любопытно еще то, что названіе племени и тутъ является въ составномъ видѣ. Но чтобы съ увѣренностью сказать, что родоначальникъ династіи Крымскихъ хановъ принялъ почему-либо имя вышеозначеннаго племени, слѣдуетъ сперва съ точностью опредѣлить, сколь древне это племя. Такая осторожность внушается тѣмъ явленіемъ въ исторіи тюркскихъ народовъ, что иногда племена принимаютъ и носятъ имена какихъ-либо замѣчательныхъ лицъ, болѣе всего, конечно, храбрыхъ предводителей. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, укажемъ на знакомыхъ намъ современныхъ турковъ османскихъ: они величаютъ себя „османлы“ по имени своего перваго, такъ сказать оффиціально признаннаго, эмира Османа. Подобнымъ же образомъ, когда и Золотая Орда стала падать и дробиться, татарскія группы, подвластныя тому или другому потомку Чингизову, нерѣдко носили имена своихъ главарей: такъ въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаются „Та-

---

[1]) Труды Вост. Отд. Археол. Общ., V: 94—95.

тарове *Седи-Ахметевы*" [1]). По поводу вторженія турковъ въ Крымъ въ лѣтописи говорится, что они „*Азигирѣеву* орду, Крымъ и Перекопь осадиша дань давати" [2]). На этомъ основаніи вѣрнѣе, кажется, будетъ предполагать, что не Хаджи-Герай получилъ свое имя отъ какого-то татарскаго племени, а, напротивъ, нѣкоторая толпа татаръ, отдѣлившись въ тогдашнее смутное время отъ главной массы татарскаго населенія нѣкогда обширной, но уже начавшей распадаться Золотоордынской монархіи, подъ начальствомъ Хаджи-Герая приняла имя этого своего предводителя и продолжала потомъ называться „Хаджи-Гераевой ордою" даже послѣ того, какъ власть Хаджи-Герая распространилась почти на весь Крымъ; а досужее воображеніе позднѣйшихъ поколѣній создало по этому поводу цѣлую легенду, переиначивъ въ ней историческую истину.

Съ другой стороны и въ подробностяхъ, которыми обставлено происхожденіе имени Хаджи-Герая въ преданіи, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Едва ли надо доказывать, сколь высокимъ уваженіемъ и значеніемъ пользовалось у тюркскихъ народовъ званіе аталыка; въ свое время кавказское племя *Бесленей* считало какъ бы своимъ монопольнымъ правомъ воспитательство дѣтей Крымскихъ хановъ. Нареченіе имени новорожденному царевичу въ честь какого-нибудь достопамятнаго лица или событія также имѣетъ примѣры въ исторіи Крымскихъ хановъ: Сафа-Герай, напримѣръ, былъ названъ такъ въ память отца своего [3]). Про Капланъ-Герая разсказывается, что онъ родился тогда, когда отецъ его, знаменитый Селимъ-Герай, послѣ первой отставки отправленъ былъ на жительство на островъ Родосъ. Въ то время, какъ малютка впервые увидѣлъ свѣтъ, у острова бросила

ad-1.

[1]) В.-Зерновъ, Op. cit., I: 120. [2]) П. С. Р. Л., VIII: 181. [3]) Семь планетъ, 203.

якорь отоманская флотилія подъ командою адмирала Капланъ-Мустафа-паши, и вотъ въ память такого событія, замѣчательнаго въ однообразной жизни скучавшихъ на уединенномъ островѣ заточениковъ, ханскій ребенокъ былъ нареченъ Капланомъ [1]). Возвращеніе изъ хаджа какого-нибудь уважаемаго паломника могло составить не меньшее торжество въ ханскомъ домѣ, чѣмъ привалъ турецкой эскадры, и это событіе также могло быть почтено въ ханской семьѣ нареченіемъ имени новорожденнаго младенца „Хаджи". Но дѣло въ томъ, что нареченіе извѣстнаго намъ историческаго лица, по преданію, произошло въ два пріема и связывается непремѣнно съ какимъ-то временнымъ скрывательствомъ Хаджи-Герая, съ безвѣстнымъ исчезновеніемъ его на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Кирк.

Историки также положительно свидѣтельствуютъ о двукратномъ по меньшей мѣрѣ появленіи Хаджи-Герая на политическомъ поприщѣ. По изслѣдованіямъ Сестренцевича-Богуша, онъ впервые выступилъ претендентомъ на ханство около 1428 года. Во время происшедшей тогда смуты и многоцарствія во всѣхъ концахъ Кыпчакской имперіи, когда въ ней властвовало три государя заразъ, и когда каждая область избрала себѣ особаго государя, Хаджи-Герай, „будучи слабъ для сопротивленія сему возмущенію, удалился къ Витольду, возведшему его на престолъ Таврійскій" [2]). Затѣмъ Сестренцевичъ-Богушъ говоритъ, что Хаджи-Герай, поддержанный преемниками умершаго въ 1430 году Витовта, Владиславомъ и Казимиромъ Ягайловичами, снова воспользовался какимъ-то удобнымъ случаемъ къ объявленію себя независимымъ. Онъ напалъ въ то же время на генуэзцевъ, союзниковъ Кыпчака, побѣдилъ ихъ въ сраженіи и даже, будто бы, отнялъ у нихъ городъ Кафу [3]). Какъ все это произошло, Сестрен-

---

[1]) Ibidem, 343. [2]) Исторія о Tавріи, II: 238. [3]) Ibid., 241 — 242.

цевичъ не объясняетъ съ точностью, а главное—не означаетъ времени, когда это произошло. По всѣмъ даннымъ, тутъ надо разумѣть пораженіе, нанесенное Хаджи-Гераемъ близъ Солхата генуэзскому военачальнику Карлу Ломеллино, явившемуся защищать Кафу отъ нападеній Хаджи-Герая, что случилось, какъ мы видѣли, въ 1434 году. Что послѣ этого Кафѣ стало еще жутче отъ досаднаго Хаджи-Герая, наложившаго на нее тяжкую дань, это вѣрно; но чтобы онъ хотя временно завладѣвалъ самою Кафою, объ этомъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ ничего не извѣстно. Да и самъ С.-Богушъ замѣчаетъ, что „исторія не повѣствуетъ, какъ генуэзцы взяли обратно Кафу"; но, говоритъ онъ, видно, что прошло 5 лѣтъ, втеченіе коихъ, кажется, Хаджи-Герай укрывался у польскаго короля Казимира; что по нисшествіи съ престола, когда похититель (?) умеръ, Хаджи-Герай былъ возведенъ на оный въ 1443 году крымскими татарами, и что возведеніе его было совершено торжественнымъ образомъ въ Вильнѣ, откуда онъ отправился съ великою свитою въ Крымъ [1]).

Пятилѣтнее скитаніе Хаджи-Герая Сестренцевичъ-Богушъ считаетъ съ 1437 года; но не даетъ точныхъ указаній источниковъ, откуда онъ взялъ подобныя свѣдѣнія. Извѣстіе же о вторичномъ призваніи Хаджи-Герая въ 1443 году татарами крымскими находимъ у Стрыйковскаго. „Того же года (т. е. 1443)", читаемъ мы въ его хроникѣ, „татаре перекопскіе, барынскіе и ширинскіе (Bokrinowscy i Syrinowscy), у которыхъ царь умеръ безъ потомства, прислали къ Казимиру, великому князю литовскому, съ просьбой дать имъ на царство Хаджи-Герая (Aczkiereja), который, бѣжавъ изъ Орды, въ то время проживалъ въ Литвѣ, гдѣ онъ владѣлъ для прокормленія городомъ Лидою по милости пановъ литовскихъ. Поэтому Казимиръ въ назначенный день въ Виль-

[1]) Ibidem, 242—243.

нѣ, въ приготовленномъ замкѣ возвелъ съ литовскими панами того Хаджи-Герая на царство татарское и послалъ его въ Перекопскую орду съ маршалкомъ Радзивиломъ, который смѣло посадилъ его тамъ на тронъ отцовскій" (¹).

Такимъ образомъ изъ совокупности данныхъ, находящихся у историковъ литовско-польскихъ, выходитъ, что Хаджи-Герай, родившись въ Литвѣ и выросши гдѣ-то въ неизвѣстности, въ первый разъ съ помощью Витовта выступилъ претендентомъ на ханскую власть въ Ордѣ въ 1428 году, но, потерпѣвъ неудачу, принужденъ былъ опять вернуться назадъ къ своему патрону. Затѣмъ въ какое-то, съ точностью не указываемое, время онъ снова, уже по смерти Витовта, является во главѣ сильной татарской орды, оказывая военную помощь Владиславу и Казимиру Ягайловичамъ. Въ этотъ темный въ хронологическомъ отношеніи періодъ онъ тѣснитъ въ Крыму генуэзцевъ и даже будто бы овладѣваетъ самою Кафою; но какимъ-то образомъ генуэзцы опять отнимаютъ у него городъ, и Хаджи-Герай почему-то принужденъ былъ укрываться у польскаго короля Казимира. Это вторичное удаленіе Хаджи-Герая будто бы произошло въ 1437 года и продолжалось до 1443 года, когда онъ былъ возведенъ крымскими татарами на ханство по смерти ихъ хана, не оставившаго по себѣ потомства.

Нѣкоторая сбивчивость свѣдѣній польскихъ историковъ въ изложеніи фактовъ жизни и дѣятельности Хаджи-Герая до вторичнаго и окончательнаго его водворенія въ Крыму позволяетъ намъ думать, что они, вѣроятно, сбились и въ хронологіи, и сдѣлать небольшую поправку въ этой послѣдней. Если даты 1437 и 1443 годовъ подвинуть на 10 лѣтъ назадъ, то свѣдѣнія Стрыйковскаго и ссылающагося на него Сестренцевича-Богуша станутъ въ довольно близкое соотвѣтствіе съ тѣмъ, что намъ извѣстно про Хаджи-Герая

¹) Op. cit., II: 212—213.

изъ другихъ источниковъ. Самъ же Сестренцевичъ одинъ разъ опредѣляетъ время перваго царствованія Хаджи-Герая приблизительно въ 1428 году; а затѣмъ намъ извѣстно, что въ 1434 г. Хаджи-Герай разбилъ Карла Ломеллино, сдѣлавъ удачную вылазку изъ Солхата. Послѣдній военный подвигъ онъ, вѣроятно, совершилъ уже послѣ вторичнаго призванія его татарскими мурзами въ предыдущемъ 1433 году. Но отчего же могло случиться, что ни русскіе, ни арабскіе источники ни слова ни говорятъ о первомъ царствованіи такого замѣчательнаго впослѣдствіи человѣка, какъ Хаджи-Герай, а только называютъ трехъ соперниковъ, тягавшихся изъ-за власти приблизительно около того же времени —Мухаммеда, Борака и Даулетъ-бирды? На этотъ вопросъ мы беремъ смѣлость отвѣчать предположеніемъ, что Даулетъ-бирды есть одно и то же лицо съ Хаджи-Гераемъ, и вотъ на какихъ основаніяхъ.

Вопервыхъ существованіе цѣлаго преданія о происхожденіи имени Хаджи-Герая показываетъ, что въ этомъ имени заключалось нѣчто особенное, знаменательное по отношенію къ его личности, тѣмъ болѣе что обѣ составныя части этого имени еще встрѣчаются и раньше, являясь порознь, въ качествѣ собственныхъ именъ разныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ старинныхъ памятникахъ [1]). Такъ, въ числѣ убитыхъ въ Куликовскомъ сраженіи съ татарской стороны значится *Хазибей* = Хаджи-бей [2]); а въ русскомъ лагерѣ, по сказанію о Мамаевомъ побоищѣ, находился пѣвій Фома *Хаберцеевъ*, или, въ другихъ варіантахъ, *Халцибѣевъ*, *Хацибѣевъ* и *Кацибѣй* [3]), т. е. опять-таки Хаджи-бей. Во времена Мамая въ Астрахани властво-

---

[1]) Поэтому повторяемая иногда наивными людьми фабула, что будто Хаджи-Герай названъ *Гераемъ* оттого что, живя въ Литвѣ, на всѣ предлагавшіеся ему вопросы отвѣчалъ литовскимъ словомъ *герай*, что значитъ «да», не заслуживаетъ даже и вниманія, а не токмо что опроверженія. [2]) Ист. Гос. Рос., V: пр. 47. [3]) Рус. Ист. Сбор. Погодина, т. III, кн. I: 47.

валъ Хаджи-Черкесъ [1]). Равнымъ образомъ еще арабскіе историки упоминаютъ въ числѣ татарскихъ вельможъ, прибывшихъ въ Египетъ въ 1263 году, нѣкоего *Герая* — كراى [2]). Въ 1321 году въ Египетъ явились послы отъ Узбекъ-хана, и одинъ изъ нихъ также пазывался *Герай* — كراى [3]). Не говоримъ уже о болѣе позднихъ источникахъ, каковы наши грамоты конца XV вѣка, гдѣ имя *Кирей* зачастую попадается не только въ приложеніи къ именамъ членовъ ханской династіи въ Крыму, а особо, въ качествѣ именъ простыхъ людей, каковы, напримѣръ, *Кирей*-Сіитъ [4]), или Китай-*Кирей* [5]), или даже просто *Кирей* [6]). Слѣдовательно, сами по себѣ эти имена—*Хаджи* и *Герай*, порознь или вмѣстѣ взятыя, ничего не представляютъ необыкновеннаго: они являются знаменательными и достопримѣчательными для извѣстнаго историческаго лица, лишь по отношенію къ какому-то особенному обстоятельству въ судьбѣ Хаджи-Герая. Обстоятельство это, по всему вѣроятію, заключалось въ томъ, что Хаджи-Герай былъ двуименный, и что другое его имя было Даулетъ-бирды, какъ оно и является на монетахъ. Доказательствомъ этого, по нашему мнѣнію, служитъ то, что въ преданіи благодѣтель бѣдовавшаго Хаджи-Герая, захотѣвшаго въ дни благополучія принять имя своего благодѣтеля, тоже зовется *Даулетъ*-гэльды. Польскіе историки не зря же, а по какимъ-нибудь основаніямъ, прямо называютъ его *Девлетомъ.* Стрыйковскій даже упоминаетъ о какомъ-то *Девлетъ-Киреѣ*, какъ посаженцѣ Витовтовомъ па Крымскомъ ханствѣ. По древней русской Родословной царей Крымскихъ и Казанскихъ Даулетъ-бирды считается отцомъ Хаджи-Герая [7]), слѣдовательно ставится ею въ самое тѣсное съ нимъ соотношеніе, и про этого Даулетъ-бирды та же Родословная

---

[1]) Тизенгаузенъ, I: 391. [2]) Ibidem, 78 и 100, 420 и 432. [3]) Ibid., 320 и 328, 490 и 521. [4]) Сборникъ Импер. рус. Истор. Общ., т. XLI: 54, 57. [5]) Ibid., 70. [6]) Ibid., 121, 124. [7]) В.-Зерновъ, Op. cit., I: 44, 95.

говоритъ, что онъ жилъ въ Литвѣ у Витовта [1]), что какъ нельзя болѣе идетъ къ личности Хаджи-Герая, пользовавшагося ласкою и покровительствомъ в. князей литовскихъ. Изъ этого съ несомнѣнностью явствуетъ, что составители Родословной два имени одного и того же лица превратили, по недоразумѣнію, въ два отдѣльныхъ человѣка.

Вовторыхъ, предполагаемая нами двуименность Хаджи-Герая не составляетъ какого-либо небывалаго, исключительнаго явленія въ татарской исторіи. Татарскіе ханы, со времени принятія монголо-татарами ислама, всегда имѣли обыкновеніе носить два имени—одно національное, другое мусульманское. Обычай этотъ ставилъ въ затрудненіе уже арабскихъ писателей, интересовавшихся знать, кто были правителями въ Дешти-Кыпчакѣ. Такъ Элькалькашанди, по поводу переписки египетскихъ султановъ съ династіей Берковичей, говоритъ слѣдующее: „Выше уже было упомянуто, кто въ этомъ царствѣ правилъ послѣ Узбека. Между ними (этими правителями) нѣтъ такого, имя которому Мухаммедъ. Въ упомянутомъ 776=1374—1375 году въ этомъ царствѣ правилъ уже человѣкъ по имени Урусъ.... Можетъ быть, *Мухаммедъ имя его, а Урусъ прозвище его*, какъ это было съ Хода-бендой, отцомъ Абу-Саъида, изъ царей Ирана, *называвшимся Мухаммедомъ* и *прозваннымъ Хода-бендой*“ [2]). Примѣръ подобной двуименности одного и того же лица мы встрѣчаемъ и у крымскихъ историковъ. Когда умеръ Хаджи-Герай, то онъ былъ погребенъ, по ихъ словамъ, въ усыпальницѣ, выстроенной имъ для себя въ Салачикскомъ квартадѣ Бакчэ-Сарая, который, будучи основанъ однимъ изъ предковъ его, *Мухаммедъ-ханомъ Худа-бирды*, избранъ имъ въ свои столицы [3]). Г. Негри, передавая вышеприведенное мѣсто Краткой Исторіи, называетъ этого Мухаммеда „дѣдомъ Хаджи-Герая“, держась буквальнаго смысла слова اجدادندن [4]),

---

[1]) Ibidem. [2]) Тизенгаузенъ, I: 407. [3]) Семь планетъ, 73; Кр. Ист. л. 27 г. [4]) Зап. Од. Общ. I: 381.

но оно совершенно не согласно ни съ одной генеалогіей Хаджи-Герая. Если же игнорировать родословныя отношенія этого Мухаммеда, то можно полагать, что онъ одно и то же лицо съ тѣмъ Мухаммедомъ, котораго, по словамъ Стрыйковскаго, Витовтъ „посадилъ на *царство Киркъельское*" [1]): владѣть Кыркоромъ, или Чуфутъ-Калэ, и не имѣть никакихъ отношеній къ Бакчэ-Сараю едва ли было въ тѣ поры мыслимо. Но если нельзя съ точностью указать, какому Мухаммеду принадлежало прозвище „Худа-бирды", то несомнѣнно, что это прозвище, дошедшее какимъ-то путемъ до свѣдѣнія крымскихъ историковъ, не ихъ собственная выдумка, такъ какъ оно находитъ себѣ оправданіе въ другихъ источникахъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ есть упоминаніе объ одномъ татарскомъ ханѣ по имени *Куйдадатъ*: „Въ лѣто 6932 (т. е въ 1423—1424 г.)" читаемъ мы, „Царь *Куидадатъ* поиде ратію къ Одоеву на князя Юріа на Романовича. И слышавъ то князь велики Витофгъ, и посла на Москву къ зятю своему къ великому князю Василію Дмитреевичю, чтобы послалъ помочь на царя, а самъ послалъ князя Андрея Михаиловича и др... Они же шедше съ княземъ Юріемъ, царя *Куидадата* и силу его пресѣкли, а самъ царь убѣжалъ, а царици поимали, одну послали въ Литву къ Витоѳту, а другую на Москву къ великому князю" [2]). Имя *Куидадатъ*, очевидно, есть русское искаженіе настоящаго мусульманскаго *Худай-дадъ* — خدای داد. Первая его половина, *Худай* — خدای = „Богъ", употребительна и у татаръ, а вторая, *дадъ* — داد = „далъ", есть слово персидское, однозначащее съ татарскимъ *бирды* — بیردی, такъ что и Худай-дадъ и Худай-бирды значитъ: „Богъ-далъ", т. е., въ переводѣ на наше именословіе, это будетъ: „Ѳеодоръ", „Богданъ".

Такъ какъ вслѣдъ за разсказомъ о набѣгѣ неизвѣстнаго царя Куйдадата въ нашихъ лѣтописяхъ идутъ уже упо-

[1]) Op. cit, II: 173. [2]) П. С. Р. Л., VIII: 92; Ист. Госуд. Росс., V: 120 и пр. 214.

минанія о царѣ Махметѣ, то, судя по всѣмъ даннымъ, можно полагать, что прозвище Худай-дадъ, или, что то же, Худай-бирды носилъ Улу-Мухаммедъ. Его-то, должно быть, и посадилъ сперва Витовтъ на „царство Киркьельское" въ Крыму. Но когда честолюбіе или хищничество увлекло его такъ далеко, что онъ простеръ свои набѣги на владѣнія самого Витовта, то этотъ послѣдній противопоставилъ ему другого, бывшаго у него въ запасѣ, кандидата на ханскую власть, Хаджи-Герая, который подъ именемъ Даулетъ-бирды, какъ доподлинно извѣстно, соперничалъ съ Улу-Мухаммедомъ. Во всякомъ случаѣ ошибочно мнѣніе Гаммера, что будто Кёпекъ-ханъ, какъ читаетъ его имя на монетахъ г. Савельевъ [1]), есть тотъ самый, котораго будто бы „русскіе лѣтописи называютъ *Куидатъ*" [2]), ибо форма *Куйдатъ* есть только варіантъ болѣе полной формы *Куйдадатъ* и явилась, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе оплошности переписчика, помимо того что между формою *Куидатъ* и формою *Kibak*, или *Kuibak*, вообще-то не замѣтно большого сходства.

Доказанный нами фактъ двуименности татарскихъ хановъ наводитъ насъ, по пути, на такое предположеніе: не въ этомъ ли обстоятельствѣ, между прочимъ, слѣдуетъ искать объясненія появленія въ историческихъ памятникахъ такого несмѣтнаго количества хановъ въ смутную эпоху передъ паденіемъ Золотой Орды, что относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ никакой возможности точно опредѣлить ни мѣста, ни времени, гдѣ и когда они властвовали. Таковъ, напримѣръ, ханъ Гыяс-эд-Динъ, о подвигахъ котораго довольно много повѣствуется тѣми восточными историками, сказанія которыхъ передаетъ Ланглесъ, и о которомъ совсѣмъ не упоминается въ другихъ источникахъ. Положимъ, что словосочетаніе „Гыяс-эд-Динъ" часто встрѣчается и водиночку въ качествѣ собственнаго имени, но еще чаще, какъ мы видѣли [3]), оно является лишь добавочнымъ прозвищемъ, или прос-

[1]) Op. cit., 321—322. [2]) Gesch. d. G. H., 378. [3]) См. выше, стр. 220.

то только почетнымъ титуломъ. Невольно возникаетъ сомнѣніе въ полной достовѣрности имени лица, названнаго у вышеупомянутыхъ историковъ Гыяс-эд-Диномъ: можетъ быть, это имя представляетъ лишь добавочную часть составного имени, другая половина котораго была пропущена самими же историками, или игнорирована пересказсчикомъ ихъ повѣствованій, г. Ланглесомъ. Такъ оно могло случиться и съ другими, вособенности позднѣйшими, бытописателями, сохранившими кое-какія свѣдѣнія о послѣднихъ временахъ Золотой Орды, которая послѣ цѣлаго ряда смутъ и междоусобій, происходившихъ въ ней, прекратила свое существованіе, раздробившись на отдѣльныя ханства.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній мы заключаемъ, что настоящее имя Хаджи-Герая было *Даулетъ-бирды*, а *Хаджи-Герай* было его второе имя, или прозвище. Если вѣрить настоятельнымъ свидѣтельствамъ всѣхъ источниковъ о томъ, что Хаджи-Герай не однократно пытался овладѣть ханскимъ трономъ и послѣ первой неудачной своей попытки долженъ былъ совершенно стушеваться, то надо думать, что, будучи вторично призванъ крымскими мурзами властвовать въ Крыму, онъ сталъ извѣстенъ болѣе подъ вторымъ своимъ именемъ, чему онъ могъ самъ же способствовать, начавши бить теперь монету съ этимъ именемъ, а не съ первымъ, не оправдавшимъ своего лексическаго значенія, указывающаго на „счастіе“ [1]). Этому же обстоятельству слѣдуетъ приписать и чрезвычайное сходство типа монетъ генуэзскаго чекана, носящихъ оба имени бившаго ихъ хана.

---

[1]) Имя *Даулетъ-бирды*—دولت بیردی этимологически значитъ: «Счастье далъ», т. е., разумѣется, «Богъ далъ счастье». По этому случаю здѣсь не лишне будетъ припомнить одинъ суевѣрный обычай, существующій и теперь у крымскихъ татаръ насчетъ человѣческихъ именъ. Если у нихъ, напримѣръ, ребенокъ часто и тяжко боленъ, то они это естественное явленіе приписываютъ его имени: говорятъ, что онъ *не выноситъ* нареченнаго ему имени, и даютъ ему другое, только уже не чисто мусульманское, а какое-нибудь изъ архаическихъ, національныхъ татарскихъ именъ:

Допустивъ нашу гипотезу, можно будетъ принять такую систему въ распредѣленія монетъ съ именами „Даулетъ-бирды“ и „Хаджи-Герай“ по времени предполагаемаго ихъ появленія. Старѣйшія изъ нихъ должны быть съ именемъ Даулетъ-бирды и съ обще-кыпчацкою тамгою, чеканенныя въ Хаджи-Тарханѣ [1]). Онѣ были выбиты еще въ то время, когда Даулетъ-бирды, соперничая съ Улу-Мухаммедомъ и Боракомъ, мечталъ утвердиться на тронѣ Золотой Орды. За ними должны были слѣдовать монеты того же имени, и также съ обще-кыпчацкою тамгою, но уже чеканенныя въ Крыму генуэзцами и появившіяся, надо полагать, тогда, когда Даулетъ-бирды фактически властвовалъ только въ Крыму, но употребленіемъ обще-татарской тамги на своей монетѣ давалъ знать, что онъ еще не вовсе отказался отъ претензіи на ханское званіе въ Большой Ордѣ, а не въ одномъ только Крымскомъ ея удѣлѣ [2]). Къ третьей категоріи надо отнести монеты крымско-генуэзскаго же чекана, уже съ именемъ на нихъ Хаджи-хана, но все еще пока съ обще-кыпчацкою тамгою [3]). Онѣ, вѣроятно, выбиты во вторичное властвованіе этого хана, до того момента, пока окончательно не выяснились обстоятельства, убѣдившія его въ необходимости сосредоточить свои силы на удержаніи власти въ одномъ Крыму, на правахъ отдѣльнаго и независимаго отъ Золотой Орды государства, и употребить ихъ на упроченіе этой власти за своимъ домомъ. Этотъ послѣдній моментъ въ политическихъ домогательствахъ родоначальника Герайской династіи ознаменовался выпускомъ монеты съ спеціальною тамгою, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась государственнымъ гербомъ Крымскихъ хановъ. Монеты этой ка-

---

если ребенка звали, положимъ, Рифьатъ, то даютъ ему добавочное имя напримѣръ, хоть Арсланъ, и т. п.

[1]) Fraehn, Die Münzen d. Ch. vom Ulus Dschudschi's, Tab. VIII, № CCLXVI. [2]) Зап. Од. Общ., VIII, таб. III №№ 9—11; Блау, Op. cit., 87, №№ 2961—2962. [3]) Зап. Од. Об., VIII., Табл. III: №№ 14—17.

тегоріи представляютъ два разныхъ типа, съ ихъ подраздѣленіями, которые мы бы размѣстили въ такой послѣдовательности. Монеты перваго типа безъименныя и только съ герайскою тамгою на одной сторонѣ; на другой же ихъ сторонѣ находится или всадникъ, изображающій св. Георгія [1]), или порталь съ генуэзскою легендою [2]). Монеты второго типа на одной сторонѣ имѣютъ порталь и генуэзскую легенду, а на другой—герайскую тамгу, окруженную татарскою легендою. Въ татарской легендѣ на нѣкоторыхъ монетахъ имя Хаджи-Герая изображено въ краткой формѣ: „Хаджи-ханъ" [3]), а на иныхъ въ полной формѣ: „Хаджи-Герай-ханъ" [4]).

За всѣмъ тѣмъ однако же остается неяснымъ, почему имя *Герай* сдѣлалось фамильнымъ добавочнымъ прозвищемъ потомковъ Хаджи-Герая. Самъ онъ, повидимому, не имѣлъ въ виду такого установленія, хотя оно и приписывается ему народнымъ преданіемъ, ибо изъ восьми, а по инымъ свидѣтельствамъ—изъ двѣнадцати сыновей Хаджи-Герая одинъ только Менглы носилъ этотъ придатокъ къ своему имени, такъ что уже дѣти Менглы-Герая и послѣдующіе его потомки являются съ вышеприведеннымъ добавочнымъ прозвищемъ. Турецкіе историки, какъ мы видѣли, прямо отказываются объяснить причину такого, все же замѣчательнаго въ своемъ родѣ, историческаго факта. Тщетно было бы искать этого объясненія и въ этимологическомъ значеніи имени *Герай*. Категорическое замѣчаніе г. Малиновскаго, или редакціи, печатавшей трудъ его, что будто „Названіе Гирей... значитъ на татарскомъ языкѣ „пастухъ" [5]), совершенно не основательно: въ татарскомъ языкѣ нѣтъ такого слова съ подобнымъ значеніемъ, а источника, откуда г. Малиновскій почерпнулъ свое толкованіе имени *Герай*, онъ не указываетъ.

Гаммеръ, ссылаясь на словарь Фергенги-Шуъури, ут-

---

[1]) Ibid., Табл. III: № 4. [2]) Ibid., № 5. [3]) Ibidem, №№ 18—20; Блау. стр. 88, №№ 2965—2968. [4]) Зап. Од. Об., VIII, табл. III: №№ 12 и 13. [5]) Зап. Од. Об., V: 182.

верждаетъ, что *Герай* значитъ то же что *Хосроу*, *Кэй*, *Хаканъ*, *Фараонъ*, *Цезарь*, *Султанъ*, т. е. попросту сказать—означаетъ титулъ [1]). Но это—не объясненіе, а простое сопоставленіе, и ничего не прибавляетъ къ раскрытію основанія, почему имя *Герай* получило такое важное значеніе. Изъ существующихъ лексиконовъ турецкаго языка толкованіе слова كراى находится только въ словарѣ Ахмедъ-Вефыкъ-паши. На страницѣ 1043 этого словаря читаемъ слѣдующее:
كراى اسم مكسوردر مغولجه فتحتيله كرى مستحق شايسته احق معناسنه
علمدر آل چنكيزدن قريمده تسلطن ايدن مينكلى كراى خاندانك اسميدر
т. е: „*Герай*, имя существительное, съ кесрою, въ монгольскомъ же съ двумя фатхами (выговаривается). Оно имѣетъ смыслъ словъ: „правильный, достойный, подобающій, истиннѣйшій" и есть имя господствовавшей въ Крыму *династіи Менглы-Герая*, изъ рода Чингизова".

Это объясненіе Ахмедъ-Вефыка есть также только предположительное его соображеніе, ибо оно не основано у него ни на какомъ этимологическомъ словопроизводствѣ. Оно замѣчательно лишь въ томъ отношеніи, что авторъ его считаетъ начало династіи Гераевъ съ Менглы-Герая, а не съ его отца Хаджи-Герая. Такое воззрѣніе, впрочемъ, встрѣчается не у одного Ахмедъ-Вефыка. Въ основаніи его, надо думать, лежитъ тотъ же фактъ, который имѣетъ соотвѣтствующее себѣ аналогическое явленіе въ исторіи турецкой. Мы знаемъ, что главою племени, ставшаго ядромъ разросшейся потомъ цѣлой имперіи Отоманской, былъ Эръ-Тогруль, отецъ Османа, а между тѣмъ цѣлая династія носитъ имя второго изъ нихъ, а не перваго. Поэтому, стало быть, остается теперь догадываться о побужденіяхъ, которыми руководился Менглы, сынъ Хаджи-Герая, присвоившій прозвище *Герай* всѣмъ членамъ своего дома и удержавшій это прозвище навсегда за своимъ потомствомъ.

[1]) Gesch. d. Chane d. Krim, 30—31.

Оставляя въ сторонѣ этимологическій вопросъ о значеніи фамильнаго прозванія ханской династіи, воцарившейся и утвердившейся въ Крыму, мы однако же безъ особеннаго труда можемъ объяснить себѣ самый фактъ установленія этого прозванія въ смыслѣ титула, какъ результатъ извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ.

И Хаджи-ханъ, и сынъ его Менглы могли совершенно случайно получить отъ нарекавшихъ ихъ добавочное имя *Герай*. Оно было облюбовано почему-то вторымъ изъ нихъ и принято имъ, какъ отличительный династическій титулъ, въ числѣ другихъ внѣшнихъ знаковъ признанія за нимъ и его домомъ господства надъ Крымскимъ удѣломъ бывшей Золотоордынской имперіи [1]. Но это могло состояться не прежде, чѣмъ Менглы-Гераю удалось локализовать свою власть въ Крыму, утвердиться въ совершенной независимости отъ прежняго общетатарскаго центра, хотя эта локализація и независимость нуждались въ другой гарантіи, опираясь на признаніе и покровительство со стороны другого, сильнѣйшаго въ то время сосѣдняго государя—султана Османскаго. Къ

---

[1]) Не понравилось ли это имя Менглы-Гераю своимъ созвучіемъ съ греческимъ *Κύριος*=«господинъ, владыка», котораго онъ могъ наслышаться отъ грековъ и въ самомъ Крыму, и въ Константинополѣ, гдѣ онъ проживалъ нѣкоторое время въ качествѣ плѣнника? Чтобы эта наша догадка не показалась слишкомъ смѣлою и произвольною, довольно сослаться на общепринятый у турковъ и общеизвѣстный почетный титулъ *эфенди*—افندى, который столь популяренъ и кажется такимъ архитурецкимъ, что спервоначала, особенно нефилологу, и въ голову не придетъ, что это милое словечко ведетъ свое происхожденіе съ греческаго языка, есть видоизмѣненное греческое *αὐθέντης*, тѣмъ болѣе что особеннымъ значеніемъ и исконною излюбленностію оно пользовалось и пользуется среди улема, т. е. среди той части турецкаго населенія, которая отличается наибольшею закоснѣлостію и всего менѣе расположена находить у гяуровъ что-либо похвальное и достойное того, чтобы быть заимствованнымъ отъ нихъ правовѣрными. Да и вообще ни въ чемъ не проявляется столько причудливости и произвольныхъ странностей, какъ въ титулахъ, и притомъ не только въ ходячихъ, заурядно обращающихся у того или другого народа, но даже иногда и въ болѣе важныхъ, съ которыми условно соединяется какое-нибудь серьозное значеніе.

этому всю свою жизнь стремился Хаджи-ханъ, но достигъ цѣли уже сынъ его Менглы, и то не безъ приключеній, а потому онъ же учредилъ и особый титулъ для своей династіи. Онъ выбралъ для этого добавочное имя *Герай*, принадлежавшее ему одному изъ всѣхъ братьевъ, да еще отцу его, Хаджи-хану, которому первому принадлежитъ рѣшимость довершить политическій сепаратизмъ Крыма, и который не мало поработалъ для осуществленія этой завѣтной мечты своей, увѣковѣчившей его память въ исторіи татарской.

Возникновеніе другихъ, кромѣ Крымскаго, татарскихъ государствъ, окончательно парализовало политическое значеніе главнаго центра, Золотой Орды, низведенной такимъ образомъ на одинъ уровень съ отложившимися удѣлами. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ усиленіемъ возрождавшагося могущества русскихъ, безпрерывно воевавшихъ съ прежними своими поработителями, въ значительной степени облегчало задачу Хаджи-Герая совершенно обособить Крымъ подъ властью своего дома. Но территоріальное положеніе Крымскаго полуострова и прилегавшихъ къ нему материковыхъ земель было таково, что полное политическое обособленіе новаго ханства было вообще немыслимо, а окончательное отложеніе отъ Золотой Орды вчастности требовало еще нѣкоторыхъ усилій втеченіе извѣстнаго времени. Отсюда выходило то, что Хаджи-Гераю надо было одновременно смотрѣть во всѣ стороны, чтобы сохранить равновѣсіе въ своемъ довольно еще шаткомъ положеніи. Это подтверждается и тѣми скудными историческими извѣстіями, какія пока имѣются о концѣ властвованія Хаджи-Герая.

Давнія связи его съ Польшею питали въ немъ всегдашнее тяготѣніе къ ней и готовность къ поддержкѣ ея интересовъ. Въ перепискѣ сына его Менглы-Герая съ польскими властями не разъ дѣлаются ссылки на братство и пріязнь, существовавшія между Хаджи-Гераемъ и королемъ Казимиромъ [1]). Къ этому располагала Хаджи-Герая также нѣкото-

[1]) Сборникъ кн. Оболенскаго, № 1, стр. 21, 31, 40, 42, и др.

рая общность ихъ стремленій къ обезпеченію цѣлости своихъ владѣній отъ набѣговъ татаръ Большой Орды и отъ замѣтнаго усиленія Россіи. Фактическое доказательство такой политики Хаджи-Герая мы видимъ въ томъ, что онъ встрѣтилъ и разбилъ Сейидъ-Ахмедъ-хана, шедшаго изъ-за Волги опустошать Подолію [1]).

Нѣтъ также ничего невѣроятнаго и въ томъ, что Хаджи-Герай въ угоду полякамъ обнаруживалъ расположеніе дѣйствовать, въ случаѣ надобности, заодно съ ними противъ русскихъ; но чтобы онъ заключилъ формальный договоръ съ Польшею, по которому предоставлялъ ей право на завладѣніе русскою землею, это похоже на фабулу, несмотря на то что польскіе историки опредѣленно указываютъ даже годъ, 867 — 1461, когда будто бы дана была Хаджи-Гераемъ грамота за золотою печатью, содержащая вышеозначенное уполномочіе [2]). Сомнительность существованія подобной грамоты явствуетъ изъ того, что она выставляется лишь какъ подтвержденіе обѣщанія, даннаго будто бы еще Токтамышемъ. Печальный конецъ Токтамыша, безъ сомнѣнія, достаточно долженъ былъ показать всю ненадежность подобнаго рода договоровъ съ лицами, не представлявшими гарантіи къ ихъ выполненію. Положеніе Хаджи-Герая, правда, было лучше, нежели Токтамыша, но все же оно не настолько было прочно и могущественно, чтобы онъ могъ предъявлять какія-либо претензіи на Русь, какъ на подданную ему страну, и предоставлять пользованіе своими на нее правами кому нибудь другому, хоть бы, напримѣръ, Польшѣ.

Любопытно, что въ русскомъ переводѣ сочиненія Сестренцевича-Богуша относительно вышеупомянутой грамоты въ выноскахъ сдѣлано такое примѣчаніе: „Сей дипломъ я видѣлъ въ Варшавѣ въ 1772, въ библіотекѣ Залускаго" [3]). Между тѣмъ во французскомъ подлинникѣ его „Histoire de

---

[1]) Kronika Stryjkowskiego, II: 234; Исторія о Тавріи, II: 244. [2]) Ист. о Тавріи, II: 246—47. [3]) Ibidem. II: 247, пр. 1.

la Tauride" этой замѣтки не находится ни въ первомъ изданіи, предшествовавшемъ русскому переводу [1]), ни во второмъ, пересмотрѣнномъ и явившемся много лѣтъ спустя послѣ этого перевода [2]).

Наконецъ съ духомъ подобной грамоты, если бы только она дана была Хаджи-Гераемъ, какъ-то не совсѣмъ согласуется послѣдующее поведеніе его относительно русскихъ. Самъ же Сестренцевичъ-Богушъ приводитъ тотъ фактъ, что въ 1465 году Хаджи-Герай „оказалъ россіянамъ услугу, воспрепятствовавъ Кыпчакскому хану перейдти черезъ Донъ" [3]), но только онъ этотъ поступокъ приписываетъ какому-то сантиментальному чувству миролюбія Хаджи-Герая и его рыцарской готовности „защищать своихъ сосѣдей противъ турковъ (sic)" [4]). Безъ сомнѣнія, Сестренцевичъ разумѣетъ тутъ извѣстный фактъ татарскаго нашествія, который записанъ и въ нашихъ лѣтописяхъ подъ тѣмъ же 1465 годомъ. Бѣда только въ томъ, что наши лѣтописные памятники, едва ли не впервые занесши на свои страницы имя Хаджи-Герая, названнаго тутъ Азигиреемъ, расходятся между собою касательно имени его противника, хана Большой Орды. Карамзинъ, на основаніи имѣвшихся у него источниковъ, говоритъ, что къ Москвѣ тогда хотѣлъ идти царь *Ахматъ*, повелитель Волжскихъ Улусовъ [5]). А въ Воскресенской лѣтописи мы подъ 1465 годамъ читаемъ: „Того же лѣта поиде безбожный царь *Махмутъ* на Рускую землю съ своею ордою и бысть на Дону; Божіею же милостію и его пречистые Матери пріиде на него царь *Азигирѣй*, и би его, и орду взя, и начаша воеватися промежь себе, и тако

---

[1]) Brunswick. 1800. T. II: 207. [2]) St. Pétersbourg. 1824. Стр. 352 (b). Книги и рукописи библіотеки Залускаго нынѣ хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ; но по справкѣ въ нихъ также не оказалось ничего подобнаго такому замѣчательному документу, какова долженствовала быть подозрительная грамота Хаджи-Герая. [3]) Ист. о Тавріи, II: 248. [4]) Ibidem. [5]) Ист. Гос. Рос., VI: 8, пр. 6.

рая общность ихъ стремленій къ обезпеченію цѣлости своихъ владѣній отъ набѣговъ татаръ Большой Орды и отъ замѣтнаго усиленія Россіи. Фактическое доказательство такой политики Хаджи-Герая мы видимъ въ томъ, что онъ встрѣтилъ и разбилъ Сейидъ-Ахмедъ-хана, шедшаго изъ-за Волги опустошать Подолію [1]).

Нѣтъ также ничего невѣроятнаго и въ томъ, что Хаджи-Герай въ угоду полякамъ обнаруживалъ расположеніе дѣйствовать, въ случаѣ надобности, заодно съ ними противъ русскихъ; но чтобы онъ заключилъ формальный договоръ съ Польшею, по которому предоставлялъ ей право на завладѣніе русскою землею, это похоже на фабулу, несмотря на то что польскіе историки опредѣленно указываютъ даже годъ, 867—1461, когда будто бы дана была Хаджи-Гераемъ грамота за золотою печатью, содержащая вышеозначенное уполномочіе [2]). Сомнительность существованія подобной грамоты явствуетъ изъ того, что она выставляется лишь какъ подтвержденіе обѣщанія, даннаго будто бы еще Токтамышемъ. Печальный конецъ Токтамыша, безъ сомнѣнія, достаточно долженъ былъ показать всю ненадежность подобнаго рода договоровъ съ лицами, не представлявшими гарантіи къ ихъ выполненію. Положеніе Хаджи-Герая, правда, было лучше, нежели Токтамыша, но все же оно не настолько было прочно и могущественно, чтобы онъ могъ предъявлять какія-либо претензіи на Русь, какъ на подданную ему страну, и предоставлять пользованіе своими на нее правами кому нибудь другому, хоть бы, напримѣръ, Польшѣ.

Любопытно, что въ русскомъ переводѣ сочиненія Сестренцевича-Богуша относительно вышеупомянутой грамоты въ выноскахъ сдѣлано такое примѣчаніе: „Сей дипломъ я видѣлъ въ Варшавѣ въ 1772, въ библіотекѣ Залускаго“ [3]). Между тѣмъ во французскомъ подлинникѣ его „Histoire de

---

[1]) Kronika Stryjkowskiego, II: 234; Исторія о Тавріи, II: 244. [2]) Ист. о Тавріи, II: 246—47. [3]) Ibidem. II: 247, пр. 1.

la Tauride“ этой замѣтки не находится ни въ первомъ изданіи, предшествовавшемъ русскому переводу [1]), ни во второмъ, пересмотрѣнномъ и явившемся много лѣтъ спустя послѣ этого перевода [2]).

Наконецъ съ духомъ подобной грамоты, если бы только она дана была Хаджи-Гераемъ, какъ-то не совсѣмъ согласуется послѣдующее поведеніе его относительно русскихъ. Самъ же Сестренцевичъ-Богушъ приводитъ тотъ фактъ, что въ 1465 году Хаджи-Герай „оказалъ россіянамъ услугу, воспрепятствовавъ Кыпчакскому хану перейдти черезъ Донъ“ [3]), но только онъ этотъ поступокъ приписываетъ какому-то сантиментальному чувству миролюбія Хаджи-Герая „и его рыцарской готовности „защищать своихъ сосѣдей противъ турковъ (sic)“ [4]). Безъ сомнѣнія, Сестренцевичъ разумѣетъ тутъ извѣстный фактъ татарскаго нашествія, который записанъ и въ нашихъ лѣтописяхъ подъ тѣмъ же 1465 годомъ. Бѣда только въ томъ, что наши лѣтописные памятники, едва ли не впервые занесши на свои страницы имя Хаджи-Герая, названнаго тутъ Азигиреемъ, расходятся между собою касательно имени его противника, хана Большой Орды. Карамзинъ, на основаніи имѣвшихся у него источниковъ, говоритъ, что къ Москвѣ тогда хотѣлъ идти царь *Ахматъ*, повелитель Волжскихъ Улусовъ [5]). А въ Воскресенской лѣтописи мы подъ 1465 годамъ читаемъ: „Того же лѣта поиде безбожный царь *Махмутъ* на Рускую землю съ своею ордою и бысть на Дону; Божіею же милостію и его пречистые Матери пріиде на него царь *Азигирѣй*, и би его, и орду взя, и начаша воеватися промежь себе, и тако

[1]) Brunswick. 1800. T. II: 207. [2]) St. Pétersbourg. 1824. Стр. 352 (b). Книги и рукописи библіотеки Залускаго нынѣ хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ; но по справкѣ въ нихъ также не оказалось ничего подобнаго такому замѣчательному документу, какова долженствовала быть подозрительная грамота Хаджи-Герая. [3]) Ист. о Тавріи, II: 248. [4]) Ibidem. [5]) Ист. Гос. Рос., VI: 8, пр. 6.

Богъ избави Рускую землю отъ поганыхъ" [1]). Равнымъ образомъ въ изложенiи событiй татарской исторiи Малиновскаго, основывавшагося па документахъ Главнаго Архива въ Москвѣ, противникъ Хаджи-Герая также названъ „новымъ Ордынскимъ царемъ *Магмутомъ*, преемникомъ Седи-Ахметовымъ" [2]). Точно такого имени мы не находимъ между тогдашними татарскими ханами, исключая имени сына Улу-Мухаммеда, царя Казанскаго, да и то въ уменьшительной формѣ „Махмудекъ". При склонности нашихъ лѣтописцевъ къ искаженiю чужестранныхъ собственныхъ именъ можно бы было предполагать тутъ хана Ахмеда, сына Кючукъ-Мухаммеда, который незадолго передъ стычкою 1465 года тщетно приступалъ къ Переяславлю Рязанскому въ 1460 году [3]) и потомъ опять вскорѣ дѣлалъ приступъ къ городу Алексину, въ 1472 году: онъ является въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Охмута Кичiахметевича*, или *Ахмата Кочiахметовича*, или *Ахмута Кочи Яхмутовича* [4]), или, наконецъ, просто *Ахмута* [5])—въ формѣ, самой близкой къ имени *Махмутъ*. Но нѣсколько позже, а именно подъ 1485 годомъ, мы опять встрѣчаемся въ лѣтописи съ Махмудомъ: „Того же лѣта", читаемъ мы, „Ординской царь *Махмутъ*, Ахматовъ сынъ, съ княземъ съ Темиремъ иде изгономъ па Мингирѣя.... Той же *Махмутъ* приведе Муртазу и посади на царствѣ" [6]). Это былъ одинъ изъ сыновей вышеупомянутаго хана Ахмеда, подвизавшiйся на поприщѣ смутъ и междоусобiй въ союзѣ съ братомъ своимъ, ханомъ Сейидъ-Ахмедомъ II [7]). Равнымъ образомъ въ договорѣ короля Сигизмунда съ Менглы-Гераемъ, заключенномъ въ 1513 году, король польскiй подтверждаетъ свое обѣщанiе быть заодно противъ непрiятелей хана, дѣтей Ахметовыхъ и *Махмутовыхъ*, говоря:

---

[1]) П. С. Р. Л., VIII: 151. [2]) Зап. Од. Общ., V: 183. [3]) П. С. Р. Л., VIII: 149. [4]) В.-Зерновъ, Op. cit., I: 77—80 & 112. [5]) П. С. Р. Л., VIII: 149. [6]) Ibidem, 216. [7]) Ист. Госуд. Рос., VI: 107, пр. 271; В.-Зерновъ, Op cit., I: 114, 117—118.

„A czto Bratu Naszomu Mendigireiu Caru nepryiateli Achmatevy a (sic) *Machmutowy deti* to i nam Nepryiateli byli, nam z Carem Mendigirycm na nich za odin“ [1]). Если тутъ разумѣются дѣти Махмуда, сгонявшаго Менглы-Герая съ престола, и если онъ не одно и то же лицо съ Махмудомъ, съ которымъ велъ распрю Хаджи-Герай, то не слишкомъ ли были молоды его дѣти, чтобы Менглы-Герай считалъ ихъ опасными для себя противниками?

Во всякомъ случаѣ столкновеніе Хаджи-Герая съ Махмудомъ, кто бы онъ ни былъ—самостоятельный ли ханъ Большой Орды, или только ханскій царевичъ, предводительствовавшій ханскими полчищами, произошло въ 1465 году, въ тотъ моментъ, когда Махмудъ угрожалъ вторженіемъ въ русскіе предѣлы, и когда не видно было, чтобы это нашествіе татаръ Большой Орды направлено было такъ или иначе противъ Хаджи-Герая или затрогивало его территоріальныя владѣнія. Но онъ все-таки перерѣзалъ дорогу своимъ соплеменникамъ, нанеся имъ пораженіе, и явился чрезъ это благодѣтелемъ русскихъ, независимо оттого, питалъ ли онъ внутреннія симпатіи или антипатіи къ нимъ. Ему надо было такъ дѣйствовать по естественнымъ политическимъ соображеніямъ—не дать усилиться хану Большой Орды, Ахмеду, хотя бы и насчетъ русскихъ: это было не выгодно самому Хаджи-Гераю, стремившемуся къ обезпеченію своего сепаратизма. Оно такъ выходитъ и изъ словъ лѣтописи: „начаша воеватися промежь себе“. Начавшаяся татарская междоусобица, конечно, была ко благу русскихъ; но Хаджи-Гераю выгоднѣе было щадить русскихъ, лишь бы не давать оправиться Золотой Ордѣ, съ которой у него еще не были совсѣмъ покончены счеты.

Осторожность политики Хаджи-Герая подъ конецъ замѣчается и въ его поведеніи относительно генуэзцевъ и турковъ. Взятіе Константинополя послѣдними произвело

[1]) Рукопись Императорской Публ. Библ. Отд. рукоп. Разноязычныя. F. IV. № 143, л. 71 verso.

переполохъ во всемъ тогдашнемъ христіанскомъ мірѣ, хотя само по себѣ это событіе вовсе не имѣло такого грандіознаго характера ни по исторической подготовкѣ его, ни по размѣру матеріальныхъ силъ и средствъ, употребленныхъ тогда въ дѣло обѣими воевавшими сторонами. Папы стали проповѣдовать крестовый походъ противъ турковъ. Любопытно, что одинъ папскій посланецъ явился съ предложеніемъ участія въ этомъ походѣ и къ Хаджи-Гераю въ 1466 году. Умный татаринъ, понимавшій всю нелѣпость подобнаго предложенія, сослался однако же въ своемъ отказѣ на то, что онъ въ своей политикѣ сообразовался съ намѣреніями друга своего, короля польскаго, а этотъ послѣдній состоялъ тогда въ дружественныхъ отношеніямъ съ завоевателемъ Константинополя, султаномъ Мухаммедомъ II [1]).

Если принять во вниманіе не особенную отдаленность отъ Крыма турецкихъ владѣній въ Европѣ и удобство сообщенія съ ними морскимъ путемъ, то Хаджи-Гераю, безъ сомнѣнія, было извѣстно все, что творилось тогда турками османскими. Ему, вѣроятно, не безъизвѣстны были далеко не любезныя отношенія султана Мухаммеда II къ генуэзцамъ, какъ пріютившимся въ Галатѣ, у Константинополя, такъ и плававшимъ черезъ проливы въ свои черноморскія факторіи. Авторъ Краткой Исторіи положительно утверждаетъ, что Хаджи-Герай даже будто бы входилъ въ переговоры съ покорителемъ Константинополя насчетъ оказанія ему матеріальной помощи къ завоеванію генуэзскихъ укрѣпленныхъ поселеній присылкою стѣнобитныхъ орудій и войска [2]). Но необыкновенные успѣхи османскаго оружія должны были заставить Хаджи-Герая пріостановить до поры до времени натискъ на невѣрныхъ сосѣдей и занять выжидательное положеніе. Кафскіе колонисты, или, какъ ихъ называютъ польскіе историки,

---

[1]) Kronika Stryjkowskiego, II: 267. [2]) Кр. Ист., л. 27 v.; Зап. Од. Общ., I: 383.

кафинскіе мѣщане уже достаточно пріучены были имъ къ покорности и не были ему опасны, а вособенности когда имъ пришлось сосредоточивать всѣ свои силы на самообoронѣ въ случаѣ возможнаго нападенія на нихъ турковъ—съ моря. Такъ какъ, по всей вѣроятности, дальновидный Хаджи-Герай самъ зарился на владѣнія колонистовъ въ Крыму, разсчитывая рано или поздно воспользоваться ими, прямо ли путемъ военнаго захвата, или же посредствомъ фискальной ихъ эксплоатаціи, то едва ли ему желательно было видѣть эти колоніи въ полной власти турковъ, хотя единоплеменнаго и единовѣрнаго, но все-таки чуждаго, пришлаго народа. Поэтому Хаджи-Герай подъ конецъ своей жизни, должно быть, уже не трогалъ кафинцевъ, ибо они въ 1463 году произвели вербовку наемныхъ солдатъ въ Польшѣ съ королевскаго дозволенія, прямо мотивировавъ это свое предпріятіе опасеніемъ нападенія со стороны турковъ [1]), и мы не видимъ достаточныхъ основаній для сомнѣнія Сестренцевича-Богуша, который считаетъ вышеприведенный мотивъ только предлогомъ, которымъ будто бы генуэзцы хотѣли замаскировать свои стратегическіе планы противъ Хаджи-Герая, поведеніе котораго имъ казалось подозрительнымъ и ненадежнымъ [2]). При дружественныхъ отношеніяхъ Хаджи-Герая съ королемъ польскимъ едва ли такіе планы кафскихъ генуэзцевъ могли остаться для него тайною; а потому и вышеупомянутая затѣя ихъ, если бы она устроилась безъ вѣдома Хаджи-Герая, была бы и нецѣлесообразна и рискованна для нихъ. Впрочемъ, наборъ во всякомъ случаѣ не удался какъ слѣдуетъ: ватага въ 500 человѣкъ волонтеровъ, направленныхъ-было въ Кафу, дорогою сожгла одно имѣніе князя Чарторыйскаго и совершила какое-то убійство, за что и подверглась истребленію, не достигнувъ мѣста своего назначенія [3]).

---

[1]) Kron. Str., II: 266; Зап. Од. Общ., I: 513; Брунъ, Черноморье, I: 235. [2]) Исторія о Тавріи, II: 247. [3]) Зап. Од. Общ., I: 513; Черноморье, I: 235.

Занятый установленіемъ наивыгоднѣйшихъ отношеній съ сосѣдними странами и обезпеченіемъ своихъ владѣній отъ завоевательныхъ посягательствъ извнѣ, Хаджи-Герай, конечно, не имѣлъ еще возможности приступить къ какой-либо внутренней организаціи созданнаго имъ ханства и обходился традиціонными правительственными средствами и порядками, унаслѣдованными отъ прежнихъ татарскихъ хановъ. Поэтому разсказы нѣкоторыхъ позднѣйшихъ историковъ о заботахъ и предпріятіяхъ Хаджи-Герая, направленныхъ на развитіе у татаръ потребностей комфорта осѣдлой жизни и на водвореніе среди нихъ ремеслъ и другихъ мирныхъ, ведущихъ къ благосостоянію, занятій [1]) преувеличенны и не основаны ни на какихъ несомнѣнныхъ данныхъ. Сами татарскіе бытописатели довольно правдоподобно ограничиваютъ его государственную дѣятельность чисто внѣшнею политикою. „Такъ какъ Хаджи-Герай", говоритъ сочинитель Краткой Исторіи, „умѣлъ привлекать сердца, то онъ во время своего правленія собралъ въ Крымъ значительное количество народа съ Волги. Поелику же отъ этого у него было много войска, и онъ могъ дѣлать походы въ московскія и польскія страны, всегда оставаясь побѣдителемъ, то онъ сталъ знаменитымъ ханомъ" [2]). Такія переселенческія передвиженія народныхъ массъ въ Крымъ вполнѣ согласовались съ видами Хаджи-Герая, служа ему средствомъ къ увеличенію числа жителей своихъ владѣній и созданію необходимой для него могущественной военной силы, которая бы служила оплотомъ вновь основаннаго ханства. Они производились и преемниками Хаджи-Герая, какъ объ этомъ свидѣтельствуется историками, которые говорятъ про Менглы-Герая, что онъ, одолѣвъ и погубивъ Сейидъ-Ахмедъ-хана, переселилъ жителей Тахтъ-Иля (т. е. нѣкоторую часть ихъ, конечно) въ Крымъ [3]). Эти переселенія

---

[1]) Ист. о Тавріи, II: 251; Хартахай, Loco cit., 199. [2]) Кр. Ист., л. 27 г.; Зап. Од. Общ., I: 381. [3]) Кр. Ист., л. 30 г.

не разъ совершались и при послѣдующихъ ханахъ, напримѣръ при Сахыбъ-Гераѣ I [1]) и другихъ. По такимъ же соображеніямъ, разумѣется, Крымскіе ханы издавна привлекали въ свое подданство и распоряженіе и воинственныхъ черкесовъ, какъ это видно изъ одного кабардинскаго народнаго преданія, которое сообщаетъ турецкій историкъ Джевдетъ, говоря о русскихъ завоеваніяхъ на Кубани въ концѣ прошлаго столѣтія.

„Занятіе Кабарды русскими“, пишетъ онъ, „привело въ ужасъ находящіяся по сю сторону (р. Кубани?) черкесскія племена, и они принуждены были искать прибѣжища и покровительства Высокой Державы. Тогда къ Высокой Двери прибылъ человѣкъ отъ бека племени Бесленей, Кызылъ-бека, по имени Хаджи - Исмаиль, да человѣкъ отъ бека племени Тимуръ-Кой, Арсланъ-бека, по имени Хаджи-Мухаммедъ, и заявили они слѣдующее: „Кабарда“, сказали они, „и другія черкесскія племена суть старинные слуги Высокой Державы: они вплоть до временъ султана Баязида Вэли состояли па службѣ въ военное и мирное время подъ именемъ конницы. Потомъ, когда Коджа-Хаджи-Герай-ханъ, при свиданіи съ Баязидъ-ханомъ, попросилъ его, чтобы означенныя племена находились на службѣ у него, то послѣдовало соизволеніе на его просьбу, и съ тѣхъ поръ упомянутыя племена стали находиться на службѣ Крымскихъ хановъ“ [2]). Время царствованія султана Баязида II (1480—1512), съ которымъ имѣлъ свиданіе Крымскій ханъ, показываетъ, что въ вышеприведенномъ преданіи ошибка въ имени хана: свиданіе могло произойдти у Баязида съ Менглы-Гераемъ I, а не съ отцомъ его, Хаджи-Гераемъ, котораго при Баязидѣ уже не было въ живыхъ. Но самый фактъ свиданія не подлежитъ сомнѣнію, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи, и если онъ сохранился въ народной памяти кабардинцевъ, то, безъ сомнѣнія, потому, что съ нимъ связано было возникновеніе тѣхъ самыхъ отношеній

[1]) Семь планетъ, 106. [2]) Тарихи-Джевдетъ, III: 156—157.

къ хану Крымскому, которыя также увѣковѣчены преданіемъ.

Что же касается до внутреннихъ организаторскихъ попытокъ, начиная съ пріученія татаръ къ осѣдлой жизни, то таковыя приписываются татарскими историками одному изъ преемниковъ Хаджи-Герая, а именно Сахыбъ-Гераю [1]). Даже самое перенесеніе резиденціи, понашему столицы, изъ Крыма, т. е. прежняго Солхата, въ Бахчэ-Сарай, также приписываемое Хаджи-Гераю, тогда далеко не имѣло того важнаго политическаго значенія, какъ въ наши времена. Что такое столица для тогдашняго татарина, хоть бы и самого хана, болѣе кочевника по роду жизни, нежели осѣдлаго человѣка? Простота государственной организаціи и несложность дѣлопроизводства по всѣмъ отраслямъ управленія избавляли отъ необходимости заводить какіе-либо постоянныя, неподвижныя правительственныя учрежденія, прикрѣпленныя къ извѣстному мѣсту, гдѣ бы всегда обязательно находился самъ носитель власти и глава этихъ учрежденій, ханъ. У татаръ было наоборотъ: гдѣ останавливался своимъ станомъ ханъ, тамъ дѣйствовала и правительственная машина: писались и издавались указы, организовалась армія,творился судъ и расправа, давались иностраннымъ посламъ аудіенціи, и даже иногда чеканилась монета. Оттого-то на протяженіи всей исторіи Крымскаго ханства, даже въ то время когда Бахчэ-Сарай сдѣлался дѣйствительнымъ центральнымъ пунктомъ этого ханства, мы видимъ самихъ хановъ безпрестанно странствующими съ одного мѣста на другое, и притомъ не налегкѣ, а со всѣми принадлежностями обыденнаго комфорта, благо онѣ также не отличались у нихъ особенною изысканностью и разнообразіемъ.

Гораздо важнѣе, по нашему мнѣнію, было то, что въ Бахчэ-Сараѣ Хаджи-Герай сложилъ свои кости, самъ, какъ

---

[1]) Кр. Ист., л. 34 г.; Зап. Од. Общ., I: 384; Хартахай, Loco cit., 206.

гласитъ преданіе, устроивъ себѣ могилу въ Салачикѣ, на границѣ между Бахчэ-Сарайскою долиною и подъемомъ на скалу Чуфутъ-Калэ. Этотъ фактъ могъ имѣть чисто нравственное значеніе для крымскихъ татаръ, которые въ отношеніи почитанія гробницъ знаменитыхъ предковъ вполнѣ сходствуютъ съ своими соплеменниками турками. У этихъ послѣднихъ до сихъ поръ чтутся, какъ священныя, тѣ мѣста, гдѣ османская орда, въ своемъ движеніи изъ Азіи, оставляла по пути тѣхъ или другихъ своихъ важныхъ покойниковъ. Такъ, напримѣръ, доселѣ существуетъ курганъ, носящій названіе مزار تركى = „Турецкой могилы", гдѣ, по преданію, схороненъ Ала-эд-Динъ, братъ Эр-Тогруля, отца Османа I. Зогудъ почитается какъ гробохранилище самого Эр-Тогруля и Османа. Городъ Бруса очень долгое время былъ пантеономъ членовъ Османской династіи, куда царственные ея покойники были отправляемы даже съ европейской территоріи турецихъ владѣній. То же самое было въ обычаѣ и у татарскихъ хановъ Герайской династіи. Одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Менглы-Герая, Сахыбъ-Герай, и ханскій княжичъ Шегбазъ-Герай, погибшіе насильственною смертью въ предѣлахъ черкесскихъ, были перенесены въ Бахчэ-Сарай и погребены возлѣ своихъ предковъ [1]). Менглы-Герай усердно просилъ кого слѣдовало прислать ему въ Крымъ *кость* брата его Нуръ-Дуалета, умершаго въ Россіи [2]). Менглы-Герай почтилъ память отца своего сооруженіемъ мечети и медресэ, этого неизбѣжнаго спутника всякаго мусульманскаго молитвеннаго дома, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ надписи, оставшіяся на этихъ зданіяхъ [3]). Надпись на мечети сохранилась не вся, и въ ней возлѣ имени Менглы-Герая читается еще арабское слово الزيارت [4]). Послѣднее дало г. Кондараки поводъ признать эту надпись будто бы „свидѣтельствующею о *посѣщеніи* ея

---

[1]) Семь планетъ, 97 и 265. [2]) Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ. т. XLI: 544. [3]) Зап. Од. Общ, I: 526. [4]) Ibidem.

(мечети) этимъ ханомъ и о сооруженіи ея въ 1500 г." [1]). Но, по духу подобныхъ надписей, здѣсь слово الزيارت = „посѣщеніе" надо относить не къ самому строителю богоугодныхъ зданій, а къ другимъ людямъ, которые изъ чувства уваженія къ святости мѣста должны посѣщать оное. Точное же опредѣленіе времени построенія мечети, сдѣланное г. Кондараки на основаніи вышеозначеннаго отрывка надписи, представляется пока произвольнымъ.

Такимъ образомъ, Хаджи-Герай своею личною энергіею и опытностью опредѣлилъ и установилъ путь, которымъ можно было достигнуть утвержденія основаннаго имъ новаго татарскаго царства подъ властью его рода. Побѣды его надъ ханомъ Большой Орды сообщили его подданнымъ и приверженцамъ, крымцамъ, увѣренность въ своихъ силахъ отстаивать свою независимость съ этой стороны. Его умѣнье ладить съ Польшею гарантировало безопасность его владѣній отъ этого могучаго сосѣда. Сила же русская отдѣлена была большими пространствами, да пока и не внушала еще особенныхъ опасеній. Одно, что должно было составлять неразрѣшенную задачу въ его политикѣ—это отношеніе его государства къ державѣ Отоманской, неминуемость столкновенія съ которою онъ не могъ не понимать и не предвидѣть. На этомъ-то интересномъ историческомъ моментѣ смерть застала престарѣлаго Хаджи-Герая. По несомнѣннымъ даннымъ, онъ умеръ въ 1466 году. Всѣ разнорѣчія по этому вопросу обстоятельно провѣрены и приведены въ согласіе г. Вельяминовымъ-Зерновымъ [2]), и потому мы не будемъ опять останавливаться на разсмотрѣніи ихъ [3]).

[1]) Универс. опис. Крыма, ч. XV. стр. 193. [2]) Op. cit., I. 93—95.
[3]) Развѣ слѣдуетъ тутъ упомянуть объ одной хронологической ошибкѣ, которой не могъ имѣть въ виду г. Вельяминовъ-Зерновъ, чтобы исправить ее. Г. М. Волковъ въ статьѣ своей «Четыре года города Кафы», основанной на подлинныхъ актахъ, изданныхъ въ Генуѣ Лигурійскимъ Обществомъ Отечественной Исторіи подъ заглавіемъ «Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell' ufficio di S-n Giorgio,

Предпринятое Хаджи-Гераемъ дѣло основанія независимаго царства не продолжалось его дѣтьми въ указанномъ имъ направленіи: они тотчасъ же подняли междоусобія изъ-за власти; политическія отношенія къ сосѣдямъ также измѣнились у нихъ сообразно личнымъ интересамъ каждаго изъ нихъ.

Въ силу ли установившейся у татаръ исконной традиціи, или въ надеждѣ на собственную удачу, преемникомъ умершаго Хаджи-Герая во власти явился старшій сынъ его Нуръ-Даулетъ. Соперникомъ его выступилъ младшій братъ его Менглы-Герай. Въ ихъ распрю вмѣшался еще одинъ изъ братьевъ, по имени Хайдэръ, который, впрочемъ, болѣе склоненъ былъ держать сторону старшаго брата противъ меньшого, Менглы, какъ это можно заключать изъ того, что Нуръ-Даулетъ и Хайдэръ, потерявъ всякую надежду добиться чего-либо въ Крыму, вмѣстѣ ушли потомъ въ Москву на службу къ великому князю Ивану Васильевичу [1].

Подробности этихъ распрей намъ не извѣстны. Мы знаемъ однако же, что въ то время какъ Нуръ-Даулетъ, вѣрный политикѣ отца, хотѣлъ поддерживать дружественную связь съ Польшею и съ этою цѣлью отправлялъ туда посольство [2], Менглы-Герай, случайно или завѣдомо, нашолъ себѣ опору въ мѣстномъ національномъ элементѣ и отчасти у генуэзскихъ колонистовъ города Кафы. Польскіе историки какъ-то неопре-

---

MCCCCLIII—MCCCCLXXV», относитъ смерть Хаджи-Герая къ 1456 году (Зап. Од. Общ., VIII: 143). Между тѣмъ г. Гейдъ, на основаніи тѣхъ же документовъ, прямо говоритъ о смерти Хаджи-Герая, что она «im Spätsommer 1466 erfolgte» (W. Heyd, Op. cit., II: 398). Ошибка эта повторена и покойнымъ Ф. К. Бруномъ въ статьѣ «О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи» (Записки Императорскаго Новоросс. Унив., т. XXVIII, ч. II., стр. 312, и Черноморье. I: 286), хотя г. Брунъ цитуетъ въ своей статьѣ означенный трудъ Гейда (напр. на стр. 278) и, слѣдовательно, если онъ былъ иного мнѣнія относительно разсматриваемой нами даты, то долженъ бы былъ привести основанія, почему онъ не согласенъ съ мнѣніемъ другого ученаго.

[1]) В.-Зерновъ, Op. cit., I: 91—93. [2]) Исторія о Тавріи, II: 205; В.-Зерновъ, Op. cit., I: 94.

дѣленно повѣствуютъ о томъ, что уже въ 1469 году Нуръ-Даулетъ былъ изгнанъ, а на его мѣсто посаженъ Менглы-Герай при участіи и содѣйствіи кафинцевъ. Только Мѣховскій нѣсколько яснѣе и, повидимому, основательнѣе другихъ говоритъ, что Нуръ-Даулета изгнали сами *перекопскіе татаре* и возвели на его мѣсто Менглы-Герая; про кафинцевъ же, согласно съ прочими историками, замѣчаетъ, что они неохотно, опричь души, участвовали въ этомъ возведеніи Менглы-Герая, который тогда пользовался ихъ гостепріимствомъ [1]). Но странно, что это было за гостепріимство такое, которое оказывалось Менглы-Гераю кафинцами, и притомъ не однажды, а нѣсколько разъ, потому что когда онъ, въ свою очередь, вскорѣ былъ вытѣсненъ братомъ своимъ Хайдэромъ, то опять долженъ былъ искать убѣжища въ Кафѣ [2])! Кто же тамъ были его благожелатели и покровители? Скудные источники для исторіи Крыма въ эту эпоху отвѣчаютъ, что это были генуэзцы. Сестренцевичъ-Богушъ откуда-то добылъ свѣдѣніе о томъ, что Менглы- Герай сперва былъ „плѣнникомъ у генуэзцевъ, воспитывался у нихъ въ продолженіе цѣлыхъ восьми лѣтъ и потомъ былъ возведенъ ими на царство, послѣ того какъ Нуръ-Даулетъ и прочіе его братья заключены были въ Судакѣ и Манкупѣ" [3]). А затѣмъ Менглы-Гераю приписывается какое-то необыкновенное слѣпое пристрастіе къ генуэзцамъ, даже въ ущербъ интересамъ своихъ кровныхъ единоплеменниковъ, татаръ, которые вынуждены были, съ Хайдэромъ во главѣ, обратиться за водвореніемъ должнаго порядка въ своей странѣ къ турецкому султану Мухаммеду II [4]).

Все въ этихъ извѣстіяхъ какъ-то трудно вяжется одно съ другимъ—и плѣнъ Менглы-Герая у генуэзцевъ, и воспитаніе его у нихъ, и неохотное возведеніе его на ханство генуэзцами, и безграничная признательность его къ нимъ доводившая татаръ до ропота. Съ одной стороны недоволь-

---

[1]) В.-Зерновъ, I: 96. [2]) Ibidem, 97. [3]) Исторія о Тавріи, II: 204 и 253. [4]) Ibidem, 255.

ные татаре предлагаютъ султану Мухаммеду принять ихъ въ свое подданство, съ другой—самъ Менглы-Герай обращается къ тому же Мухаммеду съ просьбою о прекращеніи безпорядковъ въ Крыму, происходившихъ отъ междоусобій претендентовъ на господство въ немъ, хотя самъ же онъ былъ однимъ изъ такихъ претендентовъ и, слѣдовательно, виновниковъ безпорядковъ [1]). Намъ кажется, что эта неясность отношеній Менглы-Герая къ кафинцамъ должна нѣсколько разсѣяться, когда мы будемъ имѣть въ виду, что въ тѣ поры населеніе Кафы состояло не исключительно изъ однихъ генуэзцевъ, а что тамъ довольно многочисленъ былъ и элементъ татарскій; что даже самое управленіе Кафы было не исключительно въ рукахъ колонистскихъ властей, а велось въ сообществѣ съ представителями власти татарской: тамъ не переставали сидѣть попрежнему татарскіе тудуны, которые на языкѣ Сестренцевича-Богуша титулуются „префектами" [2]). Значитъ, многое въ началѣ политическаго поприща Менглы-Герая, что историки приписываютъ генуэзцамъ, какъ болѣе извѣстнымъ жителямъ Кафы, всущности должно быть относимо къ татарскимъ поселенцамъ этого города и его окрестностей, бытъ и прошлое которыхъ менѣе оставили слѣдовъ въ историческихъ памятникахъ, чтобы ихъ не заслонили собою для позднѣйшихъ изслѣдователей европейскіе колонисты знаменитаго города. Этотъ нашъ взглядъ до извѣстной степени оправдывается и подтверждается обстоятельствами, при которыхъ совершился весьма важный фактъ въ позднѣйшей исторіи Таврическаго полуострова, т. е. подчиненіе Крымскаго ханства вассальной зависимости отъ Оттоманской Порты.

Но насколько важенъ этотъ фактъ въ историческомъ отношеніи, настолько же, по словамъ г. Вельяминова-Зернова, „исторія Крыма за всю эту эпоху запутана" [3]), да едва ли и можетъ быть когда-нибудь вполнѣ распутана, прибавимъ мы.

---

[1]) Ibidem. [2]) Op. cit., 206. [3]) Op. cit., I: 108.

Весьма естественно, что междоусобныя распри сыновей Хаджи-Герая дали возможность начавшей разлагаться и умирать Большой Ордѣ оправиться отъ тяжкаго удара, нанесеннаго ей отцомъ ихъ подъ конецъ своего царствованія. Сетренцевичъ-Богушъ сообщаетъ свѣдѣніе такого рода, что какъ только Менглы-Герай утвердился на престолѣ, то будто бы Магометъ (sic), ханъ Кыпчакскій, началъ искать союза его противъ русскихъ, и тотъ не встрѣтилъ никакого затрудненія заключить таковой, ибо не нашолъ въ этомъ ничего несогласнаго съ политической системой поляковъ [1]). Вопреки этому темному и сбивчивому извѣстію [2]), мы имѣемъ положительныя, основанныя на документахъ, свѣдѣнія о томъ, что золотоордынскій ханъ Ахмедъ, поднявъ голову послѣ смерти Хаджи-Герая, непрестанно враждовалъ съ сыновьями послѣдняго, и съ этой цѣлью вступилъ въ союзъ съ польскимъ королемъ Казимиромъ [3]).

Это недружелюбіе Ахмеда къ Менглы-Гераю, между прочимъ, не ускользнуло отъ вниманія московскихъ политиковъ, и они не преминули воспользоваться распрею татарскихъ царей, чтобы войдти въ соглашеніе съ однимъ изъ нихъ, который былъ подальше и безвреднѣе, и тѣмъ легче справляться съ другимъ, который былъ ближе и надоѣдалъ своими притязаніями и набѣгами на русскія владѣнія.

Починъ сношеній сдѣланъ былъ со стороны русской. Менглы-Герай охотно откликнулся на вызовъ. Посредниками же въ завязавшихся ссылкахъ и дипломатическихъ сно-

---

[1]) Исторія о Тавріи, II: 254. [2]) Сбивчивость его двоякая: 1-хъ ханъ Кыпчакскій, искавшій союза съ Менглы-Гераемъ, названъ Мухаммедомъ, какого не оказывается въ 1472 году, по другимъ источникамъ; 2-хъ) самое извѣстіе носитъ противное своему содержанію заглавіе: «Союзъ его (т. е. Менглы-Герая) съ Россіянами» (loco citato); во французскомъ подлинникѣ сочиненія Богуша тоже стоитъ оглавленіе: «Son alliance *avec* les Russes. 1492 (опечатка, должно быть, вмѣсто 1472)», а въ самой статьѣ значится, что «Mahomet, Khan de Kiptschak, recherсha son alliance *contre* les Russes, et il ne fit nulle difficulté de la conclure» (2-ое изданіе, 1824 года, стр. 356). [3]) Ист. Госуд. Рос., VI: 54; В.-Зерновъ, Op. cit., I: 81—84; Зап. Од. Общ., V: 183—184.

шеніяхъ великаго князя московскаго съ ханомъ Крымскимъ, были все чистокровные татаре, судя по ихъ именамъ, упоминаемымъ въ пересылочныхъ грамотахъ: Хаджи-баба, да Абдул-Ла, да Эминекъ, да Мамакъ, да Довлстекъ [1]). Единственный кафинецъ не татарскаго происхожденія, игравшій роль, не совсѣмъ честнаго впрочемъ, маклера, устроившаго эти дипломатическія сношенія, былъ Хозя Кокосъ = Ходжа Кокосъ *Жидовинъ* [2]). Изъ другихъ иностранцевъ, сносившихся съ Москвою въ дружественныхъ разсчетахъ, были Исайко, князь Манкупскій, сватавшій свою дочь за Ивана Васильевича III [3]), а позднѣе жидъ Захарія, князь таманскій, ссылавшійся при посредствѣ армянина Богдана [4]).

О генуэзцахъ же собственно, именуемыхъ въ русскихъ грамотахъ просто „кафинцами", только и упоминается по поводу того, что они грабили московскихъ купцовъ [5]), и что московскому правительству не были даже хорошенько извѣстны ихъ отношенія съ Менглы-Гераемъ. „Князь велики велѣлъ тебѣ говорити", читаемъ мы въ наказѣ Старкову, долженствовавшему объясняться съ Менглы-Гераемъ: „а зовешь *Кафу своими людьми*. Ино вѣдаешь самъ, волный человѣкъ, что въ Кафѣ моего посла Прокофья пограбили, да колко гостей моихъ перебили въ Кафѣ, товару и животовъ на многое тысячъ рублевъ взяли...... *И будутъ твои люди Кафа*, и ты бы имъ велѣлъ то взятое моимъ людемъ отдати" [6]). Никакого другого значенія въ политическихъ дѣлахъ и международныхъ отношеніяхъ Менглы-Герая даже косвенно не придается генуэзцамъ въ упомянутыхъ грамотахъ. А между тѣмъ и въ московскихъ посольскихъ инструкціяхъ въ числѣ вліятельныхъ людей при Менглы-Гераѣ, которыхъ надо было задаривать, значатся „царевы *дворяне*" [7]). Московскому послу наказывалось, „чтобы *уланы и князи со*

[1]) Сборникъ Истор. Общ., цитованный томъ, №№ 1—2 стр. 1—13. [2]) Ibidem; Ист. Госуд. Рос., VI: 54, пр. 122; Зап. Од. Общ., V: 184. [3]) Сборн. Истор. Общ., стр. 12—13. [4]) Ibid., стр. 71—72. [5]) Ibid., стр., 8, V. [6]) Ibid., стр. 12, II. [7]) Ibid., 8.

Дальнѣйшимъ и окончательнымъ подтвержденіемъ высказаннаго взгляда на отношенія Менглы-Герая къ кафскимъ генуэзцамъ служатъ два тарханныхъ ярлыка, данные Менглы-Гераемъ на имя Ходжа-бія и Махмудека. Первый изъ нихъ имѣетъ дату 872 = 1467 г., а второй 873 = 1468 г. Въ одномъ сказано, что онъ писанъ во время нахожденія орды въ Кыркъ-ерѣ, а въ другомъ—что онъ писанъ, когда орда была въ Мерашѣ [1]). Изъ этихъ любопытныхъ данныхъ слѣдуетъ, что Менглы-Герай гораздо раньше 1469 года предъявилъ свои претензіи на господство въ Крыму, вскорѣ же послѣ смерти своего отца Хаджи-Герая, и не обращая вниманія на такія же властныя притязанія старшаго брата своего, Нуръ-Даулета [2]). Если оба брата одновременно считали себя властителями Крыма, то мѣста написанія и выдачи ярлыковъ Менглы-Герая показываютъ, что его престижъ имѣлъ болѣе широкое распространеніе, былъ признанъ даже въ самомъ центральномъ пунктѣ Крыма, въ Кыркорѣ, а слѣдовательно ему не было нужды ютиться въ Кафѣ или около Кафы, поближе къ своимъ пріятелямъ генуэзцамъ. На эту обширность распространенія власти Менглы-Герая указываютъ и тѣ широкія полномочія, которыя подтверждаются ярлыкомъ за тарханомъ Махмудекомъ, и которыми уже пользовался отецъ его Хызръ [3]). Фактическая же дѣйствительность власти Менглы-Герая явствуетъ изъ того, что въ противномъ случаѣ едва ли бы кто сталъ просить у него грамоты, если бы она не гарантировала правъ и привиллегій владѣвшаго ею; если бы власть самого дателя грамоты была еще сомнительна и нуждалась въ чуждой поддержкѣ.

---

[1]) Имя мѣста написано неразборчиво; во всякомъ случаѣ, начертаніе не представляетъ ничего похожаго на Кафу. [2]) И. Н. Березинъ, Тарханные ярлыки, въ Зап. Од. Общ., т. VIII, ярлыкъ I, стр. 5. [3]) Ibidem, стр. 11—13. Намъ кажется, что лучше читать имя отца Махмудека *Хызръ*, а не *Хызръ-Га*, такъ какъ начертаніе خضرغا позволительно принять за форму дательнаго падежа отъ собственнаго имени خضر въ зависимости отъ глагола بولوب سيورغال ,سيورغادوق, и т. п.

царемъ на ярлыкѣ шерть дали; а не захотятъ уланы и князи шерти дати, ино о томъ говорити двѣма княземъ, Именеку да Авдулѣ, чтобы тѣ два князя шерть дали на томъ ярлыкѣ великому князю“ [1]). И самъ Менглы-Герай въ своемъ ярлыкѣ даетъ такое обѣщаніе великому князю московскому: „А твоее ми земли и тѣхъ князей, которые на тебя смотрятъ, не воевати, ни *моимъ уланамъ, ни княземъ, ни казакамъ*“ [2]).

Изъ этого мы смѣло заключаемъ, что главную опору Менглы-Герая составляла приверженность къ нему извѣстной части татарскихъ бековъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи значительную народную силу, а вовсе не дружба его съ генуэзцами, такъ что даже довѣріе къ его международнымъ договорамъ скрѣплялось непремѣннымъ участіемъ въ этихъ договорахъ владѣтельнаго татарскаго вельможества, а особливо двухъ лицъ—исторически извѣстнаго Эминека, да какого-то Абду-л-Лы. Эти беки настолько же распоряжались судьбою Крыма, насколько и наслѣдственные его владыки, дѣти Хаджи-Герая, ибо другой, тоже памятный исторіи, бекъ Мамакъ велъ даже самостоятельную переписку съ московскимъ великимъ княземъ [3]). Стало быть, участіе кафскихъ колонистовъ въ судьбѣ Менглы-Герая вовсе не такъ велико и важно, какъ это представляется иными историками; и если онъ не разъ укрывался во время неудачъ отъ своихъ политическихъ противниковъ въ Кафѣ и находилъ тамъ ласковый пріемъ, то не у иновѣрныхъ только генуэзцевъ, а скорѣе, должно быть, у единовѣрныхъ и единоплеменныхъ же татарскихъ бековъ, проживавшихъ въ окрестностяхъ Кафы и державшихъ въ своихъ рукахъ администрацію этого города, благодаря своей коренной военной силѣ, крѣпко оцѣпившей и стиснувшей заѣзжихъ торгашей, не бывшихъ въ состояніи сопротивляться этому напору татарскаго элемента и отстаивать свою политическую независимость.

[1]) Ibid., 3. [2]) Ibid., 6. [3]) Ibidem, 7.

Дальнѣйшимъ и окончательнымъ подтвержденіемъ высказаннаго взгляда на отношенія Менглы-Герая къ кафскимъ генуэзцамъ служатъ два тарханныхъ ярлыка, данные Менглы-Гераемъ на имя Ходжа-бія и Махмудека. Первый изъ нихъ имѣетъ дату 872 = 1467 г., а второй 873 = 1468 г. Въ одномъ сказано, что онъ писанъ во время нахожденія орды въ Кыркъ-ерѣ, а въ другомъ—что онъ писанъ, когда орда была въ Мерашѣ [1]). Изъ этихъ любопытныхъ данныхъ слѣдуетъ, что Менглы-Герай гораздо раньше 1469 года предъявилъ свои претензіи на господство въ Крыму, вскорѣ же послѣ смерти своего отца Хаджи-Герая, и не обращая вниманія на такія же властныя притязанія старшаго брата своего, Нуръ-Даулета [2]). Если оба брата одновременно считали себя властителями Крыма, то мѣста написанія и выдачи ярлыковъ Менглы-Герая показываютъ, что его престижъ имѣлъ болѣе широкое распространеніе, былъ признанъ даже въ самомъ центральномъ пунктѣ Крыма, въ Кыркорѣ, а слѣдовательно ему не было нужды ютиться въ Кафѣ или около Кафы, поближе къ своимъ пріятелямъ генуэзцамъ. На эту обширность распространенія власти Менглы-Герая указываютъ и тѣ широкія полномочія, которыя подтверждаются ярлыкомъ за тарханомъ Махмудекомъ, и которыми уже пользовался отецъ его Хызръ [3]). Фактическая же дѣйствительность власти Менглы-Герая явствуетъ изъ того, что въ противномъ случаѣ едва ли бы кто сталъ просить у него грамоты, если бы она не гарантировала правъ и привиллегій владѣвшаго ею; если бы власть самого дателя грамоты была еще сомнительна и нуждалась въ чуждой поддержкѣ.

[1]) Имя мѣста написано неразборчиво; во всякомъ случаѣ, начертаніе не представляетъ ничего похожаго на Кафу. [2]) И. Н. Березинъ, Тарханные ярлыки, въ Зап. Од. Общ., т. VIII, ярлыкъ I, стр. 5. [3]) Ibidem, стр. 11—13. Намъ кажется, что лучше читать имя отца Махмудека *Хызръ*, а не *Хызръ-Га*, такъ какъ начертаніе خضرغا позволительно принять за форму дательнаго падежа отъ собственнаго имени خضر въ зависимости отъ глагола سيورغادوق، سيورغال بولوب, и т. п.

О силѣ и значеніи мѣстнаго татарскаго элемента въ дѣлѣ упроченія ханской власти въ Крыму и о сомнительномъ вліяніи и роли въ этомъ отношеніи кафскихъ колонистовъ можно судить потому, что не только генуэзцы, а даже и самые турки османскіе вначалѣ не могли представить полной гарантіи властныхъ правъ хана, ими самими же водвореннаго и утвержденнаго на Крымскомъ полуостровѣ.

По имѣющимся даннымъ выходитъ, что Менглы-Герай не однажды достигалъ ханской власти. Въ первый разъ онъ добился ея собственными усиліями, при содѣйствіи мѣстныхъ татарскихъ бековъ и отчасти, можетъ быть, генуэзцевъ. Вторично его посадили турки въ качествѣ вассала, ставшаго въ извѣстныя обязательныя отношенія къ стамбульскому повелителю и за это получившаго право разсчитывать на дѣятельную поддержку и покровительство въ потребныхъ случаяхъ со стороны своего сюзерена. Тѣмъ не менѣе однако же Менглы-Гераю пришлось выдержать серьозную борьбу съ ханомъ Большой Орды, который не хотѣлъ помирится съ новою политическою комбинаціею въ Крымѣ, продолжая считать эту область не болѣе какъ удѣломъ чингизидской монархіи. Только перевѣсъ военнаго счастья Менглы-Герая принудилъ его золотоордынскихъ противниковъ къ признанію совершившагося факта безусловнаго выдѣленія Крыма въ особое самостоятельное ханство, что произошло не ранѣе 1479 года, когда Менглы-Герай опять утвердился на ханскомъ тронѣ, и въ этотъ разъ уже окончательно.

Касательно того, сколько времени Менглы Герай правилъ въ первое свое ханствованіе, и какую форму имѣли его отношенія съ братомъ Нуръ-Даулетомъ, мы не имѣемъ сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что въ эту смутную пору совершилось вторженіе турковъ въ Крымъ, положившее конецъ послѣднему, призрачному господству генуэзцевъ въ Крыму. Къ сожалѣнію, и самыя обстоятельства начала дѣятельнаго вмѣшательства турковъ въ политическія дѣла Крымскаго полуострова крайне запутан-

но и сбивчиво изображаются въ историческихъ памятникахъ. Къ разсмотрѣнію этихъ-то обстоятельствъ и обратимся теперь.

Судьба генуэзскихъ колоній въ Крыму находилась въ тѣсной связи съ судьбою Константинополя: когда послѣдній достался во власть турецкому султану, и тѣмъ нечего было помышлять о сохраненіи своей независимости. Съ городомъ Кафою, этимъ маленькимъ крымскимъ Константинополемъ, въ общихъ чертахъ повторилось то же самое, что мы видимъ въ исторіи послѣднихъ временъ независимаго существованія столицы Греко-восточной имперіи. Не даромъ, говорятъ, Кафа одно время носила также названіе Кючукъ-Стамбула — „Малаго-Стамбула" [1]). Оба Стамбула, настоящій и малый, сперва были плотно оцѣплены азіатско-тюркскою воинственною ордою. Представители власти обоихъ городовъ всѣми средствами старались поддерживать мирныя отношенія съ главарями ордъ, входя съ ними въ разные компромиссы—откупаясь денежными данями, давая льготы тюркскому населенію въ городахъ своихъ. А иногда, пользуясь распрями за верховную власть нѣсколькихъ современныхъ претендентовъ на нее, они давали у себя пріютъ одному изъ этихъ соперниковъ, чтобы держать его на всякій случай какъ пугало для другого, которому удавалось на время взять перевѣсъ надъ своимъ противникомъ. Когда же всѣ средства къ поддержанію самостоятельнаго существованія были истощены, когда варвары окончательно разубѣдились въ неодолимости казавшихся имъ дотолѣ неприступными твердынь, и Константинополь, и Кафа сдѣлались добычею алчности азіатскихъ пришельцевъ и притомъ почти-что одновременно.

Въ актахъ Тавро-Лигурійскихъ сохранилось категорическое извѣстіе о томъ, что султанъ Мухаммедъ II Фатихъ, покончивъ съ Константинополемъ, тотчасъ же снарядилъ морскую экспедицію въ Черное море для погрома прибрежныхъ генуэзскихъ колоній лѣтомъ 1454 года. Флотилія въ полсотню галеръ подъ начальствомъ Демиръ-кяхьи явилась

[1]) Зап. Од. Общ., XIII: 47.

(мечети) этимъ ханомъ и о сооруженіи ея въ 1500 г." [1]). Но, по духу подобныхъ надписей, здѣсь слово الزيارت = „посѣщеніе" надо относить не къ самому строителю богоугодныхъ зданій, а къ другимъ людямъ, которые изъ чувства уваженія къ святости мѣста должны посѣщать оное. Точное же опредѣленіе времени построенія мечети, сдѣланное г. Кондараки на основаніи вышеозначеннаго отрывка надписи, представляется пока произвольнымъ.

Такимъ образомъ, Хаджи-Герай своею личною энергіею и опытностью опредѣлилъ и установилъ путь, которымъ можно было достигнуть утвержденія основаннаго имъ новаго татарскаго царства подъ властью его рода. Побѣды его надъ ханомъ Большой Орды сообщили его подданнымъ и приверженцамъ, крымцамъ, увѣренность въ своихъ силахъ отстаивать свою независимость съ этой стороны. Его умѣнье ладить съ Польшею гарантировало безопасность его владѣній отъ этого могучаго сосѣда. Сила же русская отдѣлена была большими пространствами, да пока и не внушала еще особенныхъ опасеній. Одно, что должно было составлять неразрѣшенную задачу въ его политикѣ—это отношеніе его государства къ державѣ Отоманской, неминуемость столкновенія съ которою онъ не могъ не понимать и не предвидѣть. На этомъ-то интересномъ историческомъ моментѣ смерть застала престарѣлаго Хаджи-Герая. По несомнѣннымъ даннымъ, онъ умеръ въ 1466 году. Всѣ разнорѣчія по этому вопросу обстоятельно провѣрены и приведены въ согласіе г. Вельяминовымъ-Зерновымъ [2]), и потому мы не будемъ опять останавливаться на разсмотрѣніи ихъ [3]).

---

[1]) Универс. опис. Крыма, ч. XV. стр. 193. [2]) Op. cit,, I. 93—95.
[3]) Развѣ слѣдуетъ тутъ упомянуть объ одной хронологической ошибкѣ, которой не могъ имѣть въ виду г. Вельяминовъ-Зерновъ, чтобы исправить ее. Г. М. Волковъ въ статьѣ своей «Четыре года города Кафы», основанной на подлинныхъ актахъ, изданныхъ въ Генуѣ Лигурійскимъ Обществомъ Отечественной Исторіи подъ заглавіемъ «Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell' ufficio di S-n Giorgio,

Предпринятое Хаджи-Гераемъ дѣло основанія независимаго царства не продолжалось его дѣтьми въ указанномъ имъ направленіи: они тотчасъ же подняли междоусобія изъ-за власти; политическія отношенія къ сосѣдямъ также измѣнились у нихъ сообразно личнымъ интересамъ каждаго изъ нихъ.

Въ силу ли установившейся у татаръ исконной традиціи, или въ надеждѣ на собственную удачу, преемникомъ умершаго Хаджи-Герая во власти явился старшій сынъ его Нуръ-Даулетъ. Соперникомъ его выступилъ младшій братъ его Менглы-Герай. Въ ихъ распрю вмѣшался еще одинъ изъ братьевъ, по имени Хайдэръ, который, впрочемъ, болѣе склоненъ былъ держать сторону старшаго брата противъ меньшого, Менглы, какъ это можно заключать изъ того, что Нуръ-Даулетъ и Хайдэръ, потерявъ всякую надежду добиться чего-либо въ Крыму, вмѣстѣ ушли потомъ въ Москву на службу къ великому князю Ивану Васильевичу [1].

Подробности этихъ распрей намъ не извѣстны. Мы знаемъ однако же, что въ то время какъ Нуръ-Даулетъ, вѣрный политикѣ отца, хотѣлъ поддерживать дружественную связь съ Польшею и съ этою цѣлью отправлялъ туда посольство [2], Менглы-Герай, случайно или завѣдомо, нашолъ себѣ опору въ мѣстномъ паціональномъ элементѣ и отчасти у генуэзскихъ колонистовъ города Кафы. Польскіе историки какъ-то неопре-

MCCCCLIII—MCCCCLXXV», относитъ смерть Хаджи-Герая къ 1456 году (Зап. Од. Общ., VIII: 143). Между тѣмъ г. Гейдъ, на основаніи тѣхъ же документовъ, прямо говоритъ о смерти Хаджи-Герая, что она «im Spätsommer 1466 erfolgte» (W. Heyd, Op. cit., II: 398). Ошибка эта повторена и покойнымъ Ф. К. Бруномъ въ статьѣ «О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи» (Записки Императорскаго Новоросс. Унив., т. XXVIII, ч. II., стр. 312, и Черноморье. I: 286), хотя г. Брунъ цитуетъ въ своей статьѣ означенный трудъ Гейда (напр. на стр. 278) и, слѣдовательно, если онъ былъ иного мнѣнія относительно разсматриваемой нами даты, то долженъ бы былъ привести основанія, почему онъ не согласенъ съ мнѣніемъ другого ученаго.

[1]) В.-Зерновъ, Op. cit., I: 91—93. [2]) Исторія о Тавріи, II: 205; В.-Зерновъ, Op. cit., I: 94.

дѣленно повѣствуютъ о томъ, что уже въ 1469 году Нуръ-Даулетъ былъ изгнанъ, а на его мѣсто посаженъ Менглы-Герай при участіи и содѣйствіи кафинцевъ. Только Мѣховскій нѣсколько яснѣе и, повидимому, основательнѣе другихъ говоритъ, что Нуръ-Даулета изгнали сами *перекопскіе татаре* и возвели на его мѣсто Менглы-Герая; про кафинцевъ же, согласно съ прочими историками, замѣчаетъ, что они неохотно, опричь души, участвовали въ этомъ возведеніи Менглы-Герая, который тогда пользовался ихъ гостепріимствомъ [1]). Но странно, что это было за гостепріимство такое, которое оказывалось Менглы-Гераю кафинцами, и притомъ не однажды, а нѣсколько разъ, потому что когда онъ, въ свою очередь, вскорѣ былъ вытѣсненъ братомъ своимъ Хайдэромъ, то опять долженъ былъ искать убѣжища въ Кафѣ [2])! Кто же тамъ были его благожелатели и покровители? Скудные источники для исторіи Крыма въ эту эпоху отвѣчаютъ, что это были генуэзцы. Сестренцевичъ-Богушъ откуда-то добылъ свѣдѣніе о томъ, что Менглы- Герай сперва былъ „плѣнникомъ у генуэзцевъ, воспитывался у нихъ въ продолженіе цѣлыхъ восьми лѣтъ и потомъ былъ возведенъ ими на царство, послѣ того какъ Нуръ-Даулетъ и прочіе его братья заключены были въ Судакѣ и Манкупѣ" [3]). А затѣмъ Менглы-Гераю приписывается какое-то необыкновенное слѣпое пристрастіе къ генуэзцамъ, даже въ ущербъ интересамъ своихъ кровныхъ единоплеменниковъ, татаръ, которые вынуждены были, съ Хайдэромъ во главѣ, обратиться за водвореніемъ должнаго порядка въ своей странѣ къ турецкому султану Мухаммеду II [4]).

Все въ этихъ извѣстіяхъ какъ-то трудно вяжется одно съ другимъ—и плѣнъ Менглы-Герая у генуэзцевъ, и воспитаніе его у нихъ, и неохотное возведеніе его на ханство генуэзцами, и безграничная признательность его къ нимъ доводившая татаръ до ропота. Съ одной стороны недоволь-

---

[1]) В.-Зерновъ, I: 96. [2]) Ibidem, 97. [3]) Исторія о Тавріи, II: 204 и 253.
[4]) Ibidem, 255.

ные татаре предлагаютъ султану Мухаммеду принять ихъ въ свое подданство, съ другой—самъ Менглы-Герай обращается къ тому же Мухаммеду съ просьбою о прекращенiи безпорядковъ въ Крыму, происходившихъ отъ междоусобiй претендентовъ на господство въ немъ, хотя самъ же онъ былъ однимъ изъ такихъ претендентовъ и, слѣдовательно, виновниковъ безпорядковъ [1]). Намъ кажется, что эта неясность отношенiй Менглы-Герая къ кафинцамъ должна нѣсколько разсѣяться, когда мы будемъ имѣть въ виду, что въ тѣ поры населенiе Кафы состояло не исключительно изъ однихъ генуэзцевъ, а что тамъ довольно многочисленъ былъ и элементъ татарскiй; что даже самое управленiе Кафы было не исключительно въ рукахъ колонистскихъ властей, а велось въ сообществѣ съ представителями власти татарской: тамъ не переставали сидѣть попрежнему татарскiе тудуны, которые на языкѣ Сестренцевича-Богуша титулуются „префектами" [2]). Значитъ, многое въ началѣ политическаго поприща Менглы-Герая, что историки приписываютъ генуэзцамъ, какъ болѣе извѣстнымъ жителямъ Кафы, всущности должно быть относимо къ татарскимъ поселенцамъ этого города и его окрестностей, бытъ и прошлое которыхъ менѣе оставили слѣдовъ въ историческихъ памятникахъ, чтобы ихъ не заслонили собою для позднѣйшихъ изслѣдователей европейскiе колонисты знаменитаго города. Этотъ нашъ взглядъ до извѣстной степени оправдывается и подтверждается обстоятельствами, при которыхъ совершился весьма важный фактъ въ позднѣйшей исторiи Таврическаго полуострова, т. е. подчиненiе Крымскаго ханства вассальной зависимости отъ Оттоманской Порты.

Но насколько важенъ этотъ фактъ въ историческомъ отношенiи, настолько же, по словамъ г. Вельяминова-Зернова, „исторiя Крыма за всю эту эпоху запутана" [3]), да едва ли и можетъ быть когда-нибудь вполнѣ распутана, прибавимъ мы.

---

[1]) Ibidem. [2]) Op. cit., 206. [3]) Op. cit., I: 108.

Весьма естественно, что междоусобныя распри сыновей Хаджи-Герая дали возможность начавшей разлагаться и умирать Большой Ордѣ оправиться отъ тяжкаго удара, нанесеннаго ей отцомъ ихъ подъ конецъ своего царствованія. Сетренцевичъ-Богушъ сообщаетъ свѣдѣніе такого рода, что какъ только Менглы-Герай утвердился на престолѣ, то будто бы Магометъ (sic), ханъ Кыпчакскій, началъ искать союза его противъ русскихъ, и тотъ не встрѣтилъ никакого затрудненія заключить таковой, ибо не нашолъ въ этомъ ничего несогласнаго съ политической системой поляковъ [1]). Вопреки этому темному и сбивчивому извѣстію [2]), мы имѣемъ положительныя, основанныя на документахъ, свѣдѣнія о томъ, что золотоордынскій ханъ Ахмедъ, поднявъ голову послѣ смерти Хаджи-Герая, непрестанно враждовалъ съ сыновьями послѣдняго, и съ этой цѣлью вступилъ въ союзъ съ польскимъ королемъ Казиміромъ [3]).

Это недружелюбіе Ахмеда къ Менглы-Гераю, между прочимъ, не ускользнуло отъ вниманія московскихъ политиковъ, и они не преминули воспользоваться распрею татарскихъ царей, чтобы войдти въ соглашеніе съ однимъ изъ нихъ, который былъ подальше и безвреднѣе, и тѣмъ легче справляться съ другимъ, который былъ ближе и надоѣдалъ своими притязаніями и набѣгами на русскія владѣнія.

Починъ сношеній сдѣланъ былъ со стороны русской. Менглы-Герай охотно откликнулся на вызовъ. Посредниками же въ завязавшихся ссылкахъ и дипломатическихъ сно-

---

[1]) Исторія о Тавріи, II: 254. [2]) Сбивчивость его двоякая: 1-хъ ханъ Кыпчакскій, искавшій союза съ Менглы-Гераемъ, названъ Мухаммедомъ, какого не оказывается въ 1472 году, по другимъ источникамъ; 2-хъ) самое извѣстіе носитъ противное своему содержанію заглавіе: «Союзъ его (т. е. Менглы-Герая) съ Россіянами» (loco citato); во французскомъ подлинникѣ сочиненія Богуша тоже стоитъ оглавленіе: «Son alliance *avec* les Russes. 1492 (опечатка, должно быть, вмѣсто 1472)», а въ самой статьѣ значится, что «Mahomet, Khan de Kiptschak, rechercha son alliance *contre* les Russes, et il ne fit nulle difficulté de la conclure» (2-ое изданіе, 1824 года, стр. 356). [3]) Ист. Госуд. Рос., VI: 54; В.-Зерновъ, Op. cit., I: 81—84; Зап. Од. Общ., V: 183—184.

шеніяхъ великаго князя московскаго съ ханомъ Крымскимъ, были все чистокровные татаре, судя по ихъ именамъ, упоминаемымъ въ пересылочныхъ грамотахъ: Хаджи-баба, да Абдул-Ла, да Эминекъ, да Мамакъ, да Довлетекъ [1]). Единственный кафинецъ не татарскаго происхожденія, игравшій роль, не совсѣмъ честнаго впрочемъ, маклера, устроившаго эти дипломатическія сношенія, былъ Хозя Кокосъ = Ходжа Кокосъ *Жидовинъ* [2]). Изъ другихъ иностранцевъ, сносившихся съ Москвою въ дружественныхъ разсчетахъ, были Исайко, князь Манкупскій, сватавшій свою дочь за Ивана Васильевича III [3]), а позднѣе жидъ Захарія, князь таманскій, ссылавшійся при посредствѣ армянина Богдана [4]).

О генуэзцахъ же собственно, именуемыхъ въ русскихъ грамотахъ просто „кафинцами", только и упоминается по поводу того, что они грабили московскихъ купцовъ [5]), и что московскому правительству не были даже хорошенько извѣстны ихъ отношенія съ Менглы-Гераемъ. „Князь велики велѣлъ тебѣ говорити", читаемъ мы въ наказѣ Старкову, долженствовавшему объясняться съ Менглы-Гераемъ: „а зовешь *Кафу своими людьми*. Ино вѣдаешь самъ, волный человѣкъ, что въ Кафѣ моего посла Прокофья пограбили, да колко гостей моихъ перебили въ Кафѣ, товару и животовъ на многое тысячъ рублевъ взяли...... *И будутъ твои люди Кафа*, и ты бы имъ велѣлъ то взятое моимъ людемъ отдати" [6]). Никакого другого значенія въ политическихъ дѣлахъ и международныхъ отношеніяхъ Менглы-Герая даже косвенно не придается генуэзцамъ въ упомянутыхъ грамотахъ. А между тѣмъ и въ московскихъ посольскихъ инструкціяхъ въ числѣ вліятельныхъ людей при Менглы-Гераѣ, которыхъ надо было задаривать, значатся „царевы *дворяне*" [7]). Московскому послу наказывалось, „чтобы *уланы и князи со*

---

[1]) Сборникъ Истор. Общ., цитованный томъ, №№ 1—2 стр. 1—13. [2]) Ibidem; Ист. Госуд. Рос., VI: 54, пр. 122; Зап. Од. Общ., V: 184. [3]) Сборн. Истор. Общ., стр. 12—13. [4]) Ibid., стр. 71—72. [5]) Ibid., стр., 8, V. [6]) Ibid., стр. 12, II. [7]) Ibid., 8.

царемъ на ярлыкѣ шерть дали; а не захотятъ уланы и князи шерти дати, ино о томъ говорити двѣма княземъ, Именеку да Авдулѣ, чтобы тѣ два князя шерть дали на томъ ярлыкѣ великому князю" [1]). И самъ Менглы-Герай въ своемъ ярлыкѣ даетъ такое обѣщаніе великому князю московскому: „А твоее ми земли и тѣхъ князей, которые на тебя смотрятъ, не воевати, ни *моимъ уланамъ, ни княземъ, ни казакамъ*" [2]).

Изъ этого мы смѣло заключаемъ, что главную опору Менглы-Герая составляла приверженность къ нему извѣстной части татарскихъ бековъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи значительную народную силу, а вовсе не дружба его съ генуэзцами, такъ что даже довѣріе къ его международнымъ договорамъ скрѣплялось непремѣннымъ участіемъ въ этихъ договорахъ владѣтельнаго татарскаго вельможества, а особливо двухъ лицъ—исторически извѣстнаго Эминека, да какого-то Абду-л-Лы. Эти беки настолько же распоряжались судьбою Крыма, насколько и наслѣдственные его владыки, дѣти Хаджи-Герая, ибо другой, тоже памятный исторіи, бекъ Мамакъ велъ даже самостоятельную переписку съ московскимъ великимъ княземъ [3]). Стало быть, участіе кафскихъ колонистовъ въ судьбѣ Менглы-Герая вовсе не такъ велико и важно, какъ это представляется иными историками; и если онъ не разъ укрывался во время неудачъ отъ своихъ политическихъ противниковъ въ Кафѣ и находилъ тамъ ласковый пріемъ, то не у иновѣрныхъ только генуэзцевъ, а скорѣе, должно быть, у единовѣрныхъ и единоплеменныхъ же татарскихъ бековъ, проживавшихъ въ окрестностяхъ Кафы и державшихъ въ своихъ рукахъ администрацію этого города, благодаря своей коренной военной силѣ, крѣпко оцѣпившей и стиснувшей заѣзжихъ торгашей, не бывшихъ въ состояніи сопротивляться этому напору татарскаго элемента и отстаивать свою политическую независимость.

---

[1]) Ibid., 3. [2]) Ibid., 6. [3]) Ibidem, 7.

Дальнѣйшимъ и окончательнымъ подтвержденіемъ высказаннаго взгляда на отношенія Менглы-Герая къ кафскимъ генуэзцамъ служатъ два тарханныхъ ярлыка, данные Менглы-Гераемъ на имя Ходжа-бія и Махмудека. Первый изъ нихъ имѣетъ дату 872 = 1467 г., а второй 873 = 1468 г. Въ одномъ сказано, что онъ писанъ во время нахожденія орды въ Кыркъ-ерѣ, а въ другомъ—что онъ писанъ, когда орда была въ Мерашѣ [1]). Изъ этихъ любопытныхъ данныхъ слѣдуетъ, что Менглы-Герай гораздо раньше 1469 года предъявилъ свои претензіи на господство въ Крыму, вскорѣ же послѣ смерти своего отца Хаджи-Герая, и не обращая вниманія на такія же властныя притязанія старшаго брата своего, Нуръ-Даулета [2]). Если оба брата одновременно считали себя властителями Крыма, то мѣста написанія и выдачи ярлыковъ Менглы-Герая показываютъ, что его престижъ имѣлъ болѣе широкое распространеніе, былъ признанъ даже въ самомъ центральномъ пунктѣ Крыма, въ Кыркорѣ, а слѣдовательно ему не было нужды ютиться въ Кафѣ или около Кафы, поближе къ своимъ пріятелямъ генуэзцамъ. На эту обширность распространенія власти Менглы-Герая указываютъ и тѣ широкія полномочія, которыя подтверждаются ярлыкомъ за тарханомъ Махмудекомъ, и которыми уже пользовался отецъ его Хызръ [3]). Фактическая же дѣйствительность власти Менглы-Герая явствуетъ изъ того, что въ противномъ случаѣ едва ли бы кто сталъ просить у него грамоты, если бы она не гарантировала правъ и привиллегій владѣвшаго ею; если бы власть самого дателя грамоты была еще сомнительна и нуждалась въ чуждой поддержкѣ.

---

[1]) Имя мѣста написано неразборчиво; во всякомъ случаѣ, начертаніе не представляетъ ничего похожаго на Кафу. [2]) И. Н. Березинъ, Тарханные ярлыки, въ Зап. Од. Общ., т. VIII, ярлыкъ I, стр. 5. [3]) Ibidem, стр. 11—13. Намъ кажется, что лучше читать имя отца Махмудека *Хызръ*, а не *Хызръ-Га*, такъ какъ начертаніе خضرغا позволительно принять за форму дательнаго падежа отъ собственнаго имени خضر въ зависимости отъ глагола بولوب سيورغال ,سيورغادوق, и т. п.

О силѣ и значеніи мѣстнаго татарскаго элемента въ дѣлѣ упроченія ханской власти въ Крыму и о сомнительномъ вліяніи и роли въ этомъ отношеніи кафскихъ колонистовъ можно судить потому, что не только генуэзцы, а даже и самые турки османскіе вначалѣ не могли представить полной гарантіи властныхъ правъ хана, ими самими же водвореннаго и утвержденнаго на Крымскомъ полуостровѣ.

По имѣющимся даннымъ выходитъ, что Менглы-Герай не однажды достигалъ ханской власти. Въ первый разъ онъ добился ея собственными усиліями, при содѣйствіи мѣстныхъ татарскихъ бековъ и отчасти, можетъ быть, генуэзцевъ. Вторично его посадили турки въ качествѣ вассала, ставшаго въ извѣстныя обязательныя отношенія къ стамбульскому повелителю и за это получившаго право разсчитывать на дѣятельную поддержку и покровительство въ потребныхъ случаяхъ со стороны своего суверена. Тѣмъ не менѣе однако же Менглы-Гераю пришлось выдержать серьозную борьбу съ ханомъ Большой Орды, который не хотѣлъ помирится съ новою политическою комбинаціею въ Крымѣ, продолжая считать эту область не болѣе какъ удѣломъ чингизидской монархіи. Только перевѣсъ военнаго счастья Менглы-Герая принудилъ его золотоордынскихъ противниковъ къ признанію совершившагося факта безусловнаго выдѣленія Крыма въ особое самостоятельное ханство, что произошло не ранѣе 1479 года, когда Менглы-Герай опять утвердился на ханскомъ тронѣ, и въ этотъ разъ уже окончательно.

Касательно того, сколько времени Менглы Герай правилъ въ первое свое ханствованіе, и какую форму имѣли его отношенія съ братомъ Нуръ-Даулетомъ, мы не имѣемъ сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что въ эту смутную пору совершилось вторженіе турковъ въ Крымъ, положившее конецъ послѣднему, призрачному господству генуэзцевъ въ Крыму. Къ сожалѣнію, и самыя обстоятельства начала дѣятельнаго вмѣшательства турковъ въ политическія дѣла Крымскаго полуострова крайне запутан-

но и сбивчиво изображаются въ историческихъ памятникахъ. Къ разсмотрѣнію этихъ-то обстоятельствъ и обратимся теперь.

Судьба генуэзскихъ колоній въ Крыму находилась въ тѣсной связи съ судьбою Константинополя: когда послѣдній достался во власть турецкому султану, и тѣмъ нечего было помышлять о сохраненіи своей независимости. Съ городомъ Кафою, этимъ маленькимъ крымскимъ Константинополемъ, въ общихъ чертахъ повторилось то же самое, что мы видимъ въ исторіи послѣднихъ временъ независимаго существованія столицы Греко-восточной имперіи. Не даромъ, говорятъ, Кафа одно время носила также названіе Кючукъ-Стамбула — „Малаго-Стамбула" [1]). Оба Стамбула, настоящій и малый, сперва были плотно оцѣплены азіатско-тюркскою воинственною ордою. Представители власти обоихъ городовъ всѣми средствами старались поддерживать мирныя отношенія съ главарями ордъ, входя съ ними въ разные компромиссы—откупаясь денежными данями, давая льготы тюркскому населенію въ городахъ своихъ. А иногда, пользуясь распрями за верховную власть нѣсколькихъ современныхъ претендентовъ на нее, они давали у себя пріютъ одному изъ этихъ соперниковъ, чтобы держать его на всякій случай какъ пугало для другого, которому удавалось на время взять перевѣсъ надъ своимъ противникомъ. Когда же всѣ средства къ поддержанію самостоятельнаго существованія были истощены, когда варвары окончательно разубѣдились въ неодолимости казавшихся имъ дотолѣ неприступными твердынь, и Константинополь, и Кафа сдѣлались добычею алчности азіатскихъ пришельцевъ и притомъ почти-что одновременно.

Въ актахъ Тавро-Лигурійскихъ сохранилось категорическое извѣстіе о томъ, что султанъ Мухаммедъ II Фатихъ, покончивъ съ Константинополемъ, тотчасъ же снарядилъ морскую экспедицію въ Черное море для погрома прибрежныхъ генуэзскихъ колоній лѣтомъ 1454 года. Флотилія въ полсотню галеръ подъ начальствомъ Демиръ-кяхьи явилась

[1]) Зап. Од. Общ., XIII: 47.

передъ Кафою, сперва какъ будто безъ всякихъ угрожающихъ замысловъ. Но когда, по предварительному соглашенію съ султаномъ, Крымскій ханъ Хаджи-Герай тоже подступилъ къ городу съ суши во главѣ 6,000 всадниковъ, то консулъ Кафы принужденъ былъ войдти въ сдѣлку съ ханомъ, обѣщавши ему ежегодную дань въ 600 соммъ (около 19,140 итальянскихъ лиръ), чтобы только онъ оставилъ городъ въ покоѣ [1]).

Въ турецкихъ источникахъ нѣтъ никакого даже намека на что-либо подобное вышеописанной экспедиціи къ крымскимъ берегамъ. Кятибъ-Челеби, написавшій спеціальное сочиненіе о морскихъ походахъ турецкихъ подъ заглавіемъ تحفة الكبار فى اسفار البحار, также не упоминаетъ въ немъ о какой бы то ни было морской кампаніи, имѣвшей мѣсто въ данномъ году. Вѣроятно, это была простая рекогносцировочная экскурсія, сдѣланная турецкой флотиліей для упражненія въ мореходномъ дѣлѣ, въ которомъ турки оказались весьма неблистательны во время осады Константинополя, къ великой досадѣ султана, имѣвшаго такіе широкіе завоевательные планы. Да и самъ консулъ кафскій въ своемъ донесеніи констатируетъ фактъ, что экипажъ турецкой флотиліи вначалѣ занимался на берегу самымъ мирнымъ дѣломъ— покупкою съѣстныхъ припасовъ. Вся опасность, выходитъ по этому донесенію, заключалась въ подступѣ хана, съ которымъ будто бы у султана состоялось соглашеніе объ одновременномъ нападеніи на Кафу. Объ этомъ договорѣ также не имѣется никакихъ свѣдѣній у турецкихъ историковъ. Да и существовалъ ли, полно, такой договоръ въ самомъ дѣлѣ? Темный намекъ на какія-то сношенія Хаджи-Герая съ турецкимъ султаномъ встрѣчается, правда, мимоходомъ въ исторіи Крыма неизвѣстнаго автора. Отвергая вмѣстѣ съ Сеидъ-Мухаммедъ-Ризою фактъ плѣненія Менглы-Герая турками во время ихъ нашествія на Крымъ подъ начальствомъ

[1]) Зап. Од. Общ., VIII: 112—114.

Гедюкъ-Ахмедъ-паши и утверждая, что турецкій султанъ послалъ флотъ по просьбѣ самого Менглы-Герая о высылкѣ ему въ помощь нѣкотораго количества войска отоманскаго и пушекъ, авторъ присовокупляетъ: „Съ такою же просьбою обращался еще прежде Хаджи-Герай-ханъ, но по просьбѣ его ничего не было сдѣлано, потому что, какъ говорится поарабски, „на всякое дѣло есть свой часъ" [1]).

Такимъ образомъ въ вопросѣ о существованіи договора между Хаджи-Гераемъ и султаномъ Мухаммедомъ II для цѣли совмѣстнаго утѣсненія крымскихъ генуэзцевъ, остается довѣриться свѣдѣніямъ, идущимъ отъ самихъ кафинцевъ и сохранившимся въ упомянутыхъ архивныхъ документахъ. Но откуда провѣдали о заключеніи означеннаго договора сидѣвшіе въ Кафѣ генуэзцы? Этотъ фактъ сомнителенъ еще и потому, что онъ мало согласуется съ духомъ и характеромъ политики султана Мухаммеда II. Онъ, сколько знаемъ, не любилъ заключать ни съ кѣмъ никакихъ договоровъ, а тѣ, которые долженъ былъ заключать, самъ же первый тотчасъ и нарушалъ. При тогдашнихъ смутахъ, безпрестанно повторявшихся въ Крыму, едва ли умный султанъ могъ основывать какіе-либо серьозные свои разсчеты на союзѣ какого-то незначительнаго татарскаго царька, положеніе и силы котораго не могли быть съ точностію ему извѣстны, по отдаленности края и по запутанности происходившихъ тамъ событій. Да и самому Хаджи-Гераю, какъ уже мы сказали выше, не представлялось особенной выгоды содѣйствовать водворенію въ Крыму господства сильныхъ турковъ, на смѣну слабыхъ генуэзцевъ, трепетавшихъ его воинственности и относительнаго могущества. Дѣло могло быть просто: Хаджи-Герай, слѣдя за дѣйствіями и завоевательными намѣреніями турковъ, по свойственной ему хищнической жадности, воспользовался появленіемъ турецкой флотиліи, которое сочтено было кафинцами за враждебную противъ нихъ демонстрацію, чтобы вынудить у нихъ лишнюю денежную контрибуцію.

[1]) Зап. Од.. Общ. I: 383; Кр. Ист., л. 27 verso.

Ко всему этому нужно присовокупить крайнюю безпорядочность въ тогдашнемъ управленіи генуэзскихъ колоніальныхъ городовъ вообще и города Кафы въ особенности. Еще раньше, чѣмъ было послано генуэзскому Банку консульское донесеніе о союзной военной демонстраціи, сдѣланной турецкой эскадрой и татарскимъ ханомъ, и о дипломатическомъ результатѣ этой демонстраціи, кафскій епископъ Яковъ Кампора отправилъ собственное посланіе, въ которомъ онъ порицалъ дѣйствія колоніальныхъ правителей—называлъ консуловъ людьми алчными, неспособными и предателями, и особенно нападалъ на консула Вивальдо за поспѣшность, съ которою онъ открылъ переговоры съ ханомъ, и за готовность, съ коею онъ обязался вносить ежегодную дань въ ханскую казну [1]). Епископа обвиняли въ сварливости, и онъ былъ замѣненъ другимъ, который былъ нрава кроткаго, миролюбиваго и снисходительнаго. Однако же и этотъ кроткій преемникъ Кампоры повторилъ жалобы своего предшественника [2]). Въ концѣ концовъ и самъ Банкъ убѣдился въ безпорядочности колоніальнаго управленія и упрекаетъ консуловъ въ злоупотребленіяхъ по финансовой части [3]). Въ виду этого можно думать, что вся исторія о формальномъ союзѣ Хаджи-Герая съ турецкимъ султаномъ, направленномъ противъ Кафы и заставившемъ консульское управленіе войдти въ денежную сдѣлку съ татарскимъ ханомъ, могла быть чистою выдумкою безсовѣстныхъ заправилъ города Кафы. Эта выдумка должна была служить къ оправданію дѣйствій ихъ неумѣлой политики и непростительной трусости, или, что еще хуже, должна была прикрыть ихъ алчные разсчеты, основанные на бѣдственной для города сдѣлкѣ, представившей удобный предлогъ къ вымогательству себѣ денежныхъ субсидій отъ Банка. Самъ же Банкъ коритъ консуловъ за то, что въ былое время однихъ обыкновенныхъ доходовъ колоніальной казны на все доставало, а теперь правители Ка-

---

[1]) Зап. Од. Общ., VIII: 114—115. [2]) Ibidem, стр. 130—131. [3]) Ibidem, 139.

фы истратили всѣ, даже запасные рессурсы, да еще не хотѣли доставлять въ Банкъ никакихъ отчетныхъ вѣдомостей [1]). Какой же нибудь непосредственный контроль надъ дѣйствіями колоніальнаго управленія былъ положительно не мыслимъ, когда прямыя сношенія Генуи съ Кафою сдѣлались до крайности затруднительны, послѣ того какъ надъ Босфоромъ стали исключительно владычествовать турки. А насколько безтактно, чтобы не сказать болѣе, пользовались этою безконтрольностію власти своей лица, державшія въ своихъ рукахъ колоніальное управленіе, это всего нагляднѣе показываютъ обстоятельства, вызвавшія вторичное, болѣе энергичное и пагубное для колоній нападеніе турковъ османскихъ, несомнѣнность котораго свидѣтельствуется всѣми, какъ европейскими такъ и турецкими, историческими памятниками.

Напуганные первымъ посѣщеніемъ турецкой флотиліи кафинцы, въ предотвращеніе серьозныхъ нападеній турковъ, поспѣшили задобрить султана Мухаммеда II обѣщаніемъ добровольной ежегодной ему дани въ размѣрѣ 3000 венеціанскихъ дукатовъ, отправивъ для переговоровъ спеціальное посольство къ султану [2]). Но у себя дома они продолжали дѣйствовать такъ, что имъ было не сдобровать въ скоромъ времени. Подобно тому какъ въ Константинополѣ, задолго до занятія его турками, проживало много турковъ, занимавшихъ цѣлые кварталы, такъ и въ Кафѣ съ ея предмѣстьями издавна гнѣздились во множествѣ татаре. Покойный Брунъ, толкуя одно темное выраженіе въ уставѣ Банка св. Георгія 1449 года „a domo quondam viaisse de Camalia", расходится во мнѣніи съ В. Н. Юргевичемъ, который разумѣетъ тутъ домъ, принадлежавшій нѣкоему Викентію де Камалія. Брунъ же, опираясь на свидѣтельство Іоанна Мариньолы, видитъ въ этомъ мѣстѣ обозначеніе „мужицкаго, рабочаго квартала" [3]). Объясненіе Бруна болѣе правдоподобно: въ самомъ дѣлѣ подъ „viaisse de Camalia", очевидно, надо разумѣть кварталъ, населенный та-

[1]) Ibidem, 139. [2]) Зап. Од. Общ., VIII. 12?. [3]) Черноморье, I: 203.

тарами, занимавшимися преимущественно тасканіемъ тяжестей при нагрузкѣ и выгрузкѣ кораблей. Носильщикъ по-турецки называется арабскимъ словомъ حمال; а мѣстожительство хаммаловъ могло называться حماللق. Если, по словамъ Мариньолы, подъ именемъ „камалловъ" (правильнѣе „хаммаловъ") разумѣли въ его время евреевъ и мужиковъ, авособенности тѣхъ, которые носили тяжести" [1]), то арабско-турецкое названіе ихъ даетъ поводъ предполагать, что мужики эти были главнымъ образомъ татаре. Если коммерческіе разсчеты или политическая необходимость заставляли кафинцевъ терпѣть въ стѣнахъ своего города чуждыхъ ихъ интересамъ иноплеменниковъ, то собственная безопасность обязывала представителей колоніальной администраціи зорко слѣдить за постороннимъ элементомъ и держаться въ отношеніи къ нему строгой законности. Имъ нужно было собирать всевозможныя средства къ усиленію внѣшней неприступности города, а не расхищать готовыхъ сбереженій, не поддерживать ради личной наживы внутреннихъ интригъ и не мѣшаться въ партійную рознь среди и такъ враждебнаго инороднаго населенія, которое въ критическій моментъ непремѣнно должно было стать на сторону пришлыхъ завоевателей. Смутность положенія дѣлъ въ сосѣднемъ татарскомъ юртѣ требовала отъ кафинцевъ большой осмотрительности и честности для ихъ же собственнаго блага; а у нихъ не оказалось ни того, ни другого.

Султаны турецкіе, все болѣе и болѣе налегая на Константинополь, еще со времени султана Баязида I (1389—1412), приставали къ греческимъ императорамъ съ требованіемъ допущенія пребыванія въ Константинополѣ турецкаго кади, который бы вѣдалъ тяжебныя дѣла проживавшихъ тамъ мусульманъ [2]). Въ Кафѣ же, какъ уже выше было говорено, издавна сидѣлъ для той же цѣли татарскій чиновникъ, который въ генуэзскихъ документахъ именуется „Titanus, seu Vicarius Canlucorum", т. е., тудунъ, ханскій намѣстникъ.

[1]) Ibidem. [2]) Zinkeisen, Gesch. d. Osm. Reiches. Hamburg. 1884. I: 340.

Вотъ изъ-за одного такого тудуна и вышло у кафинскихъ колонистовъ крупное столкновеніе съ окрестнымъ татарскимъ населеніемъ, повлекшее за собою вмѣшательство турецкаго султана, который воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ, дабы прибрать къ своимъ рукамъ генуэзскія колоніи на Крымскомъ полуостровѣ. По разсказамъ современныхъ этому событію европейцевъ, дѣло происходило такъ. Должность тудуна въ Кафѣ занималъ нѣкто Мамай, или, по другимъ варіантамъ, Мамакъ. Это, вѣроятно, тотъ самый „князь Мамакъ", о которомъ есть упоминаніе въ наказѣ послу Беклемишеву [1]). Послѣ смерти его на его мѣсто назначенъ былъ, по обычному взаимному соглашенію Крымскаго хана съ кафинскимъ совѣтомъ изъ четырехъ лицъ — Uffizio della campagna —, Эминекъ-бей. Но вдова прежняго тудуна не переставала съ самой смерти мужа хлопотать, путемъ подкуповъ, о назначеніи на эту, вѣроятно очень доходную, должность сына ея Сертака (по другимъ варіантамъ, Сейдака), который не имѣлъ неоспоримыхъ на это правъ, и противъ котораго было все населеніе татарское, должно быть недовольное еще отцомъ его. Получившіе довольно крупные куши, члены колоніальнаго управленія, не исключая самого консула Габеллы, принялись работать въ пользу сына богатой вдовы: стали убѣждать хана Менглы-Герая посадить Сертака, устранивъ Эминекъ-бея, котораго они обвиняли въ какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ съ турками. Ханъ, уступивъ ихъ настояніямъ, соглашался смѣстить Эминека, но не тотчасъ допустилъ и Сертака, а хотѣлъ назначить тудуномъ нѣкоего Карамурзу [2]). Когда ханъ съ этимъ намѣреніемъ прибылъ въ Кафу, то одинъ изъ подкупленныхъ совѣтниковъ консула, Оберто Скварчіафико, сталъ грозить Менглы-Гераю, что если онъ не посадитъ Сертака, то они, власти, выпустятъ на волю его старшихъ братьевъ, претендовавшихъ на ханскій тронъ

---

[1]) Сборн. Ист. Общ., XLI: 7—8. [2]) Можетъ статься, это одно и то же лицо съ упоминаемымъ въ наказѣ Беклемишеву *Карачь-мурзою*. (Сборн. Истор. Общ. XLI: 8).

и тогда содержавшихся подъ стражею сперва въ Кафѣ, а потомъ въ Солдайѣ. Напуганный этою выходкою генуэзскаго чиновника, Менглы-Герай, въ душѣ сочувствовавшій Эминеку, смѣнилъ его въ пользу Сертака. Это взволновало всѣхъ татаръ, которые приняли сторону Эминека. Они возстали противъ самого хана и обратились къ султану османскому съ предложеніемъ взять Кафу и другія генуэзскія поселенія въ свое вѣдѣніе. Такъ объясняютъ причину послѣдовавшаго затѣмъ нашествія турковъ одни современники [1]).

С.-Богушъ нѣсколько иначе передаетъ это событіе. По его словамъ, Кара-мурза, котораго Менглы-Герай сперва хотѣлъ посадить тудуномъ вмѣсто Эминека, былъ союзникъ и протеже старшаго брата хана, Хайдэра. Далѣе Богушъ говоритъ, что когда по проискамъ Скварчіафико на мѣстѣ Эминека очутился все-таки не Кара-мурза, а Шейдакъ (или Сертакъ), то Хайдэръ пошолъ во главѣ недовольнаго этимъ назначеніемъ татарскаго населенія, свергъ Сертака и возстановилъ Эминека, да еще блокировалъ Кафу. Тѣмъ не менѣе Эминекъ съ своею партіею предложилъ султану признаніе его своимъ сюзереномъ и приглашалъ его завоевать Крымъ [2]). Въ этомъ извѣстіи замѣчается нѣкоторое противорѣчіе: если Эминекъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, то ему нечего было прибѣгать къ покровительству султана; если же онъ это сдѣлалъ, то сдѣлалъ до своего возстановленія, и слѣдовательно раньше никѣмъ не былъ возстановляемъ. Да и участіе Хайдэра въ этой исторіи тоже не совсѣмъ понятно: съ какой было стати Менглы-Гераю дѣлать тудуномъ Кара-мурзу, протеже и клеврета своего брата, съ которымъ онъ не былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ; а затѣмъ, съ какой стати и Хайдэру было волноваться изъ-за Эминека, котораго онъ будто бы и посадилъ, вмѣсто того чтобы посадить своего кандидата, Кара-мурзу?

---

[1]) Heyd, Op. cit., II: 400—401. [2]) Исторія о Тавріи, II: 206—208.

Наконецъ есть еще третья редакція исторіи того же событія, и она едва ли не самая малодостовѣрная. Іосифъ Барбаро въ своемъ путешествіи разсказываетъ, что будто бы ханомъ въ Крыму былъ Эминекъ-бей; что недовольный имъ кафскій консулъ просилъ татарскаго хана Большой Орды о смѣнѣ его, для чего и былъ присланъ Менглы-Герай. Тогда Эминекъ-бей, тщетно искавшій примиренія съ кафинцами и удаленія Менглы-Герая, отправилъ посла къ султану съ просьбою о помощи и обѣщаніемъ „въ награду за то уступить султану Кафу" [1]).

Тутъ главнѣйшая недостовѣрность заключается въ соперничествѣ Менглы-Герая съ Эминекомъ, ибо во всѣхъ другихъ преданіяхъ эти два лица являются симпатизирующими другъ другу. Другую несообразность составляетъ обѣщаніе Эминека уступить султану Кафу, которая никогда не была въ его владѣніи.

Изъ сопоставленія всѣхъ разсмотрѣнныхъ формъ преданія о нашествіи турковъ на Крымъ можно вывести такое заключеніе, что въ этомъ преданіи слиты воедино два совершенно самостоятельныхъ и независимыхъ одинъ отъ другого факта — внутреннія замѣшательства и распри претендентовъ на власть въ Крыму да морская экспедиція турковъ въ 1475 году, которые съ этого времени стали тамъ твердою ногою. Постараемся доказать это.

Поводовъ для султана Мухаммеда добраться до генуэзцевъ въ ихъ крымскомъ пріютѣ было много, помимо какихъ-нибудь искательствъ татарскихъ хановъ и вельможъ. Вопервыхъ султанъ могъ быть золъ на генуэзцевъ за поддержку, оказанную ими Константинополю. Вовторыхъ генуэзцы и послѣ паденія Константинополя продолжали строить разныя козни противъ султана въ видѣ старанія устроить коалицію ев-

---

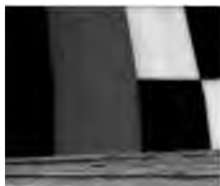
[1]) Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Спб. 1836 года. Путешествіе І. Барбаро, стр. 50—51.

и тогда содержавшихся подъ стражею сперва въ Кафѣ, а потомъ въ Солдайѣ. Напуганный этою выходкою генуэзскаго чиновника, Менглы-Герай, въ душѣ сочувствовавшій Эминеку, смѣнилъ его въ пользу Сертака. Это взволновало всѣхъ татаръ, которые приняли сторону Эминека. Они возстали противъ самого хана и обратились къ султану османскому съ предложеніемъ взять Кафу и другія генуэзскія поселенія въ свое вѣдѣніе. Такъ объясняютъ причину послѣдовавшаго затѣмъ нашествія турковъ одни современники [1]).

С.-Богушъ нѣсколько иначе передаетъ это событіе. По его словамъ, Кара-мурза, котораго Менглы-Герай сперва хотѣлъ посадить тудуномъ вмѣсто Эминека, былъ союзникъ и протеже старшаго брата хана, Хайдэра. Далѣе Богушъ говоритъ, что когда по проискамъ Скварчіафико на мѣстѣ Эминека очутился все-таки не Кара-мурза, а Шейдакъ (или Сертакъ), то Хайдэръ пошолъ во главѣ недовольнаго этимъ назначеніемъ татарскаго населенія, свергъ Сертака и возстановилъ Эминека, да еще блокировалъ Кафу. Тѣмъ не менѣе Эминекъ съ своею партіею предложилъ султану признаніе его своимъ сюзереномъ и приглашалъ его завоевать Крымъ [2]). Въ этомъ извѣстіи замѣчается нѣкоторое противорѣчіе: если Эминекъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, то ему нечего было прибѣгать къ покровительству султана; если же онъ это сдѣлалъ, то сдѣлалъ до своего возстановленія, и слѣдовательно раньше никѣмъ не былъ возстановляемъ. Да и участіе Хайдэра въ этой исторіи тоже не совсѣмъ понятно: съ какой было стати Менглы-Гераю дѣлать тудуномъ Кара-мурзу, протеже и клеврета своего брата, съ которымъ онъ не былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ; а затѣмъ, съ какой стати и Хайдэру было волноваться изъ-за Эминека, котораго онъ будто бы и посадилъ, вмѣсто того чтобы посадить своего кандидата, Кара-мурзу?

---

[1]) Heyd, Op. cit., II: 400—401. [2]) Исторія о Тавріи, II: 206—208.



Наконецъ есть еще третья редакція исторіи того же событія, и она едва ли не самая малодостовѣрная. Іосифъ Барбаро въ своемъ путешествіи разсказываетъ, что будто бы ханомъ въ Крыму былъ Эминекъ-бей; что недовольный имъ кафскій консулъ просилъ татарскаго хана Большой Орды о смѣнѣ его, для чего и былъ присланъ Менглы-Герай. Тогда Эминекъ-бей, тщетно искавшій примиренія съ кафинцами и удаленія Менглы-Герая, отправилъ посла къ султану съ просьбою о помощи и обѣщаніемъ „въ награду за то уступить султану Кафу“ [1]).

Тутъ главнѣйшая недостовѣрность заключается въ соперничествѣ Менглы-Герая съ Эминекомъ, ибо во всѣхъ другихъ преданіяхъ эти два лица являются симпатизирующими другъ другу. Другую несообразность составляетъ обѣщаніе Эминека уступить султану Кафу, которая никогда не была въ его владѣніи.

Изъ сопоставленія всѣхъ разсмотрѣнныхъ формъ преданія о нашествіи турковъ на Крымъ можно вывести такое заключеніе, что въ этомъ преданіи слиты воедино два совершенно самостоятельныхъ и независимыхъ одинъ отъ другого факта — внутреннія замѣшательства и распри претендентовъ на власть въ Крыму да морская экспедиція турковъ въ 1475 году, которые съ этого времени стали тамъ твердою ногою. Постараемся доказать это.

Поводовъ для султана Мухаммеда добраться до генуэзцевъ въ ихъ крымскомъ пріютѣ было много, помимо какихъ-нибудь искательствъ татарскихъ хановъ и вельможъ. Вопервыхъ султанъ могъ быть золъ на генуэзцевъ за поддержку, оказанную ими Константинополю. Вовторыхъ генуэзцы и послѣ паденія Константинополя продолжали строить разныя козни противъ султана въ видѣ старанія устроить коалицію ев-

---

[1]) Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Спб. 1836 года. Путешествіе І. Барбаро, стр. 50—51.

ропейскихъ державъ для соединеннаго крестоваго похода противъ турковъ, чему есть несомнѣнныя доказательства [1]). Глава генуэзской республики, герцогъ миланскій, былъ союзникъ венеціанцевъ, заклятыхъ враговъ султана [2]). Несмотря на всѣ преграды, которыя были устроены султаномъ въ проливахъ, генуэзскіе военные корабли продолжали прорываться чрезъ нихъ силою [3]), при чемъ не довольствовались одною оборонительною ролью, а еще сами разбойничали: матросы корабля, на которомъ ѣхали въ 1455 году новые консулы въ Кафу, ограбили турецкое судно, везшее грузъ свинца и мѣди, посланный изъ Трапезунда въ даръ султану отъ послѣдняго трапезундскаго греческаго императора Давида Комнена [4]). Чтобы положить конецъ такимъ непріятнымъ экскурсіямъ генуэзцевъ въ Черное море, султану ничего не оставалось, какъ сдѣлать такъ, чтобы имъ не за чѣмъ было плавать туда. Значитъ, въ дѣйствительности враждебныя не только чувства, но и дѣйствія между обѣими сторонами не прекращались со времени осады Константинополя. Современные же свидѣтели турецкаго нашествія на Крымъ, хотя бы даже и очевидцы, въ родѣ Антонія да-Гуаско, разсказъ котораго объ этомъ событіи передаетъ Барбаро, едва ли могли знать вточности о всѣхъ тогдашнихъ политическихъ комбинаціяхъ, а судили о фактѣ на основаніи однихъ ближайшихъ и доступныхъ ихъ внѣшнему наблюденію обстоятельствъ. Отсюда второстепенный случай распри хана съ колоніальною администраціею изъ-за тудуна получилъ въ ихъ росказняхъ значеніе первостепенной причины печальнаго приключенія съ Кафой и другими колоніями. Въ такой же редакціи это преданіе занесено и въ позднѣйшія турецкія лѣтописи. Она для турковъ тѣмъ была лестна, что оправдывала завоевательныя поползновенія султана Мухаммеда, простертыя имъ даже на владѣнія татаръ, то есть

[1]) Зап. Од. Общ., VIII: 136. [2]) Heyd. Op. cit., II: 402. [3]) Зап. Од. Общ., т. VIII: 124 и 142. [4]) Ibidem, стр. 124.

даже правовѣрныхъ мусульманъ по вѣрѣ. Жадный до захвата чужихъ земель Мухаммедъ представляется тутъ не поработителемъ своихъ же единовѣрцевъ, а только умиротворителемъ ихъ и водворителемъ въ ихъ странѣ порядка, будучи призванъ ими же самими къ такой миссіи, принесшей пользу и его собственному государству чрезъ завладѣніе колоній ненавистныхъ генуэзцевъ. Подобныя религіозныя соображенія возникали у султановъ всякій разъ, когда ими замышлялись какія-либо посягательства на независимость странъ, населенныхъ мусульманами одного съ турками толка: вспомнимъ только кляузную фетву шейху-ль-ислама, разрѣшавшую походъ султана Селима I противъ египетскихъ мамлюковъ [1]).

Изъ документальныхъ данныхъ, въ которыхъ сохранилась нѣкоторая память о проникновеніи турецкаго оружія въ крымскіе предѣлы, до насъ дошла оповѣстительная грамота изъ канцеляріи султана Мухаммеда II, посланная, по тогдашнему международному азіатскому обычаю, съ увѣдомленіемъ о взятіи Кафы къ какому-то Ахмедъ-хану. Г. В.-Зерновъ зналъ объ этой грамотѣ только со словъ Гаммера, и она возбудила въ немъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя онъ высказалъ въ слѣдующемъ видѣ. „Въ іюнѣ 1475 года", говоритъ онъ, „Кафа была взята Кедюкъ-Ахмедъ-пашею... Власть христіанъ на берегахъ Чернаго моря рушилась. Въ Крыму уже властвовалъ тогда, *если вѣрить Гаммеру*, Ахмедъ-ханъ: на его имя писаны были Турками извѣщенія о побѣдахъ, одержаныхъ надъ Генуэзцами (см. Hammer, Geschichte des Osmanischen Reiches. II Band. Pest. 1828, стр. 140 -142, гдѣ ссылки на принадлежавшее ему рукописное собраніе султанскихъ грамотъ, собранныхъ рейсъ-эфендіемъ Феридуномъ)... Не былъ ли этотъ Ахмедъ, котораго зоветъ Гаммеръ сыномъ Хаджи-Герая, Ахмедъ, ханъ Золотой Орды (Hammer, Gesch. d. Chane der Krim, стр. 42, пр. 1)? То

---

[1]) Кюнгу-ль-ахбаръ. Ркп. Имп. Публ. Библ. (по отчету за 1875 г. на стр. 21, 1) л. 344 recto.

что Гаммеръ говоритъ про этого Ахмеда, требуетъ *тщательной провѣрки*" [1]).

Такъ какъ собраніе грамотъ Феридуна, о которомъ Гаммеръ говоритъ еще какъ о библіографической рѣдкости, и которое не было доступно г. Вельяминову-Зернову, теперь уже напечатано, то мы можемъ сдѣлать желаемую имъ провѣрку и дать отчетъ о всемъ, что содержится въ турецкой извѣстительной грамотѣ касательно возбуждаемыхъ г. В.-Зерновымъ вопросовъ.

Въ оглавленіи грамоты Ахмедъ-ханъ, къ которому она адресована, дѣйствительно названъ Крымскимъ ханомъ—قريم خانى اولان احمد خان—, въ самомъ же текстѣ нѣтъ однако никакого обозначенія мѣстности, гдѣ тогда имѣлъ свое пребываніе и властвовалъ этотъ ханъ. Но заголовокъ могъ быть составленъ уже самимъ собирателемъ грамотъ Феридунъ-беемъ, жившимъ въ то время когда о Золотой Ордѣ не было болѣе и помину; когда Крымскіе ханы признавались единственными носителями власти, унаслѣдованной ими отъ золотоордынскихъ предковъ, вслѣдствіе чего ихъ безъ разбора называли и Крымскими ханами и ханами Дешти-Кыпчакскими. Феридунъ-бей, не справляясь съ хронологіею, могъ на Ахмедъхана перенести позднѣйшій титулъ Крымскаго хана. А потому одного заглавія грамоты еще не достаточно, чтобы на основаніи его считать Ахмедъ-хана ханомъ Крымскимъ, самолично властвовавшимъ въ Крыму въ разсматриваемую нами эпоху, а не чрезъ какихъ-либо другихъ довѣренныхъ лицъ, или намѣстниковъ.

Между прочимъ вступительныя слова обращенія въ грамотѣ содержатъ указаніе на какую-то старинную наслѣдственную любовь и дружбу, существовавшую между „обѣими сторонами"—بين الجانبين—, т. е. между державой Османской и и страною, надъ которой властвовалъ Ахмедъ-ханъ [2]). Едва

---

[1]) В.-Зерновъ, Op. cit., I: 97—98. [2]) Собраніе грамотъ Феридунъ-бея. Констант. изд. 1858. I: 289.

ли подобный привѣтъ могъ быть обращенъ къ хану Крымскому, самостоятельное значеніе котораго не совсѣмъ опредѣлилось къ тому времени настолько, чтобы отношенія султановъ и хановъ могли быть названы уже старинными, наслѣдственными. Вѣрнѣе предположить, что тутъ разумѣется ханъ Золотой Орды Ахмедъ, котораго султанъ Мухаммедъ II считалъ настоящимъ господиномъ Крыма. Въ числѣ грамотъ султанскихъ предыдущихъ эпохъ, правда, не находится такихъ, которыя бы несомнѣнно свидѣтельствовали о сношеніяхъ предковъ султана Мухаммеда II съ золотоордынскими ханами, но это могло быть оттого, что со времени разгромленія Тимуромъ малоазіатскихъ предѣловъ Отоманской имперіи, султаны главнымъ образомъ сносились съ потомками этого грознаго владыки среднеазіатскихъ ордъ, родственныхъ по языку и вѣрѣ туркамъ; прочіе же ханы, въ томъ числѣ и золотоордынскіе, совершенно стушевались предъ ними и не обращали вниманія османлы до тѣхъ поръ, пока эти послѣдніе сами не вздумали нагрянуть въ Крымскую область, которая номинально числилась удѣломъ Золотой Орды.

Еще въ той же грамотѣ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство. Султанское правительство оповѣщаетъ Ахмедъ-хана также и о своихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ по усмиренію Кара-Богдана, случившемуся, повидимому, одновременно съ экспедиціею противъ Кафы, или близко къ этому событію. „Въ эти же времена", читаемъ въ грамотѣ, „вслѣдствіе пакостныхъ дѣлъ и постыдныхъ дѣйствій Кара-Богдана, который проявилъ неблагодарность за благодѣяніе помилованія и возжегъ въ нѣдрахъ души своей огонь мятежа и возстанія, мы, съ помощью Божіей и при путеводительствѣ счастія, перешедъ въ эту страну, сокрушили и раззорили зданія невѣрія и враждебности; мы стерли съ лица той земли грязь товарищничества (т. е. многобожія)" и т. д.[1]).

---

[1]) Феридунъ-бей, Loco citato.

Одинъ изъ турецкихъ историковъ новѣйшаго времени, Хейру-л-Ла-эфенди также усматриваетъ связь между фактомъ молдавскаго похода и крымскими дѣлами, въ томъ смыслѣ, что будто бы Менглы-Герай былъ посаженъ султаномъ вмѣсто Нуръ-Даулета зато, что послѣдній не оказалъ своего содѣйствія султану во время этого похода [1]). Но изъ нашего документа не видно, чтобы со стороны турковъ хотя бы намекалось на какую-либо ожидавшуюся или впредь ожидаемую помощь со стороны Крымскаго хана, каковымъ тутъ признается Ахмедъ-ханъ; а о Нуръ-Даулетѣ и о Менглы-Гераѣ даже вовсе и не упоминается. Мало того: въ заключеніе говорится, что военные успѣхи султана, о которыхъ сообщается въ грамотѣ хану, должны впредь обновить старинныя дружественныя отношенія между обѣими сторонами, а такое дружелюбіе было бы неумѣстно, если бы Нуръ-Даулетъ, какъ подручный, съ точки зрѣнія турецкой, Ахмедъ-хана раньше позволилъ себѣ выказать упомянутую нелюбезность относительно султана. Вотъ эти достопримѣчательныя слова грамоты: „Вслѣдствіе этой великой побѣды должно проявиться возобновленіе стариннаго союза любви, и должна отвориться дверь отправленія посольствъ и грамотъ, служатъ средствомъ укрѣпленія основаній благорасположенія, дабы признаки любви и искренности день ото дня пріумножались и непрерывно одинъ за другимъ слѣдовали“ [2]).

Изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать такой выводъ. Вторженіе турковъ въ Крымъ морскимъ путемъ совершилось по причинамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ внутренними распрями, происходившими между разными претендентами на господство въ Крымско-татарскомъ улусѣ, пріобрѣтавшемъ все болѣе и болѣе самостоятельное политическое положеніе. Въ моментъ этого нашествія сами турки признавали настоящимъ главою Крымскаго татарскаго юрта

---

[1]) См. у В.-Зернова, Op. cit., I: 105—106 [2]) Ibidem.

золотоордынскаго хана. Вмѣшательство турковъ во внутреннюю судьбу этого юрта произошло случайно и спустя нѣсколько времени послѣ того какъ они завладѣли генуэзскими колоніями въ Крыму. Разъ утвердившійся съ ихъ содѣйствіемъ въ качествѣ самостоятельнаго хана Менглы-Герай не былъ потомъ уже никѣмъ свергаемъ, считаясь вассаломъ отоманскаго султана. Такъ какъ послѣднее наше заключеніе встрѣчается съ нѣкоторыми противорѣчіями, то приведемъ подтверждающія его основанія.

Посольскія сношенія великаго князя московскаго съ Менглы-Гераемъ прекращаются въ 1475 году. За цѣлые два года въ Дѣлахъ Крымскихъ находится пробѣлъ. Значитъ, Менглы-Герай пересталъ быть ханомъ: въ Крыму произошло нѣчто въ родѣ анархіи; не съ кѣмъ было сноситься. Менглы-Герай, посаженный турками на ханскій престолъ, говорятъ, былъ вновь свергнутъ съ него ордынскимъ ханомъ Ахмедомъ, который уступилъ Крымъ нѣкоему Джаны-беку, засѣвшему въ немъ съ 1477 по 1479 годъ. Личность этого послѣдняго не поддается опредѣленію. Говордзъ думаетъ, что онъ былъ племянникъ золотоордынскаго хана Ахмеда [1]). Въ посольской грамотѣ Ивана Васильевича отъ 5-го сентября 1477 года онъ названъ просто-на-просто *казакомъ*, безъ всякаго указанія на какія-либо его родственныя отношенія къ которой-нибудь изъ тогдашнихъ царственныхъ особъ татарскихъ: „Коли еси былъ казакомъ, и ты ко мнѣ также приказывалъ, коли будетъ конь твой потенъ, и мнѣ бы тобѣ въ своей землѣ опочивъ дати“, долженъ былъ сказать Джаны-беку посолъ, татаринъ Темешъ, отъ имени Ивана Васильевича [2]). Что онъ не одно и то же лицо съ Эминекъ-бекомъ, какъ полагаетъ Гаммеръ [3]), это очевидно изъ словъ наказа Темешу: „Да бывъ у царя и рѣчи правивши царю, ино ему ко

[1]) Hist. of the Mongols, II: 456. [2]) Сборн. Истор. Общ. XLI: 14.
[3]) Gesch. d. Gold. Horde, стр. 406—407.

княземъ идти въ *Именеку* да къ Авдулѣ, да поминокъ имъ отъ великаго князя подати" [1]). Путаница отношеній и непрочность положенія множества хановъ такъ были велики, что Джаны-бекъ, сидя на ханскомъ престолѣ, уже заблаговременно запасался убѣжищемъ на случай, если его прогонятъ. Въ томъ же наказѣ Ивана Васильевича Темешу велѣно передать Джаны-беку на аудіенціи слѣдующее: „А говорилъ ми отъ тобя твой человѣкъ Яфаръ Бердей о томъ, что по грѣхомъ коли придетъ на тебя истома, и мнѣ бы тобѣ дати опочивъ въ своей землѣ" [2]).

Истома, которой опасался Джаны-бекъ, вскорѣ дѣйствительно настала для него. Апрѣля 30-го 1479 года великій князь Иванъ Васильевичъ отправляетъ посольство уже снова къ Менглы-Гераю, поздравляя его съ возвращеніемъ на ханство и съ пожеланіемъ ему впредь прочно усидѣть „на отца своего мѣстѣ на своемъ юртѣ" [3]). А какъ это произошло, изъ княжескаго наказа не видно: посолъ просто говорилъ Менглы-Гераю: „А въ ярлыкѣ писалъ еси, и люди ми твои сказали твое здоровье, что Богъ тебя помиловалъ, на отца твоего мѣстѣ и на твоемъ юртѣ осподаремъ учинилъ" [4]). Есть тутъ упоминаніе и о Джаны-бекѣ. „Князь великій велѣлъ говорити: писалъ еси ко мнѣ въ своихъ ярлыцѣхъ съ своимъ человѣкомъ съ Алачемъ о своемъ недругѣ о царѣ Зенебекѣ, чтобы мнѣ *своего для дѣла къ собѣ его взяти*. И язъ его къ собѣ взялъ и истому есми своей землѣ учинилъ тобя для, и *впередъ есми хотѣлъ его у собя држати твоего для дѣла*" [5]). Изъ этого какъ будто выходитъ, что Джаны-бекъ могъ быть тоже какой-то авантюристъ изъ сильныхъ татарскихъ вельможъ, какимъ былъ въ свое время Идику, только не имѣвшій счастья и удачи послѣдняго. Московскій великій князь, предлагая ему у себя гостепріимство, всущности

---

[1]) Сборн. Ист. Общ., Loco citato. [2]) Ibidem. [3]) Ibidem., стр. 15. [4]) Ibidem. [5]) Ibidem.

готовилъ для него ловушку, изъ благожелательства къ Менглы-Гераю, съ которымъ у него раньше установилась дружба, и шансы котораго на возвращеніе къ власти не ускользнули, вѣроятно, отъ дальновидныхъ московскихъ политиковъ. Но, прежде чѣмъ совершилось это возвращеніе Менглы-Герая къ власти, гдѣ же онъ находился въ то время, пока другіе занимали ханскій престолъ въ Крыму?

Онъ сидѣлъ въ плѣну у турковъ, попавшись къ нимъ во время взятія Кафы, а по инымъ свѣдѣніямъ — Манкупа. Подробности этого приключенія собраны у Вельяминова-Зернова [1]). Тамъ же находится и разсказъ Мухаммедъ-Ризы о событіяхъ, которыми сопровождалось обращеніе Менглы-Герая къ султану за помощью въ борьбѣ съ своими противниками и добровольное признаніе Менглы-Гераемъ верховной надъ собою власти султана [2]). Разсказъ этотъ, заключающій въ себѣ доказанныя В.-Зерновымъ ошибки, сочиненъ Ризою ради того, чтобы отвергнуть фактъ пребыванія Менглы-Герая въ плѣну у турковъ и возстановленія его на ханство съ ихъ же помощью, что онъ положительно отвергаетъ, какъ великую нелѣпость, такъ говоря съ свойственною ему высокопарностью: „Да не будетъ сокрыто, что написанное нѣкоторыми историками о томъ, какъ, въ то время когда крѣпости Кафа и Манкупъ были взяты побѣдоносною арміею, отправленною съ благосвѣтлой стороны его величества султана Мухаммеда—да сіяетъ могила его!—будто бы Менглы-Герай-ханъ попалъ въ плѣнническія узы, а спустя нѣкоторое время будто бы падишахъ, пожаловавъ его значкомъ и знаменемъ и прочими ханскими регаліями, отправилъ его въ ту страну—все это внѣ скрижали правдивости и вѣроятія и внѣ стези истины. Мужамъ разума и совершенства это будетъ ясно и очевидно изъ слѣдующихъ словъ“ [3])

[1]) Op. cit. I: 99—110. [2]) Ibidem., 110—111. [3]) Семь планетъ 74.

Затѣмъ идетъ сочиненный Ризою разсказъ, долженствующій подтвердить лживость другихъ историковъ.

Чувство національной гордости увлекло и другихъ крымскихъ бытописателей послѣдовать за Сеидъ-Мухаммедъ-Ризою. Авторъ Краткой Исторіи тоже пишетъ: „А что будто бы Менглы-Герай при завоеваніи Манкупа попался въ плѣнъ, а потомъ его присутствіе, султанъ ужъ почтилъ его значкомъ и знаменемъ, то хотя оно такъ и написано въ нѣкоторыхъ исторіяхъ, но, судя по самому писанію, ясно, что это лишено основанія“ [1]. Впрочемъ тутъ же присовокупляется тотъ фактъ, что послѣ завоеванія Кафы турками Менглы-Герай вмѣстѣ съ пашою (т. е. съ Гедюкъ-Ахмедъ-пашою) отправился въ Стамбулъ поздравить султана съ этою побѣдою, и что тамъ же состоялось утвержденіе его въ ханскомъ достоинствѣ и признаніе имъ своего подчиненія султанамъ Османскаго дома [2].

Наконецъ Халимъ-Герай совсѣмъ даже и не упоминаетъ о плѣнѣ своего предка, а все приписываетъ доброй волѣ Менглы-Герая, который будто бы, посовѣтовавшись съ своими благожелателями, первый обратился къ султану Мухаммеду за помощью противъ своихъ недруговъ; а потомъ самъ же предложилъ султану свое добровольное подданство и былъ за это осыпанъ со стороны султана несчетными милостями и почестями [3].

Но не всѣ мѣстные крымскіе историки-патріоты такъ пристрастно относятся къ факту плѣна Менглы-Герая, чтобы

---

[1]) Кр. Ист., л. 27 v. [2]) Ibidem. Вышеприведенное мѣсто изъ рукописной Краткой Исторіи нѣсколько иначе изложено въ переводѣ г. Негри, а именно: «Такимъ образомъ, Менглы-Герай первый изъ Крымскихъ хановъ *подалъ примѣръ признанія* надъ собою верховной власти султановъ рода Османова» (Зап. Од. Общ., I: 383); а между тѣмъ въ турецкомъ текстѣ просто сказано: منكلى كراى خان پاشا ايله برابر اشبو فتوحاتى تبريك ايچون جناب پادشاهه روانه اولوب بيعت و سلاطين آل عثمانه تبعيت ايتمكله قريم خانلرينك ابتداسى رونماسى اولمشدر
[3]) Гульбуни-ханан, стр. 8—9.

или совсѣмъ его отрицать или смягчать, обращая въ добровольную поѣздку его въ гости къ султану. Такъ Мухаммедъ-Герай, повѣствуя о событіяхъ своего времени, какъ-то однажды къ слову вспоминаетъ о началѣ подданства Крыма туркамъ и изображаетъ этотъ фактъ въ слѣдующемъ видѣ. „Выведенные Гедюкъ-Ахмедъ-пашою изъ венеціанской крѣпости (т. е. Кафы) мусульмане", пишетъ онъ, „были отправлены въ Стамбулъ для расправы съ ними. Въ то время Крымскій ханъ, покойный Хаджи-Герай-ханъ уже умеръ. Для вступленія на владѣтельный тронъ никого не было, кромѣ праведнаго сына его Бенлы-Герай-султана. А между тѣмъ упомянутый султанъ тоже какимъ-то путемъ находился въ плѣну у франкскихъ гяуровъ. Тогда крымскій народъ сообща написалъ донесеніе и послалъ съ нимъ человѣка въ столицу султаната къ его присутствію, покойному султану Мухаммедъ-хану. Они вотъ что докладывали: „Теперь нашъ падишахъ умеръ. У него осталось одно любезное чадо. Но оно тоже попало въ плѣнъ въ руки къ гяурамъ франкамъ. Странѣ же мусульманской быть безъ государя никакъ не возможно. А потому мы у вашего счастливаго Порога просимъ и молимъ, чтобы вы сжалились надъ нашимъ печальнымъ положеніемъ и назначили одного изъ вашихъ царевичей въ нашу страну падишахомъ". Когда грамота ихъ пришла къ августѣйшему Порогу (т. е. въ Порту), то всѣ сообща государственные мужи и правительственные сановники хорошенько посовѣтовались объ этомъ дѣлѣ. А между тѣмъ привезшіе грамоту шатались и глазѣли по нѣкоторымъ константинопольскимъ базарамъ. Только вдругъ они видятъ среди прибывшихъ изъ Крыма полонянниковъ одного молодого юношу, и какъ только признали его, такъ тотчасъ же упали ему въ ноги и подняли крики и вопли. „Вотъ судьба-то намъ!" говорили они: „вѣдь это нашъ царевичъ, великое чадо покойнаго Хаджи-Герай-хана, Бенлы-Герай-султанъ! Онъ сдѣлался полонянникомъ, и теперь спасенъ".

Дали знать о случившемся султану Мухаммедъ хану. Высокостепенный падишахъ, да и вообще всѣ люди дивились необыкновенной премудрости Господа Бога. А его величество, повелитель изрекъ такое перлосѣющее слово: „Никто не возьметъ ни чьего жребія!“ и велѣлъ поспѣшно привести (Менглы-Герая) въ свое высочайшее присутствіе. Послѣ того какъ его облекли въ украшенныя поцарски одежды и въ роскошный халатъ, они заключили между собою такой договоръ: „Мы, молъ, не станемъ, въ противность свѣтлому Закону Божію, улучивъ благопріятный моментъ, убивать или изъянить одинъ другого. Помогая во всѣхъ дѣлахъ другъ другу, будемъ мстить врагамъ вѣры, скверннообычнымъ гяурамъ, ведя съ ними священныя брани. Впредь твои чистые потомки (т. е. потомки Менглы-Герая) будутъ отъ меня (султана) принимать санкцію своего достоинства, и на хутбѣ сперва мое имя, а потомъ уже имя почтеннѣйшаго хана будетъ поминаться. Эти условія, будучи безотлагательно облечены въ форму письменныхъ документовъ, должны быть съ обѣихъ сторонъ соблюдаемы“. Султанъ предложилъ, а ханъ принялъ и былъ удостоенъ цѣлованія руки. Потомъ съ пожалованіемъ, при полной торжественности и почестяхъ, знамени, барабана и литавровъ, Бенлы-Герай-султанъ назначенъ былъ ханомъ въ область Крымскую. Договорныя грамоты обѣихъ сторонъ были написаны; а онъ благополучно и торжественно былъ отправленъ въ Крымъ. Таковъ-то вотъ, какъ описано, былъ Бенлы-Герай-ханъ, великій отецъ блаженнаго и покойнаго, извѣстнаго и знаменитаго воителя и мученика Сахыбъ-Герай-хана. Упомянутый договоръ съ теченіемъ времени забылся среди людей; но у почтенныхъ падишаховъ онъ извѣстенъ и признанъ“ [1]).

Сколь ни замысловатъ на первый взглядъ приведенный разсказъ объ окончательномъ водвореніи въ Крыму Менглы-

---

[1]) Тарихи Мухаммедъ-Герай. Вѣнская рукопись, л. 103 г.—104 г.

Герая въ качествѣ единовластнаго хана, однако же онъ болѣе всѣхъ похожъ на правду, потому что болѣе согласуется съ нѣкоторыми другими данными исторіи. И Ланглесъ, на основаніи восточныхъ источниковъ, тоже говоритъ, что Менглы-Герай былъ отвезенъ въ Константинополь, гдѣ онъ оставался въ почотномъ плѣну до 883—1478—9 года [1]). Сестренцевичъ-Богушъ подтверждаетъ тотъ же фактъ, ссылаясь на имѣвшіяся у него данныя, только прибавляетъ, что Менглы-Герай со многими другими султанами былъ сосланъ въ ссылку [2]), хотя въ то же время всѣ три года былъ въ милости у султана Мухаммеда [3]). Эти свѣдѣнія, приводимыя у означенныхъ писателей, какъ нельзя болѣе вяжутся съ преданіемъ, сообщаемымъ Мухаммедъ-Гераемъ, и съ тѣмъ, что въ Крымскихъ Дѣлахъ, какъ мы видѣли, слѣды какихъ-либо сношеній съ Менглы Гераемъ исчезаютъ съ 1475 года вплоть до 1479 года—это тоже знаменательный фактъ. Изъ турецкихъ историковъ подробнѣе всего описываетъ приключенія Менглы-Герая Дженнаби. Разсказъ его, цѣликомъ приведенный у В.-Зернова въ текстѣ и переводѣ [4]), въ главныхъ чертахъ тоже сходенъ съ преданіемъ Мухаммедъ-Герая. Маловѣроятенъ тутъ только одинъ эпизодъ, нѣсколько отзывающійся романтизмомъ. Менглы-Герай долженъ былъ, говоритъ Дженнаби, заодно съ прочими узниками, захваченными во время разгрома Манкупа, подвергнуться смертной казни. Везирь уже готовъ былъ привести въ исполненіе данное ему предписаніе, какъ вдругъ (sic!) султанъ одумался и послалъ къ везирю гонца съ приказаніемъ не убиватъ сына царя татарскаго. Посланный засталъ Менглы-Герая творившимъ послѣднюю молитву съ двумя земными поклонами; около него находился палачъ и ждалъ окончанія молитвы, чтобъ отрубить ему голову. Менглы-Герай былъ пощаженъ, всѣхъ же

---

[1]) Op. cit, 404. [2]) Исторія о Тавріи, II: 214. [3]) Ibid., 256. [4]) Op. cit., 101—103.

остальныхъ казнили. Вслѣдъ затѣмъ благовѣрный султанъ приблизилъ Менглы-Герая къ себѣ, осыпалъ его почестями и милостями и пожаловалъ ему великолѣпный дворъ не вдалекѣ отъ своего собственнаго дворца. Государь не переставалъ оказыватъ Менглы Гераю всякаго рода почотъ и уваженіе до самой той поры, пока великій эмиръ Эминекъ-бей не обратился къ высочайшему двору съ прошеніемъ: „Слышали мы", говорилъ онъ, „что властитель нашъ находится у васъ; умоляемъ ваше величество прислать его къ намъ не мѣшкая, такъ какъ за неимѣніемъ царя всѣ дѣла наши пришли въ разстройство. Пусть весь край будетъ собственностью султана, а Менглы-ханъ пусть будетъ его намѣстникомъ". Благовѣрный султанъ согласился на просьбу Эминека, пожаловалъ Менглы-хану царство Дэштьское, даровалъ ему барабанъ и знамя и послалъ его въ его землю въ сопровожденіи войска. Когда Менглы-Герай прибылъ въ Дэштъ, Эминекъ-бей встрѣтилъ его съ дэштьскимъ войскомъ. Хана приняли съ восторгомъ и посадили на престолѣ въ Крыму" [1].

Прежде всего тутъ бросается въ глаза отсутствіе ясныхъ мотивовъ быстрой и неожиданной перемѣны въ судьбѣ Менглы-Герая, то приговореннаго къ плахѣ, то вдругъ возведеннаго на властительскій тронъ по какому-то капризу одного и того же человѣка, султана Мухаммеда II. Правда, что азіатскіе деспоты не особенно дорожили жизнью человѣческою; бывали и съ Мухаммедомъ II случаи безпричиннаго жестокосердаго обращенія съ своими подданными и съ военноплѣнными; но въ исторіи съ Менглы-Гераемъ существовали особыя условія, которыхъ нельзя было игнорировать, и которыя необходимо должны были послужить къ ограниченію деспотическаго произвола султана Мухаммеда, человѣка предусмотрительнаго, и хотя рѣшительнаго, но не взбалмошнаго. Предъ нимъ въ лицѣ Менгли-Герая находился все-таки

[1]) В.-Зерновъ, Loco citato.

не простой райя и не заурядный полонянинъ, а только плѣнный мусульманинъ-суннитъ, и притомъ еще царевичъ по происхожденію. Наконецъ, такъ какъ большинство историковъ говорятъ о томъ, что султанъ Мухаммедъ все время ласково и благосклонно относился къ плѣнному Менглы-Гераю, то становится необъяснимъ такой внезапный поворотъ къ осужденію его на смерть безъ всякой съ его стороны вины, которая бы могла навлечь на него немилость султана. Однимъ словомъ, въ повѣствованіи объ этомъ фактѣ у Дженнаби замѣтна какая-то неточность, нѣкоторая недосказанность, коли не просто ошибочное извѣстіе.

Но тотъ же самый Дженнаби въ другомъ мѣстѣ своей исторіи вотъ что повѣствуетъ про воцареніе Менглы-Герая, и опять-таки въ связи съ экспедиціею Гедюкъ-Ахмедъ-паши въ Крымъ.

„Въ 880 = 1475 году великій султанъ Мухаммедъ-ханъ послалъ везиря своего, вышеупомянутаго Гедюкъ-Ахмедъ-пашу съ большимъ войскомъ въ море Понтское на завоеваніе области Кафской..... Когда упомянутый Гедюкъ-Ахмедъ-паша достигъ города Кафы, то высадился и осаждалъ его, пока не одолѣлъ и не покорилъ его. Затѣмъ онъ покорилъ еще нѣсколько крѣпостей и замковъ. Потомъ онъ обратилъ завоеваніе на крѣпость Манкупъ. Это большая крѣпость на вершинѣ высокой и труднодоступной горы. Ею завладѣли греки и утвердились въ ней. И пошолъ упомянутый Ахмедъ-паша тѣмъ труднымъ путемъ, пока не утвердился въ крѣпости и не завладѣлъ ею. И захватилъ онъ нѣсколько христіанскихъ князей въ крѣпости и отослалъ въ султанскую Порту. И былъ между тѣми князьями Менглы-Герай-ханъ, отставной владыка Дэштьскій. Его одолѣли братья его: отняли у него царство и принудили его запереться въ крѣпости Манкупской. Когда же Менглы-Герай-ханъ прибылъ въ Высокую Порту, то могущественный султанъ, блаженный Баязидъ (sic!) спустя нѣкоторое время послалъ его въ Дэштъ

въ сопровожденіи большого войска. Отправился Менглы-Герай-ханъ и овладѣлъ Дэштью, и подчинилъ ее султану румскому. И это была первая область, которою овладѣли султаны дома Османова въ Дэшти" [1]).

Приведенное мѣсто изъ исторіи Дженнаби сличено мною во время моего пребыванія въ Константинополѣ съ кодексомъ, находящимся въ библіотекѣ Ашира-эфенди подъ № 608. Въ немъ, на листѣ 264 verso, находится буквально то же самое, за исключеніемъ трехъ несущественныхъ варіантовъ. Это мѣсто повѣствованія Дженнаби замѣчательно тѣмъ, что тамъ водвореніе Менглы-Герая въ Крыму приписывается преемнику султана Мухаммеда II, Баязиду II (1481—1512). Конечно, Дженнаби могъ тутъ просто-на-просто обмолвиться; а можно думать, что эта обмолвка была у него сознательная: причина ея заключалась въ такомъ времени совершенія описываемаго имъ факта, которое съ точностью не могло быть имъ указано, такъ какъ приблизительно приходилось или въ концѣ царствованія султана Мухаммеда или въ началѣ царствованія сына его Баязида. Послѣднее же наше соображеніе находитъ себѣ оправданіе въ томъ свидѣтельствѣ Дженнаби, по которому отправка Менглы-Герая въ Крымъ состоялась не тотчасъ послѣ экспедиціи Гедюкъ-Ахмедъ-паши, а по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени—وبعد مدة. Оно согласно и съ вышеприведенными извѣстіями нѣкоторыхъ историковъ о трехлѣтнемъ пребываніи Менглы-Герая въ турецкомъ плѣну.

Но г. В.-Зерновъ какъ-то недовѣрчиво относится къ этимъ извѣстіямъ, хотя въ то же время не довѣряетъ и турецко-татарскимъ историкамъ, вовсе отвергающимъ фактъ взятія Менглы-Герая въ плѣнъ турками [2]).

---

[1]) Рукп. Учеб. Отд. при М—вѣ. Иностр. Дѣлъ, № 92, л 266 763) recto. [2]) Op. cit., 110.

Поводомъ къ такому недовѣрію его послужили главнымъ образомъ сказанія нашихъ лѣтописей про Менглы-Герая въ 1475 году. Въ Воскресенской лѣтописи читаемъ: „Того же (6983 = 1475) лѣта Туркове взяша Кафу.... Азигирѣеву орду, Крымъ и Перекопь осадиша дань давати, и посадиша у нихъ меншего сына Азигирѣева Менлигирѣа, а два брата его, Азигирѣевы же дѣти, убѣжаша“ [1]). Затѣмъ нѣсколько далѣе въ той же лѣтописи говорится: „Того же (6984 = 1476) лѣта посла царь Ахматъ ордынскій сына своего съ Татары, и взя Крымъ и всю Азигирѣеву орду, а сына Азигирѣева Менгирѣя съгна, его же Турки посадиша“ [2]). Выходитъ такимъ образомъ, что турки въ 1475 году, т. е. во время своего нашествія на Крымъ, посадили Менглы-Герая на ханство, а въ слѣдующемъ 1476 году онъ былъ опять прогнанъ ханомъ Большой Орды. Слѣдовательно ему нѣкогда было сидѣть въ плѣну у турковъ. Но лѣтописное извѣстіе, по добросовѣстнымъ изысканіямъ самого почтеннаго учонаго, стоитъ совершенно одиноко. Все, что толкуютъ турецкіе писатели о войнѣ Менглы-Герая съ Сеидъ-Ахмедомъ, ханомъ Тахтъ-Иля, кончившейся покореніемъ Тахтъ-Иля Менглы-Гераемъ, уже по этому послѣднему обстоятельству не можетъ относиться къ тому нападенію сына Ахмедова на Менглы-Герая, которое по нашимъ лѣтописямъ случилось въ 1476 году. Зато ихъ повѣствованіе такъ близко сходится съ свѣдѣніями, сохранившимися въ Дѣлахъ Крымскихъ и въ лѣтописяхъ нашихъ о покореніи Менглы-Гераемъ Большой Орды въ 1502 году, что невольно, говоритъ г. В.-Зерновъ, приходишь къ заключенію о тожествѣ описаннаго въ обоихъ памятникахъ происшествія [3]). Тожество это еще подтверждается сходствомъ разсказа турецкихъ писателей и нашихъ лѣтописцевъ о плѣнѣ Муртазы-султана и вторженіи брата его, Сеидъ-Ахмеда въ Крымъ, которое

---

[1]) П. С. Р. Л., VIII: 181. [2]) Ibid., 183. [3]) Op. cit., 115.

разсказывается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1485 годомъ [1]). Свѣдѣніе о плѣненіи Муртазы находится даже и у Барбаро, и было, по мнѣнію г. В.-Зернова, занесено имъ въ описаніе своихъ путешествій „только по наслышкѣ", ибо онъ еще въ 1479 году вернулся на родину, а въ 1487 году составлялъ описаніе своихъ путешествій. „Выводъ изъ этого", говоритъ г. В.-Зерновъ, „очевиденъ: происшествія, описанныя турецкими писателями, обнимаютъ періодъ времени отъ 1484 до 1502 г., и разсказанное ими успѣшное вторженіе Сеидъ-Ахмеда въ Крымъ не то, о которомъ наши лѣтописцы говорятъ подъ 1476 г., а совершенно другое нападеніе золотоордынцевъ" [2]). Такой выводъ его опирается главнымъ образомъ на то, что турецкіе писатели ведутъ свои повѣствованія „безъ означенія года" и, какъ „мало знакомые съ хронологіею, могли слить происшествія нѣсколькихъ годовъ въ одно цѣлое и придать имъ такой видъ, будто они смѣнялись одно другимъ [3]). Съ такимъ соображеніемъ можно охотно согласиться, а для большей его прочности присовокупить еще то предположеніе, что не кроется ли причина ахронизма повѣствованій турецко-татарскихъ писателей въ умышленномъ игнорированіи ими факта пребыванія въ турецкомъ плѣну Менглы-Герая.

Не смотря на все это, „главный вопросъ", заключаетъ г. В.-Зерновъ, „остается все-таки неразрѣшеннымъ" [4]). Онъ и останется таковымъ навсегда, если и мы тоже останемся при безусловномъ довѣріи къ хронологической точности нашихъ лѣтописей въ вопросѣ о крымскихъ событіяхъ 1475 и 1476 годовъ. Но это довѣріе какъ-то невольно кажется незаслуженнымъ, если принять въ соображеніе, что о такомъ крупномъ происшествіи, какъ вторженіе въ Крымъ турковъ и произведенныя ими тамъ завоеванія, въ нашихъ лѣтописяхъ сказано черезчуръ уже кратко, и что вообще исторія Крыма за всю эту эпоху весьма запутана, по словамъ самого же г.

[1]) Ibid., 117 — 118. [2]) Ibid., 118. [3]) Ibid., 116. [4]) Ibidem.

В.-Зернова [1]). Вышеприведенное замѣчаніе его относительно турецкихъ авторовъ, что они, будучи мало знакомы съ хронологіею, могли слить вмѣстѣ происшествія нѣсколькихъ годовъ, мы думаемъ, съ одинаковою справедливостью можетъ быть примѣнено и къ составителямъ нашихъ лѣтописей: они, по той же самой причинѣ малаго знакомства съ хронологіей быстро чередовавшихся тогда фактовъ, также могли слить въ одно цѣлое событія хоть и близкія другъ къ другу по времени, но все-таки не одновременныя; или же, напротивъ, могли раздробить и разнести по разнымъ годамъ происшествія, которыя въ дѣйствительности не были отдалены одно отъ другого большимъ промежуткомъ времени. Примѣръ перваго мы видимъ въ отнесеніи утвежденія Менглы-Герая на ханствѣ съ помощью турковъ къ 1475 году, т. е. ко времени нашестія ихъ на Крымъ, а доказательство послѣдняго видимъ въ упоминаніи подъ 1476 годомъ о такомъ нашествіи на Крымъ золотоордынцевъ, о которомъ ничего не знаютъ другіе историки. Въ самомъ дѣлѣ, если и Барбаро, нарочито интересовавшійся краемъ, который онъ посѣтилъ и о которомъ собиралъ свѣдѣнія, могъ говорить только *по наслышкѣ*, то вѣдь и лѣтопись составлялась не все же на основаніи самыхъ достовѣрныхъ показаній очевидцевъ, вособенности когда дѣло шло о событіяхъ, происходившихъ въ чужой землѣ. За доказательствами не надо далеко ходить. Въ числѣ дѣлъ по сношенію съ Крымомъ есть наказъ послу великаго князя Ивана Васильева Тимоѳею Скрябѣ, въ которомъ между прочимъ ему повелѣвалось держать такую рѣчь къ Менглы-Гераю: „Князь велики велѣлъ тобѣ говорити: нынѣча пакъ ко мнѣ вѣсть пришла, что Ахмата царя въ животѣ не стало... А нынѣча хто будетъ на томъ юртѣ на Ахматовѣ мѣстѣ царь, и покочюетъ къ моей землѣ, и ты бы пожаловалъ, на него пошолъ. А язъ челомъ бью" [2]). Вслѣдъ затѣмъ читаемъ вотъ что: „Память Тимоѳею. Ка-

---

[1]) Ibid., 158. [2]) Сборн. Ист. Общ., цитов. т., стр. 26

кими дѣлы будетъ *изолгалася* та вѣсть, что Ахмата царя въ животѣ нѣтъ, а учинится тамо вѣсть, что Ахматъ царь покочюетъ къ великого князя землѣ, ино говорити царю, чтобы пожаловалъ, на Ахмата царя пошолъ. А будетъ ся то не изолгало, будетъ полная вѣсть, что Ахмата царя въ животѣ нѣтъ, а будетъ на Ахматовѣ мѣстѣ иной царь, а какими дѣлы покочюетъ къ великого князя землѣ, а учинится про то вѣсть Тимоѳею, ино говорити царю, чтобы пожаловалъ, на чемъ слово свое молвилъ великому князю и ярлыки далъ, что ему съ великимъ княземъ быти заодинъ на всякого недруга" [1]. Тутъ уже не лѣтописное повѣствованіе, а дѣловой актъ, касающійся весьма важныхъ международныхъ отношеній, и тѣмъ не менѣе послу предписывается разговаривать съ Менглы-Гераемъ надвое, будетъ ли полная или неполная вѣсть о смерти золотоордынскаго хана Ахмеда. Если въ такихъ важныхъ, составлявшихъ интересъ дня, свѣдѣніяхъ самими современниками событій допускалась возможность невѣрности, ошибочности ихъ, то почему бы же эта ошибочность не могла вкрасться и въ лѣтописныя сказанія, которыя основывались не на болѣе солидныхъ и достовѣрныхъ данныхъ.

Слѣдовательно разногласіе нашихъ лѣтописей съ другими источниками касательно первоначальнаго водворенія въ Крыму Менглы-Герая, въ качествѣ турецкаго вассала, и изгнанія его золотоордынцами можетъ быть устранено, если мы не будемъ слишкомъ строго держаться лѣтописной хронологіи и рѣшимся считать цифры 1475 и 1476 лѣтъ приблизительными датами, принимая въ соображеніе важность фактовъ и при этомъ чрезмѣрную краткость лѣтописнаго сказанія о нихъ. Составитель лѣтописи зналъ, что турки приходили въ Крымъ и учинили тамъ какія-то завоеванія; что Менглы-Герай былъ посаженъ ими на ханство, и онъ вкратцѣ, мимоходомъ упоминаетъ объ этомъ, не гонясь за хронологической достовѣрностью. Вторично, говоря о вторженіи золото-

[1]) Ibidem.

ордынскаго хана въ Крымъ и объ изгнаніи оттуда Менглы-Герая, лѣтописецъ замѣчаетъ объ этомъ послѣднемъ: „его же Турки посадиша", опять-таки имѣя въ виду вообще совершившійся фактъ, безотносительно къ опредѣленному времени: Ахмедъ согналъ того самаго Менглы-Герая, котораго турки посадили, а когда посадили—это все равно было для лѣтописца. Его гораздо болѣе интересовали различныя небесныя знаменія, наблюдавшіяся въ ту пору въ его отечествѣ, которыя онъ тутъ же преподробно и описываетъ, нежели война между татарскими ханами, происходившая гдѣ-то въ отдаленномъ и мало извѣстномъ ему Крымѣ.

Памятники дипломатическихъ сношеній Москвы съ татарщиной показываютъ, что въ 1477 году эти сношенія велись съ Крымскимъ ханомъ Джаны-бекомъ. Не задолго же предъ тѣмъ, въ 1775 году, Менглы-Герай чрезъ посла своего Девлетекъ-мурзу просилъ великаго князя московскаго взять къ себѣ на службу Джаны-бека, о чемъ раньше тщетно хлопоталъ и самъ Джаны-бекъ. Но великій князь Иванъ Васильевичъ изъявилъ потомъ согласіе на принятіе его только въ угоду пріятелю своему Менглы-Гераю [1]. Откуда же и по чьей милости Джаны-бекъ попалъ въ Крымскіе ханы въ пору временнаго исчезновенія Менглы-Герая, вточности не извѣстно.

Можно, впрочемъ, предполагать, что Джаны-бекъ былъ изъ числа тѣхъ ханскихъ царевичей, которые вели жизнь безпріютныхъ скитальцевъ, властительское положеніе которыхъ было дѣломъ чистой случайности, не опираясь ни на доблестныя качества, ни на вліяніе и популярность среди мѣстнаго татарскаго населенія. На это указываетъ между прочимъ эпитетъ „казака", которымъ надѣляетъ Джаны-бека великій князь Иванъ Васильевичъ въ конфиденціальномъ порученіи посланцу Темешу, велѣвъ сказать ему: „Ино язъ и первіе того твоего добра смотривалъ, коли еси былъ *ка-*

---

[1]) Сборн. Ист. Общ., XLI: 9, № 2.

закомъ" [1]). Онъ-то, вѣроятно, и сидѣлъ въ заточеніи въ Судакской крѣпости въ первое ханствованіе Менглы-Герая, съ другимъ братомъ его, Нуръ-Даулетомъ. Послѣдній нѣкоторое время вторично числился ханомъ Крымскимъ въ 1778 году, ибо, по сказаніямъ польскихъ историковъ, отъ него въ этомъ году приходило въ Польшу посольство одновременно съ посломъ турецкаго султана Муҳаммеда къ королю Казимиру [2]). Мало того: даже имѣются монеты съ именемъ Нуръ-Даулета, только не разборчивая дата на нихъ, принимаемая Френомъ за 878—1473—4 г., не совсѣмъ-то согласуется съ вышеприведенными извѣстіями о времени его ханствованія [3]) и, слѣдовательно, подлежитъ сильному сомнѣнію.

Въ концѣ концовъ и другіе соперники Менглы-Герая, оба брата его — Нуръ-Даулетъ и Хайдэръ, бѣжавшіе около 1478 же года въ Литву, также обрѣли свой опочивъ въ Москвѣ [4]). Г. В.-Зерновъ говоритъ, что будто бы „съ 1487 года о Нуръ-Даулетѣ нигдѣ не упоминается" [5]); что Нуръ-Даулетъ умеръ, кажется, около 1491 года, и что свидѣній объ его смерти не имѣется никакихъ" [6]). Теперь намъ съ точностью извѣстно, что въ посольскихъ наказахъ и грамотахъ встрѣчается цѣлый рядъ упоминаній о Нуръ-Даулетѣ: еще въ 1498 году Менглы-Герай въ ярлыкѣ своемъ къ в. кн. Ивану пишетъ: „Царю брату моему болшому, Нурдовлату царю, поминокъ и поклонъ послалъ есми" [7]); но въ сентябрѣ 1503 года въ наказѣ боярину Ощерину велѣно было сказать Менглы-Гераю, въ случаѣ если бы онъ сталъ справляться о племянникѣ своемъ Сатылганѣ, сынѣ Нуръ-Даулета: „А *брата*, господине, *твоего не стало*, и язъ, господине, слышалъ, что князь великій хочетъ его (т. е. Са-

---

[1]) Ibid., стр. 14, II. [2]) В.-Зерновъ, Op. cit., I: 124—125. [3]) Fraehn. Die Münzen etc., стр. 40 и табл. IX и XII. [4]) В.-Зерновъ, Op. cit., I: 128—129. [5]) Ibid., 148; [6]) Ibidem, 144. [7]) Сборникъ Истор. Общ., XLI: 278.

талгана) жаловати, дати ему то мѣсто, гдѣ отецъ его былъ" [1]). Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ факта смерти Нуръ-Даулета служитъ то, что Менглы-Герай проситъ прислать ему изъ Россіи „Нурдоулата царя брата старшаго *кость*" [2]), на что великій князь московскій изъявилъ согласіе, извѣщая въ грамотѣ своей: „Да и царица брата твоего жена царева Нурдоулатова Юмадыкова дочь, да и съ костію брата твоего съ Нурдоулатовою въ Путивлѣ будутъ" [3]).

Насчотъ же царевича Хайдэра еще въ октябрѣ 1487 года в. кн. Иванъ Васильевичъ наказалъ послу своему передать Менглы-Гераю, что „король (угорскій) хочетъ послати выкрадывати его" изъ русской земли [4]). Блюдя интересы друга своего Менглы-Герая, в. князь Иванъ держалъ Хайдэра, по его выраженію, „въ крѣпости"; а для большей, вѣроятно, надежности при первомъ удобномъ случаѣ сослалъ его въ заточеніе въ Вологду [5]). Г. В.-Зерновъ говоритъ, что Хайдэръ былъ *за что-то сосланъ*, но тутъ же приводитъ разсказъ о кровавой самораспрявѣ Хайдэра съ однимъ своимъ татариномъ, убившимъ его сына Биръ-Даулета. Чего же проще было воспользоваться этою кровопролитною исторіею какъ предлогомъ къ заточенію почотнаго плѣнника въ Вологду?

Джаны-бекъ же такъ и пропадаетъ безъ вѣсти послѣ своего удаленія въ Россію: о немъ не встрѣчается никакихъ упоминаній въ историческихъ памятникахъ.

Но всѣ вышеописанные домашніе счоты Менглы-Герая съ своими обездоленными братьями и сношенія по поводу ихъ съ московскимъ государствомъ происходили уже тогда, когда Менглы-Герай чувствовалъ подъ собою твердую почву послѣ вторичнаго и окончательнаго возстановленія его въ ханскомъ достоинствѣ съ помощью и содѣйствіемъ Отоманской Порты. Какими глазами она смотрѣла на то, что про-

---

[1]) Ibid., 491. [2]) Ibid., 544. [3]) Ibid., 553. [4]) Ibidem., 64. [5]) В.-Зерновъ, Op. cit., I: 131.

исходило въ татарскихъ владѣніяхъ Крыма до этого времени, мы хорошенько не знаемъ. Офиціальная извѣстительная грамота къ хану Большой Орды указываетъ повидимому на то, что отоманское правительство все еще продолжало считать Крымъ въ числѣ областей Золотой Орды. Извѣстіе польскихъ историковъ, что посолъ султана Мухаммеда II къ Казимиру „*привелъ съ собою* посольство татарскаго принципала Нуръ-Даулета" [1]), свидѣтельствуетъ, напротивъ, о томъ, что турки тогда начали входить въ непосредственныя сношенія съ представителями татарской власти въ Крыму, помимо хана Большой Орды. Но грамота писана была въ 1475 году, а посольство отправлялось въ Польшу въ 1478 году: за три года легко могла произойдти перемѣна въ политикѣ Порты, ближе присмотрѣвшейся къ внутреннему строю Крымскаго полуострова и слабой связи его съ татарскимъ центральнымъ узломъ, видимо утерявшимъ всякое господствующее значеніе.

Послѣдній изъ золотоордынскихъ хановъ, претендовавшій еще на подвластность ему Крыма, однако же не вдругъ отказался отъ этой своей претензіи. На любезное извѣщеніе о взятіи Кафы турками, полученное изъ канцеляріи султана Мухаммеда II, ханъ Сеиидъ-Ахмедъ отвѣчалъ такимъ же любезнымъ посланіемъ. Но это еще не значило, что ему очень было пріятно утвержденіе турецкаго престижа на крымской территоріи, правители которой до сихъ поръ считались не болѣе какъ подручниками общетатарскаго владыки, хана Большой Орды. Не дерзая на первыхъ порахъ открыто протестовать противъ вторженія въ Крымъ турковъ, ограничившихся пока только занятіемъ генуэзскихъ колоній, и, вѣроятно, питая еще надѐжду удержать свою гегемонію надъ татарскимъ населеніемъ Крыма, Сеиидъ-Ахмедъ не вытерпѣлъ, когда турецкій султанъ простеръ свои притязанія далѣе, вознамѣрившись возстановить Менглы-Герая въ званіи Крым-

[1]) В.-Зерновъ, Loco cit.

скаго хана, который хотя впредь долженъ былъ стать въ извѣстную зависимость отъ Стамбула, но зато считать себя свободнымъ отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ Тахтъ-Илю. И вотъ когда Менглы-Герай явился въ новомъ чинѣ султанскаго вассала, Сейидъ-Ахмедъ пошолъ противъ него войною, о времени которой столько существуетъ спорныхъ предположеній, изложенныхъ нами выше. Но, дѣйствуя осторожно, онъ, для развѣдки объ истинномъ положеніи дѣлъ, выслалъ впередъ брата своего Муртазу къ турецкому посаженцу Менглы-Гераю, который хотѣлъ задержать шпіона и препроводилъ его въ Кафу. Въ критическій же моментъ Сейидъ-Ахмедъ, ободренный пораженіемъ Менглы-Герая, рѣшился было попытать счастья и противъ самихъ покровителей своего соперника, турковъ: взялъ вѣроломнымъ образомъ Солхатъ и осадилъ Кафу, мѣстопребываніе турецкаго генералъ-губернатора Касимъ-паши. Сейидъ-Ахмедъ сперва отправилъ къ пашѣ посла съ предложеніемъ добровольной сдачи города. Хитрый паша сдѣлалъ видъ, что соглашается на такое предложеніе, и задержалъ посла на ночь. На утро онъ расположился съ нимъ въ кіоскѣ, откуда виднѣлось море, разсматривать подарки, будто бы приготовленные имъ для Сейидъ-Ахмеда. Въ это время, по заранѣе состоявшемуся уговору, поспѣшно входитъ чаушъ, посланный будто бы отъ султана Баязида, заявить пашѣ о томъ, что султанъ страшно разгнѣванъ на Сейидъ-Ахмеда за его враждебность къ Крымскому хану и разгромъ Солхата, и сдѣлалъ распоряженіе о примѣрномъ наказаніи дерзкаго хана, отправивъ многочисленные корабли съ множествомъ войска. Не успѣлъ мнимый султанскій гонецъ договорить заученной имъ рѣчи, какъ въ самомъ дѣлѣ на морѣ показалась цѣлая турецкая эскадра. Съ бортовъ кораблей сдѣланъ былъ салютъ пушечнымъ залпомъ. Съ крѣпости отвѣчали тѣмъ же. Тогда паша обращается къ татарскому послу, оглушонному неслыханнымъ имъ дотолѣ пушечнымъ громомъ, съ такими словами: „Поди и

скажи своему хану, что слуга падишаха не можетъ стать слугою кому-либо другому; и пусть-ка онъ приготовится къ битвѣ". Устрашонный посолъ вернулся и пересказалъ все видѣнное и слышанное имъ Сейидъ-Ахмеду, до ушей котораго также доносился грохотъ орудій. Тогда Сейидъ-ханъ и все его полчище устремились въ бѣгство. Этого было достаточно для того, чтобы въ положеніи соперниковъ произошла совершенная перемѣна: сторонники Сейидъ-Ахмеда, Эдигеевскіе ногаи, тотчасъ же потеряли вѣру въ своего хана и струсили; а сидѣвшій дотолѣ въ Кыркорѣ Менглы-Герай, узнавъ о бѣгствѣ Сейидъ-Ахмеда, вышелъ изъ своего убѣжища, собралъ военныя силы и пустился преслѣдовать Ахмеда. Какъ всегда водилось въ степныхъ ордахъ, на потерявшаго престижъ Сейидъ-Ахмеда тотчасъ же возстали его собственные братья, думая обратить его несчастье въ свою пользу. А кончилось тѣмъ, что этою сумятицею воспользовались одни только крымцы. Предводимые Менглы-Гераемъ и его сыномъ Мухаммедъ-Гераемъ, они добрались до самаго Тахтъ-Иля и разгромили его. Сейидъ-Ахмедъ погибъ во время одной свалки. Множество жителей его владѣній было угнано побѣдителями въ Крымъ. Благодаря этому, „въ силу изреченія *Бѣдствія одного народа служатъ во благо другому*, силы и войско Менглы-Герая увеличились, и онъ сдѣлался самостоятельнымъ ханомъ". Такими словами сочинитель Краткой Исторіи заключаетъ свое повѣствованіе объ окончательномъ утвержденіи Менглы-Герая на Крымскомъ ханствѣ [1]).

„Разбитая Менглы-Гераемъ Орда уже болѣе не возставала, и самое имя ея исчезло", говоритъ г. Веньяминовъ-Зерновъ [2]). Сколько сыновья Ахмедовы ни затѣвали предпріятій съ цѣлью возвратить отцовскому юрту прежнее его значеніе, но все было тщетно. Менглы-Герай, какъ это видно изъ Дѣлъ Крымскихъ, серьознѣе занятъ былъ своими от-

---

[1]) Кр. Ист., л. 29 г.—30 г. [2]) Op. cit., I: 119.

ношеніями къ Литвѣ и Польшѣ, чѣмъ къ остаткамъ Золотой Орды, доживавшей свои послѣдніе дни. Мы, кажется, не ошибемся, если примемъ, что двѣ грамоты Менглы-Герая, одна къ великому князю Ив. Васильевичу, а другая „въ Казань къ Махметъ-Аминю царю“, обѣ отъ начала 1491 года, разумѣютъ вышеописанныя происшествія столкновенія Менглы-Герая съ Сейидъ-Ахмедомъ и Шейхъ-Ахмедомъ и пораженіе ихъ при помощи султана Баязида. Въ первой Менглы-Герай писалъ великому князю московскому: „И нынѣча намъ недругъ и тебѣ недругъ стоитъ Ахматовы царевы дѣти. На Бога надѣяся, сеи зимы у недруга ноги подрѣзавъ, кони есмя взяли у него безъ останка; нынѣча какъ бы имъ отойти, ино силы нѣтъ, велми нынѣчя охудѣли, рать ихъ королевъ сынъ побилъ. Султанъ Баязытъ сее жъ зимы тысячю своихъ холоповъ янычаръ ратью въ десяти судѣхъ прислалъ, а твой человѣкъ Грибецъ то видѣлъ“ [1]). Другая же грамота, писанная мѣсяцемъ раньше, намекаетъ на предшествовавшія столкновенію притворно-миролюбивыя сношенія Менглы-Герая съ своими недругами при посредствѣ султана. „Съ Намаганскимъ юртомъ“, пишетъ онъ, „султанъ Баязытъ султанъ, межъ ихъ вступився, съ сусѣдствѣ жили бы есте, молвилъ. И мы пакъ старую недружбу съ сердца сложивши, на добрѣ есмя стояли. И въ то веремя отъ султана, Бакшеемъ князя зовутъ, посолствомъ пріѣхалъ Седихматъ, Шихъ-Ахматъ цари, Мангытъ Азика князь въ головахъ, отъ всѣхъ карачевъ и отъ добрыхъ людей человѣкъ пріѣхалъ, и шерть и правду учинили; и мы, ротѣ ихъ повѣривъ, улусы свои на пашни и на жито роспустили. А послы ихъ у насъ были предъ Крымомъ мѣсяца сентября во вторый день, Сидяхметъ, Шигъ-Ахматъ и Азика въ головахъ, и сколько есь Намаганова юрта пришодъ, домы наши потоптали, слава Богу самихъ насъ Богъ помиловалъ... а изъ недруговъ силу есмя выняли“ [2]). Если это только одинъ лишь эпизодъ изъ

[1]) Сборникъ Импер. Рус. Общ., XLI: 105. [2]) Ibidem, 108.

продолжительной борьбы Менглы-Герая съ Сеидъ-Ахмедомъ и братомъ его Шейхъ-Ахмедомъ, то, по всѣмъ признакамъ, тотъ именно, который описанъ крымскими историками и приведенъ нами выше.

Позднѣйшіе, главнымъ образомъ европейскіе, историки, повѣствуя объ окончательномъ возстановленіи и утвержденіи Менглы-Герая въ достоинствѣ Крымскаго хана, приводятъ цѣлый договоръ его съ султаномъ Мухаммедомъ II Фатихомъ, опредѣлявшій впредь взаимныя отношенія ханства къ Оттоманской Портѣ. Вотъ эти условія:

1) Султанъ никогда не долженъ возводить на ханство никого, кромѣ царевичей изъ рода Чингизъ-ханова.

2) Порта никогда ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ подвергать смертной казни никого изъ фамиліи Гераевъ.

3) Владѣнія хана и другія мѣстопребыванія членовъ дома Гераевъ должны быть признаваемы неприкосновенными убѣжищами для всѣхъ, кто бы ни находилъ въ нихъ себѣ пріюта.

4) На общественной по пятницамъ молитвѣ, хутбѣ, послѣ имени султана должно быть поминаемо имя хана.

5) Ни на какую письменную просьбу хана не должно быть отказа со стороны Порты.

6) Ханъ во время похода имѣетъ пятибунчужный штандартъ.

7) Во всякую кампанію ханъ долженъ получать отъ Порты сто двадцать кисетовъ золота на содержаніе своей лейбъ-гвардіи и восемьдесятъ кисетовъ на своихъ мурзъ и капы-кулу [1]).

Маловѣроятность существованія подобнаго договора явствуетъ прежде всего изъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ будто бы состоялось его заключеніе: разсказываютъ, что Менг-

---

[1]) Peyssonel, Op. cit., II: 228—230; Langlès, Op. cit., III: 404—406; С.-Богушъ, Ист. о Тавріи, II: 256—257; Hammer, Gesch. d. Ch. d. Krim, 35.

лы-Герай уже читалъ послѣднюю молитву передъ казнью, какъ вдругъ пришло помилованіе отъ султана, а потомъ послѣдовало чествованіе и назначеніе его ханомъ въ Крымъ на условіяхъ вышеприведеннаго договора [1]). Всякій договоръ предполагаетъ извѣстное равенство заключающихъ его, а тутъ мы видимъ съ одной стороны абсолютнаго деспота, съ другой креатуру, жизнь и смерть котораго были въ рукахъ перваго. Вовторыхъ, фактъ заключенія договора съ Крымскимъ ханомъ какъ-то мало согласуется съ общимъ образомъ дѣйствій султана Мухаммеда Фатиха въ подобныхъ случаяхъ: онъ не любилъ входить ни съ кѣмъ въ обязательныя отношенія и отличался необыкновенною вѣроломностью, какъ это извѣстно изъ его поступковъ съ галатскими колонистами, съ греческими патріархами и съ гарнизонами многихъ сдававшихся на капитуляцію крѣпостей. Втретьихъ, вышеприведенный договоръ въ этой своей формѣ впервые былъ опубликованъ Пейсонелемъ въ концѣ прошлаго столѣтія и потомъ уже съ его легкой руки повторяется всѣми историками. Оріенталисты Казимирскій и Жоберъ, повидимому, приписываютъ первоначальное открытіе договора Ланглесу [2]). Но что г. Ланглесъ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ какому-либо изъ восточныхъ источниковъ, бывшихъ въ его распоряженіи, на это нѣтъ пока несомнѣнныхъ доказательствъ; хронологическія же соображенія даютъ право предполагать, что онъ извлекъ вышеупомянутый договоръ изъ соч. Пейсонеля „Traité sur le commerce de la Mer Noire“, которое явилось въ свѣтъ раньше сочиненія Ланглеса, и на которое Ланглесъ неоднократно дѣлаетъ ссылки.

Въ своихъ замѣчаніяхъ касательно отношеній Крымскихъ хановъ къ турецкимъ султанамъ Пейсонель между прочимъ опровергаетъ существовавшее и распространенное въ его вре-

---

[1]) Дженнаби, Рукоп. Константинопольской библіотеки Ашира-эфенди № 608, т. II, л. 421 verso; Hammer, Gesch. d. Ch. d. Krim, стр. 34.
[2]) Nouveau Journal Asiat. T. XIII., p. 352, 2.

мя мнѣніе о правѣ наслѣдованія престола Крымскими ханами отъ султановъ османскихъ въ случаѣ прекращенія мужского поколѣнія въ династіи Османской. Пейсонель говоритъ, что онъ справлялся и у ханскихъ министровъ, и у татарскихъ историковъ, и у другихъ свѣдущихъ людей, но не нашолъ ничего подобнаго вышеприведенному предразсудку, повторенному, кстати сказать, и нашимъ почтеннымъ историкомъ Соловьевымъ [1]). Въ то же время Пейсонель высказываетъ увѣренность, что въ случаѣ прекращенія султанской династіи турки непремѣнно выбрали бы въ султаны кого-нибудь изъ татарскихъ царевичей, и пытается объяснить происхожденіе страннаго повѣрія однимъ случаемъ съ Хаджи-Селимъ-Гераемъ, котораго взбунтовавшіеся во время одной кампаніи янычаре будто бы хотѣли возвести на тронъ султанскій [2]). Но въ первомъ своемъ предположеніи Пейсонель ошибается, потому что не имѣлъ надлежащаго понятія о томъ почти презрительномъ взглядѣ турковъ на своихъ братьевъ по крови и религіи—татаръ, въ которомъ онъ могъ бы убѣдиться, заглянувъ въ любое историческое сочиненіе турецкихъ писателей; а второй фактъ не находитъ себѣ подтвержденія ни у одного турецкаго историка; Пейсонель же, приводя его, не указываетъ источника, откуда онъ его заимствовалъ. Между прочимъ онъ высказываетъ такое еще мнѣніе: „Я не знаю, впрочемъ“, говоритъ онъ, „существуетъ ли въ архивахъ Отоманской имперіи какой-либо особенный договоръ, забытый или игнорируемый даже татарскими принцами, который бы давалъ мѣсто этой претензіи (т. е. претензіи татарскихъ царевичей на османскій тронъ); но было бы странно, чтобы министры двора, которые сообщили мнѣ въ подробности всѣ тѣ условія, на какихъ ханы подчинились Портѣ, не имѣли никакихъ свѣдѣвій о такой существенной статьѣ“ [3]). Теперь, когда уже приведено въ из-

[1]) Исторія Россіи, XXVIII: 121. [2]) Op. cit., II: 230—232 [3]). Ibidem., 231.

вѣстность столько важныхъ историческихъ памятниковъ турецкой и крымской исторіи, можно утвердительно отвѣчать на предположеніе Пейсонеля, что не существовало не только этой любопытной статьи, но и самаго договора: ни въ сборникахъ официальныхъ грамотъ *Муншіяти Салатинъ* Феридунъ-бея, ни у новѣйшаго историка Джевдета, рывшагося въ архивахъ и издавшаго въ свѣтъ нѣкоторые любопытные архивные документы, нѣтъ и слѣдовъ такого документа. Положимъ, что турецкіе историки могли бы почему-нибудь скрыть его. Но даже крымскіе историки, да еще принадлежавшіе къ фамиліи Гераевъ, и тѣ не приводятъ категорическихъ доказательствъ его существованія. Одинъ Мухаммедъ-Герай говоритъ объ этомъ, и то какъ будто повторяя темный слухъ, что былъ заключонъ письменный трактатъ между Мухаммедомъ Фатихомъ и Менглы-Гераемъ; но приводимыя имъ условія этого трактата выражены въ слишкомъ общихъ чертахъ, сходныхъ съ тѣми напутственными рѣчами, съ которыми султаны обыкновенно обращались къ новонареченнымъ ханамъ при церемоніи облеченія ихъ въ ханскія регаліи. „Послѣ того какъ его (Менглы-Герая) облекли въ пышныя царскія одежды“, читаемъ у Мухаммедъ-Герая, „они заключили между собою договоръ. Султанъ сказалъ: „Не станемъ мы, въ противность чистому закону, при всякомъ удобномъ случаѣ воевать другъ съ другомъ и наносить другъ другу вредъ, а будемъ во всѣхъ дѣлахъ оказывать взаимную помощь и, ведя брань съ врагами вѣры, скверноообычными гяурами, будемъ мстить имъ. Впредь пусть родъ твой присягаетъ мнѣ, и на хутбѣ сперва пусть поминается мое имя, а потомъ имя того, кто будетъ ханомъ. Эти условія не должны выходить изъ рамокъ письменныхъ договоровъ и должны быть соблюдаемы съ обѣихъ сторонъ“. Ханъ тоже согласился на это и, удостоившись чести поцѣловать руку (султана), получилъ знамя, барабанъ и литавры, и такимъ образомъ Бенглы-Герай-султанъ былъ назначенъ ханомъ въ область Крымскую. Договоры обѣихъ сторонъ были написаны, и онъ (Менг-

лы-Герай) благополучно и съ почестями отправился въ предѣлы Крыма“ [1]). Вслѣдъ затѣмъ однако же историкъ оговаривается, что „упомянутый договоръ съ теченіемъ времени забытъ народомъ, но извѣстенъ у высокопочтенныхъ падишаховъ“ [2]).

Изъ доступныхъ намъ турецкихъ источниковъ вышеозначенный договоръ встрѣчается еще въ одномъ краткомъ біографическомъ реестрѣ Крымскихъ хановъ, переведенномъ на французскій языкъ г. Казимирскимъ сообща съ г. Жоберомъ подъ заглавіемъ „Précis de l'histoire des khans de la Crimée etc.“ [3]). Рукописный экземпляръ этого очерка, безъ заглавія и безъ даты, имѣется въ библіотекѣ Учеб. Отд. М. И. Д. подъ № 368 и представляетъ тонкую тетрадку въ 17 листовъ in-4, исписанную почеркомъ настаълигъ по 21 строкѣ на страницѣ. Очеркъ этотъ вовсе не есть извлеченіе изъ „Семи планетъ“ Мухаммедъ-Ризы, какъ то думаетъ г. Жоберъ [4]), а нехитрая компиляція какого-то позднѣйшаго автора, ибо онъ заканчивается замѣткою о Шагинъ-Гераѣ, что „онъ, ставши ханомъ въ 1161 — 1777 году, по прошествіи семи лѣтъ сказалъ: „я отрѣшаюсь добровольно“ — عزلت بنفسى — и отправился въ Таманскую сторону“ [5]). Но въ этой турецкой брошюркѣ текстъ означеннаго договора имѣетъ не ту редакцію, въ какой онъ является у европейскихъ писателей: онъ состоитъ всего изъ четырехъ пунктовъ, изъ коихъ три первые скорѣе напоминаютъ своимъ составомъ условія, приводимыя Мухаммедъ-Гераемъ, нежели Пейсонелемъ, а четвертый имѣетъ совершенно особую форму; пункты эти слѣдующіе.

1) Никто изъ насъ не долженъ творить убійства, если бы даже, въ противность закону, и выступилъ одинъ противъ другого.

---

[1]) Тарихи Мухаммедъ-Герай, Вѣнскій кодексъ, л. 103—104. [2]) Ibidem. [3]) Journ. As. T. XII: pp. 349—380 & 428—458. [4]) Loco cit., p. 349. [5]) Рукопись Учеб. Отд., стр. 34.

2) Оказывая во всѣхъ дѣлахъ другъ другу помощь, мы будемъ мстить врагамъ нашимъ.

3) Имѣющіе быть послѣ тебя (т. е. Менглы-Герая) ханы будутъ присягать мнѣ и тѣмъ, кто будетъ послѣ меня; отрѣшеніе и назначеніе (хановъ) пусть принадлежитъ падишаху османскому.

4) Назначеніе кадіевъ для народа, находящагося въ Кафѣ, Манкупѣ и въ ихъ окрестностяхъ, ровно какъ и взиманіе десятины тоже принадлежитъ османцамъ: Крымскіе же ханы не должны въ это вмѣшиваться; падишахъ же османскій не касается права хана чеканить свою монету [1]).

Такое разногласіе источниковъ относительно состава и формы договора между султаномъ Мухаммедомъ II и ханомъ Менглы-Гераемъ еще болѣе утверждаетъ въ насъ убѣжденіе, что преданіе объ этомъ договорѣ принадлежитъ къ области вымысловъ, мѣсто и время происхожденія которыхъ обыкновенно трудно бываетъ выслѣдить и указать съ точностью. Простая инструкція, которая, вѣрнѣе, была дана султаномъ Мухаммедомъ II Менглы-Гераю, какъ его подручному, и постоянно повторялась въ стереотипной формѣ впослѣдствіи всякій разъ при назначеніи и отправленіи въ Крымъ каждаго новаго хана, превращена, должно быть національною гордостью потомковъ Менглы-Герая, въ какой-то небывалый договоръ, имѣющій видъ международнаго трактата. Но добросовѣстные бытописатели даже татарскаго происхожденія, какъ Мухаммедъ-Гераій, и тѣ, мы видѣли, принуждены сознаться въ несуществованіи подобнаго договора, хотя это сознаніе облекается у нихъ въ такую нѣсколько деликатную форму— что, молъ, этотъ договоръ современемъ пришолъ въ забвеніе у народа, хотя и извѣстенъ самимъ падишахамъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что договоръ этотъ, кажется, не былъ извѣстенъ и падишахамъ, или онъ также постепенно

---

[1]) Руков., стр. 2; Journ. As., p. 351—352.

забытъ и ими. Первый пунктъ договора скорѣе похожъ на любезное увѣщаніе или совѣтъ одного государя другому, находящемуся съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ: въ немъ не содержится никакого категорически выраженнаго обязательства со стороны хана къ султану. Что же касается до порядка поминанія именъ султана и хана на хутбѣ, то вышеприведенному условію противорѣчитъ сообщаемый крымскими историками фактъ, что первенство имени султана на хутбѣ добровольно установлено только Исламъ-Гераемъ II (1584—1588) вслѣдствіе его раболѣпства и легкомысленной трусости, [1]). Затѣмъ въ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ султанскихъ бератахъ (грамотахъ), которыми вновь санкціонировалось назначеніе въ ханы или только подтверждалось признаніе извѣстнаго лица въ его ханскомъ достоинствѣ новымъ турецкимъ султаномъ, не встрѣчается ни одной ссылки на какой-либо прежній договоръ или какой-нибудь иной актъ офиціальнаго значенія, какъ на основаніе правъ султана въ дѣлѣ назначенія или отрѣшенія Крымскихъ хановъ: такими основаніями выставляются или личное расположеніе и довѣріе султана къ вѣрности и преданности хана интересамъ Высокой Порты или же благоволеніе и признательность перваго за доказанную ревность и услуги послѣдняго, какъ это, напримѣръ, видимъ въ бератѣ на имя хана Джаны-бекъ-Герая II, данномъ въ концѣ рамазана 1037 года — въ маѣ 1628 г. [2]), или въ султанскомъ приказѣ крымскимъ вельможамъ, изданномъ по случаю утвержденія того же Джаны-бекъ-Герая въ ханскомъ достоинствѣ [3]), и въ другомъ подобномъ же высочайшемъ повелѣніи [4]).

---

[1]) Гюльбуни ханапъ, стр. 27; Ассебъу-с-сейяръ, стр. 107. [2]) Муншіьати Салатинъ. т. II: стр. 131—132. [3]) Ibidem, стр. 142—144. [4]) Ibid., стр. 145. Въ этомъ послѣднемъ актѣ стоитъ ошибочная дата 1051 = 1641 годъ: въ это время ханомъ былъ Мухаммедъ-Герай IV, третій уже послѣ Джаны-бекъ-Герая. Причиною такого анахронизма могла быть просто неясность начертанія въ самомъ архивномъ оригиналѣ, бывшемъ въ рукахъ Феридунъ-бея, какъ это видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ

Довольно убѣдительнымъ доказательствомъ несуществованія этого договора могутъ служить еще неоднократные противные духу и смыслу статей договора поступки турецкихъ султановъ относительно Крымскихъ хановъ, до преданія смерти одного изъ нихъ, именно Инайетъ-Герая I, казненнаго по повелѣнію султана Мюрада IV [1]), включительно, никогда однако же не опротестованные никѣмъ, даже историками, которымъ тутъ представлялся самый удобный случай напомнить объ актѣ государственной важности, если бы таковой существовалъ когда-нибудь въ дѣйствительности.

Немаловажнымъ аргументомъ противъ существованія какого-либо договорнаго акта между турецкимъ султаномъ и Крымскимъ ханомъ, по нашему мнѣнію, является также умолчаніе объ этомъ актѣ въ сочиненіяхъ османскихъ писателей, спеціально трактовавшихъ о взаимныхъ отношеніяхъ между обоими властителями. Особеннаго вниманія заслуживаютъ два такихъ сочиненія.

Одно изъ нихъ неизвѣстнаго автора, по всѣмъ признакамъ — какого-нибудь везиря, представленное въ 1050—1640 году султану Ибрагиму I (1640—1648) [2]). Въ статьѣ десятой этого сочиненія между прочимъ рѣчь идетъ и о татаръ-ханахъ, т. е. о ханахъ Крымскихъ. Авторъ начинаетъ издалека: говоритъ о происхожденіи татаръ, о Тимурѣ, котораго онъ какъ будто бы считаетъ ближайшимъ

мѣстахъ составитель сборника, не разобравъ собственнаго имени, поставилъ на мѣстѣ его мѣстоименіе «такой-то» — فلان, напр. на стр. 134, 11 стр. сверху, или на стр. 147, 1 строка снизу. [1]) Гюльбуни ханан, стр. 50. [2]) Оно не имѣетъ постояннаго заглавія: напримѣръ, кодексъ, съ котораго сдѣланъ нѣмецкій переводъ г. Бернауеромъ, носитъ заглавіе نصيحتنامه — «Книга совѣтовъ» (ZDMD, XVIII: 699—740). Въ рукописи Учебнаго Отд. М-ва Ин. Д. (№ 361), на заглавномъ листѣ находятся двѣ замѣтки равносильныя титулу книги: одна состоитъ изъ словъ نصيحت الملوك — «Совѣтъ царямъ»; а въ другой говорится: مرحوم و مغفور سلطان ابراهيم سعادتيله تختة كجدقده اشبو قانون نامه ويرديلر — «Когда покойный и всепрощенный султанъ Ибрагимъ благополучно вос-

предкомъ Крымскихъ хановъ; потомъ дѣлаетъ характеристику самыхъ хановъ и въ заключеніе даетъ султану наставление о томъ, какъ ему слѣдуетъ держать себя съ татарскими ханами и царевичами на аудіенціяхъ. Вотъ что говорится въ этой статьѣ. „Всевышній Господь да сохранитъ благородную особу всещедраго и благополучнаго моего падишаха отъ заблужденій и да содѣлаетъ его твердымъ на султанскомъ тронѣ! Державный государь мой! Тотъ, кого именують Тимуромъ, татаринъ. За предѣлами Персіи есть татарское племя, называемое узбеками, изъ нихъ-то и происходитъ тотъ злосчастный хромецъ, котораго зовутъ Тимуремъ. Онъ изъ потомковъ Чингизъ-хана. Татарскіе ханы, которые нынѣ принадлежатъ къ слугамъ моего государя, тоже изъ потомковъ Чингизъ-хана. Есть царство, которое зовется Хатай и Хутанъ. Если теперь бы понадобилось отсюда поѣхать туда, то только черезъ два года доѣдешь. Тимуръ былъ гяурскій падишахъ [1]). Одолѣвъ падишаховъ исламскихъ, онъ отнялъ у нихъ (ихъ владѣнія). Впослѣдствіи дѣти его стали мусульманами. Эти ханы [2]) изъ того рода. А въ татарскомъ народѣ правды нѣтъ; значитъ, это не такой народъ, чтобы изъ него много вышло добраго. Когда ханъ умираетъ, и его мѣсто остается вакантнымъ, то ханычи отправляются къ вашему Счастливому Порогу, и кто изъ нихъ первый на благословенномъ байрамѣ бьетъ челомъ передъ вашимъ августѣйшимъ стременемъ, тотъ и долженъ быть ха-

---

шолъ на престолъ, то даровалъ этотъ уставъ». Вѣроятно, на основаніи уже этой замѣтки на чистой страницѣ начальнаго листа написано карандашомъ заглавіе: قانون نامه سلطان ابراهيم—«Уставъ султана Ибрагима». Сочиненіе это содержитъ въ себѣ изображеніе разныхъ внутреннихъ неустройствъ въ государствѣ и бѣдствій, претерпѣвавшихся народонаселеніемъ Отоманской имперіи отъ разныхъ непорядковъ и злоупотребленій чиновниковъ, а также наставленія о томъ, какъ устранить эти бѣдствія. [1]) У Бернауера въ этомъ мѣстѣ переведено такъ: «Es hatte einen ungläubigen König», что, должно быть, произошло отъ варіанта въ самомъ турецкомъ оригиналѣ. [2]). Т. е. ханы Крымскіе.

номъ [1]). Когда понадобится давать открывшуюся вакансію (хана), то извольте говорить такъ: „Ты воспитанъ моими щедротами; я тебѣ даю ханство и посмотрю, каковъ-то ты. Ты долженъ душою и тѣломъ стараться подъ моимъ августѣйшимъ покровительствомъ. Я ожидаю услугъ отъ тебя". Затѣмъ, повелѣвъ надѣть ему соболью шубу и подпоясать разукрашенную саблю, пожалуйте ему украшенный (драгоцѣнными каменьями) сюргучъ [2]) и присовокупите такое предостереженіе: „Поступай согласно моему удовольствію и берегись моего проклятія [3]). У меня много благосклонности къ тебѣ, такъ ты будь правдивъ".—Державный государь мой! Безъ крайней необходимости не слѣдуетъ смѣнять ихъ [4]): Пребывалище ихъ есть Крымъ, пустынная область, сосѣдняя съ невѣрными урусами, московами и ляхами" [5]).

Съ большими подробностями изображаетъ властительскія прерогативы Крымскихъ хановъ и ихъ отношенія къ султанскому правительству Гезаръ-Феннъ, спеціально зани-

---

[1]) Это мѣсто надо понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы преклоненіе предъ султаномъ во время праздничнаго выхода представляло ханычамъ случай конкуррировать другъ съ другомъ въ раболѣпствѣ съ цѣлью выигрыша шансовъ на полученіе ханскаго званія. Вѣрнѣе видѣть здѣсь простое указаніе на придворный этикетъ, въ силу котораго кандидату на ханство во время праздничныхъ церемоній отводилось первое мѣсто въ ряду прочихъ татарскихъ царевичей. Иначе всякій разъ для назначенія хана приходилось бы ожидать байрама, сопровождавшагося торжественнымъ выходомъ султана. Между тѣмъ участіе татарскихъ царевичей въ праздничныхъ церемоніяхъ при султанскомъ дворѣ не считается въ церемоніальныхъ уставахъ безусловно обязательнымъ: если кто-нибудь изъ нихъ случайно находился при дворѣ во время праздника, то и его вносили въ росписаніе церемоніала (Тарихи Аъта, Констант. изд. 1875—1876 г., I: 223). Существованіе подобнаго мѣстничества на байрамныхъ выходахъ однажды дало поводъ къ крупному скандалу, поднятому однимъ изъ татарскихъ царевичей, который считалъ для себя обиднымъ стать ниже другого своего родственника въ церемоніальной очереди (Семь планетъ, стр. 134, Кр. Ист., л. 52 г.). [2]) Такъ называется головное украшеніе похожее на султаны военныхъ киверовъ и касокъ. [3]) Бернауеръ же переводитъ: «Hüte dich Mir Böses zu wünschen»! [4]) Т. е. хановъ. [5]) Рукоп. Учеб. Отд. М. И. Д., № 361, л. 30—31 г.; ZDMG., XVIII: 723—724.

навшійся [illegible] [illegible]ѣйшими по части государ[illegible] наго ус[illegible] [illegible] [illegible]й имперія и [illegible] [illegible] таты [illegible] [illegible]ъ [illegible]кэій въ сжетъ [illegible] у насъ [illegible] сочиненія подъ заглавіемъ [illegible]ليان ق قوانين آل عثمان въ которомъ находится слѣдующая статья, [illegible] ключительно изложенію основныхъ пунктовъ государствен[illegible] го строя Крымскаго ханства. „*Глава седьмая:* [illegible] *овъ ханов Крымскихъ.* [illegible] *овъ высочайшаго* [illegible] *и* [illegible] *овъ предупредительныхъ.* Крымскіе ханы, будучи изъ р[illegible] Чингизъ-хановa и изъ царей мусульманскихъ, господь [illegible] и монеты, подчиняются и повинуются династіи Осман[illegible] Отрѣшеніе, назначеніе и смѣна ихъ обычно производит[illegible] стороны высочайшаго султаната. Но въ грамотахъ и въ др[illegible] гихъ случаяхъ, ради почтенія и уваженія ихъ къ свое[illegible] падишаху, имъ отдаютъ преимущество предъ прочими гос[illegible] дарями. Всѣ ханичи занимаютъ мѣста выше везирей; а в[illegible] праздникахъ они первые подходятъ къ цѣлованію руки. Ра[illegible] сказываютъ, что когда въ Валашскомъ походѣ Гази-Герей[illegible] ханъ прибылъ затѣмъ, чтобы сопутствовать покойному султа[illegible] Сулейманъ-хану, то румилійскій бейлеръ-бей со всѣми руми[illegible] лійскими беями отправились въ тотъ день приглашать его. Когда онъ подъѣхалъ къ августѣйшей падишаховой палаткѣ, то его ссадилъ верховный везирь, взявъ его подъ мышки. Рядомъ съ золоченнымъ табуретомъ его величества падиша[illegible] ха былъ поставленъ еще другой табуретъ. Къ нему обра[illegible] тились [2]) съ такою рѣчью: „Пожалуйте, ханъ; садитесь, братъ". Ханъ же, соблюдая вѣжливость, не захотѣлъ сѣсть рядом[illegible] съ султаномъ, а сѣлъ, спустивъ свой табуретъ нѣсколько ниже. Потомъ во время Яныкскаго похода, когда, пройд[illegible] черезъ ляхскую страну, (ханъ) прибылъ къ верховному ве[illegible] зирю Синанъ-пашѣ, то верховный везирь со всѣми бейлерь[illegible]

[1]) Стр. XXIII—XXIV. [2]) Т. е. султанъ обратился къ хану.

беями и съ безчисленнымъ войскомъ вышелъ къ нему на-встрѣчу, онъ же сидя на конѣ, подалъ руку, чтобы поздороваться. По прiѣздѣ онъ остановился въ палаткѣ главнокомандующаго, нѣсколько времени сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ и даже кушалъ поданныя яства. Но умные люди замѣтили, что ханъ какъ будто остался недоволенъ поведенiемъ главнокомандующаго, а особливо нашли неприличнымъ, что онъ самъ предсѣдательствовалъ, а хана посадилъ по правую сторону, „потому что“, какъ говорили, „вѣдь они уже четыреста лѣтъ ханы, господа хутбэ и монеты [1]): ввести (хана) въ свою палатку значило унизить (его)до степени бейлеръ-бея“. Да сколько было разныхъ толковъ! напримѣръ: „Слѣдовало бы“, говорили, „въ своемъ конакѣ разбить другiя палатки да и задать царскiя пирушки“; такъ что однимъ изъ признаковъ такого поведенiя его присутствiе ханъ счолъ то, что, не обращая вниманiя на него, повели рѣчь съ румилiйскимъ бейлеръ-беемъ Хасанъ-пашою. Когда во времена Ибрагимъ-паши (ханъ) прибылъ въ Уйварскую кампанiю [2]), то всякiй разъ какъ онъ бывало-прибудетъ въ то мѣсто, гдѣ находился Ибрагимъ-паша, этотъ возьметъ его подъ мышки и ссадитъ съ лошади; а когда онъ отправляется, то опять возьметъ подъ мышки и посадитъ на лошадь. Въ нашемъ же вѣкѣ эти церемонiи отложены въ сторону. Въ 1040=1630 году къ адмиралу Хасанъ-пашѣ въ Кылбурунѣ прiѣхалъ Джаны-бекъ-Герай-ханъ. При встрѣчѣ онъ такъ низко поклонился, что ужь не поцѣловалъ руки, а дошолъ до поцѣлованiя полы; а когда зашла рѣчь

---

[1]) Описываемый тутъ фактъ имѣлъ мѣсто въ 1002=1594 году, слѣдовательно возведенiе древности рода Крымскихъ хановъ къ XII вѣку оказывается преувеличеннымъ даже и въ томъ случаѣ, если родоначальникомъ ихъ очитать Чингизъ-хана. Тутъ или была намѣренная гипербола у самого Гезаръ-Фенна, или же ошибка писавшаго нашъ экземпляръ его сочиненiя.—[2]) Такъ называется тутъ венгерскiй походъ 1605 года, когда между прочимъ взята была крѣпость Нейгэузель—у турковъ اويوار (Hammer, Gesch. d. Osm. R., IV: 374—375).

мавшійся архивными изслѣдованіями по части государственнаго устройства Отоманской имперіи и изложившій результаты своихъ изысканій въ своемъ упомянутомъ у насъ выше [1]) сочиненіи подъ заглавіемъ تلخيص البيان فى قوانين آل عثمان, въ которомъ находится слѣдующая статья, посвященная исключительно изложенію основныхъ пунктовъ государственнаго строя Крымскаго ханства. „*Глава седьмая: изъясненіе уставовъ хановъ Крымскихъ, уставовъ высочайшаго похода и уставовъ правительственныхъ.* Крымскіе ханы, будучи изъ рода Чингизъ-ханова и изъ царей мусульманскихъ, господъ хутбэ и монеты, подчиняются и повинуются династіи Османской. Отрѣшеніе, назначеніе и смѣна ихъ обычно производятся со стороны высочайшаго султаната. Но въ грамотахъ и въ другихъ случаяхъ, ради почтенія и уваженія ихъ къ своему падишаху, имъ отдаютъ преимущество предъ прочими государями. Всѣ ханычи занимаютъ мѣста выше везирей; а на праздникахъ они первые подходятъ къ цѣлованію руки. Разсказываютъ, что когда въ Валашскомъ походѣ Гази-Герай-ханъ прибылъ затѣмъ, чтобы сопутствовать покойному султану Сулейманъ-хану, то румилійскій бейлеръ-бей со всѣми румилійскими беями отправились въ тотъ день приглашать его. Когда онъ подъѣхалъ къ августѣйшей падишаховой палаткѣ, то его ссадилъ верховный везирь, взявъ его подъ мышки. Рядомъ съ золоченнымъ табуретомъ его величества падишаха былъ поставленъ еще другой табуретъ. Къ нему обратились [2]) съ такою рѣчью: „Пожалуйте, ханъ; садитесь, братъ“. Ханъ же, соблюдая вѣжливость, не захотѣлъ сѣсть рядомъ съ султаномъ, а сѣлъ, спустивъ свой табуретъ нѣсколько ниже. Потомъ во время Яныкскаго похода, когда, пройдя черезъ ляхскую страну, (ханъ) прибылъ къ верховному везирю Синанъ-пашѣ, то верховный везирь со всѣми бейлеръ-

---

[1]) Стр. XXIII—XXIV. [2]) Т. е. султанъ обратился къ хану.

беями и съ безчисленнымъ войскомъ вышелъ къ нему навстрѣчу, онъ же сидя на конѣ, подалъ руку, чтобы поздороваться. По пріѣздѣ онъ остановился въ палаткѣ главнокомандующаго, нѣсколько времени сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ и даже кушалъ поданныя яства. Но умные люди замѣтили, что ханъ какъ будто остался недоволенъ поведеніемъ главнокомандующаго, а особливо нашли неприличнымъ, что онъ самъ предсѣдательствовалъ, а хана посадилъ по правую сторону, „потому что“, какъ говорили, „вѣдь они уже четыреста лѣтъ ханы, господа хутбэ и монеты [1]): ввести (хана) въ свою палатку значило унизить (его)до степени бейлеръ-бея“. Да сколько было разныхъ толковъ! напримѣръ: „Слѣдовало бы“, говорили, „въ своемъ конакѣ разбить другія палатки да и задать царскія пирушки“; такъ что однимъ изъ признаковъ такого поведенія его присутствіе ханъ счолъ то, что, не обращая вниманія на него, повели рѣчь съ румилійскимъ бейлеръ-беемъ Хасанъ-пашою. Когда во времена Ибрагимъ-паши (ханъ) прибылъ въ Уйварскую кампанію [2]), то всякій разъ какъ онъ бывало-прибудетъ въ то мѣсто, гдѣ находился Ибрагимъ-паша, этотъ возьметъ его подъ мышки и ссадитъ съ лошади; а когда онъ отправляется, то опять возьметъ подъ мышки и посадитъ на лошадь. Въ нашемъ же вѣкѣ эти церемоніи отложены въ сторону. Въ 1040=1630 году къ адмиралу Хасанъ-пашѣ въ Кылбурунѣ пріѣхалъ Джаны-бекъ-Герай-ханъ. При встрѣчѣ онъ такъ низко поклонился, что ужь не поцѣловалъ руки, а дошолъ до поцѣлованія полы; а когда зашла рѣчь

---

[1]) Описываемый тутъ фактъ имѣлъ мѣсто въ 1002=1594 году, слѣдовательно возведеніе древности рода Крымскихъ хановъ къ XII вѣку оказывается преувеличеннымъ даже и въ томъ случаѣ, если родоначальникомъ ихъ считать Чингизъ-хана. Тутъ или была намѣренная гипербола у самого Гезаръ-Фенна, или же ошибка писавшаго нашъ экземпляръ его сочиненія.—[2]) Такъ называется тутъ венгерскій походъ 1605 года, когда между прочимъ взята была крѣпость Нейгэузель—у турковъ اویوار (Hammer, Gesch. d. Osm. R., IV: 374—375).

лы-Герай) благополучно и съ почестями отправился въ предѣлы Крыма" [1]). Вслѣдъ затѣмъ однако же историкъ оговаривается, что „упомянутый договоръ съ теченіемъ времени забытъ народомъ, но извѣстенъ у высокопочтенныхъ падишаховъ" [2]).

Изъ доступныхъ намъ турецкихъ источниковъ вышеозначенный договоръ встрѣчается еще въ одномъ краткомъ біографическомъ реестрѣ Крымскихъ хановъ, переведенномъ на французскій языкъ г. Казимирскимъ сообща съ г. Жоберомъ подъ заглавіемъ „Précis de l'histoire des khans de la Crimée etc." [3]). Рукописный экземпляръ этого очерка, безъ заглавія и безъ даты, имѣется въ библіотекѣ Учеб. Отд. М. И. Д. подъ № 368 и представляетъ тонкую тетрадку въ 17 листовъ in-4, исписанную почеркомъ настаъликъ по 21 строкѣ на страницѣ. Очеркъ этотъ вовсе не есть извлеченіе изъ „Семи планетъ" Мухаммедъ-Ризы, какъ то думаетъ г. Жоберъ [4]), а нехитрая компиляція какого-то позднѣйшаго автора, ибо онъ заканчивается замѣткою о Шагинъ-Гераѣ, что „онъ, ставши ханомъ въ 1161 = 1777 году, по прошествіи семи лѣтъ сказалъ: „я отрѣшаюсь добровольно"— عزلت بنفسى — и отправился въ Таманскую сторону" [5]). Но въ этой турецкой брошюркѣ текстъ означеннаго договора имѣетъ не ту редакцію, въ какой онъ является у европейскихъ писателей: онъ состоитъ всего изъ четырехъ пунктовъ, изъ коихъ три первые скорѣе напоминаютъ своимъ составомъ условія, приводимыя Мухаммедъ-Гераемъ, нежели Пейсонелемъ, а четвертый имѣетъ совершенно особую форму; пункты эти слѣдующіе.

1) Никто изъ насъ не долженъ творить убійства, если бы даже, въ противность закону, и выступилъ одинъ противъ другого.

---

[1]) Тарихи Мухаммедъ-Герай, Вѣнскій кодексъ, л. 103—104. [2]) Ibidem. [3]) Journ. As. T. XII: pp. 349—380 & 428—458. [4]) Loco cit., p. 349. [5]) Рукопись Учеб. Отд., стр. 34.

2) Оказывая во всѣхъ дѣлахъ другъ другу помощь, мы будемъ мстить врагамъ нашимъ.

3) Имѣющіе быть послѣ тебя (т. е. Менглы-Герая) ханы будутъ присягать мнѣ и тѣмъ, кто будетъ послѣ меня; отрѣшеніе и назначеніе (хановъ) пусть принадлежитъ падишаху османскому.

4) Назначеніе кадіевъ для народа, находящагося въ Кафѣ, Манкупѣ и въ ихъ окрестностяхъ, ровно какъ и взиманіе десятины тоже принадлежитъ османцамъ: Крымскіе же ханы не должны въ это вмѣшиваться; падишахъ же османскій не касается права хана чеканить свою монету [1]).

Такое разногласіе источниковъ относительно состава и формы договора между султаномъ Мухаммедомъ II и ханомъ Менглы-Гераемъ еще болѣе утверждаетъ въ насъ убѣжденіе, что преданіе объ этомъ договорѣ принадлежитъ къ области вымысловъ, мѣсто и время происхожденія которыхъ обыкновенно трудно бываетъ выслѣдить и указать съ точностью. Простая инструкція, которая, вѣрнѣе, была дана султаномъ Мухаммедомъ II Менглы-Гераю, какъ его подручному, и постоянно повторялась въ стереотипной формѣ впослѣдствіи всякій разъ при назначеніи и отправленіи въ Крымъ каждаго новаго хана, превращена, должно быть національною гордостью потомковъ Менглы-Герая, въ какой-то небывалый договоръ, имѣющій видъ международнаго трактата. Но добросовѣстные бытописатели даже татарскаго происхожденія, какъ Мухаммедъ-Грай, и тѣ, мы видѣли, принуждены сознаться въ несуществованіи подобнаго договора, хотя это сознаніе облекается у нихъ въ такую нѣсколько деликатную форму— что, молъ, этотъ договоръ современемъ пришолъ въ забвеніе у народа, хотя и извѣстенъ самимъ падишахамъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что договоръ этотъ, кажется, не былъ извѣстенъ и падишахамъ, или онъ также постепенно

---

[1]) Рукоп., стр. 2; Journ. As., p. 351—352.

забытъ и ими. Первый пунктъ договора скорѣе похожъ на любезное увѣщаніе или совѣтъ одного государя другому, находящемуся съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ: въ немъ не содержится никакого категорически выраженнаго обязательства со стороны хана къ султану. Что же касается до порядка поминанія именъ султана и хана на хутбѣ, то вышеприведенному условію противорѣчитъ сообщаемый крымскими историками фактъ, что первенство имени султана на хутбѣ добровольно установлено только Исламъ-Гераемъ II (1584—1588) вслѣдствіе его раболѣпства и легкомысленной трусости, [1]). Затѣмъ въ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ султанскихъ бератахъ (грамотахъ), которыми вновь санкціонировалось назначеніе въ ханы или только подтверждалось признаніе извѣстнаго лица въ его ханскомъ достоинствѣ новымъ турецкимъ султаномъ, не встрѣчается ни одной ссылки на какой-либо прежній договоръ или какой-нибудь иной актъ офиціальнаго значенія, какъ на основаніе правъ султана въ дѣлѣ назначенія или отрѣшенія Крымскихъ хановъ: такими основаніями выставляются или личное расположеніе и довѣріе султана къ вѣрности и преданности хана интересамъ Высокой Порты или же благоволеніе и признательность перваго за доказанную ревность и услуги послѣдняго, какъ это, напримѣръ, видимъ въ бератѣ на имя хана Джаны-бекъ-Герая II, данномъ въ концѣ рамазана 1037 года = въ маѣ 1628 г. [2]), или въ султанскомъ приказѣ крымскимъ вельможамъ, изданномъ по случаю утвержденія того же Джаныбекъ-Герая въ ханскомъ достоинствѣ [3]), и въ другомъ подобномъ же высочайшемъ повелѣніи [4]).

---

[1]) Гюльбуни хананъ, стр. 27; Ассебъу-с-сейяръ, стр. 107. [2]) Муншіъати Салатинъ. т. II: стр. 131—132. [3]) Ibidem, стр. 142—144. [4]) Ibid., стр. 145. Въ этомъ послѣднемъ актѣ стоитъ ошибочная дата 1051 = 1641 годъ: въ это время ханомъ былъ Мухаммедъ-Герай IV, третій уже послѣ Джаны-бекъ-Герая. Причиною такого анахронизма могла быть просто неясность начертанія въ самомъ архивномъ оригиналѣ, бывшемъ въ рукахъ Феридунъ-бея, какъ это видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ

Довольно убѣдительнымъ доказательствомъ несуществованія этого договора могутъ служить еще неоднократные противные духу и смыслу статей договора поступки турецкихъ султановъ относительно Крымскихъ хановъ, до преданія смерти одного изъ нихъ, именно Инайетъ-Герая I, казненнаго по повелѣнію султана Мюрада IV [1]), включительно, никогда однако же не опротестованные никѣмъ, даже историками, которымъ тутъ представлялся самый удобный случай напомнить объ актѣ государственной важности, если бы таковой существовалъ когда-нибудь въ дѣйствительности.

Немаловажнымъ аргументомъ противъ существованія какого-либо договорнаго акта между турецкимъ султаномъ и Крымскимъ ханомъ, по нашему мнѣнію, является также умолчаніе объ этомъ актѣ въ сочиненіяхъ османскихъ писателей, спеціально трактовавшихъ о взаимныхъ отношеніяхъ между обоими властителями. Особеннаго вниманія заслуживаютъ два такихъ сочиненія.

Одно изъ нихъ неизвѣстнаго автора, по всѣмъ признакамъ — какого-нибудь везиря, представленное въ 1050 = 1640 году султану Ибрагиму I (1640—1648) [2]). Въ статьѣ десятой этого сочиненія между прочимъ рѣчь идетъ и о татаръ-ханахъ, т. е. о ханахъ Крымскихъ. Авторъ начинаетъ издалека: говоритъ о происхожденіи татаръ, о Тимурѣ, котораго онъ какъ будто бы считаетъ ближайшимъ

мѣстахъ составитель сборника, не разобравъ собственнаго имени, поставилъ на мѣстѣ его мѣстоименіе «такой-то» — فلان, напр. на стр. 134, 11 стр. сверху, или на стр. 147, 1 строка снизу. [1]) Гюльбуни ханань, стр. 50. [2]) Оно не имѣетъ постояннаго заглавія: напримѣръ, кодексъ, съ котораго сдѣланъ нѣмецкій переводъ г. Бернауеромъ, носитъ заглавіе نصيحتنامه = «Книга совѣтовъ» (ZDMD, XVIII: 699—740). Въ рукописи Учебнаго Отд. М-ва Ин. Д. (№ 361), на заглавномъ листѣ находятся двѣ замѣтки равносильныя титулу книги: одна состоитъ изъ словъ نصيحت الملوك = «Совѣтъ царямъ»; а въ другой говорится: مرحوم و مغفور له سلطان ابراهيم سعادتيله تختة كچدقده اشبو قانون نامه يي ويرديلر = «Когда покойный и всепрощенный султанъ Ибрагимъ благополучно вос-

предкомъ Крымскихъ хановъ; потомъ дѣлаетъ характеристику самыхъ хановъ и въ заключеніе даетъ султану наставленіе о томъ, какъ ему слѣдуетъ держать себя съ татарскими ханами и царевичами на аудіенціяхъ. Вотъ что говорится въ этой статьѣ. „Всевышній Господь да сохранитъ благородную особу всещедраго и благополучнаго моего падишаха отъ заблужденій и да содѣлаетъ его твердымъ на султанскомъ тронѣ! Державный государь мой! Тотъ, кого именуютъ Тимуромъ, татаринъ. За предѣлами Персіи есть татарское племя, называемое узбеками, изъ нихъ-то и происходитъ тотъ злосчастный хромецъ, котораго зовутъ Тимуремъ. Онъ изъ потомковъ Чингизъ-хана. Татарскіе ханы, которые нынѣ принадлежатъ къ слугамъ моего государя, тоже изъ потомковъ Чингизъ-хана. Есть царство, которое зовется Хатай и Хутанъ. Если теперь бы понадобилось отсюда поѣхать туда, то только черезъ два года доѣдешь. Тимуръ былъ гяурскій падишахъ [1]). Одолѣвъ падишаховъ исламскихъ, онъ отнялъ у нихъ (ихъ владѣнія). Впослѣдствіи дѣти его стали мусульманами. Эти ханы [2]) изъ того рода. А въ татарскомъ народѣ правды нѣтъ; значитъ, это не такой народъ, чтобы изъ него много вышло добраго. Когда ханъ умираетъ, и его мѣсто остается вакантнымъ, то ханычи отправляются къ вашему Счастливому Порогу, и кто изъ нихъ первый на благословенномъ байрамѣ бьетъ челомъ передъ вашимъ августѣйшимъ стременемъ, тотъ и долженъ быть ха-

---

шолъ на престолъ, то даровалъ этотъ уставъ». Вѣроятно, на основаніи уже этой замѣтки на чистой страницѣ начальнаго листа написано карандашомъ заглавіе: قانون نامهء سلطان ابراهيم — «Уставъ султана Ибрагима». Сочиненіе это содержитъ въ себѣ изображеніе разныхъ внутреннихъ неустройствъ въ государствѣ и бѣдствій, претерпѣвавшихся народонаселеніемъ Отоманской имперіи отъ разныхъ непорядковъ и злоупотребленій чиновниковъ, а также наставленія о томъ, какъ устранить эти бѣдствія. [1]) У Бернауера въ этомъ мѣстѣ переведено такъ: «Es hatte einen ungläubigen König», что, должно быть, произошло отъ варіанта въ самомъ турецкомъ оригиналѣ. [2]). Т. е. ханы Крымскіе.

номъ [1]). Когда понадобится давать открывшуюся вакансію (хана), то извольте говорить такъ: „Ты воспитанъ моими щедротами; я тебѣ даю ханство и посмотрю, каковъ-то ты. Ты долженъ душою и тѣломъ стараться подъ моимъ августѣйшимъ покровительствомъ. Я ожидаю услугъ отъ тебя“. Затѣмъ, повелѣвъ надѣть ему соболью шубу и подпоясать разукрашенную саблю, пожалуйте ему украшенный (драгоцѣнными каменьями) сюргучъ [2]) и присовокупите такое предостереженіе: „Поступай согласно моему удовольствію и берегись моего проклятія [3]). У меня много благосклонности къ тебѣ, такъ ты будь правдивъ“.—Державный государь мой! Безъ крайней необходимости не слѣдуетъ смѣнять ихъ [4]): Пребывалище ихъ есть Крымъ, пустынная область, сосѣдняя съ невѣрными урусами, московами и ляхами“ [5]).

Съ большими подробностями изображаетъ властительскія прерогативы Крымскихъ хановъ и ихъ отношенія къ султанскому правительству Гезаръ-Феннъ, спеціально зани-

---

[1]) Это мѣсто надо понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы преклоненіе предъ султаномъ во время праздничнаго выхода представляло ханычамъ случай конкуррировать другъ съ другомъ въ раболѣпствѣ съ цѣлью выигрыша шансовъ на полученіе ханскаго званія. Вѣрнѣе видѣть здѣсь простое указаніе на придворный этикетъ, въ силу котораго кандидату на ханство во время праздничныхъ церемоній отводилось первое мѣсто въ ряду прочихъ татарскихъ царевичей. Иначе всякій разъ для назначенія хана приходилось бы ожидать байрама, сопровождавшагося торжественнымъ выходомъ султана. Между тѣмъ участіе татарскихъ царевичей въ праздничныхъ церемоніяхъ при султанскомъ дворѣ не считается въ церемоніальныхъ уставахъ безусловно обязательнымъ: если кто-нибудь изъ нихъ случайно находился при дворѣ во время праздника, то и его вносили въ росписаніе церемоніала (Тарихи Аъта, Констант изд. 1875—1876 г., I: 223). Существованіе подобнаго мѣстничества на байрамныхъ выходахъ однажды дало поводъ къ крупному скандалу, поднятому однимъ изъ татарскихъ царевичей, который считалъ для себя обиднымъ стать ниже другого своего родственника въ церемоніальной очереди (Семь планетъ, стр. 134, Кр. Ист., л. 52 г.). [2]) Такъ называется головное украшеніе похожее на султаны военныхъ киверовъ и касокъ. [3]) Бернауеръ же переводитъ: «Hüte dich Mir Böses zu wünschen»! [4]) Т. е. хановъ. [5]) Рукоп. Учеб. Отд. М. И. Д., № 361, л. 30—31 г.; ZDMG., XVIII: 723—724.

мавшійся архивными изслѣдованіями по части государственнаго устройства Отоманской имперіи и изложившій результаты своихъ изысканій въ своемъ упомянутомъ у насъ выше [1]) сочиненіи подъ заглавіемъ تلخيص البيان فى قوانين آل عثمان, въ которомъ находится слѣдующая статья, посвященная исключительно изложенію основныхъ пунктовъ государственнаго строя Крымскаго ханства. „*Глава седьмая: изъясненіе уставовъ хановъ Крымскихъ, уставовъ высочайшаго похода и уставовъ правительственныхъ.* Крымскіе ханы, будучи изъ рода Чингизъ-ханова и изъ царей мусульманскихъ, господъ хутбы и монеты, подчиняются и повинуются династіи Османской. Отрѣшеніе, назначеніе и смѣна ихъ обычно производятся со стороны высочайшаго султаната. Но въ грамотахъ и въ другихъ случаяхъ, ради почтенія и уваженія ихъ къ своему падишаху, имъ отдаютъ преимущество предъ прочими государями. Всѣ ханычи занимаютъ мѣста выше везирей; а на праздникахъ они первые подходятъ къ цѣлованію руки. Разсказываютъ, что когда въ Валашскомъ походѣ Гази-Герай-ханъ прибылъ затѣмъ, чтобы сопутствовать покойному султану Сулейманъ-хану, то румилійскій бейлеръ-бей со всѣми румилійскими беями отправились въ тотъ день приглашать его. Когда онъ подъѣхалъ къ августѣйшей падишаховой палаткѣ, то его ссадилъ верховный везирь, взявъ его подъ мышки. Рядомъ съ золоченнымъ табуретомъ его величества падишаха былъ поставленъ еще другой табуретъ. Къ нему обратились [2]) съ такою рѣчью: „Пожалуйте, ханъ; садитесь, братъ". Ханъ же, соблюдая вѣжливость, не захотѣлъ сѣсть рядомъ съ султаномъ, а сѣлъ, спустивъ свой табуретъ нѣсколько ниже. Потомъ во время Яныкскаго похода, когда, пройдя черезъ ляхскую страну, (ханъ) прибылъ къ верховному везирю Синанъ-пашѣ, то верховный везирь со всѣми бейлеръ-

---

[1]) Стр. XXIII—XXIV. [2]) Т. е. султанъ обратился къ хану.

беями и съ безчисленнымъ войскомъ вышелъ къ нему навстрѣчу, онъ же сидя на конѣ, подалъ руку, чтобы поздороваться. По пріѣздѣ онъ остановился въ палаткѣ главнокомандующаго, нѣсколько времени сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ и даже кушалъ поданныя яства. Но умные люди замѣтили, что ханъ какъ будто остался недоволенъ поведеніемъ главнокомандующаго, а особливо нашли неприличнымъ, что онъ самъ предсѣдательствовалъ, а хана посадилъ по правую сторону, „потому что", какъ говорили, „вѣдь они уже четыреста лѣтъ ханы, господа хутбэ и монеты [1]): ввести (хана) въ свою палатку значило унизить (его)до степени бейлеръ-бея". Да сколько было разныхъ толковъ! напримѣръ: „Слѣдовало бы", говорили, „въ своемъ конакѣ разбить другія палатки да и задать царскія пирушки"; такъ что однимъ изъ признаковъ такого поведенія его присутствіе ханъ счолъ то, что, не обращая вниманія на него, повели рѣчь съ румилійскимъ бейлеръ-беемъ Хасанъ-пашою. Когда во времена Ибрагимъ-паши (ханъ) прибылъ въ Уйварскую кампанію [2]), то всякій разъ какъ онъ бывало-прибудетъ въ то мѣсто, гдѣ находился Ибрагимъ-паша, этотъ возьметъ его подъ мышки и ссадитъ съ лошади; а когда онъ отправляется, то опять возьметъ подъ мышки и посадитъ на лошадь. Въ нашемъ же вѣкѣ эти церемоніи отложены въ сторону. Въ 1040—1630 году къ адмиралу Хасанъ-пашѣ въ Кылбурунѣ пріѣхалъ Джаны-бекъ-Герай-ханъ. При встрѣчѣ онъ такъ низко поклонился, что ужь не поцѣловалъ руки, а дошолъ до поцѣлованія полы; а когда зашла рѣчь

---

[1]) Описываемый тутъ фактъ имѣлъ мѣсто въ 1002—1594 году, слѣдовательно возведеніе древности рода Крымскихъ хановъ къ XII вѣку оказывается преувеличеннымъ даже и въ томъ случаѣ, если родоначальникомъ ихъ очитать Чингизъ-хана. Тутъ или была намѣренная гипербола у самого Гезаръ-Фенна, или же ошибка писавшаго нашъ экземпляръ его сочиненія.—[2]) Такъ называется тутъ венгерскій походъ 1605 года, когда между прочимъ взята была крѣпость Нейгэузель—у турковъ اویوار (Hammer, Gesch. d. Osm. R., IV: 374—375).

мавшійся архивными изслѣдованіями по части государственнаго устройства Отоманской имперіи и изложившій результаты своихъ изысканій въ своемъ упомянутомъ у насъ выше [1]) сочиненіи подъ заглавіемъ تلخيص البيان فى قوانين آل عثمان, въ которомъ находится слѣдующая статья, посвященная исключительно изложенію основныхъ пунктовъ государственнаго строя Крымскаго ханства. „*Глава седьмая: изъясненіе уставовъ хановъ Крымскихъ, уставовъ высочайшаго похода и уставовъ правительственныхъ.* Крымскіе ханы, будучи изъ рода Чингизъ-ханова и изъ царей мусульманскихъ, господъ хутбэ и монеты, подчиняются и повинуются династіи Османской. Отрѣшеніе, назначеніе и смѣна ихъ обычно производятся со стороны высочайшаго султаната. Но въ грамотахъ и въ другихъ случаяхъ, ради почтенія и уваженія ихъ къ своему падишаху, имъ отдаютъ преимущество предъ прочими государями. Всѣ ханычи занимаютъ мѣста выше везирей; а на праздникахъ они первые подходятъ къ цѣлованію руки. Разсказываютъ, что когда въ Валашскомъ походѣ Гази-Герай-ханъ прибылъ затѣмъ, чтобы сопутствовать покойному султану Сулейманъ-хану, то румилійскій бейлеръ-бей со всѣми румилійскими беями отправились въ тотъ день приглашать его. Когда онъ подъѣхалъ къ августѣйшей падишаховой палаткѣ, то его ссадилъ верховный везирь, взявъ его подъ мышки. Рядомъ съ золоченнымъ табуретомъ его величества падишаха былъ поставленъ еще другой табуретъ. Къ нему обратились [2]) съ такою рѣчью: „Пожалуйте, ханъ; садитесь, братъ". Ханъ же, соблюдая вѣжливость, не захотѣлъ сѣсть рядомъ съ султаномъ, а сѣлъ, спустивъ свой табуретъ нѣсколько ниже. Потомъ во время Яныкскаго похода, когда, пройдя черезъ ляхскую страну, (ханъ) прибылъ къ верхновному везирю Синанъ-пашѣ, то верховный везирь со всѣми бейлеръ-

[1]) Стр. XXIII—XXIV. [2]) Т. е. султанъ обратился къ хану.

беями и съ безчисленнымъ войскомъ вышелъ къ нему навстрѣчу, онъ же сидя на конѣ, подалъ руку, чтобы поздороваться. По пріѣздѣ онъ остановился въ палаткѣ главнокомандующаго, нѣсколько времени сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ и даже кушалъ поданныя яства. Но умные люди замѣтили, что ханъ какъ будто остался недоволенъ поведеніемъ главнокомандующаго, а особливо нашли неприличнымъ, что онъ самъ предсѣдательствовалъ, а хана посадилъ по правую сторону, „потому что", какъ говорили, „вѣдь они уже четыреста лѣтъ ханы, господа хутбэ и монеты [1]): ввести (хана) въ свою палатку значило унизить (его)до степени бейлеръ-бея". Да сколько было разныхъ толковъ! напримѣръ: „Слѣдовало бы", говорили, „въ своемъ конакѣ разбить другія палатки да и задать царскія пирушки"; такъ что однимъ изъ признаковъ такого поведенія его присутствіе ханъ счолъ то, что, не обращая вниманія на него, повели рѣчь съ румилійскимъ бейлеръ-беемъ Хасанъ-пашою. Когда во времена Ибрагимъ-паши (ханъ) прибылъ въ Уйварскую кампанію [2]), то всякій разъ какъ онъ бывало-прибудетъ въ то мѣсто, гдѣ находился Ибрагимъ-паша, этотъ возьметъ его подъ мышки и ссадитъ съ лошади; а когда онъ отправляется, то опять возьметъ подъ мышки и посадитъ на лошадь. Въ нашемъ же вѣкѣ эти церемоніи отложены въ сторону. Въ 1040=1630 году къ адмиралу Хасанъ-пашѣ въ Кылбурунѣ пріѣхалъ Джаны-бекъ-Герай-ханъ. При встрѣчѣ онъ такъ низко поклонился, что ужь не поцѣловалъ руки, а дошолъ до поцѣлованія полы; а когда зашла рѣчь

---

[1]) Описываемый тутъ фактъ имѣлъ мѣсто въ 1002—1594 году, слѣдовательно возведеніе древности рода Крымскихъ хановъ къ XII вѣку оказывается преувеличеннымъ даже и въ томъ случаѣ, если родоначальникомъ ихъ считать Чингизъ-хана. Тутъ или была намѣренная гипербола у самого Гезаръ-Фенна, или же ошибка писавшаго нашъ экземпляръ его сочиненія.—[2]) Такъ называется тутъ венгерскій походъ 1605 года, когда между прочимъ взята была крѣпость Нёйгэузель—у турковъ اويوار (Hammer, Gesch. d. Osm. R., IV: 374—375).

объ обращеніи Ибрагимъ-паши съ Гази-Гераемъ, то паша сказалъ: „Этотъ нашъ особенный любимецъ—и до такой степени отсталъ теперь отъ почтительности!“ [1]).

Гезаръ-Фенну, прослѣдившему видоизмѣненія отношеній султана и турецкихъ сановниковъ къ Крымскимъ ханамъ въ отдѣльныхъ историческихъ случаяхъ, насколько эти отношенія выражались во внѣшнихъ формальностяхъ официальнаго этикета, былъ прямой поводъ коснуться и документальныхъ фактовъ, служившихъ основаніемъ къ опредѣленію этихъ отношеній. Ему это было тѣмъ сподручнѣе, что онъ могъ извлечь эти факты изъ тѣхъ же архивныхъ источниковъ, изъ которыхъ онъ беретъ свѣдѣнія касательно другихъ статей внутренняго государственнаго устройства Отоманской Порты и излагаетъ ихъ довольно подробно, приводя нѣкоторыя данныя, повидимому, въ ихъ подлинномъ видѣ. Но такъ какъ онъ этого не дѣлаетъ, то, значитъ, политическія прерогативы Крымскихъ хановъ и фактическое согласованіе ихъ правительственной дѣятельности съ видами и задачами султанской Порты опредѣлялись обстоятельствами времени; общія же основанія, на которыхъ покоились эти взаимныя отношенія ханства и Порты, держались обычно, хранившимся съ обѣихъ сторонъ преданіемъ.

Изъ того, что есть принципіальнаго въ приведенныхъ статьяхъ изъ „Насихатъ-намэ“ и изъ сочиненія Гезаръ-Фенна, можно вывести лишь одно—что ханская власть въ Крыму представляется только какъ бы отраженіемъ власти турецкаго султана, только временнымъ порученіемъ, продолжительность котораго зависѣла отъ степени благоволенія и довѣрія старшаго къ своему подручнику, хотя это благоволеніе и довѣріе обусловливались ревностнымъ со стороны хана исполненіемъ обязанностей, сопряженныхъ съ его властнымъ положеніемъ, и вѣрной службой своему патрону. На прак-

[1]) Ркп. Учеб. Отд., № 357, л. 7. recto et verso.

тикѣ же эти основные принципы примѣнялись и осуществлялись такъ или иначе сообразно индивидуальнымъ качествамъ личпостей, носившихъ ханское званіе, а также отчасти и по усмотрѣнію представителей и исполнителей власти султанской, съ которыми ханамъ надо было входить въ непосредственное отношеніе. Расшатанность строгихъ началъ единодержавной законности въ Отоманской Портѣ вслѣдствіе усилившагося до крайности безнравственнаго произвола и интригъ временщиковъ, незримо или даже явно заправлявшихъ во имя того или другого султана, не могли не оказывать своего тлетворнаго вліянія на ходъ и положеніе дѣлъ въ Крымскомъ ханствѣ, съ нѣкоторыми особенностями, которыя были неизбѣжны по требованію мѣстныхъ условій Крыма и примѣнительно къ личному характеру заправлявшихъ его судьбами дѣятелей. При такихъ обстоятельствахъ вся дальнѣйшая политическая исторія Крымскаго ханства со времени утвержденія надъ пимъ верховенства Отоманской Порты складывалась и протекала при постоянномъ дѣйствіи двухъ началъ—мѣстнаго, національно-татарскаго, стремившагося къ полной самостоятельности и самобытности, и внѣшняго, посторонняго, турецко-османскаго, старавшагося съ возможно меньшими для себя хлопотами и затрудненіями сохранить за собою верховенство надъ Крымомъ въ чисто политическихъ видахъ международнаго свойства.

Эта двойственность основъ политическаго быта Крымскаго ханства замѣтна во всемъ—въ территоріальныхъ границахъ дѣйствія двухъ властей, въ совмѣстномъ пользованіи доходными источниками, въ смѣшанной денежной системѣ и т. д., такъ что даже на основаніи документальныхъ памятниковъ иногда трудно разобраться въ этомъ смѣшеніи и съ точностью указать въ иныхъ отрасляхъ государственнаго управленія, гдѣ дѣло ограничивалось исключительно авторитетомъ власти ханской, и гдѣ этотъ авторитетъ опирается еще на другой, высшій авторитетъ власти султанской.

Такая двойственность прежде всего сказывается въ таких формальностяхъ, какъ титулъ властителей и взаимное обращеніе ихъ въ офиціальной перепискѣ. Турецкій султанъ въ международныхъ трактатахъ величаетъ себя, между прочимъ, „падишахомъ Дэшти-Кыпчака“ [1]) или, еще опредѣленнѣе, „падишахомъ татарскихъ странъ—Кафы, Крыма, Дэшти-Кыпчака и Дагестана“ [2]). Въ тонѣ же обращенія въ султанскихъ грамотахъ къ ханамъ замѣчается разница, проистекавшая оттого, при какихъ обстоятельствахъ приходилось Портѣ сноситься съ своимъ татарскимъ вассаломъ. Напримѣръ, султанъ Селимъ I Явузъ писалъ Менглы-Гераю, величая этого послѣдняго такъ: „Его сторона, убѣжище эмирства, источникъ правительства, упроченіе счастія, стяжаніе благоденствія, обладатель владѣній почета и величія, шествователь по стезямъ славы и успѣшности, вспомогаемый разными дарами милостей Господа всещедраго“. Родственное чувство подсказало ему тутъ присовокупить къ имени своего тестя нѣжное названіе „батюшки“—بابام [3]). Въ другой разъ къ вышеозначеннымъ высокопарнымъ эпитетамъ прибавлены слѣдующіе: „Гордость хакановъ Туранскихъ, отличное совершенство дома Иль-ханскаго“ [4]). Султанъ Сулейманъ I, преемникъ Селима I, извѣщая Мухаммедъ-Герая I, сына Менглы-Герая, о своемъ возшествіи на престолъ, а потомъ о завоеваніи Родоса, вставляетъ въ число почтительныхъ обращеній такія выраженія: „Потомокъ султановъ Крымскихъ, хакановъ чингизскихъ“ [5]). Въ концѣ XVI вѣка, когда обнаружилась запутанность во внутреннихъ дѣлахъ Порты, повлекшая за собою колебаніе ея престижа и во внѣшней политикѣ, султанская канцелярія превозноситъ хана Джаны-бека въ такихъ высокопарныхъ выраженіяхъ: „Достохвальный изъ династіи ханской, избранный изъ фамиліи ильханской, на-

---

[1]) Феридунъ-бей, Op. cit., II: 529. [2]) Ibid., 419 и 425. [3]) Ibid., I: 388. [4]) Ibid. I: 410. [5]) Ibid I: 502 и 522.

шего Счастливаго Порога благожелатель, наглядище взоровъ милости Божіей“ [1]). Верхъ канцелярской изысканности въ титулѣ ханскомъ представляетъ грамота, сочиненная Ходжою-эфенди, къ Мухаммедъ-Гераю, котораго приглашали идти на помощь турецкому главнокомандующему въ персидскомъ походѣ; въ ней въ числѣ множества непереводимыхъ на русскій языкъ вычурныхъ эпитетовъ встрѣчаются такія ублаженія: „Первосвѣтъ утра счастія, зрачокъ глаза благополучія... свѣтъ очей надежды факела дома мужей утвержденія, блестящая звѣзда хаканскаго востока, потомокъ хановъ раежителей, радостный исходъ правды и милости высокостепенныхъ хановъ вселенскихъ“ [2]). Тутъ напоминалось и объ искренней взаимной дружбѣ между прежними Крымскими ханами и султанами османскими, и о всегдашней готовности послѣднихъ исполнять всякія желанія первыхъ [3]). Это однако же не помѣшало въ скоромъ времени свергнуть только что превознесеннаго и препрославленнаго хана зато, что онъ не „оказывалъ внутренней привязанности и раболѣпства его величеству падишаху и не служилъ съ полною искренностью вѣчной вѣрѣ и державѣ, какъ ни одинъ изъ его высокоприродныхъ предковъ“ [4]); зато что онъ не прилагалъ никакого подобающаго старанія и тщанія къ выполненію ни одного изъ возложенныхъ на него высочайшихъ порученій и не выказывалъ никакой охоты снискать высочайшее расположеніе на подданническій маперъ прежнихъ хановъ“ [5]); за то что онъ „въ дѣлѣ управленія проявилъ полную небрежность и нерадѣніе и, когда обнаружились на пространствѣ ханства нѣкоторыя худыя обстоятельства, онъ не могъ предохранить тѣхъ областей отъ зловредности мятежниковъ и поддержать законы и уставы прежнихъ хановъ“ [6]).

---

[1]) Ферилунъ-бей, II. 111. [2]) Ibid., 123. [3]) Ibid., 124. [4]) Ibid., 141. [5]) Ibid., 143. [6]) Ibid., 145.

Ханы, въ свою очередь, смиренно называли себя рабами престола его величества владыки вѣка, „покорными слугами" [1]), при случаѣ однако же напоминали Портѣ о старинномъ, освященномъ временемъ и традиціею *порядкѣ* назначенія ихъ. Слѣдовательно у татаръ существовало какое-то обычное право, которое могло и долженствовало ограничивать произволъ османскихъ деспотовъ и ихъ могущественныхъ клевретовъ, парализовавшихъ своимъ вмѣшательствомъ самобытный складъ и ходъ жизни крымскаго юрта и мѣшавшій образованію въ немъ правильно организованнаго государства, населеніе котораго могло бы при дальнѣйшихъ благопріятныхъ историческихъ обстоятельствахъ постепенно выйдти изъ прежняго полудикаго, варварскаго состоянія и повести жизнь свойственную прочимъ культурнымъ народамъ.

Въ чемъ же состоялъ этотъ основной законъ, или обычай, на который Крымскіе ханы пробовали-было опереться въ установленіи надлежащихъ отношеній къ османскому владыкѣ и къ его Высокой Портѣ? Законъ этотъ, по ясному и неоднократному свидѣтельству турецко-татарскихъ источниковъ, состоялъ въ томъ, что „ханство жаловалось съ предпочтеніемъ годовъ и возраста" [2]); заключался въ строгомъ соблюденіи правъ старшинства членовъ властвовавшей династіи, и притомъ не только въ преемствѣ ханской власти [3]), но и въ простомъ обыденномъ быту. Татарскій историкъ Мухаммедъ-Герай по одному случаю говоритъ на этотъ счотъ слѣдующее. „Въ старинномъ обычаѣ чингизидовъ узаконено, что если одинъ ханычъ хоть на день, даже на часъ старше другого, то младшій по возрасту оказываетъ полное почтеніе и уваженіе старшему: гдѣ бы ни встрѣтился, сподобляется рукоцѣлованія. Этотъ достохвальный обычай повелся у нихъ изстари и обратился въ строгое правило. А вособенности, когда меньшому бра-

---

[1]) Ibid. I: 503. [2]) Ibid., II: 121. [3]) Семь планетъ, 65, 89 и др.

ту даваемо было назначеніе, то большой братъ долженъ былъ удаляться изъ Крыма" [1]). Этотъ законъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мѣстными татарскими обычаями, не получившими формы письменнаго кодекса, а соблюдавшимися до поры до времени на практикѣ въ видѣ народнаго преданія, въ разныхъ памятникахъ называется *чингизова тöрэ* — توره جنكيز [2]), توره جنكزيه [3]). Иногда имъ присвоивается названіе *старыхъ правилъ татарскихъ* — قاعده قديمه تاتار [4]), *старыхъ обычаевъ татарскихъ* — رسم قديم تاتار [5]), *обычаевъ прежнихъ царей чингизидскихъ* — مراسم ملوك سابقه جنكيزيه [6]), *стараго обычая чингизидскаго* — رسم قديم جنكيز [7]), и т. п. Гезаръ-Феннъ также, сдѣлавъ краткій очеркъ государственнаго быта крымцевъ, говоритъ: „Существующія у нихъ постановленія всѣ каноническія, которыя они на своемъ языкѣ называютъ *тöрэ*, хотя они относительно вѣроисповѣданія своего претендуютъ, что они, молъ, ханэфитскаго толка" [8]). Во всѣхъ исчисленныхъ и имъ подобныхъ случаяхъ дѣйствовавшіе у татаръ обычные порядки называются *чингизскими*, или просто *старинными*, въ отличіе отъ порядковъ и правилъ *новыхъ*, введенныхъ со времени утвержденія въ Крыму турецкой гегемоніи; притомъ всѣ они причисляются къ категоріи *каноновъ*, какъ остатки внѣмусульманскаго быта, въ противоположность законопостановленіямъ мусульманскимъ — *шаріату*, на что имѣются ясныя указанія у историковъ. Они разсказываютъ про Мюрадъ-Герая I, что онъ, перечисляя слабости предшественника своего Селимъ-Герая I, котораго онъ не долюбливалъ, между прочимъ говорилъ про него, что онъ „слишкомъ ужь подчинялся велѣніямъ царей османскихъ и совершенно упразднилъ *тöрэ чингизскую*; примѣняя ко всякому дѣлу *шаріатъ*, онъ причинилъ вредъ Крыму". Затѣмъ этотъ, взбалмошный, по мнѣнію благочестивыхъ историковъ, ханъ издалъ повелѣ-

---

[1]) Тарихи Мухаммедъ-Герай, Вѣн. Ркп., л. 107 v. [2]) Семь планетъ, 103 и 173. [3]) Ibid., 188—189. [4]) Ibid., 162. [5]) Ibid., 262. [6]) Ibid., 158. [7]) Ibid., 304. [8]) Op. cit. Ркп., л. 73 v.

ніе, чтобы опять всѣ дѣла въ татарскомъ войскѣ рѣшались по чингизской тӧрэ, а чтобы книга шарiъата была вовсе оставлена и забыта, и вмѣсто казы-аскера назначилъ изъ крымскихъ вельможъ высшимъ блюстителемъ правосудія *тӧрэ-баши*, котораго недовольные просители будто бы по тысячѣ разъ въ день ругали гяуромъ. Наконецъ, нѣкій Вани-эфенди усовѣстилъ хана: прійдя въ султанскомъ лагерѣ поздравить Мюрадъ-Герая съ прибытіемъ, онъ кстати пояснилъ ему, что „вѣра и бракъ того сквернаго человѣка, который предпочитаетъ чистому шарiъату установившійся обычай, называющійся въ Высокой Державѣ *канономъ*, а на языкѣ татаръ *чингизскою тӧрэ*, нуждаются въ ихъ возобновленіи" [1]). По замѣчанію историковъ, ханъ внялъ разумнымъ внушеніямъ Вани-эфенди—послушался его совѣта и отмѣнилъ свое прежнее распоряженіе относительно возстановленія силы правилъ старинной тӧрэ и предпочтенія ея шарiъату [2]).

Относительно происхожденія слова *тӧрэ* существуютъ различныя мнѣнія. Катрмеръ, говоритъ, что слово توره монгольскаго происхожденія, или, скорѣе, тюркскаго, и что его не слѣдуетъ смѣшивать съ подобозвучнымъ словомъ, употребляемымъ арабами для названія пятикнижія Моѵсеева [3]). Равнымъ образомъ онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія этого слова съ одинаковымъ по начертанію тюркскимъ же словомъ توره или تورا, которое значитъ „князь, или глава" [4]). Но въ словаряхъ обыкновенно не замѣчается вышеуказаннаго различенія. Въ киргизскомъ, напримѣръ, слово *тӧрэ* значитъ „султанъ" и „судебный приговоръ, рѣшеніе" [5]). Ахмедъ-Вефыкъ объясняетъ значеніе слова توره такими синонимами: ياسا

[1]) Въ этихъ словахъ заключается самое жестокое для истиннаго мусульманина порицаніе, какое представляетъ укоризна въ нечистотѣ вѣры и въ незаконности брака. Употребленіемъ этого порицанія турецкій ревнитель правовѣрнаго закона, Вани-эфенди хотѣлъ сильнѣе подѣйствовать на Мюрадъ-хана, явившагося почитателемъ отечественной старины въ ущербъ уваженія къ общемусульманскому шарiъату. [2]) Семь планетъ, 188—189; Кр. Ист., л. 72 r. &. v. [3]) Histoire des Mongoles, CLXV. [4]) Ibid., CLXVI. [5]) Ильминскій, Матеріалы къ изученію Киргизк. нар. Казань. 1861. Стр. 115.

توراتِ عادت نظام قانون [1]). А Вамбери, кромѣ означеннаго отожествленія, еще допускаетъ тожество слова *тӧрэ* съ турецкимъ *тугра*—طغرا—названіемъ султанскаго шифра, который мы видимъ въ началѣ султанскихъ грамотъ, на монетахъ, орденскихъ знакахъ и т. п. [2]). Но Ахмедъ-Вефыкъ турецкое *тугрà*—طغرا ставитъ въ связь съ персидскимъ словомъ طغرى, которое, по его толкованію, значитъ „соколъ съ распростертыми крыльями, родъ большого и сильнаго сокола, или орла" [3]); у Вуллерса: طغرى Genus avis venaticae [4]). Но когда именно образовалось слово طغرا съ изъясненнымъ у Ахмедъ-Вефыка значеніемъ, и точно ли оно имѣетъ или имѣло когда-нибудь какое-либо соотношеніе съ татарскимъ توره, на это не имѣется несомнѣнныхъ данныхъ въ существующихъ памятникахъ. Въ одной грамотѣ Шагроха, писанной въ 818=1415 г. къ турецкому султану Мухаммеду I (1413—1421), есть выраженіе: برسم تورهٔ عثمانى =„по правилу тӧрэ османской" [5]), но это не болѣе какъ стилистическій оборотъ канцелярскаго свойства и поставлено лишь для соотвѣтствія съ другою фразою: بر موجب تورهٔ ايلخانى = „по требованію торы ильханской", и притомъ составитель шагроховой грамоты въ употребленіи терминовъ сообразовался съ офиціальнымъ словаремъ страны своего государя, а не съ османскою терминологіею, тѣмъ болѣе что грамота-то писана поперсидски.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что слово *тӧрэ* существуетъ и въ манджурскомъ языкѣ въ формѣ *дорд* также съ значеніемъ „законъ, долгъ, правило, обычай" и т. п. [6]). Наконецъ синологи не безъ нѣкотораго основанія указываютъ на китайское *даоръ*—„дорога, путь, законъ", какъ на первооснову слова *тӧрэ*, получившаго особенную популярность у народовъ тюркскихъ, многое позаимствовавшихъ изъ Не-

---

[1]) Легджеи Османи, 413. [2]) Vambery, Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes. Leipzig. 1879. Стр. 138. [3]) Op. cit., 766. [4]) Vullers, Lexicon Persicum, II: 549. [5]) Феридунъ-бей, I: 150. [6]) Захаровъ, Полный Манджурско-Русскій словарь, стр. 822.

бесной Имперіи относящееся къ государственному строю и гражданскимъ порядкамъ. Наконецъ нельзя совершенно игнорировать и звуковой близости слова *тöрэ* съ еврейскимъ названіемъ пятикнижія Моисеева. Было бы рискованно теперь усматривать какую-либо связь или преемственность между двумя законоположеніями разныхъ по крови и религіи народностей; но усвоеніе народомъ чужого термина съ новымъ значеніемъ также не представляетъ ничего диковиннаго: взяли же турки османскіе отъ грековъ слово χανών и употребляютъ его въ томъ самомъ значеніи, какое имѣло у татаръ слово *тöрэ*. Подобное заимствованіе можно подозрѣвать и въ разсматриваемомъ нами случаѣ. Къ такому подозрѣнію даетъ поводъ то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ властвовали татаре, нѣкогда было большое царство хазаръ, исповѣдовавшихъ законъ Моисея. Послѣднія археологическія открытія въ Семирѣченской области свидѣтельствуютъ о принадлежности нѣкоторыхъ тюркскихъ племенъ къ христіанско-несторіанскому исповѣданію вѣры еще до временъ Чингизъ-хана. Но все это пока можетъ быть отнесено лишь къ числу догадокъ, нуждающихся въ другихъ болѣе прочныхъ и положительныхъ данныхъ для того, чтобы стать убѣдительными въ своемъ правдоподобіи.

Каково бы ни было этимологическое образованіе слова *тöрэ*, важно замѣтить, что оно было именемъ неписанныхъ обычаевъ, имѣвшихъ для татаръ силу и обязательность закона въ дѣлахъ государственнаго свойства, какъ, напримѣръ, въ преемственности власти, и въ бытовыхъ отношеніяхъ частныхъ лицъ, напримѣръ въ судебныхъ тяжбахъ. Будучи противополагаема своду писанныхъ мусульманскихъ законовъ, шаріъату, старо-тюркская тöрэ именно уважалась лишь дотолѣ, пока еще живъ и силенъ былъ духъ татарскаго населенія Крымскаго ханства, и поневолѣ все вытѣснялась шаріъатомъ, отъ усиленнаго вліянія соприкосновенія крым-

цевъ со стамбульцами со времени утвержденія турецкаго верховенства надъ ханствомъ.

При отсутствіи признаннаго кодекса законовъ, опредѣлявшаго правовыя отношенія въ границахъ владычества династіи Гераевъ, мы можемъ составить себѣ понятіе объ этихъ отношеніяхъ лишь по отрывочнымъ указаніямъ, которыя встрѣчаются на этотъ счетъ у турецко-татарскихъ историковъ и иныхъ писателей, и притомъ по указаніямъ, относящимся къ разнымъ эпохамъ. По нимъ же мы можемъ иногда судить, какъ измѣнялось значеніе тѣхъ основоположеній, которыя прежде имѣли силу законовъ, но по обстоятельствамъ утратили ее.

Возьмемъ хоть, напримѣръ, вышеприведенное исконное правило чингизидской тӧрэ относительно правъ старшинства членовъ царствующей династіи въ порядкѣ преемства власти и во взаимной между ними іерархической субординаціи. Исторія ханства представляетъ цѣлый рядъ самыхъ вопіющихъ нарушеній этого правила, проистекавшихъ отъ разныхъ причинъ—иногда отъ деспотическаго упрямства султановъ, нерѣдко отъ строптивой необузданности самого татарскаго населенія, особенно привиллегированной части его, бековъ и мурзъ, но чаще всего отъ взаимнаго соперничества и происковъ самихъ же членовъ Герайскаго дома, а также отъ интригъ и козней турецкихъ вельможъ, близко стоявшихъ къ кормилу правленія въ Отоманской Портѣ. Любопытныя разсужденія по этому вопросу находимъ у турецко-татарскаго историка Мухаммедъ-Герая, который любитъ время отъ времени перемежать свое повѣствованіе общими философскими размышленіями. А какъ этотъ человѣкъ самъ былъ природный крымецъ, да еще изъ ханской фамиліи, и въ то же время провелъ всю свою жизнь въ Турціи, то его сужденія заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ какъ они основывались у него на знаніи быта и жизни своего отечественнаго Крыма и на наблюденіяхъ надъ тѣмъ, что творилось въ Отоманской Державѣ. Будучи благочестивымъ мусульманиномъ, Му-

изъявитъ на это своего согласія, то какъ только онъ попытается которыхъ-нибудь изъ нихъ взять въ руки и подчинить своей власти, остальные дураки соберутся на сходку и составятъ представленіе—عرض و محضر—, которое и отправятъ съ однимъ или двумя негодяями къ Двери Счастія. Конечный смыслъ этого представленія очень скверный: „Мы, молъ, не желаемъ этого хана". Напишутъ также одну, двѣ кляузы. А нежеланный ханъ, чтобы выслужиться предъ домомъ Османскимъ, требуетъ отборнаго войска: все хочется дѣло исполнить въ совершенствѣ; а потому другой вины его не бываетъ, какъ только развѣ когда онъ скажетъ, что съ какими-нибудь птичниками да рабочими ничего нельзя сдѣлать путнаго. Сей ничтожный рабъ [1]) нѣсколько разъ находился между ними и все видѣлъ своими собственными глазами. Дѣло въ томъ, что въ Высокомъ Порогѣ эти представленія принимаютъ безъ разбора, не изслѣдуя ни главнаго, ни частностей; а потомъ сейчасъ же шлютъ капыджи-баши съ ферманомъ и отрѣшаютъ хана въ отставку. А того не знаютъ, что вѣдь ханы тоже изъ древняго царскаго рода; что они также тѣнь Божія; что отставка имъ горше смерти, по изреченію: „Ссылка все равно что казнь"; что, по священному закону мухаммедову, царямъ отставку давать не такъ легко: надо, чтобы они были нечестивцы. Ихъ вздохи и стоны отмстятся намъ. Вотъ если кто изъ нихъ поступаетъ противъ священнаго закона и творитъ притѣсненія или вводитъ новшества, то мы должны имъ противодѣйствовать; отрѣшеніе же хана по словамъ какихъ-нибудь мятежниковъ татарскихъ есть чистое безславіе. Да и везирь, который заключаетъ условіе съ отставнымъ ханомъ, также не вѣчно остается на своемъ мѣстѣ. Поступитъ на его мѣсто другой, и тотчасъ же дѣйствуетъ по представленію и словамъ негодной толпы: невиннаго падишаха свергаютъ съ трона его; не давая ему высказать свое-

---

[1]) Т. е. самъ авторъ.

хамедъ-Герай одинаково скорбитъ и о паденіи Азова подъ ударомъ русскихъ, и о покушеніи венеціанцевъ на Морею, ибо и въ томъ и другомъ случаѣ гяуры одолѣвали правовѣрныхъ. Отсюда его политическія разсужденія прежде всего относятся къ Отоманской Портѣ, а потомъ уже касаются и Крымскаго ханства; его патріотизмъ сперва вообще турецко-мусульманскій, а потомъ уже и спеціально крымско-татарскій.

Разсказавъ объ осадѣ и сдачѣ Азова русскимъ и изобразивъ, какъ русскій царь Петръ I отовсюду стянулъ къ себѣ всѣхъ проклятниковъ, хитрыхъ на всякое лиходѣйство, располагая при этомъ несмѣтными денежными средствами, Мухаммедъ-Герай говоритъ: „Прискорбно намъ описывать эти бѣдственныя обстоятельства; но что жь дѣлать, коли весь нашъ вѣкъ въ этомъ прошолъ; поневолѣ надо продолжать писать" [1]). Затѣмъ, поведя рѣчь о причинахъ бѣдъ и несчастій, приключившихся Высокой Державѣ, онъ находитъ три причины, состоящія въ тѣсной связи между собою. Одна изъ нихъ заключается, по его мнѣнію, въ ненормальности отношеній Порты къ Крымскимъ ханамъ и въ проистекающей отсюда ложности положенія послѣднихъ въ дѣлахъ внутренняго управленія и въ вопросахъ международной политики.

„Третья причина," говоритъ онъ, „вотъ какая. Возьмутъ привезутъ одного султана изъ ханскихъ царевичей и съ почотомъ и уваженіемъ дѣлаютъ ханомъ въ Крымъ. Становящійся ханомъ султанъ съ тогдашнимъ великимъ везиремъ заключаютъ договоръ, по которому они обязываются употреблять всевозможныя старанія, чтобы помогать другъ другу въ войнѣ. Давъ это слово, ставшій ханомъ счастливецъ отправляется въ свои крымскія владѣнія. Удастся ли, не удастся ли ему достигнуть Крыма, а ужь онъ заботится о походныхъ приготовленіяхъ. Но когда буйные и безразсудные изъ обитателей Крымскаго государства захотятъ двинуться, а ханъ не

---

[1]) Op. cit., л. 65 r.

изъявитъ на это своего согласія, то какъ только онъ попытается которыхъ-нибудь изъ нихъ взять въ руки и подчинить своей власти, остальные дураки соберутся на сходку и составятъ представленіе—عرض ومحضر—, которое и отправятъ съ однимъ или двумя негодяями къ Двери Счастія. Конечный смыслъ этого представленія очень скверный: „Мы, молъ, не желаемъ этого хана". Напишутъ также одну, двѣ кляузы. А нежеланный ханъ, чтобы выслужиться предъ домомъ Османскимъ, требуетъ отборнаго войска: все хочется дѣло исполнить въ совершенствѣ; а потому другой вины его не бываетъ, какъ только развѣ когда онъ скажетъ, что съ какими-нибудь птичниками да рабочими ничего нельзя сдѣлать путнаго. Сей ничтожный рабъ [1]) нѣсколько разъ находился между ними и все видѣлъ своими собственными глазами. Дѣло въ томъ, что въ Высокомъ Порогѣ эти представленія принимаютъ безъ разбора, не изслѣдуя ни главнаго, ни частностей; а потомъ сейчасъ же шлютъ капыджи-баши съ ферманомъ и отрѣшаютъ хана въ отставку. А того не знаютъ, что вѣдь ханы тоже изъ древняго царскаго рода; что они также тѣнь Божія; что отставка имъ горше смерти, по изреченію: „Ссылка все равно что казнь"; что, по священному закону мухаммедову, царямъ отставку давать не такъ легко: надо, чтобы они были нечестивцы. Ихъ вздохи и стоны отмстятся намъ. Вотъ если кто изъ нихъ поступаетъ противъ священнаго закона и творитъ притѣсненія или вводитъ новшества, то мы должны имъ противодѣйствовать; отрѣшеніе же хана по словамъ какихъ-нибудь мятежниковъ татарскихъ есть чистое безславіе. Да и везирь, который заключаетъ условіе съ отставнымъ ханомъ, также не вѣчно остается на своемъ мѣстѣ. Поступитъ на его мѣсто другой, и тотчасъ же дѣйствуетъ по представленію и словамъ негодной толпы: невиннаго падишаха свергаютъ съ трона его; не давая ему высказать свое-

---

[1]) Т. е. самъ авторъ.

го объясненія, попираютъ честь его наравнѣ съ землею и ссылаютъ на островъ Родосъ. Справедливо ли это? Отставленный и не знаетъ, за что съ нимъ такъ поступаютъ: развѣ за ревностную службу османамъ? „Посмотримъ, какъ-то станетъ дѣйствовать посаженный на наше мѣсто," думаетъ отставной ханъ, сидя и наблюдая въ углу уединенія. А тутъ, въ Портѣ, между тѣмъ привезутъ какого-нибудь несчастнаго и съ почотомъ и помпомъ дѣлаютъ въ Крыму ханомъ. „Ступай," говорятъ ему, отправляя его въ свои владѣнія, „и не будь подобенъ прежнему хану: будь тщателенъ насчотъ военной готовности и помогай въ первомъ же походѣ". Какъ только онъ отправится въ Крымъ, то ужь дорогою задумывается надъ поступками человѣческими и узнаетъ, какому бѣдствію подверженъ онъ, да только уже все тщетно. Требовать отборнаго войска во время похода онъ боится: если обратится къ бекамъ и мурзамъ и скажетъ сердитымъ тономъ: „Развѣ я не падишахъ вамъ?! Такое-то количество войска должно со мною отправляться въ походъ!", такъ они и вовсе слушать не станутъ. А коли скажетъ: „Я насильно возьму, послужу вѣрѣ и Державѣ", то они возненавидятъ его и обратятся къ прежнему хану. Такимъ образомъ, дѣлать нечего: становящіеся ханами, понеобходимости, забывая свой долгъ служенія дому Османскому, предаются изысканію средствъ противъ собственной немочи. Изъ боязни за собственное благополучіе они не рѣшаются поступать вопреки нраву бековъ и мурзъ, даже и виду въ этомъ не показываютъ. Снискиваемыя ими деньги и благостояніе отдаютъ имъ; живя подъ сѣнію ихъ охраны и мороча пустыя головы татарскихъ народцевъ, тоже носятъ ханское званіе: да и какъ иначе возможно быть самостоятельнымъ падишахомъ? Короче, когда со стороны османлы послѣдуетъ приглашеніе на войну, ханъ, кое-какъ выпрашивая у бековъ, отряжалъ сколькихъ нибудь въ родѣ птичниковъ, т. е. поденьщиковъ и рабочихъ. Если тысячи три человѣкъ было, то, боясь османлы, доносилъ, что послано трид-

цать тысячь человѣкъ отборнаго войска. Да и большинство тѣхъ-то вовсе были не татаре, а кто домашки—طوما—, т. е. отъ рабовъ родившіеся рабы; кто разбойники, которые, совершивъ преступленіе, бѣжали изъ владѣній отоманскихъ, пришли въ Крымъ и переодѣлись татарами; кто черкесы, кто русскіе и молдаване. Среди подобнаго разновиднаго сброда много ли такихъ, которые видѣли сраженіе?! Не найдется и одного изъ тысячи. Что можно подѣлать съ такимъ войскомъ, которое ни на что не способно, кромѣ бѣгства съ поля битвы и грабительства?! А будь-ка не такъ, какъ изъяснено выше—не будь Крымскіе ханы отрѣшаемы по представленію ихъ (жителей Крыма), а управляй-ка ханъ самостоятельно, а будь-ка беки и мурзы взяты въ руки?! Можно же было сорокъ тысячь татарскаго войска оставлять для охраны Крыма, да сорокъ тысячь выводить частью изъ Крыма, частью изъ Аккермана и Ногая, впродолженіе года или двухъ годовъ зимовать въ окрестностяхъ Бѣлграда и Темешвара, дѣлая набѣги на гяурскія владѣнія, грабя и сожигая города и деревни ихъ, такъ что не только нѣмецъ, но даже такъ называемый у нихъ папа римскій, и тотъ, какъ утверждаютъ, съ перепуга бросилъ отечество! Такъ было во время похода султана Сулеймана I, побѣдителя нѣмцевъ. Таковы были дѣянія Селимъ-Герая..." И т. д. [1]).

Правда, что Мухаммедъ-Герай нѣсколько страстно говоритъ объ отношеніяхъ Порты къ Крымскимъ ханамъ, и въ его словахъ замѣтно преобладаетъ склонность быть снисходительнымъ къ образу мыслей и дѣйствій хановъ, сваливая всю тяжесть вины предъ исторіею на одну Порту. Но что обсуждаемое имъ явленіе несомнѣнно, это подтверждается свидѣтельствами турецкихъ историковъ. У одного изъ нихъ, особенно свѣдущаго и талантливаго, а именно у Наъимы, писателя конца XVII и начала XVIII вѣка, разсказанъ эпизодъ изъ

[1]) Op. cit., 67 r.—70 v.

крымской исторіи, относящійся ко времени царствованія султана Мюрада IV (1623—1640), самымъ очевиднымъ образомъ рисующій тѣ же самыя вещи, о которыхъ Мухаммедъ-Герай трактуетъ отвлеченно, обобщая частныя явленія. Тутъ мы видимъ характеристику отношенія хана къ крымцамъ, къ представителю султанской власти въ Крыму, кафскому генералъ-губернатору, и обращеніе султана съ ханомъ. Послѣднее особенно наглядно изображено у него въ подробномъ описаніи церемоніи нареченія въ ханы, разсказанной историкомъ со словъ одного изъ нареченныхъ, Исламъ-Герая, который и является главнымъ героемъ самаго эпизода.

„Когда ханъ вошолъ внутрь дворца,“ передаетъ Наъима, „его величество падишахъ бодро возсѣдалъ, оперившись бокомъ на золотошвейный тюфякъ на краю бассейна въ простой шапочкѣ. Ханъ поцѣловалъ землю и всталъ, а его величество падишахъ, не тронувшись и не перемѣнивъ положенія, повелъ такую рѣчь: „Видишь, Исламъ! вотъ я тебя сдѣлалъ ханомъ. Посмотрю, каковъ ты! Ты долженъ быть другомъ моего друга и врагомъ моего врага.“ Послѣ этой рѣчи ханъ опять поцѣловалъ землю и всталъ. „Всевышній Богъ,“ отвѣчалъ онъ, „да сохранитъ отъ заблужденій особу благополучнаго моего государя! Если Богу угодно, я не сдѣлаю упущеній по службѣ, только пусть пребудетъ надо мною благословеніе моего государя!“—„Благословеніе мое надъ тобою. И ты, и твои дѣды и отцы—вы пользовались хлѣбомъ-солью благостыни моихъ великихъ отцовъ и дѣдовъ; такъ ты долженъ послужить мнѣ правдою. Смотри, будь остороженъ: гляди только на меня и не слушай словъ никого другого!“—„Правда,“ молвилъ въ отвѣтъ ханъ, „мы питомцы милостей и щедротъ государя и рабы его“.—„Сколько тебѣ лѣтъ и каково ты садишься на коня?“ опять обратился султанъ. „Государь, мнѣ всего сорокъ лѣтъ, а садиться на коня я только теперь начинаю. Мнѣ хорошо, государь, подъ твоею державою.“ — „Ну, ступай же; я посмотрю, какъ-то ты будешь другомъ моего друга и

врагомъ моего врага."—Когда султанъ изволилъ говорить это, ичь-огланы держали наготовѣ прекрасную соболью шубу, крытую парчою. Султанъ далъ знакъ—ханъ поцѣловалъ воротникъ шубы, которую надѣли на него; дали и украшенную драгоцѣнными камнями саблю, которая тоже была препоясана ему. Поцѣловавъ землю, онъ вышелъ вонъ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и верховный везирь Мухаммедъ-паша. Тогда ханъ, гордясь ласкою падишаха и словами его „Гляди только на меня и не внимай словамъ никого другого", обратился къ верховному везирю и сказалъ: „Такъ какъ вы меня сдѣлали татарскимъ ханомъ, то впредь подставляйте ухо къ тому, что я буду писать. Не осаждайте меня предупредительными письмами, что съ такимъ-то, молъ, гяуромъ не хмуриться, такому-то показывать видъ расположенія, съ такимъ-то не ладить, такого-то не огорчать, съ такимъ-то такъ-то поступать; заглазно давая отсюда распоряженія по тамошнимъ дѣламъ, не путайте меня, чтобы я зналъ, какъ мнѣ надо дѣйствовать. У меня не мыслима дружба съ гяурами. На будущее время у насъ съ ними посредничать будетъ сабля. Дружить съ ними, желать мира съ ними не мыслимо." Говоря такъ, ханъ неумѣстно наговорилъ много повелительныхъ, горделивыхъ рѣчей (замѣчаетъ турецкій историкъ). Что же касается верховнаго везиря Мухаммедъ-паши, то онъ, будучи человѣкъ свѣтскій, вѣжливый и обходительный, очень мило отвѣтилъ: „Пусть только Богъ помогаетъ—въ ваши дѣла не станутъ вмѣшиваться" и вышелъ. [1]).

Пройдя вышеописанныя, не очень лестныя для человѣческаго самолюбія, мытарства въ Портѣ, ханы, въ свою очередь, подражали, какъ могли, султанамъ въ своемъ придворномъ этикетѣ у себя въ Крыму. Нѣкоторыя свѣдѣнія о подобныхъ ханскихъ претензіяхъ мы имѣемъ опять-таки отъ Гезаръ-Фенна, описывающаго прерогативы и іерархическія степени главнѣйшихъ послѣ хана сановниковъ въ Крымскомъ хан-

[1]) Тарихи Наъима, II: 44.

ствѣ въ особой статьѣ подъ заглавіемъ: *Канонъ ханскихъ братьевъ.* „Младшій братъ ханскій“, пишетъ Гезаръ-Феннъ, „бываетъ калгою, занимаетъ мѣсто наслѣдника, а тотъ, который моложе калги-султана, бываетъ нуръ-эд-диномъ. У каждаго изъ нихъ есть своя резиденція: калга-султанъ живетъ въ Акъ-мечети, въ четырехъ часахъ пути отъ Бакчэ-Сарая, а нуръ-эд-динъ-султанъ живетъ близъ деревни, именуемой Качи [1], на одинъ часъ пути отъ Бакчэ-Сарая. У каждаго есть свой везирь, дефтердарь (бухгалтеръ) и свой судья. Ихъ распоряженія не отличаются другъ отъ друга. Но только хутбэ и монета принадлежатъ его величеству хану. Если калга и нуръ-эд-динъ бываютъ серъ-аскерами, то изъ случающейся добычи получаютъ десятую часть. А когда войско войдетъ въ Крымъ, ханъ назначаетъ своего агу собирать „сауга“. *Сауга* (صوغه) на ихъ языкѣ значитъ „пятая часть“. Каждый изъ нихъ—самостоятельный господинъ казни и расправы. На своихъ приказахъ, которые называются ярлыками, они выводятъ тугру и прикладываютъ миндалевидную печать. Когда принимаютъ пищу, то ѣдятъ, подобно прочимъ царямъ, водиночку; вотъ если прибудетъ какой-нибудь большой человѣкъ отъ Высокаго Правительства или кафскій муфти, то они вмѣстѣ за столъ садятся. На *гюрнушъ*, какъ у нихъ называется ханскій Диванъ, для хана стелютъ особую полость и двѣ обыкновенныя подушки, а по стѣнамъ большія изъ штофной матеріи. Когда младшіе его братья приходятъ съ визитомъ или по обязанности, то сперва, снявъ колпаки свои, бросаютъ ихъ на-земь; потомъ, отдавъ привѣтствіе и поцѣловавъ подолъ хана, стоятъ на но-

[1]) Такъ собственно называется рѣчка, протекающая по прекрасной долинѣ. Можетъ быть, тамъ нѣкогда былъ ханскій дворецъ, носившій въ свое время названіе Качи-Сарая, подобный тѣмъ дворцамъ, какіе, говорятъ, были при р. Альмѣ въ деревнѣ Улаклы, и др. (Кеппенъ, Кр. Сб., 324). А такъ какъ у татаръ постоянно въ составъ именъ поселеній входятъ имена тѣхъ рѣкъ, при которыхъ эти поселенія находятся, то Гезаръ-Феннъ легко могъ принять названіе Качи въ значеніи деревни, вмѣсто рѣчки.

гахъ. Имъ подкладывается одѣяло и подушка, и они съ его позволенія садятся. Каждому изъ нихъ идетъ со стороны Высокой Державы годовой окладъ: хану назначено десять тысячъ вьюковъ акчэ изъ таможни Кафскаго порта; калгѣ-султану назначено десять вьюковъ акчэ и нуръ-эд-динъ-султану пять вьюковъ акчэ въ годъ, то изъ таможни Гѳзлевскаго порта, то изъ таможни Балаклавскаго порта. Изъ упомянутаго жалованья они кое-что даютъ своимъ приближеннымъ агамъ, а нѣчто также удѣляютъ существующимъ въ Кафѣ, Акъ-Мечети и въ Бакчэ-Сараѣ подъ именемъ богомольцевъ бѣднякамъ и святошамъ... Самый такъ называемый Крымъ, полуостровъ состоитъ изъ четырехъ санджаковъ. Они называютъ это на своемъ языкѣ *бій*. Главные біи ихъ (باش بكلارى) суть: Ширинъ-бей, у котораго также есть калга и нуръ-эд-динъ; Арынъ-бей (называютъ также Яшлау-беями); Барынъ-бей (называются также еще Седжеутскими мурзами); Манкытъ-бей (это мурзы Новайскіе, изъ коихъ былъ и Кантемиръ). Если хану пожелается выдать замужъ дочь свою, то отдаетъ за упомянутыхъ беевъ или за ихъ сыновей; а кромѣ ихъ ни одинъ другой мурза не можетъ взять, по той причинѣ что эти, оставивъ свое мѣстожительство, именуемое Хаджи-Тарханъ, и прибывши въ Крымъ, вмѣстѣ (съ ханами) пришли и, происходя изъ поколѣнія Чингизова, до сего времени не утратили своей родовитости" [1]).

Такая строго правильная свиду организація высшаго управленія въ Крымскомъ ханствѣ таила внутри себя задатки постояннаго шатанія и непрочности, именно вслѣдствіе отсутствія единства основного начала, на которое бы опиралась верховная власть и ея органы. Ханъ, пользуясь внѣшнимъ уваженіемъ и покорною преданностью прочихъ своихъ родичей, долженъ былъ постоянно быть насторожѣ про-

[1]) Op. cit. ркп., л. 72 v. & 73 r.

тивъ ихъ тайныхъ происковъ и интригъ, къ которымъ подстрекала ихъ властолюбивая зависть ихъ. Окружавшіе хана мурзы и аги, офиціально считаясь его покорными слугами, вдѣйствительности же во всякое время могли составить противъ него комплотъ, если только его распоряженія не потрафляли ихъ видамъ и интересамъ, при чемъ единодушіе ихъ въ подобныхъ случаяхъ поддерживалось одинаковою алчностью и самовольствомъ ихъ натуры, а дерзость въ политическихъ смутахъ проистекала изъ гордой мечты ихъ объ одинаковой съ ханскимъ домомъ знатности своего происхожденія. Разные святоши возсылали благословенія на хана, пока получали щедрыя изъ рукъ его подаянія; но эти же тунеядцы призывали на его голову кару небесную, когда почему нибудь были недовольны его щедротами, въ вѣрномъ разсчотѣ на то, что ихъ смутьянство найдетъ себѣ откликъ въ суевѣрныхъ почитателяхъ ихъ мнимыхъ добродѣтелей. При назначеніи новаго хана его всякій разъ отправляли изъ Стамбула въ Крымъ подъ конвоемъ отряда султанскихъ войскъ, которыя такимъ образомъ являлись оберегателями его личности и властной неприкосновенности. Но тѣ же самыя войска грубили хану, когда ему доводилось обуздывать безчинства и насилія этихъ пришельцевъ въ Крыму, при чемъ они ссылались на свою неподсудность хану и на территоріальную ограниченность его власти на полуостровѣ. На все вышесказанное имѣются фактическія доказательства въ историческихъ памятникахъ. Вотъ одинъ характерный случай съ ханомъ Сеъадетъ-Гераемъ, разсказанный у турецкаго историка прошлаго столѣтія Челеби-задэ.

Въ 1132=1720 году ханъ Сеъадетъ-Герай, посовѣтовавшись съ эмирами и аянами Крыма и заключивши условіе и договоръ съ верховникомъ ширинскихъ беевъ, Хаджи-Джанъ-Тимуромъ, пошолъ съ многочисленнымъ войскомъ въ Кабарду. Пробывъ въ тѣхъ странахъ два года и, сколь возможно было, водворивъ тамъ порядокъ, онъ вернулся въ Крымъ.

Хаджи-Джанъ-Тимуръ надѣялся получить крупную долю изъ захваченныхъ тамъ полоняниковъ, но обманулся въ своихъ надеждахъ. Сверхъ того, онъ лѣтъ 20 или 30 пользовался полною самостоятельностью и голосомъ у Крымсмихъ хановъ, а этотъ ханъ сдѣлалъ своего зятя изъ ширинскихъ беевъ Муртаза-мурзу своимъ наперсникомъ и совѣтчикомъ, а того лишилъ всякаго уваженія. Все это сдѣлалось причиною гнѣва его. Кромѣ того, упомянутый ханъ сдѣлалъ представленіе въ Порту о томъ, чтобы подвергнуть наказанію и высылкѣ изъ Крыма въ другое мѣсто Орскаго бея Селяметъ-Герай-султана, его агу Эръ-мурзу и Ачуйскаго коменданта Али-пашу за ихъ поступки противъ его воли въ Черкесіи. На это послѣдовало соизволеніе Высокой Державы, и Али-паша съ Эръ-мурзою были высланы въ другіе края, а Селяметъ-Герай-султанъ поселенъ въ своемъ чифтликѣ въ Румиліи. Но Эръ-мурза какимъ-то путемъ опять проникъ въ Крымъ и пребывалъ въ своемъ помѣстьѣ подъ покровительствомъ ширинскихъ эмировъ. Затѣмъ, по ходатайству Хаджи-Джанъ-Тимура, ханъ простилъ его. Спустя немного времени ханъ уволилъ ялыагасы Кемаль-агу и сдѣлалъ его своимъ казначеемъ, а на его мѣсто перевелъ своего казначея; а потомъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, своего агу Пурсукъ-Али-агу тоже уволилъ въ отставку и на его мѣсто опредѣлилъ славившагося у крымцевъ своею низостью Бакы-агу. Это породило среди простого люда и знати разные толки и слухи. Въ тѣ поры одинъ изъ знатнаго рода Субханъ-Гази-оглу, изъ почотнаго сословія такъ называемыхъ капы-кулу, женился на дочери одного умершаго крымца. Но единомышленники Эръ-мурзы подняли шумъ и крикъ, говоря, что отецъ вышеупомянутой дѣвушки обѣщалъ ее въ замужество Эръ-мурзѣ, и что она была уже нареченной его—какъ, молъ, это можно было отдавать ее за другого?! Произошло такое смятеніе, что для прекращенія ихъ споровъ понадобилось прибѣгнуть къ мечу закона. Казы-асkеръ насчотъ дѣйствительности этого брака сдѣлалъ поста-

новленіе въ томъ смыслѣ, что обѣщаніе ничего не значитъ, и опредѣлилъ отказать Эръ-мурзѣ. Ханъ же вздумалъ иначе рѣшить эту тяжбу, повелѣвъ не отдавать предмета раздора, дѣвицы той, ни одному изъ спорящихъ, а выдать ее за третьяго человѣка. Тогда эмиры ширинскіе, услышавъ объ этомъ, собрались въ мѣстѣ, называемомъ „Подъ скалами" [1]), показывая видъ враждебности. Ханъ послалъ къ нимъ человѣка спросить о причинѣ ихъ собранія. Они объяснили свои сокровенные помыслы и написали просьбу о томъ, чтобы казы-аскеръ былъ отрѣшонъ за противное священному закону постановленіе, и чтобы Субханъ-верды-оглу также былъ устраненъ и удаленъ. Означенную просьбу муфти-эфенди прочиталъ въ Диванѣ. Настаивать на правильности приговора казы-аскера-эфенди было безполезно и тщетно. Ханъ, глядя на обстоятельства времени, отрѣшилъ его, а Субханъ-верды-оглу велѣно было сидѣть у себя дома. Удовлетворивъ желанію мурзъ, ханъ послалъ къ нимъ Кемаль-агу велѣть имъ прекратить сходку и придти къ нему. Но такъ какъ приближался праздникъ, то они отложили свое посѣщеніе до того времени и отправились по домамъ. Ханъ и прежде просилъ позволенія поѣхать къ Порогу Счастія для совѣщанія по нѣкоторымъ государственнымъ дѣламъ, а теперь, выставляя на видъ послѣднее экстренное обстоятельство, онъ писалъ, что ему необходимо какъ можно скорѣе прибыть къ Порогу Державы. Просьба его была уважена. Высочайшая грамота въ этомъ смыслѣ была написана и приготовлена къ отсылкѣ съ однимъ агою изъ капыджи-баши Порты. Въ ту пору наступилъ курбанъ-байрамъ, и корпорація ширинскихъ беевъ уклонилась отъ обы-

---

[1]) قيالر التى نام محلك. Турецкій историкъ не совсѣмъ точно называетъ мѣсто обычныхъ мятежныхъ сборищъ крымскихъ мурзъ. Мухаммедъ-Герай говоритъ, что сборнымъ пунктомъ бунтовавшихъ мурзъ и беевъ служила Акъ-кая=«Бѣлая скала» (Op. cit., ркп., л. 11 г.), извѣстная и теперь подъ этимъ именемъ скала неподалеку отъ г. Карасу-Базара.

чая приходить поздравлять хана съ праздникомъ. Когда послали опять Кемаль-агу спросить о причинѣ ихъ будированія и недовольства, они отвѣчали такъ: „Такъ какъ его величество ханъ заставилъ Вѣчную Державу издать высочайшія повелѣнія о казни нѣкоторыхъ изъ насъ, то и для всѣхъ насъ не стало безопасности; терпѣть еще дольше его ханствованіе стало невозможною мыслью и нелѣпою мечтою“. Затѣмъ они опять поспѣшили составить сходку подъ скалою. [1]) Тогда ханъ, собравъ крымскихъ улема́, заявилъ, что онъ ничего не знаетъ о взводимомъ на него дѣлѣ. Когда же улема, поручившись, что имъ, мурзамъ, не будетъ причинено со стороны хана никакого зла и непріятности, послали бумаги насчотъ того, что бы они явились къ хану, тѣ повторили свои прежнія рѣчи и отправили десять человѣкъ въ Порту съ прошеніемъ. Услышавъ объ этомъ, ханъ выѣхалъ изъ Крыма въ мѣстечко, именуемое „Ханскою зимовкой“; онъ далъ знать о случившемся въ Порту, и упомянутому капыджи-баши сообщено, чтобы онъ спѣшилъ. Но послѣ такого неподобающаго казуса хану трудно было жить въ добромъ согласіи съ упомянутыми лицами. Очевидно было, что они, видя свою небезопасность, непремѣнно постараются возжечь пламя мятежа. Поэтому, послѣ многократныхъ секретныхъ совѣщаній между государственными вельможами, къ Порогу Счастія былъ вызванъ для назначенія въ ханы младшій братъ хана Менглы-Герай-султанъ, который былъ калгою при Капланъ-Гераѣ и послѣ отставки жилъ въ своемъ чифтликѣ Казы-кöѣ близь Силиври, а его величеству Сеъадетъ-Герай-хану указано было жить въ своей усадьбѣ въ г. Ямболу [2]).

Хотя вышеприведенный фактъ относится къ сравнительно позднему времени, но характеристическія черты его имѣютъ

---

[1]) Т. е., вѣроятно, опять подъ «Бѣлою скалою», которая въ этомъ мѣстѣ названа уже просто скалою — قيا. [2]) Тарихи Челеби-задэ-эфенди, констант. изд. 1153—1740 г., л. 47 v.—48 v.

свое подобіе во все предшествующее время существованія Крымскаго ханства, въ чемъ не трудно убѣдиться, прослѣдивъ исторію этого ханства. Некультурные народы медленно измѣняются въ строѣ своей общественной и домашней жизни, и потому одни и тѣ же бытовыя качества такого народа одинаково проявляются въ разныя эпохи его исторической жизни.

Первый дѣйствительный основатель властвовавшей въ Крыму династіи, конечно, не могъ не предвидѣть всевозможныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя должны были помѣшать упроченію власти его дома. Не будучи въ состояніи всецѣло устранить этихъ обстоятельствъ, онъ долженъ былъ придумать какія-нибудь государственныя учрежденія и предпринять такія правительственныя мѣры, которыя бы сколько-нибудь парализовали и ослабляли опасность подобныхъ обстоятельствъ, къ чему онъ и приложилъ всѣ свои старанія, какъ только окончательно утвердился на ханскомъ тронѣ.

Куда Менглы-Герай былъ отправленъ турками для водворенія его на ханство, доподлинно не извѣстно: у турецкихъ историковъ сказано просто—въ Крымъ, безъ обозначенія мѣста, гдѣ онъ былъ высаженъ на крымскую территорію, и гдѣ затѣмъ совершилось торжественное провозглашеніе его ханомъ. Какъ на вещественный памятникъ того, что Менглы-Герай, вторично возведенный въ ханы турецкимъ султаномъ, высадился въ Евпаторіи, указываютъ на старинную мечеть въ этомъ городѣ, будто бы построенную Менглы-Гераемъ въ память такого важнаго въ его жизни событія; но намъ близко не извѣстны тѣ данныя, на которыхъ основывается это указаніе. Знаемъ только, что нѣкоторые изъ послѣдующихъ хановъ, какъ напримѣръ Арсланъ-Герай-ханъ, выказывали какое-то особое вниманіе къ этому городу, учреждая тамъ богатые вакфы въ видѣ каравансараевъ, обще-

ственныхъ бань, медресэ, фонтановъ и тому подобныхъ сооруженій.

Впрочемъ г. Кондараки все-таки очень подробно описываетъ церемонію наречения Менглы-Герая ханомъ въ Стамбулѣ; затѣмъ даже картинно изображаетъ прибытіе его въ Гӧзлевъ (Евпаторію), встрѣчу его при барабанномъ боѣ и торжественное препровожденіе въ Бакчэ-Сарай [1]); но откуда г. Кондараки почерпнулъ данныя для такого, можно сказать, завиднаго по своей обстоятельности изображенія событія, онъ не говоритъ объ этомъ. Вѣрнѣе всего, что это плодъ его собственнаго воображенія, воспользовавшагося позднѣйшими преданіями для того, чтобы нарисовать картину изъ жизни давно минувшей, отъ которой теперь остались едва замѣтные слѣды. А что такія преданія еще продолжаютъ существовать среди потомковъ знатныхъ татарскихъ фамилій, это видно изъ одного любопытнаго документа въ дѣлахъ Архива Таврическаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія. Тамъ между прочимъ, при дѣлѣ № 54, по исканію дворянства титулярнаго совѣтника Игнатія Татаринова, находится большой листъ съ рисункомъ родословнаго древа предковъ г. Татаринова съ надписями на татарскомъ и русскомъ языкахъ. Надписи русскія, очевидно, есть переводъ, и притомъ очень грубый и нерѣдко исказительный, съ татарскаго, ибо въ концѣ документа есть офиціальная скрѣпа: „Съ подлиннымъ переводъ верно. Подпоручикъ Александръ Зимайловъ“. Вверху этой таблицы читаемъ слѣдующую не совсѣмъ грамотную надпись: اصل نسل نامه دورکی قبچاق جولنده پادشاهلوق ایدنلرنیك قریم پادشاهلوغنده اولغین آل چنغیز خانك ذوریتی (sic!) کری خانلرون سلطانلرون وآنلرون اصل نسلری میانده. А порусски написано: „Родословная царствовавшихъ Кипчацкія степи въ Крымскомъ государствѣ Алджингызъ-хановыхъ потомковъ Гирей

[1]) Универсальное описаніе Крыма. Спб. 1875. Ч. IX, стр. 17—18.

хановъ и султановъ и ихъ поколѣнія“. Внизу же подъ этимъ древомъ нарисована картина съ подписью: بیعت منكلی كری خان قریمده ابتداكی خاندور آلتنجی اوغلی حاجی كری قبچاق خانك نسلی. Порусски это будетъ значить: „Воцареніе Менглы-Герай хана. Онъ первоначальный ханъ въ Крыму, шестой сынъ Хаджи-Герая, потомка Кыпчакскаго хана“.

Что всѣ надписи въ этой эмблемѣ двуязычныя, это значитъ, что первоначальная ея редакція принадлежитъ самимъ татарамъ, а какой-то новѣйшій рисовальщикъ изъ русскихъ сочинилъ къ ней цѣлый рисунокъ въ краскахъ, къ которому приложенъ русскій переводъ символическаго объясненія этой эмблемы. А что хозяева картины смотрѣли на нее какъ на вещь серьозную, это явствуетъ изъ рукоприкладства на ней нѣкоторыхъ современныхъ Гераевъ, а также и изъ того, что картинка представлена ими наряду съ прочими документами въ числѣ доказательствъ своего именитаго происхожденія, дающаго имъ право на полученіе дворянскаго званія.

Нѣкоторыя детали этого курьознаго рисунка изобличаютъ незнакомство его композитора съ татарскою археологіею: тутъ, напримѣръ, вы видите горностаевую порфиру и другіе предметы, въ такой формѣ изображенные, въ какой они не свойственны старинному татарскому быту. Но если этотъ рисунокъ удовлетворялъ заказавшихъ его татарскихъ вельможъ, то, слѣдовательно, онъ приблизительно согласовался съ тѣмъ, какъ они воображали себѣ сюжетъ его. Поэтому, не придавая особенной важности подлинности происхожденія самой эмблемы, не лишне обратить вниманіе на ея комментарій, знакомящій насъ съ внѣшними аттрибутами ханской власти и съ основными воззрѣніями на ханскую власть, сохранившимися по преданію въ потомствѣ Менглы-Герая. Вотъ что содержится въ этомъ толкованіи, какъ оно редактировано прежнимъ переводчикомъ.

„Престарѣлый Али-Джингызъ-ханъ [1]), одѣтый въ древнее мунгальское восточное платье—въ голубомъ кафтанѣ, подпоясанъ жолтымъ шолковымъ поясомъ съ золотою пряжкою, въ красныхъ шароварахъ, въ жолтомъ чекменѣ, въ могульской ханской коронѣ, имѣющей верхъ зеленый, обвитой бѣлою съ золотомъ и жемчугомъ шалью, съ перомъ напереди изъ перьевъ колпицы и дорогихъ камней съ жемчужными подвѣсками, съ посѣдѣвшею бородою; сидящій подъ малиновымъ бархатнымъ, обложеннымъ золотомъ, съ золотыми кистями и золотымъ шнуромъ, балдахиномъ, на тронѣ, покрытомъ разноцвѣтнымъ восточнымъ дорогимъ ковромъ, съ лежащими предъ трономъ въ лѣвой сторонѣ на землѣ знаменами, литаврами, барабанами, бубнами, саблями, луками и стрѣлами, шишаками и панцырями, въ знакъ того что онъ былъ храбрый воинъ, побѣдитель и мудрый самовластный обладатель многочисленныхъ во всей восточной Азіи народовъ“.

„На тронѣ на синихъ подушкахъ лежатъ: на правой сторонѣ законъ, по которому поступая, онъ управлялъ тѣми народами; а по лѣвой сторонѣ таракъ, принятый въ символическую тамгу, или гербъ, всѣми восточными ханами и султанами, отъ него происходящими, который изъясненъ особо [2])“.

„Стоящій при тронѣ курящійся сосудъ знаменуетъ безпредѣльную всѣхъ тѣхъ народовъ ему покорность и повиновеніе“.

„Правою рукою подаетъ четыремъ близъ стоящимъ сынамъ его пукъ стрѣлъ, въ память даннаго имъ предъ кончиною его, при врученіи ханскаго престола старшему сыну, завѣщанія быть имъ всѣмъ въ согласіи и первому послушными и повинными. Лѣвою рукою держимая сабля съ мас-

---

[1]) О неточности этого имени было уже замѣчено выше, на стр. 196 въ выноскѣ 1. Здѣсь же это имя и въ правильномъ своемъ видѣ не совсѣмъ умѣстно, потому что не согласуется съ подписью на рисункѣ, въ которой сказано, что рисунокъ изображаетъ воцареніе *Менглы-Гирая*, а не Чингизъ-хана. [2]) См. выше, стр. 195—197.

хановъ и султановъ и ихъ поколѣнія“. Внизу же подъ этимъ древомъ нарисована картина съ подписью: بیعت منكلی كری خان قریمده ابتداكی خاندور آلتنجی اوغلی حاجی كری قبچاق خانك نسلی. Порусски это будетъ значить: „Воцареніе Менглы - Герай хана. Онъ первоначальный ханъ въ Крыму, шестой сынъ Хаджи-Герая, потомка Кыпчакскаго хана“.

Что всѣ надписи въ этой эмблемѣ двуязычныя, это значитъ, что первоначальная ея редакція принадлежитъ самимъ татарамъ, а какой-то новѣйшій рисовальщикъ изъ русскихъ сочинилъ къ ней цѣлый рисунокъ въ краскахъ, къ которому приложенъ русскій переводъ символическаго объясненія этой эмблемы. А что хозяева картины смотрѣли на нее какъ на вещь серьозную, это явствуетъ изъ рукоприкладства на ней нѣкоторыхъ современныхъ Гераевъ, а также и изъ того, что картинка представлена ими наряду съ прочими документами въ числѣ доказательствъ своего именитаго происхожденія, дающаго имъ право на полученіе дворянскаго званія.

Нѣкоторыя детали этого курьознаго рисунка изобличаютъ незнакомство его композитора съ татарскою археологіею: тутъ, напримѣръ, вы видите горностаевую порфиру и другіе предметы, въ такой формѣ изображенные, въ какой они не свойственны старинному татарскому быту. Но если этотъ рисунокъ удовлетворялъ заказавшихъ его татарскихъ вельможъ, то, слѣдовательно, онъ приблизительно согласовался съ тѣмъ, какъ они воображали себѣ сюжетъ его. Поэтому, не придавая особенной важности подлинности происхожденія самой эмблемы, не лишне обратить вниманіе на ея комментарій, знакомящій насъ съ внѣшними аттрибутами ханской власти и съ основными воззрѣніями на ханскую власть, сохранившимися по преданію въ потомствѣ Менглы - Герая. Вотъ что содержится въ этомъ толкованіи, какъ оно редактировано прежнимъ переводчикомъ.

„Престарѣлый Али-Джингызъ-ханъ [1]), одѣтый въ древнее мунгальское восточное платье—въ голубомъ кафтанѣ, подпоясанъ жолтымъ шолковымъ поясомъ съ золотою пряжкою, въ красныхъ шароварахъ, въ жолтомъ чекменѣ, въ могульской ханской коронѣ, имѣющей верхъ зеленый, обвитой бѣлою съ золотомъ и жемчугомъ шалью, съ перомъ папереди изъ перьевъ колпицы и дорогихъ камней съ жемчужными подвѣсками, съ посѣдѣвшею бородою; сидящій подъ малиновымъ бархатнымъ, обложеннымъ золотомъ, съ золотыми кистями и золотымъ шнуромъ, балдахиномъ, на тронѣ, покрытомъ разноцвѣтнымъ восточнымъ дорогимъ ковромъ, съ лежащими предъ трономъ въ лѣвой сторонѣ на землѣ знаменами, литаврами, барабанами, бубнами, саблями, луками и стрѣлами, шишаками и панцырями, въ знакъ того что онъ былъ храбрый воинъ, побѣдитель и мудрый самовластный обладатель многочисленныхъ во всей восточной Азіи народовъ“.

„На тронѣ на синихъ подушкахъ лежатъ: на правой сторонѣ законъ, по которому поступая, онъ управлялъ тѣми народами; а по лѣвой сторонѣ таракъ, принятый въ символическую тамгу, или гербъ, всѣми восточными ханами и султанами, отъ него происходящими, который изъясненъ особо [2])“.

„Стоящій при тронѣ курящійся сосудъ знаменуетъ безпредѣльную всѣхъ тѣхъ народовъ ему покорность и повиновеніе“.

„Правою рукою подаетъ четыремъ близъ стоящимъ сынамъ его пукъ стрѣлъ, въ память даннаго имъ предъ кончиною его, при врученіи ханскаго престола старшему сыну, завѣщанія быть имъ всѣмъ въ согласіи и первому послушными и повинными. Лѣвою рукою держимая сабля съ мас-

---

[1]) О неточности этого имени было уже замѣчено выше, на стр. 196 въ выноскѣ 1. Здѣсь же это имя и въ правильномъ своемъ видѣ не совсѣмъ умѣстно, потому что не согласуется съ подписью на рисункѣ, въ которой сказано, что рисунокъ изображаетъ воцареніе *Менглы-Гирая*, а не Чингизъ-хана. [2]) См. выше, стр. 195—197.

личною вѣтвію знаменуетъ, что онъ всегда былъ готовъ къ войнѣ и миру".

„Гранатовое дерево, на которомъ расположенъ Али-Джингызъ-ханскаго поколѣнія родъ Крымскихъ хановъ и султановъ и ихъ потомковъ, знаменуетъ вещественно собою многочисленныя поколѣнія Али-Джингызъ-хановой фамиліи и многовѣчное ихъ отъ самой глубокой древности во всей восточной Азіи царствованіе высотою его несравненное предъ прочими восточными владѣльцами Алы-Джингызъ-ханово и его роду величество. А стояніе сего дерева при берегѣ водъ знаменуетъ, что Али-Джингызъ-ханова поколѣнія царствовавшихъ въ Крыму хановъ и султановъ оставшіеся потомки помнятъ свое происхожденіе".

„Надъ деревомъ стоящая звѣзда, магнитными стрѣлами окруженная, знаменуетъ: „Господи, покажи намъ невиннымъ пути твои!"

Затѣмъ слѣдуетъ подпись Селимъ-Герай-султана, который приложилъ руку за себя и за другихъ родичей своихъ, за неумѣніемъ ихъ грамотѣ и по ихъ просьбѣ [1]).

Если мы присовокупимъ къ этому комментарію заимствованныя изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія объ инвеституре султанской при нареченіи въ Крымскіе ханы, которая повторялась всякій разъ, когда ханъ былъ приглашаемъ въ какой-нибудь походъ, то будемъ имѣть полное представленіе о всѣхъ регаліяхъ и внѣшнихъ знакахъ ханскаго достоинства. Насколько эти аттрибуты были незатѣйливы, можно судить потому, что историки татарскіе занесли въ свои лѣтописи, какъ

---

[1]) Дѣла Арх. Тавр. Двор. Собр. № 54, листъ 159. Къ вышеприведенному толкованію эмблемы присоединено еще изъясненіе добавочныхъ подробностей ея (какъ напримѣръ порфиры), изъ котораго видно, что эти аттрибуты сочинены въ новѣйшее время въ примѣненіи къ теперешнему положенію Герайской фамиліи «по вступленіи подъ Россійскую Державу». Подъ этимъ изъясненіемъ подписался уже одинъ только тит. совѣт. Игнатій Татариновъ, урожденный Али-Джингызъ-Герай-султанъ (Ibid., л. 160 recto).

достопримѣчательное событіе, что Девлетъ-Герай-ханъ при вторичномъ своемъ назначеніи на ханство „обновилъ свое султанское одѣяніе", такъ какъ назначеніе случилось какъ разъ въ праздникъ рамазана [1]). Въ нашемъ сборникѣ есть одна замѣтка касательно нравовъ Крымскихъ хановъ, въ которой пренаивно-серьозно разсказывается, что у хановъ и ихъ султановъ всегда бывало только по одному облаченію, котораго они не обновляли до тѣхъ поръ, пока оно совсѣмъ не изнашивалось. Обыкновенно они по шести мѣсяцевъ не раздѣвались; но уже однажды снятаго платья опять не надѣвали, а отдавали кому-нибудь изъ находившихся въ ихъ свитѣ людей [2]).

Что касается территоріальнаго пространства и границъ владѣній вновь воцарившагося Менглы-Герая, то ихъ трудно теперь указать съ точностью. Точное опредѣленіе этихъ границъ и въ его время должно было быть довольно затруднительно, потому что у него еще были кое-какіе по этой части счоты съ сосѣдями, да къ этому еще присоединилась сопредѣльность и даже совмѣстность владѣній его верховнаго покровителя, султана турецкаго.

Кеппенъ также только приблизительно опредѣляетъ границу турецкихъ владѣній въ Крыму, основываясь на ярлыкѣ послѣдняго хана Шагинъ-Герая, сохраненномъ въ переводѣ у Палласа. Принимая во вниманіе роспись селеній въ этомъ ярлыкѣ и другія соображенія, Кеппенъ заключаетъ, что турки, завладѣвъ Кафою, оставили за собою не только этотъ городъ и укрѣпленныя мѣста—Керчь, Еникалé, Арабатъ, Перекопъ, Мангупъ, Инкерманъ и Балаклаву, но и весь Южный берегъ, который генуэзцамъ уступленъ былъ татарами въ 1380 году [3]). Но ярлыкъ Шагинъ-Герая слишкомъ уже поздній памятникъ для того, чтобы по немъ судить о террито-

---

[1]) Семь планетъ, 313. [2]) Сборникъ, ٣٠ — ٣١. [3]) Крымскій Сборникъ, 74 — 80.

ріальномъ объемѣ ханства во время образованія этого ханства, а соображенія почтеннаго ученаго все-таки не документы.

Нѣкоторыя географическія свѣдѣнія о Крымскомъ ханствѣ находимъ также у Гезаръ-Фенна въ цитованной нами статьѣ его сочиненія *Тэльхисуль-бейянъ*. „Въ чертѣ владычества ихъ (Крымскихъ хановъ) есть четыре крѣпости— Гѐзлевъ, Оръ, Рабатъ и крѣпость извѣстная подъ названіемъ *Ягудъ-Калъэси*. Въ подвѣдомствѣ ихъ насчитывается 1300 большихъ и малыхъ деревень. Изъ значительныхъ городовъ у нихъ есть такъ называемый городъ Кара-Су, потомъ Акъ-Месджидъ, ханская столица Бакчэ-Сарай и такъ называемый городъ Малый Кара-Су. Въ каждомъ изъ нихъ есть джами, мечети, бани, ханы, рынки и базары. Всѣ управляемыя ими деревни и округи составляютъ двадцать четыре казылыка. Самый же такъ называемый Крымъ, полуостровъ составляетъ четыре санджака [1]).. Причина наименованія крѣпости *Оръ* та, что означенная крѣпость построена между Азовскимъ и Чорнымъ морями, на пространствѣ шириною въ 7000 погонныхъ саженей, которое перерѣзано рвомъ, а *оръ*—اور— на ногайскомъ языкѣ и значитъ „ровъ“. За упомянутою крѣпостью вплоть до крѣпости Азова есть четыре ногайскихъ отдѣла изъ „Большого Ногая“: одинъ называется Большой Ногай— اولو نوغاى, коихъ мурзы изъ поколѣнія Орамбета; другой отдѣлъ называется Мансуръ-оглу, мурзы которыхъ еще и теперь изъ Мансуръ-оглу же; третій отдѣлъ называютъ Шайдакъ-тамгасы, и мурзы ихъ изъ того же самаго поколѣнія; четвертый называютъ Малый-Ногай—كچى نوغاى [2]).

Турецко-татарскіе историки, желая точнѣе обозначить територію ханства во времена Сахыбъ-Герая, пятаго хана, такъ очерчиваютъ границы этой территоріи: къ сѣверу Ферахъ-Кер-

[1]) Далѣе говорится о біяхъ, что было приведено у насъ выше, на стр. 323. [2]) Op. cit., л. 73 г.

манъ, къ югу Балаклава, къ востоку Кафа и къ западу Гёзлевъ. [1]) Это указаніе до извѣстной степени подтверждается и документальными памятниками. До насъ дошолъ тарханный ярлыкъ Менглы-Герая, данный имъ нѣкоему Махмудеку. Въ числѣ мѣстностей, въ районѣ которыхъ должны были имѣть силу разныя льготы и привиллегіи, дарованныя вышеупомянутому Махмудеку, упоминаются Керчь, Кафа, Ялта. [2]) Положимъ, что этотъ ярлыкъ писанъ еще въ 873 = 1468 году, т. е. до установленія верховенства Отоманской Порты въ Крыму. Но въ ярлыкѣ Мухаммедъ-Герая I, сына Менглы-Герая, даннаго въ 923 = 1517 г., географическій районъ дѣйствительности дарованныхъ предъявителю ярлыка правъ и привиллегій означенъ точно тотъ же самый, какъ и въ предыдущемъ ярлыкѣ [3]).

Между тѣмъ Феридунъ-бей, помѣщая въ своемъ сборникѣ роспись центральныхъ административныхъ пунктовъ обширныхъ владѣній Отоманской имперіи, включаетъ въ Кафскій эйялетъ (генералъ-губернаторство) Кафу, Аккерманъ, Бендеръ, Азакъ, Кылъ-Бурунъ и Керчь [4]). Изъ этого видно, что турки, овладѣвъ Кафою и другими близкими къ морю мѣстностями, образовали изъ этихъ новопріобрѣтенныхъ завоеваній отдѣльное бейлеръ-бейство, названное Кафскимъ — ایالت کفه, по имени города Кафы, гдѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе представитель султанской власти въ странѣ, и гдѣ также были сосредоточены матеріальныя средства, необходимыя для поддержанія престижа этой власти, т. е. войска и оружейные склады. Означеніе у Феридунъ-бея Керчи эпитетомъ *лива* — لوا — показываетъ, что и тамъ тоже находился турецкій гарнизонъ, какъ подобные же гарнизоны, надо полагать, посажены были и въ другихъ наиболѣе важныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктахъ въ Крыму.

---

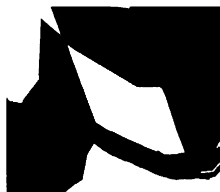
[1]) Семь планетъ, 92; Кр. Ист., л. 34 г. [2]) Зап. Од. Общ., VIII, ярлыки Кр. хановъ: 11—13. [3]) Ibid., 16—19. [4]) Op. cit., II: 404.

Когда золотоордынскій ханъ Сейидъ-Ахмедъ подступалъ къ Кафѣ, тамъ уже сидѣлъ турецкій правитель, по имени Касимъ-паша, прибѣгшій, какъ мы видѣли, къ хитрости, чтобы отдѣлаться отъ внезапно подступившаго къ городу непріятеля [1]). Въ нашихъ актахъ комендантъ Кафы называется просто „пашою кафинскимъ“ безъ точнаго его поименованія. Напр. въ Дѣлахъ Крымскихъ впервые упоминается о немъ подъ 1491 годомъ [2]). Въ слѣдующемъ году великій князь Иванъ Васильевичъ жалуется Менглы-Гераю а потомъ и самому султану Баязиду: „Напередъ сего изъ нашихъ земель наши гости въ турского салтана земли ходили, одну тамгу платили, а сила надъ ними никоторая не бывала... И нынѣчя намъ наши гости били челомъ и сказывали намъ, что надъ ними лѣтось въ турского салтана землѣ отъ его людей велика сила учинилася, въ Азовѣ паша велѣлъ нашимъ гостемъ ровъ копати и камень на городъ носити. Также въ Азовѣ и въ Кафѣ и въ иныхъ салтановыхъ городѣхъ товары у нихъ оцѣнивъ возмутъ да половины цѣны дадутъ, а другіе не дадутъ“ [3]). Изъ этой жалобы мы знакомимся съ тѣми порядками, которые турки стали вводить въ оставленныхъ ими за собою крымскихъ мѣстностяхъ, названныхъ поэтому „салтановыми городами“. Ясно, что эти порядки были частію военнооборонительнаго свойства, для обезпеченія владѣній отъ чьего бы то ни было нападенія, частію свойства фискальнаго, въ видахъ извлеченія тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыми руководились султаны турецкіе, водворяя свое господство на Крымскомъ полуостровѣ.

Но содержаніе вышеприведенныхъ ханскихъ ярлыковъ показываетъ намъ, что водвореніе полноправнаго господства турковъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Крыма не исключало совсѣмъ и власти Крымскаго хана надъ ними, но только мудрено

---

[1]) Семь планетъ, 79. [2]) Сборн. Истор. Общ., XLI: 112. [3]) Ibidem., 161—162.



теперь съ несомнѣнностью выяснить, какъ эти двѣ власти дѣлили свою компетенцію. Сколь неопредѣленны были сферы дѣйствія двухъ властей, и къ какимъ эта неопредѣленность иногда приводила недоразумѣніямъ, это довольно характерно изображается въ одномъ происшествіи съ сыномъ Менглы-Герая, Сахыбъ Герай-ханомъ, которое описано у крымскихъ историковъ. Этотъ ханъ, отправляясь въ походъ противъ черкесовъ, дорогою остановился погостить, снизойдя къ просьбѣ одного изъ своихъ подданныхъ, въ его саду, находившемся близь Кафы. Тогда къ хану явилась толпа райи съ жалобою на несправедливости и притѣсненія, причиняемыя имъ турецкими солдатами и сипагомъ, сборщикомъ податей османскихъ. Ханъ потребовалъ ихъ къ себѣ и разразился на нихъ гнѣвомъ. А сипагъ не вытерпѣлъ и говоритъ хану: „Этотъ хлѣбъ дарованъ намъ со стороны падишаха, и другимъ нечего вмѣшиваться". — Ханъ, еще больше разгнѣвавшись, возразилъ: „При завоеваніи Кафы всѣ земли внѣ ея дальше пушечнаго выстрѣла по волѣ падишаха пожалованы въ собственность нашимъ предкамъ за ихъ заслуги". Но это оказалось тщетно: враги хана воспользовались этимъ случаемъ и перетолковали въ Портѣ слова хана въ томъ смыслѣ, будто бы онъ не считаетъ Кафу принадлежащею къ владѣніямъ отоманскимъ и намѣревается захватить ее себѣ, что навлекло на него, конечно, немилость верховнаго отоманскаго правительства [1]).

---

[1]) Семь планетъ, 94; Кр. Ист., л. 35 г.; Jour. As. T. XII: 368. Казимирскій и Жоберъ не поняли этого мѣста въ переведенной ими краткой хронологіи Крымскихъ хановъ и, приведя отрывокъ турецкаго текста, дѣлаютъ замѣчаніе, что «Il est difficile de bien saisir le sens de ces entretiens». Они предполагаютъ тутъ или пропускъ или искаженіе въ ихъ рукописи. Но въ экземплярѣ Учебн. Отд. № 368 (л. 10 г.) находится то же самое, за исключеніемъ того, что здѣсь стоитъ слово بز вмѣсто بره кодекса Казимирскаго, хотя то и другое не вѣрно: надо читать بزه, и только; все же прочее понятно.

Такъ какъ все почти Крымское побережье, по крайней мѣрѣ главные его пункты были въ рукахъ турецкихъ, то Менглы-Герай обратилъ преимущественное свое вниманіе на обезопашеніе своихъ владѣній съ той стороны, которою они соприкасались съ материкомъ. Прежде всего ему приписывается во всѣхъ историческихъ источникахъ построеніе многихъ укрѣпленій, каковы, напримѣръ, Ферахъ-Керманъ на перешейкѣ, Джанъ-Керманъ, Кара-Керманъ и Девлетъ-Керманъ на берегахъ Днѣпра [1]).

Чаще другихъ мѣстностей упоминается у крымскихъ историковъ Ферахъ-Керманъ, потому что это былъ сборный пунктъ для ханскихъ полчищъ передъ выступленіемъ ихъ въ походъ и розстань отрядовъ ихъ [2]), гдѣ ханы дѣлали первыя военныя распоряженія [3]), гдѣ происходили предварительныя военныя совѣщанія [4]). Вмѣстѣ съ крѣпостью Оромъ, что значитъ, по толкованію Гизы, „ровъ" [5])—, Ферахъ-Керманъ былъ первымъ сторожевымъ пунктомъ полуострова и сухопутною станціею на пути изъ Крыма па материкъ, подобно тому какъ Тамань была главнымъ мѣстомъ переправы крымцевъ въ предѣлы черкесскіе. Г. Кондараки сообщаетъ такое, неизвѣстно откуда взятое имъ извѣстіе о построеніи этого важнаго укрѣпленія: „Менглы-Герай-ханъ построилъ на немъ на Перекопскомъ перешейкѣ) укрѣпленіе Феркерманъ, кото-

---

[1]) Кр. Ист., л. 30 г.—v. и Зап. Од. Общ., I: 383. Въ «Ассебъу-с-сейяръ» (стр. 81) означены паланки Ферахъ-Керманъ, Ханъ-Керманъ и Кара-Керманъ. Ханъ-Керманъ—خان كرمان—здѣсь, вѣроятно, ошибочно вмѣсто جان كرمان, ибо хотя еще разъ встрѣчаемъ его въ печатномъ изданіи, на стр. 122, но въ рукописномъ экземплярѣ Учеб. Отд. М. И. Д., л. 84 г., стоитъ جان كرمان; въ остальныхъ же случаяхъ, и въ «Ассебъу-с-сейяръ» (на стрр. 120, 212, 239, 240 и 290) вездѣ значится جان كرمان, а не خان كرمان. [2]) Семь планетъ, 173. [3]) Ibid., 293. [4]) Ibid., 340. [5]) اور اولان لسان تاتار اوزره خندق معناسنده (Ibid., 81).

рое строилось нѣсколько лѣтъ итальянскими архитекторами, при содѣйствіи пяти тысячь человѣкъ и стоило громадныхъ усилій и денегъ, по отсутсвію вблизи камня"[1]).

Затѣмъ въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній Крыма съ сосѣдними государствами имѣются свѣдѣнія о постройкѣ Менглы-Гераемъ другого укрѣпленнаго городка, которая въ свое время была предметомъ весьма горячихъ международныхъ переговоровъ и даже прямыхъ военныхъ столкновеній. Въ іюнѣ 1492 года Менглы-Герай писалъ великому князю Ивану Васильевичу: „На Днѣпрѣ къ тобѣ брату моему хотимъ близко быти, городъ дѣлаемъ.... Въ Кафѣ есми былъ о томъ городѣ, нашихъ денегъ восмь (тысячь) я займовалъ есми, всего сто тысячь денегъ занялъ есми, сто тысячь денегъ тридцать тысячь да три тысячь алтынъ, столко денегъ будетъ... въ шесть мѣсяцъ отдати надобе; что харчю учиню, твой посолъ Иванъ Лобанъ видитъ; какъ братьство учинить, отъ сего долгу избавить насъ, ты братъ мой вѣдаешь... Ещо сесь городъ, какъ думаю, молвишь: дѣлай... Ажъ Богъ донесетъ, сее зимы, съ женами своими, со всѣми улусы выкочевавъ, въ томъ городѣ зимую"[2]).

Насколько серьозно ханъ занятъ былъ этою постройкою, и какъ къ ней отнесся великій князь московскій, это видно изъ словъ русскаго посла Заболотцкаго, которому данъ былъ такой наказъ. „Князь велики велѣлъ тобѣ (хану) говорити:... „Боярину еси нашему Ивану говорилъ, что не пошелъ еси нынѣ ратью на своего и на моего недруга на короля землю затѣмъ, что на Днѣпрѣ городъ дѣлаешь, да изъ того города изблиска хочешь ему недружбу свою доводити... А что городъ дѣлаешь на Днѣпрѣ, и намъ сказывали, что тотъ городъ далече отъ Литовскіе земли, близко деи устья Днѣпрьского; а ты бы нынѣ однолично то дѣло поотставилъ, а

---

[1]) Op. cit., ч. XV: 141. [2]) Сборн. Ист. Общ., XLI: 152—153.

самъ бы еси на конь всѣлъ и ратью пошолъ на Литовскую землю...“ [1]) Но ханъ не внялъ просьбѣ вел. князя: въ октябрѣ того же 1492 года Колычевъ извѣщаетъ вел. князя: „Царь, государь, твоихъ казаковъ провожалъ самъ; да проводивъ, государь, твоихъ казаковъ, да пошолъ города дѣлати, да того, государь, городу и сдѣлалъ да и людей, государь, въ томъ городѣ посадилъ... А слышанье наше, государь, таково: пришелъ отъ королевича отъ князя Александра посолъ о городѣ. А рѣчи, государь, посла королевичя царю таковы: гораздо ли чинишь, на нашей еси землѣ городъ доспѣлъ и людей еси своихъ въ томъ городѣ посадилъ, то ли твое сусѣдство и дружба? И тово бы еси города отступился намъ, а людей бы еси своихъ изъ того города вывелъ вонъ; а въ колко будетъ тебѣ тотъ городъ убытковъ сталъ, и мы тебѣ тѣ убытки заплатимъ не въ однорядъ“ [2]). Въ то же время и самъ Менглы-Герай оповѣщаетъ великаго князя въ ярлыкѣ: „Да еще слово то, что на Днѣпрѣ городъ, долгъ учинивъ, весь нарядилъ есми: ино тотъ городъ нарядилъ есми Божіимъ изволеніемъ... Да еще съ Мерекою приказалъ есми къ тебѣ о своемъ долгу заплатити, подумаешь борзо“ [3]). Но литовцы, которые раньше предлагали хану отступного, только бы онъ не затѣвалъ непріятной имъ постройки, въ слѣдующемъ году пришли „наряжоной на Нѣпрѣ городъ взяли. . а что было въ городѣ, то все взяли“ [4]). Повторяя въ своихъ грамотахъ къ великому князю свою жалобу на раззоренье города, ханъ высчитываетъ убытки свои, намекая на то, чтобы великій князь помогъ ему деньгами на покрытіе его долга, тѣмъ болѣе что онъ намѣревается возобновить этотъ городъ, какъ необходимый для того, чтобы грозить литовскому князю [5]).

Что же это былъ за городъ, причинившій столько безпокойства литовцамъ и стоившій стольких хлопотъ хану, такъ что

---

[1]) Ibid., 157—158. [2]) Ibid., 165—166. [3]) Ibid., 168. [4]) Ibidem., 193. [5]) Ibid., 196—197

онъ даже вошолъ въ денежные долги ради его постройки? Карамзинъ отвѣчаетъ: „Сія крѣпость была *Очаковъ*, основанный на какихъ-то древнихъ развалинахъ“ [1]). Такъ оно выходитъ и по тѣмъ даннымъ, которыя находятся объ этомъ городѣ въ грамотахъ. Въ памяти Семену Ромодановскому, данной въ августѣ 1498 года, читаемъ: „И Семену ему (кіевскому намѣстнику) говорити: коли ты меня не велишь проводити до Крыма, или до Тавани, или *до Менли-Гиреева городка до Ачякова, что на усть Днѣпра*, а людей со мною мало, и язъ ѣду назадъ къ своему государю“ [2]). Точно также по наказу отъ апрѣля 1500 года, князь Кубенскій долженъ былъ говорить хану: „Также наши купци Ивашко Морозовъ да Шыршикъ съ товарыщи сказываютъ, что пришли въ *твой городокъ Очаковъ*, а въ ту пору твои люди воевали Черкасци Кіевскіе“ [3]). Въ томъ же наказѣ находимъ такую рѣчь: „А въ *новомъ городкѣ въ Очаковѣ* емлютъ новую тамгу, наперѣдъ того тутъ тамга не бывала“ [4]).

Не смотря на это, Ф. К. Брунъ довольно рѣзко замѣчаетъ: „Тѣ ошибаются, кто по примѣру Карамзина (VI: 146) полагаютъ, что ханъ въ этомъ случаѣ хотѣлъ говорить объ Очаковѣ. Подобнымъ образомъ Черкасскій воевода Богданъ раззорилъ въ слѣдующемъ году не Очаковъ, но замокъ Тягинскій къ великой досадѣ хана, истратившаго 150,000 алтынъ на строеніе онаго (Карамзинъ, VI: 152)“ [5]). Мнѣніе самого г. Бруна то, что построенный Менглы-Гераемъ городъ былъ *Тягинъ*. Оно основано у него на грамотѣ польскаго короля Іоанна Альбрехта, который писалъ осенью 1492 года брату своему Александру, что „царь Перекопскій Мендли-Кгерей вытягнулъ съ Перекопа со всѣми моцами своими, а тягнетъ до того замку своему, который того лѣта минулаго оправилъ на сей сторонѣ Днѣпра съ помощью царя турецкаго, именемъ

[1]) Ист. Гос Рос., VI: 146. [2]) Сб. Ист. Общ., XLI: 261. [3]) Ibidem, 305. [4]) Ibid., 313. [5]) Брунъ, Черноморье, I: 180.

Тягинъ" [1]). Далѣе г. Брунъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе ссылкою на свидѣтельство Михалона Литвина, что выше Очакова находился замокъ *Tyahinia*, коего развалины нынѣ еще видны между Херсономъ и Бериславомъ при деревнѣ Тягинкѣ на берегу Днѣпра [2]). Что же касается до Очакова, то г. Брунъ хочетъ непремѣнно отожествить его съ однимъ замкомъ, который въ спискѣ замковъ, доставшихся по смерти Витовта преемнику его Свитригайлу, именуется *Czarnygrod*, названный татарами *Каракерменъ*, т. е. Чернымъ городомъ, присовокупляетъ покойный профессоръ [3]).

Не оспаривая того, что по близости Очакова существовало какое-то старинное укрѣпленіе по имени *Тягинъ*, мы все-таки не видимъ причинъ, почему должно быть отдано предпочтеніе грамотѣ короля Іоанна Альбрехта передъ нашими русскими документальными памятниками. Если предположить, что близкое другъ къ другу нахожденіе двухъ мѣстностей дало поводъ авторамъ нашихъ грамотъ къ смѣшенію именъ этихъ мѣстностей, то, вѣдь, подобное предположеніе съ одинаковымъ правомъ примѣнимо и къ писавшимъ грамоту короля польскаго. А между тѣмъ въ нашихъ документахъ, послѣ неоднократныхъ и ясныхъ упоминаній объ Очаковѣ, какъ уже о построенномъ городѣ, мы встрѣчаемъ также ясно выражаемыя Менглы-Гераемъ намѣренія насчотъ новыхъ его крѣпостныхъ сооруженій, и все въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, т. е. на низовьяхъ Днѣпра. Такъ въ 1504 году онъ пишетъ великому князю Ивану Васильевичу: „Да еще самъ на Днѣпрѣ на Таванѣ хочю доспѣти одинъ городъ великъ, а городище есть, и язъ то хочю городъ доспѣти" [4]). Что этотъ ханскій проектъ не состоялъ только въ довершеніи начатой постройки какой-либо изъ прежнихъ крѣпостей, хоть напримѣръ того же самаго Очакова или Тягина, это явствуетъ изъ

---

[1]) Ibid., 179. [2]) Ibidem. [3]) Ibid., 177. [4]) Сбор. Ист. Общ., XLI: 540.

наименованія проектированнаго города, которое нисколько не похоже ни на одно изъ вышеприведенныхъ именъ. „Богъ дастъ ся весна будетъ“, читаемъ мы въ ханской грамотѣ, „перекопь здѣлаю, а на Днѣпрѣ на Табанѣ перевозѣ *Инкерменъ* городъ здѣлаю; а салтанъ Баазитъ тысячю человѣкъ далъ, перекопь крѣпкой сдѣлай, молвилъ“ [1]).

Нѣтъ также никакого основанія къ отожествленію Очакова и съ Кара-Керманомъ, на чемъ такъ положительно настаиваетъ г. Брунъ, опираясь на одно мѣсто въ Краткой Исторіи Крыма по переводу г. Негри въ первомъ томѣ Записокъ Одесскаго Общества. Тамъ это мѣсто читается такъ: „Жители Крыма... большею частью кочевали по берегамъ рѣкъ Эмбы, Урала, Волги, Терека, Кубани и Днѣпра, по ту и по сю сторону Каракермана“ [2]). Въ турецкомъ текстѣ оно имѣетъ слѣдующій видъ: اهالی قریم بر محلده اقامت ایتمیوب یازوقیش کوچرلردی گاه آنده وگاه بونده اکثریا جم وجایق واديل وترك وقوبان واوزی نام التی صو بوبی تعبیر ایتدکلری صولرك کنارلرنده اولورلردی وگاه دخی قره کرمان نك طشره سنده وایچروسنده اولوب دائما چترو اوتاغلر يله خانه بردوش کبی اهل وعیال واموال و اثقاللر يله غربت وسياحت اختيار ایتمشلر ایدی, т. е. „Крымцы не имѣли постояннаго пребыванія въ одномъ мѣстѣ, а кочевали лѣтомъ и зимою тамъ и сямъ, а большею частью по берегамъ рѣкъ Эмбы, Яика, Итиля, Терека, Кубани и Днѣпра, именуемыхъ у нихъ *Шестирѣчьемъ*. А также бывало, что они по ту и по сю сторону Кара-Кермана, всегда съ своими шатрами и кибитками, точно съ домомъ на плечахъ, съ семьями, имуществомъ и скарбомъ странствовали и путешествовали“ [3]).

Прежде всего тутъ обращаетъ на себя вниманіе терминъ اهالی قریم = „крымцы“—что имъ хочетъ обозначить составитель Исторіи? По всѣмъ соображеніямъ тутъ названы такъ всѣ тѣ

---

[1]) Ibid., 544. [2]) Зап. Од. Общ., I: 384. [3]) Кр. Ист., л. 34 г.

племена, которыя частію давали контингентъ народонаселенія, водворившагося и осѣвшаго въ Крымскомъ полуостровѣ, частію же только считались подвластными Крымскимъ ханамъ, платя имъ дань, но кочуя внѣ предѣловъ Крыма: нельзя же предположить, чтобы поселившіеся въ немъ люди опять откочевывали въ такіе отдаленные края, какъ берега рѣкъ Эмбы и Яика. Во всякомъ случаѣ страннымъ представляется то, что рядомъ съ именами шести рѣкъ, побережья которыхъ служили кочевьями бродячихъ подданныхъ Крымскаго хана, вдругъ значится какой-то Кара-Керманъ. Какой можетъ имѣть смыслъ выраженіе „по ту и по сю сторону Кара-Кермана", если это какой-нибудь городокъ или крѣпость на р. Днѣпрѣ, какъ оно выходитъ изъ перевода г. Негри, а тѣмъ паче если тутъ надо разумѣть стоящій гдѣ-то въ углу на устьѣ Днѣпра Очаковъ, какъ на этомъ настаиваетъ покойный Брунъ? Въ приведенномъ подлинномъ татарскомъ текстѣ имя Кара-Кермана совершенно поставлено особнякомъ отъ р. Днѣпра: тамъ сказано: „*А также бывало*, что они по ту и по сю сторону Кара-Кермана странствовали". Значитъ, названная этимъ именемъ мѣстность должна изображать собою какой-то пограничный, раздѣльный пунктъ, а это къ Очакову никакъ не примѣнимо. Дѣло въ томъ, что и въ экземплярѣ означенной Исторіи, съ котораго переводилъ г. Негри, и въ имѣющемся у насъ кодексѣ „Кара-Керманъ" оказывается ошибкою. Въ „Ассебъу-с-сейяръ" о томъ же предметѣ говорится почти тѣми же словами, что и въ Краткой Исторіи, но только тамъ вмѣсто Кара-Кермана стоитъ Ферахъ-Керманъ, и притомъ одинаково какъ въ печатномъ изданіи [1]), такъ и въ рукописномъ кодексѣ Учебн. Отд. М. И. Д. — فرح كرمان قلعه سنك خارج وداخلنده [2]). Это совершенно основательно: упомянувъ о побережьѣ Днѣпра, уже незачѣмъ вчастности выдѣлять какой-

[1]) Стр. 91. [2]) Листъ 65 г.

нибудь пунктъ на томъ же побережьѣ. Между тѣмъ Ферахъ-Керманъ стоялъ на рѣзко очерченной Перекопскимъ перешейкомъ границѣ полуострова, представляя собою преграду, относительно которой былъ смыслъ сказать: „по сю и по ту сторону“. Да оно такъ иногда и говорилось, дѣйствительно: въ сочиненіи того же Мухаммедъ-Ризы, напримѣръ, есть такое мѣсто: خان قريم خارج فرمكرمانك امر محافظه‌يه اقدام وسد راه اعدا اولق اوزره فاتحه خوان عزيمت اولوب = „Ханъ Крымскій, помолившись, приступилъ къ распоряженію объ охранѣ и о преграждепіи пути непріятелю по ту сторону Ферахъ-Кермана“ [1]).

Кара-Керманъ же могъ существовать самъ по себѣ, помимо Очакова: не его ли слѣдуетъ разумѣть въ конечной припискѣ къ грамотѣ Менглы-Герая къ Ивану Васильевичу отъ 1493 г. съ извѣщеніемъ о разрушеніи вновь построеннаго города литовцами, что эта грамота „писана въ *Керерманѣ*“? [2]). Современемъ имя этого географическаго пункта могло затеряться, уступивъ мѣсто какому-нибудь другому, подобно тому какъ затерялись имена тѣхъ *городищъ*, о которыхъ упоминается въ грамотахъ Менглы-Герая, имѣвшаго обыкновеніе воздвигать новыя постройки на развалинахъ прежнихъ подобныхъ же сооруженій. Особливо такое соображеніе приложимо къ знаменитому переправочному пункту на р. Днѣпрѣ, именуемому въ памятникахъ Таванью: и позднѣе, уже въ турецкихъ грамотахъ XVI вѣка, писанныхъ изъ султанской канцеляріи къ Крымскому хану Мухаммедъ-Гераю и къ его брату Шагинъ-Гераю, опять идетъ рѣчь о возведеніи какихъ-то крѣпостей по обѣ стороны той-же днѣпровской переправы—اوزی صوينك اوزرنده طوغان كچيدی نام محلده ايكی طرفده [3]). Наконецъ надо прибавить, что Очаковъ испоконъ вѣка и

[1]) Семь планетъ, 246. [2]) Сборн. Ист. Общ., XLI: 197. [3]) Ферідунъ-бей, II: 130 и 133.

у турковъ, и у татаръ всегда назывался اوزقلعسى = „Днѣпровская крѣпость", или просто, какъ и р. Днѣпръ, *Узу* [1]); подъ именемъ же Кара-Кермана онъ не встрѣчается въ памятникахъ турецко-татарской письменности.

Менглы-Герай былъ очень энергическій и предпріимчивый ханъ. Восторжествовавъ надъ Большою Ордою, онъ неотступно преслѣдовалъ претендентовъ на ея наслѣдіе Сейидъ-Ахмеда и Шейхъ- Ахмеда, которые въ Крымскихъ Дѣлахъ носятъ общее наименованіе „дѣтей Ахметовыхъ". Онъ входилъ въ дѣятельныя сношенія съ нашимъ Иваномъ Васильевичемъ III для союзнаго противодѣйствія польскому королю и князю литовскому. Историки приписываютъ Менглы-Гераю распространеніе своихъ владѣній далеко за предѣлы полуострова, ибо онъ все время своей жизни безпрестанно воевалъ съ окрестными странами—Польшею-Литвою, Черкесіею и Большою Ордою. Послѣ того какъ Герай съ 50-тысячною ордою ходилъ также на помощь турецкому султану воевать въ Молдавіи, въ воздаяніе за это онъ получилъ отъ султана хасы, т. е. доходы съ нѣкоторыхъ мѣстностей на р. Днѣстрѣ, принадлежавшихъ воеводѣ молдавскому [2]). Когда, подъ конецъ своей жизни, Менглы-Герай сталъ боленъ, то сыновья его, восообенности старшій Мухаммедъ-Герай, простерли свои опустошительные набѣги и на предѣлы русскіе. Поведеніе Менглы-Герая въ этомъ послѣднемъ случаѣ сильно напоминаетъ подобную же политику второго турецкаго султана (или, правильнѣе, эмира) Орхана, за слабостью котораго сынъ его Сулейманъ-челеби опустошалъ византійскія владѣнія. Отцы числились пріятелями—одинъ съ императоромъ византійскимъ, другой съ великимъ княземъ московскимъ, а сыновья дѣлали вражескіе набѣги па земли отцовскихъ друзей. Конечно, они дѣйствовали не безъ попустительства отцовъ; но эти послѣдніе

---

[1]) См. напр. Семь планетъ, 249, 285, 305 и др. [2]) Семь планетъ, 81; Кр. Ист., л. 30 v. и Зап. Од. Общ., I: 383.

на жалобы обижавшихся друзей-сосѣдей отвѣчали, что они знать ничего не знаютъ—что сыновья ихъ разбойничаютъ безъ ихъ соизволенія и даже вѣдома.

Но тамъ и тутъ для подобнаго попустительства было глубокое основаніе: военныя экскурсіи сыновей османскаго эмира и хана Крымскаго служили боевою школою, въ которой подготовлялись преемники престарѣлыхъ отцовъ своихъ во власти, главную опору которой должно было утвердить на проявленіи личной военной доблести, обаятельно дѣйствующей на массу первобытныхъ дикихъ народовъ, каковы были въ тѣ времена турки и татаре. У хановъ Крымскихъ, наподобіе вообще тюркскихъ знатныхъ фамилій, практиковалась особая система воспитанія, долженствовавшая закалить юнаго члена ханскаго рода во всѣхъ лучшихъ качествахъ лихого наѣздника и головорѣза. Эта система породила среди тюркскихъ племенъ особый своеобразный видъ духовнаго родства, побратимства, которое называется аталычествомъ. Домъ Гераевъ тоже имѣлъ такія связи съ нѣкоторыми изъ черкесскихъ племенъ, которыя искони причислялись къ подданнымъ Крымскихъ хановъ, хотя эта зависимость никогда не выражалась въ опредѣленныхъ и правильно-организованныхъ формахъ практическаго осуществленія ханской власти надъ землями, лежащими внѣ предѣловъ Крымскаго полуострова. Вотъ что объ этомъ говорится у Гезаръ-Фенна. „Крайній предѣлъ черкесовъ, обитающихъ въ Таманскомъ округѣ, куда назначаются отъ Высокой Державы судьи, составляютъ черкесы Жанэ: у нихъ еще дѣйствуютъ вообще постановленія шаріъата. Брать изъ нихъ невольниковъ не позволительно. А отъ Жанэ вплоть до черкесовъ Кабарды—это мѣста войны; брать у нихъ полоняниковъ позволительно. Въ такомъ-то своемъ состояніи они изъ страха покоряются ханамъ, такъ что, говоря: „Пусть только онъ не воюетъ противъ насъ“, ежегодно его величеству хану, калгѣ, и нур-эд-динъ-султану приподносятъ черкесскихъ невольниковъ подъ

именемъ подарка [1]), потому что райя, обитающіе въ ихъ деревняхъ, составляютъ собственность ихъ бековъ. Когда его величество ханъ потребуетъ отъ ихъ бековъ войска, то они присылаютъ его достаточное количество. Когда у хановъ родятся дѣти, то они берутъ ихъ къ себѣ па воспитаніе и, чтобы этимъ выказать свою покорность, воспитываютъ ихъ до зрѣлаго возраста, такъ что нѣкоторые ханычи живутъ тамъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ начнетъ рости борода. На прокормленіе ихъ пазначаютъ деревни. Теперь въ самомъ Крыму это дѣло существуетъ по сіе время. Если у его величества хана, или у калги, или у нур-эд-дипа родится сынъ, то съ великимъ обязательствомъ его воспитываютъ. Воспитателя его называютъ *аталыкъ.* По достиженіи зрѣлости этотъ ханычъ почитаетъ своего аталыка точно какъ отца родного. Если воспитанный такимъ образомъ ханычъ достигнетъ чрезъ Высокую Державу властительства, то онъ употребляетъ всѣ старанія къ тому, чтобы своего аталыка и эмельдеша (молочнаго брата), въ признательность, обогатить предъ всѣми прочими" [2]).

По причинѣ такого породимства и пользовалось особымъ расположеніемъ Крымскихъ хановъ черкесское племя *Бесленей* — بسلنى [3]), самое имя котораго объясняютъ

[1]) Въ турецкомъ текстѣ стоитъ: پشكش نامنه =«подъ именемъ подарка»; а въ другихъ источникахъ этотъ видъ дани съ черкесовъ иначе обозначается: Мухаммедъ-Риза называетъ его قدوميه وهديه =«презентъ, приходное» (Семь планетъ, 147), что означало, по объясненію турецкаго историка Фундуклулу, пригонъ трехъ сотъ черкесскихъ мальчиковъ къ каждому вновь восходившему на престолъ хану (Фундуклулу. IV: 249 v.). Турецкій историкъ Рашидъ-эфенди эту же дань обозначаетъ еще именемъ عتلاق =«погрѣшное» и объясняетъ, что она заключалась въ приводѣ къ хану нѣсколькихъ невольниковъ кѣмъ-либо изъ провинившихся черкесовъ — изъ бековъ, сипаговъ и даже изъ райи въ искупленіе своего проступка (Тарихи Рашидъ, II: 61 r.). [2]) Op. cit., л. 73 v. Этотъ обычай со всѣми подробностями описанъ также въ моемъ «Сборникѣ нѣкоторыхъ важныхъ извѣстій и офиціальныхъ документовъ», на стр. ٢٤-٢٦. [3]) Семь планетъ, 274—275.

тѣмъ, что это племя спеціально занималось воспитаніемъ — بسلمك — дѣтей Герайскаго рода. У Крымскихъ хановъ даже бывали изъ этого племени жены, игравшія большую роль въ политическихъ дѣлахъ ханства. Такова была мать Джаны-бекъ-Герая, которая была послѣдовательно за тремя ханами замужемъ и единственно своимъ личнымъ вліяніемъ добилась-таки ханской власти для своего сына Джаны-бека, права котораго на ханство по нѣкоторымъ соображеніямъ были болѣе нежели сомнительны [1]). Но одновременно съ такими родственно-дружелюбными отношеніями Крымскихъ хановъ къ однимъ черкесскимъ племенамъ у нихъ вѣчно продолжались нелады съ другими. Не довольствуясь данью, которую платили кабардинцы невольниками каждому новому хану подъ именемъ „подарка“, „приходнаго“, или въ разное время подъ именемъ „погрѣшнаго“, ханы, увлекаемые жаждой еще большей поживы, дѣлали безпрестанные набѣги на бѣдныхъ черкесовъ, придираясь ко всякому случаю и не взирая на явную покорность ихъ [2]). Впрочемъ иногда эти набѣги не дешево обходились Гераямъ, и нѣкоторымъ они стоили даже жизни. Къ такимъ рискованнымъ набѣгамъ, кромѣ личной корысти, побуждала хановъ еще необходимость задаривать дорогими черкесскими невольниками и невольницами вельможъ Отоманской Порты, чтобы съ ихъ поддержкою прочнѣе сидѣть на ханскомъ тронѣ. Эти разсчоты, какъ показываетъ исторія, обыкновенно оказывались тщетными: сила обстоятельствъ и естественный ходъ вещей дѣлали свое дѣло роковымъ образомъ, вопреки волѣ и желаніямъ пасынковъ фортуны, хановъ Крымскихъ. Случалось и такъ, что въ критическіе моменты члены Герайской фамиліи, даже сами ханы, искали убѣжища у тѣхъ самыхъ черкесовъ, на кото-

[1]) Семь планетъ, 128. [2]) Ibidem, 142, 162, 310; Тарихи Рашидъ, II: 61 verso.

рыхъ они въ другое время нападали по самымъ ничтожнымъ поводамъ.

Само собою разумѣется, что и безъ того довольно сложныя условія сохраненія за собою власти Крымскими ханами еще болѣе усложнялись такими неровными и фальшивыми отношеніями ихъ къ подвластнымъ имъ народамъ, обитавшимъ внѣ Крымскаго полуострова. А все вмѣстѣ взятое—не вполнѣ выясненныя географическія и политическія отношенія ханства къ Портѣ, безпокойный и строптивый духъ татарскихъ мурзъ и вообще ногайскаго населенія, ненадежность подданства черкесскихъ племенъ — представляло довольно мудреную задачу для хана, которому надо было согласовать всѣ эти разнородные элементы, чтобы сохранить равновѣсіе собственнаго положенія. Къ этому еще неизбѣжно присоединялись семейныя распри и родственное соперничество, пагубные результаты которыхъ Менглы-Герай когда-то испыталъ уже на себѣ самомъ. И вотъ, желая, можетъ быть, предотвратить хоть нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для прочности династіи, умный и дальновидный Менглы-Герай ввелъ одно государственное учрежденіе, которымъ онъ думалъ, вѣроятно, гарантировать правильную послѣ себя преемственность верховной власти въ Крымскомъ ханствѣ. Мы разумѣемъ учрежденіе сана *калги*.

Въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ встрѣчаются толкованія значенія сана *калги* — قالغايلق, оно понимается обыкновенно въ смыслѣ достоинства или правъ наслѣдника престола —ولی عهد. Такъ оно выходитъ изъ словъ историковъ [1]); такъ оно явствуетъ и изъ нѣкоторыхъ подлинныхъ документовъ, каковы, напримѣръ, султанскія грамоты объ утвержденіи нѣкоторыхъ ханычей въ званіи калги [2]). Въ этихъ послѣднихъ утверждаемыя лица титулуются такъ: خلف السلاطين العظام شرف

[1]) Семь планетъ, 74, 231; Гюльбуни хананъ, 11; Тарихи Джевдетъ, I: 73. [2]) Феридунъ-бей, II: 135, 147—148.

الخواقين الكرام = „Наслѣдникъ великихъ султановъ, слава почтенныхъ хакановъ." Этими же эпитетами потомъ иногда и сами калги величаютъ себя въ своихъ собственныхъ грамотахъ [1]). Затѣмъ у Феридунъ-бея находится въ его титуляціи цѣлая полдюжина высокопарныхъ офиціальныхъ обращеній къ крымскому калгѣ въ случаяхъ сношенія съ нимъ султанской канцеляріи [2]). Но изъ всего этого ровно ничего нельзя извлечь для болѣе близкаго опредѣленія правъ и обязанностей калги, которыя въ утвердительныхъ грамотахъ обозначаются лишь въ общихъ чертахъ. Въ нихъ, напримѣръ, говорится, чтобы калга, „исполняя и осуществляя то, что относится къ священнымъ обязанностямъ службы, не уклонялся отъ твердаго пути закона и не сбивался съ истинной дороги"; или— чтобы калга „исполнялъ обязанности службы по усмотрѣнію хана, и чтобы они съ полнымъ единодушіемъ тщательно пеклись о дѣлахъ вѣры и державы и усердствовали въ истребленіи враговъ государства и народа" [3]).

Тщетно было бы въ позднѣйшихъ источникахъ искать болѣе точныхъ признаковъ первоначальнаго положенія калги въ ханствѣ, ибо учрежденія, возникшія въ болѣе раннюю пору, въ скоромъ времени утратили свой первоначальный смыслъ и значеніе и видоизмѣнились. Въ опредѣленіи значенія сана калги мы встрѣчаемся съ самыми непримиримыми противорѣчіями. Общее правило было, напримѣръ, то, что калгою могло быть лицо ханскаго рода, которое было бы моложе царствовавшаго хана, но старше прочихъ членовъ династіи. Гезаръ-Феннъ уже прямо говоритъ, что сана калги принадлежалъ ханскому *брату*, который былъ моложе его. Въ дѣйствительности же мы видимъ въ этомъ званіи и ханскихъ братьевъ, и сыновей, и племянниковъ. Видимъ нерѣдкіе случаи прямого нарушенія правъ старшинства на этотъ санъ; да-

[1]) В.-Зерновъ. Матер. для Ист. Крыма, № 75, стр. 305. [2]) Феридунъ-бей, I: 5—6. [3]) Феридунъ-бей, Loco citato.

Определеннѣе высказывается объ этомъ предметѣ другой крымскій историкъ, писавшій нѣсколько позже обоихъ вышеупомянутыхъ, Халимъ Герай. Его объясненіе всецѣло принято и буквально повторяется турецкимъ историкомъ Джевдетомъ. Вотъ что они пишутъ: „Когда Менглы-Герай отправлялся на войну и въ набѣгъ на страны гяуровъ, и его спрашивали о томъ, кого же онъ оставляетъ своимъ намѣстникомъ для охраны Крыма, то онъ выражалъ свою волю, отвѣчая на татарскомъ языкѣ: „Пусть *останется*—قالغای—сынъ мой Мухаммедъ-Герай“. Такимъ образомъ Мухаммедъ-Герай до благополучнаго возвращенія своего отца изъ похода вкушалъ отъ сладости властительства. А потомъ, по возвращеніи, ужь отцу казалось неловкимъ, несправедливымъ испортить вкусъ этой сладости солью отставки: онъ, вмѣстѣ съ его титуломъ *калги султана,* учредилъ новую должность, отчисливъ на нее опредѣленный окладъ изъ доходовъ съ таможенъ и соляныхъ озеръ, указалъ городъ Акъ-Мечеть въ резиденцію калгѣ и пожаловалъ въ управленіе городъ Кара-Су и мѣстности, принадлежащія къ его округу. А съ падишаховой стороны ему дана была грамота на бытіе его наслѣдникомъ престола“ [1]).

За разъясненіе вопроса о калгѣ принимался и почтенный авторъ изслѣдованія „О Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“. Онъ отрицаетъ мнѣніе другихъ ученыхъ, что это званіе, равно какъ и другое, званіе нур-эд-дина, есть выдумка Крымскихъ хановъ, потому что званіе калги, говоритъ онъ, еще въ 1512 году, т. е. въ первыя времена существованія ханства Крымскаго, было извѣстно у бухарскихъ шейбанидовъ, и что тогда уже оно считалось у нихъ учрежденіемъ стариннымъ [2]).

Но приводимыя имъ въ пользу своего собственнаго воззрѣнія доказательства не настолько вѣски, чтобы съ ними мож-

---

[1]) Гюльбуни ханань, 11; Тарихи Джевдеть, I: 73—74. [2]) В.-Зерновъ, Op. cit., II: 416—417.

но было безусловно согласиться. Вопервыхъ всѣ данныя, на которыя ссылается г. В.-Зерновъ, не очень стары: во всякомъ случаѣ относятся ко времени послѣ учрежденія званія калги Менглы-Гераемъ. Вовторыхъ, если принять, что уже факта существованія сана калги не у однихъ только Крымскихъ хановъ достаточно для того, чтобы не считать учрежденія этого сана въ Крыму самостоятельнымъ нововведеніемъ, то незачѣмъ указывать параллельное явленіе у бухарскихъ шейбанидовъ, когда есть факты гораздо ближе. Въ различныхъ источникахъ, и притомъ турецко-татарскихъ, мы встрѣчаемъ упоминанія о томъ, что въ самомъ Крымскомъ ханствѣ, кромѣ калги ханскаго, существовалъ калга ширинскій, о которомъ говоритъ и Гезаръ-Феннъ [1]), и Сеидъ-Мухаммедъ-Риза [2]). Одинъ разъ о немъ упоминается даже и въ офиціальномъ документѣ—въ грамотѣ хана Джаны-бекъ-Герая II къ царю Михаилу Федоровичу; но тутъ говорится уже не объ одномъ ширинскомъ калгѣ, а также и о калгѣ манкытскомъ [3]). Несмотря на такой общеизвѣстный фактъ, крымскіе историки однако же не стѣснились отнести санъ калги къ числу государственныхъ учрежденій, впервые созданныхъ Менглы-Гераемъ I—это что-нибудь да значитъ: какое-то нововведеніе да было сдѣлано Менглы-Гераемъ въ престолонаслѣдіи. Мы не думаемъ, чтобы все нововведеніе заключалось въ изобрѣтеніи новаго титула для прежняго, и даже давнишняго, въ татарской сановной іерархіи сана. Надо полагать, что новое названіе должно было указывать и на новые признаки, которые хотѣлъ на будущее время соединять съ прежнимъ государственнымъ учрежденіемъ Менглы-Герай. Можно съ увѣренностью думать, что калга въ чиноположеніи дома Гераевъ, по соображеніямъ учредителя этого сана, былъ или долженствовалъ быть не тѣмъ, чѣмъ былъ калга бухарскихъ шейба-

[1]) Op. cit., л. 73 r. [2]) Семь планетъ, 231. [3]) В.-Зерновъ, Матер. для ист. Крыма, № 21, стр. 91.

нидовъ, или калга мурзъ ширинскихъ. Не сомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ чертахъ они были сходны между собою, но едва ли это сходство доходило до полнаго тожества. Всѣ калги— и шейбанидскій, и ширинскій, и герайскій, были одинаковы въ томъ смыслѣ, что изображали собою преемника, имѣющаго право наслѣдовать царствующему хану или живущему главѣ мурзинскаго рода. Но пока не представляется положительныхъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы калги шейбанидскій и ширинскій также назывались не иначе какъ *калгою* же [1]). Вышеприведенныхъ же упоминаній слишкомъ мало, если принять въ разсчотъ количество носителей этого титула хоть бы, напримѣръ, у мурзъ ширинскихъ. Изъ этого позволительно заключить, что титулъ *калги* принадлежалъ исключительно только извѣстнымъ членамъ дома Гераевъ, примѣненіе же этого титула въ другихъ случаяхъ было аналогическое, не вполнѣ соотвѣтственное дѣйствительнымъ фактамъ.

Какъ уже выше было нами замѣчено, господствующій искони у всѣхъ тюрковъ взглядъ на право наслѣдованія власти тотъ, что оно переходитъ къ старшему въ родѣ. При многочисленности членовъ той и другой властвующей династіи и при всякихъ случайностяхъ, слѣдовательно, никогда нельзя съ увѣренностью указать на кого-либо изъ нихъ какъ на законнаго наслѣдника престола. Теперь, напримѣръ, мы въ любомъ календарѣ найдемъ справку о томъ, кто будетъ главою того или другого европейскаго, династически правимаго, государства, за исключеніемъ развѣ безпотомственно угасающихъ династій. Но если бы мы вздумали хоть приблизительно опредѣлить, кто наслѣдуетъ турецкому султану,

---

[1]) Г. В.-Зерновъ, говоря о калгѣ въ своемъ соч. «О Касимовскихъ царяхъ», ссылается въ подтвержденіе высказаннаго имъ мнѣнія о древности этого сана на свою же статью въ Трудахъ Вост. Отд. Импер. Археол. Общ. (Т. IV, стр. 330); а тамъ ничего нѣтъ, кромѣ его собственнаго о томъ же предметѣ заявленія, не подкрѣпленнаго никакими фактическими, документальными доказательствами.

такъ это оказалось бы невозможнымъ именно вслѣдствіе означеннаго выше порядка престолонаслѣдія, общаго у турковъ османскихъ съ другими народами тюркскаго племени. Съ этой традиціонной точки зрѣнія учрежденіе сана калги въ Крыму, какъ особомъ ханствѣ, независимомъ отъ главнаго золотоордынскаго улуса, могло, пожалуй, казаться не болѣе какъ возстановленіемъ стариннаго, исконнаго порядка, ведущаго свое начало отъ самого Чингизъ-хана. Но мы и въ самой Золотой Ордѣ что-то не замѣчаемъ соблюденія какого-либо строгаго порядка въ заступленіи верховной власти, особенно въ послѣднее, крайне смутное время ея существованія, не говоря уже о томъ, что не находимъ не только самаго титула *калги*, а и какого-либо другого, который бы соотвѣтствовалъ этому послѣднему въ золотоордынской государственной іерархіи. Если бы таковой существовалъ, то крымскіе историки не преминули бы, навѣрное, при случаѣ упомянуть о немъ. А такой случай представлялся имъ тогда, когда они трактовали о законоположеніяхъ и административныхъ распоряженіяхъ Чингизъ-хана. Сеидъ-Мухаммедъ-Риза и авторъ Краткой Исторіи, напримѣръ, касаясь этого предмета, приводятъ разные титулы, обозначавшіе различныя государственныя званія и должности въ имперіи Чингизъ-хана, но о *калгѣ* ничего не говорятъ [1]).

[1]) Семь планетъ, 42; Кр. Ист., л. 16 v. Тутъ мы встрѣчаемся еще съ любопытнымъ терминомъ, который у Сеидъ-Мухаммедъ-Ризы приведенъ въ одномъ значеніи, а у автора Кр. Ист. въ другомъ. Первый говоритъ: تنظیم امور انام ولی عهدلك رتبه‌سی انضمامی وخان خانان معناسنه قاآن وقائمقام معناسنه اولکجین لقبی علاوه‌سیله اوکتای قاآنه مفوض اولوب =«Устройство дѣлъ народа, съ присовокупленіемъ степени наслѣдника престола и съ прибавкой титула *«каанъ»* въ смыслѣ хана хановъ, и *улакчинъ* въ смыслѣ намѣстника, ввѣрено было Угэдай-каану». У второго же читаемъ: ذکر اولنان درت اوغلنه اول قومك اصطلاحنجه اولکچین تعبیر اولنور برر مملکت تعیین ایلدی اوکتای خان خانلر خانی معناسنه قاآن لقب ایله ملقب اولوب و ولی عهدلك رتبه‌سیله ممتاز ایلدی

Мы думаемъ, что вопросъ о калгѣ Крымскихъ хановъ можно рѣшить слѣдующимъ образомъ. Менглы-Герай, убѣдившись изъ опыта предшествующихъ временъ въ ненадежности кореннаго тюркскаго порядка престолонаслѣдія для прочности государственнаго строя, и даже самъ на себѣ испытавши невыгодныя стороны этого порядка, естественно могъ вознамѣриться нѣсколько измѣнить этотъ порядокъ въ основанной имъ династіи, въ томъ смыслѣ, чтобы право преемства власти переходило не къ старшему въ цѣломъ родѣ, а къ старшему сыну царствующаго хана [1]). Къ этому могло подвигнуть Менглы-Герая съ одной стороны опасеніе новыхъ смутъ, которыя могли быть произведены претендентами на власть и расшатать едва только сформировавшееся Крымское ханство: мы знаемъ, что у Менглы-Герая были братья, имѣвшіе своихъ потомковъ, которые при случаѣ могли бы предъявить свои права на ханскій престолъ, опираясь на исконныя народныя традиціи. Съ другой стороны, заранѣе регулируя порядокъ престолонаслѣдія, Менглы-Герай, можетъ быть, думалъ этимъ нѣсколько ослабить также и вассальную зависимость ханства отъ Отоманской Порты, верховенствомъ которой онъ не могъ не тяготиться самъ и не

«Четыремъ упомянутымъ сыновьямъ своимъ онъ (Чингизъ-ханъ) назначилъ по владѣнію, что по терминологіи того народа (татаръ) выражается словомъ *улакчинъ*. А Угэдай-хану далъ титулъ «кaанъ» въ смыслѣ хана хановъ и отличилъ его саномъ наслѣдника престола». Находящееся у обоихъ историковъ слово اولكچين не поддается удовлетворительному объясненію ни въ томъ, ни въ другомъ значеніи, ни съ татарскаго, ни съ монгольскаго языка. Даже самый выговоръ его остается доподлинно неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ мы не видимъ тутъ ничего даже похожаго на слово قالغاى или قالغا.

[1]) Подобную новаторскую попытку намѣревался произвести и турецкій султанъ Абду-ль-Азизъ-ханъ, готовившій себѣ въ преемники старшаго сына своего Юсуфа Изз-эд-Дина; но насильственная смерть султана не дала намъ возможности видѣть, что бы вышло изъ этой любопытной реформы.

предвидѣть еще большей тяготы его въ будущемъ для своихъ потомковъ. Если бы въ данномъ случаѣ дѣло шло о простомъ лишь возобновленіи прежде существовавшаго государственнаго учрежденія, имѣвшаго особое наименованіе, то Менглы-Гераю незачѣмъ было бы придумывать новый титулъ для своего преемника—*калга*. Этотъ титулъ придуманъ имъ былъ въ своихъ династическихъ интересахъ, чтобы запечатлѣть имъ новое учрежденіе, подобно тому какъ имъ же установлено фамильное прозвище *Герай* для всѣхъ членовъ его царствующаго дома. Подобнымъ образомъ едва ли въ силу простой случайности со времени Менглы-Герая же титулъ *султанъ* получаетъ въ Крымскомъ ханствѣ второстепенное значеніе и совершенно исчезаетъ изъ легендъ на татарскихъ монетахъ, на которыхъ прежде это слово постоянно являлось въ видѣ высшаго эпитета, въ такомъ только смыслѣ, въ какомъ турецкими султанами употреблялись и употребляются титулы *ханъ* и *хаканъ*.

Теперь остается еще коснуться этимологическаго значенія титула *калга*. То объясненіе, какое дается ему позднѣйшими комментаторами, Халимъ-Гераемъ, Джевдетомъ и Казембекомъ, производящими его отъ глагола قالق—„оставаться"; кажется черезчуръ уже незамысловатымъ и случайнымъ сравнительно съ нарочитою важностью самаго сана. Только съ большою натяжкою слово قالغاى можно толковать въ смыслѣ выраженія „пусть онъ останется" въ примѣненіи къ той роли, какую игралъ калга въ Крымскомъ ханствѣ, то и дѣло участвовавшій въ походахъ и набѣгахъ и бывавшій въ отлучкѣ за предѣлами Крыма, въ то время какъ ханъ оставался дома. Если такой простой именно былъ смыслъ слова *калга*, какъ толкуютъ вышеупомянутые комментаторы, то нельзя не удивляться тому, что ни Сейидъ-Мухаммедъ-Риза, ни составитель Краткой Исторіи, вообще большіе охотники до всевозможныхъ словотолкованій, не остановились на его изъясненіи, въ виду нѣкоторой странности употребленія и лег-

кости истолкованія этого слова. Кромѣ того, любопытный фактъ представляетъ то, что титулъ *калга*—قالغه—не всегда имѣлъ такую форму. Еще г. Казембекъ въ предисловіи къ печатному изданію „Семи планетъ" въ одномъ мѣстѣ, давая объясненіе слову *калга*, замѣтилъ, что „Дегинь въ своей Histoire générale des Huns *ошибочно* пишетъ Kaglegai" [1]). Мы теперь можемъ утвердительно заявить, что форма Kaglegai для имени *калга*, встрѣчающаяся у Дегиня и принятая г. Казембекомъ за простую ошибку, вовсе не есть ошибка, а только варіантъ, усмотрѣнный Дегинемъ въ тѣхъ восточныхъ памятникахъ, которыми онъ пользовался для своей исторіи гунновъ. Эта форма—*кагльгай*, или *кагалгай*, или *кагылгай*—встрѣчается не у одного Дегиня, а и въ самыхъ турецко-татарскихъ историческихъ сочиненіяхъ и въ подлинныхъ татарскихъ грамотахъ. Турецкій историкъ Фундуклулу иначе не пишетъ про крымскаго калгу, какъ قاغلغاى [2]). Въ грамотахъ Крымскихъ хановъ также первое лицо послѣ хана постоянно называется قاغلغا, или قاغلغا, или قاغلغاى [3]). Достойно вниманія, что эта форма чаще всего является въ наиболѣе старыхъ документахъ и, главнымъ образомъ, въ грамотахъ, писанныхъ отъ имени самихъ тѣхъ лицъ, которыя носили титулъ калги: напримѣръ, Девлетъ-Герай-султанъ титулуетъ себя قاغلغاى [4]) вперемежку съ формою قالغاى [5]); точно также Мухаммедъ-Герай-султанъ величаетъ себѣ قاغلغا [6]); Исламъ-Герай-султанъ тоже пишется въ своей грамотѣ قاغلغاى [7]); Фетхъ-Герай-султанъ тоже [8]), и т. д. Въ позднѣйшихъ же грамотахъ начина-

---

[1]) Семь планетъ. XIV, 5. [2]) Фундуклулу тарихи, т. I: л. 9 r., 48 r., 181 r., 266 v., 293 r.; т. II; л. 139 r., 285 r., 286 v.; т. IV: л. 6 v., 158 r. & v., 256 r. и др. [3]) В.-Зерновъ, Матер. для ист. Кр., стр. 11, 16, 18, 19, 31, 32, 62, 64, 68, 84, 118, 136, 147, 148, 149, 232, 234, 261, 262, 306, 473 и др. [4]) Ibid., 31, 32 и 34. [5]) Ibid., 33. [6]) Ibid., 118. [7]) Ibid., 228, 243, 260, 261, 262. اولوغ قاغلغاى نصرت اراى اسلام كراى [8]) Ibid., 289.

етъ преобладать и потомъ окончательно устанавливается другая, краткая форма: такъ, напримѣръ, въ довольно большой грамотѣ хана Исламъ-Герая III отъ 1056—1646 года не однократно уже прописано крупными буквами قالغه [1]).

Откуда же взялось слово قاغلغای, и какое можно дать ему толкованіе, соотвѣтствующее тому значенію, въ какомъ оно употреблялось, какъ сановный титулъ? Мы не знаемъ хорошенько, какъ оно выговаривалось писавшими его, но въ этомъ своемъ начертаніи его ближе всего производить отъ глагола قاقلمق—„быть вбиту, вколочену, утверждену“, страдат. формы отъ قاقمق. Слѣдовательно قاغلغای должно быть переведено: „пусть будетъ вколоченъ, утвержденъ“. Но съ этимъ значеніемъ оно еще менѣе подходяще, нежели слово قالغای— „пусть останется“. Въ такомъ случаѣ лучше уже считать обѣ формы قالغای и قاغلغای тожественными, допустивъ тутъ свойственную татарскому языку вставку гортаннаго звука въ срединѣ словъ, какъ напримѣръ мы это видимъ въ словѣ ساداق и ساغداق = „лукъ“, قورشون и قورغشون = „свинецъ, пуля“, صوداق и صوغداق — Судакъ, صوجق и صوغوجق = Суджукъ.

Такая двоякая форма одного и того же термина и колебаніе въ употребленіи той и другой даетъ намъ, въ связи съ нѣкоторыми историческими обстоятельствами возникновенія самаго термина, поводъ предполагать въ словѣ *калга* не чистую тюркскую природу, а иноязычное происхожденіе. Нельзя отрицать того, что Менглы-Герай явился въ своемъ родѣ новаторомъ, взявшись образовать изъ Крымскаго удѣла совершенно особое ханство подъ властью своего дома, окончательно порвавъ всякія связи съ прежнимъ главнымъ татарскимъ центромъ. Для этого ему нужно было локализовать самый государственный строй основаннаго имъ ханства, придавъ мѣстный колоритъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя остались въ немъ по традиціи отъ прежнихъ временъ процвѣ-

---

[1]) Ibid., № 105, стр. 260—261.

танія Золотой Орды. Колоритъ этотъ сообщался вліяніемъ другого центра, къ которому теперь поневолѣ пришлось тяготѣть Крыму, а именно вліяніемъ Отоманской Порты: ея порядки должны были на первыхъ порахъ стать образцомъ для вновь организовавшагося ханства. Намъ думается, что и титулъ *калга* занесенъ Менглы-Гераемъ оттуда же и есть не что иное какъ *калифэ*—خليفه—„преемникъ, викарій“ и т. п. Этотъ терминъ, болѣе извѣстный намъ какъ титулъ главы всѣхъ правовѣрныхъ мусульманъ, издавна пользовался такимъ обширнымъ примѣненіемъ въ чиновной іерархіи Отоманской Порты, что и тамъ параллельно образовалась изъ него другая, вульгарная форма *калфа*—قالفه, которая и по выговору, и по начертанію совершенно обособилась отъ своего первообраза, употребляющагося въ своемъ чистомъ видѣ только для обозначенія тѣхъ историческихъ лицъ, которыхъ называютъ калифами, а также и для титула турецкаго султана, какъ духовнаго владыки всѣхъ вѣрующихъ. Турецкое *калфа* означаетъ „ближайшаго подручника, преемника, замѣстителя, кандидата“, какъ разъ то самое, что заключается и въ понятіи татарскаго видоизмѣненія этого слова - *калга*. Фонетическая возможность такого преобразованія заключается въ несвойственности звука *ф* тюркскимъ языкамъ, вслѣдствіе которой крымскіе татаре до сихъ поръ замѣняютъ его обыкновенно звукомъ *п* и *б* и говорятъ, напримѣръ, *Кэпэ* вм. *Кэфэ*, *бариштатъ* вм. *форштадтъ*, и т. п. Иногда же *ф* замѣняется у нихъ въ чужихъ словахъ гортаннымъ *х*: напримѣръ вм. *фундаментъ* говорятъ *хундаменъ*, вм. *полфунта* говорятъ *пулхунтъ*, и т. п. Занесенное на крымскую почву и включенное Менглы-Гераемъ въ число официальныхъ терминовъ турецкое *калфа* сразу же могло быть татаризовано и, по закону гомонимія, вогнано въ чисто татарскую форму, мало-мальски подходящую по своему значенію къ этому чужеязычному и нѣсколько тяжолому для выговора слову.

Менглы-Гирай-ханъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, по

случайному стеченію обстоятельствъ, сошолся съ своимъ современникомъ и сюзереномъ, турецкимъ султаномъ Баязидомъ II (1481—1512), который также подъ конецъ своего царствованія былъ озабоченъ обезпеченіемъ престола за старшимъ любимымъ сыномъ своимъ Ахмедомъ противъ властолюбивыхъ покушеній младшаго, Селима, который, однако же, въ концѣ концовъ добился-таки своего и сѣлъ на тронъ, свергнувъ отца, прежде чѣмъ этотъ успѣлъ передать его Ахмеду. Подобнымъ образомъ и нововведеніе Менглы-Герая не привилось какъ слѣдуетъ: послѣ его смерти народная традиція опять вступила въ свои права, и *калга* сталъ въ народномъ, ходячемъ представленіи не тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть по замыслу Менглы-Герая, создавшаго этотъ санъ и титулъ.

Въ связи съ заботами султана Баязида о передачѣ власти своему сыну Ахмеду находилось, между прочимъ, одно административное мѣропріятіе Отоманской Порты, коснувшееся и Крыма. Отношеніе къ нему Менглы-Герая обрисовываетъ намъ личность послѣдняго и обнаруживаетъ политику его, которой онъ держался въ качествѣ вассала Порты. Чтобы очистить для Ахмеда путь къ трону и устранить соперничество другихъ его братьевъ, Баязидъ разослалъ ихъ въ разныя, болѣе или менѣе отдаленныя отъ столицы, провинціи въ качествѣ своихъ намѣстниковъ-правителей. На долю одного изъ нихъ, а именно Мухаммеда, пришлось отправиться въ Крымъ. Это отправленіе могло быть еще мотивировано тѣмъ, что присутствіе султанскаго сына въ новоприсоединенной области должно было сильнѣе способствовать безповоротному слiянію ея съ Отоманскою Державою.

Въ турецкихъ источникахъ нѣтъ точнаго указанія на время, когда состоялось назначеніе шахзадэ губернаторомъ кафскаго вилайета. Въ нашихъ же памятникахъ первое извѣстіе о его прибытіи въ Крымъ сообщаетъ Менглы-Герай въ своихъ ярлыкахъ къ великому князю московскому. Въ ярлыкѣ

отъ 5-го октября 1495 г. Менглы-Герай пишетъ: „Къ салтану Баазиту грамоту писалъ еси, къ намъ прислалъ еси. Мы ту грамоту къ салтану послали... И мы къ салтану своего человѣка послали, отвѣстья просили, отъ салтана къ намъ отвѣстья бывали: *сына къ вамъ нынѣ своего посылаю*, а то дѣло (о которомъ хлопотали великій князь Иванъ Васильевичъ и Менглы-Герай) *сыну моему Махметю* приказано, съ тобою поговоря, какъ ты просишь, такъ бы тебѣ доспѣлъ. *Нынѣ салтановъ сынъ пришолъ*, и говорили есмя“ [1]). Въ другомъ ярлыкѣ около того же времени сообщается: „Пріѣхалъ турского сынъ къ намъ, приказывалъ: дяди моего царева брата Ивана человѣкъ его пришолъ здоровье его полное сказати.... А напередъ того Костянтинъ (Малечкинъ, русскій посолъ) ѣздилъ *къ кафинскому князю* и корешовался съ нимъ [2]), и нынѣча тебя посылаю, поѣди. И турского сынъ, твое брата моего здоровье полное слышевши, обрадовался“ [3]). Съ той поры великій князь пересылался особо съ султаномъ и съ сыномъ его. Въ 1496 году великій князь наказывалъ Ивану Звенцу, на случай если бы Менглы-Герай сталъ пенять на неприсылку ему краснаго кречета: „И князю Ивану молвити: одны, господине, нынѣ прилучилися у великого князя два кречята красные, и онъ ихъ послалъ къ турецкому султану да къ сыну его, занже, господине, отъ государя моего *впервые къ нимъ поминки*“ [4]). Въ томъ же году, читаемъ въ Дѣлахъ Крымскихъ: „послалъ князь велики къ турьскому салтану Баазыту да къ сыну

---

[1]) Сборн. Имп. Рус Ист. Общ, XLI: 220—221. [2]) Филологи объясняютъ значеніе глагола *карашеваться* въ смыслѣ «привѣтствовать, цѣловаться». Но невѣрность такого толкованія очевидна изъ ярлыка. У турковъ и татаръ вообще нѣтъ обычая при свиданіи цѣловаться, а вчастности таковая фамильярность немыслима была между турецкимъ царевичемъ и русскимъ посломъ Костею Малечкинымъ. Глаголъ *карашеваться*, или, ближе къ корню, *корсшоваться*, очевидно, выработанъ изъ турецко-татарскаго глагола كورمك кöрмäкъ, гöрмекъ — «видѣть», отъ котораго есть производная форма كورشمك—*кöрюшмäкъ*, *гöрюшмекъ*, имѣющая значеніе взаимнаго залога: «видѣться», но только ужъ никакъ не «цѣловаться». [3]) Ibid., 221—222, [4]) Ibidem., 231.

къ сего въ Кафу посла своего Михаила Андреевича Плещеева“ [1]). Послѣ этого обмѣнъ посольствъ и грамотъ между Москвою, Крымомъ и Стамбуломъ учащаются. Документальные памятники этихъ сношеній даютъ намъ болѣе подробныя свѣдѣнія о положеніи султанскаго сына въ качествѣ правителя кафскаго вилайета, а также объ отношеніяхъ его и самого султана къ Крымскому хану, равно какъ выясняются воззрѣнія этого послѣдняго на тогдашнюю международную политику.

27-го февраля 1498 возвратился Михайло Плещеевъ изъ своей миссіи и привезъ съ собою разныя грамоты, въ томъ числѣ нѣсколько грамотъ отъ султана Баязида. Турецкіе подлинники послѣднихъ, къ сожалѣнію, не дошли до насъ.

Каковы бы ни были соображенія, которыми руководствовался султанъ Баязидъ при назначеніи сына своего правителемъ кафскою провинціею, или „вотчиною“, какъ она названа въ переводѣ грамоты султанской [2]), сынъ этотъ былъ молодой юноша, и ради этого къ нему былъ приставленъ дядька. Султанъ Баязидъ пишетъ великому князю Ивану Васильевичу: „А нынѣча коли твои люди придутъ къ нашему Порогу съ правымъ сердцемъ къ Кафу и въ иные земли, ино у меня въ Кафѣ сынъ мой Магометъ султанъ да съ нимъ *дядка* его, и язъ есми *имъ* приказалъ накрѣпко“, и т. д. [3]). Не имѣя въ рукахъ подлинника, трудно съ точностью сказать, что это былъ за *дядька* такой: обыкновенный ли воспитатель султанскаго сына, называемый потурецки **УУ**—*ляля*, или это былъ какой другой, нарочитый приставникъ. Важно тутъ то, что этотъ дядька раздѣлялъ съ своимъ юнымъ принцемъ его полномочія, какъ это выходитъ изъ словъ грамоты: „язъ есми *имъ* приказывалъ“, а не „*ему* приказывалъ“.

Роль такого же дядьки по отношенію къ принцу игралъ и Крымскій ханъ. Въ грамотахъ своихъ принцъ не иначе

[1]) Ibid., 231. [2]) Ibid., 245. [3]). Ibidem., 245—246.

величаетъ хана какъ *дядею*: „Отъ великихъ князей похвалной дядя мой, великой царь, твоему величеству братъ", читаемъ мы въ одной изъ нихъ [1]). Такое авторитетное положенiе хана сознавалось имъ самимъ и съ торжественною откровенностью высказывалось даже въ грамотахъ его къ великому князю московскому. Одна изъ нихъ очень характерна въ этомъ смыслѣ. Ханъ заявляетъ, что назначенiе кафскаго губернатора производится султаномъ съ его согласiя; но при всемъ томъ онъ все же чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко: присутствiе сильнаго сосѣда тяготитъ его, мѣшаетъ полной самостоятельности его дѣйствiй. Вотъ что онъ пишетъ: „А турской государь и что будетъ ему пригожство—къ ротѣ и къ правдѣ не прямые люди, слышимъ; въ Кафу напередъ того князя посылали; и будетъ онъ добръ, а съ нами въ одиначествѣ будетъ, и мы о немъ грамоту посылывали, и сколко ему велимъ жити, и онъ у насъ столько (бы) жилъ. А которой къ намъ непригожей князь придетъ, и мы о томъ грамоту жъ посылали, и онъ того отведетъ; а нынѣча сына своего послалъ, *и нынѣ молодъ; что говоримъ, слово наше слушаетъ; а какъ взростетъ, ино государь тотъ съ нами Богъ вѣдаетъ какъ будетъ*. У насъ въ старыхъ людехъ пригча есть: *двѣ бараньи головы въ одинъ котелъ не лѣзутъ*, молвятъ. Нѣчто насъ не послушаетъ, а мы его не послушаемъ, межъ насъ лихо будетъ, молвя, блюдемся; а гдѣ лихо живетъ, и изъ тое земли люди выходятъ" [2]).

---

[1]) Ibidem. 283—284. [2]) Сборн. Ист., Общ., XLI: 288. Переводъ крайне тяжолъ и неточенъ: въ началѣ приведеннаго отрывка очень трудно опредѣлить, къ кому относятся слова «къ ротѣ и къ правдѣ не прямые люди». Повидимому, ханъ честитъ такъ самого султана и его приближенныхъ, которыхъ надо подразумѣвать подъ словомъ «пригожство», ибо, иначе, не удобно согласовать форму множественнаго числа «люди» съ единств. числомъ «государь». Карамзинъ, передавая своими словами текстъ грамоты ханской, относитъ всю фразу къ султану, или, точнѣе сказать, къ султанамъ (Ист. Госуд. Рос., VI: 180),

Такой почти высокомѣрный тонъ Менглы-Герая объясняется не тѣмъ, что Менглы-Герай „былъ славнѣйшій изъ всѣхъ Крымскихъ хановъ“, какимъ его считаетъ г. Говордзъ [1]), а скорѣе вопервыхъ вообще сравнительною вялостью характера султана Баязида, а вовторыхъ—положеніемъ дѣлъ въ самой Портѣ. Что Баязидъ былъ вялъ и не особенно взыскателенъ, это подтверждается многими фактами: съ ненавистнымъ ему по религіозному своему еретичеству персидскимъ шахомъ Исмаиломъ онъ всячески старался поддерживать мирныя отношенія, несмотря на задирательства послѣдняго, доходившія до цинизма [2]). Несмотря на то что впервые прибывшій къ султанскому двору посолъ великаго князя московскаго Михайло Плещеевъ „невѣжество и непригожее дѣло учинилъ“ [3]), ему это сошло даромъ, именно только благодаря той же невзыскательности и какой-то мистической кротости Баязида; тогда какъ гораздо позднѣе, въ половинѣ XVII в., даже французскимъ посламъ турецкіе чауши выбивали зубы на аудіенціяхъ да еще не султана, а только верховнаго везиря [4]). Да чего ужь сильнѣе доказательства слабохарактерности Баязида, какъ добровольная уступка имъ престола удалому сыну своему Селиму I Явузу!

Робкій на военныя предпріятія, Баязидъ только въ крайности рѣшался на войну, и потому не мудрено, что онъ такъ щедро отблагодарилъ Менглы-Герая за его помощь въ походѣ молдавскомъ [5]). По смерти отца своего, онъ, по заведенному обычаю, долженъ былъ извѣстить сосѣднихъ государей о своемъ вступленіи на престолъ, на каковой случай имѣются разныя формы посольства, грамоты и т. п. Крымскому хану, какъ вассальному правителю, это извѣстіе обыкновенно сообщалось въ формахъ присылки второстепеннаго чиновника,

---

[1]) Op. cit., 467. [2]) Шахъ Исмаилъ, какъ извѣстно, держалъ при своемъ дворѣ свинью, носившую кличку «Баязидъ». [3]) Сбор. Ист. Общ., XLI: 285. [4]) Ricaut, Histoire de l'état présent de l'empire Ottoman. Paris 1670. 161. [5]) Семь планетъ, 81.

въ родѣ чауша, по нашему жандармскаго офицера, съ извѣстительною грамогою [1]), а султанъ Баязидъ, по своему благодушію, прислалъ Менглы-Гераю подарки, состоявшіе изъ одежды, коней и драгоцѣннаго перстня. Менглы-Гирай же настолько не дорожилъ вниманіемъ султана, что подарилъ въ свою очередь пожалованный ему перстень великому князю московскому при грамотѣ отъ 1498 года, въ которой пишетъ: „Коли салтанъ Магомедъ (Фатихъ) преставился, сынъ его Баязытъ салтанъ послѣ отца память ко мнѣ прислалъ— платье и кони, да яхонтъ алъ въ жиковинѣ въ золотой; нынѣча тебѣ брату моему на рукѣ пригожъ держати, молвя, на рукѣ возвидишь, меня на сердцѣ держишь, а братство и любовь свыше будетъ; друзи наши, слышевъ, обрадуются, а недрузи наши, слышевъ, попропали бы, молвя, ту жиковину съ яхонтомъ съ алымъ тебѣ любимому брату съ своимъ съ паробкомъ съ Давыдомъ послалъ есми“ [2]).

Соотвѣтственно такой самостоятельности поведенія Менглы-Герая, и царевичъ Мухаммедъ также держалъ себя съ нимъ очень деликатно. Онъ за свой страхъ и отвѣтственность посылалъ войска противъ черкесовъ, не считая ихъ прямыми подданными хана. „А сынъ турского Махметъ салтанъ кафинской сее весны посылалъ ратью людей своихъ на Черкасы триста человѣкъ, да двѣсте человѣкъ Черкасъ съ ними жъ ходили, которые у кафинского служатъ“, доносилъ въ іюлѣ 1501 года Мамоновъ великому князю московскому [3]). Но когда къ принцу явился посолъ отъ Шейхъ-Ахмеда большоордынскаго Куюкъ просить у него позволенія кочевать имъ къ Днѣпру, вслѣдствіе безпокойствъ отъ ногаевъ и черкесовъ, то „Шагзода ему отвѣчалъ такъ: что земли и воды не мои, а земли и воды *волного человѣка Менли-Гирея*; будешь царю Менли-Гирею братъ и другъ, и ты и мнѣ братъ

---

[1]) Ферилунъ-бей, I: 502. [2]) Сб. Ист. Общ., I: 267—268. [3]) Ibidem, 357.

и другъ; а язъ тебѣ не велю кочевать къ Нѣпру; а *то вѣдаетъ отецъ мой*" [1]).

Но этотъ покорный своему отцу и Крымскому хану юноша, царевичъ Мухаммедъ, въ скоромъ времени отправился на тотъ свѣтъ. Въ числѣ подлинныхъ турецкихъ документовъ, относящихся къ 910=1504—1505 году, находится также соболѣзновательная грамота (تعزيه نامه) Зулькадрскаго князя къ султану Баязиду по случаю смерти шахзадэ Мухаммеда въ Кафѣ; и отвѣтъ на нее султана [2]). На сцену теперь выступилъ братъ умершаго, безпокойный и энергичный Селимъ, который повелъ другую политику, имѣя въ виду завѣтный планъ унаслѣдовать, или даже захватить силою, отцовскій тронъ, помимо братьевъ своихъ, изъ которыхъ старшій Ахмедъ, любимецъ отцовскій, больше всѣхъ имѣлъ шансовъ сдѣлаться послѣ отца султаномъ.

Принцъ Ахмедъ въ качествѣ наслѣдника престола былъ намѣстникомъ въ Малой Азіи и имѣлъ резиденцію въ Амасіи. Между прочимъ онъ уже входилъ въ непосредственныя сношенія и съ Крымскимъ ханомъ. Въ той же грамотѣ, при которой Менглы-Герай отослалъ великому князю московскому перстень, въ 1498 году, онъ хлопочетъ за обиды, причиненныя въ Москвѣ токатскому купцу Кортемирю [3]), у котораго будто обрѣзали носъ и уши и отобрали казну въ Москвѣ. А хлопочетъ Менглы-Герай потому, что къ нему „Салтанъ Баязитовъ сынъ, салтанъ Ахметъ, Амаси и Самсона и Токата тѣхъ городовъ князь, просити... человѣка своего и грамоты прислалъ" [4]). При этомъ Менглы-Герай, для большей убѣдительности, вѣроятно, приводитъ такія будто бы подлинныя слова принца Ахмеда: „Насъ Баязитовыхъ дѣтей много, межъ насъ отъ тебя ко мнѣ то дѣло мое сдѣлаешь, всесвѣтныхъ кунъ болѣ того мнѣ дашь" [5]). Фактъ этотъ

---

[1]) Ibidem., 321. [2]) Феридунъ-бей, I: 358—359. [3]) Правильнѣе: «Хондемиру». [4]) Сб. Ист. Общ., XLI: 268. [5]) Ibidem., 269.

тѣмъ знаменателенъ, что принцъ Ахмедъ адресуется къ посредничеству хана, въ то время какъ въ Кафѣ сидѣлъ его родной братъ Мухаммедъ, къ которому всего естественѣе было бы обратиться для улаженія дѣла, имѣвшаго международное значеніе, ибо Ахмедъ, претендуя за обиды своего купца, считаетъ ложными жалобы на притѣсненія русскихъ купцовъ въ Токатѣ. „Великого князя Ивановы многіе гости въ нашъ въ Токатъ ходятъ, и мы у тѣхъ гостей толко возьметъ гостемъ силу учинили, молвятъ; въ лихомъ имени будемъ, молвя, не учинимъ", читаемъ мы слова принца Ахмеда въ слѣпомъ переводѣ ярлыка Менглы-Гераева. Дѣло дѣломъ, а въ такомъ тонѣ обращенія принца къ Менглы-Гераю нельзя не замѣтить нѣкотораго заискиванія, можетъ быть даже подсказаннаго ему доброжелательнымъ отцомъ, чтобы имѣть въ Крымскомъ ханѣ на всякій случай лишняго друга и союзника. Оба они, и отецъ и сынъ, опасались безпокойнаго и свирѣпаго нравомъ Селима, и совершенно основательно.

Этотъ опіумоѣдъ, галлюцинатъ и поэтъ уже рано обнаружилъ свои стремленія, когда подъ разными предлогами требовалъ отъ отца посадить его намѣстникомъ болѣе близкой къ столицѣ провинціи, между тѣмъ какъ отцу хотѣлось его услать куда-нибудь подальше. Но упрямый Селимъ зналъ слабохарактерность отца и умѣлъ преодолѣть его волю своею настойчивостью, поступая прямо наперекоръ отцу, безъ опасенія быть за это строго наказаннымъ. Когда онъ былъ губернаторомъ Трапезунда, сыну его Сулейману, впослѣдствіи знаменитому султану, дѣдъ султанъ Баязидъ хотѣлъ дать въ управленіе г. Болы въ Худавендгярѣ въ Малой Азіи; но принцъ Ахмедъ счолъ это неудобнымъ для себя, и Сулейману данъ былъ постъ губернатора въ Кафѣ [1]). Задумавши во что бы

[1]) Таджу-т-теварихъ, II: 136; Кюнгу-ль-ахбаръ, Ркп. Имп. Публ. Библ., значащаяся въ отчотѣ Библ. за 1875 г. на стр. 21, № 1, часть II, л. 281 verso; Солакъ заде тарихи, Конст. изд. 1297—1880—1881 г., стр. 324—325.

то ни стало утвердиться гдѣ-нибудь въ Румиліи, поближе къ Стамбулу, Селимъ сперва перебрался въ Кафу подъ предлогомъ желанія повидаться съ сыномъ. Тамъ онъ будто бы взялъ въ свое владѣніе семьсотъ тысячь надѣловъ земли и водворилъ на нихъ своихъ людей [1]). Отсюда онъ отправился въ Румилію съ отрядомъ, большая часть котораго состояла изъ татаръ [2]). Тамъ у нихъ дошло дѣло до открытаго столкновенія съ отцомъ. Селимъ потерпѣлъ пораженіе и на кораблѣ бѣжалъ опять въ Кафу на свиданіе съ своимъ любезнымъ сыномъ [3]). Вотъ это вторичное пребываніе Селима въ Крыму особенно достойно примѣчанія, потому что о немъ говорятъ многіе турецкіе и татарскіе историки, и всѣ различно.

Сеидъ-Мухаммедъ-Риза и авторъ Краткой Исторіи передаютъ это событіе въ такомъ видѣ. „Въ тѣ поры," говорятъ они, „султанъ Селимъ-ханъ, по волѣ промысла Божія, будучи разбитъ и обращенъ въ бѣгство въ сраженіи, происходившемъ близь Чорлу въ окрестностяхъ деревни Ограта, сѣлъ на корабль въ Ахъ-ёлу или въ Варнѣ и отплылъ въ Кафу, бывшую тогда подъ управленіемъ сына его царевича Сулеймана. Такъ какъ у него было намѣреніе вторично сразиться съ отцомъ, то онъ, оставивъ сына въ Кафѣ, отправился въ Бакчэ-Сарай. Менглы-Герай ханъ вкупѣ со всѣми султанами и эмирами вышелъ ему навстрѣчу, оказалъ всякій почотъ и уваженіе, принявъ его какъ гостя [4]). Когда же чрезъ нѣсколько времени онъ, объявивъ хану о своемъ намѣреніи, сталъ просить его отрядить въ помощь ему тысячь 10—15 татарскаго войска подъ начальствомъ одного изъ султановъ, то умный, опытный и дальновидный ханъ тотчасъ со-

[1]) Кюнгу-ль-ахбаръ, л. 282 г.; Солакъ-задэ, Loco citato. [2]) Hammer, Gesch. d. Osm. R., II: 356. [3]) Солакъ-задэ, стр. 332—333; Мюнеджимъ-баши, III: 436 и 439. [4]) Означенныя подробности находятся въ Краткой Исторіи (л. 30 verso): въ Ассебъу-с-сейяръ (стр. 82) сказано просто, что Селимъ, отплывъ въ Кафу, «вошолъ въ предѣлы владѣній Менглы-Герая, гдѣ и свидѣлся съ нимъ».

образилъ, что любовь и дружба татаръ съ Высокою Державою была очень велика, и что послать въ ея предѣлы все войско значило бы отвратить ее отъ татаръ и потерять на будущее время всякое довѣріе. Онъ не поддался воззрѣнію Селима; да и вовсе отказать-то не счолъ цѣлесообразнымъ, и потому отрядилъ изъ сыновей своихъ Сеъадетъ-Герая съ нѣкоторымъ количествомъ войска на помощь ему" [1]).

Этотъ разсказъ довольно правдоподобенъ: онъ какъ нельзя болѣе согласуется съ осторожнымъ и предусмотрительнымъ образомъ дѣйствій умнаго Менглы-Герая, который не могъ слишкомъ уже явно стать на сторону Селима, послѣ того какъ онъ проигралъ сраженіе и чрезъ то утерялъ шансы на счастливую будущность. Родственныя же связи, а отчасти, можетъ быть, еще и надежда на возможность успѣха Селима, не позволили въ то же время Менглы-Гераю вовсе отказать Селиму въ помощи, и онъ оказываетъ эту помощь, только въ довольно скромныхъ размѣрахъ.

Турецкіе же историки не могли въ этомъ случаѣ поступиться своею національною гордостью и изображаютъ Селима чрезвычайно какъ важничающимъ во время вторичнаго посѣщенія имъ Крымскаго хана. По ихъ словамъ, ханъ будто бы самъ старался всячески утѣшить и ободрить потерпѣвшаго фіаско Селима и предлагалъ ему въ его распоряженіе татарское войско; но онъ будто бы съ гордостью отвергъ это предложеніе, находя неприличнымъ наводнять владѣнія достославныхъ предковъ своихъ какими-нибудь татарами. Мало того: когда Менглы-Герай предлагалъ Селиму руку дочери своей, то онъ будто бы отвергъ и это предложеніе. Передавая этотъ фактъ, историки ссылаются на Бали-пашу, современника описываемыхъ происшествій [2]). Другіе же, какъ напримѣръ авторъ прибавленія къ исторіи Сеъад-эд-Дина,

[1]) Въ Кр. Ист. сказано: «съ 3000 войска». [2]) Солакъ-заде, стр. 333—334.

подъ заглавіемъ سليم نامه, а также неизвѣстный авторъ сочиненія تاريخ سلطان سليم, переведеннаго Дицемъ, прибавляютъ еще одну тенденціозную подробность, также ссылаясь на Бали-пашу. Они говорятъ, что Селимъ придержалъ своего коня, замѣтивъ, что ѣхавшій ему навстрѣчу Менглы-Герай вздумалъ-было остановиться и ждать, пока Селимъ самъ подъѣдетъ къ нему первый [1]). Но Гаммеръ-Пургшталль, ссылаясь на другіе источники, объявляетъ разсказъ турецкихъ историковъ о поведеніи Селима незаслуживающимъ довѣрія. Не вѣрно они говорятъ и о томъ, что будто Селимъ отвергъ руку дочери Менглы-Герая, ибо онъ уже раньше того былъ женатъ на ней [2]).

Крымскіе же историки, для большаго безпристрастія, вѣроятно, къ своему собственному пересказу вышеприведеннаго событія присовокупляютъ также цѣлую статью о томъ же самомъ предметѣ изъ исторіи Нишанджи-паши—نشانجى پاشا تاريخى—Сейидъ - Мухаммедъ - Риза предпосылаетъ этой статьѣ такую оговорку: „Такъ какъ подробности о крымскомъ походѣ [3]), собранныя и сгруппированныя въ дивной исторіи Нишанджи-паши, нѣсколько противорѣчатъ повѣствованіямъ бѣдняка сего [4]), то онѣ и приводятся здѣсь слово въ слово.“ Авторъ же Краткой Исторіи опять слишкомъ уже сократилъ разсказъ Нишанджи-паши, выпустивъ нѣкоторыя существенныя подробности [5]). Вотъ что мы читаемъ въ этой статьѣ.

---

[1]) Таджу-т-тэварихъ, Константин. изд., II: 603 — 605; Diez, Denkwürdigkeiten von Asien, I: 260—261. Дицъ къ этому мѣсту повѣствованія турецкаго историка дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Это было странное чванство Крымскаго хана, который зналъ, что онъ и *его предки* (und seine Vorfahren) были возводимы и низвергаемы отоманскими императорами, и долженъ былъ познать въ Селимѣ своего будущаго верховнаго владыку» (Op. cit., 260). Нѣмецкій ученый не зналъ, что предки Менглы-Герая никогда не находились въ такихъ отношеніяхъ къ султанамъ Османской династіи. [2]) Hammer, Gesch d. O. R., II: 624, примѣч. къ стр. 357. [3]) Т. е. о поѣздкѣ Селима въ Крымъ. [4]) Т. е. автора. [5]) Подлиннаго текста, служившаго источникомъ для крымскихъ историковъ, намъ

„Съ Божія соизволенія направленныя на предѣлы Кафы дѣйствія падишаха небожителя [1]) способствовали лишь вкушенію жителями благъ милостей господнихъ. Это свѣтило вѣры и государства, блескъ очей султаната и калифата въ домѣ Османовомъ, было факеломъ, озаряющимъ зданіе вѣры мусульманской. Но ему еще надлежало смахнуть пыль заблужденія, нанесенную на зеркало вѣры вчинаніями возставшихъ въ предѣлахъ благоденственнаго и правовѣрнаго Рума тирановъ-притѣснителей и затѣями заблуждающихся супротивниковъ, и очистить ясное лицо ея. Но осуществленіе этихъ счастливыхъ намѣреній зависѣло отъ благопріятнаго свиданія съ находившимся въ той странѣ татарскимъ ханомъ. По требованію обстоятельствъ, господинъ падишахъ, посадивъ въ Кафѣ своего благополучнаго царевича, самъ въ томъ же году отправился повидаться съ покойнымъ Менглы-Герай-ханомъ, бывшимъ въ то время ханомъ татарскихъ странъ. А Менглы-Герай-ханъ былъ человѣкъ честный, правдивый, вѣдавшій исламскія дѣла согласно шаріъату, правовѣрный суннитъ, удачливый, натуральный и благовоспитанный. Съ султаномъ Баязидомъ у нихъ были самыя искреннія, братскія отношенія. Въ грамотахъ, писанныхъ отъ его Высокаго Порога хану, говорилось: „Ваша сторона, убѣжище братства“. Когда господинъ падишахъ, выйдя изъ Кафы, направился въ его сторону, то ханъ, узнавъ объ этомъ, встрѣ-

не довелось имѣть въ рукахъ. Находящаяся въ Азіатскомъ Музеѣ Акад. Наукъ рукопись подъ № 590 заключаетъ въ себѣ не тотъ трудъ Нишанджи-паши, откуда заимствовали свой разсказъ крымскіе историки, и въ ней нѣтъ занимающаго насъ эпизода. Онъ, вѣроятно, взятъ изъ другой, болѣе полной исторіи того же турецкаго автора (См. Pertsch, Die Orient. Handschriften, Wien. 1859. I: 117, № 116, примѣч. 3). Но статья эта, безъ означенія имени автора, имѣется въ одномъ новомъ сборникѣ изъ библіотеки покойнаго профессора Мухлинскаго (на стр. 294—304). При сличеніи ихъ оказалось, что и Сеидъ-Мухаммедъ-Риза кое-что выбросилъ изъ пространнаго повѣствованія Нишанджи-паши, хотя, впрочемъ, безъ причиненія ущерба главному сюжету. [1]) Т. е. султана Баязида.

тилъ его со всѣмъ татарскимъ войскомъ, со всею свитою и церемоніею, въ сопровожденіи всѣхъ султановъ, аяновъ, оглановъ и мурзъ. Выказавъ всякаго рода почести, онъ исполнилъ всѣ обычаи и требованія гостепріимства: ни въ чемъ не оплошалъ и не промахнулся. Встрѣча ихъ была причиною всеобщаго спокойствія и радости. Въ то время какъ падишахъ вышеописаннымъ образомъ изъ Трапезунда отправился со всѣми своими дѣтьми и свитою въ Кафу, сердцемъ султана Ахмеда овладѣла тоска и забота, страхъ и смятеніе. Вотъ что ему пришло въ голову: „Навѣрное братъ мой оттуда прямою дорогою пошолъ въ Румилію и, обезпечившись тѣми путями, примется за дѣла управленія". Встревоженный, онъ пишетъ хану письмо съ такого рода покорнѣйшею просьбою: „Братъ мой Селимъ нашолъ у васъ прибѣжище. Его цѣль пробраться въ предѣлы румилійскіе; но если вы ему не поможете, это ему не удастся. Вотъ нашъ скромный его величеству хану подарокъ, состоящій въ высочайшей грамотѣ (برات), по которой всѣ находящіеся въ кафской области владѣнія, вособенности со всѣми девятью славными и извѣстными крѣпостями, пусть будутъ ваши, только не пропускайте пожалуйста въ ту сторону моего брата." Письмо это было прислано съ нарочитымъ человѣкомъ."

„Случилось такъ, что именно во время встрѣчи падишаха съ ханомъ туда явился человѣкъ султана Ахмеда и доставилъ хану письмо его. Когда ханъ узналъ, въ чемъ дѣло, сердце его пришло въ смущеніе. Онъ въ разсѣяніи думалъ: „Если у вступившаго въ нашу территорію царевича есть намѣреніе перебраться въ Румилію, то препятствовать ему не подходяще намъ: это было бы неблагородно. Онъ былъ разстроенъ этимъ".

„А у хана тогда былъ сынъ, по имени Мухаммедъ-Герай, такое отродье, по натурѣ своей склонный ко всякому злу и безнравственности. Какъ только онъ увидѣлъ ту владѣтельную грамоту (ملكنامه‌سين) султана Ахмеда, то обрадо-

вался и, обратившись къ отцу своему, говоритъ: „Султанъ Ахмедъ такую оказываетъ намъ милость—шлетъ грамоту, даруя намъ такія владѣнія, области и крѣпости. За такую любезность и благоволеніе намъ надлежитъ тоже порадовать его —задержать брата его".

„Великодушный ханъ, чтобы опровергнуть возмутительныя мысли сына, говоритъ ему: „Сынъ, если твою цѣль и желаніе составляютъ крѣпости и владѣнія, то тебѣ и шахъ Селимъ въ нихъ не откажетъ: проси у него".

„Въ одну ночь сдѣлано было нарочитое собраніе на пиршество въ честь покойнаго падишаха [1]). Сборище было, по татарскому обычаю, большущее. На пиру этомъ Мухаммедъ-Герай всталъ на ноги, держа въ рукахъ бокалъ, и говоритъ: „Селимъ султанъ, отцу твоему не долго осталось жить; царствованіе надъ Румомъ твое будетъ; тебѣ скоро придется сѣсть на престолъ. Если я въ ту пору у тебя попрошу нѣчто, то ты исполни!"—Падишахъ отвѣчалъ: „Что тебѣ желательно, царевичъ?"—„Отдай намъ во владѣніе находящіяся въ кафской области крѣпости и пристани, и мы ихъ заберемъ во дни твоего благополучія".—Тогда султанъ Селимъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ соизволилъ сказать слѣдующее: „Царевичъ, мы—цари, а не въ правилахъ и не въ обычаяхъ царскихъ, да и съ изстари дѣйствующими законами не сообразно, дарить области и владѣнія: цари земли берутъ, но никому не даютъ. Драгоцѣнныхъ камней, серебра, золота, денегъ, и чего либо изъ другихъ царскихъ сокровищъ сколько хочешь, дано будетъ; отказа не будетъ; но только и не хоти земли и владѣній."—Ханскій сынъ сѣлъ, а султанъ Селимъ всталъ и ушолъ въ свою палатку. Тогда Мухаммедъ-Герай

---

[1]) Въ Краткой Исторіи сказано: بركيجه خان مرحمت شان عادت تاتار اوزره سلطان سليمه ضيافت ايدر — «Въ одну ночь ханъ, по татарскому обычаю, учредилъ пиръ султану Селиму» (Loco citato). Едва ли это не вѣрнѣе, чѣмъ въ *Ассебъу-с-сейяръ*: по крайней мѣрѣ точнѣе.

обращается къ хану, своему отцу, съ укоризною и говоритъ: „Вотъ посмотри-ка, что говоритъ этотъ шутъ! Султанъ Ахмедъ, съ разстоянія въ два мѣсяца пути, жалуетъ намъ области, крѣпости, шлетъ владѣтельныя грамоты; а этотъ, самъ будучи у насъ въ рукахъ, въ нашемъ кулакѣ, слышалъ ты какія рѣчи говоритъ? Этотъ скверный шутъ не то чтобы дать намъ владѣнія, а еще, если сдѣлается падишахомъ, такъ я увѣренъ, и наши-то владѣнія возьметъ. Я не упущу случая и захвачу его". Сказавъ эти слова, онъ всталъ. Ханъ сталъ его удерживать; ничто не помогло: онъ пошолъ собирать войско. Ханъ былъ очень огорченъ и встревоженъ поступками его. А при немъ былъ младшій сынъ его по имени Сеъадетъ-Герай, умный, разсудительный юноша, смышленый, свѣдущій, сообразительный, совсѣмъ еще молодой, розолицый, розовощекій, лукобровый, свѣточъ приличный трону и коронѣ міра. Ханъ въ ту же ночь привелъ его и говоритъ ему: „Сынъ, я тебя дарю Селимъ-хану. Власть надъ царствомъ румскимъ ему подобаетъ. Отцу его осталось не долго жить. Царство ему достанется. Вотъ братъ всталъ съ бесѣды съ нимъ и ушолъ, съ тѣмъ чтобы на утро идти на него съ войскомъ. Его цѣль и намѣреніе не хорошія. Сейчасъ же спѣши къ Селимъ-хану и сегодня же ночью удаляйтесь съ нашей земли; какъ можно скорѣе переправьтесь на ту сторону рѣки Узу (Днѣпра) къ Ак-Керману."

„Въ ту же минуту онъ послалъ Сеъадетъ-Герая. Тотъ вполночь явился къ падишаху и изложилъ слова хана. Какъ только стало извѣстно положеніе дѣлъ, на р. Узу были приготовлены лодки, и тотчасъ же живой рукой со всею свитою и челядью до свѣта переправились на ту сторону рѣки Узу. [1]). А Мухаммедъ-Герай приходитъ съ тридцатью тысяча-

[1]) Въ Кр. Ист. прибавлено, что это случилось въ طوقز يوز اون تاريخنده и въ 910=1504—1505 году», хотя и не вѣрно. У Сеидъ-Мухаммедъ-Ризы вовсе не обозначено времени, когда произошло описываемое событіе.

ми татаръ къ тому мѣсту, гдѣ находился лагерь, и видитъ, что тамъ ужь никого нѣтъ, пусто. Подивились и разошлись восвояси. А падишахъ, поблагодаривъ Господа за это, спасся. „На этомъ пункѣ", говоритъ въ заключеніе Мухаммедъ-Риза, „Исторія Нишанджи достигла окончанія: дальше будемъ писать отъ себя уже" [1]). Но дальше онъ говоритъ уже о другихъ дѣлахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ описанному факту. Авторъ же Краткой Исторіи прибавляетъ еще слѣдующее: „Впослѣдствіи времени султанъ Селимъ, ставши падишахомъ, сразился съ братомъ своимъ султаномъ Ахметомъ, который, будучи побѣжденъ, бѣжалъ, и вышеупомянутый Сеъадетъ-Герай-султанъ былъ отряженъ, вмѣстѣ съ Герсекъ-задэ-Ахмедъ-пашою, преслѣдовать его; онъ же сослужилъ службу, умертвивъ султана Ахмеда. Въ мирное и военное время всегда находился въ его сообществѣ; а потомъ, когда падишахомъ сталъ султанъ Сулейманъ, онъ (Сеъадетъ-Герай) проживалъ въ качествѣ заложника; впослѣдствіи сдѣлался и ханомъ" [2]).

Ясно, что первая редакція, идущая отъ лица самого Мухаммедъ-Ризы, имѣетъ цѣлію обѣлить Менглы-Герая, что будто бы онъ понималъ всю неприличность своихъ дѣйствій по отношенію къ султану Баязиду, простершему свою внимательность къ хану до самоличнаго его посѣщенія въ его собственной резиденціи. А въ существѣ дѣла Менглы-Герай и не былъ преисполненъ особенныхъ чувствъ признательности, а поступалъ какъ разсчотливый и сообразительный политикъ. Какъ, можетъ быть, въ душѣ онъ ни былъ расположенъ къ царствовавшему султану Баязиду, но безнаказанное самовольство сына его Селима, бросившаго свой трапезундскій постъ и поселившагося въ кафскомъ виляйетѣ, бывшемъ подъ управленіемъ его сына Сулеймана, внушило хану убѣжденіе, что рано или поздно этотъ энергическій человѣкъ добьется

---

[1]) Семь планетъ, 82—83. [2]) Кр. Ист. л. 30 v.—31 v.

своего—сдѣлается султаномъ, устранивъ своихъ соперниковъ братьевъ, несмотря на симпатіи отца къ среднему изъ нихъ Ахмеду. Перспектива нажить въ будущемъ султанѣ врага себѣ слишкомъ была очевидна для Менглы-Герая, чтобы онъ позволилъ своему взбалмошному сыну Мухаммедъ-Гераю затѣять рискованное дѣло захвата и выдачи Селима.

Кромѣ такой политической дальновидности, замѣтной въ старомъ Менглы-Гераѣ, имъ могло руководить въ его отношеніяхъ къ Селиму также и родственное чувство: извѣстно, что Селимъ былъ женатъ между прочимъ и на дочери Крымскаго хана, вслѣдствіе чего, вѣроятно, онъ и величалъ его въ своихъ грамотахъ „батюшкою“.

Замѣчательно однако же, что въ нашихъ русскихъ документальныхъ источникахъ не сохранилось извѣстій о такихъ крупныхъ событіяхъ, какъ посѣщеніе султаномъ Баязидомъ Менглы-Герая въ столицѣ послѣдняго Бакчэ-Сараѣ, ни о пребываніи въ Крыму царевича Селима, столкновеніе котораго съ отцомъ составляетъ весьма выдающійся фактъ въ тогдашнее время. Это тѣмъ болѣе странно, что московскій дворъ при Баязидѣ завелъ дипломатическія сношенія съ Отоманскою Портою и очень интересовался этими новыми сношеніями [1]). Узнавъ, повидимому нечаянно, о томъ, что Баязидъ сверженъ съ престола, великій князь московскій отправилъ посла къ новому султану Селиму I съ любезнымъ поздравленіемъ въ такихъ выраженіяхъ: „Отцы наши жили въ братской любви: да будетъ она и между сыновьями“ [2]), игнорируя обстоятельства, при которыхъ совершилось воцареніе Селима, и которыя показывали, какъ мало имѣлъ цѣны авторитетъ или примѣръ отца для Селима, всю жизнь препиравшагося съ нимъ и дѣйствовавшаго наперекоръ ему. Такъ московская дипломатія была наивна, или же только притворялась наивною!

---

[1]) Ист. Госуд. Рос., VII: 37. [2]) Ibidem, 38.

Свергнувъ отца и устранивъ братьевъ и даже племянниковъ отъ соперничества посредствомъ немилосердаго избіенія ихъ, султанъ Селимъ (1512—1520) не опасался за прочность своего положенія внутри своего государства. Что же касается Крыма, то тамъ еще сидѣлъ въ качествѣ губернатора кафскаго виляйета единственный сынъ Селима, Сулейманъ. Сдѣлавшись султаномъ, Селимъ тотчасъ же вызвалъ его къ себѣ въ столицу [1], куда онъ и прибылъ въ ребіъуль-эввелѣ 918 = въ маѣ 1512 года [2], чтобы замѣщать отца во время его продолжительнаго отсутствія въ далекихъ походахъ, проектированныхъ Селимомъ противъ персовъ. Сосредоточивъ все свое вниманіе на Азіи и будучи занятъ крупными тамъ предпріятіями, Селимъ мало вообще интересовался тѣмъ, что дѣлалось въ Европѣ, а потому онъ не особенно нуждался въ Крымскомъ ханѣ, какъ въ полезномъ съ этой стороны союзникѣ. Но это не значитъ, чтобы онъ оставался и совершено равнодушенъ къ вопросу о томъ, въ какихъ отношеніяхъ впредь будетъ къ нему вассалъ его Менглы-Герай, хотя они и связаны были узами родства между собою. На этотъ счотъ у турецкаго писателя Аали-эфенди, а за нимъ и у Солакъ-задэ, сохранился весьма любопытный разговоръ, происходившій у султана Селима съ своимъ верховнымъ везиремъ Пири-пашою, и затѣмъ разсказана цѣлая исторія о томъ, какъ султанъ Селимъ домогался присылки къ нему ханскаго сына Сеъадетъ-Герая въ заложники, и какъ крымскіе татаре сперва противились-было этому, а потомъ уступили благоразумной настойчивости Менглы-Герая, который не хотѣлъ вступать въ открытую вражду съ свирѣпымъ султаномъ.

Эта интересная исторія приведена у Аали-эфенди въ видѣ комментарія къ позднѣйшему очередному въ его лѣтописи факту, случившемуся въ 992 = 1584 году, въ царствованіе

---

[1]) Кюнгу-ль-ахбаръ. Ркп., часть II: 313 v.; Солакъ-задэ, 350.
[2]) Мюнеджжимъ-баши, III: 448.

султана Мюрада III (1574—1595), факту сверженія Крымскаго хана Мухаммедъ-Герая II Жирнаго (1577—1584). Она представляется у турецкаго бытописателя, въ то же время лица офиціальнаго, чѣмъ-то въ родѣ дѣловой справки объ установленіи зависимаго положенія Крымскихъ хановъ отъ Порты, оправдывающаго законность дѣйствія султанскаго правительства противъ строптиваго хана. Самъ ли Аали-эфенди сочинилъ эту исторію на основаніи устныхъ преданій о близкомъ къ его времени прошломъ, или онъ цѣликомъ заимствовалъ ее откуда-нибудь, но только она отличается чрезвычайною правдоподобностью: все донельзя похоже тутъ на султана Селима I—и знакомство съ бытомъ и національными свойствами крымскихъ татаръ, и знаніе интимныхъ, семейныхъ симпатій хана Менглы-Герая, и даже чудовищная взбалмошность поведенія страдавшаго безсонницею и галлюцинаціями султана, требующаго къ себѣ среди ночи верховнаго везиря, чтобы сообщить ему пришедшую ему внезапно въ голову мысль. Одно развѣ только—опасеніе Селима со стороны Крымскаго хана кажется какъ будто преувеличеннымъ: Аали эфенди сгустилъ тутъ краски подъ впечатлѣніемъ современныхъ ему обстоятельствъ, въ концѣ XVI столѣтія, когда внутреннія неурядицы и расшатанность правительственной машины Турціи дѣлали страшными для нея такихъ внѣшнихъ враговъ, которыхъ въ другую добрую пору она могла ставить ни во что. Съ другой стороны и опасенія Селима, въ самомъ дѣлѣ, не были совершенно безосновательны. Менглы-Герай былъ все-таки недюжинный человѣкъ и располагалъ довольно значительными силами. Но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ также человѣкъ, на вѣрность котораго тоже нельзя было безусловно положиться. Въ этомъ Селимъ убѣдился собственнымъ опытомъ, встрѣтивъ въ немъ поддержку противъ своего отца, султана Баязида II, когда дипломатическихъ разсчетовъ хана не остановило даже естественное чувство признательности къ Баязиду, который души не чаялъ въ Менглы-

Гераѣ и оказывалъ ему всякія почести и вниманіе. Этого мало: историки, какъ мы видѣли выше, свидѣтельствуютъ, что не Селимъ искалъ помощи и покровительства у Менглы Герая, а послѣдній самъ, въ своихъ видахъ, неоднократно предлагалъ ихъ Селиму, да Селимъ, съ свойственной ему грубою прямотою и гордостью, не очень-то принималъ эти предложенія. Не безъизвѣстны, конечно, были Селиму также заискиванія брата его Ахмеда у Крымскаго хана и горячее сочувствіе, которое эти заискиванія нашли въ сынѣ Менглы-Герая Мухаммедѣ. Все это всовокупности могло на первыхъ порахъ нѣсколько озаботить Селима и заставить его искать средствъ обезопасить себя со стороны какихъ-либо враждебныхъ поползновеній хана. Средства же, придуманныя Селимомъ, показываютъ, что этотъ грубый и жестокій деспотъ и упрямецъ, въ то же время былъ и глубокій психологъ: не даромъ онъ любилъ поэзію, и не только писалъ стихи, но даже въ разговорѣ постоянно употреблялъ стихотворныя выраженія, взятыя у персидскихъ (и непремѣнно персидскихъ) поэтовъ, или же собственной импровизаціи [1]). Онъ зналъ, что родительское сердце Менглы-Герая всего ближе-лежало къ сыну его Сеъадетъ-Гераю; не ускользнула отъ его наблюдательнаго взора и необыкновенная жадность хана, и онъ сообразилъ, что эксплуатація одной страсти посредствомъ другой послужитъ ему самымъ надежнымъ орудіемъ держать хана въ своихъ рукахъ. Разсказъ Аали-эфенди подтверждаетъ, что разсчотъ его былъ вѣренъ.

„Однажды ночью", пишетъ Аали, „его присутствіе Селимъ-ханъ вдругъ потребовалъ къ себѣ Пири-пашу и задаетъ ему такой вопросъ: „Кто самый страшный для насъ врагъ нашъ"?— „Кызылъ-башъ" [2]), отвѣчалъ Пири-паша: въ то время въ

---

[1]) Diez. Op. cit., стр 253. [2]) Такъ турки называли всегда персовъ— قزلباش—«красноголовый», по употребительному у нихъ рыжему цвѣту бараньихъ шкуръ, изъ которыхъ они дѣлали свои большія шапки.

большой извѣстности былъ шахъ Исмаилъ Ардебили, его-то и предпочолъ паша всѣмъ прочимъ непріятелямъ. Но падишахъ совсѣмъ не одобрилъ словъ везиря и возразилъ ему: „Врешь, ты ошибаешься: я больше всего опасаюсь татаръ, быстрыхъ какъ вѣтеръ охотниковъ на непріятелей, потому что если они пустятся, то въ одинъ день сдѣлаютъ пяти— шести-дневную дорогу; а если побѣгутъ, то такимъ же образомъ мчатся. Особенно важно то, что ихъ лошадямъ не нужно ни подковъ, ни гвоздей, ни фуража; когда они встрѣчаютъ глубокія рѣки, то не дожидаются, какъ наши войска, лодокъ. Пища ихъ, какъ и самое тѣло, не велика; а что они не хлопочутъ о комфортѣ, это только доказываетъ ихъ силу. Теперь громъ барабана могущества моего донесся до небесъ; тріумфъ побѣдоносности и мужества моего на равнинѣ Чалдыранской и при покореніи Египта сжогъ огнемъ не одну тысячу династій [1]. Если ханъ Крымскій тоже будетъ повиноваться моей власти, т. е. если онъ, поступивъ въ списокъ пользующихся моею милостію рабовъ моихъ, станетъ ѣсть жалованье изъ нашей казны и носить наше знамя, и если онъ изъ славныхъ сыновей своихъ доблестнаго *сына* своего Сеъ-

---

[1]) Это очевидный анахронизмъ, ибо Чалдыранская битва была въ августѣ 1514 года, а покореніе Египта совершилось въ 1517 году, когда Менглы-Герая уже не было въ живыхъ. Оба эти знаменательныя событія въ жизни султана Селима I упомянуты послѣдующими историками такъ, къ слову, безъ справки съ хронологіею преемственности Крымскихъ хановъ. Въ разсказѣ историковъ ханъ не названъ по имени, что, вѣроятно, дало поводъ Гаммеру-Пургшталлю отнести его къ преемнику Менглы-Герая, сыну его Мухаммедъ-Гераю (Gesch. d, Osm. R., II: 527—528). Но что онъ въ данномъ случаѣ ошибается, доказательствомъ служитъ вопервыхъ то, что Сеъадетъ-Герай, котораго султанъ требовалъ къ себѣ въ заложники, называется въ разсказѣ турецкихъ историковъ *всегда* сыномъ ханскимъ, Мухаммедъ-Гераю же онъ былъ братъ, а не сынъ; а вовторыхъ, и у тѣхъ историковъ, и у самого Гаммера Сеъадетъ-Герай упоминается уже въ началѣ 1513 года участвовавшимъ въ окончательномъ пораженіи султанскаго брата, принца Ахмеда въ М. Азіи (Кюнгу-ль-ахбаръ, Ркп., ч. I: л. 327 г.; Солакъ-заде, 357; Gesch. d. Osm. R., II: 387). Значитъ, ужь онъ тогда состоялъ на службѣ у султана, и не было надобности заботиться о какомъ-то новомъ привлеченіи его.

адетъ-Герая пришлетъ на службу къ нашему августѣйшему стремени въ качествѣ заложника, такъ ладно будетъ; если же нѣтъ, то вотъ ужь готово и поле войны и арена битвы; вотъ ужь готовы герои побоища и мужи брани и кровопролитія. Затѣмъ по высочайшему повелѣнію дано было знать тому достопочтенному хану грамотою о назначеніи ему тысячи акчэ дневного содержанія, а по триста акчэ состоящимъ у него на службѣ приближеннымъ и агамъ; при этомъ было послано изъ императорскаго цейхгауза благодатное знамя. Въ то время какъ къ господину хану прибыла государева грамота и благодатное самодержавное знамя, ясно стало, что̀ требовалось высочайшимъ повелѣніемъ. Но нѣкоторые безтолковые мурзы воспротивились, говоря: „Развѣ мы слуги османамъ, что ли?!", и начали-было затѣвать бунтъ. А особливо говорили рѣчи въ родѣ слѣдующихъ: „Его требованіе въ заложники подобнаго Іосифу праведному, блистающаго зеркаломъ юныхъ ланитъ своихъ красавца-царевича происходитъ, молъ, изъ похотливыхъ намѣреній; мы на это ни за что не согласны.... Что жь онъ развѣ равняетъ насъ съ гяурами, коли ставитъ заложничество основаніемъ мира? Ни царевичъ пусть не ѣдетъ къ нему, ни изъ насъ никто не считаетъ этого приличнымъ. Куда же дѣвалась наша честь и достоинство, что падишахъ ведетъ подобныя рѣчи?! Онъ еще видно не знаетъ хорошенько рода чингизова, что оскорбляетъ обычаи чингизскіе! Боже сохрани, чтобы мы сдѣлали потомковъ его рабами того султана!" Но ханъ, который слышалъ эти толки, побѣдилъ эти ихъ безумства такимъ разумнымъ отвѣтомъ: „Вопервыхъ, высокостепенный падишахъ пожаловалъ намъ тысячу акчэ дневного содержанія. Съ поздравленіемъ и привѣтствіемъ прислалъ грамоту и знамя; нашимъ приближеннымъ и благожелателямъ тоже назначилъ жалованье. Прознавъ же, что мое сердце изъ всѣхъ моихъ сыновей всего больше лежитъ къ Сеъадетъ-Гераю, потребовалъ его къ себѣ. Это значитъ, что онъ нашолъ прилич-

нымъ, чтобы онъ, получивъ хорошее царское воспитаніе и образованіе, пріобрѣлъ такимъ образомъ качества, дѣлающія его достойнымъ занять отцовское мѣсто. Такъ что же въ этомъ обиднаго-то? Его сахароточивыя рѣчи, очевидно, были сладостны какъ медъ. Если бы мы, послушавшись вашихъ безтолковыхъ разглагольствій, стали въ оппозицію и побрели бы въ пустыню мятежничества, то все равно что подложили бы огня въ сухой бурьянъ. Онъ пришолъ бы на насъ съ огромнымъ какъ море войскомъ, съ пушками и ружьями, и мы понесли бы достойное наказаніе. А въ случаѣ нашего неминуемаго бѣгства онъ бы сравнялъ съ чорною пылью наши сады и нивы и разрушилъ бы, подобно нашимъ жилищамъ, дома нашей чести и имени. А раскаяніе потомъ пользы не принесетъ, да и смыслу въ немъ не было бы. Отъ вашихъ же разглагольствій намъ толку мало". Такъ сказалъ ханъ и заявилъ эмирамъ, что онъ лучше желаетъ повиноваться волѣ падишаха и имѣетъ расположеніе и готовность послать Сеъадетъ-Герая. И дѣйствительно, онъ отправилъ милаго, какъ глазной хрусталикъ, сына своего Сеъадетъ-Герая на службу къ Высокому Порогу и при этомъ послалъ падишаху грамоту, заключавшую въ себѣ благодареніе за безсчотные щедроты его и признательность за благодѣянія и дары его. Селимъ-ханъ, этотъ гордый, какъ Александръ, и могущественный, какъ Соломонъ самодержецъ приложилъ попеченіе къ наилучшему воспитанію царевича: взялъ его въ свой благородный гаремъ, что въ императорскомъ дворцѣ, и, по османскому обычаю, повелъ его воспитаніе и образованіе съ важнѣйшихъ предметовъ, касающихся вѣры и государства, такъ что между ними установилось какъ будто любовное отношеніе, и осуществилась взаимность очень милая, очень ласковая, но чуждая любострастныхъ поползновеній. Наконецъ, когда пришла очередь, то онъ былъ почтенъ и осчастливленъ возведеніемъ его на ханскій престолъ. Такимъ-то манеромъ было установлено подданство Крымска-

го хана. Въ случаѣ же когда онъ не слушался повелѣній, издавалось законное разрѣшеніе наказать его; а иначе, еслибы сносить его строптивость и противленіе, то нечего было бы и издавать разрѣшеніе о наказаніи, потому что какое же было бы средство удалить самостоятельнаго государя, господина хутбэ и монеты?!" [1])

Но то, что имѣло какой-нибудь смыслъ и значеніе для султана Селима, пока на Крымскомъ ханствѣ сидѣлъ Менглы-Герай, утеряло это значеніе, когда послѣдняго не стало на свѣтѣ. А онъ умеръ вскорѣ послѣ утвержденія Селима на тронѣ, оставивъ ханскую власть старшему сыну своему Мухаммедъ-Гераю, личному врагу султана Селима, съ которымъ ему приходилось теперь вѣдаться уже какъ съ своимъ сувереномъ.

Прахъ Менглы-Герая покоится рядомъ съ костями отца его Хаджи-Герая въ тюрбэ, которое сооружено самымъ же Менглы-Гераемъ надъ могилою отца своего. Это тюрбэ, кстати сказать, едва ли не единственный памятникъ прежняго татарскаго величія, сохранившійся въ сносномъ видѣ и содержимый въ нѣкоторомъ порядкѣ среди всеобщаго разрушенія и запустѣнія, царствующаго по всему татарскому Крыму.

О времени смерти Менглы-Герая существуетъ большое разногласіе. Крымскіе историки говорятъ — одни, что онъ умеръ въ мѣсяцѣ зи-ль-хыддже 920 — въ январѣ 1515 года [2]), другіе — годомъ раньше [3]). По русскимъ источникамъ, Менглы-Герай умеръ въ Великую Субботу 1515 года и погребенъ въ Свѣтлое Воскресенье [4]). Гаммеръ-Пургшталль въ своей исторіи Отоманской имперіи мимоходомъ замѣчаетъ, что Менглы-

[1]) Кюнгу-ль-ахбаръ. Ркп., II: 319 v.—320 r.; Солакъ-задэ, 428—429. [2]) Асесбъу-с-сейяръ. Ркп. Учеб. Отд., л. 61 r.: въ печатномъ же изданіи Казембека (стр. 86) стоитъ немыслимая дата 908—1502—3 года; Кр. Ист., л. 31 v.; мой Сборникъ, 10. [3]) Гюльбуни-хананъ, 10. [4]) Ист. Гос. Рос., VII: 45, примѣч. 137; В.-Зерновъ, О Касимов. царяхъ и царевичахъ, I: 247.

Герай умеръ за четыре года до возвращенія султана Селима изъ азіятскаго похода и путешествія его въ Адріанополь, случившагося въ іюлѣ 1518 года [1]). Въ позднѣйшемъ же своемъ сочиненіи, *Geschichte der Chane der Krim*, онъ статью XII [2]) спеціально озаглавилъ: „Mengligerai's des ersten Chanes Tod“, но ни одного слова не говоритъ въ ней о смерти Менглы-Герая, и главное—о времени, когда она послѣдовала. А это обстоятельство возбуждаетъ сомнѣніе. Г. Гаммеръ въ томъ же сочиненіи [3]) перечисляетъ грамоты султана Селима къ Менглы-Гераю, находящіяся въ его рукописномъ сборникѣ Феридунъ-бея, но не обращаетъ вниманія на даты этихъ грамотъ. Въ печатномъ же изданіи этого сборника грамота Селима, съ извѣстіемъ о Чалдыранской побѣдѣ, помѣчена первыми числами мѣсяца реджеба 920 года, что соотвѣтствуетъ концу августа 1514 года [4]). Отвѣтъ на нее безъ подписи и даты, но, должно быть, къ тому же времени относится. Слѣдовательно, Менглы-Герай, вопреки свидѣтельству автора *Гюльбуни-ханань*, былъ еще живъ тогда. Одно можно было бы предположить: султанъ Селимъ и весь его штабъ, находясь въ отдаленныхъ предѣлахъ Персіи, не успѣли получить свѣдѣній о смерти хана; но сколько же времени могла продолжаться эта безвѣстность? Слѣдующая грамота, извѣщающая о покореніи Кумаха и Зулькадріфе, также адрессована къ Менглы-Гераю и помѣчена такъ: „Въ срединѣ мѣсяца джемазіъу-ль-эввеля 921 года — въ концѣ іюня 1515 года [5]). Далѣе, есть еще одна грамота, не помѣченная никакимъ числомъ, но находящаяся между другими документами того же 921 года и подписанная: بنده منكلى كراى — „Слуга Менглы-Герай“ [6]). Эта грамота имѣетъ такое заглавіе: سلطان سليم خان اماسيه‌دن استانبوله كلدكده تاتار خاندن كلن تهنيه‌ء قدومدر — „Поздравительная грамота отъ татарскаго хана султану Селиму

---

[1]) Hammer, Gesch. d. Osm. R., II: 527. [2]) Стр. 43 — 45. [3]) Стр. 42, пр. [4]) Феридунъ-бей, I: 387—389. [5]) Ibidem, 410—411. [6]) Ibidem, 418.

съ прибытіемъ его изъ Амасіи въ Стамбулъ". Это прибытіе случилось, какъ уже замѣчено было выше, въ іюлѣ 1518 года. Мало того: въ числѣ грамотъ того же султана Селима, оповѣщающихъ о завоеваніи имъ Египта, имѣвшемъ мѣсто въ январѣ 1517 года, есть одна, адрессованная на имя Менглы-Герая [1]). Только извѣщеніе о вступленіи на престолъ новаго султана, Сулеймана I Кануни, имѣющее датою средину мѣсяца шевваля 926=конецъ сентября 1520 г., уже обращено къ Мухаммедъ-Гераю [2]). Этотъ послѣдній въ отвѣтѣ на вышеозначенное извѣщеніе говоритъ про своего отца, Менглы-Герая, „покойный мой отецъ"—مرحوم بابام [3]). Стало быть, въ этомъ году Менглы-Герая уже не было вживыхъ. Отъ преемника же его Мухаммедъ-Герая мы имѣемъ ярлыкъ, или, правильнѣе сказать, копію-факсимиле съ его ярлыка, изданную въ текстѣ и переводѣ съ примѣчаніями проф. И. Н. Березина [4]). На ней значится начало мѣсяца ребіъу-ль-ахыра 823 года=половина марта 1420 года. Но это явная ошибка, и потому проф. Березинъ совершенно справедливо предлагаетъ вмѣсто 823 читать 923, что будетъ равняться концу апрѣля 1517 года. Внѣшность почерка копіи, языкъ и содержаніе текста говорятъ за достовѣрность оригинала, съ котораго она снята; а ошибка въ цифрѣ вещь тоже возможная [5]). Но такъ какъ на монетахъ, битыхъ въ 921=1516 году, мы уже находимъ имя Мухамедъ-Герай-хана [6]), то время смерти Менглы-Герая надо отнести къ 1515, а не къ 1517 году, числовыя же данныя въ сборникѣ Феридунъ-бея слѣдуетъ признать невѣрными. Послѣднее тѣмъ

[1]) Ibidem, 430—431. [2]) Ibidem, 502. [3]) Ibidem, 503. [4]) Зап. Од. Общ., т. VIII, прибавл., стр. 16—23. [5]) Напр. одинъ ярлыкъ Менглы-Герая въ русскомъ его переводѣ помѣченъ такою датою: «И мишень есми къ сему ярлыку лазоревъ приложилъ *десять сотъ да пять*, курманай 15 день, въ недѣлю» (Сбор. Ист. Общ., XLI: 321). Если это не типографская опечатка, то тутъ двойная нелѣпость и въ отношеніи хронологіи и въ словосочетаніи, ибо порусски «десять сотъ» не говорится, а вмѣсто этого существуетъ слово «тысяча». [6]) Блау, Op. cit., 62, № 1168.

позволительнѣе, что въ сборникѣ оказываются явные анахронизмы насчотъ того же Менглы-Герая. Такъ во второмъ томѣ первая же грамота султана Сулеймана Кануни, содержащая извѣстіе о покореніи обоихъ Ираковъ, съ помѣткою въ концѣ, что она написана „въ началѣ мѣсяца джемазіъуль-эввеля 941 г.“ = въ первой половинѣ ноября 1534 года, адрессована также къ Менглы-Гераю, имя котораго находится не въ одномъ только заголовкѣ грамоты, но и въ самомъ текстѣ ея [1]). Какъ могла вкрасться такая нелѣпость, трудно и понять: можетъ быть даже это ошибка не редактора грамоты, ни даже составителя сборника, а тѣхъ, кто наблюдалъ за печатнымъ его изданіемъ.

Зато Гаммеръ останавливаетъ особенное свое вниманіе на этимологіи имени Менглы-Герая, усматривая въ немъ роковое совпаденіе съ воинственностью того, кто носилъ это имя: „Mengli war“, говоритъ Гаммеръ, „wie schon sein Name sagt, welcher der *Kampflustige* heisst, Freund von beständigen Raub-und Streifzügen in Polen“ [2]). А въ примѣчаніи добавляетъ еще: „Menk heisst Kampf (Meninski *proelium*, *bellum* und Ferhenge Schuuri, II Bd., Bl, 353). Ценкеръ въ своемъ словарѣ [3]) производитъ имя Менглы отъ منك = بنك, بك, „родимое пятно“, такъ что منكلى, то же что بكلو, значитъ: „имѣющій родимыя пятна“. Въ приведенномъ у насъ разсказѣ историка Мухаммедъ-Герая о водвореніи турками Менглы-Герая на царство онъ также вездѣ называется بكلى كراى [4]). Такая форма имени *Бенглы* встрѣчается и въ другихъ памятникахъ [5]). Продолжая эту безплодную деривацію, можно было бы подобрать и другія подобозвучныя слова и производить имя Менглы отъ بنك, „хашишъ“; но все это существеннаго значенія не имѣетъ. Былъ ли Менглы-Герай только воинственъ, или имѣлъ при этомъ

---

[1]) Феридунъ-бей, II: 2—6. [2]) Gesch. d. Ch. d. Kr., 43. [3]) II: 888. [4]) Рукоп. Имп. Вѣн. библ. Hist. Osm. 86, л. 109 v.—104 r. [5]) Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, стр. 288, пр. 427.

какія-нибудь особыя примѣты, достаточно того, что онъ съ подобающимъ достоинствомъ занималъ ханское мѣсто. Достоинъ вниманія тактъ, съ которымъ умѣлъ держать себя Менглы-Герай относительно своихъ сувереновъ. Зная благочестивую ревность въ религіозномъ отношеніи и военную въ то же время трусость Баязида, Менглы-Герай пишетъ ему вызывающее къ священной брани съ невѣрными письмо [1]). Показавъ этимъ свое собственное благочестіе и мужество, онъ пріобрѣлъ такой авторитетъ и вѣсъ въ глазахъ султана, что тотъ держитъ себя съ нимъ не только благосклонно, но даже заискивающе, какъ это мы видѣли: устраиваетъ для его посланца, царевича Ямгурчея, торжественныя, исполненныя всякой предупредительности, встрѣчи [2]) и даже самолично дѣлаетъ хану визитъ.

Такое, чуть не панибратское отношеніе Менглы-Герая къ султану Баязиду, въ свою очередь, сильно возвышаетъ его престижъ въ глазахъ другихъ властительныхъ особъ, среди своей же братіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, напримѣръ, познакомиться съ грамотою, присланною къ нему въ 1492 году казанскимъ царемъ Мухаммедъ-Эминемъ, который въ льстивыхъ обращеніяхъ своихъ къ Менглы-Гераю заходитъ такъ далеко, что считаетъ его выше султана турецкаго: „Надъ вѣрою осподарь еси, *надъ турскимъ осподаремъ и надъ азямскимъ осподаремъ воленъ еси*“, говоритъ Мухаммедъ-Эминь въ начальномъ обращеніи къ нему [3]).

[1]) Hammer, Gesch d. Chane der Krim. 40—42. Самаго этого письма Менглы-Герая къ Баязиду не имѣется, о содержаніи же его извѣстно лишь изъ отвѣта на него султана Баязида, который, кромѣ цитованнаго Гаммеромъ рукописнаго сборника Сары-Абда-л-Ла-эфенди, мы нашли и въ печатномъ изданіи *Муншіъати-салатинъ* Феридунъ-бея (II: 536—537). Странно вотъ что: эта грамота должна быть одна изъ старыхъ, а между тѣмъ она помѣщена у Феридуна въ концѣ второго тома, и притомъ между грамотами разныхъ европейскихъ государей, развѣ потому только, что большинство документовъ, находящихся въ концѣ сборника, не имѣетъ датъ: эта грамота тоже безъ даты. [2]) Сб. Ист. Общ., XLI: 111—112. [3]) Ibidem, 146. Считаемъ нелишнимъ отмѣтить тутъ одну вопіющую нелѣпость въ современномъ русскомъ переводѣ грамоты Мухаммедъ-Эмина, а именно: въ числѣ разныхъ по-

Вѣрно разсчитавъ будущій успѣхъ Селима, сына Баязидова, Менглы-Герай вовремя успѣлъ подслужиться ему и даже, завязавъ съ нимъ родственныя отношенія, оказать ему подъ рукою поддержку, не теряя въ то же время дружбы и съ отцомъ его. И что же получилось въ результатѣ? А вотъ что: даже такой неистовый и довольно безцеремонный султанъ, какъ Селимъ I Явузъ, и тотъ иногда величаетъ Менглы-Герая въ грамотахъ своихъ بابام منكلى كراى = „*батюшка* мой, Менглы-Герай" [1]).

Какія установились отношенія между преемникомъ Менглы-Герая Мухаммедъ-Гераемъ I и султаномъ Селимомъ, это не выяснилось хорошенько. Нельзя думать, чтобы Селимъ могъ питать чувство расположенія и довѣрія къ новому Крымскому хану по причинамъ, совершенно понятнымъ изъ предыдущаго поведенія Мухаммедъ Герая въ то время, когда Селимъ былъ простымъ авантюристомъ, домогавшимся отцовскаго трона. Но время не дождалось дальнѣйшихъ послѣдствій этой взаимной ихъ непріязни: оба они были недолговѣчны, и раньше сошолъ въ могилу султанъ Селимъ, такъ что новая эпоха въ исторіи Крымскаго ханства началась при новомъ суверенѣ, султанѣ Сулейманѣ I Кануни (1520—1566), царствовавшемъ столь же долго, сколь долго властвовалъ первый Крымскій вассалъ Отоманской Порты, Менглы-Герай-ханъ I, т. е. сорокъ лѣтъ слишкомъ.

хвальныхъ обращеній къ Менглы-Гераю есть и такая: «отъ воды и отъ земли созданъ еси». Что это можетъ значить, не только какъ похвальная фраза, но и какъ простая человѣческая мысль? Въ настоящемъ своемъ видѣ эта фраза есть чистая безсмыслица, которая какъ будто обнаруживаетъ однако же признаки подражанія татарскаго подлинника османскимъ образцамъ и можетъ быть истолкована слѣдующимъ образомъ. Султаны въ своихъ ферманахъ титулуютъ себя, между прочимъ, такъ: سلطان البرين والبحرين = «владыка двухъ сушь» (т. е. Анатоліи и Румиліи) и двухъ морей» (т. е. Архипелага и Чорнаго моря). Это послѣднее выраженіе, вѣроятно, какъ-нибудь и было вклеено въ татарской грамотѣ; а наши переводчики, не понявъ смысла его, передали порусски словами: «отъ воды и отъ земли созданъ».

[1]) Феридунъ-бей, I: 388.

III.

Въ шеввалѣ 926 = сент.-окт. 1520 года султанъ Сулейманъ шлетъ Мухаммедъ-Гераю съ Синанъ-чаушемъ грамоту, извѣщающую его о вступленіи на престолъ. По краткомъ изложеніи обстоятельствъ смерти прежняго султана и воцаренія новаго, грамота заканчивается слѣдующимъ предложеніемъ хану: „Надлежитъ, чтобы когда прибудетъ (моя грамота), не медля ни одной минуты, ни одного мгновенія, подвластныя царственныя дѣти, крымскіе мурзы, дэшти-кыпчакскіе беки и весь простой и знатный людъ совершили заупокойную молитву по почившемъ и усопшемъ и вознесли благожеланія (намъ). Объявивъ и сообщивъ повсемѣстно радостную вѣсть о моемъ восшествіи и приводя въ исполненіе то что необходимо касается веселія и торжества, ты потщишься, съ молитвами о счастливомъ долгоденствіи моемъ, о пріумноженіи лучшей справедливости. Такъ и вѣдай“ [1]). Мухаммедъ-Герай отвѣчалъ султану, что онъ вточности исполнилъ данное ему предписаніе; крайне желалъ бы лично принести поздравленіе, но, вслѣдствіе разныхъ не зависящихъ отъ него препятствій, ограничивается посылкою одного изъ своихъ приближенныхъ бековъ Абду-р-Рахмана съ тѣмъ же порученіемъ. Посланіе свое Мухаммедъ-Герай заключаетъ просьбою не оставлять его своею милостью, подобно тому какъ этою милостью пользовался его покойный отецъ со временъ султана Мухаммеда Фатиха. При этомъ ханъ называетъ себя скромнымъ именемъ عبد مخلص = „вѣрный рабъ“, بنده بيمقدار — „ничтожный рабъ,“ بنده مبذول — „преданный рабъ“ [2]). Жизненный опытъ научилъ, вѣрно, пылкаго Мухаммедъ-Герая быть политикомъ: такой кроткій тонъ его грамоты показываетъ, что и онъ подобно отцу старался ладить съ султанами, которые потому-то и не давали чувствовать своей руки надъ подвластнымъ имъ ханствомъ. Но совсѣмъ иначе пошло дѣло

[1]) Феридунъ-бей, I: 502. [2]) Ibidem, 503.

по смерти Мухаммедъ-Герая, сопровождавшейся довольно трагическими обстоятельствами.

Еще отецъ его жаловался великому князю московскому на малолюдство своихъ крымскихъ владѣній и проистекающее отсюда свое безденежье [1]). Мухаммедъ-Герай хотѣлъ помочь этому горю переселеніемъ и водвореніемъ въ Крымъ всѣхъ поволжскихъ татаръ. А чтобы легче подчинить себѣ обитавшихъ въ покоренной имъ тогда же Астрахани ногаевъ, онъ сталъ относиться къ нимъ съ явнымъ предпочтеніемъ ихъ крымскимъ эмирамъ. Послѣдніе вознегодовали на это и всячески старались посѣять неудовольствіе между ногаями и ханомъ. Случилось, что нѣкоторые изъ свиты Гази-Герая и Бахты-Герая, сыновей ханскихъ, нанесли оскорбленіе какимъ-то астраханцамъ. Когда это доведено было до свѣдѣнія хана, то онъ султанамъ, сыновьямъ своимъ, далъ нагоняй, а виновныхъ подвергъ наказанію. Эмиры, склонивъ обиженныхъ царевичей на свою сторону, въ одну ночь бѣжали со всѣми татарами изъ-подъ Астрахани въ Крымъ. Наутро ханъ съ калгою и 3000 своей гвардіи не знали, что имъ дѣлать, для того чтобы вернуть бѣжавшихъ. Тогда ногаи, которымъ предстояло насильственное перекочеваніе изъ своихъ прежнихъ обиталищъ, сочли этотъ моментъ самымъ благопріятнымъ, чтобъ отдѣлаться отъ хана. Они, съ Мамай-бекомъ и Шагымъ-мурзою во главѣ, явились къ хану съ предложеніемъ помочь ему наказать своихъ противниковъ, а сами потомъ въ темную ночь напали и перебили всѣхъ—хана, калгу и ихъ свиту, разграбивъ все, что только нашли въ ханскомъ лагерѣ. Это побоище совершилось, какъ и походъ Мухаммедъ-Герая, въ 1523 году. Крымскіе мурзы, узнавъ о случившемся, раскаялись въ своемъ поступкѣ, хотя это было „все равно что очистить рыбью чешую да ее жарить въ маслѣ“, по остроумному сравненію у крымскихъ историковъ. Мурзы выразили, по татарскому обычаю, свое сожалѣніе царевичамъ; потомъ съ общаго со-

[1]) Сбор. Ист. Общ., XLI: 152.

гласія избрали Гази-Герая ханомъ, а Баба-Герая калгою. Но вскорѣ они спохватились, что сыновья убитаго Мухаммедъ-Герая современемъ станутъ мстить имъ за гибель отца, и начали помышлять о сверженіи Гази-Герая. Разсуждая такъ, что, молъ, ханское достоинство безъ утвержденія со стороны султана ничего не стоитъ — پادشاه طرفندن نصب اولنمدقجه خانلق محکم اولمز —, они отправили тогдашняго ширинскаго миръ-лива Мамышъ-бека въ Порту, вручивъ ему прошеніе о назначеніи имъ новаго хана на мѣсто умершаго [1]).

Миссія Мамышъ-бека, естественнымъ образомъ, сразу уронила значеніе ханскаго достоинства въ глазахъ султана и Порты вообще. Еще на такого хана, какъ Менглы-Герай, бывшаго въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ султанами, кафскій паша кляузничалъ, дѣлая султану лживые на него доносы, въ родѣ того, что будто бы онъ не позволялъ русскимъ купцамъ ѣздить въ Азовъ и Кафу [2]). Но Менглы-Герай зналъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, и умѣлъ самымъ дипломатическимъ способомъ обѣлять себя отъ взводимыхъ на него обвиненій [3]). Сыновья же и внуки его не поддержали ханскаго престижа, пріобрѣтеннаго и упроченнаго ихъ предкомъ: эгоистическое соперничество пересилило въ нихъ интересы прочности положенія своей династіи.

Мамышъ-бекъ, прибывъ въ отоманскую столицу, свидѣлся съ проживавшимъ тамъ сыномъ Менглы-Герая, Сеъадетъ-Гераемъ и, сообщивъ ему объ обстоятельствахъ и цѣли своего прибытія въ Стамбулъ, подстрекнулъ его искать ханскаго престола. Сеъадетъ послалъ къ султану человѣка съ своею просьбою дать ему ханство, ссылаясь на расположеніе и готовность къ подданству ему крымцевъ, а также и на предложеніе Мамышъ-бека. Султанъ внялъ просьбѣ царе-

---

[1]) Семь планетъ, 87—88; Кр. Ист. л. 32 r. & v. [2]) Сбор. Ист. Общ., XLI: 155—156. [3]) Ibidem.

вича: Сеъадетъ-Герай былъ съ подобающими церемоніями возведенъ въ ханское достоинство и на кораблѣ препровожденъ въ реждебѣ 930 = въ маѣ 1524 г. въ Крымъ [1]).

Но зачѣмъ Сеъадетъ-Герай проживалъ все время въ Стамбулѣ? Историки крымскіе называютъ это пребываніе его при султанскомъ дворѣ *заложничествомъ*—رهينلك عنوانى, رهينلك منصبى [2]). Гезаръ-Феннъ и неизвѣстный составитель изданнаго мною сборника говорятъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: „Менглы-Герай правилъ до 920 = 1514 [3]) года, когда и умеръ. Затѣмъ властвовалъ одинъ изъ его доблестныхъ и славныхъ сыновей-богатырей, Мухаммедъ-Герай-ханъ, который былъ убитъ во время похода на коварныхъ ногайцевъ. Находившемуся при немъ юношѣ Гази-Гераю подобало стать на мѣсто отца своего ханомъ. Но онъ, прибывъ въ столицу Крыма, оказался, по молодости лѣтъ, не въ состояніи вести управленіе и, провластвовавъ шесть мѣсяцевъ, былъ отставленъ. Тогда онъ чрезъ Кафу прибылъ къ султану Баязиду [4]), а проживавшій тогда при Портѣ Сеъадетъ-Герай былъ сдѣланъ ханомъ и отправленъ, т. е. по вниманію къ нему султана Селима Побѣдителя, сына Баязидова, управленіе Дэшти дано ему, а братъ его Сахыбъ-Герай посланъ былъ къ Двери Счас-

---

[1]) Семь планетъ, 88; Кр. Ист., 32 v. [2]) Семь планетъ, 104; Кр. Ист., л. 32 v. [3]) Ошибочно вм. 921 = 1515. [4]) Это не вѣрно: по всѣмъ свѣдѣніямъ, какія имѣются и въ нашихъ русскихъ источникахъ, и у крымскихъ историковъ, двадцати-лѣтній юноша Гази-Герай былъ сдѣланъ сперва калгою при ханѣ Сеъадетъ-Гераѣ, а потомъ, мѣсяца черезъ три, умерщвленъ былъ. По однимъ, онъ былъ удушенъ по приказанію хана въ Кафѣ (Ист. Гос. Рос., VII: 78), а меньшой братъ его Баба-Герай съ другими князьями и мурзами отведены были въ оковахъ въ Стамбулъ (Зап. Од. Общ., V: 336—337); по другимъ же, оба брата пришиблены были дубинкою на торжественной церемоніи, когда они, по требованію придворнаго этикета, наклонились, чтобы приложиться къ полѣ одежды ханской (Семь планетъ, 89; Кр. Ист., л. 33 r.; Гюлбуни-ханапъ, 13). Самая смута, происшедшая въ Крыму по воцареніи Сеъадетъ-Герая, объясняется у нѣкоторыхъ историковъ жаждою мести за убитаго Гази-Герая со стороны оставшихся вживыхъ его братьевъ, восрбенности Исламъ-Герая (Гюльбуни-хананъ, Loco citato).

тія заложникомъ. Въ нѣкоторыхъ исторіяхъ [1]) написано, что будто бы съ тѣхъ поръ какъ султанъ Мухаммедъ Фатихъ назначилъ въ Крымъ ханомъ Менглы-Герая, заведенъ обычай посылать заложника. Но это не вѣрно: дача заложника возникла со времени сына (читай внука) его, султана Селима. Подробности этого изображены въ книгѣ историка Аали *Кюнгу-ль-ахбаръ* [2]). А во время султана Селима Побѣдителя бывшимъ изъ Крымскихъ хановъ въ заложничествѣ шло жалованья въ день 1000 акчэ, и нѣкоторымъ агамъ ихъ въ Стамбулѣ дѣлалось почествованіе жалованьемъ. Да еще данъ былъ визскій санджакъ въ видѣ арпалыка" [3]).

Мы уже видѣли выше, чѣмъ руководился султанъ Селимъ I, рѣшившись взять и держать при своемъ дворѣ любимаго сына Менглы-Герая, Сеъадетъ-Герая. Послѣдній былъ въ полномъ смыслѣ этого слова заложникомъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, при султанѣ Селимѣ I. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ: въ заложники обыкновенно отдавались одними людьми другіе почему-либо дорогіе имъ люди, напр. отцомъ дѣти, какъ гарантія исполненія принимаемыхъ на себя обязательствъ. Въ варварскія времена за неисполненіе такихъ обязательствъ заложники платились на вѣкъ своею свободою или даже и

---

[1]) Приводимый тутъ отрывокъ изъ Гезаръ-Фенна цѣликомъ взятъ имъ изъ Тарихи Дженнаби (Ср. рукопись Азіатск. Музея Академіи наукъ, № 528, стр. 418—419) Онъ находится и въ отдѣльномъ небольшомъ сочиненіи Аали-эфенди, озаглавленномъ у него: فصول حل و عقد. Въ этомъ послѣднемъ, передъ началомъ разсказанной у Гезаръ-Фенна исторіи, читаемъ слѣдующую оговорку критическаго свойства: بعض تواریخك جمله‌دن بری دولت شاه یاوه‌كو فارسی تواریخ ایدوب بیلمدكلری وعقلی ایرمدكلری ایلی آغزیدن ایشتملك ایله یازدوغی بی معنی در, т. е. «То что написано въ нѣкоторыхъ исторіяхъ, а особливо у болтуна Девлетъ-шаха, сочинявшаго персидскія исторіи и писавшаго невѣдомое ему и для его ума непостижимое, понаслышкѣ изъ чужихъ устъ, есть безмыслица» (Рукоп. Спбургск. Унив., № 457, листъ 89 recto). [2]) Тутъ разумѣется тотъ цѣлый разсказъ Аали-эфенди, который у насъ приведенъ былъ раньше (стр. 381—383). [3]) Мой сборникъ, ١٥ - ١٦.

жизнью. И при султанскомъ дворѣ водился обычай держать въ заложникахъ дѣтей правителей поддавшихся султану небольшихъ владѣній. Такъ, при дворѣ султана Баязида I и Мюрада II проживали въ заложникахъ дѣти сербскаго краля. Но примѣнимо ли подобное воззрѣніе на заложничество къ членамъ династіи Гераевъ? Конечно, нѣтъ. Кто изъ нихъ извѣстенъ такими нѣжными сердечными симпатіями къ своимъ родственникамъ, чтобы онъ дорожилъ ихъ участью до пожертвованія ради нихъ своими собственными интересами? Исторія не сохранила намъ подобныхъ трогательныхъ примѣровъ среди этой довольно многочисленной фамиліи. Напротивъ того: только въ Турціи да въ Крымѣ варварское, безчеловѣчное избіеніе родственниковъ воцарявшагося властителя, даже малолѣтнихъ, практиковалось систематически, а въ первой возведено было въ своего рода законъ, санкціонированный готовою къ услугамъ деспотизму юридическою казуистикою. Что имѣло смыслъ и значеніе для султана Селима I, пока на ханствѣ сидѣлъ Менглы-Герай, то утратило всякую важность въ послѣдующее время: дружба Селима къ Сеъадетъ-Гераю вскорѣ обратилась въ исключительно личную связь, не имѣвшую никакого политическаго свойства.

Послѣ Селима пребываніе Гераидовъ въ Стамбулѣ стало простымъ гостбищемъ. Хотя оно потомъ и называлось *заложничествомъ*—رهينلق—, но имѣло уже особый, отличный отъ обыкновеннаго значенія характеръ. Турки усвоили такую систему: они завели у себя резервный штатъ кандидатовъ на ханское званіе изъ Гераевъ, которыхъ они по мѣрѣ надобности отправляли въ Крымъ и сажали на ханскій престолъ, смѣняя однихъ лицъ другими сообразно съ обстоятельствами и собственными выгодами.

Вначалѣ они дѣйствовали осторожно, маскируя свою систему разными пріемами дипломатической изворотливости, а потомъ становились все безцеремоннѣе и безцеремоннѣе, когда убѣдились, что нѣтъ необходимости поступать съ своими

подручниками слишкомъ почтительно. Исключенія были дѣлаемы лишь для нѣкоторыхъ хановъ, пріобрѣтавшихъ себѣ уваженіе своими личными достоинствами и умѣвшихъ поставить себя въ хорошія отношенія къ султанамъ, личный характеръ которыхъ тоже игралъ немаловажную роль въ данномъ случаѣ.

Сейидъ-Мухаммедъ-Риза, описывая распространеніе власти султановъ османскихъ, говоритъ, что قريم خانلربنى انواع نوازش و نعم ايله بندهلكلرينه تخصيص ايدوب = „Крымскихъ хановъ они привлекали къ покорности себѣ разными ласками и милостями“ [1]). Первоначально такъ оно и было: но затѣмъ происки и злокозненныя взаимныя отношенія самихъ Гераевъ между собою уронили ихъ достоинство въ глазахъ Порты и подали ей поводъ обращаться съ ними иначе, чѣмъ бы слѣдовало. Междоусобныя распри и кровавыя расправы возобновлялись постоянно послѣ трагической кончины Мухаммедъ-Герая и сына его Гази-Герая. Вотъ что произошло въ Крыму по вступленіи на ханскій престолъ Сеъадетъ-Герая, по свидѣтельству турецкихъ историковъ.

Сеъадетъ-Герай, говорятъ они, правилъ справедливо и благодушно, но не долгое время: вскорѣ поднялъ противъ него смуту сынъ Мухаммедъ-Герая, Исламъ-Герай, извѣстный своею глупостью и жестокостью. Онъ взбунтовалъ татаръ, и они раздѣлились на двѣ партіи: одни слушались его, а другіе повиновались Сеъадетъ-Гераю. Смута длилась въ Дэшти-Кыпчакѣ до тѣхъ поръ, пока Исламъ-Герай не собралъ такого войска, что могъ сразиться. Сраженіе произошло въ 923 = 1517 [2]) на берегу рѣки Азова, какъ выражаются исто-

[1]) Семь планетъ, 64. [2]) Это анахронизмъ, очевидный изъ предыдущаго. Кромѣ того, анахронизмъ тутъ еще и въ томъ, что борьба Сеъадетъ-Герая съ Исламъ-Гераемъ и междуцарствіе до воцаренія Сахыбъ-Герая относятся тутъ ко времени султана Селима Явуза, а между тѣмъ въ это время царствовалъ уже сынъ его Сулейманъ Кануни.

рики [1]), и Исламъ-Герай одержалъ побѣду. Онъ убилъ кафскаго эмира Бали-бея, который былъ тоже съ Сеъадетъ-Гераемъ [2]). Нѣсколько времени происходили непрерывныя схватки соперниковъ, пока, наконецъ, Сеъадетъ-Герай, уставъ отъ этой борьбы, добровольно покинулъ ханскій тронъ и воротился въ Двери Счастія [3]): онъ предпочиталъ лучше быть слугою Высокаго Порога дома Османскаго, нежели быть ханомъ Крымскимъ. Ему была назначена высшаго оклада пенсія въ 300,000 акчэ въ годъ, да арендныхъ имѣній на сумму 50,000 акчэ, да онъ получалъ еще разныя награды въ видѣ язлыка, кышлыка, байрамлыка. Онъ принималъ участіе въ походѣ иракскомъ, потомъ жилъ въ Стамбулѣ, гдѣ и умеръ, и погребенъ близь мечети Эюба Ансари. Что же касается до Исламъ-Герая, то онъ, ставши ханомъ съ помощью насилія, былъ въ опасеніи со стороны султана и, наконецъ, изъявивъ покорность, просилъ дать ханство Сахыбъ-Гераю, обѣщая жить съ нимъ въ ладу. Вслѣдствіе этого знамя, стягъ и барабанъ были пожалованы Сахыбъ-Гераю, который и былъ посланъ въ Крымъ въ сопровожденіи военнаго отряда [4]).

---

[1]) Какую тутъ надо разумѣть географическую мѣстность, не ясно; должно быть, дѣло происходило гдѣ-нибудь на берегахъ Азовскаго моря. [2]) Такъ пишетъ Дженнаби, прочіе же историки менѣе ясно говорятъ объ этомъ эпизодѣ, въ такихъ выраженіяхъ: «Нѣкоторые мятежные татаре убили кафскаго санджакъ-бея, покойнаго Бали-бея, и побѣда осталась за Исламъ-Гераемъ, а пораженіе и бѣгство выпали на долю Сеъадетъ-Герая». Очевидно, Бали-бей былъ султанскій правитель Крымской области, который и пострадалъ, отстаивая владѣтельныя права Сеъадетъ Герая, вассала Порты и любимца султана [3]) «Которою повелѣвалъ султанъ Сулейманъ-ханъ, сынъ Селимъ-хана», прибавляетъ Дженнаби. [4]) Дженнаби, Loco citato; Солакъ-задэ, 482; Семь планетъ, 89—90; Кр. Ист., л. 32 v. —33 r. Нѣкоторые историки заключаютъ свое повѣствованіе объ этой смутной эпохѣ исторіи Крымскаго ханства такою характеристикою хана Сахыбъ-Герая. По ихъ описанію, Сахыбъ Герай «былъ красавецъ лицомъ—совершенное полнолуніе, льющее свѣтъ въ созвѣздіи миловидности; рѣдкихъ качествъ. Оттого-то султанъ Селимъ-ханъ поневолѣ зацѣпился сердцемъ за крючокъ его локона и, потрафляя удовольствію сердца его, поступился міромъ наслажденія и предпочолъ печаль разлуки, нашедъ приличнымъ дать ему господство надъ Дэштью и послать его туда» (Мой

Такимъ образомъ выходитъ, что Сеъадетъ-Герай самъ сперва напросился на ханство, и самъ же потомъ добровольно снова покинулъ его, наскучивъ безконечною и безплодною распрею съ племянникомъ своимъ Исламъ-Гераемъ. Про Сахыбъ-Герая же читаемъ у крымскихъ историковъ, что онъ сперва находился нѣсколько времени въ заключеніи, посаженный свирѣпымъ братомъ своимъ Мухаммедъ-Гераемъ, когда тотъ учинялъ кровавую расправу съ прочими своими братьями, для вящшей своей безопасности и большей гарантіи отъ соперничества. Потомъ, когда опросталось ханское мѣсто въ Казани, за выморомъ царствовавшей тамъ династіи, сообразительный Мухаммедъ-Герай, по просьбѣ казанцевъ, далъ имъ въ ханы Сахыбъ-Герая. Но и онъ, просидѣвъ пять лѣтъ на ханскомъ тронѣ при непрерывныхъ мятежахъ и смутахъ, счолъ за благо уступить свое безпокойное мѣсто бывшему при немъ племяннику своему, сыну Махмудъ-Герая, Сафа-Гераю, а самъ *подъ предлогомъ благочестиваго путешествія къ святымъ мѣстамъ* — حج ايتمك بهانه سيله —[1]) удалился къ Порогу могущества султана Сулеймана, гдѣ онъ и былъ милостиво принятъ [2]).

Отъѣздъ Сахыбъ-Герая въ Стамбулъ также не представляетъ ничего необыкновеннаго: расплодившіеся въ ту пору потомки Чингизъ-хана всюду ютились, гдѣ только ихъ принимали: мало ли ихъ проживало и у насъ на Руси, и въ Польшѣ, и въ Литвѣ! Отчего же было и Сахыбъ-Гераю не попы-

---

сборникъ, ١٧–١٨. Но обмолвка въ имени султана, который будто бы зацѣпился своимъ сердцемъ за крючокъ локона міроблещущей красоты Сахыбъ-Герая, показываетъ, что характеристика должна относиться къ другому лицу. Если у султана Селима были съ кѣмъ изъ Гераевъ блудныя связи, то развѣ съ Сеъадетъ-Гераемъ, котораго онъ увезъ съ собой, когда еще былъ проѣздомъ въ Бахчэ-Сараѣ, ибо самъ отецъ Сеъадетъ-Герая, Менглы-Герай, подвелъ его тогда Селиму, угадавъ въ послѣднемъ будущаго султана и нужнаго себѣ человѣка.

[1]) А по русскимъ источникамъ, онъ бѣжалъ, устрашившись шедшихъ на Казань войскъ великаго князя московскаго и сказавъ, что идетъ искать помощи султана турецкаго (Ист. Гос. Рос., VII: 79—80).

[2]) Семь планетъ, 90; Кр.Ист., л. 33 v.

таться пристроиться подъ крыломъ султана, тѣмъ болѣе что на глазахъ былъ уже примѣръ Сеъадетъ-Герая. А что Сахыбъ-Герай не открыто уходилъ, но подъ предлогомъ паломничества, къ этому его побудила боязнь подозрѣнія со стороны племянниковъ, для которыхъ такой уходъ едва ли могъ быть пріятенъ, ибо не даромъ же братъ его Мухаммедъ-Герай удалилъ его въ Казань, хотя и подъ благовиднымъ предлогомъ занятія ханскаго трона: тутъ вовсе не то было побужденіе, чтобы этою мѣрою прибрать къ своимъ рукамъ Казань, какъ полагаетъ г. В.-Зерновъ [1]).

Добровольное удаленіе со сцены Сеъадетъ-Герая однако же не успокоило противника его, Исламъ-Герая: зная связи Сеъадетъ-Герая въ Стамбулѣ, онъ, естественно, думалъ, что ему даромъ не пройдетъ торжество надъ Сеъадетомъ, тѣмъ болѣе что не всѣ же татаре были его сторонниками. Тогда, не будучи увѣренъ въ прочности своего положенія и не дожидаясь, пока султанъ предприметъ что-нибудь противъ него, онъ самъ послалъ султану просьбу назначить ханомъ въ Крымъ того, кого онъ хочетъ. Надо полагать, что Исламъ-Герай разсчитывалъ этимъ самоотреченіемъ расположить султана въ свою пользу и, посредствомъ притворной просьбы объ отставкѣ, получить себѣ, напротивъ, султанскую санкцію въ ханскомъ достоинствѣ. Такой умыселъ, скрытый въ поведеніи Исламъ-Герая, обнаруживается изъ того, что, когда надежда его обманула, и ханомъ въ Крымъ былъ посланъ Сахыбъ-Герай, а онъ назначенъ былъ только калгою, онъ удалился въ Ферахъ-Керманъ и поднялъ знамя бунта. Этимъ только и можно объяснить его образъ дѣйствій, оставившій слѣды въ нашихъ русскихъ памятникахъ, изъ которыхъ мы узнаемъ, что въ 1533 году онъ предупреждалъ великаго князя московскаго о намѣреніи Крымскаго хана послать свои

[1]) О Касим. царяхъ, I: 256.

войска разорять русскія окраины [1]), онъ это дѣлалъ, по всей видимости, совершенно искренно, единственно изъ недоброжелательства къ своему сопернику, Сахыбъ-Гераю, противъ котораго онъ все время строилъ козни [2]), и Карамзинъ, кажется, напрасно подозрѣваетъ тутъ Исламъ-Герая въ коварствѣ, замѣчая, что Исламъ увѣдомилъ князя о нашествіи ханскаго войска, „слагая всю вину на Сафа-Герая; однакожъ шелъ вмѣстѣ съ нимъ, *будто бы* склоняя его къ миру" [3]). Наше мнѣніе имѣетъ за себя тотъ фактъ, что Исламъ-Герай и потомъ не переставалъ увѣрять великаго князя Василія, „какъ *названнаго отца*, въ непремѣнномъ дружествѣ" [4]). Мало того: когда король Сигизмундъ склонилъ Крымскаго хана къ союзу съ Литвою противъ Россіи, то Исламъ, по сказанію нашихъ лѣтописей, „возсталъ на Сахыбъ-Герая за Россію, вспомнивъ старую съ нами дружбу; преклонилъ къ себѣ вельможъ, свергнулъ (будто бы) хана и началъ господствовать подъ именемъ царя; а Сахыбъ-Герай засѣлъ въ Кыркорѣ, объявивъ Ислама мятежникомъ, и надѣялся смирить его съ помощію султана. Исламъ, боясь турковъ, предложилъ тѣсный союзъ великому князю и писалъ, что 20,000 крымцевъ уже воюютъ Литву. Бояре московскіе, нетерпѣливо желая воспользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ новаго хана, велѣли ѣхать князю Александру Стригину посломъ въ Тавриду; а этотъ чиновникъ своевольно остался въ Новородкѣ и написалъ къ великому князю, что Исламъ обманываетъ насъ: будучи единственно калгою, именуется царемъ, и недавно въ присутствіи Литовскаго посла Горностаевича далъ Сигизмунду клятву быть врагомъ Россіи, исполняя волю Сахыбъ-Герая. Сіе извѣстіе было не справедливо" [5]). Въ одной изъ грамотъ своихъ къ великому князю московскому, отъ 22 іюня 1535 года, Исламъ-Герай формально увѣдомилъ вели-

---

[1]) Ист. Гос. Рос., VII: 98. [2]) Мой сборникъ, № [3]) Loco citato. [4]) Ист. Гос. Рос., VII: 99. [5]) Ист. Гос. Рос., VIII: 17—18.

каго князя о своемъ воцареніи [1]). Въ 1536 году Исламъ, при дѣятельномъ посредничествѣ Сигизмунда, будто бы примирился-было съ Сахыбъ-Гераемъ, чтобы вмѣстѣ тревожить Россію нападеніями; „однакожь,“ замѣчаетъ нашъ историкъ, „уступая ему имя царя, не уступалъ власти; началась новая ссора между ними, и вѣроломный Исламъ отправлялъ въ Москву гонца за гонцомъ съ дружескими письмами, изъявляя ненависть къ Сахыбу и къ царю Казанскому Сафа-Гераю“ [2]). Напослѣдокъ Исламъ-Герай, въ доказательство ревностной къ намъ дружбы, увѣдомлялъ Іоанна IV о томъ, что измѣнникъ нашъ князь Симеонъ Бѣльскій, пріѣхавъ изъ Константинополя въ Тавриду, хвалится съ помощію султана завоевать Россію. Въ то же время изъ Москвы послали гонца и дары къ Исламу съ убѣдительнымъ требованіемъ, чтобы онъ выдалъ намъ или умертвилъ сего измѣнника. Но Ислама не стало: одинъ изъ князей ногайскихъ, Бакы-бей, или Багый, какъ его называетъ Карамзинъ, другъ Сахыбъ-Герая, въ нечаянномъ нападеніи убилъ его [3]).

Турецко-татарскіе историки ничего не говорятъ о всѣхъ перипетіяхъ борьбы изъ-за трона, происходившей между Сахыбъ-Гераемъ и Исламъ-Гераемъ: они кратко сообщаютъ только, что Исламъ-Герай, не успѣвъ въ своихъ мятежныхъ домогательствахъ, удалился къ узбекамъ и кумыкамъ и скитался тамъ до тѣхъ поръ, пока въ 1537 году на него не напали ночью врасплохъ и не доканали убійцы, подосланные лукавымъ мурзою Бакы-беемъ, который этимъ хотѣлъ угодить хану Сахыбъ-Гераю, подговорившему его на это предательское убійство [4]).

Тѣмъ паче турецко-татарскіе историки даже и не на-

---

[1]) Ист. Гос. Рос., VIII: прим. 32. [2]) Ibid., стр. 23. [3]) Ibid., 24—25. [4]) Дженнаби. Рукоп. Азіатск. Музея № 528, стр. 449—450; Семь планетъ, 90—91; Кр. Ист., л. 33 v.—34 r. Историкъ Дженнаби изображаетъ это кровавое событіе драматически, приведя цѣлый разговоръ, происходившій будто бы по этому поводу между Сахыбъ-Гераемъ и Бакы-беемъ, и описавъ обстоятельства самаго совершенія убійства Исламъ-Герая (Loco citato).

мекають на то, чтобы Исламъ-Гераю удалось хоть на нѣкоторое время свергнуть Сахыбъ-Герая и самому сѣсть на его мѣсто. А что онъ могъ въ своихъ грамотахъ именовать себя ханомъ, это было дѣломъ его мятежническаго риска, и посолъ московскій Александръ Стригинъ былъ правъ, увѣдомивъ свое правительство, что Исламъ облыжно титулуетъ себя ханомъ, будучи въ дѣйствительности только калгою, и что, слѣдовательно, ему незачѣмъ было ѣхать дальше въ Крымъ, ибо не къ кому тамъ было править посольство.

Не больше удачи имѣлъ и другой мятежникъ въ лицѣ Али-бея, брата вышеупомянутаго Бакы-бея. Сахыбъ-Герай сперва осыпалъ Бакы-бея всякими почестями и наградами за оказанную имъ услугу—уничтоженіе безпокойнаго соперника, Исламъ-Герая, гибель котораго развязала ему руки и дала просторъ его абсолютной власти; но затѣмъ онъ за что-то прогнѣвался на Бакы-бея и казнилъ его жестокимъ образомъ. Дѣло было зимою. Бакы-бея раздѣли донага и посадили въ бассейнъ, наполненный водою, гдѣ онъ и замерзъ, разумѣется. Историки, передавая этотъ фактъ, присовокупляютъ такой благочестивый комментарій къ нему: „Воля Божія: жизнь такого рода людей, дерзающихъ умерщвлять государей, коротка, и срокъ ихъ не продолжителенъ: имъ не миновать возмездія“ [1]). Тогда братъ Бакы-бея Али-бей собралъ около 12,000 войска и вторгся съ ними въ Крымъ. Но Сахыбъ-Герай былъ женатъ на племянницѣ Али-бея; отецъ ея предупредилъ хана о намѣреніяхъ брата Али-бея, и Сахыбъ-Герай успѣлъ приготовиться для встрѣчи непріятеля. Сынъ его Мухаммедъ-Герай вывелъ около 40,000 войска. Произошла битва; Али-бей былъ разбитъ и едва ушолъ съ двумя стами человѣкъ своихъ приверженцевъ. Изъ головъ убитыхъ мятежниковъ Сахыбъ-Герай велѣлъ сложить тріумфальную пирамиду [2]).

---

[1]) Мой сборникъ, ١٨-١٩; Дженнаби. Рки. Аз. Музея, 450; Idem, Рки. Учеб. Отд., 908 verso. [2]) Дженнаби, Loco citato. Гаммеръ-Пургшталль

Когда Исламъ-Герай, предупреждая великаго князя московскаго о воинственныхъ замыслахъ Сахыбъ-Герая, указывалъ, что Крымскій ханъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ и съ поддержкою Отоманской Порты, то онъ, можетъ быть, нѣсколько преувеличивалъ дѣло, но нельзя сказать, чтобы совсѣмъ завирался. Сахыбъ-Герай съ самаго воцаренія своего и долго потомъ пользовался большимъ расположеніемъ султана Сулеймана. При назначеніи его приняты были должныя мѣры къ огражденію его особы: его сопровождалъ въ Крымъ цѣлый конвой, состоявшій изъ 60 пушкарей, 300 латниковъ, 1000 сейменовъ, 40 фурьеровъ, 30 чаушей и 60 зіъаметчиковъ и тимаріотовъ подъ названіемъ شرحلو [1]). Такой антуражъ Сахыбъ-Герая съ одной стороны имѣлъ цѣлью, вѣроятно, поддержать престижъ новаго хана въ глазахъ крымцевъ, среди которыхъ могли быть приверженцы удалого Исламъ-Герая, а съ другой—онъ долженъ былъ служить внѣшнимъ выраженіемъ усиленія верховенства Отоманской Порты надъ Крымскимъ ханствомъ, ибо отоманскія войска, конвоировавшія хана, не были въ полномъ его распоряженіи, какъ это потомъ и выяснилось по поводу одного столкновенія съ ними Сахыбъ-Герая. Учредивъ такой непосредственный благовидный надзоръ за ханомъ въ предѣлахъ его собственныхъ владѣній, султанъ въ то же время хотѣлъ обязать его еще тѣмъ, что ассигновалъ въ его распоряженіе значительную сумму денегъ на содержаніе вышеозначенной гвардіи подъ названіемъ

совершенно переиначилъ нѣкоторыя подробности этого эпизода въ исторіи Крыма и тѣмъ затемнилъ взаимную связь между фактами. Въ его изложеніи дѣло было такъ: «Сахыбъ-Герай извелъ Исламъ-Герая съ помощью Бакы-бея, а потомъ заморозилъ этого. Братъ же Бакы-бея, на дочери котораго былъ женатъ Сахыбъ-Герай, былъ повелителемъ Крыма» (Gesch. d. Osm. R., III: 244). А въ спеціальной своей исторіи Крымскихъ хановъ Гаммеръ къ этому прибавилъ еще одну неточность, говоря, что Сахыбъ-Герай заморозилъ не Бакы-бея, а Исламъ-Герая (Gesch. d. Ch. d. Krim, 53). Въ обоихъ случаяхъ г. Гаммеръ, однако же, ссылается на одинъ и тотъ же источникъ—на Дженнаби.

[1]) Семь планетъ, 91; Кр. Ист., л. 33 v.; Гюльбуни-хананъ, 15.

سكبان آقچه‌سى = „псарныхъ денегъ“, сумму, которая съ тѣхъ поръ постоянно отчислялась Портою въ единовременную субсидію каждому вновь назначавшемуся хану [1]).

Но такая опека надъ ханомъ не даромъ обходилась ему: Отоманская Порта сейчасъ же потребовала отъ него соотвѣтственныхъ услугъ себѣ. Когда въ 945 = 1532 году султанъ Сулейманъ предпринялъ походъ въ Молдавію для приведенія въ покорность взбунтовавшагося молдавскаго воеводы Петра, Крымскому хану также было предписано явиться съ надлежащимъ военнымъ подкрѣпленіемъ. Турецкіе историки довольно подробно описываютъ прибытіе хана въ султанскій лагерь въ молдавскомъ городѣ, который они ошибочно пишутъ то قالجين, то نالجين, но подъ которымъ надобно разумѣть Яссы. Они при этомъ поименно перечисляютъ главнѣйшихъ крымскихъ мурзъ и огланов, сопровождавшихъ хана. Встрѣча султана съ ханомъ происходила при весьма торжественной обстановкѣ: выстроенныя парадомъ войска сдѣлали троекратный залпъ изъ ружей и пушекъ, громъ которыхъ долженъ былъ оглушить татаръ, дотолѣ будто бы не встрѣчавшихся съ подобнымъ чудовищнымъ зрѣлищемъ, какъ замѣчаютъ турецкіе бытописатели. Султанъ принималъ привѣтствіе хана и его свиты сидя на конѣ. Но затѣмъ султанъ и ханъ во все время шествованія къ султанской ставкѣ очень дружески бесѣдовали между собою. Въ тотъ же день Сахыбъ-Герай со свитою были торжественно введены къ султану, и вся крымская знать съ ханомъ во главѣ удостоилась цѣлованія султанской руки. Имъ роздали хорошіе подарки и потомъ задали знатную пирушку [2]).

Умный султанъ зналъ, что дѣлалъ: онъ, кажется, съ тою единственною цѣлью и вызвалъ крымцевъ, чтобы дать имъ

[1]) Ibidem. [2]) Кюнгу-ль-ахбаръ. Ркп., II: 49 r. & v.; Солакъ-заде, 496; Тарихи Печеви, I: 209—211.

случай воочію убѣдиться въ его величіи и могуществѣ и тѣмъ утвердить ихъ въ мысли о необходимости подчиненія верховенству Отоманской Порты, располагающей достаточными силами для поддержанія, гдѣ слѣдуетъ, своего престижа. Съ другой стороны, это могло дать имъ понять, что для нихъ даже, пожалуй, и лестно было имѣть такого могущественнаго суверена и покровителя, какимъ предсталъ предъ ними султанъ турецкій въ Яссахъ.

Султанъ Сулейманъ I носитъ у турковъ титулъ *Кануни*— قانونى = „канонщикъ, законодатель", уставы котораго долго потомъ служили основнымъ кодексомъ для административныхъ дѣйствій султанскаго правительства. Церемонія торжественнаго пріема крымскихъ полчищъ, приведенныхъ ханомъ въ турецкую дѣйствующую армію, устроенная впервые Сулейманомъ, также вошла въ обычное правило и въ последующія времена. Помпъ видоизмѣнялся смотря потому, кто предводительствовалъ крымскою ордою —самъ ли ханъ, или кто-нибудь изъ ханскихъ царевичей. Ордынцевъ, по прибытіи ихъ въ станъ, угощали жирною гекатомбою; хану отводилось почотное мѣсто въ военномъ совѣтѣ, на которомъ рѣшались важные стратегическіе и даже дипломатическіе вопросы, при чемъ ханское мнѣніе иногда было принимаемо въ руководство для дальнѣйшаго образа дѣйствій. Турецкіе историческіе памятники полны описаній подобныхъ пріемовъ, угощеній и совѣщаній, безпрестанно повторявшихся вслѣдствіе того, что Порта вела непрерывныя войны съ своими христіанскими сосѣдями и требовала въ подкрѣпленіе себѣ крымскихъ полчищъ. Но юмористическій тонъ, въ которомъ иногда ведутся эти описанія, а также не совсѣмъ лестные отзывы османскихъ писателей о татарахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что турки составили себѣ невысокое мнѣніе о своихъ крымскихъ собратахъ, которыхъ они впослѣдствіи узнали короче. Равнымъ образомъ, вспышки недовольства татаръ, принужденныхъ терпѣть всякія невзгоды во время частыхъ ту-

рецкихъ кампаній, показываютъ, что и они тоже тяготились своею пассивною, служебною ролью въ достиженіи цѣлей и интересовъ Отоманской Порты, безъ явной и существенной пользы для самихъ себя.

Вотъ одинъ образчикъ описанія прибытія крымскаго отряда въ турецкій станъ во время похода подъ Каменецъ въ 1083 = 1672 г. [1]) у турецкаго историка Фундуклулу. Верховный везирь и прочіе сановники турецкіе, назначенные для встрѣчи хана Селимъ-Герая, дожидались, пока онъ сойдетъ съ коня, и потомъ съ тріумфомъ ввели его въ трехколонную палатку верховнаго везиря, гдѣ ханъ расположился по правую руку верховнаго везиря, а за нимъ сѣлъ нур-эд-динъ-султанъ, далѣе ханычи и ширинскіе беи. Подано было угощеніе. Для ширинскихъ беевъ былъ накрытъ сбоку особый столъ, за которымъ они сѣли во время обѣда отдѣльно. Позади передней части палатки былъ приготовленъ столъ для ханскаго везиря, казы-аскера, дефтердаря и агъ ханскихъ; съ правой стороны за столомъ сѣли мурзы, а подъ навѣсомъ расположились лейбъ-гвардейцы (капы-кулу) хана. Для прибывшихъ же съ нимъ тысячи человѣкъ татаръ въ особомъ шатрѣ разставлено было пятьсотъ мисокъ разныхъ родовъ яствъ, да кромѣ того по обѣ стороны разложено было по ста пятидесяти барановъ и по ста пятидесяти быковъ. Какъ только, говоритъ Фундуклулу, татарамъ-добычникамъ данъ былъ знакъ, они тотчасъ принялись опрастывать миски, кто хлебая, кто глотая содержавшіяся въ нихъ кушанья. Что же касается до тушъ, то, такъ какъ онѣ не были проварены, и ихъ нельзя было брать по частямъ, татаре набрасывались на нихъ по пяти, по десяти человѣкъ на одного барана, и по двадцати да по тридцати человѣкъ на одного быка, и растаскивали въ разныя стороны, наступая на тушу ногами, раздирая руками и пич-

---

[1]) Hammer, Gesch. d. Osm. R., VI: 290 и далѣе.

кая куски въ ротъ себѣ. Смотрѣвшій на это зрѣлище народъ просто приходилъ въ ужасъ. Большая часть ихъ, споря между собою, потянулись къ стану; а иные, повстрѣчавшись съ верховнымъ везиремъ, загородили ему дорогу, такъ что офицеры и мурзы, здорово колотя ихъ нагайками, едва могли разогнать ихъ. Пожравши такимъ образомъ, они, кромѣ костей, ни кусочка мяса не оставили на долю воронъ и собакъ: все истребили [1]).

Тотъ же авторъ, разсказавъ, какъ татаре послѣ одного сраженія бросились обирать убитыхъ, замѣчаетъ, что они занимались этимъ грабежомъ съ такимъ видомъ, какъ бы думая: „Теперь на нашей улицѣ праздникъ" [2]).

Крымскій историкъ Мухаммедъ-Герай, описывая бѣдствія татаръ въ 1691 году подъ Бѣлградомъ, когда они тамъ умирали съ голода, питаясь одною кукурузною мукою, упоминаетъ при этомъ, какъ поступалъ съ его земляками турецкій главнокомандующій Халиль-паша. „Этотъ татарскій народъ", говорилъ паша, „будетъ ѣсть все, что ни попало"; считая татаръ совершенными скотами, онъ указалъ на оставшіеся еще отъ временъ султана Сулеймана заплѣсневѣлые сухари, и говоритъ: „Вотъ провіантъ: пусть они его жрутъ". Нагрузили нѣсколько телегъ да и послали. Разумѣется, изъ страха голода поневолѣ эти сухари ѣли татарскіе воины и подверглись еще болѣе тяжкому разслабленію. Много перемерло ихъ; а сердарь Халиль-паша получилъ изъ казны сполна денежки, доложивши, что онъ, молъ, столько-то отпустилъ фуража татарскому войску [3]).

Аали-эфенди въ своихъ этнографическихъ характеристикахъ разныхъ народностей говоритъ о татарахъ тѣми же самыми словами, какія по другому случаю влагаются въ уста султана Селима I Явуза [4]), но только онъ

[1]) Фундуклулу, I: 278 v.—279 r. [2]) Собственно потурецки сказано такъ: ارتق ميدان بزملر (Фундуклулу, I: 168 v). [3]) Тарихи Мухаммедъ-Герай, 36 r. [4]) См. выше, стр. 382.

тутъ прибавляетъ еще слѣдующее для довершенія очерка татарскихъ нравовъ. „То, чего они (татаре) не могутъ унести съ собой изъ съѣстного ли, или изъ одежнаго, или изъ утвари, не исключая и постоянныхъ жилищь человѣческихъ, они предаютъ пламени и пепелъ развѣваютъ по вѣтру. *Распарывать, по умерщвленіи, утробы чреватыхъ женщинъ и живьемъ вытаскивать находящійся внутри плодъ, а также убивать съ разными мучительствами—это также старинный ихъ обычай*". А что турокъ разумѣлъ тутъ и татаръ крымскихъ, это видно изъ словъ, которыми онъ заканчиваетъ вышеприведенную характеристику татарской народности, а именно: „Во время сочиненія этой книги, т. е. приблизительно въ 1006=1597—1598 году, главное владѣніе татарское, область *Крымская*, состоитъ подъ верховенствомъ султановъ дома Османова" [1]).

Не совсѣмъ лестное, хотя, впрочемъ, совершенно спокойное и правдивое, слово сказано о татарахъ однимъ мыслящимъ туркомъ также и передъ самымъ концомъ существованія Крымскаго ханства. Это слово вмѣстѣ съ тѣмъ очень ясно выражаетъ взглядъ, сложившійся у лучшихъ людей въ Турціи на ошибочность турецкой политики относительно крымскихъ татаръ. Слово это принадлежитъ извѣстному Ресми Ахмеду-эфенди, написавшему политическій памфлетъ „Хулясэту-ль-іътибаръ" [2]). Вотъ его отзывы о татарахъ. „Знатокамъ исторіи извѣстно", говоритъ онъ, „что татаре именно и бывали всегда причиною разрыва нашего мира съ Москвою и враждебныхъ ея предпріятій противъ Высокой Порты. Когда съ теченіемъ времени татаре, повадившись вмѣсто толокна и бузы потягивать хашишъ съ опіумомъ, да чай съ кофе, стали лѣнтяями и пьяницами, то ихъ постигла слабость

[1]) Кюнгу-ль-ахбаръ. Печатн. изд., кн. I: 243—244. [2]) Оно переведено Сенковскимъ подъ заглавіемъ «Сокъ достопримѣчательнаго» (Полн. собр. соч. Т. VI: 234—243).

и апатія“ [1]). Коснувшись не одинъ разъ татаръ въ своемъ трактатѣ, Ахмедъ-эфенди заключительную статью трактата начинаетъ слѣдующими словами: „Татарская нація искони была бременемъ для Высокой Державы. Эго народъ склонный къ мятежу и зловѣщій“ [2]). А потомъ, по случаю чествованія и угощенія татарской депутаціи въ Стамбулѣ, дѣлаетъ такое замѣчаніе объ этихъ чествованіяхъ: „Татаре извѣстно какой народъ: за трубку табаку они готовы три, пять часовъ пути карабкаться гдѣ-нибудь; а какъ они увидятъ такую султанскую трапезу, то очевидно, что они не уйдутъ восвояси до дня свѣта преставленія, проводя время въ нескончаемыхъ жеманствахъ“ [3]).

Таковы были воззрѣнія турковъ на крымскихъ татаръ. Но и эти послѣдніе тоже не всегда симпатизировали своимъ покровителямъ и не охотно подставляли свои лбы подъ непріятельскія пули и сабли для-ради успѣховъ отоманской военной славы. Такъ въ Литовской Метрикѣ въ описаніи осады Браславльскаго замка турками въ 1552 г., въ которой участвовали и татаре подъ предводительствомъ Девлетъ-Герай-хана, есть такое любопытное мѣсто: „Добывали замку все Турцы, *припуживано и Татаровъ, бьючи ихъ палицами*“ [4]). Но особенно замѣчателенъ одинъ эпизодъ, случившійся во время задунайской кампаніи 1102 = 1691 года. Тогда участвовавшіе въ ней татаре должны были остаться зимовать въ непріятельской странѣ и подвергаться всѣмъ трудностямъ суроваго зимняго времени; они умирали отъ стужи и безкормицы, такъ что, перерѣзавъ своихъ лошадей въ пищу себѣ, остались всѣ почти пѣшими. И вотъ ширинскіе и ногайскіе беки и прочіе татарскіе вельможи собрались къ калгѣ, ибо

[1]) Хулясэту-ль-іътибаръ. Конст. изд. 1282=1865—1866 г., стр. 5. [2]) Ibid., 82. [3]) Ibidem., 84. [4]) Изъ актовыхъ книгъ Метрики Литовской, отдѣла Переписей № VI. отъ 1552 г. Эта замѣтка сообщена мнѣ обязательнымъ коллегою, профессоромъ С. А. Бершадскимъ.

ханъ въ это время былъ въ Стамбулѣ, да и наговорили ему ужасныхъ рѣчей. „Пошли, Господи, бѣдствіе на тебя и на отца твоего!“, кричали они, изрекая проклятія и ругательства. „Вы насъ подвергаете такимъ бѣдствіямъ; вы хотите извести насъ; вы разорили очаги наши! Какое намъ дѣло до этой кампаніи, чтобы заставлять насъ таскаться здѣсь зимою и претерпѣвать всякія бѣды?! Османлы, небось, забравъ что имъ слѣдовало, покончили свое дѣло да и ушли по своимъ краямъ; а какая же надобность ради ихъ интереса насъ заставлять шляться по этимъ мѣстамъ?! Твой отецъ опять уѣхалъ въ Стамбулъ облизывать османскія блюда. Мы не желаемъ, чтобы онъ дольше былъ ханомъ, а ты калгой. Какая ему была выгода, бросивъ Крымъ, зимовать въ чужой странѣ?! Если ему надоѣло ханствовать, такъ развѣ не найдется что-ли людей на его мѣсто?! Чтобы васъ обоихъ Господь Богъ лишилъ существованія!“ [1]). Краснорѣчивѣе этого трудно выразить тѣ чувства, которыя татаре питали въ душѣ къ туркамъ, но высказывали ихъ лишь въ моменты крайняго истощенія своего терпѣнія, когда уже не было имъ больше возможности покоряться волѣ рока. А что вышеприведенный протестъ татаръ противъ безусловнаго и безцѣльнаго служенія интересамъ османскимъ не былъ дѣломъ легкомысленнаго увлеченія или случайнаго раздраженія, это видно изъ того, что ханъ, извѣстившись въ Стамбулѣ о бурномъ поведеніи своихъ подданныхъ на театрѣ войны, не захотѣлъ ѣхать домой въ Крымъ и отрекся отъ престола, откровенно заявивъ свое опасеніе, что его убьютъ тамъ [2]). Спустя нѣсколько времени, новый ханъ опять получилъ изъ Порты приглашеніе выступить въ походъ за Дунай. Но въ это время русскіе съ успѣхомъ дѣйствовали подъ Азовомъ. Тогда собранные ханомъ по этому случаю на совѣтъ представители высшихъ

---

[1]) Фундуклулу, III: 25 v. [2]) Ibidem., 27 r.

классовъ наотрѣзъ отказались посылать своихъ людей помогать туркамъ въ то время, когда ихъ собственному юрту грозила опасность отъ русскаго вторженія. Ханъ говорилъ имъ: „Я никакъ не могу не идти помогать вѣрѣ и Державѣ. Божья воля: я долженъ повиноваться велѣнію государя!" Тогда толпа съ шумомъ и смятеніемъ закричала: „Если вы пойдете, такъ мы войска не даемъ. Развѣ вы сами одинъ пойдете, а изъ насъ ни одного не будетъ!" Ханъ вынужденъ былъ отказаться отъ похода и послалъ для приличія небольшой отрядъ подъ начальствомъ одного изъ султановъ [1]).

Такія невольныя антипатіи между отоманскими турками и крымскими татарами ограничивались однако же извѣстными пунктами ихъ воззрѣній на взаимныя права и обязанности ихъ государствъ—одного суверениаго, другого—вассальнаго, и притомъ эти антипатіи вырабатывались и проникали въ сознаніе постепенно; на первыхъ же порахъ политическаго сближенія Крымскаго ханства съ Отоманской Портой замѣчается нѣкоторое подчиненіе перваго вліянію второй въ дѣлахъ внутренняго управленія и внѣшней политики. Такъ, знакомство Сахыбъ-Герая съ турецкими государственными порядками и личныя его бесѣды съ султаномъ Сулейманомъ, очевидно, не остались безъ послѣдствій для Крымскаго ханства. По собственному ли почину, или, можетъ быть, подъ вліяніемъ положительныхъ внушеній и наставленій султана, но только Сахыбъ-Герай, какъ намъ извѣстно изъ исторіи, тоже пытался-было выступить въ роли преобразователя и организатора внутри своихъ владѣній и явить себя грознымъ воителемъ вовнѣ, подражая въ томъ и другомъ отношеніи своему суверену и покровителю. Внутренняя преобразовательная дѣятельность Сахыбъ-Герая выразилась въ томъ, что онъ вздумалъ кочевую часть населенія своихъ владѣній превратить въ осѣдлыхъ жителей. Съ этой цѣлью онъ старался во-

[1]) Тарихи Мухаммедъ-Герай, 57 v.

дворять кочевниковъ внутри Крымскаго полуострова, щедро надѣляя землями тѣхъ, кто хотѣлъ заводить на нихъ осѣдлость; а тѣхъ, кто не былъ расположенъ къ такому измѣненію своего прежняго образа жизни на новый, онъ думалъ припудить къ тому силою, приказавъ рубить телеги ихъ, какъ главныя орудія для передвиженія кочевническаго аула [1]). Какъ на очевидные слѣды такой административной дѣятельности Сахыбъ-Герая, историки указываютъ на большое количество жалованныхъ этимъ ханомъ грамотъ на владѣніе—ملك نامهلر—, видѣнныхъ историками даже въ позднѣйшее время [2]). А особливо, чтобы привлечь ногайцевъ къ осѣдлости, Сахыбъ-Герай выстроилъ для нихъ нѣсколько мечетей въ мѣстахъ, сопредѣльныхъ съ Буджакомъ (Бессарабіей) [3]). Ему же приписывается прорытіе рва чрезъ перешеекъ, соединяющій Крымскій полуостровъ съ материкомъ [4]), отчего татарская крѣпость, находящаяся въ этомъ важномъ стратегическомъ пунктѣ, стала называться у насъ Перекопью или Перекопомъ. Къ числу важныхъ внутреннихъ распоряженій Сахыбъ-Герая относится также то, что онъ къ прежнимъ четыремъ древнимъ и знатнымъ татарскимъ родамъ—Ширинъ, Барынъ, Аргынъ и Кыпчакъ—присовокупилъ еще пятую—Седжеутъ, сравнявъ ее съ ними въ извѣстныхъ правахъ и привиллегіяхъ въ ханствѣ, а также возвысилъ и значеніе рода Мансуръ, къ которому принадлежалъ извѣстный убійца Исламъ-Герая Бакы-бей, присоединивъ къ нимъ племя Ходжа-Атай [5]). Это послѣднее распоряженіе нельзя считать актомъ простого великодушія и признательности со стороны Сахыбъ-Герая за ока-

---

[1]) Семь планетъ, 92; Кр. Ист., 34 г.; Гюльбуни-ханавъ, 16. [2]) Ibidem. И дѣйствительно, при всей рѣдкости старинныхъ ханскихъ грамотъ все-таки попадаются еще и теперь грамоты Сахыбъ-Герая: въ коллекціи В. В. Григорьева имѣется двѣ такихъ грамоты отъ 956—1549 и 957—1550 годовъ. Имя его часто упоминается въ грамотахъ послѣдующихъ хановъ, ссылающихся на какія-нибудь его учрежденія. [3]) Семь планетъ, 106. [4]) Кр. Ист., 34 г. [5]) Семь планетъ, 93; Кр. Ист., 34 г.

занныя ему услуги, если только онъ былъ такой умный администраторъ, какимъ его выставляютъ историки. Надо полагать, что, возводя новыя фамиліи въ знать, онъ, вѣроятно, этимъ хотѣлъ ослабить прежнихъ *четырехъ карачей*—دورت قراچو—, какъ они назывались у татаръ [1]), противопоставивъ этимъ гордымъ своею древностью и происхожденіемъ родамъ новиковъ, знатность положенія которыхъ основывалась бы на ханской милости и пожалованіи.

Но въ чемъ особенно обнаружилось подражаніе Сахыбъ-Герая османскимъ порядкамъ, такъ это въ учрежденіи высшаго военнаго штата такъ называемыхъ *капы-кулу*—قپو قولی—, которые представляютъ совершенное подобіе турецкихъ янычаръ. Главное сходство ихъ заключалось въ комплектованіи этого штата Сахыбъ-Гераемъ: оказывается, что капыкулу набирались имъ изъ военноплѣнныхъ рабовъ, преимущественно черкесовъ [2]). Но затѣмъ эта рабская команда образовала, какъ и турецкіе янычаре высшихъ ранговъ, особую значительную при ханѣ корпорацію, оспаривавшую у родовитыхъ татарскихъ вельможъ вліяніе на дѣла ханства, въ чемъ имъ должны были оказывать поддержку другія наемныя войска, извѣстныя подъ именемъ *сейменовъ*—سکبان—, которымъ жалованье шло изъ казны султанской, и которыхъ историки противополагаютъ народному татарскому ополченію, не получавшему содержанія, а ходившему на войну, по словамъ историка Мухаммедъ-Герая, „изъ любви къ Богу" [3]).

Біографъ-панегиристъ и другъ Сахыбъ-Герая, Кайсуни-

---

[1]) О значеніи этого титула есть подробное разсужденіе въ соч. г. В.-Зернова «О Касим. царяхъ», II: 419 и далѣе. [2]) Семь планетъ, 98; Кр. Ист., 36 v.
[3]) عسکر تاتار علوفه‌سزدر حبّتا لله سفره چقرلر اما سکبان قومی علوفه‌خوردر وظیفه‌لری دخی آل عثمان فریدون عنوان خزینه‌سندن اخراج اولنوب خان اولان دولتلیه تسلیم اولنور اکر انلر دخی وظیفه‌سین تماما ویروب بخشیشلرین مقنن اوزره ایدرلر ایسه اصلا بر فعل حسنی ده بولنمز برطایفه‌در (Тарихи Мухаммедъ-Герай, 49 v.).

задэ Недаи, извѣстный болѣе подъ прозваніемъ Реммалъ-ходжа за свое искусство гадать на рафляхъ, также въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія даетъ ясный намекъ на то, что Сахыбъ-Герай велъ свои дѣла съ вѣдома и подъ контролемъ своего патрона, султана Сулеймана. Не обозначая датъ, Реммалъ-ходжа пишетъ, что Сахыбъ-Герай, возвратясь изъ одного черкесскаго похода, „проводилъ нѣкоторое время въ ѣдѣ, питьѣ, охотѣ и веселіи то въ Бакчэ-Сараѣ, то въ Улаклы-Сараѣ, то въ Эльма-Сараѣ. А черезъ пять или десять дней отправилъ посланца къ султану съ цѣнными подарками и отчотомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ просилъ у султана позволенія сдѣлать Гѣзлевъ портовымъ городомъ и утвердить новый налогъ на торговцевъ-немусульманъ: съ каждаго горшка масла по 1 акчэ, съ каждаго дома по 2 акчэ и за каждый ярлыкъ по 4 акчэ. Султанъ утвердилъ все это и велѣлъ сказать хану, что онъ даетъ ему полную власть въ управленіи; что за все сдѣланное имъ онъ не будетъ подлежать иной отвѣтственности, какъ только на Страшномъ Судѣ, и что ханъ можетъ дѣлать все, что сочтетъ подобающимъ, а что султанъ ему въ томъ препятствовать не станетъ. Все это было изъяснено въ присланныхъ отъ султана ферманахъ. Это было въ 946—1539—1540 году“ [1]).

И во внѣшней политикѣ Сахыбъ-Герай не хотѣлъ отставать отъ своего верховнаго идеала, султана Сулеймана, довольно дерзко относясь къ ближайшимъ своимъ христіанскимъ сосѣдямъ, грозя опустошеніемъ странъ ихъ огнемъ и мечомъ. Эту самоувѣренность его надо приписать надеждѣ его на поддержку со стороны султана, а можетъ быть и прямымъ внушеніямъ послѣдняго, хотя въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Москвою упомянутый султанъ показывалъ видъ благорас-

---

[1]) Тарихи Сахыбъ-Герай-ханъ. Рукоп. Имп. Спб. Унив. № 488, л. 15 verso

положенности и дружелюбія [1]). Однимъ изъ весьма памятныхъ исторіи военныхъ предпріятій Сахыбъ-Герая былъ походъ его въ московскія владѣнія въ 1541 году, замѣчательный не столько по своимъ результатамъ, сколько по широтѣ замысла хана—разгромить Россію, и по переполоху, котораго надѣлала въ Москвѣ эта шумная кампанія. Сахыбъ-Герая подстрекалъ къ ней русскій же измѣнникъ князь Симеонъ Бѣльскій, нашедшій благосклонный пріемъ у хана и вызвавшійся быть проводникомъ ему въ походѣ противъ своего отечества. Слухи объ этомъ татарскомъ нашествіи такъ же перепугали жителей Москвы, какъ въ былыя времена, когда русскіе еще трепетали Мамая, Тимурленка, Идику и Тохтамыша: бояре вели непрерывныя совѣщанія; по церквамъ совершались молебствія. Русскіе однако успѣли собрать достаточныя силы для того, чтобы дать отпоръ непріятелю. Ханъ, подойдя къ р. Окѣ, замедлилъ переправою и упустилъ время: русскіе заняли позиціи на противоположномъ берегу, и переправа сдѣлалась невозможною. Ханъ съ досадою долженъ былъ отказаться отъ своего воинственнаго предпріятія и вернуться назадъ [2]). По свидѣтельству Реммалъ-ходжи, неудача кампаніи Сахыбъ-Герая зависѣла главнымъ образомъ отъ ненадежности Бакыбея, про котораго хану донесено было, что онъ собирается убить хана во время переправы на плоту. Тогда ханъ велѣлъ напередъ переправиться манкытскому отряду Бакыбея; а этотъ сталъ отговариваться. Пока велись эти переговоры черезъ посланца, сдѣлавшаго 5—6 концовъ, наступила темнота, и войско осталось ночевать непереправленное; „а на утро увидѣли, что берегъ чернѣлъ русскими войсками, кишащими какъ муравьи", замѣчаетъ Реммалъ-ходжа; „что они, трубя въ трубы, точно войско Антихриста, поставили противъ брода орудія и фальконеты и лѣзутъ какъ

---

[1]) Ист. Гос. Рос., VIII: 35. [2]) Ibidem, 39—43.

собаки" [1]). Ханъ постыдно удалился восвояси, разразившись ругательнымъ посланіемъ къ Ивану Васильевичу IV, которое начиналось такою тирадою: „Проклятый и отверженный беззаконникъ, московскій пахарь, рабъ мой! Да будетъ тебѣ вѣдомо, что мы намѣрены были, разграбивъ твои земли, схватить тебя самого, запречь въ соху и заставить тебя сѣять золу. Какъ мои предки поступали съ твоими прадѣдами, такъ и я хотѣлъ поступить съ тобою, даже еще болѣе оказать тебѣ вниманія: я, заковавъ тебѣ ноги въ колодки, велѣлъ бы тебѣ копать отхожія мѣста. Я бы показалъ твое значеніе и сдѣлалъ бы тебя посмѣшищемъ цѣлому міру. Благодари-же Всевышняго Бога, что у тебя еще остался въ этомъ мірѣ кусокъ хлѣба: этому причиною Бакы-бекъ, по винѣ котораго не состоялась переправа черезъ Оку; возсылай за него молитвы! Теперь я сначала убью этого волка, замѣшавшагося среди моихъ овецъ, зарою его въ навозъ на задворкахъ моего сада, а потомъ расправлюсь и съ тобой" [2]).

Но доброе согласіе Сахыбъ-Герая съ султаномъ Сулейманомъ, съ одной стороны, поддерживая и укрѣпляя его самостоятельное и независимое положеніе у себя въ Крыму, послужило источникомъ недоброжелательства къ нему стамбульскихъ вельможъ, которые точили на него зубы за то, что

---

[1]) Тарихи Сахыбъ-Герай-ханъ, стр. 62—63. [2]) Ibid., стр. 65—66. Реммалъ-ходжа, выписавъ вышеприведенный ярлыкъ хана, прибавляетъ: «Много еще онъ (ханъ) написалъ подобныхъ выраженій; приложилъ печать и отослалъ». Что это посланіе не выдумка Реммалъ-ходжи и что оно, дѣйствительно, такого было ругательнаго свойства, это явствуетъ изъ его популярности и распространенности въ древней Руси въ разныхъ изводахъ, въ которыхъ оно иногда приписывается не Крымскому хану, а турецкому султану. Начальныя слова одного такого извода —«Избранному моему *ратаю и тѣлежному поганатаю*», и приблизительно подходящая дата «въ лѣто 7054 (1546) году» (А. Ө. Бычковъ, Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки. Спб. 1882. Ч. I., стр. 140, 4) не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что прототипомъ русскаго извода служилъ вышеозначенный ярлыкъ Сахыбъ-Герая, несмотря на нѣкоторыя видоизмѣненія въ немъ, смягчающія грубый тонъ татарскаго оригинала.

онъ пользовался слишкомъ большимъ вниманіемъ и расположеніемъ султана, такъ что могъ непосредственно бесѣдовать съ нимъ о дѣлахъ своихъ [1]), и всячески старались возстановить противъ него султана. По словамъ Реммалъ-ходжи, министры султанскіе не долюбливали хана за то, что онъ, посылая пословъ къ хункяру, посылалъ пашамъ очень невеликіе подарки и ни на кого кромѣ султана не обращалъ вниманія. Прочтя его ярлыкъ, въ которомъ онъ отклонялъ отъ себя султанское приглашеніе идти съ вспомогательнымъ войскомъ противъ персовъ, отговорившись тѣмъ, что „татарское войско—это голыши, которые не въ состояніи вынести такого дальняго похода", паши доложили султану: „Великій государь нашъ, ханъ подъ тѣнью вашего могущества сдѣлался государемъ на крымскомъ престолѣ; онъ разбогатѣлъ, сталъ жаденъ; войско его усилилось; вы ему не нравитесь; онъ васъ не уважаетъ. Посмотрите теперь, какіе онъ приводитъ предлоги, чтобы не давать войска; онъ началъ противиться вашимъ повелѣніямъ. Избави Боже, если ваши глаза останутся закрытыми: онъ будетъ управлять своими владѣніями какъ независимый повелитель; онъ на посылаемыхъ вами чаушей обращаетъ меньше вниманія, чѣмъ на собакъ" [2]).

Ханъ тоже, въ свою очередь, былъ невысокаго мнѣнія о государственныхъ сановникахъ Отоманской Порты и однажды такъ отозвался о нихъ присланному къ нему султаномъ чаушу: „Между османцами нѣтъ такихъ, кто бы былъ способенъ вѣдать дѣла государства: всѣ эти столпы государства и члены совѣта только и думаютъ, подобно Каруну, о томъ, какъ бы побольше накопить себѣ отъ благъ міра сего; другихъ достоинствъ у нихъ нѣтъ" [3]).

---

[1]) خان حضرتلری سلطان سلیمان خان ایله بلا واسطه تکلملرندن ناشی وزرا دلکیر اولوب (Кр. Ист., 35 г.). [2]) Op. cit., стр. 146—147. [3]) Ibidem, стр. 148.

Стамбульскіе паши, истощивъ всѣ свои старанія добиться сверженія Сахыбъ-Герая, прибѣгли, наконецъ, къ такой мѣрѣ: они вошли въ соглашеніе съ кафскимъ беглеръбеемъ, муфти и кади, и поручили имъ слѣдить за ханомъ, не сдѣлаетъ ли онъ чего-нибудь такого, что бы скомпрометировало его какъ измѣнника въ глазахъ султана, и тотчасъ же донести объ этомъ султану. „Если вы исполните это наше желаніе", писали паши, „то каждому изъ васъ будетъ дана высокая должность, и вы никогда не получите отставки" [1]). Сикофанты воспользовались случаемъ выслужиться и исполнили данное имъ порученіе. Произошло нѣкоторое недоразумѣніе у хана съ турецкими сипагами, отнявшими у одного изъ его подданныхъ землю близъ Кафы. Сахыбъ-Герай велѣлъ судить обидчика кафскому кади въ своемъ присутствіи и при этомъ не безъ гнѣва держалъ такую рѣчь. „Франки", сказалъ онъ, „прійдя въ эту страну, выпросили у дѣда моего кусокъ земли величиною въ воловью шкуру; дѣдъ мой далъ имъ это. Тогда они, изрѣзавъ шкуру быка на тонкіе ремни, обвели ими пространство земли, да еще построили на этой землѣ крѣпость. Потомъ, во времена султана Мухаммеда пришолъ Гедюкъ-Ахмедъ и, съ помощью дѣда моего Хаджи-Герая взявъ Кафу, выпросилъ у дѣда моего кромѣ Кафы всю окружную мѣстность на пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости. Ханъ согласился: выстрѣлили изъ пушки, и снарядъ (каменный) упалъ по сю сторону Паша-тэпэси; затѣмъ все что дальше, то наше. Съ тѣхъ поръ прошло 72 года, и этотъ человѣкъ [2]) то мѣсто, гдѣ сѣяли его отецъ и дѣдъ, называетъ своимъ, тогда какъ оно принадлежитъ намъ: за все время съ тѣхъ самыхъ поръ всѣ десятинныя подати я потребую и возьму съ него; схватите и арес-

---

[1]) Ibidem. Другіе историки приписываютъ эту интригу султанскому зятю, знаменитому своею вліятельностію Рустемъ-пашѣ (Кр. Ист., л. 35 г.). [2]) Т. е. подсудимый.

туйте его"[1]). Кромѣ того, ханъ, будучи расположенъ къ одному чудаку, по имени Софьялы-оглу Юсуфу, посѣтилъ его въ его саду, въ окрестностяхъ крѣпости Кафы, пріѣхавъ къ нему съ десятью человѣками свиты. Тогда кафскій бей, кади, муфти и назиръ, тайно собравшись въ одномъ мѣстѣ, говорятъ: „Какой же еще надо больше измѣны? Вчера ханъ, выѣхавъ въ садъ, осматривалъ водопроводы крѣпости — тò мѣсто, откуда крѣпость была взята, и тѣ мѣста, откуда опять удобно взять ее. Сверхъ всего этого, онъ говоритъ, что ему принадлежатъ мѣста, состоящія болѣе 70 лѣтъ подъ владычествомъ султана, и онъ требуетъ за эти земли десятинной подати за 70 лѣтъ. Что же это значитъ? Вособенности теперь, когда султанъ въ походѣ—развѣ это не измѣна?" Они сообща написали подробное донесеніе и послали его въ Халебъ, гдѣ находился въ это время хункяръ. Паши, получивъ доносъ, доложили его султану въ преувеличенномъ и извращенномъ видѣ; ввели его въ заблужденіе, завѣривъ его клятвою, что все это сущая правда, и сдѣлавъ такимъ образомъ изъ двухъ друзей враговъ[2]). Хитро подстроенная ябеда поколебала въ султанѣ довѣріе къ Сахыбъ-Гераю, и стамбульскіе недруги его, заручившись теперь потребными для нихъ средствами, приступили къ осуществленію давно задуманной ими цѣли—сверженія Сахыбъ-Герая, только не вдругъ, а съ должною осторожностью. Вскорѣ представился удобный для нихъ случай.

Сахыбъ-Герай зналъ, конечно, по опыту, что всякій членъ ихъ Герайскаго дома, проживающій въ Портѣ на пенсіи, всущности есть соперникъ царствующаго хана и кандидатъ въ преемники ему. Во время его ханствованія тамъ находился племянникъ его Девлетъ-Герай, уѣхавшій въ Стамбулъ вмѣстѣ съ вотчимомъ и дядею же своимъ Сеъадетъ-Гераемъ. Онъ пользовался расположеніемъ султана. Сахыбъ-

[1]) Реммалъ-ходжа, стр. 149—150. [2]) Ibidem стр. 151—152.

Гераю нужно было удалить этого человѣка оттуда, съ тѣмъ чтобы потомъ при случаѣ, можетъ быть, и совсѣмъ извести его, и потому онъ вошолъ съ ходатайствомъ въ Порту о назначеніи Девлетъ-Герая ханомъ въ Казань, ибо тамошній ханъ Сафа-Герай умеръ, а сыновей его Булюкъ-Герая и Мубарекъ-Герая, вопреки ходатайству казанцевъ о назначеніи перваго изъ нихъ ханомъ, заключилъ въ инкерманскую крѣпость. Въ Портѣ поняли уловку Сахыбъ-Герая и воспользовались ею какъ средствомъ для его собственной погибели. Но все-таки Сахыбъ-Гераю не явно дали отставку, а сперва употребили въ дѣло хитрость. Ему былъ посланъ ферманъ, въ которомъ изъявлялось согласіе на его ходатайство о назначеніи Девлетъ-Герая казанскимъ ханомъ; а въ то же время, чтобы его самого удалить изъ Крыма, былъ посланъ другой ферманъ, которымъ ему предписывалось идти войною противъ мятежнаго черкесскаго племени Жанэ. Ханъ, довольный успѣхомъ своихъ политическихъ плановъ, двинулся со всею татарскою ордою чрезъ таманскую переправу въ походъ. Въ то время Девлетъ-Герай, назначенный на его мѣсто ханомъ, идетъ какъ будто бы для занятія ханскаго трона въ Казани. Чтобы вывѣдать положеніе дѣлъ, онъ изъ Ак-Кермана шлетъ съ письмомъ къ Сахыбъ-Гераю шпіона, нѣкоего Канъ-бирды. Когда узнали, что въ Крыму не осталось людей, способныхъ сражаться, то Девлетъ-Герай на одномъ кораблѣ изъ Ак-Кермана прибылъ въ Гёзлевъ и оттуда на лошадяхъ прискакалъ въ Бакчэ-Сарай; а на другомъ кораблѣ приплылъ въ Балаклаву Канъ-бирды и тоже пріѣхалъ въ Бакчэ Сарай, предварительно выпустивъ изъ инкерманской тюрьмы сидѣвшихъ въ ней Булюкъ-Герая и Мубарекъ-Герая, и провозгласилъ тамъ новаго хана Девлетъ-Герая, показавъ грамоту о его назначеніи. Жители Бакчэ-Сарая и прочихъ городовъ и деревень подчинились новому хану въ силу правила, что „всякая новинка сладка“. Калга Эминъ-Герай, сынъ Сахыбъ-Герая, явился-

было съ войскомъ, да и оно передалось на сторону новаго хана, и Эминъ-Герай бѣжалъ въ свою резиденцію Султанъ-Базаръ. Потомъ и войска Сахыбъ-Герая измѣнили ему; самъ онъ предательскимъ образомъ былъ задушенъ мстительнымъ Булюкъ-Гераемъ собственноручно. Малолѣтнихъ его дѣтей постигла та же участь, а калгу Эминъ-Герая уходилъ его спутникъ и товарищъ въ бѣгствѣ Итъ-ходжа [1]).

Рѣзня, во время которой погибъ Сахыбъ-Герай-ханъ, произошла въ 958=1551 году, слѣдовательно извѣстіе Сестренцевича-Богуша, что будто бы „Императоръ *Селимъ* послалъ великаго везиря лишить его (Сахыбъ-Герая) ханства" [2]), вдвойнѣ не вѣрно: событіе совершилось еще при султанѣ Сулейманѣ и безъ личнаго участія верховнаго везиря Рустемъ-паши, да и самому лишенію ханства предшествовало лишеніе жизни [3]). Конецъ Сахыбъ-Герая подробно описанъ въ цитованномъ у насъ сочиненіи Реммалъ-ходжи, вѣроятно со словъ современниковъ, близко знавшихъ подробности кроваваго происшествія; описаніе изложено обыкновенною прозою, а не „встихахъ" —in Versen, какъ утверждаетъ г. Гаммеръ [4]). Реммалъ-ходжа, распоряжавшійся церемоніею похоронъ, свидѣтельствуетъ, что Сахыбъ-Герай вмѣстѣ съ 13-лѣтнимъ сыномъ своимъ погребены въ усыпальницѣ Хаджи-Герая въ Салачикѣ [5]).

---

[1]) Семь планетъ 94—97; Кр. Ист., л. 35—36 v. [2]) Ист. о Тавріи, II: 289. [3]) Странно, впрочемъ, что и Ланглесъ впадаетъ въ подобную же неточность, говоря, что «Rustem Pâchâ, grand vézyr et gendre du sulthân *Sélym*, fut chargé d'installer à sa place Devlét Guèrei» (Op. cit., 409, 1), тѣмъ болѣе что тутъ же онъ поправляется, сказавъ, что «Soleïman... résolut.. de faire périr Ssâhheb Guèrai, qui avoit osé lui désobéir». Поправившись, онъ, однако же, сейчасъ впадаетъ въ новую ошибку, продолжая свое повѣствованіе въ такомъ видѣ: «il le déposa, et nomma à sa place Dévlét Guéraî; ayant fait equiper une flotte, il la conduisit *en personne* contre les Tatârs: après avoir fait assassiner Ssâhheb Guérai, il mit la couronne sur la tête Dévlét Guérai» (Ibid., 410). [4]) Gesch. d. Ch. d. Krim, 55. [5]) Это свѣдѣніе замѣчательно въ археологическомъ отношеніи: теперешніе татаре увѣряютъ, что въ этомъ тюрбэ только и лежатъ два человѣка — Хаджи-Герай да сынъ его Менглы-Герай, тогда какъ въ дѣйствительности оно было фамильнымъ склепомъ, принявшимъ въ нѣдра

Историкъ Дженнаби характеризуетъ личность Сахыбъ-Герая такими словами: „Онъ возвратилъ славу дома чингизова, послѣ того какъ миновала она и закатилась звѣзда могущества его" [1]). Изъ этого Гаммеръ-Пургшталль сдѣлалъ такой выводъ, что „Сахыбъ-Герай былъ послѣдній ханъ изъ фамиліи Чингиза" [2]), вторя въ этомъ С.-Богушу, который также находитъ, что „надлежитъ почитать Саипъ-Гирея послѣднимъ Государемъ рода Чингизъ-Ханова, царствовавшаго въ Кыпчакской Имперіи" [3]) Такое мнѣніе высказано по поводу вскорѣ послѣдовавшаго завоеванія русскими Казани и Астрахани, тѣмъ не менѣе все же оно несправедливо, потому что оба эти обломка Золотой Орды хотя и были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Крымскимъ ханствомъ, однако же давно не составляли съ нимъ одного цѣлаго государства.

Девлетъ-Герай I (1551—1577) съумѣлъ продержаться на ханствѣ цѣлыхъ 27 лѣтъ безсмѣнно, благодаря прежде всего, конечно, своей энергичности: совершая почти непрерывные набѣги въ сосѣднія страны, онъ постоянно имѣлъ наготовѣ довольно большую военную силу, съ которою въ состояніи былъ дать отпоръ всякому враждебному на него нападенію, подавить всякое мятежное сопротивленіе своему господству внутри своихъ владѣній. Да неоткуда было и явиться такому сопротивленію: семья Сахыбъ-Герая была вся истреблена; калга Булюкъ-Герай, умертвившій его, былъ убитъ собственноручно Девлетъ-Гераемъ по самому ничтожному поводу. Девлетъ-Ге-

---

свои многихъ покойниковъ изъ рода Герайскаго. Кстати сказать, вышеозначенное описаніе, какъ и все сочиненіе Реммалъ-ходжи, несмотря на его нѣсколько высокопарный восточный слогъ и отсутствіе хронологическихъ датъ, содержитъ въ себѣ немало любопытныхъ данныхъ для фактической и бытовой исторіи Крымскаго ханства, вполнѣ согласныхъ съ другими историческими памятниками. Поэтому отзывъ г. Хартахая объ этомъ сочиненіи, что будто бы оно «не представляетъ ничего относящагося до внутренней исторіи Крыма» (Loco cit., 159) нельзя признать справедливымъ.

[1]) Ркп. Аз. Музея, 450. [2]) Gesch. d. Osm. R., III: 336. [3]) Ист. о Тавріи, II: 289.

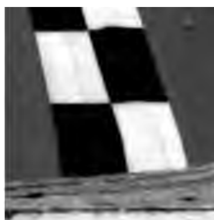
рай, избавившись отъ послѣдняго возможнаго соперника, затѣмъ самъ расплодилъ родъ Герайскій, имѣя нѣсколько сыновей, которые были у него въ полномъ повиновеніи и уже послѣ его смерти возобновили междоусобія, подобно своимъ предкамъ.

Съ другой стороны, прочностью своего положенія Девлетъ-Герай обязанъ былъ до извѣстной степени тогдашнему состоянію режима въ Отоманской Портѣ. Султанъ Сулейманъ, какъ видно, послѣ молдавскаго похода составилъ себѣ невысокое мнѣніе о боевыхъ качествахъ татарской орды, ибо не настаивалъ, подобно послѣдующимъ султанамъ, на присылкѣ крымскаго вспомогательнаго войска, хотя войны велъ почти безпрерывныя. Сейидъ-Мухаммедъ-Риза говоритъ, что будто бы въ одномъ венгерскомъ походѣ султана Сулеймана отличался съ татарскимъ отрядомъ сынъ Девлетъ-Герая, калга Мухаммедъ-Герай Жирный; но не обозначаетъ времени, когда это было [1]); оговорка же автора Краткой Исторіи, что эта кампанія имѣла мѣсто въ началѣ царствованія султана Сулеймана—سلطان سليمانك اول ايامنك—[2]), содержитъ въ себѣ двойной анахронизмъ: съ началомъ царствованія этого султана совпадаетъ продолжительное ханствованіе Сахыбъ-Герай-хана; а при Девлетъ-Гераѣ званіе калги даровано сыну его Мухаммедъ-Гераю уже послѣ двухъ предшественниковъ, Булюкъ-Герая и Ахмедъ-Герая, слѣдовательно опять-таки не въ началѣ даже царствованія самого Девлетъ-Герая [3]).

Особенно султанъ Сулейманъ долженъ былъ разубѣдиться въ полезности татарскихъ мародеровъ въ правильно-стратегически веденныхъ имъ кампаніяхъ послѣ того, какъ Сахыбъ-Герай откровенно изъяснилъ ему, что татаре—голутьба, неспособная переносить далекихъ и трудныхъ походовъ, а снаряженіе отряда изъ отборныхъ храбрецовъ-наѣздниковъ, по его вычисленію, обошлось бы султану слишкомъ дорого и

---

[1]) Семь планетъ, 99. [2]) Кр. Ист., 37 г. [3]) Ibid., 36 v. & 37 r.; Гюльбуни-хананъ, 20—21.



составило бы безполезную трату [1]). Сулейманъ вѣрилъ, должно быть, Сахыбъ-Гераю и, попустивъ низверженіе его за мнимое неуваженіе къ своему верховенству, принялъ однако же къ свѣдѣнію его заявленіе и, по смерти его, оставилъ Крымское ханство безъ вниманія. Къ этому побуждали его и свои собственныя дѣла, которыя какъ-то стали неклеиться подъ конецъ его царствованія: появленіе мятежника Мустафы, напомнившее ему о безпричинномъ умерщвленіи родного сына, котораго не могъ замѣнить ему Селимъ по способностямъ своимъ, потеря любимой жены Хурремъ, болѣе извѣстной подъ именемъ Роксоланы, неудачныя военныя экспедиціи, какъ, напримѣръ, безуспѣшная осада Зигета и Мальты—все это столько причиняло огорченій и заботъ дѣятельному султану, что ему было не до Крыма, не до его хана.

Имѣя развязанныя руки со стороны Высокой Порты, но все-таки опираясь на предполагаемую ея поддержку, Девлетъ-Гирай, должно быть, мечталъ собственными средствами возстановить былое татарское величіе и съ этою цѣлію ведетъ нескончаемыя войны съ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, тщетно настаивая на возвращеніи Казани и Астрахани, только что подпавшихъ подъ власть русскую. Наши лѣтописи испещрены описаніемъ набѣговъ Девлетъ-Герая, которые причиняли, конечно, не мало вреда Руси, но не сопровождались никакими важными результатами. Оттого-то въ турецко-татарскихъ историческихъ памятникахъ не сохранилось болѣе обстоятельныхъ извѣстій о военныхъ подвигахъ Девлетъ Герая, кромѣ краткихъ замѣтокъ о томъ, что онъ „нѣсколько разъ совершалъ побѣдоносные походы противъ гяуровъ-товарищниковъ“ [2]), или о томъ, что *приблизительно* въ 961 = 1554 году отъ него пришло въ Высокую Порту донесеніе объ одержанной имъ побѣдѣ надъ русскимъ *баномъ*, по име-

[1]) Реммалъ-ходжа, стр. 145. [2]) Семь планетъ, 99; Кр. Ист., 37 г.; Гюльбуни-ханапъ, 21.

ни *Иваномъ* послѣ жаркой битвы, въ которой русскіе потеряли будто бы около 60,000 человѣкъ убитыми и плѣнными [1]. Эта, исполненная преувеличеній, реляція, надо полагать, относится къ тому побоищу, происшедшему въ іюнѣ 1555 года, главнымъ героемъ котораго на сторонѣ русскихъ былъ Шереметевъ [2]. Крымскіе историки также вспоминаютъ объ этомъ кровопролитномъ сраженіи, которое описано у нихъ хоть и кратко, но согласно, въ главныхъ чертахъ, съ русскими источниками [3]. У нихъ сохранилась память и объ „одномъ знаменитомъ своею храбростью среди гяуровъ проклятникѣ, по имени *Ширмердъ*, или неправильно — *Ширемедъ*“ [4]. Они даже занимаются національнымъ происхожденіемъ Шереметева, то называя его просто „нечистороднымъ персидскимъ райею, принявшимъ гяурскую вѣру“ [5], то производя его изъ „персидскихъ армянъ, поселившихся въ русскихъ владѣніяхъ“ [6]: такъ насолилъ татарамъ этотъ мужественный и дѣятельный воевода!

Столь же краткія извѣстія турецко-татарскіе историки даютъ о нашествіи Девлетъ-Герая на Москву, о сожженіи ея татарами и объ опустошеніи окрестностей татарскими наѣздниками въ 1571 году. Турецкій историкъ Печевили пишетъ: „Въ 979 = 1571 году послѣдовало высочайшее повелѣніе татарскому хану сдѣлать набѣгъ на страну злополучныхъ руссовъ. Онъ ревностно поднялся съ быстролетною татарвою и, перешедши черезъ рѣку Итиль, направился къ центру владѣній московскихъ, разорилъ и разрушилъ столицу ихъ государства (تخت ملكنى) и вернулся съ огромной добычею. Эта

---

1) Тарихи Печеви. Конст изд., I: 353. 2) Ист. Гос. Рос., VIII: 148—149. 3) Семь планетъ. 98; Кр. Ист., 36 г. 4) Такую поправку крымскіе историки дѣлаютъ, принимая русскую форму прозванія «Шереметевъ» за искаженіе персидскаго сложнаго слова *ширъ-мердъ* — شير مرد = «левъ-человѣкъ, храбрый человѣкъ, богатырь». 5) Семь планетъ. Loco citato. 6) Кр. Ист., Loco cit.

лара сочиненія Сеидъ-Мухаммедъ-Ризы „Ассебъу-с-сейяръ“, сдѣланной рукою неизвѣстнаго переписчика этого кодекса. Въ ней дается такое толкованіе означеннаго термина: طيش دكيش معناسنه‌در فلانه دكجك معناسنه‌در = „*Тышъ* значитъ *замѣна*; то что придется, или достанется такому-то“ [1]). Возможность такого фонетическаго сокращенія слова دكيش въ طيش доказывается авторитетомъ сдѣлавшаго вышеприведенную замѣтку природнаго турка или татарина. По формѣ образованія и отчасти по свойству значенія этотъ терминъ принадлежитъ къ одной категоріи съ другимъ, ему подобнымъ, а именно съ татарскимъ же چيقش = „выходъ“, какъ называлась первоначально дань, платившаяся русскими князьями татарамъ. Въ такомъ абстрактномъ и не довольно опредѣленномъ значеніи „замѣны“ слово *тышъ* приложимо ко всякаго рода предметамъ, служившимъ *замѣною* денегъ, т. е. равноцѣннымъ той или другой денежной суммѣ. Въ грамотахъ и дефтеряхъ оно обыкновенно является въ соединеніи съ словами, означающими мѣха, шубы разныхъ сортовъ и разной стоимости [2]).

При всей удовлетворительности объясненія слова *тышъ* вышеприведенною этимологическою замѣткою, нельзя пройдти молчаніемъ толкованія, даннаго тому же термину покойнымъ Казембекомъ въ примѣчаніи его къ повѣствованію крымскаго историка о первоначальномъ наложеніи Девлетъ-Гераемъ дани *тышъ* на великаго князя московскаго. „تيش — Тишь, вѣроятно, произошло отъ тысяча“, говоритъ г. Казембекъ, „названіе, которое дано было подати и откуда татары сдѣлали слово *тишь*.—Не смѣю утверждать, но, кажется, слово *тишь* въ Архангельскомъ Лѣтописцѣ (Ист. Гос. Рос., VI: пр. 240) тоже, что татарское *тишь*. „Того же лѣта царь Иванъ послалъ Чюмгура Князя къ Великому Князю Ивану

---

[1]) Рукоп Учеб. Отд. М. И. Д., № 369, л. 112 г. [2]) В.-Зерновъ, Матеріалы, стр. 163, 369, и др.

стаевыхъ и тому подобныхъ шубъ и изъ другихъ подарковъ. Когда наступалъ срокъ присылки этой дани, изъ Москвы пріѣзжалъ писецъ и составлялъ списокъ лицъ, имѣвшихъ участіе въ этой дани تبش صاحبلری —, по которому уже потомъ и выдавалась каждому его доля. Одинъ разъ случилось при составленіи такого реестра, что человѣкъ, которому было поручено сообщить русскому писцу имена дольщиковъ дани, сказалъ посвоему: شول اوق въ смыслѣ „только," „кончено"; а русскій принялъ это выраженіе за имя или прозвище какого-нибудь извѣстнаго лица и внесъ его также въ реестръ, вслѣдствіе чего стала выплачиваться, сверхъ реестровой дани, еще доля и на этого небывалаго „только"—شول اوق—[1]). Въ извѣстныхъ татарскихъ памятникахъ дипломатическихъ сношеній Крыма съ Москвой мы находимъ и самые образцы вышеозначенныхъ реестровъ [2]), гдѣ чуть не на каждой странице встрѣчаемъ упоминанія *тышъ*, рядомъ съ другими именами подобныхъ же подачекъ, постоянно отчислявшихся Москвою въ пользу крымскихъ татаръ, какъ-то: ويركولر, مبارك باد , بولاك سلاملری, نورقراط آقچه‌لری, قولتقا, اولوغ خزینه [3]); но первоначальное, этимологическое значеніе какъ самаго слова طيش, такъ равно и нѣкоторыхъ другихъ вышеприведенныхъ терминовъ, не совсѣмъ понятно и еще нуждается въ истолкованіи. Первое пишется въ грамотахъ различно — طيش, تبش и تيبش. Въ этомъ видѣ оно является омонимомъ нѣсколькихъ извѣстныхъ тюркскихъ словъ, какъ طيش = „внѣшность, внѣ", или تش = „зубъ" и др.; но что ни съ однимъ изъ нихъ терминъ грамотъ طيش не имѣетъ ничего общаго, это явствуетъ изъ одной приписки, находящейся на поляхъ рукописнаго экземп-

---

[1]) Семь планетъ, 166; Кр. Ист., 63 v. [2]) В.-Зерновъ. Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства, №№ 31, 35, 40. [3]) Ibidem, стр. 27, 33, 36, 37, 133, 149, 156, 157, 194, 231, 236, 346, и мн. др.

ляра сочиненія Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы „Ассебъу-с-сейяръ“, сдѣланной рукою неизвѣстнаго переписчика этого кодекса. Въ ней дается такое толкованіе означеннаго термина: طيش دكيش معناسنه‌در فلانه دكجك معناسنه‌در = „*Тышъ* значитъ *замѣна*; то что придется, или достанется такому-то“ [1]). Возможность такого фонетическаго сокращенія слова دكيش въ طيش доказывается авторитетомъ сдѣлавшаго вышеприведенную замѣтку природнаго турка или татарина. По формѣ образованія и отчасти по свойству значенія этотъ терминъ принадлежитъ къ одной категоріи съ другимъ, ему подобнымъ, а именно съ татарскимъ же چيقش = „выходъ“, какъ называлась первоначально дань, платившаяся русскими князьями татарамъ. Въ такомъ абстрактномъ и не довольно опредѣленномъ значеніи „замѣны“ слово *тышъ* приложимо ко всякаго рода предметамъ, служившимъ *замѣною* денегъ, т. е. равноцѣннымъ той или другой денежной суммѣ. Въ грамотахъ и дефтеряхъ оно обыкновенно является въ соединеніи съ словами, означающими мѣха, шубы разныхъ сортовъ и разной стоимости [2]).

При всей удовлетворительности объясненія слова *тышъ* вышеприведенною этимологическою замѣткою, нельзя пройдти молчаніемъ толкованія, даннаго тому же термину покойнымъ Казембекомъ въ примѣчаніи его къ повѣствованію крымскаго историка о первоначальномъ наложеніи Девлетъ-Гераемъ дани *тышъ* на великаго князя московскаго. „تيش — Тишъ, вѣроятно, произошло отъ тысяча“, говоритъ г. Казембекъ, „названіе, которое дано было подати и откуда татары сдѣлали слово *тишъ*.—Не смѣю утверждать, но, кажется, слово *тишъ* въ Архангельскомъ Лѣтописцѣ (Ист. Гос. Рос., VI: пр. 240) тоже, что татарское *тишъ*. „Того же лѣта царь Иванъ послалъ Чюмгура Князя къ Великому Князю Ивану

---

[1]) Рукоп Учеб. Отд. М. И. Д., № 369, л. 112 г. [2]) В.-Зерновъ, Матеріалы, стр. 163, 369, и др.

Васильевичу и къ сыну его съ радостію, что супостата твоего есми убилъ Царя Ахмата; Князь Великій посла Ивакова чествовалъ и дарилъ, и отпусти къ Царю съ честію, а Царю Иваку *тѣшь* послали" [1]. Но цитуемое г. Казембекомъ мѣсто изъ Архангельскаго Лѣтописца относится къ событіямъ 1480 года и, слѣдовательно, если тутъ слово *тѣшь* есть то же, что татарское طيش, въ смыслѣ извѣстной дани, то, значитъ, крымскіе историки невѣрно приписываютъ ея первоначальное установленіе хану Девлетъ-Гераю; или же въ русской лѣтописи оно есть анахронизмъ, внесенный позднѣйшимъ ея составителемъ, жившимъ въ то время, когда этотъ терминъ сталъ извѣстенъ русскимъ послѣ нашествія Девлетъ-Герай-хана на Москву въ 1571 году. Надо полагать, что послѣднее вѣрнѣе, ибо въ Крымскихъ Дѣлахъ ближайшаго времени, касающихся сношеній съ тѣмъ же самымъ Ивакомъ чрезъ посла его Чюмгура, встрѣчаются и *жалованье*, и *поминки*, и *пошлины*, но нѣтъ ничего похожаго на *тѣшь* Архангельскаго Лѣтописца, или на *тышъ* крымскихъ историковъ [2]. Кромѣ того, въ Архангельскомъ Лѣтописцѣ рядомъ почти встрѣчается другой несомнѣнный анахронизмъ— это „Бѣлая вежа" у татаръ-то конца XV вѣка! Такимъ образомъ фактъ взиманія дани Девлетъ-Гераемъ, сообщаемый крымскими историками, остается неоспоримымъ, каково бы ни было этимологическое происхожденіе и значеніе названія этой дани—*тышъ*, коренное ли татарское, или русское, да перенятое и усвоенное татарами, но забытое потомъ русскими, какъ скоро срочный платежъ этой дани утратилъ свою обязательность для нихъ [3].

---

[1]) Семь планетъ, XX, пр. 9. [2]) Сб. Ист. Общ., XLI: 81 — 87.
[3]) Не поддерживая объясненія г. Казембека, надо однако же замѣтить слѣдующее. Счотъ даней и въ русскихъ, и въ татарскихъ грамотахъ сплошь и рядомъ ведется на тысячи: «полтретьядцать *тысячъ* алтынъ кунъ» (Сб. Ист. Об., XLI: 172), или: «триста *тысячъ* денегъ кунъ»

Въ царствованіе же Девлетъ-Герай-хана имѣлъ мѣсто еще одинъ выдающійся фактъ, достопримѣчательный въ исторіи отношеній Крыма къ Турціи. Преемникомъ султана Сулеймана былъ сынъ его Селимъ II (1566 –1574), не унаслѣдовавшій

(Ibid, 278), и т. п.; اون بلك صوم قولتقا (В.-Зерновъ, Матеріалы, 52); بش مينك آلتون قولغا (Ibid., 63); ايكى بيك تيبشلرى (Ibid., 428), и т. п. Бѣдность собственной терминологіи постоянно заставляла татаръ обходиться словами, заимствованными изъ другихъ языковъ—монгольскаго, арабскаго, персидскаго и, наконецъ, русскаго. Что татаре употребляли нѣкоторыя русскія слова какъ термины, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ татарскихъ грамотахъ мы постоянно встрѣчаемъ русскія названія мѣсяцевъ: مارت=«мартъ» (Ibidem, 32), آختبر=«октябрь» (Ibid, 284, 296), سانتابر=«сентябрь» (Ibid., 333) فلواريس=«февраль» (Ibidem., 535) и др.; названія титулованныхъ и должностныхъ лицъ, напримѣръ: بولسقاى قرال=«польскій краль» (Ibid., 66), اقالنچاى=«окольничій» (Ibid., 284), قانسلر=«канцлеръ» (Ibid., 343), بويار=«бояринъ» (Ibid, 581), دياق=«дьякъ» (Ibid., 584, 654), استول نيك=«стольникъ» (Ibid., 659), بولقونق=«полковникъ» (Ibidem), كناس=«князь» (Ibid., 669), دومناى=«думный» (Ibid., 681), پوپ=«попъ» (Ibidem), پوسلان نيك=«посланникъ» (Ibid., 699), استرلچى=«стрѣльцы» (Ibid., 227). Изъ другихъ категорій встрѣчаются слова: پوت=«пудъ» (Ibid., 163), زامكو=«замокъ» (Ibid., 730). Затѣмъ тамъ попадаются такія слова и выраженія, въ которыхъ сразу нельзя заподозрѣть русскаго ихъ происхожденія, каковы, напримѣръ, слѣдующія: صامصون صاباق وليقه «великая самсунская собака» (Ibidem, 82), خورلقه «горѣлка» (Ibid., 673), اراق خورلقه=«араки горѣлка» (Ibidem). Кромѣ того, немало есть словъ татарскихъ, представляющихъ, очевидно, переводъ съ русскаго, въ родѣ, напримѣръ: قين كشى=«ближній человѣкъ», или صفرەچى=«стольникъ» и т. п. На этомъ основаніи едва ли будетъ вовсе ошибочно, по аналогіи, искать иногда въ русскомъ языкѣ объясненія нѣкоторыхъ татарскихъ словъ, которыхъ или вовсе не отыскивается въ словаряхъ татарскихъ, или же коренная принадлежность которыхъ татарскому языку кажется сомнительною. Относительно слова طيش также можно предполагать, что оно если не прямо передѣлано изъ русскаго *тысяча*, то могло преобразоваться подъ вліяніемъ русскаго *тысяча* изъ тюркскаго же دكيش, которое сперва явилось какъ переводъ арабскаго بدل. Оба слова, тюркское دكيش и русское *тысяча*, разныя по коренному происхожденію и значенію, слились потомъ въ нейт-

талантливости своихъ родителей и прославившійся необыкновеннымъ пьянствованіемъ и разгуломъ. Легкомысліемъ и сумасбродствомъ этого султана воспользовались нѣкоторые глупые совѣтники его, каковъ былъ тогдашній верховный везирь Джелиль-Мухаммедъ-паша Долговязый и внушили ему мысль соединить каналомъ Донъ съ Волгою, чтобы открыть водный путь къ Персіи и съ большимъ удобствомъ чинить нападенія на этого постояннаго врага Порты. Съ этою цѣлью дефтердаръ Касимъ-бей, родомъ черкесъ, былъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Кафы, чтобы собрать нужныя свѣдѣнія для предстоящей затѣи. Онъ произвелъ развѣдки и донесъ, что хотя это дѣло и трудное, но, при помощи Божіей, исполнимое. Тогда въ 976=1569 году была снаряжена экспедиція турецкихъ войскъ, снабженныхъ военными припасами и саперными инструментами, кончившаяся тѣмъ, что турки, устрашившись приближенія зимнихъ холодовъ и подозрительнаго поведенія татаръ и ногайцевъ, бросили работу, закопали свои инструменты и въ безпорядкѣ бѣжали, кто могъ, на суда и уѣхали; прочіе же частію разбрелись куда попало, частію погибли отъ холода и голода на чужой сторонѣ. Такъ представляютъ дѣло историки турецкіе [1]. Русскіе объясняли цѣль этого загадочнаго предпріятія турецкаго султана посвоему: по ихъ убѣжденію оно было направлено противъ нихъ, и Карамзинъ, слѣдуя отечественнымъ только источникамъ, склоненъ былъ вѣрить, что Селимъ хотѣлъ „возстановить Царство Мусульманское на берегахъ Ахтубы“ [2].

ральномъ طيش отъ употребленія ихъ татарами и русскими въ приложеніи къ одному и тому же предмету—платежу дани или подарковъ. Татаре, выработавъ форму طيش, попрежнему подразумѣвали подъ нею значеніе первоначальной формы دكيش, но при этомъ думали, что и русское *тысяча* есть слово тожественное по звукамъ и смыслу съ ихъ татарскимъ دكيش=طيش.

[1]) Кюнгу-ль-ахбаръ. Рукоп., II: 194 r.—195 v.; Тарихи Печеви. I: 468—470. Г. Казембекъ ошибочно приписываетъ эту экспедицію султану Сулейману (Семь планетъ, XVIII), котораго въ 1569 году уже не было вживыхъ. [2]) Ист. Гос. Рос., IX: 74.

Но, расходясь въ объясненіи конечной цѣли этой экспедиціи, наши источники совершенно согласно съ турецкими изображаютъ поведеніе Девлетъ-Герая. Хитрый ханъ, пугая русскихъ своимъ союзомъ съ Портою, въ то же время ничуть не былъ расположенъ содѣйствовать военнымъ успѣхамъ турковъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ бы усиленіе ихъ могущества имѣло своимъ результатомъ умаленіе престижа или даже уничтоженіе самостоятельности Крымскаго ханства. „Этакъ и Крымъ не останется въ нашихъ рукахъ"—قريم دخى المزده قالماز—, будто бы говорилъ Девлетъ-Герай и дотого напугалъ войско османское грядущими ужасами суроваго климата, что оно раньше времени и безъ всякой крайней нужды побросало работу и обратилось въ бѣгство [1]).

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Девлетъ-Герай первый создавалъ всякія препятствія къ осуществленію плана кампаніи, но, не желая самъ открыто противодѣйствовать туркамъ, умѣло воспользовался подозрительностію русскихъ, давъ имъ понять, что будто бы имъ грозитъ бѣда отъ турковъ, и чрезъ это побудивъ ихъ на всякій случай приготовиться къ надлежащей встрѣчѣ непрошенныхъ гостей. Карамзинъ, ссылаясь на Крымскія Дѣла, пишетъ, что Девлетъ-Герай потомъ будто бы откровенно признался московскому послу въ своемъ вѣроломномъ поступкѣ съ турками [2]). Поэтому старанія крымскихъ историковъ обѣлить Девлетъ-Герая предъ турками, приписывая ему совсѣмъ другіе доводы, которые онъ будто бы представлялъ султану, убѣждая его въ нецѣлесообразности предпріятія, дѣлаютъ честь ихъ мусульманско-татарскому патріотизму, но несостоятельны въ виду согласнаго свидѣтельства другихъ источниковъ. Они говорятъ, что будто бы Девлетъ-Герай ставилъ на видъ слѣдующія вредныя послѣдствія, къ которымъ повело бы соедине-

[1]) Кюнгу-ль-ахбаръ, II: 195 г.; Печеви, I: 470. [2]) Ист. Гос. Рос. IX: 76—77.

ніе Дона съ Волгою каналомъ: 1), что, молъ, отъ этого прорытія канала образуется одно сплошное море, которое сдѣлается еще бурнѣе, и мелководнымъ судамъ, которыя только и могутъ плавать по Азовскому морю, станетъ крайне опасно, а войскамъ османскимъ не вынести суровыхъ холодовъ, наступающихъ послѣ августа мѣсяца; 2) что въ случаѣ войны Высокой Державы съ какимъ-либо другимъ непріятелемъ московскіе гяуры весьма легко могутъ опустошать берега Чорнаго моря; въ доказательство этого ханъ будто бы сослался на проектъ прорытія Суэзскаго перешейка, который былъ оставленъ по тѣмъ же политическо-стратегическимъ соображеніямъ [1]). Аали-эфенди къ вышеприведеннымъ мотивамъ присоединяетъ еще одинъ, о которомъ говорили въ его время, и притомъ мотивъ довольно курьозный, заставившій турковъ прекратить прорытіе канала и отказаться отъ приведенія въ исполненіе начатаго предпріятія. „Земля Астраханская“, пишетъ Аали, „есть какая-то необыкновенная безграничная степь. Въ этой землѣ наикратчайшія ночи четыре часа, а наидлиннѣйшіе дни двадцать часовъ, какъ сообщали нѣкоторые достовѣрные мусульмане. Они изволили говорить, что знаки вечерней зари продолжаются тамъ вполнѣ до двухъ часовъ послѣ заката; если въ промежуточный одинъ часъ удастся совершить послѣднюю молитву, то ладно, а если нѣтъ, то (и некогда:) въ началѣ четвертаго часа уже разсвѣтаетъ утренняя заря, и ночью спать совсѣмъ не возможно“ [2]). Такимъ образомъ выходитъ, что туркамъ или надо было бы совершать почти сряду двѣ молитвы втеченіе короткой ночи и, слѣдовательно, отказаться отъ ночного сна, или же просыпать которую-нибудь изъ молитвъ и чрезъ это сдѣлаться нарушителями предписаній своей религіи. Но кто распустилъ такія не совсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія о географической широтѣ приволжскаго понизовья чрезъ посредство довѣрчивыхъ мусульманъ, Аали-эфенди точнѣе не указы-

---

[1]) Кр. Ист., л. 38 v.—38 r.; Семь планетъ, 100—101. [2]) Кюнгу-ль-ахбаръ, II: 195 r. & v.

ваетъ. Очень можетъ быть, что опять-таки Девлетъ-Герай же къ одному преувеличенному устрашенію присовокупилъ и другое, въ разсчотѣ на фанатическую пунктуальность турковъ въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, но въ то же время и на любовь ихъ къ кейфу.

Халимъ-Герай просто-на-просто обходитъ молчаніемъ въ своемъ сочиненіи „Гульбуни-хананъ" такое достопримѣчательное событіе, какъ волго-донская экспедиція турковъ, не найдя, должно быть, достаточно убѣдительными тѣ данныя, которыя приводятся другими соотечественными историками въ оправданіе образа дѣйствій его предка Девлетъ-Герая въ этой экспедиціи.

Въ числѣ описаній этого интереснаго похода одно принадлежитъ очевидцу Семену Мальцову, которое Карамзинъ въ извлеченіи приводитъ въ своей Исторіи [1]). Другое, не менѣе обстоятельное, описаніе составлено какимъ-то неизвѣстнымъ авторомъ, сообщающимъ весьма любопытныя свѣдѣнія о порядкѣ и расположеніи турецко-татарскихъ войскъ во время похода и нѣкоторыя подробности самой кампаніи. Одно мѣсто этого описанія заставляетъ думать, что авторъ былъ самъ очевидцемъ этого похода, наблюдавшимъ его со стороны, въ качествѣ соглядатая. Оно помѣщено въ Запискахъ Одесскаго Общества [2]). Заглавіе его показываетъ, что оно написано, т. е., правильнѣе сказать, переписано въ 7185—1677 году „въ дому боярина, князя Василья Васильевича Голицына". Этотъ бояринъ, собираясь въ походъ противъ Крымскаго хана, вѣроятно, поручилъ кому-нибудь переписать сочиненіе прежнихъ временъ, которое могло быть ему полезно своими топографическими и этнографическими свѣдѣніями. Редакція же „Записокъ О. О.", вопреки очевиднымъ признакамъ, отнесла какъ составленіе этого описанія, такъ и самый историческій фактъ, къ 1677 году, поставивъ такое примѣчаніе: „Князь В. В. Голицынъ... поручаетъ смѣтливому ма-

[1]) Ист. Гос. Рос., IX: пр. 245—250. [2]) Зап. О. О., VIII: 479—488.

лороссіянину слѣдить за враждебными полчищами, намѣревавшимися утвердиться въ Астрахани. Доставленныя князю Голицыну топографическія свѣдѣнія получили мѣсто въ архивѣ Посольскаго Приказа, откуда эта тетрадь случайно поступила въ частныя руки".

Неудачный исходъ вышеозначенной экспедиціи и вскорѣ случившееся разбитіе турецкаго флота при Лепанто въ 1571 году какъ нельзя болѣе благопріятствовали Девлетъ-Гераю въ его отношеніяхъ къ Отоманской Портѣ, которая съ тѣхъ поръ стала побаиваться рискованныхъ военныхъ походовъ. Такимъ образомъ Девлетъ-Герай пережилъ еще одного своего суверена, султана Селима II, и три года прожилъ въ ладахъ съ третьимъ, султаномъ Мюрадомъ III (1574—1595). Онъ умеръ, по русскимъ источникамъ, 29 іюня 1577 года [1]; по словамъ же крымскихъ историковъ, смерть его послѣдовала отъ чумы въ мѣсяцѣ сеферѣ 985 = въ апрѣлѣ-маѣ 1577 года [2])—разница незначительная, всего на одинъ или полтора мѣсяца. Значитъ, продолжительность его царствованія во всякомъ случаѣ равняется двадцати семи годамъ, а не тридцати двумъ, какъ вышло у Гаммера [3]).

Смѣлый образъ дѣйствій Девлетъ-Герая сообщился и его сыну, Мухаммедъ-Гераю II (1577—1584), прозванному за свою необыкновенную тучность Жирнымъ — سمين —. Съ русскими онъ вначалѣ хоть и ладилъ, но все-таки не прекращалъ тщетныхъ настояній своего отца на возвращеніи Астрахани [4]), бралъ съ нихъ, подобно своему предшественнику, разные подарки, обѣщалъ дружбу и при всякомъ удобномъ случаѣ вѣроломствовалъ, когда это было выгоднѣе. Но и съ Портою онъ тоже не слишкомъ церемонился, понимая, должно быть, все безобразіе внутреннихъ въ ней порядковъ, начавшихъ замѣтнымъ образомъ подтачивать ея могущество и об-

---

[1]) Ист. Гос. Рос., IX: 164. [2]) Семь планетъ, 101; Кр. Ист., л. 38 г. [3]) Gesch. d. Ch. d. Krim, 56. [4]) Ист. Гос. Рос., IX: 165.

наруживавшихъ ея безсиліе заставить хана безусловно подчиняться своимъ требованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, это было время царствованія султана Мюрада III, который былъ знаменитъ своимъ женолюбіемъ, многочадіемъ и жадностью, унизившею повелителя страны до принятія взятокъ отъ собственныхъ подданныхъ. Внѣшними признаками начавшагося разложенія были безумныя публичныя торжества обрѣзанія принцевъ, о которыхъ разсылались офиціальныя оповѣщенія ко всѣмъ дворамъ, и которыя длились цѣлыми недѣлями, стоивши огромныхъ денежныхъ издержекъ [1]; кутежи и оргіи стамбульской молодежи съ участіемъ женщинъ легкаго поведенія и кровопролитныя столкновенія изъ-за этого съ правительственными войсками, пытавшимися прекращать эти дебоширства вооруженною рукою [2]; пьянство, распутство и грабительство пашей, финансовое разстройство и бѣдствіе народа, на что такъ вопіюще жалуются историки и другіе османскіе писатели той эпохи [3]. И вотъ когда въ 1583 году Ӧздемиръ-оглу Османъ-паша пошолъ войною противъ персовъ, то и хану также послано было приглашеніе двинуться со вспомогательнымъ войскомъ. Но Мухаммедъ-Герай былъ такъ толстъ, что не въ состояніи былъ сидѣть на сѣдлѣ: его возили въ телегѣ, запряженной шестеркою или восмеркою лошадей [4], поэтому такой дальній походъ на Кавказъ представлялся ему сущимъ бѣдствіемъ. Поручивъ предводительство своихъ войскъ братьямъ своимъ, калгѣ Аадиль-Гераю, Шакай Мубарекъ-Гераю и Гази-Гераю, да сыну своему Сеъадетъ-Гераю, самъ онъ отправлялся только для виду, и то послѣ неоднократныхъ настоятельныхъ султанскихъ предписаній; когда же у него не хватило терпѣнья долѣе переносить

---

[1]) Кюнгу-ль-ахбаръ. Ркп., II: 306 v.—309 r.; Тарихи Печеви, II: 71—74. [2]) Печеви, II: 72—73. [3]) У Аали-эфенди, напримѣръ, цѣлая особая статья посвящена изображенію мрачнаго состоянія Турціи въ царствованіе султана Мюрада III (Кюнгу-ль-ахбаръ, II: 258 v.—264 v.) [4]) Кр. Ист., л. 39 v.; Гюльбуни-хананъ, 22.

трудности кампаніи, онъ не остался зимовать на театрѣ войны, а преспокойно, безъ согласія турецкаго главнокомандующаго и безъ разрѣшенія Порты, вернулся восвояси. На султанскіе же фирманы онъ гордо отвѣчалъ: „Что же, развѣ мы османскіе беи что ли?!" Раздосадованный строптивостью хана султанъ повелѣлъ Османъ-пашѣ наказать непокорнаго вассала. Но большая часть арміи Османа уже возвращалась домой; при немъ оставалось около 3000 человѣкъ, съ которыми онъ сперва не рѣшался идти на хана, но, получивъ вторичное повелѣніе исполнить волю султана, пошолъ въ Кафу, чтобы дѣйствовать совмѣстно съ тамошнимъ генералъ-губернаторомъ. Ханъ же гордо протестовалъ, заявивъ: „Я падишахъ, господинъ хутбы и монеты—кто можетъ смѣщать и назначать меня?" и осадилъ съ сорока-тысячнымъ войскомъ Кафу, гдѣ находился Османъ-паша. Богъ знаетъ, успѣли ли бы османлы что-нибудь подѣлать съ упрямцемъ-ханомъ, если бы имъ не помогли крымскіе же измѣнники, и прежде всего родной братъ хана Алпъ-Герай. Послѣдній, вѣроятно, былъ недоволенъ на хана за то, что, когда въ началѣ этой же кампаніи калга Адиль-Герай былъ взятъ въ плѣнъ, а потомъ и убитъ персіянами за его любовную интригу съ сестрою и женою персидскаго шаха [1]), ханъ попробовалъ-было возстановить систему Менглы-Герая и назначить калгою своего старшаго сына Сеъадетъ-Герая, обойдя Алпъ Герая, считавшаго себя кандидатомъ на это званіе по праву старшинства въ родѣ. Встрѣтивъ оппозицію со сто-

[1]) Романическія похожденія Аадиль-Герая въ персидскомъ плѣну и печальный конецъ его любовныхъ тамъ приключеній въ шахскомъ харемѣ очень подробно описываются всѣми турецко-татарскими историками (Кюнгу-ль-ахбаръ. Рукоп., II: 295 v.—296 v.; Тарихи-Печеви, II: 59—60 Семь планетъ, 102; Кр. Ист, 38 v). Не такъ давно этотъ скандалёзный историческій фактъ послужилъ сюжетомъ цѣлаго историческаго романа на турецкомъязыкѣ, написаннаго Намыкъ-Кемалемъ, подъ заглавіемъ جزمی=«Джезми».

роны приверженцевъ исконнаго тюркскаго сановно-іерархическаго порядка, ханъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія въ пользу Алпъ-Герая. Но не совсѣмъ устранилъ и Сеъадетъ-Герая: онъ создалъ для него новую степень *втораго наслѣдника*—ولی عهد ثانی—, съ отчисленіемъ въ его пользу хорошаго годового оклада изъ ханскихъ доходовъ съ кафской таможни и съ соляныхъ промысловъ. Эта новоизобрѣтенная степень была утверждена особымъ бератомъ Оттоманской Порты, а лицо, удостоивавшееся этой степени, стало называться *нур-эд-диномъ* —نور الدین—, каковой титулъ будто бы принятъ былъ въ честь Нур-эд-Динъ-мурзы, аталыка, т. е. воспитателя Сеъадетъ-Герая, по объясненію историковъ [1]). Г. Вельяминовъ-Зерновъ оспариваетъ фактъ первичнаго установленія степени нур-эд-дина въ Крыму ханомъ Мухаммедъ-Гераемъ II, приводя доказательства существованія этой степени еще раньше у владѣтельной династіи ногайскихъ мурзъ [2]). Но въ этомъ спорномъ вопросѣ надо различать два пункта — возникновеніе титула „нур-эд-динъ“ и установленіе извѣстнаго званія съ этимъ титуломъ: первое, пожалуй, могло имѣть мѣсто у ногайцевъ и гораздо раньше описываемаго времени, второе же было дѣломъ какихъ-то политическихъ соображеній Крымскаго хана Мухаммедъ-Герая II, ибо въ историческихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ признаковъ существованія степени нур-эд-дина въ Крыму раньше. Трудно согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ историковъ, что будто бы званіе нур-эд-дина было учреждено Мухаммедомъ-Гераемъ „въ утѣшеніе“—تسلیت ضمننده— своему возлюбленному чаду Сеъадетъ-Гераю, не получивше-

---

[1]) Семь планетъ. 103; Кр. Ист., 38 v.—39 r.; Гюльбуни-хананъ, 23—24; Тарихи-Джевдетъ, I: 77. [2]) О Касимов. царяхъ и царев., II: 417—419.

му желаннаго званія калги [1]). Конечно, не имѣя болѣе полныхъ и точныхъ историческихъ извѣстій объ этомъ фактѣ, нельзя сказать что-либо рѣшительное о настоящихъ причинахъ, вызвавшихъ его, но все же вышеприведенный сантиментальный мотивъ кажется мало вѣроятнымъ: тутъ должна была быть какая-нибудь болѣе серьозная подкладка, тѣмъ болѣе что вновь изобрѣтенное ханомъ званіе подверглось еще формальной санкціи со стороны Порты. Согласіе же послѣдней наложить свою санкцію на выдумку хана легко объясняется тогдашними обстоятельствами: ей надо было задобрить чѣмъ-нибудь хана, въ военной помощи котораго она нуждалась въ персидской войнѣ.

Но Мухаммедъ-Герай оказался неблагодарнымъ. Османъ-паша, не надѣясь силою усмирить мятежнаго хана, пустился въ политику: онъ объявилъ Мухаммедъ-Герая низложеннымъ, а передавшагося къ нему ханскаго брата и калгу Алпъ-Герая провозгласилъ ханомъ, разсчитывая этимъ произвести еще большее раздѣленіе татаръ на партіи—باعث تفرقهٔ قلوب تاتار اولق احتماليله—. Эта мѣра тоже сперва оказалась недѣйствительною: осада Кафы продолжалась, и подъ стѣнами ея происходили ожесточенныя стычки. Порта хоть и не утвердила распоряженія Османъ-паши касательно замѣны Мухаммедъ-Герая Алпъ-Гераемъ, но самая его политика посѣя-

---

[1]) Гюльбуни-хананъ, Loco citato; Тарихи-Джевдетъ, Loco citato. Гаммеръ спуталъ въ данномъ случаѣ родословіе Гераевъ: сперва онъ называетъ Сеъадетъ-Герая *младшимъ братомъ* Алпъ-Герая, слѣдовательно братомъ и самого Мухаммедъ Герай-хана Gesch. d. Osm. R., IV: 94); потомъ онъ говоритъ уже слѣдующее: «Muhammedgerai hätte gerne *seinen Sohn* Seadetgerai zum Kalga ernannt, diesem stand aber die Staatsverfassung entgegen, nach welcher die Stelle des Kalga dem *älteren Bruder* Alpgerai gebührte; dieser wurde daher auch ernannt und von der Pforte bestätigt. Um jedoch *den jüngeren Bruder* für die Nichterfüllung seines Wunsches zu trösten und zu entschädigen, verlieh Mohammedgerai aus eigener Machtvollkommenheit dem Seadetgerai den Ehrentitel Nureddin» (Gesch. der Chane der Krim., 58—59)—это, значитъ, онъ поправился.

нія раздоровъ среди татаръ ей понравилась и охотно принята была ею. Чтобы польстить мнимо-легальной требовательности татарскихъ мурзъ, защищавшихъ старинные обычаи своего народа противъ новшествъ хана, Порта назначила ханомъ другого брата ханскаго, Исламъ-Герая, который дотолѣ сидѣлъ себѣ спокойно отшельникомъ въ дервишскомъ монастырѣ въ Брусѣ. Для болѣе же внушительной поддержки этого назначенія, въ сопровожденіе Исламъ-Гераю командирована была эскадра подъ начальствомъ Кылыджъ-Алипаши. Этотъ шагъ султанскаго правительства оказался болѣе цѣлесообразнымъ: какъ только Исламъ-Герай прибылъ въ Кафу, на сторонѣ Мухаммедъ-Герая началось враждебное ему движеніе; во главѣ измѣнниковъ оказался зять его, ширинскій мурза Али-бей, за которымъ и другіе татаре стали перебѣгать къ Исламъ-Гераю. Ни ласки, ни угрозы Мухаммедъ-Герая не остановили перебѣжчиковъ. Потерявъ всякую надежду, онъ вынужденъ былъ уступить своему противнику и бѣжалъ за Перекопъ, намѣреваясь пробраться къ волжскимъ ногайцамъ; но тучность его погубила его: ѣдучи по обыкновенію въ телегѣ, онъ былъ настигнутъ въ Канлыджакѣ преслѣдовавшимъ его ненавистникомъ—братомъ своимъ Алпъ-Гераемъ и задушенъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Сафа-Гераемъ въ 992=1584 году. Тѣла ихъ привезены и похоронены въ Эски-Юртѣ, рядомъ съ гробницею прежде умершаго сына Мухаммедъ-Герая, Шерданъ-Герая [1]).

Про Исламъ-Герая I (1584—1588) историки говорятъ, что онъ еще со временъ султана Сулеймана проживалъ въ

---

[1]) Кюнгу-ль-ахбаръ. Ркп., II: 320 v.—322 r.; Тарихи-Нечеви, II: 90—91; Семь планетъ. 103—104; Кр. Ист.. 39 r. & v.; Гюльбуни-хананъ, 24—25; Ист. Гос. Рос., X: 33, пр. 96.—У Лангдеса приводится извѣстіе Абду-л-Ла-бенъ-Ризвана, по которому въ Кафѣ осажденъ былъ не Османъ-паша, а Мухаммедъ-Герай-ханъ, погибшій будто бы во время одной вылазки (Op. cit., 411, пр. 1); но это не согласно съ свидѣтельствами всѣхъ другихъ памятниковъ.

Портѣ въ качествѣ заложника; что при этомъ султанѣ и при его преемникѣ, султанѣ Селимѣ, ему жилось тамъ хорошо, почотно; но что по смерти ихъ, въ царствованіе султана Мюрада III, его стали тамъ не очень-то чествовать, такъ что онъ счолъ за лучшее удалиться въ монастырь и предаться богомыслію. Это опять-таки подтверждаетъ высказанный выше взглядъ нашъ на заложничество со стороны Крымскихъ хановъ при султанской Портѣ, гдѣ на подобныхъ запасныхъ принцевъ смотрѣли какъ на орудіе угрозы, для того чтобы удерживать въ должномъ повиновеніи правящаго хана.

Проживтій столько времени вдали отъ отечественной обстановки, Исламъ-Герай, естественно, долженъ былъ утратить всякое личное мужество и воинскую храбрость и все время держаться на помочахъ покровительствовавшей ему Порты. Понимая это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горя мщеніемъ за смерть отца своего, Сеъадетъ-Герай, сынъ Мухаммедъ-Герая Жирнаго, вскорѣ привелъ съ собою въ Крымъ цѣлое полчище девяти племенъ ногайскаго рода Идики и донскихъ козаковъ, взялъ Бакчэ-Сарай и выгналъ оттуда Исламъ-Герая, который бѣжалъ въ Кафу и сталъ просить заступничества Порты. Тогда самъ верховный везирь Османъ-паша собрался было идти съ войскомъ усмирять мятежника; кафскій генералъ-губернаторъ также присоединилъ свой гарнизонъ къ войску Исламъ-Герая, и послѣ сраженія въ Индальской равнинѣ Сеъадетъ-Герай принужденъ былъ удалиться въ ногайскую степь, гдѣ онъ и скитался цѣлыхъ восемь лѣтъ до самой смерти [1]). Продолжительность узурпаторства Сеъадетъ-Герая опредѣляется историками всего въ два мѣсяца [2]). Главною его опо-

[1]) Кр. Ист., 39 г.; Ист. Гос. Рос., X: 33. По Мухаммедъ-Ризѣ, Сеъадетъ-Герай еще разъ врывался въ Крымъ съ прежними же намѣреніями, но былъ отбитъ калгою Алпъ-Гераемъ, послѣ чего онъ опять ушолъ обратно въ степь навсегда. (Семь планетъ, 106). [2]) Семь планетъ, Loco cit.; Карамзинъ, Loco cit. Авторъ же Кр. Ист., должно быть, просто

рою были девять ногайскихъ племенъ—Мансуръ, Уракъ, Мамай, Касай, Оръ-Мамбетъ, Токузъ, Едичекъ, Едисанъ и Джамбойлукъ, кочевавшія по берегамъ Волги и признававшія надъ собою власть потомковъ Идики, но потомъ мало-по-малу подчинявшіяся власти Крымскихъ хановъ, изъ которыхъ Сахыбъ-Герай болѣе всѣхъ старался о пріученіи ихъ къ осѣдлости [1]). Сеъадетъ-Герай и умеръ среди ногайцевъ, въ 999=1590–1591 г.; тѣло его было привезено въ Крымъ и схоронено рядомъ съ могилою отца его.

„Ханъ изъ дервишей", Исламъ-Герай, избавившись отъ опаснаго соперника, не успокоился. Сперва онъ сдѣлалъ грабительскій набѣгъ на Черкесію. Когда ему посчастливилось, онъ разохотился и вздумалъ произвести хищническое вторженіе въ Молдо-Валахію, упуствивъ изъ виду, что онъ этимъ совершаетъ покушеніе на цѣлость территоріи своего патрона, султана турецкаго, который и потребовалъ отъ него немедленнаго возврата всего, что было имъ пограблено и захвачено. Исламъ-Герай съ перепуга не зналъ, чѣмъ загладить свой проступокъ: чтобы умилостивить султана, онъ, какъ утверждаютъ всѣ историки, добровольно распорядился въ своихъ владѣніяхъ произносить на хутбѣ свое имя послѣ имени султана, чего прежде не было, и чѣмъ, разумѣется, унизилъ властное ханское достоинство. Потомъ ужь стало неудобно отмѣнять это нововведеніе, и „послѣдующіе ханы продолжали соблюдать этотъ похвальный обычай даже до сего дне", по выраженію крымскихъ историковъ [2]). Исламъ-Герай умеръ еще раньше своего противника Сеъадетъ-Герая, въ мѣсяцѣ джемазіъу-ль-эввелѣ 996=въ апрѣлѣ 1588 года и погребенъ въ большой мечети въ Ак-Керманѣ [3]).

обмолвился, говоря про Сеъадетъ-Герая: تغلبانه اولان زمان حكومتى ايكى سنه (Кр. Ист., 39 v.).

[1]) Семь планетъ, 106; Кр. Ист., 39 v.—40 r. [2]) Семь планетъ, 107; Кр. Ист., 40 r.; Гюльбуни-хананъ, 27. [3]) Семь планетъ, Loco cit.; Кр. Ист., Loco cit; Гюльбуни-хананъ, Loco cit; Ист. Гос. Рос., X: 62.

По смерти Исламъ-Герая ханомъ былъ сдѣланъ братъ его Гази-Герай II (1588—1608), по прозванію Бора, т. е. „Буря". Это былъ очень ловкій и опытный человѣкъ. Во время войны Порты съ Персіею онъ попался въ плѣнъ персамъ и цѣлыхъ семь лѣтъ просидѣлъ въ заключеніи въ крѣпости Кагкага; но потомъ бѣжалъ въ Эрзерумъ, а оттуда въ Турцію, и все время жилъ при султанѣ Мюрадѣ III, который такъ полюбилъ этого талантливаго человѣка, что далъ ему слово непремѣнно сдѣлать его ханомъ и упрочить власть за дѣтьми его [1]).

Личныя качества Гази-Герая въ союзѣ съ благорасположеніемъ къ нему султана помогли ему занять ханскій тронъ безъ всякихъ препятствій и протеста со стороны другихъ членовъ ханскаго дома, которые были старше его. Братъ его Алпъ-Герай и племянникъ Мубарекъ-Герай, по прозванію Шакай, какъ старшіе, по стариннымъ правиламъ, не могли оставаться тогда въ Крыму, а потому одинъ изъ нихъ удалился въ Стамбулъ и водворенъ былъ въ Адріанополѣ, а другой ушолъ въ страны черкесскія и тамъ проживалъ. Оба такъ и умерли внѣ Крыма [2]).

Значительная часть времени царствованія Гази-Герая также прошла въ войнахъ. Первымъ его опытомъ былъ походъ въ 1591 году подъ Москву, окончившійся весьма неудачно: войска его были разбиты и обращены въ бѣгство; самъ онъ, раненный въ руку, вернулся домой въ телегѣ ночью

[1]) Семь планетъ, 126; Кр. Ист., 48 v. [2]) Семь планетъ, 107; Кр. Ист., 40 r. & v. Гаммеръ-Пургшталль вмѣсто Шакай Мубарекъ-Герая называетъ тутъ Мухаммедъ-Герая, который будто бы съ оружіемъ въ рукахъ возсталъ противъ Гази-Герая, но потомъ вынужденъ былъ удалиться въ Черкесію (Gesch. d. Ch. d. Krim, 74); но онъ тутъ противорѣчитъ и съ Сейидъ-Мухаммедъ-Ризою, на котораго ссылается, и съ самимъ собою, ибо въ цитуемой имъ собственной исторіи Отоманской имперіи (G. d. Osm. R., IV: 169) совершенно правильно названъ Мубарекъ-Герай, хотя въ источникахъ и не говорится ни о какомъ его вооруженномъ бунтѣ.

бѣглецомъ [1]). Этотъ набѣгъ Гази-Герая весьма подробно описывается въ нашихъ русскихъ источникахъ, и поэтому нельзя его считать вымышленнымъ фактомъ; но у турецко-татарскихъ историковъ нѣтъ даже и упоминанія о немъ. Есть только одна краткая замѣтка о томъ, что Гази-Герай неоднократно просилъ у Порты разрѣшенія сдѣлать набѣгъ на польскія владѣнія и наконецъ получилъ это разрѣшеніе; но такъ какъ замѣтка относится къ 996 = 1588 году [2]), то слѣдовательно въ ней нельзя еще подразумѣвать факта, имѣвшаго мѣсто гораздо позже, въ 1591 году.

Зато довольно много имѣется свѣдѣній объ участіи Гази-Герая въ венгерской кампаніи, послѣдовавшей вскорѣ за упомянутымъ набѣгомъ хана на Москву. Особенно много подробностей сообщаетъ о дѣйствіяхъ Гази-Герая въ этой кампаніи Ибрагимъ-эфенди Печевили, ренегатъ изъ венгерцевъ, дефтердарь турецкой службы, также находившійся въ дѣйствующей арміи и лично знавшій замѣчательнаго хана, даже не разъ бесѣдовавшій съ нимъ и принимавшій его у себя въ качествѣ гостя. Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній очень характерны для опредѣленія личности хана и его отношеній къ Портѣ. Такъ между прочимъ Печевили подробно описываетъ прибытіе хана въ султанскую армію въ іюнѣ 1594 года и несоотвѣтственное его сану обращеніе съ нимъ турецкаго главнокомандующаго, вызвавшее ропотъ среди татарскихъ вельможъ, которые говорили: „Хотя онъ (паша) уполномоченный и верховный везирь великаго падишаха; но ханъ самъ есть господинъ монеты и хутбы... „Ханъ“ на нашемъ языкѣ значитъ „государь сынъ государя“, и съ нимъ равнять себя не подобаетъ“ [3]). Но умный ханъ мирился съ такимъ обхожденіемъ, довольствуясь тѣмъ, что и самъ не очень бла-

[1]) Ист. Гос. Рос.. X: 64—90. [2]) Тарихи-Селяники. Констант. изд. 1283—1864—1865 г., стр. 257. [3]). Тарихи-Печеви: II: 150. Ср. Кюнгу-ль-ахбаръ. II: 377 г.

говолилъ къ пашѣ, ибо имѣлъ надежную опору въ личныхъ связяхъ съ самимъ султаномъ. Но эти послѣднія, равно какъ и успѣшныя дѣйствія хана при осадѣ и взятіи крѣпости Раабъ, не нравились турецкому главнокомандующему и возбуждали его зависть къ хану. Поэтому, когда близость сдачи крѣпости была очевидна, то сердарь, не желая, чтобы ханъ былъ причастенъ побѣдѣ, за нѣсколько дней раньше отрядилъ его брать крѣпость Папа, въ полной увѣренности, что это ему не удастся, такъ какъ было очень трудно [1]. Но сердарь ошибся: крѣпость сдалась безъ боя, и это, конечно, только усилило непріязнь его къ хану, который однако же держалъ себя съ большою самоувѣренностью и даже хвастливостью. Такъ онъ не разъ говорилъ Печевили, что онъ привелъ съ собою 150,000 войска, а между тѣмъ, замѣчаетъ турецкій историкъ, „развѣ это можно было—сто пятьдесятъ тысячъ? Много что было тысячъ тридцать или сорокъ съ чѣмъ-нибудь“ [2]. Чувствуя вліятельность своего положенія, Гази-Герай простеръ-было свои притязанія дотого, что хлопоталъ о назначеніи одного изъ своихъ татарскихъ эмировъ молдавскимъ воеводою на мѣсто мятежнаго Михаила, для усмиренія котораго ханъ поспѣшно прибылъ съ войскомъ въ Молдавію [3]. Аали-эфенди говоритъ, что это ходатайство шло отъ самой молдавской райи, которая заявила хану о своей покорности и готовности схватить и выдать бунтовщиковъ Михаила съ Ризваномъ, и подала просьбу о томъ, чтобы впредь не назначали въ воеводы никого изъ князей, а изъ эмировъ бы татарскихъ [4]. Достаточно было того, что заявленіе молдавской райи доведено было ханомъ до свѣдѣнія турецкаго главнокомандующаго безъ всякихъ съ его стороны комментаріевъ или оговорокъ—слѣдовательно онъ молча раздѣлялъ это желаніе. Въ Портѣ же это желаніе, чтобы мир-лива молдавскій назначался со сторо-

---

[1]). Кюнгу-ль-ахбаръ, II: 381 г. [2]). Тарихи-Печеви, II:156—157. [3]). Тарихи-Печеви, II: 174; Тарихи-Наъима, I: 73. [4]) Кюнгу-ль-ахбаръ, II: 414 v.

ны хана, было признано несогласнымъ съ достоинствомъ Высокой Державы и игнорировано [1]).

Такъ какъ это событіе совпало со смертью султана Мюрада III, благоволившаго къ Гази-Гераю, то послѣднему приходилось теперь быть насторожѣ отъ козней, которыя строились противъ него въ Портѣ его недоброжелателями. Къ числу ихъ принадлежалъ и Цигале-задэ Синанъ-паша, который сдѣланъ былъ везиремъ за то, что первый прискакалъ къ султану Мухаммеду III (1595—1603) съ извѣстіемъ о взятіи крѣпости Эрлау и при этомъ имѣлъ наглость присовокупить: „Причиною этой побѣды былъ я, рабъ вашъ" [2]), хотя это была полнѣйшая ложь. Везирская власть въ рукахъ этого человѣка была, по единогласному отзыву историковъ, чистымъ бѣдствіемъ для всѣхъ—وزارتی جمیع عالمه بر بلا و مصیبت اولدی — [3]). Прежде чѣмъ выяснилось коварство Синанъ-паши, и онъ былъ снова отставленъ [4]), онъ уже успѣлъ навредить Гази-Герай-хану, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ. Приглашенный, по обычаю, участвовать въ возобновившейся нескончаемой венгерской войнѣ, Гази-Герай подъ разными предлогами уклонился отъ этого приглашенія, а послалъ вмѣсто себя со вспомогательнымъ отрядомъ брата своего и калгу Фетхъ-Герая, который будто бы проявилъ чудеса храбрости и дѣятельности при взятіи Эрлау [5]). Усмотрѣвши въ немъ, должно быть, достойнаго соперника Гази-Гераю, Синанъ-паша избралъ его орудіемъ интриги противъ хана и предложилъ ему занять ханскій престолъ. Фетхъ-Герай, съ безпримѣрнымъ въ семействѣ Гераевъ великодушіемъ, началъ-было отказываться отъ такой чести, говоря: „Его присутствіе ханъ благодѣтель мой и вмѣсто отца мнѣ"—خان حضرتلری بنم ولی نعمتم و پدرم یرینه بویکمدر—[6]). Проще думать, что Фетхъ-

---

[1]) Ibidem. [2]) Тарихи-Печеви, II: 204; Наъима I: 88. [3]) Печеви, II: 205. [4]) Наъима, I: 90—91. [5]) Наъима, I: 88. [6]) Кр. Ист., 40 v.

Герай опасался рѣшиться на такой рискованный шагъ, зная энергичный характеръ брата, съ которымъ пришлось бы вступить въ борьбу изъ-за власти. Опасенія его, какъ оказалось впослѣдствіи, были небезосновательны. Уступивъ непрестаннымъ и, вѣроятно, обнадеживающимъ настояніямъ Синанъ-паши, Фетхъ-Герай принялъ предложеніе, и Гази-Гераю послана была отставка. Получивъ такое неожиданное извѣстіе, Гази-Герай, разсчитывавшій на свои прежнія связи въ Портѣ, тотчасъ же изъ Балаклавы поплылъ-было въ Стамбулъ, но противнымъ вѣтромъ былъ занесенъ въ Синопъ. Пока онъ сидѣлъ въ Синопѣ, въ Крыму явился новый ханъ и сталъ установлять тамъ свои порядки. Но въ эту же пору успѣлъ пасть Синанъ-паша. За нимъ полетѣли, конечно, всѣ его сторонники, къ которымъ сопричисленъ былъ и Фетхъ-Герай. Возвратившійся къ верховно-везирской власти Ибрагимъ-паша, уже изъ одной оппозиціи и ненависти къ своему предшественнику Синанъ-пашѣ, тотчасъ же представилъ султану, что если Гази-Герай не станетъ опять ханомъ, то онъ непремѣнно подниметъ въ Крыму мятежъ. Тогда велѣно было написать двѣ подтвердительныхъ грамоты—مقررنامه—на имя обоихъ хановъ, которыя и были вручены оберъ-гоффуррьеру черкесу Хандаиъ-агѣ съ такимъ наставленіемъ, чтобы онъ всмотрѣлся хорошенько, къ кому больше питаетъ расположенія татарское войско—если къ Гази-Гераю, то отдать ему его подтвердительную грамоту, если же къ Фетхъ-Гераю, то отдать грамоту послѣднему, а Гази-Герая пригласить въ Порту. По волѣ судебъ, посланный на кораблѣ Хандаиъ-ага, пріятель Гази-Герая, благодаря противному вѣтру, вмѣсто Кафы также угодилъ въ Синопъ [1]) По старой дружбѣ и въ чаяніи

---

[1]) Турецкій историкъ Наъима, у котораго, повидимому, этотъ разсказъ и заимствованъ Сеидъ-Мухаммедъ-Ризою, говоритъ, что свиданіе Хандаиъ-аги съ Гази-Гераемъ имѣло мѣсто въ Кафѣ, откуда ханъ собирался отплыть въ Стамбулъ на кораблѣ (Тарихи-Наъима, I: 90). Почему Риза перенесъ все дѣйствіе въ Синопъ, у него не приводится основаній.

новыхъ благъ, Ханданъ-ага отдалъ Гази-Гераю подтвердительную на его имя грамоту да еще научилъ его разнымъ хитростямъ, какъ дѣйствовать. Гази-Герай, по возвращеніи въ Кафу, предъявилъ ферманъ и свои права на ханство. Фетхъ-Герай тоже показалъ султанскій хатти-шерифъ, на основаніи котораго онъ утвердился-было на тронѣ. Возникъ споръ. Татаре раздѣлились на двѣ партіи; началась свалка. Пришлось обратиться къ юридическому обсужденію вопроса. Судейскую должность исправлялъ тогда Абду-р-Рахманъ-эфенди. Онъ рѣшилъ, что такъ какъ хатти-шерифъ, составляющій документъ Фетхъ-Герая, явился позже, то его и надо считать дѣйствительнымъ. Но муфти, мевляна Азаки-эфенди, разсудилъ иначе: онъ сказалъ, что „со времени возникновенія Отоманской имперіи даже до сего времени всѣ должности въ богохранимыхъ владѣніяхъ занимаются по высочайшему ферману съ тугрою, а такъ какъ въ данномъ случаѣ нѣтъ фермана, подтверждающаго содержаніе хатти-шерифа, то на документъ Фетхъ-Герая не слѣдуетъ обращать вниманія [1]); неповиновеніе же Гази-Гераю было бы бунтомъ и революціею. Такова была фетва муфти, и судья, какъ юристъ низшаго ранга, поневолѣ долженъ былъ подчиниться этому рѣшенію. Ханское достоинство снова было признано за Гази-Гераемъ, и всѣ татаре оказали ему повиновеніе [2]).

---

[1]) У Наъимы сказано еще сильнѣе: «Поелику исламскія владѣнія управляются высочайшею волею, то сомнительно, чтобы находящаяся въ рукахъ Фетхъ-Герая росписка (تمسك) была хатти-шерифъ; она, можетъ быть, и фальшивая (شايد مصنع اوله): если было бы еще высочайшее повелѣніе, подтверждающее ея содержаніе, такъ она была бы дѣйствительна; а иначе одной только подписи (خط) не достаточно: главное вниманіе должно быть обращаемо на тугру» (I: 92). [2]) Семь планетъ, 109. Авторъ Кр. Исторіи и историкъ Наъима мотивируютъ рѣшеніе муфти Азаки-эфенди въ пользу Гази-Герая старинною дружбою между ними: الفت قديمەسى اولوب (Кр. Ист. 41 г.); الفتنه بناء (Наъима, I: 92).

Мы тутъ встрѣчаемся съ фактомъ рѣшенія участи верховнаго правителя приговоромъ какого-то простого судьи. Съ нашей точки зрѣнія это трудно-вообразимая вещь. Но чтобы это не казалось удивительнымъ, надо припять во вниманіе то высокое уваженіе мусульманъ къ своему шаріъату, въ силу котораго примѣненіе юридическихъ постановленій на практикѣ можно приравнять обрядамъ нашего церковнаго культа, когда особа совершающаго обряды человѣка совершенно исчезаетъ за важностью и святостью самыхъ обрядовъ дотого, что она является безразличною для пассивныхъ участниковъ этихъ обрядовъ. Съ другой стороны, положеніе кафскаго муфти, хотя лица и низшаго въ сравненіи съ ханомъ, до извѣстной степени было независимое отъ послѣдняго, ибо муфти былъ отвѣтственъ въ своихъ дѣйствіяхъ лишь передъ стамбульскою высшею администраціею, отъ которой зависѣло и его назначеніе; а потому онъ могъ относиться къ хану не какъ его подданный, а какъ самостоятельный блюститель правосудія, уполномоченный тою же верховною властью султана, которая давала свою санкцію и прерогативамъ ханскимъ.

Робость, которую Фетхъ-Герай показалъ въ принятіи ханской власти, почти навязанной ему Синанъ-пашою, была вполнѣ основательна: съ Бора Гази-Гераемъ шутить было нельзя. Восторжествовавъ надъ своимъ противникомъ самымъ повидимому легальнымъ способомъ, онъ не преминулъ однако же учинить расправу надъ этимъ соперникомъ, чтобы обезпечить себя на будущее время отъ повторенія съ нимъ подобныхъ исторій. Смѣлость его образа дѣйствій въ значительной степени, конечно, поддерживалась въ немъ нерѣшительностью поведенія султанской Порты, такъ очевидно обнаруженной ею въ миссіи черкеса-Хандань-аги. Гази-Герай жестоко поступилъ съ братомъ своимъ. Историки пишутъ, что „при отправленіи Фетхъ-Герая къ Высокому Порогу нѣкоторые недальновидные дураки настояли, чтобы онъ

пошолъ къ хану проститься съ нимъ; присягнулъ бы ему и принесъ извиненіе. Онъ такъ и сдѣлалъ: въ мѣстечкѣ Накшъ-Эльванъ близь Кафы онъ явился къ хану и, по обычаю, снявъ съ своей злополучной головы калпакъ, сталъ тереть свое лицо о ханскую полу. Въ это время отряженные къ его умерщвленію убійцы изъ мансурскихъ эмировъ стали бить его безъ милосердія дубиною и „сдѣлали одежду жизни его отъ рубиноцвѣтной крови одного цвѣта съ рубашкою угнетеннаго Сіавеша“ [1]).

Но кровопролитіе не ограничилось тогда однимъ человѣкомъ. Калга Бахтъ-Герай, бывшій свидѣтелемъ этой ужасной сцены, не вошолъ въ ханскую ставку, а сѣлъ скорѣе на лошадь и хотѣлъ ускакать; но ханская челядь задержала коня его подъ уздцы и положила его самого тутъ же на мѣстѣ. Мало того: девятеро малолѣтнихъ дѣтей Фетхъ-Герая также преданы были избіенію [2]), „во исполненіе чингизскаго обычая“—عادت جنكيزى ايدوب—, присовокупляютъ въ видѣ комментарія къ этой кровавой драмѣ историки [3]). Но, описывая прекрасныя качества убитаго Фетхъ-Герая—что онъ былъ красавецъ лицомъ, милой наружности, молодецъ и богатырь, пригожій для царствованія, тѣ же историки не безъ очевиднаго сожалѣнія о немъ замѣчаютъ, что „онъ погибъ, благодаря неумѣстному старанію Синанъ-паши“ [4]), и что „если, говоря по справедливости, безпричинная отставка Гази-Герая была ошибкою Синанъ-паши, то распоряженіе Ибрагимъ-паши (о низверженіи Фетхъ-Герая) бы-

---

[1]) Семь планетъ, 109; Кр. Ист., л. 41 г. Наъима говоритъ, что «Фетхъ-Герая вытащили изъ присутствія ханскаго нѣсколько татарскихъ мурзъ изъ свиты хана, собравшихся возлѣ дверей. Одинъ изъ нихъ ударилъ несчастнаго дубиною по головѣ, а прочіе саблями искрошили его на мелкія части» (I: 93). [2]) Семь планетъ, 109; Кр. Ист., 41 г. [3]) Кр. Ист., Loco citato; Наъима, I: 93. [4]) Ibidem.

ло еще болѣе гадкимъ проступкомъ" [1]). Въ такомъ же духѣ изображается исторія сверженія и возстановленія Гази-Герая, хотя и безъ вышеприведенныхъ подробностей, у Хаджи-Кальфы, который съ подобнымъ же сочувствіемъ говоритъ о злополучной участи Фетхъ-Герая [2]).

Эта симпатія къ невольному узурпатору и жертвѣ гнусной интриги турецкихъ пашей главнымъ образомъ вызвана къ нему, конечно, его трагическою смертью и жестокостью Гази-Герая, который не даромъ же прозванъ „Бурею". Разразившись надъ головою родичей своихъ, которые теперь всѣ казались ему опасными соперниками, онъ продолжалъ кровопролитіе, намѣреваясь истребить ихъ всѣхъ по возможности: такъ онъ вскорѣ отправилъ на тотъ свѣтъ нур-эддина Девлетъ-Герая, сына Сеъадетъ-Герая. Прочіе же, вѣроятно, подверглись бы той же участи, если бы не спаслись бѣгствомъ: одинъ изъ братьевъ убитаго Девлетъ-Герая, Шагинъ-Герай убѣжалъ въ Черкесію, а другой, Мухаммедъ-Герай, въ Анатолію, куда въ скоромъ времени ушолъ также и калга Селяметъ-Герай и присталъ тамъ къ поднявшему знамя бунта Дели-Хасанъ-пашѣ [3]).

Султанъ Мухаммедъ, несмотря на то что самъ поступалъ еще безчеловѣчнѣе Гази-Герая, велѣвъ умертвить при своемъ восшествіи на престолъ цѣлыхъ девятнадцать человѣкъ дѣтей своего предшественника Мюрада III [4]), все же вознегодовалъ на образъ дѣйствій хана и обрушился на верховнаго везиря Ибрагимъ-пашу, по настоянію котораго Гази-Герай былъ возстановленъ въ ханскихъ правахъ своихъ, и отрѣшилъ его. Султанъ позвалъ къ себѣ тогдашняго муфти Бустанъ-задэ и говоритъ ему: „Я хочу смѣнить везиря; кого бы на-

[1]) حق بودركه سنان پاشانك بلا موجب غازى كرايى عزلى اكرچه خطا ايسه‌ده ابراهيم پاشانك بو تدبيرى خطاى افحش اولمش (Кр. Ист., Loco cit. [2]) Фезлике. Конст. изд. 1286=1869 г., I: 96. [3]) Кр. Ист., 41 г. [4]) Солакъ-задэ, 621; Тарихи Печеви, II: 164.

значить?"—Муфти спрашиваетъ: „А развѣ везиря слѣдуетъ смѣнить? развѣ за нимъ есть какой проступокъ?"—Султанъ отвѣтилъ на это: „Его преступленіямъ конца нѣтъ: такъ, напримѣръ, *утвердивъ Гази-Герай-хана, онъ сдѣлался причиною погибели такого существа, какъ Фетхъ-Герай*" [1]).

Недовольство султана на Гази-Герая главнымъ образомъ происходило оттого, должно быть, что ему въ концѣ 1005 = въ половинѣ 1597 года было послано письмо съ приглашеніемъ въ походъ [2]), а онъ медлилъ прибытіемъ [3]). Раздосадованный неуспѣшностью военныхъ дѣйствій, султанъ мѣнялъ верховныхъ везирей одного за другимъ, потому что одинъ оказывался негоднѣе и безсовѣстнѣе другого. Только сердарь Сатырджи-паша держался еще до поры до времени, пользуясь нѣкоторымъ довѣріемъ султана. А Гази-Герай былъ въ большой пріязни съ Сатырджи-пашою, судя по тѣмъ дружескимъ бесѣдамъ ихъ, которыя, по описанію Печевили [4]), происходили у нихъ, когда ханъ, послѣ долгихъ его ожиданій, прибылъ наконецъ въ дѣйствующую армію [5]). Не можетъ быть, чтобы хану не было извѣстно нерасположеніе къ нему новаго султана, и если онъ не обращалъ на него особеннаго вниманія, то, слѣдовательно, чувствовалъ за собою извѣстную силу, питавшую въ немъ духъ горделивости. Эта сила заключалась, главнымъ образомъ, въ плохомъ состояніи дѣлъ въ самой Отоманской имперіи, въ ея военныхъ неудачахъ, дѣлавшихъ необходимою помощь крымскихъ татаръ, и, наконецъ можно думать, въ его связяхъ, которыя онъ имѣлъ тогда въ Портѣ съ нѣкоторыми турецкими сановниками. Строптиво-самоувѣренное поведеніе хана однако не только не повредило ему въ отношеніи къ нему Порты, но даже какъ будто еще придало ему больше вѣса и значенія въ глазахъ ея. Такъ, когда ему указано было остаться зимовать съ своими

---

[1]) Фезлике, 102; Печеви, II: 210. [2]) Наъима, I: 93. [3]) Печеви, II: 209. [4]) Ibidem, 222. [5]) Ibidem, 214; Наъима, I: 102.

войсками на театрѣ войны, то Сатырджи-паша, въ воздаяніе за это лишеніе, отдалъ ему Силистру на правахъ арпалыка, т. е. губернаторства, съ пользованіемъ мѣстными доходами [1]). Когда ханъ послалъ Абду-ль-Азизъ-агу въ Филиппополь къ верховному везирю за утвердительною грамотою — مقرر نامه — на силистрійскій арпалыкъ, на основаніи документа, выданнаго ему Сатырджи-пашою, то, хотя отставка послѣдняго была уже дѣломъ рѣшеннымъ, Ибрагимъ-паша не рискнулъ отмѣнить его распоряженіе насчотъ арпалыка, хотя и считалъ это неудобнымъ и даже какъ будто опаснымъ съ правительственной точки зрѣнія. Дѣло происходило въ Филиппополѣ, и Ибрагимъ-паша написалъ оттуда въ Порту конфиденціальное письмо, въ которомъ объяснялъ, что онъ считаетъ необходимымъ утвердить силистрійскій арпалыкъ за ханомъ, ибо иначе онъ, пожалуй, не останется зимовать и удалится вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Сатырджи-пашою. Ибрагимъ-паша выражалъ однако же надежду, что онъ воспользуется первымъ благопріятнымъ случаемъ исправить эту ошибку турецкаго правительства [2]). Мало того: когда послѣдовалъ султанскій приказъ казнить Сатырджи-пашу, то приказъ этотъ былъ врасплохъ и тайкомъ приведенъ въ исполненіе [3]): въ Портѣ опасались того, какое впечатлѣніе произведетъ казнь паши на его пріятеля, Гази-Герая. И въ самомъ дѣлѣ: когда ханъ узналъ о ней, то тотчасъ же хотѣлъ удалиться въ Крымъ, и только мурзы удержали его отъ этого рѣшенія [4]). Тогда въ Заморъ, гдѣ ханъ зимовалъ, были отправлены нарочитые чиновники турецкіе, чтобы успокоить его; а потомъ чрезъ нѣсколько времени и самъ верховный везирь Ибрагимъ-паша посѣтилъ его, когда ханъ съ своими войсками двинулся къ Пешту [5]). Но ханъ не цѣнилъ та-

[1]) Наъима, I: 113. [2]) Ibidem. [3]) Печеви II: 224; Наъима, I: 114. [4]) Наъима, Loco citato. [5]) Наъима. I: 116.

кой предупредительности и вниманія къ нему. Онъ, по словамъ Печевили, не питалъ расположенія и симпатіи къ Ибрагимъ-пашѣ, хотя тотъ оказывалъ ему съ своей стороны всякое уваженіе. Онъ ни одного раза, говоритъ Печевили, не заходилъ въ палатку Ибрагимъ-паши: встрѣчи ихъ происходили большею частью верхомъ на конѣ, и хотя при встрѣчѣ у Пешта верховный везирь исполнилъ всѣ церемоніи для оказанія величайшаго почота хану, послѣдній однако же ни во что ставилъ это вниманіе [1]). Поэтому онъ не захотѣлъ оставаться въ походѣ еще на зиму, сколько верховный везирь ни настаивалъ на этомъ, и вернулся домой въ Крымъ [2]). Съ другой стороны, его побуждало къ возвращенію домой нежеланіе вновь подвергать свои войска бѣдствіямъ безкормицы, какія они терпѣли въ минувшую зиму [3]). И потому на посланное ему опять приглашеніе въ походъ онъ отвѣчалъ отказомъ, написаннымъ еще стихами, отдѣлавшись посылкою татарскаго отряда подъ начальствомъ одного изъ султановъ [4]). Это однако же не умалило его авторитета, ибо когда начались мирные переговоры съ Венгріею, то ханъ принималъ въ нихъ вмѣстѣ съ Портою самое дѣятельное участіе чрезъ посредство нарочитыхъ уполномоченныхъ [5]).

Такое неопредѣленное—не то дружелюбное, не то враждебное—отношеніе Гази-Герая къ Портѣ длилось до самаго конца его жизни. Ни съ одной стороны не могло тогда быть сдѣлано никакого рѣшительнаго шага для выясненія этихъ отношеній, ибо у каждой были свои заботы. Порта была озабочена крупнымъ мятежомъ, проиходившимъ въ малоазіятскихъ провинціяхъ. Бунтовалъ Кара-Языджи, который сперва былъ каиммакамомъ, но, озлобленный беззаконными распоряженіями центральнаго правительства, поднялъ открытый бунтъ, и съ такимъ успѣхомъ, что посланный усми-

---

[1]) Печеви, II: 228. [2]) Ibidem, 227; Наъима, I: 117. [3]) Печеви, II: 216 и 227. [4]) Наъима, I: 122. [5]) Hammer, Gesch. d. Osm. R., IV: 313.

рять его Синанъ-паша-задэ, ничего не могъ подѣлать и вошолъ въ компромиссъ съ бунтовщикомъ, давши ему санджакъ (губернаторство) въ управленіе подъ условіемъ прекращенія бунта. На Синанъ-паша-задэ сдѣланъ былъ доносъ султану, что онъ самъ поступаетъ хуже всякаго мятежника—беретъ взятки, обворовывая казну и притѣсняя жителей. Его смѣнили. Другіе паши возобновили преслѣдованіе Кара-Языджи, который, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ сраженій, однако же бѣжалъ въ горы и тамъ умеръ [1]). Его дѣло продолжалъ братъ его Дели-Хасанъ, собравши около себя болѣе тридцати тысячь человѣкъ мятежниковъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ подавить волненія этой банды силою, верховный везирь Еминчи Хасанъ-паша изъ Порты сталъ склонять бунтовщиковъ къ смиренію тысячами разныхъ обѣщаній и посуловъ: самому Дели-Хасану обѣщано было дать боснійское бейлеръ-бейство, шести его предводителямъ мятежниковъ по санджаку, тремъ-четыремъ стамъ бродягамъ по ротѣ [2]). Они предложеніемъ-то верховнаго везиря воспользовались; но безобразничать все-таки не перестали, начавши теперь чинить грабежи и насилія уже въ Румиліи. Самъ Дели-Хасанъ во время венгерскаго похода одинъ день повиновался сердарю, а пять дней поступалъ противъ него. Чѣмъ больше ему оказывалось вниманія, тѣмъ больше онъ своевольничалъ. Попросить ли онъ, напримѣръ, роту для какого нибудь мятежника, да его просьбы не уважать, такъ онъ на весь міръ подыметъ крикъ. Однажды изломалъ въ куски и побросалъ въ огонь всѣ свои знамена. Сколько разъ онъ то соберетъ, то опять раскинетъ свою палатку. Никто не смѣлъ ему противорѣчить. Онъ потомъ получилъ губернаторство темешварское и даже входилъ въ секретную сдѣлку съ папою и королемъ испанскимъ, предлагая отдать въ ихъ руки сперва замокъ Рисну (ریسنه) близъ Новы (نوه), а послѣ всѣ находя-

[1]) Печеви. II: 252—254. [2]) Ibidem, 270.

щіеся по берегамъ Бѣлаго (т е. Средиземнаго) моря замки и даже всѣ румилійскія владѣнія, если они ему заплатятъ извѣстную сумму денегъ. За одну Рисну онъ просилъ 100,000 золотыхъ. Ужь только каиммакаму Терьяки Хасанъ-пашѣ какъ-то удалось уходить ужаснаго бунтовщика, неукротимость котораго Печевили характеризовалъ приведеннымъ у него изреченіемъ: جهود ايمانه كلمز مرد ملحد توبه‌كار اولماز = „Жидъ не обратится въ истинную вѣру; еретикъ не раскается“ [1]).

Но и Гази-Герай въ описанную пору внутреннихъ неурядицъ въ Турціи не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ ихъ и быть въ полной увѣренности за непоколебимость своего трона и твердость занятаго имъ положенія. Отличный музыкантъ и стихотворецъ, онъ, повидимому, благодушествовалъ, воспѣвая даже въ походное время на досугѣ кофе и вино [2]), но въ душѣ побаивался какой-нибудь непріятной неожиданности, въ виду того, что творилось тогда на его глазахъ въ Отоманской имперіи. Братъ его Селяметъ-Герай и племянники Мухаммедъ-Герай и Шагинъ-Герай, устрашившись участи вотще погибшаго Фетхъ Герая съ семьею и удалившись искать приключеній и счастія въ Малую Азію, поступили тамъ въ ряды вышеупомянутыхъ лихихъ мятежниковъ Кара-Языджи и брата его Дели-Хасана. При обездоленномъ ихъ положеніи это для нихъ была хорошая школа, и Гази-Герай не безъ тревоги слѣдилъ за ихъ дѣйствіями.

Повидимому должно казаться страннымъ, какъ Гази-Герай могъ безпокоиться насчетъ соперничества такихъ родичей, которые на нашъ взглядъ должны были навсегда потерять въ глазахъ султана и Порты свою репутацію и безвозвратно погубить свою царственную карьеру. Но Гази-Герай былъ опытный человѣкъ, видавшій виды на своемъ вѣку: онъ понималъ истинное положеніе дѣлъ въ Турціи не хуже насъ, смотрящихъ на это прошлое издали, и совершенно вѣрно. Если Порта не

[1]) Ibidem, 276—280. [2]) Ibidem, 251.

въ состояніи была совладать съ своими подданными, съ своими рабами-чиновниками, и входила иногда въ сдѣлки съ тѣми изъ нихъ, которые были понаглѣе и упорнѣе, то какая ей была корысть относиться слишкомъ взыскательно къ людямъ все-таки постороннимъ и до извѣстной степени отъ нея независимымъ? Гдѣ господствовалъ одинъ грубый произволъ, тамъ не было мѣста какимъ-нибудь тонкимъ государственнымъ и моральнымъ соображеніямъ. И вотъ мы читаемъ у турецкихъ историковъ, что „когда мятежники умиротворились, то приставшіе къ нимъ ханычи Селяметъ-Герай, Мухаммедъ-Герай и Шагинъ-Герай обратились къ царей-царскому престолу, и въ концѣ мѣсяца зиль-хыдджэ 1011 = въ іюнѣ 1603 года имъ были прощены ихъ прегрѣшенія“ [1]).

Вотъ почему Гази-Герай былъ и правъ, что, отказавшись отъ участія въ походѣ, потомъ счолъ болѣе благоразумнымъ все-таки отправиться, хотя оно вышло довольно курьозно: ханъ проявился съ своими полчищами въ тотъ моментъ, когда великій везирь уже на обратномъ пути переправлялся черезъ варадинскій мостъ. Несмотря на такое несвоевременное прибытіе хана, Емишчи Хасанъ-паша встрѣтилъ его съ подобающею честью и отнесся къ нему очень любезно. Пройдя въ Бѣлградъ, они тамъ вмѣстѣ провели нѣкоторое время очень дружно: цѣлыя ночи просиживали вмѣстѣ и бесѣдовали то въ квартирѣ сердаря, то въ домѣ дефтердаря Этмекджи-задэ. На зиму войску татарскому было указано идти въ Зигетъ, Кубанъ, Могачъ, Шомонторъ и другія мѣста; а ханъ поселился въ Печеви. И тогда-то, говоритъ историкъ Ибрагимъ Печевили, описавшій пребываніе тамъ хана, „я большую часть дней находился въ его благородномъ обществѣ; а повременамъ мы ѣздили также на охоту и ходили прогуливаться; иногда же проводили время въ писаніи и въ нѣкоторыхъ дру-

[1]) Фезликэ, I: 193—194. Гаммеръ ошибочно всѣхъ троихъ считаетъ братьями Гази-Герая (G. d. O. R., IV: 337 и G. d. Ch. d. Krim, 92).

гихъ похвальныхъ занятіяхъ. Онъ заставилъ меня выучиться писать почеркомъ таълигкъ, преподавъ мнѣ правила, какъ дѣйствовать перомъ въ этотъ почеркѣ". Тогда же между прочимъ ханъ написалъ сочиненіе въ стихахъ въ подражаніе Фузули, подъ заглавіемъ „Кофе и вино"—قهوه و باده. Но все-таки онъ не былъ спокоенъ насчотъ брата своего Селяметъ-Герая и часто вспоминалъ о немъ въ бесѣдахъ, такъ что однажды Ахмедъ, ага его, который по татарской терминологіи носилъ титулъ *капы-агасы* и занималъ мѣсто верховнаго везиря, говорилъ ему: „Вотъ то-то государь, зачѣмъ ты не предоставилъ меня самому себѣ? Какъ бы я при тебѣ же зарѣзалъ его, какъ рѣжутъ жолтаго быка, такъ ты бы теперь былъ избавленъ отъ этихъ думъ и опасеній" [1]).

Но когда въ ту же пору садр-азамъ Хасанъ-паша самъ собрался ѣхать въ Порту, то сердаремъ оставилъ вмѣсто себя будинскаго коменданта Ляля Мухаммедъ-пашу; а хану сдѣлалъ коварный намекъ, чтобы онъ не ходилъ въ его лагерь: онъ опасался, какъ бы Ляля Мухаммедъ-паша не одержалъ какихъ-нибудъ побѣдъ въ его отсутствіе. Этотъ, ничего не подозрѣвая, шлетъ къ хану приглашеніе съ его пріятелемъ историкомъ Ибрагимомъ-эфенди Печевили. Ханъ же, говоря: „Скоро придемъ", скрылъ наказъ садр-азама. Когда же онъ спросилъ объ обстоятельствахъ также явившагося въ ту пору изъ Анатоліи въ армію Кара-Каша (одного изъ бунтовщиковъ), то Ибрагимъ-эфенди разсказалъ ему про него нѣкоторыя вещи, выходящія изъ предѣловъ благоприличія, и ханъ выказалъ намѣреніе не слѣдовать приглашенію, сказавъ: „Быть въ одномъ мѣстѣ съ такимъ нахаломъ и безстыдникомъ не совмѣстно съ нашимъ достоинствомъ". Когда Ибрагимъ-эфенди вернулся и передалъ отвѣтъ хана сердарю, то дефтердарь Этмекджи-задэ Ахмедъ-эфенди говоритъ: „Ханъ, должно быть, обидѣлся на то, что не пришолъ за нимъ кто-нибудь по-

[1]) Тарихи-Печеви, II: 250—252.

чотный человѣкъ изъ вельможъ Высокой Порты". Тогда опять посылаютъ уже Ахмеда-эфенди и Ибрагима-эфенди. По прибытіи Ахмедъ-эфенди имѣлъ уединенную бесѣду съ ханомъ. Сказавъ, что „послѣ того какъ упомянутый мятежникъ перейдетъ рѣку Вараду, мы отправимся вмѣстѣ съ дефтердаремъ", ханъ опять скрылъ свое нежеланіе послѣдовать приглашенію Ибрагима-эфенди тоже вернули ни съ чѣмъ. Такъ какъ Этмекджи-задэ-эфенди былъ съ Емишчи-пашою въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, то и рѣчи ихъ были одинаковы. Онъ и сказалъ, что верховный везирь поручилъ ему передать вотъ что: „Если бы его присутствіе ханъ поѣхалъ въ Крымъ, то ему никто бы не воспрепятствовалъ, да и отъ падишаха не будетъ выговора, ибо если онъ окажетъ помощь сердарю и пуститъ по вѣтру гяурскія владѣнія, то очень возможно, что сердарь, благодаря побѣдамъ, достигнетъ своихъ стремленій". Ханъ тотчасъ же со всѣмъ татарскимъ войскомъ поворотилъ въ Крымъ. По смыслу изреченія: „Кто насадилъ терніе, тотъ не соберетъ винограда", плодъ древа гнусныхъ козней Емишчи, предложенный хану, оказался горькимъ финикомъ, а хлѣбъ, поднесенный ему отъ Этмекджи-задэ,—чистою отравою, убійственнымъ ядомъ. Такъ заключаютъ крымскіе историки свое повѣствованіе о вышеприведенной интригѣ, каламбуря при этомъ именами Емишчи—يمشجى=„фруктовщикъ", и Этмекджи—اتمكجى=„хлѣбникъ", потому что будто бы ханъ наконецъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, опасаясь неминуемаго гнѣва и мщенія султанскаго, поспѣшилъ выстроить въ предѣлахъ черкесскихъ укрѣпленный замокъ, наименованный Гази-Керманомъ, съ цѣлью заранѣе запастись убѣжищемъ, куда бы онъ могъ укрыться въ случаѣ преслѣдованія его султаномъ за самовольную отлучку изъ венгерскаго похода въ Крымъ, такъ что будто бы и умеръ-то онъ дорогою въ новопостроенное укрѣпленіе въ Темрюкѣ [1]).

---

[1]) Семь планетъ, 111; Кр. Ист., 41 v.—42 r. Въ краткой исторіи

Но элегическая окраска придана концу Гази-Герая крымскими историками преувеличенно, ибо не оправдывается другими историческими памятниками. Постройка крѣпости Гази-Кермана состоялась гораздо раньше, а именно въ 1595—1596 году, самовольное же возвращеніе хана изъ венгерскаго похода имѣло мѣсто въ 1602 году, а смерть его послѣдовала еще позже, въ 1607 году [1]. Съ другой стороны, если бы, въ самомъ дѣлѣ, въ отъѣздѣ хана съ театра войны было что-либо роковое для его послѣдующей участи, то едва ли бы это было пропущено безъ вниманія Ибрагимомъ-эфенди Печевили, который много сообщаетъ о немъ подробностей второстепенной важности, но ни однимъ словомъ не заикается о томъ, что находимъ у крымскихъ историковъ. Вотъ онъ что говоритъ, между прочимъ, въ заключеніе своей очень пространной статьи „О возвращеніи татарскаго хана изъ похода“ подъ 1011=1602 годомъ. „Въ существѣ дѣла“, читаемъ у него, „отправленіе хана въ этотъ походъ и возвращеніе его были крайне бестолковы: пришолъ послѣ кампаніи, ушолъ въ началѣ ея; во время зимовки разорилъ жителей—райю шести санджаковъ, и всего-на-все одинъ разъ ходилъ въ набѣгъ; большого дѣла, по крайней мѣрѣ, не сдѣлалъ. Помимо тѣхъ милостей государевыхъ, которыми пользовался въ Высокомъ

Крымскихъ хановъ, переведенной Казимирскимъ, вмѣсто Темрюка стоитъ какой-то *Temboug* (Nouveau Jour. As., XII: 432). Г. Говордзъ повторилъ эту ошибку въ своей исторіи (Op. cit., II: 537).

[1]) Турецкій историкъ Хаджи-Кальфа приводитъ стихотворную хронограмму, сочиненную современникомъ событій Зигни на случай окончанія постройки Гази-Кермана. Изъ калькуляціи буквъ въ заключительныхъ словахъ хронограммы—حصن شاهی برج حامی دین مبین—(Фезлике, I: 96) получается 1005=1596—1597 годъ. Трудно допустить, чтобы Хаджи-Кальфа самъ сочинилъ приведенную у него хронограмму: какой могъ быть интересъ ему въ этомъ? Едва ли также могъ ошибиться и Зигни-эфенди, ибо онъ, по словамъ самого Мухаммедъ-Ризы, состоялъ въ должности кятиба ханскаго Дивана—کاتب دیوان خانی—при Гази-Гераѣ (Семь планетъ 111—112) и слѣдовательно болѣе чѣмъ кто-либо долженъ былъ вточности знать объ обстоятельствахъ и времени постройки Гази-Кермана.

Порогѣ, одинъ разъ ему покойный (паша) послалъ со мною сорокъ тысячь, а въ другой разъ тридцать тысячь грошей, такъ насилу заставилъ я его взять ихъ: „Слава Богу", говоритъ, „я въ этомъ не нуждаюсь: дать татарамъ по одному грошу мнѣ не позволяетъ честь моя, а если бы я захотѣлъ дать по два, такъ этого не хватитъ. Отнеси-ка обратно", настаивалъ онъ Я ужь и руки и ноги ему цѣловалъ. Наконецъ, поклявшись душами предковъ своихъ, онъ говоритъ: „Только ради тебя—ты столько разъ бывалъ у насъ и пріобрѣлъ нѣкоторое къ намъ отношеніе—такъ и быть возьмемъ". Ночью я отдалъ деньги казначею Абду-ль-Азизу-челеби: опасались, чтобы татаре не увидѣли, да не набросились на него и не стали бы требовать, говоря: „Пришла царская милость". Кромѣ подобнаго грубаго поведенія (хана), еще дня не проходило, чтобы онъ не просилъ новаго беглеръ-бейства и санджака на долю кого-нибудь одного-двухъ человѣкъ (чужихъ), или своихъ же татаръ Дадутъ—ладно, не дадутъ—не станетъ безпокоиться и досадовать. Словомъ, сколько разъ ни ходилъ онъ въ венгерскіе походы, не оказалъ ни одной достойной упоминанія услуги" [1]).

Такое поведеніе Гази-Герая, какъ оно изображено въ повѣствованіи о немъ Печевили, не похоже на страхъ передъ гнѣвомъ султана: онъ зналъ, очевидно, что̀ дѣлалъ. Постройка же имъ укрѣпленнаго замка въ областяхъ черкесскихъ и поѣздка его могли быть предприняты изъ другихъ, общихъ правительственныхъ соображеній, напримѣръ съ цѣлью удержанія въ повиновеніи безпокойнаго черкесскаго населенія.

Смерть этого энергичнаго хана, прозваннаго Бурею, совершилась при самыхъ негромкихъ обстоятельствахъ: чума, не разъ свирѣпствовавшая въ Крыму, свалила хана заурядъ съ прочими своими жертвами. Несмотря на заразительность чумнаго трупа, ханъ съ подобающею честью былъ привезенъ

[1]) Тарихи-Печеви, II: 267—270.

въ Бакчэ-Сарай и погребенъ въ отцовской усыпальницѣ. Время смерти его у разныхъ историковъ означено различно: Хаджи-Кальфа и Наъима относятъ ее на шестнадцатое число зу-ль-каъдэ 1016 = 4 марта 1608 года [1]; а по свидѣтельству крымскихъ историковъ, съ которыми соглашается и Джевдетъ, Гази-Герай умеръ въ мѣсяцѣ шаъбанѣ 1016 = въ ноябрѣ-декабрѣ 1607 года [2]. Неизвѣстный намъ историкъ Абду-л-Ла-бенъ-Ризванъ-паша говоритъ, что Гази-Герай „возвратилъ въ небесную сокровищницу свою душу, которая драгоцѣннѣе бриллiанта, въ 1017 году“ [3].

Личность Гази-Герая тѣмъ замѣчательна въ исторiи Крымскаго ханства, что онъ, надѣясь на свой собственный авторитетъ и энергiю, сдѣлалъ-было послѣднюю попытку обставить положенiе хана условiями, наиболѣе гарантирующими его властительскую независимость. Онъ еще разъ повторилъ опытъ своего дѣда Менглы-Герая I замѣнить принципъ родового старшинства въ преемственности ханской власти упроченiемъ послѣдней за прямымъ нисходящимъ поколѣнiемъ отъ отца къ сыну. Въ этихъ видахъ онъ еще заблаговременно заручился, какъ мы видѣли, согласiемъ и даже обѣщанiемъ содѣйствiя со стороны султана Мюрада III, который питалъ къ нему необыкновенное расположенiе. Первымъ шагомъ Гази-Герая въ этомъ направленiи было то, что

[1]) Феалика, I: 300: Наъима, I: 250. [2]) Семь планетъ, 111; Кр. Ист., 42 г.; Гюльбуни-ханапъ, 31; Тарихи-Джевдетъ, I: 80. [3]) Langlès, Op. cit., 412, (1).—Гаммеръ совершенно справедливо склоненъ слѣдовать крымскимъ историкамъ; но только дѣлаетъ при этомъ не совсѣмъ справедливый упрекъ Джевдету, что будто «Dschewdet's Geschichte, I, 5. 80, ist in vollem Irrthum, wenn sie demselben (т. е. Гази-Гераю) nur sechzehn Jahre der Regierung gibt, indem Gasigerai vom April 1588 bis im November 1607 herrschte, den Monat des Aufruhrs seines Bruders Fethgerai abgerechnet (Gesch. d. Chane der Krim, стр. 93, пр 1). Между тѣмъ у Джевдета нѣтъ ничего подобнаго: у него просто сказано только, что Гази-Герай «на набранныя имъ въ добычу деньги построилъ крѣпость Гази-Керманъ и такимъ образомъ увѣковѣчилъ свое имя; а потомъ умеръ зачумленный въ шаъбанѣ 1016 года и погребенъ въ Бакчэ-Сараѣ» (Loco citato)—больше ничего.

онъ послѣ кровавой расправы съ братомъ своимъ Фетхъ-Гераемъ и истребленія семьи его, сдѣлалъ калгою, вмѣсто другого своего брата Селяметъ-Герая, сына своего Токтамыша, а нур-эд-диномъ другого сына Сеферъ-Герая [1]).

Другою его мѣрою, клонившеюся къ той же цѣли, было усиленіе центральной власти учрежденіемъ новой должности, очень похожей на должность верховнаго везиря Отоманской Порты, а именно сановной должности, исполнитель которой титуловался на тогдашнемъ татарскомъ языкѣ *башъ-ага* и *капы агасы*: وكيل و وزير معناسنه باش اغا وقپو اغاسى ديدكارى منصبن تعيين ايلدى — „Онъ (Гази-Герай) установилъ должность подъ названіемъ *башъ-ага* и *капы-агасы*, въ смыслѣ повѣреннаго и везиря“, пишутъ крымскіе историки [2]). То же подтверждаетъ и современный Гази-Гераю турецкій бытописатель Печевили. Въ своихъ воспоминаніяхъ о зимовкѣ хана въ Печеви, историкъ даетъ любопытный перечень высшихъ должностныхъ лицъ при ханѣ, въ числѣ ихъ также есть и капы-агасы. „Я присутствовалъ въ ханскомъ Диванѣ“, говоритъ онъ. „Пригласили также изъ города всѣхъ находившихся тамъ мурзъ, да агъ изъ черкесовъ, считающихся слугами хана, да *называемаго у нихъ капы-агасы, занимавшаго мѣсто главнаго везиря*, Ахмедъ-агу, да еще одного везиря и хазинедаря Абду-ль-Азиза-челеби, да казы-аскера, да нишани-агу. Они стояли на ногахъ супротивъ его (хана)“ [3]). Другое упоминаніе о должности *капы-агасы*, съ опредѣленіемъ ея значенія въ крымско-татарской табели о рангахъ, приведено было выше [4]). Историкъ Халимъ-Герай замѣчаетъ, что должность эта сперва титуловалась терминомъ باش آغاليق — „главнаго аги“, а потомъ современемъ занимавшіе ее стали называться خان اغاسى — „ханскій ага“ [5]). Болѣе полное опредѣленіе правъ и обязанностей ханскаго аги имѣется въ мо-

[1]) Кр. Ист., 41 r. & v. [2]) Семь планетъ, 110; Кр. Ист., 41 r. [3]) Тарихи-Печеви, II: 244. [4]) См. стр. 459. [5]) Гюльбуни-хананъ, 29.

емъ „Сборникѣ“, гдѣ есть особая статья такого содержанія. „*Ханскій ага.* Это былъ въ родѣ янычарскаго аги или счотнаго аги въ Высокой Портѣ. Его обязанностью было назначать таксу (на произведенія) разныхъ цеховъ, и если бы кто осмѣлился нарушить ее хоть на одинъ диргемъ, то не прощать и не оставлять того безъ вниманія, а подвергать (виновныхъ) подобающему наказанію ради уваженія къ правилу и закону справедливости. Современемъ, вслѣдствіе того что они (ханскіе аги) стали склонны къ пышности, оставленіе (ими этой должности) было причиною разстройства ихъ: означенная должность аги соединена была съ мѣсячнымъ окладомъ“ [1]). Саномъ „славнаго аги“ былъ облеченъ нѣкто Ахмедъ-ага, который былъ изъ людей дѣльныхъ—امكدارلرندن—, говорятъ историки, и вполнѣ преданныхъ хану, какъ это видно изъ вышеприведеннаго повѣствованія Печевили. Можно думать поэтому, что учрежденіе упомянутой должности не было праздною и бездѣльною затѣею Гази-Герая, хотѣвшаго подражать турецкому султану въ своемъ придворномъ штатѣ ради помпа, а соединялось съ мыслью создать себѣ опору въ довѣренномъ лицѣ, въ рукахъ котораго бы сосредоточивалась фактическая исполнительная власть и сила, способная охранять ханскій тронъ отъ какихъ-либо опасныхъ для него случайностей.

Въ связи съ этою государственною задачею былъ введенъ Гази-Гераемъ, по общему свидѣтельству историковъ, не существовавшій до него и довольно тяжолый для крымскаго населенія налогъ, состоявшій въ доставкѣ для ханской кухни ежегодно двѣнадцати тысячь барановъ, предназначившихся на содержаніе пятисотъ стрѣлковъ-ружейниковъ, называвшихся *тюфенкджи*—تفنكجى—[2]). Но изъ одного позднѣйшаго ханскаго ярлыка, даннаго на имя мудерриса Ибрагима-эфенди въ мѣ-

[1]) Сборникъ нѣкот. важ. извѣстій, ۲۹. [2]) Семь планетъ, 110; Кр. Ист., 41 v.; Гюльбуни-хананъ, 30.

сяцѣ зи-ль-хидже 1111 = въ маѣ-іюнѣ 1700 года, мы узнаемъ, что вышеозначенный налогъ былъ взимаемъ не только баранами, но также и деньгами. Такъ сказано: „Такъ какъ коренное мѣстопребываніе его Ибрагимъ-эфенди — деревня Кылтыкъ-Колсаръ, бѣдна и жалка, то и сдѣлана ее свободной и избавленной отъ всего, *которые обыкновенно ежегодно платимыхъ ими десяти золотыхъ стрѣлково-ружейныхъ денегъ за отдачу барановъ*, всѣхъ прочихъ административныхъ взимаемъ, чего ради и данъ имъ жителямъ этотъ льготный высочайшій ярлыкъ мой“[1]. Денежный платежъ могъ быть прибавленъ къ натуральному налогу въ видѣ барановъ послѣ Гази-Герай-хана; но только у историковъ нѣтъ на это указаній, хотя они очень внимательно слѣдятъ за финансовыми мѣрами ханскаго правительства и отмѣчаютъ, напримѣръ, что въ благодатныя времена хана Исламъ-Герая II было отмѣнено взиманіе тамговыхъ денегъ—تمغه آقچسى—[2]; что ханъ Капланъ-Герай I установилъ усиленные экстренные налоги—تكاليف شاقه—на военныя надобности [3], и т. п. Спеціальный денежной налогъ шолъ, стало быть, на ублаготвореніе постоянной ханской стрѣлковой гвардіи, долженствовавшей служить ему военною опорою въ случаяхъ какихъ-либо опасныхъ смутъ внутри. Такъ какъ эти смуты чаще всего происходили отъ мурзъ, то, слѣдовательно, противовѣсъ военной силѣ этихъ-то послѣднихъ и должна была составлять собственная ханская гвардія, какъ это подтверждается иногда возникавши-

---

[1]) Въ текстѣ ярлыка это мѣсто читается такъ: مسكن اصليه‌سى اولان كوچك قويمسان قريه‌سى فقير المال ومحلّ مرحمت اولمغين قديمدن سنوى طرفمزه ويره كلدكلرى اون التون توفنك انداز اقچه‌سندن وايكى قيوندن وسائر تكاليف عرفيه‌دن معاف ومسلم ايدوب يدلرينه اشبو معاف نامهء يرليغ شريفم ويرلمشدر (Описаніе ярлыка въ отчотѣ Имп. Публ. Библіотеки за 1879 годъ, стр 85, № 11. [2]) Семь планетъ, 167. [3]) Ibid., 312.

ми между ними открытыми распрями [1]). Эта гвардія, сплотившись въ сильную корпорацію, потомъ имѣла иногда рѣшающее значеніе въ участи хановъ--быть или не быть имъ на тронѣ.

Вышеисчисленныя мѣры Гази-Герая, повидимому, достаточно гарантировали упроченіе власти за его прямыми потомками. Замѣчательно, что сами татаре не протестовали противъ этого новшества, ибо когда Гази-Герай умеръ, то эмиры татарскіе въ концѣ шавваля 1016 = въ мартѣ 1608 года провозгласили ханомъ его сына Токтамышъ-Герая I (1608) и притомъ, какъ свидѣтельствуютъ историки, съ соблюденіемъ старипнаго тюркскаго обычая: четвере карачи, начальниковъ племенъ Ширинъ, Барынъ, Седжеутъ и Мансуръ, посадили Токтамыша на войлочный коверъ и, взявшись за четыре угла этого ковра, подняли и вознесли новаго хана на тронный помостъ, выстроенный въ диванномъ залѣ аудіенцій [2]). Турецкіе историки прямо говорятъ, что воцареніе Токтамыша совершилось при содѣйствіи агъ отца его, которые сказали, что имѣется отцовское завѣщаніе относительно назначенія его со стороны Порога [3]). Но все-таки дня черезъ три татаре отправили въ Порту нарочитаго посланнаго съ донесеніемъ о воцареніи Токтамыша и просьбою о возобновленіи прежней султанской грамоты и объ утвержденіи его въ ханскомъ достоинствѣ [4]). Они, повидимому, считали это утвержденіе не болѣе какъ простою формальностью, въ исполненіи которой не чаяли встрѣтить какія-либо затрудненія. Такая смѣлость и рѣшительность въ избраніи Ток-

---

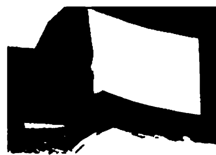
[1]) Ibid., 152. [2]) Семь планетъ, 126; Кр. Ист., 48 v. У Мухаммедъ-Ризы тутъ диванный залъ обозначенъ особеннымъ непонятнымъ эпитетомъ: دواانكللو كورنش تعبير اولنان ديوانخانه (въ рукописи Учеб. Отдѣленія, на л. 86 r. — دونكللو); слово كورنش значитъ «свиданіе, аудіенція»; но اننكللو, или دونكللو не поддается никакому этимологическому объясненію, если только это не искаженіе какое-нибудь. [3]) Фезлике, I: 300; Наъима, I: 250. [4]) Семь планетъ, Loco citato; Кр. Ист., Loco citato.

тамыша на ханство еще, надо полагать, была поддержана въ татарскихъ агахъ и мурзахъ тѣмъ, что, собственно говоря, и не было налицо никакихъ серьозныхъ соперниковъ Токтамышу, которые могли бы законнымъ образомъ оспаривать власть у него. Имъ, очевидно, и въ голову не приходило, чтобы такими претендентами на ханство могли выступить Селяметъ-Герай и Мухаммедъ-Герай, открытые товарищи бунтовщика Дели-Хасана, которые хотя и были прощены султаномъ, но все же оба посажены были въ румилихысарскую тюрьму, гдѣ и просидѣли четыре съ половиною года [1]). По здравому смыслу, эти господа были не болѣе какъ острожники, которымъ казнь была замѣнена заточеніемъ: такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ оно изъ словъ Хаджи-Кальфы [2]) и Наъимы [3]). Халимъ-Герай же откуда-то взялъ, что они были заточены „вслѣдствіе неоднократной просьбы Гази-Герая“ [4]); но это уже его общая слабость сглаживать тѣ или другія неприглядныя стороны въ жизни и дѣяніяхъ своихъ предковъ, хотя онъ тутъ могъ бы еще опереться на тотъ несомнѣнный фактъ, что Гази-Герай одно время боялся, какъ бы эти авантюристы не добились ханской власти. Гази-Герай хорошо понималъ, что въ современной ему Портѣ за деньги и посулы все можно было сдѣлать, всего можно было достигнуть. Такъ оно и случилось въ дѣйствительности, какъ предполагалъ проницательный ханъ.

Завѣщаніе Гази-Герая было основано на согласіи султана Мюрада III, выраженномъ въ особой грамотѣ, какъ мы видѣли выше. Но „Султанъ Мюрадъ“, говорится въ Краткой Исторіи, „и аяны его времени отошли въ вѣчность; ихъ должности унаслѣдованы другими; вмѣсто прежняго режима наступилъ новый; прежній высочайшій рескриптъ брошенъ

---

[1]) Въ «Ассебъу-с-сейяръ» (126) и въ Краткой Исторіи (л. 48 v.) сказано, что они сидѣли въ Еди-Кулле, а не въ Румили-Хысарѣ. [2]) Фезлике, 300. [3]) Тарихи-Наъима, I: 250. [4]) Гюльбуни-хананъ, 40.



въ лохань забвенія, и вслѣдствіе этого упомянутая просьба (объ утвержденіи Токтамышъ-хана) не была принята" [1]). Оба арестанта – Селяметъ-Герай и Мухаммедъ-Герай получили— одинъ званіе хана, другой—калги, благодаря протекціи, оказанной имъ нѣкоторыми вліятельными при султанскомъ дворѣ лицами. Турецкій историкъ Наъима подробно разсказываетъ, какъ это совершилось, ссылаясь, въ свою очередь, на другого историка, дефтердаря Хасанъ-бей-задэ, современника и, можетъ быть, даже очевидца описываемаго событія. „Когда услышали", говоритъ Наъима, „о томъ, что Токтамышъ-Герай узурпаторски захватилъ ханскую власть, то сыновья Ходжи (т. е. знаменитаго муфти и историка Сеъадэд-Дина), въ единомысліи съ капуданомъ флота Карамани Хафизъ-Ахмедъ-пашою, не считали ханство Токтамыша правомѣрнымъ и, говоря, что ханомъ быть слѣдуетъ Селяметъ-Гераю, внушили это падишаху. Но муфти Санъу-л-Ла-эфенди былъ простодушный человѣкъ и, обманувшись словами Этмекджи-задэ, сталъ говорить, и очень много говорить падишаху въ такомъ смыслѣ, что, молъ, надо утвердить сына Гази-Герая; что Селяметъ-Герая татаре не примутъ. Однако же когда пришло извѣстіе, что Селяметъ-Герай, все-таки отправившись изъ Высокаго Порога въ Крымъ съ главнымъ мундшенкомъ, получилъ власть безъ сопротивленія, падишахъ усмотрѣлъ въ Санъу-л-Ла-эфенди неправильность воззрѣній и нецѣлесообразность въ его предположеніяхъ и уволилъ его отъ должности муфти, а сдѣлалъ шейху-ль-исламомъ Ходжа-задэ,-Мухаммеда-эфенди, сказавъ: „Вотъ въ его внушеніи была цѣлесообразность". Такимъ образомъ съ тѣхъ поръ долгое время должность муфти не отнималась отъ сыновей ходжи [2]).

---

[1]) Кр. Ист., л 48 v. [2]) Замѣчу здѣсь кстати, что въ англійскомъ переводѣ этого мѣста много переиначено; иногда это переиначеніе доходитъ до явнаго искаженія, ибо напримѣръ слова: قپودان دریا قرمانی حافظ احمد پاشا переданы такъ: «The admiral of the *Crimean* sea, Háfiz Ahmed Páshá». За-

Повѣствованіе объ этомъ событіи Наъима заключаетъ такимъ размышленіемъ политико-нравоучительнаго свойства „Надлежитъ“, говоритъ онъ, „чтобы вельможи, состоящіе государственными совѣтниками, находились на сторонѣ интересовъ полезныхъ и благихъ для государства; а не обладающіе способностью самостоятельно и съ здравою мыслью вникать въ сущность обстоятельствъ не должны, слѣдуя соображеніямъ другихъ, никакихъ дѣлъ внушать падишаху. Они должны изображать какъ слѣдуетъ благо и зло, пользу и вредъ того дѣла, о которомъ спрашиваютъ ихъ совѣта, и говоря: „вотъ это согласно требованію разума, цѣлесообразно“, должны представлять султану соображенія о результатахъ со всѣми случайностями ихъ, ибо давать ходъ дѣлу, уклоняясь въ одну сторону и игнорируя другія рѣчи, чрезвычайно вредно“ [1]).

Такое размышленіе навѣяно было духомъ того времени и обстоятельствъ, о которыхъ повѣствуетъ турецкій историкъ.

ключительное же соображеніе Наъимы, слѣдующее дальше, почему-то совсѣмъ пропущено Фрэзеромъ (Annals of the Turkish empire, by Naima, transl. by Ch. Fraser. Vol. I: 353.) Впрочемъ подобныхъ промаховъ въ означенномъ переводѣ Фрэзера не мало и кромѣ указанныхъ. Въ тойже статьѣ о воцареніи Селяметъ-Герая у Наъимы говорится, что братъ его, сидѣвшій съ нимъ вмѣстѣ въ тюрьмѣ, былъ назначенъ калгою—محبسی بیله اولان محمدکرای قالغای نصب اولنوب—, а Фрэзеръ переводитъ: «His brother, Kalkái Mohammed Gherai, who had been his Fellowprisoner, was also *raised to a participation in the khánship*». (Op. cit., 352). Значитъ, въ одномъ мѣстѣ онъ выдумалъ какое-то Крымское море, а здѣсь званіе калги превратилъ въ какое-то личное прозвище Мухаммедъ-Герая. Въ другомъ мѣстѣ переводчикъ говоритъ, что Кара Языджи умеръ «in the mountains *of Janbeg*» (Op. cit., 200 & 201), тогда какъ въ турецкомъ печатномъ текстѣ, съ котораго онъ переводилъ, ясно значится جانیك طاغلرنده, т. е. въ «джаныкскихъ горахъ», ибо джан-бекскихъ горъ никакихъ не существуетъ. Кромѣ того, вся статья, гдѣ встрѣчается это искаженіе, страшно сокращена Фрэзеромъ, въ ущербъ весьма существенныхъ свойствъ ея содержанія. Такимъ образомъ почтенный по своей цѣли трудъ г. Фрэзера оказывается никуда негоднымъ по исполненію и не заслуживаетъ никакого довѣрія, въ случаѣ если бы къ нему понадобилось обращаться за справками.

[1]) Тарихи Наъима, I: 250—251.

Это былъ періодъ явнаго разложенія государственнаго строя Турціи—господства придворной интриги и наживы, необузданности и распущенности янычарскаго корпуса, правительственной слабости и неспособности, доходившей до полнѣйшаго идіотства, въ самихъ носителяхъ верховной власти, султанахъ. И въ данномъ случаѣ, при замѣщеніи ханской вакансіи, разнорѣчіе султанскихъ совѣтниковъ проистекало не изъ высшихъ государственныхъ соображеній, а скорѣе изъ ихъ личныхъ разсчотовъ. Сыновьями Сеъад-эд-Дина, интриговавшими противъ Toктамышъ-Герая, почти навѣрное можно сказать, руководила месть за не особенно церемонное отношеніе отца его Гази-Герая къ ихъ отцу, Сеъад-эд-Дину Объ этомъ отношеніи даетъ понятіе переписка ихъ, происходившая по поводу приглашенія хана въ походъ, отъ котораго онъ всячески отказывался. Ѣдкія выходки Сеъад-эд-Дина, намекавшаго между прочимъ и на бузу, какъ на одинъ изъ важныхъ двигателей, управлявшихъ татарскою волею, были вызваны тономъ письма Гази-Герая, который тоже не постѣснился задѣть муфти довольно колкимъ каламбуромъ, что, молъ, кромѣ „муфти закона существуетъ еще „муфти разума“ — مفتیء عقل —[1]). Съ другой стороны, Этмекджи-задэ замолвилъ слово за Токтамыша опять-таки, вѣроятно, въ память своихъ личныхъ связей съ отцомъ его, о которыхъ рѣчь была выше. А между тѣмъ къ чему же привело все это?

Юный еще Токтамышъ, узнавъ о неблагопріятномъ результатѣ своей просьбы въ Портѣ объ утвержденіи его на ханствѣ, поспѣшилъ-было лично отправиться туда, чтобъ уладить дѣло. Но и противники его не мѣшкали: Селяметъ-Герай самъ поплылъ моремъ, а брата своего Мухаммедъ-Герая отправилъ сухимъ путемъ съ тѣмъ, чтобы онъ, въ случаѣ встрѣчи съ Токтамышемъ, уходилъ его. Такъ и случи-

---

[1]) Семь планетъ. 123.

лось: Токтамышъ съ братомъ своимъ Сеферъ-Гераемъ тоже поѣхали сухимъ путемъ; близъ Ак-Кермана на нихъ врасплохъ напалъ Мухаммедъ-Герай, убилъ ихъ обоихъ и потомъ прибылъ въ Крымъ [1]). Но мятежникъ и арестантъ, теперь произведенный въ калги, не тотчасъ успокоился. Не прошло и года, говорятъ историки, какъ онъ началъ поступать въ противность хану. Что такое онъ дѣлалъ, вточности не извѣстно, но только Селяметъ-Герай рѣшительно вознамѣрился избавиться отъ своего опаснаго брата. Послѣдній однако же вовремя прозналъ о готовившейся ему гибели, вошолъ въ соглашеніе съ братомъ своимъ Шагинъ-Гераемъ и поднялъ бунтъ противъ хана. Дѣло доходило не разъ до открытыхъ стычекъ и побоищъ; мятежные братья были въ этотъ разъ побѣждены и принуждены снова удалиться изъ отечественныхъ предѣловъ и внѣ ихъ искать приключеній, скитаясь и выжидая благопріятнаго момента для новой попытки вернуться въ Крымъ [2]). Случай этотъ не замедлилъ представиться. Въ ребіъу-ль-эввелѣ 1019 = въ маѣ-іюнѣ 1610 года Селяметъ-Герай умеръ, процарствовавъ всего 2 года и 4 мѣсяца [3]), и на его мѣсто вступилъ, по его же собственному представленію — موسى اليهك عرضى ايله —, бывшій при немъ калгою Джаны-бекъ-Герай [4]). Такъ утверждаютъ историки турецкіе; крымскіе же говорятъ, что для полученія ханской власти Джаны-бекъ-Герай отправилъ въ Порту брата своего

---

[1]) Фезлике, I: 300 & 301. [2]) Гдѣ происходили эти побоища между Селяметъ-Гераемъ и его противниками, объ этомъ историки не говорятъ. Но извѣстіе Сестренцевича-Богуша, что будто бы Селяметъ отправлялся въ *Анатолію* противъ двухъ своихъ двоюродныхъ братьевъ (Ист. о Тавріи, II: 298), во всякомъ случаѣ не заслуживаетъ никакого вѣроятія. [3]) Г. Фрэзеръ въ передачѣ факта смерти Селяметъ-Герая почему-то переименовалъ его въ *Ахмеда* (Op. cit., 396). Точно также въ краткой исторіи, переведенной Казимирскимъ, сказано, вопреки всѣмъ существующимъ даннымъ, что Селяметъ-Герай умеръ, «après avoir regné un an et quatre mois» (Nouveau Jour. As., XII: 433). [4]) Тарихи Наъима, I: 282; Фезлике I: 336.

Девлетъ-Герая съ ходатайствомъ объ этомъ. Бѣглые авантюристы, братья Мухаммедъ-Герай и Шагинъ-Герай, тоже не преминули похлопотать за себя, но всѣ ихъ старанія и козни остались тщетны, и въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ ханство пожаловано было все-таки Джаны-бекъ-Гераю [1].

Время царствованія Джаны-бекъ-Герая II (1610—1623 и 1627—1629) представляетъ чрезвычайно любопытный во многихъ отношеніяхъ моментъ въ цѣлой исторіи Крымскаго ханства. Двукратное воцареніе и низверженіе его сопровождалось такими замѣчательными по своему разнообразію и характерности событіями, что въ нихъ, какъ въ фокусѣ, отобразился весь складъ и духъ внутренней и внѣшней жизни ханства, сколько развивавшейся изъ самобытныхъ свойствъ его составныхъ элементовъ, столько же направлявшейся вліяніемъ роковой связи съ Отоманскою Портою. Поэтому стоитъ остановить нѣсколько пристальное вниманіе на этомъ краткомъ, но интересномъ періодѣ крымской исторіи.

Начать хоть съ того замѣчательнаго обстоятельства, что какъ темно происхожденіе Джаны-бекъ-Герая перваго [2], такъ и родословіе его соименника, Джаны-бекъ-Герая второго заключаетъ въ себѣ нѣкоторую сомнительность: генеалогическія данныя о немъ расходятся. Ланглесъ считаетъ его почему-то братомъ Селяметъ-Герая [3], а Сестренцевичъ-Богушъ —„внукомъ славнаго Менгли-хана“ [4], т. е., вѣроятно, Менглы-Герая I. Въ числѣ крымскихъ монетъ есть монеты и съ именемъ Джаны-бека; по отчество его на нихъ стерто: сохранились только двѣ конечныя буквы собственнаго имени —ـمد, на основаніи чего г. Блау, не обинуяся, считаетъ его сыномъ Мухаммеда [5], хотя и не извѣстно, какого Мухаммеда. Дата сохранилась только на одной монетѣ, и то наполовину, въ ви-

---

[1]) Семь планетъ, 127—128; Кр. Ист., 49 v. [2]) См. выше, стр. 273—274. [3]) Langlès. Op. cit., 412. [4]) Ист. о Тавріи, II: 299. [5]) Блау, Op. cit., стр. 65, №№ 1265 и 1266.

дѣ цифры 23, что г. Блау принимаетъ за 1023. Между тѣмъ крымскіе историки повѣствуютъ о Джаны-бекѣ II, что онъ былъ сынъ Шакай Мубарекъ-Герая, одного изъ сыновей Девлетъ-Герая I. Этотъ Шакай-султанъ во времена жестокостей Гази-Герая бѣжалъ въ черкесскіе предѣлы, гдѣ и умеръ, оставивъ двухъ сыновей—Джаны-бекъ-Герая и Девлетъ-Герая. Мать ихъ была дочь князя черкесскаго племени Беслеией. По смерти мужа она нѣкоторое время жила на своей родинѣ. Но потомъ на ней женился Фетхъ-Герай. Вскорѣ по умерщвленіи этого послѣдняго Гази-Гераемъ, снова овдовѣвшая черкешенка опять вернулась съ обоими дѣтьми въ родительскій домъ. Когда Селяметъ-Герай сдѣлался ханомъ, то и онъ, по прибытіи въ Крымъ, чрезъ посредство Шагинъ-Герая взялъ себѣ въ жены эту даму, и такимъ образомъ дѣти ея очутились подъ ханскою опекою. Послѣ бѣгства Мухаммедъ-Герая съ Шагинъ-Гераемъ, Джаны-бекъ сдѣланъ былъ калгою, а Девлетъ-Герай, его братъ, нур-эд-диномъ, конечно не безъ участія и ходатайства своей матери, должно быть обворожительной особы, коли до трехъ разъ находились искатели руки ея. Несомнѣнно также и то, что кромѣ этой плѣнительной супруги, у Селяметъ-Герая долженствовали быть еще и другія жены, ибо съ этою онъ прожилъ всего столько, сколько процарствовалъ, т. е. 2 года 4 мѣсяца, а между тѣмъ у него, помимо двухъ пасынковъ, было еще 14 человѣкъ собственныхъ сыновей—Ахмедъ-Герай, Мухаммедъ-Герай, Адиль-Герай, Исламъ-Герай, Хаджи-Герай, Аъузъ-Герай, Сахыбъ-Герай, Крымъ-Герай, Алпъ-Герай, Шакай Мубарекъ-Герай, Джеганъ-Герай, Гази-Герай, Фетхъ-Герай и Селяметъ-Герай. „Теперешніе Крымскіе ханы", говоритъ авторъ Краткой Исторіи, у котораго находится вышеприведенный перечень дѣтей Селяметъ-Герая, „все изъ его благородныхъ потомковъ" [1]). Но авторъ, должно быть, об-

[1]) Кр. Ист., л. 49 т.

считался, ибо самъ же затѣмъ говоритъ, что когда все-таки ханство получилъ Джаны-бекъ, то калгою сдѣланъ былъ родной братъ его Девлетъ-Герай, а нур-эд-диномъ одинъ изъ сыновей Селяметъ-Герая, Аззматъ-Герай, котораго въ вышеприведенномъ перечнѣ не находится [1]. Но прежде чѣмъ установилась преемственность ханской власти въ потомствѣ Селяметъ-Герая, чего-чего не натворилось другими претендентами на эту власть. Истинными героями ужасныхъ смутъ и кровавыхъ столкновеній и жестокостей, явились все тѣ же неразлучные братья Мухаммедъ-Герай и Шагинъ-Герай. Не даромъ же первый изъ нихъ подвизался въ шайкѣ анатольскаго мятежника Дели-Хасана; не даромъ потомъ сидѣлъ онъ четыре года въ тюрьмѣ. За это время онъ присмотрѣлся къ порядкамъ, творившимся въ Турціи, и дѣйствовалъ потомъ съ рѣдкою продерзостью, показывавшею въ немъ человѣка опытнаго, бывалаго. Въ Турціи наступала пора крайнихъ внутреннихъ потрясеній и полнѣйшей безурядицы, торжественнымъ финаломъ которой было задушеніе султана Османа II въ 1622 году и двукратное, хотя и краткосрочное, царствованіе Мустафы I (1618 — 1622 и 1622 — 1623), идіотство котораго засвидѣтельствовано всѣми историками. Авантюристъ-честолюбецъ Мухаммедъ-Герай все это отлично видѣлъ и понималъ и, найдя себѣ вѣрнаго союзника въ своемъ братѣ Шагинъ-Гераѣ, думалъ воспользоваться этимъ смутнымъ состояніемъ дѣлъ въ самой Портѣ для полнаго захвата въ свои руки власти въ отечественныхъ предѣлахъ. Послѣ многихъ перипетій, иногда самаго неожиданнаго свойства, ихъ продолжительная борьба за господство въ родной землѣ также имѣла свой громкій финалъ въ открытомъ и притомъ успѣшномъ сопротивленіи султанскому суверенитету, которое сопровождалось пораженіемъ османскихъ войскъ, посланныхъ въ Крымъ для усмиренія мятежниковъ, и позор-

---

[1]) Ibidem.

нымъ компромиссомъ османскаго главнокомандующаго съ бунтовщиками.

Отчаянная дерзость мятежныхъ братьевъ такъ популяризовала ихъ въ самой Турціи, что въ османской публикѣ, подъ впечатлѣніемъ внутреннихъ тревожныхъ событій, возникли и стали ходить легендарные, суевѣрной окраски слухи о томъ, что султанская власть въ самой Портѣ должна, по какимъ-то предзнаменованіямъ, неизбѣжно перейдти къ Крымскимъ ханамъ. Подвиги этихъ героевъ, составившіе цѣлую эпоху въ исторіи Крымскаго ханства и его отношеній къ верховной Отоманской Портѣ, подробно описываются всѣми турецко-татарскими историками, и полнѣе другихъ историкомъ Наъимою. Онъ изображаетъ приключенія Мухаммедъ-Герая и Шагинъ-Герая въ слѣдующемъ видѣ.

Послѣ неудавшейся попытки братьевъ отнять ханскій тронъ у Селяметъ-Герая, они избрали для своего пребыванія мѣстности близь Ак-Кермана, по сосѣдству съ русскими владѣніями. Съ толпою преданныхъ имъ татаръ они совершали набѣги на русскія окраины, уводили плѣнниковъ и продавали ихъ, чѣмъ и существовали. Жажда добычи и успѣшность грабительства ихъ собрала около нихъ огромное скопище татаръ, такъ что даже ханскія войска начали уже склоняться на ихъ сторону. Это очень озаботило новаго хана, Джаны-бекъ-Герая; они же, не обращая на него вниманія, продолжали хватать русскихъ и другихъ плѣнниковъ и продавали ихъ въ Ак-Керманъ. Тогда Джаны-бекъ-Герай донесъ о ихъ вольничаньѣ, и ему отъ Порога данъ былъ приказъ искоренить ихъ. Ханъ, собравъ несмѣтное полчище изъ татаръ, пошолъ противъ нихъ. Они тоже съ своей стороны выставили цѣлое войско. На ак-керманскомъ полѣ произошла битва. Ханъ одержалъ верхъ. Разбитые братья старались скрыться: одинъ спрятался въ одной деревнѣ въ домѣ нѣкоего Исмаиля, другой въ другой деревнѣ въ домѣ Юсуфъ-чауша. Ханъ вернулся въ Крымъ, а неугомонные братья

принялись было собирать остатки своихъ единомышленниковъ; но потомъ Мухаммедъ-Герай счолъ за лучшее явиться съ повинною къ султану, будучи склоненъ къ этому тогдашнимъ верховнымъ везиремъ Насухъ-пашою, который обѣщалъ ему ласковый пріемъ и даже назначеніе ханомъ въ Крымъ, думая этимъ отвратить бунтовщика отъ продолженія смутъ и мятежей въ сосѣдствѣ съ предѣлами Отоманской имперіи. Мухаммедъ-Герай, говорятъ одни историки, встрѣтился съ султаномъ близъ Галлиполи; получилъ отъ него прощеніе и даже порядочную пенсію и поселился въ означенномъ городѣ [1]). Въ признательность ли за оказанную любезность, или скорѣе въ разсчотахъ на будущее, Мухаммедъ-Герай подарилъ Насухъ-пашѣ нѣсколькихъ рабовъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, полоненныхъ имъ во время своихъ разбойничьихъ набѣговъ. Задобренный такимъ образомъ, везирь вскорѣ отплатилъ за это почествованіе. Вознамѣрившись доставить Мухаммедъ-Гераю ханство, онъ, безъ султанскаго разрѣшенія, пригласилъ его въ Адріанополь, куда султанъ отправился на охоту [2]). Мухаммедъ-Герай немедленно съ находившимися при немъ нукерами сѣлъ на коня и отправился въ Адріанополь [3]). Тамъ однажды случилось такое обстоятельство. Султанъ Ахмедъ на охотѣ въ окрестностяхъ Адріанополя выпустилъ своего сокола на орла. А Мухаммедъ-Герай, находясь недалеко за холмомъ и ни-

[1]) Наъима же говоритъ, что Мухаммедъ-Герай явился къ султану и былъ съ честью встрѣченъ въ Родосто (Тарихи-Наъима, I: 290); а въ другомъ мѣстѣ пишетъ, что Мухаммемъ-Герай прибылъ прямо въ Стамбулъ; что тамъ ему былъ отведенъ домъ близь тюрбэ Шейхъ-Вефа, гдѣ онъ и проживалъ нѣкоторое время, получая продовольствіе съ султанской кухни (Ibidem, I: 406). [2]) Это была, вѣроятно, одна изъ тѣхъ охотъ, о которыхъ упоминаетъ подъ 1021 1022—1612—1614 годами историкъ Печевили (II: 341—342). [3]) Наъима (Loco citato) говоритъ, что Мухаммедъ-Герай отправился изъ Стамбула со свитою султана и при посредствѣ верховнаго везиря имѣлъ свиданіе съ падишахомъ, такъ что описываемый историками послѣдующій случай произошолъ на пути въ Адріанополь.

чего не подозрѣвая, тоже спустилъ своего сокола на того же самаго орла. Его соколъ былъ проворнѣе и потому раньше султанскаго налетѣлъ на орла. Султанъ разгнѣвался на это и спрашиваетъ приближенныхъ, кто это смѣлъ отбивать у него охотничью добычу; скачетъ на тотъ холмъ и видитъ, что Мухаммедъ-Герай съ 40—50 вооруженными татарами преспокойно охотится тамъ. На вопросъ султана, что это значитъ, Насухъ-паша объяснилъ ему истинныя обстоятельства. Другіе же растолковали это неумѣстное приглашеніе Мухаммедъ-Герая, да еще безъ султанскаго дозволенія, какъ злонамѣренный умыселъ Насухъ-паши возвести Мухаммедъ-Герая на султанскій тронъ и тѣмъ, разумѣется, взбѣсили султана донельзя. Онъ велѣлъ посадить Мухаммедъ-Герая въ замокъ Еди-Куллэ [1]). Сейидъ-Мухаммедъ-Риза присовокупляетъ, что Насухъ-пашу султанъ велѣлъ тогда же казнить [2]), слѣдовательно, какъ будто по причинѣ покровительствованнаго имъ Мухаммедъ-Герая; но это преувеличенно, ибо Насухъ-паша былъ казненъ спустя много времени послѣ описаннаго происшествія [3]), хотя, правда, въ числѣ многихъ другихъ поводовъ къ его казни ему припомнили и

---

[1]) Семь планетъ, 130; Кр. Ист., л. 50 г. Наъима нѣсколько иначе передаетъ подробности того же самаго происшествія. По его словамъ, султанъ Ахмедъ самолично гнался на охотѣ за дикой козою; а Мухаммедъ-Герай, пустивъ въ нее стрѣлу, убилъ ее. Когда султанъ разгнѣвался на такой дерзкій поступокъ его, то нѣкоторые благожелатели государственные, поблагодаривъ Бога за то что такъ еще случилось, сказали его величеству: «И зачѣмъ это падишахъ, убѣжище міра, дѣлаетъ себѣ такого бездѣльника приближеннымъ: а какъ еслибы пущенная этимъ злокачественнымъ супостатомъ стрѣла, не попавши въ дичь, да угодила въ благополучнаго нашего падишаха—что̀ бы, помилуй Богъ, тогда было?! Положимъ, что мы его потомъ искрошили бы въ мелкіе кусочки, да ужь этимъ не помочь бы благородной особѣ калифа вселенной. Не лучше ли было бы этого бездѣльника удалить да, чтобы проучить, посадить его въ продолжительное заключеніе!» Эти внушенія привели падишаха въ изступленіе, и онъ повелѣлъ отослать Мухаммедъ Герая назадъ въ Стамбулъ и заключить его въ Еди-Куллэ (Loco citato). [2]) Loco citato. [3]) Печеви. II: 342; Фезлика, II: 262—263.

этотъ непріятный случай съ Мухаммедъ-Гераемъ на охотѣ въ Адріанополѣ, по словамъ историка Наъимы [1]).

Когда Мухаммедъ-Герая постигла султанская немилость, и онъ былъ посаженъ въ тюрьму, братъ его Шагинъ-Герай находился въ крѣпости Киліи. Туда посланъ былъ человѣкъ арестовать его; но онъ успѣлъ бѣжать съ нѣсколькими своими приверженцами и отправился на службу къ персидскому шаху Аббасу [2]). Сидя въ заключеніи, Мухаммедъ-Герай зорко слѣдилъ за тѣмъ, что творилось въ Стамбулѣ. Суматоха, происшедшая тамъ по случаю сверженія султана-идіота Мустафы I и возведенія на тронъ Османа II въ 1027 = 1617 году, показалась ему очень удобнымъ моментомъ къ побѣгу, который онъ и совершилъ въ самый день инавгураціи новаго султана 1-го ребіъу-ль-эввеля 1027 = 26 февраля 1617 года, предварительно сговорившись съ Халефъ-мурзою, который приготовилъ ему лошадей для этого побѣга [3]). За ними тотчасъ была послана водою и сушей погоня; Мухаммедъ-Герая поймали въ Правадахъ и представили султану, который, сдѣлавъ ему строгій выговоръ, велѣлъ опять посадить его въ Еди-Куллэ, а потомъ снова сослать въ Родосъ [4]). Крымскіе же историки говорятъ, что пособники Мухаммедъ-Герая, пойманные съ нимъ вмѣстѣ въ числѣ 30 и даже 40 человѣкъ, всѣ были казнены [5]). Во время пребыванія своего въ ссылкѣ Мухаммедъ-Герай близко сошолся съ товарищемъ по заточенію Хусейнъ-пашою, который, ставши верховнымъ везиремъ, по старой памяти и предоставилъ потомъ Мухаммедъ-Гераю ханство [6]).

Джаны-бекъ-Герай между тѣмъ участвовалъ съ тридцати тысячною ордою въ персидскомъ походѣ турковъ и не

---

[1]) Тарихи-Наъима, I: 304. Тутъ Наъима разсказываетъ вышеозначенное происшествіе уже иначе, а именно въ томъ видѣ, какъ оно передается и крымскими историками. [2]) Наъима, I: 406; Кр. Ист., 49 v. [3]) Тарихи-Наъима, I: 321—322; Печеви, II: 362; Феалика, II: 390. [4]) Наъима, I: 411. [5]) Семь планетъ, 131; Кр. Ист., 50 v. & 51 r. [6]) Семь планетъ, 131; Кр. Ист., 50 v. & 51 r.

особенно отличился. Больше всего его пораженію способ ствовалъ Шагинъ-Герай, храбро сражавшійся теперь противъ своихъ же татаръ въ рядахъ персидскаго войска [1]). Наши турецкіе свалили собственныя неудачи тоже на Крымскаго хана. Впрочемъ онъ вскорѣ поправилъ свою репутацію, оказавъ большіе подвиги съ своимъ войскомъ въ польской кампаніи [2]), и особенно въ походѣ султана Османа II въ 1030 = 1621 году, когда онъ удостоился вниманія и ласки султана [3]). Но это не спасло его отъ интригъ сторонниковъ Мухаммедъ-Герая, во главѣ которыхъ былъ Мерэ Хусейнъ-паша. По ихъ стараніямъ, Мухаммедъ-Герай былъ привезенъ съ острова Родоса, а Джаны-бекъ-Герай, получивъ въ арпалыкъ черменскій санджакъ, былъ отвезенъ въ Родосъ въ почетную ссылку на мѣсто своего предшественника по заточенію въ джемазіъу-ль-эввелѣ 1042 = въ мартѣ 1623 года [4])

Мухаммедъ-Герай III (1623—1627) тотчасъ же выписываетъ къ себѣ изъ Персіи брата своего Шагинъ-Герая и дѣлаетъ его калгою, конечно съ соизволенія Порты. Разсказываютъ, что Шагинъ-Герай, разставаясь съ своимъ покровителемъ, шахомъ Аббасомъ, имѣлъ съ нимъ такой разговоръ, который интересенъ по своему, не то рыцарскому не то циническому, тону, весьма впрочемъ подходящему къ авантюристской повадкѣ Шагинъ-Герая. Шахъ-Аббасъ будто бы, придержавъ рукою стремя отъѣзжавшаго Шагинъ-Герая, шутя спрашиваетъ его: „А что, если падишахъ пошлетъ тебя, будешь ли ты съ нами сражаться?"—На это Шагинъ будто бы отвѣчалъ въ откровенно-циническомъ тонѣ: „Когда волкъ завидитъ ягненка, достанетъ ли у него терпѣнія? Когда соколъ (شاهين) завидитъ голубочка, развѣ хватитъ у него сдержанности?!" [5]).

[1]) Наъима, I: 322—324. [2]) Ibidem, 328—332. [3]) Ibidem, 337-342. [4]) Ibidem, 367 & 406; Семь планетъ, 129—130; Кр. Ист., 50 & 51 г. [5]) Кр. Ист., 51 г.; Семь планетъ, 131.

Получивъ власть въ свои руки, братья принялись за расправу съ своими недругами. Первою жертвою ихъ мщенія палъ нѣкто Хаджи-Ахмедъ, которому поручено было разыскать Шагинъ-Герая, когда онъ спасался отъ Гази-Герая. Хаджи-Ахмеда, оправдывавшагося своимъ зависимымъ положеніемъ, четвертовали; равнымъ образомъ казнили многихъ другихъ татаръ, которыхъ подозрѣвали въ сообществѣ съ нимъ. Совершая эти жестокости внутри своихъ владѣній, Мухаммедъ-Герай и Шагинъ-Герай въ то же время ни мало не помышляли о томъ, чтобы, по примѣру прежнихъ стоявшихъ у власти Гераевъ, оказывать какія-либо услуги Портѣ [1]). А Порта въ это время была очень озабочена дерзкими набѣгами козаковъ, которые теперь безпрестанно грабили и опустошали прибрежныя владѣнія турецкія. Изыскивая мѣры къ обузданію козачьей вольницы, Порта шлетъ Мухаммедъ-Гераю ферманъ за ферманомъ, въ которыхъ она, расточая комплименты вѣрности и доблестямъ предковъ его, приглашаетъ самого его дѣйствовать противъ ея непріятелей козаковъ. Особенно настоятельно хану предписывалось поспѣшить и поусердствовать построеніемъ крѣпостей на Днѣпрѣ, въ главномъ мѣстѣ прохода козачьихъ шаекъ, при содѣйствіи кафскаго бейлеръ-бея, которому приказано было доставлять необходимые для фортификаціонныхъ работъ инструменты и рабочихъ [2]).

Но Мухаммедъ-Герай, вѣрно, плохо внималъ сладкорѣчивымъ турецкимъ грамотамъ, ибо мы находимъ въ числѣ ихъ такую, въ которой, вмѣсто комплиментовъ, уже дѣлаются ему упреки въ томъ, что о немъ „ни слуха, ни духа нѣтъ, и не извѣстно, гдѣ онъ находится“. Въ заключеніе ему строжайше внушается исполнять свои священныя обязанности служенія благу вѣры и Державы и немедленно отправляться съ

[1]) Наъима, I: 407 [2]) Феридунъ-бей, II: 126—129.

татарскимъ войскомъ по назначенію, чтобы удостоиться пр знательности и милостей со стороны падишаха [1]). Послѣ е нѣсколькихъ подобныхъ обращеній и къ хану, и къ кал его Шагинъ-Гераю [2]), которыя оставались, надо полага тщетными, Порта потеряла терпѣніе и назначила ханомъ опя Джаны-бекъ-Герая II. Въ грамотѣ, данной въ послѣдни числахъ рамазана 1037 — въ концѣ мая 1628 года, на и Джаны-бекъ-Герая, говорится, что назначеніе его высоча ше признано за благо, „такъ какъ бывшій доселѣ ханъ М хаммедъ-Герай былъ постоянно единомышленъ съ братомъ св имъ, мятежникомъ Шагинъ-Гераемъ, и всѣ ихъ поступки дѣйствія были противны высочайшей волѣ, а потому отр шеніе ихъ обоихъ отъ власти стало самымъ лучшимъ и на полезнѣйшимъ для Высокой Державы дѣломъ“ [3]). Одновреме но съ нею издано было также особое высочайшее повелѣніе и имя крымскихъ улема и духовныхъ. Въ этомъ указѣ разсказ вается исторія перваго назначенія Джаны-бекъ-Герая и ни верженіе его по проискамъ нѣкоторыхъ везирей - بعض وزرانك ادعاسيله —; еще рѣзче называются недостойные поступки М хаммедъ-Герая и особенно Шагинъ-Герая, и почтенныя л ца Крыма приглашаются употребить свое вліяніе на народ чтобы онъ подчинился Джаны-бекъ-Гераю; а тѣхъ дву братьевъ также склонить къ покорности высочайшей волѣ- чтобы они явились къ Порогу Счастія, не опасаясь ни ка даловъ, ни тюрьмы, никакихъ иныхъ насилій, а еще имѣя в виду получить арпалыки и жалованье гораздо больше других

---

[1]) Ibidem, 129—130. [2]) Ibidem, 130—134. На одной грамотѣ конце поставлена какая-то странная дата: ٢٩ سنه (стр. 132); а на др гихъ вовсе нѣтъ никакихъ датъ. Это значитъ, что находящіяся въ сбо никѣ Феридуна документы суть не подлинныя грамоты, а толь черновыя ихъ; но содержаніе ихъ несомнѣнно показываетъ, что онѣ был писаны къ вышеназваннымъ лицамъ, а не къ другимъ какимъ. [3]) Ibidem, 13

хановъ и султановъ [1]). Джаны-бекъ-Герая посадили на корабль и, въ сопровожденіи везиря Хасанъ-паши и другихъ важныхъ лицъ, повезли его въ Крымъ возводить на ханство [2]).

Но фактическое осуществленіе властительныхъ правъ Джаны-бека на этотъ разъ встрѣтило такія препятствія въ непреодолимомъ сопротивленіи братьевъ-узурпаторовъ, о которыхъ въ Портѣ, вѣроятно, и не воображали: иначе едва ли бы взялись такъ упорно поддерживать Джаны-бека, ибо эта поддержка очень недешево обошлась Портѣ: ея знамя потерпѣло ужасное фіаско въ этомъ замѣчательномъ столкновеніи съ своими же собственными вассалами. Братья рѣшились всѣми силами и средствами отстоять права свои на отцовское наслѣдіе, которымъ они уже de facto владѣли. Имъ лучше казалось ѣсть свой хлѣбъ по праву, нежели питаться крохами по милости султана, а потому они собрали войско и приготовились къ сопротивленію. Хасанъ-паша донесъ объ этомъ Портѣ, а Джаны-бекъ-Герай остановился на время въ домѣ Али-Казы, въ предмѣстьѣ Кафы, въ ожиданіи пока прибудетъ Исмаиль-паша съ флотомъ изъ Варны. Изъ кафской крѣпости вывезли орудія и послали татаръ, кого доброю волею, кого насильно, съ приказаніемъ, чтобы Мухаммедъ-Герай явился.

Когда въ Портѣ получено было донесеніе, то для окончанія дѣла былъ командированъ въ Чорное море Реджебъ-паша, только что собравшійся выйдти въ Архипелагъ. У Мухаммедъ-Герая же было нѣсколько тысячь ногайскихъ татаръ и болѣе тысячи козаковъ, вооруженныхъ ружьями. Вновь было написано татарскому муфти шейху Абу-Бекру и прочимъ улема такое приказаніе: „Джаны-бекъ-Герай ханъ прибылъ, снабженный высочайшею грамотою; но Шагинъ-Герай готовитъ сопротивленіе, и татарскія войска вѣрятъ безсмыс-

---

[1]) Ibidem, 142—144. [2]) Наъима, I: 408.

ленымъ словамъ упомянутыхъ мятежниковъ. Необходимо, чтобы вы употребили всѣ ваши старанія уговорить татарскій народъ къ покорности и повиновенію. Для возведенія на престолъ означеннаго хана посланъ съ флотомъ капуданъ Реджебъ-паша. Всѣмъ татарамъ предписывается подчиняться настоящему высочайшему указу".

Когда сердарь Реждебъ-паша, Хасанъ-паша, Ибрагимъ-паша и кафскій бейлеръ-бей Мухаммедъ-паша собрались вмѣстѣ, то сначала Реджебъ-паша написалъ Мухаммедъ-Гераю и Шагинъ-Гераю письмо въ формѣ совѣта слѣдующаго содержанія: „Вамъ предоставляется, распустивъ татарскія войска, избрать себѣ мѣстомъ жительства, по вашему желанію, одинъ изъ санджаковъ Герцеговины или Мореи, куда вы и отправляйтесь, если не считаете приличнымъ ѣхать въ Стамбулъ". Письмо это было послано съ Хабаибъ-эфенди и Ризванъ-агою. Шагинъ-Герай на это отвѣчалъ: „Письмо ваше получено и прочтено. Нѣкогда прійдя въ наши наслѣдственныя владѣнія и не подождавъ пяти, десяти дней, по наговорамъ злонамѣренныхъ людей, вы отдали ханское званіе Джаны-бекъ-Гераю и со времени прихода вашего затоптали подъ ногами лошадей нѣсколько тысячъ несчастныхъ. Чѣмъ мы провинились, чтобы заслужить подобное униженіе? Въ этотъ промежутокъ времени четверо или пятеро непризнающихъ насъ мурзъ съ двумя или тремя тысячами войска, братья Канъ-Темира, изъ Ак-Кермана, съ пятью тысячами войска, да мурзы Юсуфъ-оглу, которые прежде еще съ своимъ войскомъ сдѣлались русскими, услыхавъ о нашемъ прибытіи въ Крымъ, сдѣлавъ ночное нападеніе на невѣрныхъ, болѣе тысячи ихъ перебили, а остальные изъ нихъ бѣжали. Теперь они идутъ къ намъ съ своими семействами; Али-мурза, всѣ ногайскіе мурзы и дѣти султановъ, всего около десяти тысячъ человѣкъ, переправившись сегодня черезъ Таманскій проливъ, вступаютъ въ Крымъ. Здѣсь заготовлены орудія и ружья. Подумайте о послѣдствіяхъ этого дѣла. Народъ цѣлой области

запрегъ свои повозки и готовъ уйдти. Наши предки силою меча отняли эту землю у невѣрныхъ и подчинили своей власти; справедливо ли же намъ, предавъ огню наши дома и села, уйдти въ прежнія наши кочевья? Если всѣ мы покинемъ отечество, и крымскія земли попадутъ въ руки невѣрныхъ, то останется ли за вами ваша Кафа и другія ваши крѣпости? Смыслъ вышеизложеннаго ясенъ для всѣхъ. Теперь мы ожидаемъ отъ васъ, что вы не сдѣлаетесь причиною разоренія здѣшнихъ мечетей и медресэ; что вы доложите султану о нашемъ положеніи и снова будете считать насъ вашими преданными слугами".

Письмо это было послано съ Омеръ-агой. На него Реджебъ-паша отвѣчалъ, что уже раньше Хасанъ-паша представлялъ докладъ въ Стамбулъ; что на совѣтѣ, составленномъ изъ шейху-ль-ислама и прочихъ министровъ и улема, рѣшено такъ, что дальнѣйшихъ докладовъ по этому дѣлу не нужно; а для возведенія на престолъ Джаны-бекъ-Герая назначили и послали его съ флотомъ.

Послѣ того Реджебъ-паша пробылъ два мѣсяца въ Кафѣ и имѣлъ нѣсколько стычекъ съ непріятелями. Наконецъ надо было сдѣлать наступленіе. Приготовили телеги, потому что надо было идти съ морскими лафетами; сняли съ судовъ большія орудія, а изъ крѣпости взяли десять фальконетовъ, которые и потащили на рукахъ гребцы, и выступили противъ Мухаммедъ-Герая. Джаны-бекъ-Герай же говорилъ: „Не сегодня завтра татаре явятся ко мнѣ съ изъявленіемъ покорности, пусть только пройдено будетъ одинъ или два перехода". На третьемъ переходѣ появилось около 100,000 ногайцевъ, 800 козаковъ съ ружьями и 1000 человѣкъ пѣхоты, и до самаго вечера продолжалась перестрѣлка. Съ наступленіемъ ночи вознамѣрились-было рыть траншеи и окопы, но не оказалось заступовъ, а татаре окружили фланги, и сопротивленіе стало невозможно. Составили совѣтъ, чтобы рѣшить, что дѣлать. Всякій излагалъ свое мнѣніе; обратились

къ хану: „Вы говорили, что татаре придутъ; но они не приходятъ и не уходятъ—что прикажете? Сегодня сколько ужь убито людей! Ихъ сто тысячь, а у насъ нѣтъ и десятой части—что же мы будемъ дѣлать завтра?"—Наконецъ одинъ изъ чорбаджіевъ сказалъ: „Я предлагаю, чтобы отъ имени сердаря капуданъ-паши было написано письмо Мухаммедъ-Гераю въ такомъ родѣ: „Я, молъ, по повелѣнію султана, прибылъ въ Кафу съ намѣреніемъ сдѣлать ханомъ Джаны-бекъ-Герая; но мы убѣдились, что пословица „Татаринъ служитъ хану, пока тотъ не умретъ" не имѣетъ никакого основанія. Татарскій народъ желаетъ васъ имѣть ханомъ, слѣдовательно вамъ и подобаетъ ханствовать, да благословитъ же васъ Богъ! Вамъ посылается указъ и халатъ, присланные отъ падишаха".—„Пошлите," прибавилъ чорбаджи, „такое письмо, и завтра вы вернетесь дружественнымъ образомъ въ Кафу цѣлы и невредимы: иначе утро близко, и наша пѣхота вся будетъ смята подъ ногами татаръ".—Всѣ изъявили согласіе на такое предложеніе, и приказано было написать письмо и указъ. Секретарь Османъ-эфенди написалъ письмо, а Ахмедъ-эфенди указъ; положили то и другое въ кисеты; приготовили халатъ, и все это долженъ былъ отвезти вышеупомянутый чорбаджи. — Джаны-бекъ-Герай очень былъ этимъ опечаленъ и сказалъ: „Какъ только это письмо и указъ будутъ отправлены, сейчасъ же у васъ потребуютъ моей выдачи. Я знаю что меня ожидаетъ; кончено дѣло: я уѣзжаю, прощайте!" Сказавъ это, онъ съ своимъ братомъ Девлетъ-Гераемъ и оставшимися приверженцами вскочили на коней и поскакали въ Кафу. Какъ только войска увидѣли отъѣздъ хана, сейчасъ же встревожились, спрашивая: „Куда это онъ уѣхалъ?" Когда же вслѣдъ за нимъ тронулась конница, татаре, замѣтивъ это движеніе, тотчасъ же произвели атаку. У турковъ было болѣе тысячи закованныхъ въ желѣзо плѣнныхъ, тащившихъ пушки, которые тоже двинулись. Солдаты побѣжали, одинъ обгоняя другого; пушки съ повозками были брошены. Татаре, прискакавъ, захватили повозки, наполнен-

ныя имуществомъ и припасами; забрали орудія, перетоптали лошадьми пѣхотныхъ янычаръ, латниковъ и гарнизонцевъ; догнали повозку съ казной капуданъ-паши и увезенныя орудія и захватили все это.

Хасанъ-паша, Хусейнъ-субаши, бölюкбаши по имени Чаиръ-Чайлагы и нѣсколько сотъ солдатъ были убиты; Ибрагимъ-паша получилъ четыре тяжкія раны и, пріѣхавъ въ Кафу, умеръ; болѣе тысячи человѣкъ гребцовъ и 17 орудій большого калибра захвачены; пораженіе было полное. Успѣвшіе войдти въ Кафу немедленно бросились на суда. На другой день татаре заняли Кафу, и Шагинъ-Герай, остановившись также въ домѣ Али-Казы, велѣлъ глашатому возвѣстить, чтобы втеченіе трехъ дней никого изъ жителей Кафы не осталось: всѣ бы перебирались на суда и уѣзжали. Кафинцы съ женами и дѣтьми всѣ бросились къ пристани, и такъ какъ на судахъ былъ совершенный недостатокъ воды, то всѣ эти несчастные оставались цѣлыхъ три дня въ этомъ положеніи: было чистое свѣтапреставленіе. Наконецъ, послѣ совѣщанія, чтобы освободить Кафу, къ Шагинъ-Гераю послали нѣкоего Мухаммеда-субаши. Приставъ къ пристани предмѣстья, онъ увидѣлъ, что крѣпость наполнена татарами и козаками.— „Не стрѣляйте, а ступайте и объявите Шагинъ-Гераю“, сказалъ субаши, „что мы пришли отъ сердаря“. Имъ подвели 4 - 5 лошадей, и они, сѣвъ верхомъ, поѣхали въ Шагинъ-Гераю. Много было разговоровъ. Затѣмъ ихъ повезли къ Мухаммедъ-Гераю, мѣстопребываніе котораго было въ четырехъ-пяти часахъ пути. Они провели тамъ одну или двѣ ночи. Много тоже было рѣчей, сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ. „Мы пришли“, говорилъ Мухаммедъ-субаши, „чтобы посадить Джаны-бекъ-Герая ханомъ, основываясь на поговоркѣ, что „Татаринъ слуга того хана, который не умеръ“. Мы надѣялись, что, какъ только мы явимся въ Кафу, народъ обратится и придетъ къ намъ, и ожидали этого; но поговорка не подтвердилась. Тогда мы сказали: „Подвинемся еще впередъ на одинъ-два перехода: наша цѣль

не война", и попробовали. Вы же поспѣшили, и вотъ какое бѣдствіе произошло отъ этого; а вы хотите еще завладѣть кафской крѣпостью". — Мухаммедъ-Герай, разсердившись, вскричалъ: „Слушай, чорбажи, ты препираться что-ли съ нами пришолъ? Такъ теперь не время спорить. Тебѣ не извѣстны тѣ насилія, которымъ я подвергался отъ дома Османскаго!", и началъ разсказывать о своихъ приключеніяхъ.

„Вопервыхъ", сказалъ онъ, „ханомъ не можетъ быть тотъ, кто носитъ званіе султана: отецъ же Джаны-бекъ-Герая султанъ; ханскій сынъ не ханъ. Наконецъ ханъ, взявши за себя его мать, во время своей болѣзни назначилъ его наслѣдникомъ. Султанскому главному стольнику Диляверъ-агѣ было послано болѣе ста невольниковъ и, при его ходатайствѣ у каиммакама Гурджи Мухаммедъ-паши да содѣйствіемъ главнаго евнуха, ханское званіе было послано Джаны-бекъ-Гераю, а не намъ, имѣвшимъ на него право. Мы были въ это время въ городѣ Визѣ, придумывая, что дѣлать, когда, понявъ наше положеніе, насъ заключили въ Еди-Куллэ; братъ же мой Шагинъ-Герай не далъ себя схватить и ушолъ къ персидскому шаху. Мнѣ, съ помощью кафинца Али-Казы [1]), приведшаго лошадей, удалось уйдти изъ замка, но въ Правадахъ меня схватили и опять заключили въ замокъ, а потомъ на военномъ кораблѣ сослали въ Родосъ.—Мерэ Хусейнъ-паша, по дорогѣ въ Египетъ заѣхавъ въ Родосъ, далъ мнѣ обѣщаніе, что если ему удастся получить везирскую печать, то онъ сдѣлаетъ меня Крымскимъ ханомъ. Сдѣлавшись везиремъ, онъ сдержалъ свое слово, и когда я явился къ падишаху, то онъ мнѣ сказалъ: „Желаю тебѣ счастія; да будетъ благословенно ханство твое!"—Когда я на галерѣ прибылъ

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ у того же историка Наъимы этотъ единомышленникъ Мухаммедъ-Герая называется Халефъ-мурзою. Здѣсь, вѣроятно, ошибочно подвернулся Али-Казы, имя котораго не разъ упоминается, потому что въ его домѣ въ Кафѣ останавливались главные герои повѣствуемаго историкомъ событія.

въ Кафу, Джаны-бекъ отправился въ Стамбулъ. Мы написали персидскому шаху письмо, прося его отпустить брата, котораго 20 лѣтъ не видѣли, и онъ прислалъ его. Вотъ только 40 дней, какъ онъ пріѣхалъ. Одинъ изъ виновниковъ причиняемой мнѣ нынѣ обиды нѣкто Мустафа-ага: ханство принадлежало мнѣ, а онъ сдѣлалъ такъ, что его отдали Джаны-беку. Когда онъ самъ, будучи удаленъ отъ должности, ѣхалъ въ Египетъ, мы встрѣтились съ нимъ въ Родосѣ. Онъ привезъ мнѣ 30,000 акчэ на кофе.—„Благодаря Богу", сказалъ я ему, „я вижу тебя удаленнымъ и въ немилости: ты былъ причиною того, что у меня отняли ханство, и что я нахожусь здѣсь".—Этотъ упрекъ остался у него въ памяти, и вотъ теперь, когда съ воцареніемъ султана Мюрада (IV) онъ опять попалъ въ милость, онъ на второй же день своего назначенія агой, взявъ у Джаны-бека 200,000 гурушей, доставилъ ему ханство и послалъ его сюда съ вами".—Этимъ Мухамедъ-Герай закончилъ свою повѣсть.—„Слова ваши, государь мой, совершенная правда", отвѣчалъ ему чорбаджи; „но какъ вамъ теперь угодно рѣшить? Если вы не оставите Кафы, то это будетъ причиною большой войны. Пусть будетъ, какъ было: ханство по-прежнему останется за вами, а за Шагинъ-Гераемъ званіе калги; будьте только добры съ домомъ Османскимъ, возвратите захваченныхъ въ плѣнъ людей и орудія и выведите изъ Кафы татаръ".—„А ты что скажешь на это, султанъ?", обратился онъ къ Шагинъ-Гераю. Этотъ отвѣчалъ: „Пусть придутъ татарскіе и ногайскіе беки и выскажутъ свое мнѣніе".—И вотъ явилось столько такъ называемыхъ бековъ и мурзъ, и все люди такого страннаго вида, что ужасно было смотрѣть; они составили совѣтъ и рѣшили принять предложеніе чорбаджи. Съ этимъ отпустили чорбаджи, и онъ, возвратившись, привезъ Мухаммедъ-Гераю халатъ и указъ, Шагинъ-Гераю тоже халатъ, и 30 халатовъ прочимъ султанамъ и мурзамъ. Навстрѣчу ему выѣхалъ одинъ изъ султановъ болѣе чѣмъ съ 300 всадниковъ и проводилъ его къ Мухам-

медъ-Гераю, который, поцѣловавъ и приложивъ къ головѣ султанскій beратъ, облекся въ жалованный халатъ. Его поздравили и произвели салютъ. При письмѣ къ пашѣ были посланы 67 янычаръ, 70 лагниковъ и 33 человѣка плѣнныхъ изъ крѣпостного гарнизона. Пробывъ еще недѣлю въ Кафѣ, ханъ выѣхалъ оттуда обратно; капуданъ же, переплывъ Чорное море, подошолъ къ Босфору, но, не получивъ разрѣшенія войдти въ проливъ, вмѣстѣ съ сейбанъ-баши Мухаммедъ-агой воротился опять въ Чорное море, гдѣ и проплавалъ полтора мѣсяца, послѣ чего, возвратившись, вошолъ въ проливъ и бросилъ якорь у морского арсенала. Министры, какъ и слѣдовало ожидать, не одобрили этой экспедиціи [1]).

Описавъ подробно ходъ этого столкновенія верховной Порты съ претендентами на ханскую власть въ вассальномъ Крымѣ, столкновенія, въ которомъ прекрасно рисуется вся путаница отношеній между вассалами и суверенитетомъ, вслѣдствіе недобросовѣстности администраціи послѣдняго, историкъ Наъима затѣмъ присовокупляетъ еще нѣкоторыя данныя, заимствованныя имъ у другого турецкаго же писателя Хасанъ-бейзадѐ и не лишенныя своего значенія въ оцѣнкѣ событій этого смутнаго времени. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ вышеописанномъ сраженіи необычайный примѣръ храбрости показалъ Чобанъ-Герай, убитый въ первой же стычкѣ, такъ что видъ его крови особенно разъярилъ татаръ, бросившихся тогда съ неистовствомъ на войско турецкое. Затѣмъ татаре, полонивъ множество янычаръ и другихъ солдатъ, относились къ этимъ мусульманамъ какъ къ обыкновеннымъ невольникамъ и мѣняли ихъ въ Кафѣ и другихъ мѣстахъ на бузу по кадушкѣ за человѣка. Реджебъ-паша послѣ пораженія велъ себя какъ побѣжденный, и потому Мухаммедъ-Герай, принявъ грамоту на ханствованіе и халатъ, хотя и показалъ видъ покорности и повиновенія, но всущности несомнѣнно

---

[1]) Тарихи-Наъима, I: 407—411.

было, что онъ объявилъ себя мятежникомъ. Съ этого времени дѣло пошло все болѣе и болѣе усиливаться: всѣ татарскіе роды подчинились ему, и войска его съ каждымъ днемъ увеличивались. Съ этимъ вмѣстѣ увеличивалось его самоуправство и жестокость. Показавшійся Шагинъ-Гераю подозрительнымъ одинъ богатырь, Мурза-бекъ, былъ обезглавленъ на пиру только за то, что у него оказалось письмо отъ Джаныбека. Но особенно злодѣйски поступлено было съ имѣніемъ и семьею Канъ-Темиръ-мурзы. Шагинъ-Герай разграбилъ и разорилъ все имѣніе его, которое было у него въ Крыму, а жену, дѣтей и прислугу предалъ смерти. Онъ сжогъ домъ его; а жену, которая была тогда беременна, насадивъ на вертело, изжарилъ на медленномъ огнѣ, такъ что утроба ея лопнула отъ жара, а плодъ вывалился наружу и погибъ тутъ же [1]). По совершеніи этихъ злодѣйствъ онъ изъ Кафы съ огромнымъ войскомъ пошолъ въ Румилію, перешолъ Дунай и по обѣ стороны этой рѣки захватилъ и разграбилъ Ак-Керманъ, Килію, Исмаилъ, Журжево и другія отоманскія вла-

---

[1]) Ibidem, 412. Причиною такой жестокости надъ семьею Канъ-Темиръ-мурзы было то, что Канъ-Темиръ не принадлежалъ къ сторонникамъ мятежныхъ братьевъ, на что есть намекъ у самого же Наъимы (I: 408—409), и потому странно, что этотъ историкъ объясняетъ ненависть Мухаммедъ-Герая къ Канъ-Темиру иначе, впадая при этомъ въ грубый анахронизмъ. Онъ говоритъ, что когда Мухаммедъ-Герай прибылъ въ 1030—1621 году съ татарскимъ войскомъ въ хотинскую кампанію, то изъ ногайскихъ мурзъ въ этой кампаніи султана Османа II участвовалъ Канъ-Темиръ, который оказалъ такую ревность и совершилъ такіе подвиги, что султанъ пожаловалъ ему титулъ паши и далъ ему подъ команду силистрійскій эйялетъ. Этотъ успѣхъ Канъ-Темира будто бы возбудилъ зависть въ Мухаммедъ-Гераѣ, и онъ, возвратившись въ Крымъ, велѣлъ Шагинъ-Гераю разгромить юртъ Канъ-Темира (Наъима, I: 407). Правда, что Канъ-Темиръ отличился въ хотинскомъ походѣ и получилъ всѣ тѣ награды (Ibidem, 340 и 342); но все это было при ханѣ Джаны-бекъ-Гераѣ (Ibidem. 330, 335, 338), который, дѣйствительно, остался не совсѣмъ доволенъ необыкновеннымъ вниманіемъ султана къ Канъ-Темиру — مقتضای بشریت خان کندویه خاطر مانده اولمغله نوعا جفا اوزره ایدی (Ibidem, 340).

дѣнія и, даже злоумышляя противъ Адріанополя, спустился внизъ по Дунаю въ Добруджѣ.

Не извѣстно, до чего бы дошолъ Шагинъ-Герай въ своихъ дерзкихъ намѣреніяхъ, если бы не встрѣтилъ себѣ яраго противника въ Канъ-Темиръ-пашѣ, который, горя местью за варварскій поступокъ Шагина съ его семьею, явился защитникомъ отоманскихъ владѣній противъ вторженія въ нихъ отважнаго бунтовщика изъ Гераевъ. Получивъ отъ султана разрѣшеніе мстить своему врагу вооруженною рукою, Канъ-Темиръ собралъ въ Добруджѣ до 30,000 татаръ. Къ нему присоединились и другіе румилійскіе начальники. Противники сошлись на берегахъ Дуная. Произошла ожесточенная битва: съ обѣихъ сторонъ много пало народа. Канъ-Темиръ одолѣлъ, а Шагинъ-Герай съ немногими уцѣлѣвшими товарищами сѣлъ въ лодку и, переправившись за Дунай, бѣжалъ [1]). Все это происходило въ 1033=1624—1625 году.

Несмотря на такое поведеніе Шагинъ-Герая, который, очевидно, дѣйствовалъ не безъ вѣдома и сочувствія своего брата Мухаммедъ-Герая, послѣдній не переставалъ считаться ханомъ, а Шагинъ-Герай при немъ калгою. Такъ оно явствуетъ изъ грамоты Мухаммедъ-Герая къ царю Михаилу Θеодоровичу, писанной 28 зи-ль-каъдэ 1033=8 сент. 1624 г. [2]). Куда же дѣвался Джаны-бекъ-Герай, ускакавшій, какъ мы видѣли, передъ самымъ сраженіемъ отряда капуданъ-паши съ татарскимъ полчищемъ приверженцевъ Мухаммедъ-Герая, не извѣстно. Должно быть, онъ уѣхалъ съ прочими неудачными участниками кампаніи въ Стамбулъ. Очень вѣроятно, что потомъ онъ опять, какъ говорятъ крымскіе историки, удалился въ черменскій санджакъ, назначенный ему для жительства [3]). Вторичное же назначеніе его ханомъ такъ и

[1]) Наъима, I: 412—413. [2]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 8. [3]) Семь планетъ, 132; Кр. Ист., 51 г. & v.

осталось несбывшеюся фикціею, а потому оно и не должно идти въ счотъ, хотя крымскіе историки и отчисляютъ на него какіе-то два года и три мѣсяца изъ общей суммы времени ханствованія Джаны-бекъ-Гирая [1]).

Сама Порта тоже рѣшила забыть до поры до времени о крымской распрѣ: ее гораздо болѣе заботили теперь предпріимчивые набѣги козаковъ, которые, пользуясь вышеописанными смутами и присутствіемъ турецкаго флота въ Кафѣ, простерли свою дерзость дотого, что въ числѣ 150 шаекъ ворвались 4 шевваля 1033 = 20 іюля 1624 года въ Босфоръ и безнаказанно разгромили мѣстечко Ени-Кёй, лежащее на берегу пролива неподалеку отъ самой столицы [2]). Къ этому еще присоединилась война съ персами, которая также стоила немалыхъ хлопотъ молодому султану Мюраду IV (1623—1640), который съ энергіею и даже жестокостью взялся-было также и за дѣло искорененія внутреннихъ безпорядковъ и злоупотребленій. Вотъ почему не удивительно, что въ 1035 = 1625—1626 году Мухаммедъ-Гирай, какъ ни въ чемъ не бывало, шлетъ въ Порту своего мир-ахора Зу-ль-Факаръ-агу съ почтительною грамотою— عبوديت نامه —и предложеніемъ выстроить крѣпости по обоимъ берегамъ Днѣпра, на Таванскомъ перевозѣ, главномъ проходѣ казачьихъ шаекъ, такъ какъ выстроенная тамъ при султанѣ Сулейманѣ крѣпость съ теченіемъ времени пришла въ разрушеніе; при этомъ онъ постройку одной крѣпости бралъ на себя, съ тѣмъ чтобы другую строилъ капуданъ-паша съ своимъ флотскимъ экипажемъ. Порта приняла предложеніе своего недавняго супротивника и послала кафскому бейлеръ-бею предписаніе отправить на Кобыльи-Воды нужные для постройки укрѣпленія инструменты и рабочихъ райю по десяти человѣкъ съ

[1]) Семь планетъ. Рукоп. Учебн. Отд., 93 v.; Кр. Ист., 54 г. Въ «Гюльбуни-ханань» (стр. 44) вторичный срокъ властвованія Джаны-бека опредѣляется всего лишь въ 4 мѣсяца. [2]) Наъима, I: 413; Фезлеке, II: 61.

каждой деревни кафскаго эйялета. Мухаммедъ-Гераю и Шагинъ-Гераю были тогда посланы почотныя сабли и халаты съ грамотою о вышеозначенной постройкѣ [1]). При заключеніи же въ то время Портою мира съ поляками копія съ условій этого мира также была послана и хану для свѣдѣнія [2]). Но рядомъ съ этими обстоятельствами турецкій историкъ сообщаетъ еще одинъ фактъ, который, надо полагать, и подалъ поводъ къ возобновленію прежнихъ недоразумѣній между Крымскимъ ханомъ и Портою. Козаки никому не давали спуска: грабили и рубили всѣхъ, кто попадался имъ подъ руку—и турковъ, и татаръ, подъ часъ даже и русскихъ. Отъ нихъ житья не было буджакскимъ татарамъ въ Киліи и Ак-Керманѣ, близъ которыхъ кочевала также и орда Канъ-Темира, и они уже нѣсколько разъ просили вывести ихъ куда-нибудь оттуда. Но Порта, пользуясь, когда ей было нужно, услугами ногайскихъ полчищь противъ поляковъ или даже противъ крымцевъ, вовсе не желала, чтобы эта безпокойная орда селилась на ея собственныхъ земляхъ, и потому ею теперь письменно дано было знать Крымскому хану, что Канъ-Темиръ со всѣми буджакскими татарами снимутся съ своихъ кочевій и отправятся въ Крымъ яко бы для того, „чтобы спокойнѣе было для обѣихъ сторонъ“ [3]). Всущности же Порта, надо полагать, не безъ умысла прибѣгла къ такой мѣрѣ: она во враждѣ ногайцевъ съ крымскими татарами открыла для себя средство избавиться отъ излишняго прилива въ свои владѣнія первыхъ и держать въ повиновеніи вторыхъ.

Въ концѣ рамазана 1036 = въ первой половинѣ іюня 1627 года ханство опять было дано Джаны-бекъ-Гераю, который и препровожденъ былъ съ эскадрою въ 60 галеръ и 35 фрегатовъ подъ начальствомъ капудана Хасанъ-паши къ мѣсту своего назначенія въ Крымъ. Мотивомъ къ этой

---

[1]) Наъима, I: 441—442. [2]) Ibidem. [3]) Ibidem, 442—443.

внезапной смѣнѣ Мухаммедъ-Герая выставляются у турецкихъ историковъ какіе-то непристойные поступки его противъ высочайшей воли—خلاف رضای شهریاری نچه اوضاع ناهموار کوستروب [1]). Но крымскіе историки ясно свидѣтельствуютъ, что причиною новаго неудовольствія Порты противъ хана было столкновеніе послѣдняго съ ненавистнымъ ему Канъ-Темиромъ, который, получивъ титулъ эмиру-ль-умера, и знать не хотѣлъ надъ собою власти хана. За это, говорятъ крымскіе историки, ханъ послалъ Шагинъ-Герая наказать или, если можно, совсѣмъ истребить Канъ-Темира [2]), который переправился за Дунай въ Добруджу. Шагинъ-Герай, увлекшись, пустился преслѣдовать его, забывая, что онъ такимъ образомъ вторгся во владѣнія Отоманской имперіи. Тамъ онъ однако же потерпѣлъ пораженіе и вернулся въ Крымъ. Но на этотъ разъ Канъ-Темиръ самъ уже погнался за Шагинъ-Гераемъ и преслѣдовалъ его вплоть до Бакчэ-Сарая, гдѣ и держалъ хана и калгу въ осадѣ, но по недостатку въ провіантѣ ушолъ въ Кафу, куда пристала и турецкая эскадра съ Джаны-бекъ-Гераемъ, вновь назначеннымъ на ханство. Мухаммедъ-Герай съ Шагинъ-Гераемъ не устояли противъ соединенныхъ силъ прибывшихъ съ Джаны-бекъ-Гераемъ турковъ и Канъ-Темира, тѣмъ болѣе что имъ измѣнилъ начальникъ ихъ собственной гвардіи—کندی تفنکجی باشیسی—и передался на сторону Джаны-бекъ-Герая, который и водворился опять въ Бакчэ-Сараѣ въ качествѣ хана, а побѣжденные братья бѣжали на Днѣпръ къ козакамъ, думая найдти въ нихъ естественныхъ себѣ союзниковъ противъ общаго врага своего [3]). Капуданъ Хасанъ-паша, посадивъ Джаны-бекъ-Герая на ханство, отплылъ на

---

[1]) Наъима, I: 453—456; Фезлеке. II: 56—61. [2]) Вѣрнѣе полагать, что это столкновеніе произошло оттого, что ханъ не расположенъ былъ пускать къ себѣ въ Крымъ орду Канъ Темира, которая двинулась туда съ соизволенія Порты. [3]) Семь планетъ, 134—136; р. Ист., 52 v.—53 r.

Днѣпръ и построилъ тамъ крѣпость для защиты турецкой границы отъ „русскихъ проклятниковъ“ — روس ملاعينلري —, как названы у турецкаго историка козаки, а Канъ-Темиръ пошолъ приводить въ порядокъ разоренный Шагинъ-Гераемъ юртъ своего ногайскаго племени [1].

Джаны-бекъ-Герай (1627 – 1635) въ грамотѣ своей, писанной въ концѣ іюля 1628 года, торжественно извѣщает „русскаго краля“, т. е. царя Михаила Өеодоровича, что „милостію и благословеніемъ Всевышняго Бога благополучный благородный и высокостепенный падишахъ сдѣлалъ его ханомъ Крымскаго юрта“. Далѣе онъ разсказываетъ въ своемъ ярлыкѣ о томъ, какъ онъ прибылъ съ турецкимъ флотомъ въ Кафу; какъ Мухаммедъ-Герай и Шагинъ-Герай, взявъ на помощь себѣ козаковъ, осадили Кафу, но потомъ, не будучи въ силахъ сопротивляться, бѣжали, и Мухаммедъ Герай исчезъ, а Шагинъ-Герай ушолъ къ днѣпровскимъ козакамъ. Затѣмъ, напомнивъ о старинныхъ обычныхъ подаркахъ себѣ и своимъ мурзамъ, онъ проситъ унять днѣпровскихъ и донскихъ козаковъ отъ разбоевъ, а также схватить и выдать ему Шагинъ-Герая. Въ концѣ концовъ онъ грозитъ, въ случаѣ неисполненія этого его требованія, вторгнуться въ русскія владѣнія и предать ихъ пламени и разгрому [2]. То же самое вторитъ и калга его, Девлетъ-Герай-султанъ, въ своемъ ярлыкѣ, писанномъ мѣсяцъ спустя послѣ ярлыка ханскаго [3]. Въ слѣдующей грамотѣ, отъ января 1629 года, опять упоминается о разбояхъ Мухаммедъ-Герая и Шагинъ-Герая, которые приходили-было съ козаками къ Ору, но были прогнаны с урономъ [4]; а въ грамотѣ отъ первой половины августа 162. года говорится, что буйные братья вторгались съ донскими козаками въ самый Крымъ и даже разгромили городъ Ка…

[1] Наъима, I: 456; Фезлека, II: 102. [2] В.-Зерновъ. Матеріалы, … 10. [3] Ibid., № 11. [4] Ibidem, № 12.

ра-Су, но опять-таки были прогнаны и пропали [1]). Вотъ въ этотъ-то набѣгъ, должно быть, Мухаммедъ-Герай и погибъ, ибо Джаны-бекъ-Герай пишетъ въ грамотѣ, что онъ собралъ весь народъ, исключая женщинъ, и всѣхъ днѣпровскихъ козаковъ или изрубилъ, или взялъ въ плѣнъ. Про Мухаммедъ-Герая говорится, что онъ тоже погибъ въ этой битвѣ [2]), и что только одинъ Шагинъ-Герай унесъ свою голову и пропалъ безъ вѣсти [3]). И историки пишутъ, что послѣ многихъ набѣговъ Мухаммедъ-Герая и Шагинъ-Герая, предводительствовавшихъ козачьими отрядами, въ одинъ изъ этихъ набѣговъ въ шеввалѣ 1038 = въ маѣ-іюнѣ 1629 года, ханъ составилъ съ татарскими эмирами совѣтъ, на которомъ вотъ что было сказано: „Эти проклятые—чистый огонь; съ ними по частямъ нельзя сражаться: этакъ они всѣхъ насъ перестрѣляютъ; а надо напасть на нихъ разомъ съ четырехъ сторонъ, не обращая вниманія на огонь, и броситься врукопашную". Такъ и сдѣлали, и вотъ въ этой-то схваткѣ Мухаммедъ-Герай былъ убитъ пулею; Шагинъ-Герай же бѣжалъ съ нѣсколькими приверженцами; а головы убитыхъ козаковъ были посланы въ Кафу и воткнуты на зубцахъ крѣпости. Кафскій бейлеръ-бей Мухаммедъ-паша торжествовалъ эту побѣду пушечною пальбою. Тѣло Мухаммедъ-Герая было отыска-

[1]) Ibidem, № 13. Объ этомъ вторженіи сообщается извѣстіе и въ русскихъ источникахъ (Соловьевъ, Исторія Россіи, IX: 282). [2]) Въ татарскомъ подлинникѣ стоитъ такое выраженіе: محمد كراى خاننى شونقار قيليب — «Мухаммедъ - Герай-хана *сдѣлавъ кречетомъ*». Фигуральное уподобленіе исхода души человѣческой улету птицъ употребительно въ произведеніяхъ турецко-татарской литературы: въ «Баберъ-Намэ» тоже говорится, по поводу смерти извѣстнаго Омеръ-шейхъ-мурзы, что онъ شونقار بولدى — «сталъ кречетомъ» (Баберъ-Намэ, изд. Н. И. Ильминскаго. Казань, 1867. Стр. ۸). Въ грамотѣ же Джаны-бекъ-Герая эта метафора употреблена какъ каламбуръ, для противопоставленія Мухаммедъ-Герая брату его, носившему имя *Шагинъ* — «Соколъ», душа котораго тоже улетѣла съ поля битвы, но только въ другую сторону — въ сторону спасенія, а не смерти, ибо онъ, бѣжавъ, остался вживыхъ. Объ этомъ событіи опять и еще яснѣе упоминается въ другой, позднѣйшей грамотѣ Джаны-бекъ-хана (№ 21, стр. 94). [3]) Ibidem, стр. 12.

но, привезено въ Бакчэ-Сарай и подобающимъ образомъ п гребено рядомъ съ прахомъ отца его въ Эски-Юртѣ [1]).

Но прежде чѣмъ Мухаммедъ-Герай окончательно сошо со сцены, онъ доказалъ полное свое неуваженіе къ сувер нитету Верховной Порты всѣмъ, чѣмъ только могъ въ своем положеніи вассала ея, даже тамъ, гдѣ онъ дѣлалъ видъ, чт подчиняется легальнымъ относительно ея обязательствамъ, с единеннымъ съ ханскимъ званіемъ. Одно изъ такихъ обяза тельствъ заключалось въ доставленіи ханомъ въ Порту офи ціальнаго заложника изъ дома Гераевъ. Нужно замѣтит что другіе члены ханской династіи, которые были посиш нѣе, не чая себѣ добра отъ усобицы, завязавшейся между Джа ны-бекъ-Гераемъ и его смѣлыми соперниками, братьями-узу паторами, поспѣшили заблаговременно спасти свои живот бѣгствомъ въ Турцію. Сыновья Селяметъ-Герая—Бегадыр Герай, Азаматъ-Герай, Мубарекъ-Герай, Исламъ-Герай, Са фа-Герай, а также сыновья Бора Гази-Герая—Инайетъ-Ге рай, Хусамъ-Герай, Сеъадетъ-Герай, Аъузъ-Герай, и сын Алпъ-Герай-султана Менглы-Герай—всѣ проживали на пен сіонѣ, получавшемся ими изъ султанской казны, въ указанных имъ мѣстахъ, и всѣ были, конечно, въ страшной непріязни к братьямъ-узурпаторамъ, хозяйничавшимъ теперь въ ихъ общи родовыхъ владѣніяхъ. Оба же брата были бездѣтны. Тогда Му хаммедъ-Герай, не церемонясь, отправляетъ заложником какого-то батарда Ахмедъ-Герая, прижитаго имъ съ одно молдаванкою и получившаго поэтому добавочное прозвищ بغدان = „Богданъ", т. е. „Молдаванецъ" [2]). А такъ какъ и н должность нур-эд-дина тоже никого не находилось изъ поко лѣнія чингизидовъ, то Мухаммедъ-Герай и тутъ нашолся, как обойдтись: онъ разыскалъ проживавшаго въ Ак-Мечети част нымъ человѣкомъ нѣкоего Чобанъ-Мустафу, про котораго хо дилъ слухъ, что будто бы онъ былъ сынъ Фетхъ-Герая отъ одно

---

[1]) Наъима, I: 456—457; Семь планетъ, 136; Кр. Ист., 53 r.
[2]) Семь планетъ, 132; Кр. Ист., 51 v.

плѣнной польки, почему-то однако же не признанный своимъ отцомъ. Вотъ этого самаго несчастнаго Мустафу Мухаммедъ-Герай, переименовавъ въ Девлетъ-Герая, и сдѣлалъ нур-эддиномъ [1]). Равнымъ образомъ и плебейскія, вульгарныя имена сыновей этого Пастуха-Мустафы, преобразованнаго въ Девлетъ-Герая, Кулъ-Болду и Чулъ-Болду, были замѣнены другими, болѣе благородными именами—Фетхъ-Герай и Аадиль-Герай [2]). Отъ этого-то новоявленнаго и сомнительнаго потомка Фетхъ-Герая, легитимированнаго и признаннаго Мухаммедъ-Гераемъ, и произошла побочная линія Гераевъ, извѣстная подъ именемъ *Чобанъ*-Гераевъ, т. е. *Пастуховъ*-Гераевъ, имѣвшая своихъ представителей даже въ ханскомъ достоинствѣ, чѣмъ настоящіе, чистокровные Гераи были очень скандализованы. Халимъ-Герай въ исторіи своихъ предковъ прямо выражается, что этимъ переименованіемъ какихъ-то батардовъ—одного въ Фетхъ-Герая, и другого въ Аадиль-Герая—„осквернили и унизили фамильное имя хановъ Крымскихъ“— نسب نامهٔ خانان قريمى تلويث وتذليل ايلديلر[3]).

Несмотря на такое ясное происхожденіе линіи Чобанъ-Гераевъ, о которомъ разсказано у всѣхъ крымскихъ историковъ, г. Гаммеръ однако же сочинилъ свою генеалогію, хотя все-таки ссылаясь на „Семь планетъ“, только не указывая точнѣе листовъ или страницъ этого сочиненія. Изъ предъидущаго очевидно, что Ахмедъ-Герай—это одно лицо, сынъ Мухаммедъ-Герая отъ молдаванки, посланный въ качествѣ заложника въ Порту; а Мустафа, возведенный подъ именемъ Девлетъ-Герая въ званіе нур-эд-дина—это другое лицо. Гаммеръ же смѣшалъ ихъ, утверждая, что Мустафа былъ переименованъ въ Ахмедъ-Герая [4]). Его ошибка, повторена, конечно, и г. Говордзомъ [5]).

---

[1]) Семь планетъ, 133—134. Кр. Ист., 51 v & 52 r. [2]) Кр. Ист., 52 r.; Гюльбуни-ханань, 47. [3]) Гюльбуни-ханань, 47—48. [4]) Gesch. d. Ch. d. Krim, 102. [5]) Op. cit., 541.

Мало того: Гаммеръ тутъ смѣшалъ и еще двухъ лицъ, участвовавшихъ въ смутныхъ происшествіяхъ описываемой эпохи. Въ разсказѣ Наъимы о расправахъ, учиненныхъ братьями-узурпаторами надъ своими противниками, упоминается въ числѣ жертвъ ихъ насилія также нѣкій мурза Хаджи-Ахмедъ, котораго они казнили за то, что онъ, по порученію хана Бора Гази-Герая, отправлялся на поиски за ними, когда они спасались бѣгствомъ отъ преслѣдованій этого хана. Гаммеръ, передавъ разсказъ турецкаго историка въ одной статьѣ своего сочиненія, въ слѣдующей же статьѣ почему-то нашолъ нужнымъ посвятить другую спеціальному изслѣдованію о томъ, кто это такой былъ Хаджи-Ахмедъ, и какую важную роль онъ играетъ въ исторіи Крымскихъ хановъ. Увлекшись соименностью двухъ разныхъ лицъ, онъ отожествилъ казненнаго мурзу съ тѣмъ Хаджи-Ахмедомъ, которому будто бы обязанъ своимъ существованіемъ родъ Чобанъ-Гераевъ [1]). Дѣло въ томъ, что Фетхъ-Гераю досталась въ подарокъ плѣнная дѣвица, дочь польскаго боярина, въ которой предполагаютъ прославленную въ народной молвѣ и въ поэзіи Марію Потоцкую. Она нѣкоторое время прожила въ качествѣ невольницы—جاريه—въ домѣ Фетхъ-Герая. Но такъ какъ польская боярынька, говорятъ крымскіе историки, не была сподоблена истинной вѣры мусульманской, да и красотою тоже не была надѣлена, то Фетхъ-Герай счолъ за лучшее промѣнять ее на выкупное золото и съ этою цѣлью онъ поручилъ одному человѣку, по имени *Хаджи-Мустафѣ*, отправить ее къ ея отцу и получить, конечно, выкупъ. Вскорѣ разнесся слухъ, что боярышня дорогою родила. Слухъ этотъ дошолъ наконецъ и до Фетхъ-Герая и очень ему не понравился. Но одинъ изъ его придворныхъ, какъ-то разъ снимая сапоги съ султана, возвратившагося съ охоты, вздумалъ поздравить его, сказавъ: „Да будетъ жизнь родивша-

---

[1]) Gesch. d. Ch. d. Krim, 100—101.

гося отъ польской невольницы, сподобленной вашего сожительства, сокровища-сына долголѣтня и стопа его благословенна!" [1]). За это Фетхъ-Герай, отвергавшій всякое свое участіе въ беременности вышеозначенной польской плѣнницы, въ гнѣвѣ разбилъ до крови сапогомъ физіономію поздравителю и тотчасъ же послалъ людей догнать и умертвить какъ боярышню, такъ и ея спутника. Но они, узнавъ о гнѣвѣ Фетхъ-Герая, спаслись, бѣжавши по направленію къ Азову—اوزاق سمتنه—. Когда же не стало на свѣтѣ Фетхъ-Герая, упомянутый Хаджи вернулся въ отечественный свой городъ Акъ-Месджидъ (нынѣ Симферополь); назвалъ пріемыша-мальчика тоже Мустафою и сдѣлалъ его пастухомъ; а потомъ женилъ его на одной дѣвушкѣ. Отъ нея родилось у него два сына Кулъ-Болду и Чулъ-Болду, которыхъ потомъ вмѣстѣ съ ихъ отцомъ пригрѣлъ у себя Мухаммедъ-Герай II, перемѣнивъ имъ имена, сопричислилъ къ своей ханской фамиліи. Такъ объ этомъ разсказано въ Краткой Исторіи [2]). Сеййдъ-Мухаммедъ-Риза, передавая фактъ совершенно въ томъ же видѣ, называетъ лицо, которому поручено было отвезти польскую боярышню домой, не Хаджи-Мустафою, а Эльхаджъ-Ахмедомъ или просто Хаджи, про самоё же боярышню говоритъ, что она была „дочь одного ляхскаго боярина, а потомъ называетъ ее جاريه بغدانى„ = „невольницею-молдаванкою" [3]). Въ этой

---

[1]) Въ текстѣ стоитъ: ياشى اوزون قدمى مبارك اولسون (Семь планетъ, 133). Гаммеръ же переводитъ это мѣсто: «dessen Kopf lang, dessen Fuss gesegnet sein möge!» (Op. cit, 101), прочитавъ, вмѣсто слова ياشى, которое значитъ «его возрастъ, его жизнь», باشى=«его голова». Въ Краткой Исторіи тоже совершенно явственно изображено первое слово, а именно тамъ сказано: جاريه‌سندن تولد ايدن بو يارقزى اوغلو كزك ياشى اوزون اولسون (Кр. Ист., л. 51 v.). Выраженіе «Да будетъ голова его длинна», даже и какъ метафора, едва ли можетъ заключать въ себѣ какое-либо благопожеланіе человѣку. [2]) Кр. Ист., 51 v. & 52 r. [3]) Семь планетъ, 133; Рукоп. Учеб. Отд., 90 verso.

же редакціи разсказъ о родоначаліи Чобанъ-Гераевъ приводится и Халимъ Гераемъ съ добавленіемъ того, что польская боярышня вскорѣ послѣ родовъ умерла, проводникъ же ея, тоже названный, какъ и у Мухаммедъ-Ризы, Хаджи-Ахмедомъ, поручилъ новорожденнаго одному татарину, а самъ бѣжалъ и гдѣ-то скрывался; потомъ вернулся въ Ак-Мечеть, взялъ ребенка опять къ себѣ, нарекъ его Мустафою, выростилъ и женилъ на одной своей дѣвушкѣ, отъ которой и родились извѣстные намъ два сына [1]).

Вотъ тутъ-то и заключается источникъ заблужденія Гаммера. Онъ безпрекословно послѣдовалъ Сеййдъ-Мухаммедъ-Ризѣ, который въ этомъ мѣстѣ называетъ Хаджи-Ахмедомъ человѣка, сохранившаго жизнь ребенку, впослѣдствіи времени офиціально признанному предку Чобанъ-Гераевъ. Но этотъ ли Хаджи-Ахмедъ былъ умерщвленъ потомъ братьями-узурпаторами, Сейидъ-Мухаммедъ-Риза ничего не говоритъ. Турецкій историкъ Наъима, передавая разсказъ своего предшественника, историка Хасанъ-бей-задэ, о битвѣ, происшедшей между османскими войсками и мятежными татарскими полчищами подъ Кафою, пишетъ, что сигналъ къ этой битвѣ данъ былъ однимъ изъ приверженцевъ Мухаммедъ-Герай-хана, *Чобанъ-Гераемъ*, который, погнавъ коня, бросился на османскіе ряды и былъ убитъ во время свалки, но зато своимъ примѣромъ воодушевилъ татаръ, которые дружно ударили на османцевъ и смяли ихъ [2]). Вотъ этотъ-то приверженецъ Мухаммедъ-Герая, пожалуй, и могъ быть тотъ самый человѣкъ, котораго Гаммеръ отожествляетъ съ Хаджи-Ахмедомъ, четвертованнымъ по приказанію Шагинъ-Герая за то, что онъ разыскивалъ его по порученію Гази-Герай-хана [3]). Отожествленіе, сдѣланное Гаммеромъ, не оправдывается извѣстными намъ источниками. Есть основаніе думать, что имя Хаджи-Ахмеда внесено въ исторію происхожденія Чобанъ-

---

[1]) Гюльбуни-ханапъ, 46—47. [2]) Наъима, I: 412. [3]) Ibidem, 407.

Гераевъ Сеидъ-Мухаммедъ-Ризою просто по какому-нибудь недоразумѣнію или недосмотру. Постараюсь доказать это.

Разсказъ о происхожденіи чобанидовъ снова повторяется крымскими историками по случаю вступленія на ханскій престолъ одного изъ представителей этой боковой линіи, Аадиль-Герая. Авторъ Краткой Исторіи остается попрежнему вѣренъ себѣ и снова называетъ проводника польской боярышни Хаджи-Мустафою, прибавивъ при этомъ, что онъ заступилъ мѣсто отца —پدر معنوی سی اولفله— Чобанъ Девлетъ-Гераю, отцу Аадиль-Герая [1]). Что же касается до Сеидъ-Мухаммедъ-Ризы, то онъ во вторичномъ своемъ повѣствованіи поправляетъ свой прежній недосмотръ и называетъ пріемаго отца Чобанъ-Мустафы также *Хаджи-Мустафою* —حاج مصطفی— [2]). Этого вторичнаго-то разсказа Сеидъ-Мухаммедъ-Ризы Гаммеръ, вѣроятно, и не замѣтилъ, а остановился на одномъ первомъ и на основаніи его надѣлалъ такой путаницы въ столь простомъ и очевидномъ фактѣ. Говоря же о возведеніи на ханство Аадиль-Герая, Гаммеръ вовсе не обратилъ вниманія на его родословіе, хотя въ то же время останавливается па безплодной этимологіи имени *Аадиль* — „справедливый", съ воспоминаніемъ о Малекъ-Аделѣ, братѣ Сала-эд-Дина, и т. д. [3]).

Ланглесъ также касается происхожденія линіи Чобанъ-Гераевъ мимоходомъ, только когда говоритъ вообще о началѣ династіи Гераевъ, получившей будто бы свое прозвище отъ имени того пастуха, который спасъ жизнь родоначальника этой династіи—Хаджи. „Кажется", говоритъ Ланглесъ въ особомъ примѣчаніи, „что семья и потомки этого пастуха были осыпаны почестями, и они-то образовали отрасль Гераевъ, называемыхъ *Чабанъ-Герай* (Tchaban Guérai), ко-

---

[1]) Кр. Ист., 68 v. [2]) Семь планетъ, 178; Рукоп. Учеб. Отд., л. 120 r. [3]) Op. cit., 150—151.

торая не могла претендовать на достоинство великаго хана, исключительно присвоенное отрасли *Ширинъ-Гераевъ* (Chyrynn-Guéraï)" [1]). Тутъ двѣ неправильности: одна—возведеніе къ слишкомъ большой старинѣ совсѣмъ новой линіи Чобанъ-Гераевъ, а другая—названіе настоящаго рода Гераевъ „*Ширинъ*-Гераями"—именемъ, которое принадлежало не имъ, а совсѣмъ другому роду мурзъ ширинскихъ. Вторично возвращаясь къ этому вопросу по поводу родословія Аадиль-Герая, Ланглесъ опять нѣсколько измѣняетъ свой взглядъ, но не разъясняетъ дѣла какъ слѣдуетъ, сказавъ только, что „Аадиль-Герай былъ сынъ Чабанъ-Герая, который принужденъ былъ сдѣлаться пастухомъ, чтобы существовать, хотя онъ былъ сынъ одного государя и былъ царской крови татарской; вотъ почему и называли его *Чабанъ* (Tchabân), что значитъ на татарскомъ языкѣ *Пастухъ*" [2]).

Но кто наговорилъ вздору насчотъ Чобанъ-Гераевъ, такъ это баронъ де-Тоттъ, который, съ обычною свою развязностью, повѣствуетъ, что когда одинъ изъ позднѣйшихъ хановъ, Селимъ-Герай-ханъ (+1704) совершилъ благочестивое путешествіе въ Мекку, то „ses descendants ont substitué le surnom de Hadgi (Pélerin) à celui de Tchoban (berger), *commun à toute la famille*, et que les autres branches ont conservé" [3]). Затѣмъ въ подтвержденіе послѣдней изъ двухъ историческихъ нелѣпостей, содержащихся въ вышеприведенномъ его примѣчаніи, онъ сообщаетъ преданіе, согласное въ главныхъ чертахъ съ разсказомъ Ланглеса о пастухѣ, спасшемъ жизнь предку дома Гераевъ, но въ заключеніе присовокупляетъ объ этомъ послѣднемъ еще слѣдующее: „le Kam gouverna sous le nom de Tchoban-Gueray, et le surnom de Gueray s'est conservé jusqu'a ce jour dans toute la succession des souverains Tartares, ainsi que celui de berger *Tchoban*". Ма-

---

[1]) Op. cit., 402., 1. [2]) Ibid., 417. [3]) Mémoires du Baron de Tott. Maestricht, 1785. II: 201.

ло того: баронъ де-Тоттъ вслѣдъ за этимъ критикуетъ турецкихъ историковъ, которые, говоритъ онъ, „расходятся въ этомъ вопросѣ, и компиляціи которыхъ могли бы внушить недовѣріе къ татарскому преданію, если бы ошибки, замѣчаемыя даже въ самыхъ новѣйшихъ османскихъ исторіяхъ, не заставляли совершенно отвергнуть мнѣніе турецкихъ лѣтописцевъ“ [1]). Привожу здѣсь эти извѣстія и соображенія барона только какъ курьозъ, ибо ни тѣ, ни другія не заслуживаютъ серьозной критики, благодаря особеннымъ свойствамъ ихъ автора, отличающагося бойкостью и претензіями, не соединенными у него съ должною основательностью.

Настоящіе, чистокровные Гераи однако же никакъ не могли примириться съ фактомъ вторженія въ ихъ фамилію какихъ-то батардовъ темнаго происхожденія и при всякомъ удобномъ случаѣ очень недвусмысленно выражали это свое неудовольствіе. Такъ какъ виновникомъ этого былъ Мухаммедъ-Герай, то, разумѣется, на него же прежде всего и падало недовольство его родичей, проживавшихъ подъ покровительствомъ Порты. Не будучи однако въ силахъ нанести какой-либо ударъ ему самому, они выместили свою досаду на его заложникѣ, Ахмедъ-Гераѣ, котораго онъ выдалъ за своего сына. По заведенному при султанскомъ дворѣ порядку въ праздникъ байрама чингизидскіе султаны должны были являться во дворецъ поздравлять падишаха и удостоиваться цѣлованія руки и края одежды его величества. По чингизскому уставу въ подобныхъ случаяхъ слѣдовало соблюдать мѣстничество: принцы должны были занимать мѣста по старшинству возраста; по уставу же османскому первое мѣсто всегда предоставлялось тѣмъ, кто числился въ заложникахъ. Такъ было и въ настоящій разъ. На куртагѣ присутствовалъ также славившійся своей горячностью и гнѣвностью Пеглеванъ Хусамъ-Герай-султанъ, который былъ гораздо

---

[1]) Ibid., 202.

старше юнаго Ахмедъ-Герая. Досадуя на него за его первенство, Хусамъ сталъ искать случая какъ бы нибудь придраться къ Ахмеду. Зная немножко помолдавански, чтобы, напримѣръ, въ путешествіи попросить хлѣба, воды, или освѣдомиться о здоровьѣ, онъ заговорилъ съ нимъ въ ироническомъ тонѣ. Обрадовавшись случаю поговорить на своемъ природномъ языкѣ, Ахмедъ-Герай, ничего не подозрѣвая, на одинъ вопросъ Хусама посыпалъ цѣлый десятокъ отвѣтовъ. Тогда Хусамъ кричитъ вовсеуслышаніе: „Что это за несправедливость и позоръ: отродье какой-то молдаванки, брошенной на произволъ судьбы рабыни народа мусульманскаго, не знающій потурецки человѣкъ темнаго происхожденія становится выше султановъ чингизидскихъ!“ Съ этими словами онъ вынимаетъ кинжалъ и бросается на Ахмедъ-Герая; да только прочіе присутствующіе уговорили его и удержали отъ совершенія весьма неприличнаго дѣянія въ падишахскомъ Диванѣ [1]).

Въ скоромъ времени рѣшилась участь и прочихъ героевъ смутъ, обуревавшихъ Крымъ въ описываемую эпоху. Шагинъ-Герай, послѣ роковой битвы, въ которой погибъ его братъ Мухаммедъ-Герай, проскитавшись еще лѣтъ пять среди черкесовъ, кумыковъ, татаръ и козаковъ, и вездѣ производя смуты и грабежи, наконецъ, въ ребіу-ль-эввелѣ 1043 — въ сент.-окт. 1633 года, добровольно явился въ Высокому Порогу, получилъ прощеніе отъ султана Мюрада IV и былъ отосланъ на жительство на островъ Родосъ, съ назначеніемъ обычнаго отъ казны содержанія [2]). Туда же, недолго спустя, попалъ и заклятой врагъ его, Джаны-бекъ-Герай.

Какъ только въ Крыму возстановился порядокъ, Порта потребовала попрежнему военныхъ услугъ отъ хана, державшагося ея помощью. Весною 1631 года ему посланъ былъ указъ переправиться съ 30,000 татаръ по морю въ Самсунъ,

---

[1]) Семь планетъ, 134; Кр. Ист., 52 v. [2]) Наъима, I: 577.

чтобы дѣйствовать совмѣстно съ османскими войсками въ Малой Азіи противъ персовъ. Но ханъ медлилъ исполненіемъ даннаго ему предписанія, а потомъ, набравъ немного болѣе половины требуемаго количества войска, отправилъ его моремъ подъ командою одного мурзы. Татаре осенью добрались до мѣста назначенія, и то ободранные, въ лохмотьяхъ, бредя безъ всякаго строя и въ безпорядкѣ, какъ стадо скотовъ, которое никуда не было годно, кромѣ развѣ грабежа, и потому было скорѣе обузою, нежели помощью для турецкаго главнокомандующаго [1]).

Въ то же время ханъ Джаны-бекъ-Герай велъ самую безсовѣстную внѣшнюю политику съ сосѣдними государствами—Москвою и Польшею. Онъ слалъ грамоту за грамотою въ Москву, увѣряя царя Михаила Ѳеодоровича въ дружбѣ и выпрашивая разныхъ подачекъ, до какихъ-то „великихъ самсунскихъ собакъ"—ولیقه صامصون صاباق—[2]) включительно; или жалуется, что присланныя шубы плохи, и ихъ недостаетъ на всѣхъ вельможъ, имѣющихъ право на полученіе московскихъ подарковъ [3]). Клянясь русскимъ въ вѣчной дружбѣ и доброжелательствѣ, Джаны-бекъ между тѣмъ насылалъ своихъ людей на московскія украйны, на что жаловались русскіе послы въ Константинополѣ, прося смѣнить вѣроломнаго хана, какъ виновника международныхъ замѣшательствъ [4]). Эти набѣги крымскихъ татаръ въ царствованіе Джаны-бекъ-Герая не всегда, впрочемъ, кончались для нихъ благополучно: иногда имъ самимъ порядкомъ доставалось отъ русскихъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ османскіе историки [5]). Съ такимъ вѣро-

---

[1]) Наъима, I: 501. بربلوك عبالى كبهلى چلاق طائفه حيوانات سوريسى كبى كيدرار الايلرنك نه چاوش وار نه ترتيب صفوف وار جنك عسكرى دكل انجق بر ديارى غارت مصلحتنه مناسب ايدى كرچه كلديلر قالديلر يابانيلر اطرفك اول اولميوب لازم (Фезлике, II: 138). [2]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 18, стр. 82. [3]) Ibidem, стр. 91. [4]) Соловьевъ. Исторія Россія, IX: 288, 289, 291 и 298. [5]) Наъима, I: 501—502.

ломнымъ и безпокойнымъ нравомъ Джаны-бекъ-Герай, по словамъ тѣхъ же историковъ, не соединялъ въ себѣ качествъ настоящаго воина, а отличался склонностью къ изнѣженности и лѣни. Это надо понимать такъ, что въ Джаны-бекъ-Гераѣ, несмотря на то что онъ всецѣло былъ обязанъ своимъ положеніемъ поддержкѣ Высокой Порты, не совсѣмъ погасло традиціонное татарское нерасположеніе беззавѣтно служить интересамъ Отоманской имперіи, жертвуя кровью своего татарскаго народа безъ явныхъ выгодъ для него самого. Поэтому, когда султанъ Мюрадъ IV предпринялъ новый восточный походъ, и къ Джаны-бекъ-Гераю былъ посланъ изъ Порты Шагинъ-ага съ обычнымъ денежнымъ подаркомъ подъ названіемъ „на сапоги“—چزمه بها—въ размѣрѣ 40,000 флориновъ и съ приглашеніемъ тоже отправляться въ походъ, то ханъ вздумалъ отказаться отъ этого приглашенія, и даже не принялъ присланныхъ денегъ, вѣроятно въ надеждѣ, что ему даромъ пройдетъ этотъ отказъ. Но онъ ошибся: ему немедленно дана была отставка; онъ былъ отосланъ на островъ Родосъ; ханомъ же сдѣланъ сынъ Гази-Герай-хана, Инайетъ Герай I (1635—1637), а калгою при немъ Хусамъ-Герай-султанъ [1]). Эта перемѣна состоялась какъ разъ въ седьмую годовщину ханствованія Джаны-бекъ-Герая —18-го рамазана 1044 = 6-го марта 1635 года [2]). Такимъ образомъ Джаны-бекъ-Герай опять очутился лицомъ къ лицу съ Шагинъ-Гераемъ: „два падшихъ свѣтила“, говорятъ крымскіе историки, „противоположныхъ свойствъ природы, которыя не вмѣщались въ степяхъ азовскихъ, въ областяхъ козацкихъ, даже

---

[1]) Наъима, I: 585—586. [2]) Фезлико, II: 164; Семь планетъ. Рукоп. Учеб. Огд., л. 93 v.: въ печатномъ изданіи въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ. Кр. Истор., 53 v. Гаммеръ же относитъ этотъ фактъ къ 1637 году (Gesch. d Ch. d. Krim, 115) безъ сомнѣнія потому только, что взялъ его изъ того мѣста исторіи Наъимы (I: 620), гдѣ этотъ писатель уже повторительно, а не впервые, говоритъ о сверженіи Джаны-бекъ-Герая (Gesch. d. O. R., V: 225).

въ безконечномъ пространствѣ Дэшти-Кыпчакъ, теперь поневолѣ собрались въ одномъ злополучномъ мѣстѣ въ качествѣ заточениковъ" [1]). Впрочемъ одинаковость печальной участи не смягчила закоснѣлой вражды исконныхъ противниковъ. Внѣшнимъ выраженіемъ ея теперь были ссоры и даже драки, происходившія между слугами Шагинъ-Герая и Джаны-бекъ-Герая, въ то время когда они выносили для чистки и провѣтриванія домашнія вещи своихъ господъ—персидскіе ковры, тюфяки, подушки, и т. п., и когда сходство вещей подавало поводъ къ смѣшенію ихъ и недоразумѣніямъ [2])—фактъ, не лишенный интереса для характеристики нравовъ татарскихъ повелителей. Джаны-бекъ-Герай умеръ въ ссылкѣ въ джемазіъу-ль-ахырѣ 1046=въ ноябрѣ 1636 года и схороненъ на кладбищѣ Мюрадъ-реиса въ окрестностяхъ родосской крѣпости [3]), а Шагинъ-Герая ожидала насильственная смерть, вслѣдствіе происковъ одного изъ послѣдующихъ хановъ Крымскихъ, Бегадыръ-Герая, и благодаря тому, что онъ носилъ птичье имя, ибо *Шагинъ*—شاهين—значитъ „соколъ". Но прежде чѣмъ Шагинъ-Герай окончательно расквитался съ жизнью, на театрѣ его недавнихъ подвиговъ и приключеній произошли новыя важныя событія, довершившія собою эту замѣчательную эпоху въ исторіи Крымскаго ханства. Главными дѣйствующими лицами въ нихъ выступили съ одной стороны новый ханъ Инайетъ-Герай, не оправдавшій надеждъ Высокой Порты, чаявшей въ немъ видѣть послушнаго исполнителя своихъ предписаній, а съ другой—извѣстный уже намъ Канъ-Темиръ-паша, главный вождь ногайцевъ, начавшихъ съ этого времени играть весьма немаловажную роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ Крымскаго ханства и въ его отношеніяхъ къ верховенству Отоманской Порты.

Турецкіе историки, подробно описывающіе эти событія,

[1]) Семь планетъ. Ркп., 93 v.; Кр. Ист., 53 v. [2]) Ibidem. [3]) Ibidem.; Гюльбуни-ханапъ, 44.

имѣли, какъ кажется, подъ рукою всѣ свѣдѣнія полученныя ими изъ непосредственнаго источника, и ихъ повѣствованіе представляетъ тотъ интересъ, что оно весьма обстоятельно характеризуетъ ногайское народонаселеніе Крымскаго ханства и рисуетъ картину внутренняго государственнаго строя этого ханства, уясняя, такимъ образомъ, многое въ послѣдующемъ ходѣ исторіи и жизни этого ханства. Естественно, что они смотрятъ на повѣствуемые ими факты съ своей османской точки зрѣнія; но это нисколько не мѣшаетъ намъ различать настоящую нить дѣйствительныхъ событій и спеціальную окраску ихъ, сообщаемую тономъ разсказа историковъ, если только мы будемъ имѣть въ виду изъясненные у насъ принципы взаимныхъ отношеній Крымскаго ханства къ Высокой Портѣ— невольную ихъ политическую связь и естественную рознь, обусловливаемую національнымъ различіемъ. Вотъ что пишутъ османскіе историки.

Итакъ ханъ Джаны-бекъ-Герай былъ отставленъ за то, что не былъ человѣкъ воинственный, а на его мѣсто былъ назначенъ и посланъ сынъ Гази-Герая, Инайетъ-Герай-ханъ, съ тѣмъ чтобы ему идти сухимъ путемъ на Эривань. Между ногайскимъ народомъ и Крымскими ханами существовала давнишняя вражда. Всущности ногайскій народъ раздѣляется на три отрасли: 1) *Большой Ногай*, которые не подчинены никакому падишаху и не принимаютъ ни чьихъ повелѣній; 2) *Малый Ногай*, явно выказывающіе повиновеніе Крымскимъ ханамъ, но внутренно питающіе къ нимъ вражду, и 3) *Мансуръ*, извѣстные своей жестокостью и кровопійствомъ. Князь Канъ-Темиръ-мурза былъ начальникомъ именно этихъ мансурцевъ и за храбрость и военныя заслуги, проявленныя имъ въ хотинскомъ походѣ, возведенъ былъ въ званіе эмиру-ль-умера.—Этотъ народъ никогда не выказывалъ повиновенія ханамъ, а послѣ отличія, полученнаго Канъ-Темиромъ, въособенности возгордился и совершенно отдалился отъ хана.— У татаръ тоже есть еще отрасль, называемая ширинскими бе-

ками, съ которыми ханы состоятъ въ союзѣ, и которые во время войны со всѣми людьми въ числѣ 20—30 тысячь слѣдуютъ при ханскомъ стремени и составляютъ его охрану. Поэтому ханы выказывали особое вниманіе ширинскимъ бекамъ и при ихъ помощи привели въ повиновеніе ногайскія племена, восбенности же племя мансурское. Послѣ того какъ Канъ-Темиръ-паша, будучи отличенъ у Высокаго Порога, сдѣлался именитымъ сановникомъ, ширинскіе беки утратили свое вліяніе и власть надъ мансурцами; сила и значеніе племени Канъ-Темиръ-паши все возрастали болѣе и болѣе. Въ своемъ мѣстѣ уже было упомянуто, какъ онъ нѣсколько разъ не только оказывалъ явную вражду и вооруженное сопротивленіе, но даже вступалъ въ открытый бой съ Крымскими ханами.

Когда Инайетъ-Герай сдѣлался ханомъ, то младшій братъ его Хусамъ-Герай былъ назначенъ калгою, а другой младшій братъ, Сеъадетъ-Герай, нур-эд-диномъ.

Между татарами калга значитъ распорядитель войскъ и всего царства [1]; степень нур-эд-дина считается ниже этого. Калга Хусамъ-Герай, будучи нрава злого и дерзкаго, человѣкъ горделивый и кровожадный, склонилъ хана къ искорененію мансурцевъ, племени Канъ-Темира. Ханъ же, собравшій войско въ помощь для назначеннаго султаномъ похода подъ Эривань, не пошолъ въ этотъ походъ, а, сосредоточивъ свои войска на поляхъ Ак-Кермана и переправясь черезъ рѣку Днѣстръ, двинулся противъ племени Канъ-Темира съ цѣлью излить месть свою, предавъ все это племя поголовному истребленію.

---

[1] Въ турецкомъ текстѣ стоитъ выраженіе: صاحب الجيوش و جملة الملك مناسنه. По всей видимости, приведенное мѣсто должно бы было значить: «Распорядитель войскъ всего царства». Въ настоящемъ же его видѣ опредѣленіе значенія прерогативъ калги какъ будто не совсѣмъ точно и преувеличенно.

Въ это же время пришла къ Двери Счастія жалоба п-скаго короля на Канъ-Темира, что послѣдній позволи-бѣ поступить противно существующему между корол-султаномъ миру и разорять польскія земли.—Ханъ ух-ся за этотъ предлогъ и, написавъ султану холодное из-ніе, что не можетъ идти въ назначенный имъ походъ, о-говаривался тѣмъ, что, при существующихъ враждебныхъ ношеніяхъ между Канъ-Темиромъ и поляками, если о-будетъ въ отсутствіи, то поляки могутъ придти и овла-Крымомъ. Подъ вліяніемъ Хусамъ-Герая отклонившись о-султанскаго похода, ханъ началъ войну противъ Канъ-Те-ра.—Канъ-Темиръ съ своей стороны донесъ въ Порту, ч-если не остановить наступательное движеніе на него х-то отъ этого можетъ послѣдовать великій вредъ владѣні-исламскимъ (т. е. османскимъ), и поэтому онъ просилъ ра-рѣшенія вступить въ бой съ ханомъ.— Султанъ не разрѣши-ему вступать въ сраженіе и пригласилъ его къ Порогу Сча-стія. Канъ-Темиръ оставилъ всю свою семью и имущество в-Килии, а самъ отправился къ Порогу Счастія.

Когда ханъ съ войсками направился на канъ-темирово племя, то одинъ изъ канъ-темировыхъ братьевъ, Сельманъ-Шахъ-мурза, да Уракъ-мурза, да Вели-Шахъ-мурза, да Небзедъ-мурза, да Кутлугъ-Шахъ, да Инайетъ-Шахъ-мурза, да Али-бекъ, да Ай-Демиръ, да Кемаль-бекъ, со всѣми важными людьми племени собрались на совѣтъ и рѣшили, что невозможность для нихъ сопротивленія хану не подлежитъ никакому сомнѣнію; большая часть изъ нихъ разбѣжались и скрылись, а Сельманъ-Шахъ и Уракъ-мурза съ нѣсколькими мурзами, выйдя къ хану, просили у него пощады.—Ханъ простилъ ихъ вины и далъ имъ помилованіе; но татарскія войска выжгли и разрушили всѣ селенія мансурцевъ и ограбили все ихъ имущество. Ханъ отдалъ строжайшее приказаніе, чтобы собственно лично Канъ-Темиру подчиненныя татарскія селенія были переведены въ Крымъ, и

затѣмъ онъ разорилъ всѣ окрестности Ак-Кермана и предалъ смерти множество слугъ Канъ-Темира; потомъ, подойдя къ килійской крѣпости, ханъ потребовалъ выдачи семейства и имущества Канъ-Темира, но такъ какъ жители крѣпости этого не сдѣлали, то онъ, разграбивъ окрестность, подвезъ къ крѣпости орудія и хотѣлъ начать осаду; тогда жители вынуждены были выдать ему семью и имущество Канъ-Темира.— Послѣ того ханъ осадилъ городъ Кафу. Онъ еще прежде послалъ къ Двери Счастія просьбу о смѣнѣ кафскаго бейлеръбея Бычакчи Ибрагимъ-паши, но прежде чѣмъ полученъ былъ отвѣтъ изъ Порты на его просьбу, онъ обложилъ крѣпость и, захвативъ Бычакчи Ибрагимъ-пашу и кафскаго кади Хамида-эфенди, велѣлъ задушить ихъ. Кафскіе жители выдали пашу и кади съ условіемъ, чтобы жителямъ не было причинено никакого вреда, и ханъ принялъ это условіе, но потомъ разрѣшилъ татарскимъ войскамъ разгромить и разорить городъ.—Изъ братьевъ Канъ-Темира Сельманъ-шахъ, Уракъ-мурза и еще нѣкоторые мурзы поневолѣ изъявили покорность хану и получили отъ него прощеніе, но съ условіемъ, чтобы впредь всѣ находившіяся подъ властью ихъ ногайскія племена были переселены на крымскія земли, вполнѣ подчинились хану, спокойно живя подъ крыломъ его и впредь отнюдь не смѣли бы оказывать ему неповиновенія.— Таковъ былъ клятвенный договоръ ихъ съ ханомъ.

Но у Инайетъ-Герая въ головѣ были мятежные замыслы, и онъ послалъ муфти Яхьѣ-эфенди письмо съ вытребованіемъ Канъ-Темира. Изъ смысла этого письма были уже видны его злыя намѣренія: вотъ что онъ писалъ: „Вамъ извѣстно, что при смѣнѣ безъ всякой причины Джаны-бекъ-Герая и при назначеніи Мухаммедъ-Герая, а потомъ вновь Джаны-бекъ-Герая, сколько было вооруженныхъ столкновеній, стоившихъ жизни двумъ везирямъ и нанесшихъ ущербъ чести правительства! Канъ-Темиръ, принявшій сторону Джаны-бекъ-Герая, былъ причиною погибели Мухаммедъ-Герая; да и Ша-

Въ это же время пришла къ Двери Счастія жалоба польскаго короля на Канъ-Темира, что послѣдній позволилъ себѣ поступить противно существующему между королемъ и султаномъ миру и разорять польскія земли.—Ханъ ухватился за этотъ предлогъ и, написавъ султану холодное извиненіе, что не можетъ идти въ назначенный имъ походъ, отговаривался тѣмъ, что, при существующихъ враждебныхъ отношеніяхъ между Канъ-Темиромъ и поляками, если онъ будетъ въ отсутствіи, то поляки могутъ придти и овладѣть Крымомъ. Подъ вліяніемъ Хусамъ-Герая отклонившись отъ султанскаго похода, ханъ началъ войну противъ Канъ-Темира.—Канъ-Темиръ съ своей стороны донесъ въ Порту, что если не остановить наступательное движеніе на него хана, то отъ этого можетъ послѣдовать великій вредъ владѣніямъ исламскимъ (т. е. османскимъ), и поэтому онъ просилъ разрѣшенія вступить въ бой съ ханомъ.— Султанъ не разрѣшилъ ему вступать въ сраженіе и пригласилъ его къ Порогу Счастія. Канъ-Темиръ оставилъ всю свою семью и имущество въ Килии, а самъ отправился къ Порогу Счастія.

Когда ханъ съ войсками направился на канъ-темирово племя, то одинъ изъ канъ-темировыхъ братьевъ, Сельманъ-Шахъ-мурза, да Уракъ-мурза, да Вели-Шахъ-мурза, да Небзедъ-мурза, да Кутлугъ-Шахъ, да Инайетъ-Шахъ-мурза, да Али-бекъ, да Ай-Демиръ, да Кемаль-бекъ, со всѣми важными людьми племени собрались на совѣтъ и рѣшили, что невозможность для нихъ сопротивленія хану не подлежитъ никакому сомнѣнію; большая часть изъ нихъ разбѣжались и скрылись, а Сельманъ-Шахъ и Уракъ-мурза съ нѣсколькими мурзами, выйдя къ хану, просили у него пощады.—Ханъ простилъ ихъ вины и далъ имъ помилованіе; но татарскія войска выжгли и разрушили всѣ селенія мансурцевъ и ограбили все ихъ имущество. Ханъ отдалъ строжайшее приказаніе, чтобы собственно лично Канъ-Темиру подчиненныя татарскія селенія были переведены въ Крымъ, и

затѣмъ онъ разорилъ всѣ окрестности Ак-Кермана и предалъ смерти множество слугъ Канъ-Темира; потомъ, подойдя къ килійской крѣпости, ханъ потребовалъ выдачи семейства и имущества Канъ-Темира, но такъ какъ жители крѣпости этого не сдѣлали, то онъ, разграбивъ окрестность, подвезъ къ крѣпости орудія и хотѣлъ начать осаду; тогда жители вынуждены были выдать ему семью и имущество Канъ-Темира.— Послѣ того ханъ осадилъ городъ Кафу. Онъ еще прежде послалъ къ Двери Счастія просьбу о смѣнѣ кафскаго бейлеръбея Бычакчи Ибрагимъ-паши, но прежде чѣмъ полученъ былъ отвѣтъ изъ Порты на его просьбу, онъ обложилъ крѣпость и, захвативъ Бычакчи Ибрагимъ-пашу и кафскаго кади Хамида-эфенди, велѣлъ задушить ихъ. Кафскіе жители выдали пашу и кади съ условіемъ, чтобы жителямъ не было причинено никакого вреда, и ханъ принялъ это условіе, но потомъ разрѣшилъ татарскимъ войскамъ разгромить и разорить городъ.—Изъ братьевъ Канъ-Темира Сельманъ-шахъ, Уракъ-мурза и еще нѣкоторые мурзы поневолѣ изъявили покорность хану и получили отъ него прощеніе, но съ условіемъ, чтобы впредь всѣ находившіяся подъ властью ихъ ногайскія племена были переселены на крымскія земли, вполнѣ подчинились хану, спокойно живя подъ крыломъ его и впредь отнюдь не смѣли бы оказывать ему неповиновенія.— Таковъ былъ клятвенный договоръ ихъ съ ханомъ.

Но у Инайетъ-Герая въ головѣ были мятежные замыслы, и онъ послалъ муфти Яхьѣ-эфенди письмо съ вытребованіемъ Канъ-Темира. Изъ смысла этого письма были уже видны его злыя намѣренія: вотъ что онъ писалъ: „Вамъ извѣстно, что при смѣнѣ безъ всякой причины Джаны-бекъ-Герая и при назначеніи Мухаммедъ-Герая, а потомъ вновь Джаны-бекъ-Герая, сколько было вооруженныхъ столкновеній, стоившихъ жизни двумъ везирямъ и нанесшихъ ущербъ чести правительства! Канъ-Темиръ, принявшій сторону Джаны-бекъ-Герая, былъ причиною погибели Мухаммедъ-Герая; да и Ша-

гинъ-Герай, пошедшій по его стопамъ, подвергся заключенію и терпитъ бѣдствіе. Хотя падишахъ и далъ намъ Крымское ханство; но увольненіе мое по навѣтамъ нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ людей несомнѣнно. Сколько лѣтъ я терпѣлъ несчастія и лишенія ради нѣсколькихъ дней покоя и безопасности! Поэтому нельзя было далѣе выносить злыхъ умысловъ Канъ-Темира: показавъ свойственную нашей природѣ энергію и мужество, мы разгромили области и селенія упомянутаго Канъ-Темира, затоптавъ ихъ подъ ногами татарскаго войска и захвативъ въ плѣнъ его жену и сына, чѣмъ онъ тоже получилъ заслуженное наказаніе. Намъ извѣстно, что онъ, бѣжавъ, ушолъ въ Стамбулъ и нашолъ себѣ убѣжище въ Портѣ. Канъ-Темиръ одинъ изъ нашихъ подданныхъ; я желаю, чтобы намъ благополучный падишахъ прислалъ его сюда. Братья Канъ-Темира, Уракъ-мурза и Сельманъ-шахъ съ семью, восемью тысячами ногайцевъ, выпросивъ отъ меня помилованіе, перешли въ мою службу; если его величество падишахъ не выдастъ мнѣ Канъ-Темира, то я, перейдя Дунай, самъ лично явлюсь близъ Стамбула и вытребую этого безстыднаго лицемѣра, называемаго Канъ-Темиромъ. Если мнѣ скажутъ, что съ дарованіемъ Канъ-Темиру области Очакова и Силистры онъ, молъ, сдѣлался нашимъ беемъ, то эти слова будутъ причиною возмущенія. Если вы полагаете, что успокоите насъ, говоря: „Вамъ данъ халатъ и указъ; вы попрежнему ханъ"; что мы, обманувшись вашими лживыми словами, заснемъ заячьимъ сномъ и, когда вы будете смѣяться намъ въ лицо, мы вернемся уйдемъ и распустимъ собранныя у насъ татарскія войска, а вы между тѣмъ черезъ нѣсколько дней пришлете новаго хана, такъ вы очень ошибаетесь. Мы войскъ не распустимъ, а чтобы распустить ихъ, мы потребуемъ серьознаго залога: мы не хотимъ никого ни изъ янычаръ, ни изъ другихъ очаговъ; намъ надо прислать кого-нибудь изъ корпораціи улемà; а то для насъ ничего не стоитъ пойдти туда, чтобы потребовать выдачи Канъ-Темира. Послѣ не говорите, что мы н

предувѣдомляли васъ. Вы человѣкъ, умѣющій распутывать трудности, такъ поступайте же сообразно съ тѣмъ, что разумно. Прощайте!"—Изъ Порога на это письмо хана былъ присланъ отвѣтъ, предписывавшій молчать.

Въ это время между татарами разнеслась вѣсть, что ханство отдано другому, и ханъ отправился съ войскомъ для охраны морского берега, а на случай, если бы новый ханъ появился съ сухого пути, между Днѣпромъ и Очаковымъ остались съ ногайскими татарами Хусамъ-Герай, нур-эд-динъ и Сеъадетъ-Герай.—Братья Канъ-Темира, Сельманъ-шахъ, Уракъ-мурза ѣли, пили вмѣстѣ съ Хусамъ-Гераемъ и Сеъадетъ-Гераемъ и, весело проводя время, выжидали удобнаго случая; а сами постоянно показывали видъ, что они совершенно отвернулись и отъ Канъ-Темира и отъ османлы, говоря: „Мы покорны вамъ". Ногайское племя наружно тоже показывало видъ, что дѣлаетъ приготовленія для перекочовки вмѣстѣ съ ними въ Крымъ.—Братья Канъ-Темира, увидя, что поле для дѣйствія открыто, и что Хусамъ-Герай и Сеъадетъ-Герай день и ночь пьяны до безчувствія, тайно дали знать ногайскому племени, чтобы оно было готово къ ночному нападенію. Но Сеъадетъ-Герай замѣтилъ, что ногаи приготовляютъ для чего-то оружіе, и сообщилъ объ этомъ брату своему Хусамъ-Гераю, говоря: „Ногаи затѣваютъ противъ насъ что то недоброе". Хусамъ-Герай, въ своей пьяной гордости, отвѣчалъ: „Эта слабая толпа ищетъ убѣжища подъ нашимъ крыломъ отъ страха нашихъ же мечей; къ тому же нѣтъ между ними Канъ-Темира—гдѣ же имъ отважиться на какое-либо возмущеніе!"—Онъ не повѣрилъ словамъ брата и еще его же упрекнулъ; а на вопросъ, сдѣланный имъ братьямъ Канъ-Темира, что̀ за причина такого движенія среди ногайцевъ, тѣ подготовили отвѣтъ, сказавъ: „Когда какой-нибудь отрядъ долженъ перекочовывать въ другую землю, развѣ онъ не долженъ сдѣлать нужныхъ къ этому приготовленій?", и этимъ разсѣяли ихъ подозрѣнія.—Но въ одну ночь, выждавъ удоб-

ный случай, когда Хусамъ-Герай и Сеъадетъ-Герай лежали мертвецки пьяные, они убили ихъ, перерѣзали всѣхъ ихъ татаръ и такимъ образомъ совершили отмщеніе. Затѣмъ, покинувъ ногайское войско, пришли къ очаковскому заливу и дали знать о случившемся Двери Счастія, куда эта радостная вѣсть пришла 5-го зиль-хиджэ 1046 = 30 апр. 1637 года). Когда же вѣсть объ этомъ дошла до татарскаго хана, то онъ былъ пораженъ ею: что ему оставалось дѣлать, какъ не искать убѣжища въ Портѣ?! Но онъ зналъ, что за совершенныя имъ прежде дѣянія онъ не могъ надѣяться на помилованіе, и онъ въ этихъ думахъ остался въ нерѣшительности [1]).

Если отбросить тѣ жестокости, которыми сопровождалось стремленіе Инайетъ-Герая поддержать престижъ ханскаго достоинства и независимость своей династіи противъ посягательствъ Кантъ-Темира, всецѣло опиравшагося на благоволеніе къ нему Отоманской Порты, то въ образѣ дѣйствій этого хана много было поистинѣ геройскаго. Въ этомъ особенно убѣждаетъ тонъ его письма къ стамбульскому шейху-ль-исламу, какъ человѣку умному, вліятельному совѣтнику султана, котораго Яхья-эфенди сопровождалъ даже во время его походовъ [2]). Ханъ совершенно рыцарски ставитъ на видъ, что пожалованіе ему власти не ослѣпляетъ его настолько, чтобы не признать несправедливымъ смѣщеніе его ближайшаго предшественника Джаны-бекъ-Герая и другого хана, Мухам-

[1]) Наъима, I: 620—623; Фезлике, II: 187—188. [2]) Фезлике, II: 231; Наъима, II: 33. Это не единственный примѣръ обращенія иностранцевъ къ посредничеству или ходатайству шейху-ль-ислама по дѣламъ внѣшней политики въ Отоманской Портѣ: въ 1613 году русскіе послы также хлопотали о своихъ дѣлахъ у муфти (Соловьевъ, Исторія Россіи, IX: 83). У Ферндунъ-бея приводится грамота московскаго патріарха касательно международной политики къ стамбульскому шейху-ль-исламу въ 1679 году и отвѣтъ на нее главы турецкаго духовенства (Op. cit., II: 400—402). Въ частности же Яхья-эфенди пользовался большимъ въ свое время авторитетомъ у такого упрямаго и жестокаго султана, каковъ былъ Мюрадъ IV, и потому естественно, что Инайетъ-Герай-ханъ обратился къ лицу, способному выслушать и понять его справедливую претензію.

медъ-Герая. Онъ не можетъ и не хочетъ простить чистокровному ногайскому татарину Канъ-Темиру, который является въ его глазахъ явнымъ измѣнникомъ, его чрезмѣрнаго прислужничества туркамъ и козней противъ своихъ же братьевъ-татаръ, хановъ Крымскихъ, съ которыми онъ ведетъ непрерывныя распри, домогаясь, вѣроятно, для себя власти надъ Крымомъ.

Турецкіе историки все приписываютъ подстрекательствамъ Хусамъ-Герая, котораго представляютъ человѣкомъ самаго злодѣйскаго нрава; но энергическій человѣкъ въ тѣ времена почти-что необходимо долженъ былъ быть злодѣемъ. Вызывающій тонъ письма Инайетъ-Герай-хана показываетъ въ немъ увѣренность въ своей силѣ на случай открытаго столкновенія съ Портою. Эту увѣренность онъ испробовалъ уже на разгромѣ Кафы, беглеръ-бей и кади которой были вытребованы и казнены имъ. Причина этого гнѣва хана противъ главныхъ начальниковъ Кафы не ясна изъ разсказа историковъ, но она, судя по прежнимъ примѣрамъ, заключалась, должно быть, тоже въ какихъ-нибудь козняхъ этихъ чиновниковъ отоманскаго правительства противъ личности хана, или его предшественниковъ, въ союзѣ съ заклятымъ врагомъ дома Гераевъ, Канъ-Темиромъ.

Тѣмъ же духомъ традиціоннаго стремленія къ самостоятельности отличаются и грамоты Инайетъ-Герая къ царю Михаилу Ѳеодоровичу. Требуя, по обычаю всѣхъ хановъ, даней и подарковъ себѣ и всему вельможеству, онъ считаетъ эти дани исконнымъ правомъ рода чингизова—آل جنكيز—[1]). Въ довольно многочисленныхъ для двухлѣтняго царствованія ярлыкахъ своихъ онъ ни разу не упоминаетъ о какихъ-либо обязательныхъ отношеніяхъ своихъ къ султану и къ Портѣ, а тѣмъ паче не употребляетъ тѣхъ льстивыхъ фразъ по адресу своего суверена, какими переполнены, напримѣръ,

[1]) Вельяминовъ-Зерновъ, Матеріалы, № 28, стр. 125.

ярлыки Джаны-бекъ-Герая. Только по поводу разбоевъ донскихъ казаковъ онъ говоритъ, что они грабятъ области османскія—عثمانلی ولایتلرین چاپوب—[1]). Вчастности насчотъ международной политики онъ высказываетъ желаніе установленія прямыхъ, непосредственныхъ сношеній Москвы съ Крымомъ и заявляетъ свое неудовольствіе на то, что московскій дворъ завелъ обычай отправлять пословъ, какъ онъ сухо выражается, „въ Стамбулъ, пиша бумаги его присутствію, великому падишаху хункяру"—استانبولغه اولوغ پادشاه خنکار حضرتلاریکا کاغد بتیب—[2]). Словомъ сказать, Инайетъ-Герай въ отношеніяхъ своихъ къ Отоманской Портѣ явилъ себя достойнымъ сыномъ своего отца, Гази-Герая Бури. Даже то, что онъ послѣ своего сверженія рѣшился отправиться въ Порту и тамъ открыто отстаивать правоту своихъ дѣйствій, говоритъ въ его пользу, доказывая огромную въ немъ силу характера и твердость убѣжденій. Эту рѣшимость могла въ немъ поддерживать надежда на то, что султанъ не дерзнетъ поднять руку на члена ханской династіи въ угоду какому-нибудь простому авантюристу, ногайцу Канъ-Темиру. Но на этотъ разъ надежда его обманула. Султанъ Мюрадъ IV былъ одинъ изъ свирѣпѣйшихъ деспотовъ, который совершалъ собственноручныя убійства по ночамъ, преслѣдуя нарушителей изданнаго имъ запрещенія употребленія кофэ и табаку [3]). Не помиловалъ онъ и Инайетъ-Герая, осмѣлившагося оспаривать всемогущество его деспотизма надъ своимъ вассаломъ заурядъ съ прочими его подданными. Вотъ какъ, по словамъ турецкихъ историковъ, кончилась эта распря гордаго хана со своимъ сувереномъ изъ-за ногайскаго главаря Канъ-Темира, двусмысленное поведеніе котораго породило эту распрю.

Въ десятый день мухаррема (4 іюня 1637 года), пишутъ историки, ханъ былъ за всѣ его мятежныя дѣйствія

---

[1]) Ibid., № 30, стр. 135. [2]) Ibidem, № 32, стр. 148. [3]) Наъима, I: 552—554.

отрѣшенъ отъ должности, и на его мѣсто назначенъ сынъ Селяметъ-Герая, Бегадыръ-Герай I (1637—1642). По заведенному обычаю, поцѣловавъ руку султана, онъ на другой день на галерѣ былъ посланъ въ Крымъ и, прибывъ туда, безпрепятственно занялъ ханскій престолъ. Бегадыръ-Герай, воспитанный въ Ямболы, былъ человѣкъ послушный законамъ шаріъата и склонный къ правосудію. Другой его братъ, Исламъ-Герай-султанъ, былъ назначенъ въ должность калги, а младшій, Сафа-Герай-султанъ, назначенъ въ званіе нур-эд-дина. У него былъ еще моложе братъ, по имени Крымъ-Герай, котораго называли „Маленькій султанъ"—كوچك سلطان—. Прежній же ханъ Инайетъ-Герай, по причинѣ надѣланныхъ имъ неприличій, оставался въ страхѣ и нерѣшимости. Такъ какъ врагъ его Канъ-Темиръ, пріѣхавъ въ Порту и открывъ всѣ преступные замыслы и дѣйствія его, встрѣтилъ благосклонный пріемъ, то самъ онъ тоже отправился къ Высочайшему Порогу для очной ставки съ Канъ-Темиромъ въ высочайшемъ присутствіи и воображалъ, что оправдается, увѣривъ султана, что существенною причиной всѣхъ его неправильныхъ поступковъ былъ самъ Канъ-Темиръ. Съ этими мыслями онъ уже питалъ надежду, что всѣ его великія преступленія будутъ ему прощены, и что онъ спасется.—Не находя другого себѣ исхода, онъ сѣлъ на корабль и моремъ прибылъ въ Стамбулъ, гдѣ ему назначенъ былъ для жительства домъ каиммакама Мустафа-паши. О прибытіи его было доложено султану, который потребовалъ его къ себѣ. Явившись 8-го сефера (=2-го іюля) къ султану, онъ нашолъ тамъ и Канъ-Темира. Они начали сваливать другъ на друга свои вины и преступленія и спорить въ высочайшемъ присутствіи. Тогда властитель міра обратился къ Инайетъ-Гераю съ упреками и сказалъ ему: „Слушай, Инаетъ-Герай, мы ни въ чемъ тебя не обдѣлили, давъ тебѣ и вѣнецъ, и престолъ, и власть, а ты взамѣнъ этого отвѣтилъ неповиновеніемъ и неблагодарностью: ты осаждалъ принадлежащіе къ моимъ бого-

хранимымъ владѣніямъ городъ Кафу и крѣпость Килію и разорилъ ихъ; ты несправедливо предалъ смерти бейлеръбея, кади и многихъ мусульманъ. Развѣ за милости и вниманіе платятъ сопротивленіемъ и зломъ? Если ты не боялся моей сабли, то какъ же ты не побоялся гнѣва и возмездія Божія? Смертная казнь такого неблагодарнаго злодѣя можетъ принести только огромную пользу религіи и государству!"—Кончивъ эту гнѣвную и страшную рѣчь, султанъ сдѣлалъ знакъ: Инайетъ-Герая вывели вонъ изъ султанскаго присутствія, а бостанджи, накинувъ на него петлю, удавили его. Тѣло его было обмыто и завернуто въ саванъ въ одномъ изъ отдѣленій дворца, и затѣмъ гробъ Инайетъ-Герая изъ собственнаго султанскаго сада до пристани съ большой церемоніей проводили всѣ везири и казы-эскеры, потомъ отвезли и похоронили на кладбищѣ Абу-Эюба Ансари [1]).

Но и Канъ-Темиръ только нѣсколькими днями пережилъ доведеннаго имъ до петли хана: онъ также былъ удушенъ, и въ тонѣ повѣствованія историковъ о причинѣ его казни замѣтно сознаніе султанскаго правительства, что оно не совсѣмъ было право въ своемъ поступкѣ съ Инайетъ-Гераемъ, и казнію его противника хотѣло успокоить умы крымцевъ, взволнованные неслыханною расправою съ ихъ бывшимъ ханомъ.

Упомянутый выше Канъ-Темиръ-мурза, читаемъ мы у историковъ, который былъ причиною возмущенія Крымскихъ хановъ, получилъ въ управленіе кара-хысарскій санджакъ, но по дѣламъ остался еще на нѣсколько дней въ Стамбулѣ.— У Канъ-Темира было три сына: Туръ-Темиръ-мурза и Дже-

[1]) Наъима, I: 629—630; Фезлика, II: 190. Точно также описываютъ трагическій конецъ Инайетъ-Герая и крымскіе историки, хотя нѣсколько иначе, нежели историки османскіе, отзываются о личности и поведеніи его (Семь планетъ, 140—141; Кр. Ист., 55 r. & v.; Гюльбуни-хананъ, 49—50). По свидѣтельству Халимъ-Герая, тѣло казненнаго Инайетъ-Герая схоронено въ Бешикъ-ташѣ, въ усыпальницѣ Яхья-эфенди (Гюльбуни-хананъ, 50).

лаль-мурза, оставшіеся у ногайцевъ; третьяго же сына онъ привезъ съ собой въ Стамбулъ.—Собираясь ѣхать въ Кара-Хысаръ, Канъ-Темиръ переправился въ Скутари и тамъ остановился въ саду султанши Аишэ.—Всѣмъ извѣстна врожденная жестокость татаръ и ихъ дерзость въ совершеніи убійствъ безъ всякаго права. Полагая, что подобныя преступленія можно совершать и въ столицѣ султана, бывшій съ отцомъ младшій сынъ Канъ-Темира въ нетрезвомъ видѣ ударилъ и убилъ одного человѣка въ Стамбулѣ. Онъ былъ схваченъ и приведенъ къ султану; по закону кровомщенія ему отрублена была голова, а трупъ его отосланъ къ отцу его Канъ-Темиру. Его присутствіе падишахъ сообразилъ, что хотя Канъ-Темиръ и пріобрѣлъ себѣ извѣстность своею храбростію, службой и распорядительностью въ дѣлахъ, но его старинная вражда съ Крымскими ханами постоянно служитъ причиною безпорядковъ, мятежей, неповиновенія и возмущенія между татарскими народами, и что, кромѣ того, онъ, безъ сомнѣнія, теперь огорченъ казнію сына и питаетъ въ сердцѣ своемъ ненависть.—По этому разумно, молъ, было бы и его отправить на тотъ свѣтъ и тѣмъ устранить причину татарскихъ мятежей.—Разсудивъ это, въ одинъ прекрасный день султанъ приказалъ своему бостанджи-баши поѣхать въ Скутари и удавить Канъ-Темира, что и было имъ исполнено 11-го сефера (5 іюля). Когда вѣсть о казни Канъ-Темира дошла до татаръ, то ногайцы были этимъ очень опечалены и огорчены, а Крымскій ханъ и его приближенные остались этимъ чрезвычайно довольны и обрадованы [1]).

Турецкій историкъ Наъима заканчиваетъ вышеприведенный разсказъ о казни Канъ-Темира такимъ замѣчаніемъ. „По внушенію Высокой Державы", говоритъ онъ, „татарскій ханъ сталъ оказывать ногайцамъ сердечное расположеніе, и

[1]) Наъима, I: 630; Фезлике, II: 190; Семь планетъ, 141—142; Кр. Ист., 55 v.

съ этого времени между ними установились хорошія, искреннія отношенія; ногайцы съ своей стороны сбавили свою спесь и заносчивость, стали слушаться хана и повиноваться его приказаніямъ“ [1]). Но это замѣчаніе слѣдуетъ понимать лишь въ ограниченномъ смыслѣ. Конечно, на время въ Крымѣ произошло нѣкоторое затишье, когда сошли въ гробъ главные зачинщики смутъ, недавно происходившихъ тамъ; искренности же или задушевности отношеній между ногайцами и коренными крымцами никогда не установлялось: давнишняя рознь между ними постоянно проявлялась и послѣ того. Не далѣе, какъ при новомъ же ханѣ Бегадыръ-Гераѣ произведена была кровавая расправа съ ногайцами ненавистнаго крымцамъ мансурскаго племени, хотя она исполнена при содѣйствіи юридической власти, по приговору кафскаго муфти Афиф-эд-Динъ Абду-л-Ла-эфенди [2]). Еще крупнѣе раздоры происходили въ послѣдующія времена.

Что касается до Шагинъ-Герая, то онъ спокойно проживалъ себѣ въ ссылкѣ на островѣ Родосѣ до конца царствованія султана Мюрада IV. Но и ему не дали умереть естественною смертью: причиною его погибели, какъ свидѣтельствуютъ всѣ историки, было птичье имя его: Шагинъ— شاهين —значитъ „соколъ“. Въ неблагополучныя времена и въ эпохи бѣдствій народъ всегда какъ-то особенно бываетъ склоненъ ко всякимъ суевѣріямъ и нелѣпымъ выдумкамъ. Мятежи братьевъ Мухаммедъ-Герая и Шагинъ-Герая въ свое время надѣлали большой тревоги въ Стамбулѣ. Одинъ какой-то тогдашній астрологъ сочинилъ и пустилъ въ ходъ предзнаменованіе, что серьозная бѣда грозитъ Высокой Державѣ отъ человѣка, носящаго птичье имя. А между тѣмъ Бегадыръ-Герай-ханъ доносилъ въ Порту, что будто бы Шагинъ-Герай

[1]) Наима. Loco citato. [2]) Семь планетъ. 145—146; Кр. Ист., 57 r. & v.; Гюльбуни-хананъ, 51.

продолжаетъ издали сѣять смуту среди татаръ и тѣмъ мѣшаетъ ему спокойно управлять дѣлами. Приверженцы Шагинъ-Герая дѣйствительно пускали время отъ времени въ Крымѣ слухъ, что будто бы онъ опять сдѣлается ханомъ. Нашлись люди, которые настращали новаго султана, молодого Ибрагима I (1640—1648), вышеприведеннымъ глупымъ астрологическимъ предзнаменованіемъ, убѣдивши, что опасный для государства человѣкъ, носящій птичье имя, есть не кто иной, какъ ссыльный Шагинъ-Герай. Эта выдумка какого-то глупца стоила жизни Шагинъ-Гераю. Оттого-то, должно быть, лишеніе жизни этого несчастнаго авантюриста и сопровождалось необыкновенными предосторожностями со стороны Наккашъ Мустафа-паши, которому дано было порученіе покончить съ такимъ опаснымъ ссыльнымъ. Паша, ѣдучи въ Египетъ, куда онъ былъ назначенъ губернаторомъ, по пути завернулъ въ Родосъ и пригласилъ Шагинъ-Герая на пиръ, будто-бы устроенный имъ за городомъ. Какой-то дервишъ, прознавъ о замыслѣ противъ Шагина, хотѣлъ предупредить его письмомъ. Но Шагинъ, думая, что письмо было дервишу только предлогомъ выклянчить подачку, велѣлъ дать ему сколько-то денегъ и, не обративъ вниманія на записку, отправился въ гости къ пашѣ и тамъ былъ удушенъ заранѣе приготовленнымъ арканомъ [1]).

Султанъ Мюрадъ, отпуская Бегадыръ-Герая на свой постъ въ Крымъ, напутствовалъ его такимъ наставленіемъ: „Вотъ Инайетъ-Герай понесъ наказаніе за свое измѣнничество. И ты берегись: не моги ни на одну точку сдвинуться съ компаснаго круга послушанія" [2]). Но для Бегадыръ-Герая было излишне это назиданіе, ибо этотъ ханъ, носившій поэтическое прозваніе „Резми"—رزمی—, болѣе занятъ былъ сочиненіемъ стиховъ и изобрѣтеніемъ остроумныхъ каламбуровъ,

---

[1]) Тарихи-Веджиги. Вѣнская рукопись. л. 19 г; Наъима, I: 700; Семь планетъ. Рукоп. Учеб. Отд., л. 81 г.; Кр. Ист., л. 54 г. [2]) Семь планетъ, 144; Кр. Ист, 56 v.

нежели политикою. Это однако же не мѣшало ему обирать своихъ бѣдныхъ подданныхъ: подъ благовиднымъ предлогомъ расходовъ на военную кампанію противъ донскихъ козаковъ, захватившихъ тогда и державшихъ въ своихъ рукахъ Азовъ, онъ установилъ новые налоги подъ названіемъ „оружейныхъ и тамговыхъ денегъ“—تفنك وتمغا اقچەسى—, чего прежде не было въ обычаѣ, и за что порицаетъ его крымскій историкъ Хэйри-задэ [1]). Кампанія же, для которой Бегадыръ-Герай собралъ усиленные налоги съ своихъ крымцевъ, не удалась, хотя и длилась съ весны 1641 года до самой осени. Соединенныя силы османскія и татарскія не могли одолѣть мужества засѣвшихъ въ Азовѣ козаковъ. Наъима приписываетъ эту неудачу недостатку военныхъ снарядовъ и провіанта [2]), а Веджиги—несогласіямъ между турецкимъ главнокомандующимъ и Крымскимъ ханомъ, вслѣдствіе которыхъ дѣло велось зря вплоть до наступленія осени, когда пришлось безнадежно вернуться по домамъ [3]). Ханъ возратился изъ похода больной и въ реджебѣ 1051 = въ октябрѣ 1641 г. умеръ, какъ только прибылъ въ Гӧзлевъ. Онъ схороненъ въ отцовской усыпальницѣ въ Бакчэ-Сараѣ [4]).

Хотя Бегадыръ-Герай-ханъ и не былъ бездѣтенъ, какъ говоритъ Сестренцевичъ Богушъ [5]), ибо у него были и сыновья и дочери [6]), а отъ одного его сына, Бахтъ-Герая, имѣется даже грамота, припечатанная, впрочемъ, отцовскою печатью [7]), да, наконецъ, его сынъ же былъ знаменитый ханъ Эльхаджъ Селимъ-Герай, тѣмъ не менѣе однако же первымъ кандидатомъ на опроставшуюся ханскую вакансію считалъ себя, въ силу исконнаго традиціоннаго обычая, слѣдующій по стар-

---

[1]) Семь планетъ, 148; Кр. Ист., 58 v. [2]) Наъима, II: 3—4 [3]) Op. cit., 20 v.—21 r. [4]) Наъима, II: 4; Веджиги, Op. cit., 21 r.; Семь планетъ, 149; Кр. Ист., 58 v. У Лангле́са невѣрно означено время смерти Бегадыръ-Герай-хана въ 1048=1639 г. (Op. cit., 115. [5]) Исторія о Тавріи, II: 311. [6]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 41, стр. 226. [7]) Ibidem, № 57, стр 266—267.

шинству лѣтъ братъ умершаго хана, Исламъ-Герай, который при немъ состоялъ калгою. Но порядокъ порядкомъ, а надо было еще прежде перевѣдаться съ Высокою Портою. Порта же попрежнему оставалась, по витіеватому выраженію Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы, „базаромъ товаровъ, составляющихъ предметъ стремленій жителей семи климатовъ, на которомъ за деньги стараній и хлопотъ пріобрѣталась одежда, служащая украшеніемъ хановъ“ [1]). Только надо прибавить, что сказанное Ризою метафорически, слѣдуетъ понимать въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ только умеръ Бегадыръ-Герай, Исламъ-Герай, желая получить ханство, отправилъ въ Порту хлопотать объ этомъ младшаго брата своего нур-эд-дина Крымъ-Герая. Но у нихъ былъ еще моложе братъ, Мухаммедъ-Герай, который родился три мѣсяца спустя по смерти отца своего Селяметъ-Герая и, будучи по матери сводным братомъ Джаны-бекъ-Герая, остался на попеченіи послѣдняго. Когда Джаны-бекъ-Герай, бывши ханомъ, ни за что ни про что убилъ Азаматъ-Герая, а другіе братья его Мубарекъ-Герай и Сафа-Герай со страха бѣжали, то Мухаммедъ-Герай сдѣлался у братоубійцы Джаны-бекъ-Герая сперва нур-эд-диномъ, а потомъ и калгою. Это ужасно было непріятно прочимъ его братьямъ, и они за это всегда относились къ нему враждебно, такъ что послѣ отставки Джаны-бекъ-Герая, онъ принужденъ былъ жить особнякомъ отъ нихъ въ окрестностяхъ Ямболу. Но онъ себѣ не унывалъ и постарался завести связи съ государственными сановниками Порты. Благодаря ихъ-то старанію Мухаммедъ-Герай IV (1641—1644) помимо своего старшаго брата и получилъ ханство, что уже окончательно отшатнуло отъ него его братьевъ, которые крайне были недовольны такимъ нарушеніемъ исконнаго ихъ фамильнаго чингизидскаго обычая. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлалъ сына Чобанъ Девлетъ-Герая

[1]) Семь планетъ, 157.

Фетхъ-Герая калгою, а племянника своего, сына Мубарекъ-Герая, 15-ти лѣтняго Гази-Герая нур-эд-диномъ. Исламъ-Гераю же, тщетно хлопотавшему о ханскомъ тронѣ, указано было отправиться на жительство въ дарданелльскую крѣпость Султанійе [1]).

Но при Исламъ-Гераѣ былъ вѣрный спутникъ и слуга, Сеферъ-Гази-ага, правитель дѣлъ его—كتخداسى—, который неотлучно находился при немъ втеченіе всей его исторической карьеры. Наъима называетъ его въ одномъ мѣстѣ своей исторіи аталыкомъ, т. е. дядькою-воспитателемъ Исламъ-Герая [2]); но крымскіе историки ничего не говорятъ о такомъ духовномъ родствѣ ихъ. По ихъ свѣдѣніямъ, онъ былъ сынъ Джанъ-мурзы-аги, изъ корпораціи крымскихъ капы-кулу; сперва служилъ миръ-ахуромъ, или актаджи (оберъ-шталмейстеромъ) у Хусамъ-Герая; потомъ сдѣлался башъ-агою (главнымъ агою) при Исламъ-Гераѣ, въ бытность его калгою въ царствованіе Бегадыръ-Герай-хана, а по смерти этого послѣдняго сопровождалъ Исламъ-Герая въ ссылкѣ его въ кр. Султанійе и съ тѣхъ поръ уже не разставался съ нимъ, дѣля съ нимъ горе и радость [3]). Одаренный отъ природы практическимъ умомъ и умудренный опытомъ, Сеферъ-Гази-ага постигъ тайны тогдашняго государственнаго строя Порты, завелъ выгодныя связи со стамбульскимъ вліятельнымъ міромъ и взялся добыть ханство Исламъ-Гераю, въ вѣрномъ разсчотѣ, что и ему отъ этого будетъ неплохо. Онъ, какъ впослѣдствіи догадывались, для достиженія предположенной цѣли далъ взятку дѣлопроизводителю балтаджіевъ и совсѣмъ было-устроилъ все какъ было надо. Но верховный везирь Джеванъ Мухаммедъ-паша былъ несогласенъ на это. Да къ тому же въ Порту прибылъ сынъ кафскаго паши съ письмами отъ отца своего и отъ Мухаммедъ-Герай-хана. Въ нихъ

---

[1]) Семь планетъ, 157—158; Кр. Ист., 61 г.—62 г.; Наъима, II: 43. [2]) Наъима, II: 432. [3]) Семь планетъ, 171; Кр. Ист., 65 г.

заключались жалобы на Исламъ-Герая, что онъ мутитъ крымскій народъ, присылая извѣстія о томъ, что онъ не сегодня завтра получитъ ханство и явится туда, такъ что если онъ не будетъ удаленъ, то народъ окончательно выйдетъ изъ повиновенія, и поднимется бунтъ. Тогда посланъ былъ дѣлоправитель Гани-задэ Махмудъ-чаушъ и каваллыскій бей Цигалэ-задэ-бей взять Исламъ-Герая, посадить его на галеру вмѣстѣ съ Сеферъ-агою и отправить на островъ Родосъ, что и было исполнено. Подозрѣвавшійся же въ полученіи взятки кяхья балтаджіевъ тоже былъ сосланъ [1].

Но Сеферъ-Гази не успокоился на этомъ: онъ очень хорошо понималъ, что судьба ихъ опредѣлялась не извѣстными неизмѣнными законоположеніями, а только личнымъ усмотрѣніемъ стоявшихъ близъ кормила правленія интригановъ. Если одни изъ нихъ были на сторонѣ хана, то ничто не мѣшало другимъ взять сторону Исламъ-Герая; что если подкупъ не удался одинъ разъ, то онъ могъ удаться въ другой разъ. Сеферъ-Гази теперь прибѣгъ къ содѣйствію главнаго евнуха, Дженджи Хусейна-эфенди: обѣщавъ ему посулъ и золотомъ, и мальчиками, и дѣвочками, онъ сообщилъ ему цѣль просьбы своей. Тотъ, въ свою очередь, постарался повліять на падишаха, и едва прошло только 63 дня со времени прибытія Исламъ-Герая на островъ Родосъ, какъ на 64-й день за нимъ пріѣхала уже галера везти его въ столицу къ султану, гдѣ онъ и назначенъ былъ ханомъ, въ ребіъу-ль-ахырѣ 1054 — въ іюнѣ 1644 года [2]. Его назначенію благопріятствовало еще то, что кафскій паша Исламъ-паша-задэ былъ казненъ по обвиненію въ напрасномъ разореніи черкесскихъ странъ и въ тиранническомъ пользованіи своею властью въ Кафѣ; а Мухаммедъ-Герай-хана также обвинили въ дурномъ управленіи и, отозвавши его, сослали

[1]) Наъима, II: 38—39; Семь планетъ, 160; Кр. Ист., 62 г. [2]) Семь планетъ, 161; Кр. Ист, 62 г.

на островъ Родосъ, съ назначеніемъ ему отъ казны обычнаго содержанія [1]).

Правда, что Мухаммедъ-Герай былъ неважный человѣкъ, какъ по личнымъ такъ и правительственнымъ своимъ качествамъ, но дѣло было не въ этомъ при тогдашнемъ режимѣ въ самой Турціи. Султанъ Ибрагимъ былъ ненасытный плотоугодникъ, утопавшій въ роскоши и гаремныхъ наслажденіяхъ, доходившихъ у него до грубой изысканности. Преданный разврату, повелитель проявлялъ свою властительскую дѣятельность только для утоленія личнаго гнѣва, приказывая обезглавливать или душить арканами сановниковъ и другихъ лицъ, чѣмъ-нибудь навлекавшихъ на себя его немилость. Во всемъ остальномъ, что касалось управленія государства, деспотъ былъ рабомъ любимыхъ гаремницъ и другихъ ближнихъ людей, доставлявшихъ ему натуральныя и денежныя средства для удовлетворенія его скотской похотливости. Отсюда полное хозяйничанье въ государствѣ придворныхъ льстецовъ, женщинъ и евнуховъ, изъ коихъ иные скапливали себѣ взятками огромное состояніе. Такова была, напримѣръ, султанская фаворитка, называвшаяся на придворномъ жаргонѣ „Сахарный кусочекъ“ — شكرپاره — [2]). Казна тратилась на дорогіе соболя, парчи, драгоцѣнныя украшенія и амбру; самыя доходныя провинціи Отоманской имперіи были назначены подъ именемъ „башмачнаго“ султанскимъ любовницамъ; для покрытія дефицитовъ у богатыхъ жителей прямо-на-прямо отбирали деньги и ограбляли ихъ лавки, магазины и т. п. заведенія; у бѣдныхъ отнимали послѣдніе гроши. Однимъ словомъ, творились такія злодѣйства и безобразія, что если бы ихъ начать всѣ описывать, говоритъ историкъ Веджиги, то вышла бы цѣлая книга [3]). Эта безумная оргія заключилась сверженіемъ главнаго ея героя, султана

[1]) Наъима, II: 44. [2]) Наъима, II: 165—166. [3]) Веджиги. Рукоп., л. 37 г.

Ибрагима. Его посадили въ тюрьму, окна которой были замурованы; желѣзная дверь ея была запломбирована, и оставлено было только крошечное отверзтіе въ стѣнѣ для подачи пищи, да труба въ каминѣ. На мѣсто его возведенъ былъ на тронъ семилѣтній мальчикъ Мухаммедъ IV (1648—1687). Такъ какъ это породило разные толки въ народѣ, то главные орудователи переворота, верховный везирь и шейху-ль-исламъ, рѣшили совсѣмъ покончить со сверженнымъ Ибрагимомъ, и вотъ мы читаемъ у историковъ подробное описаніе, со словъ очевидцевъ, возмутительный сцены сперва сверженія и заключенія въ тюрьму, а потомъ и самаго задушенія султана Ибрагима [1]).

Малолѣтство новаго султана само въ себѣ уже заключало причину дальнѣйшей безурядицы въ государствѣ. Одни заправилы смѣняли другихъ; но у всѣхъ было одно и то же на умѣ—набить скорѣе карманы и насладиться властью. Въ этомъ отношеніи любопытенъ анекдотъ объ одномъ государственномъ человѣкѣ того времени, Хадымъ Абду-р-Рахманъ-пашѣ, бывшемъ правителемъ Египта. Накопивъ себѣ огромное состояніе, этотъ евнухъ, державшій ради помпа нѣсколькихъ любовницъ, жаждалъ только одного—власти: онъ часто говорилъ: „О, если бы мнѣ только сдѣлаться верховнымъ везиремъ, то хоть-бы чрезъ мѣсяцъ потомъ пришлось умереть, я бы не печалился объ этомъ!“ Верховнаго везирства-то онъ не достигъ, а веревки не избѣжалъ [2]).

При такихъ-то обстоятельствахъ вступилъ на ханство Исламъ-Герай III (1644—1654). Онъ, очевидно, понималъ выгоды своего положенія и потому не даромъ, послѣ торжественнаго нарсченія его въ султанской аудіенціи, обѣщался верховному везирю, что онъ съумѣетъ управлять какъ слѣдуетъ, лишь бы ему не мѣшали разными неумѣстными пред-

---

[1]) Наъима, II: 167—171; Фезлике, II: 309. [2]) Наъима, II: 418.

писаніями, распоряженіями, да совѣтами изъ верховной Порты [1]). Онъ оказался на высотѣ своего призванія. Кратковременное десятилѣтнее царствованіе этого хана совпадаетъ съ нѣкоторыми важными событіями въ исторіи, а поведеніе его относительно Порты напоминаетъ своею самостоятельностью образъ дѣйствій одного изъ лучшихъ его предшественниковъ, а именно Гази-Герай-хана Бури. Все благопріятствовало твердости и непоколебимости его властительства. Старшинство возраста передъ разжалованнымъ Мухаммедъ-Гераемъ, его младшимъ братомъ, служило ему опорою его правъ на престолъ въ глазахъ мѣстнаго населенія; распорядительность внутри ханства смирила безпокойные умы нѣкоторой буйной части его подданныхъ и еще болѣе расположила къ нему тѣхъ, которые и такъ ему повиновались. Рѣшительно и настойчиво веденная внѣшняя политика подняла значеніе хана въ тогдашнихъ международныхъ отношеніяхъ; безобразія и неурядицы, происходившія въ Отоманской имперіи, служили надежнымъ основаніемъ къ наибольшой независимости хана въ дѣлахъ своихъ, а сравнительная все-таки отдаленность Крыма отъ Стамбула до извѣстной степени гарантировала эту независимость отъ суверенныхъ притязаній Верховной Порты. Надо полагать также, что ему послужило въ пользу семилѣтнее пребываніе его въ польскомъ плѣну, во время котораго онъ могъ приглядѣться къ инымъ порядкамъ государственнаго управленія, хотя и не совершеннѣйшимъ въ мірѣ, но во всякомъ случаѣ превосходившимъ тѣ, какіе практиковались въ Крымскомъ ханствѣ или въ Отоманской имперіи. Онъ самъ хвастался, что король отпустилъ его на свободу именно за его мужество и доблести, которыя онъ выказалъ въ одномъ походѣ противъ невѣрныхъ, сопутствуя королю въ его свитѣ [2]). Въ послѣднемъ случаѣ онъ, положимъ, прихвастнулъ немного, ибо, по свидѣтельству историковъ, онъ былъ

---

[1]) См. выше, стр. 321. [2]) Наъима, II: 43.

выкупленъ въ обмѣнъ на десять плѣнныхъ бояръ, содержавшихся въ турецкомъ адмиралтействѣ на каторгахъ [1]). Историкъ Наъима, который передаетъ разсказъ Исламъ-Герая о своемъ плѣнѣ, пишетъ въ другомъ мѣстѣ, что онъ вышелъ изъ Польши съ турецкимъ посломъ Шагинъ-агою въ 1044=1634—1635 году, и присовокупляетъ, что Исламъ-Герай получилъ свободу въ обмѣнъ на двухъ знатныхъ плѣнныхъ турковъ, благодаря стараніямъ и хлопотамъ Муртаза-паши, котораго просилъ, въ свою очередь, похлопотать братъ Исламъ-Герая, Бегадыръ-Герай, подарившій ему за это двухъ отличныхъ коней [2]). Тѣмъ не менѣе однако жъ несомнѣнно, что Исламъ-Герай-ханъ обладалъ сильнымъ и самостоятельнымъ характеромъ и не лишенъ былъ государственныхъ способностей, какъ это показываютъ нѣкоторые замѣчательные факты изъ непродолжительнаго его царствованія.

Помимо своихъ личныхъ административныхъ достоинствъ, Исламъ-Герай-ханъ былъ счастливъ тѣмъ, что имѣлъ прекраснаго совѣтчика и преданнаго помощника въ лицѣ Сеферъ-Гази-аги, который выхлопоталъ ему ханское званіе и который, по отзывамъ историковъ, соединялъ энергію и настойчивость въ дѣлахъ государственныхъ съ умѣньемъ овладѣвать человѣческими сердцами. Даже въ послѣдующія времена часто вспоминали о немъ въ разныхъ случаяхъ и говорили: „Сеферъ-Гази-ага такъ-то поступалъ“ [3]). Сеферъ-Гази-ага былъ главнымъ руководителемъ внѣшней политики, при извѣстномъ участіи и сына своего, Исламъ-аги, какъ это видно изъ документальныхъ памятниковъ тогдашнихъ дипломатическихъ сношеній. Тотчасъ же по воцареніи Исламъ-Герая были посланы оповѣстительныя объ этомъ грамоты не только отъ имени самого хана, но также и отъ лица вышеупомянутыхъ государственныхъ людей Крыма—

[1]) Семь планетъ, 160; Кр. Ист., 62 г. [2]) Наъима, I: 585. [3]) Семь планетъ, 169, 171; Кр. Ист., 65 v.

Сеферъ-Гази-аги и его сына. Первый вездѣ титулуетъ себя такъ: اسلام کرای خان حضرتلرینك اولوغ وزیری دستور اکرام مشیر افخم и т. д. — „его присутствія, Исламъ-Герай-хана великій везирь, благороднѣйшій министръ, прехвальный совѣтчикъ" [1]); или еще такъ: اولوغ اغاسی دستور اکرم مشیر افخم وزیر اعظم وکیل مطلقلری — „великій его (хана) ага, благороднѣйшій министръ, прехвальный совѣтчикъ, полномочный довѣренный" [2]); а его сынъ, Исламъ-ага рекомендуется: „ага великаго порога его присутствія, калги-султана"— اولوغ ایشك اغاسی — [3]).

Но близость къ хану и полное довѣріе и вліяніе, которыми пользовался Сеферъ-Гази-ага, на первыхъ порахъ пришлись не по душѣ корпораціи капы-кулу, успѣвшихъ уже образовать особое служилое сословіе, стоявшее близъ центра власти и претендовавшее, вѣроятно, на исключительность своего вліянія на ходъ правительственныхъ дѣлъ въ ханствѣ. Тайное неудовольствіе этой дѣланной татарской аристократіи, бывшей, впрочемъ, всегда не въ ладахъ съ исконными, родовитыми мурзами, вскорѣ разразилось открытымъ бунтомъ, во время котораго Сеферъ-Гази-ага чуть не поплатился своею головою, а ханъ велъ себя какъ-то непонятно-двусмысленно. Дѣло было такъ: на возвратномъ пути ханскихъ войскъ изъ вышеописаннаго похода на мятежныхъ черкесовъ произошолъ какой-то раздоръ между капы-кулу и карачи-мурзами, по всей вѣроятности изъ-за дѣлежа добычи, чему бывали примѣры и впослѣдствіи, хотя историки ничего не говорятъ о причинѣ этого раздора. Въ видахъ умиротворенія враждующихъ и, должно быть, для обузданія притязательности ханскихъ лейбъ-гвардейцевъ, Сеферъ-Гази-ага, какъ человѣкъ умѣвшій привлекать къ себѣ людей своимъ благоразуміемъ и беспристрастною справедливостью, принялъ сторону мурзъ. Тогда капы-

---

[1]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 95, стр. 345. [2]) Ibidem., № 101, стр. 349. [3]) Ibidem., № 97, стр. 344, и др.

кулу, заодно съ новымъ калгою, стали требовать удаленія Сеферъ-Гази отъ званія главнаго аги. Дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія между бунтующими ханскими гвардейцами и мурзами, вступившимися, въ свою очередь, за Сеферъ-Гази-агу. Свалка произошла въ м. Кулатаѣ на глазахъ хана, за все время распри находившагося вмѣстѣ съ капыкулу и остававшагося пассивнымъ зрителемъ побоища. Сеферъ-Гази-ага, видя, что изъ-за него вышла такая сумятица, въ смущеніи удалился въ Кафу, думая, что бунтъ какъ-нибудь успокоится. Но противники его, узнавъ объ этомъ, хотѣли задержать его тамъ и раздѣлаться съ нимъ. Они требовали отъ хана распорядиться объ арестѣ Сеферъ-Гази-аги и донести Двери Счастія, чтобы былъ изданъ ферманъ казнить его смертью. Ханъ дрожащею рукою припечаталъ написанный кафскимъ командирамъ ярлыкъ, уповая на „авось" да „какъ-нибудь". Сеферъ-Гази-агѣ не сдобровать бы, если бы его заблаговременно не увѣдомили о грозившей ему опасности. Тогда онъ бѣжалъ, перескочивъ на гнѣдомъ черкесскомъ конѣ ровъ, который нарочито былъ выкопанъ у крѣпостныхъ воротъ кафскими командирами, прознавшими о намѣреніи аги бѣжать изъ крѣпости. Мурзы обрадовались его возвращенію; молодежь порывалась опять возобновить бой съ противниками; но старики совѣтовали лучше уйдти за Ферахъ-Керманъ, соединиться съ обитавшимъ тамъ родомъ Оръ-Мухаммедъ-оглу и въ союзѣ съ нимъ начать дѣйствовать. Такъ было и рѣшено, но только нашлись какіе-то умные посредники, которые умиротворили враждующія стороны, и Сеферъ-Гази-ага остался попрежнему на своемъ мѣстѣ [1]).

Ханъ во время этого мятежа или хитрилъ, или же самъ былъ въ безпомощномъ состояніи и дѣйствовалъ подневольно. Послѣднее какъ будто правдоподобнѣе. Такъ оно выходитъ

---

[1]) Семь планетъ, 162—164; Кр. Ист., 61 г.—63 г.

и по другому [illegible] [illegible] хотя тамъ опять въ [illegible] [illegible] къ хану [illegible] Сеферъ-Гази-ага [illegible] [illegible] [illegible] единомышленникъ [illegible] недоброжелателя, какъ существуетъ у татаръ выраженіе—وزیر تصیر ایکی کری صبی کیجه سی—Сеферъ-Гази-ага [illegible] недовольствіи съ капы-кулу. Когда [illegible] [illegible] [illegible] ханъ посадилъ его въ тюрьму [illegible] [illegible] [illegible] заключенія къ татарамъ и [illegible] [illegible] между татарскими племенами и [illegible]. Черные татаре—قره [illegible]—были во враждѣ съ капы-кулу и [illegible] ханъ [illegible] отъ повиновенія ему. Но [illegible] [illegible] [illegible] удалить хана. А между тѣмъ со стороны татаръ говорили Сеферъ-Гази-агѣ: „Пусть только ханъ выдастъ намъ изъ своихъ особенныхъ приближенныхъ Мухаммедъ-ага-оглу [illegible] агу, да теперешняго везира Рамазана и Мурадъ-оглу да Мейданъ-Кулу-бея—мы искрошимъ ихъ на мелкія части и тогда опять покоримся хану“; но эти требованія показались безумными, и на нихъ не послѣдовало согласія [1])

При всей сбивчивости этого разсказа, все же изъ него выходитъ, что ханъ и его любимый везирь были въ противоположныхъ лагеряхъ во время вспыхнувшаго раздора между двумя сильными въ ханствѣ корпораціями, и повидимому это случилось нечаянно, так что имъ потомъ уже поневолѣ пришлось—одному издавать ярлыкъ, подвергавшій опалѣ везира, а другому поднимать жителей противъ хана, чтобы найдти въ этомъ временномъ повстаніи средство спастись и обуздать произволъ капы-кулу.

Думается, что не въ связи ли съ этою внутреннею смутою находится одно правительственное распоряженіе, о которомъ упоминаютъ крымскіе историки безъ всякой мотивировки. Оно коснулось главнымъ образомъ татарскаго простого, или „чорнаго народа“—قرا خلقلار—, какъ онъ на-

---

[1]) Наъима, II: 115—116.

зывается въ ярлыкахъ Исламъ-Герай-хана, и состояло въ отмѣнѣ тяжолаго и ненавистнаго крымцамъ тамговаго налога —تمغا اقچه سی—, установленнаго, какъ мы видѣли, на военныя надобности Резми Бегадыръ-Герай-ханомъ [1]). Историки какъ-то не договариваютъ, или, лучше сказать, неумѣло описываютъ эти два факта, имѣвшіе мѣсто въ началѣ царствованія Исламъ-Герай-хана; но, по всѣмъ признакамъ, они совершились одновременно и даже по какимъ-то одинаковымъ внутреннимъ причинамъ экономическаго свойства. И у крымскихъ историковъ, и у турецкаго, Наъимы-челеби, вслѣдъ за описаніемъ внутренней усобицы, говорится о немедленномъ отправленіи татарскихъ полчищъ въ набѣгъ на земли невѣрныхъ. Дѣйствительно, сколько можно судить по имѣющимся даннымъ о ханствованіи Исламъ-Герая, онъ внутри своихъ владѣній, кажется, держался примирительной политики, достигши соглашенія между двумя могущественнѣйшими въ ханствѣ корпораціями, издавна косившимися другъ на друга, и подкупивъ простой людъ облегченіемъ казенныхъ взысковъ. Но зато, уладивъ внутреннія дѣла и сдѣлавъ ради этого даже нѣкоторыя уступки, Исламъ-Герай тѣмъ настойчивѣе и систематичнѣе дѣйствовалъ въ международныхъ сношеніяхъ съ своими ближайшими сосѣдями—Россіею и Польшею, стараясь непрестанными яко бы легальными поборами съ нихъ или даже просто-на-просто грабежами возмѣстить свои внутреннія, домашнія недоимки. Крымскіе историки, не распространяясь на этотъ счотъ, однако же рѣшительно говорятъ о необыкновенно благодѣтельныхъ результатахъ иностранной политики Исламъ-Герай-хана для крымскихъ татаръ: эти бѣдные оборванцы при немъ менѣе чѣмъ черезъ какихъ-нибудь два года разбогатѣли такъ, что защеголяли въ разноцвѣтныхъ кумачевыхъ нарядахъ вмѣсто прежнихъ старыхъ сермяжныхъ дерюгъ.

---

[1]) Семь планетъ, 167; Кр. Ист., 64 г.

Источникомъ обогащенія крымцевъ были прежде всего, конечно, грабительскіе набѣги на сосѣднія страны гяуровъ. Однимъ изъ героевъ этихъ набѣговъ при Исламъ-Герай-ханѣ былъ ширинскій мурза Кутлу-шахъ, славившійся особенною смѣлостью и отвагою въ этихъ предпріятіяхъ, которыя были выгодны и для самого хана, ибо какъ только татарскія полчища возвращались изъ похода домой, сейчасъ посылались ханскіе коммиссары—مباشرلر—за полученіемъ *сауга*, т. е. пятой части всей добычи, причитавшейся на долю хана. Замѣчательно, что карачи и капы-кулу не охотно отдавали ханскую долю, такъ что иногда споры ихъ съ ханскими мубаширами кончались схватками и смертоубійствомъ [1]).

Помимо этихъ набѣговъ, Исламъ-Герай-ханъ старался и дипломатическимъ путемъ производить взыски какъ съ Россіи такъ и съ Польши. Особенно онъ требователенъ былъ къ послѣдней, какъ это явствуетъ изъ цѣлаго ряда войнъ, веденныхъ Исламъ-Гераемъ противъ поляковъ.

Грамоты Исламъ-Герая къ московскимъ царямъ писаны самымъ изысканнымъ слогомъ, обнаруживающимъ сильное вліяніе османской канцелярской стилистики. Вѣжливость обращенія въ нихъ простирается дотого, что имена нашихъ царей обыкновенно сопровождаются стереотипнымъ выраженіемъ „Божіею милостію" и большею частью поставлены раньше имени самого хана, чего не встрѣчается въ грамотахъ другихъ хановъ, ни предшествовавшихъ, ни послѣдующихъ. Но, соблюдая эти тонкости пріемовъ настоящей дипломатіи на бумагѣ, правительство хана Исламъ-Герая неуклонно преслѣдовало свою корыстную задачу—взыскивать съ своихъ такъ называемыхъ друзей все, что только можно было взыскать, ссылаясь на какія-то искони свои права на разные поборы и, главнымъ образомъ, пользуясь современными обстоятельствами. Всѣ его грамоты исключительно почти

[1]) Семь планетъ, 164—165 и 167; Кр. Ист., 63 г.—64 г.

имѣютъ своимъ содержаніемъ напоминанія объ аккуратной высылкѣ въ срокъ обычныхъ даней и подарковъ, или упреки въ замедленіи и даже въ обманахъ и подлогахъ, которые творились русскими посланцаии при передачѣ поминковъ [1]).

Только изрѣдка въ грамотахъ намекается на нѣкоторыя политическія событія и отношенія того времени. Въ 1059—1649 году калга жалуется на „проклятый безвѣрный народъ именуемый калмыками", съ которыми, по слухамъ, московское правительство заключило миръ ради безопасности отъ нихъ собственныхъ владѣній; но зато, молъ, они грабятъ подданныхъ Крымскаго ханства, прикочовывая для набѣговъ изъ-за Волги и угоняя скотъ у ногайцевъ и крымцевъ. Калга проситъ не дружить съ этимъ окаяннымъ народомъ и не давать ему убѣжища въ своихъ владѣніяхъ, считая это противнымъ добрымъ отношеніямъ къ Крымскому ханству [2]). Въ другомъ ярлыкѣ, къ сожалѣнію безъ даты, самъ уже ханъ, въ отвѣтъ на грамоту царя Алексѣя Михайловича, присланную съ Анисимомъ Судаковымъ и Данилою Потаповымъ, пишетъ, что онъ намѣренъ отмстить молдаванамъ за то, что они во время прошлогодняго похода на Польшу причиняли вредъ войскамъ татарскимъ. А такъ какъ, вслѣдствіе близости Молдавіи къ крымскимъ владѣніямъ, молдаване, узнавая о малѣйшемъ движеніи татаръ на нихъ, укрываются въ неприступныя горы и дебри, то ханъ, посовѣтовавшись съ нѣкоторыми опытными людьми, рѣшилъ сдѣлать фальшивую диверсію какъ будто-бы противъ московцевъ, а въ дѣйствительности намѣревается, дойдя до верховьевъ Днѣпра, напасть врасплохъ на Молдавію, о чемъ уже и дано имъ секретное повелѣніе калгѣ-султану [3]). Затѣмъ въ цѣлыхъ трехъ грамотахъ отъ 1063—1653 года ханъ, заявляя о томъ, что онъ самолично предпринимаетъ походъ на польскаго короля, про-

[1]) В. Зерновъ. Матеріалы, № 114, стр. 396. [2]) Ibidem, № 124, стр. 463—464. [3]) Ibidem, № 132, стр. 439—440.

сить московскаго царя быть съ нимъ въ любви и дружбѣ и поторопиться высылкою просроченныхъ уже подарковъ [1]). Наконецъ въ 1064—1654 году ханъ категорически требуетъ обузданія донскихъ козаковъ, грабящихъ и опустошающихъ прибрежныя османскія и крымскія деревни, обѣщаясь въ противномъ случаѣ самъ пойдти и наказать ихъ. Кромѣ того, ханъ жалуется, что русскіе, построивъ какую-то новую крѣпость, тѣмъ самымъ причиняютъ вредъ и преграждаютъ дорогу живущимъ на рѣкѣ Терекѣ кумыкамъ въ ихъ сношеніяхъ съ крымскими и черкесскими областями, а это, говоритъ ханъ, „не подобаетъ, ибо тѣ (кумыкскія) владѣнія суть исламскія владѣнія", и кумыки „изъ народа мухаммедова" [2]).

Что же касается козаковъ, то, кромѣ обыкновенныхъ жалобъ на ихъ разбои и необходимость ихъ обузданія, въ грамотахъ Исламъ-Гирея не сообщается о нихъ никакихъ иныхъ свѣдѣній. А между тѣмъ это былъ довольно замѣчательный историческій моментъ, когда въ козачинѣ является дѣйствующимъ лицомъ Богданъ Хмельницкій. Любопытный эпизодъ въ дѣятельности этого человѣка, съ именемъ котораго связано присоединеніе Малороссіи къ Россіи, представляетъ обращеніе его за помощью и покровительствомъ сперва къ Крымскому хану Исламъ-Гераю, а потомъ и къ самой Отоманской Портѣ. Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что въ 1648 году Богданъ Хмельницкій былъ съ сыномъ своимъ и нѣсколькими знатнѣйшими козаками въ Бакчэ-Сараѣ, чтобы просить у Исламъ-Герая помощи противъ поляковъ. Хмельницкій, говорившій потатарски, держалъ цѣлую рѣчь на ханской аудіенціи, обѣщая впредь хану союзъ и дружбу козаковъ въ случаѣ оказанія имъ помощи противъ общаго ненавистнаго врага, поляковъ. Послѣ совѣщанія съ мурзами ханъ принялъ пред-

---

[1]) Ibidem, №№ 152—154. [2]) Ibid., № 156, стр. 476—477.

ложеніе Хмельницкаго, заставивъ его присягнуть на своей саблѣ, и оставилъ сына его Тимоѳея у себя въ заложникахъ [1]).

Крымскіе историки ни однимъ словомъ не заикаются объ этой, очень краткосрочной впрочемъ, дружбѣ Исламъ-Герая съ исконными врагами татаръ, козаками. Турецкій же историкъ Наъима сообщаетъ объ этомъ слѣдующее извѣстіе. „Въ первыхъ числахъ мѣсяца ребіъу-ль-ахыра 1058—въ концѣ апрѣля 1648 года отъ Крымскаго хана прибылъ въ Порту человѣкъ и заявилъ, что, молъ, община козаковъ, которые гнѣздились въ мѣстахъ, именуемыхъ „Жолтымъ камышомъ"—صارى قامش—, и, выходя шайками черезъ Днѣпръ въ Чорное море грабили и опустошали прибрежныя жилища, и которые во время хотинской кампаніи, ворвавшись въ лагерь, рѣзались съ войсками исламскими, до сего времени считалась въ подданствѣ короля ляхскаго. Но теперь, съ годъ или два, король ихъ, вслѣдствіе просьбы Венеціи о помощи, послалъ ихъ въ Задру (въ Далмацію), а жалованья и провіанта не давалъ, а еще ихъ же подвергалъ нѣкоторымъ обременительнымъ экстреннымъ налогамъ и разнымъ непріятностямъ. Упомянутая община совсѣмъ отвернулась отъ ляха и, отказавшись отъ повиновенія, прислала къ Крымскому хану одного или двухъ знатныхъ, главныхъ своихъ бояръ сказать: „Желая впредь вашего покровительства, мы будемъ душою и тѣломъ въ союзѣ съ вами служить успѣху вѣры исламской въ имѣющихъ быть войнахъ; съ ляхами же мы совершенно прекратили всякія связи. Мы просимъ васъ: возьмите у насъ заложниковъ и согласитесь заключить съ нами вышеозначенный союзъ".— Ханъ оказалъ всякія почести прибывшимъ боярамъ и согласился заключить союзъ на всѣхъ тѣхъ условіяхъ и обяза-

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи. X: 220; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій. Спб. 1884. I: 258—259; Буцинскій, о Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882. Стр. 41.

писаніями, распоряженіями, да совѣтами изъ верховной Порты [1]). Онъ оказался на высотѣ своего призванія. Кратковременное десятилѣтнее царствованіе этого хана совпадаетъ съ нѣкоторыми важными событіями въ исторіи, а поведеніе его относительно Порты напоминаетъ своею самостоятельностью образъ дѣйствій одного изъ лучшихъ его предшественниковъ, а именно Гази-Герай-хана Бури. Все благопріятствовало твердости и непоколебимости его властительства. Старшинство возраста передъ разжалованнымъ Мухаммедъ-Гераемъ, его младшимъ братомъ, служило ему опорою его правъ на престолъ въ глазахъ мѣстнаго населенія; распорядительность внутри ханства смирила безпокойные умы нѣкоторой буйной части его подданныхъ и еще болѣе расположила къ нему тѣхъ, которые и такъ ему повиновались. Рѣшительно и настойчиво веденная внѣшняя политика подняла значеніе хана въ тогдашнихъ международныхъ отношеніяхъ; безобразія и неурядицы, происходившія въ Отоманской имперіи, служили надежнымъ основаніемъ къ наибольшой независимости хана въ дѣлахъ своихъ, а сравнительная все-таки отдаленность Крыма отъ Стамбула до извѣстной степени гарантировала эту независимость отъ суверенныхъ притязаній Верховной Порты. Надо полагать также, что ему послужило въ пользу семилѣтнее пребываніе его въ польскомъ плѣну, во время котораго онъ могъ приглядѣться къ инымъ порядкамъ государственнаго управленія, хотя и не совершеннѣйшимъ въ мірѣ, но во всякомъ случаѣ превосходившимъ тѣ, какіе практиковались въ Крымскомъ ханствѣ или въ Отоманской имперіи. Онъ самъ хвастался, что король отпустилъ его на свободу именно за его мужество и доблести, которыя онъ выказалъ въ одномъ походѣ противъ невѣрныхъ, сопутствуя королю въ его свитѣ [2]). Въ послѣднемъ случаѣ онъ, положимъ, прихвастнулъ немного, ибо, по свидѣтельству историковъ, онъ былъ

[1]) См. выше, стр. 321. [2]) Наъима, II: 43.

выкупленъ въ обмѣнъ на десять плѣнныхъ бояръ, содержавшихся въ турецкомъ адмиралтействѣ на каторгахъ [1]). Историкъ Наъима, который передаетъ разсказъ Исламъ-Герая о своемъ плѣнѣ, пишетъ въ другомъ мѣстѣ, что онъ вышелъ изъ Польши съ турецкимъ посломъ Шагинъ-агою въ 1044=1634—1635 году, и присовокупляетъ, что Исламъ-Герай получилъ свободу въ обмѣнъ на двухъ знатныхъ плѣнныхъ турковъ, благодаря стараніямъ и хлопотамъ Муртаза-паши, котораго просилъ, въ свою очередь, похлопотать братъ Исламъ-Герая, Бегадыръ-Герай, подарившій ему за это двухъ отличныхъ коней [2]). Тѣмъ не менѣе однако жь несомнѣнно, что Исламъ-Герай-ханъ обладалъ сильнымъ и самостоятельнымъ характеромъ и не лишенъ былъ государственныхъ способностей, какъ это показываютъ нѣкоторые замѣчательные факты изъ непродолжительнаго его царствованія.

Помимо своихъ личныхъ административныхъ достоинствъ, Исламъ-Герай-ханъ былъ счастливъ тѣмъ, что имѣлъ прекраснаго совѣтника и преданнаго помощника въ лицѣ Сеферъ-Гази-аги, который выхлопоталъ ему ханское званіе и который, по отзывамъ историковъ, соединялъ энергію и настойчивость въ дѣлахъ государственныхъ съ умѣньемъ овладѣвать человѣческими сердцами. Даже въ послѣдующія времена часто вспоминали о немъ въ разныхъ случаяхъ и говорили: „Сеферъ-Гази-ага такъ-то поступалъ" [3]). Сеферъ-Гази-ага былъ главнымъ руководителемъ внѣшней политики, при извѣстномъ участіи и сына своего, Исламъ-аги, какъ это видно изъ документальныхъ памятниковъ тогдашнихъ дипломатическихъ сношеній. Тотчасъ же по воцареніи Исламъ-Герая были посланы оповѣстительныя объ этомъ грамоты не только отъ имени самого хана, но также и отъ лица вышеупомянутыхъ государственныхъ людей Крыма—

---

[1]) Семь планетъ, 160; Кр. Ист., 62 г. [2]) Наъима, I: 585. [3]) Семь планетъ, 169, 171; Кр. Ист., 65 v.

Сеферъ-Гази-аги и его сына. Первый вездѣ титулуетъ себя такъ: اسلام كراى خان حضرتلرینیڭ اولوغ وزيرى دستور اكرام مشير افخم и т. д. — „его присутствія, Исламъ-Герай-хана великій везирь, благороднѣйшій министръ, прехвальный совѣтчикъ“ [1]); или еще такъ: اولوغ اغاسى دستور اكرم مشير افخم وزير اعظم وكيل مطلقلرى — „великій его (хана) ага, благороднѣйшій министръ, прехвальный совѣтчикъ, полномочный довѣренный“ [2]); а его сынъ, Исламъ-ага рекомендуется: „ага великаго порога его присутствія, калги-султана“ — اولوغ ايشك اغاسى — [3]).

Но близость къ хану и полное довѣріе и вліяніе, которыми пользовался Сеферъ-Гази-ага, на первыхъ порахъ пришлись не по душѣ корпораціи капы-кулу, успѣвшихъ уже образовать особое служилое сословіе, стоявшее близъ центра власти и претендовавшее, вѣроятно, на исключительность своего вліянія на ходъ правительственныхъ дѣлъ въ ханствѣ. Тайное неудовольствіе этой дѣланной татарской аристократіи, бывшей, впрочемъ, всегда не въ ладахъ съ исконными, родовитыми мурзами, вскорѣ разразилось открытымъ бунтомъ, во время котораго Сеферъ-Гази-ага чуть не поплатился своею головою, а ханъ велъ себя какъ-то непонятно-двусмысленно. Дѣло было такъ: на возвратномъ пути ханскихъ войскъ изъ вышеописаннаго похода на мятежныхъ черкесовъ произошолъ какой-то раздоръ между капы-кулу и карачи-мурзами, по всей вѣроятности изъ-за дѣлежа добычи, чему бывали примѣры и впослѣдствіи, хотя историки ничего не говорятъ о причинѣ этого раздора. Въ видахъ умиротворенія враждующихъ и, должно быть, для обузданія притязательности ханскихъ лейбъ-гвардейцевъ, Сеферъ-Гази-ага, какъ человѣкъ умѣвшій привлекать къ себѣ людей своимъ благоразуміемъ и безпристрастною справедливостью, принялъ сторону мурзъ. Тогда капы-

---

[1]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 95, стр. 345. [2]) Ibidem., № 101, стр. 349. [3]) Ibidem., № 97, стр. 344, и др.

кулу, заодно съ новымъ калгою, стали требовать удаленія Сеферъ-Гази отъ званія главнаго аги. Дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія между бунтующими ханскими гвардейцами и мурзами, вступившимися, въ свою очередь, за Сеферъ-Гази-агу. Свалка произошла въ м. Кулатаѣ на глазахъ хана, за все время распри находившагося вмѣстѣ съ капыкулу и остававшагося пассивнымъ зрителемъ побоища. Сеферъ-Гази-ага, видя, что изъ-за него вышла такая сумятица, въ смущеніи удалился въ Кафу, думая, что бунтъ какъ-нибудь успокоится. Но противники его, узнавъ объ этомъ, хотѣли задержать его тамъ и раздѣлаться съ нимъ. Они требовали отъ хана распорядиться объ арестѣ Сеферъ-Гази-аги и донести Двери Счастія, чтобы былъ изданъ ферманъ казнить его смертью. Ханъ дрожащею рукою припечаталъ написанный кафскимъ командирамъ ярлыкъ, уповая на „авось" да „какъ-нибудь". Сеферъ-Гази-агѣ не сдобровать бы, если бы его заблаговременно не увѣдомили о грозившей ему опасности. Тогда онъ бѣжалъ, перескочивъ на гнѣдомъ черкесскомъ конѣ ровъ, который нарочито былъ выкопанъ у крѣпостныхъ воротъ кафскими командирами, прознавшими о намѣреніи аги бѣжать изъ крѣпости. Мурзы обрадовались его возвращенію; молодежь порывалась опять возобновить бой съ противниками; но старики совѣтовали лучше уйдти за Ферахъ-Керманъ, соединиться съ обитавшимъ тамъ родомъ Оръ-Мухаммедъ-оглу и въ союзѣ съ нимъ начать дѣйствовать. Такъ было и рѣшено, но только нашлись какіе-то умные посредники, которые умиротворили враждующія стороны, и Сеферъ-Гази-ага остался попрежнему на своемъ мѣстѣ [1]).

Ханъ во время этого мятежа или хитрилъ, или же самъ былъ въ безпомощномъ состояніи и дѣйствовалъ подневольно. Послѣднее какъ будто правдоподобнѣе. Такъ оно выходитъ

[1]) Семь планетъ, 162—164; Кр. Ист., 61 г.—63 г.

и по другому источнику свѣдѣній о мятежѣ, хотя тамъ опять въ странныхъ отношеніяхъ къ хану выставленъ Сеферъ-Гази-ага. По словамъ Наъимы, у ханскаго дѣлоправителя, именуемаго у татаръ везиремъ—وزیر تعبیر ایتدکاری معین کتخداسی—Сеферъ-Гази-аги вышло неудовольствіе съ капы-кулу. Когда они вознамѣрились убить агу, ханъ посадилъ его въ тюрьму; а онъ какимъ-то образомъ бѣжалъ изъ заключенія къ татарамъ и посѣялъ разладъ между татарскими племенами и ханомъ. Чорные татаре—قره تاتار—были во враждѣ съ капы-кулу и, осадивъ хана, отказались отъ повиновенія ему. Но миротворцамъ удалось уладить дѣло. А между тѣмъ со стороны татаръ говорили Сеферъ-Гази-агѣ: „Пусть, только ханъ выдастъ намъ изъ своихъ особенныхъ приближенныхъ Мухаммедъ-ага-оглу Эльясъ-агу, да теперешняго везиря Рамазана и Муртаза-оглу, да Мейданъ-Кулу-бея—мы искрошимъ ихъ на мелкія части и тогда опять покоримся хану“; но эти требованія показались безумными, и на нихъ не послѣдовало согласія [1]).

При всей сбивчивости этого разсказа, все же изъ него выходитъ, что ханъ и его любимый везирь были въ противоположныхъ лагеряхъ во время вспыхнувшаго раздора между двумя сильными въ ханствѣ корпораціями, и повидимому это случилось нечаянно, такъ что имъ потомъ уже поневолѣ пришлось—одному издавать ярлыкъ, подвергавшій опалѣ везиря, а другому поднимать жителей противъ хана, чтобы найдти въ этомъ временномъ повстаніи средство спастись и обуздать произволъ капы-кулу.

Думается, что не въ связи ли съ этою внутреннею смутою находится одно правительственное распоряженіе, о которомъ упоминаютъ крымскіе историки безъ всякой мотивировки. Оно коснулось главнымъ образомъ татарскаго простого, или „чорнаго народа“—قرا خلقلار—, какъ онъ на-

---

[1]) Наъима, II: 115—116.

зывается въ ярлыкахъ Исламъ-Герай-хана, и состояло въ отмѣнѣ тяжолаго и ненавистнаго крымцамъ тамговаго налога —تمغا اقچهسی—, установленнаго, какъ мы видѣли, на военныя надобности Резми Бегадыръ-Герай-ханомъ [1]). Историки какъ-то не договариваютъ, или, лучше сказать, неумѣло описываютъ эти два факта, имѣвшіе мѣсто въ началѣ царствованія Исламъ-Герай-хана; но, по всѣмъ признакамъ, они совершились одновременно и даже по какимъ-то одинаковымъ внутреннимъ причинамъ экономическаго свойства. И у крымскихъ историковъ, и у турецкаго, Наъимы-челеби, вслѣдъ за описаніемъ внутренней усобицы, говорится о немедленномъ отправленіи татарскихъ полчищъ въ набѣгъ на земли невѣрныхъ. Дѣйствительно, сколько можно судить по имѣющимся даннымъ о ханствованіи Исламъ-Герая, онъ внутри своихъ владѣній, кажется, держался примирительной политики, достигши соглашенія между двумя могущественнѣйшими въ ханствѣ корпораціями, издавна косившимися другъ на друга, и подкупивъ простой людъ облегченіемъ казенныхъ взысковъ. Но зато, уладивъ внутреннія дѣла и сдѣлавъ ради этого даже нѣкоторыя уступки, Исламъ-Герай тѣмъ настойчивѣе и систематичнѣе дѣйствовалъ въ международныхъ сношеніяхъ съ своими ближайшими сосѣдями—Россіею и Польшею, стараясь непрестанными яко бы легальными поборами съ нихъ или даже просто-на-просто грабежами возмѣстить свои внутреннія, домашнія недоимки. Крымскіе историки, не распространяясь на этотъ счотъ, однако же рѣшительно говорятъ о необыкновенно благодѣтельныхъ результатахъ иностранной политики Исламъ-Герай-хана для крымскихъ татаръ: эти бѣдные оборванцы при немъ менѣе чѣмъ черезъ какихъ-нибудь два года разбогатѣли такъ, что защеголяли въ разноцвѣтныхъ кумачевыхъ нарядахъ вмѣсто прежнихъ старыхъ сермяжныхъ дерюгъ.

---

[1]) Семь планетъ, 167; Кр. Ист., 64 г.

Источникомъ обогащенія крымцевъ были прежде всего, конечно, грабительскіе набѣги на сосѣднія страны гяуровъ. Однимъ изъ героевъ этихъ набѣговъ при Исламъ-Герай-ханѣ былъ ширинскій мурза Кутлу-шахъ, славившійся особенною смѣлостью и отвагою въ этихъ предпріятіяхъ, которыя были выгодны и для самого хана, ибо какъ только татарскія полчища возвращались изъ похода домой, сейчасъ посылались ханскіе коммиссары—مباشرلر—за полученіемъ *сауга*, т. е. пятой части всей добычи, причитавшейся на долю хана. Замѣчательно, что карачи и капы-кулу не охотно отдавали ханскую долю, такъ что иногда споры ихъ съ ханскими мубаширами кончались схватками и смертоубійствомъ [1]).

Помимо этихъ набѣговъ, Исламъ-Герай-ханъ старался и дипломатическимъ путемъ производить взыски какъ съ Россіи такъ и съ Польши. Особенно онъ требователенъ былъ къ послѣдней, какъ это явствуетъ изъ цѣлаго ряда войнъ, веденныхъ Исламъ-Гераемъ противъ поляковъ.

Грамоты Исламъ-Герая къ московскимъ царямъ писаны самымъ изысканнымъ слогомъ, обнаруживающимъ сильное вліяніе османской канцелярской стилистики. Вѣжливость обращенія въ нихъ простирается дотого, что имена нашихъ царей обыкновенно сопровождаются стереотипнымъ выраженіемъ „Божіею милостію" и большею частью поставлены раньше имени самого хана, чего не встрѣчается въ грамотахъ другихъ хановъ, ни предшествовавшихъ, ни послѣдующихъ. Но, соблюдая эти тонкости пріемовъ настоящей дипломатіи на бумагѣ, правительство хана Исламъ-Герая неуклонно преслѣдовало свою корыстную задачу—взыскивать съ своихъ такъ называемыхъ друзей все, что только можно было взыскать, ссылаясь на какія-то исконныя свои права на разные поборы и, главнымъ образомъ, пользуясь современными обстоятельствами. Всѣ его грамоты исключительно почти

[1]) Семь планетъ, 164—165 и 167; Кр. Ист., 63 г.—64 г.

имѣютъ своимъ содержаніемъ напоминанія объ аккуратной высылкѣ въ срокъ обычныхъ даней и подарковъ, или упреки въ замедленіи и даже въ обманахъ и подлогахъ, которые творились русскими посланцаии при передачѣ поминковъ [1]).

Только изрѣдка въ грамотахъ намекается на нѣкоторыя политическія событія и отношенія того времени. Въ 1059—1649 году калга жалуется на „проклятый безвѣрный народъ именуемый калмыками", съ которыми, по слухамъ, московское правительство заключило миръ ради безопасности отъ нихъ собственныхъ владѣній; но зато, молъ, они грабятъ подданныхъ Крымскаго ханства, прикочовывая для набѣговъ изъ-за Волги и угоняя скотъ у ногайцевъ и крымцевъ. Калга проситъ не дружить съ этимъ окаяннымъ народомъ и не давать ему убѣжища въ своихъ владѣніяхъ, считая это противнымъ добрымъ отношеніямъ къ Крымскому ханству [2]). Въ другомъ ярлыкѣ, къ сожалѣнію безъ даты, самъ уже ханъ, въ отвѣтъ на грамоту царя Алексѣя Михайловича, присланную съ Анисимомъ Судаковымъ и Данилою Потаповымъ, пишетъ, что онъ намѣренъ отмстить молдаванамъ за то, что они во время прошлогодняго похода на Польшу причиняли вредъ войскамъ татарскимъ. А такъ какъ, вслѣдствіе близости Молдавіи къ крымскимъ владѣніямъ, молдаване, узнавая о малѣйшемъ движеніи татаръ на нихъ, укрываются въ неприступныя горы и дебри, то ханъ, посовѣтовавшись съ нѣкоторыми опытными людьми, рѣшилъ сдѣлать фальшивую диверсію какъ будто-бы противъ московцевъ, а въ дѣйствительности намѣревается, дойдя до верховьевъ Днѣпра, напасть врасплохъ на Молдавію, о чемъ уже и дано имъ секретное повелѣніе калгѣ-султану [3]). Затѣмъ въ цѣлыхъ трехъ грамотахъ отъ 1063—1653 года ханъ, заявляя о томъ, что онъ самолично предпринимаетъ походъ на польскаго короля, про-

[1]) В. Зерновъ, Матеріалы, № 114, стр. 396. [2]) Ibidem, № 124, стр. 463—464. [3]) Ibidem, № 132, стр. 439—440.

сить московскаго царя быть съ нимъ въ любви и дружбѣ и поторопиться высылкою просроченныхъ уже подарковъ [1]). Наконецъ въ 1064—1654 году ханъ категорически требуетъ обузданія донскихъ козаковъ, грабящихъ и опустошающихъ прибрежныя османскія и крымскія деревни, обѣщаясь въ противномъ случаѣ самъ пойдти и наказать ихъ. Кромѣ того, ханъ жалуется, что русскіе, построивъ какую то новую крѣпость, тѣмъ самымъ причиняютъ вредъ и преграждаютъ дорогу живущимъ на рѣкѣ Терекѣ кумыкамъ въ ихъ сношеніяхъ съ крымскими и черкесскими областями, а это, говоритъ ханъ, „не подобаетъ, ибо тѣ (кумыкскія) владѣнія суть исламскія владѣнія", и кумыки „изъ народа мухаммедова" [2]).

Что же касается козаковъ, то, кромѣ обыкновенныхъ жалобъ на ихъ разбои и необходимость ихъ обузданія, въ грамотахъ Исламъ-Герая не сообщается о нихъ никакихъ иныхъ свѣдѣній. А между тѣмъ это былъ довольно замѣчательный историческій моментъ, когда въ козачинѣ является дѣйствующимъ лицомъ Богданъ Хмельницкій. Любопытный эпизодъ въ дѣятельности этого человѣка, съ именемъ котораго связано присоединеніе Малороссіи къ Россіи, представляетъ обращеніе его за помощью и покровительствомъ сперва къ Крымскому хану Исламъ-Гераю, а потомъ и къ самой Отоманской Портѣ. Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что въ 1648 году Богданъ Хмельницкій былъ съ сыномъ своимъ и нѣсколькими знатнѣйшими козаками въ Бакчэ-Сараѣ, чтобы просить у Исламъ-Герая помощи противъ поляковъ. Хмельницкій, говорившій потатарски, держалъ цѣлую рѣчь на ханской аудіенціи, обѣщая впредь хану союзъ и дружбу козаковъ въ случаѣ оказанія имъ помощи противъ общаго ненавистнаго врага, поляковъ. Послѣ совѣщанія съ мурзами ханъ принялъ пред-

[1]) Ibidem, №№ 152—154. [2]) Ibid., № 156, стр. 476—477.

ложеніе Хмельницкаго, заставивъ его присягнуть на своей саблѣ, и оставилъ сына его Тимоѳея у себя въ заложникахъ [1]).

Крымскіе историки ни однимъ словомъ не заикаются объ этой, очень краткосрочной впрочемъ, дружбѣ Исламъ-Герая съ исконными врагами татаръ, козаками. Турецкій же историкъ Наъима сообщаетъ объ этомъ слѣдующее извѣстіе. „Въ первыхъ числахъ мѣсяца ребіъу-ль-ахыра 1058 = въ концѣ апрѣля 1648 года отъ Крымскаго хана прибылъ въ Порту человѣкъ и заявилъ, что, молъ, община козаковъ, которые гнѣздились въ мѣстахъ, именуемыхъ „Жолтымъ камышомъ“—صارى قامش—, и, выходя шайками черезъ Днѣпръ въ Чорное море грабили и опустошали прибрежныя жилища, и которые во время хотинской кампаніи, ворвавшись въ лагерь, рѣзались съ войсками исламскими, до сего времени считалась въ подданствѣ короля ляхскаго. Но теперь, съ годъ или два, король ихъ, вслѣдствіе просьбы Венеціи о помощи, послалъ ихъ въ Задру (въ Далмаціи), а жалованья и провіанта не давалъ, а еще ихъ же подвергалъ нѣкоторымъ обременительнымъ экстреннымъ налогамъ и разнымъ непріятностямъ. Упомянутая община совсѣмъ отвернулась отъ ляха и, отказавшись отъ повиновенія, прислала къ Крымскому хану одного или двухъ знатныхъ, главныхъ своихъ бояръ сказать: „Желая впредь вашего покровительства, мы будемъ душою и тѣломъ въ союзѣ съ вами служить успѣху вѣры исламской въ имѣющихъ быть войнахъ; съ ляхами же мы совершенно прекратили всякія связи. Мы просимъ васъ: возьмите у насъ заложниковъ и согласитесь заключить съ нами вышеозначенный союзъ“.— Ханъ оказалъ всякія почести прибывшимъ боярамъ и согласился заключить союзъ на всѣхъ тѣхъ условіяхъ и обяза-

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи. X: 220; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій. Спб. 1884. I: 258—259; Буцинскій, о Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882. Стр. 41.

тельствахъ, т. е. обѣщалъ посылать имъ помощь въ будущемъ походѣ противъ ляховъ, сдѣлавъ большой набѣгъ съ татарскимъ войскомъ, и вообще обязался всегда оказывать имъ содѣйствіе. Даже прибывшимъ-то людямъ сказалъ, что вскорѣ будетъ походъ на Польшу. Затѣмъ ханъ сдѣлалъ набѣгъ на гяуровъ и вывелъ больше 40,000 ясыря, разрушивъ и выжегши крѣпости злополучныхъ руссовъ.—Но верховный везирь Ахмедъ-паша не велѣлъ одѣть почотнаго халата этому человѣку, явившемуся съ такою побѣдною вѣстью, а сказалъ: „Руссы заключили миръ съ нами—зачѣмъ же ханъ сдѣлалъ набѣгъ на нихъ"? А затѣмъ онъ написалъ хану укоризненное письмо съ такимъ приказаніемъ: „Ты тѣхъ захваченныхъ ясырей пришли-ка сюда, а мы ихъ, на основаніи мира, освободимъ", и послалъ это письмо хану съ ханскимъ капы-кяхьею Джемшидъ-чаушемъ.—Когда капыджи-баши, явившись къ хану, доложилъ, что было ему поручено, то Исламъ-Герай-ханъ, нисколько не измѣнившись, сказалъ: „Мы слуги падишаха, а гяуры-русскіе только для вида просятъ мира; только пока шапка жметъ имъ голову, они дѣлаютъ представленія о своихъ дѣлахъ въ султанатъ, но обманываютъ: какъ только найдутъ случай, сейчасъ выходятъ съ шайками и опустошаютъ анатольскія побережья. Вотъ сколько разъ мы представляли и говорили, что есть двѣ пустыхъ крѣпости, въ которыя слѣдовало бы посадить гарнизоны: содержаніе ихъ покрывалось бы рыбными доходами этихъ береговъ—не было обращено вниманія. Теперь злополучные руссы завладѣли тѣми двумя крѣпостями, наполнивъ ихъ воинственными козаками, и еще вооружили болѣе двадцати укрѣпленныхъ верковъ. Если еще этотъ годъ будетъ пропущенъ, то они навѣрное заберутъ Ак-Керманъ и овладѣютъ всею Молдавіею. Наконецъ, когда сожгли три тысячи козацкихъ шаекъ, козаки стали намъ товарищами; во время нашего набѣга безспорно намъ поддалось сорокъ тысячъ козаковъ. Сколько мы съ ихъ набольшимъ атаманомъ полонили гяуровъ! Ихъ договоръ былъ сущій об-

манъ. Если угодно будетъ Богу, у меня есть намѣреніе сдѣлать такъ, чтобы русскаго краля, подобно молдавскому воеводѣ, назначать со стороны султаната". Капыджи-баши по глупости-то спрашиваетъ хана: „Зачѣмъ же вы называете себя слугою падишаха, а не исполняете повелѣнія его?"— Тогда одинъ изъ татарскихъ мурзъ отвѣтилъ ему вотъ что: „Падишахъ объ этихъ дѣлахъ не имѣетъ свѣдѣній. Вы коварный обманъ ихъ (т. е. русскихъ) принимаете за миръ: эти проклятники разрушили вселенную. А вѣдь вотъ есть больше ста тысячъ татаръ, не имѣющихъ ни земледѣлія, ни торговли: если имъ не дѣлать набѣговъ, то чѣмъ же они жить станутъ? Вотъ и теперь султанъ (т. е. какой-то крымскій царевичъ) пошолъ съ пятьюдесятью тысячами татаръ въ набѣгъ—это и есть служба и дружба падишаху!"—Съ этимъ отвѣтомъ оба посланные сѣли на корабль и вернулись" [1]).

Какъ видно изъ этой статьи турецкаго историка, тогда въ отношеніяхъ Крыма и Порты къ невѣрнымъ ихъ сосѣдямъ царила необыкновенная путаница: русскіе были въ мирѣ съ Портою; а нѣкоторые козаки съ Крымомъ; но татаре не переставали грабить русскія окраинныя владѣнія, а другіе козаки опустошали татарскія и турецкія прибрежныя земли. Въ вышеприведенныхъ переговорахъ Порты съ Исламъ-Гераемъ черезъ посланцевъ важно то, что въ нихъ весьма недвусмысленно объясненъ основной принципъ, руководившій политикою хана—давать средства къ существованію своему народу насчотъ невѣрныхъ, грабя и обирая однихъ, и пользуясь другими какъ вспомогательными орудіями для этого: къ первымъ принадлежали Россія, Польша, Молдавія, ко вторымъ козаки, да и то не въ полной ихъ массѣ, а только нѣкоторою частью.

Въ самой козачинѣ тоже происходила безурядица, разнообразные и неожиданные фазисы которой представляютъ

[1]) Наъима, II: 146—147.

обильный матеріалъ для историческихъ повѣствованій объ этой эпохѣ. Москву сперва очень безпокоили сношенія атамана Богдана Хмельницкаго съ Крымскимъ ханомъ: опасались, что союзъ Хмельницкаго съ ханомъ грозилъ порвать братскія отношенія запорожцевъ съ донцами, которые дотолѣ составляли почти одно общество [1]). И дѣйствительно, въ то время какъ Хмельницкій заключилъ союзъ съ ханомъ и пользовался его помощью противъ поляковъ, донскіе козаки попрежнему творили опустошенія въ ханскихъ владѣніяхъ. 18-го рамазана 1095 — 25 сентября 1649 въ Порту пришло извѣстіе о томъ, что ханъ совершилъ уже походъ на Польшу, заключилъ миръ и вернулся. Но среди того же года 12 козацкихъ шаекъ, выйдя Дономъ, разгромили татское поселеніе близъ Балаклавы — تات ايلى نام ساحلى بالقلغى يانينده —, на обратномъ пути захватили корабль, наполненный товарами, да корабль съ виномъ, и снова р. Дономъ ушли въ Московію. На этомъ основаніи ханъ, вернувшись изъ польскаго похода и узнавъ о случившемся, послалъ московскому царю такого рода заявленіе: „Что это за мерзость и безобразіе?! Не угодно ли тебѣ быть готовымъ: рѣшено идти на васъ всѣмъ народомъ чингизидскимъ“. Онъ велѣлъ дѣлать военныя приготовленія; въ Добруджѣ и Никополѣ также было оповѣщено о войнѣ, и начали дѣлаться большіе сборы къ походу на московцевъ [2]). По всѣмъ соображеніямъ, то же самое обстоятельство разумѣлъ и Богданъ Хмельницкій, когда въ рапортѣ съ царскимъ посланникомъ Григоріемъ Нероновымъ выражалъ такія сѣтованія: „Царскаго величества подданные Донскіе козаки учинили мнѣ бѣду и досаду великую: какъ началась у меня съ ляхами война, то я къ Донскимъ козакамъ писалъ, чтобы они помощь мнѣ дали и на море для добычи и на Крымскіе улусы войною не ходили; но Донскіе козаки моего письма не

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, X: 284. [2]) Наъима, II: 236.

послушали, на Крымскіе улусы приходили: такъ я Крымскому царю хочу помочь, чтобы Донскихъ козаковъ впредь не было: Донскіе козаки дѣлаютъ, забывъ Бога и православную вѣру, помощи мнѣ не дали и Крымскаго царя со мною ссорятъ; да и царское величество помощи мнѣ не подалъ и за христіанскую вѣру не вступился; а если царское величество меня не пожалуетъ, будетъ за Донскихъ козаковъ стоять, то я вмѣстѣ съ Крымскимъ царемъ буду наступать на московскія украйны" [1]). Затѣмъ, урезоненный Нероновымъ, Богданъ перемѣнилъ тонъ рѣчи, зарапортовавшись дотого, что сообщилъ русскому посланнику такую небылицу—будто бы Крымскій ханъ ему говорилъ, что и онъ, подобно Хмельницкому, хочетъ великаго государя надъ собою государемъ имѣть и со всею ордою. На это сообразительный посолъ замѣтилъ Богдану, „что это дѣло нестаточное, потому что Крымскій царь живетъ въ подданствѣ у Турскаго царя". Богданъ, продолжаясвое балагурство, высказалъ однако слѣдующую справедливую мысль, какъ результатъ, должно быть, вѣрныхъ наблюденій надъ совершавшимися событіями: „Крымскихъ царей прежде Турскій царь перемѣнялъ часто, и боялись Турскаго въ Крыму, а теперь самъ Турскій царь боится Крымскаго царя и великаго войска Запорожскаго, и никакой воли Турскій царь надъ Крымскимъ не имѣетъ" [2]).

Хмельницкій былъ совершенно правъ въ своемъ отзывѣ о Турціи. Тамъ теперь собственно и не было султана: султанъ Ибрагимъ былъ задушенъ, а преемникъ его былъ семилѣтній ребенокъ, надъ которымъ въ означенную пору, т. е. въ 1649 году, только что совершенъ былъ обрядъ обрѣзанія. Дѣлами попрежнему правили придворныя женщины и ихъ ближайшіе пособники, и эти дѣла главнѣйше сосредоточивались на томъ, чтобы собирать побольше денегъ путемъ продажи

---

[1]) Соловьевъ, X: 259. [2]) Ibidem, 259—261.

государственныхъ должностей и на безшабашномъ мотовствѣ награбленныхъ богатствъ на разныя прихоти. Во главѣ этого правительственнаго хаоса стояла старуха-бабка маленькаго султана [1]). Но похвальба Богдана, „сложась съ Крымскимъ царемъ, съ волохами, сербами и молдаванами,.... *промышлять надъ Турскимъ царемъ,* такъ какъ въ Турской землѣ зипунъ добыть есть гдѣ“ [2]), такъ и осталась похвальбою на словахъ. На самомъ же дѣлѣ Богданъ замышлялъ совершенно другое. Вскорѣ послѣ описанной бесѣды съ однимъ русскимъ посланникомъ, съ нимъ имѣлъ свиданіе другой, Протасьевъ, которому опять гетманъ за обѣдомъ во хмѣлю высказалъ такую уже вещь: „Если и государь, не жалѣя православной христіанской вѣры, королевской неправдѣ помогать будетъ, то я отдамся въ подданство Турскому царю и съ турками и крымцами буду приходитъ войною на Московское государство“ [3]). А когда Протасьевъ началъ усовѣщивать Богдана, то послѣдній шепнулъ ему, что онъ притворно говоритъ вслухъ подобныя вещи, а всущности онъ доброжелательствуетъ и преданъ московскому государю; что онъ, „служа великому государю и проча себѣ его государственную милость впередъ, Крымскаго царя уговорилъ и Московское государство уберегъ, а вмѣсто его ходилъ съ Крымскимъ царемъ на молдаванъ“ [4]).

Между тѣмъ въ началѣ рамазана 1060—въ началѣ сентября 1650 года въ Стамбулъ пришло извѣстіе, что Крымскій ханъ посылалъ съ татарскимъ войскомъ брата своего опустошать Молдавію, и что главный гетманъ подданной татарамъ козацкой дружины посылаетъ своего брата къ Двери Счастія съ изъявленіемъ своего ей подданства [5]). До этого же времени, кажется, вовсе не было ничего предпринимаемо Богданомъ Хмельницкимъ по части сношеній съ Турціею, и

---

[1]) Наъима, II: 171—172, 195, 210, 234, 255, 295—296, и др. [2]) Соловьевъ, Loco cit. [3]) Соловьевъ, X: 279. [4]) Ibid., 280. [5]) Наъима, II: 251.

г. Буцинскій едва ли правъ, говоря, что сношенія эти начались будто бы еще въ 1648 году [1]).

Гетманъ послалъ въ Константинополь какого-то полковника съ предложеніемъ союза и съ просьбою воспретить татарамъ набѣги на Украину, намекая въ то же время, что Украина будетъ находиться подъ покровительствомъ Турціи. Турецкое правительство послало въ Чигиринъ съ чаушемъ Османъ-агою Хмельницкому обычные въ подобныхъ случаяхъ подарки—саблю, знамя съ изображеніемъ луны, гетманскую булаву, мѣшки съ разными лакомствами и грамоту, въ которой Хмельницкій титуловался княземъ Украины. Пріемъ турецкаго посла происходилъ 30-го іюля 1650 года. Такъ было дѣло, по изслѣдованію Н. И. Костомарова [2]).

По словамъ другого изслѣдователя, Хмельницкій послѣ корсунской битвы, происшедшей 18-го мая 1648 года, отправилъ въ Константинополь кропивницкаго полковника Джеджелея въ качествѣ посла отъ запорожскаго войска. Послы Хмельницкаго сперва были будто бы дурно приняты Портою. Везирь имъ сказалъ: „Вы измѣнили своимъ панамъ и своей вѣрѣ—измѣните и намъ". Они отвѣчали: „Мы у ляховъ терпѣли неволю болѣе, нежели у васъ плѣнники на галерахъ. Просимъ только дать намъ татаръ, а мы будемъ платить вамъ дань, какъ молдаване и валахи, будемъ давать вамъ плѣнниковъ, сколько потребуете, а противъ каждаго изъ вашихъ непріятелей посылать 10 т. войска; въ залогъ же мы отдадимъ вамъ Каменецъ".—Турки прельстились такими любезными предложеніями своихъ отъявленныхъ супостатовъ, и Порта вмѣстѣ съ Джеджелеемъ отправила къ Богдану своего посла, который привезъ ему въ Переяславль саблю, хоругвь и булаву; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ, что Высокая Порта

[1]) О Богданѣ Хмельницкомъ, 114. [2]) Богданъ Хмельницкій, II: 246—247.

уже послала Крымскому хану и силистрійскому пашѣ приказъ помогать козакамъ людьми и деньгами [1]).

Кромѣ незначительной разницы въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, изслѣдованія обоихъ ученыхъ сходятся въ главномъ, т. е. въ томъ, что починъ сношеній Богдана Хмельницкаго съ Портою всецѣло былъ дѣломъ его личнаго измышленія и распоряженія; что главною цѣлью ходатайства его пословъ у Порты было заставить ее повліять на крымскихъ татаръ, чтобы они не причиняли зла Украинѣ, а, напротивъ, помогали бы козакамъ въ войнѣ ихъ съ поляками. Это не совсѣмъ такъ. Богданъ былъ въ сношеніяхъ и даже въ союзѣ съ Исламъ-Герай-ханомъ, который главнымъ образомъ и наталкивалъ гетмана заручиться покровительствомъ Порты, какъ это довольно прозрачно высказано въ султанской грамотѣ, данной на имя Богдана Хмельницкаго. Политика хитраго хана, или его везиря Сеферъ-Гази-аги, понятна: становясь подъ одно знамя общаго номинальнаго суверена, Крымскій ханъ съ козацкою вольницею отнимали у Польши и Молдавіи послѣднюю надежду на какую-нибудь справедливую международную защиту отъ произвольныхъ грабительскихъ набѣговъ со стороны своихъ ужасныхъ сосѣдей—татаръ и козаковъ. Равнымъ образомъ ханская дипломатія смекала также, что такой шагъ сближенія козаковъ съ Портою долженъ окончательно скомпрометировать ихъ въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ-русскихъ, волею-неволею отшатнуть ихъ отъ Москвы, чтобы они впредь не мѣшали татарской ордѣ опустошать московскія земли, а, пожалуй, даже и пособляли ей, на основаніи новаго обязательства служить процвѣтанію исламской вѣры и благополучію Высокой Державы. Вотъ что находимъ мы объ этихъ сношеніяхъ Богдана Хмельницкаго съ Портою у турецкаго историка Наъимы-челеби.

Описывая событія начала 1063 = конца 1652, онъ говоритъ, что пришло письмо отъ козацкаго гетмана къ муфти.

---

[1]) Буцинскій, Op. cit., 114.

Привезшій его человѣкъ утверждалъ, будто гетманъ разговаривалъ съ нимъ наединѣ и открылъ ему свою задушевную тайну, что онъ нѣкогда былъ невольникомъ одного изъ адмиралтейскихъ шкиперовъ, живущихъ въ кварталѣ Касимъ-паши. Такъ какъ онъ былъ способный, ловкій и умный козакъ, то онъ, уловивъ случай и сманивъ еще нѣсколькихъ ясырей, бѣжалъ въ свою сторону. Всущности онъ произошолъ изъ чреслъ одной великой свиньи, благодаря же своей ловкости, онъ постепенно дошолъ до того, что сдѣлался гетманомъ. Но такъ какъ во время своего невольничества здѣсь онъ обратился къ исламу, и любовь къ вѣрѣ мухаммеданской заняла мѣсто въ сердцѣ его, то онъ уже подобралъ полы для проявленія своей преданности вѣрѣ и Державѣ и, задумавъ оказать имъ услугу силою собравшихся подъ его главенствомъ проклятниковъ, онъ не далъ знать имъ о своимъ исламизмѣ и ревностно пользовался службою козацкой дружины. Затѣмъ онъ сообщилъ о своихъ обстоятельствалъ хану. Когда они свидѣлись, ханъ еще не повѣрилъ-было ему, но такъ какъ онъ совершилъ съ ханомъ вечернюю молитву и читалъ священный коранъ, то ханъ повѣрилъ. Потомъ подвластные ему козаки догадались насчотъ его мусульманства, бросились на него и хотѣли-было убить его; но онъ провелъ ихъ посредствомъ тысячи хитростей, поклялся имъ поихнему, выстроилъ имъ даже особо одну церковь, присоединился къ исповѣдуемому ими пустому обряду, поспѣшилъ сдѣлать все то, что заставляло бы ихъ вѣрить ему, и такимъ образомъ достигъ у козаковъ какого надо ему было довѣрія. Цѣль его порученія своему камраду и содержаніе его письма было слѣдующее. „Ставши теперь владыкою около 300,000 козаковъ, я подвязалъ полы на службу падиша исламскаго; пусть только отъ меня потребуютъ услуги, и я душою и тѣломъ буду стараться“, писалъ онъ. А тотъ посланецъ также доставилъ извѣстіе, что гетманскій сынъ, который теперь сталъ зятемъ влахскаго воеводы, владѣетъ сорока тысячами стрѣльцовъ. Когда недавно дочь одного изъ влахскихъ князей была въ залогѣ

въ Порогѣ Счастія, и влахскій князь потребовалъ-было ее, предлагая взамѣнъ деньги, то на это не согласились, полагая, что это было бы причиною союза его съ врагами, такъ что даже Гезаръ-Пара Ахмедъ-паша, который изъ жадности къ деньгамъ столько ограбилъ гостиныхъ рядовъ и столько поотнималъ денегъ и вещей у торговцевъ и богачей, и тотъ не нашолъ приличнымъ взять деньги съ влаха и отослать дочь ему. Равнымъ образомъ и Мевлеви Мухаммедъ-пашѣ въ его везирство очень много предлагали денегъ, но и онъ не принялъ. Затѣмъ, когда везиремъ сталъ Мюрадъ-паша, влахскій воевода предлагалъ ему цѣлые мѣшки, прося дочь свою. По настоянію совѣтника Мюрадъ-паши, Бекташъ-аги, много съѣвъ понапрасну денегъ, дѣвицу за огромную сумму отправили. Она была выдана за гетманскаго сына, и черезъ это влахи соединились съ козаками. И влахскій воевода, и гетманъ— оба были довольны Бекташемъ: отъ нихъ постоянно приходили ему подарки, и они переписывались, такъ что Бекташъ совершенно принялъ видъ дѣлоправителя тѣхъ проклятниковъ. Теперь привезшій письмо человѣкъ заявилъ, что гетманъ подвязалъ полы на службу и послушаніе Высокой Державѣ, но, какъ только услышалъ о казни Бекташъ-аги, разсердился. Посланецъ намекнулъ, что гетманъ будто бы даже намѣренъ требовать удовлетворенія [1]).

Явно, что, бывши уже столько времени въ близкихъ отношеніяхъ съ Исламъ-Гераемъ, Богданъ Хмельницкій не безъ его вѣдома и даже внушенія сталъ искать сближенія съ Портою. Но присылка письма Богданомъ съ какимъ-то своимъ довѣреннымъ человѣкомъ къ стамбульскому муфти, въ то время Беган-эфенди [2]), была только предварительною, конфиденціальною пробою почвы на пути къ небывалымъ дружескимъ сношеніямъ козаковъ съ отоманскимъ правительствомъ. Открытые же, формальные переговоры имѣли мѣсто

[1]) Наъима, II: 377—378, а также и 327. [2]) Ibid., 371.

нѣсколько позже. Наъима-челеби въ числѣ событій мѣсяца ребіъу-ль-ахыра 1063 = марта 1653 года упоминаетъ также и о просьбѣ четырехъ голубоглазыхъ и желтоцвѣтныхъ пословъ отъ поддавшагося хану гетмана козаковъ [1]). Они привезли прошеніе, въ которомъ говорилось, что гетманъ, молъ, слуга падишаху: что ему ни будетъ повелѣно, онъ готовъ исполнить; что у него гораздо больше силъ и войска, нежели у Польши и Молдавіи; что теперь онъ отправляется съ ханомъ въ походъ на Польшу и проситъ пожаловать ему барабанъ и знамя а также часть молдавскихъ границъ подъ именемъ эйялета, и все это съ грамотою. Въ субботу послѣ совѣщанія велѣно было одѣть халаты тѣмъ четыремъ посланникамъ, и на ихъ желанія послѣдовало согласіе въ такомъ родѣ, что, молъ, козакамъ отводятся подъ именемъ эйялета мѣста, искони ими же обитаемыя, но только не дозволяется дѣлать вторженія въ молдавскую территорію. Такимъ образомъ дана была эйялетная грамота, барабанъ и знамя, и этимъ было обезпечено умиротвореніе и повиновеніе дракона, говоритъ въ заключеніе турецкій историкъ, не могшій скрыть своихъ непріязненныхъ чувствъ относительно козаковъ [2]).

---

[1]) Въ турецкомъ текстѣ сказано такъ: قرداش قزاقى ناميله مشهور — «отъ извѣстныхъ подъ именемъ *братскихъ* козаковъ». Гаммеръ передаетъ то же мѣсто словами «Kosaken vom *gelben Rohre*» (G. d. Osm. R., V: 580), хотя и онъ цитуетъ печатное изданіе исторіи Наъимы: должно быть онъ это сдѣлалъ по предположенію, что вмѣсто قرداش надо читать صارى قامش. Но слово قرداش здѣсь не ошибка и не опечатка: Наъима и въ другомъ мѣстѣ пишетъ опять قرداش قزاقى (II: 617); здѣсь онъ, равно какъ и историкъ Фундуклулу, употребляютъ это выраженіе съ замѣчаніемъ, что оно есть терминъ, говоря: قرنداش قزاقى عنوانيله مشهور افاق اولان طائفه طاغيه — «Извѣстная всему свѣту подъ названіемъ *братскихъ козаковъ*, буйная толпа» (Фундуклулу, I: 47 verso.) Не есть ли это турецкое выраженіе переводъ запорожскаго термина *товариство*?

[2]) Наъима, II: 386.

Хотя фактъ подданства Богдана Хмельницкаго турецкому султану разсказанъ у Наъимы подъ 1653 годомъ, но дѣйствительное совершеніе его относится къ болѣе раннему времени. По изслѣдованію г. Буцинскаго, султанская грамота была прислана Хмельницкому еще въ концѣ 1650 года [1]. Въ русскомъ переводѣ этой грамоты, имѣющемся у Н. И. Костомарова и г. Буцинскаго и сдѣланномъ съ польскаго перевода ея, вовсе нѣтъ даты; турецкій же подлинникъ помѣченъ въ концѣ датою начала мѣсяца ребіъу-ль-эввеля 1061 г. = конца февраля 1651 года [2]. При сличеніи перевода съ подлинникомъ оказывается нѣкоторое несходство между ними. Переводъ вообще сокращеннѣе турецкаго подлинника, вслѣдствіе пропуска обильныхъ плеонастическихъ и труднопереводимыхъ прикрасъ, составляющихъ принадлежность произведеній османскаго канцелярскаго стиля. Зато въ немъ есть прибавки, для которыхъ не находится соотвѣтствующихъ турецкихъ словъ или выраженій въ текстѣ. Напримѣръ, тамъ сказано, что будто бы Хмельницкій что то поручилъ сказать Османъ-чаушу „*подъ секретомъ* устно"; въ подлинникѣ же стоитъ одно лишь слово „устно" — اغزدن —. Затѣмъ въ переводѣ говорится, что Хмельницкому послали съ грамотою „*штуку злату* и кафтанъ"; въ подлинникѣ же читаемъ только: خلعت فاخره وكسوه باهره = „великолѣпный халатъ и драгоцѣнную одежду". Но, помимо этихъ незначительныхъ неточностей, въ переводѣ есть весьма существенныя для международнаго документа уклоненія отъ подлинника. Въ переводѣ есть та-

---

[1]) Op. cit., 123. [2]) Подлинный текстъ этой грамоты гдѣ-то и кѣмъ-то налитографированъ fac-simile. По всей вѣроятности, онъ изданъ въ Вѣнѣ, судя по тщательности и изяществу литографской работы. Одинъ экземпляръ этого изданія, огромный листъ величиною въ 133×70 сантиметровъ, принадлежавшій г. Руккеру въ Симферополѣ, предоставленъ мнѣ чрезъ посредство почтеннѣйшаго и обязательнѣйшаго И. И. Казаса, инспектора симферопольской татарской учительской школы.

кое мѣсто: „Касательно же того, что вы просили наияснѣйшую Порту, что *вы готовы давать дань, какъ иные наши христіанскіе данники даютъ*, то мы, будучи сердечно расположены къ вамъ и узнавши ваши добродѣтель и вѣрность, будемъ этимъ довольны“ [1]. Въ турецкомъ же текстѣ вышеприведенному мѣсту соотвѣтствуютъ слова: دخی قوللغکز ثابت قدم اولمغله طرف علیه صاحبقرانمزدن سایر ملوك نصارایه ویرلدوکی اوزره عهدنامه ویرلمه‌سن التماس ایلمشسز = „Затѣмъ, будучи устойчивы въ подданствѣ, вы просили о томъ, чтобы вамъ съ нашей высочайшей августѣйшей стороны *дана была договорная грамота, подобно тому, какъ даются другимъ христіанскимъ царямъ*“. Слѣдовательно, тутъ ни о какой дани и ни о какихъ данникахъ и помину нѣтъ. Другую, тоже не маловажную черту различія перевода съ подлинникомъ составляетъ тонъ выраженій, касающихся Исламъ-Герай-хана: въ переводѣ все говорится о какихъ-то *строгихъ* приказахъ, да *суровыхъ* наказахъ Порты, будто бы сдѣланныхъ ею нарочито хану, чтобы онъ оказывалъ помощь козакамъ въ случаѣ нужды; въ текстѣ же, напротивъ, имя хана сопровождается самыми изысканными почтительными эпитетами, въ родѣ: جناب امانتماب ایالت نصاب قریم خانی اسلام کرای خان دامت معالیه = „Его сторона, убѣжище довѣренности, властительный по существу, Крымскій ханъ Исламъ-Герай-ханъ, да продлятся доблести его!“; или: آستانه سعادتمزك خیر خواهی اولان مشار الیه خان = „Нашего Порога Счастія благожелатель, упомянутый ханъ“. Объ обязательствахъ хана, гарантируемыхъ Портою Хмельницкому, также говорится въ весьма скромныхъ выраженіяхъ. Это весьма существенно въ вопросѣ о тогдашнихъ отношеніяхъ между Портою и Исламъ-Гераемъ, который вовсе не такъ держалъ себя, чтобы онъ, по мнѣнію Н. И. Костомарова, „не смѣлъ

[1]) Костомаровъ, Op. cit., II: 279; Буцинскій, Op. cit., 124.

дѣйствовать наперекоръ Хмельницкому, потому что турецкій дворъ почиталъ Украину будущею данницею Турціи и повелѣлъ Крымскому хану находиться съ Хмельницкимъ въ дружескихъ сношеніяхъ, какъ съ союзникомъ и подручникомъ Порты" [1]). Столь же мало согласно съ истиною мнѣніе почтеннаго историка, что „не по вкусу было Исламъ-Гераю то, что Хмельницкій, дѣйствуя посредствомъ турецкаго двора, насильно принудилъ Крымскаго хана идти противъ поляковъ" [2]); или что, „сблизившись съ турецкимъ дворомъ, Хмельницкій былъ тогда въ состояніи дѣйствоватъ на подручника Отоманской Порты, хана Крымскаго, и разорвать союзъ крымцевъ съ Польшею" [3]). Въ описаніи послѣдняго похода Исламъ-Герая на Польшу, въ концѣ 1653 года, у турецкаго историка Наъимы не видно, чтобы этотъ походъ былъ предпринятъ ханомъ вынужденно, противъ собственной его воли и охоты. Предварительно къ козакамъ былъ посланъ Сеферъ-Гази-ага справиться о положеніи тамошнихъ дѣлъ, и когда было дознано, что польскій король собралъ огромное войско съ цѣлью вторженія въ Украину, совѣтъ крымскаго вельможества призналъ необходимымъ немедленно выступить противъ короля. Сперва двинуты были передовые отряды татарскіе подъ начальствомъ Османъ-аги и Уракъоглускаго мурзы Исламъ-мурзы, а потомъ, вслѣдъ за ними, 28 шевваля = 21 сент. 1653 года, и самъ ханъ тронулся изъ Бакчэ Сарая [4]). На пути онъ получилъ присланный ему съ

---

[1]) Костомаровъ, Op. cit., II: 257. [2]) Ibid., II: 322. [3]) Ibid., II: 250. [4]) Тутъ сообщается у Наъимы подробный маршрутъ ханской арміи съ поименованіемъ различныхъ географическихъ мѣстностей, названія которыхъ большею частью искажены если не самимъ турецкимъ авторомъ, то издателями его труда: напримѣръ, первый же пограничный пунктъ ханской территоріи, извѣстный Ферахъ-Керманъ, передѣланъ въ Френкъ-Манъ—فرنك مان—(Наъима, II: 432), и т. п. Гаммеръ, воспроизводя этотъ маршрутъ (Gesch. d. Osm. R. V: 718—720), взялся исправить въ немъ всѣ искаженія, руководясь двойнымъ переводомъ даннаго отрывка изъ исторіи Наъимы, сдѣланнымъ профессоромъ Шармуа съ турецкаго под-

Бекиръ-агою обычный подарокъ отъ султана, состоявшій изъ сабли и кафтана, какъ знакъ одобренія и поощренія предпринятой ханомъ кампаніи. Перехваченныя письма убѣдили хана въ безсиліи поляковъ осуществить свои жестокія намѣренія противъ козаковъ, и старики на совѣтѣ рѣшили опустошить всѣ мѣстности вокругъ осажденныхъ поляковъ. Крайне стѣсненное положеніе ихъ привело къ тому, что войска гибли, или же разбѣгались, добровольно отдаваясь въ плѣнъ къ татарамъ, и поляки стали просить пощады [1].

Въ тѣхъ же чертахъ изображается исходъ этой кампаніи и въ другихъ памятникахъ, служившихъ источниками для нашихъ историковъ [2]. Разница однако же въ томъ, что, по сказанію турецкаго историка, начало къ мирнымъ переговорамъ сдѣлано было съ польской стороны, присылкою письма къ ханскому везирю Сеферъ-Гази-агѣ [3]) съ просьбою

линника нарочито для него, Гаммера, и потомъ еще съ польскаго перевода Сенковскаго, помѣщеннаго въ его Collectanea. Довольно строго изобличая Сенковскаго въ недостаточномъ пониманіи турецкаго текста и укоряя его въ томъ, что «er die Städte seines Vaterlandes, dessen Geschichte er durch seine schlecht übersetzten Collectanea aufklären wollte, nicht erkannt hat» (Gesh. d. Osm. R., V: 720), самъ Гаммеръ не избѣжалъ и на этотъ разъ странныхъ промаховъ. По поводу искаженія имени Ферахъ-Кермана — فرح كرمان — онъ замѣчаетъ слѣдующее: «*Frenkman* (Z. 23), das Senkowski unbezweifelt *Firenkman* nachschreibt, ist Druckfehler für *Frenk-Kerman*, welches in der Geschichte der Krim *(Es-sebi essejare)* mehr als einmahl vorkommt» (Ibid., 719). Но какъ Сенковскій наобумъ выдумалъ небывалый *Frenkman*, такъ и его критикъ, Гаммеръ, сочинилъ тоже небывалый *Frenk-Kerman*, да еще сослался на «Ассебъу-с-сейяръ», гдѣ будто бы многократно встрѣчается это собственное имя. Но нельзя не замѣтить, что Сенковскій самымъ безбожнымъ образомъ перевиралъ турецкіе подлинники въ своихъ переводахъ, или просто по непониманію, или же ради литературныхъ эфектовъ: въ этомъ мы убѣдились чрезъ сличеніе извѣстнаго политическаго памфлета Ресми-Ахмеда-эфенди «Хуласету-ль-іътибаръ» съ переводомъ Сенковскаго, озаглавленнымъ «Сокъ достопримѣчательнаго».

[1]) Наъима, II: 432—433. [2]) Костомаровъ, Op cit., III: 110—111, Буцинскій, Op. cit., 141. [3]) Это тотъ же самый человѣкъ, который въ цитованномъ сочинени и Н. И Костомарова неоднократно является подъ именемъ *Шеферкази*, скорѣе звучащимъ понѣмецки, нежели потатарски.

взять на себя посредничество, а не наоборотъ, какъ полагаютъ наши историки, на основаніи другихъ данныхъ.

Въ этой довольно долго длившейся процедурѣ переговоровъ о мирѣ любопытно то, что уполномоченные съ ханской стороны съ Сеферъ-Гази-агой во главѣ въ числѣ условій мира настоятельно требовали отъ поляковъ добровольнаго разрѣшенія татарской ордѣ произвести грабежъ добычи въ польскихъ владѣніяхъ. „Какъ же быть", говорили татарскіе мировые посредники—„татарское и ногайское войска подверглись столькимъ издержкамъ и трудностямъ, и вдругъ вернуться имъ безъ добычи! Это не возможно. Коли вы согласны на то, чтобы они пошли и набрали добычи внутри вашихъ владѣній изъ тѣхъ крѣпостей, паланкъ и селъ, изъ какихъ они пожелаютъ, такъ миръ состоится, а коли нѣтъ, то болѣе 100,000 татарскаго и ногайскаго войска, да около 80,000 войска козацкаго войдутъ въ вашу страну и опустошатъ и разорятъ ее вплоть до самой Варшавы!" Толковали толковали, и 15 декабря 1653 года миръ былъ заключенъ въ Жванцѣ. Тѣмъ не менѣе однако же татарская орда, не обращая вниманія ни на какія формальныя обязательства своихъ предводителей, въ силу своего исконнаго обычая, бросилась грабить и опустошать польскія населенія. Да и самъ ханъ на совѣтѣ съ мурзами по этому предмету сказалъ, что „если исламское войско дорогою захочетъ грабить, то удержать его не возможно; простой народъ не понимаетъ: ему трудно воротиться домой безъ добычи". А потому, вѣроятно для того чтобы хоть сколько-нибудь урегулировать грабительство, и сами мурзы, не исключая Сеферъ-Гази-аги и сына его Исламъ-аги, принимали въ немъ участіе [1]), а можетъ быть и они не вытерпѣли—увлеклись тою же жаждою добычи, которая руководила дѣйствіями татарскаго вельможества въ международной политикѣ Крымскаго ханства всегда вообще

[1]) Наъима, II: 434—435.

и во времена Исламъ-Герай-хана вчастности.

Очень вѣрно охарактеризовалъ политику этого хана одинъ современникъ его, замѣтивъ, что ханъ положилъ себѣ не допускать до совершеннаго перевѣса ни поляковъ, ни русскихъ: какъ скоро одни станутъ усиливаться, онъ начиналъ защищать слабѣйшихъ, дабы, такимъ образомъ, сосѣди безпрестанно сами себя терзали, а татаре могли получать оттого себѣ выгоду [1]). Этотъ отзывъ какъ нельзя болѣе согласуется съ вышеприведенными у насъ свидѣтельствами крымскихъ историковъ о характерѣ правленія Исламъ-Герая и оправдывается самыми его дѣйствіями, какъ они изображаются въ историческихъ памятникахъ. Собственный татарскій разсчотъ, дававшій направленіе этой системѣ, такъ сказать, политическаго равновѣсія, стоялъ у него на первомъ планѣ: объ интересахъ же своего суверена, Отоманской Порты, онъ менѣе всего заботился и относился къ ней далеко не какъ послушный вассалъ или преданный союзникъ, на что указываютъ нѣкоторые характерные факты въ жизни и дѣятельности Исламъ-Герай-хана.

Независимость свою въ отношеніи Верховной Порты и ея вельможъ Исламъ-Герай выказалъ въ самомъ же началѣ своего царствованія, а именно въ рѣшеніи распри двухъ черкесскихъ бековъ племени Жанэ, длившейся еще со временъ Бегадыръ-Герай-хана. Дѣло началось съ того, что Бегадыръ-Герай-ханъ отдалъ своего маленькаго сына на воспитаніе беку Антонаку—انتونق—, сдѣлавъ его аталыкомъ. Тогда братъ его Хакшумакъ—حقشمق—, предполагая, что теперь Антонаку будетъ отдана во власть вся Черкесія, пошолъ на Антонака, разбилъ и разорилъ его. Антонакъ принесъ на него жалобу Бегадыръ-Герай-хану. Ханъ послалъ отрядъ войскъ подъ начальствомъ Исламъ-аги схватить Хакшумака. Но Хак-

[1]) У Костомарова, Op. cit., III: 119.

шумакъ бѣжалъ къ азовскому бею Сіявешъ-пашѣ, который не только не выдалъ его хану, но еще донесъ о немъ въ Порту, такъ что по распоряженію Мустафа-паши издано было повелѣніе, чтобы Хакшумакъ былъ представленъ къ Порогу Счастія. Онъ явился и былъ удостоенъ цѣлованія руки падишаха, и ему была возобновлена грамота на черкесское властвованіе, которая была дарована ему еще въ царствованіе султана Ахмеда I (1603—1617). При Мухаммедъ-Герай-ханѣ Хакшумакъ пользовался расположеніемъ и вниманіемъ, благодаря посредничеству ханскаго везиря Кайду-аги. Когда вступилъ на ханство Исламъ-Герай, Хакшумакъ раньше другихъ черкесскихъ бековъ явился къ новому хану, чтобы предупредить своего брата Антонака и отомстить ему, пригласивъ хана на пиръ въ свои владѣнія. Но Антонакъ былъ смышленый человѣкъ и ловко повелъ тайную интригу, секретно сдѣлавъ какія-то обѣщанія хану и заручившись сторонничествомъ умныхъ людей въ государствѣ. Ханъ разомъ отнесся враждебно къ Хакшумаку, казнилъ его смертью, а черкесское управленіе все отдалъ Антонаку. Кромѣ того, по внушенію послѣдняго, онъ разгромилъ владѣнія Хакшумака, уведя множество черкесскаго полона; получивъ также несмѣтные подарки отъ Антонака и подчинилъ опять своей власти Черкесію въ концѣ 1054—1644 года [1]). Поступивъ такъ круто съ Хакшумакомъ, или Ак-Чумакомъ, нашедшимъ убѣжище у азовскаго паши и взятымъ подъ свое особое покровительство Портою, Исламъ-Герай-ханъ показалъ, что въ политическихъ дѣлахъ, подобныхъ вышеозначенному случаю съ черкесскими беками, онъ не намѣренъ безусловно сообразоваться съ капризными распоряженіями Высокой Порты и

[1]) Наъима, II: 59—60. Этотъ фактъ разсказанъ и у крымскихъ историковъ, но только сокращенно и безъ изъясненія причинъ мятежа черкесскаго бека, названнаго у нихъ Ак-Чумакомъ—اقچومق—(Семь планетъ, 162; Кр. Ист., 62 г.).

произвольными дѣйствіями ея агентовъ, въ родѣ азовскаго паши.

Столь же высокомѣрное отношеніе къ султанскому правительству выказалъ Исламъ-Герай-ханъ по слѣдующему поводу. Подобно тому, какъ нѣкогда Гази-Герай Бора входилъ съ косвеннымъ предложеніемъ въ Порту о назначеніи господарей въ Молдавію изъ татарскихъ бековъ, Исламъ-Герай теперь просилъ дать мѣсто мутевелли, т. е. вакфнаго старосты, въ г. Исмаилѣ одному изъ своихъ собственныхъ приближенныхъ. Такъ какъ вакфное управленіе состояло въ вѣдѣніи аги Двери Счастія, то тогдашній ага Байрамъ-ага отдалъ это мѣсто одному изъ балтаджи, по своему усмотрѣнію. Ханъ ужасно разгнѣвался на это неуваженіе его просьбы и послалъ исмаильскому судьѣ ярлыкъ слѣдующаго содержанія: „Ты предоставь должность мутевелли такому-то моему человѣку, а назначеннаго кызларъ-агою прогони. Если же ты поступишь вопреки, то я самолично пойду туда и казню какъ того мутевелли, такъ и тебя. Знай же это". Судья, вложивъ этотъ ярлыкъ въ свой рапортъ, препроводилъ его въ Порту съ посланниками Богдана Хмельницкаго, отправлявшимися туда же за полученіемъ султанской грамоты о принятіи козаковъ Отоманскою Портою подъ свое покровительство. Когда посланники вручили рапортъ и ярлыкъ верховному везирю, то онъ, прочитавъ, только и сказалъ: „Увидимъ!", а то больше и не пикнулъ—کوره لم دیو جواب ویروب بر صدا ظهور ایتمدی—[1]).

Еще рѣзче неуваженіе Исламъ-Герай-хана къ Портѣ обнаружено имъ по другому случаю, уже въ концѣ его царствованія. Въ началѣ 1653 года къ нему посланъ былъ изъ Порты Ахмедъ-ага съ почетнымъ кафтаномъ и саблею. Когда эти вещи были представлены хану, то онъ надѣлъ кунтушъ на одинъ только лѣвый рукавъ, а правый небрежно спустилъ на полъ, да и вообще не накидывалъ кунтуша на плечи,

---

[1]) Наъима, II: 386.

а на саблю даже и не взглянулъ. Мало того: по разсказамъ, ханъ будто бы хотѣлъ убить ѣхавшаго къ нему изъ Порты Ахмедъ-агу; да только его отклонилъ отъ этого его капы-кяхьяси Джемшидъ-чаушъ, написавъ ему письмо, въ которомъ убѣждалъ хана не причинять никакого вреда посланному, какова бы ни была его претенція на самоё Порту, и какъ бы велика ни была его вражда къ сановникамъ Порты. А причина гнѣва хана высказана имъ посланному Ахмедъ-агѣ на аудіенціи и заключалась въ слѣдующемъ. „У меня въ крѣпости", сказалъ ханъ, „было два знатныхъ плѣнныхъ гяура. Они бѣжали и на кораблѣ уѣхали въ Стамбулъ. Когда они тамъ укрывались въ Галатѣ, государственные сановники, провѣдавъ объ этомъ, взяли ихъ да и освободили, продавши ихъ за извѣстную сумму гяурамъ. Развѣ это прилично, что они мою собственность—плѣнниковъ сами продаютъ и деньги получаютъ? А вособенности теперь, когда нѣсколько моихъ почотныхъ мурзъ находятся въ гяурскомъ плѣну, и я уже былъ въ сношеніи объ освобожденіи изъ плѣна двухъ сотъ почотныхъ мусульманъ въ обмѣнъ на этихъ двухъ ясырей—развѣ это хорошо поступлено? Вмѣсто признательности за нашу дружбу, службу и достоинство, намъ же творятъ насиліе и неуваженіе—что это значитъ? Если бы я не удерживалъ козаковъ, такъ, вѣдь, они весь міръ бы разрушили! Вонъ недавно нѣсколько скверныхъ гяуровъ, выйдя на 5—10 шайкахъ, какихъ бѣдъ натворили на прибрежьяхъ, а въ состояніи ли были наказать ихъ?! Какъ бы я не сдерживалъ ихъ, да какъ бы 300—400 шаекъ вышли бы въ Чорное море, то каково бы было тогда положеніе?! Такъ пусть же лучше велятъ доставить тѣхъ ясырей, которыхъ тамъ продали, и пришлютъ мнѣ ихъ!.. Пусть ужь извинятъ также: коли у меня теперь не находится моего ясыря, то на этотъ разъ не приготовлено мною невольницъ и для падишаха!"—Впрочемъ ханъ все-таки подарилъ Ахмедъ-агѣ 5—6 невольниковъ—بش التی قزاق—и съ нотаціею отправилъ его.—Когда Ахмедъ-ага, возвра-

тившись въ Стамбулъ и рапортуя о результатѣ своего порученія, воспроизвелъ предъ государственными сановниками Порты вышеприведенную запальчивую и дерзкую рѣчь Исламъ-Герай-хана, то они только рты разинули да и спрашиваютъ посланца: „Какой же ты отвѣтъ принесъ?“ [1]). Это безмолствованіе отоманскаго правительства передъ вызывающимъ поведеніемъ хана было слѣдствіемъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, о которыхъ сообщилъ Портѣ тотъ же Ахмедъ-ага, который, комментируя тонъ рѣчи и обращенія хана съ нимъ, отоманскимъ посланникомъ, присовокупилъ слѣдующее. На собраніи въ Кылъ-бурунѣ, говорилъ онъ, козаки и влахи изъявили хану свою покорность, кромѣ того, что у него состоитъ подъ властью 200,000 татаръ. Особенно важно то, говорилъ Ахмедъ-ага, что изъ калмыковъ, никогда не подчинявшихся ханамъ, тысячь 40 или 50 дьяволовъ ханъ перевелъ за Дунай и присоединяетъ ихъ къ жаждущимъ разбоя и грабежа бродягамъ изъ своихъ предѣловъ, обнаруживая намѣреніе ударить на Молдавію, вопреки приходящимъ изъ Порты повелѣніемъ не трогать молдаванъ. „Какъ только Дунай замерзнетъ“, сказалъ въ заключеніе Ахмедъ-ага, „такъ надо опасаться большого худа, тѣмъ болѣе что ханъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ свой наказъ относительно ясырей-то!“ [2]).

Что касается калмыковъ, то Ахмедъ-ага, кажется, ошибался, говоря, что они тогда вступали въ подданство Крымскаго хана, усиливая собою его военное могущество. По другимъ источникамъ, напротивъ, оказывается, что во время заключенія мира подъ Жванцемъ схваченные поляками языки говорили, что Крымскій ханъ самъ нуждался въ скорѣйшемъ мирѣ, потому что будто бы татаре его волновались, сердясь на Хмельницкаго за то, что, межъ тѣмъ какъ они помогали ему противъ поляковъ, на ихъ собственные домы нападали калмыки [3]). Крымскіе историки вовсе не упоминаютъ

---

[1]) Наъима, II: 378—379. [2]) Ibidem, 378. [3]) Костомаровъ, Op. cit., III: 167.

о калмыкахъ въ означенное время, хотя весьма возможнс
что ихъ орды начали въ тѣ поры показываться вблизи та
тарскихъ кочевій, но только едва ли въ качествѣ союз
никовъ или данниковъ Крымскаго хана, а скорѣе—сообщни
ковъ его недруговъ, козаковъ. Еще въ началѣ 1643 год
Мухаммедъ-Герай-ханъ жалуется царю Михаилу Өедорович
на опасныя для себя сношенія донскихъ козаковъ съ калмыц
кимъ народомъ—قالبغ ديكان طايفه برلان— [1]). А въ царствова
ніе Исламъ-Герай-хана, въ 1649 году, калга пишетъ цар
Алексѣю Михайловичу: „Теперь слышно, что вы, вопрек
своей клятвѣ, вошли въ соглашеніе съ проклятымъ, безвѣр
нымъ народомъ, именуемымъ калмыками.... А тотъ прокля
тый народъ есть просто сбродъ и сволочь, а не войско, мо
гущее брать области и юрты; это безвѣрные разбойники
курвины дѣти" [2]). Такими эпитетами не честятъ своихъ союзни
ковъ или данниковъ. Въ такомъ же враждебномъ Крыму вид
изображаются калмыки и у османскихъ историковъ, повѣст
вующихъ о событіяхъ тогдашнихъ временъ [3]). Надо полагать
что когда Мухаммедъ-Герай-ханъ въ 1068 = 1657—1658 го
ду, стращая царя Алексѣя Михайловича многочисленность
своихъ полчищъ, говоритъ: „И калмыки, Божіею милостію стал
наши"—قالق دخى لطف حق ايله بزم بولغاندر— [4]), то онъ или при
хвастнулъ изъ какихъ-нибудь соображеній, или же разумѣл
какой-нибудь отдѣльный случай подданства ему одного кал
мыцкаго рода, а не цѣлаго народа. Во всякомъ случаѣ н
подлежитъ сомнѣнію, что уже при Исламъ-Герай-ханѣ нача
лось калмыцкое движеніе, но только оно было не вѣрно по
нято и истолковано османскимъ чиновникомъ въ смыслѣ благо
пріятнаго для хана и опаснаго для Высокой Порты явленія

Исламъ-Герай-ханъ лѣтомъ 1654 года устроилъ семей-

---

[1]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 71, стр. 296—297. [2]) Ibid., N
124, стр. 423—424. [3]) Фундуклулу, I: 115 г. [4]) Ibidem, № 187
стр. 530.

ное празднество обрѣзанія своихъ маленькихъ сыновей. Но во время этого празднества у него сдѣлались какіе-то нарывы на спинѣ. Леченіе ихъ первобытнымъ способомъ выдавливанія еще болѣе ухудшило болѣзнь, и праздничное веселье неожиданно окончилось печальнымъ трауромъ: Исламъ-Герая не стало [1]). У Костомарова приводится ходившій будто бы слухъ о томъ, что Исламъ-Герая отравила украинская плѣнница, взятая въ его харемъ, въ отмщеніе за измѣну ея отечеству, и едва ли даже не вслѣдствіе козней Хмельницкаго [2]), но это, должно быть, фабула: по крайней мѣрѣ турецко-татарскіе историки даже и не намекаютъ на нѣчто подобное. Исламъ-Герай-ханъ погребенъ на южной сторонѣ дѣдовскаго тюрбэ, надъ которымъ былъ сдѣланъ новый каменный куполъ.—Смерть его случилась въ началѣ шаъбана 1064 = въ концѣ іюня 1654 года; слѣдовательно Исламъ-Герай, умершій 50 лѣтъ отъ роду, властвовалъ всею только 10 лѣтъ 5 мѣсяцевъ [3]).

Когда извѣстіе о смерти Исламъ-Герая пришло въ Порту, то сейчасъ же послали въ Родосъ за младшимъ братомъ его, Мухаммедъ-Гераемъ, который однажды уже ханствовалъ подъ именемъ Мухаммедъ-Герая IV и по сверженіи былъ сосланъ въ заточеніе. 11-го шевваля того же года = 25 августа 1654 года онъ прибылъ въ Стамбулъ и былъ провозглашонъ ханомъ въ торжественной аудіенціи, на которой султанъ самолично пожаловалъ ему кинжалъ и сюргучъ, сказавъ ему такое привѣтственное слово: „При твоемъ братѣ тѣ страны были свободны отъ смутъ, и мое августѣйшее сердце было спокойно; онъ съ необыкновенно-прекрасною прямотою и искренностью правилъ службу; надо, чтобы ты

---

[1]) Семь планетъ, 169, Кр. Ист., 64 г.; Наъима, II: 457. [2]) Op. cit., III: 176. [3]) Семь планетъ, 169; Кр. Ист., 64 г.; Наъима, II: 457. Веджиги ошибочно говоритъ, что Исламъ-Герай-ханъ умеръ въ рамазанѣ того же 1064 года, т. е. мѣсяцемъ позже (Op. cit.. 59 г.).

еще превосходнѣе послужилъ."—Ханъ отвѣчалъ: „Поста[
юсь, ваше величество".—Затѣмъ 16-го шевваля его поса[
ли на галеру, чтобы отвезти въ Крымъ. Сопровождать [
поручено было капыджи-баши Хусейнъ-бею, отецъ котор[
Хасанъ-паша когда-то водворялъ на ханство Джаны-бе[
Герая. Но предъ отъѣздомъ таможенный управляющій зада[
хану пирушку въ новомъ зданіи, которое онъ только, что [
орудилъ себѣ въ Тераніи. Вдругъ получено было извѣст[
что въ Крыму происходитъ среди мурзъ волненіе; что м[
ковцы произвели рѣзню поляковъ и завладѣли большею ча[
тію ихъ земель, и что нѣсколько русскихъ шаекъ и ка[
ковъ вышло въ Чорное море затѣмъ, чтобы захватить [
ваго хана на пути его въ Крымъ. Мухаммедъ-Герай исп[
гался этой вѣсти, вылѣзъ изъ галеры и, посовѣтовавшись, [
шолъ, что лучше ему отправиться сухимъ путемъ, что о[
и исполнилъ немедленно, такъ какъ верховный везирь [
позволялъ ему мѣшкать [1]).

Въ Крыму, дѣйствительно, въ это время произошла ра[
пря между дѣтьми Бегадыръ-Герай-хана и Мубарекъ-Г[
рай-султана, въ которой приняли участіе на сторонѣ первы[
извѣстный ханскій везирь Сеферъ-Гази-ага съ своими пр[
верженцами, а на сторонѣ вторыхъ племя мансурцевъ; [
изъ-за чего возгорѣлась эта распря, историки, описываю[
ее, не говорятъ. Они пишутъ только, что во время этой ра[
при едва не погибъ сынъ Бегадыръ-Герай-хана, впослѣ[
ствіи весьма популярный ханъ, Селимъ-Герай, проживавш[
тогда въ домѣ своего аталыка въ деревнѣ Айланъ—آیلان—
на него напалъ-было врасплохъ сынъ Мубарекъ-Герая Аади[
Герай съ тысячью своихъ злодѣевъ, да юноша Селимъ в[
время [2]) узналъ о грозившей ему бѣдѣ, ускакалъ и скрыл[
у племени ширинцевъ. Образовавшіяся тогда двѣ партіи [

[1]) Веджиги, л. 59 г.; Наъима, II: 463—464. [2]) Можетъ бы[ть]
это Айланма, деревня близь Кара-Су?

переставали враждовать между собою и тогда, когда представители ея выѣхали въ Кыл-бурунъ навстрѣчу новому хану, Мухаммедъ-Гераю, которому наконецъ удалось какъ-то примирить ихъ тамъ [1]).

Теперь Мухаммедъ-Герай-ханъ является уже далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ первое свое царствованіе, какъ это видно изъ историческихъ свидѣтельствъ о его образѣ дѣйствій, а также и изъ тона его обращенія въ своихъ грамотахъ къ царю московскому. При всей шаблонности подобнаго рода документовъ, тонъ ихъ былъ прежде какой-то мизерный, скаредный, холопскій. Напримѣръ, ханъ, не краснѣя, сознавался, что онъ уже нѣсколько разъ писалъ въ Москву бумаги съ просьбою о высылкѣ ему денегъ для расхода на священную Каъбу—کعبه خرجی تلك قلغان ایدوك—, но что ему не было отвѣта, и теперь онъ опять *бьетъ челомъ*, прося прислать ему денегъ на вышеозначенный богоугодный расходъ, ибо, прибавляетъ онъ, „я, рабъ вашъ, сталъ старъ, и мнѣ надобно отблагодарить Господа Бога“, соображая, повидимому, сдѣлать благочестивое приношеніе мусульманскому святилищу, ради спасенія души своей, и это на чужой счотъ-то! [2]). Затѣмъ однажды Мухаммедъ-Герай-ханъ пишетъ московскому царю, что онъ не стоитъ за татаръ, грабящихъ русскія окраины, и уже главныхъ вожаковъ разбойничьихъ бандъ, негодяевъ-мурзъ казнилъ безъ милосердія, что́, говоритъ онъ, видѣли и знаютъ царскій посланникъ и его свита [3]). Въ другой разъ ханъ убѣждаетъ царя, что грабежи и угонъ скота, произведенные его подданными татарами на русскихъ окраинахъ, не должны служить причиною охлажденія дружбы между нимъ и московскимъ правительствомъ, потому что, оправдывается онъ, „татаре ужъ такой народъ: за скотомъ

[1]) Семь планетъ, 168—169; Кр. Ист., 64 v. & 63 r. [2]) Вельяминовъ-Зерновъ, Матеріалы, № 60, стр. 270. [3]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 74.

готовы лѣзть въ огонь, и никакъ нельзя съ ними управиться“ [1]). Въ такомъ же духѣ пишутъ и его ближайшіе подручники, калга Фетхъ-Герай и нур-эд-динъ Гази-Герай. Особливо интересны грамоты калги, который жалуется царю Михаилу Ѳеодоровичу, зачѣмъ онъ измѣнилъ обычныя выраженія въ своихъ грамотахъ, не употребляя приличествующихъ ему, калгѣ, титуловъ и обращаясь къ нему въ повелительныхъ выраженіяхъ, которыя имъ самимъ однако же оставлены въ своихъ ярлыкахъ, ради вящщей любви и дружбы къ царю [2]).

Сдѣлавшись вторично ханомъ, Мухаммедъ-Герай IV (1654—1666) повелъ себя иначе. Онъ, подобно своему предшественнику, шлетъ къ польскому королю и московскому царю грамоты съ извѣщеніемъ о вступленіи своемъ на ханскій тронъ; первому онъ разсыпается въ любезностяхъ, предлагаетъ вѣчную дружбу и разныя удобства для облегченія торговыхъ сношеній купцовъ польскихъ и крымскихъ, и т. п. [3]); второму довольно сухо изъявляетъ свое согласіе на продолженіе взаимнаго согласія, но больше напоминаетъ объ аккуратной высылкѣ разныхъ поминковъ и подачекъ [4]).

Повторяя неоднократно жалобы на разбои и грабежи донскихъ козаковъ, Мухаммедъ-Герай требуетъ обузданія этой вольницы, а на отговорки московскаго правительства, что оно не въ состояніи, молъ, справиться съ непослушными козаками, ханъ саркастически замѣчаетъ, что подобное извиненіе „царямъ и царскому достоинству не прилично“ [5]).

Вмѣсто прежней предупредительности, съ которою Мухаммедъ-Герай наказывалъ своихъ подданныхъ, причинявшихъ обиды московскимъ людямъ, теперь на требованіе розъиска и казни убійцъ московскаго толмача ханъ пускается въ казуистику и пишетъ въ своей грамотѣ, что одинъ изъ

---

[1]) Ibidem., № 89. [2]) Ibidem, № 63, стр. 276. [3]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 165. [4]) Ibidem. № 167. [5]) Ibidem, № 178, стр. 514; № 187, стр. 530.

убійцъ бѣжалъ отъ посланныхъ за нимъ поимщиковъ, а другой, только подозрѣваемый въ убійствѣ, подвергнутъ допросу и отрекся отъ участія въ немъ; свидѣтелей же нѣтъ, а „по нашей", говоритъ ханъ, „вѣрѣ и книгамъ, коли нѣтъ двухъ свидѣтелей, нельзя казнить человѣка" [1]).

Мало того: Мухаммедъ-Герай предъявляетъ необыкновенныя претензіи къ царю Алексѣю Михаиловичу за причинявшіяся будто бы въ Москвѣ мусульманамъ насилія. „Въ нашихъ странахъ и въ странахъ его величества, благоденственнаго падишаха Мекки и Медины, много христіанскихъ народовъ", читаемъ мы въ одной грамотѣ этого хана, „и всѣ они правятъ службу по своей вѣрѣ безпрекословно; а находящихся въ твоей странѣ мусульманъ вы велите брать и подвергать истязаніямъ, выдирая ремни изъ ихъ спинъ и говоря: „Вступайте въ нашу вѣру"; сожигаете священное слово (Куръанъ), мечети и медресэ—такой великій грѣхъ творите!" [2]).

Такая перемѣна въ обращеніи Мухаммедъ-Герая съ Москвою была въ связи съ измѣненіемъ ханской внѣшней политики, ставшей при немъ благопріятною для Польши и недоброжелательною къ Москвѣ. Въ одной грамотѣ отъ 1068—1658 года къ царю Алексѣю Михайловичу онъ убѣждаетъ его, даетъ ему совѣтъ не стремиться завоевать Польшу и присодинить ее къ своимъ владѣніямъ; говоритъ, что это неблагоразумно, и что ему, хану, это не нравится [3]); а черезъ три года, въ грамотѣ 1071—1661 года, онъ довольно рѣзко возстаетъ на московскаго царя за нападеніе на поляковъ и грубо укоряетъ его во лжи и вѣроломствѣ [4]).

Причину такого поворота въ крымской политикѣ надо предполагать въ замѣтномъ распространеніи московскаго государства чрезъ присоединеніе польскихъ и козацкихъ зе-

[1]) Ibidem, № 187, стр. 529. [2]) Ibidem, № 361, стр. 871. [3]) Ibidem, № 191. [4]) Ibidem, № 192.

мель. Татаръ, видимо, испугало это возрастаніе русскаго могущества; особенно досадовало хана стремленіе царя подчинить своему господству козаковъ. Мухаммедъ-Герай-ханъ прямо уже укоряетъ Алексѣя Михайловича въ жадности къ захвату чужихъ владѣній. „Твои предки", пишетъ онъ, „довольствовались одною московскою страною; а ты домогаешься и ляхской. Днѣпровскіе козаки съ главою своимъ пришли къ нашему старшему брату (т. е. Исламъ-Гераю) и стали служить ему. Когда Всевышній Богъ даровалъ намъ тронъ нашихъ предковъ, они, и къ намъ прійдя, стали рабами, и межъ тѣмъ какъ они были въ мирѣ съ ляхскимъ королемъ, ты, домогаясь козацкихъ владѣній, послалъ противъ него войско. Сколько разъ мы ни писали тебѣ, ты нашихъ словъ не слушаешь, а посадилъ свои войска въ Кіевъ, да, чтобы захватить всѣ козацкія владѣнія, ты столько послалъ войска! Когда отъ козаковъ неоднократно приходили жалобщики и падали намъ въ ноги, то мы задали объ этомъ вопросъ нашимъ ученымъ, и они сказали, что договоръ нарушили московцы, и что притѣсняемую козацкую страну слѣдуетъ спасти изъ рукъ притѣснителя" [1]).

Означенная перемѣна въ политикѣ крымской, засвидѣтельствованная и другими источниками [2]), стоила хлопотъ и бѣдъ московскому государству, терпѣвшему отъ татарскихъ набѣговъ, производившихся по попустительству и насылу Мухаммедъ-Герай-хана. Но начало этой перемѣны замѣтно было и раньше, еще при Исламъ Герай-ханѣ, который уже при заключеніи мира подъ Жванцемъ вдругъ обратилъ око милосердія на поляковъ, не послѣдовавши настояніямъ Богдана Хмельницкаго подвергнуть полнѣйшему разгрому ляховъ [3]). Политика сохраненія международнаго равновѣсія, принятая Исламъ-Гераемъ, продолжалась теперь и его преемникомъ,

[1]) Ibidem, № 361, стр. 871. [2]) Соловьевъ. Ист Россія. X: 380—381. [3]) Костомаровъ, Op. cit., III: 118.

можетъ быть, потому еще, что главнымъ ея руководителемъ оставался все тотъ же ханскій везирь Сеферъ-Гази-ага, который былъ душою ея при томъ ханѣ. Важная роль его въ тогдашнихъ международныхъ сношеніяхъ свидѣтельствуется какъ русскими, такъ и татарскими памятниками, изъ коихъ послѣдніе относятся къ позднѣйшимъ годамъ царствованія Мухаммедъ-Герай-хана [1]. Письма это татарскаго сановника къ московскому правительству дышатъ тою же вызывающею дерзостью, какъ и грамоты его новаго повелителя: онъ тоже коритъ московскаго царя въ томъ, что „онъ на много странъ простеръ руку“; что „ему не слѣдъ вмѣшиваться въ польскія и козацкія владѣнія“; что не кстати онъ, захвативъ нѣсколько крѣпостей польскихъ и днѣпровско-козацкихъ, горделиво титулуетъ себя государемъ восточнымъ и западнымъ, ибо на западѣ есть, молъ, еще семь подобныхъ ему христіанскихъ вѣнценосцевъ, а большинство странъ восточныхъ подвластны падишаху османскому [2]. Другое подобное же свое письмо Сеферъ-Гази-ага заканчиваетъ такими безцеремонными внушеніями: „Мы знаемъ, что наши совѣты и увѣщанія ничего вамъ не дѣлаютъ: вы и ухомъ не ведете.... Послушайте же хорошенько нашихъ словъ!“ [3]).

Враждебное Россіи направленіе крымской политики отчасти слѣдуетъ приписать, безъ сомнѣнія, и поведенію Богдана Хмельницкаго, виляніе котораго въ разныя стороны не могли не быть замѣчены въ ханскомъ Диванѣ, какъ это показываетъ бурная сцена у Мухаммедъ-Герая съ Хмельницкимъ, передаваемая, впрочемъ, не-крымскими историками [4]. Но и турецкіе историки, описывая цѣлый рядъ кровопролитныхъ стычекъ, происшедшихъ при Мухаммедъ-Гераѣ между татарами и козаками, представляютъ послѣднихъ дѣй-

[1]) Соловьевъ, X: 434; XI: 11; В.-Зерновъ, Матеріалы, № 196. [2]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 362. [3]) Ibidem., № 363, стр. 877. [4]) Костомаровъ, Op. cit., III: 222—226.

ствующими заодно съ московцами. Такимъ образомъ выходитъ, что козацкіе разбои и грабежи въ татарскихъ владѣніяхъ дѣлали отвѣтственными за нихъ въ глазахъ Крымскаго хана московское государство, а чрезъ это тѣснимая московцами Польша, естественно, находила себѣ поддержку и защиту у хана Крымскаго; козаки же являлись передъ нимъ проклятыми вѣроломцами. Таково было побоище подъ Уманью въ 1065 = 1655 году [1]). Въ слѣдующемъ году произошла опять битва подъ стѣнами одной польской крѣпости, названія которой не приведено историками [2]). Въ шеввалѣ того же 1066 = въ іюнѣ-августѣ 1656 года татарскія войска подъ начальствомъ одного изъ султановъ освобождали г. Азовъ, осажденный козаками [3]).

Когда послѣ такихъ событій, въ мѣсяцѣ реджебѣ 1067 = въ апрѣлѣ-маѣ 1657 года явились къ Высокому Порогу послы отъ гетмана запорожскихъ козаковъ съ просьбою опять припять ихъ въ свое подданство на одинаковыхъ съ молдовалахами условіяхъ, то, въ виду ненадежности ихъ насчотъ покорности и повиновенія, имъ было отказано въ этой просьбѣ, Главнымъ же мотивомъ къ отказу послужило то, что согласіе на просьбу козаковъ было бы непріятно татаркому хану; имъ посовѣтовали лучше жить въ ладахъ съ ханомъ: дружба съ нимъ принимается, молъ, во вниманіе и Портою [4]). Но этотъ совѣтъ такъ и остался втунѣ.

Дѣйствія Крымскаго хана въ это время, должно быть, не противорѣчили видамъ Порты: по крайней мѣрѣ съ ея стороны не было протестовъ. Въ томъ же 1657 году онъ совершилъ походъ на защиту Польши отъ нашествія Ракочи, и за успѣшность своихъ военныхъ дѣйствій удостоился со стороны султана ласковаго посланія и дорогихъ подарковъ—

[1]) Фундуклулу, I: 8 r. & v. Ср. Костомарова, Op. cit., III: 180—197. [2]) Наъима, II: 548; Фундуклулу, I: 27 r. & v. [3]) Фундуклулу, I: 27 v. & 28 r. [4]) Наъима, II: 617; Фундуклулу, I: 47 v.

кафтана, кинжала и сабли, отправленныхъ къ нему съ нарочитымъ посланнымъ [1]). Лѣтомъ 1069=1659 году Мухаммедъ-Герай-ханъ предпринималъ опять походъ противъ русскихъ въ качествѣ союзника запорожскаго гетмана Выговскаго; производилъ жестокія опустошенія въ русскихъ войскахъ и совершилъ ужасную рѣзню надъ русскими плѣнными [2]). Этотъ походъ подробно описанъ всѣми тогдашними турецкими историками, на основаніи подлинной ханской реляціи, присланной Мухаммедъ-Герай-ханомъ къ высочайшему Стремени—تاتارخان محمدكراى طرفندن ركاب همايونه فتحنامه سى—كلوب [3]). Всѣ эти эпизоды воинственнаго царствованія Мухаммедъ-Герай-хана довольно подробно разсказаны, со словъ турецкаго историка Наъимы, г. Казембекомъ въ его статьѣ „Сравнительныя извлеченія изъ разныхъ писателей, относящіяся къ Исторіи Семи Планетъ", почему-то выбравшимъ періодъ 1654—1660 годовъ для образца этихъ извлеченій, которыя онъ предполагалъ присовокупить, въ видѣ примѣчаній, къ своему изданію татарскаго текста сочиненія крымскаго историка Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы [4]).

Послѣдующіе военные набѣги крымскихъ татаръ въ царствованіе Мухаммедъ-Герая, описываемые у турецкихъ историковъ Веджиги [5]) и особенно у Фундуклулу [6]), всущности мало представляютъ характернаго въ образѣ дѣйствій и въ политическомъ тактѣ хана: съ русскими и козаками онъ безпрестанно сражался по собственнымъ соображеніямъ, вытекавшимъ изъ стремленія его разорвать связь козацкой вольницы съ усиливавшимся московскимъ государствомъ и подчинить ее собственной гегемоніи; участіе же въ турецкихъ

[1]) Наъима II: 634—636; Веджиги. Вѣнская рукопись, 76 r.; Фундуклулу, I: 48 r. & v. [2]) Соловьевъ, XI: 64 — 68. [3]) Фундуклулу, I: 77 r.—82 v.; Веджиги, 101 r.—106 r.; Наъима, II: 700—704. [4]) Журн. М-ва Народ. Просв. за 1835 годъ. Отд. II, стр. 345—374 [5]) Вѣнск. рукопись, л. 121 r.—123 r. [6]) Рукопись, I: 95 r.—96 r., 111 r., 115 r., 125 v., 134 r., 176 r.

кампаніяхъ за Дунаемъ вызывалось, какъ и всегда, формальными приглашеніями изъ Порты. Эти приглашенія сопровождались, по обычаю, присылкою богатыхъ подарковъ хану, простиравшихся въ это время до 10,000 золотыхъ „сапожныхъ денегъ“ — چزمه بها —, кромѣ дорогихъ одеждъ и украшенныхъ драгоцѣнными каменьями кинжаловъ и сабель [1]).

Необузданно разбойническое поведеніе Мухаммедъ-Герая въ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ отчасти объясняется полнѣйшею безконтрольностью его въ международной политикѣ со стороны Порты, гдѣ все еще продолжался прежній административный хаосъ, ибо втеченіе десяти лѣтъ, со времени воцаренія султана Мухаммеда IV до 1657 года, тамъ перебывало 14 верховныхъ везирей, изъ коихъ только одинъ занималъ свой постъ годъ и девять мѣсяцевъ, прочіе же лишь по нѣскольку дней. Съ этого же года верховное везирство перешло въ руки умныхъ и энергичныхъ людей Кöпрюлю Мухаммедъ-паши и потомъ сына его Фазилъ Ахмедъ-паши. Выступленіе на государственное поприще перваго изъ нихъ произвело переполохъ въ кликѣ, державшей въ своихъ рукахъ бразды правленія, и было съ радостью привѣтствовано людьми благомыслящими, надѣявшимися, что авось сила воли этого человѣка положитъ конецъ творившимся въ государствѣ безобразіямъ [2]). Этотъ простой, необразованный, но умный и дѣятельный арнаутъ, съ самаго же вступленія въ свою высокую должность, энергически взялся за дѣло управленія надлежащимъ образомъ. Но пятилѣтній срокъ слишкомъ былъ непродолжителенъ для того, чтобы можно было достигнуть какихъ-либо ощутительныхъ результатовъ въ обновленіи правительственнаго механизма, портившагося цѣлыми десятилѣтіями. Но онъ все-таки, можно сказать, намѣтилъ программу, которой, умирая, завѣщалъ держаться и самому султану, и своему преемнику въ званіи верховна-

[1]) Фундуклулу, 111: г. [2]) Наъима, II: 604—605 & 611.

го везиря, Фазиль Ахмедъ-пашѣ, который оказался достойнымъ сыномъ отца своего.

Привыкшій черезчуръ уже быть самостоятельнымъ Мухаммедъ-Герай-ханъ думалъ продолжать дѣйствовать въ прежнемъ духѣ и направленіи и тогда, когда у кормила правленія въ Портѣ всталъ упомянутый Фазиль-Ахмедъ-паша Кöпрюлю. Но эта отвага имѣла тотъ же печальный результатъ для зазнавшагося хана, какой уже не разъ до него случался съ его предшественниками. Разница только въ томъ, что личность Мухаммедъ-Герая въ этомъ случаѣ не возбуждаетъ такого къ себѣ сочувствія, какое можно еще питать къ нѣкоторымъ его предшественникамъ, въ стремленіяхъ которыхъ къ независимости замѣтно было преслѣдованіе извѣстной идеи, служеніе извѣстному принципу, какъ бы эта идея или этотъ принципъ ни были ими смутно или грубо понимаемы и сознаваемы. Этотъ же ханъ, и во внѣшней политикѣ, и во внутреннихъ своихъ распоряженіяхъ, является скареднымъ эгоистомъ и жаднымъ скопидомомъ, который не внушилъ къ себѣ ни уваженія въ Портѣ, ни привязанности и преданности въ своихъ подданныхъ.

Въ 1663 году открылась венгерская война, и Мухаммедъ-Герай-хану послано было изъ Порты приглашеніе выступать съ татарскими полчищами на подмогу войскамъ турецкимъ. Султанская пригласительная грамота, сполна приведенная у историка Фундуклулу, написана довольно кратко и сухо, безъ всякихъ риторическихъ высокопарностей и льстивыхъ эпитетовъ и обращеній къ ханской особѣ.

Мухаммедъ-Герай не явился, по вышеозначенному приглашенію, на театръ войны, сославшись на необходимость оставаться у себя въ Крыму для защиты своихъ владѣній отъ калмыковъ и ногайцевъ, среди которыхъ обнаружилось опасное движеніе и безпокойство. Вмѣсто себя же онъ командируетъ въ турецкій походъ своего сына Ахмедъ-Герай-султана во главѣ татарскаго отряда да нѣсколькихъ тысячъ ко-

заковъ [1]) . Историки, передавая содержаніе отказного письма ханскаго, присовокупляютъ, что будтобы ханъ уже отправился въ походъ, да на пути на его войско сдѣлали внезапное ночное нападеніе калмыки, соединившіеся съ козаками. Услышавъ объ этомъ, и ногайцы, состоявшіе подъ покровительствомъ ханскимъ, тоже перешли чрезъ Днѣстръ. Это обстоятельство будто бы задержало хана и принудило его отказаться отъ личнаго участія въ турецкой кампаніи [2]).

Отказъ хана былъ принятъ къ свѣдѣнію. Ханскій сынъ, Ахмедъ-Герай, приведшій татарскія полчища уже послѣ открытія военныхъ дѣйствій, былъ встрѣченъ съ обычными почестями въ султанской арміи. Такой же пріемъ былъ оказанъ и брату его, Мухаммедъ-Гераю, пришедшему съ 15—20 тысячами козаковъ, атаманы которыхъ получили отъ турецкихъ властей почотные подарки [3]). Соединенныя войска осадили кр. Уйваръ (Нейгäузель); татаре бросились опустошать беззащитныя непріятельскія владѣнія и столько захватили добычи, что полоняники продавались по десяти, по пятнадцати, самое большее—по сорока гурушей съ человѣка, быки по сту акчэ, а бараны по пятнадцати акчэ [4]). Крѣпость не устояла и сдалась на капитуляцію. Изъ восьми пунктовъ капитуляціи заслуживаетъ особеннаго вниманія пунктъ второй: онъ заключаетъ въ себя условіе свободнаго удаленія капитулировавшаго гарнизона, „не проходя чрезъ турецкій станъ, *чтобы не видѣть татарскихъ рожъ*“— اردوی کیچمیوب تاتار یوزین کورمیه‌لر — [5]). Ахмедъ-Герай полу-

---

[1]) Тарихи-Рашидъ. Константиноп. изд. 1153=1741 года, I: 9 r. [2]) Рашидъ, I: 11 v.; Фундуклулу, I: 115 r. [3]) Рашидъ, I: 12 r; Фундуклулу, I: 125 v. [4]) Фундуклулу, I: 128 v. [5]) Рашидъ I: 11 v. تاتار یوزین کورمك ایچون اردودن کیچمیلم (Фундуклулу, I: 130 r.) Гаммеръ передаетъ это понѣмецки такъ: «ohne weder durchs Lager, noch Tataren zu nahe zu kommen» (G. d. O. R., VI: 114). Но внутренній смыслъ условія былъ несомнѣнно такой, какъ мы его выразили порусски: капитулировавшимъ австрійцамъ, въ самомъ дѣлѣ, было противно видѣть фи-

чилъ за эту побѣду особый султанскій рескриптъ, который былъ врученъ ему верховнымъ везиремъ, ласково примолвившимъ тогда: „Поди, мой ханычъ, въ свою палатку да и вели прочитать!“ [1]).

Межъ тѣмъ какъ сыновья Мухаммедъ-Герай-хана отличались въ турецкой кампаніи, самъ онъ имѣлъ крупную стычку съ калмыками, или, какъ ихъ называютъ турецкіе историки, съ калмыцкими татарами—قالموق تاتارى—, сидѣвшими въ окрестностяхъ Азова, которые въ этотъ разъ, въ союзѣ съ козаками Сѣрка—سركه قزاغيله—, подошли-было уже къ Перекопи съ цѣлью ворваться въ самый Крымъ, но были вовремя встрѣчены ханомъ и разбиты имъ. Совершивъ этотъ подвигъ, ханъ поспѣшилъ довести о немъ до свѣдѣнія Порты, чтобы, конечно, фактически оправдать свой отказъ отъ участія въ венгерскомъ походѣ. Донесеніе было принято, повидимому, благосклонно: хану были пожалованы наградные подарки [2]).

Но это заискиваніе Мухаммедъ-Герай-хана передъ Портою не изгладило дурного впечатлѣнія, произведеннаго тамъ отказомъ хана послѣдовать офиціальному призыву его въ

ѳіономія злорадныхъ татаръ, внѣшность которыхъ, какъ мы видѣли выше (стр. 489), поражала даже и турковъ. Съ другой стороны, прохожденіе капитулировавшихъ мимо татарскаго стана, вѣроятно, было не безопасно для нихъ: не привыкшіе къ дисциплинѣ татаре могли причинить отступавшимъ какія-нибудь оскорбленія или даже насилія. Можно также думать, что капитулировавшимъ не желательно было проходить и мимо турецкихъ солдатъ, да только они стѣснялись поставить это нежеланіе въ число формальныхъ условій капитуляціи, и потому сослались на одни «татарскія рожи», полагая, что турки не обидятся на неделикатность отзыва о татарахъ, но сами разумѣли вмѣстѣ и рожи турецкія, которыя, безъ сомнѣнія, имъ были не милѣе татарскихъ.

[1]) Фундуклулу, I: 134 r. [2]) Фундуклулу, I: 176 r. Историкъ Рашидъ-эфенди говоритъ, впрочемъ, что подарки даны были только ханскому курьеру, доставившему реляцію въ Порту, о наградѣ же самому хану онъ не упоминаетъ (Рашидъ, I: 25 v).

походъ: выказанная имъ непокорность напомнила султанскому правительству попытки прежнихъ хановъ свергнуть верховенство Порты, и теперь нуженъ былъ только предлогъ, чтобы еще разъ доказать крымскимъ татарамъ, что Порта вовсе не расположена утратить свое верховное господство надъ ними. Предлогъ этотъ не замедлилъ представиться; на этотъ разъ опять въ дѣло были замѣшаны ногайцы.

Нѣкоторыя ногайскія племена, кочевавшія при низовьяхъ Днѣстра и Дуная, считались подданными Крымскихъ хановъ. Управленіе ими, кромѣ ихъ собственныхъ мурзъ, вѣдалось также особеннымъ ханскимъ чиновникомъ, который на офиціальномъ татарскомъ языкѣ титуловался *ялы-агасы* — يالى اغاسى = „прибрежный ага", и на обязанности котораго главнымъ образомъ было собирать дань съ ногайцевъ въ пользу хана [1]). Силистрійскій бейлеръ-бей, Хаджи Хусейнъ-паша былъ противникомъ Мухаммедъ-Герая. Должно быть, онъ устроилъ такъ, что ногайцы тогда стали просить отмѣнить вѣдѣніе ялы-агасы, а принять ихъ въ турецкое подданство съ обязательствомъ платить ежегодно въ султанскую казну по 20,000 гурушей дани, ходить, вмѣстѣ съ состоящими на жалованьѣ солдатами, на войну и вообще оказывать всякое повиновеніе и покорность, а просили поселить ихъ въ окрестностяхъ Силистры. Хаджи Хусейнъ-паша представилъ ихъ просьбу Двери Счастія. На ихъ желаніе послѣдовало высочайшее соизволеніе, и повелѣно было водворить ихъ въ пустопорожнихъ земляхъ тѣхъ мѣстностей. По Мухаммедъ-Гераю этотъ поступокъ ногайцевъ не понравился, и онъ, перехвативъ ихъ, однихъ изрубилъ, другихъ разогналъ. ХаджиХусейнъ-паша опять донесъ Портѣ, и изданъ былъ высочайшій указъ хану не трогать ногайцевъ, принявшихъ подданство Высочайшаго Порога, и воздержаться отъ обидъ

[1]) Семь планетъ, 81; Кр. Ист., 30 v.

и притѣсненій ихъ. Но ханъ не слушался. Тогда ему дана отставка, а на его мѣсто ханомъ назначенъ и, по совершеніи обычныхъ церемоній, посланъ моремъ въ Крымъ Адиль-Герай, который дотолѣ былъ заточенникомъ на о-вѣ Родосѣ [1]. Въ Портѣ опасались, что Мухаммедъ-Герай окажетъ сопротивленіе, и поэтому велѣно было двинуться войскамъ сремскаго и семендрійскаго санджаковъ, а также назначены были румилійскій и очаковскій бейлеръ-беи съ своими войсками.

Но опасенія эти оказались напрасны, и принятыя предосторожности тщетны: Мухаммедъ-Герай-ханъ вовсе не пользовался такою любовью и преданностью своихъ подданныхъ, чтобы найдти въ нихъ вѣрную опору въ наступившую для него невзгоду. Нелюбовь къ нему приписывается историками его жадности и скупости. Правдоподобность такой черты въ личности Мухаммедъ-Герая отчасти подтверждается документально: до насъ дошолъ небольшой ярлычокъ съ печатью этого хана, и что же онъ содержитъ въ себѣ?—предписаніе кафскому и кара-су-базарскому управляющимъ насчотъ того, чтобы они не чинили никакихъ препятствій нѣкоему Мордухаю-жидовину, намѣревающемуся продать въ Кафѣ или въ Кара-Су трехъ невольниковъ, такъ какъ полагающіяся за эту продажу пошлины уже взысканы съ него авансомъ [2]. Могъ ли быть Мухаммедъ-Герай симпатиченъ, если онъ все время питалъ тайную ненависть къ своему везирю Сеферъ-Гази-агѣ, не могши простить ему того, что прежде по его ходатайству былъ сдѣланъ ханомъ старшій братъ его Исламъ-Герай. Подъ конецъ, какъ разъ незадолго передъ сверженіемъ, онъ все-же утолилъ свою жажду мести самымъ недостойнымъ его сана образомъ: онъ подослалъ двухъ черкесовъ, которые, заставъ

[1]) Фундуклулу, I. 18? r & v.; Рашидъ, I: 28 v.—30 r. [2]) Ярлыкъ этотъ находится въ собраніи татарскихъ документовъ, полученныхъ Имп. Публ. Библіотекою вмѣстѣ съ коллекціею еврейскихъ рукописей Фирковича.

Сеферъ-Гази-агу дома одного, внезапно напали на него и закололи какимъ-то острымъ инструментомъ въ родѣ вертела. Но этимъ дѣло не кончилось: лишивши жизни прежняго своего политическаго противника, Мухаммедъ-Герай ограбилъ и присвоилъ себѣ все его богатое имущество [1]). Вотъ почему, когда онъ въ рамазанѣ мѣсяцѣ 1076 = въ мартѣ 1666 г. былъ объявленъ сверженнымъ, то, рѣшившись сопротивляться такому опредѣленію верховной Порты, онъ не нашолъ себѣ надежной поддержки въ своихъ же татарахъ, а обратился съ просьбою о помощи къ козакамъ, ляхамъ, московцамъ и къ другимъ сосѣднимъ гяурамъ; но все было тщетно. Только его ближайшіе приверженцы да нѣсколько простодушныхъ мурзъ вызвались-было положить за него свои души и оказать воинственное сопротивленіе новому хану. Но когда этотъ послѣдній прибылъ моремъ въ Кафу, то вся крымская знать вышла ему навстрѣчу и присягнула, и онъ безпрепятственно сѣлъ на тронъ въ Бакчэ-Сараѣ. „Бѣдный Мухаммедъ", говоритъ въ заключеніе подробнаго описанія факта сверженія его историкъ Фундуклулу, „оставшись лишь съ нѣсколькими подчинявшимися ему татарами да немногими состоявшими при немъ ичь-огланами и помышляя только уже о томъ, какъ бы спасти свою голову, покинулъ свои предѣлы и прямо бѣжалъ въ страну черкесовъ" [2]). Но и эти немногіе сопровождавшіе его приверженцы тоже раскланялись съ нимъ, когда онъ въ Керчи садился въ лодку для переправы. При этомъ одни съ циническою откровенностью на разставаніе сказали ему: „Положимъ, мы въ благополучные дни вашего царствованія были отличены отъ прочихъ ровесниковъ несмѣтными богатствами; но, вѣдь, если бы мы теперь стали вамъ сопутствовать, то все наше достояніе погибло бы". А другіе изрекли ему такую горькую, и едва ли не правдивую, укоризну: „Мы и во времена твоего владычества-то

---

[1]) Семь планетъ, 170—171; Кр. Ист., 65 v. [2]) Фундуклулу, I: 184 r.

то ни капельки не были причастны трапезы твоихъ милостей и благодѣяній; а если бы теперь еще отправились дѣлить съ тобою путь странствованія и бѣдованія на чужбинѣ, то повергли бы свои семьи въ пропасть бѣдъ и несчастій!" [1]). Удаляясь въ изгнаніе, онъ побоялся взять съ собою свои огромныя сокровища, состоявшія изъ наличныхъ денегъ и изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, и потому заблаговременно раздѣлилъ ихъ, развѣсивъ на вѣсахъ, между своими дѣтьми и, даже будто бы, между приближенными [2]).

Въ скитальчествѣ Мухаммедъ-Герай велъ скромную жизнь простого дервиша среди кумыковъ [3]) и умеръ въ Дагестанѣ въ джемазіъу-ль-ахырѣ 1085 = въ сент. 1674 года, восьмидесяти-лѣтнимъ старикомъ, оплакавши въ стихахъ свою незавидную участь. Черезъ годъ послѣ смерти тѣло его было перенесено усердіемъ сына его Джаны-бекъ-Герая въ Бакчэ-Сарай и погребено возлѣ родительской усыпальницы [4]). Вторичное его царствованіе продолжалось 12 лѣтъ 4 мѣсяца, что съ временемъ его перваго властвованія составитъ 15 лѣтъ съ двумя или тремя мѣсяцами, а не 16 лѣтъ, какъ ошибочно значится у Сеидъ-Мухаммедъ-Ризы [5]).

Преемникомъ Мухаммедъ-Герая явился Аадиль-Герай I (1666—1671), представитель другой, боковой линіи дома Гераевъ. Назначеніе его совершилось при обычной обстановкѣ, которую историкъ Фундуклулу описываетъ, бывши, вѣроятно, очевидцемъ ея въ качествѣ офиціальнаго лица, состоявшаго въ то время на службѣ при султанскомъ дворѣ. По исполненіи всѣхъ церемоній, начавшихся 4-го рамазана 1076 = 10 марта 1666 года, Аадиль-Герай былъ отправленъ въ Крымъ въ сопровожденіи цѣлой эскадры въ двадцать четыре гале-

---

[1]) Семь планетъ Кр. Ист. 61 v. [2]) Семь планетъ, 176; Кр. Ист., 68 v. [3]) У Ланглеса ошибочно сказано: «chez les *Kalmouks* (Op. cit., 417). [4]) Гюльбуни-хананъ, 56. [5]) Семь планетъ, 175.

ры [1]). Значитъ, крымскіе историки едва ли правы, отодвигая время отставки Мухаммедъ-Герая на цѣлыхъ три мѣсяца, т. е. на мѣсяцъ зи-ль-хыдджэ 1076—на іюнь 1666 года [2]), тѣмъ болѣе что относительно времени назначенія Аадиль-Герая въ Портѣ Фундуклулу согласенъ съ другимъ историкомъ, Рашидомъ [3]).

Назначеніе Аадиль-Герая ханомъ произвело сильное недовольство и негодованіе какъ среди Гераевъ, такъ и въ простомъ народѣ, по причинѣ его темнаго происхожденія. Отецъ его, какъ мы видѣли выше [4]), погибъ въ битвѣ подъ Кафою, сряжаясь въ рядахъ мятежныхъ братьевъ Мухаммедъ-Герая и Шагинъ-Герая противъ турковъ, пришедшихъ усмирять ихъ. Сыновья же убитаго, Аадиль-Герай и Фетхъ-Герай, удалились и стали жить въ окрестностяхъ Ямболу. Но проживавшіе тамъ же другіе султаны герайской крови были шокированы сосѣдствомъ такихъ сомнительныхъ родственниковъ и потому просили Высокую Порту убрать ихъ оттуда и водворить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Тогда имъ было указано переселиться въ городъ Визу. При Мухаммедъ-Герай-ханѣ IV одинъ изъ братьевъ, Фетхъ-Герай, состоялъ калгою и послѣ первой смѣны этого хана сопутствовалъ ему изъ приверженности и въ ссылкѣ въ Родосъ. Онъ тамъ и умеръ, послѣ того какъ Мухаммедъ-Герай, будучи вторично назначенъ ханомъ, не пожелалъ воспользоваться его услугами, такъ какъ онъ не хотѣлъ снова подвергаться нареканіямъ за избраніе его калгою. А теперь при вторичномъ своемъ назначеніи на ханство Мухэммедъ-Герай вздумалъ даже просто истребить всю семью Чобанъ-Гераевъ. Проживавшіе въ Крыму члены этой семьи, какъ только узнали объ этомъ,

[1]) Фундуклулу, I: 183 r. & v. [2]) Семь планетъ, 174; Кр. Ист., 67 v. [3]) Тарихи-Рашидъ, I: 30 r. Что же касается замѣтки Халимъ-Герая, что будто бы и назначеніе Аадиль-Герая ханомъ состоялось въ зи-ль-хыдджэ 1066—въ сент.-окт. 1656 года (Гюльбуни-хананъ, 61), то это уже чистая ошибка, не нуждающаяся въ опроверженіи. [4]) Стр. 502.

бѣжали къ абазамъ и черкесамъ. Относительно же тѣхъ, которые находились въ Румиліи, ханъ сдѣлалъ представленіе въ Порту насчотъ ихъ поголовнаго истребленія. Въ Портѣ это предложеніе Мухаммедъ-Герая признали ни съ чѣмъ не сообразнымъ и ограничились только тѣмъ, что всѣхъ Чобанъ-Гераевъ, большихъ и малыхъ, сослали въ Родосъ. Но умные люди говорили тогда же, что такъ какъ они были сосланы въ такое мѣсто, куда ссылались ханы изъ рода чингизова, или кандидаты въ ханы, то этимъ самымъ было легитимировано ихъ происхожденіе, и дана имъ возможность пріобрѣсть кандидатство. Такъ и вышло, благодаря содѣйствію и стараніямъ Исламъ-аги, сына Сеферъ-Гази-аги, который, какъ мы видѣли выше, былъ лишонъ жизни и ограбленъ Мухаммедъ-Гераемъ. Горя весьма естественною жаждою мести за смерть своего отца, Исламъ-ага принялся хлопотать въ Портѣ о смѣщеніи съ трона убійцы, въ чемъ и успѣлъ, при благопріятствовавшихъ его цѣли обстоятельствахъ.

Кажущееся съ перваго раза безпричиннымъ гоненіе, воздвигнутое Мухаммедъ-Гераемъ на Чобанъ-Гераевъ, теперь становится понятно: оно, можно навѣрное предполагать, было въ связи съ происками Исламъ-аги, который, вознамѣрившись добиться сверженія ненавистнаго хана, выдвинулъ въ преемники ему Аадиль-Герая, какъ члена совсѣмъ другой отрасли ханскаго дома и, потому уже самому, надежнаго союзника въ дѣлѣ совершеннаго устраненія Мухаммедъ-Герая и его приспѣшниковъ.

Крымскіе историки, изъ національной спеси никакъ не хотѣвшіе простить Аадиль-Гераю его полутатарскаго, полупольскаго происхожденія, какъ-то неохотно говорятъ объ обстоятельствахъ его воцаренія и даже о послѣдовавшемъ вскорѣ его сверженіи. Между тѣмъ Портѣ были извѣстны эти обстоятельства, ибо тамъ заранѣе были увѣрены, что водвореніе его на ханство встрѣтитъ серьозное сопротивленіе со стороны мѣстнаго народонаселенія, такъ что въ подкрѣпленіе его

авторитета ему и данъ былъ цѣлый эскортъ изъ янычаръ, отправленныхъ на двадцати четырехъ галерахъ моремъ. По этому поводу историки еще передаютъ анекдотъ объ одномъ опытномъ старикѣ, который ободрялъ новаго хана не бояться мятежниковъ, аллегорически приравнявъ ихъ дрянному финиковому дереву, а султанскую гребную эскадру съ янычарами—насѣкомому тысяченожкѣ съ муравьями [1]).

Хотя воцареніе Аадиль-Герая совершилось, по свидѣтельству историковъ, безъ особенныхъ затрудненій, но въ слѣдующемъ же 1077=1666—1667 году, пишутъ они, изъ Крыма пришло въ Порту извѣстіе, что ширинскіе мурзы выказываютъ хану враждебность и неповиновеніе, и въ Портѣ по этому случаю приступлено было къ какимъ-то приготовленіямъ [2]). Крымскіе историки, имѣя, по всему вѣроятію, въ виду вышеозначенный же фактъ, повѣствуютъ, что при Аадиль-Герaѣ повторилась точно такая же исторія, какъ и въ началѣ царствованія Исламъ-Герая. Исламъ-ага, подобно своему отцу Сеферъ-Гази-агѣ, сдѣланъ былъ башъ-агою. Взявъ въ руки племя мансурцевъ, они съ ханомъ стали прижимать и ширинцевъ, которые, спасая жизнь свою, разбѣжались въ разныя стороны, оставивъ свое имущество на разграбленіе. Когда же послѣдовало султанское повелѣніе не трогать ихъ и возвратить отнятое у нихъ, они вернулись по домамъ; но, нѣкоторые изъ нихъ, войдя въ довѣріе хана, при удобномъ случаѣ устроили дѣло такъ, что и Исламъ-ага, которому Аадиль-Герай всецѣло обязанъ былъ своимъ ханскимъ званіемъ, тоже былъ преданъ смерти, а все наличное достояніе его ограблено [3]).

Когда именно былъ казненъ Исламъ-ага, историки не говорятъ; но въ ряду довольно многочисленныхъ диплома-

---

[1]) Семь планетъ, 175; Кр. Ист., 67 v. [2]) Фундуклулу, I: 199 v.
[3]) Семь планетъ, 179; Кр. Ист., 69 r. & v.

тическихъ документовъ времени царствованія Аадиль-Герая находятся также два письма отъ имени Исламъ-аги. Послѣднее писано въ мухарремѣ 1078 = въ іюнѣ-іюлѣ 1667 года, и въ немъ Исламъ-ага, обращаясь къ „своему другу и брату, ближнему человѣку и *везирю* (وزير) царя (چار) Алексѣя Михайловича", титулуетъ и себя „везиремъ и ближнимъ человѣкомъ великаго хана и высочайшаго хакана Аадиль-Герай-хана" [1]). Послѣ этого времени имя Исламъ-аги уже не встрѣчается: тогда, вѣроятно, его уже не стало вживыхъ.

Такимъ образомъ нерасположеніе населенія къ Аадиль-Гераю за его нечистокровность происхожденія поддерживалось и даже усиливалось еще безтактностью его поведенія и взбалмошнымъ характеромъ. Домашніе нелады хана однако же безпокоили Порту, которая въ это время была озабочена трудной и продолжительной кампаніей на островѣ Кандіи, и потому онъ былъ признанъ неудобнымъ и вскорѣ отставленъ. Ближайшій мотивъ къ низложенію его указывается различно. Авторъ Краткой Исторіи приписываетъ его жалобѣ въ Порту жены и дѣтей неправедно и неблагодарно умерщвленнаго ханомъ Исламъ-аги, которому онъ обязанъ былъ своимъ возведеніемъ на ханство [2]); по словамъ же Мухаммедъ-Ризы и неизвѣстнаго сочинителя исторіи, переведенной Казимирскимъ, причиною сверженія Аадиль-Герая была его глупость—حماقت—или даже умопомѣшательство [3]). Фундуклулу тоже какъ-то неясно говоритъ о сверженіи Аадиль-Герая, да еще расходится съ прочими историками въ обозначеніи мѣста ссылки отрѣшеннаго хана. Крымскіе историки говорятъ, что Аадиль-Гераю указано было жить въ Карынъ-Абадѣ, гдѣ онъ черезъ годъ послѣ отставки умеръ и схороненъ въ своей же мечети [4]). У Фундуклулу же мы вотъ что читаемъ подъ 1081 годомъ: „Крымскій ханъ Аадиль-Герай не былъ изъ людей

[1]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 204, стр. 556. [2]) Кр. Ист., 69 r. & v. [3]) Семь планетъ, 180; Nouveau Jour. As., XII: 442. [4]) Семь планетъ, 179; Кр. Ист., 69 v.; Гюльбуни-хананъ, 62.

воинственныхъ, и такъ какъ нѣкоторые поступки его не понравились особѣ падишаха, то упомянутаго мѣсяца (зиль-хыдже) 23 числа въ воскресенье = 3-го мая 1671 года онъ былъ отрѣшонъ и сосланъ *въ Родосъ*; а ханство пожаловано было сыну Бегадыръ-Герая Селимъ-Гераю" [1]).

Внѣшняя политика Аадиль-Герая носитъ весьма миролюбивый характеръ, сколько можно судить о ней по его грамотамъ. Исламъ-ага, ближній человѣкъ и везирь его, оповѣщая везиря и ближняго человѣка царя Алексѣя Михайловича о вступленіи на престолъ Крымскаго хана, рекомендуетъ установленіе мирныхъ отношеній, отзываясь о прежнемъ времени, что, молъ, тогда „изъ-за пустяковъ много съ обѣихъ сторонъ крови пролито"— از ایش سببلی ایکی‌جورتنك اراسنده کوب قان‌توکلوب —, и приглашаетъ русскаго собрата по положенію содѣйствовать взаимному миру и дружбѣ своихъ государей [2]). Въ другомъ своемъ письмѣ Исламъ-ага еще настоятельнѣе повторяетъ высказанныя имъ воззрѣнія на международныя отношенія Крыма къ сосѣднимъ государствамъ; онъ говоритъ, что „сила, мощь, побѣда и удача въ рукахъ Всевышняго Бога; безъ Его попущенія человѣкъ ничего не можетъ; что, молъ, коварство и обманъ во всѣхъ вѣрахъ воспрещаются; что въ царствованіе прежняго хана Мухаммедъ-Герая изъ-за барабашей (козаковъ) столько происходило смятеній, и сколько пролито крови; и что, если угодно, мы, ставъ между обоими государями, постараемся устранить бывшую между ними разладицу" [3]). Такимъ же кроткимъ тономъ написаны и грамоты самого хана [4]). Титулъ царя московскаго пишется въ его грамотахъ, равно какъ и въ грамотахъ его калги и нур-эд-дина, съ тѣми эпитетами „государь христіанъ странъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ—

---

[1]) Фундуклулу I: 264 г. [2]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 201. [3]) Ibidem, № 204. [4]) Ibidem, №№ 210, 213, и др.

مشرق و مغرب و شمال طرفنده بولغان قرستيانيك اطا و بابادين اولا كلمش اولوغ پادشاهى [1]), которые такъ горячо и рѣзко оспаривались, какъ мы видѣли, въ дипломатической перепискѣ прежняго хана. Щекотливый вопросъ о насильственномъ обращеніи татарскихъ плѣнныхъ русскими въ христіанскую вѣру если и затрогивается ханомъ, то въ очень мягкихъ и осторожныхъ выраженіяхъ [2]). Подобное же миролюбіе Аадиль-Герая сказывается и въ его отношеніяхъ къ Польшѣ [3]).

Тѣмъ не менѣе однако же эти добрыя стремленія хана не могли осуществиться, вслѣдствіе безпокойнаго поведенія козачества, бывшаго постоянною причиною международнаго раздора между Россіею, Польшею, Крымомъ и Турціею: не было ни у кого никакихъ средствъ совершенно устранить эту причину. При Аадиль-Гераѣ смуты на Украинѣ происходили по милости гетмана Дорошенка: въ который разъ уже повторяющееся подданство козаковъ Портѣ опять дало поводъ Портѣ въ 1666 году предписать Крымскому хану воевать изъ-за нихъ съ королемъ польскимъ [4]). Поэтому очень вѣроятно, что турецкій историкъ Рашидъ-эфенди правильно мотивируетъ отставку Аадиль-Герая нѣкоторыми несогласными съ видами Порты дѣйствіями его относительно козаковъ. „Поелику бывшая когда-то въ подданствѣ ляхскаго короля дружина“, читаемъ мы у него, „подъ именемъ Сары-Камышъ (т. е. дружина сары-камышскихъ козаковъ), живя съ соизволенія и подъ сѣнію падишаха, прибѣгла къ покровительству его милостиваго царственнаго престола, то стало необходимо, чтобы ей не было чинимо притѣсненія ни со стороны ляховъ, ни татаръ. На просьбу состоявшаго надъ нею княземъ гяура Дорошенко пожаловать ему литавры и значокъ подъ условіемъ ходить на войну въ румилійскихъ

---

[1]) Ibidem, № 224, стр. 599; № 229, стр. 608; № 230, стр. 611, № 231, стр. 612. [2]) Ibidem, № 229, стр. 609. [3]) Ibidem, №№ 203, 205, 206. [4]) Соловьевъ, Ист. Россіи, XI: 247—248.

предѣлахъ, послѣдовало высочайшее соизволеніе. Но спустя нѣсколько времени Крымскій ханъ Аадиль-Герай-ханъ, по какимъ-то своимъ злымъ соображеніямъ, назначилъ другого князя надъ дружиною *путкалы* [1]) изъ ихъ же рода по имени Ханенка, что породило среди нихъ волненіе. Ляхскіе гяуры тоже вмѣшались; бывшему подъ падишахскимъ покровительствомъ Дорошенку и подвластной ему казацкой дружинѣ причинены были насилія и притѣсненія. Когда объ этомъ донесено было блистательному Стремени, то бывшій причиною этихъ смутъ Аадиль-Герай-ханъ былъ отрѣшонъ и наказанъ, а польскому королю послана грамота, содержавшая въ себѣ совѣтъ воздержаться отъ притѣсненія тѣхъ, кто находился подъ сѣнію покровительства падишахова" [2]).

Крымскіе историки, сами же признавая, что въ пятилѣтнее царствованіе Аадиль-Герая крымскія владѣнія были совершенно безопасны отъ московъ, ляховъ и другихъ гяуровъ [3]), все-таки не находятъ словъ для того, чтобы охаять

[1]) Скальковскій въ объясненіе этого термина говоритъ: «Запорожцевъ турки и татары называли *Буткалы* или Поткалы, что значитъ *смѣсь, сбродъ народа* (Исторія Новой Сѣчи. Одесса. 1846. I: 24, пр. 1). Дѣйствительно, турки давали козакамъ различныя наименованія—то по мѣстностямъ, гдѣ они гнѣздились, какъ, напримѣръ, اوزی قزاغی—«днѣпровскіе козаки», آق صو قزاغی—«бугскіе козаки», تن قزاغی—«донскіе козаки», صاری قامش طایفه‌سی=«сары-камышская банда», и т. п.; то по именамъ ихъ предводителей, напр. براباش—«барабаши», اغنات قزاغی=«игнатовцы», и т. п. Но съ чего взялось پوتقالی—«Путкалы», трудно сказать: этимологія г. Скальковскаго не оправдывается турецко-татарскими словарями. Есть татарское слово بوطقه—«каша» (Троянскій, Словарь тат. языка. Казань. 1833. Стр. 214); въ словарѣ Троянскаго есть даже производное отъ него بوطقه‌لی—«имѣющій кашу» (Ibidem); но сближать съ нимъ названіе запорожцевъ трудно безъ очевидныхъ основаній. Развѣ допустить тутъ какую-нибудь турецкую остроту насчотъ козаковъ, въ родѣ той, по которой турки козаковъ آق صو—«Бѣлой воды», т. е. «бугскихъ», превратили въ козаковъ عاق صو—«Мутной воды», т. е. «мутно-водскихъ», т. е. мятежныхъ.
[2]) Тарихи-Рашидъ, I: 65 v.—66 r. [3]) Кр. Ист., 69 v.—70 r.

этого человѣка. Вотъ какъ заканчиваетъ его біографію авторъ *Гюльбуни-ханань*: „Онъ былъ глупый, наивный, склонный къ низостямъ и равнодушный къ человѣческимъ достоинствамъ, чорный дуракъ. Послѣ него ни кто изъ его дѣтей и внучатъ до нашихъ дней не достигъ никакого возвышенія изъ ряда султановъ крымскихъ: довольствуясь однимъ лишь прозвищемъ *Герай* при именахъ своихъ, они иногда развѣ посредствомъ брачныхъ связей пріобрѣтали извѣстность“ [1]).

На смѣну удаленнаго Аадиль-Герая выступилъ теперь молодой юноша, сынъ Бегадырь-Герай-хана, Селимъ-Герай I (1671—1678). Онъ, по обычаю Крымскихъ хановъ, еще ребенкомъ былъ отданъ на воспитаніе аталыку въ деревню Айланъ [2]). Оставшись сиротою по смерти своего отца, онъ долженъ былъ спасаться отъ посягательствъ на его жизнь въ разныхъ мѣстностяхъ Черкесіи и потомъ Румиліи, пока наконецъ не пріютился въ румилійскомъ селеніи Чольмекъ въ окрестностяхъ Ямболу. Тамъ онъ былъ обласканъ и взятъ

---

[1]) Гюльбуни-хананъ, 62—63. Въ турецкомъ текстѣ вторая половина этого мѣста читается такъ: کندیدنصکره اولاد واحفادندن الی یومنا هذا بر کسنه سلاطین قریمدن بر مرتبه‌یه نائل اولمیوب فقط اسملرنده بر کرای لفظیله قناعت وبعضا قرابت صهریت ایله کسب شهرت ایدرلر ابدی. Оно дало Гаммеру-Пургшталлю поводъ высказать слѣдующее замѣчаніе. «*Der Verfasser des Rosenstrausses der Chane der Krim* macht eine Bemerkung, die um so ungerechter, als noch einer der grössten Chane der Krim, nämlich Selimgerai folgt. «Nach Aadilgerai», sagt er, «hat keiner der Chane der Krim ein hohes Verdienst erreicht, indem sie damit sich begnügten *Gerai* zu heissen und durch Verschwägerung und Verwandtschaft berühmt zu werden»; diese Bemerkung ist so sonderbarer, als der Artikel Aadilgerai's dem Selimgerai's unmittelbar vorgeht und diesem mehr als drei Blätter gewidmet sind» (Gesch. d. Ch. d. Krim, 155). Едва ли нужно доказывать, что г. Гаммеръ здѣсь удивляется своей собственной выдумкѣ.

[2]) Кр. Ист., 70 г. У насъ было уже замѣчено, что, можетъ быть, подъ этимъ именемъ надо разумѣть деревню *Айланма* близъ Кара-Су. Авторъ же «Гюльбуни-хананъ» вмѣсто этого говоритъ о «племени Абланъ» — ابلان قبیله‌سی —, къ которому будто бы принадлежалъ воспитатель царевича, по имени Мурзашъ-ага — مرزاش اغا — (Op. cit., 63).

подъ покровительство крымскими вельможами, бѣжавшими туда отъ преслѣдованій Аадиль-Герай-хана, каковъ былъ, напримѣръ, Субханъ-Гази-ага. Эти люди всячески старались очернить Аадиль-Герая въ глазахъ правительственныхъ лицъ Порты и, когда возникъ вопросъ о преемникѣ обреченнаго на смѣну Аадиль-Герая, рекомендовали Селимъ-Герая какъ человѣка прекраснѣйшаго по своимъ нравственнымъ качествамъ. Вслѣдствіе этой рекомендаціи онъ былъ приглашонъ въ Порту въ послѣднихъ числахъ мѣсяца зи-ль-хыдже 1081 — въ началѣ мая 1671 года и, облеченный ханскою властью, отправленъ былъ въ Крымъ [1]).

Сестренцевичъ-Богушъ придаетъ нѣсколько иной, не совсѣмъ благовидный, характеръ обстоятельствамъ возведенія Селимъ-Герая въ Крымскіе ханы. Затрудняясь объясненіемъ факта внезапнаго сверженія Аадиль-Герая, этотъ историкъ говоритъ вотъ что: „Нѣкоторые писатели того времени приписываютъ такое своенравіе Кологлію, наперснику Магометову, который во время упоенія своего Государя изторгалъ у него всѣ приказанія по своему желанію... Можетъ быть онъ хотѣлъ наградить какія-либо подлыя ласкательства (sic!) въ лицѣ Селимъ-Герай-хана, къ коему перешла Крымская корона. За нимъ ѣздили въ Ямболи, мѣстечко, лежащее къ Сѣверу отъ Андринополя, въ разстояніи на одинъ градусъ экватора, гдѣ онъ жилъ со времени отдачи его въ заложники при жизни отца его“ [2]).

Такія рѣзкія, но бездоказательныя инсинуаціи Сестренцевича-Богуша противъ Селимъ-Герая надо приписать единственно піетическому взгляду этого историка, который исторіи Крымскихъ хановъ придалъ колоритъ библейской исторіи царей израильскихъ, отыскивая ихъ въ судьбахъ слѣды явнаго вмѣшательства Провидѣнія [3]). Что же касается того, что

---

[1]) Семь планетъ, 181; Кр. Ист., 70 г.; Гюльбуни-хананъ, 63.
[2]) Исторія о Тавріи, II: 323. [3]) См. напр. стр. 309.

будто бы Селимъ проживалъ въ отоманскихъ владѣніяхъ въ качествѣ заложника, то у другихъ историковъ не только нѣтъ никакихъ на этотъ фактъ положительныхъ указаній, но даже и косвенныхъ намековъ.

Личность Селимъ-Герая очень замѣчательна. Уже важно то, что всѣ рѣшительно историки, и крымскіе и османскіе, въ одинъ голосъ превозносятъ его и какъ умнаго правителя, и какъ хорошаго человѣка. Прежде всего онъ не былъ такъ властолюбивъ, какъ остальные предшествовавшіе ему и слѣдовавшіе за нимъ его родичи, и не одинъ разъ онъ добровольно порывался сложить съ себя ханское достоинство, сопряженное съ великими трудностями управленія, которыя порождены были усложнившимися въ тѣ поры отношеніями какъ Порты такъ и собственно Крыма съ сосѣднимъ государствамъ—Польшѣ и Россіи. Скитальческая жизнь съ самой юности выработала въ Селимѣ практическую смѣтливость и крайне гуманную снисходительность къ людямъ, о которой не разъ свидѣтельствуютъ историки. Описаніе его дѣяній, сдѣланное Мухаммедъ-Гераемъ, есть сплошной панегирикъ ему, который можно бы было приписать родственному пристрастію автора, бывшаго съ нимъ въ очень близкихъ отношеніяхъ, если бы его отзывы не подтверждались другими писателями, не имѣвшими повода льстить Селимъ-Гераю.

Вскорѣ по назначеніи своемъ Селимъ-Герай долженъ былъ отправляться въ султанскую армію, куда онъ явился вмѣстѣ съ Дорошенкомъ. Ему былъ сдѣланъ самый радушный и почотный пріемъ султаномъ, такъ какъ это было передъ походомъ подъ Каменецъ, окончившимся благополучно для Порты въ томъ же 1083=1672 году, когда онъ былъ предпринятъ [1]). Въ договорѣ, заключенномъ въ Бучачѣ, главнымъ образомъ трактуется о возстановленіи и подтвержденіи прежнихъ обязательныхъ отношеній Польши къ Крымскому хану

---

[1]) Фундуклулу, I: 278 v.—279 r.

и вообще къ татарамъ, бывшихъ въ полной силѣ при одномъ изъ дѣльныхъ хановъ, Исламъ-Гераѣ III [1]).

Но этотъ миръ оказался лишь перемиріемъ: въ 1674 году опять возобновились военныя дѣйствія противъ Польши, въ которыхъ долженъ былъ принять участіе и Селимъ-Герай-ханъ, слѣдуя обычному изъ Порты приглашенію съ денежною субсидіею въ количествѣ 15,000 золотыхъ „на дорогу“ — خرج راه — [2]). Кампанія эта, длившаяся съ интервалами болѣе двухъ съ половиною лѣтъ, не была уже такъ блистательна для турковъ. Селимъ-Гераи-ханъ, совмѣстно съ турецкимъ главнокомандующимъ Ибрагимъ-пашою, заключилъ миръ съ поляками на условіяхъ бучацкаго трактата и получилъ обыкновенные въ подобныхъ случаяхъ отъ Порты подарки [3]).

Одновременно съ заключеніемъ этого мира, въ мѣсяцѣ шаъбанѣ 1087 — въ октябрѣ 1676 года умеръ отъ водянки и верховный везирь Кöпрюлю-задэ Фазиль-Ахмедъ-паша, знаменитый сколько своими качествами превосходнаго государственнаго человѣка, столько и продолжительностью срока своей службы: онъ 15 лѣтъ занималъ постъ верховнаго везиря, дольше всѣхъ верховныхъ везирей за все время существованія Отоманской имперіи [4]). Смерть этого человѣка, надо полагать, была потерею для Селимъ-Герая, выборъ котораго въ ханы состоялся, вѣроятно, не безъ вліянія этого умнаго везиря. Преемникъ его, Кара Мустафа-паша далеко не отличался похвальными качествами Фазиль-Ахмедъ-паши; съ нимъ Селимъ-Гераи-хану было труднѣе вѣдаться, особенно въ виду наступавшихъ важныхъ событій въ международныхъ отношеніяхъ Порты къ другимъ государствамъ, требовавшихъ большаго ума и большей силы характера, которыхъ недоставало Кара Мустафа-пашѣ.

---

[1]) Фундуклулу, I: 292 r.—293 v.; Рашидъ, I: 72 v.—73 v. [2]) Фундуклулу, I: 302 v.; Рашидъ, I: 78 r. [3]) Фундуклулу I: 311 v.; Рашидъ, I: 85 r. & v. [4]) Фундуклулу, I: 314 r.; Рашидъ, I: 84 v.—85 r.

Однимъ изъ первыхъ такихъ событій, конечно, является война Турціи съ Россіею, открывшаяся въ 1677 году, въ которой русскіе проявили такія доблести, которыя привели въ трепетъ ихъ мусульманскихъ противниковъ. Смутно тревожившее ближайшихъ предшественниковъ Селимъ-Герай-хана возрастаніе могущества Россіи сразу проявилось въ этой войнѣ со всею очевидностью и торжественно, даже документально, засвидѣтельствовано Крымскимъ ханомъ, пострадавшимъ тутъ отъ успѣшнаго дѣйствія грозныхъ русскихъ силъ, которымъ суждено было вскорѣ распространить свое господство на самый Крымъ и своими побѣдами уничтожить престижъ Порты въ международной политикѣ.

Причина, ходъ и результаты этой войны резюмированы турецкимъ историкомъ Фундуклулу въ слѣдующемъ довольно пространномъ заглавіи его повѣствованія объ этой кампаніи: „Изложеніе того, какъ козацкій гетманъ Дорошенко, учинивъ мятежъ противъ Двери Счастія и покорившись царю московскому, передалъ ему крѣпость Чигиринъ; какъ шайтанъ Ибрагимъ-паша, ставъ главнокомандующимъ, отправился съ Крымскимъ ханомъ Селимъ-Гераемъ, и воротились они, не завоевавъ той крѣпости, за что и были оба отставлены, вытребованы къ Порогу, арестованы и сосланы, а приказъ о назначеніи главнокомандующимъ былъ посланъ Абаза Кӧръ Хусейнъ-пашѣ; какъ его величество падишахъ двинулся въ походъ противъ крѣпости Чигирина, а старшій братъ отставного хана, Мюрадъ-Герай-султанъ [1]), сдѣлавшись ханомъ, былъ посланъ въ Крымъ.

Послѣ того какъ соединенныя силы турковъ и татаръ истощились въ неудачной борьбѣ съ русскими, блистатель-

---

[1]) Въ турецкомъ текстѣ сказано: خان معزولك بيوك قرنداشى مولا كراى. Тутъ двѣ неточности: одна въ обозначеніи степени родства между Мюрадъ-Гераемъ и Селимъ-Гераемъ, изъ коихъ первый приходился двоюроднымъ братомъ Селимъ-Гераю; а имя مولا вмѣсто مراد есть просто-напросто ошибка переписывавшаго вѣнскій экземпляръ сочиненія Фундуклулу.

но отражавшими всѣ приступы непріятеля къ Чигирину и наносившими ему пораженіе въ счастливыхъ вылазкахъ, Селимъ-Герай-ханъ со свойственною ему искренностью и чистосердечіемъ далъ такой совѣтъ турецкому главнокомандующему Ибрагимъ-пашѣ. „Достоинство вѣры и Державы", сказалъ онъ ему, „а также и честь правительства требуютъ вотъ чего. Войско исламское, находящееся въ таборѣ и окопахъ, не можетъ устоять противъ невѣрныхъ непріятелей. Если еще два дня продлится осада города, то и побѣдоносное воинство, и снаряды, и пушки—все погибнетъ, и мы, очевидно, оскандалимся. Самое благоразумное и самое лучшее будетъ, если мы выведемъ изъ окоповъ войско и вытащимъ пушки, да и пойдемъ себѣ прямо по спасительному пути отступленія. Это будетъ самая благая мысль. А тамъ, на разстояніи двухъ станцій до крѣпости, коли въ находящемся при насъ войскѣ исламскомъ обнаружится рвеніе схватиться съ гяурами, то и мы слѣдомъ же за вами прибудемъ". Бывшіе въ станѣ везири, мирмираны, командиры и очажскіе аги посовѣтовались и тоже единогласно признали благоразумнымъ ретироваться. Военный судья составилъ объ этомъ протоколъ, и въ ту же ночь осада была снята. Войско исламское выволокло назадъ находившіяся въ окопахъ пушки и снаряды. По волѣ судьбы и рока побѣда ему не удалась, и оно изъ-подъ крѣпости двинулось какъ можно скорѣе въ обратный путь [1]).

Когда послѣ этого Ибрагимъ-паша явился въ Чаталджѣ къ султану, то онъ на него закричалъ: „Пошолъ, старый песъ! Не могъ ты взять такой ничтожной крѣпостенки, какъ Чигиринъ, возвратился прогнанный; столько истратилъ на вѣтеръ казны! Что, у тебя войска что ли мало было? Или у тебя не было пушекъ и снарядовъ? Что было этому причиною"? [2])

---

[1]) Фундуклулу, I: 318 г. [2]) Фундуклулу I: 319 г.

Ибрагимъ-паша въ оправданіе сослался на неприступность крѣпости а также и на то, что отступленіе было сдѣлано съ согласія всѣхъ, въ томъ числѣ и хана. Послѣ этого султанъ пришолъ въ неописанную ярость и закричалъ: „Возьмите прочь этого гяура!“ Бустанджи-баши Кушчи Мустафа-ага съ лейбъ-ординарцами взяли его подъ руки и, думая, что его велѣно казнить, поволокли его [1]).

Ибрагимъ-пашу, по приказу султана, однако же не казнили, а только посадили подъ арестъ въ Еди-Куллэ. Крымскій ханъ Селимъ-Герай, за неудачу и безуспѣшность свою въ чигиринскомъ дѣлѣ, также потерялъ падишахское расположеніе, былъ сверженъ и сосланъ на островъ Родосъ. На его мѣсто былъ назначенъ ханомъ содержавшійся на томъ же островѣ Мюрадъ-Герай-султанъ, торжественное нареченіе котораго произошло въ зиль-хыдджэ 1088 — въ январѣ 1678 г. Отставной же ханъ Селимъ-Герай немедленно сѣлъ на одинъ черноморскій корабль въ Кафѣ и со всѣмъ своимъ харемомъ, домочадцами и челядью въ наступившемъ году прибылъ въ Стамбулъ, а оттуда немедленно былъ отправленъ въ Родосъ [2]).

Мюрадъ-Герай I (1678—1683) тоже не долго поцарствовалъ. Война съ русскими продолжалась еще и при немъ. Чигиринъ, который султанъ Мухаммедъ назвалъ „ничтожной крѣпостенкой“, на дѣлѣ оказался совсѣмъ не такимъ и надѣлалъ еще много хлопотъ туркамъ и татарамъ. У Фундуклулу находимъ описаніе цѣлаго ряда самыхъ ожесточенныхъ и кровопролитныхъ побоищъ, происшедшихъ подъ стѣнами Чигирина, прежде чѣмъ туркамъ удалось наконецъ овладѣть этою крѣпостью. Русскіе производили страшное опустошеніе въ рядахъ мусульманскихъ воcобенности съ помощью какого-то снаряда, который Фундуклулу называетъ چرخ فلك.

---

[1]) Ibidem, 319. [2]) Фундуклулу I: 320 г.

Снарядъ этотъ состоялъ изъ заостренныхъ кольевъ, носившихся ими на шеяхъ своихъ и выставлявшихся предъ всадниками ихъ, такъ что когда они атаковали мусульманскую конницу, то бросали эти снаряды наземь, и тогда во время битвы никакъ нельзя было пускать противъ нихъ лошадей [1]). Турки выбились изъ силъ. Сераскеръ Капланъ Мустафа-паша и новый ханъ въ отчаяніи заявили верховному везирю о своемъ полнѣйшемъ пораженіи и невозможности продолжать драться съ московцами. Верховный везирь впрочемъ отнесся къ нимъ сочувственно и въ утѣшеніе имъ сказалъ: „Что жь, воля Божія, коли такъ вышло: брать и давать принадлежитъ Богу; я это знаю. Съ вашей стороны нѣтъ оплошности. Будемъ уповать еще на нѣкоторую милость и благосердіе Божіе. Вы не падайте духомъ" [2]). Даже на собранномъ по этому случаю совѣтѣ военачальниковъ всѣ пришли къ такому печальному заключенію. „И побѣдоносное войско погибнетъ", сказали они, „и пушки всѣ изъ рукъ уйдутъ; честь Державы вплоть до самаго воскресенія мертвыхъ будетъ потеряна, а мы подвергнемся за это проклятію!" Верховный везирь, слушая такія рѣчи, просто остолбенѣлъ; долго не могъ раскрыть рта, чтобы сказать что-нибудь, и потомъ со слезами на глазахъ сталъ увѣщевать военную братію постоять вѣру и ради будущей жизни [3]).

Эти новыя неудачи турковъ должны были съ ясностью доказать, въ какой мѣрѣ справедливо было со стороны турецкаго сердаря свалить неуспѣхъ первой кампаніи на Селимъ-Гирея. Но послѣ многихъ еще усилій турки однако же добились своего: осенью 1678 года Чигиринъ былъ ими взятъ. Тогда ханъ съ Мухаммедъ-пашою донесли въ Порту, что московцы опять замышляютъ и приготовляются воевать съ правовѣрными, и потому на совѣтѣ рѣшено было опять

[1]) Фундуклулу, I: 325 v. [2]) Фундуклулу, I: 330 v. [3]) Фундуклулу, I: 330 v- 331 r..

начать против нихъ кампанію. [1]). Открывшійся въ началѣ 1682 года новый походъ тоже былъ не легче прежняго: стояло зимнее время, и люди гибли отъ мороза [2]). Вскорѣ начались мирные переговоры съ русскими, при чемъ Мюрадъ-Герай является въ роли посредника между враждовавшими сторонами [3]).

Едва только окончилась война съ русскими, какъ началась съ нѣмцами. Само собой разумѣется, опять послѣдовало обычное приглашеніе къ участію въ ней хана, торжественный пріемъ его и угощеніе въ султанской арміи подъ Бѣлградомъ [4]). На военномъ совѣтѣ Мюрадъ-Герай расходился во мнѣніи съ верховнымъ везиремъ, Кара-Мустафа-пашою, ибо, замѣчаетъ османскій историкъ, „Крымскій ханъ былъ умный государь" [5]). Но это не спасло его. Турки, какъ извѣстно, потерпѣли подъ Вѣною пораженіе отъ нѣмцевъ и поляковъ; только отчаянная храбрость Хаджи-Герай-султана, сына Крымъ-Герая, спасла знамя пророка, а то бы оно попало въ руки невѣрныхъ [6]). Верховный везирь однако же взвелъ всю вину за это пораженіе на Крымскаго хана, и его лишили престола.

Что именно было верховнымъ везиремъ поставлено въ вину Мюрадъ-Гераю въ этой войнѣ, мы не знаемъ; но что султанское правительство не могло быть довольно имъ вообще, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, насколько намъ извѣстенъ характеръ и образъ дѣйствій его. Можно съ увѣренностью сказать, что онъ не особенно ревностно старался о славѣ и успѣхѣ османскаго оружія на полѣ брани, принимая участіе въ войнѣ лишь по необходимости: гораздо больше его занимали внутреннія дѣла ханства, какъ это показы-

---

[1]) Фундуклулу, II: 9 г. [2]) Ibidem, 13 v. [3]) Ibidem; Рашидъ, I: 93 г. [4]) Фундуклулу, II: 42 г.—43 г. [5]) Фундуклулу, II: 43 г. [6]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 5 г.

три года платилъ трехгодичную казну, а потомъ уже давалъ только годичную. Крымскіе предѣлы такъ были благоденственны и благоустроенны въ его время, что полтора ока хлѣба продавали по одному акчэ, а пеструю брюшчатую шубу по пяти бешлыковъ" [1]). Съ одной стороны это льстило татарскому самолюбію, а съ другой было выгодно для крымской вельможной голутьбы, привыкшей жить на чужой счотъ, военною добычею или подачками. Несмотря на это, все же характеръ дипломатическихъ переговоровъ, веденныхъ Мюрадъ-Герай-ханомъ съ московскими послами Тяпкинымъ и Зотовымъ въ концѣ 1680 и въ началѣ 1681 года, свидѣтельствуетъ о томъ, что ханъ искренно желалъ установленія добрыхъ отношеній съ московскимъ правительствомъ, ради чего и заключилъ съ послами двадцатилѣтнее перемиріе на самыхъ полюбовныхъ взаимныхъ условіяхъ. Между прочимъ договорено было насчотъ козаковъ, чтобы обѣимъ сторонамъ „въ нихъ не вступатца и подъ державу свою не перезывать" [2]): это составляло прямую выгоду для Крымскаго ханства, постоянно принужденнаго вести войну изъ-за козаковъ то съ Польшею, то съ Россіею. Вторая выгода, выговоренная ханомъ, состояла въ обѣщаніи русскихъ „дать любительныхъ поминковъ, противъ старыхъ росписей, за прошлые 3 года и впредъ на 20 лѣтъ давать погодно, по старымъ же росписямъ" [3])—какъ разъ то самое, за что такъ восхваляетъ этого хана татарскій историкъ.

Относительно же своего суверена, турецкаго султана, въ договорѣ съ русскими послами Мюрадъ-Герай старается внушить имъ, что „вся полная мочь отъ Салтанова Величества вручена ему, хану" [4]), и что онъ беретъ на себя трудъ и хлопоты быть только посредникомъ между московскимъ го-

---

[1]) Ibidem, 7 г. [2]) Зап. Од. Общ., II: 619. [3]) Ibidem, 602, 619, 621. [4]) Ibidem, 633.

сударемъ и турецкимъ султаномъ, чтобы между ними миръ учинить, а самому быть другомъ другу московскаго царя, а недругу его недругомъ[1]. Духъ самостоятельности и независимости Мюрадъ-Герая отъ Порты сказывается и въ тонѣ ярлыковъ его къ царю московскому: въ нихъ онъ присвоиваетъ своей особѣ тѣ непереводимые на нашъ языкъ высокопарные титулы, которыхъ дотолѣ не встрѣчалось въ ханскихъ грамотахъ, а только въ султанскихъ ферманахъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: سعادتلى وشوكتلى هم شجاعتلى دين مبين پادشاهى قريم خانى مراد كراى خان دام حفظ ربه المستعان في السفر والحضر الى يوم الميزان [2]; или: اولوغ پادشاه واولوغ دين مبين اسلام شهنشاهى مراد كراى [3]. Когда же упоминаетъ о турецкомъ султанѣ, то въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто онъ считалъ его равнымъ себѣ, напримѣръ: يزايكى دين اسلام نيك اولوغ پادشاهلرينك صاغيشسز اولوغ مملكتلاريمزد [4], а въ титулѣ его употребляетъ тѣ же самые эпитеты, какъ и при своемъ имени سعادتلو عظمتلو وشجاعتلو اولوغ پادشاه خنكار حضرتلرى [5]. И вообще ни въ чемъ у него не проглядываетъ ни малѣйшаго стремленія беззавѣтно служить интересамъ Верховной Порты или стѣсняться вассальною зависимостью отъ нея въ своихъ международныхъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ.

Вотъ этотъ своего рода либерализмъ, который никогда не нравился Портѣ и въ прежнихъ ханахъ, вѣроятно, былъ причиною ея нерасположенія и къ Мюрадъ-Гераю. Если онъ не питалъ какихъ-либо очень широкихъ замысловъ, противныхъ интересамъ Порты, и не проявлялъ энергіи и предпріимчивости, отличавшихъ нѣкоторыхъ его предшественниковъ, то все-таки онъ по убѣжденіямъ своимъ не былъ человѣкомъ, готовымъ душой и тѣломъ служить благу Отоманской

[1]) Ibidem, 618 и 633. [2]) В.-Зерновъ. Матеріалы, стр. 670. [3]) Ibidem, Стр. 680. [4]) Ibidem. [5]) Ibidem, 681.

имперіи. Мы уже упоминали о томъ, что Мюрадъ-Герай не долюбливалъ своего предшественника, Селимъ-Герая, именно за то, что онъ черезчуръ уже держалъ себя покорно по отношенію къ падишаху османскому [1]). Положимъ, что такое нареканіе на Селимъ-Герая могло происходить у Мюрадъ-Герая и изъ личнаго нерасположенія къ нему за то, какъ объясняютъ крымскіе историки, что тотъ, сдѣлавшись ханомъ, постарался о высылкѣ Мюрадъ-Герая изъ деревни Сираджелы подальше, на Родосъ, чтобы самому быть спокойнѣе отъ его соперничества [2]), но попытка Мюрадъ-Герая возстановить въ своихъ владѣніяхъ дѣйствіе старинныхъ татарскихъ законовъ-*тӧрэ*, ограничивъ чрезмѣрное вліяніе на всѣ дѣла мусульманскаго шаріъата, едва ли можетъ быть приписана какимъ-нибудь личнымъ счотамъ его съ своимъ нелюбимымъ предшественникомъ. Съ точки же зрѣнія турецкой такая правительственная мѣра Мюрадъ-Герая должна была казаться не только неблагонамѣренною въ политическомъ смыслѣ, какъ стремленіе къ разномыслію вассала съ своимъ сюзеренитетомъ, но и предосудительною, нечестивою въ смыслѣ религіозномъ. И, въ самомъ дѣлѣ, историки утверждаютъ, что только убѣжденія шейха Вани-эфенди заставили Мюрадъ-Герая отмѣнить такое важное нововведеніе [3]). А Вани-эфенди былъ въ то время замѣчательный святоша, лично извѣстный султану и пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ. При его участіи одинъ еврейскій хахамъ изъ Смирны былъ за какія-то смуты приговоренъ къ смерти, и спасся только тѣмъ, что принялъ мусульманство [4]). Султанъ, охотясь въ окрестностяхъ Адріанополя, заѣзжаетъ въ гости къ этому шейху [5]). Близъ Адріанополя, у станціи Бабаи-Атыкъ находилась могила какого-то Канбаръ-баба, къ которой народъ ходилъ на поклоненіе, какъ къ святому

---

[1]) См. выше, стр. 311. [2]) Семь планетъ, 185; Кр. Ист., 71 v. [3]) См. выше, стр. 312. [4]) Рашидъ, I: 34 v. [5]) Ibidem, 35 r.

мѣсту. Вани-эфенди нашолъ это почитаніе означенной могилы нечестивымъ, и послѣдовало высочайшее повелѣніе срыть и уничтожить ее [1]). Вани-эфенди присутствуетъ при нареченіи въ ханы преемника Мюрадъ-Герая и поздравляетъ его [2]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Вани-эфенди, выступавшій въ качествѣ наставника и обличителя Мюрадъ-Герай-хана, вмѣшавшись въ дѣла внутренняго устройства и управленія въ Крыму, не преминулъ поддержать своимъ авторитетомъ невыгодное мнѣніе турецкаго правительства о Мюрадъ-Гераѣ, когда въ Портѣ начали неблаговолить къ нему.

Поводы къ этому неблаговоленію должны были явиться раньше еще той неудачной кампаніи, послѣ которой Мюрадъ-Герай потерялъ престолъ. Существованіе же такихъ поводовъ, при скудости свѣдѣній о царствованіи Мюрадъ-Герая, подтверждается до нѣкоторой степени однимъ фактомъ, который сохранился въ припискахъ на одномъ старомъ рукописномъ экземплярѣ еврейской библіи, сдѣланныхъ рукою прежнихъ владѣльцевъ этого экземпляра, караимскихъ старожиловъ Крыма. Подъ 1679 годомъ имѣется замѣтка слѣдующаго содержанія: „Пріѣхалъ паша въ Крымъ измѣрить сады и виноградники, чтобы обложить ихъ опредѣленнымъ ежегоднымъ налогомъ; *но это не удалось ему*" [3]). Весьма правдоподобно, что финансовое затрудненіе Порты, о которомъ съ горестью повѣствуютъ турецкіе историки, могло вынудить ее поискать источника доходовъ и въ вассальной области—въ Крымѣ, съ каковою цѣлью и могъ быть отправленъ ею туда нарочитый коммиссаръ для составленія описи доходныхъ статей. Едва ли эта фискальная мѣра могла быть осуществлена правительсгвомъ Порты безъ участія тогдашняго

---

[1]) Ibidem, 36 г. [2]) Фундуклулу, II: 87 г. [3]) Выписка этихъ замѣтокъ сообщена мнѣ почтеннѣйшимъ Н. А. Султанъ-Крымъ-Гиреемъ; самая же рукопись, содержащая эти замѣтки, принадлежитъ ѳеодосійскому жителю С. А. Крыму.

хана, т. е. Мюрадъ-Герая. Въ такомъ случаѣ, когда эта мѣра не удалась, то Порта непремѣнно должна была остаться недовольна за это на хана: или онъ недостаточное оказывалъ содѣйствіе осуществленію задуманной операціи, или даже прямо препятствовалъ этому осуществленію; послѣднее даже болѣе вѣроятно и въ духѣ политики Мюрадъ-Герай-хана относительно своего суверена—Порты. Въ свое время этотъ случай могъ пройдти ему даромъ, по впослѣдствіи, при новыхъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ, вспомнили и прежнее въ обвинительномъ противъ него актѣ, повлекшемъ за собою его отставку.

Къ царствованію Мюрадъ-Герая же крымскіе историки относятъ одно немаловажное обстоятельство въ отношеніяхъ Россіи къ Крыму и Высокой Портѣ, а именно то, что съ его времени русское правительство перестало отправлять своихъ пословъ въ Порту черезъ Крымъ, какъ это всегда водилось прежде, а стало посылать ихъ прямо чрезъ Украину и Бендеры. Причиною этого было будто бы безчестіе, причиненное одному русскому послу Мюрадъ-Гераемъ, который, за что-то прогнѣвавшись на посла, велѣлъ его посадить на деревянную кобылу, привязать ему къ ногамъ камни вмѣсто стремянъ, и въ такомъ видѣ возить по базарамъ [1]).

Справляясь съ русскими источниками, мы узнаемъ, что фактъ самъ по себѣ вѣренъ, но не вполнѣ. Дѣйствительно, правительница Софья велѣла объявить хану, что московскихъ посланниковъ онъ уже не увидитъ больше въ Крыму, и нужные переговоры и пріемъ даровъ будетъ производиться на границѣ. Но причиною такого чуть не дипломатическаго разрыва было поведеніе не самого хана Мюрадъ-Герая, а его нур-эд-дина Сеъадетъ-Герая: въ 1682 году царскій посланникъ Таракановъ далъ знать изъ Крыма,

[1]) Семь планетъ, 189; Кр. Ист., 72 т.; Гюльбуни-хананъ, 73.

что нур-эд-динъ, для полученія подарковъ, велѣлъ схватить его, привести на конюшню, бить обухомъ, приводить къ огню и стращать всякими муками [1]). Между тѣмъ изъ весьма обстоятельнаго и подробнаго статейнаго списка стольника Василія Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, правившихъ посольство въ Крыму только однимъ годомъ раньше Тараканова, нѣтъ ничего похожаго на такое варварское обращеніе, на которое жаловался своему правительству послѣдній; личность же и обхожденіе самого хана представляются у нихъ въ самомъ, можно сказать, привлекательномъ видѣ. Въ то время какъ ханскіе чиновники говорили съ нашими послами иногда „зѣло запалчиво, острыми и гордыми словами, которые трудно и писанію предать" [2]), или говорили „съ сердцемъ и съ шумомъ" [3]), ханъ на аудіенціяхъ всегда ихъ „слушалъ прилѣжно и милостиво" [4]), а „выслушавъ говорилъ тихо и милостиво усмѣхаючись" [5]). Ханъ этотъ, „желаючи . . . съ Великимъ Государемъ (московскимъ) дружбы и любви, изволилъ оставить древніе обычаи палаты своей", не велѣвъ посламъ „безчестнаго принужденія чинить", состоявшаго въ томъ, что обыкновенно пословъ брали двое приставовъ за шею и наклоняли ихъ головами до земли; а Тяпкинъ съ Зотовымъ кланялись хану „по воли своей" [6]). Совершивъ клятвенный обрядъ цѣлованіемъ Куръана и передавъ шертную грамоту не прямо въ руки нашимъ посламъ, а чрезъ своего ближняго человѣка, ханъ просилъ ихъ не оскорбляться, такъ какъ „самому ево ханову величеству изъ своихъ рукъ для страху мороваго повѣтрія отдать не годитца, а не для какіе гордости и нелюбви" [7]). А когда послы требовали, чтобы Мюрадъ-Герай поклялся за будущихъ хановъ и братію ихъ, то онъ, отказавъ въ этомъ,

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, XIV: 36. [2]) Зап. Од. Общ., II: 582. [3]) Ibid., 611. [4]) Ibid., 613. [5]) Ibid., 625. [6]) Ibidem, 637. [7]) Ibidem, 638.

весьма резонно заявилъ: „Почему де намъ, по смерти своей, правду сердецъ ихъ и крѣпость вѣры въ душахъ ихъ вѣдать; о томъ де вамъ и говорить соромъ. И выговоря, разсмѣялся и молвилъ: на семъ де свѣтѣ мало того обрѣтается, гдѣ бъ государскіе наслѣдники содержали правду предковъ своихъ“ [1]). Послѣдняя шутка Мюрадъ-Герая отзывается тѣмъ же самымъ добродушнымъ скептицизмомъ, какимъ проникнута и его рѣчь къ своимъ мурзамъ, когда тѣ всполошились при извѣстіи объ отставкѣ его и клялись въ вѣчной вѣрности и преданности ему.

Равнымъ образомъ и о нур-эд-динѣ, будто-бы изобидѣвшемъ Тараканова, Тяпкинъ и Зотовъ отзываются съ великою похвалою, говоря: „Нурадынъ Саадетъ-Гирей-салтанъ молодъ, лѣтъ въ 30, лицомъ добръ, однимъ глазомъ кривъ, ростомъ повысокъ; *разуменъ и въ разговорахъ ласковъ*“ [2]). Что онъ такъ грубо поступилъ съ Таракановымъ, то это могло быть и намѣренно сочинено Таракановымъ, или же самъ Таракановъ довелъ до этого, ибо насчотъ Тараканова мы находимъ въ крымскихъ документахъ жалобу, что онъ недобросовѣстно поступалъ въ сношеніяхъ съ крымцами и самымъ наглымъ образомъ обманывалъ ихъ: взявши, напримѣръ, на выкупъ плѣнныхъ въ долгъ, онъ обѣщалъ отдать выкупную сумму поочередно то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, пока наконецъ не уѣхалъ, вовсе ничего не заплативши. Везирь Селимъ-Герай-хана, Бегадыръ-ага, писавшій объ этомъ князю В. В. Голицыну, оканчиваетъ письмо такими словами: „Дѣлать несправедливость, не отдавая взятыхъ въ долгъ денегъ—это неподходящее дружбѣ и братству дѣло!“ [3]).

Да и вообще въ то время сношенія съ крымцами, какъ говоритъ нашъ историкъ, становились невыносимѣе, „по мѣрѣ

---

[1]) Ibidem, 630. [2]) Ibidem. 586—587. [3]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 377, стр. 897.

того какъ въ Москвѣ становились болѣе чувствительными къ народной чести, болѣе привычными къ обращенію съ цивилизованными народами"[1]). Правильнѣе это надо понимать такимъ образомъ: московскіе люди не то чтобы, отъ обращенія съ цивилизованными народами, сами сдѣлались очень деликатны и требовательны въ тонкостяхъ обращенія, а только они перестали безропотно сносить, какъ было прежде, неделикатность и грубость маперъ татарской аристократіи и чиновниковъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, но на дерзкія выходки отвѣчали такими же дерзостами и тѣмъ смиряли нахаловъ. На это не разъ указывается въ статейномъ спискѣ Тяпкина и Зотова. „И будетъ вы впредъ станете намъ такіе свои нелѣпые слова изпущать и на насъ кричать", говорили они ближнимъ хановымъ людямъ, „и сами говорить не хочемъ и пойдемъ вонъ, и впредъ къ вамъ въ отвѣтъ не поѣдемъ, хотя и звать будете... И бусурманы, выслушавъ наши слова, умолкли гораздо и учали насъ вопрошать тихо и любовно"[2]). А въ другой разъ послы говорятъ: „И вставъ мы съ мѣста своего, осердясь на нихъ (ближнихъ ханскихъ людей) и не поклонясь имъ пошли-было отъ нихъ вонъ, и они насъ удержали, и словами тихими уговаривали, чтобъ мы на нихъ не гнѣвились и говорили съ ними покладно"[3]).

Источникомъ такого самоувѣреннаго обращенія съ татарами у московскихъ пословъ было справедливое горделивое сознаніе силы своего государства, чувствительное доказательство которой въ недавнихъ побѣдахъ надъ турками и вмѣстѣ надъ татарами было, безъ сомнѣнія, еще памятно крымцамъ; да и сами послы не преминули напомнить объ этомъ, сказавъ Вели-шахъ-мурзѣ: „Дознalъ салтанъ турской и везирь войско Царского Величества подъ Чиги-

---

[1]) Соловьевъ, XIV: 36. [2]) Зап. Од. Общ., II: 610. [3]) Ibid., 634—635.

ринымъ и на горахъ чигиринскихъ, гдѣ турковъ пропало больше 300,000" [1]).

При такой взаимной неуступчивости договаривавшихся сторонъ какія-нибудь новыя неблагопріятныя для мира обстоятельства могли опять произвести взаимное, какъ говорится на дипломатическомъ языкѣ, охлажденіе между Москвою и Крымомъ и даже вызвать какія-нибудь недоразумѣнія между ними. Этимъ и надо объяснить, что между ярлыками Мюрадъ-Герая къ царю Ѳеодору Алексѣевичу есть одинъ писанный въ ребіъу-ль-эввелѣ 1093 = въ мартѣ-апрѣлѣ 1682 года, въ которомъ ханъ довольно прямо высказываетъ недовольство на отношенія къ нему московскаго правительства. Такъ, напримѣръ, онъ жалуется, что присылаемыя шубы плохи, коротки, ничего не стоятъ; что послы царскіе или вовсе не отдаютъ, кому слѣдуетъ изъ крымскаго вельможества, подарковъ или же отдаютъ несполна, утаивая половину присылаемыхъ денегъ. Онъ претендуетъ далѣе, что русское правительство, вопреки договору, не обуздываетъ козаковъ и калмыковъ, которые продолжаютъ попрежнему производить разбои въ его владѣніяхъ. Наконецъ, по поводу слуховъ о насильственномъ обращеніи въ Москвѣ мусульманскихъ плѣнниковъ въ христіанство, говоритъ, что это не прилично государямъ; что у нихъ, обоихъ падишаховъ, вѣры исламской т. е. у хана и турецкаго султана, многое множество христіанскихъ подданныхъ, но что ихъ насильно не заставляютъ дѣлаться мусульманами—مسلمان بول دیب سیاست بولمغاندر—. Въ заключеніе онъ, по этому последнему пункту, изрекаетъ такую угрозу. „Если", говоритъ, „вы, братъ мой и большой мой другъ, станете причинять насилія тѣмъ мусульманамъ, чтобы они стали христіанами, и будете ссылать ихъ въ отдаленныя мѣста жительства, то

[1]) Ibidem, 606.

ваютъ свѣдѣнія о его непродолжительномъ царствованіи. Несмотря на то, что Селимъ-Герай-ханъ, его предшественникъ, отличался весьма симпатичными качествами, сдѣлавшими его потомъ идоломъ своего татарскаго народа, Мюрадъ-Герай однако же успѣлъ настолько расположить къ себѣ своихъ подданныхъ, что они весьма неохотно разстались съ нимъ. „Когда вѣсть о его отрѣшеніи", пишетъ историкъ Мухаммедъ-Герай, „пришла въ татарскій военный станъ, то всѣ султаны и прочіе крымскіе карачи—ширинскіе, мансурскіе, седжеутскіе мурзы и беи собрались въ одно мѣсто и на совѣтѣ рѣшили, что они довольны и предовольны своимъ ханомъ и положительно не знаютъ уважительной причины къ его отставкѣ. Затѣмъ всѣ пошли къ хану и клятвенно заявили ему, сказавъ: „Мы довольны тобою; мы не желаемъ твоей отставки; впредь мы не примемъ другого хана!"—Онъ имъ отвѣчалъ на это: „Да, такъ вы говорите; но только крымскій людъ до сего времени не славился своею твердостью въ своихъ клятвахъ и договорахъ. Пустыя только рѣчи, а стойкости и твердости нѣтъ. Вы разумно сдѣлаете, предоставивши насъ нашей собственной участи".—Тогда они стали пуще прежняго клясться. Затѣмъ начали связывать мосты на Дунаѣ, чтобы переправляться; подняли страшный гомонъ, а ночью всѣ разбѣжались" [1]. Если даже это была временная вспышка приверженности къ Мюрадъ-Гераю, все же уступившей потомъ силѣ обстоятельствъ, тѣмъ не менѣе и это уже много значитъ для такого дикаго народа, который не стѣснялся откровенно и грубо выражать и совсѣмъ противоположныя чувства, когда это нужно было ему. Въ чемъ же таилась причина такой симпатіи татаръ къ Мюрадъ-Гераю?

Тотъ же историкъ, превознося правленіе этого хана, говоритъ, что при немъ „московскій краль, проклятникъ,

---

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 6 r. & v.

три года платилъ трехгодичную казну, а потомъ уже давалъ только годичную. Крымскіе предѣлы такъ были благоденственны и благоустроенны въ его время, что полтора ока хлѣба продавали по одному акчэ, а пеструю брюшчатую шубу по пяти бешлыковъ" [1]). Съ одной стороны это льстило татарскому самолюбію, а съ другой было выгодно для крымской вельможной голутьбы, привыкшей жить на чужой счотъ, военною добычею или подачками. Несмотря на это, все же характеръ дипломатическихъ переговоровъ, веденныхъ Мюрадъ-Герай-ханомъ съ московскими послами Тяпкинымъ и Зотовымъ въ концѣ 1680 и въ началѣ 1681 года, свидѣтельствуетъ о томъ, что ханъ искренно желалъ установленія добрыхъ отношеній съ московскимъ правительствомъ, ради чего и заключилъ съ послами двадцатилѣтнее перемиріе на самыхъ полюбовныхъ взаимныхъ условіяхъ. Между прочимъ договорено было насчотъ козаковъ, чтобы обѣимъ сторонамъ „въ нихъ не вступатца и подъ державу свою не перезывать" [2]): это составляло прямую выгоду для Крымскаго ханства, постоянно принужденнаго вести войну изъ-за козаковъ то съ Польшею, то съ Россіею. Вторая выгода, выговоренная ханомъ, состояла въ обѣщаніи русскихъ „дать любительныхъ поминковъ, противъ старыхъ росписей, за прошлые 3 года и впредъ на 20 лѣтъ давать погодно, по старымъ же росписямъ" [3])—какъ разъ то самое, за что такъ восхваляетъ этого хана татарскій историкъ.

Относительно же своего суверена, турецкаго султана, въ договорѣ съ русскими послами Мюрадъ-Герай старается внушить имъ, что „вся полная мочь отъ Салтанова Величества вручена ему, хану" [4]), и что онъ беретъ на себя трудъ и хлопоты быть только посредникомъ между московскимъ го-

---

[1]) Ibidem, 7 г. [2]) Зап. Од. Общ., II: 619. [3]) Ibidem, 602, 619, 621. [4]) Ibidem, 633.

сударемъ и турецкимъ султаномъ, чтобы между ними „миръ учинить, а самому быть другомъ другу московскаго царя, а недругу его недругомъ" [1]). Духъ самостоятельности и независимости Мюрадъ-Герая отъ Порты сказывается и въ тонѣ ярлыковъ его къ царю московскому: въ нихъ онъ присвоиваетъ своей особѣ тѣ непереводимые на нашъ языкъ высокопарные титулы, которыхъ дотолѣ не встрѣчалось въ ханскихъ грамотахъ, а только въ султанскихъ ферманахъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: سعادتلی وشوکتلی هم شجاعتلی دین مبین پادشاهی قریم خانی مراد کرای خان دام حفظ ربنا المستعان فی السفر والحضر الی یوم المیزان [2]); или: مین اولوغ پادشاه واولوغ دین اسلام شهنشاهی مراد کرای [3]). Когда же упоминаетъ о турецкомъ султанѣ, то въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто онъ считалъ его равнымъ себѣ, напримѣръ: بزایکی دین اسلام نیک اولوغ پادشاهلرینك صاغیشسز اولوغ مملکتلاریمزد [4]), а въ титулѣ его употребляетъ тѣ же самые эпитеты, какъ и при своемъ имени سعادتلو عظمتلو وشجاعتلو اولوغ پادشاه خنکار حضرتلری [5]). И вообще ни въ чемъ у него не проглядываетъ ни малѣйшаго стремленія беззавѣтно служить интересамъ Верховной Порты или стѣсняться вассальною зависимостью отъ нея въ своихъ международныхъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ.

Вотъ этотъ своего рода либерализмъ, который никогда не нравился Портѣ и въ прежнихъ ханахъ, вѣроятно, былъ причиною ея нерасположенія и къ Мюрадъ-Гераю. Если онъ не питалъ какихъ-либо очень широкихъ замысловъ, противныхъ интересамъ Порты, и не проявлялъ энергіи и предпріимчивости, отличавшихъ нѣкоторыхъ его предшественниковъ, то все-таки онъ по убѣжденіямъ своимъ не былъ человѣкомъ, готовымъ душой и тѣломъ служить благу Отоманской

---

[1]) Ibidem, 618 и 633. [2]) В.-Зерновъ. Матеріалы. стр. 670. [3]) Ibidem, Стр. 680. [4]) Ibidem. [5]) Ibidem, 681.

имперіи. Мы уже упоминали о томъ, что Мюрадъ-Гѣрай не долюбливалъ своего предшественника, Селимъ-Герая, именно за то, что онъ черезчуръ уже держалъ себя покорно по отношенію къ падишаху османскому [1]. Положимъ, что такое нареканіе на Селимъ-Герая могло происходить у Мюрадъ-Герая и изъ личнаго нерасположенія къ нему за то, какъ объясняютъ крымскіе историки, что тотъ, сдѣлавшись ханомъ, постарался о высылкѣ Мюрадъ-Герая изъ деревни Сираджелы подальше, на Родосъ, чтобы самому быть спокойнѣе отъ его соперничества [2], но попытка Мюрадъ-Герая возстановить въ своихъ владѣніяхъ дѣйствіе старинныхъ татарскихъ законовъ-*тöрэ*, ограничивъ чрезмѣрное вліяніе на всѣ дѣла мусульманскаго шаріъата, едва ли можетъ быть приписана какимъ-нибудь личнымъ счотамъ его съ своимъ нелюбимымъ предшественникомъ. Съ точки же зрѣнія турецкой такая правительственная мѣра Мюрадъ-Герая должна была казаться не только неблагонамѣренною въ политическомъ смыслѣ, какъ стремленіе къ разномыслію вассала съ своимъ сувернитетомъ, но и предосудительною, нечестивою въ смыслѣ религіозномъ. И, въ самомъ дѣлѣ, историки утверждаютъ, что только убѣжденія шейха Вани-эфенди заставили Мюрадъ-Герая отмѣнить такое важное нововведеніе [3]. А Вани-эфенди былъ въ то время замѣчательный святоша, лично извѣстный султану и пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ. При его участіи одинъ еврейскій хахамъ изъ Смирны былъ за какія-то смуты приговоренъ къ смерти, и спасся только тѣмъ, что принялъ мусульманство [4]. Султанъ, охотясь въ окрестностяхъ Адріанополя, заѣзжаетъ въ гости къ этому шейху [5]. Близъ Адріанополя, у станціи Бабаи-Атыкъ находилась могила какого-то Канбаръ-баба, къ которой народъ ходилъ на поклоненіе, какъ къ святому

[1] См. выше, стр, 311. [2] Семь планетъ, 185; Кр. Ист., 71 v. [3] См. выше, стр. 312. [4] Рашидъ, I: 34 v. [5] Ibidem, 35 r.

мѣсту. Вани-эфенди нашолъ это почитаніе означенной могилы нечестивымъ, и послѣдовало высочайшее повелѣніе срыть и уничтожить ее [1]). Вани-эфенди присутствуетъ при нареченіи въ ханы преемника Мюрадъ-Герая и поздравляетъ его [2]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Вани-эфенди, выступавшій въ качествѣ наставника и обличителя Мюрадъ-Герай-хана, вмѣшавшись въ дѣла внутренняго устройства и управленія въ Крыму, не преминулъ поддержать своимъ авторитетомъ невыгодное мнѣніе турецкаго правительства о Мюрадъ-Гераѣ, когда въ Портѣ начали неблаговолить къ нему.

Поводы къ этому неблаговоленію должны были явиться раньше еще той неудачной кампаніи, послѣ которой Мюрадъ-Герай потерялъ престолъ. Существованіе же такихъ поводовъ, при скудости свѣдѣній о царствованіи Мюрадъ-Герая, подтверждается до нѣкоторой степени однимъ фактомъ, который сохранился въ приписвахъ на одномъ старомъ рукописномъ экземплярѣ еврейской библіи, сдѣланныхъ рукою прежнихъ владѣльцевъ этого экземпляра, караимскихъ старожиловъ Крыма. Подъ 1679 годомъ имѣется замѣтка слѣдующаго содержанія: „Пріѣхалъ паша въ Крымъ измѣрить сады и виноградники, чтобы обложить ихъ опредѣленнымъ ежегоднымъ налогомъ; *но это не удалось ему*“ [3]). Весьма правдоподобно, что финансовое затрудненіе Порты, о которомъ съ горестью повѣствуютъ турецкіе историки, могло вынудить ее поискать источника доходовъ и въ вассальной области—въ Крымѣ, съ каковою цѣлью и могъ быть отправленъ ею туда нарочитый коммиссаръ для составленія описи доходныхъ статей. Едва ли эта фискальная мѣра могла быть осуществлена правительствомъ Порты безъ участія тогдашняго

---

[1]) Ibidem, 36 г. [2]) Фундуклулу, II: 87 г. [3]) Выписка этихъ замѣтокъ сообщена мнѣ почтеннѣйшимъ Н. А. Султанъ-Крымъ-Гиреемъ; самая же рукопись, содержащая эти замѣтки, принадлежитъ ѳеодосійскому жителю С. А. Крыму.

хана, т. е. Мюрадъ-Герая. Въ такомъ случаѣ, когда эта мѣра не удалась, то Порта непремѣнно должна была остаться недовольна за это на хана: или онъ недостаточное оказывалъ содѣйствіе осуществленію задуманной операціи, или даже прямо препятствовалъ этому осуществленію; послѣднее даже болѣе вѣроятно и въ духѣ политики Мюрадъ-Герай-хана относительно своего суверена—Порты. Въ свое время этотъ случай могъ пройдти ему даромъ, по впослѣдствіи, при новыхъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ, вспомнили и прежнее въ обвинительномъ противъ него актѣ, повлекшемъ за собою его отставку.

Къ царствованію Мюрадъ-Герая же крымскіе историки относятъ одно немаловажное обстоятельство въ отношеніяхъ Россіи къ Крыму и Высокой Портѣ, а именно то, что съ его времени русское правительство перестало отправлять своихъ пословъ въ Порту черезъ Крымъ, какъ это всегда водилось прежде, а стало посылать ихъ прямо чрезъ Украину и Бендеры. Причиною этого было будто бы безчестіе, причиненное одному русскому послу Мюрадъ-Гераемъ, который, за что-то прогнѣвавшись на посла, велѣлъ его посадить на деревянную кобылу, привязать ему къ ногамъ камни вмѣсто стремянъ, и въ такомъ видѣ возить по базарамъ [1]).

Справляясь съ русскими источниками, мы узнаемъ, что фактъ самъ по себѣ вѣренъ, но не вполнѣ. Дѣйствительно, правительница Софья велѣла объявить хану, что московскихъ посланниковъ онъ уже не увидитъ больше въ Крыму, и нужные переговоры и пріемъ даровъ будетъ производиться на границѣ. Но причиною такого чуть не дипломатическаго разрыва было поведеніе не самого хана Мюрадъ-Герая, а его нур-эд-дина Сеъадеть-Герая: въ 1682 году царскій посланникъ Таракановъ далъ знать изъ Крыма,

[1]) Семь планетъ, 189; Кр. Ист., 72 v.; Гюльбуни-хананъ, 73.

что нур-эд-динъ, для полученія подарковъ, велѣлъ схватить его, привести на конюшню, бить обухомъ, приводить къ огню и стращать всякими муками [1]). Между тѣмъ изъ весьма обстоятельнаго и подробнаго статейнаго списка стольника Василія Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, правившихъ посольство въ Крыму только однимъ годомъ раньше Тараканова, нѣтъ ничего похожаго на такое варварское обращеніе, на которое жаловался своему правительству послѣдній; личность же и обхожденіе самого хана представляются у нихъ въ самомъ, можно сказать, привлекательномъ видѣ. Въ то время какъ ханскіе чиновники говорили съ нашими послами иногда „зѣло запалчиво, острыми и гордыми словами, которые трудно и писанію предать" [2]), или говорили „съ сердцемъ и съ шумомъ" [3]), ханъ на аудіенціяхъ всегда ихъ „слушалъ прилѣжно и милостиво" [4]), а „выслушавъ говорилъ тихо и милостиво усмѣхаючись" [5]). Ханъ этотъ, „желаючи... съ Великимъ Государемъ (московскимъ) дружбы и любви, изволилъ оставить древніе обычаи палаты своей", не велѣвъ посламъ „безчестнаго принужденія чинить", состоявшаго въ томъ, что обыкновенно пословъ брали двое приставовъ за шею и наклоняли ихъ головами до земли; а Тяпкинъ съ Зотовымъ кланялись хану „по воли своей" [6]). Совершивъ клятвенный обрядъ цѣлованіемъ Куръана и передавъ шертную грамоту не прямо въ руки нашимъ посламъ, а чрезъ своего ближняго человѣка, ханъ просилъ ихъ не оскорбляться, такъ какъ „самому ево ханову величеству изъ своихъ рукъ для страху мороваго повѣтрія отдать не годитца, а не для какіе гордости и нелюбви" [7]). А когда послы требовали, чтобы Мюрадъ-Гераӣ поклялся за будущихъ хановъ и братію ихъ, то онъ, отказавъ въ этомъ,

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, XIV: 36. [2]) Зап. Од. Общ., II: 582. [3]) Ibid., 611. [4]) Ibid., 613. [5]) Ibid., 625. [6]) Ibidem, 637. [7]) Ibidem, 638.

весьма резонно заявилъ: „Почему де намъ, по смерти своей, правду сердецъ ихъ и крѣпость вѣры въ душахъ ихъ вѣдать; о томъ де вамъ и говорить соромъ. И выговоря, разсмѣялся и молвилъ: на семъ де свѣтѣ мало того обрѣтается, гдѣ бъ государскіе наслѣдники содержали правду предковъ своихъ“ [1]). Послѣдняя шутка Мюрадъ-Герая отзывается тѣмъ же самымъ добродушнымъ скептицизмомъ, какимъ проникнута и его рѣчь къ своимъ мурзамъ, когда тѣ всполошились при извѣстіи объ отставкѣ его и клялись въ вѣчной вѣрности и преданности ему.

Равнымъ образомъ и о нур-эд-динѣ, будто-бы изобидѣвшемъ Тараканова, Тяпкинъ и Зотовъ отзываются съ великою похвалою, говоря: „Нурадынъ Саадетъ-Гирей-салтанъ молодъ, лѣтъ въ 30, лицомъ добръ, однимъ глазомъ кривъ, ростомъ повысокъ; *разуменъ и въ разговорахъ ласковъ*“ [2]). Что онъ такъ грубо поступилъ съ Таракановымъ, то это могло быть и намѣренно сочинено Таракановымъ, или же самъ Таракановъ довелъ до этого, ибо насчотъ Тараканова мы находимъ въ крымскихъ документахъ жалобу, что онъ недобросовѣстно поступалъ въ сношеніяхъ съ крымцами и самымъ наглымъ образомъ обманывалъ ихъ: взявши, напримѣръ, на выкупъ плѣнныхъ въ долгъ, онъ обѣщалъ отдать выкупную сумму поочередно то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, пока наконецъ не уѣхалъ, вовсе ничего не заплативши. Везирь Селимъ-Герай-хана, Бегадыръ-ага, писавшій объ этомъ князю В. В. Голицыну, оканчиваетъ письмо такими словами: „Дѣлать несправедливость, не отдавая взятыхъ въ долгъ денегъ—это неподходящее дружбѣ и братству дѣло!“ [3]).

Да и вообще въ то время сношенія съ крымцами, какъ говоритъ нашъ историкъ, становились невыносимѣе, „по мѣрѣ

---

[1]) Ibidem. 630. [2]) Ibidem. 586—587. [3]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 377, стр. 897.

того какъ въ Москвѣ становились болѣе чувствительными къ народной чести, болѣе привычными къ обращенію съ цивилизованными народами" [1]). Правильнѣе это надо понимать такимъ образомъ: московскіе люди не то чтобы, отъ обращенія съ цивилизованными народами, сами сдѣлались очень деликатны и требовательны въ тонкостяхъ обращенія, а только они перестали безропотно сносить, какъ было прежде, неделикатность и грубость манеръ татарской аристократіи и чиновниковъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, но на дерзкія выходки отвѣчали такими же дерзостями и тѣмъ смиряли нахаловъ. На это не разъ указывается въ статейномъ спискѣ Тяпкина и Зотова. „И будетъ вы впредъ станете намъ такіе свои нелѣпые слова испущать и на насъ кричать", говорили они ближнимъ хановымъ людямъ, „и сами говорить не хочемъ и пойдемъ вонъ, и впредъ къ вамъ въ отвѣтъ не поѣдемъ, хотя и звать будете... И бусурманы, выслушавъ наши слова, умолкли гораздо и учали насъ вопрошать тихо и любовно" [2]). А въ другой разъ послы говорятъ: „И вставъ мы съ мѣста своего, осердясь на нихъ (ближнихъ ханскихъ людей) и не поклонясь имъ пошли-было отъ нихъ вонъ, и они насъ удержали, и словами тихими уговаривали, чтобъ мы на нихъ не гнѣвились и говорили съ ними покладно" [3]).

Источникомъ такого самоувѣреннаго обращенія съ татарами у московскихъ пословъ было справедливое горделивое сознаніе силы своего государства, чувствительное доказательство которой въ недавнихъ побѣдахъ надъ турками и вмѣстѣ надъ татарами было, безъ сомнѣнія, еще памятно крымцамъ; да и сами послы не преминули напомнить объ этомъ, сказавъ Вели-шахъ-мурзѣ: „Дозналъ салтанъ турской и везирь войско Царского Величества подъ Чиги-

[1]) Соловьевъ, XIV: 36. [2]) Зап. Од. Общ., II: 610. [3]) Ibid., 634—635.

ринымъ и на горахъ чигиринскихъ, гдѣ турковъ пропало больше 300,000" [1]).

При такой взаимной неуступчивости договаривавшихся сторонъ какія-нибудь новыя неблагопріятныя для мира обстоятельства могли опять произвести взаимное, какъ говорится на дипломатическомъ языкѣ, охлажденіе между Москвою и Крымомъ и даже вызвать какія-нибудь недоразумѣнія между ними. Этимъ и надо объяснить, что между ярлыками Мюрадъ-Герая къ царю Ѳеодору Алексѣевичу есть одинъ писанный въ ребіъу-ль-эввелѣ 1093 = въ мартѣ-апрѣлѣ 1682 года, въ которомъ ханъ довольно прямо высказываетъ недовольство на отношенія къ нему московскаго правительства. Такъ, напримѣръ, онъ жалуется, что присылаемыя шубы плохи, коротки, ничего не стоятъ; что послы царскіе или вовсе не отдаютъ, кому слѣдуетъ изъ крымскаго вельможества, подарковъ или же отдаютъ несполна, утаивая половину присылаемыхъ денегъ. Онъ претендуетъ далѣе, что русское правительство, вопреки договору, не обуздываетъ козаковъ и калмыковъ, которые продолжаютъ попрежнему производить разбои въ его владѣніяхъ. Наконецъ, по поводу слуховъ о насильственномъ обращеніи въ Москвѣ мусульманскихъ плѣнниковъ въ христіанство, говоритъ, что это не прилично государямъ; что у нихъ, обоихъ падишаховъ, вѣры исламской т. е. у хана и турецкаго султана, многое множество христіанскихъ подданныхъ, но что ихъ насильно не заставляютъ дѣлаться мусульманами—مسلمان بول ديب سياست بولمغاندر—. Въ заключеніе онъ, по этому последнему пункту, изрекаетъ такую угрозу. „Если", говоритъ, „вы, братъ мой и большой мой другъ, станете причинять насилія тѣмъ мусульманамъ, чтобы они стали христіанами, и будете ссылать ихъ въ отдаленныя мѣста жительства, то

[1]) Ibidem, 606.

я, великій падишахъ Мюрадъ-Герай-ханъ, тоже велю подвергать насиліямъ весь находящійся въ моихъ владѣніяхъ христіанскій народъ, заставлять его обращаться въ мусульманство и жестоко наказывать противниковъ; находящуюся въ моей столицѣ Бакчэ-Сараѣ большую церковь Маріи велю разрушить, а поповъ ея казнить, да и вообще велю разорить всѣ церкви. Я грамотою и чрезъ посла дамъ знать благополучному и великому падишаху хункяру, чтобы и онъ, ради вящшей ревности къ великой вѣрѣ нашей, велѣлъ творить жестокости всѣмъ христіанамъ, всѣмъ находящимся въ Іерусалимѣ и въ Стамбулѣ попамъ и патріархамъ, и заставить ихъ дѣлаться мусульманами!"—А вслѣдъ за такою запальчивою тирадою, ханская грамота продолжается опять въ спокойномъ уже тонѣ, любезно напоминая объ исправной присылкѣ казны и поминковъ по реестру, составленному при Бегадыръ-Герай-ханѣ [1]).

Но отъ простого выраженія нѣкоторыхъ неудовольствій еще далеко до полнаго разрыва между двумя государствами. И во всѣхъ послѣдующихъ ярлыкахъ Мюрадъ-Герая къ московскому царю, изъ коихъ одинъ писанъ даже въ рамазанѣ 1094—въ сент. 1683 г., т. е. наканунѣ отставки хана, попрежнему въ самыхъ благоприличныхъ выраженіяхъ трактуется о взаимной дружбѣ и почтеніи и высказывается упованіе на продолженіе этихъ чувствъ на будущее время.

Остается непонятнымъ, почему крымскимъ историкамъ захотѣлось вышеозначенный фактъ прекращенія отправки московскихъ пословъ черезъ Крымъ приписать неблаговидному поступку Мюрадъ-Герая: развѣ, можетъ быть, имъ казалось это великимъ и достойнымъ памяти исторіи подвигомъ, такъ какъ они жили и писали въ то время, когда русское имя стало грозно для крымскихъ татаръ, что имъ оставалось

[1]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 261.

утѣшаться лишь одними воспоминаніями о прежнихъ временахъ, когда, молъ, и татаре могли безнаказанно оскорблять и унижать это имя. Авторъ же часто упоминаемаго у насъ сочиненія „Гюльбуни-ханамъ“ объясняетъ этотъ поступокъ Мюрадъ-Герая тѣмъ, что онъ совершилъ его въ пьяномъ состояніи [1]). Но относительно слабости Мюрадъ-Герая къ хмельнымъ напиткамъ крымскіе историки не согласны между собою: одни утверждаютъ, что онъ будто бы напивался дотого, что ни встать, ни двинуться не могъ [2]); а по свидѣтельству другихъ онъ былъ „добродушный, почти-что святой, богоугодный благочестивецъ и набожный государь“ — صاف دل ولىّ الله مرتبه‌سنده مستجاب الدعوا صالح وعابد پادشاه ايدى — [3]).
Во всякомъ случаѣ, если въ этомъ обвиненіи и есть доля правды, то она, видимо, преувеличена. Странно въ самомъ дѣлѣ, что на это нѣтъ даже и намека у нашихъ пословъ Тяпкина и Зотова, которые долго жили въ Бакчэ-Сараѣ, часто видѣлись съ самимъ ханомъ и обо всемъ „тайнымъ обычаемъ провѣдывали всячески“ [4]).—Трудно допустить, чтобы они никогда не могли замѣтить признаковъ означенной страсти хана, или не могли слышать объ этомъ на сторонѣ, особливо при ихъ-то наблюдательности и оборотливости. Правда, что въ упомянутомъ выше обширномъ ярлыкѣ Мюрадъ-Герая къ царю Θеодору Алексѣевичу раза два упоминается, между прочимъ, и о присылкѣ *горѣлки* = خورلقه — [5]); но отсюда можно заключить только, что ханъ не стѣснялся мусульманскою обрядовою щепетильностью въ употребленіи запрещенныхъ напитковъ, какъ принадлежности веселыхъ пиршествъ, до которыхъ онъ былъ охотникъ, „гордясь“, по словамъ Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы, „своею приверженностью къ

---

[1]) Гюльбуни-ханамъ, 73. [2]) Семь планетъ, 186; Кр. Ист., 72 v. [3]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 6 v. [4]) Записки Од. Общ., II: 643. [5]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 261, стр. 673 и 676.

чингизскимъ обычаямъ" [1]). Съ мусульманско-благочестивой точки зрѣнія позднѣйшаго историка, эти обычаи были *пустые* —رسوم باطله، جنکیزیه—; но современнымъ Мюрадъ-Герай-хану эмирамъ и аянамъ эта-то его приверженность къ своей татарской старинѣ особенно и нравилась, такъ что они почитали его больше всѣхъ другихъ членовъ его рода.—خان مشار الیه ابنای جنسندن زیاده اعتبار ایدرلر ایدی—[2]).

Поэтому не удивительно, что когда въ султанской Портѣ рѣшено было лишить Мюрадъ-Герая ханскаго званія, и стали выбирать ему преемника, то втеченіе цѣлой недѣли не могли отыскать такого: кому изъ султановъ Герайскаго дома ни предлагали ханскаго трона, всѣ отказывались, говоря: „Какъ намъ посягнуть противъ этого хана?!" Только Хаджи-Герай, кажется давно втайнѣ жаждавшій поцарствовать, принялъ предложеніе. Тогда Мюрадъ-Герая окончательно отрѣшили, назначивъ на его мѣсто Хаджи-Герая [3]).

Невольно рождается вопросъ, почему Мюрадъ-Герай-ханъ такъ легко покорился своей участи, а не воспользовался своею популярностью среди своего народа, чтобы дать отпоръ капризу султанскаго правительства и явно отказаться отъ повиновенія его волѣ. Прежде всего это могло случиться просто отъ нерѣшительности характера Мюрадъ-Герая. Питая въ душѣ чувство независимости и проявляя его въ дѣлахъ внутренняго управленія, онъ однако же не имѣлъ духа взяться за дѣло полнаго осуществленія самостоятельности Крымскаго ханства путемъ открытой борьбы съ суверенитетомъ Порты, борьбы, шансы которой были неизвѣстны. А главная причина такой покорности Мюрадъ-Герая волѣ Порты откровенно высказана имъ въ рѣчи его къ татарской депутаціи—это была ненадежность

---

[1]) Семь планетъ, 186. [2]) Ibidem. [3]) Тарихи Мухаммедъ-Герай, 6 v.

татаръ въ приверженности ихъ и необыкновенное ихъ вѣроломство, о которомъ онъ зналъ, должно быть, по опыту. Крымскіе историки, напримѣръ, категорически, хотя, можетъ быть, и преувеличенно говорятъ, что Мюрадъ-Герай любилъ покутить вмѣстѣ съ своими эмирами и аянами, напиваясь иногда до безчувствія, и тѣмъ особенно пришолся по нраву всѣмъ татарамъ [1]). Очень можетъ быть, онъ и самъ, какъ умный человѣкъ, до извѣстной степени сознавалъ это, и потому такъ равнодушно относился къ выраженіямъ горячей любви къ нему его приближенныхъ вельможъ татарскихъ. Ему хорошо и весело жилось съ этими беками и мурзами у себя дома, въ Крыму, въ спокойное время; но чтобы онъ могъ на нихъ положиться и въ критическую минуту опасности, до этого было еще далеко, тѣмъ болѣе что среди крымской знати были приверженцы Селимъ-Герай-хана, предмѣстника Мюрадъ-Герая, съ которымъ они не были въ хорошихъ отношеніяхъ.

Отрѣшенному Мюрадъ-Гераю указано было жить въ Ямболу съ годовымъ окладомъ въ 4000 юковъ акчэ [2]).

Шумъ татарской орды, вызванный смѣною Мюрадъ-Герая, еще разъ показалъ Портѣ, сколь не удобно для нея, чтобы ханскій постъ въ Крыму занимало лицо популярное и любимое у своихъ подданныхъ. Вотъ почему она не хотѣла опять возвести на него, напримѣръ, Селимъ-Герая, а сперва искала подходящаго ей человѣка между второстепен-

---

[1]) Семь планетъ, 182; Кр. Ист., 72 г. [2]) Фундуклулу, II: 87 г.— Турецкій историкъ, между прочимъ, присовокупляетъ, что будто бы Мюрадъ-Герай былъ отправленъ для водворенія въ указанномъ мѣстѣ жительства въ Ямболу «съ однимъ изъ агъ сердарь-азама, мюгюрдаремъ Мухаммедъ-агою», значитъ прямо съ театра войны, «изъ-подъ Варадина», по словамъ другого историка (Гюльбуни-хананъ, 72); но это не согласуется съ близкимъ ко времени отставки хана ярлыкомъ его, на которомъ значится, что онъ написанъ «въ Бакчэ-Сараѣ, въ концѣ мѣсяца рамазана 1094» (В.-Зерновъ, Матеріалы, № 270, стр. 711), а отставка послѣдовала въ шеввалѣ. Затрудняясь объяснить это противорѣчіе источниковъ, считаю однако же нужнымъ констатировать его.

ными кандидатами и очень была рада, что Хаджи-Герай вызвался принять ея предложеніе, отъ котораго отказались всѣ другіе наличные члены дома Гераевъ. Онъ уже доказалъ на дѣлѣ свою готовность быть на послугахъ у султанскаго правительства, потому что „сабля его была хлѣбъ его“— قليجى اتمكى اوله رق—, по выраженію одного крымскаго историка [1]). Другое удобство этого человѣка составляла непопулярность его среди татаръ: чрезъ это онъ являлся безусловнымъ креатурою Порты, составлявшей единственную опору для его ненавистной народу власти. Но не заставившія долго ждать себя обстоятельства какъ нельзя болѣе обнаружили ошибочный анахронизмъ политики, которой Порта до сихъ поръ придерживалась относительно Крыма и думала держаться теперь, не понявъ измѣнившихся условій, съ которыми надо было теперь считаться, или же самоувѣренно игнорируя эти условія.

Хаджи-Герай II (окт. 1683—іюнь 1684) былъ въ собственномъ смыслѣ карьеристъ, какъ это выказалось въ его необыкновенномъ стараніи выслужиться предъ турками, въ то время какъ Мюрадъ-Герай былъ равнодушенъ къ ходу кампаніи, въ которой онъ участвовалъ лишь по необходимости. Но, добившись ханскаго званія саблей, по выраженію крымскихъ историковъ—قليجى ايله خان اولدى—[2]), т. е., слѣдовательно, не законнымъ порядкомъ и не по праву, этотъ самонадѣянный выскочка вызвалъ противъ себя сперва глухое негодованіе, а потомъ и открытое возстаніе, главными зачинщиками котораго были ширинскіе беи и мурзы. Они собрали сходку у Ак-Кая, пригласили туда калгу, а также ханскую лейбъ-гвардію, капы-кулу и сейменовъ съ Багадыръ-агою во главѣ, и поклялись на Куръанѣ свергнуть нелюбого имъ хана. Затѣмъ они хлынули въ Бакчэ-Сарай, ворвались въ ханскій дворецъ, разграбили имущество хана и осквер-

[1]) Гюльбуни-ханан, 73. [2]) Кр. Ист., 73 v.

шили своимъ вторженіемъ харемъ его. Брошенный всѣми своими людьми, Хаджи-Герай едва спасся, убѣжавъ въ сопровожденіи трехъ или четырехъ черкесскихъ рабовъ своихъ и запершись въ Манкупѣ [1]).

Если вѣрить Давиду Лехно, то крайнее раздраженіе противъ Хаджи-Герая вызвано было тѣмъ, что онъ ненавидѣлъ своихъ вельможъ и будто бы, по уговору съ верховнымъ везиремъ Кара Мустафа-пашою, намѣревался даже совсѣмъ истребить ихъ; а кромѣ того онъ былъ еще скряга и сребролюбецъ, такъ что продавалъ за деньги всѣ государственныя должности, требовалъ ежегоднаго налога съ судей, прекратилъ выдачу жалованья и пенсіи прежде получавшимъ ихъ отъ хана и, наконецъ, ничего не удѣлилъ, вопреки обычаю, сановникамъ и вельможамъ изъ подарковъ, полученныхъ имъ отъ русскихъ [2]). Это объясненіе причины бунта крымцевъ противъ Хаджи-Герая не лишено правдоподобія, потому что въ немъ приняли участіе рѣшительно всѣ: даже собственные капы-кулу и сейманы ханскіе вошли въ стачку съ ширин-

---

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 11 г. & v.; Семь планетъ, 190—191; Кр. Ист., 74 г.; Гюльбуни-ханамъ, 74.—Замѣчательно, что всѣ историки указываютъ на Манкупъ, какъ на мѣсто убѣжища Хаджи-Герая; а между тѣмъ Броневскій, бывшій тамъ въ концѣ XVI вѣка, видѣлъ однѣ развалины (Кеппенъ, Крымскій сборникъ, стр. 279—281), хотя Витсенъ говоритъ, что послѣ пожара, бывшаго въ Манкупѣ въ 1594 или 1595 г., городъ пришолъ въ упадокъ, но крѣпость его еще считалась важною и самимъ ханамъ въ смутныя времена служила убѣжищемъ и хранилищемъ ихъ сокровищъ (Ibidem, стр. 289). [2]) А. Я. Гаркави, Отрывки изъ историч. соч. Давида Лехно, при отчотѣ Имп. Публ. Библ. за 1882 г. Стр. 5—6. Эти подарки присланы были не отъ русскихъ, а отъ Порты, въ количествѣ 10,000 червонцевъ при особенномъ любезномъ письмѣ султанскомъ— محبت نامهء شهرياری—(Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 11 г.). Любопытно, какъ Лехно объясняетъ возникновеніе обязательства русскихъ давать Крымскимъ ханамъ дорогіе подарки. Царь Мошкова, говоритъ Лехно, попался однажды къ Крымскому хану въ плѣнъ, и для униженія его чести *ему дали пару воловъ и заставили его пахать ими землю*; но затѣмъ *это было замѣнено* ежегодными подарками хану (Op. cit., 5). Несомнѣнно, что эта небылица есть искаженный отголосокъ народнаго преданія о двухъ различныхъ историческихъ фактахъ—о ругательномъ яр-

твенникамъ присылалъ письма, въ которыхъ давалъ знать о омъ, что ему дѣлаютъ приглашеніе изъ Порты. Они же обрали татарское войско и пошли на Крымскаго хана Хаджи-'ерая да и говорятъ ему: „Мы тебя не принимаемъ на ханство и, коли понадобится, мы готовы, пожалуй, и сражаться изъ-за этого". Очаковскій комендантъ, везирь Сары Сулейманъ-паша донесъ Порогу Счастія, что, молъ, татаре не ускаютъ новаго хана занять тронъ въ Бакчэ-Сараѣ, а требуютъ въ ханы Селимъ-Герая. На этомъ основаніи и былъ изданъ высочайшій указъ, повелѣвавшій большому конюшему, юшвакъ Реджебъ-агѣ привезти Селимъ-Герая" [1]). Изъ этого видно, что Порта, подъ давленіемъ обстоятельствъ, сама помышляла о вторичномъ возведеніи на ханство Селимъ-'ерая; а его неосторожная переписка съ своими крымскими приверженцами окончательно могла вскружить имъ головы, такъ какъ они напередъ были уже увѣрены въ успѣхѣ своихъ мятежныхъ замысловъ.

Селимъ-Герай, дѣйствительно, вскорѣ привезенъ былъ въ Адріанополь, торжественно былъ встрѣченъ, опять получилъ отъ султана ханскую инвеституру въ церемонной аудіенціи и немедленно отпущенъ въ свои владѣнія [2]). Узнавъ о случившемся, Хаджи-Герай, послѣ девятимѣсячнаго пребыванія своего въ Крыму, сѣлъ на корабль и отплылъ въ Стамбулъ, откуда былъ потомъ посланъ дальше на о. Родосъ въ реджебѣ 1095 — въ іюнѣ 1684 г. [3]), гдѣ спустя пять лѣтъ и умеръ [4]).

Селимъ-Герай (1684—1691) удостоился особенныхъ почестей при вторичномъ своемъ назначеніи въ ханы. Такое задабриваніе новаго правителя Крыма объясняется тогдашнимъ незавиднымъ состояніемъ дѣлъ Отоманской имперіи,

[1]) Фундуклулу, II: 107 r. & v. [2]) Фундуклулу, Loco citato; Рашидъ, I: 111 v. [3]) Семь планетъ, 191. [4]) Семь планетъ, 191; Кр. Ист., 74 r.

цами, съ которыми они постоянно враждовали обыкновенно [1]).

Историкъ Мухаммедъ-Герай, по поводу смѣны Хаджи-Герай-хана, изъ принципа предается такимъ печальнымъ размышленіямъ: „Такъ какъ крымцы съ Хаджи-Герай-ханомъ не поладили, то подали въ Порогъ Счастія просьбу, и его отставка признана была цѣлесообразною, ибо султанъ Мухаммедъ по нерадѣнію не соизволилъ сказать, что, молъ, по закону мухаммедову не подобаетъ отставка государямъ исламскимъ, а надлежитъ произвесть разслѣдованіе, и если окажется какое-либо преступленіе со стороны хана, то по закону должно быть и взыскано; а то поступили по просьбѣ и заявленію какого-нибудь наглаго татарина или турка, безъ дальнихъ разсужденій“ [2]).

Гаммеръ подозрѣваетъ сыновей Селимъ-Герая, что они, занимая посты калги и нур-эд-дина, вызвали мятежъ въ выгодахъ своего отца [3]). Это подозрѣніе не совсѣмъ безосновательно. Фундуклулу, по крайней мѣрѣ, слѣдующимъ образомъ говоритъ о вторичномъ воцареніи Селима. „Заточенный въ Родосъ прежній татарскій ханъ Селимъ-Герай-ханъ былъ очень подвижной старикъ, имѣвшій много дѣтей и подручниковъ въ Крыму. Онъ своимъ протеже и род-

---

лыкѣ Сахыбъ-Герай-хана I къ царю Ивану IV Грозному въ 1541 году (См. выше, стр. 417) и объ установленіи дани подъ именъ *тышъ* при Девлетъ-Герай-ханѣ I въ 1571 году (См. выше, стр. 427—429).

[1]) Г. Говордзъ совершенно недоумѣваетъ о причинѣ сверженія Хаджи-Герая и говорить, что она «is not very clear» (Op. cit., 563). Гаммеръ же опять напуталъ: начавъ говорить о Хаджи-Гераѣ, сбился потомъ на Мюрадъ-Герая. Въ Gesch. d. Osm. R. онъ совершенно правильно написалъ, что «Die vor einigen Monathen vorgenommene *Aenderung* des Chans der Krim *entsprach keineswegs der gehegten Erwartung*, indem der neue Khan, Hadschigirai, durch Geiz alle Gemüther von sich abwendig machte, so dass die Krim unzufrieden, und im Aufstande Bittschrift auf Bittschrift um die Absetzung desselben einsandte» (Op. laud., VI: 432). А въ Gesch. d. Chane der Krim онъ то же самое отнесъ къ Мюрадъ-Гераю, говоря: «Indessem *entsprach Muradgerai wenig der von ihm gehegten Erwartung*, er machte durch Geiz alle Gemüther»., и т. д. (Op. laud., 162).
[2]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай. 12 г. [3]) G. d. Ch. d. Krim, 164.

ственникамъ присылалъ письма, въ которыхъ давалъ знать о томъ, что ему дѣлаютъ приглашеніе изъ Порты. Они же собрали татарское войско и пошли на Крымскаго хана Хаджи-Герая да и говорятъ ему: „Мы тебя не принимаемъ на ханство и, коли понадобится, мы готовы, пожалуй, и сражаться изъ-за этого“. Очаковскій комендантъ, везирь Сары Сулейманъ-паша донесъ Порогу Счастія, что, молъ, татаре не пускаютъ новаго хана занять тронъ въ Бакчэ-Сараѣ, а требуютъ въ ханы Селимъ-Герая. На этомъ основаніи и былъ изданъ высочайшій указъ, повелѣвавшій большому конюшему, Бошнакъ Реджебъ-агѣ привезти Селимъ-Герая“ [1]). Изъ этого видно, что Порта, подъ давленіемъ обстоятельствъ, сама помышляла о вторичномъ возведеніи на ханство Селимъ-Герая; а его неосторожная переписка съ своими крымскими приверженцами окончательно могла вскружить имъ головы, такъ какъ они напередъ были уже увѣрены въ успѣхѣ своихъ мятежныхъ замысловъ.

Селимъ-Герай, дѣйствительно, вскорѣ привезенъ былъ въ Адріанополь, торжественно былъ встрѣченъ, опять получилъ отъ султана ханскую инвеституру въ церемонной аудіенціи и немедленно отпущенъ въ свои владѣнія [2]). Узнавъ о случившемся, Хаджи-Герай, послѣ девятимѣсячнаго пребыванія своего въ Крыму, сѣлъ на корабль и отплылъ въ Стамбулъ, откуда былъ потомъ посланъ дальше на о. Родосъ въ реджебѣ 1095 — въ іюнѣ 1684 г. [3]), гдѣ спустя пять лѣтъ и умеръ [4]).

Селимъ-Герай (1684—1691) удостоился особенныхъ почестей при вторичномъ своемъ назначеніи въ ханы. Такое задабриваніе новаго правителя Крыма объясняется тогдашнимъ незавиднымъ состояніемъ дѣлъ Отоманской имперіи,

[1]) Фундуклулу, II: 107 r. & v. [2]) Фундуклулу, Loco citato; Рашидъ, I: 111 v. [3]) Семь планетъ, 191. [4]) Семь планетъ, 191; Кр. Ист., 74 r.

сильно потрясенной военными пораженіями вовнѣ и безурядицами внутри. Волненія и смуты въ Крыму, возникшія изъ противодѣйствія намѣреніямъ и распоряженіямъ Порты, отнимали у ней надежду на поддержку крымскихъ татаръ въ виду неизбѣжнаго возобновленія непріязненныхъ столкновеній съ грознымъ сосѣдомъ-непріятелемъ—Россіею. А между тѣмъ другіе зложелатели Порты, какъ, напримѣръ, тогдашняя Австрія, прямо подбивали Россію отнять у Порты ея правую руку—Крымъ [1]), о чемъ, вѣроятно, было не безъизвѣстно отоманскому правительству. Къ этимъ международнымъ затрудненіямъ присоединилось еще домашнее бѣдствіе—повсемѣстный голодъ въ турецкихъ областяхъ. Въ народѣ началось броженіе, постепенно перешедшее въ явный мятежъ, во главѣ котораго стояли улема, т. е. наиболѣе фанатичная и ярая часть стамбульскаго населенія. Они поносили султана за то, что онъ проводилъ все время въ ѣздѣ на охоту, а дѣлами не занимался, и напали на шейху-ль-ислама, не говорившаго правды въ глаза султану [2]). Безденежье Порты, вынудившее ее прибѣгнуть даже къ частному займу [3]), вело къ усиленію налоговъ, а протесты, каковъ, напримѣръ, былъ протестъ румилійскаго казы-эскера Хамида-эфенди, въ высшей степени замѣчательный по своей гражданственной логикѣ и горячности выраженій, подавлялись репрессивными мѣрами въ родѣ административной ссылки [4]). Общее недовольство сообщилось арміи, которая также взбунтовалась и учинила сперва расправу надъ нѣкоторыми своими начальниками [5]), а потомъ потребовала немедленнаго сверженія съ престола и самаго султана [6]). Каиммакамъ собралъ совѣтъ законовѣдовъ и сановниковъ съ шейху-ль-исламомъ во главѣ въ мечети Ая-Суфья и предъявилъ требованіе арміи,

---

[1]) Соловьевъ, XIV: 14. [2]) Фундуклулу, II: 174 r.—175 r. [3]) Тарихи-Рашидъ, I: 125 r. [4]) Рашидъ, I: 125 v.; Фундуклулу, II: 185 r. [5]) Рашидъ, I: 131 v.—132 v. [6]) Ibidem, 134 r.

въ которомъ необходимость сверженія султана мотивирована тѣмъ, что онъ „денно и нощно предается охотѣ и не обращаетъ вниманія на дѣла вѣры и государства; что поэтому враги вѣры и Державы отовсюду чинятъ нападенія и наступаютъ со всѣхъ сторонъ въ предѣлы богохранимыхъ владѣній; что зложелатели вѣры и Державы водворили замѣшательство въ мірѣ, а людей, способныхъ изыскать средства къ излеченію такой немощи, повыбросили въ отдаленныя отъ правительственнаго центра мѣста". На вопросъ каиммакама: „Можно ли сомнѣваться въ томъ, что падишахъ, не заботящійся о таковомъ состояніи государства, по закону долженъ быть свергнутъ?" собраніе отвѣчало молчаливымъ подтвержденіемъ справедливости вышеприведеннаго заявленія, и Мухаммедъ IV былъ сверженъ съ престола [1]. Султаномъ сдѣлался Сулейманъ II (1687—1691).

Восходя вторично на ханскій тронъ при такихъ смутныхъ обстоятельствахъ въ Отоманской имперіи, Селимъ-Герай-ханъ I, человѣкъ умный и очень опытный, понималъ выгодность своего положенія, какъ ея вассала. Но онъ, по свойственному ему благоразумію, не увлекался этою выгодностью для потѣхи личнаго тщеславія и въ явный ущербъ государственнымъ интересамъ Порты, въ виду надвигавшейся русской силы, одинаково грозившей какъ Турціи, такъ и Крыму. Время вторичнаго ханствованія Селимъ-Герая знаменательно тѣмъ, что тогда впервые устами самихъ турковъ произнесено роковое слово: „Русскіе стремятся въ Стамбулъ!" Крымъ же долженъ былъ служить имъ только проходнымъ, этапнымъ пунктомъ на пути къ предмету ихъ завѣтной цѣли.

Вотъ почему, когда хану послѣдовало отъ Порты приглашеніе въ венгерскій походъ, онъ отвѣчалъ отказомъ, непритворно на этотъ разъ мотивируя его необходимостью заняться охраною своихъ собственныхъ владѣній, которымъ угрожало вторженіе ляховъ и московцевъ [2]. Тогдашнее по-

[1]) Рашидъ, I: 134 v. [2]) Рашидъ, I: 128 r.

ложеніе дѣлъ въ международной политикѣ, воззрѣніе на нихъ государственныхъ людей Порты, а также образъ мыслей и дѣйствій Крымскаго хана прекрасно обрисованы турецкимъ историкомъ Фундуклулу въ довольно пространной особенной статьѣ, въ которой онъ трактуетъ о названныхъ предметахъ на основаніи того, что „онъ слышалъ отъ самыхъ достовѣрныхъ лицъ", какъ современникъ описываемыхъ имъ событій, близко стоявшій къ центру политической жизни Отоманской имперіи.

„Нѣкоторые сикофанты изъ главныхъ людей Высокой Державы," пишетъ Фундуклулу, „съ мыслью породить смуту и произвесть замѣшательство въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, увѣривши верховнаго везиря въ томъ, что теперешній Крымскій ханъ Селимъ-Герай-ханъ имѣетъ притязаніе на самостоятельность въ своемъ царствѣ, повергли его въ страхъ. Ханъ же, прослышавъ объ этомъ отъ нѣкоторыхъ своихъ долгоухихъ друзей и считая это явною ложью, пишетъ такой докладъ: „Что я за низкій такой, чтобы питать такую дикую мечту и претендовать на самостоятельность власти: ни мнѣ этого не приходило въ голову, ни другой никто не указывалъ мнѣ дороги къ этому своимъ примѣромъ! Столько времени я былъ благожелательнымъ слугою Высокой Державы и питался ея хлѣбомъ-солью, ея ласкою и благоволеніемъ; видѣлъ столько ея благости, и, до сего времени летая ея крыльями, считалъ себя безопаснымъ[1]). Какъ же мнѣ учинить что-либо такое и ступить на путь возмущенія?! Я никоимъ образомъ не изъ способныхъ на это. Хотя я никого не боюсь и могу постоять за себя; хотя я, ничего не давая, могу брать, и хотя все, чего бы ни захотѣлъ, я, Божію волею, въ состояніи привести въ исполненіе; но я не сдѣлаю этого. Въ такомъ возрас-

[1]) Въ турецкомъ текстѣ тутъ каламбуръ на имя Селима, которое значитъ «безопасный, благополучный, искренній». Слова كندومه سليم ديردم значатъ: «Я именовался Селимомъ».

тѣ, въ такіе годы ради падали міра сего омрачать отношеніе двухъ правовѣрныхъ братьевъ совсѣмъ не благопристойно. Въ день грядущаго воскресенія мертвыхъ, когда предстанемъ предъ Того Царя, какой же бы я могъ дать отвѣтъ, когда бы Онъ сталъ допрашивать, говоря: „А, такъ это ты повергъ мечъ посреди двухъ народовъ и былъ причиною напраснаго пролитія столькой крови?" Полчище льстецовъ, сикофантовъ, омрачая Державу, наговорили насчотъ меня столько неприличныхъ словъ. Развѣшивать уши на всякія статныя или нестатныя слова вамъ не пристало. Непріятель уже на ногахъ. Если я этою зимою въ смятеніи останусь въ предѣлахъ Крыма, а Богданъ (Молдавія), Афлакъ (Валахія) и остальныя владѣнія Эрделя (Трансильваніи) да вся райя румилійская взбунтуются, то онъ (непріятель) захватитъ всѣ падишахскія владѣнія вплоть до береговъ Чорнаго моря. Такъ какъ намъ необходимо во всякомъ случаѣ выступить съ крымскимъ войскомъ изъ нашихъ владѣній и зимовать въ Буджакѣ, то мы, кипя исламскою ревностью, уже двинулись. Если же это будетъ не одобрено, то владѣніе падишахово уйдетъ изъ рукъ. Я же, смиренный слуга, желаю самолично отправиться къ Порогу Счастья и повергнуть свою голову къ августѣйшимъ стопамъ. Если государь скажетъ: „Селимъ, намъ не угодно, чтобы ты былъ ханомъ въ Крыму", и то ладно: во всякомъ случаѣ, кто искалъ прибѣжища у дверей Высокой Державы, тотъ не уходилъ съ пустыми руками: какой ни на есть, а все же даютъ кусокъ хлѣба. Если же будетъ сказано: „Нѣтъ, Крымское ханство опять-таки тебѣ принадлежитъ, только поступай съ разсужденіемъ!", то, сколько есть моей силы въ рукахъ, я отъ души и сердца выполню обычную свою службу; вкупѣ съ своими дѣтьми и близкими и со своимъ войскомъ постараюсь и, если Богу угодно, употреблю все усердіе и настойчивость къ тому, чтобы привести въ исполненіе лежащую на мнѣ обязанность". Въ такихъ словахъ онъ докладывалъ и просилъ разрѣшенія,

оставивъ для охраны Крыма своего калгу, старшаго сына Девлетъ-Герай-султана, самому прибыть въ Буджакъ и потереться лицомъ объ августѣйшее Стремя, а также явиться къ Порогу для изъявленія вновь своего подданства. А со стороны часаря былъ уже отряженъ безвѣрный предатель, афлакскій бей Канъ-Темиръ съ цѣлью захватить лежащія на берегахъ рѣки Днѣпра деревни и села, въ виду того, что, молъ, владѣнія эти пусты, и къ этому представляется благопріятный случай. Онъ уже выстроилъ-было 12,000 лодокъ; но какъ только проклятые адожители услышали, что ханъ идетъ въ Буджакъ, страхъ и трепетъ овладѣлъ несчастными сердцами ихъ; (Канъ-Темиръ) сжогъ всѣ лодки, а самъ заявилъ хану, что, молъ, онъ будетъ искренно служить ему [1]). Но что толку?! Двадцать восьмого сефера во вторникъ къ верховному везирю пришло письмо хана, и обуявшій-было сердца страхъ исчезъ. На совѣтъ въ его домѣ были приглашены только шейху-ль-исламъ, оба казы-эскера, накыбу-ль-ашрафъ (глава шерифовъ, потомковъ Мухаммеда), тавкыъи-паша (прикладыватель султанской тугры) да ага очага (янычарскаго). Не открывая того, что между ними произошло, онъ сказалъ только: „Вотъ его присутствіе, татарскій ханъ рапортуетъ, что онъ бы желалъ прибыть въ Порту для изъявленія вновь своего подданства падишаху—что вы скажете?“ Всѣ одобрили это и сказали: „Желающему прійдти не слѣдуетъ говорить: „Не ходи!“ Намъ бы надлежало пригласить его; а онъ самъ еще просится, чего же лучше?! Мы теперь дожили до такого времени, что обѣ наши руки очутились подъ камнемъ, и намъ не за что стало ухватиться. А въ такомъ разѣ прибытіе сюда того счастливца все равно что пришествіе Хызра. Сколько онъ совершилъ дѣлъ! Сколько разъ онъ поднималъ мечъ на враговъ, посылая полки во всѣ стороны! Какой онъ опытный,

---

[1]) О двусмысленномъ поведеніи Канъ-Темира см. у Гаммера въ Gesch. d. Osm. R., VI: 462.

сынъ высокостепеннаго хана, воитель за вѣру, падишахъ цѣлой страны, отличнѣйшій изъ рода чингизова, правитель Дэшти-Кыпчака! Приглашайте его пожалуйста, пусть приходитъ: мы очень будемъ рады его обществу". Когда великій везирь доложилъ высочайшему Стремени, то послѣдовало такое повелѣніе: „Вы, Крымскій ханъ, братъ мой и, по близкому сосѣдству, товарищъ мой, Селимъ-Герай! Сановники Державы и аяны правительства, ваше покорные слуги, нашли вполнѣ правомѣрнымъ ваше прибытіе къ нашему Порогу. А потому я приглашаю васъ. На совѣщаніи касательно кампаніи согласились на то, чтобы поступать по вашему мнѣнію. Изъ почтенія къ вамъ назначенъ и посланъ за вами изъ собственныхъ моихъ капыджи-баши Мустафа-ага Долговязый, съ пожалованіемъ ему румилійской степени. По полученіи моей высочайшей грамоты пріѣзжайте, не медля ни одной минуты." Восьмого ребіъу-ль-эввеля, въ пятницу упомянутый ага былъ посланъ въ Буджакъ; а еще раньше того назначенный въ коменданты Виддина везирь Арабъ Реджебъ-паша командированъ былъ для встрѣчи и сопровожденія хана въ качествѣ квартирмистра—قوناقجی—съ приказаніемъ быть у него на послугахъ, когда онъ пріѣдетъ" [1]).

Приглашеніе это было такое необыкновенное, подобнаго которому никогда еще прежде не случалось, такъ что, по словамъ крымскихъ историковъ, нѣкоторые короткоумые люди совѣтовали хану не отвѣчать на него [2]), подозрѣвая въ немъ, должно быть, какой-то подвохъ. „Но ханъ", говорится далѣе, „будучи человѣкъ самостоятельнаго ума и проницательный, не обратилъ вниманія на ихъ кривые толки,

[1]) Фундуклулу. II: 270 г.—271 г. [2]) Въ «Ассебъу-с-сейяръ», и въ печатномъ изданіи, и въ рукописи Учебн. Отд. (л. 130 г.), значится: بو نوعه دعوت سبقت ایتمدیکلندن عقول قاصره اصحابی خانک اجابتن استصواب ایتدیلر, но изъ дальнѣйшаго очевидно, что тутъ ошибка: вмѣсто ایتدیلر должно читать ایتمدیلر.

выбралъ изъ крымскихъ аяновъ 5—10 человѣкъ дѣльныхъ, опытныхъ и краснорѣчивыхъ и, *не питая никакого страха*, въ концѣ ребіъу-ль-ахыра 1100 = въ январѣ 1689 года отправился къ Порогу падишаха, убѣжища міра [1]).

И въ самомъ дѣлѣ: какъ приглашеніе, такъ и пріемъ, оказанный Селимъ-Гераю, превосходили все, что бывало подобнаго относительно его предшественниковъ: столько тутъ было выказано вниманія, столько уваженія къ хану. Даже сами турецкіе историки отмѣтили это, говоря: اسلافلرندن زياده كلى اعزاز واكرام قلندى — „Онъ былъ почтенъ больше всѣхъ своихъ предшественниковъ", съ тѣхъ поръ какъ фамилія Гераевъ стала подвластна династіи Отоманской [2]).

Сообразительный ханъ также не былъ слѣпъ къ такому отмѣнному обращенію съ нимъ турецкаго правительства и сразу почувствовалъ твердую почву подъ собою. Сознаніе своего достоинства и силы отчасти уже явствуютъ изъ тона вышеприведеннаго письма его къ верховному везирю. Но теперь онъ еще болѣе выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, а особливо когда на совѣтѣ у верховнаго везиря касательно приведенія въ порядокъ государственныхъ дѣлъ — احوال عالم نظام انتظامى خصوصنده — все собраніе прямо обратилось къ нему съ просьбою, чтобы онъ говорилъ. Тогда ханъ съ жаромъ и яростію обрушился на бывшаго главнокомандующаго въ венгерскомъ походѣ Османъ-пашу, по милости котораго турки потеряли Бѣлградъ. Указавъ на тѣ мѣропріятія, которыя были, по его мнѣнію, необходимы, чтобы поправить дѣло, ханъ заключилъ свою рѣчь такимъ грознымъ обращеніемъ: „Если эти мѣропріятія не будутъ сдѣланы, то нечего тогда было мнѣ вмѣшиваться въ ваши дѣла въ качествѣ вашего сторонника, нечего мнѣ было поднимать

[1]) Семь планетъ, 192; Кр. Ист., 74 r. & v. [2]) Фундуклулу, II: 271 v. & 279 r.

вашъ мечъ и состоять въ вашей службѣ!“ Когда самый точный протоколъ этого совѣта былъ представленъ султану вмѣстѣ съ просьбою о разрѣшеніи хану аудіенціи, султанъ сказалъ: „На чемъ состоялось рѣшеніе слугъ моихъ, государственныхъ сановниковъ, лишь бы оно было согласно съ священнымъ закономъ, то пріемлю и я, каково бы оно ни было. А братъ нашъ ханъ пусть пожалуетъ“ [1]). И затѣмъ послѣдовала аудіенція, сопровождавшаяся тысячью всякихъ любезностей и церемоній самой изысканной предупредительности. Хана осыпали подарками. Когда онъ, ассистируемый верховнымъ везиремъ, приложивъ лицо къ высочайшему трону, поцѣловалъ стопы его величества, то султанъ также сдѣлалъ ему три шага навстрѣчу, взялъ за руку, повелъ впередъ, посадилъ у подножія трона и началъ въ такомъ тонѣ разговаривать: „Добро пожаловать! Вотъ ты опять теперь ханъ Крымскій. Посмотрю я на тебя, какъ-то-ты послужишь вѣрѣ, Державѣ и нашему благополучію.“—Послѣдовало вторичное одѣваніе въ ханскую инвеституру и одѣленіе подарками всей свиты хана [2]).

Вторичное повержeніе къ султанскому трону вѣрноподданническихъ чувствъ со стороны хана требовалось тогдашнимъ этикетомъ по случаю воцаренія новаго султана, Сулеймана II, вмѣсто сверженнаго Мухаммеда IV. Необыкновенное же чествованіе Селимъ-Герая было дѣломъ признательной благодарности ему за удачныя его дѣйствія противъ двухъ непріятелей—нѣмцевъ и поляковъ. Его успѣхи тѣмъ большее имѣли значеніе, что передъ этимъ турки терпѣли лишь пораженія по безтолковости военачальниковъ, а внутри государства происходили смуты и волненія вслѣдствіе тиранніи и беззаконничества чиновниковъ. Селимъ-Герай все это очень хорошо понималъ и довольно открыто

[1]) Фундуклулу, II: 272 v. [2]) Ibidem.

гордился своими заслугами передъ Портою. Въ то же время онъ былъ тонкій политикъ. Когда къ нему явилось посольство отъ „калмыцкаго короля“—قالمق قرالى طرفندن—,какъ называетъ его турецкій историкъ Фундуклулу, съ предложеніемъ своей дружбы и услугъ, то онъ отвѣчалъ, что онъ самъ состоитъ на службѣ у султана, и что когда отъ него требуется военная помощь, то онъ отправляетъ войскъ болѣе чѣмъ достаточно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ приглашеніе въ Порту, онъ взялъ съ собою и калмыцкихъ пословъ въ Адріанополь: „Посмотрите“, говоритъ, „какой падишахъ есть еще больше меня; и чей я слуга, кому службу правлю“. Тамъ онъ выпросилъ позволеніе представить калмыковъ султану [1]). Прощальная аудіенція Селимъ-Герая у султана и отъѣздъ его были также очень пышны и торжественны. Султанъ собственноручно передалъ ему свою грамоту, утверждавшую его на ханствѣ. Егенъ Османъ-паша, на котораго ханъ нападалъ въ государственномъ совѣтѣ, былъ отставленъ и казненъ, по его милости. Всѣ эти почести и вниманіе обусловливались, кромѣ уже выказанныхъ ханомъ доблестей, ожиданіемъ отъ него новыхъ услугъ: съ нѣмцами еще длились враждебныя отношенія, а тутъ еще русскіе выступали съ такою ужасною смѣлостью, что турки страшились не только за цѣлость Крыма, но даже за безопасность самаго Стамбула. Въ такомъ, по крайней мѣрѣ, видѣ изображенъ фактъ крымской экспедиціи князя Голицына у самихъ османскихъ историковъ. „Въ эту пору“, говоритъ Фундуклулу, „московскій краль, изъ мести къ династіи Османской и къ хану татарскому, семь лѣтъ какъ мѣтитъ въ Крымъ, а оттуда и *въ Стамбулъ*. Собранное для этого въ огромномъ количествѣ и посланное имъ войско пришло и расположилось по долинамъ въ окрестностяхъ Крыма близъ Канлычака,

---

[1]) Фундуклулу, II: 277 r. & v.

Кара-Йилка и Куюлу — قاكليجق وقره ييلقه وقويولى دره‌لره —. Калга-султанъ, эмиры татарскіе и знатные въ странѣ люди, находившіеся въ Крыму, услышавъ объ этомъ, написали хану, бывшему тогда въ г. Киліи, такъ: „Сейчасъ приходите на помощь, а иначе московскій таборъ проникнетъ черезъ орскій перешеекъ Крыма и вступитъ ногою на полуостровъ, и тогда прощай государство!“ Какъ только бумага ихъ пришла къ хану, онъ просто обезумѣлъ, позвалъ польскаго посла да и говоритъ: „Непріятель пришолъ въ наши владѣнія; если Богу угодно, то уже послѣ его удаленія окончательно будетъ подтвержденъ съ обѣихъ сторонъ миръ!“ и заключилъ его въ килійскую крѣпость. Пришло также извѣстіе, что большой польскій посолъ вышелъ-было изъ Польши, да, съ появленіемъ московскаго табора, опять воротился назадъ въ тѣхъ видахъ, чтобы дѣйствовать, глядя по ходу обстоятельствъ. Ханъ собралъ зимовавшія въ Киліи и Буджакѣ свои татарскія войска и 28 реджеба въ среду = 18 мая 1689 г. выступилъ изъ Киліи и двинулся на помощь Крыму, о чемъ, сидя уже на конѣ, написалъ донесеніе къ высочайшему Стремени. „Если Богу угодно“, писалъ онъ, „послѣ того какъ непріятель будетъ отброшенъ въ сторону, мы опять современемъ явимся на службу падишахскую“. Рапортъ этотъ прибылъ въ Порту въ первыхъ числахъ шаъбана мѣсяца къ высочайшему Стремени. Пошли странные толки. Верховный везирь тоже съ видомъ неудовольствія говорилъ: „А вы въ какомъ же мірѣ? Или вы являлись на адріанопольское поле только чтобы пожуировать?“ Въ султанской арміи тоже начались такіе же разговоры, перевратившіеся въ ругательства: „Вотъ видѣли-ли—ханъ-то болталъ-болталъ, говоря: „Иду къ вамъ на помощь“, а самъ столько времени просидѣлъ въ Киліи, теперь же, когда наступило время похода, онъ, соскучившись отъ неповоротливости османской, повернулъ себѣ въ Крымъ!“ Народъ отъ такихъ безсмысленныхъ рѣ-

чей впалъ въ смятеніе. А нѣкоторые партизаны, гипокриты Высокой Державы, тоже высунули языки и говорили верховному везирю такія вещи: „Вишь сколько оказывается вниманія падишахомъ какому-нибудь *лошаднику-татарину*— بر بارکیرجی تاتار —! Чествуя и уважая его, вы оказываете ему такія любезности, какъ никому изъ его предшественниковъ!" А онъ, говоря: „Современемъ прійду на войну!", забралъ массу вашихъ вещей да и отправился [1]). Откуда извѣстно, что онъ пріидетъ? Вонъ теперь онъ ушолъ подъ тѣмъ предлогомъ, что „на наши, молъ, владѣнія пришолъ (непріятельскій) таборъ"—только того недоставало! Отъ такихъ не поживишься [2]); они въ своемъ обѣщаніи не стоятъ; на слова ихъ не полагайся!" Но верховный везирь, зная, что это инсинуаціи, вовсе не слушалъ ихъ и былъ твердо увѣренъ въ томъ, что ханъ пріидетъ, указывая на присланное имъ письмо, въ которомъ онъ сообщалъ: „Въ скоромъ времени гяурскій таборъ будетъ прогнанъ, и мы немедленно прибудемъ въ императорскую армію. Ложь сикофантовъ была изобличена и опровергнута, а верховный везирь закрылъ глаза и ничуть не безпокоился [3])".

Увѣренность верховнаго везиря въ Селимъ-Гераѣ не обманула его: въ скоромъ времени отъ очаковскаго коменданта, везиря Мустафа-паши пришло письмо съ донесеніемъ, что въ московскомъ таборѣ было 300,000 гяуровъ; что они съ полною горделивостью и зарясь на Крымъ, достигли долинъ Канлыджака и Кара-Йилка, лежащихъ въ шестичасовомъ разстояніи отъ орскихъ воротъ (Перекопа); что когда они очутились между этими двумя долинами, ханъ съ калгою, нур-эд-диномъ и безчисленнымъ войскомъ встрѣтили

---

[1]) По турецки тутъ сказано такъ: بیازلار طوغرییوب دنیا قدر شیگزی الوب کتدی — «Накрошивъ луку, забралъ съ цѣлый міръ вашихъ вещей да и пошолъ». [2]) По турецки выражено метафорою: بونلرك انمکی دیزنده — «У такихъ хлѣбъ на колѣнкѣ». [3]) Фундуклулу, II: 285 г. и v.

ихъ 5-го шаъбана = 25 мая 1869 года и сражались отчаянно сперва въ окопахъ, а потомъ въ открытомъ полѣ. Безводность и безкормность мѣстности довершили неблагопріятность положенія русскихъ, и они были отражены ханомъ, къ которому поспѣшилъ на помощь азовскій комендантъ Шегбазъ-Герай-султанъ, ведя съ собою около 50,000 кумуковъ, черкесовъ и ямапъ-садаковъ, такъ что автору этого донесенія, Мустафа-пашѣ, уже не понадобилось идти со вспомогательнымъ войскомъ изъ буждакскихъ татаръ и ногаевъ, о чемъ ему раньше дано было предписаніе [1]).

Крымскіе историки также, хотя съ меньшими фактическими подробностями, зато съ большимъ риторическимъ паѳосомъ, расказываютъ о попыткѣ русскихъ въ количествѣ 200,000 человѣкъ съ 1000 пушекъ проникнуть въ Крымъ подъ начальствомъ „злодѣя-гяура Калисина — قاليسين — [2]) въ намѣреніи покорить его". Хотя и превозносятъ они храбрость татарскихъ богатырей въ стычкахъ, происходившихъ около м. Кара-Йилка, однако же положеніе крымцевъ было столь критическое, что на совѣтѣ предводителей ханъ плакалъ, и у него волосы лѣзли; рѣшено было или побѣдить, или умереть. Но вотъ въ то время какъ ханъ, его аяны и всѣ мусульмане „съ мечами въ рукахъ и саванами на плечахъ" съ трепетомъ и съ отчаяніемъ ожидали во рву крѣпости Ора перехода русскихъ, отъ этихъ явился одинъ изъ алатырскихъ татаръ, подвластныхъ москов-

---

[1]) Фундуклулу, II: 286 v.—287 r. Независимо отъ этого краткаго донесенія очаковскаго паши, у Фундуклулу есть особая большая статья, занимающая цѣлыхъ три листа, 290 r.—292 v., въ которой подробно описано отраженіе и преслѣдованіе русскихъ крымцами. Вообще исторія Фундуклулу очень богата весьма подробными свѣдѣніями о войнахъ, которыя велись въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. русскими съ турками: одно описаніе чигиринскаго похода турковъ занимаетъ цѣлыхъ 30 послѣднихъ листовъ перваго тома, да 15 листовъ начала второго тома.
[2]) Т. е. В. В. Голицына.

цамъ и считавшихся мусульманами, по имени Калмукъ-ага, съ краснорѣчивыми предложеніями мира. Тогда ханъ съ своей стороны отправилъ въ непріятельскій станъ одного изъ эмировъ яшлаускихъ, Кемаль-мурзу, посломъ для переговоровъ. Вся ночь прошла въ безсонномъ томительномъ ожиданіи исхода завязавшихся сношеній. Съ восходомъ солнца ханъ взошолъ на холмъ и видитъ—толпы непріятелей снялись и удаляются. Историки толкуютъ, что русскіе устрашились маневрировавшихъ храбрыхъ татарскихъ отрядовъ; но не скрываютъ, что главною причиною ихъ бѣгства было безводіе и безхлѣбіе [1]). Каковы были послѣдствія посольства Кемаль-мурзы, объ этомъ ничего нѣтъ у крымскихъ историковъ, которые говорятъ только, что ханъ съ своими войсками преслѣдовалъ отступавшихъ русскихъ до м. Читъ-Кыръ; татаре же его нашли хорошую поживу, уводя въ плѣнъ отсталыхъ русскихъ воиновъ и подбирая брошенную второпяхъ бѣжавшимъ непріятелемъ золотую и серебряную посуду [2]).

Лехно же, описывая событіе совершенно сходно съ татарскими историками, присовокупляетъ однако еще такую подробность насчотъ мирной сдѣлки, будто бы состоявшейся между воевавшими сторонами. „Тогда они (русскіе, или Мошковы)“, пишетъ Лехно, „послали къ хану и обязались заплатить ему сокровищами золота и серебра за то, что онъ ихъ не будетъ преслѣдовать... Они же отступили по направленію къ великой рѣкѣ Узу... Но достигнувъ берега рѣки и напившись ея воды, они отступились отъ своего слова и не заплатили того, о чемъ условились съ Крымскимъ ханомъ“ [3]). Что Лехно склоненъ преувеличивать, это мы знаемъ изъ того, что слухъ о дерзкомъ письмѣ Сахыбъ-Герая къ Ивану IV превратился у него уже въ фактъ полона московскаго

---

[1]) Семь планетъ, 193—195; Кр. Ист., 174 v.—76 r. [2]) Ibidem. [3]) Op. cit., 9.

царя Крымскимъ ханомъ [1]). Такъ и здѣсь: одна только молва о какихъ-то переговорахъ между враждебными лагерями формулирована у Лехно въ опредѣленныя условія уже состоявшейся будто бы сдѣлки. Эти, дѣйствительные или мнимые, переговоры породили потомъ цѣлый процессъ, возбужденный противъ князя В. В. Голицына за измѣну, вслѣдствіе которой онъ будто бы безпричинно покинулъ Крымъ, не довершивъ похода. Къ розыскному дѣлу приложены подлинныя письма на татарскомъ языкѣ, именуемыя по старинной терминологіи „прелестными", какихъ-то двухъ татаръ, игравшихъ роль парламентеровъ—Карамана Кутлу-беева съ русской стороны и Батыръ Бій-гильдыева съ крымской [2]). Внѣшность формы и почерка, равно какъ и свойства языка этихъ писемъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что первое изъ нихъ есть работа какого-то московскаго толмача, не совершенно владѣвшаго татарскимъ языкомъ, а два другихъ суть произведенія настоящаго канцелярскаго стиля, бывшаго въ употребленіи въ Крымѣ. Тожество имени ханскаго посланнаго для переговоровъ - въ слѣдственныхъ показаніяхъ *Кемана* и у крымскихъ историковъ—*Кемаля*—كمال—, а также нѣкоторыя частности въ показаніяхъ подьячаго Матвѣя Шошина [3]), подтверждаемыя свидѣтельствами крымскихъ истори-

[1]) См. выше, стр. 625 [2]) Письма эти напечатаны, подъ моею редакціею, въ издаваемыхъ Археографическою Коммиссіею «Розыскныхъ дѣлахъ о. Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ» въ т. III, стр. 962—966. [3]) Напримѣръ, Матюшка Шошинъ показывалъ, что «какъ де ханъ отъ государевыхъ полковъ поворотился, и его де, Матюшку, послалъ съ мурзою своимъ съ Батырь-агою къ турскому салтану; да съ нимъ же послалъ полоняниковъ—2-хъ человѣкъ боярскихъ людей, да 3-хъ человѣкъ казаковъ. А турскій де салтанъ въ то время выступилъ войною противъ цесаря римского, и стоятъ де въ своихъ мѣстахъ у города Софіи» (Loco cit., 971—972). По свидѣтельству крымскихъ историковъ, у татаръ, послѣ удаленія русскихъ, на широкой равнинѣ Гьенишъ-оба—كنكش اوبه—происходило совѣщаніе, на которомъ они сдѣлали такое постановленіе: «Необходимо», «сказали они, «увѣдомить падишаха (т. е. турецкаго сул-

ковъ, показываютъ, что переговоры точно происходили, и притомъ по почину русскаго главнокомандующаго, который, видя неизбѣжность отступленія вслѣдствіе ужасныхъ для многолюдной арміи свойствъ степной мѣстности, хотѣлъ спасти честь русской арміи въ глазахъ татаръ, придавъ этому отступленію видъ послѣдствія дипломатической сдѣлки, удовлетворяющей честолобіе воюющей стороны. Противники же князя, впослѣдствіи взводившіе разныя клеветы на него, истолковали и этотъ маневръ князя Голицына какъ актъ злостной государственной измѣны, хотя ясныхъ мотивовъ къ этой измѣнѣ ни изъ дѣла, ни изъ другихъ историческихъ памятниковъ не обнаруживается.

Отдѣлавшись благополучно отъ одного непріятеля, Селимъ-Герай-ханъ двинулся противъ другого, а именно противъ цесарцевъ, зимовавшихъ въ Ускюбѣ. Ханъ сразился съ ними близъ Качанака—قچناق—[1]).

Ханъ и тутъ отличился: несмотря на большія потери въ рядахъ своихъ, татаре разбили австрійцевъ, захвативъ большую добычу и плѣнныхъ. Въ числѣ послѣднихъ крымскіе историки называютъ *Герсека*—هرسك—, превративъ титулъ „герцогъ“ въ личное имя [2]). У турецкаго же историка Рашида-эфенди этотъ важный плѣнникъ названъ قاربوز

тана) вопервыхъ объ этой великолѣпной побѣдѣ, а вовторыхъ о скоромъ отправленіи татарскаго войска въ августѣйшую армію», и послали утромъ же немедленно туда нѣсколькихъ почтенныхъ людей изъ улема и эмировъ съ восмью московскими полонянинками (Семь планетъ, 193; Кр. Ист., 76 r.). Такое совпаденіе двухъ разнородныхъ свѣдѣній не можетъ быть приписано простой случайности.

[1]) Семь планетъ, 197; Кр. Ист., 76 v. Г. Говордзъ называетъ этотъ географическій пунктъ *Kapchak*, но не говоритъ, на какомъ основаніи (Op. cit., 564). Впрочемъ и въ исторіи Крымскихъ хановъ, переведенной Казимирскимъ, тоже стоитъ *Captchak* (Journ. As., XII: 445). Про Гаммера же г. Говордзъ напрасно говоритъ, что будто бы у него вмѣсто этого значится Ускюбъ: у него есть и *Katschanik* (а только не *Kapchak*) само по себѣ, и *Uskub* само по себѣ (Gesch. d. Osm. R., VI: 548—549). [2]) Семь планетъ, 197; Кр. Ист., 76 v.

—Карпозъ, или Карпузъ, который былъ просто предводитель хайдуцкихъ бандъ, но коронованъ нѣмецкимъ цесаремъ подъ именемъ короля комановскаго. Этотъ знаменитый человѣкъ, будучи взятъ въ плѣнъ въ Ускюбѣ, былъ посаженъ на колъ на ускюбскомъ мосту [1]).

Вернувшись побѣдителемъ прямо въ Адріанополь, Се-

---

[1]) Рашидъ, I: 160 r. Это странное имя до сихъ поръ не разгадано, несмотря даже на справки, сдѣланныя Гаммеромъ въ вѣнскомъ военномъ архивѣ. Между тѣмъ оно дало поводъ османскому поэту Сабиту-эфенди въ панегирической касыдѣ въ честь Крымскаго хана сдѣлать каламбуръ, воспользовавшись созвучіемъ этого имени съ турецкимъ словомъ قاربوز «арбузъ» (Гюльбуни-хананъ, 67; Gesh. d. Ch. d. Krim, 168), въ родѣ того какъ передъ послѣднею нашею восточною войною турки сочинили каламбуръ на слово *протоколъ*, найдя его похожимъ на турецкое *пуртукалъ*— پرتقال—«апельсинъ». Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что *карпузъ* есть какое-нибудь искаженіе наподобіе того, какъ титулъ «*герцогъ*» принятъ же турками за собственное имя, благо это слово напоминаетъ собою выраженіе *геръ сикъ*— هر سك—«всякая собака». Въ свое время, читая исторію Фундуклулу, я не обратилъ вниманія тамъ на сомнительное имя, но, сколько помнится мнѣ, тамъ вмѣсто *карпузъ* стоитъ *карлузъ* — قارلوز—. У того же Фундуклулу, въ описаніи продолженія той же кампаніи говорится, что въ Бѣлградѣ командовалъ зять австрійскаго императора, какой-то *Бирфишъ*, который перешолъ съ войскомъ во французскіе предѣлы чрезъ Рейнъ: باشلق ايله بلغراده مستولى اولان چاساردامادى بارفيش نام كافر دخى نمچه عسكرينه سر عسكر اولوب راين صويندن فرانجه طرفنه كچمش ايكن (Фундуклулу, II: 314 v.). Затѣмъ у него же далѣе сказано, что сынъ Селимъ-Герая, царевичъ Азаматъ-бей, выгналъ изъ Букареста «нѣмецкаго генерала *по имени Кейзера*»—خيذرنام (Ibidem, 319 v.). И Рашидъ-эфенди, перенесшій мѣсто пораженія австрійцевъ изъ Валахіи въ Трансильванію, тоже говоритъ о скверпавцѣ-главнокомандующемъ со стороны нѣмецкаго цесаря по имени Хэйзеръ—نمچه چاسارى طرفندن حيذرنام سردار مردار (Рашидъ, I:164 r). Тутъ, очевидно, непонятное турецкимъ историкамъ нѣмецкое *Kaiser*, равносильное употребительному у нихъ چاسار—«цесарь», превращено имя въ собственное имя. Подобнымъ образомъ Фундуклулу говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи про Петра Великаго, что онъ отправился въ свою резиденцію, въ городъ *Столицу*—دار الملكى اولان استوليچه شهرينه—(Фундуклулу, IV: 28 v.)

лимъ-Герай-Ханъ, само собою разумѣется, еще болѣе теперь чувствовалъ свое превосходство. Но, какъ видно, онъ не былъ эгоистъ и жаденъ, потому что по его просьбѣ болѣе нежели сорока человѣкамъ чингизскаго происхожденія назначено было годового жалованья—кому десять юковъ акчэ, кому пять юковъ, самое же меньшее—одинъ юкъ. Мало того: онъ даже нѣсколькихъ слугъ своихъ подѣлалъ двухъ-бунчужными пашами; болѣе чѣмъ половинѣ крымской челяди своей выпросилъ—кому зіъаметъ, кому тимаръ, кому жалованье, и, по смыслу изреченія: „Человѣкъ рабъ благодѣяній", привязалъ этимъ къ себѣ народъ свой, съ которымъ онъ всегда обращался хорошо, ласково [1]). И ему со стороны Порты и султана не было ни въ чемъ отказа. Когда онъ еще передъ тою кампаніею заболѣлъ, а потомъ, немного поправившись, прибылъ въ Порту, чтобы повидаться съ султаномъ, то, кромѣ обычныхъ почестей и подарковъ, ему были отпущены изъ казны, во вниманіе къ его слабому здоровью, рессорный экипажъ - آصمه عربه —, паланкинъ со всѣмъ съ конями и лошаками; да еще былъ къ нему прикомандированъ главный цирульникъ Насухъ-челеби [2]). Когда же, возвратившись изъ кампаніи, онъ прибылъ въ Стамбулъ 2-го ребіъу-ль-эввеля 1102—4 декабря 1690 года, то снова помѣщенъ былъ на дачѣ прежняго верховнаго везиря, казненнаго КараМустафа-паши, близъ Эюба, на всемъ казенномъ иждивеніи и при полной меблировкѣ отъ казны, а потомъ высочайшимъ указомъ ему пожалованъ былъ для жительства садъ Сіявешъ-паши близъ плаца Давудъ-паши [3]).

Но любезность обхожденія Селимъ-Герая со своими подданными и привязанность ихъ къ нему, о которыхъ свидѣтельствуетъ историкъ Мухаммедъ-Герай, не спасли его однако же отъ нареканій, и довольно серьозныхъ, со стороны

---

[1]) Тарихи Мухаммедъ-Герай, 22 v. и 23 r. [2]) Фундуклулу. III: 15 r. и v. [3]) Фундуклулу. III: 22 v.

татарской знати, когда татарское войско терпѣло страшныя бѣдствія отъ стужи, снѣга и мокрети въ Трансильваніи [1]).

Вскорѣ послѣ этого изъ Крыма пришло къ хану донесеніе о томъ, что, по свѣдѣніямъ, добытымъ отъ плѣнныхъ языковъ, съ наступленіемъ весны польскій король въ союзѣ съ московскимъ царемъ намѣрены пойдти на Крымъ. „Ты въ Стамбулѣ", говорилось въ донесеніи, „а сынъ твой съ крымскимъ войскомъ въ Трансильваніи. Страна пуста; неоткуда придти войску на помощь намъ. Если тебѣ нужно ханство, то поскорѣй приходи сюда, а иначе владѣніе попадетъ въ руки непріятеля. Ханъ впалъ въ страхъ отъ такого поведенія татаръ. „Если пойду, они убьютъ меня", предполагалъ онъ и, дѣлая видъ, что намѣренъ отправиться, просилъ позволенія остаться, а потомъ и совсѣмъ сталъ отказываться отъ ханства, ссылаясь на свою старость и болѣзненность. Собраніе турецкихъ сановниковъ отвѣчало, что оно не желаетъ ни его отрѣшить, ни другого кого на его мѣсто назначить; когда же онъ настаивалъ на своемъ, то ему сказали, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ самъ же выбралъ себѣ преемника. При этомъ его спросили: „Не будетъ ли пригоденъ воспитанный подъ твоимъ руководствомъ старшій сынъ твой калга Девлетъ-Герай-султанъ?"—„Да", отвѣчалъ ханъ, „онъ распорядительный, умный и храбрый богатырь, способный исполнить принятую на себя обязанность, но только онъ, по молодости лѣтъ, слишкомъ подвижной натуры. Вамъ же теперь нуженъ старый человѣкъ, который бы годился въ отцы". Онъ рекомендовалъ проживавшаго въ деревнѣ Агаджларъ близъ Ямболу Сеъадетъ-Герая, потерявшаго лѣвый глазъ въ битвѣ подъ Каменцомъ, того самаго, на котораго жаловался нашъ посолъ Таракановъ [2]).—„Человѣкъ онъ прекрасный, который не будетъ манкировать службою государству; если его сдѣлаете ханомъ, то хорошо: другого же я

[1]) См. выше, стр. 410—411. [2]) См выше, стр. 599—600.

не могу взять на свою шею", сказалъ Селимъ-Герай. Верховный везирь доложилъ обо всемъ султану, и Сеъадетъ-Гераю послана была высочайшая грамота о назначеніи его на ханство [1]). А онъ, прибывъ въ Стамбулъ, тотчасъ отправился на дачу къ хану.—„Вы," спрашиваетъ онъ, „изволили насъ звать къ себѣ?"—„Да, я тебя велѣлъ привезти затѣмъ, чтобы назначить на мѣсто себя ханомъ."—„Прости Господи! что я за низкій, чтобы мнѣ сѣсть на твое мѣсто! Я и помыслить объ этомъ не могу."—„Такъ какъ я надѣюсь отъ тебя услуги, то ради этого устранилъ сына своего, крашекъ печени своей, и съ полнымъ удовольствіемъ избралъ тебя. Государственные министры тоже нашли тебя достойнымъ. Если ты хочешь отъ меня благословенія, то принимай (назначеніе)."—Тотъ поцѣловалъ его стопу и принялъ. Потомъ онъ повидѣлся съ верховнымъ везиремъ. Послѣдовало обычное съ ногъ до головы облаченіе, и его помѣстили въ сарай Хызръ-паши близъ Совукъ-чешмэ на казенномъ иждивеніи. На другой день онъ былъ представленъ султану, который его встрѣтилъ такими словами: „А, добро пожаловать! Мои министры доложили мнѣ о твоей доброкачественности, и я жалую тебя Крымскимъ ханствомъ. Да благословитъ тебя Богъ! Твои предки съ моими предками хорошо жили другъ съ другомъ и, благодаря ихъ единодушію, когда хотѣли, мстили врагамъ вѣры. Ты тоже, опоясавшись поясомъ ревности, служи, радѣя о моемъ августѣйшемъ благополучіи". Новонареченный ханъ былъ облаченъ какъ подобаетъ; 20 человѣкамъ свиты его были розданы халаты. Верховный везирь, тоже получившій при этомъ случаѣ награду, задалъ въ бишик-ташскомъ сараѣ хану пирушку, а на другой день состоялась вторичная, прощальная аудіенція его у султана [2]).

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что отреченіе

---

[1]) Фундуклулу, III: 27 r. & v. [2]) Фундуклулу, III: 27 r.—28 v.

Селимъ-Герая было не совсѣмъ добровольное, а тѣмъ менѣе причину его слѣдуетъ усматривать въ сантиментальной грусти его по сынѣ Азаматъ-Герáѣ, умершемъ во время австрійскаго похода, какъ ее усматриваютъ крымскіе историки, а за ними также Гаммеръ [1]) и Говордзъ [2]), по словамъ которыхъ, ханъ, узнавши о смерти сына, такъ былъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ, что пожелалъ искать утѣшенія въ удаленіи отъ дѣлъ и въ благочестивомъ подвигѣ путешествія къ святымъ мѣстамъ, а потому и сталъ проситься въ отставку [3]). Чтобы подтвердить такое объясненіе отставки Селимъ-Герая, авторъ Краткой Исторіи старается выставить значеніе потери, понесенной ханомъ, и донельзя превозноситъ доблести умершаго сына. „Азаматъ-Герай-султанъ", говоритъ онъ, „по храбрости былъ единственный, въ мужествѣ и благородствѣ былъ несравненный, а потому до нашихъ дней когда вспоминаютъ о немъ, то называютъ его или *Бегадыръ* Азыматъ-Гераемъ, или *Медвѣдь* Азаматъ-Гераемъ. Доброе имя его и потомъ сохранилось доселѣ [4]).

Будучи вызванъ въ Порту изъ похода, Селимъ-Герай не тотчасъ же сталь проситься въ отставку, а когда, должно быть, до него дошли слухи о недовольствѣ въ его войскѣ и о тѣхъ вышеприведенныхъ рѣчахъ на его счотъ, которыя пришлось выслушать калгѣ его. Татарс, будучи сами по природѣ своей грубаго и строптиваго нрава, пробывъ долгое

[1]) Op. cit., 169. [2]) Op. cit., 565. [3]) Семь планетъ, 197; Кр. Ист., 77 г. [4]) Въ текстѣ сказано: كه بهادر عظمت كراى وكه ايو عظمت كراى ديو الى يومنا هذا دللرده ياد اولنوب صوكنده ايو آدى قالدى (Крат. Ист., 77 г). Тутъ слово ايو можно читать и понимать двояко: или *айы* «медвѣдь», или *эйи* «хорошій». Опредѣленнаго произношенія установить нельзя, потому что въ другихъ источникахъ нѣтъ для этого данныхъ. Авторъ же Краткой Исторіи и въ другихъ мѣстахъ приводитъ имя Азаматъ-Герая съ эпитетомъ ايو систематически: напр. на листѣ 73 v. тоже читаемъ: سليم كراى اولادندن ايو عظمت كراى.

время въ сообществѣ съ буйною османскою арміею и насмотрѣвшись на ея самовольство и требовательность, не могли еще болѣе не развить въ себѣ своей природной строптивости и пренебреженія къ какой бы то ни было дисциплинѣ. Селимъ-Герай понималъ это и когда увидѣлъ расходившіяся страсти своихъ подданныхъ, то не ждалъ отъ этого для себя ничего добраго и счолъ за лучшее устраниться. Въ такую смутную пору онъ не надѣялся, чтобы и сынъ его могъ управиться, и рекомендовалъ Сеъадеть-Герая, котораго историкъ Мухаммедъ-Герай, его племянникъ, характеризуетъ такимъ образомъ: „Это былъ человѣкъ средняго роста, одноглазый, русобородый, наполовину сѣдой; огненнаго нрава, видомъ Марсъ, ничьего мнѣнія, кромѣ своего собственнаго, не одобрявшій, гордый и немилосердый; но онъ былъ популяренъ среди людей своимъ богатырствомъ. Кöпрюлюзадэ Мустафа-паша выбралъ этого Сеъадеть-Герая себѣ нарочитымъ другомъ и помощникомъ и самымъ сердечнымъ любимцемъ" [1]).

Значитъ, выборъ Селимъ-Герая былъ основательный: крутой нравъ и энергія Сеъадеть-Герая II (мартъ—декабрь 1691 г.) отвѣчали обстоятельсгвамъ времени, близость же къ умному и популярному верховному везирю ручались за государственный смыслъ Сеъадета и за то, что онъ будетъ имѣть хорошую поддержку въ Портѣ.

Но надежды не сбылись, благодаря нѣкоторымъ случайностямъ. Въ оправданіе своей несудьбы Сеъадеть-Герай приводилъ потомъ Мухаммедъ-Гераю дурное предзнаменованіе, которое случилось съ нимъ во время его отправленія на ханство. „Когда мы выѣхали изъ Стамбула", разсказывалъ Сеъадеть-Герай, „ханскій санджакъ былъ переданъ въ руки одному вѣрному и сильному нашему слугѣ. Но только вдругъ

---

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 32 г.

лошадь этого знаменоносца споткнулась, такъ что санджакъ чуть-чуть-было не опрокинулся. Тогда я отдалъ его другому и сказалъ: „Ты не ѣзжай шибко". Не очень много мы проѣхали, какъ лошадь его кувырнулась внизъ головой, и малый съ санджакомъ очутился подъ нею. Тогда мнѣ пришло па мысль, что это недобрый знакъ. Такъ оно и вышло" [1]).

Такъ какъ въ эту пору у Турціи тянулись непрерывныя войны, то Сеъадетъ-Гераю, при самомъ же назначеніи его въ ханы, было наказано собрать все татарское и ногайское войско и идти на помощь султанской арміи [2]). „Но онъ", пишетъ Фундуклулу, „самъ по себѣ былъ простой человѣкъ: не былъ, какъ другіе ханы, богатъ, не славился представительностью, свитою и помпомъ. У крымцевъ повсюду начались такіе разговоры: „Боже, куда же это дѣвались теперь крымскіе султаны, что крымскій престолъ достался такому слѣпцу?!" Они заодно съ ногаями, черкесами и кумыками согласились совсѣмъ не оказывать ему повиновенія и послушанія. Какъ бы то ни было, однако же онъ кого изъ крымскихъ и буджакскихъ татаръ упросилъ, кого изрубилъ саблей, а кое-какъ да набралъ десять тысячь татаръ. Намѣреваясь собирать войско, онъ двигался медленно и потому въ тотъ день какъ онъ, пройдя черезъ Валахію, пришолъ къ Желѣзнымъ воротамъ на Дунаѣ, онъ услышалъ вѣсть о томъ, что исламское войско уже потерпѣло пораженіе. „Коли пришолъ на пиръ въ то время, когда яства убраны, то оставайся голодный", говорится. Бери, пожалуй, въ руки два камня и колотись ими; но что толку изъ этого? Претендовать на геройство еще не значитъ оказывать дѣйствительную услугу истинной вѣрѣ" [3]).

Крымскіе же историки все приписываютъ чрезмѣрной крутости характера Сеъадетъ-Герая. Такъ, ему наговорили

---

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 32 v. [2]) Ibidem. [3]) Фундуклулу, III: 60 r. & v.

о мнимыхъ замыслахъ противъ него калги Девлетъ-Герая, и онъ его тотчасъ смѣнилъ и тѣмъ, конечно, вооружилъ его противъ себя. Самъ онъ оставался одно время въ Баба-дагѣ, а потомъ въ Татаръ-бунарѣ, раздавая подарки ногайцамъ, чтобы снискать ихъ расположеніе; новаго калгу Джиганъ-Герая послалъ въ Крымъ за войскомъ. Затѣмъ во время прохожденія чрезъ Валахію онъ крайне жестоко наказывалъ татаръ за мародерство, обрѣзывая имъ носы и уши и колотя ихъ дубиною, чѣмъ придалъ силы своимъ противникамъ, которые всю медленность марша приписали небрежности хана и возстановили противъ него покровителя его, верховнаго везиря Кöпрюлю-задэ Мустафа-пашу. Когда диванскій катибъ былъ посланъ къ нему отъ хана съ объясненіемъ, то привелъ его въ еще большее озлобленіе, такъ что онъ сперва велѣлъ его посадить на гауптвахту, а потомъ на другой день отослалъ обратно безъ всякаго письма и отвѣта [1]). Верховный везирь, въ самомъ дѣлѣ, долго и тщетно поджидалъ къ себѣ татарскаго вспомогательнаго войска у Асланкамина— اسلانقمين —близъ Варадина; наконецъ вынужденъ былъ вступить въ бой съ нѣмецко-мадьярскимъ войскомъ и былъ убитъ въ этомъ сраженіи 21 августа 1691 года. [2]).

Историкъ Мухаммедъ-Герай представляетъ дѣло нѣсколько иначе. Онъ говоритъ, что такъ какъ татаре производили грабежи въ Валахіи, то верховный везирь написалъ объ этомъ письмо къ хану и просилъ валашскаго воеводу Константина провести ихъ тайными путями. Но ханскіе аги были будто бы подкуплены воеводою, которому хотѣлось, чтобы татарское войско не подоспѣло на помощь къ османцамъ. Получивъ по 5-ти по 10-ти кошельковъ, аги водили татаръ туда и сюда, и они опоздали, а потомъ ужь услышали, что османцы разбиты, и самъ верховный везирь погибъ въ бит-

---

[1]) Семь планетъ, 200—201; Кр. Ист., 78 г. & v. [2]) Рашидъ, I: 173—174 г.

вѣ. Онъ тщетно прождалъ прибытія татарской помощи, съ грустью говоря: „А еще Крымскій ханъ-то мой особенный любимецъ!“ — قریم خانی مخصوص چراغمدر —. Въ Бѣлградѣ Коджа Халиль-паша, Джаъферъ-паша, Гуманъ-кяшъ-паша и прочіе паши встрѣтили хана съ почотомъ; но тотчасъ же среди разговоровъ, ничуть не стѣсняясь, каждый изъ нихъ повелъ рѣчи съ примѣсью намековъ и порицанія, въ родѣ такихъ, напримѣръ: „Что это вы до сихъ поръ не приходили? Вы пришли, какъ говорится, „уже послѣ разрушенія Басры“, когда дѣло уже было кончено!“ [1]).

А тутъ еще отъ недостатка провіанта и отъ воды появились болѣзни и смертность въ татарскомъ станѣ, и татаре стали разбредаться. Нѣкоторые изъ извѣстныхъ ногайскихъ мурзъ подъ Бѣлградомъ пришли къ автору записокъ, Мухаммедъ-Гераю, и сообщили ему по секрету, что войско непремѣнно разстроится, съ тѣмъ чтобы онъ увѣдомилъ объ этомъ своего дядю, хана. Мухаммедъ-Герай дважды принимался писать тезкерэ, но хазинедарь-баши Османъ-эфенди задерживалъ посланныхъ, говоря, что не слѣдуетъ разглашать такихъ вещей. По прибытіи же въ Ак-Керманъ, татарскіе вельможи устроили сходку, страшно на ней ругались и наконецъ отъ лица всѣхъ классовъ крымскаго населенія отправили въ Порту просьбу дать имъ другого хана [2]).

Въ эту пору уже не было вживыхъ и султана Сулеймана II, который умеръ 26 рамазана 1102 = 23 іюня 1691 г. Кöпрюлю-задэ Мустафа-паша, покровитель хана, тоже, какъ сказано, убитъ въ сраженіи, и довѣріемъ новаго султана Ахмеда II (1691—1695) пользовался верховный везирь Коджа Али-паша Арабаджи — „Тележникъ“, прозванный такъ за то, что велѣлъ отставленнаго агу Двери Счастія Исмаиль-агу отправить изъ Адріанополя въ Стамбулъ на телегѣ, чего

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 33 v.—35 r. [2]) Ibidem, 38 r. & v.

прежде никогда не было въ обычаѣ при дворѣ султанскомъ [1]). Историкъ Мухаммедъ-Герай такъ отзывается о немъ: „На верховновезирское мѣсто былъ назначенъ, по внушенію нэдимовъ, Арабаджи Али-паша, человѣкъ пошлый, низкій, настоящій турокъ“ [2]). Ханъ посылалъ-было въ Порту извинительное письмо въ своей запоздалости съ Хаджи Бегадыръ-агою, въ которомъ онъ говорилъ: „Извините: Богъ дастъ, весною отомстимъ адожителямъ-гяурамъ“. Бегадыръ-ага являлся съ письмомъ къ верховному везирю, но тотъ только насмѣялся надъ нимъ [3]). По свидѣтельству Фундуклулу, когда султанъ разгнѣвался на Сеъадетъ-Герая и захотѣлъ дать ему отставку, то верховный везирь, этотъ лукавый старикъ, взявши отъ Сафа-Герай-султана, который былъ калгою при Мюрадъ-Гераѣ въ вѣнскомъ походѣ, взятку въ 30,000 гурушей, доложилъ падишаху, что только онъ пригоденъ для того, чтобы править ханскую службу, и просилъ за него. Нѣсколькихъ изъ своихъ сообщниковъ, внѣшнихъ и внутреннихъ (по положенію при дворѣ), и также взяточниковъ, онъ заставилъ говорить то же, что и онъ. Получивъ согласіе падишаха, онъ привезъ Сафа-Герая и велѣлъ его помѣстить въ домѣ Исхака-эфенди на Атъ-базарѣ. Въ первыхъ числахъ ребіъу-ль-ахыра въ пятницу между первыми двумя молитвами представилъ его падишаху въ собственномъ его кіоскѣ. Когда онъ, съ высочайшаго соизволенія, сѣлъ у подножія трона, падишахъ сдѣлалъ ему большое наставленіе и внушеніе, сказавъ: „Я тебѣ жалую Крымское ханство и надѣюсь, что ты будешь служить правдою. Я посмотрю на тебя. Не будь подобенъ твоему предшественнику: не давай татарскому войску обижать райю. Я не питаю благорасположенія къ тиранству. Если будешь служить съ благожеланіемъ ко мнѣ, то удостоишься разныхъ моихъ милостей; въ противномъ же случаѣ ты потерпишь отъ меня наказаніе. Съ верховнымъ

[1]) Рашидъ, I: 179 r. [2]) Op. cit., 38 v. [3]) Ibidem, 39 r.

везиремъ будь въ согласіи. Въ томъ мое слово. Отъ назначеннаго пункта не уклоняйся". Затѣмъ послѣдовало обычное одѣванье новонареченнаго хана и вторичная, прощальная аудіенція, на которой новый ханъ получилъ 10,000 золотыхъ „на сапоги", ханскую грамоту на свое имя съ собственноручнымъ султанскимъ росчеркомъ и отправился по назначенію. Отставного же хана Сеъадетъ-Герая сослали на островъ Родосъ [1]). Въ упомянутыхъ нами еврейскихъ замѣткахъ сказано, что „Сеъадетъ-Герай, не доѣхавъ до Крыма, вернулся изъ Ак-Кермана, а на его мѣсто избрали Сафа-Герая". Оно, дѣйствительно, не ясно, успѣлъ ли Сеъадетъ-Герай въ званіи хана побывать въ Крыму: повидимому, онъ дальше буджакскихъ кочевій своихъ ногайскихъ подданныхъ не проѣзжалъ, безуспѣшно комплектуя татарскую вспомогательную рать для турецкой кампаніи. Русское же правительство входило въ сношенія съ Сеъадетъ-Гераемъ чрезъ посредство Мазепы, который посылалъ къ нему гонца сказать, что если онъ хочетъ мира, то пусть отправляетъ посла въ Москву [2]). Единственный ярлыкъ этого хана, въ которомъ упоминается о приходѣ посла отъ гетмана барабашскаго, и который, вѣроятно, былъ отвѣтомъ на означенное посольство, писанъ въ Ак-Керманѣ, мѣстопребываніи хана— حل قرارکاهمز بولغان اقکرمانده [3])--. Такимъ образомъ Сеъадетъ-Герай числился въ ханскомъ званіи всего только 10 мѣсяцевъ, считая съ назначенія его въ джемазіъу-ль-ахырѣ 1102 = въ мартѣ 1691 года до мѣсяца ребіъу-ль-ахыра 1003 = до конца декабря того же 1691 года, или до начала января слѣдующаго 1692 года, когда послѣдовало назначеніе Сафа-Герая. Сеъадетъ-Герай прожилъ въ заточеніи довольно долго и умеръ въ шеввалѣ 1106 = въ янв.-февр. 1705 года на островѣ же Родосѣ, гдѣ и схороненъ [4]).

---

[1]) Фундуклузу. III: 60 v.— 61 r.; Рашидъ, I: 177 r. [2]) Соловьевъ, XIV: 176. [3]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 293, стр. 765. [4]) Кр. Ист., 79 r; Гюльбуни-хананъ, 76—77. Въ «Ассебъу-с-сейяръ», и въ печатномъ

Сафа-Герай-ханъ I (дек. 1691—окт. 1692) былъ сынъ Сафа-Герай-султана, внукъ Селяметъ-Герай-хана I. Крымскіе историки, сообщая родословную его, объясняютъ причину, почему онъ былъ названъ этимъ именемъ. Онъ родился чрезъ 40 дней послѣ смерти своего отца, въ память котораго и нарекъ его отцовскимъ именемъ дядя его Бегадыръ-Герай-ханъ I, воспитавшій при себѣ этого мальчика [1]).

Сафа-Герай добился ханскаго трона, благодаря содѣйствію верховнаго везиря Арабаджи Али-паши, котораго историки честятъ напропалую. Фундуклулу, напримѣръ, всякій разъ какъ говоритъ о немъ, называетъ его не иначе какъ „старымъ лукавцемъ, исполненнымъ коварства и лживости", употребляя относительно его выраженія въ родѣ слѣдующаго: وزير حيانتى وكذب اختيار ايدوب [2]). И про самого Сафа-Герая этотъ историкъ прямо говоритъ, что онъ „сдѣлался ханомъ за взятку въ 50 кисетовъ акчэ, данную имъ прежнему верховному везирю, старому лукавцу" [3]).

Но протеже былъ не лучше своего покровителя: оба одинъ другого стоили. Не даромъ же, когда изданъ былъ султанскій ферманъ о ссылкѣ низверженнаго Арабаджи Али-

---

изданіи (стр. 202), и въ рукописномъ кодексѣ (л. 137 г.) время смерти Сеъадетъ-Герая отнесено къ 1150—1738 году; но это, кажется, ошибка, такъ какъ и безъ того онъ умеръ пятидесяти лѣтъ отъ роду, а тогда бы надо было еще прибавить 44 года къ его жизни; а на такое замѣчательное долголѣтіе обратили бы вниманіе и другіе историки.

[1]) Семь планетъ, 203; Кр. Ист., 79 г., Гюльбуни-хананъ, 77.—Гаммеръ, зная очень хорошо генеалогію Сафа-Герая, ибо воспроизводитъ ее въ своей исторіи Турціи (Gesch. d. Osm. R., VI: 568), потомъ преспокойно говоритъ про него, что онъ былъ «aus dem unechten Stamme der Tschobangerai», довѣряя словамъ Кантемира. Вмѣсто того чтобы опровергнуть это неточное извѣстіе Кантемира, онъ довольствуется исправленіемъ другой его неточности—что будто бы Сафа-Герай былъ «der einzige Sohn aus der Familie Tschobangirai» (Ibid., 575), самъ признавая, слѣдовательно, что это былъ уже второй потомокъ означенной боковой линіи. Эта ошибка Кантемира, являясь у Гаммера еще и самопротиворѣчіемъ, повторена имъ и въ позднѣйшемъ трудѣ его—*Gesch. d. Ch. der Krim* на стр. 172. [2]) Фундуклулу, III: 65 г. [3]) Ibidem., 96 г.

паши на островъ Родосъ, гдѣ уже сидѣлъ въ заточеніи раньше сосланный туда Сафа-Герай по окончаніи своей кратковременной позорной карьеры, то въ этомъ ферманѣ было такое обращеніе къ Али-пашѣ: جزيرهٔ ردوسه وار خان چراغكه مشرف اول =„Ступай на островъ Родосъ, будь въ любезномъ сообществѣ съ своимъ любимцемъ—ханомъ!“ [1]). Если это обращеніе и не есть подлинная фраза изъ султанскаго указа, а импровизація самого историка, цитующаго ее, то все же она отлично характеризуетъ тѣсное соотношеніе этихъ двухъ личностей и наглядно показываетъ намъ, какъ положеніе дѣлъ въ Портѣ и личныя свойства ея государственныхъ дѣятелей сейчасъ же отражались и на ходѣ дѣлъ Крымскаго ханства.

Сафа-Герай есть въ нѣкоторомъ родѣ типическая личность среди Крымскихъ хановъ. Если мы раньше встрѣчали между ними людей честолюбивыхъ, которые тягались изъ-за родового старшинства, дозволяя себѣ при этомъ жестокости и насилія; если иные изъ нихъ, не пользуясь благоволеніемъ Порты, зато были популярны у себя въ Крыму, блюдя, сколько позволялъ имъ ихъ политическій смыслъ, интересы своихъ отечественныхъ владѣній, то Сафа-Герай является олицетвореннымъ отрицаніемъ всего порядочнаго—и фамильныхъ интересовъ, и мѣстныхъ отечественныхъ традицій, и даже просто всякой чести и совѣсти: это былъ герой наживы и барышничества. Вотъ какъ о немъ отзывается его же родственникъ, Мухаммедъ-Герай. „Сафа-Герай-ханъ-бенъ-Сафа-Герай-султанъ былъ жадный, завистливый, гнусный ханъ. Онъ однажды держалъ на откупѣ коптскую поголовную подать. Нѣсколько разъ принимался за торговлю: то торговалъ трапезундскимъ мыломъ, то скупалъ и продавалъ рыбу. Это былъ человѣкъ, не стыдившійся своихъ дѣяній: ему было нипочемъ, ради добычи денегъ, употреблять всякія притѣсненія,

---

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай. 44 v.

на какія только хватало силъ его... По прибытіи въ Бахчи-Сарай, древнюю столицу чингизидовъ, онъ тотчасъ же предался разгулу, пьянству: другихъ серьозныхъ заботъ для него не существовало" [1]). Не лучше этого честитъ Сафа-Герая и Фундуклулу, изображающій его въ такихъ краскахъ: „Такъ какъ это былъ пьяница и человѣкъ съ загребущими лапами, то какъ только онъ прибылъ въ Крымъ, онъ тотчасъ же началъ тянуть деньги съ богатыхъ вельможъ, а тѣхъ, которые не давали, казнить и ссылать, такъ что большинство изъ нихъ, покинувъ страну, бѣжали. Такимъ способомъ онъ собралъ большую казну. За такое его поведеніе жители страны, ширинскіе и ногайскіе беки, отвратились отъ него, такъ что, когда наступила пора военной экспедиціи, никто не шолъ къ нему" [2]).

Мы же съ своей стороны можемъ прибавить, что низкія качества Сафа-Герай-хана, вѣроятно, унаслѣдованы имъ отъ отца своего, бывшаго нур-эд-диномъ при Бегадыръ-Герай-ханѣ I. (1637—1641). Въ числѣ татарскихъ документовъ, изданныхъ г. В.-Зерновымъ, есть два отрывка, представляющіе, надо полагать, черновыя грамотъ царя Михаила Θеодоровича, посланныхъ въ Крымъ—одной къ калгѣ Исламъ-Герай-султану, а другой, кажется, къ самому нур-эд-дину Сафа-Гераю. Въ первой содержится только общая жалоба царя Михаила Θеодоровича на дурное обращеніе съ его посланниками Иваномъ Фавстовымъ и Иваномъ Ламакинымъ [3]). Во второй же подробно описываются всѣ тѣ истязанія, какимъ подвергали русскихъ пословъ по приказанію Сафа-Герай-султана, вымогавшаго отъ нихъ подарки. Вотъ тутъ-то какъ разъ и упоминается въ числѣ другихъ пытокъ и сажаніе истязуемыхъ на деревянную кобылу для правежа [4]),

---

[1]) Op. cit., 40 v. & 41 r. [2]) Фундуклулу, III: 96 r. [3]) В.-Зерновъ, Матеріалы, № 316. Этотъ документъ безъ конца. [4]) Ibidem, № 317, стр. 802.

что потомъ крымскими историками приписано было, какъ мы видѣли, Мюрадъ-Герай-хану, а самый способъ пытки превращенъ ими въ шутовскую издѣвку надъ русскимъ посломъ, котораго будто бы на деревянной кобылѣ таскали по базарамъ [1]).

Сафа-Герай-ханъ, оказывается, предвидѣлъ, какъ отнесется къ нему крымское народонаселеніе, и тѣмъ не менѣе однако же шолъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ поступать такъ, какъ онъ и поступалъ на самомъ дѣлѣ. Проѣзжая въ Крымъ чрезъ Румилію, онъ встрѣтился съ проживавшимъ тамъ въ окрестностяхъ Ямболу отставнымъ ханомъ Мюрадъ-Гераемъ. А ему уже наказано было собрать войско, чтобы отправляться въ походъ съ верховнымъ везиремъ Хаджи Али-пашою. Въ разговорѣ Мюрадъ-Герай между прочимъ спрашивалъ его: „А что, неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, приняли на себя обязательство присоединиться къ побѣдоносной августѣйшей арміи со ста тысячами татаръ изъ Крыма? Вѣдь это не возможно!“—„Да, принялъ, лишь бы сдѣлаться ханомъ: этою сѣтью хитрости мы поймали дичинку своихъ желаній“, отвѣчалъ ему Сафа-Герай съ циническою откровенностью [2]).

Когда въ Бакчэ-Сарай прибылъ гонецъ Юсуфъ-ага съ высочайшею грамотою, содержавшею приглашеніе въ походъ, Сафа-Герай кое-какъ собралъ изъ крымцевъ и ногайцевъ тысячь десять войска, прибѣгнувъ къ разнаго рода обѣщаніямъ, ласкамъ, хитростямъ и даже насиліямъ. Но когда пришли къ границамъ Валахіи, то они всѣ закричали: „Мы не хотимъ такого взяточника, угнетателя и насильственника хана; мы не идемъ съ нимъ въ походъ!“ и вознамѣрились уйдти обратно. Ханъ и Юсуфъ-ага начали ихъ уговаривать: „Вы бросьте эту химеру и возвратитесь на путь свой; а иначе вы будете мятежниками передъ Богомъ и падишахомъ; жоны ва-

---

См. выше стр. 599. [2]) Семь планетъ, 203; Кр. Ист., 79 v.

ши будутъ разведены, а вы сами явитесь гяурами, такъ что дана будетъ фетва на ваше истребленіе!" Но было безполезно. Когда это дошло до слуха верховнаго везиря, то онъ послалъ къ татарскимъ аянамъ для примиренія сторонъ находившагося въ султанской арміи Ибширъ Хасанъ-агу. Онъ настигъ бросившихъ хана и возвращавшихся въ Крымъ татаръ, собралъ ширинскихъ и ногайскихъ бековъ на совѣтъ; но сколько ни упрашивалъ ихъ, они ни на что не согласились, не вернулись и разбрелись во всѣ стороны. Ибширъ-ага пришолъ и все разсказалъ хану. А ханъ на это говоритъ: „Если придетъ отъ падишаха высочайшая грамота съ утвержденіемъ меня на ханствѣ, такъ я этихъ всѣхъ перебью!" Ханъ поручилъ Ибширъ-агѣ передать это верховному везирю, а верховный везирь послалъ его доложить все какъ было султану. Когда же султанъ спросилъ его: „А ручаешься ли въ томъ, что татарское войско, вернувшись, окажетъ повиновеніе хану, а не то что, напавши, убьетъ его самого?", то онъ смолчалъ. Движеніемъ татарскаго войска руководили бывшіе въ Крыму дѣти и приверженцы Хаджи Селимъ-Герая. Силихдарь Черкесъ Османъ-ага былъ его рабъ и любимецъ; съ каиммакамъ-пашою у него ужь лѣтъ тридцать длились давнишнія связи. Согласившись опять сдѣлать его ханомъ, Черкесъ Османъ-ага черезъ нѣсколько дней, взявъ съ собою каиммакама, шейху-ль-ислама обоихъ казы-эскеровъ, явился въ Алай-кѣшкъ и имѣлъ свиданіе съ падишахомъ. Для вида онъ стоялъ на сторонѣ хана и опять поддерживалъ его просьбу о подтвердительной грамотѣ. Султанъ же повторилъ прежвія свои слова и вышелъ. Въ ту пору какъ разъ явился кетхода капыджіевъ Черкесъ Юсуфъ-ага, пошолъ къ каиммакамъ-пашѣ и сказалъ: „При Сафа-Гераѣ осталось только 2000 лейбъ-гвардіи; въ походъ идти онъ никакъ не въ состояніи; со сраму не знаетъ, что ему дѣлать, вернулся въ Буджакъ и шляется какъ бродяга; другого средства нѣтъ, какъ только смѣнить его". Каиммакамъ согласился съ нимъ и послалъ его пересказать

все падишаху; а самъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, представилъ на ханство Селимъ-Герая. На основаніи изданнаго высочайшаго указа въ тотъ же день старшему мирахору Исмаиль-агѣ было поручено пойдти и привезти Селимъ-Герая изъ Чаталджи. И въ самомъ дѣлѣ, когда четвертаго сефера 1104=15 окт. 1692 г. пришла вѣсть о его прибытіи въ деревню Искендерійе близъ Адріанополя, каиммакамъ съ сановниками встрѣтили его тамъ и устроили угощеніе. Онъ былъ боленъ горячкою, и объ этомъ было доложено высочайшему Стремени. Тогда для осмотра его милостиво былъ посланъ джеррахъ-баши (старшій лекарь) Нухъ-челеби. Этотъ сказалъ падишаху, что опасности нѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ прибылъ въ паланкинѣ и остановился въ отведенномъ ему сараѣ прежняго верховнаго везиря Кара Мустафа-паши на всемъ казенномъ иждивеніи. 10-го числа во вторникъ каиммакамъ привезъ его въ Алай-кёшкъ и представилъ падишаху. Когда онъ, съ высочайшаго соизволенія, по обычаю сѣлъ насупротивъ султана, то султанъ держалъ такую къ нему рѣчь: „Добро пожаловать, милости просимъ! Тяжела, поди, была дорога? Такъ какъ мнѣ извѣстно твое радѣніе о вѣрѣ и Державѣ и прямота во всѣхъ отношеніяхъ, то я пожаловалъ тебѣ Крымское ханство. Я надѣюсь, что ты мнѣ окажешь еще большую услугу, нежели моимъ братьямъ. Какъ можно скорѣе сдѣлай приготовленія и слѣдомъ же ступай, собери татарское войско и будь наготовѣ въ Буджакѣ; смотря потому, съ какой стороны покажется непріятель, и ты двигайся. Нынѣшній годъ ужь время прошло. Богъ дастъ, будущею весною со всѣмъ, какое только въ состояніи будешь выставить, татарскимъ войскомъ присоединяйся къ моей августѣйшей арміи. Коли, по моему желанію, послужишь ко благу истинной вѣры, то сдѣлаешься предметомъ моей благосклонности свыше твоихъ ожиданій“. Затѣмъ послѣдовала церемонія облаченія, вторичная, прощальная аудіенція и награж-

деніе подарками не только Селимъ-Герая, но и трехъ сыновей его, тоже представлявшихся султану [1]).

Мухаммедъ-Герай приписываетъ дѣло сверженія Сафа-Герая недовольству на него самихъ крымцевъ, которые, побушевавъ на своихъ собраніяхъ, рѣшили: „Намъ такого торгаша-хана не нужно". Ктому же изъ Эдирнэ пришло письмо каиммакама Бііклы Мустафа-паши, въ которомъ татаръ приглашали вернуться восвояси и извѣщали, что изъ хаджа вернулся Селимъ-Герай, котораго и рѣшено снова сдѣлать ханомъ. Это письмо еще больше подзадорило татаръ, которые на другой же день чѣмъ-свѣтъ подняли гамъ и направились домой. Хана всячески поносили, а Сеъадетъ-Герай произнесъ при этомъ случаѣ изреченіе изъ священныхъ мусульманскихъ хадисовъ: „Кто вырылъ яму брату своему, тотъ упалъ въ нее самъ". Ханъ послалъ вдогонку за удалявшимся татарскимъ войскомъ уговариватъ его вернуться: сулилъ бекамъ и мурзамъ тысячи обѣщаній, говоря: „Все, что вы желаете, будетъ исполнено, только прекратите мятежъ этотъ!" Но они и слушать ничего не хотѣли. Мало того: по прибытіи въ Крымъ тотчасъ написали прошеніе, съ изображеніемъ низкихъ качествъ хана и съ категорическимъ заявленіемъ нежеланія служить такому хану, и за всеобщею подписью отослали въ Порту. Когда каиммакамъ доложилъ эту просьбу султану, послѣдній будто бы сказалъ: „Человѣкъ, о дурныхъ качествахъ котораго свидѣтельствуетъ цѣлая область, долженъ быть худой человѣкъ: не станутъ же всѣ улема и почтенные мужи лгать!" Затѣмъ султанъ спросилъ посланца: „Кого же народъ вашей страны желаетъ? О комъ дали порученіе?"—Тотъ отвѣчалъ: „Султанъ мой вѣдаетъ. Но теперь самый отличный и превосходный изъ всей чингизской фамиліи—это Эльхаджъ Селимъ-Герай-ханъ. Народъ весь имъ

[1]) Фундуклулу, III: 96 v.—97 v.

доволенъ. А впрочемъ вамъ лучше знать".—Тогда послано было въ Кады-кёй привезти Селимъ-Герая въ Стамбулъ, а въ Ак-Керманъ отправленъ былъ капыджи-баши за Сафа-Гераемъ, чтобы его оттуда препроводить на о. Родосъ, гдѣ онъ снова занялся торговлею и составилъ себѣ большой капиталъ [1]). Впослѣдствіи времени, по ходатайству Девлетъ-Герай-хана, его освободили отъ заточенія, и онъ поселился близъ Карынъ-абада въ мѣстечкѣ Кулагузлу, гдѣ и умеръ въ джемазіъу-ль-ахырѣ 1115 = въ окт. 1703 года [2]).

Назначенный въ третій разъ ханомъ Селимъ-Герай I, побывавъ во время своей отставки въ Меккѣ на богомольѣ, является теперь на историческомъ поприщѣ съ титуломъ *Хаджи* или *Эльхаджъ.* Итакъ Эльхаджъ Селимъ-Герай-ханъ I (1692—1699) былъ возведенъ на тронъ по требованію самихъ татаръ, нареканія которыхъ незадолго передъ тѣмъ выпудили его отречься отъ этого трона. Онъ, если вѣрить турецкому историку, и теперь не особенно прельщался ханскимъ званіемъ. Фундуклулу приводитъ такой разговоръ, происходившій между верховнымъ везиремъ Кёпрюлю-задэ Мустафа-пашою и Селимъ-Гераемъ, когда онъ былъ еще въ отставкѣ. Везирь будто бы говоритъ однажды Селимъ-Гераю: „Вотъ видишь ли ты, какъ народъ порицаетъ и злословитъ насъ, говоря про насъ такъ: „Они этого человѣка, превзошедшаго коварныхъ османцевъ ревностью и оказавшаго такія услуги, отблагодарили отставкою!"—„Нѣтъ, паша, сынъ мой!" отвѣчалъ ему ханъ: „всѣ знаютъ, что я самъ предпочолъ отставку. Жизнь моя ужь приближается къ концу, и въ семъ мірѣ нѣтъ у меня ни къ чему стремленія. Если вы желаете вознаградить меня, то пошлите меня въ хаджъ: лучшаго блага не можетъ быть. Я успокоюсь духомъ". Онъ подалъ просьбу султану и получилъ разрѣшеніе [3]).

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай. 42 г.—43 v. [2]) Семь планетъ, 204; Кр Ист., 79 v.; Гюльбуни-хананъ, 78. [3]) Фундуклулу, III: 30 v.

Ничего подобнаго тому, что разсказывается про Селимъ-Герая Сестренцевичемъ-Богушемъ, у турецкихъ историковъ не находится. А онъ пишетъ, что будто янычаре хотѣли возвести Селима на султанскій тронъ, за то что онъ „спасъ знамя вѣры, которое едва не похитили", во время одной битвы; но Селимъ будто бы отказался отъ этой чести и въ награду за все просилъ позволенія съѣздить въ Мекку" [1]). Спасеніе знамени тутъ приписано Селимъ-Гераю только по недоразумѣнію, вслѣдствіе созвучія полученнаго имъ послѣ пилигримства въ Мекку титула „Хаджи" или „Эльхаджъ" съ именемъ Хаджи-Герай-султана, который дѣйствительно отличился разъ въ битвѣ съ нѣмцами и спасъ погибавшее знамя, какъ это мы видѣли выше [2]). А такъ какъ, по словамъ Сестренцевича, именно „сія слава въ толикое привела изступленіе янычаръ, что они хотѣли возложить на него Императорскую корону", то за непринадлежностью на дѣлѣ такой славы Селимъ-Гераю не было, слѣдовательно, повода и къ небывалому предложенію ему султанской короны.

Не менѣе курьозно также замѣчаніе Сестренцевича, что дозволеніе Селиму съѣздить въ Мекку было новою милостью для татарскаго хана. „Боялись", пишетъ онъ, „чтобъ князья столь знатнаго происхожденія не возымѣли слишкомъ много удобности къ возмущенію народа и, по обладаніи городомъ, не объявили себя преемниками калифовъ" [3]). На чемъ могло основываться такое опасеніе? Какой народъ могъ пожелать татарскаго хана видѣть намѣстникомъ пророка въ Меккѣ? Принадлежность къ племени Чингиза, о которомъ на востокѣ сложились самыя несимпатичныя преданія, еще не достаточна была хану для привлеченія къ себѣ сердецъ арабовъ, которые еще и ограбили Селимъ-Герая на возвратномъ его пути изъ хаджа [4]). Эта просьба хана о дозволеніи ему

---

[1]) Исторія о Тавріи, II: 330—331. То же говоритъ и Ланглесъ (Op. cit., 421). [2]) См. выше, стр. 593. [3]) Ibidem; Langlès, Op. cit, 422. [4]) Фундуклулу, III: 31 г.

благочестиваго странствованія была дѣломъ простой вѣжливости, практиковавшейся и другими мусульманскими правителями относительно турецкаго султана. Такъ, около того же времени, 26 рамазана 1104=29 мая 1693 г. прибылъ отъ узбекскаго хана Мухаммедъ-Бегадыръ-хана посолъ въ званіи казы-эскера съ поздравленіемъ новаго султана Ахмеда II съ восшествіемъ его на престолъ, и приподнесъ султану отъ имени своего владыки подарки—экземпляръ Куръана, да нѣсколько тюрбановъ, да трехъ коней, и все это при грамотѣ, исполненной всякихъ любезностей и благопожеланій [1]). У Фундуклулу при этомъ прибавлено, что посолъ передалъ что слѣдовало султану и „по его просьбѣ былъ отправленъ въ священный хаддж" —مطلوبی اوزره حج شریفه کوندرلدی— [2]). Затѣмъ черезъ 2 года, при вступленіи на престолъ султана Мустафы II (1695—1703) опять прибылъ узбекскій посолъ съ подарками и грамотой. Въ ней уже содержалась просьба самого узбекскаго падишаха, намѣревавшагося отправиться въ священный хаддж, о разрѣшеніи ему этого путешествія, за которымъ онъ обращался къ палатѣ его величества, служителя Двухъ Святынь, падишаха, убѣжища вселенной, *изъ уваженія къ приличію* —ادبه رعایة— [3]). Само собою разумѣется, это разрѣшеніе тотчасъ и было дано султаномъ.

Время ханствованія Эльхаджъ Селимъ-Герая въ третій разъ довольно богато событіями. Самое его назначеніе было вынуждено стѣсненнымъ положеніемъ Порты, находившейся тогда въ войнѣ почти одновременно съ Австріей, Польшей и Россіею и крайне нуждавшейся въ военной поддержкѣ Крыма. Оттого-то едва только Селимъ-Герай добрался до своихъ владѣній, какъ уже получилъ изъ Порты обычную посылку—кафтанъ, саблю, лукъ и 70,000 червонцевъ деньгами съ при-

---

[1]) Фундуклулу. III: 106 v.; Рашидъ, II: 185 r. [2]) Loco cit. [3]) Рашидъ, I: 211 r.

глашеніемъ выступить въ походъ. Оттого-то онъ предсѣдательствуетъ во всѣхъ военныхъ совѣтахъ, и его голосъ выслушивается съ почтеніемъ. Турецкій главнокомандующій льститъ себѣ тѣмъ, что позволяетъ себѣ называть хана „братъ нашъ“—قرنداشمز—.Селимъ-Герай умѣлъ говорить съ своими крымцами. Онъ напомнилъ имъ сперва о томъ, какой былъ вредъ рабамъ Божіимъ оттого, что „нѣсколько лѣтъ уже, какъ татарскія войска, сходясь вмѣстѣ съ войсками ихъ величествъ, султановъ дома Османова, не были однако же во взаимномъ согласіи, и дѣло у нихъ не шло успѣшно“. Потомъ онъ сказалъ: „Въ этотъ разъ, слава Богу, оба войска опять вмѣстѣ, и впредь постарайтесь сослужить службу достойную требованій вѣры и Державы!“ [1]). Татаре воодушевились, перешли Дунай и двинулись къ Бѣлграду. Возвращаясь на зимовку, ханъ имѣлъ обычный пріемъ у султана въ Адріанополѣ [2]), а потомъ черезъ два мѣсяца вернулся въ Крымъ [3]).

Но вскорѣ война возобновилась, и хана опять стали звать участвовать въ ней. Между тѣмъ уже въ Крыму стали носиться слухи о завоевательныхъ замыслахъ русскихъ, имѣвшихъ цѣлію крымскія владѣнія. Слухи эти такъ встревожили крымцевъ, что они, узнавши о полученномъ изъ Порты приглашеніи ихъ идти помогать туркамъ, подняли ужасный ропотъ и протестъ противъ этого приглашенія. „Какъ можно хану бросать свою страну теперь“, кричали они, „когда ей ежеминутно угрожаетъ вторженіе такого страшнаго врага, какъ московцы, которые, раздѣлившись на три отряда, идутъ одною партіею въ 180,000 на Дуганъ, другою—въ 200,000 направляются въ самый Крымъ, а съ третьею партіею самъ краль ихъ [4]) осаждаетъ Азовъ!“ Ханъ думалъ-было выказать усердіе къ Портѣ и говоритъ: „Нельзя же мнѣ не

[1]) Фундуклулу, III: 112 r. [2]) Ibidem, I: 127 v.; Рашидъ, II: 191 v. [3]) Рашидъ, I 192 r. [4]) Разумѣется Петръ Великій.

идти на помощь вѣрѣ и Державѣ. Воля Божья, а я повинуюсь приказу государеву". Тогда собраніе подняло шумъ и закричало: „Коли вы пойдете, такъ мы войска не дадимъ. Если вы пойдете одинъ, такъ мы найдемъ себѣ другого хана!" Ханъ однако же уступилъ, и рѣшено было послать кого-нибудь изъ султановъ съ нѣкоторою частью войска [1]). Набрали слишкомъ 10,000 человѣкъ и послали подъ начальствомъ Шегбазъ-Герай-султана.

Шегбазъ-Герай, сынъ Селимъ Герая, отличился не хуже другихъ въ этой кампаніи въ началѣ 1695 года, опустошивъ непріятельскія земли до самаго Львова. Онъ прислалъ въ Порту донесеніе о своихъ побѣдахъ и препроводилъ при этомъ въ видѣ трофеевъ большое крестообразное знамя, двѣ пушки и языка, который подъ угрозою смерти обращенъ былъ въ исламъ и нареченъ Шагинъ-Мухаммедомъ [2]). Султанъ дотого былъ восхищенъ подвигами Шегбазъ-Герая, что будто бы хотѣлъ сдѣлать его ханомъ, да только везпри отсовѣтовали, сказавъ, что „надо почтить чувство отца его Селимъ-Герая", такъ что дѣло ограничилось пожалованіемъ храброму царевичу двухъ арендъ изъ собственныхъ его величества доменовъ [3]).

Не довольствуясь такими блестящими услугами ханскаго сына, Порта все-таки продолжала осаждать самого хана вызовами его самого къ участію въ военной экспедиціи. Событія этого времени такъ шли быстро, что, при недостаточности точныхъ хронологическихъ датъ у турецкихъ и татарскихъ историковъ, трудно установить очередную послѣдовательность подробностей ихъ. Мы знаемъ, что въ началѣ того же 1695 г. Петромъ I былъ объявленъ походъ на Крымъ [4]). Вѣсть объ этомъ дошла, разумѣется, до татаръ. Она дотого устраши-

---

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 57 г.—58 г. [2]) Семь планетъ. 223; Фундуклулу, III: 180 v. [3]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 60 г.; Семь планетъ, 222—223. [4]) Соловьевъ, XIV: 223.

ла крымскихъ вельможъ, что имъ теперь было не до турецкой кампаніи. Они по прочтеніи султанской грамоты, приглашавшей хана въ походъ, рѣшили на совѣтѣ послать отказъ отъ участія въ нѣмецкомъ походѣ турковъ. Написали просьбу и отправили ее съ Абду-ль-Керимомъ-эфенди, на котораго кстати уже возложено было порученіе принести султану поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ и представить по этому случаю подарокъ, состоявшій изъ черкесскихъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Посолъ этотъ поѣхалъ моремъ вмѣстѣ съ Османъ-агою [1]), который былъ присланъ изъ Порты къ Селимъ-Герай-хану съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ новаго султана, Мустафы II (1695—1703) [2]).

Одновременно съ этимъ и азовскій комендантъ доносилъ Портѣ о замыслахъ московцевъ противъ Азова и Крыма и препроводилъ туда на подводахъ русскихъ плѣнниковъ. Любопытно, что пока посланникъ крымскій ѣхалъ въ Стамбулъ, верховный везирь Сюрмели Али-паша былъ отрѣшонъ, и плѣнники, предназначавшіеся ему въ подарокъ отъ хана, достались теперь его преемнику Алмасъ Мухаммедъ-пашѣ [3]).

Но ни прошеніе, ни подарки не помогли горю крымцевъ: хотя просьба ихъ и была принята благосклонно, но такъ какъ султанъ намѣревался лично отправиться въ походъ, то въ шаъбанѣ 1106 = въ мартѣ-апрѣлѣ 1695 г. въ Бакчэ-Сарай былъ посланъ Ференгъ Османъ-ага со вторичнымъ приглашеніемъ хана въ походъ и обычными при этомъ подарками [4]). А между тѣмъ возвратившійся изъ калмыцкаго посольства Марданъ-Али привезъ извѣстіе о сборахъ и приготовленіяхъ русскихъ къ нападенію на Азовъ и вторженію въ самый Крымъ. Вскорѣ разнеслась въ Крыму вѣсть, что будто бы на Азовскомъ морѣ уже показались русскіе кораб-

---

[1]) Семь планетъ, 223; Кр. Ист., 87 г. [2]) Фундуклулу, III: 171 г. [3]) Кр. Истор., 87 v. [4]) Семь планетъ, 224; Кр. Ист., 87 г.

ли. Встревоженные крымцы слышать не хотѣли о предъявленномъ имъ пригласительномъ ярлыкѣ. Первый возвысилъ голосъ протеста ширинскій миръ-лива Онъ-Тимуръ, прочіе присоединились къ нему. Тогда Селимъ-Герай прибѣгъ къ хитрости: онъ посредствомъ новыхъ ярлыковъ своихъ объявилъ князьямъ, что онъ ихъ приглашаетъ собраться къ нему въ Бакчэ-Сарай вовсе не съ цѣлью разсуждать о походѣ а, напротивъ, посовѣтоваться, какъ бы разстроить весь планъ. Когда же они собрались къ нему, то онъ устно разъяснилъ имъ смыслъ султанскаго указа и вообще уговорилъ ихъ, такъ что они, сколько вначалѣ ни протестовали, подъ конецъ согласились съ нимъ, но только просили повременить еще хоть мѣсяца два отправленіемъ въ злополучный походъ, пока выяснится истинное положеніе дѣлъ. Оно и выяснилось: замыслы московскаго царя напасть на Крымъ и Азовъ, а союзника его гетмана—двинуться къ Очакову, стали очевидны. Но въ то время какъ ханъ и крымцы, узнавъ объ этомъ, находились въ остолбенѣніи, пришолъ новый султанскій указъ съ требованіемъ немедленной явки хана съ войскомъ въ турецкій лагерь. Крымцы стали, конечно, упираться. Ханъ собралъ кое-какія силы и въ мѣсяцѣ зи-ль-каъдэ 1106 = іюнѣ-іюлѣ 1695 года выступилъ. Добравшись до мѣстечка, именуемаго Ялгызъ-агачъ, онъ сдѣлалъ остановку, съ тѣмъ чтобы понабрать еще войска въ окрестностяхъ, какъ въ это время стали являться гонецъ за гонцомъ изъ Гази-Кермана, съ береговъ Днѣпра, съ извѣстіемъ о близкомъ нападеніи русскихъ на означенную крѣпость. Тогда ханъ отряжаетъ своего каиммакамъ-агу съ нѣсколькими султанами и опытными воякам на помощь, обнадеживъ жителей крѣпости скорымъ прибытіемъ султанскаго флота съ многочисленнымъ войскомъ, а самъ отправился далѣе. Русскіе 5 зи-ль-хыдджэ подошли къ р. Коюнъ-сую [1]). Орскій комендантъ, Сеъ-

[1]) 29 іюня стараго стиля (Соловьевъ. XIV: 222)

адетъ-Герай прислалъ хану письмо, въ которомъ извѣщалъ его о появленіи самого царя. Нур-эд-динъ Шагинъ-Герай, да ширинскій мир-лива и другіе военачальники были посланы на помогу Гази-Керману. Немного погодя пришло извѣстіе объ осадѣ Азова и страшномъ подъ нимъ побоищѣ, при чемъ главноначальствующій русскихъ назвапъ „братомъ московскаго чacapя". Черезъ два дня хану доносятъ, что московцы напали на паланку Шахъ-Керманъ, недалеко отъ Гази-Кермана; что мусульманское войско, въ ожиданіи помощи, отступило въ Ак-кöль; что, по развѣдкамъ шпіоновъ, русскіе направляются къ Гази-Керману и находятся уже около Сасыкъ-чокрака, о чемъ и дано знать сигнальными выстрѣлами въ Гази-Керманѣ. Изъ опасенія вторженія непріятеля въ самый Крымъ, на защиту узкаго прохода Чекчекэ назначенъ былъ нур-эд-динъ съ своимъ штабомъ, а для охраны прохода Чонгара—эмиры изъ рода ширинскаго; знатнѣйшій же изъ этихъ послѣднихъ Абду-ль-Азизъ-мурза отряженъ для развѣдокъ и захвата языковъ. Съ 22 того же мѣсяца — 17 августа впродолженіе 8 дней русскіе подъ начальствомъ боярина Шереметъ-оглу (Шереметева) тщетно осаждали Гази-Керманъ, не причиняя вреда сидѣвшимъ въ крѣпости своею бомбардировкою, такъ что послѣдніе капитулировали добровольно, все-таки опасаясь насильственнаго взятія крѣпости непріятелемъ. При этомъ будто бы русскіе не соблюли условій капитуляціи, взявъ въ плѣнъ жителей и разграбивъ ихъ имущество. Въ то же время буткальскіе козаки овладѣли, послѣ жаркихъ стычекъ, паланками Нусретъ-Керманомъ, Мубарекъ-Керманомъ и Шахъ-Керманомъ, такъ что жители двухъ послѣднихъ паланкъ со страха разбѣжались, а Залымъ Мустафа-ага нѣкоторыхъ переловилъ и посадилъ въ ферахъ-керманскую крѣпость, напрасно томя ихъ этимъ заключеніемъ. Татаре тщетно ратоборствовали подъ Гази-Керманомъ и наконецъ, сообщивъ о своихъ неудачахъ хану, сожгли неудобный къ подъему провіантъ въ Шахъ-Кер-

манѣ и вернулись восвояси, порѣшивъ двигаться туда, откуда будетъ угрожать вторженіе въ ихъ собственные предѣлы. А буткальскіе козаки тѣмъ временемъ выжгли татарскія жилища въ предмѣстьѣ Кылъ-буруна, затѣмъ на лодкахъ добрались до мѣстечка Картъ-Казакъ близь Ферахъ-Кермана и въ мѣст. Байларѣ прижали орскаго каиммакама Закярья-агу и взяли въ плѣнъ 10 человѣкъ мусульманъ. Какъ только объ этомъ услышалъ калга Сеъадетъ-Герай, тотчасъ же сдѣлалъ наборъ по 1 человѣку съ дома и послалъ на защиту Ферахъ-Кермана [1]).

Историкъ Мухаммедъ-Герай такъ изображаетъ переполохъ крымскихъ татаръ, охватившій ихъ при извѣстіи о наступленіи русскихъ къ предѣламъ ихъ владѣній. Вгорячахъ, говоритъ онъ, татаре, не зная, что имъ дѣлать, хотѣли-было перерѣзать всѣхъ содержавшихся у нихъ въ плѣну козаковъ; но нѣкоторые опытные и благоразумные люди посовѣтовали повременить, сказавъ: „Сперва надо идти противъ окаянныхъ гяуровъ и съ ними сразиться, употребивъ всѣ наши усилія; а когда ужь не станетъ нашей мочи, то перерѣзать находящихся въ нашихъ рукахъ колодниковъ дѣло не трудное". Съ этимъ цѣлесообразнымъ мнѣніемъ и согласились. Все населеніе Крыма стало на ноги: къ улема, шейхамъ, благочестивцамъ, рыночникамъ, торговцамъ, горожанамъ и деревенцамъ обращались возгласы бирючей съ приглашеніемъ всѣхъ, кто есть изъ порядочныхъ людей, собираться около хана. Шейху-ль-исламъ, знаменитый Хасанъ-эфенди взошолъ на возвышенное мѣсто и произнесъ передъ татарскимъ ополченіемъ цѣлую проповѣдь на тэму о томъ блаженствѣ, какое ожидаетъ падшихъ за вѣру на полѣ брани. Рѣчь шейху-ль-ислама привела всѣхъ въ экстазъ. Самъ онъ, схватившись за лукъ, съ крикомъ „Аллахъ! Аллахъ!" первый бросился на гяуровъ, и вслѣдъ за нимъ устремилась вся

---

[1]) Семь планетъ, 227—229; Кр. Ист., 88 r.—88 v.

мусульманская рать [1]). Хорошо, что у непріятеля пушки были, говоритъ историкъ, полны воды вслѣдствіе дождя, такъ что ни одна не стрѣляла, а то бы не устоять-было противъ его превосходящихъ силъ. Битва была прервана на нѣкоторое время переговорами, начинавшимися со стороны русскихъ, но, вслѣдствіе ихъ вѣроломства, возобновилась опять. Въ концѣ концовъ русскіе отступили и двинулись по направленію къ Дугану [2]).

Не много отрады доставило извѣстіе отъ Гази-Герай-султана о побѣдѣ, одержанной имъ надъ козаками подъ начальствомъ Мазепы въ польскихъ предѣлахъ, полученное въ началѣ мѣсяца зи-ль-хыдджэ = въ половинѣ іюля 1695 года [3]), ибо русскіе вознаградили свои неудачи взятіемъ кр. Дугана, или понашему Тагана. По этому случаю Селимъ-Герай-ханъ прислалъ въ Порту письмо, въ которомъ онъ, изображая паденіе Дугана и отчаянное положеніе Азова, высказываетъ такія соображенія относительно значенія подобныхъ потерь въ будущемъ не только для Крымскаго ханства, но и для самой Отоманской имперіи, которыя дѣлаютъ честь исторической прозорливости этого дальновиднаго татарина. „Послѣ этого“ (т. е. послѣ паденія Дугана)“, пишетъ Селимъ-Герай, „судьба Азова зависитъ отъ престола Всевышняго: другого средства не осталось, какъ только молиться о Его помощи и заступленіи. А только цѣль злоумышленій этого непріятеля не одинъ Азовъ. Онъ велѣлъ выстроить сто кораблей, вмѣщающихъ въ себѣ по пятидесяти человѣкъ стрѣлковъ, и готовится къ нападенію съ моря. Если великій Господь не откажетъ Азову въ своей милости и благоволеніи и защититъ его отъ вра-

---

[1]) Авторъ не обозначаетъ мѣста, гдѣ происходило описываемое имъ сраженіе, которое, по его словамъ, возобновлялось дважды; но, по моимъ соображеніямъ, онъ разумѣетъ дѣло, происходившее у Ферахъ-Кермана или вообще въ одномъ изъ ближайшихъ къ перекопскому перешейку пунктовъ. [2]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 61 v.—63 v. [3]) Фундуклулу, III: 191 r. & v.

товъ, то ладно; а если—чего Боже сохрани!—постигнетъ его бѣда, то, располагая во время надобности приготовленными для морской стороны снаряженіями, врагъ распустить знамя надъ берегами Чорнаго моря, и тогда прощай спокойствіе и безопасность анатольскаго и румилійскаго прибрежій и стамбульскаго пролива! Пограничные жители отъ страха, что весь Крымскій полуостровъ на краю погибели, въ ужасномъ смятеніи. А изъ находящихся при насъ войскъ одни говорятъ: „Въ то время когда такія крѣпости, какъ Азакъ и Дуганъ, находящіяся у порога нашихъ воротъ и составляющія ключъ владѣній исламскихъ, осаждены сильнымъ непріятелемъ, каковы московъ и барабашъ—куда же мы пойдемъ, бросивъ нашего непріятеля?!" Другіе толкуютъ: „Мы столько времени служили, жертвуя жизнью и головою, подъ сѣнію падишаха исламскаго за правую вѣру! Въ такія времена мы надѣемся на милосердіе и помощь отъ Высокой Державы, у которой ищемъ прибѣжища; а между тѣмъ на тѣ вещи, о которыхъ мы просили чрезъ своихъ представителей, для того чтобы было способнѣе нести службу, нѣтъ соизволенія; крѣпости наши разрушены; боевые посты безъ солдатъ—развѣ прилично вѣрѣ нашей уйдти во время нападенія непріятеля, побросавши жонъ и семьи наши явно въ пасти вражеской?!" Словомъ, отъ злоумышленій непріятеля противъ этихъ двухъ пограничныхъ пунктовъ и отъ недостатка потребныхъ и необходимыхъ въ дѣлѣ отраженія его предметовъ, на всѣ наши войска, до нашихъ солдатъ (сейменовъ) включительно, напало смущеніе. Изъ предѣловъ Азака и Дугана доносятся вопли, и наше бѣдствіе все возрастаетъ. Нѣкоторые изъ нихъ (войскъ) просто-таки убѣжали. Одному только Господу Богу извѣстно, какъ искренно мнѣ хотѣлось бы поскорѣе приникнуть лицомъ къ августѣйшему владычнему Стремени, и какъ я не престаю денно и нощно поддерживать духъ войска и ободрять его; но лишь только бы разнеслась вѣсть, что я, слѣдуя падишахскому указу, спѣшу приложиться къ августѣй-

шему вседержавному Стремени, между тѣмъ какъ крѣпости Азакъ и Дуганъ въ осадѣ, то на войско наше по причинѣ такой бѣды напало бы смущеніе и уныніе; и теперь уже его немного, а какъ—сохрани Богъ!—еще одной изъ упомянутыхъ крѣпостей будетъ нанесенъ ударъ, то тогда всѣ какъ есть они разбѣгутся!" [1]).

Мухаммедъ-Герай довольно подробно описываетъ осаду Тагана и говоритъ, что на помощь ему явилось нѣсколько пашей съ тимаріотами, ялы-агасы съ ак-керманскимъ отрядомъ и одинъ изъ сыновей Селимъ-Герай-хана съ ногайскимъ войскомъ. Бомбардированіе длилось цѣлыхъ 30 дней безостановочно. „Паши", говоритъ онъ," выстрѣлятъ разъ-другой, да и довольно; а куда летятъ пушечныя ядра, того никто не видитъ: пушкари-вѣроотступники вовсе и не хотѣли наносить вреда непріятельскому лагерю и стрѣляли на воздухъ; а паши, попивая себѣ кофэ да шербетъ, беззаботно проводили время въ удовольствіяхъ". Пропасть народу перебито и переранено бомбардировкою. Непріятель прислалъ парламентера для переговоровъ о сдачѣ крѣпости. Власти посовѣтовались и рѣшили капитулировать. Гарнизону былъ данъ свободный выходъ; а жителей всѣхъ полонили, подъ тѣмъ предлогомъ что, молъ, и турки также поступили при завоеваніи Каменца; ихъ заковали въ кандалы и отослали къ царю. „Паши же совсѣмъ ни о чемъ не заботясь, предавались своимъ наслажденіямъ; безъ стыда и безъ сознанія долга не помышляли о своей репутаціи и преспокойно удалились подъ звукъ своихъ барабановъ" [2]).

---

[1]) Фундуклулу, III: 199 г.—200 г. [2]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай 63 v. — 64 г. При этой статьѣ на поляхъ сдѣлана посторонней рукою приписка, что разсказъ этотъ о взятіи Тагана послѣ 30-дневной осады непріятелемъ ложенъ—یالکشلر—, потому что, сказано дальше въ припискѣ, Таганъ взятъ въ третье царствованіе Хаджи-хана, т. е Хаджи-Селимъ-Герая, въ 1006 году. Слѣдовательно вышеозначенное замѣчаніе имѣетъ въ виду исправленіе одной лишь хронологической не-

Когда совершались вышеописанныя событія, Селимъ-Герай-ханъ находился вдали отъ своихъ владѣній, подвергавшихся явной опасности отъ непріятельскаго нашествія. Нельзя этого приписать его равнодушію. Его положеніе было самое незавидное: съ одной стороны онъ, вѣроятно, полагалъ, что въ случаѣ дѣйствительнаго вторженія русскихъ онъ не въ состояніи былъ бы отразить ихъ собственными силами безъ помощи турковъ; а съ другой стороны Порта, повидимому, сперва не понимала всей важности военныхъ предпріятій русскихъ въ такихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, какъ прибрежья Азовскаго моря и даже крымскія владѣнія. А потому благочестивый ханъ-хаджи, и ктому же порядкомъ состарѣвшійся, предоставилъ все волѣ Божіей и пошолъ, куда его требовала безпечная Порта.

А между тѣмъ такія печальныя вѣсти, какъ вѣсть о взятіи русскими Дугана и о близости такой же участи Азова, произвели панику среди татарскаго войска, находившагося въ тѣ поры близъ Виддина, и оно приступило къ хану съ требованіемъ немедленно вернуться домой для защиты своихъ брошенныхъ на произволъ судьбы родныхъ пепелищъ отъ грознаго непріятеля. Дерзость разбушевавшихся мятежниковъ доходила дотого, что нѣкій Инайетъ-шахъ-мурза во время сходки вцѣпился хану въ бороду, за что впрочемъ получилъ оплеуху отъ калги, бывшаго свидѣтелемъ этой безобразной сцены. При такомъ яростномъ настроеніи массы Селимъ-Гераю ничего больше не оставалось дѣлать, какъ удовлетворить ея требованію, отправивъ желавшихъ вернуться подъ предводительствомъ калги домой въ Крымъ; самъ же онъ счолъ за лучшее продолжать дальнѣйшій путь въ султанскій лагерь въ сопровожденіи небольшого числа людей своего соб-

---

точности, а не отрицаніе самаго историческаго событія, которое описано у Мухаммедъ-Герая безъ точнаго обозначенія времени, такъ что какъ будто бы оно совершилось позднѣе 1006 года.

ственнаго отряда [1]). Къ этому-то, вѣроятно, моменту отн
сится извѣстіе Фундуклулу о прибытіи изъ Крыма Френ
Мустафа-аги съ извѣстіемъ, что ханъ спѣшитъ въ армі
пославъ его впередъ себя изъ Галаца [2]). Ханъ мотивировал
свой образъ дѣйствій тѣмъ, что, молъ, возвратъ его былъ б
сочтенъ за измѣну противъ падишаха [3]), всущности а
онъ очень хорошо видѣлъ, что при такомъ разгарѣ наро
ныхъ страстей да случись, въ самомъ дѣлѣ, крупная бѣд
въ родѣ вторженія русскихъ войскъ въ предѣлы Крыма, ем
бы не сдобровать; а потому-то онъ подобру-поздорову и уд
лился въ болѣе безопасное для себя мѣсто, въ султанскій ла
герь. Тамъ его, по обычаю, приняли съ почотомъ и тотчас
же изъ-подъ Темешвара командировали къ Лугошу на по
мощь къ Арнаудъ Махмудъ-пашѣ, которому нужна была кон
ница [4]). Сопутствовавшій хану его отрядъ поворчалъ немно
го на трудность похода и тягость требованія идти сражат
ся, не отдохнувши, но все же потомъ повиновался и пошол
по назначенію. Въ началѣ сефера 1107 — въ половинѣ сентябр
1695 года послѣдовалъ пріемъ хана въ султанской палаткѣ
угощеніе его отряда и отправка 3000 татаръ подъ командо
Бахтъ-Герая къ Лугошу [5]). Кампанія эта, въ которой погиб
извѣстный австрійскій генералъ Ветерани, совершилась въ до
вольно короткій срокъ времени и благопріятно для турков
Втеченіе ея ханъ неоднократно имѣлъ свиданіе съ султа
номъ, совѣтуясь съ нимъ насчотъ хода дѣлъ, при чемъ од
нако же всегда соблюдалась принятая на аудіенціяхъ це
ремонія, какъ объ этомъ пишетъ Фундуклулу, самъ участво
вавшій въ этомъ походѣ, состоя тогда въ султанской свитѣ [6]
По окончаніи похода ханъ вторично былъ принятъ въ торже

[1]) Семь планетъ, 229—230; Кр. Ист., 89 r. & v. [2]) Фунду
клулу, III: 200 v. [3]) Кр. Ист., 89 r. [4]) Фундуклулу, III: 208 r. [5]) Фун
дуклулу, III: 208 v. [6]) Фундуклулу, III: 211 v. & 216 r.

ственной аудіенціи и отпущенъ восвояси съ приглашеніемъ въ будущемъ году опять пожаловать съ отборнымъ войскомъ [1]).

А дома у него между тѣмъ было далеко не благополучно: хотя калга, по прибытіи въ Бакчэ-Сарай, и сдѣлалъ въ началѣ мухаррема 1107 = въ августѣ 1695 г. наборъ по два человѣка съ дыма и собранное войско отправилъ подъ начальствомъ Шагипъ-Герая на помощь Азову, осажденному русскими; хотя мусульмане и проявили тутъ чудеса геройства, такъ что, напр., одинъ Сеидъ-Хасанъ будто бы изрубилъ 80 человѣкъ русскихъ, и успѣли предупредить паденіе крѣпости, которую русскіе тщетно осаждали цѣлыхъ 90 дней, однако же явно было, что этимъ дѣло не кончилось, такъ какъ русскіе воздвигли новыя сооруженія противъ крѣпости и сдѣлали разныя другія приготовленія, съ тѣмъ чтобы весною возобновить осаду. Ханъ донесъ объ этомъ въ Порту, а въ Крыму разосланы были глашатаи съ приказомъ откармливать коней и готовить оружіе къ предстоящему весною походу [2]).

Одновременно съ этимъ была сдѣлана попытка къ миру; въ этихъ видахъ было послано къ начальнику буткальскихъ козаковъ письмо, но отвѣта на него никакого не получалось. А схваченные 5—10 человѣкъ козаковъ на допросѣ показали, что замедленіе отвѣтомъ произошло оттого, что не нашлось человѣка, который бы понималъ потурецки и могъ прочитать письмо, такъ что пришлось далеко посылать отыскивать переводчика. Эти непріятности въ соединеніи съ походнымъ утомленіемъ разстроили здоровье хана, и онъ заболѣлъ. А безъ него, сколько ни совѣтовались начальники родовъ съ царевичами, но толку было мало. Взаимное недовѣріе и подозрительность овладѣли ими и повлекли за собою прямую вражду. Шегбазъ-Герай, чтобы не быть вда-

[1]) Ibidem, 222 r. [2]) Семь планетъ, 230—231; Кр. Ист., 89 v. & 90 r.

ли отъ больного отца, на всякій случай покинулъ свой постъ сераскера черкесскаго; его мѣсто занялъ Каплапъ-Герай. Вздумали-было идти набѣгомъ на козаковъ; но теплая зима помѣшала: не было льду, и переправы были невозможны. А тутъ еще произошло несогласіе между калгою Девлетъ-Гераемъ и буджакскимъ сераскеромъ Гази-Гераемъ, и вотъ они всѣ, двинувшись въ джемазіъу-ль-эввелѣ 1107 = въ декабрѣ 1695 г., побродили по разнымъ сторонамъ, да и вернулись вскорѣ безъ всякаго результата. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь досадить своимъ непріятелямъ, татаре давай стрѣлять и рубить свиней, принадлежавшихъ гяурамъ и предназначавшихся имъ въ пищу, вслѣдствіе чего и самый походъ этотъ получилъ у нихъ извѣстность подъ именемъ „избіенія свиней“—طكوز قرانی—[1]).

Селимъ-Герай, не надѣясь, чтобы его донесеніе объ угрожающемъ поведеніи русскихъ подѣйствовало на Порту, которая попрежнему только требовала отъ хана новыхъ услугъ, но сама ничего не предпринимала для обезпеченія ни ханскихъ, ни даже своихъ собственныхъ владѣній въ Крыму и въ прилежащихъ къ нему мѣстностяхъ отъ непріятельскаго нападенія, ханъ снарядилъ и отправилъ въ Стамбулъ цѣлую депутацію изъ представителей трехъ господствующихъ классовъ крымскаго населенія. Ее составляли Инайетъ-шахъ-мурза изъ эмировъ ширинскихъ, какъ представитель родового вельможества, дефтердарь Мустафа-ага, представитель служилаго сословія капы-халкы, и шейхъ Муртаза-эфенди въ качествѣ представителя сословія улемà и настоятель текьè Чуюнджу, одного изъ главныхъ монастырей, именуемыхъ тамъ „Четыре очага“—درت اوجاق—[2]). Имъ поручено бы-

---

[1]) Семь планетъ, 231—232; Кр. Ист., 90 r. & v. [2]) У историковъ упоминаются слѣдующія сословія Крымскаго ханства: карачи-беи, ногайскіе мурзы, горожане—рыночники и купцы, и деревенцы —قراجی بکلر, میرزلر, شهرلی, طایفه تجار, اهل سوق, کویلی, اهل قرا или اهل قرا—

ло доложить Портѣ о непріятельскихъ злоумышленіяхъ относительно Крыма, о беззащитности границъ ханства, вслѣдствіе того что пограничныя крѣпости и проходы требуютъ починки, вооруженія и охраны, и потому о невозможности Крымскому хану отправляться въ походъ на нѣмцевъ. Въ ожиданіи же возвращенія депутаціи съ отвѣтомъ, въ Крыму начали-было собирать деньги на вооруженіе и плату защитникамъ крѣпостей и проходовъ, прибѣгнувъ къ продажѣ скота достаточныхъ жителей, превышавшаго ихъ обычныя въ немъ потребности; но такая патріотическо-финансовая мѣра вызвала протесты [1]).

(Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 38 r. & 62 r.; Тарихи-Челеби-задэ-эфенди, 140 v.). Они всовокупности дѣлились еще на двѣ группы. Одну составляли три высшихъ класса — карачи-беи, мурзы, капы-кулу и улема. Остальные же считались «чернью» — قره خلق —. Нѣчто среднее между ними составляли вліятельные члены послѣдняго класса, или, какъ они называются у историковъ, «люди съ голосомъ» — قره خلقك سوز صاحبارى — (Челеби-задэ, Loco citato). Дервишскихъ монастырей разныхъ тарикатовъ было много въ Крыму. Изъ нихъ большею извѣстностью и славою пользовались два ханкага — Кемаль-ата и Чобанъ-ата въ древнемъ Солхатѣ, или Эски-Крымѣ (Семь планетъ, 78—79), третій въ дер. Куделжъ, близъ Кафы (Ibid , 169, 270, 321), и четвертый въ дер. Качи (Ibid., 186). Изъ второстепенныхъ обителей упоминается ханкагъ въ дер. Сеидъ-Или, близъ Кафы (Ibid., 156). Которые-то изъ нихъ считались привиллегированными и носили общій имъ титулъ «Четыре очага». Значеніе шейховъ, т. е. настоятелей этихъ четырехъ монастырей, Сеидъ-Мухаммедъ-Риза сравниваетъ съ четырьмя столпами государственнаго престола Крымскаго ханства — كشور قريمك چار اركان سرير دولت وناظر مناظر امور سلطنت منزله سنده اولوب — (Ibid., 295). По татарскимъ преданіямъ, собраннымъ г. Хартахаемъ, эти четыре огнища будто бы суть потомки еще первыхъ татарскихъ пришельцевъ въ Крымъ, которые образовали тамъ, такъ сказать, ядро татарскаго населенія (Op. cit., 189). Но что эти четыре огнища принадлежатъ ученому, или понашему духовному, сословію, такъ это надо приписать не тому, что «у татаръ духовное званіе особенно почтено», какъ полагаетъ г. Хартахай (Ibidem), а, скорѣе, тому обстоятельству, что главари татарскихъ толпъ, или племенъ, во время ихъ прикочеванія въ Крымъ, соединяли въ своемъ лицѣ съ родовымъ званіемъ эмировъ и профессіональное званіе шейховъ, судя по нѣкоторымъ, хотя и не совсѣмъ яснымъ, историческимъ намекамъ на это (См. выше, стр. 134—135).

[1]) Семь планетъ, 232—233; Кр. Ист., 90 v.)

Другой эпизодъ, относящійся къ тому же времени и бывшій въ тѣсной связи съ изысканіемъ мѣръ защиты отъ русскаго нашествія на Крымъ, составляетъ посольство ханскаго совѣтника Масъуда-эфенди въ Персію, сдѣланное по совѣту тогдашняго верховнаго везиря Порты. Верховный везирь, разсчитывая на то, что шахи сефевидскіе тоже мусульмане и потому должны были оказать свое содѣйствіе татарамъ противъ общаго врага мусульманскаго—русскихъ, написалъ хану письмо, въ которомъ онъ рекомендовалъ ему обратиться за этимъ содѣйствіемъ къ шаху. Какъ ни непріятенъ былъ хану этотъ совѣтъ верховнаго везиря, но онъ, по уступчивости своей натуры, послѣдовалъ ему. Когда никто не хотѣлъ взять на себя трудъ посольства, одинъ Масъудъ-эфенди вызвался исполнить непріятное порученіе. Предчувствіе дальновиднаго хана сбылось: цѣль посольства не была достигнута, да еще послу пришлось натолкнуться на крупную непріятность. На аудіенціи въ Исфагани Масъуду случилось встрѣтиться съ послами узбекскимъ и русскимъ, и русскому отведено было мѣсто выше обоихъ посланниковъ мусульманскихъ. Вознегодовавшій на это Масъудъ выхватилъ саблю и хотѣлъ-было изрубить ненавистнаго соперника-гяура, но волею-неволею принужденъ былъ подчиниться необходимости, перенести униженіе [1]) и, исполнивъ долгъ посланничества, вручить ввѣренную ему грамоту, на которую не послѣдовало желаннаго отвѣта, и Масъудъ-эфенди, полный огорченія и раскаянія, въ концѣ слѣдующаго (т. е. 1108=1696—7) года вернулся въ Крымъ безъ всякаго результата [2]).

---

[1]) Въ печатномъ изданіи «Семи планетъ» смыслъ этого мѣста искаженъ неумѣстною вставкою словъ—سفیر چاساری—(Семь планетъ, стр. 234, строка 17-ая), которыхъ однако же нѣтъ въ кодексѣ рукописномъ (Рукоп. Учеб. Отд., листъ 158 г., строка 13-ая). По смыслу этой вставки, униженію-то поневолѣ подвергся посолъ «часарскій», т. е. русскій; но это не вяжется съ тѣмъ, что говорится дальше. [2]) Семь планетъ, 233—234.

Заявленіе Крымскаго хана Портѣ объ опасности, грозившей Азову, однако же принято было съ полнымъ вниманіемъ. На экстренномъ совѣтѣ въ палаткѣ верховнаго везиря говорили такъ: „Помилуй Богъ, если врагъ вѣры овладѣетъ Азовомъ! Тогда не только побережьямъ Чорнаго моря, но и самому Стамбулу не будетъ покоя. А потому хотя хану и приказано идти въ походъ (на Венгрію), но нашествіе московскаго царя съ намѣреніями противъ Азова очевидно, и ему (хану) сюда идти нѣтъ надобности: пусть пошлетъ сюда одного изъ султановъ, а самъ со всѣмъ татарскимъ войскомъ спѣшитъ на помощь къ Азову. Такъ и было доложено высочайшему Стремени“ [1]). Согласно этому мнѣнію и докладу былъ посланъ ферманъ хану о томъ, чтобы онъ прислалъ въ османскій лагерь кого-нибудь изъ сыновей, Шегбазъ-Герая или Капланъ-Герая, а самъ бы торопился идти спасать Азовъ [2]). Все это происходило послѣ 25 шевваля 1107 = 28 мая 1696 года. А ханъ, не получивъ рѣшительнаго отвѣта Порты насчотъ того, идти ему или нѣтъ, еще 20 шевалля = 23 мая двинулся въ походъ, къ Азову же послалъ сына своего, нур-эд-дина Шагинъ-Герая. А потомъ въ двадцатыхъ числахъ зи-ль-каъдэ того же года — въ іюнѣ 1696 г. туда же отправились еще трое царевичей съ войскомъ [3]). Больше всѣхъ изъ нихъ отличился Шегбазъ-Герай, который доставилъ провіантъ осажденнымъ азовцамъ и на возвратномъ пути разбилъ шайку козаковъ, частью истребивъ, частью полонивъ ихъ [4]). По полученіи же ханомъ вышеупомянутаго фермана, присланнаго съ Никдэли Али агою, 15 зи-ль-хыдджэ = 16 іюля, Шегбазъ-Герай былъ посланъ въ султанскую армію, а самъ Селимъ-Герай пошолъ къ Азову, гдѣ уже дѣйствовалъ калга и другіе царевичи съ 5000 татарскаго войска [5]).

---

[1]) Фундуклулу, III: 241 r. [2]) Ibidem; Семь планетъ, 236. [3]) Семь планетъ, 235; Кр. Ист., 91 r. [4]) Семь планетъ, 237; Фундуклулу, III: 245 r. & v. [5]) Семь планетъ, 237; Фундуклулу, III: 245 v.

Сначала татаре въ союзѣ съ турками нанесли-было русскимъ пораженіе, о чемъ ханъ и сообщилъ въ мухарремѣ 1108 г. = въ августѣ 1696 года въ Порту [1]). Но вскорѣ самъ ханъ, по прибытіи въ мѣстечко Ялапчикъ, 8 мухаррема = 7 августа получилъ извѣстіе о сдачѣ Азова русскимъ, послѣ чего онъ долженъ былъ воротиться восвояси, дорого о поохотившись по берегамъ Днѣпра [2]). 2-го сефера = 31-го августа извѣстіе объ этомъ пришло въ османскій лагерь и сообщено было верховнымъ везиремъ и шейху-ль-исламомъ султану [3]). Дѣйствительные или только подозрѣвавшіеся виновники этого печальнаго происшествія изъ пашей, посланныхъ на помогу крѣпости, получили возмездіе, состоявшее или въ смертной казни или въ конфискаціи ихъ имущества [4]).

Непріятное впечатлѣніе утраты Азова было нѣсколько ослаблено доблестными дѣйствіями сыновей ханскихъ—Шегбазъ-Герая и Сеадетъ-Герая, отличившихся въ венгерскомъ походѣ и опустошившихъ Польшу до Львова [5]), а также удачными стычками съ козацкими шайками у крымскихъ побережій и на Днѣпрѣ [6]). Ханъ и его дѣти постепенно собрались въ Бакчэ-Сарай, довольные наступившимъ перемиріемъ. Но опасенія Порты насчотъ русскихъ замысловъ были все еще такъ велики, что турецкому флоту велѣно было провести зиму не въ Стамбулѣ, какъ всегда водилось, а въ Крыму, тамъ гдѣ указано будетъ ханомъ [7]). Но флотскіе взмолились, и ханъ по добротѣ душевной самъ же выхлопоталъ въ Портѣ отмѣну этого распоряженія, къ великому ихъ удовольствію [8]).

Сами татаре дотого были напуганы невозможностью противостоять русскимъ, что непрерывно посылали жалобы на

---

[1]) Фундуклулу, III: 249 r. [2]) Семь планетъ, 238. [3]) Фундуклулу, III: 268 r. [4]) Рашидъ-эфенди, I: 227 r. [5]) Фундуклулу, III: 272 r. & 278 r. [6]) Семь планетъ, 240—241. [7]) Семь планетъ, 242; Кр. Ист., 93 r. & v. [8]) Ibidem.

свою безоружность и безпомощность, прося Порту о высылкѣ огнестрѣльнаго оружія и вспомогательнаго войска. А въ отвѣтъ на ихъ просьбы присланъ былъ ферманъ съ приказаніемъ Шегбазъ-Гераю опять отправляться съ татарскимъ отрядомъ въ султанскую армію. Крымцы просто взвыли отъ такого болѣе чѣмъ индиферентнаго къ нимъ отношенія турецкаго правительства и рѣшились обойдтись какъ-нибудь собственными средствами, вслѣдствіе чего повсюду разъѣзжали глашатаи, призывая всѣхъ къ поголовному ополченію [1]).

Къ довершенію ихъ бѣдъ имъ пришлось вѣдаться съ калмыками, которые сперва искали-было дружбы съ татарами, но были высокомѣрно отвергнуты и теперь превратились въ ихъ враговъ, становясь все дерзче и дерзче, по мѣрѣ того какъ значеніе крымцевъ все болѣе и болѣе подрывалось напоромъ русскихъ. Склонившись въ концѣ концовъ на сторону послѣднихъ и въ союзѣ съ враждебными крымцамъ ногайцами, они уже отважились сдѣлать открытое нападеніе на татаръ и причинили имъ немало непріятностей [2]).

При такихъ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ естественно было, что Селимъ-Герай-ханъ, какъ опытный человѣкъ, понимая безцѣльность дальнѣйшаго воеванія безъ надежды на успѣхъ, и самъ питалъ расположеніе къ миру, да то же хотѣлъ внушить и султану. По словамъ Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы и автора Краткой Исторіи, Селимъ-Герай-ханъ будто бы даже *„безъ приглашенія“* отправился 9 ребіу-ль-эвведя 1109 = 25 сент. 1697 года въ Порту. Достигнувъ Киліи, онъ сдѣлалъ тамъ нѣкоторыя распоряженія насчотъ зимовки и приготовленія къ набѣгу на барабашей, назначивъ главнокомандующимъ татарской рати сына своего Шегбазъ-Герая, а самъ,

---

[1]) Семь планетъ, 244. [2]) Объ этихъ сперва ладныхъ а потомъ враждебныхъ отношеніяхъ калмыковъ къ туркамъ и крымцамъ имѣются довольно подробныя свѣдѣнія какъ у Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы (Семь планетъ, стр. 224, 240, 244—246, 273 и 274), такъ и у турецкаго историка Фундуклулу (II: 276 r., 277 r. & v.; III: 89 v., 280 r., 284 v. и 304 r.).

въ сопровожденіи 15—20 человѣкъ свиты, поѣхалъ въ Адріанополь, гдѣ былъ торжественно принятъ и чествуемъ новымъ верховнымъ везиремъ Умуджэ-задэ Хусейнъ-пашою. Верховный везирь вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Селимъ-Герая, что „Миръ есть высшее изъ распоряженій" — الصلح سيد الاحكام, исдѣлалъ въ этомъ смыслѣ представленіе султану, которому оно тоже пришлось по мыслямъ, такъ что хотя верховный везирь съ ханомъ продолжали дѣлать приготовленія къ новому походу, и даже двинулись въ Бѣлградъ, а ханскіе сыновья съ сомнительнымъ успѣхомъ вели свои разбойничьи набѣги на Украину, въ скоромъ времени былъ заключенъ миръ, извѣстный подъ именемъ Карловицкаго [1]).

Мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ въ Карловицѣ въ 1698 году, впервые торжественнымъ образомъ былъ нанесенъ ударъ международному престижу Оттоманской имперіи въ Европѣ. Этому подрыву ея значенія главнымъ образомъ содѣйствовали пораженія, нанесенныя ей русскимъ оружіемъ, и вообще замѣтное усиленіе Россіи, становившееся ей небезопаснымъ. Это слѣдуетъ изъ того, что объ ускореніи заключенія Карловицкаго мира сильно хлопоталъ ханъ Крымскій, который самоличнымъ, и притомъ неоднократнымъ, опытомъ убѣдился въ возросшемъ могуществѣ сосѣда, нѣкогда бывшаго данникомъ его предковъ, а теперь наводившаго своими приступами такой страхъ на соединенныя силы крымцевъ и турковъ, что они опасались не только за цѣлость Крыма, но и самаго Стамбула. Его опасенія серьозно раздѣлялись и самимъ стамбульскимъ правительствомъ.

Перенесши столько безпокойствъ и натерпѣвшись даже личныхъ непріятностей и оскорбленій во время минувшей войны съ грозными сосѣдями, Селимъ-Герай-ханъ, какъ только добился заключенія мира, сталъ проситься въ отставку.

---

[1]) Семь планетъ, 253—257; Кр. Ист., 97 v.—98 v.

Къ этому его побуждало, надо полагать, еще и то, что онъ не чаялъ себѣ спокойствія и въ дальнѣйшее время. Сыновья такого миролюбиваго и тактичнаго отца, каковъ былъ Селимъ-Герай-ханъ, были, напротивъ, народъ строптиваго и задорнаго характера. Ханскій ярлыкъ, возвѣщавшій о наступленіи мира, не всѣми былъ встрѣченъ одинаково: люди разсудительные были рады, легкомысленные же и недальновидные, не обращая вниманія на истощеніе средствъ и разсчитывая на одну свою храбрость, кричали: „Къ чему это заключать миръ, не отмстивъ непріятелю?!“ Шегбазъ-Герай, сынъ Селимъ-Герай-хана, подъ предлогомъ охоты удалился въ Черкесію. Другой сынъ его, Гази-Герай, не получивъ извѣстія о мирѣ, продолжалъ опустошать польскія владѣнія и былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что въ силу наступившаго договора принужденъ былъ возвратить захваченныхъ имъ во время своихъ набѣговъ плѣнниковъ. Эта выдача плѣнниковъ сопровождалась потомъ немалыми волненіями въ Буджакѣ [1]). Селимъ-Герай все это, вѣроятно, предвидѣлъ и потому захотѣлъ заблаговременно избавиться отъ предстоявшихъ ему новыхъ передрягъ, добровольно сложивъ съ себя ханское званіе и рекомендовавъ на свое мѣсто сына своего Девлетъ-Герая. Просьба его въ этотъ разъ была уважена при посредничествѣ верховнаго везиря [2]).

Сестренцевичъ-Богушъ объясняетъ отреченіе Селимъ-Герай-хана отъ власти желаніемъ его доказать правдивость своего поведенія въ дѣлѣ мирныхъ договоровъ съ воевавшими державами, которая будто-бы была заподозрѣна султаномъ, посылавшимъ тайнаго агента для разслѣдованія дѣлъ на мѣстѣ. При этомъ вся интрига противъ хана приписывается продажному Далъ-Топалъ Мустафа-пашѣ, который хотѣлъ затормозить ходъ переговоровъ о мирѣ, съ тѣмъ чтобы взять

---

[1]) Семь планетъ, 257 и 258; Кр. Ист., 99 г. [2]) Семь планетъ, 258 и 259; Кр. Ист., 99 г.; Фундуклулу, IV: 69 г.

потомъ инициативу мира въ свои руки и получить съ иностранныхъ державъ куртажъ за успѣшное осуществленіе желаннаго для нихъ мирнаго трактата [1]). Но Сестренцевичъ-Богушъ ошибается: то, что онъ разсказываетъ тутъ про интриги верховнаго везиря, въ дѣйствительности вѣрно, но только оно имѣло мѣсто позже, при преемникѣ и сынѣ Селимъ-Герай-хана, Девлетъ-Гераѣ. Результатомъ замѣшательствъ, происшедшихъ въ царствованіе этого хана было, напротивъ того, четвертое, и послѣднее уже, назначеніе Селимъ Герая ханомъ. Вотъ какъ это случилось.

Недобрыя предчувствія Селимъ-Герая вскорѣ сбылись. Офиціальное его отреченіе и назначеніе Девлетъ-Герая II (1699—1703) произошло въ рамазанѣ 1110 = въ мартѣ 1699 года. Калгою былъ сдѣланъ братъ его Шагинъ-Герай, а нур-эд-диномъ другой братъ Сеъадетъ-Герай. Вскорѣ Шагинъ-Герай умираетъ, и на его мѣсто сдѣланъ былъ калгою, по желанію и волѣ султана, Шегбазъ-Герай, persona gratissima въ султанской Портѣ, благодаря столько разъ доказаннымъ военнымъ доблестямъ его [2]). Девлетъ-Герай протестовалъ противъ этого назначенія, говоря, что у него есть свой кандидатъ, который постарше Шегбаза годами, а именно Сеъадетъ-Герай, и что нарушеніе обычнаго старшинства вызоветъ въ народѣ неудовольствіе и волненіе. Но протесты хана оставлены безъ послѣдствій, и это, разумѣется, должно было породить вражду между братьями [3]). Еще и раньше того были поводы къ ихъ взаимному нерасположенію: такъ, когда въ предводители акынджи въ набѣгъ на барабашей былъ назначенъ Сеъадетъ-Герай, то народъ не принялъ этого назначенія, а просилъ дать другого царевича въ командиры. Тогда тоже назначенъ былъ Шегбазъ-Герай [4]). Выдвинутый теперь на постъ калги самимъ султаномъ, Шег-

[1]) Исторія о Тавріи, II: 333—335. [2]) Рашидъ, I: 256 r. [3]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 81 v. [4]) Семь планетъ, 254.

базъ держалъ себя относительно хана болѣе чѣмъ самостоятельно, даже высокомѣрно, отвѣчая на его предписанія касательно черкесскихъ дѣлъ въ такомъ родѣ: „Даровавшій ему ханство падишахъ и мнѣ пожаловалъ калгайство; развѣ мы сами не знаемъ своихъ дѣлъ, что онъ ежеминутно шлетъ людей съ своими приказаніями?!“ [1]). Результаты братской вражды не замедлили обнаружиться: Шегбазъ-Герай пробылъ въ Черкесіи 10 мѣсяцевъ, былъ убитъ ночью какими-то черкесами, которые явились къ нему будто бы по какому-то дѣлу и, будучи впущены въ домъ ничего не подозрѣвавшимъ царевичемъ, застрѣлили и искололи его саблями и убѣжали, никѣмъ не задержанные [2]). Турецкій историкъ Рашидъ-эфенди кратко говоритъ, что репутація Шегбазъ-Герая, какъ человѣка способнаго, была очень не по сердцу хану Девлетъ-Гераю, который вознамѣрился погубить брата и, улучивъ удобный моментъ, отравилъ его [3]). Крымскіе же историки считаютъ братоубійство дѣломъ происковъ Сеъадетъ-Герая, который, уже раньше недовольный назначеніемъ Шегбазъ-Герая калгою, отказался быть нур-эд-диномъ. Современникъ описываемыхъ событій Мухаммедъ-Герай разказываетъ, что когда, по убіеніи Шегбаза, калгою сдѣлался опять Сеъадетъ, а нур-эд-диномъ Гази-Герай, то и между ними установились холодныя отношенія. Послѣдній, возмущенный убійствомъ Шегбаза, произвелъ дознаніе на мѣстѣ въ Черкесіи. Схвачено нѣсколько черкесовъ, которые на слѣдствіи сознались, что они убили Шегбаза по приказанію Сеъадетъ-Герая и въ доказательство послѣдняго показали бумагу съ печатью Сеъадетъ-Герая. Сообщая это, авторъ присовокупляетъ: „Таковы вѣсти обращались въ устахъ народа; отвѣтственность за достовѣрность ихъ на передающихъ ихъ. Въ существѣ дѣла, подобныя вещи нерѣдко случались и при прежнихъ падишахахъ: изъ зависти сплошь и рядомъ братъ злоумышляетъ противъ брата, отецъ про-

---

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 82 г. [2]) Ibidem. [3]) Рашидъ, I: 256 r.

тивъ сына, сынъ противъ отца—тутъ нѣтъ ничего удивительнаго" [1]). А Мухаммедъ-Риза и авторъ Краткой Исторіи вчастности указываютъ, что убійство совершено было въ домѣ сына беслепейскаго эмира Тимуръ-Булата, и что убійца былъ изъ приверженцевъ Сеъадетъ-Герая, недовольнаго своимъ младшимъ братомъ за предвосхищеніе у него званія калги. Убійство это случилось въ началѣ реджеба 1111—въ концѣ декабря 1699 года [2]). Отыскавъ и уличивъ четверыхъ убійцъ Шегбаза—Токчинъ-оглу съ товарищами, Гази-герай послалъ ихъ для расправы въ Крымъ къ хану, гдѣ они подтвердили свое показаніе, что преступленіе совершено ими по внушенію Сеъадетъ-Герая. Цѣль этой отсылки была у Гази-Герая та, чтобы окончательно скомпрометировать Сеъадетъ-Герая и посѣять вражду между сыновьями Селимъ-Герая. Да и хану тоже пришлось не менѣе стыдно быть свидѣтелемъ такого гнуснаго факта въ семьѣ своей [3]).

Эта семейная драма была только прелюдіею къ дальнѣйшимъ, чисто уже политическимъ волненіямъ, которыя, впрочемъ, еще и раньше обнаружились, а теперь только окончательно разыгрались. Гази-Герай, по словамъ Рашида-эфенди, былъ человѣкъ способный и пользовался репутаціею въ военномъ дѣлѣ. Онъ тоже чувствовалъ себя небезопаснымъ со стороны хана, а потому дольше не остался въ Черкесіи, а, подстрекаемый нѣкоторыми ногайскими мурзами, собралъ около себя ногайскія полчища, совершилъ набѣгъ на Польшу, вопреки существовавшему перемирію; произвелъ тамъ грабежъ и опустошенія и открыто выступилъ противникомъ брата своего Девлетъ-Герая, отказавъ ему въ повиновеніи [4]).

Все это сдѣлалось не спроста. Оказывается, что тре-

---

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 88 г. [2]) Семь планетъ, 264 и 265; Кр. Ист., 101 г. [3]) Семь планетъ, 268—269; Кр. Ист., 102 v. [4]) Рашидъ, I: 256 г.

вожнымъ настроеніемъ Гази-Герая воспользовался ширинскій мурза Джанъ-Тимуръ, у котораго онъ ночевалъ по прибытіи изъ Черкесіи. Мурза сказалъ Гази-Гераю, что будто бы и его жизни угрожаетъ опасность. Испуганный царевичъ на разсвѣтѣ бѣжитъ въ Джанъ-Керманъ, переправляется на рыбачьей лодкѣ черезъ Днѣпръ и, явившись къ ногайцамъ, беретъ съ нихъ клятву въ вѣрности ему, а самъ клянется имъ дѣйствовать заодно съ ними. Туда же прибѣжалъ и Öнъ-тимуръ [1]) отъ преслѣдованій хана за оскорбленіе другого ширинскаго вельможи, Сары Кадиръ-шаха, племянника Селимъ-Герай-хана. Мятежники посовѣтовались и рѣшили послать въ Порту петицію о томъ, чтобы ихъ избавили отъ настоящаго хана и дали имъ другого. Прошеніе сопровождалось, для большей дѣйствительности, подарками для турецкихъ сановниковъ, состоявшими въ мальчикахъ и лошадяхъ [2]). По словамъ другихъ историковъ, мятежные ногайцы хотѣли путемъ подкупа турецкой администраціи добиться совершеннаго отдѣленія отъ Крыма, чтобы жить самостоятельно, подъ управленіемъ особаго хана или по крайней мѣрѣ губернатора отъ Порты [3]).

Въ Портѣ пришли въ ужасъ отъ такого многолюднаго смятенія, опасаясь, что вся ногайская масса можетъ двинуться къ самому Стамбулу, и повели двуличную политику: тотчасъ отправили капыджи-баши разузнать, въ чемъ дѣло, и передать хану повелѣніе расправиться съ мятежниками, а ногайскимъ депутатамъ сказали, что будто онъ посланъ съ порученіемъ увезти Девлетъ-Герая, какъ это обыкновенно дѣлалось при отставкѣ хановъ. Обнадеженные ногайцы ужь составили совѣтъ о томъ, кого имъ выбрать въ ханы на мѣсто Девлетъ-Герая: одни предлагали прежняго, Селимъ-Герая; другіе, сторонники Öнъ-Тимура, выставляли кандидатомъ

---

[1]) У Рязы: Орекъ-Тимуръ. [2]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 88 v.—92 v. [3]) Семь планетъ, 270 и 271; Кр. Ист., 103 г.

Сафа-Герая, который былъ женатъ на дочери Онъ-Тимур
но ни на комъ не остановились и рѣшили предоставить вы
боръ волѣ султана [1]).

Между тѣмъ Девлетъ-Герай собралъ войско и пошо
противъ мятежниковъ. Кромѣ того, черкесы также присл
ли вспомогательный отрядъ въ концѣ мѣсяцѣ джемазіъу-
ахыра 1112 = въ началѣ декабря 1700 г. Въ шаъбанѣ 1112 =
январѣ 1701 г. ханъ двинулся съ своимъ ополченіемъ проти
мятежниковъ, которые, обманувшись въ своихъ разсчотах
вскорѣ разсѣялись, покинувъ Гази-Герая, которому толь
что клялись въ вѣрности [2]). Во время этого мятежа Газ
Герая, къ нему неоднократно были посылаемы увѣщател
ныя письма и отъ верховнаго везиря, и отъ шейху-ль-исл
ма и, наконецъ, отъ старика-отца [3]). Когда же письмо п
слѣдняго не повліяло на сына, султанъ разсердился на С
лимъ-Герая, не вѣря, чтобы сынъ не послушался увѣщан
отца, и издалъ повелѣніе сослать его за это на о-въ Родос
Но такъ какъ они были пріятели съ верховнымъ везиремъ Х
сейнъ-пашою, то взяли да и переправили въ султанскомъ фе
малѣ слово رادوس = „Родосъ“ на سیروس = „Сересъ“. Благода
этой поддѣлкѣ, старикъ Селимъ-Герай избавился отъ морско
путешествія на Родосъ [4]). Мухаммедъ же Риза [5]) и Рашид
эфенди [6]) утверждаютъ, что переселеніе Селимъ-Герай-ха
произошло по милости сына его Девлета-Герая, который буд
бы ходатайствовалъ объ этомъ въ Портѣ, представивъ пр
бываніе своего отца близъ Высокой Державы неудобны
для собственнаго управленія. Въ Краткой Исторіи совсѣ
объ этомъ не упоминается; зато разсказывается о то
что когда Девлетъ-Герай и баба-дагскій сераскеръ Юсуф

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 91 v.—92 v. [2]) Семь планетъ, 27
273; Кр. Ист., 103 v. [3]) Семь планетъ, 271; Кр. Ист., 103 v. [4])
рихи-Мухаммедъ-Герай, 105 r. & v. [5]) Семь планетъ, 275. [6]) Ор. с
I: 256 v.

паша донесли въ Порту о положеніи дѣлъ въ Буджакѣ, то отъ султана прибылъ капыджи-баши съ подтвердительною грамотою для хана [1]). Смыслъ этого факта впрочемъ нѣсколько не ясенъ для насъ, ибо такія грамоты обыкновенно давались вновь вступавшими на престолъ султанами, а султанъ Ахмедъ II былъ еще живъ въ 1701 году.

Гази-Герай, покинутый своими приверженцами, искалъ было прибѣжища въ Чигиринѣ, но потомъ соскучился на чужой сторонѣ и написалъ письмо хану, прося его о помилованіи. Въ случаѣ отказа въ прощеніи онъ обѣщалъ удалиться въ страну невѣрныхъ и сдѣлаться тамъ вѣроотступникомъ. Затѣмъ онъ самъ явился въ Ак-Керманъ, гдѣ очень любезно былъ принятъ ханомъ, братомъ своимъ. Затѣмъ онъ съ мубаширомъ долженъ былъ отправиться въ Порту. По прибытіи въ Адріанополь, онъ 18 дней провелъ подъ арестомъ въ страхѣ быть казненнымъ; но потомъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы и отправленъ въ ссылку на островъ Родосъ [2]). Фундуклулу, вкратцѣ упоминая о двухълѣтнемъ мятежничаньѣ Гази-Герая, говоритъ, что его удалось склонить къ повиновенію посланнымъ ему изъ Порты и исполненнымъ тысячи разныхъ обѣщаній высочайшимъ приказомъ, при чемъ ему обѣщано было сдѣлать его ханомъ Крымскимъ. Легковѣрный царевичъ явился въ началѣ 1113 = въ половинѣ 1701 года съ 150 человѣками свиты въ Адріанополь, гдѣ съ нимъ и было поступлено извѣстнымъ уже намъ образомъ [3]).

Хотя историкъ Мухаммедъ-Герай былъ современникъ описываемыхъ имъ происшествій, а съ Селимъ-Гераемъ онъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ въ качествѣ его родственника и приближеннаго [4]); но, кажется, вѣрнѣе будетъ положиться на свидѣтельства турецкихъ историковъ какъ насчотъ причины ссылки Селимъ-Герая въ Серсъ, такъ и

[1]) Кр. Ист., 104 v. [2]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 99 r. & v. и 102 r. & v. [3]) Фундуклулу. IV: 123 r. & v. [4]) Op. cit., 112 v.

добровольнаго покорнаго прибытія Гази-Герая сперва і
Ак-Керманъ къ брату, а потомъ въ Адріанополь къ султа
ну. Относительно перваго обстоятельства трудно допустит
чтобы султанъ, всегда съ такимъ уваженіемъ относившій
къ Селиму, вздумалъ изъ пустого и неосновательнаго капр
за, за непокорность его строптиваго сына, отправить бол
ного старика въ ссылку. Если же объ этомъ его удален
хлопоталъ Девлетъ-Герай въ видахъ политическихъ, то ка
ни непріятна могла быть такая мѣра хотя бы тому же су
тану, но тяжолыя обстоятельства могли вынудить его пр
нять ее, тѣмъ болѣе что въ зависимость отъ нея ставило
подавленіе мятежа цѣлаго населенія ногайскаго. Примѣр
подобнаго удаленія отставного хана отъ центра султанска
правительства по просьбѣ царствующаго хана бывали и пре
де. Фундуклулу еще ближе былъ къ султанскому двору, н
жели Мухаммедъ-Герай, и однако же онъ ни словомъ :
заикнулся о ссылкѣ Селима по капризу султана. Надо пол
гать, что устами Мухаммедъ-Герая, переиначившаго характе
событія, говоритъ тутъ фамильная честь: ему совѣстно бы
за Девлетъ-Герая, жалко было и Селима, и оттого-то о
свалилъ все на султанскій капризъ, съ добавленіемъ поддѣл
въ султанскомъ ферманѣ, будто бы допущенной верховным
везиремъ Кöпрюлю Хусейнъ-пашою изъ дружбы къ Селим
Гераю.

То же самое надо сказать и относительно покорна
возвращенія Гази-Герая. Если этотъ авантюристъ уже р
шился или побѣдить или удалиться къ невѣрнымъ, то ед
ли одно чувство скуки на чужбинѣ могло взять въ не
верхъ надъ всѣми прочими чувствами, и прежде всего на
чувствомъ самосохраненія, такъ что надежнѣе допустить вмѣ
тѣ съ Фундуклулу, что только улещиванія со стороны По
ты въ состояніи были склонить его смириться и быть въ полн
увѣренности, что если не исполнятъ данныхъ ему лестны
обѣщаній, то, по крайней мѣрѣ, и головы не снимутъ. Та

же точно разсуждали и мятежные погайцы, когда собирались принести повинную хану: „Пойдемъ и попросимъ прощенія: не убьетъ же онъ всѣхъ насъ!", говорили они [1]). А что Гази-Герай трусилъ, собираясь ѣхать въ Порту, а братъ его Девлетъ-Герай ободрялъ его, объ этомъ говоритъ самъ же Мухаммедъ-Герай [2]).

Но съ усмиреніемъ мятежа, поднятаго Гази-Гераемъ, не наступило полнаго спокойствія для Крыма: оно было нарушено людьми, преслѣдовавшими свои личные интересы, основанные на родственныхъ связяхъ, а кончилось опять-таки мятежомъ политическаго свойства, въ которомъ Девлетъ-Герай-ханъ, доселѣшній блюститель и водворитель порядка, самъ очутился во главѣ народнаго возстанія, увлекшаго его въ свою преступную пучину и доведшаго его до потери ханскаго достоинства.

Началось съ того, что въ то время при ханахъ Крымскихъ въ качествѣ везиря состоялъ на службѣ нѣкто Мерданъ Али-ага, иногда называемый также Хаджи Мерданъ-Али-агою, человѣкъ умный и вліятельный въ дѣлахъ, какъ это видно изъ частаго упоминанія его имени не только у историковъ, но и въ офиціальныхъ актахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ гордаго и непреклоннаго характера, какъ это свидѣтельствуется всѣми историками и явствуетъ изъ его образа дѣйствій какъ въ личныхъ отношеніяхъ, такъ и въ дѣлахъ государственныхъ. Селимъ-Герай-ханъ очень жаловалъ этого дѣльнаго совѣтника. Но Девлетъ-Герай, вступая на ханскій тронъ, не былъ расположенъ оставить его при себѣ въ прежней должности, такъ что только соединенныя просьбы Селимъ-Герая, верховнаго везиря да реиса-эфенди заставили хана отказаться отъ своего рѣшенія дать Merданъ-али-агѣ отставку [3]). Хотя новый ханъ въ важныхъ

---

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай. 99 r. [2]) Ibidem, 99 v. [3]) Кр. Ист., 99 recto.

вопросахъ и полагался на мнѣніе аги, какъ напр. въ переговорахъ съ возмутившимися ногаями, приславшими къ хану своего парламентера [1]), тѣмъ не менѣе однако жъ честолюбивый вельможа едва ли въ душѣ своей не таилъ злобнаго чувства къ хану, хотѣвшему пренебречь его заслуженною опытностью, и потому въ тѣхъ укоризнахъ, которыми ханъ осыпалъ его въ моментъ ихъ окончательнаго разрыва, чувствуется извѣстная доля правды. А ханъ упрекалъ Мерданъ-Али въ томъ, что онъ причинилъ своимъ коварствомъ немало непріятностей отцу его Селимъ-Гераю, и что онъ же, возстановивъ Гази-Герая, былъ причиною стольких смутъ и волненій [2]).

Международныя отношенія, возникшія изъ условій Карловицкаго мира, не замедлили проявить свое воздѣйствіе и на состояніе Крымскаго ханства, въ которомъ поднялись теперь опять нескончаемыя смуты и волненія, которыя должны были роковымъ образомъ отозваться на дальнѣйшей политической судьбѣ его. По словамъ Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы и автора Краткой Исторіи, какъ только начались въ Карловицѣ переговоры, въ которыхъ наибольшую готовность къ миру будто бы проявлялъ русскій уполномоченный, то реисуль-кюттабъ Рами эфенди сказалъ, что необходимо въ этомъ дѣлѣ принять также къ свѣдѣнію мнѣніе и желаніе Крымскаго хана, какъ ближайшаго сосѣда русскихъ, отчего переговоры затянулись на два года, и обѣ стороны пока ограничились на этотъ срокъ перемиріемъ. Хану были посланы соотвѣтственныя предписанія быть осторожнѣе и сидѣть спокойно, въ виду ожидаемаго заключенія мира съ русскимъ уполномоченнымъ. Но мнительные татаре, боясь козней русскихъ, стали производить свои розысканія, и когда захваченные сперва Капланъ-Гераемъ, а потомъ его атабекомъ

[1]) Кр. Ист., 101 г.; Семь планетъ. 265. [2]) Тарихи-Мухаммедъ Герай 108 г.

Сартлапъ-агою русскіе плѣнники противорѣчили въ своихъ показаніяхъ пасчотъ мирныхъ намѣрепій или завоевательныхъ замысловъ русскаго краля, то татаре пришли въ недоумѣніе. Въ это время, говорятъ оба историка, изъ Москвы прибылъ, проѣздомъ въ Константинополь, въ Крымъ одинъ „черноодеждный попъ", у котораго было письмо къ хану, содержавшее въ себѣ неприличныя выраженія въ родѣ такихъ: „Я король восточный... ты ханъ Крымскій... Когда посланный къ константинопольскому падишаху для нѣкоторыхъ переговоровъ нашъ главный посолъ прибудетъ къ вашимъ проѣздамъ и переправамъ, то вы ему не дѣлайте препятствія". За такое содержаніе письма московскому послу не было оказано подобающаго вниманія [1]).

По соображенію хронологическихъ данныхъ, такъ какъ описываемый фактъ приходится въ концѣ 1110 — въ половинѣ 1699 года, тутъ крымскіе историки говорятъ объ Украинцевѣ, отправившемся въ Константинополь моремъ на 46-пушечномъ кораблѣ и встрѣтившемъ препятствія къ свободному плаванію со стороны турецкихъ властей, командовавшихъ Керченскимъ проливомъ: турки настаивали, чтобы русскій посланникъ ѣхалъ сухимъ путемъ, а не водою. Стало быть, въ общемъ фактъ вѣренъ; не понятно только, почему посланникъ названъ у историковъ попомъ—پاپاس ناسپاس—. А что препирательства, происходившія у Украинцева съ турками [2]), крымскіе историки пріурочили къ своимъ землякамъ, татарамъ, такъ это, кажется, внушено имъ національной хвастью, ибо они не указываютъ точнѣе. въ чемъ именно состояло непочтеніе и оскорбленіе—ذل و حقارت—, которыми татаре хотѣли уязвить ненавистнаго имъ и въ то же время недоступнаго ихъ мести непріятеля. Но все же съ того времени „обитатели Крыма стали поглядывать черезъ двери

[1]) Семь планетъ, 260—261; Кр. Ист. 99 v. [2]) Устряловъ, Ист. Петра В. Т. III, гл. X.

страха и ожиданій на событія времени", говоритъ Сейидъ-Мухаммедъ-Риза [1]).

При такомъ тревожномъ и напряженномъ состояніи населенія естественно, что всякое случайное обстоятельство можетъ произвесть въ немъ цѣлую смуту. Нѣчто подобное дѣйствительно и случилось въ данную пору въ Крыму. Считавшіеся подданными Крымскаго хана ногайцы знать ничего не хотѣли о соблюденіи условій только что заключеннаго мира съ Польшею. Всякія ограниченія, ставимыя ихъ грабительскимъ стремленіямъ въ силу вступившихъ въ дѣйствіе мирныхъ договоровъ съ сосѣдними государствами, они считали дѣломъ произвольнаго каприза ханскаго правительства. Въ это-то время является къ нимъ Гази-Герай-султанъ, и все ногайское населеніе встало на ноги, выславъ ему навстрѣчу двадцатитысячную орду. Этотъ ханычъ, напуганный, послѣ убійства Шегбазъ-Герая, тенденціозными наговорами Джанъ-Тимуръ-мурзы и нѣкоторыхъ другихъ ширинскихъ мурзъ, бѣжалъ изъ чувства самосохраненія, но затѣмъ его личная размолвка съ ханомъ весьма легко и быстро превратилась въ народную политическую смуту. Ханъ, узнавъ о побѣгѣ Гази-Герая къ мятежнымъ ногайцамъ, послалъ за нимъ гонцовъ съ предписаніемъ, чтобы онъ возвратился добровольно или же, въ случаѣ отказа, былъ приведенъ насильно. Посланные вернулись ни съ чѣмъ; а Гази-Герай на совѣтѣ съ ногайцами заявилъ имъ, что Девлетъ-Герай-ханъ хочетъ вконецъ разорить ихъ и заставить жить подобно скотамъ, подножнымъ кормомъ. Ханычъ и ногайское сборище дали тогда взаимную клятву дѣйствовать заодно и помогать другъ другу [2]). Подъ его предводительствомъ они возобновили грабительскіе набѣги на жителей польскихъ владѣній, пряча добычу въ укромныя мѣста, на случай если бы отъ нихъ стали требовать возврата ея. Прекращеніе этихъ безобразій воз-

[1]) Семь планетъ, 261. [2]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 88 v.—90 r.

ложено было на другого царевича, Менглы-Герая, а когда этотъ оказался неспособенъ, то на смѣну его посланъ былъ Капланъ-Герай, и такимъ образомъ вражда между братьями сдѣлалась общею [1]).

Ко всему этому прибавилась распря двухъ вліятельныхъ мурзъ Ŏнъ-Тимура и Сары Кадиръ-шаха, окончательно раздувшая начинавшееся броженіе въ открытый мятежъ, въ которомъ съ полною очевидностью обнаружилось отсутствіе всякой солидарности между ногайскимъ населеніемъ материка и центральнымъ татарскимъ правительствомъ Крымскаго полуострова.

Ŏнъ-Тимуръ, набольшій ширинскій бекъ, какъ-то разъ встрѣтивъ Кадиръ-шаха одного, отстегалъ его съ помощью двухъ своихъ сыновей нагайкою и чуть-было даже не убилъ, если бы только ихъ не розняли другіе подоспѣвшіе мурзы и аги. А Кадиръ-шахъ былъ сынъ старшей сестры Эльхаджъ Селимъ-Герая, и потому нанесенное ему оскорбленіе огорчило какъ его дядю, такъ и двоюроднаго брата, царствовавшаго хана Девлетъ-Герая, который послалъ заковать и притащить Ŏнъ-Тимура. Послѣдній бѣжалъ черезъ горы на Южный берегъ, сѣлъ тамъ на корабль и отправился въ Румъ, т. е. въ Турцію, подъ покровительство проживавшаго тамъ Алпъ-Герая, старшаго сына Мюрадъ-Герай-хана. Пробывъ тамъ нѣсколько дней, онъ пришолъ къ ногайцамъ и сталъ бунтовать ихъ. Ханскіе сеймены между тѣмъ разграбили домъ его, допрашивая семью, гдѣ онъ находится.

Ногайскіе мурзы, съ Ŏнъ-Тимуромъ во главѣ, на совѣщаніи рѣшили послать въ Порту петицію о томъ, что они не желаютъ имѣть ханомъ Девлетъ-Герая, который хочетъ выжить ихъ изъ ихъ юрта, всячески притѣсняетъ ихъ, хотя они тоже считаютъ себя мусульманами и подлежатъ охранѣ

---

[1]) Семь планетъ. 263.

священнаго закона. Для большаго успѣха своего ходатайства они послали при петиціи подарки турецкимъ сановникамъ, состоявшіе изъ мальчиковъ и лошадей. Въ Портѣ прибытіе ногайской депутаціи произвело переполохъ: стамбульцамъ мерещилось уже нашествіе ногайской орды на столицу Отоманской имперіи. Тогда посланъ былъ капыджи-баши къ хану разузнать, въ чемъ дѣло; а депутатамъ было сказано, что капыджи баши поѣхалъ за ханомъ, которому будетъ дана отставка. Такъ было отписано Гази-Гераю, мурзамъ и бекамъ ногайскимъ, и они, радуясь своему успѣху, уже стали совѣщаться о томъ, кого имъ выбрать ханомъ. Одни указывали опять на Эльхаджъ Селимъ-Герая, доказавшаго свои прекрасныя качества. Но онъ, говорили, не очень-то интересуется ханскимъ званіемъ. Другіе говорили: „Сафа-Герай въ полной враждѣ съ крымцами—вотъ бы ему быть ногайскимъ ханомъ, предложимъ-те его!“—Но противъ этого большинство протестовало, говоря: „Что вы это дѣлаете?—хотите возвести этакого несчастнаго негодяя: да онъ, вѣдь, всѣхъ какъ есть оберегъ и разоритъ страну! Даже имя его вспоминать безумно!“—Кандидатура Сафа-Герая была выставлена приверженцами Ōнъ-Тимура въ угоду послѣднему, ибо дочь его была замужемъ за Сафа-Гераемъ. Наконецъ рѣшили предоставить волѣ султана: кого онъ назначитъ изъ чингизидскихъ царевичей, тому и стали-бы повиноваться.

Въ то же время Девлетъ-Герай ханъ, горя мщеніемъ бунтовщикамъ, собралъ въ Диванъ улемовъ, шейховъ и бековъ крымскихъ и спрашиваетъ ихъ, что дѣлать съ мятежными ногайцами. Тѣ дали ему желанный отвѣтъ—что, молъ, надо усмирить и наказать ихъ. Ханъ, довольный этимъ, роздалъ щедрыя награды членамъ совѣта и сталъ собирать войско. Между прочимъ приглашено были на помощь изъ Черкесіи ногайское племя Яманъ-садакъ—يمان صداق—, про которыхъ историкъ говоритъ, что они были „скверпаго вида, точно лѣшіе, а не люди, въ странной одеждѣ, совершенные пантеры

или тигры, семиглавые драконы". Огромное полчище двинулось къ Днѣпру, и такъ какъ рѣка не вездѣ замерзла, то пришлось искать переправы. Тутъ-то къ хану прибылъ капыджибаши съ султанскимъ предписаніемъ расправиться съ бунтующими ногайцами. Ногайцы струсили и прислали къ хану парламентеровъ съ изъявленіемъ покорности. Ханъ отправилъ съ присланными мурзами отвѣтъ, что онъ согласенъ на мировую. А между тѣмъ ногайцы, воспользовавшись ночною темнотою и утреннимъ туманомъ слѣдующаго дня, бѣжали по направленію къ рѣкѣ Ак-Су (Бугу). Ханъ разсвирѣпѣлъ отъ этой лукавой выходки ногайцевъ, перешолъ рѣку Турлу (Днѣстръ) и напустилъ яманъ-садаковъ на Ак-Керманъ грабить ногайскія жилища. Эти варвары творили необыкновенныя вещи надъ своими единовѣрцами: они не только отнимали дорогія вещи, принадлежавшія ногайскимъ мурзамъ, но также безчестили жонъ и дочерей ихъ, такъ что послѣ этого набѣга, замѣчаетъ историкъ, рѣдко можно было найдти дѣвушку или женщину не обезчещенную: такого насилія и бѣдствія ногайцы не только не видѣли, но даже и не слыхивали со времени Чингизъ-хана [1]).

Одновременно съ Девлетъ Герай-ханомъ предписано было изъ Порты и очаковскому мутесаррифу Юсуфъ-пашѣ и кафскому бейлеръ-бею Муртаза-пашѣ употребить военную силу къ подавленію ногайскаго бунта. Главныхъ зачинщиковъ, Джанъ-Тимура и Бій-Арслана велѣно было угнать съ подвластными имъ родами и поселить въ Крымѣ Но они съ Гази-Гераемъ составили совѣтъ на берегу рѣки Ак-Су и намѣревались, въ отместку за разграбленіе ихъ достоянія, произвести такія же опустошенія въ Крыму. Благоразумные люди стали отговаривать толпу, доказывая неосуществимость такого замысла, а совѣтовали идти и просить про-

[1]) Таріхи Мухаммедъ-Герай, 90 г.—96 г.

щенія у хана. Толпа направилась къ Ак-Керману. Когда же вожаки хотѣли остановить ее, то имъ сказали, что если они придутъ опять, то ихъ свяжутъ и представятъ къ хану. Тогда Гази-Герай съ 200 приверженцевъ ушолъ въ Чигиринъ къ козакамъ, а остальные мятежники пошли въ Ак-Керманъ и принесли повинную хану, и такимъ образомъ волненіе успокоилось [1]). Впослѣдствіи времени и Гази-Герай тоже явился къ хану въ Ак-Керманъ, былъ отправленъ оттуда въ Адріанополь и потомъ сосланъ на островъ Родосъ [2]). Джанъ-Тимуръ и Бій-Арсланъ боялись придти къ хану, а явились къ калгѣ и отправились потомъ вмѣстѣ въ Крымъ [3]). А Онъ-Тимуръ былъ схваченъ нарочито посланными арестовать его бустанджи, приведенъ въ оковахъ въ Адріанополь и заключенъ тамъ въ зинданъ [4]); потомъ былъ освобожденъ и поселился въ Румиліи, гдѣ вскорѣ и умеръ [5]).

Такой благопріятный для Крымскаго хана исходъ мятежа ногайцевъ имѣлъ по свидѣтельству историка Мухаммедъ-Герая; другіе же бытописатели представляютъ его нѣсколько въ иномъ видѣ. Такъ, по словамъ Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы, ногайцы хлопотали въ Портѣ, чтобы имъ позволено было поселиться въ Буджакѣ подъ властію отдѣльнаго хана, или же подъ начальствомъ губернатора, и даже простого командира, назначеннаго отъ Порты, только бы не было вмѣшательства въ ихъ дѣла со стороны Крымскаго хана [6]). Рашидъ-эфенди разсказываетъ, что когда начались переговоры между бунтовщиками и начальствомъ посланныхъ на усмиреніе ихъ войскъ, то мурзы и другіе ногайскіе вожаки принесли повинную, обѣщавшись впредь не противиться высочайшей волѣ, и съ ними состоялось соглашеніе на слѣдующихъ

[1]) Ibidem. 97 r.—98 v.; Семь планетъ, 274. [2]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 99 v., 102 r. & v.; Семь планетъ, 278; Рашидъ, I: 256 v. [3]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 99 v.—100 r. [4]) Ibid., 101 v.—102 r. [5]) Кр. Ист., 104 v. [6]) Семь планетъ, 267, 270—271.

основаніяхъ. Ногайцы должны были всегда подчиняться священному шаріъату и всѣмъ исходящимъ отъ правительства повелѣніямъ, а также исполнять совмѣстно съ ханомъ возлагаемыя на нихъ службы. Въ юридическихъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, въ распоряженіи сиротскими имуществами и въ другихъ подобныхъ дѣлахъ, они должны были оставить свой поганый обычай, имснуемый *тӧрэ*—توره تعبير اولنور فعل قبحى—, и слѣдовать постановленіямъ шаріъата. Поселившись на молдавской территоріи въ старинномъ своемъ обиталищѣ, въ юртѣ Халиль-паши и въ другихъ подходящихъ мѣстахъ, они не должны были причинять насилій участвовавшимъ въ мирномъ трактатѣ русскимъ и ляхамъ, а также бывшимъ въ сосѣдствѣ съ ними молдо-валахамъ. Налоги съ земельныхъ надѣловъ, бывшихъ во владѣніи буджаковцевъ, изъ милости отмѣнялись, и только доходы съ нихъ подлежали оцѣнкѣ и раскладкѣ для взиманія съ нихъ осьмины [1]); отъ всѣхъ же прочихъ податей и налоговъ, взимавшихся въ отоманскихъ владѣніяхъ, каковъ, напримѣръ, налогъ съ овецъ—عدد اغنام رسوملرى—, они освобождались. Имъ обѣщано покровительство Высокой Державы, покамѣстъ они станутъ безпрекословно соблюдать вышеозначенныя условія. А для выполненія этихъ условій, чтобы въ народѣ постановлять законныя рѣшенія, должно было быть опредѣлено по одному судьѣ для племенъ Оръ-Мамбетъ и Уракъ-оглу съ назначеніемъ каждому изъ нихъ по 1000 гурушей содержанія изъ сбора узаконенныхъ податей съ того народа. Взачотъ податей 1110=1698—1699 г. должно было быть собрано восемь юковъ

---

[1]) Въ турецкомъ подлинникѣ сказано: وانجق سكزده بر عشر النمق اوزره. Здѣсь слово عشر—«десятая доля» употреблено въ общемъ смыслѣ «дани, налога», какъ турецкое اوندهلق, въ отвлеченномъ значеніи «платимой доли», а не непремѣнно «десятой доли».

акчэ въ пользу казны [1]). Это обстоятельство имѣло мѣсто въ концѣ 1112 и въ началѣ 1113 года, т. е. въ 1701 году.

Но умиротвореніе ногайскаго мятежа не принесло полнаго и продолжительнаго спокойствія Девлетъ-Герай-хану. Приводя къ покорности строптивыхъ ногайцевъ, онъ, очевидно, заботился главнымъ образомъ объ установленіи только своей власти надъ ними, а вовсе не о соблюденіи международныхъ трактатовъ или о неприкосновенности владѣній сосѣднихъ государствъ, вособенности русскихъ. Крымцамъ слишкомъ было трудно сразу свыкнуться съ новыми международными порядками, ограничивавшими ихъ первобытные хищническіе инстинкты, и прежде всего этими порядками тяготился самъ глава татарскаго народа, Девлетъ-Герай-ханъ. Затруднительность его положенія усугублялась еще внутренними безпокойствами, вскорѣ опять возникшими изъ честолюбивыхъ происковъ ханскаго везиря Мерданъ-Али-аги, котораго не остановили отъ вредныхъ интригъ ни опасность государства со стороны внѣшнихъ враговъ, ни родственныя связи его съ ханской фамиліей.

Сестра Мерданъ-Али-аги была одалискою Селимъ-Герай-хана [2]), отъ которой у него былъ сынъ Капланъ-Герай. Девлетъ-Герай, сдѣлавшись ханомъ, взялъ Капланъ-Герая съ собою въ Крымъ. Когда Гази-Герай объявилъ себя мятежникомъ, Мерданъ-Али-ага неоднократно приставалъ къ хану съ просьбою сдѣлать племянника его Капланъ-Герая нур-эд-диномъ; легко могло быть, что онъ же самъ подстрекнулъ и Гази-Герая къ бунту, чтобы такимъ образомъ навѣрняка очистить вакансію Каплану: повидимому на это же потомъ намекалъ и Девлетъ-Герай Мердану. Но Девлетъ-Герай не уступалъ настояніямъ своего везиря, не желая на-

---

[1]) Рашидъ, I: 256 r. & v. [2]) Въ текстѣ такъ: الحاجی علی اغانیك همشیره‌لری الحاجی سلیم کرای خان حضرتلرینك اوداليغی یعنی اسان تاتارده بیکجی ایدی (Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 107 r.).

рушать исконнаго права родового старшинства и обойдти другого царевича, Инайетъ-Герая, который былъ старше Капланъ-Герая возрастомъ. Тогда ходатаемъ за Капланъ-Герая, вѣроятно по просьбѣ Марданъ-Али-аги, явился первый мир-ахуръ султанскаго двора Кыблэли-задэ-ага, присланный въ Ак-Керманъ къ Девлетъ-Гераю съ подтвердительною грамотою—مقررنامه—и отправившійся съ нимъ вмѣстѣ въ Крымъ. Кыблэли-задэ былъ весьма ласково и съ почотомъ принятъ ханомъ и получилъ отъ него хорошіе подарки. При прощаніи же онъ поцѣловалъ полу ханскую и сталъ просить его сдѣлать Капланъ-Герая нур-эд-диномъ. Онъ уже и прежде нѣсколько разъ просилъ объ этомъ, но безуспѣшно; теперь же ханъ не могъ отказать ему въ исполненіи просьбы, потому что ага былъ *гостемъ* хана, и ханъ волею-неволею долженъ былъ уважить своего *мусафира* [1]). Крымскій историкъ, сообщающій эти любопытныя подробности, говоритъ, что Кыблэли-задэ поплатился за это ходатайство жизнью: будто бы по возвращеніи его въ Порту ему тамъ сказали: „Это ты былъ причиною мятежа", и казнили [2]).

Другіе историки, упоминающіе о командировкѣ Кыблэли-задэ съ султанскимъ порученіемъ къ хану, ничего не говорятъ о какой-либо связи происходившихъ въ ханскихъ владѣніяхъ смутъ съ этою поѣздкою [3]). Относительно же смерти Кыблэли-задэ Али-аги Сейидъ-Мухаммедъ-Риза только вскользъ говоритъ, что онъ былъ казненъ, но не указываетъ причины, за что именно [4]). Иные же разсказываютъ, что султанъ поручилъ Кыблэли-задэ поѣхать и провѣрить на мѣстѣ справедливость донесенія Девлетъ-Герай-хана объ опасностяхъ, грозившихъ Крыму отъ русскихъ. Онъ долженъ былъ исполнить эту миссію секретно, никому не сказавъ о

---

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай 107 г.—108 г. [2]) Ibidem. [3]) Семь планетъ, 280; Фундуклулу IV: 123. [4]) Семь планетъ, 284.

ней ни слова; а между тѣмъ онъ открылъ тайну дядѣ своему, верховному везирю Хусейнъ пашѣ, который, чтобы отвратить неминуемое возобновленіе войны, научилъ племянника представить султану дѣло совершенно въ превратномъ видѣ и доложить, что донесенія Крымскаго хана ложны. Онъ такъ и сдѣлалъ. Султанъ, разгнѣвавшись на Девлетъ-Герая, выразилъ ему свое неудовольствіе. Но ханъ возражалъ, доказывая, что Кыблэли-задэ самъ налгалъ. Султанъ подвергъ этого послѣдняго допросу, и онъ признался во всемъ, за что и былъ казненъ потомъ, а верховный везирь былъ сосланъ [1]).

Между тѣмъ историкъ Рашидъ-эфенди, ссылаясь на самыя достовѣрныя данныя—اصح اقوال اوزره—,разсказываетъ, что Кыблэли-заде Али-бей былъ дѣйствительно казненъ ночью 18 мухаррема 1114—15 іюня 1702 года, да только за то, что свелъ какую-то любовную интрижку съ одной изъ султанскихъ харемницъ [2]). Странно однако же, что объ этомъ случаѣ ничего не находимъ у Фундуклулу, который самъ былъ придворный и подробно описалъ другой подобный же скандалъ, случившійся въ султанскомъ дворцѣ въ 1102—1690—1691 г., присовокупляя, что такія шалости вообще тамъ водились [3]).

Какова бы ни была участь Кыблэли-задэ, но для насъ важно то, что мы знаемъ главную причину внезапной вражды, обнаружившейся между ханомъ съ одной стороны, Капланъ-Гераемъ и Мерданъ-Али-агою съ другой. Какъ только ага уѣхалъ, ханъ призвалъ къ себѣ Мерданъ-али-агу, распекъ его и выгналъ вонъ, сказавъ: „Прочь, проклятый! Ты, точно дьяволъ, своими инсинуаціями былъ причиною разбитія сердца такого святого падишаха, какъ отецъ мой Се-

[1]) Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова. Перев. чрезъ Т. К. Тауберта. Спб. 1768. Стр. 262—265. [2]) Рашидъ, I: 216 v. [3]) Фундуклулу, IV 41 r. & v.

лимъ-Герай-ханъ! Намъ извѣстно, какого рода были огорченія нашего отца. А все ты сталъ причиною его трудныхъ скитаній въ такіе престарѣлые годы! Ты же взбунтовалъ и брата нашего Гази-Герая и послужилъ причиною столькихъ смятеній и бѣдствій!!"..... Ага смиренно произнесъ: „Воля нашего господина!", а самъ собралъ всѣ легкія для ношенія драгоцѣнности и въ четвертомъ часу ночи (считая по закатѣ) вмѣстѣ съ Капланъ-Гераемъ сѣли на коней и скрылись. Спустя 5 часовъ за ними послана была погоня, но тщетно. Бѣжавшіе прибыли въ Кафу и водворились въ находившемся тамъ янычарскомъ очагѣ. Сколько ханъ ни обращался съ просьбою и къ кафскому пашѣ, и къ казы-эскеру выдать обоихъ бѣглецовъ; но ему наотрѣзъ отказали, заявивъ, что „крѣпость принадлежитъ падишаху; что янычаре, аги, улема и проч. не согласны выдавать ихъ; что они могутъ сдѣлать лишь одно посадить ихъ на корабль и отправить въ Порту. Такъ и поступили. Каиммакамъ Османъ-паша, выведенный въ люди изъ черкесскихъ рабовъ Селимъ-Герай-ханомъ, въ признательность за это очень любезно и предупредительно принялъ Капланъ-Герая и послалъ рапортъ въ Адріанополь. Ханъ тоже прислалъ донесеніе о побѣгѣ своего везиря съ просьбою выслать ему Али-агу. Но у послѣдняго были пріятели между государственными сановниками Порты, и хану было отказано, Али-ага же по султанскому ферману былъ сосланъ на островъ Лемносъ. Капланъ-Герая также предписано было отправить на островъ Родосъ, но вѣтряная, снѣжная и холодная погода помѣшала приведенію въ исполненіе этого приговора, и царевичъ былъ водворенъ въ босфорскомъ замкѣ —بوغاز حصارنده—[1]). Но зато была уважена просьба Девлетъ-Герай-хана о прекращеніи ежегодной пенсіи обоимъ мятежнымъ царевичамъ—Капланъ-Гераю и Гази-Гераю, еще ранѣе сосланному на островъ Родосъ [2]).

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 108 r.—109 v.; Семь планетъ, 282; Рашидъ, I: 256 v. [2]) Семь планетъ, 282.

Въ эту же пору престарѣлому и хворому Селимъ-Гераю разрѣшено было выѣхать изъ Сереса, и онъ началъ странствовать изъ одного мѣста въ другое, отыскивая мѣстность, которая бы болѣе была благопріятна для него въ климатическомъ отношеніи. Во время этихъ странствованій онъ пользовался отмѣннымъ къ нему вниманіемъ и турецкихъ сановниковъ и даже самого султана, который, по его просьбѣ, освободилъ сына его Капланъ-Герая изъ заточенія [1]).

Такая внимательность къ старому хану происходила отчасти, конечно, изъ признательности къ его прежнимъ заслугамъ; такъ оно было по крайней мѣрѣ, пока былъ верховнымъ везиремъ Умудже-задэ Хусейнъ-паша; но онъ 11 ребіъу-ль-ахыра 1114=5 сент. 1702 года получилъ отставку и вскорѣ умеръ [2]). Преемникъ его Далъ-Табанъ Мустафа-паша тоже принадлежалъ къ числу почитателей Селимъ-Герая, ибо, благодаря его протекціи, получилъ первый видный въ служебной іерархіи Порты постъ янычарскаго аги и уже тѣмъ самымъ былъ обязанъ экс-хану своимъ почтеніемъ. Но съ другой стороны это вниманіе къ нему вызывалось обстоятельствами весьма тревожнаго свойства, такъ что на Селимъ-Герая опять стали разсчитывать какъ на человѣка, который одинъ только и могъ положить конецъ непрерывнымъ волненіямъ въ Крыму и Буджакѣ, какъ объ этомъ выразился султанъ при назначеніи Селима [3]).

Дѣло было въ томъ, что Девлетъ-Герай-ханъ осаждалъ Порту донесеніями объ опасномъ для Крыма поведеніи русскихъ, поступавшихъ несогласно съ условіями заключеннаго мира [4]). Авторъ Краткой Исторіи, оправдывая опасенія хана, рѣшительно порицаетъ образъ дѣйствій турецкаго правительства. „Въ ту пору“, пишетъ онъ, „московцы на разстояніи пятнадцати часовъ пути отъ Ферахъ-Кермана воздвиг-

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 110 r.—112 v. [2]) Рашидъ, I: 263 v. и 264 v. [3]) Фундуклулу, IV: 155 v. [4]) Семь планетъ, 280.

ли большую крѣпость, да еще подальше выстроили нѣсколько крѣпостей. Когда же объ этомъ было дано знать Портѣ, то для разслѣдованія былъ посланъ одинъ предатель изъ чиновниковъ. Онъ взялъ съ московъ взятку чѣмъ-то въ родѣ соболевой или горностаевой шубы да, по возвращеніи своемъ, представилъ слова хана какъ ложь, подтвердивъ рѣчи гяура: крѣпость-то, въ самомъ дѣлѣ, была большая, а ему показалась размѣромъ не болѣе одной или двухъ собачьихъ шкуръ. Онъ донесъ падишаху, что „это не болѣе какъ рыбачій кошъ", и въ 1114=1703 году Эльхаджъ Селимъ-Герай въ четвертый разъ сталъ ханомъ"[1]).

Авторъ Краткой Исторіи тутъ разумѣетъ тотъ самый фактъ, о которомъ говоритъ Мухаммедъ-Герай и Рашидъ-эфенди, а именно, что Далъ-Табанъ, получивъ тревожныя вѣсти отъ хана, спросилъ у русскаго посланника, справедливо ли то, что сообщаетъ ханъ о дѣйствіяхъ его правительства. А тотъ завѣрилъ, что все пустяки: что если крѣпость и выстроена, то на русскихъ же границахъ, да и то для огражденія русскихъ купцовъ отъ грабежей своихъ же собственныхъ буткальскихъ козаковъ; а кораблей всего-на-все въ азовскихъ водахъ штукъ 12, да и тѣ такъ плохи, что ихъ охотно можно продать имъ (туркамъ), если имъ пожелается. Для удостовѣренія же въ истинности словъ своихъ, посланникъ просилъ отправить кого-нибудь на мѣсто. Рашидъ-эфенди говоритъ просто, что капыджи-баши опять были командированы; но что совѣтомъ рѣшено было все-таки смѣнить хана въ предупрежденіе могущихъ вновь возникнуть волненій среди татаръ[2]). Мухаммедъ-Герай же присовокупляетъ, что сановники оболгали донесеніе хана Крымскаго, ибо „у нихъ въ виду было не срытіе крѣпости, а полученіе отъ московскихъ гяуровъ собольихъ и горностаевыхъ шубъ, да золотой казны...

---

[1]) Кр. Ист., 105 r. & v. [2]) Рашидъ, I: 270 v.

Говорили еще, что у нихъ была также цѣль нарушить договоръ и уничтожить мирный трактатъ" [1]).

Такой крутой поворотъ съ ханомъ приняли дѣла оттого, что ханъ все дружилъ-дружилъ съ Юсуфъ-пашою, да потомъ и пересталъ съ нимъ ладить. Юсуфъ-пашѣ и такъ стоило немалаго труда держать въ повиновеніи безпокойную орду ногайцевъ, водворенныхъ имъ въ своемъ округѣ: и то у нихъ разъ ужь произошло столкновеніе съ назначенными имъ судьями. А тутъ еще ханскій калга Сеъадетъ-Герай вздумалъ заниматься въ большихъ размѣрахъ охотою: это сейчасъ же породило между придунайскими жителями страхъ, что будтобы татаре идутъ грабить ихъ. Они обратились съ просьбою къ Юсуфъ-пашѣ, и онъ потребовалъ удаленія царевича восвояси. Ханъ обидѣлся на это и принесъ на него жалобу въ Порту, но жалоба его оставлена безъ послѣдствій [2]). Донесенія его въ Порту объ угрожающихъ дѣйствіяхъ русскихъ на границѣ тоже не были подтверждены нарочитыми людьми, посыланными изъ Порты для провѣрки этихъ донесеній [3]).

Рашидъ-эфенди разсказываетъ, что калга явился съ многочисленнымъ войскомъ въ Буджакъ къ Юсуфъ-пашѣ, чтобы объяснить положеніе дѣлъ на русской границѣ. Но верховный везирь тотчасъ отписалъ и калгѣ, и хану, что такой ихъ образъ дѣйствій совершенно не умѣстенъ: водить за собою такое скопище народа значитъ нарушать заключенный съ московцами и поляками миръ, порождать преувеличенные слухи и производить тревоги среди народонаселенія. Послѣ этого-то выговора и была прислана депутація, состоявшая изъ Мухаммеда-Второго-аги, одного изъ улема да десятка мурзъ [4]). Это, очевидно, та самая депутація, о которой такія подробныя свѣдѣнія находимъ у Фундуклулу, прекрасно описывающаго весь этотъ эпизодъ въ исторіи отношеній Крыма къ Пор-

---

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 115 г. [2]) Семь планетъ, 283—284. [3]) Ibid., 284—285. [4]) Рашидъ, I: 270 г. & v.

тѣ въ цѣлой довольно обширной статьѣ подъ заглавіемъ: „Отставка татарскаго хана Девлетъ-Герая и назначеніе въ четвертый разъ на ханство Хаджи Селимъ-Герай-хана“ [1]).

При заключеніи договора, пишетъ Фундуклулу, съ русской стороны выставлено было между прочимъ требованіе, чтобы татаре впредь не дѣлали опустошительныхъ набѣговъ на русскія окраины и не претендовали на полученіе прежняго окупа въ 90,000 гурушей, за что московскій царь обязывался не возстановлять крѣпости Азова и не сооружать близъ нея и въ сосѣдствѣ съ крымскими границами никакихъ новыхъ укрѣпленій. „Но упомянутый народецъ (т. е. татаре), издавна привыкши къ означенному окупу и къ захвату, посредствомъ набѣговъ, у враговъ вѣры добычи и плѣнниковъ, сталъ теперь нуждаться въ женщинахъ и мальчикахъ, въ деньгахъ и кормѣ. Втеченіе четырехъ лѣтъ они проѣли то, что было въ ихъ рукахъ, и теперь обѣднѣли. А такъ какъ московскій царь, вопреки договору, овладѣлъ крѣпостью Азовомъ, то настали послѣднія времена [2]). Выступающій краль (т. е. Петръ I), по моему мнѣнію, *имѣетъ виды на Стамбулъ*, Крымъ и другія исламскія владѣнія. Онъ самъ лично сдѣлалъ Азовъ своею резиденціею и собралъ туда сановниковъ своего государства“ [3]). Далѣе турецкій историкъ описываетъ всѣ сооруженія по части укрѣпленій и флота, которыя были сдѣланы Петромъ Великимъ, и притомъ совершенно согласно съ нашими достовѣрными историческими свидѣтельствами, повторять которыя здѣсь нѣтъ необходимости.

[1]) Фундуклулу, IV: 153 v.—159 r. [2]) Такъ я перевожу фразу подлинника: بنی اصفر وقتی کلدی, что буквально значитъ: «пришло время сыновъ Жолтаго». Казимирскій истолковываетъ находящійся тутъ терминъ بنو الاصفر въ смыслѣ «Surnom des grecs de l'empire d'Orient, des Romains du Bas-Empire» (Dictionnaire arabe-francais, I: p. 1347, подъ словомъ أصفر. Но Н. И. Ильминскій въ бытность свою на востокѣ слышалъ тамъ преданіе о нашествіи съ сѣвера «сыновъ Жолтаго», т. е. какого-то страшнаго народа въ родѣ Гога и Магога, подъ которымъ подразумѣвали русскихъ. [3]) Фундуклулу. IV: 153 v.

„Когда это дошло до слуха татаръ“, продолжаетъ Фундуклулу, „они собрались и пошли къ Крымскому хану Девлетъ-Гераю, согласившись заставить его силою послѣдовать имъ—пойдти на московцевъ, разсѣять ихъ, вторгнуться въ разныя мѣста предѣловъ ихъ и сжечь построенные ими крѣпости и корабли. Но крымскіе улема не позволяли, говоря, что это—противное миру дѣло; что объ этихъ обстоятельствахъ надо дать знать въ Высокую Порту, испросить ея разрѣшенія и сообразно съ этимъ уже дѣйствовать. Послали одного почтеннаго человѣка Абду-л-Латифа, присоединивъ къ нему пятьдесятъ человѣкъ военныхъ, съ донесеніемъ къ высочайшему Стремени. Его величество падишахъ былъ на охотѣ, когда они прибыли въ Адріанополь. Подавши рапортъ верховному везирю и потомъ шейху-ль-исламу-эфенди, они объяснили положеніе дѣлъ. А тѣ имъ говорятъ: „Вы, вѣдь, народъ лживый. Съ московами на тридцать лѣтъ заключенъ миръ; мы никоимъ образомъ не станемъ поступать вопреки миру; да и они тоже твердо стоятъ въ своемъ словѣ“.—„Сохрани Богъ, чтобы мы лгали! Мы пришли депутатами отъ 500,000 мусульманъ—такъ неужели же и они всѣ лжецы? Коли московы твердо стоятъ въ мирѣ, такъ къ чему же имъ понадобилось строить такіе корабли па морѣ и такія крѣпости на сушѣ? Вѣдь, это запрещено въ договорѣ. Если бы имъ не было позволенія отъ Высокой Порты, то они не дерзнули бы на такія предпріятія—это ли ревность о вѣрѣ? Столица царя москововъ на два мѣсяца пути отъ Крыма, а потому, когда они пойдутъ-бывало на Крымъ, то мы, выйдя на 15—20 станцій имъ навстрѣчу, выжжемъ травы и разоримъ деревни, изморимъ ихъ и скотъ ихъ голодомъ и принудимъ ихъ со стыдомъ вернуться назадъ. Теперь же всѣ окрестности Крыма забрали гяуры; ключъ Стамбула есть находящаяся въ обитаемомъ татарами Крыму ваша крѣпость, и они даромъ васъ охраняютъ. Если Крымъ вамъ не нуженъ, то, съ благословеніемъ Божіимъ, укажите намъ другое мѣсто, и мы

пойдемъ и поселимся тамъ!“ Такъ они въ нѣсколькихъ совѣщаніяхъ вели на тысячу ладовъ рѣчи, жаловались и вопили. Хотя такія неподобающія и противныя миру дѣйствія гяуровъ постоянно подтверждались до очевидности и были извѣстны всѣмъ и каждому изъ государственныхъ сановниковъ еще со времени прежняго верховнаго везиря, покойнаго Хусейнъ-паши, но онъ, заодно съ шейху-ль-исламомъ-эфенди, смотрѣлъ на это сквозь пальцы, говоря: „Заключенный мною миръ не долженъ быть никогда нарушаемъ“. Когда же верховнымъ везиремъ сдѣлался Далъ-Табанъ, то отъ Крымскаго хана Девлетъ-Герая пришло письмо, въ которомъ онъ писалъ слѣдующее: „Насъ не включили въ миръ. Сколько мы ни просили, нашей просьбѣ не вняли и высказали къ намъ полное презрѣніе. Наконецъ исламскія владѣнія, разоривъ, довели-таки до теперешняго состоянія. Обнаружились и другія разныя несчастія. Ревность и рачительность вамъ принадлежатъ“. Онъ же (т. е. верховный везирь), произведши разслѣдованіе и освѣдомившись, въ чемъ дѣло, возымѣлъ желаніе отмстить непріятелю и успокоить владѣнія исламскія; но такъ какъ бразды правленія государства были въ рукахъ шейху-ль-ислама, то онъ зналъ, что при его существованіи не возможно этого достигнуть. Онъ думалъ, что нужно поднять мятежъ, чтобы такимъ образомъ и врагу было отомщено, да и, вырвавъ этого (шейху-ль-ислама) изъ высочайшихъ рукъ, можно было сдѣлать необходимыя приготовленія. Поэтому онъ (верховный везирь) тайно посылалъ Крымскому хану и татарскимъ эмирамъ коварныя письма—اضلال كاغدلرى—, въ которыхъ говорилъ: „Я открываю походъ на москововъ. Собравшись въ Бендерахъ, послѣ того какъ возьмемъ у ляховъ крѣпость Каманчу (Каменецъ), пойду въ страну москововъ. А вы тоже, снарядившись, двигайтесь“. Онъ наказывалъ имъ идти съ крымскимъ и велико-ногайскимъ войскомъ въ Буджакъ и тамъ соединиться съ буджаковцами. Но реису-ль-кюттабъ Рами

Мухаммедъ-эфенди пришолъ къ шейху-ль-исламу-эфенди и сказалъ: „Эти поступки татаръ абсолютно происходятъ подъ руководствомъ верховнаго везиря. Мечтая о московскомъ походѣ, онъ замышляетъ заставить соединиться татаръ и, задавъ уходерку падишаху, вырвать изъ его рукъ и погубить васъ“. Онъ подбилъ и подучилъ (шейху-ль-ислама) тотчасъ отставить татарскаго хана и назначить отца его Хаджи Селимъ-Герай-хана. А тотъ пошолъ къ падишаху и сообщилъ ему всѣ обстоятельства и сказалъ: „Этого измѣнника (т. е. Далъ-Табана) надо казнить, на что я далъ уже фетву: послѣ его отставки и казни на татаръ, безъ сомнѣнія, найдетъ страхъ, и они разсѣются. Если же ты на его мѣсто опредѣлилъ бы второго везиря огненнаго Хасанъ-пашу, то вѣдь причиненныя имъ твоему отцу досада и непріятность извѣстны: въ отношеніи государства это двуличный человѣкъ.... Въ теперешнихъ обстоятельствахъ я поручусь во всѣхъ отношеніяхъ за реису-ль-кюттаба Рами Мухаммеда-эфенди: онъ умный, превосходный, честный слуга твой“... Вслѣдъ за симъ вышелъ хатти-шерифъ верховному везирю объ отставкѣ Девлетъ-Герая и назначеніи отца его Хаджи Селимъ-Герая. Бѣдный Далъ-Табанъ смекнулъ и узналъ, что должно разразиться надъ его головою. Онъ ужь отчаялся въ жизни. Онъ не зналъ, что татарское движеніе возрастетъ до такихъ размѣровъ: онъ думалъ, что цѣль его легко осуществится. Дѣлать нечего: собралъ въ свою квартиру аяновъ, далъ прочитать хатти-шерифъ и говоритъ: „Судя по ходу дѣлъ, поднятіе этого мятежа есть дѣло Крымскаго хана Девлетъ-Герая; нашъ державный эфенди просто выразилъ удивленіе—что вы на это скажете? Тѣ отвѣтили, что слѣдовало. Прочитана была молитва, и въ Крымъ былъ посланъ капыджи-баши Османъ-ага съ хатти-шерифомъ, чтобы представить въ Порту отставного хана, а Крымское ханство въ четвертый разъ пожаловано Хаджи Селимъ-Гераю, котораго и привезли изъ Ямболу въ Эдирнэ. На другой же день (по прибытіи) онъ лицеприкладствовался къ

ступенямъ высочайшаго трона при посредствѣ великаго везиря въ кіоскѣ Омара-эфенди, находящемся внутри собственнаго е. в. сада, что на берегу р. Тунджи. Его величество изволилъ сказать ему при этомъ: „Мнѣ извѣстна твоя честная служба во времена моего отца и дяди. Я знаю, что отъ тебя можно ожидать разсѣянія этого мятежа и наказанія тѣхъ, кто попадется въ руки...“ Затѣмъ, послѣ извѣстныхъ церемоній, ханъ отправился въ свои владѣнія, а въ Портѣ послѣдовали новыя назначенія, начиная со смѣны верховнаго везиря [1]).

Въ такомъ видѣ представляетъ Фундуклулу первую половину событія и, надо признаться, весьма правдоподобно освѣщаетъ внутренній смыслъ подробностей описываемаго факта, хотя, къ сожалѣнію, отсутствіе у него хронологическихъ обозначеній не даетъ возможности провѣрить частностей, которыя мы находимъ у другихъ историковъ. Въ главныхъ же чертахъ всѣ показанія ихъ сходятся между собою. Что касается времени назначенія Селимъ-Герая въ четвертый и послѣдній разъ на ханство, то Сейидъ-Мухаммедъ-Риза относитъ его назначеніе къ мѣсяцу шаъбану 1114 = къ декабрю 1702 г. [2]). Рашидъ и Мухаммедъ-Герай частнѣе говорятъ, что нареченіе его состоялось въ торжественной аудіенціи султанской 6-го шаъбана 1114 г. = 26 дек. 1702 [3]), и только въ Краткой Исторіи сказано, что Селимъ Герай назначенъ въ 1115 = въ 1703 году [4]).

Огрѣшеніе Девлетъ-Герай-хана ускорено было тѣмъ, что онъ, раздосадованный невниманіемъ Порты къ его представленіямъ, началъ распространять въ своемъ народѣ молву, что сановники Высокой Порты оказываютъ помощь врагамъ вѣры, а къ народу татарскому выказываютъ ненависть и презрѣніе, и этимъ конечно произвелъ броженіе въ безъ того

---

[1]) Фундуклулу, IV: 153 v.—156 r. [2]) Семь планетъ, 289. [3]) Рашидъ, I: 270 v.; Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 115 v. [4]) Кр. Ист., 105 v.

тревожныхъ головахъ подвластнаго ему населенія. Это броженіе было усилено появленіемъ тогда же посла отъ козаковъ буткальскихъ и барабашскихъ, который наговорилъ татарамъ, что конечная цѣль московскаго часаря—завоевать Крымъ и обратить ихъ, козаковъ, въ свою райю, и предлагалъ татарамъ союзъ для совмѣстнаго противодѣйствія русскимъ въ предстоящее лѣто [1]).

Сообщая объ этомъ козацкомъ посольствѣ, не упоминаемомъ, впрочемъ, въ другихъ турецкихъ источникахъ, Сейидъ-Мухаммедъ-Риза присовокупляетъ, что будто-бы тогда же изъ султанской казны было отправлено 5300 мѣшковъ денегъ на возведеніе крѣпости на подходящемъ мѣстѣ и вооруженіе ея, для чего и былъ посланъ туда архитекторъ Мустафа-ага. И о посольствѣ козацкомъ въ Крымъ, и о постройкѣ крѣпости говорится безъ означенія времени. У Рашида-эфенди тоже упоминается о постройкѣ крѣпости за счотъ Порты, именно Новой-крѣпости—قلعهٔ جديد—, т. е. Ени-Калэ; строителемъ ея названъ тутъ также Мустафа-ага, подъ 1114=1702—1703 годомъ [2]). Оба историка вторично говорятъ еще обстоятельнѣе объ этомъ сооруженіи подъ 1115 годомъ, при чемъ первый описываетъ внѣшнія обстоятельства закладки крѣпости и большое угощенье татаръ по этому случаю [3]), второй же замѣчаетъ, что крѣпость еще прежде начата постройкою, да не была окончена, и теперь, въ 1115 году, изданъ ферманъ съ подтвержденіемъ о скорѣйшемъ ея сооруженіи [4]). Фундуклулу тоже упоминаетъ о постройкѣ Новой-крѣпости—قلعهٔ جديد—въ трехъ часахъ разстоянія отъ Керчи, насупротивъ мыса Чучка=چوجقه بورنى—, чтобы, говоритъ онъ, загородить кораблямъ непріятеля выходъ въ Чорное море, въ случаѣ нарушенія имъ мира. Но ни о

---

[1]) Семь планетъ, 286—287. [2]) Рашидъ, I: 266 r. [3]) Семь планетъ, 293. [4]) Рашидъ, II: 25 v.

какихъ тутъ представленіяхъ или заявленіяхъ козацкаго посла по этому предмету не говорится [1]).

Фактъ сооруженія крѣпости Ени-Калэ свидѣтельствуетъ о томъ, что Порта всущности сознавала несомнѣнную опасность со стороны русскихъ, несмотря на заключенное съ ними перемиріе, и слѣдовательно вѣрила донесеніямъ Девлетъ-Герая о русскихъ предпріятіяхъ, угрожавшихъ прежде всего и ближе всего Крыму; но офиціально она дѣлала видъ, что не вѣритъ, дабы не дать татарамъ повода къ возобновленію ихъ набѣговъ на русскія владѣнія, такъ какъ на ней теперь лежала обязанность удерживать ихъ отъ этихъ набѣговъ. Поэтому-то командированный въ ребіъу-ль-эввелѣ 1114 — въ августѣ-сентябрѣ 1702 г. для разслѣдованія дѣлъ на мѣстѣ Юсуфъ-ага и донесъ Портѣ, что всѣ страхи хана есть смѣшныя выдумки его воображенія, для приданія большей вѣроятности которымъ онъ старается поднять опять мятежъ среди татарскаго народа, съ каковою цѣлью и послалъ калгу своего Сеъадетъ-Герая въ Буджакъ [2]). Что же было дѣлать съ ханомъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ не смѣнить его?! Его и смѣнили, хотя этимъ и не достигли желаемаго успокоенія края, а, напротивъ, дали поводъ къ новому возмущенію татаръ и ногайцевъ, произведенному теперь самимъ Девлетъ-Гераемъ, не хотѣвшимъ покориться рѣшенію Высокой Порты. Вообще съ этого времени волненія ногайцевъ сдѣлались хроническимъ явленіемъ въ жизни этого бродячаго населенія, повторявшимся вплоть до послѣдней эмиграціи ихъ въ Турцію послѣ присоединенія Крыма къ Россіи.

„Еще прежде", говоритъ Фундуклулу, „отрѣшенный ханъ, отославъ въ Порту съ татарскими аянами свои донесенія, въ то же время брата своего калгу Сеъадетъ-Герай-султана

[1]) Фундуклулу, IV: 162 г. [2]) Семь планетъ, 287.

отправилъ въ Буджакъ съ 5000 мятежныхъ татаръ и войска крымскаго и съ ногайскими мурзами, раньше сосланными въ Крымъ: выставляя на видъ московскія злодѣйства, онъ замышлялъ досадить падишаху. Пройдя Оръ-капу и переправившись черезъ Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ, онъ (калга) вошелъ въ Буджакъ и распустилъ по всѣмъ направленіямъ вѣсть о набѣгѣ на московскіе предѣлы. Постепенно около него собралась разная сволочь, а кто не повиновался ему, тѣхъ онъ насильно, ударами сабли, приводилъ къ послушанію. Со всѣхъ буджакскихъ татаръ взялъ обязательство попрежнему зависѣть отъ него, а Портѣ впредь не подчиняться и не повиноваться, не быть слугами османамъ. Мятежники разорили 12 деревень исмаильскаго и килійскаго округовъ, жителей полонили, имущество разграбили, даже и мусульманъ не пощадили—ограбили, нѣсколькихъ жонъ ихъ позахватили и несовершеннолѣтнихъ дѣвочекъ обезчестили. Ногаи и буджакскіе татаре, соединившись съ мятежными татарами, составили армію болѣе чѣмъ во сто тысячь человѣкъ и согласились, что если на ихъ просьбу не послѣдуетъ согласія, то они пошлютъ извѣстіе отставленному хану, чтобы онъ въ три дня поспѣшилъ въ Буджакъ; перейдутъ всею массою Дунай, какъ только онъ замерзнетъ, и вплоть до самаго Стамбула разгромятъ, сожгутъ и разорятъ всю Румилію; мужчинъ перебьютъ, а женщинъ и дѣтей возьмутъ въ плѣнъ. Съ этой цѣлью принялись они заготовлять провизію и собирать сильныхъ лошадей. Когда жоны спрашивали мужей своихъ: „Куда вы идете?", тѣ отвѣчали: „На Стамбулъ дѣлать набѣгъ; приведемъ вамъ тонкихъ таліей, высокихъ ростомъ, съ пышными рукавами, съ выкрашенными хною пальцами османскихъ дѣвушекъ". Узнавъ, что у отставного хана и находившихся при немъ татарскихъ эмировъ мало было войска, ему послали письмо съ приглашеніемъ какъ можно скорѣе спѣшить въ Буджакъ. Ханъ же, какъ только услышалъ о своей отставкѣ, тотчасъ съ 500 че-

ловѣкъ своей свиты двинулся изъ Крыма къ Оръ-капу, сзывая и собирая туда же весь единомышленный съ нимъ крымскій людъ, съ тѣмъ чтобы идти въ Буджакъ на соединеніе съ ногайцами. Тѣхъ же, которые не хотѣли идти, онъ приказывалъ казнить передъ дверями своей ставки. Кафскій муфти послалъ крымцамъ фетву такого содержанія: „Тѣ, кто сядутъ на коня и послѣдуютъ за отставнымъ ханомъ, пристанутъ къ затѣянному имъ мятежу, станутъ его единомышленниками, по закону сами гяуры, а жоны ихъ свободны, и подлежатъ они умерщвленію". А они на это категорически отвѣчали: „Мы мусульмане, и гяурами стать не желаемъ. Нашъ союзъ съ нимъ (ханомъ) не для разоренія странъ, грабежа имущества и поднятія мятежа и волненій. Мы въ этомъ отношеніи не предатели". И изъ Крыма ни одинъ человѣкъ не присоединился къ отставному хану. Въ отчаяніи онъ хотѣлъ составить войско изъ ямапъ-садаковъ; но когда и они дали такой же отвѣть, то онъ въ недоумѣніи остался съ своею свитою въ Оръ-капу. Тогда онъ началъ говорить, что всѣ прежнія его донесенія въ Порту были поддѣльныя; что у него въ головѣ были совсѣмъ другіе замыслы; что волненіе и мятежъ были только средствомъ сформировать войско и привлечь его вѣрность; что со стороны великаго везиря, замышлявшаго московскую кампанію, было выражено согласіе. „Этотъ наборъ мятежныхъ полчищъ, соединившихся тутъ, произошолъ не по моей только мысли: у меня были инструкціи изъ Высокой Порты"—вотъ что онъ говорилъ. Эти ужасныя вѣсти дошли до Порты и повергли падишаха въ страхъ и трепетъ. Онъ велѣлъ позвать верховнаго везиря и сказалъ ему: „Ты это затѣялъ, ты и уничтожь, а не то я тебя казню!" Тогда-то бѣдный дурень, болванъ—جاهل احمق دردمند—Далъ-Табанъ созвалъ къ себѣ сановниковъ и устроилъ совѣщаніе насчотъ этого. Очаковскій беглеръ-бей везирь черкесъ Юсуфъ-паша назначенъ былъ сераскеромъ съ приказаніемъ

оберегать г. Исмаилъ по ту сторону Дуная; а для того чтобы не дать татарскимъ полчищамъ переправиться черезъ Дунай, все способное носить оружіе населеніе очаковскаго и румилійскаго губернаторствъ должно было охранять дунайскіе берега [1]).

Въ самомъ дѣлѣ: поднятое Девлетъ-Гераемъ волненіе такъ перепугало стамбульцевъ, что для подавленія мятежа были приняты самыя энергическія мѣры и собраны огромныя военныя силы. Мятежники были разбиты. Къ отставному хану былъ посланъ привести его одинъ капыджи-баши. Но ханъ, взявъ у него изъ рукъ хатти-шерифъ, велѣлъ его раздѣть и нагишомъ отправилъ въ путь-дорогу. Онъ и принесъ извѣстіе, что татаре единогласно стоятъ на своемъ: „Мы довольны своимъ ханомъ; кто бы ни пришолъ на ханство, всякаго убьемъ; даже если бы пришолъ отецъ мой (тутъ ужь рѣчь отъ лица Девлетъ-Герая), и того убью безпощадно“—такъ они и заявили [2]).

Но, къ счастію, зима въ тотъ годъ была мягкая; Дунай не замерзъ, и планы татаръ не осуществились. Многочисленныя османскія войска оцѣпили ихъ; притомъ же извѣстіе объ огрѣшеніи хана и калги и о казни великаго везиря навело на нихъ панику, и они принесли повинную, раскаяваясь въ совершонныхъ ими безпорядкахъ. Когда новый ханъ, калга и нур-эд-динъ съѣхались съ Юсуфъ-пашою въ Исмаилѣ, то крымскимъ, ногайскимъ и буджакскимъ татарскимъ эмирамъ были посланы письма, приглашавшія ихъ къ повиновенію падишаху. Всѣ племена татарскія пришли, говоря: „Мы слуги хана, пока онъ не умретъ. Сперва у насъ не было мятежничества: мы къ этому были вынуждены. Боже сохрани, чтобы мы подняли мечъ на своихъ братьевъ-мусульманъ!“ Они пали въ ноги и просили прощенія; а особливо буджаковцы, тѣ говорили: „Мы бы давно пришли (съ повин-

[1]) Фундуклулу, IV: 156 г.—157 г. [2]) Фундуклулу, IV: 157 г.

нею), да калга-султанъ осадилъ насъ, поставивъ надъ каждымъ десяткомъ по одному притѣснителю-начальнику. Кто не слушался этого окаяннаго, у тѣхъ грабили имущество и пожитки, женъ и семью оскорбляли и безчестили, а попадавшихся въ руки убивали—вотъ что и было причиною замедленія". Послѣ того отставной ханъ и, по его внушенію, поднявшій волненіе и посланный съ крымскимъ войскомъ въ Буджакъ братъ его калга-султанъ пришли въ страшную досаду и приводили въ остолбенѣніе и отчаяніе находившихся при нихъ злодѣевъ, говоря имъ: „Все, чего мы ни просили отъ Порты, вышло какъ разъ наоборотъ; отнынѣ наше дѣло кончено!" До сего времени онъ писалъ отцу своему неприличныя и преисполненныя всякой дерзости слова. Ему же отвѣчали, стараясь склонить къ раскаянію и обѣщая прощеніе, такъ что собравшіеся около окаяннаго калги Сеъадеть-Герая ногайцы и буджакскіе татаре всѣ отстали отъ него. Прежде всѣхъ примкнувшіе къ нему изъ ногаевъ Уракъ-оглу и Азаматъ-оглу изъявили повиновеніе новому хану, а потомъ и прочіе отвернулись отъ Девлетъ-Герая и принесли повинную. Онъ же съ нѣсколькими приверженными къ нему мятежниками-татарами, подковавъ лошадей и запасшись сухарями, бѣжалъ въ козачину. Но, не встрѣтивъ тамъ довѣрія къ себѣ, опять вернулся и съ человѣками десятью удалился къ черкесамъ. За нимъ былъ посланъ въ преслѣдованіе нурэд-динъ Капланъ-Герай съ 1000 человѣкъ бендерскаго войска, да, услышавъ о его бѣгствѣ къ черкесамъ, бросилъ преслѣдовать. Когда пришло извѣстіе, что и Девлетъ-Герай туда же бѣжалъ въ сопровожденіи 50 человѣкъ, то новый ханъ спокойно двинулся изъ Исмаила въ Бакчэ-Сарай и потомъ доносилъ оттуда высочайшему Стремени, что онъ восшолъ на престолъ; что татарскіе эмиры и вообще жители страны присягнули ему, и что, слава Богу, этотъ большой мятежъ легко подавленъ. „Я узналъ", пишетъ онъ въ заключеніе, „что Далъ-Табанъ помогалъ и потакалъ татарамъ и былъ заодно съ ихъ

начальниками; онъ намѣревался открыть московскій походъ и такимъ образомъ отважиться на нѣкоторыя мерзости. Его отставка и казнь никого не повергли въ удивленіе. Если бы онъ не былъ вскорѣ казненъ, то произошла бы громаднѣйшая смута"[1]). Точно то же самое было доложено султану и капычи-баши Вели-агою, который былъ командированъ на помощь Юсуфъ-пашѣ[2]).

Что мятежные татаре и ногаи не даромъ хвастались добраться до Стамбула, это явствуетъ изъ громадности военныхъ силъ, которыя сочло нужнымъ выставить противъ нихъ отоманское правительство. Снаряженія были настолько крупны, что стамбульцы изумлялись и говорили: „Неужели эти приготовленія идутъ ради татаръ? Должно быть, надо сражаться съ московами".—Вообще въ столицѣ ходили разнородные и странные толки: такой, какому подобнаго еще не случалось прежде, татарскій мятежъ причинилъ ужасный переполохъ Высокой Державѣ", говоритъ османскій историкъ[3]). Точно также въ числѣ неблаговидныхъ поступковъ Далъ-Табана, приведшихъ его наконецъ къ погибели, ему было поставлено въ вину то, по словамъ историка, что въ то время какъ со стороны султана употреблялись всѣ усилія къ прекращенію татарскаго мятежа, онъ относился къ дѣлу очень спокойно и небрежно. Когда же для изслѣдованія дѣла были секретно посланы чокдари, то изъ ихъ донесеній оказалось, что великій везирь самъ возбудилъ этотъ мятежъ, чтобы, сдѣлавшись главнокомандующимъ надъ татарами и отдалившись отъ правительственнаго центра, отмстить тѣмъ, которые досаждали ему своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла и преобладаніемъ надъ нимъ. И въ самомъ дѣлѣ: Девлетъ-Герай-ханъ и Сеъадетъ-Герай-султанъ, склоняя народъ слѣдовать за собою, говорили: „Верховный везирь съ нами заодно, про-

---

[1]) Фундуклулу, IV: 158 г.—159 г. [2]) Ibid., 160 г. & v. [3]) Рашидъ, I: 271 г.

тивъ насъ никто не пойдетъ"[1]). Между тѣмъ новый верховный везирь Рами Мухаммедъ-паша со всею энергіею взялся за дѣло усмиренія волненія. Ему много помогъ кафскій муфти Абу-с-Суъудъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ и вліяніемъ въ Крыму. Онъ написалъ трактатъ—رسالة— о незаконности дѣйствій хана и разослалъ его крымскимъ улема, которые сперва были на сторонѣ хана, а теперь, убѣдившись въ истинѣ разсужденій муфти, отшатнулись отъ него и въ такомъ же духѣ воздѣйствовали на другихъ приверженцевъ хана[2]).

Въ то же время Юсуфъ-паша пошолъ противъ ногаевъ съ 50,000 войска, которое было расположено среди нихъ на зимовку, и употребилъ такія крутыя и жестокія мѣры для подавленія ихъ мятежа, что, по замѣчанію историка, „если бы эти жестокости и насилія увидѣлъ Хадджаджъ, то и онъ бы сжалился"[3]). Юсуфъ-паша обложилъ ногайцевъ огромною контрибуціею, такъ что у богатыхъ людей, владѣвшихъ прежде цѣлыми табунами скота въ тысячу головъ, не осталось теперь и по одной лошади, на чемъ бы выѣхать; а захваченнымъ у нихъ женамъ и дѣтямъ и счоту не было[4]). Относительно же вещей, награбленныхъ буджакскими мятежниками у жителей въ окрестностяхъ Томар-овы, Исмаила и Киліи, состоялось распоряженіе возвращать эти вещи ихъ хозяевамъ по представленіи доказательствъ, въ присутствіи баба-дагскаго муфти и исмаильскаго, килійскаго и аккерманскаго кадіевъ, для содѣйствія которымъ были назначены особые мубаширы со стороны Селимъ-Герай-хана[5]).

---

[1]) Рашидъ, I: 272 r. [2]) Ibidem, 272 v. [3]) Хадджаджъ былъ знаменитый правитель Ирака во времена умейядскаго халифа Абду-ль-Мелика и прославился необыкновенною жестокостью, проявленною имъ при водвореніи порядка во ввѣренной его управленію области (Dozy, Histoire des musulmans d'Espagne. Leyde. 1861. I: 200 и д.; Кюнгу-ль-ахбаръ. Печатн. изд. Кн. IV, стр. 73—78. [4]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 118 v.—119 r. [5]) Рашидъ, I: 272 v.

Что касается до Девлетъ-Герая, то при немъ не осталось никого, кромѣ 30 или 40 приверженцевъ, съ которыми онъ, не отваживпись вернуться въ Крымъ, прямо устремился въ сторону Ени-Калэ и, переправившись на Таманскій полуостровъ, ушолъ къ черкесамъ [1]). За нимъ вдогонку былъ посланъ нур-эд-динъ Капланъ-Герай съ письмомъ, убѣждавшимъ его добровольно вернуться въ Румилію. Капланъ, дойдя до самой таманской переправы, не настигъ Девлетъ-Герая, уже успѣвшаго бѣжать въ Кабарду [2]). Чрезъ нѣсколько времени для возвращенія его былъ командированъ калга Гази-Герай съ цѣлымъ военнымъ отрядомъ въ мухаррем 1115 = въ маѣ-іюнѣ 1703 г. [3]), но благоразумный Девлетъ-Герай не довелъ дѣла до открытаго столкновенія, потому что, вѣроятно, не хотѣлъ подвергать непріятностямъ давшихъ ему у себя пріютъ черкесамъ, и написалъ къ отцу просьбу о помилованіи, которая милостиво была принята имъ. Девлетъ-Герай пріѣхалъ моремъ въ Балаклаву, оттуда прибылъ въ Ферахъ-Керманъ, гдѣ получилъ въ спутники Салихъ-агу для дальнѣйшаго слѣдованія по назначенію. Въ рамазанѣ того же года = въ январѣ 1704 онъ былъ водворенъ на островѣ Родосѣ [4]). Прежній калга Сеъадетъ-Герай и нур-эд-динъ Инайетъ-Герай тоже смирились и получили разрѣшеніе спокойно проживать въ обычномъ пристанищѣ изгоевъ-Гераевъ въ окрестностяхъ Ямболу [5]).

Сестренцевичъ-Богушъ всю исторію смѣны Девлетъ-Герая представляетъ нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. „Императоръ Мустафа", говоритъ онъ, „не извѣстно по какому неудовольствію, приказалъ его свергнуть... Но Девлетъ не повиновался... Его настигли въ Черкесіи, побѣдили и привезли въ Крымъ *для исполненія смертнаго приговора*. Но Всевышній Создатель всего для усовершенствованія прекраснѣйшаго сво-

[1]) Рашидъ, I: 272 v.; Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 118 v. [2]) Семь планетъ, 290—291. [3]) Ibidem, 293. [4]) Ibid., 294—295. [5]) Ibid., 295.

ія, возхотѣлъ чтобы великій человѣкъ былъ всег-ителенъ. Селимъ увидѣлъ своего сына, пролилъ сле-льскія, заключилъ его въ свои объятія и насладил-емъ, неизвѣстнымъ прочимъ отцамъ, даровавъ ему жизнь" [1]). Вся эта небылица, выдуманная истори-етистомъ, какъ матеріалъ для высоконазидательныхъ леній, опровергается уже тѣмъ, что не было нали-юго ужаснаго преступленія Девлетъ-Герая, за которое о бы казнить его смертью. Если же онъ не повиновал-редписанію объ отставкѣ, то, вѣдь, и смѣщонъ-то онъ, какъ говоритъ самъ же Богушъ, „не извѣстно по ка-у неудовольствію". Селимъ-Герай не былъ охотникъ до вавыхъ расправъ: „онъ въ свое время не захотѣлъ", по сло-мъ историковъ, „пачкать своихъ благочестивыхъ рукъ да-с кровью такого отъявленнаго бунтовщика, каковъ былъ иринскій миръ-лива Онъ-Тимуръ, столько надѣлавшій зла и вполнѣ заслуживавшій быть вычеркнутымъ со страницъ бытія" [2]), а тутъ не представлялось даже и крайней нужды въ кровопролитіи. Родственное чувство, старчески-спокойное отношеніе къ совершающимся треволненіямъ, противообыч-ность подвергать смертной казни царевичей по формально-му приговору и, главное, добродушно-снисходительный нравъ Эльхаджъ Селимъ-Герая—все это служитъ достаточнымъ ру-чательствомъ въ томъ, что по отношенію къ Девлетъ-Гераю не было даже и рѣчи о преданіи его смертной казни.

Возвращеніе Эльхаджъ Селимъ-Герай-хана въ Крымъ было чисто народнымъ праздникомъ: его всюду встрѣчали радостныя толпы жителей: кто дѣлалъ по этому случаю жерт-венныя закланія; кто отпускалъ на волю рабовъ [3]). Четвер-

[1]) Исторія о Тавріи, II: 336—337. [2]) Семь планетъ, 261. [3]) Въ ка-ды-эскерскомъ дефтерѣ симферопольскаго губернскаго архива подъ № 29 занесенъ даже процессъ, въ которомъ одинъ рабъ вчинилъ искъ противъ нѣ-коего Абду-р-Рахмана, сына умершаго Мурза-бекъ-аги, требуя своего осво-божденія, обѣщаннаго рабу его покойнымъ господиномъ подъ условіемъ,

Что касается до Девлетъ-Герая, то при немъ не осталось никого, кромѣ 30 или 40 приверженцевъ, съ которыми онъ, не отваживпись вернуться въ Крымъ, прямо устремился въ сторону Ени-Калэ и, переправившись на Таманскій полуостровъ, ушолъ къ черкесамъ [1]. За нимъ вдогонку былъ посланъ нур-эд-динъ Капланъ-Герай съ письмомъ, убѣждавшимъ его добровольно вернуться въ Румилію. Капланъ, дойдя до самой таманской переправы, не настигъ Девлетъ-Герая, уже успѣвшаго бѣжать въ Кабарду [2]. Чрезъ нѣсколько времени для возвращенія его былъ командированъ калга Гази-Герай съ цѣлымъ военнымъ отрядомъ въ мухарремѣ 1115 = въ маѣ-іюнѣ 1703 г. [3], но благоразумный Девлетъ-Герай не довелъ дѣла до открытаго столкновенія, потому что, вѣроятно, не хотѣлъ подвергать непріятностямъ давшихъ ему у себя пріютъ черкесамъ, и написалъ къ отцу просьбу о помилованіи, которая милостиво была принята имъ. Девлетъ-Герай пріѣхалъ моремъ въ Балаклаву, оттуда прибылъ въ Ферахъ-Керманъ, гдѣ получилъ въ спутники Салихъ-агу для дальнѣйшаго слѣдованія по назначенію. Въ рамазанѣ того же года — въ январѣ 1704 онъ былъ водворенъ на островѣ Родосѣ [4]. Прежній калга Сеъадетъ-Герай и нур-эд-динъ Инайетъ-Герай тоже смирились и получили разрѣшеніе спокойно проживать въ обычномъ пристанищѣ изгоевъ-Гераевъ въ окрестностяхъ Ямболу [5].

Сестренцевичъ-Богушъ всю исторію смѣны Девлетъ-Герая представляетъ нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. „Императоръ Мустафа“, говоритъ онъ, „не извѣстно по какому неудовольствію, приказалъ его свергнуть... Но Девлетъ не повиновался... Его настигли въ Черкесіи, побѣдили и привезли въ Крымъ *для исполненія смертнаго приговора*. Но Всевышній Создатель всего для усовершенствованія прекраснѣйшаго сво-

---

[1]) Рашидъ, I: 272 v.; Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 118 v. [2]) Семь планетъ, 290—291. [3]) Ibidem, 293. [4]) Ibid., 294—295. [5]) Ibid., 295.

его творенія, возхотѣлъ чтобы великій человѣкъ былъ всегда чувствителенъ. Селимъ увидѣлъ своего сына, пролилъ слезы родительскія, заключилъ его въ свои объятія и насладился щастіемъ, неизвѣстнымъ прочимъ отцамъ, даровавъ ему вторично жизнь" [1]). Вся эта небылица, выдуманная историкомъ-піетистомъ, какъ матеріалъ для высоконазидательныхъ размышленій, опровергается уже тѣмъ, что не было налицо такого ужаснаго преступленія Девлетъ-Герая, за которое стоило бы казнить его смертью. Если же онъ не повиновался предписанію объ отставкѣ, то, вѣдь, и смѣщонъ-то онъ былъ, какъ говоритъ самъ же Богушъ, „не извѣстно по какому неудовольствію". Селимъ-Герай не былъ охотникъ до кровавыхъ расправъ: „онъ въ свое время не захотѣлъ", по словамъ историковъ, „пачкать своихъ благочестивыхъ рукъ даже кровью такого отъявленнаго бунтовщика, каковъ былъ ширинскій миръ-лива Ӧнъ-Тимуръ, столько надѣлавшій зла и вполнѣ заслуживавшій быть вычеркнутымъ со страницъ бытія" [2]), а тутъ не представлялось даже и крайней нужды въ кровопролитіи. Родственное чувство, старчески-спокойное отношеніе къ совершающимся треволненіямъ, противообычность подвергать смертной казни царевичей по формальному приговору и, главное, добродушно-снисходительный нравъ Эльхаджъ Селимъ-Герая—все это служитъ достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что по отношенію къ Девлетъ-Гераю не было даже и рѣчи о преданіи его смертной казни.

Возвращеніе Эльхаджъ Селимъ-Герай-хана въ Крымъ было чисто народнымъ праздникомъ: его всюду встрѣчали радостныя толпы жителей: кто дѣлалъ по этому случаю жертвенныя закланія; кто отпускалъ на волю рабовъ [3]). Четвер-

[1]) Исторія о Тавріи, II: 336—337. [2]) Семь планетъ, 261. [3]) Въ казы-эскерскомъ дефтерѣ симферопольскаго губернскаго архива подъ № 29 занесенъ даже процессъ, въ которомъ одинъ рабъ вчинилъ искъ противъ нѣкоего Абду-р-Рахмана, сына умершаго Мурза-бекъ-аги, требуя своего освобожденія, обѣщаннаго рабу его покойнымъ господиномъ подъ условіемъ,

таго зи-ль-каъдэ того же 1114=23 марта 1703 года онъ возсѣлъ на ханскій тронъ и тогда же произвелъ назначенія на главныя административныя должности въ ханствѣ—муфти, везиря и хазинэдаръ-баши. Муфти былъ сдѣланъ крымская знаменитость своего времени Абу-с-Суъудъ-эфенди, оказавшій столько услугъ государству своимъ вліяніемъ во время послѣднихъ смутъ. Въ признательность за эти услуги ханъ допустилъ для него одно нововведеніе въ своемъ придворномъ мѣстническомъ чиноположеніи: во время оффиціальныхъ собраній въ ханскомъ присутствіи новому муфти указано было занимать мѣсто тотчасъ послѣ султановъ чингизидскаго рода, тогда какъ до сихъ поръ оно принадлежало представителю рода мурзъ ширинскихъ, и это, при всемъ уваженіи къ личности Абу-с-Суъуда, не понравилось однако же крымцамъ [1]).

Всѣ упованія, возлагавшіяся Портою на Эльхаджъ Селимъ-Герая, на этотъ разъ не привели ни къ чему особенному. Несмотря на его прекрасныя личныя качества, на всеобщее къ нему расположеніе и довѣріе, на его мусульманское благочестіе и татарскій патріотизмъ, онъ уже былъ не всилахъ сдѣлать что-нибудь существенное для предотвращенія той роковой судьбы Крымскаго ханства, къ которой оно теперь невольно влеклось силою обстоятельствъ, сложившихся цѣлымъ ходомъ его предшествовавшей исторической жизни. Какъ разсудительный человѣкъ и умудренный опытомъ государственный дѣятель, Селимъ-Герай понималъ всю тщету усилій поддержать существованіе политическаго организма, какъ будто и созданнаго только для скорѣйшей своей погибели, а потому онъ никогда не домогался занимать ханскій тронъ въ Крыму и

если опять воцарится въ Крыму Эльхаджъ Селимъ-Герай-ханъ. Свидѣтели подтвердили заявленіе раба, и онъ получилъ свободу. Процессъ этотъ случился въ срединѣ мѣсяца шаъбана 1114=въ началѣ 1703 года, что какъ разъ совпадаетъ со временемъ четвертаго назначенія Селимъ-Герая ханомъ.

[1]) Семь планетъ, 291—292.

совершенно искренно отказывался отъ этой чести. Теперь къ этому благоразумному индеферентизму присоединилась у него еще физическая немощь, пришедшая со старостью лѣтъ и телѣсными недугами. Поэтому четвертое и послѣднее ханствованіе Селимъ-Герая было столь же кратковременно, сколь и бѣдно фактами исторической важности.

Внутреннія смятенія среди татаръ, предшествовавшія воцаренію Селимъ-Герая и болѣзненная индиферентность его самого весьма благопріятствовали стремленіямъ русскихъ усилить свои военныя средства на югѣ. Работы ихъ стали уже настолько дѣятельны, что даже и старикъ-ханъ обратилъ на нихъ вниманіе и послалъ донесеніе въ Порту [1]). А между тѣмъ раньше турки были завѣрены русскимъ посломъ въ томъ, что его правительство не предпринимаетъ никакихъ особенныхъ сооруженій въ Азовѣ. Турки также приняли за чистую монету его предложеніе купить имѣющіеся въ Азовѣ двѣнадцать кораблей, будто бы ненужныхъ Россіи, и отправили туда для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ капыджи-баши Шатыръ Мухаммедъ-агу, который, получивъ въ Бакчэ-Сараѣ отъ хана въ спутники двухъ агъ, отправился по назначенію. Они остановились въ предмѣстьѣ Азова. Но бояринъ, какъ называетъ турецкій историкъ коменданта крѣпости, должно быть, самъ не счолъ нужнымъ видѣться съ Мухаммедъ-агою, а послалъ отъ себя довѣреннаго спросить, что ему надобно. Мухаммедъ-ага заявилъ, что онъ прибылъ осмотрѣть корабли, которые русскій посолъ предложилъ купить турецкому правительству. Комендантскій довѣренный тогда сказалъ: „Вѣдь, это походило бы на то, какъ если бы сказать: „Дай-ка мнѣ саблю, что у тебя при бедрѣ --я тебя убью!" Онъ ни кораблей не показалъ, ни. даже по крѣпости не позволилъ пройдтись турецкимъ уполномоченнымъ, а немедленно велѣлъ имъ уѣзжать обратно. Мухаммедъ-ага, прибывъ

[1]) Фундуклулу, IV: 221 v.; Рашидъ, II: 30 v.—31 r.

въ Порту, доложилъ султану объ огромныхъ морскихъ сооруженіяхъ русскихъ на Дону у Азова. Султанъ перетревожился отъ этого извѣстія и послалъ къ московскому царю съ грамотою мутафаррика Ногайлы Мустафа-агу освѣдомиться о причинѣ такихъ враждебныхъ предпріятій съ его стороны послѣ заключенія мира [1]). Тѣмъ временемъ сдѣланы были кое-какія распоряженія по части приведенія турецкихъ границъ въ военное положеніе на случай серьознаго нападенія русскихъ [2]).

Ханъ же съ своей стороны только и сдѣлалъ, что обмѣнялся привѣтственными любезностями съ капуданомъ Черкесъ Османъ-пашою, когда тотъ останавливался въ Кафѣ проѣздомъ въ Ени-Калэ съ порученіемъ довершить постройку и вооруженіе этой вновь воздвигавшейся крѣпости. Это случилось уже въ концѣ мухаррема и началѣ сефера 1116 = въ началѣ іюня 1704 года. Турки, очевидно, теперь окончательно убѣдились въ опасности и потому спѣшили обезпечить себѣ господство надъ Керченскимъ проливомъ, построивъ крѣпость на мѣстѣ, называемомъ Чучка-Боазы и Акынды-Буруну, на что и были отпущены деньги [3]). Но приведеніе къ окончанію постройки все какъ-то затягивалось, ибо и въ самой Портѣ въ это время было неблагополучно: тамъ произошолъ бунтъ улема, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ сверженіе султана Мустафы II, послѣ котораго былъ возведенъ на тронъ Ахмедъ III (1703—1730). Окончаніе постройки Ени-Калэ поручено было уже потомъ Вели-пашѣ въ ребіъу-ль-эввелѣ 1118 г. = въ іюнѣ 1706 г. [4]). Въ промежутокъ же этого времени, а именно 24 шаъбана 1116 = 22 декабря 1704 года Эльхаджъ Селимъ-Герай, „подобравъ полы стези жизни, устремился въ парадисъ горняго эдема" семидесяти трехъ лѣтъ отъ роду [5]).

[1]) Фундуклулу, IV: 163 r. & v. [2]) Ibidem, 221 v.; Рашидъ, II: 32 v. & 33 r. [3]) Семь планетъ, 293. [4]) Семь планетъ, 307. [5]) Семь планетъ, 299; Гюльбуни-хананъ, 69—70.

Исчисляя добродѣтели Селимъ-Герай-хана, крымскій историкъ, между прочимъ, указываетъ на то, что по смерти его осталось наслѣдства въ имуществѣ и деньгахъ всего только на 20,000 гурушей, какъ это, говоритъ онъ, видно изъ наслѣдо-раздѣльнаго акта—دفتر قسامدن مشهود اولمشدر—[1]). Очевидно, историкъ хотѣлъ обратить вниманіе на ничтожество суммы богатства, скопленнаго Селимъ-Герай-ханомъ въ продолженіе своего четырекратнаго царствованія. Но въ казы-эскерскихъ дефтеряхъ сохранилась копія означеннаго въ высшей степени любопытнаго акта, представляющаго полную картину матеріальной обстановки Крымскихъ хановъ, и въ немъ итогъ всего состоянія Селимъ-Герай-хана равняется суммѣ 3.643.687 гурушей—جمعا يكون مبلغ ٣٦٤٣٦٨٧—.

Если изъ нихъ исключить сумму различныхъ долговъ, уплоченныхъ изъ наслѣдственнаго капитала, 1.343.233 гуруша, да 62,000 гурушей, израсходованныхъ на погребеніе хана, да разные другіе расходы, какъ, напримѣръ, на вознагражденіе жидовина-доктора ханскаго, на вознагражденіе сторожившихъ втеченіе сорока дней гробницу хана, на пожертвованіе въ монастыри, на покупку мяса для поминокъ и т. п., то все же остается еще весьма почтенная сумма, поступившая въ раздѣлъ между многочисленными наслѣдниками покойнаго, далеко превышающая ту, которая значится у крымскаго историка, будто бы основывающагося на подлинномъ офиціальномъ документѣ. Чтобы судить о размѣрѣ состоянія Селимъ-Герая, достаточно того, что одной только заморщины—رسم قسمت—причлось 80,000 гурушей [2]).

---

[1]) Гюльбуни-хананъ, 71. [2]) Авторъ изданнаго мною Сборника говоритъ, что установленіе пошлинъ за разные судебные процесcы и акты, въ томъ числѣ и за наслѣдо-раздѣльный актъ, введены у татаръ съ давнихъ временъ (Сборникъ, ٢٧.) Но это не совсѣмъ справедливо: едва ли это установленіе у крымскихъ татаръ не мѣстнаго, крымскаго происхожденія. Уже въ уставѣ для генуэзскихъ колоній, изданномъ въ Генуѣ

Былъ ли Селимъ-Герай-ханъ историкъ и поэтъ, какъ утверждаетъ Гаммеръ [1]), это доподлинно не извѣстно, но что онъ, по словамъ крымскаго историка, „питалъ расположеніе

въ 1449 г., есть намекъ на существованіе въ Кафѣ конфискаціи имѣнія лицъ, умершихъ безъ завѣщанія (Зап. Од Общ. Ист. и Др., V: 731 и 829, пр. 92), такъ что заумор щина могла быть заимствована татарами и отъ кафинцевъ. Но еще вѣрнѣе, что заумор щина введена въ Крыму османскими турками, учредившими этотъ налогъ въ принадлежавшихъ имъ въ Крыму мѣстностяхъ, и отъ нихъ уже заимствована въ число учрежденій Крымскаго ханства, въ концѣ XV вѣка. Это восовенности явствуетъ изъ офиціальныхъ памятниковъ сношеній Москвы съ Крымомъ Менглы-Герай I пишетъ великому князю Ивану III ярлыкъ, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что онъ входилъ въ нарочитую съ султаномъ Баязидомъ II переписку касательно того, чтобы «котораго (изъ русскихъ гостей) не станетъ, ино товару его... въ *заумор ки* не имати» (Сб. Ист. Общ., XLI: 221). Но и послѣ того великій князь Иванъ Васильевичъ жалуется султану и его сыну, сидѣвшему въ Кафѣ, что «въ Азовѣ и въ Кафѣ и въ иныхъ городахъ... которой человѣкъ (изъ русскихъ гостей) умретъ, и *заумор щики* товаръ его весь возьмутъ» (Ibidem, 235). Въ отвѣтъ на грамоту Ивана III султанъ Баязидъ подробно разъясняетъ смыслъ, примѣненіе и порядокъ законной охраны имущества умершихъ безъ завѣщанія или съ завѣщаніемъ. При этомъ обозначенъ даже и размѣръ пошлины, шедшей въ *заумор ки*: она равнялась половинѣ всего охраняемаго имущества (Ibidem, 245). Точно также и въ моемъ Сборникѣ сказано, что «половина всего наслѣдственнаго имущества идетъ въ доходъ судьи-раздѣльщика» (Loco citato). И въ самой Турціи-то введеніе судебныхъ пошлинъ приписывается именно вышеупомянутому султану Баязиду II, который, разгнѣвавшись на судей за беззаконное взяточничество, сперва будто бы велѣлъ ихъ собрать въ одно мѣсто и сжечь, но потомъ раздумалъ и отмѣнилъ эту мѣру, какъ цѣлесообразную, а установилъ въ пользу судей законный налогъ—رسم اقچەسين تعيين اندى-- въ размѣрѣ 20 акчэ съ тысячи (Auszüge aua Nesri's Geschichte des Osmanischen Hauses въ Z. D. M. G., XV: 353—355). Это учрежденіе было очень выгодно для корпораціи мусульманскихъ законовѣдовъ, и потому они скоро и охотно могли его принять въ число своихъ мѣстныхъ юридическихъ порядковъ. На заимствованіе османсихъ порядковъ въ законовѣдческій бытъ и практику крымскихъ улема и даже на возникновеніе изъ нихъ злоупотребленій есть указаніе и у историковъ крымскихъ (Семь планетъ, 155). Равнымъ образомъ, когда ногайцы просили принять ихъ въ турецкое подданство, то, какъ мы видѣли, однимъ изъ условій принятія ихъ было поставлено турецкимъ правительствомъ введеніе у нихъ въ дѣйствіе шаріата въ дѣлахъ наслѣдства—تحصيل اموال ايتام—взамѣнъ ихъ «поганаго обычнаго порядка, именуемаго тӧрэ»—توره تعبير اولور فعل قبحى—(Рашидъ, I: 256).

[1]) Gesch. d. Ch. der Krim, 185.

къ поэтамъ и ученымъ и, какъ во время царствованія, такъ и въ отставкѣ, любилъ бесѣдовать съ мужами науки"[1]), это подтверждается отчасти тѣмъ, что въ описи его имущества значатся также и книги по разнымъ отраслямъ знаній, и въ томъ числѣ какая то „Исторія Чингизидовъ"—تواريخ جنكزيان—.

Что же касается того обстоятельства, что послѣ Селимъ-Герай-хана властвованіе надъ Крымомъ ограничивалось его потомками, въ чемъ крымскій историкъ даже усматриваетъ особое избранничество Божіе, какъ бы благословеніе Божіе надъ добродѣтельнымъ ханомъ[2]), то оно обусловливалось просто-на-просто многочисленностью его потомковъ: у него осталось живыхъ десять сыновей да семь дочерей, значащихся въ спискѣ наслѣдниковъ его имущества. Но если отецъ по своимъ нравственнымъ качествамъ казался человѣкомъ достойнымъ благословенія свыше, то нельзя того же сказать про его сыновей и внуковъ, которые не унаслѣдовали лучшихъ чертъ характера Селимъ-Герая и вскорѣ вступили на прежній путь его худшихъ предшественниковъ—путь властолюбивыхъ происковъ, завистничества, жестокости и политической безтактности, и тѣмъ только ускорили конецъ самостоятельнаго существованія Крымскаго ханства.

Съ послѣднимъ царствованіемъ Селимъ-Герай-хана можно считать окончившимся еще одинъ періодъ въ исторіи Крымскаго ханства. Цѣлыхъ два столѣтія прошли въ жизни этого татарскаго государства совершенно даромъ: служа интересамъ суверенной Порты безъ видимой выгоды для своей собственной страны, вассальные Крымскіе ханы убивали всѣ силы своего народа на безпрерывныя войны въ политическихъ видахъ Турціи, сами довольствуясь лишь грабежной поживой во время военныхъ набѣговъ. То порываясь къ сепаратизму, то, напротивъ, уповая на твердость опоры въ единеніи съ Отоманской имперіей, крымскіе татаре не вы-

[1]) Гюльбуни-ханамъ, 70. [2]) Ibidem, 71.

работали прочныхъ устоевъ для самобытности своего государства, ничего не сдѣлавъ основательнаго ни во внутренней его организаціи, ни по части слiянія разныхъ составныхъ его національныхъ элементовъ, ни въ созданіи разумнаго и цѣлесообразнаго modus vivendi съ сосѣдними государствами. Недальновидность крымскихъ политиковъ порвала дружескую связь съ Россіею, завязанную умнымъ организаторомъ Крымскаго ханства Менглы-Гераемъ I, и послѣ, всегда вредныхъ въ международной политикѣ, колебаній склонила ихъ къ сближенію съ Польшею, дни которой также были сочтены въ исторіи. Когда въ концѣ XVII вѣка Россія, исподоволь собиравшаяся съ силами, разомъ развернула ихъ во всей своей грозности передъ турками и вмѣстѣ передъ татарами, то первые были ошеломлены этой грозностью, но ничего не предпринимали; вторые же, спохватившись, что-то хотѣли-было предпринять, но время уже было упущено. Ни крѣпостей, ни вооруженія у татаръ не было, а на заведеніе того и другого они не имѣли средствъ, ибо если и были кое-какіе внутренніе источники, какъ промышленность и торговля, то были въ рукахъ не-татарскаго населенія страны, которое весьма равнодушно относилось къ усиленію или упадку властительскаго могущества пришельцевъ-татаръ. Источникъ же обогащенія собственно татаръ путемъ набѣговъ теперь закрылся въ силу международныхъ обязательствъ, которыя вынуждена была взять на себя Отоманская Порта. Если она иногда и спускала татарскую орду на опустошеніе русскихъ окраинъ, то лишь въ исключительныхъ случаяхъ, во время войнъ, въ которыхъ она чувствовала свою несостоятельность бороться одной съ могучимъ противникомъ. Въ мирное же время она не дерзала, какъ бывало прежде, безнаказанно подстрекать татаръ безпокоить своихъ сосѣдей постоянными вторженіями въ ихъ предѣлы: теперь, напротивъ, задачею ея стало всячески обуздывать крымскихъ татаръ отъ ихъ воинственныхъ порывовъ въ виду отвѣтственности передъ европейскими го-

сударствами, съ которыми она принуждена была теперь серьозно считаться. А между тѣмъ это обузданіе безпорядочныхъ татарскихъ инстинктовъ, развивавшихся вслѣдствіе попустительства и даже поощренія со стороны самой же Порты, было теперь дѣломъ весьма затруднительнымъ.

Постоянная и притомъ безпричинная смѣна хановъ, изъ которыхъ иные были люди энергичные и популярные, отвадила татаръ отъ уваженія къ верховной власти и государственному порядку, а въ самихъ представителяхъ этой власти убила чувство личнаго достоинства и фамильной гордости. Положимъ, что понятіе о чести бываетъ различное въ разныя времена и у разныхъ народовъ; но татарскій же историкъ изъ рода Гераевъ говоритъ относительно Крымскихъ хановъ, что для нихъ „отставка была горше смерти"—بونلره عزل قتلدن اشد در—, а „ссылка равнялась смертной казни"—النفى كالقتل—[1]); но между тѣмъ лишь немногіе изъ нихъ отваживались отстаивать честь свою открытымъ сопротивленіемъ произволу стамбульскаго деспотизма, большею же частью они смиренно подчинялись этому произволу, не взирая на крайнюю безцеремонность формальностей, которыми сопровождалось сверженіе хановъ и отправка ихъ въ ссылку. Обыкновенно являлся въ Крымъ изъ Стамбула придворный чиновникъ средней руки, титулуемый капыджи-баши—„старшій вратарь", съ султанскимъ ферманомъ объ отставкѣ, тотчасъ же бралъ разжалованнаго хана съ собою, а тотъ безпрекословно отдавалъ себя въ его распоряженіе, садился на галеру и ѣхалъ туда, куда назначено было Портою. Но болѣе всего для насъ удивительно то, какимъ образомъ разъ уже испытавшіе горечь сверженія и даже ссылки Гераи потомъ вторично соглашались принимать ханскую власть, т. е. подвергать себя риску вновь испытать уже однажды перенесенное уничиженіе, если

[1]) Тарихи-Мухаммедъ-Герай, 69 г.

только отставка имъ была горше смерти. Диви бы еще такъ вели себя проходимцы, каковъ былъ Сафа-Герай I, тщетно домогавшійся вторичнаго назначенія на ханство, или скряга Мухаммедъ-Герай IV, для которыхъ ханствованіе было средствомъ къ наживѣ, источникомъ матеріальнаго благосостоянія, а то мы видимъ, что искушенію поддавались изъ нихъ люди солидные, каковъ былъ Эльхаджъ Селимъ-Герай, или сынъ его Девлетъ-Герай II, или сынъ этого послѣдняго Крымъ-Герай I (1758—1764 и 1768—1769), и др. Это, повидимому, не похоже на то, чтобы для нихъ „отставка была горше смерти".

Прежде всего надобно думать, что по понятію Гераевъ, какъ и вообще мусульманъ-азіатцевъ, цѣловать руку, которая бьетъ, особливо если эта рука сильнѣе тебя, не считалось, вѣроятно, нравственною низостью [1]). Частое же и близкое общеніе ихъ съ Портою еще болѣе растлѣвающе повліяло на нихъ въ этомъ отношеніи. Но все же, кромѣ безстыднаго любовластія, не обуздываемаго никакими высшими нравственными стремленіями и побужденіями, можно предполагать и другіе мотивы, заставлявшіе нѣкоторыхъ, болѣе порядочныхъ Крымскихъ хановъ жертвовать личнымъ самолюбіемъ требованіямъ высшаго, общественнаго значенія. Извѣстно, что Эльхаджъ Селимъ-Герай совершенно отказывался отъ ханской власти и весьма неохотно принималъ ее, когда ему ее навязывала Порта. Какъ честный и благоразумный человѣкъ, онъ тяготился своимъ ханскимъ положеніемъ, непрочность и необезпеченность котораго были ему очевидны. Вліятельность же его, благодаря его душевнымъ качествамъ, на мѣстное населеніе дѣлала его необходимымъ въ критическіе моменты для поддержанія порядка и спокойствія въ Крымѣ. Уступая этой необходимости принести хоть какую-нибудь пользу своей родной странѣ, Селимъ-Герай-ханъ былъ индиферентенъ собственно къ ханскому титулу

---

[1]) كسه مديكك الى اوپده باشكه قوى = «Цѣлуй и прикладывай къ головѣ своей руку, которой ты не можешь отрубить», говоритъ турецкая пословица.

и трону и потому не испытывалъ особеннаго огорченія и не чувствовалъ оскорбленія при своей отставкѣ. Болѣе же твердыя и энергичныя личности, въ родѣ Крымъ-Герая I, если и поступались своею личною честью, вторично принимая разъ отнятую у нихъ власть, то, вѣроятно, въ надеждѣ рано или поздно осуществить возникавшіе у нихъ въ головѣ политическіе планы и сугубо возвысить свое ханское достоинство не только въ глазахъ Порты, но и предъ лицомъ цѣлаго европейскаго міра, о чемъ, какъ извѣстно, мечталъ даже и ничтожный Шагинъ-Герай, съ именемъ котораго связанъ конецъ существованія Крымскаго ханства.

Къ этимъ неблагопріятнымъ для прочности династіи Гераевъ и самаго Крымскаго ханства условіямъ—истощенію матеріальныхъ средствъ и безтактному давленію со стороны Порты—присоединялась еще внутренняя рознь составныхъ элементовъ народонаселенія ханства. Нечего говорить про то, что населявшіе ханское побережье и нѣкоторыя центральныя мѣстности Крыма греки и армяне никакъ не могли войти въ плотное единеніе съ господствовавшею національностью татарскою, но даже въ этой послѣдней довольно рано проявилось антагоническое раздвоеніе между собственно осѣдлыми татарами полуострова и ногаями, кочевавшими на громадномъ пространствѣ отъ Кубани до Дуная и отчасти время отъ времени силою загоняемыми въ предѣлы полуострова Никакія правительственныя мѣры, предпринимавшіяся ханами, начиная въ Сахыбъ-Герая I, къ сліянію ногайскихъ племенъ въ одну народную массу съ татарскимъ населеніемъ Крыма не привели къ желаннымъ результатамъ и не достигли своей цѣли. Ни крутость расправы съ одними племенами ногайскими, ни поощрительная ласковость къ другимъ, какъ напр. къ родамъ Мансуръ и Седжеутъ, которые также были возвышены Сахыбъ-Гераемъ на одинъ уровень съ древнѣйшими и вліятельнѣйшими въ Крыму родами— Ширинъ, Барынъ, Аргынъ и Кыпчакъ, извѣстными подъ

[redacted]

общимъ именемъ *четырехъ карачей* — دورت قراجو —, непомогли упроченію престижа хановъ надъ всѣми племенами въ равной мѣрѣ и степени: ногаи сохранили свою особность до позднѣйшаго времени, и если никогда не въ силахъ были образовать совершенно самостоятельнаго въ политическомъ смыслѣ цѣлаго, хотя и стремились къ этому, то никогда вполнѣ и не сливали своихъ интересовъ съ интересами Крымскаго ханства, имѣвшаго своимъ центромъ Крымскій полуостровъ. Противоположное мнѣніе г. Хартахая по этому вопросу рѣшительно не оправдывается несомнѣнными историческими фактами. Въ своей статьѣ „Историческая судьба крымскихъ татаръ" онъ говоритъ: „Ногайцы никогда не были съ татарами во враждебныхъ отношеніяхъ и не вели междоусобій, а составляли одно цѣлое, раздѣленное географическимъ положеніемъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ примѣровъ сильныхъ враждебныхъ столкновеній. Татары и ногайцы совершали путь исторической жизни совершенно при однихъ и тѣхъ же условіяхъ" [1]). Надѣюсь, что изъ предыдущаго изложенія исторической судьбы этихъ народовъ достаточно ясно, сколько справедливости въ вышеприведенномъ мнѣніи г. Хартахая, такъ что едва ли нужно еще повторять фактическія доказательства, опровергающія его. Равнымъ образомъ не основательно и соображеніе г. Стаховича относительно недовѣрія татаръ къ образу дѣйствій русскихъ во время присоединенія Крыма къ Россіи, что будто бы это недовѣріе проистекало изъ того, что русскіе вопреки „издревле существовавшему между татарами понятію о нераздѣльности ихъ народа и единствѣ правителя стремились отдѣлить ногайцевъ отъ крымскихъ татаръ" [2]). Ногайцы, какъ и татаре, просто не хотѣли вступить въ подданство Россіи, но вовсе не потому они

[1]) Вѣстникъ Европы за 1866, т. II, стр. 197. [2]) Историческій обзоръ дѣятельности гр. Румянцева и его сотрудниковъ съ 1775 по 1780 годъ. Москва. 1858. I: 45.

противились ея стремленію подчинить ихъ своему господству, что страстно тяготѣли другъ къ другу наподобіе того, напримѣръ, какъ эльзазъ-лотарингцы тяготѣютъ къ французамъ.

Еще менѣе было опоры Крымскому ханству для сохраненія своей самостоятельности въ черкесахъ, также считавшихся подвластными Крымскимъ ханамъ. Въ дѣйствительности это подвластіе было призрачное. Сколько ханы ни предпринимали походовъ для приведенія черкесовъ въ свое подданство, но имъ все-таки не удалось этого сдѣлать окончательно. Вся зависимость черкесовъ заключалась въ доставленіи каждому вновь вступавшему на престолъ хану 300 полоняниковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ; другимъ внѣшнимъ знакомъ ихъ подчиненія было пребываніе въ ихъ землѣ одного изъ крымскихъ царевичей въ качествѣ главнокомандующаго. Въ чемъ заключалась дѣятельность этого послѣдняго, изъ историческихъ источниковъ доподлинно не извѣстно. Знаемъ только, что власть его опиралась тамъ на поддержку вліятельныхъ въ странѣ племенъ Бесленей и Жанэ. Для черкесовъ связь съ Крымомъ представляла лишь нѣкоторые интересы временнаго свойства, каковы, напримѣръ, торговыя сношенія. Черкесы, какъ извѣстно, были поставщиками живого товара на кафскомъ невольничьемъ рынкѣ. Но когда наступили обстоятельства, стѣснявшія дѣятельность этого рынка, то они порвали и эту нить, связывавшую черкесовъ съ Крымомъ. Съ другой стороны случалось иногда, что нѣкоторые черкесы, въ трудныя для нихъ времена, какъ, напримѣръ, при утѣсненіи ихъ калмыками, искали въ Крыму себѣ убѣжища, переселяясь туда цѣлыми племенами. Другія же черкесскія племена предпочитали полную свободу какимъ бы то ни было обязательнымъ отношеніямъ къ Крымскимъ ханамъ; они-то и были предметомъ постоянныхъ завоевательныхъ стремленій нѣкоторыхъ хановъ. Въ какой степени черкесы успѣли по мѣрѣ силъ своихъ сохранить свою независимость, это явствуетъ изъ того, что даже въ послѣдній мо-

ментъ существованія Крымскаго ханства, они были сами по себѣ, мало обнаруживая участія къ тому, что происходило на Таврическомъ полуостровѣ. Тщетно поэтому Шагинъ-Герай мечталъ одно время возсоздать съ помощью черкесовъ самостоятельную крымскую монархію. Не менѣе тщетно и Порта заявляла во всеуслышаніе, что, молъ, черкесы искони суть подданные Отоманской имперіи, а сама только-что принялась серьозно хлопотать объ основаніи своего господства надъ ними, прибѣгнувъ къ мѣрамъ, въ примѣненіи которыхъ для той же цѣли успѣла опередить ее Россія и такимъ образомъ подчинила своей власти народцы, которые всущности доселѣ не имѣли никакого опредѣленнаго политическаго пріуроченія.

Такимъ образомъ и раздоръ народностей, входившихъ въ составъ Крымскаго ханства, и нравственный характеръ членовъ господствовавшей въ немъ династіи, а болѣе всего опека, подъ которую взяла его при самомъ его образованіи Отоманская Порта—создали для него ложное, не бѣщавшее для него ничего прочнаго и благополучнаго въ будущемъ, положеніе, изъ котораго былъ только одинъ естественный выходъ—подпаденіе подъ власть Россіи. Осьмнадцатый вѣкъ сталъ для Турціи временемъ расплаты за всѣ ея тяжкія историческія прегрѣшенія передъ другими народами, а для ея вассальнаго Крымскаго ханства временемъ ближайшей подготовки къ сліянію дальнѣйшей своей судьбы съ судьбами Россіи, только совершенно на иныхъ основаніяхъ и въ иныхъ видахъ, нежели съ какими оно нѣкогда подпало подъ верховенство Отоманской Порты.

УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ именъ, личныхъ и географическихъ, и другихъ примѣчательныхъ словъ.

А.

Б.

В (V).

Д (D).

Е.

Ж (J).

З (Z).

И.

Л (L).

М.

Н (N).

О.

П (P).

Р (R).

С (S).

Т.

У (U).

Ц (Z).

Ч (Cz, Tch).

Ш.

Ѳ.

فهرست الألفاظ

ا

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Стран.	строка	
XI	15 сверху.	Турпію *опечаткавмѣсто* Турцію.
„ 7	— 13—26 —	Оставляя па отвѣтственности почтеннаго о. Чепурина достовѣрность сообщеннаго имъ факта о святой водѣ, привозимой крымскими татарами изъ Малой Азіи, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что не надо ли тутъ разумѣть такъ называемую *чекирiэ сую*—چكركه صوى =„Саранчовую воду", которую также получаютъ изъ какого-то колодца близъ Коніи. Крымскіе татаре вѣрятъ, что эта чудесная вода приводитъ съ собою стаи скворцовъ особой породы (такъ назыв. *розовыхъ*), умерщвляющихъ саранчу въ огромномъ количествѣ. Во всякомъ случаѣ самый фактъ не утрачиваетъ присвоеннаго ему значенія.
„ 13	— 9 —	Изнемидъ *правильнѣе*: Изникмидъ.
„ 14	— 12 —	Гельсинфорскаго *оп. вм.* Гельсинфоргскаго.
„ 32	— 21 —	*Читай*: до вторичнаго столкновенія.
„ 35	— 2 снизу.	Юрчевичемъ *оп. вм.* Юргевичемъ.
„ 55	— 11 сверху.	Отдаленные *оп. вм.* отдаленные.
„ —	— 12 —	Вина *оп. вм.* не вина.
„ 63	— 10 —	Удобопонятнымъ *оп. вм* неудобопонятнымъ.

„ 257	—	3 —	Ие *оп. вм.* не.
„ 264	строка	8 —	1412 *оп. вм.* 1402.
„ 303	—	8 сверху.	Сюргучъ *оп. вм.* соргуджъ.
„ 317	—	4 —	عرص *оп. вм.* عرض.
„ 320	—	2 —	*Вм.* Мюрэда IV (1623—1640) *читай:* Ибрагима I 1640—1648).
„ 322	,	примѣчаніе 1.	Слѣдуетъ констатировать, что Качи-Сарай дѣйствительно существовалъ, какъ показываютъ справки съ нѣкоторыми ханскими ярлыками (*См.* В.-Зернова, Матеріалы, № 47 и др.). Равнымъ образомъ встрѣчается упоминаніе и о деревнѣ Качи (*См.* Семь планетъ, 186). Слѣдовательно турецкій историкъ правъ въ своемъ географическомъ обозначеніи.
„ 345	строка	8 снизу.	XVI *оп. вм.* XVII.
„ 357	—	7 —	قائمقام *оп. вм.* قائممقام.
„ 401	—	10 —	Новородкѣ *оп. вм.* Новгородкѣ.
„ 441	—	9 —	*Вм.* Исламъ-Герая I *читай:* Исламъ-Герая II.
„ 447	—	7 сверху.	Цигалэ-задэ *оп. вм.* Чагалэ-задэ. Современные турки выговариваютъ это имя Чагылъ-задэ.
„ 465	—	5 —	Стрѣлокъ-оружейниковъ *оп. вм.* стрѣлковъ-оружейниковъ.
„ 484	—	15 —	Хабанбъ-эфенди *оп. вм.* Хабибъ-эфенди.
„ 527	—	6 —	Цигалэ-задэ-бей *оп. вм.* Чагалэ-задэ-бей.
„ 551	—	9 снизу	آستنانه *оп. вм.* آستانه.
„ 554	въ пагинаціи.		55 *оп. вм.* 554.
„ 586	—	4 снизу.	Ихъ въ судьбахъ *оп. вм.* въ ихъ судьбахъ.